

Е.А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

Архивные документы
и
материалы

Е.А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

**Архивные документы
и материалы:
1886–1920 гг.**

Издательство
Главархива Москвы
Москва 2006

**INDIANA UNIVERSITY
LIBRARIES
BLOOMINGTON**

Утверждено Редакционным советом
Главного архивного управления города Москвы
Председатель В.А. Маныкин

Составитель
М.М. Горинов, кандидат исторических наук

Рецензенты:
д.и.н. В.П. Булдаков, д.и.н. А.К. Соколов

Археограф
Н.А. Тесемникова

П 72 **Е.А. Преображенский: Архивные документы и материалы:
1886–1920 гг. / Сост. М.М. Горинов. – М.: Издательство Главархива
Москвы, 2006. – 728 с.: илл.
ISBN 5-7228-0136-4**

Книга посвящена жизни и деятельности несправедливо забытого революционера, партийного и советского работника, одного из теоретиков большевистской партии Е.А. Преображенского. Издание состоит из предисловия и трех частей. В него включены архивные документы и материалы автобиографического характера, газетные и журнальные публикации Преображенского, ряд его трудов.

Издание адресовано тем, кто хочет глубже понять историю русской революции, историю России первой трети XX в., всемирную историю этого периода.

ББК 63.3 (2) 5

ПРЕДИСЛОВИЕ

Евгений Алексеевич Преображенский относится к числу исторических деятелей, которым «не повезло». Незабываемый литературный образ таких, несправедливо обиженных благодарным человечеством, персонажей создал Лион Фейхтвангер в «Безобразной герцогине». Немало сыщется и подлинных, реальных персонажей в нашем недавнем прошлом. Лев Троцкий... В Гражданскую войну он возглавлял победоносную Красную армию, штыками которой практически из небытия была воссоздана в новом облике Великая Россия, но его имя до сих пор предают анафеме представители как «красного», так и «белого» сегментов российского политического спектра. Иосиф Сталин действительно «принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой», при нем наша страна достигла, пожалуй, наибольшего за всю свою историю влияния в мире, в буквальном смысле превратилась в надежду человечества, а его фигура вот уже полвека рисуется средствами массовой информации исключительно в черном цвете.

Но этих политиков хотя бы помнят. А Евгений Преображенский оказался полностью и несправедливо забытым. И сегодня у подавляющего большинства фамилия Преображенский ассоциируется исключительно с профессором Преображенским, персонажем булгаковского «Собачьего сердца».

Те же, кто знает, о ком идет речь, недоумевают: кому в эпоху «триумфа» либерализма в России нужна публикация трудов «теоретика троцкизма» (несмыслаемое клише, представленное на Е.А. Преображенском его политическими оппонентами).

Кто же такой Евгений Алексеевич Преображенский, и почему сегодня актуальны его труды?

Биография Е.А. Преображенского (1886–1937) не выглядит тусклой даже на фоне судеб самых ярких звезд большевизма. В период революции 1905–1907 гг. он участвует в Декабрьском вооруженном восстании в Москве, входит в руководящее ядро уральских большевиков, неоднократно подвергается арестам; после поражения революции уходит в подполье, арестовывается, отбывает тюремные сроки, бежит из ссылки. В 1917 г. участвует в ключевых революционных форумах в Москве и на Урале, включая I Всероссийский съезд Советов и VI съезд Российской коммунистической партии (большевиков). В 1918 г. возглавляет уральскую областную большевистскую организацию. В 1919 г. Е.А. Преображенский сражается за советскую власть на юге и востоке страны и одновременно пишет (в соавторстве с Н.И. Бухариным) знаменитую «Азбуку коммунизма», по которой не только граждане Советской России и СССР, но и остального мира (работа была переведена на все основные языки) знакомилась с коммунистической доктриной в первое десятилетие советской власти. В 1920 г. Преображенский избирается одним из трех секретарей ЦК РКП(б), т.е. оказывается на самой вершине большевистского политического олимпа. В первой половине 1920-х гг., входя в руководство левой («троцкистской») оппозиции, он пишет

ряд исследований, в которых предсказывает, вплоть до деталей и сроков, кризис нэповской экономики 1929 г. и намечает путь выхода из него (реально осуществившийся, хотя и в огрубленно-прямолинейном виде, на рельсах «сталинской индустриализации»). В те же годы публикует едва ли не единственную большевистскую работу, специально посвященную этической проблематике («О морали и классовых нормах»). В середине 1920-х гг. выпускает, пожалуй, самую фундаментальную в большевистском стане теоретическую работу, в которой дает новаторский анализ советской экономики и ее перспектив («Новая экономика»). В 1920–1930-е гг. разрабатывает «теорию падающей валюты» (так называется и книга, в которой он изображает модель функционирования рыночной экономики в условиях инфляции). В начале 1930-х гг. углубляет теоретический анализ цикла расширенного капиталистического воспроизводства, данный в «Капитале» К. Маркса. В 1937 г. Е.А. Преображенский – один из очень немногих, кто никого не предал под пытками в застенках НКВД.

Отвечая на первый вопрос – кто такой Е.А. Преображенский, – мы уже частично затронули и второй – зачем сегодня публиковать его труды? Их нужно издать хотя бы ради восстановления исторической справедливости.

Но это лишь одна сторона феномена «актуальности Преображенского». Другая грань – историко-познавательная. В лице Е.А. Преображенского перед нами предстает «идеальный большевик». Через его биографию и труды мы постигаем «людей особого склада, скроенных из особого материала» (выражение И.В. Сталина), которые, совершив Великую Октябрьскую социалистическую революцию, буквально «вздыбили» человечество, заставив его на протяжении 60 лет развиваться по новым, более справедливым законам. И сегодня, после исчезновения Советского Союза, всякий разумный человек видит, насколько бесчеловечнее стал мир в отсутствие этого «удерживающего» фактора. Преображенский – это и «идеальный большевик», и в его свободных от политической конъюнктуры трудах – большевистская революция «в химически чистом виде»: с ее достижениями и потерями, взлетами и падениями, правдой и ложью. И если вы хотите понять историю русской революции, а значит, и историю России первой трети XX в., а потому и всемирную историю этого периода, читайте Преображенского.

Но труды Е.А. Преображенского представляют не только академический интерес. Инфляционные процессы, когда и где бы они ни происходили – в «военно-коммунистической» или посткоммунистической России, в Веймарской республике или современной Аргентине, развиваются «по Преображенскому», т.е. по законам, открытым им в 1920-е гг. Руководство любой страны, ставящее перед собой цель вырвать ее из отсталости, добиться подлинного освобождения, и сегодня найдет рецепт этого рывка в «царство свободы» в трудах Е.А. Преображенского. И совсем не случайно перевод на испанский его «Новой экономики» вышел в 1960-е гг. на революционной Кубе. И как бы ни развенчивали сегодня наши доморожденные «либералы» плановую экономику, развитие современного сверхсложного мирового хозяйства тем не менее планируется. Непревзойденный же анализ механизмов обеспечения динамического равновесия хозяйственной системы мы находим у того же Е.А. Преображенского.

И последнее. Сегодня, в эпоху бесстыдного царствования культа «золотого тельца», всепроникающей (вот уж поистине «тоталитарной»!) пропаганды пошлости, низости и безнравственности, в нынешнее безблагодатное время предсказанного Джеком Лондоном триумфа всеокрушающей «железной пяты», уничтожающей в человеческой душе малейшие ростки духовности, тягу к идеальному, стремление к преображению земной жизни по лекалам небесной гармонии, обретаем мы – и в облике, и в трудах самого Евгения Алексеевича Преображенского, и в навек запечатленных им образах «старых большевиков», своей жертвенностью, бескорыстием, са-

моотречением напоминающих первых христиан, – надежду на высокое предназначение человека, веру в его лучшее будущее, любовь ко всем «униженным и оскорбленным».

«Попович»

Итак, Е.А. Преображенский¹ интересен для исследователя не только как персонаж начала XX в., но и как своего рода «идеальный тип» (а вернее, один из «подтипов») русского революционера.

Л. Хеймсон обоснованно выделяет три основных социальных источника формирования российской революционной интеллигенции: провинциальное служилое дворянство, «поповичей», нерусские (неправославные) национальные меньшинства. Причем, по его мнению, представители каждого из этих слоев наложили специфический отпечаток на облик той контрэллиты, которой суждено было в 1917 г. до основания потрясти здание российской государственности².

Евгений Преображенский – типичный «попович». Выходцы из этой среды (В.Г. Белинский, Н.А. Добролюбов, Н.Г. Чернышевский, Б.И. Николаевский и др.) привнесли в среду революционной интеллигенции, по мнению того же Хеймсона: 1) острое ощущение чувства долга по отношению к народу; 2) пристальное внимание к морально-правовым вопросам, вплоть до придания им квазирелигиозного качества (интенсивная разработка этой проблематики в рамках политических и социальных программ; стремление к последовательному личному воплощению норм революционной этики); 3) интеллектуальную потребность в поисках замены русской православной «космологии» (концепции вселенной – принципам и законам, которые ею управляют)³.

Исследование раннего периода жизни Е.А. Преображенского, времени формирования его как революционера из «поповичей», представляется поэтому вполне назревшим. Без анализа ментальности одного из этих, по словам И.В. Сталина (кстати говоря, хотя и не «поповича» в чистом виде, но человека, прошедшего школу духовного училища и православной семинарии), «людей особого склада»⁴ нельзя до конца понять особенности русской революции и ее последующей трансформации.

«Малая родина» и семья

Евгений Алексеевич Преображенский родился 15 февраля 1886 г. в г. Болхове, уездном центре Орловской губернии, расположенном в 55 верстах севернее Орла. Возвышающийся на обрывистом берегу р. Нугрь, увенчанный куполами 18 церквей и высокими колокольнями, этот старинный торговый городок казался чудесным видением из волшебной русской сказки. Его часто называли и до сих пор зовут «вторым Суздалем».

И по отцовской, и по материнской линии Евгений Преображенский – выходец из среды потомственных православных священников. Отец, Алексей Александрович, родился 8 марта 1853 г. в селе Упорье Трубчевского уезда Орловской губернии также в семье священника⁵. Это был человек незаурядный, отличавшийся ярко выраженным стремлением к духовному просветительству. Его судьба – убедительное свидетельство справедливости утверждения С.Н. Булгакова: «В русской истории «духовное» сословие, при всех немощах, было, действительно, и наиболее духовным»⁶.

По окончании Орловской духовной семинарии А.А. Преображенский в течение двух лет учительствовал в начальной школе при семинарии. Затем семь лет преподавал в земской народной школе селе Жирятино Трубчевского уезда. Очевидно,

учителем он был неординарным. Свидетельство тому – денежные вознаграждения, неоднократно получаемые им от земства и Министерства народного просвещения. 15 августа 1883 г. А.А. Преображенский был рукоположен в сан священника болховской Покровской церкви. В том же году на свои средства он открывает школу грамоты, а два года спустя организует в покровском приходе воскресную школу. В 1886 г., в год рождения сына Евгения, отец Алексей открывает, опять же на собственные средства, церковно-приходскую школу – «учительствовал и законоучительствовал (преподавал Закон Божий. – М.Г.) в ней сам». С 1890 по 1894 г. он состоял членом болховского отделения епархиального училищного совета (учреждения, ведавшего местными церковно-приходскими школами). Одновременно с 1884 г. по 5 ноября 1894 г. Преображенский-старший преподавал Закон Божий «в третьеразрядном частном учебном заведении г-жи Банковской», а затем на протяжении многих лет законоучительствовал в Болховском городском мужском училище.

17 февраля 1895 г. (через два дня после того, как Жене Преображенскому исполнилось девять лет) А.А. Преображенского, по его же просьбе, перевели из Покровской в Троицкую церковь (сооружена в конце XVII – начале XVIII в.). Сюда же перешла и его церковно-приходская школа. Именно с этим, пожалуй самым красивым, храмом Болхова связано большинство осознанных детских, отроческих и юношеских религиозных переживаний будущего революционера.

Скудные сведения, содержащиеся в послужном списке А.А. Преображенского, подтверждают и дополняют воспоминания его внука, Леонида Евгеньевича Преображенского – сына Е.А. Преображенского от первого брака с Розой Абрамовной Невельсон (1898–1980)⁷. «По рассказам моей матери, – пишет Леонид Евгеньевич, – Преображенские, сколько удастся проследить историю их семьи, были священнослужителями, но протоиерейского сана удостоен был только Алексей Александрович – после окончания духовной семинарии и длительного служения приходским священником». Рассказывая об отцовской библиотеке, Л.Е. Преображенский вспомнил интересную деталь, характеризующую А.А. Преображенского как образованного и достаточно терпимого к инакомыслию человека: «Создавалась эта библиотека отцом с гимназической поры и, несмотря на его странствия по Руси, в начале XX в. библиотека в Болхове все время пополнялась, и не только отцом, но и Алексеем Александровичем. Можно вполне предположить, что он был единственным протоиереем, хранящим большое количество литературы, противоречащей религиозным взглядам»⁸. Отец Евгения Преображенского принадлежал к лучшим представителям слоя православных приходских священников, тех самых «батошек», как их ласково называли в народе, которые на протяжении столетий крестили и венчали, воспитывали и обучали, наставляли и отпевали многие поколения русских людей, были их духовными наставниками и исповедниками.

О других членах семьи Преображенских известно, к сожалению, немного. В 1906 г. в ее состав (впоследствии он не менялся) кроме А.А. Преображенского входило шесть человек: его жена Варвара Алексеевна (урожденная Левицкая), дочь протоиерея, получившая образование в Жиздринском пансионе, в то время ей было 42 года, а также пятеро детей. Дочь Людмила, 22 лет, по окончании курса в Орловском епархиальном женском училище занимала «должность учительницы в селе Хотетове Болховского уезда»; сын Виктор, 21 года, обучался «в 6-м классе Орловской духовной семинарии»; дочь Ольга, 18 лет, училась «в 8-м классе Орловской женской гимназии г-жи Гиттерман»; дочь Александра, 11 лет, являлась ученицей 2-го класса Болховской женской прогимназии; Евгений, третьему ребенку в семье, в то время было 20 лет⁹.

Перед нами типичная для православного русского духовенства той поры многодетная семья. Однако в отличие от прежних времен в этой семье уже не было единства.

Ощущается подспудно нарастающий, столь характерный для той трагической эпохи, мировоззренческий раскол: из пяти детей двое получили духовное, трое же, включая нашего героя, – светское образование.

Жизнь родителей Е.А. Преображенского завершилась трагически: «К 1932 г. Преображенских дважды раскулачивали, а в 1936 г. Алексея Александровича арестовали, и он умер в заключении. Варвара Алексеевна пережила его ненадолго. К травме одиночества добавилась травма физическая: упав с крыльца, она долго пролежала на земле без помощи, занемогла и вскоре умерла»¹⁰. Но в 1886 г., когда в семье Преображенских родился третий ребенок – Евгений, до этих драматических событий было еще далеко.

Детство

Как протекало детство «поповича», из какого зерна проросли побег его пламенной революционности? В автобиографии, написанной для энциклопедического словаря «Гранат», Е.А. Преображенский выделил три качества, характеризовавшие его в детстве: развитый интеллект, религиозность, отвращение к материальному неравенству.

Роль интеллектуальной одаренности («очень рано научился читать и уже в 4 года читал рассказы в азбуке Толстого») в жизни революционера достаточно ясна: именно она послужила предпосылкой его позднейших новаторских изысканий в области экономической теории. Но эта особенность личности мало что даст для понимания генезиса социального радикализма нашего героя: далеко не каждый интеллектual становится революционером.

Революционный вектор судьбы болховского «поповича» скорее могут объяснить другие черты его детского мировосприятия: религиозность и сочувствие «униженным и оскорбленным». «В детстве был очень религиозен, – вспоминал в автобиографии Е.А. Преображенский. – Много времени проводил на колокольне тех двух церквей, где служил отец: ловил голубей, разорял гнезда ворон и недурно звонил в маленькие колокола»¹¹.

Чтобы плубже разобраться в существе его истовой детской религиозности, обратимся к методу исторической аналогии. 16 июня 1871 г., т.е. пятнадцатью годами раньше Е.А. Преображенского, в Ливнах – другом небольшом городке той же Орловской губернии – также в семье потомственного православного священника родился сын. В честь преподобного Сергия Радонежского он получил имя Сергей. Этому русскому мальчику суждено будет пройти крайне сложный путь духовного развития: от детской религиозности к бескомпромиссному атеизму, затем стать одним из наиболее образованных марксистов своей эпохи, а еще позже, избыв марксизм, вернуться в лоно Русской православной церкви. Речь идет о блестящем православном философе и богослове С.Н. Булгакове.

В автобиографическом очерке «Моя Родина», созданном на склоне лет, отец Сергей реконструирует свои детские религиозные переживания, воскрешает перед нами «ауру» насквозь пронизанной православием жизни священнической семьи. «Наш дом, – вспоминал Булгаков, – был недалеко от нагорной части, над рекой, в пяти минутах от Сергиевской церкви. Он был деревянный, в пять комнат, расширившийся пристройками»¹². Приблизительно в таком же доме, расположенном также над рекой, жила и семья Преображенских¹³. «Святая колыбель. Внутри его все было бедно и просто (хотя и выше среднего уровня ливенской жизни), скромная деревянная мебель, но даже «диван» и два «кресла» в «гостиной». Везде иконы и горящие перед ними лампы, словно в церкви»¹⁴. Аналогичным образом могло выглядеть внутреннее убранство дома и у

семьи Преображенских, уровень материального благосостояния которой также был сравнительно высок. «Отец как-то сказал, – вспоминает Л.Е. Преображенский, – что его родители были очень богатыми людьми, и даже после двух раскулачиваний оставались наиболее состоятельными в городе»¹⁵. Правда, следует уточнить, что богачами Преображенские стали выглядеть скорее всего именно в начале 1930-х гг. (второй раз их «раскулачили» в 1932 г.). К этому времени купеческое сословие было уничтожено, а на фоне сидящих на голодном карточном пайке горожан болховский протоиерей действительно мог показаться Крезом.

Думаю, не погрешу против истины, предположив, что, «очень религиозный в детстве», Женя Преображенский относился к Церкви примерно так же, как и Сережа Булгаков, писавший на закате жизни: «...Родина моей родины, ее святыня была Сергиевская церковь [...]. Для нас она была чем-то столь же данным и само собою разумеющимся, как и [...] природа. Она была прекрасна, как и эта природа, тихою и смиренною красотой [...]. Как мы любили этот храм – как мать, как родину, как Бога, – одной любовью, и как мы вдохновлялись им. Он был для нас и святилищем, и источником восторгов красоты – больше у нас ничего не было, но этого было довольно [...]. Больше ничего у нас не было в детстве из области «культуры»: ни музыки, ни другого искусства, которого так жаждала душа. Но она была полна, потому что все дано было в Церкви, истина чрез красоту и красота в истине»¹⁶.

Церковными уставами определялась вся повседневная жизнь священнической семьи, и вряд ли Преображенские были в этом смысле исключением. «Оба они – и отец и мать – были проникнуты церковной верой с простой и наивной цельностью, которая не допускала никакого вопроса и никакого сомнения, а вместе с тем никакой воляности и послаблений. Типикон¹⁷ был нашим домашним уставом в постах и праздниках, богослужениях и молитве [...]. Строй нашей жизни дышал этой атмосферой и не мнил быть иным. Поэтому для нас было самоочевидным, как бы законом природы, что постные дни, и особенно суровый режим Великого поста, не могут быть не соблюдаемы; что ранние, даже ночные вставания к службе, независимо от времени года и погоды, неотменны, и не может даже возникнуть вопроса о человеческой слабости, состоянии здоровья и проч. Да они и не возникали, не могли возникнуть эти вопросы в нас самих, в детях, так мы сами были проникнуты этим, так мы любили храм и красоту его службы»¹⁸.

Церковь зажигала в душах юных «поповичей» стремление к высоким идеалам, к обретению немислимой в грешной земной жизни гармонии; она же делала их сопричастными судьбе народа. Предоставим опять слово отцу Сергию: «Вместе с Церковью я воспринял в душу и народ русский, не вне, как какой-то объект почитания или вразумления, но из нутра, как свое собственное существо, одно со мною. Нет более народной и, так сказать, народящей, онародивающей стихии, нежели Церковь, именно потому, что здесь нет «народа», а есть только Церковь, единая для всех и всех единящая»¹⁹.

И именно Православная церковь рождала в ранних детских душах первые социальные переживания: невольно заставляла их почувствовать социальную несправедливость, ощутить нищету и страдания народа; пробуждала в них покаянные чувства по отношению к «мужику». К празднику Пасхи, – вспоминал С.Н. Булгаков, – детям шли какую-нибудь обновку. Но при этом мы знали, что кто-то из наших знакомых ребят обязательно будет в церкви в старой одежде. «И красуясь в церкви в своей обновке, я робко искал глазами и находил его – в его уродстве. Правда, сам-то он едва ли так остро чувствовал свое убожество, а сам я отлично приспособился к некоторому духовному неудобству и благополучно забывал об укорах совести. Но они всегда были, эти укоры»²⁰. И психология «кающегося интеллигента», которую

он не умеет отличить от христианского покаяния, вместе с его «народничеством» зародилась именно здесь.

Сравним у Преображенского: «Из социальных чувств, пробудившихся у меня очень рано, было отвращение к материальному неравенству. Когда мне было лет 8, я, помню, демонстративно выбросил матери купленные для Пасхи новые сапоги на том основании, что мой приятель детских игр Мишка Успенский, сын сапожника, должен был из бедности надеть на Пасху рваные сапоги»²¹. Да, Преображенский более радикален в своем эгалитаризме, чем Булгаков, но рождает этот эгалитаризм, покаянные по отношению к народу чувства один, общий обоим, и не им одним, источник – «онародивающая» стихия Русской православной церкви.

Бунт против Бога

Дальнейшая духовная эволюция Преображенского достаточно типична для многих «поповичей» XIX в., начиная с В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова²². Искренняя детская религиозность Евгения не выдержала столкновения с потоком атеистическо-обличительной литературы, размывавшим мировоззренческие основы тогдашнего русского общества: Бог был отвергнут.

«Сначала я учился в частной школе моего отца, – вспоминал Е.А. Преображенский, – потом перед поступлением в гимназию прошел два класса Болховского городского училища. Первые два-три года в Орловской гимназии учился хорошо, был вторым учеником, но потом потерял интерес к гимназическим наукам, потому что увлекся чтением газет, журналов либерально-народнического направления, романов наших классиков и учебников истории»²³. В Орловскую классическую мужскую гимназию, в которой получили образование писатель, фольклорист, этнограф П.И. Якушкин, писатели Н.С. Лесков и Л.Н. Андреев, братья Петр и Александр Столыпины, другие примечательные персонажи российской истории и культуры, Евгений Преображенский поступил в 1897 г.²⁴ «На четырнадцатом году, – продолжает Преображенский, – самостоятельно пришел к убеждению, что Бога не существует...»²⁵

Как произошел этот перелом в душе Евгения? Глубже понять причины, обстоятельства, сам процесс перехода от детской религиозности к атеизму нам опять поможет С.Н. Булгаков, который примерно в том же возрасте (один раз он говорит о 12–13, другой – о 14–15 годах) пережил нечто подобное: «Я родился и вырос под кровом церковным, и это навсегда определило мою природу [...]. Я всегда жил в вере и верую. Как же могло случиться, что этой верой моей стало неверие [...]? Как это случилось? Как-то сразу, неслучайно, почти как нечто само собою разумеющееся, когда поэзию детства стали вытеснять проза бурсачества и семинарии»²⁶. У Преображенского роль «бурсачества и семинарии» сыграли, очевидно, «проза» гимназического бытия и наблюдение «религиозной кухни с ее закулисной стороны»²⁷. Начались сомнения, вопросы. «Внутренний разлад, однажды проявившийся, все углублялся и переходил в религиозный кризис».

Последний, возможно, разрешился бы относительно безболезненно, если бы к собственным юношам критическому настрою, скептицизму, нонконформизму не добавилось воздействие еще одного мощнейшего фактора – русской интеллигентской культуры, буквально пропитанной в те времена атеизмом. «Иной культуры, кроме интеллигентской, – по признанию Булгакова, – я не знал. [...] В результате я] оказался отрочески беспомощен перед неверием и в наивности мог считать [...] что оно есть единственно возможная и существующая форма мировоззрения для «умных» людей»²⁸.

Сравним у Льва Тихомирова, развивавшегося во многом параллельным булгаковскому путем: «Все, что я слышал юношей, систематически подрывало мои детские верования. Я видел вокруг себя исполнение религиозных обрядов, но или неискреннее, или стыдящее самого себя. Образованный человек или не верил, или верил, находясь в противоречии с собственными убеждениями. *Чего только юношей, мальчишкой не приходилось слышать или читать о религии!* Книги говорили не о православии. Говорилось о суевериях католицизма, о непоследовательности протестантизма, об изуверстве клерикалов, даже с добавлением, что все это не относится к православию. Насмешливая огорка была слишком ясна, тем более что материализм проповедовался открыто. Но если нет Бога, если Христос человек, то, конечно, нетрудно рассудить, что такое православие. Я очень рано начал читать Писарева (одного из «властителей дум» и юного Преображенского. — М.Г.) [...] С его наставлениями дело у меня пошло на всех парах. Лет пятнадцати я верил во всевозможные «произвольные зарождения» [жизни] Пуше, Жоли, Мюсси и т.п. столь же твердо, как в шарообразии Земли или в невежество Пастера, пустоту Пушкина и «мракобесие» славянофилов»²⁹.

Из литературы, благодаря которой укрепились его атеистические воззрения, Е.А. Преображенский вспоминает два тома «Истории культуры» Кольба: «Это поверхностное произведение оказало на меня столь сильное влияние именно потому, что автор последовательно разоблачает все религиозные суеверия и религиозное невежество, не умея, впрочем, понять их исторической закономерности»³⁰. Речь идет об «Истории человеческого культуры» известного немецкого статистика Ф. Кольба, человека достаточно радикальных взглядов (в революционном 1848 г. он был депутатом франкфуртского парламента), считавшего, что «религии возникли вследствие страха, истекавшего из слабости и невежества человека»³¹.

«В своем религиозном нигилизме» (выражение С.Н. Булгакова³²) Е.А. Преображенский проявил столь присущую ему (вспомним брошенные матери новые сапоги, подаренные на Пасху) последовательность. В автобиографии он вспоминает об «отвращении к религии», которое им овладело, о том, что его «интересовало тогда не столько объяснение религии, сколько ее абсолютное отрицание». Богоборческий бунт Евгения привел к острому конфликту в семье Преображенских. Началась «упорная борьба» юноши «внутри семьи против посещения церкви и прочих религиозных обрядов»³³.

Каково было наблюдать все это искренне и глубоко верующим отцу и матери? Особенно тяжело, видимо, приходилось отцу. 1 марта 1899 г. его утверждают председателем болховского отделения епархиального училищного совета, в 1900 г. избирают представителем от духовенства в Болховском уездном земском собрании. Эти события происходят как раз в год богоборческого бунта Евгения. Внутри семьи идет упорная борьба с разуверившимся сыном. В 1902 г., в год 16-летия непокорного юноши, его отца назначают благочинным всех болховских церквей. Отныне А.А. Преображенский призван управлять церковно-приходскими школами Болхова, следить за благочинием в храмах города, за поведением учащихся духовных заведений, а он не может вырваться из объятий атеистического искушения собственного сына! Очевидно, после одного из внутрисемейных столкновений Преображенский-старший не выдерживает столь двусмысленной ситуации. В 1903 г. он подает прошение об увольнении от должности благочинного³⁴.

Конфликт отца с сыном будет длиться десятилетиями. Отголоски его звучат в воспоминаниях Л.Е. Преображенского: «...Мама, я и сестра бывали в Болхове (речь идет о 1920–1930-х гг. — М.Г.) непростительно редко. Значительно чаще бывал там отец [Е.А. Преображенский], но всякий раз возвращался расстроенным и неразговорчивым»³⁵.

Остро переживала богоотступничество сына и мать Варвара Алексеевна. Л.Е. Преображенский вспоминает об обстоятельствах первого ареста отца, случившегося 18 марта 1906 г.: «Невольно представлялся себе, как должна была расстроиться эта женщина [Варвара Алексеевна], узнав от извечного «доброжелателя», что ее двадцатилетний сын посажен в тюрьму, да еще где-то в далекой Перми. Можно себе представить, с какой титанической энергией обрушилась эта женщина на приехавшего, спустя некоторое время, сына³⁶. Как неопровержимо доказывала она убежденному атеисту необходимости надеть и носить крестик. И победила. Эту историю мне рассказал отец в начале тридцатых годов, когда у него при мне случайно выпал из бумажника маленький золотой крестик. Но странное дело: в квитанции № 5096 от 20 декабря 1936 г. об изъятии у отца вещей при последнем аресте бумажник числится, а крестика нет. Готов предположить, что при аресте отец надел его вновь. С другой стороны, могло быть всякое, если производящий обыск характеризует библиотеку штуками книг»³⁷.

Жребий брошен

Что происходило в душе Евгения после его богоотступничества? Очевидно, как и у С.Н. Булгакова, у него намечился «переход не от веры к неверию, но с одной своей веры к другой, чужой и пустой, но все-таки вере, имеющей для себя свои собственные святыни». «...Самый характер моего неверия, – вспоминал Булгаков, – не был состоянием религиозной пустоты и индифферентизма, но вера в «прогресс» человечества и под[обное]»³⁸.

Правомочность такой аналогии подтверждают, в частности, воспоминания Ахмет-Заки Валидова (Валиди) – историка, тюрколога, одного из руководителей Башкирской республики в 1919–1920 гг., близко соприкасавшегося в тот период с Е.А. Преображенским. По его наблюдениям, атеизм (неверие) Преображенского производил на окружающих впечатление религиозного чувства: «Преображенский был искренним атеистом. Атеизм он считал основным источником всех наук, это он отразил в «Азбуке коммунизма». Как-то в разговоре я сказал: «Ну можно ли так категорично говорить обо всех этих метафизических посылах: вам, товарищ Преображенский, надо было стать священником, вы по ошибке выбрали коммунистический путь». Позже об этом рассказали Ленину, и тот оценил: «Это Валидов правильно открыл»³⁹.

Какую же новую веру, вместо отринутого православия, обрел или, точнее, постепенно обретал Преображенский? Вначале она была, видимо, столь же неосознанна и расплывчата, как более ранняя детская религиозность, и представляла собой некую аморфную революционность: скорее настроение, чем убеждение, чувство, а не доктрину. Преображенский писал о «состоянии неопределенной и неоформленной революционности»⁴⁰, в котором он находился довольно долго. Новый «символ веры» на первых порах имел, вероятнее всего, более отрицательный, нежели положительный характер, и заключался в пресловутом «нигилизме» – глубоком отчуждении от исторической России, ее тотальном отрицании.

Атеизм – отчуждение от традиционной России – революционаризм. Эти веки духовной эволюции тогдашнего русского интеллектуала почти неизбежно следовали друг за другом: утрата религиозности неминуемо вела к обретению революционности. «...Вместе с потерей религиозной веры, – по свидетельству С.Н. Булгакова, – я естественно, как бы автоматически, усвоил господствующие в интеллигенции революционные настроения, без определенной партийности...»⁴¹

Православие в умах тогдашних русских людей было неразрывно связано с самодержавием: царь является помазанником Божиим; во время обряда венчания на

царство ему сообщается мистическая благодать от Всевышнего, перед которым отныне он несет полную ответственность за страну и народ. Но чтобы отвечать за все, надо обладать неограниченными полномочиями в государстве, быть властью самодержавной. Без мистики же православия, вера в которую была утрачена русской интеллигенцией, самодержавие в ее глазах становилось не чем иным, как деспотической диктатурой, а весь строй государственно-правовых отношений в Российской империи лишался легитимности⁴².

Но, отбросив православие, русская интеллигенция не утрачивала воспитанного Церковью чувства своей кровной общности с народом (своеобразной разновидности некоего неосознанного, стихийного демократизма). В результате казавшиеся ранее естественными (хотя и воспринимаемые не без душевного дискомфорта) социальные контрасты, нищета части народа теперь становились в глазах «внезапно прозревших» интеллектуалов вещами противоестественными. С их глаз как бы спала пелена, стихийный демократизм прорывался из подсознательной сферы в область сознания и, столкнувшись с жизненными реалиями самодержавно-сословной России, принимал форму неукротимого стремления к революционному действию. Русская жизнь (о заграничье имелось весьма смутное, зачастую «книжное», представление; родившиеся на Западе идеи, как правило, некритически переносились на русскую почву, служа одним из источников социального утопизма русской интеллигенции⁴³) вдруг представлялась чудовищно несправедливой, становясь под пером радикальных «поповичей» (Белинского, Чернышевского, Добролюбова) объектом беспощадного бичевания, силу которого лишь в малой степени ослабляла легко обходимая при помощи «эзопова языка» цензура. «Прежде чем в мои руки попало первое подпольное произведение, — вспоминал Преображенский, — я был уже достаточно радикально настроен под влиянием чтения «Русского богатства», «Русских ведомостей», «Отечественных записок», Салтыкова-Щедрина и особенно Добролюбова и Писарева»⁴⁴.

По прочтении таких работ в экзальтированных юных умах возникало одно желание: «отречься от старого мира», «отряхнуть его прах с наших ног». Собственно, к этому и призывал, например, Добролюбов в неподцензурном «Письме из провинции» (в адрес А.И. Герцена), в котором утверждалось, что источник вековых бедствий России — «это несчастное идолопоклонство перед царским ликом [...] Наше положение ужасно, невыносимо, и только топор может нас избавить, и ничто, кроме топора, не поможет [...] К топору зовите Русь»⁴⁵.

Настроения, навеянные чтением работ революционных демократов, подпитывались у Е.А. Преображенского наблюдениями над темными сторонами российской действительности, которая, как и в любой другой стране, не была идиллической: «...Во время каникул я постоянно наблюдал в деревнях Болховского, Миценского и Брянского уездов, где часто проводил каникулы, бедственное положение, нищету и забитость крестьянства»⁴⁶.

В душе отринувшего Бога болховского «поповича» чувство целостной, относящейся ко всему человечеству, не исключая и грешников («любви грешника и ненавись греху»⁴⁷), христианской любви постепенно расщепляется, раздваивается на любовь к «народу» и ненависть к «его угнетателям».

Довершило революционное воспитание Преображенского знакомство с нелегальной литературой: «Когда я был в пятом классе гимназии, мне впервые попала в руки кое-какая нелегальная литература. Из этих первых произведений вспоминаю отпечатанный на гектографе фельетон Амфитеатрова «Господа Обмановы», перед этим напечатанный в газете «Россия», прокламацию революционного комитета студентов Екатеринбургского Горного института, описание избияния студентов казаками и

несколько революционных стихотворений, как «Марсельеза», «Дубинушка», «Смело, друзья, не теряйте» и т.д.»⁴⁸

Наконец настал час окончательного выбора революционной судьбы: «Как сейчас вспоминаю один очень важный момент из своей биографии, – с волнением писал много лет спустя Е.А. Преображенский. – Дело было летом, когда я приехал домой в Болхов, забрался в самый темный угол нашего сада, где за баней была расположена маленькая лавочка в кустах сирени, и начал перечитывать все мое нелегальное достояние, как старое, так и вновь полученное, в том числе рукописную тетрадь с различными студенческими прокламациями, юмористическими и лирическими стихами, а также с некоторыми фактами из революционной хроники. В определенный момент передо мной встал во всем объеме чисто практический вопрос: что же делать? Согласен ли я стать в ряды революционеров со всеми вытекающими отсюда последствиями, как исключение из гимназии, разрыв с семьей, тюрьма, ссылка и т.д. И вот здесь-то я принял решение и твердо сказал себе: да, я перехожу в ряды революционеров, что бы ни случилось»⁴⁹.

Момент решающего шага, окончательного «обручения с Революцией», нередко приписывавший форму клятвы, – важная веха в судьбе каждого настоящего революционера. Вспомним знаменитую клятву Герцена и Огарева, данную в Москве на Воробьевых горах: «Мы [...] избежали на место закладки Витбергова храма на Воробьевых горах. Запыхавшись и раскрасневшись, стояли мы там, обтирая пот. Садилось солнце, купола блестели, город стлался на необозримое пространство под горой, свежий ветерок подувал на нас, постояли мы, постояли, оперлись друг на друга и, вдруг обнявшись, присягнули, в виду всей Москвы, пожертвовать нашей жизнью на избранную нами борьбу. Сцена эта может показаться натянутой, очень театральной, а между тем через двадцать шесть лет я тронут до слез, вспоминая ее, она была свято искренна, это доказала вся жизнь наша»⁵⁰.

Итак, Евгений Преображенский решает встать на путь бескомпромиссной борьбы за революционное преобразование России.

Революция и мораль

Новая, революционная вера наполнила жизнь Евгения великим смыслом. Но «вера без дел мертва есть». И первым оппозиционным действием стала некая «игра в революцию», во время которой ее участники как бы вживались в образ революционера, примеряли костюм «борца с самодержавием». Преображенский вспоминал, как на каникулах вместе с Ваней Анисимовым – товарищем детства, сыном болховского купца – часто отправлялись «каждом за город в наиболее глухие места и выражали наш протест против самодержавия пением «Марсельезы», но так, чтобы никто, кроме нас, не слышал. Когда мы проходили мимо болховской городской тюрьмы – жалкого старомодного зданьяца, где обычно содержалось десятка два мелких воришек и конокрадов, – наши мысли уходили к Крестам и Бутырмам, где томились дорогие нам борцы против самодержавного режима»⁵¹.

Пылкая революционность буквально переполняет Преображенского, рождает непреодолимое желание поделиться обретенной истиной с окружающими: «Вернувшись после каникул в гимназию, я решил употреблять на гимназические предметы минимум времени, чтобы не спускаться только ниже «тройки», а центр тяжести своей деятельности перенес на жадное чтение по ночам заграничных произведений на папиросной бумаге, посвящая все время днем чтению книг по истории революции, а также первым начаткам политической экономии. Кроме того, мы с Иваном Анисимовым начали

расширять свою пропаганду среди учащихся, завели пару кружков, вступили в сношения с поднадзорными города Орла»⁵².

Революционный прозелитизм незаметно переводит «игру в революцию» в ранг настоящего революционного дела. В этот период у Преображенского «появляется мистическая страсть к размножению нелегальной литературы»⁵³. Именно такую форму в условиях подцензурной печати принимает у юного бунтаря унаследованная от отца склонность к духовному просветительству. Рукописный журнал «Школьные досуги», основанный Евгением и поэтом Александром Тиняковым, его уже не удовлетворяет – он слишком аполитичен. Не устраивает и печатание «некоторых небольших вещей» на гектографе, простейшем приспособлении для размножения текста и иллюстраций (на нем получали до ста копий оригинала), изобретенном в 1869 г. в России М.И. Алисовым.

«Я мечтал о типографии и для осуществления своей мечты к следующим каникулам подготовил «повышение уровня техники». В числе прочей революционной молодежи того времени в нашем кругу в Орле были дети владельца местной типографии Алексина. По моему настоянию Саша Алексин украл из касс типографии своего отца пять фунтов шрифта, который я предполагал употребить для более усовершенствованного печатания «Сборника революционных песен»: «Марсельезы» и других. С этим шрифтом я приехал домой на каникулы и «открыл» типографию в бане своего отца в саду. Сделал кассы, разложил по ним шрифт и начал набирать «Отречемся от старого мира». Чтобы мои уединенные занятия в бане не были подозрительны для семейства, я убедил отца в том, что мне физически полезно вставать на рассвете и ходить купаться в местную реку Нугрь. Купаться я, конечно, не ходил, а все время проводил в бане, пытаюсь овладеть типографским ремеслом. Из моего набора ничего не выходило: буквы рассыпались, некоторых букв не хватало [...]. Промучившись две недели над своим печатанием, я решил «закрывать» типографию, закопал шрифт в землю, а осенью отвез его обратно в типографию Алексина. Пришлось по-прежнему остаться на уровне гектографской техники с тем, чтобы потом перейти к mimeографу (ротатору. – М.Г.), на котором мы, по поручению орловского комитета, печатали те или другие воззвания»⁵⁴.

Осознавал ли в те годы Евгений, что «революционная борьба» не только отчуждает его от семьи и общества, но и постоянно ставит перед ним морально-этические вопросы, вынуждает нарушать нравственные заповеди: чтобы «открыть типографию», ему пришлось подбить товарища на кражу шрифта у отца, сам он теперь постоянно обманывает родителей?

По крайней мере несколькими годами позже тема «революция и мораль» станет предметом его напряженных раздумий. Ф.В. Виноградов, проведенный в 1910 г. некоторое время с Е.А. Преображенским в Александровской пересыльной тюрьме под Иркутском, вспоминал: «Один из докладов т. Преображенского (который он сделал в тюрьме. – М.Г.) «Этика с материалистической точки зрения» отвечал назревшей потребности осветить, каковы должны быть предъявлены этические требования к революционеру. Доклад исходил из основного положения: «Благо революции – высший закон». Дискуссия по этому докладу заняла два вечера»⁵⁵. В августе 1918 г. Преображенский конкретизирует высказанный в 1910 г. тезис: «Советская власть защищает пролетарскую революцию. «А какими средствами?» – спрашивает левый эсер. На это мы отвечаем: «Для такой великой цели хороши все средства, которые достигают этой цели, и только с точки зрения целесообразности можно обсуждать их»⁵⁶. А еще позже, в 1923 г., Преображенский посвятит морально-этической проблематике специальную работу «О морали и классовых нормах», основная идея которой будет той же: «Благо революции – высший закон»; по отношению к представителям своего лагеря

надо быть честным, порядочным, отзывчивым; в отношении же «врагов революции» – «все дозволено»⁵⁷. Так, расщепление всецеловеческой любви привело в конечном счете к раздвоению этики, к двойной морали⁵⁸.

«Боже мой, что это вообще было! – в отчаянии воскликнет в разгар Гражданской войны великий земляк Е.А. Преображенского И.А. Бунин. – Какое страшное противоестественное дело делалось над целыми поколениями мальчиков и девочек, долбивших Иванюкова и Маркса, возившихся с тайными типографиями, со сборами на «красный крест» и с «литературой», бесстыдно притворявшихся, что они умирают от любви к Пахомам и к Сидорам, и поминутно разжигавших в себе ненависть к помещику, к фабриканту, к обывателю, ко всем этим «кровопийцам, паукам, угнетателям, деспотам, сатрапам, мешанам, обскурантам, рыцарям тьмы и насилия!»⁵⁹ Бунин, думается, прав во всем, кроме одного: сострадание «к Пахомам и Сидорам» не было «бесстыдным притворством». С.Н. Булгаков раскрыл, из какого глубокого – христианского – источника оно происходило.

Обретение истины

Какое-то время отрицающая сторона революционности, по-видимому, преобладала в сознании Преображенского. Однако аморфность положительного революционного идеала довольно скоро стала вызывать в его душе чувство дискомфорта. «Когда я перешел в седьмой класс гимназии, – вспоминал он в автобиографии, – я уже не мог долго оставаться в состоянии неопределенной и неоформленной революционности. Надо было выбирать между социалистами-революционерами и социал-демократами. Решающее влияние на выработку моего мировоззрения имели в это время два произведения: «Коммунистический манифест» и «Развитие научного социализма» Энгельса. Долго размышляя над этими произведениями, я решил, что народническое мировоззрение является несостоятельным и *ненаучным* (выделено мною. – М.Г.) и что только марксизм может указать мне правильную дорогу»⁶⁰.

Почему из всего многообразия революционных учений того времени Преображенский, и не он один, выбрал марксизм? «Триумфальное шествие» учения Карла Маркса в среде русской интеллигенции той эпохи, думается, являлось результатом весьма сложного социально-психологического феномена, сердцевинной которого стало именно «расправославливание» чувства и сознания, на котором следует остановиться подробнее.

Что мы имеем в виду? Душевный строй воспитанного в лоне Православной церкви человека отличается, на наш взгляд, тремя главными особенностями: 1) в сфере эмоций – доминированием чувства искренней любви и сострадания к ближнему; 2) в рациональной области – оптимистичным дуализмом: осознанием мира, мировой истории как постоянной борьбы светлого и темного начал, призванной завершиться в конечном счете победой светлых сил: утверждением сознательно выбранного частью человечества Царствия Божия⁶¹; 3) в навыках бытовой повседневности – стремлением (выраженным намного более ярко, чем в других конфессиях) к упорядоченности, цикличности обыденной жизни: каждый верующий включен в дневной, недельный, годичный цикл молитв и обрядов, праздников и постов.

Православный, утратив веру, не утрачивал вместе с ней сформированного православием склада души: она оставалась проникнутой любовью к человеку, воспринимала мир в парадигме оптимистичного дуализма, стремилась к упорядоченной повседневности. И, думается, из всех тогдашних революционных учений (мы уже говорили, почему утрата веры почти автоматически вела к революционности) в наибольшей степени отвечал душевным чаяниям «разуверившихся верующих» именно марксизм. Его социальный

императив – борьба за счастье обездоленных, трудящихся – удовлетворял потребность в любви «к Пахомам и к Сидорам». Его философия – диалектический и исторический материализм, увенчанный коммунистической эсхатологией, довольно неплохо «сстыковывался» с дуалистическо-оптимистической православной мировоззренческой доктриной. Его политико-экономический идеал – планируемая экономика – обещал «расправославленному» человеку вернуть утраченную упорядоченность бытия. Огромную роль в заразительности, притягательности марксизма играли также его подчеркнутые объективизм, «научность» и техницизм, столь отвечавшие самому духу той рационалистической эпохи. В итоге же «марксизм представлялся русской молодежи научно обоснованным социальным идеализмом, верным путем служения народу, бесспорным залогом прогресса и благоденствия»⁶².

Придя к марксизму, лучшие представители русской молодежи как бы вновь обрели душевное равновесие. Типична в этом смысле духовная эволюция Г.М. Кржижановского: «Первичные искания разночинцев 60-х годов,шедшие к нам с ветшающих страниц «Современника» и «Отечественных записок», обличительное слово Салтыкова-Щедрина, свобододолюбивые блестящие публицистики Михайловского, тяжеловесная проповедь Лаврова, отдельные брошюры из изданий землевольцев и народовольцев и, наконец, тот удивительный благовест, совпавший с весной нашей жизни, который шел к нам от изданий группы «Освобождение труда», – вот та литературная цепь, по звеньям которой мы шли в своем превращении из неопределенных народолюбцев во вполне определенных марксистов. И как некоторый утес, завершающий поворотную грань на этом пути, стояло великое творение Маркса – его «Капитал»!.. Продумывая страницы этой книги, мы впервые начинали чувствовать твердую почву под своими ногами...»⁶³

Аналогичный путь проделал и Е.А. Преображенский. Осенью 1903 г. его марксистский выбор получает формально-организационное оформление: Евгений Преображенский, Иван Анисимов и Александр Литкенс, составив в гимназии социал-демократическую тройку, разворачивают интенсивную работу в учебных заведениях Орла, действуя в качестве ячейки Орловского комитета РСДРП. «Собственно, с конца 1903 г. я считаю себя членом партии, хотя формальный торжественный прием меня, Литкенса и Анисимова в партию состоялся месяца на два-три позже»⁶⁴.

Апостол революции

В конце 1903 г. Евгению было всего 17 лет. Наконец-то обретя целостное мирозерцание, революционный неопит поистине с апостольской страстью отдается социал-демократической пропаганде, стремясь обратить в марксистскую веру как можно большее число непосвященных. «В начале 1904 г., когда началась Русско-японская война, орловский комитет партии выпустил прокламацию против войны и поручил нам троим распространить ее в большом количестве в гимназии. Мы осуществили это следующим образом. Во время одного урока мы одновременно все трое из разных классов вышли в раздевальню, где висели пальто всех гимназистов, и, уловив удобный момент, разложили полторы или две сотни прокламаций в карманы пальто всех гимназистов старших классов. Операция прошла благополучно, и, когда гимназисты одевались и расходились по домам, они все с удивлением находили в карманах произведение орловского комитета. Получился громкий скандал, администрация металась в поисках виновников, жандармы учинили следствие, но виновников не нашли. После этого первого организационного (видима, описка, по смыслу – организованного. – МГ.) выступления орловский комитет счел возможным принять нас формально в группу пропагандистов

при комитете, что после некоторого легкого коллоквиума было сделано в феврале 1904 г. Весной этого года я получил маленький кружок из двух человек рабочих Хрущевского механического завода и довольно длинно, но не очень убедительно разъяснял им программу партии»⁶⁵.

Преображенский с присущей ему скромностью преуменьшает свои пропагандистские способности. По крайней мере следующий эпизод биографии характеризует его как талантливого агитатора и конспиратора: «Летом того же года, перейдя в восьмой класс гимназии, я, посоветовавшись с комитетом, взял летний урок в центре Мальцевских заводов⁶⁶, на Дятьковской фабрике Брянского уезда, у сына местного станового пристава Золотова. Своего ученика, Николая Михайловича Золотова [...], я обратил в с[оциал]-д[емократическую] веру. Занимаясь с ним официально латынью, мы главные наши усилия употребляли на пропаганду среди рабочих Дятькова, Ивота и др[угих] Мальцевских заводов [...]. Становой пристав Золотов, отец моего ученика, прилагал много усилий, чтобы выловить дятьковскую ячейку нашей организации, которая распространяла нелегальную литературу и выпускала прокламации на mimeографе. Хранение этого mimeографа и нелегальной литературы мы осуществили довольно своеобразным способом. Мой ученик жаловался отцу, что ему негде хранить свои книги и тетради, и попросил дать ему один ящик в столе отца, который запирался на ключ. Отец охотно ему дал этот ящик с ключом, и в этом ящике мы хранили и mimeограф, и нелегальную литературу в то время, как отец Золотова устраивал обыски по Дятькову, разыскивая зловредный аппарат распространения. Точно так же, когда нам нужно было устраивать массовки в лесах на отдельных фабриках, мы просили у станового пристава его пару лошадей, чтобы съездить на охоту, и ничего не подозревавший становой пристав охотно давал нам своих лошадей с бубенчиками, на которых мы обьезжали организации нашего района. Вся эта история раскрылась только год спустя»⁶⁷.

Через год над Россией уже бушевал революционный вихрь. И если раньше революционные увлечения оставляли Преображенскому мало времени для учебы, то что же можно было ожидать от 1905 г. – первого года первой русской революции! «...Настроение напряженного ожидания, волнующего нетерпения и надежд преобладало [...] в Орле, – вспоминал А. Голубков, – где я жил с мая (1905 г. – М.Г.), продолжая [...] работу в Центральном техническом бюро партии»⁶⁸ [...]. Я стал заниматься с кружком, состоящим из местной молодежи. Хочется вспомнить, что в этом кружке работал, между прочим, т. Е.А. Преображенский, тогда только что кончивший или кончавший гимназию и проявлявший уже активную партийную деятельность»⁶⁹. «В 1905 г., – пишет Преображенский, – наша группа провела всеобщую забастовку учебных заведений города Орла в апреле и мае, и, несмотря на все это, несмотря на открытые выступления на митингах учащихся, где мы принимали наши академические требования, я не был арестован и даже получил аттестат зрелости»⁷⁰.

Аттестат зрелости

Руководство Орловской (с 1 июля 1904 г. – 1-й Орловской⁷¹) гимназии, очевидно, придерживалось весьма либеральных воззрений. По крайней мере администрация терпимо отнеслась к антиправительственным увлечениям своего ученика. Так, в его «Кондунтной тетради», представленной впоследствии Преображенским при поступлении в Московский университет, в графе «Проступки и вообще все достопримечательное, касающееся ученика», содержится довольно «обтекаемые» формулировки и перечисляются далеко не самые впечатляющие его прегрешения⁷².

8 апреля 1905 г. состоялось заседание «Классной комиссии Орловской 1-й гимназии о допущении учеников VIII класса к испытаниям зрелости», на котором присутствовали почетный попечитель, директор, инспектор гимназии и все преподаватели восьмого, выпускного, класса. «По обсуждении нравственной зрелости учеников комиссия определила: всем ученикам обоих отделений VIII класса (в том числе и юному бунтарю-атеисту Е.А. Преображенскому. — М.Г.) выставить за поведение отметку «пять» (5) [...]. По подробном обсуждении затем всех данных, внесенных в имеющийся список, комиссия определила: к предстоящим в текущем 1904/05 учебном году испытаниям зрелости допустить всех учеников VIII класса как основного (29 уч.), так и параллельного (23 ученика) отделений (Преображенский обучался в VIII классе параллельного отделения. — М.Г.)»⁷².

Таким образом, одновременно с проведением всеобщей забастовки учебных занятий Орла и выступлениями на митингах Евгению предстояло сдать начавшиеся 2 мая выпускные экзамены. За сочинение на тему «Какое значение имеет поэзия для ума и сердца?» Евгений Преображенский получил «четверку»⁷⁴. 3 мая выпускники писали письменную работу по алгебре, а 4 мая — по геометрии. Общая оценка, полученная Евгением за письменную работу по математике, — «тройка». 19 мая сдавали экзамен по Закону Божьему. Ответ был оценен на «четыре». 23 мая Евгений сдавал латынь — также «четыре». 27 мая — греческий — «три»; 30 — мая математику устную — «четыре»; 1 июня — историю — «четыре»; 2 июня — французский — «четыре»; последним был экзамен по немецкому языку (дата в отчете не указана) — «пять»⁷⁵. В аттестате Преображенского имеется еще одна пятерка — по логике (выпускной экзамен по этому предмету не проводился). По математической географии, физике, географии в его аттестате проставлены «тройки» («испытания» по ним также не проводились)⁷⁶.

В архивном фонде гимназии сохранился любопытный документ, отразивший дальнейшие планы учеников выпускного класса. В графе «Желают продолжать образование» против фамилии Преображенского — единственного из 52 выпускников — указано: «за границу»⁷⁷. В самом ли деле Евгений собирался отправиться за рубеж и с какой целью — для продолжения учебы или по партийным делам? Как бы то ни было, за границу он не пошел.

Боевое крещение

«Летом 1905 г., — вспоминал Е.А. Преображенский, — я отправился в Брянск и там руководил вместе с двумя другими товарищами работой брянского комитета партии. Жил я на ст[анции] Брянск, за отсутствием кровати в моей комнате спал на подостланных на полу двух газетах, питался одной колбасой с хлебом, расходуя не свыше 20 копеек в день, и каждый вечер ходил пешком туда и обратно в Бежицу, т.е. проделывал 18 верст, чтобы вести рабочие кружки на Брянском паровозостроительном заводе»⁷⁸.

Следует отметить, что Брянский уезд являлся единственным промышленным центром сельскохозяйственной в целом Орловской губернии, и именно здесь заявило о себе в 1905 г. рабочее движение. В течение этого года, отмечалось в историко-краеведческом сборнике, бастовали «почти все имеющиеся в уезде заводы и фабрики [...]». Паника была огромная, правительство направляло все силы к подавлению возникающих забастовок. Сходки, которые созывались по заводам и на которых присутствовала не одна тысяча рабочих, разгонялись вооруженной силой. Заводские поселки были наводнены казаками и солдатами»⁷⁹.

Не последнюю роль в подъеме рабочего движения сыграла местная социал-демократическая организация. «Членов партии тут было во много раз больше, чем где-либо в других городах губернии, так как на многих заводах уже существовали нелегальные партийные фабрично-заводские комитеты (мальцевский и брянский). [...] Во главе брянской социал-демократической организации стояли: Н. Конюхов, Кубяк, Игнат Фокин, Е.А. Преображенский, Вера Слуцкая и др.»⁸⁰

На период работы в Брянске приходится важная веха в биографии Евгения Преображенского: его впервые удостаивают своим вниманием главные в ту эпоху собиратели материалов по истории русского революционного движения – чины жандармского ведомства. Из первого «дела», в которое попала фамилия Преображенского, выясняется, что в селе Ивота Дятьковской волости Брянского уезда он вел работу социал-демократического кружка. Сведения об этом достигли местного пристава. Тот решил расспросить дочерей священника села Ивота Анну Павловну и Ольгу Павловну Красниковых. Однако юные «поповны» то ли прикинулись непонимающими, чтобы выгородить своих социал-демократических знакомцев, то ли в самом деле мало в чем разбирались. Как бы то ни было, но сведения от них пристав получил самые незначительные. Между тем для нас они весьма любопытны, ибо на ветхих страницах архивного дела встречаются имена старых знакомых: Евгения Преображенского и Николая Золотова, того самого Золотова, в ящике стола отца которого, станового пристава, друзья умудрились год назад устроить склад нелегальной литературы вкупе с мимеографом. Итак, «поповны» объяснили следующее:

«1) что они, Красниковы, знают, по слухам, что в селе Ивота имеется кружок социал-демократов, но кем оный организован они не знают и не знают участников оного и

2) что у них, Красниковых, гостили студенты Михаил Яковлевич **Феноменов** и Дмитрий Иванович **Азбукин** и 7-го сего августа пришли к ним из Дятькова **Евгений Алексеевич Преображенский** (выделено в документе. – *М.Г.*) и **Николай Михайлович Золотов**, которые пред вечером собрались идти в лес и пригласили с собой и их, Красниковых. Когда они пришли к слагбауму, в 4 верстах от Ивота, то в стороне железной дороги увидали сидевших мастеровых из Стари и Ивота – человек 40, к которым шли Феноменов, Азбукин, Преображенский и Золотов, и вслед за ними и они, Красниковы, и [...] о чем-то стали вести между собою разговоры, но о чем, они, Красниковы, не поняли, и затем этой компанией пелись революционные песни: «Красное знамя», «Отречемся от старого мира», «Дубинушка» и др., но они, Красниковы, в пении участия не принимали...»⁸¹

Не был ли проводивший дознание по этому делу «пристав 2-го стана Брянского уезда» (его фамилия в деле, к сожалению, отсутствует) тем самым Золотовым – «местным становым приставом» Дятьковской фабрики Брянского уезда, – о котором шла речь в автобиографии Преображенского? Не потому ли в тексте протокола из четырех фамилий спутников «поповн» по лесной прогулке – Феноменова, Азбукина, Преображенского и Золотова – не подчеркнута только фамилия Золотова? Своего «заблудшего» сына становой пристав не мог не знать! И не потому ли, в отличие от Феноменова и Азбукина, в тексте протокола подчеркнуты не только фамилия, но имя и отчество Преображенского? Не вспомнил ли пристав прошлогодного «учителя» своего сына? И не в связи ли с этим дознанием вскрылись лихие прошлогодные проделки Преображенского и Золотова? Вспомним фразу из автобиографии: «Вся эта история раскрылась только год спустя».

Однако до суда над Преображенским дело не дошло. Пока шло дознание (последний протокол помечен 14 октября 1905 г.⁸²), в России, в том числе и в Орловской губернии, развивались бурные события. В октябре 1905 г. вспыхнула всероссийская политическая стачка. В нее включились телеграфисты, стрелочники, конторщики станции Орел,

железнодорожники Брянска, Ельца. Забастовка стала распространяться и на другие отрасли, приобретая всегубернский характер. В Верховье, Брянске, на Орловско-Грязьевской железной дороге формировались стачечные комитеты⁸³.

В эти горячие дни Евгений ненадолго переехал из Брянска в Орел. «В октябре [...] 1905 г. по предложению Олимпия Квиткина был кооптирован в орловский комитет. Орловский комитет был тогда организацией примиренческой. Лидер комитета Пономарев, когда Олимпий Квиткин уехал, смеясь говорил другим членам комитета: «У нас имеется два солидных большевика: Михаил Екатеринославский, 20 лет, и Евгений Преображенский, 19 лет». Несмотря на эти шутки, я держался твердо своей линии и защищал позицию третьего съезда нашей партии [...]. В октябре я участвовал после опубликования знаменитого манифеста в борьбе с погромщиками в Орле, а затем был послан на работу на Брянский завод»⁸⁴.

Преображенский оказался вовлеченным в важнейшие события революционного движения осени 1905 г. Напомним их ход. 17 октября 1905 г. император издал манифест, даровавший политические свободы и обещавший созыв законодательной Думы. Большевики расценили это заявление как обман, рассчитанный на ослабление революции. 18 октября орловско-брянский социал-демократический комитет принял решение усилить подготовку масс к вооруженному восстанию. В этот день в Орле состоялась демонстрация рабочих типографии, ряда заводов, учащихся. С пением «Марсельезы» демонстранты двинулись по Болховской улице. Они направлялись к тюрьме, чтобы освободить политзаключенных. Демонстрации преградила путь большая группа казаков и черносотенцев. Началось побоище (вспомним «Автобиографию»: «Участвовал [...] в борьбе с погромщиками в Орле»). На следующий день в Орле создается боевая дружина во главе с О.А. Квиткиным. 19–20 октября в Брянском уезде на Радице и Бежице (т.е. именно там, где до отъезда в Орел вел работу Преображенский) был организован Совет рабочих депутатов, который явочным порядком просуществовал до конца 1905 г. Совет потребовал от властей удалить войска и передать рабочим охрану общественного порядка⁸⁵.

В эти напряженные дни революционная «карьера» Евгения Преображенского делает стремительный взлет. В середине ноября 1905 г., по предложению Н.М. Михеева – его товарища по орловской ученической революционной организации, работавшего теперь в Москве, и с согласия московского комитета он переезжает в Москву, где назревают кульминационные события первой русской революции. Е.А. Преображенскому суждено попасть в их эпицентр: его назначают ответственным пропагандистом Пресненского района⁸⁶. Практически никому доселе не известный 19-летний выпускник Орловской гимназии выходит на всероссийскую политическую арену.

* * *

После знакомства с личностью Е.А. Преображенского мы можем перейти теперь к его творчеству.

В настоящем томе публикуются работы Е.А. Преображенского, характеризующие его жизнь и деятельность с момента рождения по 1920 г. Это, прежде всего, архивные документы и материалы за 1907–1920 гг.: письма, записки, тексты выступлений, статьи из периодических изданий «Уральский рабочий», «Уральская правда», «Пролетарий», «Обская жизнь», «Забайкальское обозрение», «Правда», «Еженедельник «Правда», «Коммунист», опубликованные выступления, а также брошюры, книги. Кроме того, в том включены воспоминания Е.А. Преображенского 1920–1930-х гг. о

раннем этапе его биографии. Все эти материалы публикуются либо впервые — архивные документы, либо переиздаются после долгих лет забвения (за исключением автобиографии).

Особую сложность составило выявление статей Преображенского в газетах «Обская жизнь» (г. Новониколаевск, январь — август 1912 г.) и «Забайкальское обозрение» (г. Чита, март 1916 г.). Дело в том, что они публиковались не под обычным его псевдонимом «Леонид» («Л.»), а под именами «М. Леонов» («М.Л.») и «Е. Идучанский». Работы вначале идентифицировались по косвенным признакам, а затем было получено прямое подтверждение их принадлежности перу Е.А. Преображенского. Российский исследователь С.Д. Гарнук обнаружил в Центральном архиве общественно-политической истории Москвы ранее неизвестную автобиографию Е.А. Преображенского, где тот раскрыл псевдонимы, под которыми публиковался в «Обской жизни» и «Забайкальском обозрении»⁸⁷. В результате проделанной исследовательской работы в научный оборот вводится около 70 ранее неизвестных статей Е.А. Преображенского, посвященных самому широкому кругу вопросов: текущим российским и важнейшим международным политическим событиям, колебаниям хлебных цен и лекциям по литературе и философии профессора Жакова, новинкам тогдашней беллетристики и классикам русской литературы А.С. Пушкину и А.И. Герцену, проблеме самоубийства и перспективам развития человеческой цивилизации. Думается, что и рассыпанные по страницам других периодических изданий статьи Е.А. Преображенского также вряд ли известны исследователям, не говоря уже о широком читателе.

Книга состоит из предисловия и трех частей: часть I. Начало пути: 1886–1917 гг.; часть II. В годы революции и Гражданской войны: 1917–1920 гг.; часть III. Азбука коммунизма: 1917–1920 гг.

В частях I и II вначале публикуются мемуары Е.А. Преображенского, в которых дается общая характеристика соответствующего этапа его биографии, а затем строго по хронологии выстраиваются работы нашего героя. Причем в части I публикуются все выявленные статьи и письма Е.А. Преображенского, а в части II — все выявленные архивные документы и выступления Е.А. Преображенского на партийных и советских форумах; газетные же статьи издаются не в полном объеме: опущено большинство многочисленных откликов Преображенского на международные события из «Уральского рабочего» за 1918 г.

В части III публикуются первые крупные работы Е.А. Преображенского: «Крестьянская Россия и социализм (К пересмотру нашей аграрной программы)» (1918 г. Брошюра включает статьи, в конце 1917 г. опубликованные в «Правде», а также ряд страниц, специально написанных для настоящего издания); главы из книги «Анархизм и коммунизм» (1918 г. Работа ранее, в том же году, была опубликована в виде очерков в «Уральском рабочем»; второе издание вышло в 1921 г.); совместная с Н.И. Бухариным книга «Азбука коммунизма. Популярное объяснение программы Российской коммунистической партии большевиков» (1919 г. Печатается по изданию 1920 г.); «Бумажные деньги в эпоху пролетарской диктатуры» (1920 г. Первая крупная работа Е.А. Преображенского, специально посвященная финансовым вопросам). Не публикуется ряд популярных работ Е.А. Преображенского, которые практически повторяют содержание переиздаваемых книг и брошюр: «О крестьянских коммунах (Разговор коммуниста-большевика с крестьянином)» (М.; Пг., 1918); «Нужна ли хлебная монополия?» (М., 1918); «С кем идти крестьянской бедноте?» (Пг., 1918); «Организация сельского хозяйства» (Издание сельского отдела Елизавет[градского] парткома КП(б)У, 1920); «Трехлетие Октябрьской революции» (М., 1920).

Археографическая подготовка документов проведена в соответствии с «Правилами издания исторических документов» (1990). Опечатки, грамматические ошибки

оригиналов текста исправлены без оговорок. Ряд уточнений даны в квадратных скобках.

Научно-справочный аппарат включает в себя предисловие, примечания, список сокращений и именной комментарий.

Составитель благодарит за помощь в подготовке настоящего издания заместителя директора ГА РФ В.А. Козлова, директора научной библиотеки ГА РФ Э.Л. Гараненкову, сотрудника ГА РФ А.А. Федюхина, работников РГАСПИ Л.П. Кошелеву, А.С. Массальскую, Л.А. Роговую, Е.П. Караваеву, А.А. Ощепкову, директора Государственной публичной исторической библиотеки России М.Д. Афанасьева, сотрудниц Государственной общественно-политической библиотеки (бывшая библиотека ИМЭЛ) М.Д. Дворкину, И.Б. Цветкову, и.о. директора Госархива Свердловской области А.Г. Сапожникова. Особые слова признательности редактору тома Ю.Б. Живцову, археографу и составителю именного комментария Н.А. Тесемниковой, заместителю директора ЦНИИПАФ Главархива Москвы М.Ю. Морукову, а также всем сотрудникам Центра, принимавшим участие в работе над книгой. Благодарю за всестороннее содействие моего соавтора С.В. Цакунова, выявившего ряд вошедших в том интереснейших документов и взявшего на себя оплату всех типографских работ. Настоящее издание было бы невозможным без заинтересованного участия английского журналиста Саймсона Пирани. Составитель особенно признателен профессору Университета Торонто (Канада) Ричарду Б. Дею, по сути инициировавшему данный проект и поддерживавшему составителя и авторский коллектив на всех этапах его осуществления.

М.М. Горинов

Часть I

**НАЧАЛО ПУТИ:
1886–1917 гг.**

Родился я в 1886 г. в г. Болхове Орловской губ[ернии] в семье священника. Очень рано научился читать и уже в четыре года читал рассказы в азбуке Толстого. В детстве был очень религиозен. Много времени проводил на колокольне тех двух церквей, где служил отец: ловил голубей, разорял гнезда ворон и недурно звонил в маленькие колокола. Из социальных чувств, пробудившихся у меня очень рано, было отвращение к материальному неравенству. Когда мне было лет восемь, я, помню, демонстративно выбросил матери купленные для Пасхи новые сапоги на том основании, что мой приятель детских игр Мишка Успенский, сын сапожника, должен был из бедности надеть на Пасху рваные сапоги. Сначала я учился в частной школе моего отца; потом перед поступлением в гимназию прошел два класса болховского городского училища. Первые два-три года в орловской гимназии учился хорошо, был вторым учеником, но потом потерял интерес к гимназическим наукам, потому что увлекался чтением газет, журналов либерально-народнического направления, романов наших классиков и учебников истории. На четырнадцатом году самостоятельно пришел к убеждению, что бога не существует, и с этого момента началась у меня упорная борьба внутри семьи против посещения церкви и прочих религиозных обрядов. Это отвращение к религии еще более укреплялось благодаря тому, что я наблюдал всю религиозную кухню с ее закулисной стороны собственными глазами. Мои атеистические воззрения еще более укрепились, когда я прочитал два тома «Истории культуры» Кольба. Это поверхностное произведение оказало на меня столь сильное влияние именно потому, что автор последовательно разоблачает все религиозные суеверия и религиозное невежество, не умая, впрочем, понять их исторической закономерности. Последнее, однако, было для моего тогдашнего развития скорей плюсом, а не минусом. Меня интересовало тогда не столько объяснение религии, сколько ее абсолютное отрицание.

Прежде чем в мои руки попало первое подпольное произведение, я был уже достаточно радикально настроен под влиянием чтения «Русского богатства», «Русских ведомостей», «Отечественных записок», Салтыкова-Щедрина и особенно Добролюбова и Писарева. С другой стороны, во время каникул я постоянно наблюдал в деревнях Болховского, Мценского и Брянского уездов, где часто проводил каникулы, бедственное положение, нищету и забитость крестьянства.

Когда я был в пятом классе гимназии, мне впервые попала в руки кое-какая нелегальная литература. Из этих первых произведений вспоминаю отпечатанный на гектографе фельетон Амфитеатрова «Господа Обмановы», перед этим напечатанный в газете

* Продолжение см.: Ч. II. Док. № 1.

«Россия», прокламацию революционного комитета студентов Екатеринославского городского института, описание избияния студентов казаками и несколько революционных стихотворений, как «Марсельеза», «Дубинушка», «Смело, друзья, не теряйте» и т.д. Как сейчас, вспоминая один очень важный момент из своей биографии. Дело было летом, когда я приехал на каникулы домой, в Болхово*, забрался в самый темный угол нашего сада, где за баней была расположена маленькая лавочка в кустах сирени, и начал перечитывать все мое нелегальное достояние, как старое, так и вновь полученное, в том числе рукописную тетрадь с различными студенческими прокламациями, юмористическими и лирическими стихами, а также с некоторыми фактами из революционной хроники. В определенный момент передо мной встал во всем объеме чисто практический вопрос: что же делать? Согласен ли я стать в ряды революционеров со всеми вытекающими отсюда последствиями, как исключение из гимназии, разрыв с семьей, тюрьма, ссылка и т.д.? И вот здесь-то я принял решение и твердо сказал себе: да, я перехожу в ряды революционеров, что бы ни случилось.

В нашем городе этим летом единственная революционная «ячейка» состояла, по-видимому, из меня и моего товарища детства, сына местного купца – Ивана Анисимова, впоследствии ставшего меньшевиком и, кажется, эмигрировавшего вместе с белыми. Мы отправлялись с ним вдвоем за город в наиболее глухие места и выражали наш протест против самодержавия пением «Марсельезы», но так, чтобы никто, кроме нас, не слышал. Когда мы проходили мимо болховской городской тюрьмы – жалкого старомодного зданья, где обычно содержалось десятка два мелких ворюшек и конокрадов, наши мысли уходили к Крестам и Бутыркам, где томились дорогие нам борцы против самодержавного режима.

Вернувшись после каникул в гимназию, я решил употреблять на гимназические предметы минимум времени, чтобы не спускаться только ниже «тройки», а центр тяжести своей деятельности перенес на жадное чтение по ночам заграничных произведений на папиросной бумаге, посвящая все время днем чтению книг по истории культуры, по общей истории, особенно по истории революции, а также первым начаткам политической экономии. Кроме того, мы с Иваном Анисимовым начали расширять свою пропаганду среди учащихся, завели пару кружков, вступили в сношения с поднадзорными города Орла. В этот период у меня появляется мистическая страсть к размножению нелегальной литературы. Рукописный журнал «Школьные досуги», журнал, который я основал и вел вместе со свихнувшимся потом поэтом Александром Тиниковым, я к этому времени забросил ввиду его политической бесполезности. Печатание на гектографе некоторых небольших вещей точно так же меня не удовлетворяло, хотя с одной и той же массы гектографа мы получали сто экземпляров. Я мечтал о типографии и для осуществления своей мечты к следующим каникулам подготовил «повышение уровня техники». В числе прочей революционной молодежи того времени в нашем кругу в Орле были дети владельца местной типографии Алексина. По моему настоянию Саша Алексин украл из касс типографии своего отца пять фунтов шрифта, который я предполагал употребить для более усовершенствованного печатания «Сборника революционных песен», «Марсельезы» и других. С этим шрифтом я прискал домой на каникулы и «открыл» типографию в бане своего отца в саду. Сделал кассы, разложил по ним шрифт и начал набирать «Отречение от старого мира». Чтобы мои уединенные занятия в бане не были подозрительны для семейства, я убедил отца в том, что мне физически полезно вставать на рассвете и ходить купаться в местную реку Нугрь. Купаться я, конечно, не ходил, а все время проводил в бане, пытаясь овладеть типографским ремеслом. Из моего набора ничего не выходило: буквы рассыпались, некоторых букв не хватало, а когда с огромными

* Так в оригинале. Правильно – Болхов.

усилиями я набрал первый куплет и с душевным трепетом попытался получить первый оттиск, то все буквы вышли вверх ногами. Когда наконец я добился правильного набора, то букв не хватило на два куплета. Промучившись две недели над своим предприятием, я решил «закрыть» типографию, закопал шрифт в землю, а осенью отвез его обратно в типографию Алексина. Пришлось по-прежнему остаться на уровне гектографской техники, с тем чтобы потом перейти к mimeографу, на котором мы по поручению орловского комитета печатали те или другие воззвания.

Когда я перешел в седьмой класс гимназии, я уже не мог долго оставаться в состоянии неопределенной и неоформленной революционности. Надо было выбирать между социалистами-революционерами и социал-демократами. Решающее влияние на выборку моего мировоззрения имели в это время два произведения: «Коммунистический манифест» и «Развитие научного социализма» Энгельса. Долго размышляя над этими произведениями, я решил, что народническое мировоззрение является несостоятельным и ненаучным и что только марксизм может указать мне правильную дорогу. Этот перелом в моем мировоззрении имел также и известные практические последствия. До этого момента я распространял среди учащейся молодежи не только социал-демократическую литературу, которая к нам шла от членов орловского комитета с.-д. партии – Валерьяна Шмидта, Петра Семеновича Бобровского (впоследствии ставших меньшевиками), но и с.-р. литературу, которой нас снабжала поднадзорная [э]с[е]рка Никкелева. Вспоминая, как я с мрачной решимостью заявил однажды Никкелевой, что я уже не могу помогать ей в распространении эсеровской литературы, потому что я теперь стал социал-демократом.

Из товарищей, которые в это время участвовали в нашей ученической революционной организации, я вспоминаю особенно отчетливо Александра и Евграфа Литкенсов, которые оба трагически погибли (Евграф был впоследствии зам. наркомпросом), Д. Кузовкова, Н. Михеева, Ледовского, Е.М. Котину. Из семинаристов – Романова, М. Феноменова и др. Вспоминаю один весьма курьезный инцидент, участниками которого были упомянутый Анисимов, старший Литкенс и я. Мы составляли с.-д. тройку в гимназии и должны были хранить постоянно довольно большое количество нелегальной литературы. Чтобы не пользоваться кустарными методами – закапыванием литературы в землю, затыканием в дуло деревьев и т.д., мы решили на квартире поднадзорного Баринаова организовать маленький склад. Для этого в подгрубке* русской печки мы решили положить вторую стену из кирпичей и за этой двойной стеной хранить наши нелегальные сокровища, имея один слегка замазываемый сверху выдвинутой кирпич. В одно из воскресений мы осуществили с огромными усилиями и предосторожностями всю эту конструкцию и торжественно поместили в этом новом хранилище все наши нелегальные резервы. Но тут случилось маленькое несчастье. Хозяйка дома, которая приходила время от времени топить печь в квартиру Баринаова, занимавшего отдельную половину дома, протопивши печь, захотела всунуть под грубку кочергу, которая вдруг теперь не входила туда целиком. Перепуганная хозяйка пошла сказать об этом хозяину, они вместе с фонарем явились обследовать отверстие, но ничего там не нашли, стена была как стена, но кочерга все-таки не входила. Вокруг этой печки пошли разговоры среди соседей, и в следующее воскресенье мы благоразумно решились ликвидировать наш склад с такими же предосторожностями, с какими он был построен. Кирпичи ночью унесли и потопили в реке Орлике. Но когда в следующий раз хозяйка снова пришла топить печь, кочерга уже теперь опять входила, как и прежде, нормально в грубку до самого конца. Снова появился хозяин, снова обследовали с фонарем подгрубку и опять ничего не нашли. На этот раз они были испуганы еще более, чем в первый раз, и хозяйка начала говорить о

* Грубка, груба (кур., орл., воронеж.) – дымоход, топка и труба русской печи.

действию какой-то нечистой силы, связывая это с поднадзорностью своего квартиранта Барина. В общем, этот инцидент кончился для нас без особых последствий. Осенью этого же 1903 г. мы развернули более интенсивную работу среди учебных заведений и действовали в качестве с.-д. ячейки орловского комитета партии.

Собственно, с конца 1903 г. я считаю себя членом партии, хотя формальный торжественный прием меня, Литкенса и Анисимова в партию состоялся месяца на два-три позже.

В начале 1904 г., когда началась русско-японская война, орловский комитет партии выпустил прокламацию против войны и поручил нам трем распространить ее в большом количестве в гимназии. Мы осуществили это следующим образом. Во время одного урока мы одновременно все трое из разных классов вышли в раздевальню, где висели пальто всех гимназистов, и, уловив удобный момент, разложили полторы или две сотни прокламаций в карманы пальто всех гимназистов старших классов. Операция прошла благополучно, и, когда гимназисты одевались и расходились по домам, они все с удивлением находили в карманах произведение орловского комитета. Получился громадный скандал, администрация металась в поисках виновников, жандармы учинили следствие, но виновников не нашли. После этого первого нашего организационного выступления орловский комитет счел возможным принять нас формально в группу пропагандистов при комитете, что после некоторого легкого коллоквиума было сделано в феврале 1904 г.

Весной этого года я получил маленький кружок из двух человек рабочих с Хрущевского механического завода и довольно длинный, но не очень убедительно разъяснял им программу партии. Летом того же года, перейдя в восьмой класс гимназии, я, посоветовавшись с комитетом, взял летний урок в центре Мальцевских заводов, на Дятковской фабрике Брянского уезда, у сына местного станового пристава Золотова. Своего ученика, Николая Михайловича Золотова, ныне живущего во Франции, я обратил в с.-д. веру. Занимаясь с ним официально латынью, мы главные наши усилия употребляли на пропаганду среди рабочих Дяткова, Ивота и др. Мальцевских заводов. Здесь впервые я познакомился с Фокиным, который играл впоследствии большую роль в строительстве наших организаций советской власти в Брянском районе. Становой пристав Золотов, отец моего ученика, прилагал много усилий, чтобы выловить дятковскую ячейку нашей организации, которая распространяла нелегальную литературу и выпускала прокламации на mimeографе. Хранение этого mimeографа и нелегальной литературы мы осуществили довольно своеобразным способом. Мой ученик жаловался отцу, что ему негде хранить свои книги и тетради, и попросил дать ему один ящик в столе отца, который запирался на ключ. Отец охотно дал ему этот ящик с ключом, и в этом ящике мы хранили и mimeограф, и нелегальную литературу, в то время как отец Золотова устраивал обыски по Дяткову, разыскивая зловерный аппарат распространения. Точно так же, когда нам нужно было устраивать массовки в лесах на отдельных фабриках, мы просили у станового пристава его пару лошадей, чтобы съездить на охоту, и ничего не подозревавший становой пристав охотно давал нам своих лошадей с бубенчиками, на которых мы объезжали организации нашего района. Вся эта история раскрылась только год спустя.

В 1905 г. наша группа провела всеобщую забастовку учебных заведений г. Орла в апреле и мае, и, несмотря на все это, несмотря на открытые выступления на митингах учащихся, где мы принимали наши академические требования, я не был арестован и даже получил аттестат зрелости. Летом 1905 г. я отправился на партийную работу в Брянск и там руководил вместе с двумя другими товарищами работой брянского комитета партии. Жил я на ст. Брянск, за отсутствием кровати в моей комнате спал на подостланных на полу двух газетах, питался одной колбасой с хлебом, расходуя не свыше 20 коп. в день, и каждый вечер ходил пешком туда и обратно в Бежицу, т.е. проделывал

18 верст, чтобы вести рабочие кружки на Брянском паровозостроительном заводе. В октябре того же 1905 г. по предложению Олимпия Квиткина был кооптирован в орловский комитет. Орловский комитет был тогда организацией примиренческой. Лидер комитета Пономарев, когда Олимпий Квиткин уехал, смеясь говорил другим членам комитета: «У нас имеется два солидных большевика: Михаил Екатеринославский, 20 лет, и Евгений Преображенский, 19 лет». Несмотря на эти шутки, я держался твердо своей линии и защищал позицию 3-го съезда нашей партии. С орловским комитетом перед этим произошел один курьез. Он послал своим представителем на 3-й съезд Олимпия Квиткина, который поехал туда меньшевиком, возвратился же убежденным большевиком и всячески поддерживал меня и Михаила Екатеринославского в наших большевистских настроениях. В октябре я участвовал после опубликования знаменитого манифеста в борьбе с погромщиками в Орле, а затем был послан на работу на Брянский завод. В Брянске я пробыл до половины ноября, а затем по предложению Н.М. Михеева, работавшего тогда в Москве, и с согласия московского комитета я переехал на работу в Москву, где меня назначили ответственным пропагандистом Пресненского района. Здесь я работал все время до восстания и во время восстания присутствовал на заседаниях районного комитета, руководившего пресненским восстанием, когда нашими силами командовал Седой. Моя функция в это время заключалась главным образом в проведении митингов на бастующих заводах, обстреливавшихся уже в это время артиллерией с Ваганьковского кладбища. Когда Пресня была уже оцеплена семеновцами и горела, я, спрятавши свой браунинг в ватерклозете своей квартиры, пробрался через цепь солдат ночью в центр города, съездив на несколько дней в Орел и потом вернулся в распоряжение бюро нашего центрального комитета в Москве, которым руководил тогда Рыков. А.И. Рыков предложил мне на выбор две организации, где произошли наиболее большие провалы, – Костромскую или Пермскую, на Урале. Я избрал Урал и через пять дней был уже на месте и был введен в пермский комитет.

В Перми в это время постоянно работала Клавдия Тимофеевна Новгородцева, туда назжал также Яков Михайлович Свердлов, сколачивавший после январского провала уральское объединение нашей партии. В Перми я проработал около двух с половиной месяцев и по провокации небезызвестного в Мотовилихе Вотина был арестован вместе с другими товарищами 18 марта. Это было первое мое тюремное сидение. Через пять месяцев, после четырехдневной голодовки, меня вместе с Биной Лобовой, Лизой Кин и другими товарищами освободили из тюрьмы за недостатком улик под надзор полиции. Когда я вышел из тюрьмы и пошел по городу с маленьким узелком вещей под мышкой, меня встретил на улице Александр Минкин, который познакомил меня с состоянием организации и предложил начать работу. На другой день я уже выступал в дискуссии с эсерами на другом берегу Камы, и колесо обычной подпольной работы снова завертелось. Ввиду провала областной организации я отправился в Екатеринбург, Челябинск и Уфу, чтобы восстановить связи, назначил осенью областную конференцию в городе Вятке, но самому мне не пришлось принять в ней участие. Командированный пермским комитетом для закупки браунингов для боевой дружины пермской организации в Петроград, я по провокации Фомы Лебедева (впоследствии мною опознанного случайно в Орле в 1919 г. и затем расстрелянного в Перми) был арестован на казанском вокзале и снова отправлен в Пермь. Второй раз я сидел в пермской тюрьме, а затем в знаменитых Николаевских ротах* около восьми месяцев, а потом, когда дело нашей группы перешло в Казанскую судебную палату, был снова освобожден за недостатком улик.

Выйдя из тюрьмы, я поехал на Южный Урал, где работал преимущественно в Уфе на Симских заводах и в Златоусте. Нам удалось восстановить снова уральскую област-

* Тюрьма, находившаяся недалеко от Верхней Туры.

ную организацию, одним из самых видных работников которой в это время был Николай Никандрович Нахоряков (кличка Назар). В прекрасной уфимской нелегальной типографии мы возобновили издание нашего уральского областного органа «Уральский рабочий», кроме того, начали издавать «Крестьянскую газету» и «Солдатскую газету». В 1907 г. я присутствовал в качестве делегата от Урала на Всероссийской конференции нашей партии в Финляндии, где впервые познакомился с Лениным. Работа моя на Урале продолжалась до марта 1908 г., во все более ухудшающихся условиях, при растущих провалах и в обстановке все усиливающейся реакции. В марте я был арестован на челябинской городской конференции, проглотил порядок дня и зашифрованные адреса и в ту же ночь благополучно бежал из полицейского участка. Будучи окончательно провален на Урале, я, однако, не смог его покинуть и бежал из Челябинска в Уфу, переодевшись реалистом. Мне надо было созвать уральскую конференцию, которая была назначена в Златоусте. В Уфе я продержался недолго, и на конференции мне не пришлось быть. Я был арестован на улице шпиками в конце апреля и тут же опознан. Перед моим арестом в Уфе со мной произошел следующий интересный инцидент. У Брюханова, нынешнего наркомфина и бывшего тогда члена уфимского комитета, происходил обыск, причем жандармы рассчитывали поймать меня и имели лист с моими приметам, присланный из Челябинска. Встретившись в дверях с жандармским ротмистром, я, переодетый по-прежнему реалистом, сообразил в чем дело и спросил его, где здесь живет студент Верниковский (это был сын владельца обоих домов, в одном из которых жил Брюханов). Жандармский ротмистр, не подозревая, с кем имеет дело, вежливо указал мне дорогу в соседний большой дом, куда я радостно направился. Свою ошибку жандармы узнали уже значительно позже.

Меня продержали некоторое время в уфимской тюрьме, а потом отправили в Челябинск. В Челябинске я просидел до суда, который состоялся осенью 1909 г. Во время суда, ожидая каторжного приговора, я пытался бежать от конвоя, но неудачно и был жестоко избит конвойными солдатами. Между тем приговор оказался очень мягким: нам дали всем ссылку на поселение. После чего я вторично судился по 102-й ст. в Перми и получил второй раз ссылку на поселение. Пропутешествовав по этапу до Александровской пересылки под Иркутском и просидев там до лета, я летом был водворен в Карапчанскую волость Киренского уезда. В ссылке мы жили дружной семьей в коммуне, в которой вместе с прочими принимали участие покойный Артём Сергеев, Петр Коваленко, Анатолий Галкин и другие товарищи. Занимался я кроме поденной работы у крестьян главным образом охотой. Зимой 1911 г. екатеринбургский комитет нашей партии предложил мне бежать из ссылки, приехать в Екатеринбург и поехать от екатеринбургской организации делегатом за границу на конференцию нашей партии, которая несколько позже состоялась в Праге в 1912 г. Я с радостью принял это предложение, тем более что об этой конференции я имел уже переписку с Надеждой Константиновной Крупской и получил небольшое зашифрованное письмо от Владимира Ильича. Незадолго до моего бегства из ссылки по направлению к Екатеринбургу Департамент полиции распорядился произвести у меня обыск и послал для этого знаменитого ротмистра Трещенкова, известного расстрелом ленских рабочих. Вследствие зимнего ледохода на Ангаре Трещенков не смог переехать реку и без всяких результатов вернулся обратно в Киренск. Несколько позже, в первый день Рождества, становой пристав Нижнего Илимска*, в ведении которого мы, ссыльные, тогда находились, получил телеграмму из Департамента полиции о моем немедленном аресте, так как екатеринбургская организация была уже арестована и следствием была установлена моя связь с этой организацией. По случаю первого дня Рождества становой пристав лежал пьяный, телеграмму вскрыл его

* Современное написание: Нижнеилимск.

секретарь, который проболтался об этом нашим товарищам-ссылным в Нижнем Илимске. Товарищи немедленно послали ко мне гонца, который проскакал ночью 80 верст, а минут через 30 я уже сидел на крестьянской подводе и мчался по направлению к железнодорожной станции Тулун. Когда становой пристав проснулся, прочитал телеграмму и поехал меня арестовать, я уже проехал навстречу ему Нижний Илимск и подъезжал к Тулуну. Из Тулуна я отправился в Новониколаевск, где начал работать в качестве сотрудника в легальной марксистской газете «Обская жизнь». В этой газете я поместил несколько статей с защитой нашей большевистской позиции по основным политическим вопросам того времени. Кстати, я тогда списался с Зиновьевым, просил его сотрудничать в газете и получил одну статью, которая пошла за подписью Г.З. Обещал сотрудничать и Владимир Ильич, но ничего не успел послать. Осенью 1912 г. вся наша новониколаевская организация была по провокации арестована. Еще раньше был арестован работавший в организации Петр Коваленко. Я был арестован за день до отъезда за границу, куда меня приглашала приехать на какое-то совещание Надежда Константиновна Крупская. Из Новониколаевска я был переправлен в екатеринбургскую тюрьму, причем на этапе встретил отправлявшихся в ссылку Л. Серебрякова, Зеленского, Кузменко и других.

В Екатеринбурге я привлекался по процессу с Семеном Шварцем, Евг[енией] Бош, А.В. Трубиной, А. Пармоновым и другими товарищами. Вследствие глупости прокурора, который смешал меня в своей обвинительной речи с другим Евгением, я, при содействии защиты, в которой участвовали Н.Д. Соколов, А.Ф. Керенский и Н.М. Михеев, был, ко всеобщему удивлению, оправдан.

Из екатеринбургской тюрьмы я был снова отправлен в ссылку, получивши предварительно шесть месяцев тюрьмы за побег. В ссылке этот раз я пробыл недолго, и в 1915 г. мне разрешили переехать в Иркутск. В Иркутске я вступил в местную организацию партии, которая вскоре провалилась. После провала, во избежание новой провокации, мы организовали новую группу из самых «надежных» товарищей в составе Завадского, Ромма, Дзярского*, Крута, Самсонова и меня, обзавелись типографией и хотели начать работу изданием написанной мною прокламации против войны. Вскоре оказалось, что среди нас, шести «надежных», оказался провокатор. Мы распустили нашу группу и только после Февральской революции на основе архива Иркутского жандармского управления установили, кто нас выдавал. Это был Давид Крут, привлеченный в 1926 г. к суду в Москве по этому делу. Во время моего пребывания в Иркутске я участвовал в с.-д. органе «Забайкальское обозрение», где поместил две статьи против войны. [...]

Деятели СССР и революционного движения России:

Энциклопедический словарь «Гранат». —
Репринтное издание. М., 1989. С. 584–589.

* Фамилия воспроизведена неверно. Правильно: «Дзярский».

№ 2. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О Я.М. СВЕРДЛОВЕ И РЕВОЛЮЦИОННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА УРАЛЕ В 1906–1907 гг.

Из моих воспоминаний о Я.М. Свердлове

1926 г.*

В этих воспоминаниях я воспроизвожу только незначительную часть того, что я мог бы рассказать о Якове Михайловиче, особенно за подпольный период его деятельности. Но для того чтобы сделать мои воспоминания полнее, мне пришлось бы вооружиться рядом официальных партийных документов из соответствующего периода истории нашей партии, прочитать все воспоминания других участников партийной работы и при помощи этих вспомогательных методов восстановить в памяти путем ассоциации многое из того, что одним только усилием воли не приходит в голову. К сожалению, я не располагаю временем для такой обстоятельной работы, хотя не теряю надежды выполнить ее несколько позже.

В первый раз я встретил Якова Михайловича мельком в Москве в декабре 1905 г., когда он пробирался на несостоявшийся тогда объединенный партийный съезд и был застигнут железнодорожной забастовкой в Москве. Он выступал тогда в «Аквариуме» на многотысячных митингах московских рабочих и выделялся своими огромными головными средствами. От этой встречи в Москве у меня осталось о нем крайне смутное представление.

Как следует узнал я Якова Михайловича только по работе на Урале, куда я прибыл в начале января 1906 г. Первый раз встретил я его на одной партийной явке в Перми, где он кратко сообщил мне о той работе, которая мне предстояла в разгромленной после декабрьского провала пермской организации. Наиболее ярко вспоминаю я собрание пермского комитета партии, которое должно было принять резолюцию о создании уральского объединения наших организаций. На этом собрании Яков Михайлович делал доклад о воссоздании уральского областного центра. На собрании, насколько я помню, кроме Якова Михайловича и нескольких пермских рабочих присутствовали Клавдия Тимофеевна Новгородцева, Лиза Кин и другие работники пермской организации. Когда обсуждение доклада было закончено, Яков Михайлович шепнул мне, чтобы я предложил свою резолюцию, добавив: «Вы ведь специалист по выработке резолюций. Предложите, что нужно». Хотя я не считал себя специалистом по резолюциям, но тут же набросал проект, который и был принят собравшимися.

К этому времени у меня уже сложилось представление о Якове Михайловиче, которое мало изменилось во время последующих встреч с ним. Больше всего мне бросилась в глаза спокойная уверенность этого громадного организатора, который чувствовал себя уже тогда во всех наиболее трудных организационных вопросах, как в родной стихии. При возникавших затруднениях по части комбинации людей и принятия нужных организационных мер по восстановлению разрушенных организаций он чрезвычайно быстро, почти молниеносно находил нужное решение и проводил его после небольшой аргументации как нечто само собой разумеющееся и единственно целесообразное.

Яков Михайлович не работал тогда в Перми постоянно, так как он должен был объезжать всю Уральскую область. Расставив людей на соответствующие места в пермской организации, сделав все необходимые указания, он летел в другие города Урала, чтобы проделать там ту же необходимую организационную работу. В значительной степени благодаря его колоссальному организационному таланту и неутомимой энергии уральские организации были восстановлены после разгрома конца 1905 и начала 1906 гг. и

* Дата написания воспоминаний.

были в состоянии послать на так называемый объединительный съезд большевистское представительство.

Яков Михайлович придавал огромное значение созданию общеуральского объединения наших организаций и созданию твердого руководящего областного центра. Это было необходимо как вследствие отдаленности Урала от руководящих партийных центров России и заграницы, так и вследствие специальных особенностей уральской экономики и уральского быта. Правильность этой линии на уральское партийное объединение исторически полностью оправдана. После известных колебаний, которые были в вопросе о целесообразности существования областей, и Уральской в частности, Уральская область раньше других была твердо выделена в определенную экономическую единицу, и вновь воссоздано уральское партийное объединение.

Насколько своеобразны были всегда уральские условия нашей работы, в частности пропагандистская работа, видно хотя бы на следующем примере. Один агитатор, приехавший на Урал из Москвы или Петербурга (дело было еще в царское время), очень красноречиво распинался о необходимости для рабочих восьмичасового рабочего дня. Его пропаганда встретила живейшее одобрение со стороны присутствовавших, причем выступавшие вслед за ним рабочие говорили: «Товарищ оратор вполне правильно говорит, что нужен восьмичасовой рабочий день, а то мы работаем сейчас по шести часов, а при шестичасовом много ли заработаешь?» (Вследствие перенаселения на заводах наличная работа на них обычно делилась между всеми взрослыми; отсюда получалась неполная рабочая неделя, неполный рабочий день, неполный заработок.)

Яков Михайлович частью привлекал на Урале некоторые новые ценные силы, больше же заботился о выработке руководящих кадров из местных уральских работников. Отчасти благодаря этому, несмотря на колоссальные провалы уральских организаций, они оказывались наиболее устойчивыми в период кризиса и полного распада и исчезновения организаций в других местах.

В марте 1906 г., вследствие работы провокатора Вотина, рабочего Мотовилихинского завода, и других агентов охраны*, произошел громадный провал воссозданных пермской и мотовилихинской организаций. Аресты продолжались и в апреле и в мае и захватили все наиболее активные элементы из наших рядов. Но хотя более двух третей нашего актива уже сидело в пермской тюрьме, мы были уверены, что работа на воле будет продолжаться. Ручательством за это было не только то, что низы очень быстро выделяли вместо арестованных новые кадры работников, но и то, что Андрей, или Михалыч (две наиболее известные уральские клички Якова Михайловича), оставался на воле и неумоимо продолжал свою строительную работу в обстановке непрерывной слежки и жандармских преследований.

Однако дни свободы для Якова Михайловича были уже сочтены. В один прекрасный день его обложили шпики и подвергли такому преследованию, которое носило все черты преследования «под арест». В этих случаях шпики уже не считали нужным скрывать свою профессию и нагло шли по пятам в ожидании наиболее удобного момента схватить человека. Задача их состояла в том, чтобы не дать преследуемому ни выбросить, ни съесть тех документов, адресов и прочих бумаг, которые могли бы у него находиться. Однако, насколько помню, Яков Михайлович успел проглотить находившиеся при нем зашифрованные адреса, и, когда шпики схватили его за обе руки, он уже, как мы когда-то выражались в подполье, «очистился». Арестованного Михалыча посадили на извозчика и отправили в охранку, а потом перевели в пермскую тюрьму. Яков Михайлович должен был считать за счастье, что его арестовали в Перми, а не на территории Мотовилихинского завода. Необходимо заметить, что тогда арестованные

* В тексте: «охраны».

на территории г. Перми находились в привилегированном положении по сравнению с товарищами, которых арестовывали на Мотовилихинском заводе, так как арестованные на Мотовилихинском участке обычно подвергались тогда самым зверским избиениям, и от них пытались добиться компрометирующих показаний раньше, чем началось судебное следствие.

Яков Михайлович был арестован летом 1906 г., кажется в июне, точной даты я в настоящий момент не помню. Но я прекрасно помню тот момент, когда мы все, хорошо его знавшие, вдруг услышали в тюрьме его знакомый мощный голос. Мы уже успели перекинуться словами до прогулки, куда выпускали сразу почти все камеры политических, а более обстоятельный разговор начался на тюремном дворе. Яков Михайлович рассказал нам о состоянии партийной работы в Перми и других центрах Урала, а также об обстоятельствах своего ареста. Настроение у нас всех было тогда очень приподнятое, твердое; мы нисколько не сомневались в победе революции и не предполагали особенно долго задерживаться за тюремными стенами. Помню, что если не на первой, то на второй прогулке на тюремном дворе Яков Михайлович измерял длину тюремной стены и, вскочив на плечи самого рослого из наших товарищей, по кличке Потап (рабочий из Тулы, по фамилии Иванов), высчитал, сколько еще нужно надбавить к его росту, чтобы с его головы можно было перескочить через тюремную стену.

В пермской тюрьме потекли для него обычные для всех нас дни, которые делились на следующие части. Во-первых, сношения с волей и продолжение партийной работы из-за тюремной стены. Мы обсуждали в тюрьме положение в партии, тактические вопросы движения, вырабатывали и посылали на волю резолюции, которые должны были быть приняты организацией. Яков Михайлович давал свои организационные указания через тюремную почту, которая тогда, при сравнительной свободе режима, шла разными путями туда и обратно. Помню, по его заказу я писал какую-то прокламацию для пермской организации, если не ошибаюсь, в связи с выборами в Думу.

Вторая часть нашей работы заключалась в том, что мы вели внутри тюрьмы пропагандистскую работу среди более молодых и неподготовленных товарищей, главным образом рабочих Мотовилихинского и ближайших к Перми уральских заводов. В тюрьме было несколько кружков, организованных главным образом Яковом Михайловичем, в которых мы, пропагандисты, вели систематическую работу. Кроме того, читались доклады на разные темы и устраивались прения. Вспомоная, в частности, что в числе докладчиков был тогда и т. Егор (партийная кличка т. Канатчикова). Яков Михайлович придавал большое значение этой внутритюремной работе и тщательно следил за тем, чтобы мы добивали теоретически меньшевиков даже за тюремной стеной; а меньшевики тогда у нас бывали, так как у них были свои организации не только в Перми, но и на ряде заводов, хотя и очень слабые. Мы брали в обработку рабочих из этих организаций и делали из них большевиков.

Третьим пунктом нашей деятельности была подготовка к побегу. Хотя против Якова Михайловича не было особенно серьезных улик, но он чувствовал, что жандармы не выпустят его скоро на свободу. А на воле в это время так кипело и бурлило, так не хватало рабочих сил и так хотелось скорее выбраться из тюрьмы для продолжения прерванной работы! Поэтому уже вскоре после ареста Якова Михайловича, по его настоянию нам переслали с воли, с Мотовилихи, тоненькие стальные пилки, и закипела работа по подпиливанию тюремных решеток, в которой особенно деятельное участие принимал Иван Чугурин, по партийной уральской кличке Петр или Петруха. К побегу подбивало еще и то обстоятельство, что как раз из того самого коридора, где мы сидели, удачно бежали в начале весны т. Якубов (ему угрожала смертная казнь за вооруженное сопротивление жандармам) и несколько других товарищей, которым удалось уговорить часового бежать с ними.

Яков Михайлович предполагал воспроизвести второй раз ту же версию побега, т.е. распилить решетку во втором этаже, спуститься ночью на простынях вниз к часовому, с которым должна была договориться организация с воли, и бежать вместе с ним. Одновременно он готовил и другую версию побега -- во время прогулки товарищи, которые не предполагали бежать, должны были «увлечься» игрой в слона, соорудить слона такого размера, чтобы с этого слона возможно было забраться на стену тюрьмы, и во время прогулки бежать по огороду мимо часового, с тем чтобы часовой в это время был членом нашей военной организации и чтобы он открыл усердную, но безуспешную пальбу по убегающим.

В-четвертых, мы усердно занимались чтением. В тюрьму доставлялось много нужной нам литературы, и все мы, не теряя времени, с жадностью поглощали ее, начиная с самых основательных вещей, как «Капитал». Не помню, по чьему предложению мы ввели в камерах так называемую «конституцию», во время которой запрещалось разговаривать, баловаться и вообще нарушать тишину. В это время все занимались. Разговоры, баловство, дурачество и игры были регламентированы, и для них отведено определенное время. Яков Михайлович читал так же, как и другие, но мысль его больше, чем у кого-либо другого, уносилась к партийной работе на воле.

Во время прогулок на тюремном дворе мы проводили следующую часть нашего тюремного дня: с ожесточением играли в лапту, в козла и особенно напирали на слона, о значении которого для побега я уже говорил. Кроме того, и на прогулках, и в камерах, особенно после вечерней поверки, когда «конституция» уже не действовала, мы занимались пением. На кладбище перед тюрьмой часто приходили родственники или близкие друзья сидевших, и мы приветствовали их пением революционных песен. Все знают, что голос у Якова Михайловича был как настоящая труба. Но для пения его голос был мало подходящим, а главное — у него не хватало слуха. Однако нимало не смущаясь этим обстоятельством, он учился хоровому пению и, когда после нескольких опытов он стал фальшивить все меньше и меньше, он как-то, смеясь, сказал с удовлетворением: «Скоро я уже начну принимать участие в пении с решающим голосом». Мы пользовались голосом Якова Михайловича в тех случаях, когда надо было передать что-либо на далекое расстояние. Это нужно было как для выкриков по направлению к кладбищу, так и чаще всего для разговоров с женским двором, где сидели наши товарищи женщины, с которыми мы переписывались по тюремной почте и сговаривались через крайнее окно коридора, выходявшее на их двор. Если товарищи из женского двора не различали того, что говорит какой-нибудь наш оратор с коридора, то они обычно кричали: «Пошлите Михалыча».

После голодовки летом этого года мне в числе других товарищей, привлечавшихся по одному делу с Яковом Михайловичем (так называемое «Дело № 46 о пермской организации»), удалось выйти до суда под надзор полиции, так как улики против меня и других выпущенных были невелики. В один день со мной освободились покойная Бина (Лобова) и еще несколько человек. Из поручений, которые мне были даны из тюрьмы, я начал выполнять связанные с побегом, а именно: я должен был подготовить намечавшуюся вторую версию побега из тюремного двора. Надо было найти двух своих часовых из пермского гарнизона, которые согласились бы палить в воздух во время бегства через тюремную стену. Вопрос с побегом муссировался потому, что кроме Якова Михайловича надо было бежать Чугурину и Савинову, которым угрожало привлечение в Нижнем Новгороде за сормовское вооруженное восстание. В лесу, в трех верстах от города, я имел свидание с двумя солдатами, которых прислал наш военный организатор. Я убедился, что эти солдаты для данного дела не подходят. Один из них сразу же требовал, еще до операции, выдачи ему довольно большой суммы денег, мотивируя это тем, что ему, быть может, придется сидеть два-три года в дисциплинарном батальоне за неудач-

ную стрельбу. Но дело было не только в деньгах. Этот тип мне крайне не понравился, и я подозревал возможность того, что он, получив деньги, начнет палить не в небо, а по нашим товарищам. Посоветовавшись в организации с другими товарищами, мы забраковали этот состав часовых. Других, более подходящих, к сожалению, не было. Проект побега рушился.

Я пробыл на воле недолго – всего один месяц. Разумеется, я немедленно же после тюрьмы принял участие в работе пермской организации и, в частности, предпринял объезд уральских организаций для созыва второй уральской конференции*. Месяц спустя, по провокации Фомы (Лебедева**), я был арестован в Казани на вокзале, когда ехал в Питер для закупки браунингов для пермской боевой дружины нашей партии. Из Казани меня снова привезли в пермскую тюрьму. Насколько помню, Яков Михайлович тогда уже сидел не в общих камерах, а в так называемой «башне», т.е. одиночке. Надо заметить, что сидение в одиночке не было тогда наказанием, а отправлялись туда, за немногими исключениями, все товарищи по очереди (желающих было больше, чем свободных мест в одиночках), чтобы уединиться, не нервничать с другими в камере и в спокойной обстановке более обстоятельно заниматься серьезным чтением.

Вскоре, ввиду страшного переполнения пермской тюрьмы, громадную часть заключенных осенью этого года отправили в знаменитые Николаевские роты, расположенные недалеко от Верхней Туры. В этот ли раз или в другой партии Михалыч также был отправлен в Николаевские роты и помещен там в одноэтажном одиночном корпусе. Одиночки были темные, с узенькими окошечками, выходившими на тюремный двор. Вскоре же после приезда Михалыч снова начал разрабатывать проект побега. Из тюремного предания, мы уже знали обо всех побегах, которые вообще делались из Николаевских рот, и в частности из тех одиночек, где мы сидели. В последнем побеге из этих одиночек участвовал известный Михаил Вилонов, один из самых замечательных рабочих-большевиков нашей партии, впоследствии участвовавший в каприйской школе Горького, потом перекочевавший к Ленину в Париж и умерший в период реакции от чахотки. Побег удалось осуществить путем подкопа из одиночки на улицу. Эта же версия обдумывалась и теперь, а кроме того, разрабатывался план расилки решетки, выхода ночью во двор и бегства через тюремные стены.

В Николаевских ротах мы вели приблизительно тот же образ жизни, что и в пермской тюрьме, с той только разницей, что вблизи тюрьмы не было ни большого города, ни большой организации, и сношения с волей были более затруднены. Яков Михайлович был старостой нашего коридора и занимался нашим материальным снабжением. Каждый вечер он подходил к «волчку» (маленькое отверстие в двери камеры) всех одиночек и спрашивал, что кому надо выписать на еду на следующий день. Он убеждал всех выписать побольше, хотя ввиду скудости средств наша коммуна выписывала главным образом вареную картошку и кислую капусту. И здесь тюремный день уходил главным образом на чтение и на различные политические и теоретические дебаты. Как сейчас вспоминаю, в наших одиночках после вечерней поверки затевались споры, в которых обычно принимали участие сидевшие в одиночках кроме большевиков и эсеры. Обычно все сидевшие в одиночках подходили к «волчкам», прислоняли к ним ухо и прислушивались к выступающему оратору. Больше всех нарушал тишину Яков Михайлович, так как он не мог тихо говорить и всегда заставлял нервничать дежурного надзирателя,

* Эту конференцию я назначил в Вятке, но сам на ней не был, потому что меня арестовали до нее. На конференции видную роль играли Артем и Назар (Накоряков). (Прим. автора.)

** Этого провокатора Лебедева я случайно встретил в 1919 г. в Орле, накануне того, как его предполагал отправить начальником политотдела в одну из дивизий на Южный фронт. Я распорядился его арестовать. Он был расстрелян в Перми, сознавшись в своем преступлении. (Прим. автора.)

который опасался обхода администрации и нагоняя за беспорядок. Эсеры, сидевшие с нами, были очень слабыми в теоретическом отношении, и заклевать их в споре не составляло для нас никакого труда. Таким же образом играли в шахматы – у каждого игрока была доска с фигурами, слепленными из тюремного черного хлеба или из так называемой, по термину мотовилихинских рабочих, некалимки (особый вид стали). Из сидевших тогда в одиночках помню А.Н. Соколова и Вербова.

На прогулку всех сидевших в одиночках выводили вместе. Пока еще не выпал снег и не было холодно, мы играли преимущественно в лапту, зимой же любимой нашей игрой была так называемая коровка. Особенность этой игры заключалась в том, что какую-нибудь деревянную чурочку и ледянку игравший старался запустить в ноги остальных, и когда ему удавалось попасть, то попавшегося колошматили с двух сторон по спине и часто валили в глубокий снег. Несмотря на свою физическую слабость, Михалыч проявлял величайшую ловкость в этой игре и очень редко попадался за удар, зато чрезвычайно часто тузил других неловких компаньонов.

Главная масса политических заключенных сидела не в одиночках, а в общих камерах Николаевских рот. Тюремный режим ухудшался с каждым днем. Двух из наших заключенных из общих камер без всякого серьезного повода потащили раз в карцер и подвергли избиению. Организаторами этого дела и последующих избиений были известные тюремные уральские палачи Калачев, убитый в Перми, и старший надзиратель И. Устюнин, который судился даже в царском суде за страшное избиение в карцерах политических, кончившееся смертью одного нашего товарища.

Я застал только начало этого периода, когда нам в ответ на первое нападение на наших товарищей пришлось объявить всеобщую голодовку. Эта голодовка продолжалась ровно неделю – с одного воскресенья до другого – и страшно измучила всех заключенных, в том числе и Якова Михайловича. Голодовка кончилась каким-то компромиссом с администрацией. Я в это время сидел уже не в одиночке, а в общей камере. Во время голодовки, примерно на третий или четвертый день, раздавались голоса за ее прекращение. Но большинство твердо решило голодовку продолжать. В агитации за продолжение голодовки Яков Михайлович принимал самое деятельное участие, несмотря на свое слабое здоровье. Он перевязывал себе обычно живот полотенцем и большую часть лежал неподвижно на постели, выкуривая громадное количество табаку. В результате сидения в темных одиночках, недостаточного питания и воздуха его здоровье начало сдавать. У него были все признаки туберкулеза. Лицо сильно пожелтело и приобрело коричневый оттенок. Морально же он оставался совершенно неуязвимым, был крепок как скала и с твердой надеждой смотрел на будущее. Он вспоминал в это время, что туберкулез начался у него во время его первого сидения в нижегородской тюрьме, когда из-за одного его протеста поволокли его в сырой карцер тюремные надзиратели и очень сильно там его били по животу и по груди. В Николаевских ротах туберкулезный процесс снова усилился, и все мы очень опасались за его судьбу.

Любопытно отметить, что даже в тюрьме Яков Михайлович как-то автоматически становился всегда во главе всего того, что связано было с организационной работой. Хотя он был только старостой одиночного корпуса, но фактически он руководил всей нашей тюремной организацией, и староста общих камер, по кличке Потапыч (Плетнев), постоянно советовался с ним по всем основным вопросам нашей тюремной жизни.

В апреле 1907 г. наше дело о пермской организации перешло в Казанскую судебную палату. В частности, мое дело было прекращено прокурором за недостаток улики, и я был выпущен на свободу как раз накануне Пасхи. Товарищи на воле делали попытки возбудить вопрос об освобождении Якова Михайловича под залог до суда, но эти хлопоты не увенчались успехом. Жандармы и прокурор знали, что хотя против Якова Ми-

хайловича и не было серьезных улик с юридической точки зрения, но он являлся душой всех уральских организаций, а не одной только пермской и что его надо засудить во что бы то ни стало, опираясь хотя бы только на одни агентурные данные. Яков Михайлович вместе с другими товарищами по нашему делу судился выездной сессией Казанской судебной палаты и был приговорен к двум годам крепости. Эти два года он отбывал в екатеринбургской тюрьме.

Об этом периоде его жизни, когда он чрезвычайно усердно занимался теоретической работой, в частности обстоятельным изучением всех томов «Капитала», я знаю очень мало, так как в это время я работал на воле на Южном Урале или сидел в других тюрьмах Урала. Этот период его жизни должны осветить те, кто сидели тогда в Екатеринбурге.

По выходе из тюрьмы Яков Михайлович, несмотря на все последствия, которые имела тюрьма для его здоровья, как известно, продолжал с еще большей энергией, чем раньше, партийную работу и скоро очутился в ссылке в Туруханском крае. Я не встречался с ним за этот период, но восстановил с ним переписку. Это было тяжелое время в жизни нашей партии. Из партии бежали все колеблющиеся, все уставшие, все потерявшие веру в революцию элементы. Многие из тех, кто в период 1905–1907 гг. были в первых рядах движения, оказались уже не теми тогда, в период наступающей реакции. Одни отошли от работы совсем и навсегда, другие переживали ликвидаторские колебания. Между близкими прежде товарищами бывали в это время очень тяжелые встречи и очень тяжелые разговоры, часто люди, на которых мы рассчитывали, оказывались уже вне всякого движения. Все старые большевики, никогда не покидавшие партии, хорошо помнят этот тяжелый период ее истории.

Я написал в это время Якову Михайловичу письмо с изложением своего кредо и спрашивал о перспективах. Очень скоро я получил от него ответ, в котором он высказывал глубочайшую радость, что мы с ним единомышленники, и выражал пожелание снова встретиться на работе. В этот период я имел шансы встретиться с Яковым Михайловичем в томской пересыльной тюрьме, ибо я пересылался по этапу через томскую «пересылку» в Екатеринбург, на свой последний процесс, и узнал от тюремной публики, что несколько дней тому назад Яков был в этой «пересылке». [...]*

Преображенский Е. Из моих воспоминаний о Я.М. Свердлове // Яков Михайлович Свердлов: Сборник воспоминаний и статей. Л., 1926. С. 168–179.

№ 3. «...СТРАНИЧКА ИЗ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ВОСПОМИНАНИЙ» (март 1908 г. – февраль 1917 г.)

Январь 1934 г.

В 1908 г. я привлекался по 102-й статье в трех городах: в Челябинске, где был арестован весной этого года на партийной конференции, и после побега из полицейского управления снова возвращен в тюрьму этого города; затем в Перми, где провалилась наша пермская организация и были найдены документы, устанавливавшие мою связь с этой организацией в качестве члена уральского областного комитета большевиков; наконец, я был привлечен еще и в Уфе, где меня арестовали на улице с[о] статьями для «Уральского рабочего»**. В Челябинске я был осужден на поселение Саратовской

* Продолжение см.: Ч. II. Док. № 2.

** См.: Док. № 7, 8.

судебной палатой осенью 1909 г., в Перми был зимой того же года осужден второй раз на поселение Казанской судебной палатой¹, а в Уфе мое дело по той же статье было после этого прекращено.

Зимой нас целой группой отправили на поселение в Иркутскую губернию, что прежде всего означало отправку в иркутскую тюрьму. В иркутской тюрьме я встретил Артема (Сергеева), с которым мы не расставались до его побега из ссылки. Из иркутской тюрьмы нас огромной партией отправили в александровскую пересыльную тюрьму, отправили всех, кто отправлялся или в Якутскую область, или в дальние волости Киренского уезда, куда ссыльных везли после вскрытия Лены водою.

В 1910 г. в александровской пересыльной тюрьме скопилось очень много революционеров, которые ожидали отправки в так называемую ленскую партию. В числе ожидавших отправки ссыльнопоселенцев были представители самых различных революционных партий и групп. Еще до отправки в ссылку отдельные группы большевиков объединялись между собою, чтобы продолжать политическую деятельность и в ссылке, и после побега из ссылки.

В александровской «пересылке» из общей массы ссыльных выделилась группа большевиков, которые сошлись на определенных позициях в смысле политической оценки положения и в смысле общности тех перспектив, которые перед ними намечались. Эта группа состояла прежде всего из кадровых большевиков, а также некоторого количества меньшевиков-партийцев, которые в это время разорвали с ликвидаторами. Во время многочисленных политических выступлений, которые имели место в пересыльной тюрьме, рефератов, дискуссий и т.п. единомышленники узнали друг друга. Из товарищей, которые направлялись вместе по одному пути от Усть-Кута, а именно в Карабчевскую волость* и Нижнеилимскую волость Иркутской губернии, составила твердая группа большевиков, которые сошлись на определенных политических позициях и ставили перед собой одинаковые политические задачи.

В эту группу кроме меня входили: покойный Артем Сергеев, Петр Коваленко, Анатолий Галкин, Василий Шамшин и еще несколько человек. Большевики этой партии, попав в Карабчевскую волость, организовали своеобразную коммуну, которая была не просто коммуной в нашем старом поселенческом понимании, а коммуной, которая одновременно была зародышем политической организации².

Эта партийная коммуна с самого начала приняла внутренний устав, который предполагал, что членом коммуны может быть только член партии. После того как мы все оказались в карабчевской ссылке, то наряду с тяжелой борьбой за материальные условия существования мы одновременно ставили перед собой определенные задачи в деле продолжения революционной работы. Те из нас, которые имели непорванные еще связи с партийными организациями, *готовились*** к скорому побегу из ссылки для того, чтобы снова вернуться к партийной работе. Другие откладывали побег до более благоприятного времени, поскольку не могли сразу восстановить связи с товарищами по организации и перейти на активную работу в подполье. Третьи, как, например, покойный товарищ Артем, ставили своей задачей вернуться к политической деятельности через эмиграцию.

Первое, о чем пришлось подумать, — это о создании некоторого фонда материальных средств для помощи товарищам, бегущим из ссылки на партийную работу; о получении для них паспортов и об установлении связи с теми колониями, которые лежали на пути бегства, как, например, Братский острог, Тулун и др. И наконец, мы ставили себе задачей организацию партийных групп внутри всей ссылки Киренского уезда, для како-

* Правильно: Карабчевская волость.

** Здесь и далее курсивом выделены слова, вписанные Е.А. Преображенским фиолетовым карандашом над строкой. Слово «готовились» вписано вместо зачеркнутой фразы «мечтали о скором побеге».

вой цели вступили в сношение с товарищами *из других волостей*. Из нашей коммуны первым выбыл покойный Артем Сергеев. Мы снабдили его на дорогу небольшой суммой денег, очень плохоньким паспортом-фальшивкой и личными письмами к товарищам в Братском остроге и Тулуне для обеспечения его дальнейшего продвижения. Как известно из биографии Артема, он эмигрировал сначала в Шанхай, оттуда в Соединенные Штаты и, наконец, в Австралию, где участвовал в политической деятельности как большевик, находился в связи с Лениным, в частности, с огромной энергией участвовал в кампании по провалу предложения Юза, защищавшего вступление Австралии в войну на стороне Антанты.

Из оставшихся товарищей следующим за Артемом бежал на партийную работу П. Коваленко. Подробностей этого побега я не буду касаться, и, поскольку П. Коваленко является в живых*, он может рассказать подробности сам.

Прежде чем говорить о дальнейшем, замечу здесь, что нам удалось создать нечто вроде подпольного партийного комитета, очень узкого по своему составу, который ставил на первое время своей задачей организацию побегов нашей партийной группы. В дальнейшем, как я скажу ниже, мы установили также связь с нашим заграничным большевистским центром.

Вслед за П. Коваленко бежал Анат[олий] Галкин. Затем в конце 1911 г.**, на второй день Рождества, бежал из ссылки я.

Обстоятельства, связанные с моим побегом, следующие. Приблизительно в середине ноября мес[яца], в разгар ледохода на Ангаре, по распоряжению Департамента полиции в село Воробьево Карабчевской волости, где мы жили, для произведения у меня обыска прибыл знаменитый ротмистр Трещенко¹. Он не мог пересечь через Ангару вследствие ледохода, прожил там в избушке перевозчиков два дня и уехал обратно. Несколькими раньше я списался с Лениным и в связи с намечавшейся тогда заграничной большевистской конференцией, которая позже состоялась в Кракове⁴, я сделал Ленину следующее предложение. Ввиду того что у нас среди ссыльных Карабчевской и Нижнеилимской волостей и ряда волостей Киренского уезда существовали партийные группы, насчитывавшие свыше ста человек, я предложил послать на заграничную партийную большевистскую конференцию одного представителя от ссыльных большевиков. Я получил ответ, в котором Н.К. Крупская сообщала о ближайших планах нашего большевистского центра за границей, а Ленин на мое предложение ответил приблизительно следующее: мы обсудили ваше предложение, будет, вероятно, целесообразно, чтобы вы послали представителя, но вы должны помнить, что этот представитель должен стоять на позициях разрыва с примиренцами.

В 1921 г., во время заячьей охоты с Лениным⁵ в Самаринском лесу, я напомнил ему об этом письме и обо всей той обстановке. Я сказал ему, что когда мы получили его письмо, то не могли понять, о каких примиренцах он говорил и только позже, когда мы познакомились с партийной прессой, мы поняли, что в разрыве с примиренцами заключался как раз гвоздь вопроса.

«Да, в этом была вся суть», — сказал Ленин.

Несколько позже, после того как я отправил ответ на письмо Ленина и Н.К. Крупской, ответ, который был получен за границей, — как потом я установил из частных разговоров с Надеждой Константиновной, — я получил письмо от екатеринбургского комитета нашей партии, в котором секретарь этого комитета Маруся Черепанова, ныне покойная и жена расстрелянного в Томске большевика Черепанова, предлагала мне от имени екатеринбургской организации принять мандат на заграничную конференцию большевиков

* Так в документе.

** Далее зачеркнуто: «как я вспоминаю».

и, в случае моего согласия, ответить условной телеграммой. Я, разумеется, с радостью принял это предложение и ответил телеграммой о моем согласии. Через некоторое время, во всяком случае очень скоро после посылки мною телеграммы, екатеринбургская организация нашей партии была арестована и в числе прочих вещественных доказательств, взятых при обысках, попала и моя телеграмма. На основе установленной жандармами связи моей с екатеринбургской организацией Департамент полиции отдал телеграфное предписание нижнеилимскому становому приставу немедленно отправиться в Воробьево и арестовать меня и отправить под конвоем в Иркутск. Эта телеграмма пришла в первый день Рождества, когда господин пристав лежал мертвецки пьяным. О содержании этой телеграммы секретарь пристава проговорился нашим товарищам по нижнеилимской ссылке, и они немедленно снарядили ко мне гонца в Воробьево. Товарищ проскакал отделявшие Нижнеилимск от Воробьева 80 верст при сорокаградусном морозе и приехал под утро 26 декабря в Воробьево, разбудил меня, рассказал в чем дело, и мы решили немедленно организовать побег. Приблизительно через час я уже со всеми моими пожитками, уместившимися в маленькую наволочку подушки, был готов к отъезду. Затруднение заключалось лишь в том, чтобы найти лошадь, потому что все крестьяне села Воробьева по доброму обычаю того времени были пьяны, и никто не желал ехать даже за большую цену во время праздника в Нижнеилимск. Случайно мы нашли у одного подвыпившего крестьянина лошадь, но сам он не поехал, а кучером поехал со мной Степан Литвинов (насколько знаю, теперь работает в Харькове, коммунист). 80 верст, отделявшие Воробьево от Нижнеилимска, я проехал не без волнения, потому что каждый час ожидал встречи со становым приставом, который должен был арестовать меня.

Этот путь от Воробьева до Нижнеилимска я и сейчас вспоминаю с такой отчетливостью, как если бы это случилось вчера. Небольшая сибирская лошадка, густо обросшая длинной шерстью, бойко бежала по таежной дороге, по которой по случаю праздника никто в этот день утром не ехал. Стоял сорокаградусный мороз. В тайге была полная тишина, ветра не было, иногда слышались морозные «выстрелы» с окоченевших деревьев. Возле одного мостика через таежную речку на двух больших, наклонившихся к земле березах сидело десятка полтора тетеревов. Они подпустили нас так близко, как никогда не подпускали на охоте. Мы с Литвиновым были страстными охотниками. Литвинов страшно жалел, что не захватил с собой ружья. Стая с шумом поднялась и полетела в ближайший бор и с коканьем расселась на больших соснах. Это было примерно 20 верст от Воробьева, т.е. четверть пути. Я откладывал в своем уме, что уже имею 25% шансов избежать тюрьмы и каторги (поселенцы, осужденные снова по 102-й ст., получали минимум 6–8 лет каторги, как рецидивисты, и у меня дело шло именно об этом). Половина дороги, а именно 40 верст, проходила по пустынной тайге без единого жилого дома. Первую остановку мы могли сделать на полпути, у купца Кукулина, к которому и заскакивали. Входя к нему в избу, я говорил себе: уже 50% за свободу. Попив чаю, дав немного отдохнуть лошади, мы тронулись дальше. Теперь уже самый суровый и пустынный участок пути, с которого некогда было бы свернуть, остался позади. Но с другой стороны, именно этот остаток пути показался нам наиболее опасным. Пристав не мог спать целые сутки. Вероятно, уже проснулся к середине дня, прочитал телеграмму и, выругавшись как извозчик, садится уже на возок и на тройке лошадей с бубенчиками едет нам навстречу. Мы проскакали еще часа два-три, начинало уже смеркаться, до Нижнеилимска оставалось верст семь, но навстречу никто не попадался, кроме одной лошадки, запряженной в розвальни с полупьяным седоком. Два раза мы останавливались и прислушивались, не звенят ли бубенчики, чтобы вовремя свернуть на какую-либо боковую дорогу в лес. Но все было тихо. Наконец мы приближаемся к первым дворам Нижнеилимска, въезжаем в резиденцию пристава и торопимся к квартире товарища, у которого была приготовлена встреча. Товарищи радостно приветствуют беглеца и с громким хохотом

сообщают, что, по самым последним и самым достоверным донесениям агентурной разведки, пристав продолжает храпеть на всю квартиру. Это значило, что основная опасность уже миновала и путь для моего продвижения на Тулун свободен.

В Нижнеилимске наша организация уже приготовила мне паспорт, деньги, шубу и лошадь, с которой должен был ехать один молодой парень, торопившийся на праздничную выпивку к своим приятелям в деревне, где был первый станок*. Оттуда через заштатный город Илимск я должен был скакать на Тулун. И эту часть пути я вспоминаю теперь с большой отчетливостью. Я больше всего опасался, что пристав, когда проснется и придет в Воробьево, догадается послать телеграмму с моими приметами на тракт перед Тулуном и меня схватит его коллега. Поэтому всемерно нажимал на темпы продвижения. У сибирских крестьян по главным трактам есть такой обычай, что, если к ним попал какой-либо пассажир, они его завозят к своему приятелю, а последний отвечает им тем же при обратном движении пассажиров. Таким образом, если вы попали в одной деревне, допустим, к Иванову, то Иванов вас передает на следующий станок только к своему приятелю Петрову, а этот — на следующий станок только к Сидорову и т.д. И обратные пассажиры идут только по этой ниточке. Это имело для меня ту хорошую сторону, что мне не требовалось искать на станке лошадей. Ямщик завозил меня сразу к своему приятелю, компаньону по делам провоза, и я сразу получал подводу и извозчика до следующего станка и так далее. Так как я всюду заявлял, что тороплюсь на Ирбитскую ярмарку и не согласен ночевать, то на станках я оставался лишь столько времени, сколько требовалось для запряжки лошади и чаепития. За едой я усиленно угощал водкой моего будущего возницу, что было признаком весьма хорошего тона вообще, а кроме того, поддавало жару моему спутнику. Я подбавлял горячего и во время самого пути, ссылаясь на то, что мне холодно. В двух случаях я попадал в дом, где мой возница с оравой гостей был смертельно пьян, лез целоваться, угощал водкой и всеми челдонскими закусками и не хотел ничего слышать о поездке без ночевки. В этом случае мой возница сам входил в дело, договаривался с хозяйкой, мне всучали с лошадько какого-либо мальчишку, и мы жарили дальше. На одном станке у приятеля моего ямщика, к которому он меня привез, не оказалось никого дома, кроме беременной хозяйки, послать было совершенно некому, и мне доверили лошадь самому, с тем чтобы на станке я заскакал к их компаньону по извозу. Меня предупредили, что лошадка смирная, идет хорошо, но что примерно на середине дороги ходит второй день поднятый зимой из берлоги медведь. Я попросил хозяйку дать мне топор, заплатил ей авансом «прогоны» и поехал до следующего станка через таежный хребет. Было чудесное ощущение свободы. Было приятно, что тебе доверяют лошадей, как своему, было весело мчаться одному среди суровой красоты зимней тайги, я пел песни один на зимней дороге, как первый раз выпущенный из тюрьмы. Примерно часа через полтора, при спуске с хребта, я увидел следы большого медведя, переходившего дорогу, а примерно через полверсты эти следы снова пересекли дорогу в обратную сторону. На всякий случай я попробовал рукоятку топора — единственного моего оружия, если не считать небольшого финского ножа, но тут же устыдился этой своей предосторожности. Стояло около 40° мороза, медведь, наверное, уже снова закопался где-либо в снег и никому не был опасен.

Когда я приехал на станок, мне не пришлось даже спрашивать, где живет кум хозяйки моей лошади. Лошадка, не сокращая рыси, подъехала к одному дому и сама остановилась. Оказалось, что она знала прекрасно адрес: это и был кум Василий. Кум Василий, когда я его стал накачивать по части горячего, ответил мне таким «встречным» из собственных ресурсов, что мне пришлось, чтобы сохранить в свежести мозги, сослаться на нездоровье. Когда мы уже сидели в возок, пришел один знакомый Василия и сообщил,

* Станок (сиб.) — станция, селение, где меняли лошадей.

что стражник просится ехать с нами вместе до пристава по спешному делу. Это был самый неприятный момент за все мое путешествие. У меня сильно заболели зубы, я обернул почти все лицо башлыком. Вся дорогу я, как больной, молчал. В моем положении молчание было золото. Но мои опасения были напрасными. Стражник оказался неразговорчивым, мрачным чурбаном, всю дорогу он не сказал ни слова и, когда приехали в село, немедленно отправился к своему началству, не поинтересовавшись, куда отправляемся дальше мы. Этот пункт был для меня опасен, как резиденция становой пристава. По тракту бежало из ссылки каждый год много народу, как политических, так и уголовных. За проезжавшими был известный надзор, и с той паршивенькой фальшивкой, не имевшей ни одной прописки, которую мне дали товарищи в Нижнеилимске, мне было трудно разыгрывать роль купца, едущего в Ирбит. Когда мы покинули резиденцию становой пристава, я не раз прислушивался среди ночи, не звенит ли сзади колокольчик догоняющей тройки. Но и на этот раз все сошло благополучно.

Все расстояние от села Воробьева до Тулуна, т.е. около 500 верст, я скакал без остановок. Я не останавливался, чтобы переночевать хотя бы один раз в пути. Я спал урывками только в санях. Даже на последнем станке перед Тулуном, куда я приехал в полночь, я не позволил себе *роскоши* выпастись несколько часов. Зато под утро, при свете потухавших звезд, я с чувством непередаваемого восторга наслаждался музыкой отдаленных паровозных гудков, которые доносились от железнодорожной станции Тулун и приветствовали меня с победой и освобождением. Порванная тайгой связь с партией, культурным миром, с революционной деятельностью была восстановлена.

После тревожений этого чудесного бегства, после пяти бессонных ночей я наконец заснул здоровым радостным сном и в этот день проснулся, *надо полагать*, в лучшем настроении, чем нижеилимский становой пристав.

В Тулуне я заехал к моему товарищу по Уралу, сопроцесснику по делу пермской организации, Арсению Зайкову (дело Я.М. Свердлов, К. Новгородцевой, Чугурина и др.). Там мы с группой товарищей ссыльных отпраздновали встречу Нового года, и дальше я уехал в Новониколаевск. А проспавшийся пристав, распечатав телеграмму, отправился меня арестовывать в Воробьево. Там он произвел обыск на моей квартире и допрашивал товарищей, куда я направился. Они сказали, что, по их сведениям, я направился в Шаманское, т.е. указали совсем другое направление против действительного моего маршрута. Становой поехал по этой линии вдоль Ангары и дальше, вплоть до самого Тулуна, надеялся еще меня поймать, в то время как я уже сидел в поезде железной дороги.

Я выбрал Новониколаевск не случайно. Во-первых, там уже находился Петр Коваленко, член нашей большевистской коммуны, во-вторых, там жила семья Василия Шамшина, который еще оставался в ссылке после моего побега, и, в-третьих, там существовала руководимая т. Коваленко партийная организация, о работе которой я получал уже сведения в ссылке. В Новониколаевске я поступил работать секретарем легальной полумарксистской, полубыбательской газеты «Обская жизнь» и одновременно вступил в новониколаевскую организацию нашей партии, в которой уже работали П. Коваленко, Софья Коваленко, отец Вас. Шамшина – Иван Шамшин, брат В. Шамшина – Ив. Шамшин, сестра В. Шамшина – Дуня Шамшина, Михаил Галунов и другие товарищи. В качестве сотрудника «Обской жизни» мне удалось протащить несколько статей большевистского характера, в числе которых вспоминаю особенно статью, связанную с нашей платформой при выборах в 4-ю Государственную думу. Я связался с нашим заграничным центром и получил от т. Зиновьева одну статью для «Обской жизни», которая была напечатана под инициалами «Г.З.», и, с другой стороны, получил от него письмо. Тов. Зиновьев писал мне, что они сразу по моим статьям узнали во мне единомышленника и рассчитывают не только на возможность легального выступления *в печати*, но и на известные материальные результаты от своего сотрудничества в газете. Ленин, как писал т. Зиновьев, также обещал сотрудничать в газе-

те. К величайшему сожалению, поговоривши с издателем, я убедился в том, что шансы на получение сколько-нибудь приличного гонорара для наших заграничных товарищей чрезвычайно ничтожны, короче говоря, издатель Литвинов не обещал давать больше трех копеек за строчку. Тем не менее сотрудничество было бы обеспечено, разумеется, по соображениям политического характера, если бы последовавший вскоре за этим мой арест не приостановил этих сношений по литературным делам. Я был арестован спустя полгода после прибытия в Новониколаевск⁶ и за несколько дней до отъезда за границу. *Дело в том, что незадолго до моего ареста я получил письмо от Н.К. Крупской, которая приглашала меня на партийное совещание, которое, как я потом узнал, не состоялось. Перед этим предполагавшимся отъездом** за границу я ездил в Барнаул и установил связь с барнаульской организацией партии. Хотя я жил по весьма «солидному» паспорту, не по фальшивке, однако мне не удалось долго скрывать *после ареста* свое настоящее имя, потому что тот поручик Христич, имя и паспорт которого я принял, по справкам жандармского управления, оказался убитым в русско-японскую войну, и поэтому мне пришлось открыться. В жандармском управлении Новониколаевска, в картотеке розысков, уже имелось мое имя, и жандармский ротмистр, найдя меня в числе разыскиваемых Департаментом полиции, с удовольствием *потерял руки* и очень скоро, не приставая ко мне с допросами, направил меня в Екатеринбург, где уже сидели в тюрьме мои сопроцессники, с предварительным завозом меня в *тамскую* тюрьму. В Екатеринбурге я просидел полтора года до суда вместе с товарищами Семеном Шварцем, Евгением Бош, Сергеем и Марией Черепановыми, Пармоновым и рядом других большевиков, которые были арестованы и которые судились по делу о екатеринбургской организации⁷. В числе привлекавшихся по нашему делу фигурировала также Н.К. Крупская, отдельные письма которой и некоторые документы фигурировали в материалах процесса, причем подлинность того, что она их писала, устанавливалась по старому паспорту, выданному ей в Уфе, в котором имелось ее факсимиле.

Я был оправдан на суде вследствие грубой ошибки, которую допустил в своем обвинении прокурор. Опираясь на мою телеграмму из Карабчанской волости за подписью Евгений, он смешал меня с другим Евгением, членом екатеринбургской организации, который работал в Тюмени и выполнял поручения той же екатеринбургской организации и который представлял собою совершенно другое лицо. Путем сопоставления дат и моего письма в екатеринбургскую организацию и моей телеграммы удалось установить, что если я являюсь тем же самым тюменским Евгением, то я одновременно был и в Тюмени и в Карабчанской волости, что, по законам физики, невозможно. Суд, несмотря на наличие имевшихся против меня улики, которые, однако, прокурор не сумел как следует мобилизовать, вынужден был меня оправдать, после чего я был направлен в Новониколаевск, вскоре осужден на шесть месяцев за побег из ссылки и после этого возвращен обратно в Карабчанскую волость. Я просидел в тюрьме этот раз около двух лет.

Я прибыл в Карабчанскую волость к моменту, когда уже была объявлена мобилизация. В Карабчанской волости я из старой коммуны не застал уже никого, кроме Василия Шамшина. К нам двоим через некоторое время присоединился в качестве сожителя впоследствии расстрелянный провокатор Крут. Из Воробьева я отправился в Нижнеилимск, где была большая колония ссыльных и где было несколько большевиков ссыльных.

Из нижеилимской группы большевиков вспоминаю следующих товарищей: М. Самсонов, П. Коваленко, который к тому времени проделал уже круг из Новосибирска обратно в ссылку, жена его, С. Коваленко, Бакиновский, Бустрем, Вовчинский и Пестковский и др. В Нижнеилимске была довольно значительная политическая жизнь. Там существовала колония, гораздо более многочисленная, чем в Воробьеве. В 1910–1911 гг. читались рефераты, устраивались прения, кипела партийная борьба. Из вещественных

* Текст вписан вместо зачеркнутого «незадолго до».

доказательств нашего литературно-политического творчества того времени можно назвать два номера издававшегося нами *рукописного* журнала «Лишенный прав», оформлением которого занимался М. Самсонов.

Воспользовавшись правом передвижения по Сибири, которое получили тогда все поселенцы, мы с Самсоновым отправились в Иркутск весной 1915 г. В Иркутске у меня и у Самсонова было много приятелей, с которыми мы немедленно восстановили связь. Прежде всего пришлось заняться материальным устройством. Я занимался уроками, а М. Самсонов, за неимением ничего лучшего, вступил в малярную артель. После того как мы огляделись в Иркутске, мы приступили к созданию большевистской организации из ссыльных. В числе членов этой группы я могу назвать Бабушкина, Бруно, Шмидта, М. Самсонова, Н.Н. Ромм, Завадского, Петра Коваленко, Софью Коваленко, Крута, Здырского, в дальнейшем члена польского ЦК, с нами имел связь Иосиф Косиор, который работал на кожевенном заводе. *С нами имели связь т.* Янсон, Вельман и др.

Когда мы прибыли в Иркутск, там существовали две подпольные большевистские группы и одна неоформленная литературная нелегальная организация, в которую входили и большевики и меньшевики. Первая подпольная группа была группой Васильченко – Жакова. Во вторую группу, если мне память не изменяет, входили Бруно, Бабушкин, Вельман и еще несколько человек. После ряда встреч и переговоров с рядом товарищей нам удалось создать организацию, которая насчитывала 18–20 человек. Наша организация находилась в постоянных сношениях с организацией Жакова – Васильченко. Некоторые члены организации посещали собрания и той и другой организации. В определенный период возник у той и у другой организации вопрос о слиянии. Группа Жакова упрекала нашу организацию в том, что она оттягивает слияние. А наша организация оттягивала это слияние, поскольку была неясность относительно того, на каких условиях можно будет произвести объединение. *И у некоторых членов группы были предубеждения против «синдикалистских» оттенков в позиции группы Жакова.* Насколько я помню, никаких серьезных политических разногласий между нашими группами не было, кроме некоторой настороженности против *вышеупомянутых* антиинтеллигентских настроений группы Жакова. Только вследствие отсутствия политических разногласий оказалось возможным при предварительных переговорах разрешить вопрос о полном слиянии той или другой организации. Таковое слияние было назначено на определенное число, точно не помню, *на какое*, но помню, что летом, в воскресный день. Было постановлено, что по ту сторону Ангары, на Звездочке, состоятся в разных местах собрания группы Жакова – Васильченко и нашей группы; на этих группах будет принято постановление о слиянии, и после этого оба собрания сольются в одну организацию, которая здесь же выберет свой исполнительный орган. Собрания на Звездочке состоялись, *а также объединенное собрание.* На этом собрании было постановлено, что комитет организации будет сформирован по соглашению определенной группы лиц, стоявших во главе той или иной организации, после чего собрание разошлось. *От нашей группы на переговоры был уполномочен** я. Но в тот же вечер основная часть группы Жакова – Васильченко вместе с их типографией были арестованы.

Наша группа до слияния вела всю партийную работу в Иркутске. Эта работа выражалась, кроме регулярных собраний нашей организации, на которых мы разбирали общие политические вопросы, в создании и руководстве несколькими кружками. У нас существовал один кружок в железнодорожных мастерских, несколько кружков среди учащихся, на которых в двух кружках я лично выступал в качестве пропагандиста. И. Косиор имел связь с рабочими кожевенного завода, на котором он работал в качестве рабочего.

* Слово «уполномочен» вписано вместо зачеркнутого «намечен».

Наша организация не имела типографии и ввиду предстоявшего слияния с группой Жакова – Васильченко считала этот вопрос для себя в данный период неактуальным.

В этот период вследствие войны моя личная связь с Лениным и с Н. Крупской была порвана. Мы лишь изредка и случайно получали отдельные разрозненные номера нашего «Социал-демократа» и из крупных организаций имели весьма нерегулярную связь с Петербургом и Москвою.

Что касается связи с литературной группой, то могу сказать следующее. Среди части ссыльных существовала литературная группировка, во главе которой со стороны меньшевиков был Церетели, из прежних большевиков Войтинский, Рожков и другие, впоследствии ставшие оборонцами. В эту группу входил, *насколько помню*, и т. Карахан. Я не состоял в этой группе, но имел связь с Войтинским и один разговор с Церетели. При переговорах моих с Церетели в Усольи было договорено, что литературная группа в своих изданиях будет давать место статьям большевиков, несмотря на несогласие с ними большинства редакции, – большевики стояли не на *нацифистских* позициях против войны, а на позициях Ленина. На основе этого соглашения мне лично удалось поместить две статьи против войны в «Забайкальском обозрении», из которых первая называлась «*Quo vadis?*» (Камо грядеши?)* и вторая – фельетон, название которого я не могу припомнить сейчас, но которую *я надеюсь*** найти в соответствующих архивах***. В этой второй статье мне удалось, – и, вероятно, это был единственный случай в нашей легальной печати вообще – полностью и буквально повторить формулу Ленина о *превращении империалистической войны в войну гражданскую*****.

После ареста группы Жакова – Васильченко и ввиду несомненного наличия провокации в организации небольшая группа из нашей организации постановила возобновить работу, но на совершенно специфических условиях. Было решено, что в эту группу входит только та небольшая группа товарищей, которая абсолютно уверена друг в друге. В эту группу вошли М. Самсонов, Н. Ромм, Завадский, Здзярский, Преображенский и Крут. Было постановлено, что эта группа организует типографию и будет издавать прокламации, но не будет иметь никакой технической периферии. На одном из собраний группы был зачтен проект листовки против войны, написанный *мною******, который впоследствии был передан в жандармское управление провокатором Крутом¹.

Мы приступили к организации типографии, для которой был заготовлен шрифт и для которой Крут заготовил в своей столярной мастерской, где он работал, кассы и другие деревянные части. Но первая прокламация, которая была написана нашей организацией, каким-то образом «исчезла» с погребя, куда Крут ее положил на хранение.

Вскоре после организации нашей группы² т. Здзярскому, вследствие связи, которую ему удалось установить с одной машинисткой жандармского управления, стало известно, что о существовании нашей группы знает жандармское управление и что мы должны быть *скоро* арестованы. Когда Здзярский рассказал мне об этом факте, то я спросил его, кого он подозревает из нас пятерых. Он сказал, что, по его мнению, провокатором является Крут. Я лично не сомневался ни в Самсонове, ни в Ромме, ни в Завадском, Здзярского я знал мало, в Круте я не был *особенно* уверен. По моему личному убеждению, провокатором мог быть только один из них двоих³. Вплоть до революции 1917 г. у меня не было твердой уверенности, кто же является провокатором, и только телеграмма, полученная нами в *Чите* от иркутских товарищей после переворота, гласившая, что провокатором является Крут, осветила нам все положение.

* См.: Док. № 75.

** Написано над строкой. Зачеркнуто слово «можно».

*** Речь идет о статье «Наши оборонцы». См.: Док. № 76.

**** Е. А. Преображенским подчеркнуто.

***** Написано над строкой. Зачеркнуто: «Преображенским».

Так закончила свое существование, не приступив к работе, наша вторая подпольная ячейка.

После этой неудачи и ожидая все время ареста по этому делу, я переехал из Иркутска в Читу, где прожил до Февральской революции¹¹.

Январь 1934 г.

Е. Преображенский

ГА РФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1032. Л. 45–163.

Подлинник. Машинопись.

№ 4–5. СТАТЬИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В ГАЗЕТЕ «УРАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ» В ОКТЯБРЕ И ДЕКАБРЕ 1907 г.

15 октября, 1 декабря 1907 г.

№ 4. К СОВРЕМЕННОМУ МОМЕНТУ

15 октября

Каждый лишний день отдаляет нас от славной октябрьской революции¹², каждый день приближает нас... к чему? К повторению ли в ближайшем будущем октябрьской революции в более расширенных размерах или к окончательному упрочению столыпинской конституции¹³? Этот вопрос, вопрос о том, закончилась ли русская революция декабрьским поражением пролетариата¹⁴ и мы вступили в период «конституционных» будней, употребляя выражение Ленина, или же революция продолжается, испытывая лишь временный упадок, — этот вопрос неотвизно стоит перед каждым соц[иал]-демократом. И не удивительно: от ответа на поставленный вопрос зависит тот характер, который должна принять тактика соц[иал]-дем[окра]тии в настоящий момент.

Но чтобы ответить на поставленный вопрос, мы должны с политической поверхности совершающегося углубиться в экономический анализ страны: одно изучение политической поверхности не поможет нам предсказать будущее; часто в самый разгар широкого движения, открывающего простор для радужных надежд, в глубине экономического организма страны работают невидимые для поверхностного наблюдателя силы, готовые скорую смерть начавшемуся движению; часто в момент упадка революционной волны и связанного с этим упадка веры в революцию те же силы готовят революционный взрыв, который является сюрпризом для непосвященных в тайны исторического материализма. То, что происходит на политической поверхности, минет и не повторится, то новое, что появилось в экономических отношениях, неизбежно будет иметь политические последствия: эти политические последствия возможно предсказать при благоприятных условиях. Экономический анализ, который должен дать нам ответ на поставленный вопрос, может быть двух родов: общий экономический анализ страны и анализ экономических отношений данного момента. Что общэкономический анализ дает неопровержимые доказательства огромной потенциальной силы революции — об этом нет спора в наших рядах.

Развитие производительных сил России на почве капиталистического общества прямо уперлось в радикальное решение аграрного вопроса. Развитие промышленности не может сделать шагу без увеличения покупательной способности сельского населения. Увеличение этой способности не может сделать шагу без увеличения площади крестьянского землевладения, но увеличения не столыпинским путем через крестьянский банк¹⁵ —

такой путь не увеличивает покупательной способности деревни, — а лишь путем экспроприации помещичьих и казенных земель в пользу крестьянства. Политические завоевания октябрьской революции так ничтожны в сравнении с потребностями развивающегося капитализма, что предположение о совершившемся якобы приспособлении политической надстройки, в виде столыпинской конституции, к существующим экономическим отношениям должно казаться прямо смешным. Одним словом, общий экономический анализ страны говорит о неизбежности дальнейшего развития революции и ее полной победе. Будет ли эта победа полной, будет ли революция доведена до конца, будет ли Россия республикой или же революция кончится частичной победой над старым режимом — нельзя учесть с полной вероятностью. Ясно лишь одно — завоевано слишком мало, чтоб возникшее движение замерло в своем начале.

Таковы выводы, к которым приводит общезкономический анализ. Но, по-видимому, совсем другое говорит анализ экономических отношений и тенденций современного момента. Русская промышленность переживает сейчас несомненный подъем. Из массы цифровых данных, появившихся в «Торгово-промышленной газете», в газетных и журнальных статьях за последние три месяца, видно, что подъем промышленности наблюдается в Центральном районе, в Польше, в Донском бассейне и даже на Урале. Констатируется быстрое увеличение процесса накопления капиталов, вместе с тем наблюдается сокращение безработицы в сравнении с летом прошлого года.

Какое огромное значение имеет факт промышленного подъема, известно каждому марксисту. Но факт промышленного подъема мог бы явиться огромным козырем в руках тех, кто говорит о конце революции, лишь в том случае, если бы было доказано, что замечательный промышленный подъем означает наступление нормальных условий для капиталистического развития России. А как раз исследование причин и самого характера настоящего подъема приводит нас к совсем противоположным выводам. Это исследование доказывает, что как не каждый промышленный кризис влечет за собой революционный взрыв, так не каждый промышленный подъем знаменует конец революции.

Присмотримся же к причинам, вызвавшим подъем, и тем изменениям, которые должен он внести в политическую ситуацию страны.

Как уже было отмечено в социал-демократической печати, главной причиной подъема является увеличение покупательной способности крестьянства и пролетариата, явившееся прямым результатом экономических завоеваний революции.

Упорная борьба крестьянства и сельского пролетариата с помещиками, которой отмечены 1905 и частью 1906 г., привели к значительному уменьшению аренды и к увеличению заработной платы сельских рабочих; те же следствия имела и экономическая борьба городских рабочих с предпринимателями. Увеличение годового бюджета крестьянства и пролетариата, увеличение, следовательно, их покупательной способности — вот главная причина теперешнего оживления в промышленности. С этой точки зрения особенно характерен подъем текстильной промышленности, судьба которой так тесно связана с экономическим положением крестьянства. Имел значение здесь и подъем в западно-европейской промышленности, но лишь как побочная причина.

Но может ли быть длительным подъем, начавшийся при таких условиях, если мы вспомним, что положение крестьянства вместе с упадком революции за последнее время не улучшилось, а значительно ухудшилось, что то же наблюдается среди пролетариата, который шаг за шагом отступал после декабрьского поражения перед организованной силой капитала и самодержавия и потерял большую часть своих завоеваний, то ответ будет ясен сам собою. Так как причины, давшие толчок промышленному подъему, прекратили свое действие, то сузившийся рынок не выдержит этого подъема, и интенсивный промышленный кризис будет его логическим концом.

Итак, теперешний промышленный подъем есть временное улучшение на фоне глубокого угнетения всего экономического организма страны, угнетения, которое не кончится прежде, чем аграрный вопрос будет решен в благоприятном для крестьян смысле. А радикальное решение аграрного вопроса тесно связано с доведением до конца начавшейся революции.

Но какие же ближайшие следствия промышленного подъема, как отразится он на соотношении общественных сил страны? Первым следствием подъема должно быть развитие стачечной борьбы рабочего класса, которая отчасти уже началась. В этой борьбе пролетариат будет поставлен в гораздо более выгодные условия, чем это было год назад, в эпоху кризиса; положение промышленности будет благоприятствовать этой борьбе. Успешный же ход экономической борьбы пролетариата будет иметь огромное политическое значение. Из опыта русской революции и дореволюционной борьбы рабочего класса мы можем сделать такой вывод: успешным политическим выступлением пролетариата всегда предшествовали успешные экономические выступления и наоборот. Политическим выступлениям пролетариата, начиная с 1901 г., предшествовали успешные экономические забастовки рабочих. Победоносному октябрьскому движению – успешная экономическая борьба, начиная с 9 января, давшая толчок стачечной борьбе по всей России. И наоборот, экономическое поражение, например, питерского пролетариата в ноябре 1905 г. в связи с неудачными попытками завоевать 8-час[овой] рабочий день послужило ближайшей причиной политического бессилия питерских рабочих в декабрьские дни. Далее, кризис 1906 г., благодаря которому рабочие терпели систематическое поражение от класса капиталистов в своей экономической борьбе, осудил на политическое бессилие пролетариат в то время, когда думская эпоха давала редкие поводы для совместного выступления российского пролетариата.

Всеобщее ухудшение в положении пролетариата, последовавшее за декабрьским поражением революции, толкает пролетариат на борьбу. Промышленный подъем обещает успех этой борьбе, по крайней мере в начале ее, а в экономической борьбе простое расширение этой борьбы в связи с неизбежным кризисом создаст необходимые предпосылки для массовых политических выступлений пролетариата.

Подъем изменяет соотношение общественных сил в пользу пролетариата, а следовательно, и в пользу революции. С другой стороны, неизбежный кризис поставит в оппозицию старому строю буржуазные классы. Но что особенно важно, будущее выступление пролетариата не будет изолированным, а залог тому – растущая сознательность крестьянства. Пророки, предсказывающие конец русской революции на основании промышленного подъема, судят о русской революции по западноевропейскому шаблону. Шаблонное понимание русской революции, неумеренные аналогии с Западной Европой способны лишь затемнить понимание ее будущей судьбы. Каутский в своей замечательной брошюре о перспективах и движущих силах русской революции* показал т. Плеханову, как нужно судить о русской революции. Неизбежно грядущий промышленный кризис научит пророков конца революции внимательнее анализировать особенности экономических отношений России в сравнении с таковыми на западе в эпоху тамошних революций. Одного факта подъема для этих предсказателей достаточно, чтобы говорить о конце революции. Они не понимают своеобразной экономической обстановки, в которой совершается русская революция, они не понимают, что как не каждый промышленный кризис дает толчок к политическому перевороту, так не каждый и промышленный подъем знаменует конец революции.

* Речь идет о брошюре К. Каутского «Движущие силы и перспективы русской революции: ответ Г.В. Плеханову на вопросы, поставленные в его анкете по поводу избирательских соглашений» (СПб., 1907).

Итак, сущность современного момента можно охарактеризовать так: раздробление активных революционных сил на политической поверхности, концентрация потенциальных сил революции в экономической глубине.

Л-д

Приложение

*К избирательной кампании**

15 октября 1907 г.

Избирательная кампания в своей первой стадии уже закончилась. Известны уже результаты выборов выборщиков по рабочей курии. В Уфимской губернии все три выборщика от рабочих на губернское собрание – социал-демократы – кандидаты организации. Все пять выборщиков от рабочих Пермской губернии, все четыре от Вятской губернии – члены партии. Как выяснилось, не только все выборщики от рабочих по Уралу прошли в социал-демократы, но и подавляющее большинство уполномоченных. О выборах по крестьянской курии пока нет точных данных, но большинство выборщиков от крестьян – левые и социал-демократы. По правой городской курии с.-д. не выставляла своих кандидатов; в этой курии почти всюду прошли кадеты, по второй курии во всех больших городах Урала прошли с.-д. и левые; кадеты потерпели здесь полное поражение. В Вятке по второй курии прошли левые, в Перми – трудовик и народный социалист, в Екатеринбурге, Челябинске, Златоусте, Уфе – социал-демократы.

Пролетариат Урала идет за социал-демократией – вот первый вывод из результата выборов. Крупная и средняя буржуазия идет за кадетами, городская демократия – за с.-д. и крайними левыми – вот второй поучительный итог выборов. Не говоря уже о самих кадетях, которые всерьез называют себя «народной» партией, даже в части нашей партии держится еще мнение, что кадеты являются партией городской демократии, по преимуществу. Выборы на Урале опровергают этот взгляд.

В последних выборах социал-демократия имела несомненный успех, и, где только была возможность, партия провела своих выборщиков.

На Урале социал-демократия была единственной партией, которая проявила энергию при выборах, которая развила усиленную агитацию. И это несмотря на бойкотистское настроение в широких массах, несмотря на бойкотистское настроение в своих собственных рядах, несмотря, наконец, на полное неверие в Думу как оружие освобождения России. Сознательный пролетариат Урала перед всероссийской конференцией высказывался за бойкот Думы, но, подчиняясь партийному решению, принял участие в выборах. Успех в избирательной кампании есть в то же время для нас торжество партийной дисциплины внутри самой партии.

Партия, получившая мандаты от сотен тысяч пролетариата и крестьянства, партия, доказавшая свою внутреннюю силу и сплоченность, такая партия смело может идти навстречу своему будущему.

Уральский рабочий (Екатеринбург). 1907.

15 октября.

* Редакционная статья. Вероятнее всего, написана Е.А. Преображенским.

№ 5. ЗАДАЧА МОМЕНТА

1 декабря

Главной задачей партии в настоящий момент я считаю создание массовых крепких пролетарских организаций. Конечно, организация пролетариата, как и укрепление нашего идейного влияния в массах, является вообще основной задачей социал-демократии, не только российской, не только в настоящее время, но и всемирной социал-демократии во всякое время. В этой статье я хотел бы оттенить, почему именно теперь на организационную работу мы должны обратить особенное внимание, почему должны поставить ее на первый план нашей работы в пролетарской среде.

Если раньше, в 90-х годах*, главную задачу нашей социал-демократии составляла пропаганда и агитация, организационная же деятельность отступала на задний план, потому что не из чего было строить организацию, не было достаточного количества рабочих, затронутых с.-д. пропагандой, то теперь наблюдается обратное явление: пролетариат во всей массе захвачен идейным влиянием социал-демократии, организационное же наше влияние в сравнении с идейным влиянием весьма слабо. Не говоря уже о социал-демократически настроенных, масса убежденных социал-демократов рабочих находится вне узких рамок нашей партийной организации. В Германии на три с четвертью миллиона избирателей приходится 530 тысяч членов партии и более полутора миллионов организованных в профессиональные союзы рабочих. Наше идейное влияние на пролетариат, в смысле широты этого влияния, мало чем уступает влиянию германской социал-демократии на германский пролетариат; при всеобщем избирательном праве мы также получили бы, вероятно, около 3 млн голосов при выборах**. Между тем членов партии у нас не более 150 тысяч, в профессиональных же союзах в настоящий момент, после массовых репрессий администрации, не наберется, несомненно, тех 250 тысяч, о которых говорили недавно наши статистики профессионального движения. Если принять во внимание германское [со]отношение между числом голосующих за партию и числом организованных, а с другой стороны, наше [со]отношение в этой области, то слабость нашей организации бьет в глаза.

Одно уже это несоответствие между нашим идейным и организационным влиянием на пролетариат должно было бы побудить партию поставить во главу угла своей работы усиление пролетарских организаций. Но есть и другие причины, которые побуждают нас к этому — это политическое положение страны, с одной стороны, и экономическое положение пролетариата, с другой.

Политическое положение страны характеризуется теперь раздроблением революционных сил пролетариата и крестьянства на одном полюсе, концентрацией сил реакционной буржуазии и дворянства на другом. Соотношение общественных сил в связи с такой группировкой складывается весьма невыгодно для классов, заинтересованных в победе революции, для пролетариата же прежде всего. Реакция крепнет, заставляет отступать перед собой революцию и, кажется, готова сгладить все последствия октябрьского движения, если б только к этому была объективная возможность. Перед пролетариатом стоит задача — укрепить позицию революции и задержать наступление буржуазной теперь реакции. А укрепить позицию революции для пролетариата будет означать укрепить свои собственные силы.

* Имеются в виду 90-е годы XIX в.

** Эта цифра получится, если принять во внимание количество пролетариата в России, нашего на него влияния, [если] и учесть опыт выборов во 2-ю Государственную думу. (Прим. автора.)

Русская революция, как и всякая революция, опиралась на стихийные взрывы народного движения, на стихийные подъемы революционной волны, обусловленные пертурбациями в области экономических отношений. В моменты подъема, подобные пережитым в 1905 г., организация масс не играет большой роли и сила ударов, наносимых реакцией революцией, почти всецело определяется силой экономических факторов, давших толчок движению. Другое дело в эпоху упадка революционной волны, когда нападение на реакцию сменяется обороной от реакции. От сознательного противодействия реакционным стремлениям, опирающегося на силу организации, в значительной степени будет зависеть, сколько завоеваний революции будет удержано от контрреволюционных покушений.

Со времени декабрьского восстания перед нашим пролетариатом были незамеченные с тактической точки зрения моменты для массовых политических выступлений, как, например, разгон двух Дум в связи с контрреволюционным актом 3 июня¹⁶. Эти моменты были упущены, потому что удобные для выступления моменты не совпадали во времени с объективной возможностью таких массовых выступлений. Объективной возможности не было не только потому, что не было в это время подъема революционной волны, а следовательно, и соответствующего настроения в рабочих массах, а потому, что организационное влияние наше было весьма слабо, и выступление не только было бы во всех отношениях неудачным, но и самого выступления, возможно, не было бы. Объективная возможность для наступления на реакцию существует ведь, когда в наличии стихийный подъем революционной волны. Объективная возможность выступления, носящего характер обороны, существует и тогда, когда есть в наличии и достаточности хотя бы прочные и широкие организации революционных масс. Ведь оборона всегда требует меньше сил, чем нападение. И вот в настоящий момент, момент наивысшего разгула реакции для социал-демократии, является делом огромной важности настолько укрепить и расширить пролетарскую организацию, чтобы при наличии общего упадка революционной волны можно было организовать противодействие реакции со стороны сознательного пролетариата, противодействие, которое будет опираться не на революционность настроения, какой мы, быть может, долго еще будем ждать, а единственно на силу сознательности и организованности масс. Не в нашей власти вызвать один из стихийных подъемов, каким избаловал нас 1905 г., но в значительной степени от нас зависит укрепление нашей организации в пролетарских массах. Конечно, никакая организованность пролетариата не способна укрепить за революцией завоевания, которые она теряет всецело вследствие природы экономических условий страны, но удерживать многие завоевания будет всецело зависеть от пролетариата, от его сознательности и организованности.

Вот политический мотив, который говорит за неотложность для партии энергичной организационной работы. К тому же выводу приводит нас и анализ современного экономического положения русского пролетариата. Потеря политических завоеваний революции шла параллельно потере ее экономических завоеваний. В общем, экономическое положение пролетариата напоминает собой его положение в дооктябрьские дни. Перед рабочим классом стоит теперь задача – отвоювать утерянное со времени декабрьского поражения. Эта задача особенно настоятельно вырисовывается перед рабочим классом именно теперь, когда ухудшение его экономического положения достигло наивысшей степени. С другой стороны, замечательный промышленный подъем обеспечивает успех в борьбе с капиталом. Начавшийся подъем дает возможность пролетариату перейти от обороны к нападению. Но если в политической борьбе сила организованных масс тушется перед могучей стихийной силой революционной волны, то в экономической борьбе, которая предстоит нашим рабочим с организованной силой

капиталистов, самый факт промышленного подъема, каким бы огромным плюсом он не являлся в руках пролетариата, еще не гарантирует успеха; нужна сильная организация, а что это так, об этом красноречиво говорит неудача летней текстильной забастовки в Центральном промышленном районе.

Итак, усиление организации. Но о какой организации идет у вас речь, может спросить читатель, о профессиональной или политической? Пролетарской, отвечу я, о профессиональной ли, политической ли, это безразлично. Усиление профессиональных организаций рабочих у нас в России есть то же, что и усиление нашей партийной организации, и наоборот. Наши союзы всегда помогали партии, делали ту же работу, какую делала или должна была делать партия, с другой стороны, партия всегда руководила экономической борьбой пролетариата, выполняя функции, которые по укоренившемуся шаблону принято относить к ведомству профессиональных союзов. Отсюда и то стремление к единой классовой организации пролетариата, которая все усиливается в нашей партии. Но главная задача теперь, конечно, не в создании определенной формы организации: будет ли то моноистическая организация пролетариата или дуалистическая, хотя и форма имеет большое значение, — главная задача в организации вообще. Если же в дальнейшем я буду говорить об экономической организации пролетариата, то лишь потому, что в данный момент усиление пролетарской организации возможно лишь на почве руководства его экономической борьбой.

В какой же форме мыслимо это усиление пролетарской организации, каков должен быть характер нашей организационной работы? Здесь мы подошли к вопросу о партийности и беспартийности профессиональных союзов, о легальности и нелегальности их. Я не буду останавливаться на вопросе о партийности и нейтральности, достаточно уже выясненном при фракционных дискуссиях в печати и на съездах. Для нас, большевиков, ясна необходимость самой тесной идейной и организационной связи между партией и союзами. Что же касается легальности и нелегальности союзов, то изменившиеся условия, а именно резкое ухудшение правового положения союзов, делающее невозможным их легальное существование, заставляет партию занять определенную позицию в этом вопросе. В настоящий момент в данном вопросе уже выясняются неизменные точки зрения — большевистская и меньшевистская. На последней конференции партийных организаций Центрального промышленного района по вопросу о профессиональном движении была внесена резолюция, в которой рекомендуется ввиду невозможности легального существования профессиональных союзов организовать нелегальные союзы, причем в основу союза предлагается класть партийные ячейки, вокруг которых должны группироваться члены союза. Питерские меньшевики по этому вопросу вынесли резолюцию как раз противоположного свойства. Высказываясь по-старому за самую широкую нейтральность, они рекомендуют для союзов полуполегалное существование, если легальное невозможно.

Большевики, как известно, не питают никакого особенного пристрастия к нелегальному существованию; если же они защищают организацию нелегальных союзов, то лишь там, где легальное существование союзов невозможно без сужения их задач и извращения их сущности как боевых организаций. Товарищам известно, что, например, в одной Москве недавно одним росчерком помпадурского пера Рейнбота было уничтожено более двадцати профессиональных союзов, и подобные явления наблюдаются по всей России. Конечно, где для союзов еще сохранилась возможность легального существования, организация нелегальных союзов нецелесообразна. Но возможность эта непрерывно сокращается и, как видно, будет сокращаться. До сих пор административные гонения на профессиональные союзы носили неорганизованный, хаотический характер, они зависят почти исключительно от личности того или иного помпадура. Теперь же, судя по газетным сведениям, правительство

готовится покончить с профессиональными союзами законодательным путем. Полулегальное существование, которое рекомендуют союзам товарищи меньшевики, есть одно недоразумение. В сущности, наши союзы всегда находились в полулегальном положении. Когда профессиональные союзы будут запрещены законодательным путем или когда они уже во многих местах запрещены административным порядком, в какие формы должно вылиться это полулегальное существование? Организация обществ взаимопомощи и расширение их задач? Но не окажется ли это в конце концов выжиманием соков из выжатого лимона. Общества взаимопомощи можно, конечно, использовать, кое-где это использование может оказаться очень удачным, но нелепо профессиональным союзам в целом, хотя бы и нелегальным союзам, противопоставлять эти общества.

Главной задачей момента в области профессионального движения я считаю теперь не использование оставшихся возможностей легального существования союзов, а завоевание новых возможностей. Эта задача может быть достигнута расширением нелегальных профессиональных организаций до возможных пределов. Нам нужно сделать профессиональное движение широким, массовым движением, стремиться настолько расширить это дело, чтобы правительственные репрессии оказались бессильными перед стихийной потребностью масс в организации. И тогда юридически нелегальные союзы фактически станут легальными.

Но возможно нелегальные профессиональные союзы сделать массовыми, не останемся ли мы в них с одними нашими партийными членами? Ответ на этот вопрос даст опыт. Из практики профессионального движения в Москве и в Центральном районе видно, что переход союзов от легального существования к нелегальному в первое время влек за собой сильное сокращение членов, а затем наблюдался постепенный и неуклонный рост союзов. Вместе с тем констатируется, что ставшие нелегальными союзы стоят на ногах гораздо тверже, чем в то время, когда они были на легальном положении и подвергались постоянным гонениям.

Наконец, против невозможности нелегального существования союзов в современной России говорят теоретические соображения. Неудача нелегального профессионального движения при отсутствии легальной возможности для его развития означала бы невозможность профессионального движения в стране развивающегося и уже сильно развитого капитализма, в стране с многомиллионным пролетариатом. Что этого быть не может, мы знаем из поучительной истории западноевропейского рабочего движения.

Замечающийся в настоящий момент подъем промышленности не только должен обеспечить успех нелегальным союзам, но он только и может создать то стихийное, непреодолимое стремление рабочих масс к организации, перед которым бессильно будет правительственное запрещение союзов, стремление, которое сделает союзы фактически легальными.

Резолюция московской конференции не только решает вопрос о партийности и нелегальности союзов, но и указывает определенную форму партийной организации: она рекомендует партийные ячейки сделать скелетом будущих нелегальных профессиональных союзов. Эта форма организации союзов ведет к прямому слиянию партийной организации с профессиональной, она обещает осуществить тот идейный и организационный монизм, к которому неизбежно и вопреки укоренившимся предрассудкам и дуалистическому шаблону идет западноевропейское рабочее движение. Насколько важно нам стремиться к единой классовой организации пролетариата, насколько возможно нам приблизиться к этому идеалу на той ступени капиталистического развития и рабочего движения, которую проходим мы, насколько, наконец, ведет к этой цели форма организации, предложенная московской конференцией, об этом в нашем органе будет, вероятно, еще не одна статья.

Когда-то т. Плеханов, пародируя известное изречение Дантона, заканчивал свою статью в «Заре» словами: «Организация, еще организация и еще раз организация». Мне приходится теперь лишь повторить эти слова*.

Л-д

Уральский рабочий (Екатеринбург). 1907. 1 декабря.

Приложение

*Златоуст****1 декабря 1907 г.*

Условия для работы в Златоусте, в общем, благоприятны. В самом городе находится Златоустовский оружейный завод, в котором вместе с домной, имеющейся при заводе, работает до 5 тысяч человек; на станции депо — 600 человек, кроме того, в пивных, кожевенных заводах и железоделательных мастерских — около 1500 рабочих. Социал-демократическая работа здесь ведется совсем недавно. Златоуст входил до выборной съездовской кампании в состав Уфимского округа и только с весны этого года считается самостоятельной организацией. Издавна Златоуст считался и теперь, вероятно, считается твердыней [э]с[э]ровского влияния на Урале. Влияние [э]с[э]ров сильно еще до сих пор в заводе, хотя за последнее время пошатнулось, и сами [э]с[э]ры сознают, что социал-демократическое влияние растет. На станции господствует всецело наша партия. Летом работа в Златоусте велась довольно оживленно, велось кружки, часто устраивались массовки. Но неудачная забастовка в депо дезорганизовала всю работу на станции, а с отъездом некоторых товарищей почти прекратилась работа в заводе и городе. В настоящий момент работа оживляется. Восстановлены связи в станционном районе. Начали функционировать в большом количестве кружки низшего типа и организовано три кружка высшего типа для выработки пропагандистов, читаются лекции и начались дискуссии с [э]с[э]рами. Комитет имеет типографию, в которой издаются листки на злобу дня. Скоро начнет выходить газета «Златоустовский рабочий». В заводе замечается стремление к организации профессионального союза, который, к сожалению, может быть только нелегальным, потому что завод казенный.

У Златоуста есть небольшой округ, к которому принадлежит Миасс, где существует миасская группа, насчитывающая 30 членов, есть связи в Саткинском и Куусинском заводах. Саткинская организация просила постоянного работника, обещаясь его содержать, но послать такого работника златоустовская организация не может, потому что сама нуждается в таких работниках.

Есть связи с крестьянами, но слабые и не разработанные. Экономическое положение крестьян не благоприятствует работе среди них, потому что крестьянство живет зажиточно и настроение его консервативно.

Избирательная кампания прошла в Златоусте удачно. Несмотря на противодействие и усиленную контрагитацию [э]с[э]ров, выборы в заводе состоялись, в уполномоченные были избраны все три социал-демократа. По второй избирательной курии организация провела также своего кандидата.

* Примечание: Настоящая статья помещается за подписью автора, потому что, хотя большинство объединенного комитета разделяет высказанные в ней мысли об отношении партии к профессиональным союзам, но взгляды автора далеко не являются господствующими в партии и спорными в большевистской фракции. Редакция приглашает товарищей высказываться на страницах «Уральского рабочего» по затронутому в этой статье вопросу. Редакция. (Прим. документа.)

** Статья без подписи. Ее автор, видимо, Е.А. Преображенский.

В городе замечается необыкновенное вздорожание продуктов, которое особенно волнует рабочую массу. Организация намерена начать борьбу за понижение цен на продукты.

В заключение один курьез. Передают, что [э]с[э]ры на одном собрании вынесли резолюцию такого содержания: так как партия [э]с[э]ров бойкотировала выборы в Думу, то все выбранные в выборщики и члены Думы являются изменниками народа.

Уральский рабочий (Уфа). 1907. 1 декабря.

**№ 6. СТАТЬЯ «ГРАНДИОЗНАЯ ЭКСПРОПРИАЦИЯ»,
ОПУБЛИКОВАННАЯ В ГАЗЕТЕ «ПРОЛЕТАРИЙ»***

(29) 16 апреля 1908 г.

Российское телеграфное агентство, аккуратно извещающее российского обывателя, где и на сколько целковых ограблена мелочная лавка и сколько экспроприаторов повешено за это преступление, это агентство ни словом не обмолвилось о грандиозной экспроприации, произведенной владельцами уральских посессионных заводов полтора года назад. И как каждая экспроприация, совершаемая из народного кармана при содействии тайных и других советников, эта экспроприация произошла втайне, при «закрытых дверях», без бомб и револьверных выстрелов. При закрытых дверях министерских кабинетов уральским заводчикам милостиво было разрешено заложить посессионные земли в частных банках; и они заложили в частных банках 2,5 млн земель за сумму в 8 млн руб.

Посессионные земли – это казенные земли, отданные на правах временного пользования заводчикам. Заводчики пользуются этими землями, пока ведут заводские предприятия. С закрытием последних они лишаются права на пользование землями. Конечно, ни продавать, ни закладывать эти земли заводчики не имеют права, как не имеет права чиновник продать казенный дом, отведенный ему для жилья. Допустивши залог посессионных земель, закулисные вершители судеб России признают тем за посессионными заводчиками право собственности на эти земли. Иными словами, [госпо]да тайные советники подарили посессионным заводчикам огромную площадь гос[ударствен]ных земель. Как велик этот подарок, можно видеть из следующего вычисления. Всех посессионных земель в настоящий момент на Урале 2264 тыс. десятин. Эти земли закладывают в себе богатейшие залежи различных минералов и поросли прекрасным строевым лесом. Если принять стоимость десятины в минимальную сумму 50 руб., то и тогда подарок уральским заводчикам нужно оценить более чем в 100 млн руб. Возможно, что шум, поднятый в прессе и Думе, и протест рабочих масс по поводу залога посессионных земель, не даст возможности нашим экспроприаторам пополнить свои карманы новыми миллионами, но уже и то, что произошло, чревато большими последствиями. Во всей этой истории характерно прежде всего то, что все это дело происходило в высшей степени конспиративно. Операция заклада произошла полтора года назад, между тем стало известно обо всем этом грабеже лишь в самое последнее время. [Госпо]да экспроприаторы, очевидно, предвидели весь шум и протесты, которые раздаются теперь уже *post factum*, но им важно было, чтоб этот шум не помешал делу в момент действия. Теперь же никакие протесты не могут иметь непосредственно практического значения;

* Газета «Пролетарий» – большевистская нелегальная еженедельная газета. Орган С.-Петербургского и Московского комитетов РСДРП. Фактически являлась с 21.08(03.09).1906 по 28.11(11.12).1909 г. центральным органом большевиков. В Выборге печатались № 1–20, Женеве – № 21–40, Париже – № 41–50. Редактором газеты был В.И. Ленин.

деньги экспропрированы и их уже не вернуть, хотя грабители не скрылись, а продолжают жить в почете и блаженстве на своих насиженных местах.

Земли заложены в частных банках. Частные банки, конечно, прекрасно осведомлены относительно посессионных отношений и хорошо знали, что казенные земли нельзя принимать в залог от частных лиц. Если же они согласились на операцию, то, вне всякого сомнения, после того, как представители правительства приняли под свою высокую руку экспроприаторов и обещали банкам гарантию за выданные миллионы, другими словами, признали за ними право собственности на заложенные земли. А последнее обстоятельство имеет огромное значение для рабочих посессионных заводов и крестьян. Как известно, многие посессионные заводы принесли убытки их владельцам. Если же последние не закрывают их, то потому, что прибыль от хищнического лесного хозяйства с этих земель далеко превышает все убытки от заводов. Закрывать эти заводы — значит лишиться права эксплуатировать огромную лесную площадь и связанную с этой эксплуатацией выгоду. Но заводчики теперь устроились иначе; получив миллионы, они смело могут закрыть заводы и лишиться заработка десятки тысяч рабочих. С другой стороны, при наделении земель рабочих закрытых заводов правительство будет теперь оперировать не со своими посессионными землями, а уже с землями, которые юридически будут принадлежать частным банкам. Последние же будут юридически правы, если воспрепятствуют всякому наделению рабочих землей. Вся операция в конце концов имеет огромные невыгоды для посессионных рабочих и должна вызвать с их стороны самый решительный протест.

Ликвидация посессионных отношений на Урале будет неизбежно связана с закрытием безнадежных с экономической точки зрения предприятий; этого финала со всеми его мучительными последствиями для рабочих миновать нельзя, и этот финал желателен с точки зрения общих интересов уральских рабочих. Но огромное значение имеет в данном случае вопрос, как будут ликвидированы посессионные отношения. Кучка заводчиков с самодержавной шайкой стремится так ликвидировать посессионные пережитки, чтоб рабочие остались и без заработка, и без земли. Ведь наделить рабочих по норме 1861 г. — это все равно, что оставить их без земли. Наделы, по положению 1861 г., так ничтожны при уральских условиях, что не в состоянии будут обеспечить рабочим самого нищенского существования, они обрекут их на голодную смерть.

Наоборот, заводчикам правительство готовит самое выгодное отступление с миллионами в руках, хотя бы такое отступление опрокидывало все законы о посессионных правах и нанесло величайший ущерб государству. Задача нашей партии на Урале при таких условиях заключается в том, чтоб отстаивать во что бы то ни стало, хотя бы с оружием в руках, пролетарское решение посессионного вопроса на Урале. Какие лозунги мы должны будем выкинуть в этом случае, об этом мне придется сказать в следующей статье, посвященной специально этому вопросу.

Как должны мы протестовать против совершенного на Урале грабежа? Наша фракция внесла в Думу запрос по этому поводу. Несомненно, запрос будет иметь в лучшем случае лишь агитационное значение и никаких практических результатов. Практических результатов не будет иметь и никакой вообще протест, потому что украденных миллионов не вернуть. А раз обстоятельства складываются так, что практическое значение протеста может быть лишь в его агитационном эффекте, то желательная постановка всего вопроса в Думе. Помимо запроса фракция должна от лица уральских рабочих выдвинуть требование взыскания с заводчиков полученных ими миллионов, хотя бы с продаж с аукциона всех имуществ, и расторжение совершившейся сделки, хотя бы банки не получили всей данной заводчикам суммы, понесли убытки

за сознательное участие в грабеже. С другой стороны, мы будем вести агитацию среди рабочих за поддержку требования фракции в форме забастовки и массовых резолюций на митингах и волостных сходах, которая, несомненно, приведет к желанной цели, если вспомнить тот интерес, с которым относятся уральские рабочие к решению земельного вопроса на местах.

В сущности, «уральская панама»¹⁷ есть лишь отдельный факт из целой системы перекладывания народных денег и народного имущества в карманы крупных капиталистов, которая широко практикуется у нас под видом казенных заказов, субсидий, монополий всякого рода и т.д. Но в данном случае грабеж столь очевиден, что никакими фигурными листочками его не прикроешь: грабители сами посадили себя своим «выступлением» на скамью подсудимых. Наша позиция очень выгодна в этом вопросе, и мы должны приложить все усилия, чтобы кампания протеста привела к возможно большему дискредитированию в глазах населения и Европы шайки экспроприаторов и их покровителей «божией милостью» и осветила перед Россией грабительскую политику капиталистов и «конституционного правительства».

Леонид*

Пролетарий. 1908. 16 апреля.

№ 7. ДОНЕСЕНИЕ ПЕРМСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО
УПРАВЛЕНИЯ ДИРЕКТОРУ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ
М.И. ТРУСЕВИЧУ ОБ ОБНАРУЖЕНИИ ПРИ ОБЫСКЕ
У Е.А. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО НАПИСАННОЙ ИМ РУКОПИСИ
«К ДЕЯТЕЛЯМ ДУМСКОЙ ФРАКЦИИ»

№ 410

26 августа 1908 г.
Секретно

По обыску при личном задержании в г. Уфе студента Императорского Московского университета Евгения Алексеевича ПРЕОБРАЖЕНСКОГО, сына священника, назвавшегося дворянином Александром Ивановым ГОРЕЛОВЫМ, была отобрана рукопись «К деятелям думской фракции», в копии при сем представляемая.

По имеющимся сведениям, названный ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, в организации «Леонид», привлекался членом Пермского окружного суда к следствию по делу пермского комитета РСДРП, входил в состав уральского областного комитета и корреспондировал в «Пролетарии».

Под его руководством состоялась областная конференция 11 мая с.г. в г. Златоусте. О вышеизложенном доношу Вашему Превосходительству в дополнение представления моего от 18 августа за № 360.

Приложение: Копия рукописи «К деятелям думской фракции».

За начальника Управления
помощник по району**

* Один из псевдонимов Е.А. Преображенского.

** Подпись неразборчива.

Приложение

*К деятелям думской фракции**Не позднее 29 апреля 1908 г.**

Вопросы о думской фракции делаются злобой дня в партийных кругах. Убогое представительство, которое имеется в Думе в лице фракции РСД, грозит принести огромный вред авторитету партии в широких народных массах, и перед партией все настойчивее и настойчивее выдвигается вопрос, что делать ей со своим неудачным детищем.

Мы никогда не ожидали, что фракция, прошедшая в Думу сквозь решето нового избирательного закона, вполне удовлетворит своєю деятельностью партию и рабочие массы. Но мы ждали и должны были ждать, что фракция сделает все от нее зависящее в этом отношении и предоставит себя в полное распоряжение партии. На деле же мы видели иное. С первых шагов своей деятельности фракция заняла нелепое положение по отношению к партии и ее представителю ЦК. Как известно, фракция отказалась сначала даже от названия социал-демократической фракции и хотела именоваться социал-демократической группой, и только единогласное постановление всероссийской конференции заставило ее отказаться от этого шага, продиктованного чисто обывательской боязнью «попасть в тюрьму». Казалось, кандалы депутатов 2-й Думы¹⁸ должны были заставить фракцию объявить себя пресмницей защитников пролетарских интересов в 3-й Думе и воодушевить на готовность разделить их судьбу, защищая дело революции. На деле же эти кандалы воодушевили их на отречение от партии, поставившей их в Думу.

Согласно постановлению Лондонского съезда¹⁹, думская фракция является частью партии, подчиненной руководству ЦК. Фракция 3-й Думы стремится в своей деятельности отмежеваться от партии; политическое руководство ЦК она променяла на руководство г-д Прокоповичей и Кусковых. Не всем ли товарищам известен**, например, факт прямого отказа фракции подчиниться решению ЦК в вопросе о выборе товарища председателя Думы вместо Мейсendorфа***.

Во фракции господствует взгляд, что ответственна она не перед партией, а перед своими избирателями, и, исходя из этого взгляда, она уклоняется от руководства ЦК. Этот взгляд является, конечно, чистейшим абсурдом. Большинство депутатов проведено в Думу под партийным флагом. Избиратели фракции это и есть сама партия, от которой наши депутаты теперь хотят отделиться. Наконец, если бы удалось теперь произвести опрос социал-демократией всех избирателей фракции, то, вне всякого сомнения, они отнеслись бы с безусловным отрицанием к такой позиции, которую заняла фракция по отношению к партии и к самой деятельности фракции. Фракции, конечно, хорошо известно, что контроль избирателей над депутатами почти совсем невозможен. Уклоняться от ответственности перед партией во имя ответственности перед избирателями фактически значит стремиться избавиться от всякой ответственности перед кем бы то ни было. Подальше от партии, подальше от опасности попасть в тюрьму за революционные речи с думской трибуны – вот соображения, которые были чужды фракции первых двух Дум и которые руководят фракцией 3-й Думы.

Далее, фракция нарушала постановления Лондонского съезда, явившись на собрание думской оппозиции, где были представители польских народовцев²⁰.

* 29 апреля 1908 г. Е.А. Преображенский был арестован. Тогда же у него была отобрана рукопись «К деятелям думской фракции».

** В оригинале: «известно».

*** Фракция решила, вопреки постановлению ЦК, голосовать за мирнообновленца Львова, если успех его избрания будет зависеть от с.-д. голосов. (Прим. документа.)

Но самое главное, что вся деятельность фракции в Думе совершенно неудовлетворительна. Вспомним о жалкой декларации, из которой были выброшены и затушеваны наиболее важные наши лозунги и требования, вспомним о ряде других неудачных выступлений.

И как ни слаба силами фракция, она могла бы принести большую пользу партии, если бы не боялась защищать в Думе нашу позицию во всей ее резкости и полноте, если бы она была просто механизмом партии, всецело следующим указаниям ЦК. Этого мы не видим в действительности, и партии приходится решить вопрос, как быть?

Мы думаем, что партия должна испробовать все мирные, если можно так выразиться, средства, чтобы направить* фракцию на правильный путь. Мы должны помнить, что для рабочего класса имеет огромную важность в настоящий момент иметь представительство в Думе, когда намечается делать ряд запросов, глубоко затрагивающих интерес пролетарских масс: запрос о гонениях на профессиональные союзы, запрос об уральских поселениях и т.д. Еще больше таких запросов впереди, которые могли бы быть сведены с определенными** выступлениями пролетариата. Поэтому партия, прежде чем решиться на изъятие фракции из Думы, если последняя откажется подчиниться ей, должна поставить депутатам известный ультиматум.

И только тогда, когда этот ультиматум будет отвергнут, когда фракция пожелает остаться независимой, партия должна решиться на изъятие фракции. Мы слишком много видели парламентского разврата на западе, так тесно связанного с автономией фракции от социалистических партий, чтобы создать еще этот продукт и на русской почве. В своем требовании подчинение фракции партии должно быть, и пусть ответственность за разрыв падет на тех, кому обывательская жизнь с гарантией от тюрьмы и кандалов дороже счастья бороться и страдать за дело революции.

Но ЦК не может поставить ультиматум фракции, не заручившись согласием партийного большинства. Пусть же уральская организация обсудит затронутый здесь вопрос и известит*** ЦК о принятых решениях****.

ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1908. Д. 5. Ч. 42. Л. 117–119 об.
Донесение – подлинник. Машинопись. Статья – копия.

**№ 8. ИЗ ДОНЕСЕНИЯ ПЕРМСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО
УПРАВЛЕНИЯ ДИРЕКТОРУ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ Н.П. ЗУЕВУ
ОБ УСТАНОВЛЕНИИ АВТОРСТВА ПИСЕМ Е.А. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО,
ИЗЪЯТЫХ В ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ ПОЧТОВО-ТЕЛЕГРАФНОЙ КОНТОРЕ,
И ОБ ЕГО АРЕСТЕ**

№ 4363

12 декабря 1911 г.
Совершенно секретно

Представляя копии двух писем от 4 и 15 ноября сего года за подписью «Л.», изъятых в Екатеринбургской почтово-телеграфной конторе 10 ноября и 18 сего декабря, в порядке 1035-й статьи Уст[ава] Уг[оловного] Суд[опроизводства], на имя кунгурского

* В оригинале: «исправить».

** В оригинале: «определениями».

*** В тексте: «известен».

**** Подпись отсутствует.

мешанина техника Сергея Александрова Черепанова, арестованного в ночь на 30 октября сего года по делу ликвидации екатеринбургской группы Российской социал-демократической рабочей партии и привлеченного к формальному дознанию по признакам преступления, предусмотренного 1-й частью 102-й статьи Уг[оловного] Улож[ения], доношу Вашему Превосходительству, что автором таковых, несомненно, является товарищ «Леонид» – сын священника Евгений Алексеев Преображенский, привлеченный к дознанию при вверенном мне Губернском жандармском управлении в качестве обвиняемого по делу группы членов пермской организации Российской социал-демократической рабочей партии и осужденный приговором Казанской судебной палаты, состоявшимся 14 сентября 1909 г., к ссылке на поселение с лишением всех прав и состояния, и с последствиями по 28–30-й, 34-й и 35-й статей Уг[оловного] Улож[ения]. Приговор о Преображенском был обращен к исполнению чрез прокурора Троицкого окружного суда.

Упомянутый в письмах «Семеном» и «С.» является [...] Ицко Срулев Шварц²¹.

Ввиду имевшихся агентурных указаний, что «Леонид» – Преображенский предназначался делегатом от уральских организаций на предстоящую партийную конференцию, и возможного ныне привлечения его к формальному дознанию по признакам преступления, предусмотренного 1-й частью 102-й статьи Уг[оловного] Улож[ения], мною послана 19-го сего декабря телеграмма за № 2825 начальнику Иркутского губернского жандармского управления с просьбою обыскать и арестовать поселенца с. Нижне-Илимского Евгения Преображенского.

Дальнейший результат будет представлен Вашему Превосходительству дополнительно.

Копия настоящего представления вместе с сим за № 4364 препровождается начальнику Иркутского губернского жандармского управления.

Приложение – копии двух писем за подписью «ЛП».

Полковник**

Приложение 1

Копия письма, изъятого при выемке 10 ноября 1911 г. в Екатеринбургской почтовой конторе в порядке 1035-й статьи Уст[ава] Уг[оловного] Суд[опроизводства], адресованного в г. Екатеринбург, дом Сибирского банка, Уральское технико-промышленное товарищество, е.в.б. Сергею Александровичу Черепанову. Почтовый штемпель «Нижне-Илимское***, Иркут. губ., 4.X-11)****».

Дорогой товарищ.

Немедленно по получении Вашего письма я ответил Вам согласно условию в том смысле, что принимаю с радостью сделанное предложение. Чем же объяснить теперь Ваше молчание? У меня рождаются самые черные предположения, слишком возможные в нашей обстановке. Я не уверен, получите ли Вы настоящее письмо, а потому не распространяюсь ни о своей жизни, и не задаю вопросов, которых у меня возникает целый ряд. Пишу на тот случай, чтобы

* Опущен текст, в котором указывается, по каким статьям Уголовного Уложения был осужден Ицко Шварц.

** Подпись неразборчива.

*** Ныне г. Нижнеилимск.

**** Под письмом приписка: «На обороте – «Для Семена» и ниже еще – Для Семена».

окончательно выяснить дело. Быть может, условленной т[елеграммы] Вы почему-либо не получили и делаете несоответствующие положению предположения.

Горячее спасибо за то, что Вы сделали для меня. Пишите или телеграфируйте, чтобы вывести меня из состояния недоумения.

Л.

Приложение 2

Копия письма, изъятая при выемке 18 декабря с.г. в Екатеринбургской почтовой конторе в порядке 1035-й статьи Уст[ава] Уг[оловного] Суд[опроизводства], адресованного в г. «Екатеринбург, Уральское технико-промышленное товарищество, е.в.б. Сергею Александровичу г-ну Черепанову». Почт. штемпель «Ниже-Илимское, Иркут. губ., 15/XI-11».

Дорогой товарищ.

Получил Ваше письмо от 16 октября и спешу ответить. Я очень рад, что моя телеграмма, выражающая согласие, получена вовремя. Перед этим я писал Вам для С. письмо, где выражал недоумение по поводу молчания с его стороны. Теперь я вижу, по крайней мере, что причина этого обстоятельства не столь пессимистического характера. Однако мне пока еще не все ясно. Дело в том, что С. писал мне в положительном смысле о благоприятном исходе его финансовых исканий [...]* Спрашивается теперь: Вы ли не вполне осведомили С. о положении дела или же он в своих надеждах забежал вперед действительности? Вы спрашиваете, каковы мои планы? Могу ответить коротко: решил переменить свой прежний адрес, во-первых, а во-вторых, не kisнуть за границей. Более же подробно ничего не могу сказать. Ведь достаточно получить предложение, подобное тому, которое мне сделал С., чтобы очутиться в местах и обстановке, о которой сегодня лишь платонически мечтаешь. Если бы с другого конца России я получил такое же предложение, то согласился бы немедленно принять его. Я, в сущности, понимаю Ваш вопрос хорошо насчет планов. Конкретнее, Вы хотите, вероятно, узнать, можно ли меня использовать для Ур[ала]. Повторяю, я готов принять всякое предложение, если оно не будет конспиративным абсурдом.

Ваш вопрос о самочувствии понимаю, как долг приличия, выполненный по отношению всех, сидящих в тюрьме или живущих в ссылке. Считая неприличным оставлять вопросы без ответа, скажу, что чувствую себя хорошо, но мог бы чувствовать несравненно лучше, если бы находился где-нибудь подальше от места теперешнего моего пребывания. Из нашей публики ни с кем не переписываюсь. Адрес Никанорыча не имею. Артем застрял в Шанхае и ничего не пишет последние месяцы. Его бы можно было приструнить к делу. Получил одно письмо от Марки. Он теперь американский гражданин, член социалистической партии. Его теперь трудно прельстить перспективой русского участия, раз он может быть президентом Соединенных Штатов. У меня есть на примете ценная публика, которая может быть использована на случай нехватки «рабочих рук».

Однако всего наилучшего.

С товарищеским приветом Л.

12 ноября 1911 г.

ГА РФ. Ф. 102. 7 д-во. 1911. Д. 2349. Л. 63-65 об.

Донесение – подлинник. Машинопись. Письма – копии.

* Опущен конец текста, не разобранный полицейскими переписчиками.

**№ 9–73. СТАТЬИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В ГАЗЕТЕ «ОБСКАЯ ЖИЗНЬ»*
В ЯНВАРЕ – АВГУСТЕ 1912 г.**

№ 9. К ПРЕДСТОЯЩЕЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ

8 января

Начало выборов в 4-ю Государственную думу не за горами²², и перед демократическим избирателем, не покровительствуемым в его прогрессивных стремлениях власть имущими и не питающим особенно восторженных чувств «народному представительству» от 3 июня, стоит серьезная задача: из минимума оставшихся за ним прав извлечь максимум того, что может хоть сколько-нибудь изменить физиономию теперешней Государственной думы, хотя бы усилением ее левого фланга последовательной демократией. Нужно, чтобы обыватель перекрестился раньше, чем гром грянет. А для этого он должен заранее учесть все возможности, которые даются ему в руки, с одной стороны, начавшимся общественным оживлением, с другой стороны, всяким организованным участием в выборах и, наконец, наличием слабых пунктов в действующем избирательном законе, на которые особенно надо напереть, чтобы дать выход нарастающей в стране политической активности. Избирательный закон 3 июня и демократические возможности – это сопоставление может показаться иронией, если вспомнить происхождение этого закона, который можно было бы назвать скорее законом демократических невозможностей. Но мы не должны, однако, забывать, какие чудеса способна творить активность народных масс, желающих во что бы то ни стало сказать свое слово; с другой стороны, при всем нашем отрицательном отношении к действующему избирательному закону, мы не можем и не должны оставлять в нем неиспользованными те слабые пункты, о которых я упомянул. А что эти пункты существуют, доказал опыт прошлой избирательной кампании, протекавшей при худших условиях в сравнении с условиями, в которых будут происходить выборы в 4-ю Думу. Эти худшие условия состояли из общественной реакции, в бойкотистском настроении значительной части народных масс и интеллигенции, наконец, в том, что выборы по новому закону происходили первый раз.

Какие же возможности находятся у демократически настроенного избирателя для проведения в 4-ю Государственную думу желательных для него кандидатов?

Самой надежной опорой демократии является, конечно, рабочая курия, посылающая, к сожалению, лишь всего шесть депутатов по выбору собрания губернских выборщиков. Вряд ли можно сомневаться, что и в предстоящую избирательную кампанию все выборщики по рабочей курии окажутся сознательными защитниками интересов пролетариата, и губернскому собранию выборщиков, каков бы ни был его состав в политическом отношении, придется *volens nolens*** посылать в Думу своих классовых противников***.

За рабочей следует крестьянская курия. Эта курия не оправдала себя на прошлых выборах. Ведь достаточно среди крестьянских выборщиков одного реакционера, чтобы реакционное большинство губернского собрания выборщиков провело именно его в члены Думы. К тому же крестьянские курии существуют как раз в таких губерниях, где мужик наиболее темен, забит и находится под влиянием реакционного дворянства. Тем не менее возможность послать сторонника принудительного отчуждения земли руками зубров и холопствующих приживалов национализма остается у крестьянства. Его вина, если этого не будет сделано, как было сделано в рабочей курии на прошлых выборах. Крестьян-

* «Обская жизнь» – общественная, политико-экономическая, литературная газета.

** Волей-неволей (лат.)

*** Как известно, по действующему избирательному закону выборщики по рабочей и крестьянской куриям, где таковые существуют, не сами выбирают депутатов, а это право принадлежит общему собранию губернских выборщиков. (Прим. автора.)

ство разрознено, разбито в политическом отношении, по своему экономическому положению оно трудно поддается организующим силам. Трудно ждать самостоятельности от него в интересующем нас смысле. Тем шире поле деятельности открывается здесь для демократической интеллигенции, соприкасающейся с крестьянством на различных прищах деятельности для жителей, агрономов, фельдшеров, землемеров и т.д.

Значительные шансы имеет демократия и во второй курии тех шести городов, которые выбирают депутатов в Думу прямой подачей голосов (Петербург, Москва, Рига, Одесса, Лодзь и Варшава). Правда, за исключением Риги, пославшей в 3-ю Думу с.-д. Предкальна, в остальных городах прошли кадеты. Но соотношение сил между демократическим и кадетствующим избирателем в этих городах отнюдь не таково, чтобы последний прочно торжествовал над первым. Например, при дополнительных выборах в Петербурге вместо Коллюбакина кандидат с.-д. Н.Д. Соколов собрал до 5 тысяч голосов, т.е. приблизительно до одной трети голосов, поданных за кадета Кутлера. Выборы в Москве дали менее благоприятные результаты. Но не нужно забывать, что единственный кандидат демократии, И.И. Скворцов, был «разъяснен» и выслан к вящему торжеству кандидата кадет Тесленко. За кадетами по второй городской курии тянется много элементов, которые по своему социально-экономическому положению не могут надолго отдать свои голоса и симпатии либеральным говорунам вместо представителей демократического дела.

Невидимые изменения в соотношении общественных сил, обещающие уже теперь весьма осязательные изменения в политической ситуации, перемена ветра заставят многих перебежчиков от демократии к либерализму снова повернуть от либерализма к демократии. Отколоть от кадетов потенциально демократические элементы, оставив им слои средней буржуазии и буржуазной интеллигенции, будет значить отвоевать у них во многих местах новые депутатские места.

Во второй курии городов, не выбирающих непосредственно в Думу, а избирающих уполномоченных для выбора выборщиков на губернский съезд последних, дело обстоит таким же образом. Разница в том лишь, что в небольших уездных городах центральной России обыватель правее кадетов, в то время как на окраинах в массе – левее кадетов. Какое значение может иметь проведение хотя бы 5–6 демократических выборщиков от городов, мы сейчас увидим.

В 3-ю Государственную думу огромное большинство губерний посылало или сплошь оппозиционных, или сплошь реакционных депутатов, в зависимости от того, какое большинство формировалось на губернском собрании выборщиков: октябристско-правое или кадетско-левое. Были случаи, когда от нескольких голосов социал-демократов и беспартийных левых зависело, дать перевес кадетскому или правому большинству. При таких обстоятельствах кадеты волей-неволей должны были соглашаться уступить [одно] место или два социал-демократам и левее их стоящим группам. Наоборот, где кадеты самостоятельно составляли большинство, они не имели ни необходимости, ни желания делиться местами с левыми. Отсюда ясно, что для демократии, не рассчитывающей почти нигде на самостоятельное большинство, самым выгодным является такое положение, при котором ни кадеты, ни правые не имеют самостоятельного большинства. Следовательно, в губерниях, давших на прошлых выборах кадетское большинство, демократия должна стремиться уничтожить это большинство. Усиление правых при таком положении может быть выгодно, поскольку это делает левых господами положения и тогда более правый в целом состав губернского собрания выборщиков дает более левый состав избираемых им депутатов*. Вывод очень поучительный для тех, кто защищает

* Этим я [не] хочу сказать, конечно, что в таких случаях следует голосовать за правых. Это недопустимо ни при каких условиях. Предполагается в то же время, что левые выступают в техническое соглашение с кадетами в целях распределения депутатских мест. М.Л.

избирательные соглашения с кадетами на первой стадии выборов. В большинстве же губерний в прошлую избирательную кампанию на губернском съезде выборщиков господами положения были октябристы и правые. Задача демократии сводится здесь главным образом к уничтожению октябристско-правого большинства, но, конечно, не в целях создания большинства кадетского, от которого взятки гладки, для последовательных демократов, а для достижения такого равновесия между правыми и кадетами, при котором, как сказано выше, господами положения будут левые.

Итак, главная задача демократических слоев нашего общества на предстоящих выборах сводится к образованию на губернском собрании выборщиков сплоченной группы, противостоящей и правым, и кадетам. А для этого рабочие должны провести в уполномоченные, а затем в выборщики соответствующих лиц и теперь же наметить их. То же должны будут сделать крестьяне при выборах уполномоченных от волостей. По второй городской курии должна теперь уже начаться работа с целью подсчета демократических избирателей, должно быть установлено общение между ними и заранее выдвинуты желательные кандидаты.

М. Леонов*

№ 10. ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В ГЕРМАНИИ

12 января

Как и следовало ожидать, выборы в германский рейхстаг, происходившие 1 января старого стиля, кончились блестящей победой социал-демократии, ослаблением реакционного блока консерваторов и центра и поражением либералов разных оттенков, по крайней мере в первом туре выборов. Социал-демократы, располагавшие после выборов 1907 г. 43 местами (на дополнительных выборах за пятилетие число это возросло до 53), провели теперь сразу 66 депутатов и участвуют еще в 112 перебаллотировках. Число полученных ими голосов возросло до 4 млн. Такого огромного успеха социал-демократия достигла, несмотря на наличность правительственного давления на выборы, вроде предписания чиновникам голосовать за правительственные партии, несмотря на ряд стеснений при агитации в печати и на собраниях, особенно в сельских округах Восточной Пруссии, в этом царстве юнкеров.

Каковы же причины этой победы и ее ближайшие последствия? Причины прежде всего органического характера; это те причины, которые способствуют неуклонному росту международной социалистической армии, идущей по пятам мирового капитализма и каждый успех последнего отмечающей в своих рядах приростом сотен тысяч и миллионов. Рост социализма в Германии прежде всего связан с успехами германского капитализма, с быстрым неуклонным ростом армии пролетариата, с обострением классовых противоречий между классом рабочих и предпринимателей. Германская социал-демократия удачно комбинирует защиту насущных интересов рабочего с борьбой против всего капиталистического строя в целом, и в этом причина ее непоколебимого и все растущего успеха в среде германского пролетариата. Новые завоевания социал-демократии на выборах есть следствие, или, вернее, частное проявление тех завоеваний, которые она делает в рабочей среде, привлекая к себе все новые и новые слои германского пролетариата.

Но кроме этих длительных причин успех германской социал-демократии создают причины временные, связанные с обращением к ней различных промежуточных,

* Один из псевдонимов Е.А. Преображенского.

главным образом мелкобуржуазных слоев общества. В Германии нет сильной демократической партии, которая бы, не ставя себе социалистических задач, стремилась к демократическому переустройству государства и защите экономических интересов крестьянства и мелкой буржуазии городов в рамках буржуазного общества. Поэтому, когда гнет юнкерского владычества, когда беззастенчивое обирание народных масс в пользу кучки привилегированных делается особенно нестерпимым, демократически настроенный обыватель обращается к социал-демократии, как главной силе, борющейся с владычеством юнкеров и крупного капитала, и своим голосованием мстит правительству за пренебрежение к его интересам. Анализ социального состава армии, голосующей за социал-демократию, показал, что в ней не одна сотня тысяч непролетарских голосов. Из непролетарских голосов часть изменяет социал-демократии в одних случаях, в других случаях число этих временных спутников-митлейферов, как их зовут в Германии, сильно увеличивается. Так, выдающийся успех социал-демократии при выборах 1903 г., рядом с основными причинами роста социал-демократии, был обязан приливу голосов от мелкобуржуазных групп населения. Социал-демократия получила тогда 3 млн голосов и провела 78 депутатов. Но уже при «готтентотских» выборах 1907 г. митлейферы оттолкнулись от нее. Состоялся блок всех буржуазных партий, и, хотя за социал-демократию было подано $3\frac{1}{4}$ млн голосов, число депутатов ее сократилось на три десятка. Мелкобуржуазные слои поспешили тот раз подчеркнуть, что они чужды социализма. Теперь социал-демократы собрали свыше 4 млн голосов и завоевали уже в первом туре 66 мест. Трудно сказать, какой процент из этих 4 млн составляют буржуазные голоса. Но не может подлежать сомнению, что теперешняя победа социал-демократии связана не только с ее успехами, как классовой партии германского пролетариата, но и с тем фактом, что возмущенные политикой правого блока мелкобуржуазные избиратели обратились опять к социал-демократии. Как известно, закончивший недавно свои дни рейхстаг провел таможенные законопроекты, которые увеличили на сотни миллионов обложение народного кармана в пользу аграриев, были увеличены косвенные налоги, сотни миллионов были выброшены на осуществление морской программы увеличения флота. С другой стороны, дороговизна жизни, вызванная кроме искусственных и естественными причинами, еще более подогревала недовольство народных масс и примыкающих к ним слоев населения. В результате этих основных и времен[ных] причин — блестящая победа социал-демократии.

Обратимся к последствиям этой победы. Если черно-синий блок будет разбит на перебаллотировках совместными усилиями социал-демократов и либералов, то это приведет к образованию левого парламентского большинства, что, в свою очередь, вызовет или роспуск рейхстага, или существенное изменение во всей правительственной политике.

Их миллионная армия, выдвинутая против прусской реакции, есть в то же время угроза русской реакции и могучая поддержка освободительным стремлениям рабочего класса России. Наконец, победа социал-демократии является огромным шансом в пользу международного мира, которому как раз из Германии угрожает наибольшая опасность. А ведь эта опасность обратно пропорциональна силе и успехам международного рабочего движения.

М. Леонов

№ 11. ПЕЧАЛЬНОЕ НЕДОРАЗУМЕНИЕ

12 января

Маркова и Замысловского приходится поздравить с крупным успехом. Я имею в виду не успешное заживание синяков, полученных Марковым в русском собрании от сопатриота Никольского, и не новую ассигновку на патриотизм, которую, быть может, перехватил Замысловский, без фотографирования расписки в получении. Я говорю о более важном успехе — о том шуме протеста и негодования, который поднялся в обществе в ответ на обвинение патриотом евреев в ритуальных убийствах²³. Сотни писателей и ученых, русских и европейских, кладут тяжесть своих имен на чашу протеста против дикого обвинения, на петербургских фабриках собираются среди рабочих подписи под протестом. Печать не перестает возвращаться к поднятому вопросу. На днях только Леруа Болье отдельным письмом в «Речь», присоединяя свой голос к подписям протеста, заявляет, что долголетнее изучение вопроса о ритуальных убийствах убедило его в абсурдности всей легенды.

Я не дал бы своей подписи под протестом писателей и ученых, не стал бы собирать их среди рабочих, не трудился бы над многолетними изысканиями в истории средних веков. И не потому, что я верю в существование секты хасидов, практикующей ритуальные убийства. Да если бы и верил, разве два-три христианских мальчика могут уравновесить тысячи трупов евреев, распоротые животы женщин, убийства стариков и детей и море бескровного ужаса и страданий нации, избранной для патриотических упражнений погромщиков.

Представьте, читатель, какой-либо «тип» обвиняет вас в краже носового платка, когда и вы, [и] все окружающие знают, что обвинение вздорно, когда это знает сам обвинитель и то же говорит его физиономия, когда, наконец, и самого платка-то у него никогда не было. Вы не станете оправдываться всерьез, приводить юридические и фактические доказательства своей невинности, взывать к свидетелям. Вы поступите иначе...

Но иначе ли поступают те, кто публично протестует против обвинения евреев в ритуальных убийствах и при этом приводят исторические и иные аргументы? Выступающие, таким образом, поднимают заведомую ложь Марковых и Замысловских на высоту убеждения, которое могут разделять одни и опровергают другие. Слишком много чести для погромщиков! Стоит ли тратить лишние слова на выражения негодования и возмущения, стоит ли негодовать и возмущаться там, где с холодным расчетом надо доказать, что политическое господство «зубров» не может обойтись без патриотической шумихи и антисемитизма, что, если бы легенды о ритуальных убийствах не было, ее надо было выдумать задним числом и извлечь из истории, если ритуальных убийств нет, их надо симулировать.

Существующий социально-политический строй в оголенном виде представляет слишком большой соблазн для эксплуатируемых масс. Его нужно разукрасить. У нас есть целая профессия таких политических маляров, с Марковым и Пуришкевичем во главе. Нужно же понять, что спекуляция на ритуальных убийствах и антисемитизм вообще есть нечто вроде продовольственной кампании или общественных работ для голодающих патриотов. Иначе они не оправдают затрачиваемых на них темных денег. Побольше патриотического шума, заглушающего плач детей, умирающих от голода, и тяжелые вздохи рабочего пролетариата, отстаивающего 12-часовой работой свое право жить, вот что нужно Марковым и Замысловским. И когда эти господа в своем убожестве мысли, не могущей придумать что-либо новое и оригинальное, с тупоумной настойчивостью снова и снова поднимают крик о ритуальных убийствах, то недостаточно ли нам

коротко ответить им – «это ваша профессия, господа», если уж нельзя пройти мимо с презрительным молчанием. Поступать иначе, значит идти навстречу желаниям погромщиков, значит содействовать усилению того шума, ради которого поднята вся кампания патриотов.

Нет, я не дал бы своей подписи над протестом писателей и ученых.

М.Л.

№ 12. ЕЩЕ К ВОПРОСУ О ПОВЫШЕНИИ ЦЕН НА ПРОДУКТЫ

13 января

Необыкновенно резкое вздорожание цен на продукты, в особенности на продукты массового потребления, как мы уже отмечали в предыдущих статьях*, вызвало широкое движение в Западной Европе и, несомненно, будет еще не раз волновать народные массы и побуждать их к активным выступлениям.

В России дороговизна продуктов стала хроническим явлением, и если мы не видим теперь такого движения, которое выросло на почве подъема цен в Центральном промышленном районе в 1907 г., то все же зло продолжает ощущаться не менее остро, особенно в низах народных масс, где потеря лишней копейки стоит нередко крови и слез.

Еще недавно в газетах сообщалось, что страшный рост цен на продукты в Варшаве породил слухи о предстоящей будто бы там всеобщей забастовке, как реакции на это вздорожание жизни. Кажется, ни одно явление не порождает столько предрассудков и иллюзий, как дороговизна и попытки борьбы с ней. Будет не лишним поэтому и своевременно осветить вопрос о дороговизне в связи с причинами этого явления и наиболее действительными средствами борьбы с ней.

Цены на продукты могут расти, во-первых, благодаря изменению условий на международном рынке. Например, при сокращении вывоза хлеба из Соединенных Штатов и при неурожае его в Аргентине спрос на русский хлеб может сильно возрасти; в связи с этим должны возрасти и цены на Западе, а в соответствующей пропорции, т.е. за вычетом издержек на провоз, и у нас в России. С другими продуктами, которые мы ввозим или вывозим, например, мясом, хлопком и т.д. может повториться то же самое.

Далее. Цены на продукты могут расти в национальных пределах благодаря таможенной политике и монополиям. Если английские свиньи едят русский сахар, а русский мужик пьет чай вприглядку, если на табаке, час мы переплачиваем чудовищные суммы, если за бутылку водки приходится платить почти в три раза больше ее действительной стоимости, то всем этим мы обязаны таможенной и налоговой политике. Той же таможенной политике мы обязаны тем, что почти все продукты русской обрабатывающей промышленности, все эти ситца, сукна, обувь и пр. худшего качества и стоят дороже, чем на Западе. Вследствие отсутствия заграничной конкуренции наши фабриканты являются господами положения на внутреннем рынке и по соглашению или без него обрабатывают карманы покупателя, считаясь лишь со своими безграничными аппетитами.

Наконец, повышение цен может носить местный характер и распространяться лишь на один город, уезд, губернию или область и находится в связи со спекуляцией торговцев, монополизировавших закупку и сбыт продуктов.

* Не обнаружены.

В зависимости от этих трех различных причин дороговизны должны быть и различны средства борьбы с ней. Обыкновенно козлом отпущения для возмущенных покупателей служит продавец, кто бы он ни был. Из предыдущего видно, что продавец может служить лишь передаточным механизмом, и негодование обираемых покупателей направляется не по адресу. Если повышение цен на продукты связано с положением международного рынка, то борьба со злом бесполезна. Если, допустим, пуд русской пшеницы стоит на английском рынке полтора рубля, а перевоз — двугривенный, то никакими намеками на патриотизм нельзя заставить хлебного экспортера продавать пшеницу в России по рублю, хотя бы соотечественники умирали с голоду.

Патриотизм есть источник прибыли, а не убытков. Правда, можно было бы наложить запретительные пошлины на вывозимый из России хлеб. Но это не только значило бы опрокинуть всю господствующую экономическую политику правящих классов, но и задержать наше хозяйственное развитие. Это невыгодно, наконец, для народных масс по существу их длительных интересов, не допустимо принципиально. Ведь самой выгодной таможенной политикой для народа является отсутствие всякой таможенной политики, т.е. полная свобода торговли.

Поскольку дороговизна связана с таможенной и налоговой политикой, постольку борьба с ней возможна, но лишь в широком национальном масштабе, лишь как борьба политическая. Финансовая и экономическая политика правительства связана со всей природой его власти и классовыми интересами общественных групп, на которые она опирается. Борьба за отдельное улучшение нецелесообразна и бесплодна по результатам; она обнаруживает вместе с тем непонимание общих причин зла, с которым борются. Нельзя бороться со следствиями, оставляя нетронутыми причины. Вот почему забастовка рабочих Варшавы, как средство борьбы с дороговизной, была бы нецелесообразной, поскольку, конечно, имелось бы в виду достижение немедленных практических результатов. И наоборот, демонстрация венских рабочих, требовавших от правительства уничтожения пошлин на мясо и вообще протестовавших против всей таможенной политики правительства, имела полный смысл.

Причины дороговизны, как я говорил, могут быть и местного характера. В таких случаях борьба легче и может быть плодотворной по результатам. Самое действительное средство — организация потребителей в союзы, практикующаяся с успехом во всех концах России. Не нужно лишь предаваться иллюзиям о всеспасительности этого средства. Это средство действительно лишь в ограниченных пределах, и максимум, который может дать в случае успеха, это сохранение в карманах потребителей тех сумм, которые при других случаях остаются у торговцев мелкого и крупного калибра, и большую доброкачественность продуктов. Можно далее воздействовать на муниципалитеты и заставить их путем обязательных постановлений регулировать цены на печеный хлеб и вообще, поскольку самоуправления вправе предпринимать что-либо в этом направлении, заставить их действовать в желательном направлении. Можно осуществить массовую закупку и перепродажу населению продуктов, цены на которые искусственно вздуты торговцами. Можно, наконец, проводить бойкот торговцев, вздувающих цены, поскольку такой бойкот не осуществляется естественным путем покупателем, ищущим купить где дешевле. Но все эти меры не колеблют основ существующей таможенной и вообще экономической политики, при которой интересы широких народных масс приносятся в жертву крупному капиталу. И лишь переход к народной экономической политике может существенно изменить дело.

№ 13. НЕУРОЖАЙ И РУССКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

15 января

Последние два года русская промышленность находится в состоянии оживления. Почти во всех ее отраслях замечается увеличение производства, иногда достигающее 15–20% производства предыдущего года. Спрос растет еще быстрее, чем производство, и не может быть своевременно удовлетворен. Стоит вспомнить лишь о чугунном голоде, который вызвал льготный пропуск чугуна из-за границы, или о цементном голоде, явившемся следствием строительной горячки. Истекший год по размерам производства был рекордным по сравнению со всеми предыдущими годами и значительно превысил размеры производства по сравнению с прошлым годом, который тоже был годом подъема. Оживление коснулось всех главных отраслей нашей промышленности, за исключением нефтяной, где при наличии хороших цен и усиленного спроса производство сократилось вследствие естественного истощения залежей нефти в Бакинском районе.

Приведем цифры, иллюстрирующие вышесказанное.

За 9 мес[яцев] добыто по России камен[ного] угля:

1910 г. – 975 млн пуд.

1911 г. – 1147 млн пуд.

За тот же срок выплавлено чугуна:

1910 г. – 135 млн пуд.

1911 г. – 160 млн пуд.

Отпущ[ено] на рынок железа и стали за 9 м[есяцев]:

1909 г. – 102 млн пуд.

1910 г. – 115 млн пуд.

1911 г. – 123 млн пуд.

Выплавлено меди за тот же срок:

1910 г. – 1035 тыс. пуд.

1911 г. – 1121 тыс. пуд.

Добыто нефти за 1910 г. по всей России – 582 млн пудов; вероятная же добыча за 1911 г. – 554 млн пудов.

Текстильная промышленность также испытала на себе влияние подъема. Так, в европейской России, по данным «Торгово-промышленной газеты», действовало веретен прядильных и крутильных:

прядильных:

1908 г. – 8 044 684

1911 г. – 8 671 664

крутильных:

1908 г. – 364 941

1911 г. – 643 486

Подъем замечается в химической промышленности, но особенно резко сказался в строительном деле и связанных с ним отраслях.

В предстоящем году ожидается такое же поступательное движение. Так думают, по крайней мере, промышленники. Они не только учитывают на предстоящий год значительное увеличение производства в металлургической промышленности, но предсказывают и размеры ожидаемого снова чугунного голода.

В связи со всем сказанным естественно возникает вопрос, неужели недород прошлого года, охвативший огромную площадь десяти с лишним губерний и давший сбор хлебов на 258 млн пудов меньше в сравнении с средним за 1906–1910 гг., не отразится на состоянии промышленности? Такого мнения держится Туган-Барановский, высказывавший не раз ту мысль, что подъемы и кризисы в русской промышленности связаны с аналогичными явлениями мирового капитализма, а не с состоянием нашего внутреннего рынка, что все дело – в наличии запасов капитала, который может быть вложен в промышленность. Теоретические построения Туган-Барановского достаточно основательно опровергнуты в экономической литературе. Что же касается его последней статьи в № __ * «Речи», посвященной тому же вопросу, то высказанные в ней предположения о том, что настоящий неурожай не отразится на состоянии промышленности, начинают уже опровергаться фактами жизни. Известно, что Нижегородская ярмарка прошлого года прошла очень плохо в связи с видами на неурожай. Последние газеты сообщают о ряде банкротств в Лодзи, о сокращении производства и росте безработицы. Такое же явление наблюдается и в Центральном промышленном районе. Запасы мануфактурных товаров увеличиваются, промышленники начинают практиковать понижение цен, замечается сокращение работ на фабриках. «Московским ведомостям» пишут из Иваново-Вознесенска об ухудшении дел в текстильной промышленности и намечающемся в связи с этим падении цен на мануфактуры. Характерно положение дел в винокуренной промышленности. Так, например, запасы спирта равнялись в 1910 г. 44 634 939 ведр[ам], и в 1911 г. – 52 913 333 вед[рам].

Таким образом, отрасли промышленности, наиболее непосредственно связанные с состоянием внутреннего рынка, уже испытывают на себе действие неурожая. Насколько действие последнего проявится в дальнейшем, трудно сказать. Трудно также сказать, в каких размерах недород повлияет на подъем в металлургической промышленности. Но несомненно, спрос на сельскохозяйственные машины должен относительно сократиться, как сокращается в годы недорода спрос или нормальный рост спроса на ситец и вообще мануфактурные товары. Конечно, отрасль производства средств производства, каковой в большинстве является металлургия, не непосредственно, а лишь в конечном счете зависит от положения дел среди крестьянства и, в частности, от недорода. Но что такая зависимость все же есть, в этом не может быть никакого сомнения. Быть может, поэтому не все оптимистические расчеты промышленников на 1912 г. осуществляются в действительности.

М. Леонов

№ 14. АНГЛИЙСКИЕ ГОСТИ В РОССИИ

17 января

В 1909 г. думские кадеты, разыгрывая роль «ливрейной оппозиции», явились в Англию в качестве представителей русской Государственной думы. Хотя англичане подверглись одурочиванию со стороны «парламентской оппозиции» страны, где, «слава богу,

* Номер не указан.

нет парламента», и, таким образом, имели дело с людьми, приехавшими по чужому паспорту, все же визит от Государственной думы рассматривался как визит одного представительного учреждения к другому. Английская палата общин оставалась в долгу перед Думой на ответный визит. И когда не так давно заговорили о предстоящем ответном визите англичан, то, казалось, и все ждали, что визит будет официально от палаты общин, что свободным гражданам Англии нет нужды прибегать к подложным политическим документам. Но оказалось, что в некотором роде в Россию нельзя ни въехать, ни выехать по своему виду. Оказывается, что ответить на «парламентский» визит 1909 г. к нам едет группа финансовых дельцов, проектирующих получить выгодные концессии в России и Персии, что состав делегации предварительно подвергся русской цензуре г-на Родзянко, чем и нужно объяснить ее жалкий состав, что видные члены парламента, как, например, Примроз, отказались участвовать в поездке, организованной где-то за кулисами, а другие выражают удивление, что их даже не спросили по этому делу. Удивительный пассаж! Представьте, читатель, вы делаете визит какому-либо почтенному семейству и с нетерпением ожидаете ответного визита. А вдруг вам присылают оттуда кучера и предлагают хорошие деньги за вашу корову. Поездка англичан есть красноречивый ответ кадетам на разыгранную ими комедию два года назад.

В газетах передают, что правительством выражено пожелание, чтобы при приеме английских гостей не было речей на политические темы. Политический визит без речей на политические темы – это было бы довольно странно. Но это вполне естественно, если мы имеем дело не с парламентским визитом, а с поездкой «по торговому делу» лиц, из которых часть лишь случайно находится в парламенте. К чему тогда трескучие фразы, ведь деловые вопросы кармана решаются не на публичных собраниях и публичных приемах, о них говорят не языком Мирабо и Гладстона.

Либерализм, народное благо, дружественная нация и пр. и пр. никогда не были понятиями только идеологическими. Но раньше они плотно закрывали спрятавшуюся за ними экономическую сущность, классовые интересы, денежные аппетиты. Теперь, когда ценность либерализма и консерватизма для соответствующих общественных классов давно уже подсчитана и переведена на золото, теперь, когда в передовых капиталистических странах люди дела лишь с улыбкой авгура* могут говорить и слушать об этих высоких материях, когда лишь в отсталых странах, подобно России, либерализм еще недостаточно распоясался, чтобы его классовая подкладка стала ясна для всех желающих видеть, теперь представители нации, где время – деньги, приступают прямо к сути. Но именно потому, что они обходят идеологические церемонии, которые у нас еще считаются необходимыми, и вводят в обращение капиталистическую непринужденность, именно поэтому они совершают неделикатный поступок по отношению к русскому либерализму: они напоминают всем об его отсталости.

М. Леонов

№ 15. ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

19 января

Генерал Д.Ф. Тренов стоял за принудительное отчуждение части дворянских земель в пользу крестьян и за образование кадетского министерства²⁴. Усмиритель московского восстания адмирал Дубасов, по заявлению графа Витте, склонился к тем же мерам. Это было в 1906 г.

* Авгур – в Древнем Риме коллегия жрецов, толковавшая волю богов по поведению птиц.

В том же году правительство после роспуска Думы нашло своевременным в порядке 87-й статьи, т.е. в качестве чрезвычайной меры, не терпящей отлагательства, издать закон о нормальном отдыхе приказчиков, вводивший существенные улучшения в существовавшие до того условия труда. Прошедший через Думу законопроект поступил на обсуждение Государственного совета, и комиссия последнего искажила его до неузнаваемости, фактически предлагая законодательным путем ухудшить существующее теперь ненормальное положение приказчиков и служащих.

2 декабря 1905 г. Высочайшим указом были отменены статьи 1858 и 1858 Улож[ения] о наказ[аниях], по которым рабочие наказывались за стачки. Раз забастовавшие вместе рабочие освобождались от наказания, то логически нельзя было наказывать и каждого из них в отдельности за самовольное оставление работ. Следовательно, статья 51 Уложения отпадала сама собой с отменой вышеупомянутых статей. Эта статья и не применялась четыре с лишним года. И вот, когда правительство внесло предложение об отмене 51-й статьи и отмена ее была принята в Думе и соответствующее предложение поступило в Государственный совет, большинство соединенных комиссий по законодательным предположениям внесло решение сохранить статью 51.

Это удивительное решение, которое шло вразрез не только с решением Думы, с предложением правительства, но и Высочайшим указом 2 декабря 1905 г., докладчик большинства комиссии мотивировал перед общим собранием Государственного совета тем, что отмена упомянутой статьи является «несвоевременной». Ценным является прямота и откровенность. Законодательство, благоприятное сколько-нибудь рабочим или хотя не ухудшающее только фактического положения дела, считается «несвоевременным» в 1911 г., т.е. в эпоху отсутствия широкого массового движения. Но то же законодательство признавалось своевременным в 1905–1906 гг. при наличии такого движения. В то время и генерал Трепов считал «своевременным» защищать принудительное отчуждение и кадетское министерство, тогда считался своевременным указ 17 июня 1905 г., вводивший автономии университетов, которую в 1911 г. г-н Кассо считает несвоевременной, назначая своей властью профессоров и делая другие нарушения закона.

Но нет правила без исключения. Как будто таким исключением является барон Тизенгаузен, предлагающий приступить к рабочему законодательству не под влиянием массовых стачек, как это всегда бывало раньше, а воспользоваться наступившим успокоением и тем доказать свое благожелательство к рабочим. Но увы! Рассматривая продукты законодательного творчества барона и его единомышленников в Думе и Государственном совете, мы убеждаемся, что все правительственные законопроекты, изданные в 1905–1906 гг. и даже раньше, идут дальше и выгодней рабочим, чем законы предпринимателей, заседающих в представительных учреждениях. Тизенгаузен с единомышленниками пытались провалить законопроект правительства о страховании служащих и рабочих в предприятиях Министерства финансов, они пытались ухудшить действующие законы о страховании рабочих вообще, они ухудшили приказничий законопроект правительства. Выходит, что политическое заигише им потребовалось не для улучшения, а для ухудшения положения рабочих и закрепления этого ухудшения путем законодательства.

Исключений, таким образом, нет, и лишь одно правило остается в силе, а это правило гласит: широта и интенсивность реформаторской деятельности правящих классов пропорциональна широте и интенсивности рабочего движения. И само правительство в лице графа Витте и многих других представителей правительства признавало эту истину.

№ 16. НОВАЯ ГАЗЕТА

20 января

Вышел № 1 новой большой газеты «Голос земли», издаваемой г-ном Сазоновым. В передовой статье газета, выясняя свою политическую позицию, пишет: «Голос земли» является естественным продолжением закрытых администрацией в 1902 г. «России» и [в] 1904 г. «Русской земли» и берет на себя ту же задачу служения России – великой русской земле. Если в эпоху беспросветного бюрократического абсолютизма мы смело проповедовали идеи народоправства и народной свободы (за мысль о необходимости созыва Земского собора и была закрыта, между прочим, «Русская Земля»), то в настоящее время, когда абсолютизм этот в значительной мере уже подорван, когда печати предоставлена известная свобода и есть у нас народное представительство, свободный голос наш будет раздаваться еще громче и смелее».

Далее, после жалобы на нетерпимость «радикальных кружков», подавляющих якобы свободу мнений, после избитых рассуждений о «творческих задачах» и новой жалобы на излишество «критики», «свободный голос» новой газеты заявляет о 1-й Думе.

«Когда же народ призван был к строительству и собралась первая [государственная] дума, творчество как бы иссякло, и у народных представителей началась свирепая критика отжившего и отживающего строя. Это неумение твердо и ясно поставить себе творческие экономические и социальные задачи и попытаться решить их, неумение согласовать отдельные мнения, найти точки соприкосновения, а не разъединения в общей, казалось бы, программе спасения страны от развала послужило одной из главных причин бесследной гибели [государственной] думы 1-го и 2-го созыва».

Недурно для защитников «народоправства». Но газета недовольна и 3-й Думой и, как увидим ниже, ничем не довольна, разве только сама собой.

В статье, озаглавленной «Под знаменем прогрессивной беспартийности», читаем: «До революции русское общество не было в такой степени раздроблено на партии и мы говорили с ним во имя единой общественной и государственной правды, доминировавшей над всякими частными, групповыми и классовыми интересами. В революционные времена общество сразу разделилось на резко ограниченные политические партии, имеющие каждая своего бога, свою святыню и свою этику, а вместе с ним раздробилась и когда-то единая общественная совесть».

Казалось, этому можно только радоваться, как доказательству несомненного прогресса. Но нет!

«Ни одна из партийных программ политического обихода не оправдала себя, формулы оказались ложными, все направления обанкротились, партии утратили доверие мыслящих умов».

Что же предлагает с своей стороны газета, начавшая так смело с критики царящей у нас критики? «Патриотизм и любовь к свободе – вот тот лозунг, который способен объединить вокруг себя живые силы русского общества».

Не правда ли – очень определенный ответ. Патриотизм. Но вот Пуришкевич патриот *par excellence*^{*}, Гучков не в меньшей степени считает себя патриотом, Миллюков думает, что истинные патриоты – это кадеты. Крайний левый – тоже патриот, если под патриотизмом понимать любовь к отечеству, а под отечеством не группу эксплуататоров. Не лучше обстоит дело и со свободой, которую каждый класс понимает и ценит по-своему. Что же вы собираетесь защищать, господа? Когда в передовой статье читаем, что «задача «Голоса земли» – помочь обществу разобраться в грозных вопросах настоящего исторического момента», то приходится сказать: разберитесь сначала сами, с кем вам идти.

* По преимуществу, прсимушественность (*фр.*).

В 1902–1904 гг., когда в сумерках реакции все кошки были серы, самый сомнительный либерал казался революционером. Но с тех пор прошло восемь лет. Пишущие в новой газете как будто проспали все это время. И теперь, нужно признаться, «прогрессивная беспартийность» новой газеты является глубоко реакционной, как глубоко реакционный симптом само ее появление. В нормальной обстановке политической свободы и хотя бы относительного простора для классовой борьбы каждый класс выявляет свою физиономию при соприкосновении с другими классами и выделяет свою партию. Беспартийность, прогрессивная или реакционная – безразлично, есть удел промежуточных и слабых групп, не знающих, куда примкнуть в происходящей борьбе и не влияющих на ее исход. Свобода классовой, а следовательно, и партийной борьбы, какие бы резкие формы она ни принимала в области слова и практики, есть могучая движущая сила действительного общественного прогресса. Наоборот, там, где, подобно России после неудачи массового движения 1905 и 1906 гг., классовая борьба всех общественных групп не может развернуться под нивелирующим прессом реакции, там мы видим застой. И только на таком застойном болоте вырастают цветы, подобные «Голосу земли». Не характерно ли, что закрытая в 1902–1904 гг., газета воскресла лишь теперь, в 1912 г., а не пять-шесть лет тому назад, когда существовала большая свобода печати и, хотя с большими трудностями и ограничениями, все-таки все классы нашего общества могли осуществить защиту своих интересов в печати. Тогда этой газете нечего было делать. Наоборот, теперь, когда условия во многом напоминают дореволюционные годы, когда далеко не все классы в состоянии защищать в печати свои интересы, именно теперь начинают говорить те, кому в 1905–1906 гг. было нечего сказать. Наступило время для бессодержательных, трафаретных лозунгов, и беспартийная беспринципность, выросшая на мертвом поле придавленной самостоятельности, начинает считать себя прогрессивней классовой определенности.

Мы думаем иначе. Мы думаем, что «прогрессивная беспартийность» «Голоса земли» есть глубоко реакционное явление, и поэтому мы не можем ответить на появление газеты обычным: «приветствуем собрата», как не можем приветствовать условий, выжавших ее к жизни.

М. Леонов

№ 17. ПОНАПРАСНУ, ВАНЯ, ХОДИШЬ...

25 января

Кадетский Ваня уже заходил насчет объединения в предстоящую избирательную кампанию всех либеральных и демократических групп под флагом прогрессистов. Отголоском этого лозунга, данного для всей России, служит передовая статья в № 15 «Сибирской жизни». Высказанные в статье мысли не могут быть оставлены без ответа.

Указав на ожидающие оппозиционными группами неблагоприятные условия при проведении избирательной кампании, автор передовицы пишет: «Характерным явлением в предстоящей избирательной кампании будет отсутствие и кадет и левых – все они по «независящим обстоятельствам» собираются «скрываться» под неопределенным и расплывчатым термином «прогрессистов». И поскольку избирательная кампания в левых группах уже началась, постольку и пестрит только этот неопределенный термин. А при таких условиях, когда вещи не могут быть названы своими именами, не может быть и речи о тех разногласиях, которые характеризуют различные группы нашей оппозиции.

...Жизнь, впрочем, так далеко продвинулась назад, что эти разногласия в данный момент вряд ли и уместны».

Удивительная мысль! Если можно только назвать мыслью то, что высказано автором в последних двух фразах. Неужели газета думает, что раз те или иные общественные группы не имеют возможности защищать свои требования, то и самые разногласия между ними ликвидируются или, по крайней мере, делаются неуместными. Значит, достаточно внешнего давления, чтобы разногласия между этими группами, коренящиеся в различии классовых интересов, исчезли и все группы очутились под одним флагом. В данном случае достаточно демократическим группам не дать говорить, чтобы все превратились в либералов! Если бы дело обстояло так, кадетам не было бы основания жаловаться на реакцию.

Прочтем несколько строк дальше. Речь теперь идет об осуществлении столь элементарных прав, столь незатейливых общественных благ, что под их знаменем должны объединиться все, кто из идеи реставрации не сделал себе орудие карьеры. Здесь ступают и партийные и классовые интересы, здесь кажется праздным все, что в какой бы то ни было степени игнорирует печальную действительность.

Игнорировать печальную действительность не следует. И не желая ее игнорировать, мы не можем забыть среди фактов этой печальной действительности о жалкой роли нашего кадетского либерализма, который выступает тем ярче в своем убогом облике, чем менее мы склонны забывать самое недавнее прошлое тех же кадетов. Поведение кадетов при обсуждении запросов иностранной политики, речь Маклакова по поводу роспуска Думы и совета на три дня, когда он конкурировал с П.А. Столыпиным на звание монархиста, поведение того же депутата при обсуждении запроса с.-д. фракции об осужденных депутатах 2-й Думы, когда он подсказал октябристам, как избавиться от обструкции к[аде]тов, выступление Милюкова в связи с исключением Войлошникова, предложение блока левым октябристам и т.д. и т.д. Мы уже не говорим о кадетской печати, о ее позиции в связи с толками о «новом курсе», который она же сама выдумала, о развращающем влиянии этого культа надежд на «милость победителей», о веховщине во главе с Изгоевым, подвизающемся, м[ежду] проч[им], на столбах той же «Сибирск[ой] жизни», и о многом, многом другом. Да, нельзя забыть об этой печальной действительности. Именно поэтому стойкая защита действительно демократической точки зрения во всех вопросах русской жизни является настоятельно необходимой. Различия между классовыми интересами групп, которые служат опорой русскому либерализму, и интересами народных слоев, на которые опирается демократия, а следовательно, разногласия между кадетами и левыми так глубоки, что говорить о неуместности этих разногласий – значит или быть политическим наивностью первого разряда, или сознательно пускать пыль в глаза обывателю, не разобравшемуся в сути дела. У кадетов и левых не только программы совершенно различны, не только тактика совершенно иная, но и различно отношение даже к таким «элементарным правам», как, допустим, свобода собраний. Желющие убедиться в этом пусть вспомнят кадетский законопроект о свободе собраний, внесенный в 1-ю Думу, и об отношении к нему левых.

Но допустим на минуту, что разногласия признаются неуместными и ликвидируются. Но ведь должна же быть какая-либо общая точка примирения разногласий, как ее найти? Демократ ли делается временно либералом или либерал демократом?

Кадет имеет в виду, конечно, последнее, иначе все разговоры о «примирении» теряют для него всякий смысл. Но почему не наоборот, может сказать демократ? Достаточно так поставить вопрос, чтобы убедиться, как наивен автор статьи или насколько наивной представляет он себе свою аудиторию.

Но газета принимает желательное за существующее, утверждая, что левые собираются «скрываться» под неопределенным и расплывчатым термином «прогрессистов». «Откуда это вам известно? – спросим мы. – Вы можете говорить лишь за себя». Если бы

левые смешались в избирательной кампании в одну кучу с либералами, то самое участие в выборах наполовину потеряло бы для них свой смысл. Для левых выступление против кадетов и их беспринципного либерализма имеет не многим меньшее значение, чем борьба с «реставраторами». Ведь и поправление кадетов есть тоже одно из реставрационных последствий, с которыми приходится бороться. Для последовательного демократа кадет не многим лучше октябриста; в этом расписались и сами кадеты своим предложением блоку октябристов. Слиться с кадетами в предвыборной кампании значило бы отказаться от редкого случая, повторяющегося в пять лет раз, показать массам наиболее верный путь к демократическому обновлению России. А кто согласится на такое политическое самоубийство ради проблематического счастья увидеть в Думе лишний десятюк либералов сомнительного достоинства?

Но, быть может, левым выгодно заключить длительное соглашение с либералами, ни в чем не меняя своих лозунгов, а обязуясь лишь поддерживать друг друга на всех стадиях выборов? На это приходится ответить – нет. При действующем избирательном законе левые больше всего выигрывают при равенстве сил у кадетов и правых. Давать же кадетам большинство и тем поставить вопрос о получении своей доли депутатских мест от их доброго желания – значит сознательно лишиться себя возможности провести в Думу своих кандидатов. Если бы в основу соглашения левых с кадетами было положено обязательство последних при получении большинства на губернском собрании выборщиков проводить в депутаты соответствующее количество левых, то в решительный момент это обязательство может оказаться невыполненным. Соглашение предполагает существование партийной дисциплины, как гарантии соблюдения договора. А могут ли дать такие гарантии те, кто сами предполагают и предлагают расплыться в бесформенной массе прогрессистов; и это при безудержном стремлении к депутатским креслам, которое так характерно для наших кадетов. Мы не говорим уже о целом ряде других соображений, говорящих против соглашения, соображений, о которых мы еще имеем в виду поговорить.

«Здесь стушевываются партийные и классовые интересы», – говорит автор про современный момент. Здесь затушевываются партийные и классовые интересы ради определенных партийных и классовых интересов, могли бы мы сказать про разбираемую статью; но делается это наивно и неумело.

М. Леонов

№ 18. ПО ПРОТОРЕННОЙ ДОРОЖКЕ

26 января

Аппетит приходит с едой, говорят французы. После того как правительство дало ход жалобе Гололобова, обвиняющего в клевете с думской трибуны депутата Кузнецова, Гололобов подал заявление о привлечении к суду всех 33 депутатов левой, подписавших запрос по делу об убийстве Караваева. Это вполне логично. И теперь сказавшим «А» придется сказать и «Б». Делу о жалобе на 33 депутатов после прецедента с Кузнецовым должен быть дан ход. Обстоятельства должны выясниться в ближайшее время. Или перед нами сознательно задуманный план изъятия из Думы левых, и тогда выступление Гололобова инспирировано в целях осуществления этого плана. Или, наоборот, соблазнившись возможностью избавиться от одного из депутатов с.-д., в правящих сферах не учли последствий и прежде всего того, что вступление на этот скользкий путь может привести к тому, что тогда явится необходимым удовлетворение второй жалобы Гололобова, за которой может последовать и третья,

и четвертая, и не только со стороны правой, но и со стороны оппозиции. Одного Пуришкевича можно было бы привлечь раз двадцать за клевету. Гучкову и другим октябристам угрожает та же перспектива. О левых и оппозиции нечего и говорить. Предсказания депутата Покровского начинают оправдываться, и не хватает теперь, чтобы Азеф возбудил дело в соответствующих инстанциях о клевете на его доброе имя со стороны большинства Думы. Если стать на путь, на который вступило правительство при понимании статьи 68 п. 4 учреждения о Думе и игнорирования статьи 14, то в Думе рискуют остаться лишь те, кто никогда не открывал рта и не подписывал запросов.

Но так должно было бы обстоять дело, если бы вопрос шел о точном применении закона и ни о чем другом. Но что соответствующие инстанции у нас отнюдь не обладают ригоризмом* юстиции, достаточно известно. Ведь когда против Пуришкевича в свое время аналогичным образом было возбуждено дело по обвинению его в клевете, дело было прекращено. Таким образом, одна и та же статья, которая оставляет свободным правого Пуришкевича, дает возможность в аналогичном случае посадить на скамью подсудимых с.-д. Кузнецова. Несомненно, если перед нами осуществляется сознательный план, то будет даваться ход жалобам правых на левых, а оставаться без движения жалобы на правых.

Свободе депутатского слова приходит конец. Правда, октябристы, как передают, встревожились и собираются «энергично» протестовать. Что можно ждать от этих карикатурных протестов, мы знаем. Даже там, где эти господа защищают от посягательств реакции свои собственные кровные права, они всегда остаются верными учениками Куропаткина.

Такова перспектива, если дело не изменится там, где слагается соотношение действующих сил и лежит фундамент действительной конституции.

М. Леонов

№ 19. АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН
(родился 26 мая 1799 г., умер 29 января 1837 г.)

29 января

Сегодня исполняется 75 лет с того памятного для России дня, когда, пораженный пулей великосветского проходимца, скончался наш великий поэт.

Излишне воспроизводить здесь биографию поэта: она достаточно известна всякому грамотному русскому человеку, и то, что ее не приходится повторять в некрологе, является лучшим памятным гению. Но каждый юбилей есть подведение итогов, а в данном случае итогов тех сокровищ слова, которыми обогатил поэт русскую литературу и русскую поэзию прежде всего. Но неисчерпаема эта тема и коротки столбцы газетной заметки. Несколько штрихов в немногих строках – вот все, что мы можем возложить на алтарь пушкинских воспоминаний.

В лице Пушкина русская поэзия достигла высоты, до которой не поднималась больше. Уже юношей он впитал в себя все прошлое нашей поэзии, которая явилась для него, таким образом, «превзойденным пунктом», когда он дописывал своего «Руслану и Людмилу». Если у Лермонтова из стихов, написанных до совершеннолетия, мало найдется ценного, то, наоборот, стихи 16-летнего Пушкина уже несут следы свободного стихийного

* Ригоризм – строгое проведение какого-либо принципа в действии, поведении и мысли, исключающее какие-либо компромиссы, учет др. принципов, отличных от исходного, и т.п.

таланта, и до сих пор многие из них сохранили свою прелесть. В «Бахчисарайском фонтане» и «Братьях-разбойниках» талант поэта делает громадный шаг вперед, а в «Цыганах» и «Полтаве», написанной в течение пяти дней и являющейся сплошным драгоценным слитком вдохновения, он парит уже на недостижимой высоте. Окончательно талант Пушкина разветвляется в «Онегине», который представляет из себя *opus cum* и в поэзии Пушкина и в русской литературе. К концу жизни поэт все меньше делается лириком и все более поднимается до объективного созерцания и воплощения жизни в своих творениях. Личность поэта делается все менее заметной, за мастерством не видно мастера, он поднимается на шекспировскую высоту, туда, где, по выражению Гейне, уже не видно искусства, где говорит сама истина. Таков Пушкин в «Пире во время чумы», в «Моцарте и Сальери», в «Скупом рыцаре».

Проза Пушкина блестяща, она также составила эпоху в русской литературе, указав ей истинный путь реализма. До сих пор, несмотря на восемь десятков лет, отделяющих нас от выхода в свет «Капитанской дочки» и «Арапа Петра Великого», они читаются с наслаждением. Но Пушкин был мастером слова не только в русской литературе. По уверению французских литераторов, все написанное им прозой на французском языке, сделало бы честь лучшим мастерам слова Франции.

Критические статьи и заметки Пушкина — бездна ума и художественного вкуса. Вспомните его заметки о Шекспире, где в немногих строках охарактеризована с гениальной глубиной самая сущность шекспировского творчества. Вспомните отзывы о французской литературе и, в частности, отношение к Альфреду Мюссе, в котором наш поэт сразу увидел истинный талант среди вычурной декламации современной ему французской литературы. Среди гениев всего мира Пушкин чувствовал себя в своем кругу, среди равных.

Личная жизнь Пушкина была несчастной. Он испытал все, что полагалось испытать гению в мрачную николаевскую эпоху. Его гоняли в Одессу, на Кавказ, запирали в провинциальной глуши без права въезда в столицу. Случайно лишь он не был замешан в процессе декабристов со всеми возможными последствиями этого несчастья. Правда, он получал большие пособия от правительства при денежных затруднениях. Но он тяготился этими тяжелыми цепями, сковывающими его свободный талант, этой унижительной зависимостью от недоброжелательных к нему и ненавистных для него лиц. Свирепая цензура больше всех давила именно его, как самую яркую звезду русской литературы, и не давала развернуться гению. В этой области и вырвались в одном письме у поэта слова: «Дернуло меня родиться в России с душой и талантом»*. Окружающее поэта общество видело в нем прежде всего светского человека, камер-юнкера Пушкина, а не гениального поэта. Нужно ли удивляться, что компания великосветских тетушек разных степеней пошлости и невежества, ищущих разнообразных ощущений, толкнула его взяться за револьвер при семейных неурядицах и пасть от руки повеласа.

Русская поэзия не богата цветами. После Пушкина были у нас и большие поэты, но ни по богатству фантазии, ни по произвольности стихийного вдохновения, ни по яркости образов, ни по широте кругозора и глубине мысли, покоящейся в пластической форме, мы не имеем ему равного. Форма стиха сделала у нас большой шаг после Пушкина, но при всем издешестве формы, чем, как не забавою детей, должны казаться нам декадентские эксперименты современных поэтов при свете творений Пушкина. Самые талантливые из них, вроде В. Брюсова, в лучших своих вещах поднимаются до бледной копии пушкинского гения.

* Цитата приведена неточно. Правильно: «Черт догадал меня родиться в России с душой и талантом!»

Пушкин выдвинут общественной средой, где незначительная группа людей может предаваться наукам, «мечтам и страстям» на основе труда остальных масс населения. Но ведь яркий свет его поэтического гения – это претворенный «черный» труд крепостного мужика и рабочего. Демократии принадлежит право на аристократическое наследство. Творения Пушкина принадлежат к такому наследству, созерцающая которое эксплуатируемый смягчит свой приговор по адресу строя, уже осужденного историей.

М.Л.

№ 20. НЕСРАВНЕННЫЕ

8 февраля

Вам, читатель, должен показаться большим чудачком человек, который вздумал бы теперь распространяться, скажем, о пользе стекла и писать что-либо вроде:

*Неправо о вещах те думают, Шувалов,
Которые стекло чтут ниже минералов.*

Эти строчки Ломоносова нельзя читать теперь без улыбки. Но писавший их архангельский рыбак доказывал 300 лет тому назад пользу просвещения. Можем ли мы теперь улыбаться, читая эти последние рассуждения? Я спрашиваю об этом, потому что нахожусь под свежим впечатлением (если дух средневековья может быть свежим) речей правых депутатов Государственного совета на заседании 26 января (1912 г.), посвященном вопросу о всеобщем обучении.

Например, Петр Николаевич Дурново решительно «стекло чтит ниже минералов». В длинной речи, направленной против введения всеобщего обучения и против народного просвещения вообще, он заявляет: «Вместо того чтобы строить казармы для солдат и пути сообщения, правительство в течение 10 лет бросает 550 млн руб. на так называемое народное обучение, которое принесет сомнительную пользу русскому народу».

Епископ Николай настолько был тронут глубиной этой истины, развивавшейся Дурново, что трижды облобызал его после речи. Правые депутаты устроили оратору чуть [ли] не овацию.

Напрасно г-н Коковцов от имени правительства, Витте и многие другие убеждали Петра Николаевича и его единомышленников, что стекло «не ниже минералов» и что законопроект следует принять. Правые остались при своем убеждении и голосовали против законопроекта. Я долго думал о том, с кем сравнить этих идеологов народного невежества. Привычная мысль обратилась к Турции. «Хуже турок», хотел я сказать, но вовремя спохватился. Ведь в Турции с 1908 г. мракобесы загнаны в подполье и выступление против народного просвещения не дает ценза на высший государственный пост.

Я метнулся по соседству – к Персии; но, увы, и здесь сравнение запоздало.

Наконец, думал, что успокоюсь на Китае и сравнение выйдет ярким и сильным. Не тут-то было. Как раз три дня лишь тому назад Китай окончательно объявлен республикой, и там теперь не нужно писать ни в прозе, ни в стихах о выгоде просвещения.

Моя экскурсия в Азию окончилась плачевно, и теперь я жалею, что напрасно потратил время. Как мне сразу не пришло в голову, что отныне и турки, и персы, и китайцы будут сравнивать с правыми Государственного совета тех из соотечественников, которые

решатся, не боясь всенародного осмеяния, поднимать свой голос против образования. Как я не догадался, что самих правых нельзя ни с чем сравнивать, не нанося незаслуженного оскорбления азиатским народам.

Ведь они являются несравненными.

М.Л.

№ 21. О ХЛЕБНЫХ ЦЕНАХ

9 февраля

Вопрос об уровне хлебных цен на мировом рынке имеет для России огромное значение. От уровня этих цен не только зависят цены на наших внутренних рынках, а следовательно, и состояние бюджета народных масс, покупающих хлеб, равно как и интересы всего сельскохозяйственного населения; но с ними связана устойчивость и нашего торгового баланса вообще. Изучение вопроса о хлебных ценах имеет поэтому не только теоретический, но и прежде всего огромный практический интерес.

Цены на мировом хлебном рынке устанавливает Америка. Хотя Россия и вывозит массу хлеба, ей приходится обыкновенно принимать установившиеся цены, потому что это* для нее является жизненной необходимостью и всякие условия приемлемы поневоле. Правда, чем дальше, тем больше Россия будет выступать в качестве одной из определяющих цены сторон. Но теперь, во всяком случае, вопрос о причинах данного уровня хлебных цен решается вполне, если выяснен вопрос о причинах роста или падения цен в Соединенных Штатах и Аргентине. Занимавшийся разбираемым вопросом обращаются обыкновенно прежде всего в эту сторону.

П. Маслов в своих статьях в № 7–8 «Нашей зари» объясняет рост хлебных цен в Америке исходя из своей теории, изложенной в т. I «Аграрного вопроса». Его точка зрения такова. Самым выгодным сельским хозяйством является экстенсивное хозяйство, которое на минимум затрат труда даст максимум продукта. Интенсивное же хозяйство, требующее дополнительных затрат капитала на искусственное удобрение, орошение, дренаж и пр., дает увеличение сбора хлеба не пропорционально сделанным затратам, а потому единица продукта при интенсивном хозяйстве обходится дороже (хотя с единицы площади абсолютное количество зерна получается больше, чем при экстенсивном хозяйстве). Так как в Соединенных Штатах запас свободных земель истощился, а спрос на хлеб непрерывно увеличивается вследствие роста промышленного населения, то является необходимость недостающее для удовлетворения спроса количество хлеба произвести путем перехода к более интенсивным формам хозяйства. А так как такой переход ведет к увеличению издержек производства на единицу продукта, то в результате цены на хлеб должны были возрасти и продолжают подниматься последние годы.

В главном П. Маслов, несомненно, прав. Объяснение роста цен на хлеб, которое он дает, обосновано вескими аргументами, изложенными в книге «Аграрный вопрос», применительно к общей характеристике интенсивного и экстенсивного хозяйства. С другой стороны, это объяснение вполне гармонирует с теорией трудовой ценности. Но с Масловым нельзя согласиться, поскольку он игнорирует при объяснении явления рост абсолютной ренты. Как известно, П. Маслов отрицает существование абсолютной ренты вообще и в этом пункте расходится с теорией Карла Маркса. Здесь он не прав. Теперь не приходится возражать ему в этом пункте. Замечу лишь, что именно рост цен на хлеб в последнее время в Соединенных Штатах является блестящей иллюстрацией к теории абсолютной ренты К. Маркса.

* Видимо, наборщиком была допущена ошибка и набрано слово «везде».

Такие относительно медленные процессы, как переход от экстенсивного хозяйства к интенсивному, не могут приводить к резкому повышению цен, подобно тому, который мы наблюдаем последние годы в Америке. Рост цен до очевидности ясно не пропорционален росту издержек производства на единицу продукта. Рядом с этой основной действует и другая причина.

В действительности рост цен на хлеб в Америке определяется не только увеличением затрат на производство, но и тем обстоятельством, что весь класс земледельцев начинает пользоваться своим правом на землю, как монополией. Как и всякая монополия, монополия землевладения исключает свободу конкуренции и является средством обложения всего неземледельческого населения особым видом налога, который приходится уплачивать последнему в форме увеличенной свыше нормального уровня цены на хлеб, т.е. выше уровня издержек производства. Если же выразаться в терминах теории трудовой ценности, то это будет значить, что пуд хлеба будет обмениваться на такое количество других продуктов, на производство которых идет больше труда, чем на производство любого пуда хлеба.

Мы переживаем время, когда сокращение свободных земель в Америке при громадном росте промышленного населения в обеих частях света должно особенно чувствительно дать знать не только о существовании абсолютной ренты, но и ее интенсивном росте. Пока Европа наводнялась массами дешевого американского хлеба, зло не давало себя чувствовать. Наоборот, в последние годы обстоятельства резко изменились.

Рост хлебных цен на всемирном рынке определяется, таким образом, глубокими причинами. Перед нами длительное явление. Рассчитывать теперь на падение цен в крупных размерах так же нельзя, как нельзя надеяться на открытие шестой части света, которая могла бы, подобно Америке в свое время, предоставить новые земельные площади для экстенсивного хозяйства.

В будущем развитие русского земледелия будет происходить поэтому при наличности этой благоприятной конъюнктуры.

Какие последствия должны иметь все эти обстоятельства для экономической жизни России, интересы каких слоев населения затронуть и в какой степени, об этом мы скажем другой раз.

М. Леонов

№ 22. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ О. ШРЕЙНЕР «ЖЕНЩИНА И ТРУД»
(издание С. Дороватовского и А. Чарушникова. Москва)

10 февраля

Переведенная с английского языка книжка О. Шрейнер занимает особое место в литературе по женскому вопросу. Ее нельзя отнести к той литературе буржуазных феминисток, которые пытаются обосновать свое право на равноправие путем унижения и развенчания мужской половины человеческого рода и в большинстве случаев защищают эмансипацию лишь для привилегированных групп женщин. Книга выше подобной литературы. Но ее нельзя отнести и к литературе типа знаменитой книги Бебеля «Женщина и социализм» и брошюр К. Цеткиной. В некоторых пунктах автор высказывает мысли, близкие к положениям, защищаемым марксистами в разбираемом вопросе, но в главном, в вопросе о путях и возможностях женской эмансипации, расходится с ними.

В нескольких словах точка зрения автора такова. Раньше женщина была товарищем мужчины в борьбе за существование. На нее падала не меньшая, если не большая часть

необходимых работ. По мере того как разделение труда и прогресс техники делали бесполезным домашний труд женщины, а в профессиях, занятых мужчинами, женщине не было доступа, ей остались лишь одни половые функции, и женщина стала превращаться в паразита общества. Паразитизм женщины ведет к упадку ее умственной деятельности и физических сил и по законам наследственности угрожает вырождением всему человечеству. Борьба против женского паразитизма есть борьба за целостность расы. Женщина не должна ждать, пока женский вопрос будет решен разрешением рабочего вопроса вообще. Он и вряд ли может быть решен таким путем, потому что экономический прогресс общества, увеличение благосостояния масс угрожает сделать паразитом женщину и в кругах рабочих масс. Согласно той общей тенденции, что увеличение богатства ведет к превращению женщины лишь в орудие половых наслаждений мужчины. Инстинкт самосохранения расы должен захватить не только женщин, но и мужчин, и идея освобождения женщины должна победить.

Автор упускает из виду, что паразитизм женщины есть явление, которое наблюдается лишь в высших классах общества, где паразитизм мужчин, обрезающих купоны, ничем не лучше. В рабочих массах женщина давно втянута в фабричную работу и в важнейших отраслях, например текстильной промышленности, женщина работает не меньше, чем мужчина. Женщина-работница не говорит «дайте нам работу», а «поменьше эксплуатируйте нас за работой».

Странно далее говорить об инстинкте материнства, который должен обеспечить победу эмансипации. Почему при наличии этого инстинкта женщина все же пала в паразитизм и зависимость от мужчин? Автор пишет: «Когда проявляется общая попытка со стороны женщины какого-либо общества изменить в нем свое положение, то при тщательном исследовании всегда можно убедиться, что изменившиеся или изменяющиеся условия жизни этого общества сделали уже ненужным или нежелательным дальнейшее примирение женщины с ее положением» (стр. 13). Это совершенно верная мысль, но она не полна. Когда же проявляется эта «общая попытка»? Почему именно теперь инстинкт материнства должен спасти женщину и род от вырождения? На это автор не дает ответа. В действительности закрепощение женщины, вызванное хозяйственными причинами, теми же фактами будет ликвидировано, поскольку оно уже не ликвидировано в экономической области участием женщины-работницы в производительной деятельности совместно с мужчиной.

Автор прав, объясняя противодействие мужчин женской эмансипации боязнью конкуренции, а не отрицательным отношением к женщинам как таковым (стр. 190). Но отсюда сам собой вытекает вывод, что противодействие прекратится в обществе, где конкуренция между трудящимися не будет иметь места.

Несмотря на эти недостатки, книжку можно рекомендовать всем, кто интересуется женским вопросом.

Перевод сделан хорошо.

М.Л.

№ 23. О ХЛЕБНЫХ ЦЕНАХ

12 февраля

Прежде чем обратиться к последствиям, которые должно иметь повышение хлебных цен на всемирном рынке для различных классов русского общества и нашего хозяйственного развития, я должен остановиться сначала на условиях, при которых России приходится экспортировать свой хлеб.

Задолженность России достигает громадных размеров. На одно лишь обязательное погашение долгов и проценты по ним мы вынуждены платить 400 млн руб. ежегодно (по росписи на 1912 г. – 404,5 млн руб.). Таким образом, мы вынуждены вывозить товаров больше, чем ввозить, чтобы иметь необходимые суммы для платежей по государственному долгу. И в действительности наш вывоз превышает ввоз [в] 1909 г. на 522 млн руб., в 1910 г. на 363 млн, в то время как страны с развитой промышленностью, как Англия и Германия, больше ввозят, чем вывозят. Так как главным предметом нашего вывоза является хлеб, которого в 1910 г. вывезено 847 млн пудов на сумму 746 млн руб., и до 10 декабря 1911 г. около 680 млн пудов, то именно при сбыте хлеба создаются для России крайне неблагоприятные условия. Она вынуждена [будет] продать хлеб, как бы ни были низки цены и как бы выгодным ни представлялось выждать время и не сбивать цен конкуренцией с американскими экспортерами. Чрезвычайно характерны в этом отношении следующие цифры: в 1909 г. вывезено хлеба 760,7 млн пудов на сумму 748,3 млн руб., следовательно, хотя в 1910 г. вывезено, как выше указано, 847 млн пудов, т.е. почти на 87 млн пудов больше, но выручено в общем на 2,2 млн руб. меньше. Попытки правительства удерживать хлеб в России не могут иметь успеха потому, что налоги продолжают ведь взysкиваться неукоснительно, и необходимость заплатить 400 млн по государственным долгам выталкивает массы хлеба из России, несмотря ни на какие искусственные попытки замедлить экспорт. А так как ныне надежд на то, что наш вывоз, и прежде всего вывоз хлеба, не будет происходить под давлением необходимости уплаты процентов по иностранным долгам, то нельзя рассчитывать и на то, что Россия в ближайшем будущем сможет диктовать условия на всемирном хлебном рынке, а не принимать их, какие бы они ни были. Будет ли у нас голод или нет, будет ли сбыт по данным ценам мирового рынка оправдывать издержки производства или нет, сбыть хлеб мы вынуждены. В известном смысле, свободы конкуренции для нас не существует. Единственно, на что при таких условиях можно рассчитывать, это на рост цен на международном рынке, благодаря относительному уменьшению вывоза хлеба из Америки. Что такой рост цен, обусловленный глубокими причинами, происходит и будет происходить – об этом мы говорили в предыдущей статье*. Этот процесс может лишь прерываться время от времени благодаря особо богатым урожаям в Соединенных Штатах и Аргентине. А при размерах нашего хлебного экспорта увеличение цен на 10–15% означает возможность получить лишние 100 млн руб.

Подъем цен должен на разных классах общества отразиться различно. Больше всего выигрывают крупные землевладельцы, к услугам которых находится кредит, и которые имеют возможность, с одной стороны, миновать цепкие руки перекупщиков, с другой – могут выждать подъем цен. Последние три года сильно укрепили поэтому крупное и среднее землевладение. Иначе слагаются обстоятельства для мелкого крестьянского хозяйства. Во-первых, над крестьянином стоит два, а иногда и более, этажа перекупщиков. Даже при нормальных условиях запродажи хлеба крестьянин вынужден оставить в их руках огромные суммы барышей. Но условия продажи хлеба нашим крестьянством никогда не бывают нормальными. Необходимость уплатить подати заставляет спешить, не сообразуясь с действительными ценами и возможностью их повышения. Часто под урожай деньги бывают взяты у помещиков и кулаков еще весной. Мелкий кредит для наиболее выгодной продажи хлеба почти отсутствует (для значительной группы помещиков невыгодно, чтобы крестьянство пользовалось таким кредитом). В результате львиная доля выгод от подъема хлебных цен на мировом рынке и соответственного подъема их на внутреннем рынке выпадает и на долю перекупщиков и экспортеров. Хлеботорговцы выигрывают больше, чем хлебопроизводители. Например, реализация урожая 1910 г., как это теперь выяснилось, только отчасти пошла

* См.: Док. № 21.

на пользу сельскому хозяйству, большая же часть полученных Россией сотен миллионов ушла на биржевую игру. Но все же сельское хозяйство много выигрывает от подъема цен, даже несмотря на эти неблагоприятные условия. С дальнейшим ростом цен, в частности, Западная Сибирь, теперь выигрывающая лишь при неурожае в России и лишь тогда оживляющая хлеботорговлю, и идет выгодным экспортировать хлеб за границу даже при наличности невыгодного тарифа и дальности доставки.

Что касается городского населения, покупающего хлеб, то подъем цен, конечно, бьет его по карману. Но было бы неправильно сказать, что высокие цены на мировом рынке невыгоды изземледельческому населению России. Есть слои, которым они невыгоды безусловно. Это слои мелкой буржуазии, едва выдерживающие конкуренцию с крупным машинным производством и существующие лишь благодаря «потогоиной системе». Для некоторых из этих слоев подъем цен может оказаться роковым и облегчить окончательное торжество крупного капитала над отраслями производства, еще остававшимися за мелким хозяйством.

Что касается крупной и средней буржуазии, то в качестве потребителей эти классы очень мало чувствуют последствия роста цен на хлеб. Но как торговцы и предприниматели они выигрывают очень много. Подъем цен, вливающий новые миллионы из-за границы в наше сельское хозяйство, увеличивает покупательную способность земледельческого населения, являющегося главным рынком для русской промышленности, и для фабрикантов и торговцев выступают хорошие дни.

Что касается рабочего класса, то сначала он страдает от роста цен потому, что в его бюджете хлеб играет огромную роль. Но дальнейшие последствия роста цен дают ему возможность обратить вред себе на пользу. Подъем промышленности, связанный с подъемом покупательной способности земледельческого населения, обеспечивает ему успех в экономической борьбе, и то, что им потеряно на хлебе, может быть возвращено с лихвой с увеличением заработной платы.

В общем и целом, подъем хлебных цен на мировом рынке означает для России приток новых миллионов в сельское хозяйство, торговлю и промышленность. Он способствует усилению капитализма и ускорению экономического развития страны.

М. Леонов

№ 24. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

14 февраля

На днях в Государственной думе обсуждался запрос правительству об образовании из металлургического треста. Запрос был внесен в комиссию еще три года назад и только теперь подвергся обсуждению общего собрания Думы. Представитель правительства, дававший объяснения, сказал, что действительно в 1908 г. поднимался вопрос об образовании треста железозаводчиков, но о существовании такового правительству ничего не известно. Дума отложила обсуждение объяснений, данных правительством; в каком духе она высказается, это будет известно на днях. Мы хотим, однако, сказать несколько слов по затронутому вопросу.

Представитель правительства был прав, заявив, что о существовании треста ничего не известно. Треста в собственном смысле этого слова у нас нет. У нас есть лишь металлургический синдикат «Продамета»²⁵, т.е. соглашение большинства железодельных заводов насчет распределения заказов и установления наиболее выгодных для предпринимателей цен. Потребителю, однако, от этого ничуть не легче. Правда, трест для потребителя хуже синдиката, перед ним он более беспомощен,

потому что имеет дело как бы с одним предпринимателем, который вполне царит на рынке и диктует цены. Но и то сообщество заводчиков, которое зовется синдикатом «Продамета» и которое имеет своей целью покушение на карман потребителя, вполне уже вырисовалось как несомненное зло. Читатель может видеть это из следующих цифр*.

Из трех самых главных продуктов металлургической промышленности, выпускавшихся во всей империи, синдикатом «Продамета» было выпущено приблизительно:

	1909 г.	1910 г.	1911 г.
	(1-е полугодие)		
Сортового железа, %	– 80	80	89
Листового и универсального, %	– 75	82	80
Балок и швеллеров, %	– 81	88	96

Таким образом, синдикат почти монополизировал отпуск главных железных продуктов и мог, следовательно, диктовать цены на рынке. Как отразилось это обстоятельство на ценах, можно видеть из следующих цифр относительно сортового железа, которое является главным продуктом спроса широких масс. Пуд железа продавался в копейках.

1900/01 г.	– 165	1906/07 г.	– 119
1901/02 г.	– 145	1907/08 г.	– 114
1902/03 г.	– 127	1908/09 г.	– 103
1903/04 г.	– 128	1909/10 г.	– 115
1904/05 г.	– 124	1910 г. (до декабря)	– 135
1905/06 г.	– 121	1911 г.	– 145–150

Цены начинают быстро расти с 1909 г., т.е. с того времени, когда «Продамет» синдицировал отпуск сортового железа. Цены росли, несмотря на значительные технические усовершенствования, значительно удешевившие издержки производства. Конечно, здесь имеет значение и увеличение спроса, вызвавшего подъем промышленности. Но увеличение спроса не могло бы так быстро повысить цены, если бы заводы конкурировали между собой. Это видно, между прочим, и на примере синдиката уральских заводчиков «Кровля»²⁶. Этот синдикат в 1909 г. отпускал на рынок 50% имперского сбыта, в 1910 же году – лишь 38,15%. Так как монополизировать сбыт кровельного железа синдикату не удалось, то цены на него продолжали падать как раз в то самое время, когда синдикату «Продамета» удалось их значительно поднять на отпускаемые последним сорта железа. Так, цены кровельного железа с 1909 до 1911 г. упали приблизительно на 25%. Синдикат «Кровля» все же не теряя надежды объединить большинство уральских заводчиков, и если цель будет достигнута, то цены, конечно, удастся поднять. И тогда потребитель и здесь останется внакладе.

Нам следует желать, чтобы расчеты синдиката не оправдались не только в интересах потребительской массы, но и по другой, не менее важной причине. Дело в том, что большинство уральских заводов располагают отсталой техникой и не в состоянии выдерживать конкуренции хорошо оборудованных чисто капиталистических предприятий. Отсталые заводы вынуждены или прекратить свое существование, или поднять технику на необходимую высоту. Если большинство отсталых уральских заводов еще влачит свое существование, то лишь благодаря голодной заработной плате, различным

* Все цифры взяты мной из № 30 «Торгово-промышленной газеты», из статьи Э. Вулех. (Прим. автора.)

правительственным субсидиям и главным образом благодаря хищническому истреблению лесов на заводских землях. Успешное же объединение заводов в синдикат, прекращение конкуренции между передовыми и отсталыми заводами и увеличение цен укрепит положение отсталых предприятий и сильнейшим образом затормозит переустройство уральской промышленности на капиталистических началах. В результате успех синдиката будет означать тормоз на пути экономического прогресса.

Мы не являемся сторонниками воздействия правящих сфер на экономические организации, будут ли то организации промышленников, рабочих или потребителей. Мы лишь против воздействия их на одну сторону при благосклонном нейтралитете или прямом содействии (синдикат сахарозаводчиков) по отношению к другой. В результате русский потребитель оказывается беззащитным перед объединенной промышленностью, которая, не довольствуясь ограничением конкуренции со стороны иностранной промышленности путем высоких таможенных пошлин, пытается устранить и внутреннюю конкуренцию между собой. Между тем при высоких таможенных пошлинах эта внутренняя конкуренция является главным стимулом технического прогресса и единственной гарантией интересов потребителя.

М. Леонов

№ 25. СИБИРСКОЕ ЗЕМСТВО И СИБИРСКАЯ ПЕЧАТЬ

19 февраля

Как известно уже читателям, Государственная дума в заседании 30 января приняла законопроект комиссии по самоуправлению о введении Земского положения 1890 г. в Сибири. Сибирская печать неодинаково отнеслась к этому факту, но в общем отзывы, которые приходится читать, вызывают полное недоумение. Вот что пишут, например, «Думы Забайкалья» в номере от 2 февраля: «День 30 января 1911 г. должен быть отмечен в летописях жизни Сибири: Государственной думой принят в этот день законопроект о введении земства в областях и губерниях Сибири».

Законопроект принят — первый шаг по пути к цели сделан, — но это еще не значит, что мы приблизились к достижению ее. И краткость остающегося срока полномочий 3-й Думы, и слабая надежда на согласие Совета с решением Думы отдалают окончательное разрешение вопроса, наиболее острого из всех «вопросов» нашей окраины.

Тем не менее день 30 января будет памятным для Сибири днем и весьма поучительным для сибирских выборщиков в 4-ю Думу».

Восторженность производит комическое впечатление, если вспомнить, о чем, в сущности, идет речь. Государственная дума высказалась за Земское положение 1890 г. Удивительное событие! Как будто Дума 3 июня могла высказаться за что-либо иное. Заметьте, читатель, что законопроект не стал и 99% за то, что не станет законом. По какому же случаю именно теперь весь шум?

Менее восторженно высказывается «Забайкальская новь» от 2 февраля. Указав на затруднения, ожидающие законопроект при прохождении в Госсовет и высшей инстанции, газета замечает: «Трудно ожидать при таких условиях, чтобы вопрос о сибирском земстве в ближайшем будущем сделался бы достоянием действительной жизни. И на долю Сибири, по-прежнему, остается одно лишь моральное утешение. Нам, сибирякам, по-прежнему приходится повторять прекрасные слова художника: а огоньки все так же далеко, как и все так же близко».

Мы сочили бы для себя за величайшее счастье, если бы на этот раз наш скептицизм обманул бы нас».

Но и здесь ни слова критики по адресу самого законопроекта. «Скептицизм» касается шансов на его осуществление, а не его конструкции.

Более осторожно выражается «Сибирская жизнь» в номере от 1 февраля. «Проект этот, – говорит газета, – далеко не похож на те, которые составлялись в Сибири в 1904–1905 гг. Но все-таки это проект о земстве. Все-таки в его основу положена идея самоуправления, хотя бы и ограниченного.

Мы сказали, что судьба земства решается в желательном смысле. Эти слова наши нужно понимать в условном смысле. Нужно сделать существенную оговорку. Выработанный особой комиссией Государственной думы и ныне громадным большинством принятый проект положения о сибирском земстве далеко не соответствует тому, чего желала и желает Сибирь, что необходимо для удовлетворения ее нужд и потребностей».

Газета становится на ту точку зрения, что лучше что-нибудь, чем ничего, забывая, что «что-нибудь» в данном случае может не быть (и мы уверены не будем), а минус для самого дела осуществления самоуправления в Сибири будет несомненный. В этом не трудно убедиться.

Как известно, Земское положение 1864 г. было рассчитано на губернии с развитым частным землевладением. Избрание гласных производилось на съезде крупных и средних землевладельцев, производилось далее крестьянскими обществами и городскими обществами. Закон 1890 г. дал в огромном большинстве губерний перевес сословному дворянскому землевладению, участие же крестьян в самоуправлении уничтожил, допустив лишь в волостях выбор кандидатов, из которых гласные назначаются уже губернатором. Затем закон сильно сузил компетенцию земств за счет усиления контроля губернской администрации. Спрашивается, что же можно было извлечь из этого закона для Сибири, для которой действительное самоуправление является одним из самых жизненных вопросов?

Извлечь что-либо лучшее было так же невозможно, как невозможно из детской куртки сшить платье для взрослого человека. Применение к Сибири Земского положения 1890 г. при почти полном отсутствии здесь частного землевладения свелось бы к тому, что огромное большинство гласных составилось бы путем назначения их губернатором из кандидатов от волостей. Такая перспектива испугала инициаторов законопроекта, как ни покладисты, вообще, оказались они в уступках противникам самоуправления и в дипломатическом оппортунизме. В результате получилось не применение к Сибири положения 1890 г., а новый закон, потому что для частного землевладения пришлось понизить ценз до 10 дес[ятин], дать представительство казакам, инородцам, представить председательство в собрании вместо отсутствующих в Сибири предводителей дворянства выборным от собрания и т.д. Но если фактически пришлось почти внести новый закон, зачем было вносить закон такой, который заведомо не отвечает запросам действительного самоуправления и заключает в себе наиболее отрицательные стороны реакционного положения 1890 г.?

Инициаторы проекта на это отвечают так. Правительство, относясь последние годы отрицательно к введению земства в Сибири, особенно после известной поездки сюда П.А. Столыпина и Кривошеина, отказалось представить необходимые официальные материалы для выработки законопроекта. Во-вторых, компромиссный характер проекта должен облегчить его прохождение в соответствующих после Думы инстанциях. Так, по крайней мере, объяснял дело томский депутат Некрасов в своей речи в думском заседании 30 января.

Но, во-первых, отсутствие официальных материалов есть техническое затруднение, которое не так трудно было обойти и которого отнюдь не достаточно, чтобы вместо выработки демократического законопроекта ограничиться ремонтом старого, реакционного. Затем между первым и вторым аргументами существует внутреннее противоречие.

Раз правительство высказало свое отрицательное отношение к введению самоуправления в Сибири, то никакой, даже компромиссный, закон не мог рассчитывать на осуществление в жизни. В свое время и сам докладчик комиссии по самоуправлению Некрасов высказался в таком духе. Компромисс, если не может быть оправдан, то может быть объяснен, по крайней мере, в том случае, если несомненно практические результаты от него. В данном случае в практических результатах не уверены даже сами инициаторы. К чему же тогда было идти на путь компромисса? Остается по-видимому, одно основание, а именно, что принятие Думой законопроекта ставит введение земства в Сибири на очередь дня. Но если смотреть на дело с этой стороны, то можно ли согласиться, что закон 1890 г. формулирует нужды Сибири в вопросе самоуправления?

Выступление представителя правительства при обсуждении закона в Думе вполне выяснило дело. Г-н Лыкошин заявил, что правительство совершенно отстраняется от совместного обсуждения закона, а это является достаточной гарантией для того, что законопроект будет похоронен. В результате политика компромиссов получила и получит еще заслуженный удар.

«День 30 января будет поучительным для сибирских выборщиков в 4-ю Думу», — говорят читинские «Думы Забайкалья». Совершенно верно, скажем мы, пусть избиратели Сибири запомнят день 30 января, когда либеральные сибирские депутаты 3-й Думы отдали свое право первородства даже не за чечевичную похлебку, а задаром.

Те из сибирских депутатов, которые не заражены общим для кадетов духом компромисса перед реакцией, должны были поступить иначе. Они должны были выработать и внести законопроект о демократическом и полномочном земстве. Проект не прошел бы, конечно, как не пройдет в дальнейшем и произведение г-д Некрасовых. Но зато в нем нашли бы свое выражение нужды Сибири в вопросе о земстве, и даже похороненный в Думе законопроект имел бы большее значение. Лишь политически слепой может думать, что Сибирь не дожидется действительного самоуправления. И когда настало бы время для введения его в Сибири, законопроект послужил бы исходной точкой для осуществления давнишних чаяний Сибири. Наоборот, противники и урезыватели самоуправления постарались отделиться тогда минимумом и будут выдвигать произведение г-на Некрасова и К°. Они скажут: Сибирь нашла возможным в лице своих депутатов удовлетвориться положением 1890 г., а потому получите его теперь.

Поэтому более чем странной является позиция многих органов сибирской печати, отнесшихся отнюдь не отрицательно к деятельности инициаторов законопроекта. Нужно быть очень близоруким, чтобы не видеть весьма простой истины: принятие Думой законопроекта об урезанном самоуправлении лишь ослабляет позицию будущих защитников действительно демократического земства, в котором так нуждается и которого дожидается же наконец когда-либо Сибирь.

М. Леонов

№ 26. ОБЗОР ЖУРНАЛОВ «РУССКОЕ БОГАТСТВО» (январь)
и «СОВРЕМЕННЫЙ МИР» (февраль)

26 февраля

Беллетристика «Русского богатства» пользуется давно и прочно установившейся репутацией: она в общем и целом всегда удовлетворяет гражданскому цензу. В этом ее отрицательное и вместе с тем положительное достоинство. Отрицательное, п.ч. вследствие особого литературного подбора получается торжество однообразия, монотонности, культ тенденции, несовместимый с истинно художественным творчеством. Положи-

тельное же достоинство в том, что вы знаете, с чем встретитесь и с чем наверняка не встретитесь на страницах журнала. Вы не рискуете столкнуться здесь с г-ном Саниным, которого так услужливо поспешил в свое время представить читающей публике «марксистский» «Современный мир». Вы не встретите здесь ни юродивых романов а' la Рукавишников или Каменский, ни «фиолетовой тишины» декадентов. Здесь неизменно царит реализм, и притом реализм целомудренный, знающий, где поставить многообразие, чтобы литература не переходила в порнографию.

Беллетристика январской книжки ничем не отличается от обычной беллетристики журнала. Обращает на себя внимание прежде всего рассказ Юлии Безродной «Жизнь ушла», в котором дается очерк психологии разочарованных революционеров. Здесь, на одной стороне, увлечение чисто личными интересами, в которых вопросы пола играют доминирующую роль (Рита, Дуванов), на другой – отрешенность от личной жизни, приводящая теперь от революции к монастырю (Галья). Одиноко вырисовывается фигура революционера Андрея, оставшегося верным старому знамени. Рассказ ведется по канве романа между отчимом и падчерицей и еще не закончен.

В мягких тонах, с оттенком легкой грусти о невозвратном, написан рассказ Ф. Крюкова «Сеть мирская». В нем изображается пожилой монах, забитый и беззлобный, ездивший повидаться со старухой матерью, тоже монахиней, и на обратном пути попавший в вагон в веселую компанию студентов, которые подвергают его допросу насчет «еретика Толстого». Полная противоположность мировоззрений не мешает монаху видеть в студентах добрых ребят, а студентам в монахе – простого человека.

Интересен очерк Е. Бакуниной «Кони Айленд», дающий картинку из жизни русских эмигрантов в Нью-Йорке.

Что касается беллетристики «Современного мира», то про нее нечего сказать. Продолжается печатанием интересный роман А. Серафимовича «Город в степи», о котором мы писали в прошлом журнальном обозрении и будем еще иметь случай писать. Основная же беллетристика не стоит внимания.

Очень содержательна публицистическая часть того и другого журнала. В «Русском богатстве» прежде всего надо отметить исторический очерк В. Короленко «Русская пытка». Сделаем оттуда небольшие выдержки. Вот что, например, повествует знаменитый Котошихин о приемах пытки, практиковавшейся в царствование Алексея Михайловича: «А устроены для всяких воров пытки: сымут с вора рубашку и руки его назад завяжут подле кисти веревкой, – обшита та веревка войлоком; и подымут его кверху, учинено место, что и виселица, а ноги его свяжут ремнем. И один человек, палач, вступит ему в ноги на ремень своею ногою и тем его стягивает, а у того вора руки станут против головы его, а из суставов выйдут вон; и потом сзади палач начнет бить по спине кнутом изредка: в час боевой ударов бывает тридцать или сорок... И буде с первых пыток не винаются, и их, спустя неделю времени, пытаются вдругорядь и втретие. И жгут огнем, свяжут руки и ноги, и вложат меж рук и меж ног бревно и подымут на огонь, а иным, разжески железные клещи накрасно, ломают ребра» (стр. 127–128). «Пытали еще шиной, т.е. разожженным железом, водимым «с тихостию по телам человеческим, которые от того кипели, шкварились и вздымались» (стр. 129).

Петр Великий запретил пытки в мелких делах. При Петре III была уничтожена Тайная канцелярия и было предписано обходиться «сколь возможно без пытки». При Екатерине пытки в 1774 г. были отменены окончательно, хотя предписание сделано было губернаторам тайно, чтобы народ не вздумал позволить себе беспорядков. Отмененные на бумаге пытки на деле продолжались. Лишь Александр I открыто признал пытки беззаконием.

На этом оканчивается очерк, который еще будет иметь продолжение.

В статье «Ритуальные наветы в еврейском народном творчестве» С. Ан-ский дает очерк еврейских народных сказаний, где легендарные персонажи, вроде сыщика Гойлема, разрушают козни врагов еврейства, пытающихся создавать дела с целью обвинить евреев в ритуальных преступлениях. Свой очерк, в котором так ярко вырисовывается безотрадное положение всюду гонимого на протяжении веков еврейского народа, автор заканчивает следующими строками: «Если для раскрытия наветов, для торжества правды и справедливости, народное воображение должно прибегать к созданию Гойлема, к сверхъестественной помощи ангелов, небесного гласа, сонного откровения, скрытых праведников и чудотворцев, — то это свидетельствует, что народ изверился в обычном земном правосудии. И, право, трудно сказать, где больше трагизма: в скорбных ли летописях гонений еврейского народа или в этих ликующих сказках о «чудесном избавлении» (стр. 92).

Любопытные факты приводит автор статьи «Государевы земли на Алтае», факты, близко касающиеся интересов нашей области. В статье приводятся документальные данные, что Кабинет в последнее время избегает предоставлять в распоряжение переселенческого управления пустующие и годные для надела новоселов земли. Он пытается сохранить за собой огромный земельный фонд, который по закону должен служить целям переселения, и старается сдавать принадлежащую ему землю в аренду крестьянам, которым не хватает своих наделов.

В отделе публицистика «Современного мира» интереснейшей статьей, как и в предыдущей книжке, является статья Ю. Стеклова об охран[к]е и провокациях во Франции. Здесь перед нами картина охранной деятельности на протяжении республиканского периода истории Франции.

Еще А. Герцен указывал на то, что пристрастие к полиции, и в частности шпионажу, является национальной слабостью французов. Я думаю, мы имеем, скорее, дело с интернациональной слабостью, как это будет очевидно, когда вся международная полиция вообще найдет своего историка. Господство небольших по численности привилегированных групп над массами населения и централизация в управлении — вот почва для расцвета разных охран[ок]. Этим и нужно объяснить, что в французской республике мы видим то, чего никогда не видала конституционная Англия.

В статье Ю. Стеклова перед читателем проходит панорама изумительных фактов, которые можно было бы счесть результатом злостной фантазии врагов полиции и сыска, если бы они не были рассказаны самими участниками, самими представителями полиции и сыска в их мемуарах, подобно, например, префекту полиции Андрьё, сысковому бригадиру Россиньолу и другим. Факты тем более изумительны, что они относятся к республиканскому периоду. Если французская монархия прибегала к сыску и к провокации террористических и иных выступлений, чтобы напугать трусливых буржуа и тем доказать смысл своего существования, то это понятно. Понятно и то, когда охран[к]а организует фиктивные покушения на монарха, чтоб ему доказать смысл своего существования, как он доказывает то же по отношению ко всему обществу. Наоборот, при республике с ее гласностью и свободой организаций господствующим группам, казалось бы, излишне прибегать к бонапартистским приемам господства и достаточно опираться на естественную силу своего социального веса в стране. На примере Франции мы видим иное.

Республиканские оппортунисты целиком воспользовались аппаратом и приемами наполеоновской полиции, поскольку она уцелела после коммуны. Радикалы, пока были в оппозиции, громили оппортунистов за охранные приемы их полиции, помогавшей последним удержаться у власти. Но как только радикалы стали у кормила правления, они всецело воспользовались полицейским аппаратом своих предшественников. Вот,

например, префект полиции Андре. На средства охран[ки] он издает анархистскую газету «La Revolution Sociale», через своих агентов, заседающих в редакции, он призывает к социальной войне, экспроприации имущества капиталистов, к террористическим покушениям и, между прочим, к убийству самого Андре. Он же организует международный конгресс анархистов, приезжающих по явке охран[ки]. Почти все анархистские покушения во Франции в 90-х гг. организованы при участии охран[ки]. Нападение на президента Лубэ было произведено агентом полиции. Известный взрыв бомбы во французском парламенте в 1893 г. был подготовлен охран[к]ой и на ее деньги. Всех фактов не перечислять. Приводим в заключение одну комическую сцену. При проезде президента республики в Париже ожидалась антиправительственная манифестация, и потому префект решил арестовать наиболее деятельных анархистов. Были собраны для этого все начальники сыскных бригад. «Все начальники выстроились полукругом, каждый со списком в руках. И вот начинается следующая курьезная сцена. Префект называет имя подлежащего аресту активного анархиста, а охранник, заглядывая в список, отвечает.

– Дюпон? – вопрошает префект.

– Ну нет, этого нельзя трогать, это мой человек, – говорит начальник 1-й бригады.

– Дюран?

– Дюран? Да вот он у меня в списке, – говорит начальник 2-й бригады.

– Дюбуа?

– Я, правда, не видел его уже два месяца, но к нему не стоит ходить.

– Дюпен?

На этот раз никто не отвечает. Нашелся-таки один анархист, которого нет в списках провокаторов. Телефонизирует в министерство внутренних дел.

– Можно арестовать Дюпена?

– Что вы, помилуйте, – отвечают оттуда. – Ни в коем случае не Дюпена, он наш.

И так до конца. Следовательно, который не был посвящен в секреты охраны, ничего не понимал в этой комедии. И в конце концов дано было несколько приказов об аресте для формы» (стр. 229).

М.Л.

№ 27. БЕНЕФИС РЕНЕГАТА

26 февраля

Пять лет назад небольшая, но теплая компания бывших людей демократии выпустила нашумевший сборник «Вежи»²⁷, в котором с ожесточением напала на русскую интеллигенцию. В этом походе против своего собственного прошлого впереди всех выступали г-да Изгоев и Струве, согласно закону, что чем дальше человек в свои лучшие дни уходит влево, тем основательней он ударяется вправо, опустившись на дно либерализма.

Русской интеллигенции приписывались сотни грехов: отсутствие патриотизма, нерелигиозность, безделье, разрушение семьи, разврат и т.д. и т.д. Даже самые положительные ее качества ставились ей в минус; даже способность к самопожертвованию, это самое ценное приобретение социального человека, одинаково необходимое и ничем не заменимое в борьбе всех классов общества, даже оно подверглось развенчанию и глумлению. Интеллигенция была революционной – этого достаточно, чтоб на нее набросились с пеной у рта ренегаты, сдававшие экзамен на патриотизм и благонамеренность.

Я не знаю, ходит ли к обедне г-н Изгоев, нападающий на безверие интеллигенции, и завел ли он у себя дома пучок березовых прутьев для поддержания «семейных начал» и

установления «связи между родителями и детьми». Но что г-н Струве не на словах только патриот, это можно видеть из его статьи в январской книжке «Русской мысли», озаглавленной «Общерусская культура и украинский партикуляризм». В этой статье г-н Струве выступает русификатором в духе графа Бобринского и закладывает идейный фундамент для административных репрессий против культурно-просветительной деятельности украинской интеллигенции. Очевидно благословение Антония Волынского, которое тот преподавал авторам «Вех», пошло им на пользу.

Г-н Изгоев работает в духе контрреволюционного либерализма на страницах «Русской мысли», «Речи» и... «Сибирской жизни». Между прочим, он написал ряд статей о П.А. Столыпине, в которых обрисовывает эволюцию, проделанную последним за пять лет. Г-н Изгоев поступил неосторожно. Пример заразителен, а вдруг кто-либо напишет его собственную литературную биографию, как он сам написал политическую биографию Столыпина. Что, если такой биограф поставит лицом к лицу Изгоева – сотрудника марксистского журнала «Жизнь» и «Образование» с Изгоевым – правым кадетом. Если этого не случится, то лишь потому, что не найдется охотника на такое дело; мелок был Изгоев, когда был марксистом, мелким остается и в своем ренегатстве.

Но каков бы он ни был, он начинает находить вполне заслуженное признание. Телеграф принес сообщение, что Пуришкевич в своей последней думской речи в защиту политики г-на Кассо и в грязных нападках на молодежь ссылался на Изгоева в его статье о русском студенчестве. Наконец-то истинная сущность работы г-на Изгоева оценена по достоинству теми, в интересах которых она велась и ведется! Уже шесть лет, как Изгоев и Струве идейно вооружают реакцию. Нужно лишь удивляться, что только на седьмом году их труды находят свое применение. Русские реакционеры богаты чем угодно, только не идейным багажом. Их убогая мысль не поднимается выше погромной идеологии и сказок о финляндских и японских миллионах²⁸, изобличающих прежде всего их собственную продажную натуру. И только профессиональной косностью можно объяснить, что драгоценные для реакции сокровища, разбросанные в статьях г-д Изгоевых и Струве, так поздно ими замечены и оценены.

Справедливость, однако, всегда восторжествует. Поцелуй, полученный Изгоевым от Пуришкевича, вполне им заслужен. И нужно надеяться, он не будет последним. Но было бы несправедливо сказать, что г-н Изгоев заслужил только это. Пусть получит он теперь по принадлежности плевков презрения от тех, кто не видит своей задачи в обливаниях помоями освободительного движения, его носителей и его жертв.

М. Леонов

№ 28. POSTSCRIPTUM

29 февраля

Моя статья «Бенефис ренегата», помещенная в № 45 «Обской жизни», была уже набрана, когда мне пришлось прочитать в № 47 «Речи» заметку А. Изгоева, в которой он печатно протестует «против пуришкевических лобзаний, которые хуже всякой клеветы».

Что лобзания Пуришкевича хуже всякой клеветы, в этом не приходится сомневаться. Нужно только удивляться, что г-н Изгоев не предвидел их, когда писал свою статью в пресловутых «Вехах». Поцелуи реакционеров по адресу г-на Изгоева вытекают из всего содержания его статьи, как и все те выводы, которые делают и, нужно надеяться, еще будут делать в будущем Пуришкевич и К°.

Но в своей заметке г-н Изгоев сам документально подтверждает, что работал на пользу реакции. Вот что он пишет, между прочим, в «Вехах»: «Мы открыто указали

молодежи на ее недостатки. Но, конечно, наша работа могла привести к каким-либо практическим результатам только при действительном водворении в русской жизни правового строя... Этого не произошло. Победила реакция».

Следовательно? Следовательно, «практическим результатом» работы г-на Изгоева было лишь идейное вооружение реакционеров.

Протестовать и удивляться поцелуям Пуришкевича может на месте г-на Изгоева или лицемер, или *sancta simplicitas**.

Но г-н Изгоев не наивен. Следовательно, г-н Изгоев просит газеты, поместившие сообщение о думской речи Пуришкевича, ознакомить своих читателей с содержанием его заметки.

Мы лишены возможности это сделать, потому что рискуем в вольной передаче ослабить перлы этой исповеди контрреволюционного либерала. Пусть читатель познакомится с оригиналом.

М. Леонов

№ 29. ГРАНДИОЗНАЯ ЗАБАСТОВКА

6 марта

Уже целую неделю внимание всего мира сосредоточено на небывалом по своим размерам конфликте между миллионной армией английских углекопов и группой угольно-промышленников, перед которым война Италии с Турцией²⁹ кажется мелким эпизодом. И неудивительно. Старушка Европа видела много войн народов, и в этой области ее ничем не удивишь; но только впервые война классов и великий социальный вопрос наших дней вырисовались во весь рост в бескровном столкновении шахтеров с владельцами копей.

Ближайшая причина столкновения достаточно выяснена уже. Углекопы работают на три смены по 8 часов и с этой стороны достигли того, к чему еще только стремятся рабочие других отраслей и других стран. Но при практикующейся в угольных районах Англии сдельной плате шахтеры получают далеко не одинаково, п.ч. богатые пласты разрабатываются наряду с бедными. Разрабатывающим бедные пласты не удается часто выработать 80 коп. в день, что при дороговизне жизни в Англии равносильно невозможности существовать. Но и в среднем заработок углекопа невелик. Поэтому углекопы выдвинули требование минимума заработной платы, т.е. платы такого размера, ниже которого ни один предприниматель не должен платить ни одному рабочему. Такой минимум они определили в 5 шилл. в день. Предприниматели отказались удовлетворить требования углекопов, последние большинством 500 тысяч голосов против 100 (с лишним) тысяч высказались за забастовку, предупредили за месяц, согласно условию кооператоров, и по истечении срока отказались от работ.

Предприниматели имели, с экономической точки зрения, веские основания отказываться в требовании углекопов. Согласно их заявлениям процент прибыли на вложенный в угольную промышленность капитал не превышает в среднем 3 1/2%, т.е. он ниже процентов по нашей государственной ренте. Если эти сведения верны, за что, конечно, нельзя ручаться, то удовлетворение требования углекопов должно значительно понизить процент прибыли, следовательно сделать его ниже обычного среднего процента в Англии. Для промышленников при таких условиях остается вложить свои капиталы в другие отрасли. Упорство предпринимателей, во всяком случае, вполне понятно, как и понятно упорство рабочих, которые хотят жить.

* Святая простота (лат.). (Прим. автора.)

Стачка началась. Забастовало миллион с лишним углекопов, из которых 800 тысяч работает в шахтах, а 200 с лишним над землей. Кроме необыкновенной сплоченности, организованности и уверенности в победе, кроме 20 млн руб., имеющихся в кассе профессионального союза, углекопы имеют на своей стороне одно огромное преимущество — зависимость всей промышленной и торговой жизни Англии от угольной промышленности. Забастовка лишает пищи капиталистический организм Англии, принуждает его к насильственной голодовке, которой он также не может долго выдерживать, как не может просуществовать без пищи живой организм человека. Пока еще Англия жива старыми запасами угля, но они быстро подходят к концу. Уже закрываются предприятия, наиболее тесно соприкасающиеся с угольной промышленностью. Уже теперь, кроме углекопов, осталось без работы на других предприятиях около полумиллиона человек. По приблизительным подсчетам, две недели забастовки принесут убытка всей Англии до 1 млрд 200 млн руб. Железные дороги уже сократили наполовину движение. Флот, несмотря на сделанные запасы, в конце концов тоже рискует остаться без угля.

Так обстоят дела. Рабочие заявляют, что могут продержаться 1½ месяца. Но до этого срока доживать не придется. Удар, наносимый хозяйственному организму Англии забастовкой, так силен, что и правительство, и углепромышленники уже готовы идти на уступки. Правительство признало требования углекопов справедливыми и пытается убедить предпринимателей принять их, обещаясь доплатить из государственных средств ожидаемые последними убытки в случае повышения платы рабочим. Поднимается даже вопрос, в случае упорства копелевладельцев, провести национализацию рудников. Две трети предпринимателей уже согласились, в принципе, на главное требование углекопов о минимальной плате. Победа рабочих — вне всякого сомнения.

Забастовка углекопов не ограничилась одной лишь Англией. В Америке забастовало 160 тысяч углекопов, предъявив требование об увеличении платы на 40%, в Рурском каменноугольном бассейне в Германии забастовало около 200 тысяч, углекопы во Франции устроили однодневную забастовку-демонстрацию с требованием 8-часового рабочего дня и минимальной почасной платы в 5 франков, союз горнорабочих Австрии предъявил углепромышленникам требование о повышении платы на 15%, даже в Испании начались волнения среди углекопов, а в России забастовало 12 тысяч в Домбровском районе. Стачечное движение углекопов становится, таким образом, интернациональным.

Обратимся к основным причинам стачки и ее значению. Причина забастовки так же мало заключается в непосредственном поводе, который ее вызвал, как мало ее значение, ее следствие будет заключаться лишь в улучшении материального положения углекопов согласно с их требованиями. И причины явления лежат глубже, и следствия его будут несоизмеримо большими.

Главной причиной как нынешней забастовки углекопов, так и прошлогодних стачек доковых и железнодорожных рабочих в Англии и огромного массового движения против вздорожания жизни во всех странах является именно повышение цен на продукты потребления народных масс. Вздорожание жизни при неизменном уровне заработной платы равносильно уменьшению последней. Но хотя заработная плата везде поднималась, однако она далеко отставала от роста цен на продукты. В результате английским углекопам пришлось произвести атаку на прибыль предпринимателей, чтобы поставить заработную плату в соответствие с происшедшим вздорожанием жизни.

Но кроме этой причины действует еще и другая. Естественно будет спросить, почему дороговизна жизни, которая затрагивает рабочие массы всех стран и, например, рабочих Австрии и Германии в больших размерах, благодаря существующим в этих стра-

нах пошлинам на хлеб и мясо, чем рабочих Англии с ее свободной торговлей, почему дороговизна именно в Англии уже второй год заставляет миллионные массы пролетариата ринуться в стачечную борьбу?

Все это станет нам ясно, если мы вспомним о специфических особенностях той эволюции, которую переживает теперь Англия в экономическом отношении.

Когда Англия была самой передовой промышленной страной и безраздельно господствовала на мировом рынке, когда ее промышленность была вне конкуренции, естественно, прибыль капиталистов была высокой и английские предприниматели скорее континентальных шли на уступки своим рабочим. В результате экономическое положение английского пролетариата было несравненно лучшим по сравнению с положением дел на континенте. Но когда монопольное положение Англии на всемирном рынке кончилось, когда германская промышленность обогнала английскую, когда развилась и окрепла промышленность в других странах, в том числе в России, и особенно в Америке, когда Англию стали теснить со всех концов на всемирном рынке и сама она должна была признать первенство Германии хотя бы тем фактом, что стала все более и более ввозить из Германии фабрикаты, положение резко изменилось. Норма прибыли понизилась, английские предприниматели стали упорно сопротивляться попыткам рабочих улучшить свое положение — и характерный факт — заработная плата рабочих в последнее десятилетие не только понизилась относительно, т.е. в сравнении с общей прибылью всего класса капиталистов, но во многих отраслях уменьшилась абсолютно. И это при невероятном вздорожании жизни! Нужно ли удивляться, что в результате всех этих причин мы видим небывалое еще в истории запада развитие стачечного движения*.

Что касается ближайших последствий забастовки, то они будут заключаться прежде всего в улучшении материального положения углекопов. Но это будет наименее важное последствие стачки. Не надо забывать, что вышеописанные причины будут продолжать действовать, и углекопам не удастся надолго закрепить за собой завоеванное. Вздорожание жизни будет подтачивать бюджет пролетариата, и новые стачки и самих углекопов и рабочих других отраслей неизбежны. Но если уже теперь предприниматели поговаривают о невыгодности вести дела в угольной промышленности в случае удовлетворения требования углекопов, то тем более у них будет основание противиться дальнейшему увеличению заработной платы, которое, однако, неизбежно; иначе при росте цен все завоевание стачки сведется на нет. Но, с другой стороны, бросить угольную промышленность, как невыгодную, нельзя. Если не последует увеличения цен на уголь, то выход может быть один: передача государству угольных копей, т.е. национализация угольной промышленности. Та же участь ожидает в первую голову и другие важнейшие отрасли промышленности. А к каким это последствиям может привести, можно видеть из того, что пролетариат в Англии составляет огромное большинство населения и при всеобщем избирательном праве легко может завоевать правительственное большинство. По какому пути пойдет дальнейшее развитие Англии, трудно сказать. Одно ясно лишь с несомненностью: производительные силы Англии уже перерастают существующие в ней производственные отношения, выражаясь в марксистских терминах, а к чему это приводит, достаточно известно из всемирной истории.

М. Леонов

* Всероссийская забастовка в октябрьские и декабрьские дни здесь не в счет, потому что она имела иной характер. (Прим. автора.)

№ 30. РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ ЗА ФЕВРАЛЬ

9 марта

Рабочее движение в феврале если не усилилось в сравнении с прошлым месяцем, то и не ослабело. Поскольку можно судить по сведениям, поступавшим в печать, — а сведения эти всегда неполны, — в феврале было более 30 стачек. О числе участников в стачках не всегда сообщается в газетных телеграммах и хронике. Но поскольку такие сведения имеются, то можно сказать, что число забастовщиков превысило 20 тысяч. Самой большой забастовкой была стачка углекопов в колях «Сатурн» в Польше, закончившаяся благоприятно для рабочих. Из остальных наибольший процент приходится, как и следовало ожидать, на стачки в металлургических предприятиях. Таких стачек было одиннадцать, из них шесть кончились полной или частичной победой рабочих, две — неудачей и о трех нет сведений. Усиление стачечного движения на механических заводах и сравнительно большой процент удачных для рабочих стачек объясняется, конечно, тем, что металлургическая промышленность переживает теперь подъем, и все заводы, в особенности работающие на казну, завалены заказами.

Что касается стачек в остальных предприятиях, то есть сведения об исходе лишь в восьми случаях, где пять закончились неудачно и три — удачно.

В печать не попадают сведения о целом ряде забастовок в мелких мастерских, а между тем их происходит немало. Например, относительно Петербурга в «Столичной молве» читаем: «За последнее время наблюдается ряд забастовок среди рабочих портновского производства. Забастовки кратковременны и обычно кончаются успешно для рабочих. Не удовлетворены пока лишь требования рабочих мастерских Якобсена, бастующих пятый день из-за повышения заработной платы». В печати сообщалось о ряде забастовок каменщиков в Польше, кратковременные и с небольшим количеством участников, забастовки эти не привлекают поэтому внимания печати.

В общем, оживление промышленности продолжает сказываться по всей линии на оживлении рабочего движения.

М.Л.

№ 31. ОБЗОР ЖУРНАЛОВ «РУССКОЕ БОГАТСТВО» (февраль),
«НАША ЗАРЯ», № 1-2, И «МИР» (январь)

11 марта

Из всего материала, напечатанного в февральской книжке «Русского богатства», самым замечательным является отрывок из неоконченного произведения Л.Н. Толстого «Посмертные записки старца Федора Кузмича». Когда император Александр I внезапно скончался в Таганроге в 1825 г., о его смерти стали ходить самые различные легенды. Наибольшей популярностью в народе пользовалась легенда, согласно которой император не умер, а бежал от сует придворной жизни, а вместо него был похоронен похожий на него солдат гвардии. С другой стороны, много догадок возбуждал в соответствующих кругах следующий, далеко не обыденный факт. В 1836 г. близ Красноуфимска был задержан державший путь верхом неизвестный человек, одетый в крестьянское платье, но по всем признакам принадлежавший совсем к другому общественному кругу. Будучи арестован, неизвестный назвал Федором Кузмичем, бродягой, не помнящим родства. В качестве такового получил согласно закону 20 палочных ударов и был сослан в каторжные работы, которые отбывал в Томской губернии.

На месте ссылки о нем пошла слава как о провидце, святом, и много народу ходило к нему за различными советами. И здесь из обращения старца и его привычек все знавшие его делали вывод, что он принадлежал раньше к высшему обществу. Старец умер в 1864 г. И вот в народном сознании пустила корни легенда, что бывший каторжник и бродяга был не кто иной, как царь Александр I, перебивший царскую корону и дворец на посох странника и келью отшельника.

Легенда сильно заинтересовала Льва Николаевича, и заинтересовала настолько, что он решил взять ее за исходный пункт произведения, которое начал писать и которое должно было представлять из себя биографию Александра I, написанную последним в качестве старца Федора Кузмича на склоне его лет. И даже после того как легенда была окончательно опровергнута великим князем Николаем Михайловичем на основании исследования архивных документов, Л.Н. Толстой не считал это достаточным мотивом, чтобы оставить начатое произведение. Он не мог его кончить лишь вследствие болезни и смерти. И это понятно, если вспомнить, как близок, как понятен должен был казаться ему уход Александра I, хотя бы и не соответствовавший исторической действительности, ему, который закончил таким уходом за неделю до смерти свою долголетнюю жизнь.

Все достоинства творений несравненного художника выступают в этом, к сожалению, небольшом отрывке. Психология царственного ребенка, его первые шаги на жизненном пути, дворцовая обстановка на нескольких страницах даны с поразительной яркостью. Пересказывать здесь нечего, и мы можем лишь рекомендовать читателям прочитать самим оригинал.

После этого небольшого отрывка великого писателя не хочется даже говорить о прочей беллетристике номера, и мы пройдем мимо нее к публицистическому отделу журнала.

В этом отделе наиболее содержательными и интересными являются: статья профессора И. Лучицкого «Отчуждение национальных имуществ во Франции в конце XVIII века» и статья А. Горнфельда «О толковании художественного произведения».

Статья И. Лучицкого касается важнейшего момента в экономической истории первой французской революции – продажи конфискованных у церковей и дворянской аристократии земель. Как это ни странно, этот вопрос недостаточно освещен в исторической литературе и до сих пор порождает споры между историками французской революции. По мнению одних, от ликвидации конфискованных земель больше всего выиграло мелкое крестьянское землевладение, по мнению других, наоборот, – больше всего земель перешло буржуазии. И. Лучицкий дает интересную сводку постановлений национального собрания, законодательного собрания и конвента по аграрному вопросу, где видны постоянные колебания этих учреждений между политической распродажей земель тем, кто больше даст, и политикой закрепления земли за мелкими собственниками-крестьянами в целях связать интересы последних с интересами революции.

Что касается интересной статьи А. Горнфельда, то основные мысли ее приблизительно таковы. История каждого художественного произведения не заканчивается, а начинается с выходом его в свет. Каждое поколение понимает по-своему и замысел автора, и характер действующих лиц.

Чацкий Грибоедова и Чацкий в понимании людей XX в. – два разных лица. Герои Шекспира тоже выглядели различно в различные периоды истории. Художественное произведение – это форма, это алгебраическая формула, которую каждая эпоха наполняет своим содержанием. Как слово в языке на протяжении века может совершенно изменить свой первоначальный смысл, так и художественное произведение меняет свой смысл в сравнении с тем, что пытался выразить им сам автор. Но исходным пунктом для создания истории какого-либо художественного произведения должен быть замысел автора и его собственное понимание созданных типов, а не произвольные догадки людей позднейшего периода.

Автор восстает против искажающего понимания художественных произведений и против так называемого субъективного толкования. Но он не указал, почему одно толкование замыслов автора законней другого. Где черта, отделяющая «субъективное» от «объективного»? Указывается на общий дух произведения, который должен исключить произвольные толкования. Но ведь и общий дух различными поколениями понимается различно. В сущности, автор борется с субъективизмом, оставаясь на почве субъективизма же. Законность моего, а не твоего толкования с этой точки зрения не может быть ничем доказана: оба законны, потому что оба существуют.

Автор упускает из виду, что художественные произведения толкуются различно не только разными поколениями, но и разными группами одного поколения. И в классовом обществе с его различными методами мышления у каждого класса это неизбежно. Но неправильно было бы думать, что есть столько Гамлетов, сколько людей читало знаменитое произведение Шекспира, а обратного А. Горнфельд, стоя на своей точке зрения, не может доказать. Существуют определенные типы понимания художественных произведений, соответствующие положению и идеологии определенных общественных классов и групп. Детали возможных разногласий внутри этих типичных толкований не имеют существенного значения. Эти типичные толкования не есть дело случайности, а наоборот, продукт социальной необходимости. С этой точки зрения история художественного произведения после его появления может стоять на научной почве. Наоборот, идеологам «субъективной социологии» нельзя найти точки опоры в хаосе мнений, и собственное понимание автора является не пунктом объединения, а пунктом разногласий.

В «Нашей заре» важный вопрос затрагивает Е. Смирнов в статье «Избирательные права депутатов 2-й курии». Как известно, одной из статей учреждения о Думе предусматривается освобождение от звания депутата Думы вследствие утери ценза. Но все лица, избранные по квартирному, служебному цензу и по рабочей курии, теряют свои права быть депутатами, как только приехали в Думу, отказавшись от службы, квартиры или работы в фабричном предприятии. Логическое понимание этой статьи было признано Сенатом противоречащим самому существованию Государственной думы и этим разьяснением, как будто, было признано право членов Думы, избранных по квартирному и служебному цензу, вновь принимать участие в выборах в следующую Думу. Иначе обстоит дело с рабочей курией. Избранные по рабочей курии депутаты перестают быть рабочими того предприятия, где работали раньше, и в новых выборах от заводских предприятий не могут принять участия. Автор статьи предлагает поэтому Думе принять поправку к соответствующей статье учреждения о Думе, согласно которой депутаты, избранные по рабочей курии, вновь могут принимать участие в выборах в том предприятии, где работали до своего выбора в Думу.

Содержательна статья Ерманского, характеризующая нашу крупную буржуазию и формы организации ее.

Надо отметить еще остроумную статью, посвященную пресловутым «английским гостям» и выясняющую глупую роль, которую играли во всем этом деле кадеты.

Остальные статьи – партийно-политического характера и направлены против течения в марксизме, представленного журналом «Просвещение» и газетой «Звезда».

В журнале «Мир» обращает на себя внимание целый ряд богатых иллюстраций. Иллюстрации, кажется, главное достоинство журнала. Особенно ценным является атлас иллюстраций к печатающемуся в журнале труду Конрада Гюнтера «Происхождение человека». Беллетристика журнала не блестяща, хотя и разнообразна.

Любопытен, между прочим, очерк отношений между Фридрихом III, тогда еще кронпринцем, и Бисмарком.

Если теперешний кронпринц Германии фрондирует против Бетман-Гольвега и своего отца, будучи недоволен «миролюбием и либерализмом» последнего, то отец Вильгельма фрондировал против Бисмарка и деда германского императора, потому что был настроен либерально. Он имел даже одно тайное свидание с покойным лидером свободомыслящих – Рихтером.

В журнале хорошо поставлен отдел научного обозрения, из которого читатели могут почерпнуть все новости из мира естественных и других наук.

М.Л.

№ 32. ОТВЕТ г-ну ЛЮБОШУ

14 марта

В «Современном слове» С. Любош, желая кольнуть нашу газету, пишет: «Счастливые оптимисты проживают в Сибири».

Доклады о своевременности введения земства в Сибири упорно запрещаются местной администрацией, а «Обская жизнь» доверчиво сообщает: «Циркулируют усиленные слухи об уходе мин[истра] народного просвещения Л.А. Кассо. Заместителем его называли Максима Ковалевского, который, однако, заявил, что согласится принять портфель лишь при условии ответственности кабинета министров перед представительными учреждениями».

Не согласится ли редактор «Обской жизни» при кабинете М.М. Ковалевского принять место начальника главного управления по делам печати?»

Нет, не согласится, г-н Любош. А вот вы, вероятно бы, согласились, если не в министерстве Ковалевского, то в министерстве Милоюкова. Если не начальником главного управления по делам печати, то хотя бы начальником главного тюремного управления. Тяжела ведь обязанность журналиста. Сколько приходится пересмотреть провинциальных газет, чтобы нахватать материала для фельетона, к тому же в лужу приходится иногда садиться...

Нашу заметку мы взяли из собственных столичных телеграмм «Уральской жизни». Ответственность за нее падает, следовательно, не на нас. Но мы удовлетворяемся этим формальным отводом. Сообщения бывают заведомо вздорными, и мы их тогда не помещаем. Так, мы не помещали, например, сообщения о «перемене курса», которыми наводняли свои столбцы «Речь» и «Современное слово». Мы знали, что метод либеральной пропаганды заключается, между прочим, и в том, чтобы приписывать стоящим у власти реакционерам либеральные намерения. Мы знали, что ничего не произошло, что могло бы действительно изменить курс, кроме страстного желания запуганного кадета видеть «движение воды».

Но что же, если можно так выразиться, принципиально невозможного в сообщении, что М. Ковалевский получил приглашение на пост министра народного просвещения? Если либерал будет министром, разве это значит, что он будет либеральным министром? Ведь М. Ковалевский, как известно, только во Франции был республиканцем, а в России он монархист. Прочтите его предвыборный фельетон в «Русском слове», многим ли его автор отличается от октябриста? По-нашему, г-н Коковцов ничем не рисковал, если бы пригласил г-на Ковалевского на пост министра. Ведь был же в свое время кадет Кутлер министром земледелия, а князь Урусов товарищем министра внутренних дел. Ведь соглашался же Милоюков войти в одно министерство со Столыпиным.

Мы не поверим в наступление «нового курса» без причин для того, мы не поверим, что Милоков отказался раз [и] навсегда от мечты о портфеле, мы не поверим, что Маклаков произнес действительно либеральную речь, мы не поверим, что Изгоев перестал обливаться помоями освободительное движение, а П. Струве закончил свою эволюцию слева направо.

Но почему не поверить, что сотрудничество г-д Коковцева и Ковалевского невозможно, и если вышеприведенный слух фактически ни на чем не основан (проверить этого нам было невозможно), то самая почва для таких слухов вполне подготовлена, как бывшими уже примерами сотрудничества кадетов с бюрократией, так и той эволюцией, которую они проделали в последнее время. А ведь М. Ковалевский не кадет, он правее кадетов.

Итак, г-н Любош, пожелаем вам и вашей партии осуществления ваших давнишних желаний, конкурентами вам мы не будем...

М.Л.

№ 33. ЕЩЕ О СИБИРСКОМ ЗЕМСТВЕ

15 марта

В «Забайкальской нови», в номере от 1 марта, помещен ответ на мою статью «Сибирское земство и сибирская печать», в которой я касался, между прочим, и мнения читинской газеты по затронутому вопросу.

Приведя выдержку из моей статьи, где я доказываю неприменимость положения 1890 г. именно к Сибири, не говоря уже о несоответствии его запросам действительного самоуправления вообще, автор пишет: «Газета, очевидно, забывает, что в законопроекте* существует статья, предоставляющая избирательные права по выборам в губернии и уездные управы лицам, не имеющим совершенно имущественного ценза, но получившим образование двухклассного училища и проживающим в избирательном округе год. При наличии этой стороны не приходится особенно сокрушаться об отсутствии в Сибири цензовиков собственников земли».

Мы нисколько не забываем ни об этом расширении в новом законопроекте избирательных прав населения в сравнении с положением 1890 г., ни о других улучшениях, внесенных в последнее. И не нам, противникам цензовой системы вообще, в приложении ли к местному самоуправлению или к выборам в государственные учреждения «сокрушаться об отсутствии в Сибири цензовиков собственников земли». Нам приходится «сокрушаться» об отсутствии в законопроекте избирательных прав для всего населения, без различия состояния и образовательного ценза, нам приходится «сокрушаться», что проектируемое земство будет более бесправным, чем даже действующее в России земство, где разъяснительная деятельность губернской администрации сдерживается весом господствующего в земстве и авторитетного в стране земледельческого класса, мы «сокрушаемся», наконец, о том, что уродливый законопроект преподносит Сибири те люди, которые обязались при выборах и в Думу отстаивать демократическое земство для Сибири и которых никто не уполномочивал выступать в роли маляров здания 3 июня.

Далее газета замечает: «Мы можем сказать, что только политически слепой человек может рассчитывать на скорое наступление таких времен, когда Сибирь увидит демократическое земство». Нужно быть сильно запуганным реакцией и питать твердую веру в прочность третьиюньского блока, чтоб высказываться в таком духе. Мы не разделяем в этом пункте веры газеты, да если б и разделяли, то все же предоставили бы ремонт

* Т.е. в законопроекте, прошедшем в Думе. (М.Л.)

третьей юнкерской здания его хозяевам. Поэтому нужно только пожалеть, что заключительные строки моей статьи были неправильно поняты и мой оппонент усмотрел в них пессимизм. Наоборот, можно ли быть более глубоким пессимистом, чем те, кто соглашается удовлетвориться или, того более, свою руку приложить к законопроекту, которым собираются осчастливить Сибирь.

Газета, как и мы, убеждена, что Сибирь дожидается демократического земства. «Должно же когда-нибудь наступить это время. Но когда? Не благоразумнее ли получить теперь же синицу в руки, забывши о журавле в небе?»

Увы! В том-то и суть, что вопрос нельзя так ставить. Законопроект принят Думой и не принят еще Советом. Много шансов за то, что Государственный совет совсем отклонит его или, придерживаясь тактики последних месяцев, внесет в него неприемлемые поправки. Где же тут синица в руки? Никакой синицы нет, и вопрос стоит, следовательно, так, что лучше синица в небе или журавль в небе. А раз дело обстоит таким образом, мы предпочитаем журавля.

Оппортунизм только с первого взгляда кажется «благоразумней». На самом же деле он является наиболее убыточной тактикой, и в этом отношении его можно сравнить с тем дешевым товаром, который, согласно немецкой пословице, является в то же время самым дорогим.

В этом скоро должны будут убедиться те, кто синицу в небе принимает за синицу в руках и забывает при этом простое правило политической арифметики: чтоб получить синицу в руки, надо стремиться к журавлю в небе.

М. Леонов

№ 34. МАЛЕНЬКИЙ ФЕЛЬЕТОН: «ПОЭЗИЯ ЖЕЛТОГО ДОМА»

16 марта

– Вот, не напишите ли отзыв, – сказал редактор, подавая мне пол-листа с пятью стихотворениями небольшого размера; на листке пометка: «Для отзыва в редакцию «Обской жизни».

Я взял листок и начал читать. «Константин Олимпов. Аэропланная поэзия. Нервник I. «Кровь первая».

– Что такое, какая кровь, причем тут кровь? А сбоку стоит «Окно Европы», а посредине по латыни «его».

Стал читать стихи и не мог удержаться от хохота.

Вот первое стихотворение*.

Интерлюдия

*Эмпирей – эмблема феургий,
Силуэт сабеизма фетиша.
В роднике вдохновенных вальпургий
Ищет лунное сердце финиша.
Электрический пламень миража
Обескрайнил кудрявые спазмы,*

* Цитируемые в статье стихотворения воспроизводятся в соответствии с оригиналом (ОР РГБ. Ф. 386. Кн. 1233).

*И волна вольной волнью выража
Метит путь из огня протоплазмы.
Искрострунный безгрёзия крензель
Тки, шутя, экзотичную гибель.
Позвони, литургийных бурь вензель,
И себя светом солнечно выбель.
Музыкальных религий хоругви
Нюансируют в радужной гамме.
Мы – поэты, пророки, хирурги –
Молньеносно играем богами!*

Или вот окончание стихотворения «Шмели».

*Ослабли нервы летные, – пилоты жутко ёрзают,
Летят к земле. Встречайте их, рукоплесканья борзые!*

Великолепный псовый эпитет; но почему борзые, а не гончие и не легавые. Обидно для многих охотников.

А то вот начало стихотворения:

Амурет

*Танцуй торжественней, пророк,
Воспой Кудесному эксцессы,
Воспламеняющим экспрессом
Экзальтированных сорок.*

Я прочитал все стихи, которые целиком написаны в духе вышеприведенных, и говорю редактору:

– Остроумная карикатура, однако.

– Какая карикатура, это всерьез написано!

– Не может быть, – отвечаю я, – какой там всерьез.

– Да уверяю вас, что всерьез, я ведь не первый раз читаю произведения этого поэта.

Меня начинает брать сомнение: а вдруг и правда всерьез. И до сих пор я никак не могу решить, с чем имею дело.

Пиши после этого рецензию.

Напишешь, что стихи – остроумная карикатура на наших декадентов, и вдруг окажется, что все это писано всерьез.

Напишешь, что родственникам поэта следует позаботиться насчет отдельной палаты для него, – и окажется, что все написанное есть карикатура.

М.Л.

№ 35. ЦЕНА КАДЕТСКОЙ СОВЕСТИ

18 марта

Около двух лет тому назад в г. Баку разыгрался грандиозный скандал. Всесильный бакинский миллионер Тагиев, имеющий несколько громадных магазинов, нефтяные промыслы, собственную газету, сманивший к себе на службу тифлисского губернатора,

этот богатч, женившись в 75 лет на 15-летней девушке-красавице, узнал в один прекрасный день о симпатиях своей жены к служившему у него инженеру Бебутову.

Азиатская фантазия Тагиева придумала такую расправу со своим соперником, где презрение к человеческой личности и дикое чингизханское самодурство сочеталось с сознанием собственной безнаказанности и всемогущества золота, которым можно купить все.

Тагиев в компании со штаб-ротмистром пограничной стражи Мамед-Бековым и обер-офицером для особых поручений при бакинском градоначальнике заманили Бебутова во дворец Тагиева и здесь стали сажать его на кол. В присутствии женщин несчастного инженера подвергли таким бесстыдным издевательствам, что пострадавший отказывается говорить о них вследствие стыда.

Когда компания азиатов достаточно поглумилась над своей жертвой, Тагиев вызвал по телефону полицию и скомандовал ей бить Бебутова. И тут он снова был подвергнут избиениям.

Пострадавшему с трудом удалось возбудить дело против «хозяина» Баку, и теперь всемогущий миллионер сидит на скамье подсудимых.

Но Тагиев не хочет без боя сесть в ту тюрьму, которую, кстати сказать, он сам же выстроил и подарил правительству. Он решил защищаться. Но сам он, конечно, не может связать и трех слов. Золото – вот его красноречие, и оно должно заставить говорить в его пользу блестящих адвокатов. И знает ли читатель, что к услугам зарвавшегося креста имеется тот человек, который на протяжении пяти лет так красиво пел в Думе о неприкосновенности личности, об уважении к человеческому достоинству и других столь же хороших вещах? Знает ли он, что защитником Тагиева выступает один из лидеров партии «народной свободы» Маклаков?

Тагиев купил Маклакова, по одним сведениям, за 25 тысяч, по другим – за 100. В Государственной думе острили по этому поводу, что для адвоката это куш приличный, но для депутата мало. Тем более мало для либерального депутата, лидера партии. Маклаков продешевил, особенно если вспомнить, что продал он не несколько речей, а всю свою репутацию, все свое прошлое, и, подобно клоуну, бьющему себя самого за деньги, сам разоблачил собственное либеральное лицемерие.

Но не один Маклаков защищает Тагиева. Товарищем его по защите является член Думы Замысловский, тот Замысловский, фамилия которого так часто упоминается, когда где-либо заговаривают о «темных деньгах». В деле Тагиева Замысловский находится в своей сфере и, надо думать, не откажет в своем опытном руководстве коллеге по защите.

Я много бы дал, чтобы иметь возможность послушать речь Маклакова. В самом деле, что может он сказать в защиту Тагиева? Будет ли он доказывать, что никакого кола и никакой «свечи» не было, и если у потерпевшего не поворачивается от стыда язык, чтобы рассказать о всех возмутительных издевательствах, которым его подвергли, то это достаточный мотив считать происшедшее юридически несуществующим. Или талант найдет иной путь и поступит так, как когда-то поступил Булацель, защищая в Киеве погромщиков.

«Разве перед вами черносотенцы и громилы, – говорил он, обращаясь к судьям, – перед вами «славные запорожцы».

Кажется, «славные запорожцы», получившие в свое время «за дело» по полтине на рыло, не остались недовольны своим адвокатом. Быть может, и Маклаков развернет перед судьями картину того, как в «старину жилали деды», покажет, что Тагиев – это лишь блестящая страница славного прошлого, втиснутая в серенькую книгу наших дней, где все измелчалось, где даже продать себя не умеют как следует, где такие крупные фигуры, как Тагиев, не могут повернуться, чтобы не затрещали ребра у стоящих под рукой «ближних».

Он, быть может, докажет, что любовь к дальнему, о которой говорил Фридрих Ницше, выше любви к ближнему, что «безумству сильных поем мы славу». И кто знает, быть может, он заразит своим настроением судей и самому потерпевшему покажутся мелкими и ничтожными перед лицом вечности и его незажившие раны, и возмущение поруганного чувства.

Да, я хотел бы послушать Маклакова.

Впрочем, он не новичок в подобных делах. Не особенно давно он вместе с другим кадетским лидером Тесленко защищал проворовавшихся московских интендантов. После громовых речей против казнокрадства в Думе и газете «Речь», защита тех интендантов на процессе! Представитель правительства, прокурор – обвиняет, представители либерализма – защищают. Умилительная картина!

Лидеры либерализма защищали, конечно, не даром, а за те самые деньги, о происхождении которых из казенного сундука им так хорошо было известно. И чья же роль унижительней и позорней: тех ли, кто с эпическим спокойствием «разувает солдата» и идет за это в арестантские роты, или тех, кто защищает этих разувателей ради денег, полученных от того же разувания, и со спокойной совестью уезжает обратно в Таврический дворец громить взяточничество и казнокрадство? Можно ли удивляться теперь последнему поступку Маклакова? Если люди прошли эту черту, разве для них осталось еще что-либо невозможное в деле низости, выражаясь мягко?

Существует жалкий софизм профессионально-адвокатского происхождения, согласен которому политические убеждения не могут быть препятствием для защиты в делах, подобных интендантским. Убожество этого аргумента слишком бьет в глаза. Процессы интендантов, как и процесс Тагиева, есть политические процессы в самом широком смысле этого слова, и всякий либерал, поменявшийся на таком процессе своим местом с прокурором, по справедливости может быть назван Азэфом правосудия.

М. Леонов

№ 36. ПАМЯТИ А.И. ГЕРЦЕНА

(Род[ился] 25 мар[та] 1812 г. – ум[ер] 9 янв[аря] 1870 г.)

25 марта

Сегодня исполняется 100 лет со дня рождения величайшего русского публициста и общественного деятеля эпохи крестьянского освобождения Александра Ивановича Герцена. Если во время чествования Пушкина было излишне и оскорбительно для читателей давать биографический очерк величайшего русского поэта, то это, к сожалению, нельзя сказать про нашего великого публициста, большая часть жизни которого протекла в добровольном изгнании, а сочинения до сих пор еще не изданы полностью в России.

А.И. Герцен был незаконным сыном богатого русского помещика Ивана Алексеевича Яковлева и немки, которую привез последний из-за границы. Как это часто наблюдается, соединение двух рас дало прекрасный плод. Герцен получил воспитание в духе того века и той среды, в которой протекло его детство. Он усвоил три языка, которым обучали его гувернеры-иностранцы, и с жадностью читал все, что находил в довольно богатой библиотеке его отца. Уже в ранней молодости в нем проявились сильные общественные инстинкты, жажда подвига и мыслитель[ые] наклон[ности] вместе со стремлением к писательству: черты, которые так были характерны для Герцена на протяжении всей его жизни. Уже 17 лет он пишет философское рассуждение о Валленштейне Шиллера. Двадцати лет Герцен поступает в Московский университет, где в это время

складывается кружок молодежи, интересующейся социальными и политическими вопросами. В 1834 г. Герцен вместе с другими членами кружка был сослан в Пермь и Вятку, откуда переведен по особому ходатайству советником губернского правления во Владимир. Здесь он женился на Н.А. Захарьиной и здесь у него родился его сын Александр, впоследствии известный ученый-физиолог. В 1840 г. Герцен получил разрешение вернуться в Москву, где вступил в кружок Станкевича, знаменитый как питомник замечательных русских писателей 40-х гг. Герцен примкнул к общественно-литературной группе лиц, которые назывались «западниками». Изучение Гегеля и других философов обогатило теоретическую мысль Герцена и имело сильное влияние на все его мирозерцание. В 1842 г. Герцен снова был сослан в Новгород, но через год, отказавшись от службы, возвращается в Москву, а в 1847 г., после смерти отца, навсегда уезжает за границу.

С этого момента начинается второй период его жизни. Первое время настроение Герцена было радостным, как это можно видеть из писем этого времени. Но события 1848 г., т.е. прежде всего свирепое подавление рабочего восстания в Париже и торжество реакции по всей линии европейского революционного движения в последующие годы, были причиной глубокого душевного кризиса у Герцена и полного разочарования в настоящем и будущем Европы. Но это родившееся неверие в Европу с психологической неизбежностью должно было привести к вере в Россию. И эта надежда на Россию сделала последним пристанищем мысли Герцена и точкой приложения всей его дальнейшей практической деятельности. Высланный из Парижа, Герцен принял швейцарское подданство, а затем навсегда поселился в Лондоне, где он основал знаменитую свободную русскую типографию, в которой с 1857 г. начал печататься нелегальный журнал «Колокол», имевший огромное влияние на передовые слои русского общества и читавшийся даже самим императором Александром II. Огромная роль Герцена в деле освобождения крестьян достаточно известна.

Известно также, что в 50-х и 60-х гг. он был главным центром всего русского освободительного движения той эпохи, а с другой стороны, деятельно поддерживал международное движение, особенно итальянское, участвовал во французских социалистических газетах, как, например, в прудоновской газете «La Voix du Peuple», на которую он дал свои средства и в которой вел русский отдел, наконец, он оказывал массу услуг эмигрантам всех стран, съехавшимся в Лондон с победой реакции. Симпатии к польскому движению 1863 г. оттолкнули от Герцена значительную часть русского либерального общества, с другой стороны, молодое поколение, группировавшееся вокруг Чернышевского и Добролюбова, считало его недостаточно радикальным и к концу его жизни шло уже своей дорогой.

Умер Герцен 9 января 1870 г. в Париже от воспаления легких.

Как политический деятель Герцен сыграл огромную роль в общественном движении России. Но в этой деятельности его замечательная по оригинальности точка зрения на буржуазную цивилизацию Европы не имела существенного значения. Борьба за все те начала, которые он отстаивал на практике, могла быть обоснована и иначе. Интересно сравнить в этом пункте взгляды Герцена и Маркса, с которым у него были, кстати сказать, самые скверные отношения. Очень скоро после июльских дней 1848 г. Герцен понял, что революция кончилась, и с иронией и сожалением смотрел на тех участников ее, которые не поняли смысла происшедшего и твердо ждали повторения движения, заранее составляя списки членов временных правительств. Маркс точно так же уже в 1849 г. и окончательно в 1850 г. убедился, что период буржуазных революций закончен, и едко смеялся над теми, кто ничему не научился и ничего не понял из пережитого. У Герцена замечательная характеристика буржуазного мещанского уклада жизни, восторжествовавшего окончательно после 1848 г. в Европе, и прежде всего во Франции, во многом

совпадает с тем, что писал на эту тему Маркс в «Коммунистическом манифесте» и других сочинениях. Вот некоторые примеры того, как Герцен характеризует мещанство в сравнении с рыцарством феодального времени.

«Рыцарь был больше *он сам*, больше *лицо*, и берег, как понимал, свое достоинство, оттого-то он, в сущности, и не зависел ни от богатства, ни от места; его личность была главное; в мещанине личность прячется или не выступает, потому что не она главное: главное – товар, дело, вещь, главное *собственность*» («Былое и думы», т. III, изд. Павленкова, стр. 103).

«Под влиянием мещанства все переменялось в Европе. Рыцарская честь заменялась бухгалтерской честностью, изящные нравы – нравами чинными, вежливость – чопорностью, гордость – обидчивостью, парки – огородами, дворцы – гостиницами, открытыми для *всех* (т.е. для всех, имеющих деньги)» (Там же).

Герцен сходил с Марксом не только в отрицательном отношении к воцарившейся буржуазии, но также верил и в то, что избавление от мещанства и дальнейший прогресс человечества возможны лишь с торжеством «четвертого сословия». Но здесь же начинаются и разногласия.

Правда, в статье «On Liberty» («Былое и думы»), которую без юбилейного преувеличения можно назвать гениальной, а по форме – недостижимым совершенством прозы, Герцен писал: «Если народ и в Англии будет побит, как в Германии во время крестьянских войн, как во Франции в июньские дни, тогда Китай, пророчимый Стюартом Миллем*, не так далек. Переход в него делается незаметно. ... Люди робкие, люди чувствительные говорят, что это невозможно. Я ничего лучше не прошу, как согласиться с ними, но не вижу причины. Трагическая безвыходность состоит именно в том, что та идея, которая может спасти народ и устроить Европу к новым судьбам, – *невыгодна* господствующему классу, что ему, если б он был последователен и смел, *выгодно* только государство с американским невольничеством!» (Т. III, стр. 338).

Как видно из приведенных строк, Герцен допускал, что история может пойти двумя путями и поражение народных масс с воцарением буржуазной китайщины так же возможно, как и возможно дальнейшее движение, с победой над господствующими классами. Для Маркса не было такой альтернативы. Он видел, что победа четвертого сословия неизбежна и что она вытекает из самого факта упрочения и развития до возможных пределов буржуазного общества. Прав оказался Маркс, и его вера оправдана всем ходом международного рабочего движения.

Мы видим далее, что Герцен говорит не о четвертом сословии в собственном смысле, а о народе вообще. Наоборот, для Маркса сопоставление крестьянского движения XVI в. в Германии с июньским восстанием пролетариата было невозможно. Наконец, Герцен верил в смену германского периода цивилизации славянским, а действующим фактором прогресса в этом направлении считал русский народ, объединенный в своей сельской общине**. История не оправдала его веры. Россия идет вперед по пути цивили-

* Дело идет о достижении той степенн благосостояния и в то же время социального мнра, когда дальнейшее движение невозможно, потому что дальше идти нельзя. Герцен говорит о книге Милля «О свободе». (Прим. автора.)

** Развешающий по российским городам для чтения лекций о Герцене, кадет Родичев не нашел лучшего средства почтить память великого публициста-социалиста, как представив его чем-то вроде правого кадета наших дней. Это тяжелое оскорбление, наносимое Герцену, тем легче сделать, что мертвый – он не может протестовать. Уже из немногих приведенных строк – а таких мест много в сочинениях Герцена – читатель может видеть, что будущее цивилизации Герцен связывал с торжеством народных масс, в то время как г-да кадеты стремятся обеспечить торжество либеральной буржуазии над народными массами, а движения народных масс боятся не менее, чем реакционеры. (Прим. автора.)

лизации не благодаря, а, скорее, несмотря на общину и лишь постольку, поскольку в ней развивается капиталистический способ производства и тот класс, который явится действующей силой прогресса за капиталистической стадией развития. В этом пункте прав оказался также Маркс, а не Герцен.

Но хотя Герцену суждено было играть роль крупного политического деятеля, он был по своему призванию прежде всего писатель и именно публицист. Литературное наследство Герцена можно разделить на три неодинаковые в количественном и качественном отношении части: на беллетристические произведения, философские статьи, публицистику.

Замечательный мастер слова, Герцен не был однако рожден художником-беллетристом. Правда, такие его произведения, как «Кто виноват?» и «Сорока-воровка», являются замечательными и как беллетристические вещи. Но прав был Белинский, заметивший, что у Герцена как беллетриста глубокий ум заслоняет талант. Характерно, что в эпоху зрелости своего таланта Герцен избегал беллетристической формы творчества.

Философом *par excellence* Герцен тоже не был. Это не мешает его статьям быть образчиком ясного до прозрачности и образного изложения различных философских систем. «Письма об изучении природы» до сих пор могут служить прекрасным руководством в этой области. Последним словом в области философии была для Герцена система Гегеля. Но он не воспринял ее как символ веры. Догматизм был чужд его пылivelyму и критическому уму, да и диалектическая философия Гегеля сама по себе не располагала к догматизму. В отличие, например, от Белинского, который с прямолинейной страстью доводил до крайних пределов раз усвоенное положение, Герцен в высокой степени обладал способностью видеть, так сказать, *pro et contra** каждой мысли, каждой теории, пределы ее значимости. Потому, усвоив наиболее ценное из философии Гегеля, его диалектический метод мышления, он не стал слепым гегельянцем. В общем, в области философской работы в зрелые годы Герцен не сделал почти ничего, как и в области беллетристического творчества. Тут он выдвигается и работает в той сфере, где его талант развешивается во всю ширь, в области публицистики.

Герцен является не только самым замечательным русским публицистом, он стоит в первом ряду всемирно известных писателей этого рода. Его изумительную по блеску стилю и образности форму прозу можно поставить рядом с лучшими произведениями Лессинга, Гейне и, пожалуй еще, Берне. Поистине, кто не читал Герцена, тот не знает всей гибкости, всего богатства и красоты русского языка. Его произведения должны изучаться в школах рядом с творениями Пушкина и Толстого. Вот на удачу маленький отрывок из «Былого и дум», где Герцен осмысливает свое разочарование, свою душевную драму после расстрела парижского пролетариата в июньские дни.

«Наше историческое призвание, наше деяние в том и состоит, что мы нашим разочарованием, нашим страданием доходим до смирения и покорности перед истиной и избавляем от этих скорбей следующие поколения. Нами человечество протрезвляется, мы его спохмелее, мы его боли родов. Если роды кончатся хорошо, все пойдет на пользу; но мы не должны забывать, что по дороге может умереть ребенок или мать, а может, и оба, и тогда — ну тогда история со своим мормонизмом начнет новую беременность... E sempre bene**, господа!

Мы знаем, как природа распорядится с личностями: после, прежде, без жертв, на горах трупов — ей все равно, она продолжает свое, или так продолжает что попало: десятки тысяч лет наносит какой-нибудь коралловый риф, всякую весну покидая смерти забывшие ряды. Полипы умирают, не подозревая, что они служили *прогрессу* рифа.

* За и против (*лат.*).

** Все нормально (*ит.*). (Прим. автора.)

Чему-нибудь послужим и мы. Войти в будущее, как элемент, не значит еще, что будущее исполнит наши идеалы. Рим не исполнил ни Платонову республику, ни вообще греческий идеал. Средние века не были развитием Рима. Современная мысль западная войдет, воплотится в историю, будет иметь свое влияние и место, так, как тело наше войдет в состав травы, баранов, котлет, людей. Нам не нравится это бессмертие — что же с этим делать?

Теперь я привык к этим мыслям, они уже не пугают меня. Но в конце 1849 г. я был ошеломлен ими и, несмотря на то что каждое событие, каждая встреча, каждое столкновение, лицо — наперерыв обрывали последние зеленые листья, я еще упрямо и судорожно искал *выхода*.

Оттого-то я теперь и ценю так высоко мужественную мысль Байрона. Он видел, что *выхода нет*, и гордо высказал это» (Т. III, стр. 100–101).

В этом отрывке, где Герцен как бы прикасается всеми своими нервами к железным законам истории, выступают все достоинства его художественной прозы. А такие перлы рассыпаны по всем его сочинениям. Нарисованные им образы Маццини, Гарибальди, Бакунина встают «как живые, во весь рост».

Мы должны благодарить судьбу, что Герцен провел большую часть жизни в изгнании. Цензура не наложила тяжелой руки на его свободную речь, и он мог беспрепятственно развернуть весь свой блестящий талант, хотя и перед более узкой аудиторией. За то ему обеспечены читатели из грядущих поколений.

Юбилей есть время выражения пожеланий. По отношению к Герцену их может быть два. Во-первых, чтобы появилось наконец у нас собрание его сочинений, более полное, чем 10-томное женеvское издание 1875–1880 гг. Во-вторых, чтобы прах нашего великого публициста и борца был перевезен наконец из Парижа в ту страну, в историю которой он вошел всем своим существом, которая пользуется результатами его работы, надежды на которую были, наконец, последним пристанищем его разочарованной в западной цивилизации мысли.

М.Л.

№ 37. НА ЗЛОБУ ДНЯ

6 апреля

Лучшей критикой кадетской партии является ее история. Правда, для такой истории слишком немного времени, потому что партия существует всего шесть с лишним лет. Но... немного прожито, но много персжито. Уже теперь кадеты с полным правом могли бы сказать про себя словами одного фетовского стихотворения:

*Былое стремленье
Далеко, как отблеск вечерний*.*

Отблеском вечерним кажутся теперь те требования, которые выставила кадетская учредительная конференция партии, и чуждыми духу теперешних кадетских речей речи их депутатов в первой Думе, а тем более речи кандидатов в депутаты перед своими избирателями.

* Цитируется неверно. Правильно:

*Былое стремленье
Далеко, как выстрел вечерний.*

*Но память былого
Все крадется в сердце тревожно.*

Но не подумайте, читатель, что «память былого» всегда смущает кадетское сердце. Нет – это бывает лишь перед выборами. Пять лет кадеты действовали в 3-й Думе так, как будто у них никогда и не было программы, а принятая на октябрьском съезде принадлежит какой-то другой партии.

Следя в продолжение пяти лет за думской деятельностью кадетов и замечая, что вся их практика противоречит их программе и их предвыборным обещаниям, я, признаюсь, не раз задавал себе наивный вопрос: отчего бы кадетам не изменить своей программы, которая им только мешает, или не отменить ее совсем, потому что они прекрасно действуют (в антидемократическом духе) и без программы.

Теперь я каюсь в своей простоте. Советовать кадетам отбросить программу – это значило бы все равно, что посоветовать какому-нибудь «немецкому портному Иванову», который нигде отроду не был, кроме своего городишки, написать такую вывеску, где бы стояла только одна правда. Раз в пять лет кадетам нужна бывает программа – это когда приближаются выборы. К этому времени ее надо вытащить, почистить комментариями, показать избирателям, одурачить как можно больше наивных душ, а затем снова спрятать до следующих выборов. Как видит читатель, программа кадетов – это не лишний балласт, а ценный капитал, который хотя и сдается на хранение в архив на пять лет, зато раз в пятилетие приносит солидные проценты.

Это предвыборное вытаскивание программы уже началось. Первым шагом можно считать передовицу в № 84 «Речи», посвященную конференции трудовиков. По поводу требований, выставленных последними, газета пишет: «Если исключить очень туманные намеки на прошлое в революции относительно «внедумской деятельности», а также ссылки на аграрную программу трудовой группы, установленную в 1-й и 2-й Госуд[арственных] думах, то во всем остальном почти не найдется ни одной черты, которая с таким же правом не могла бы быть повторена в заявлениях партии народной свободы. Эта партия, конечно, являлась всегда не менее «стойкой защитницей трудовых слоев сельского и городского населения», «выдвигала на первый план экономические интересы трудового народа, и в особенности крестьянства» и т.д. Точно так же она стремится к «отмене акта 3 июня» и к развитию широкого местного самоуправления» и т.д.

Пойдите посперьте теперь с кадетами, когда они вытащили «к празднику» свою программу. Мы за 8-час[овой] раб[очий] день – и мы тоже, – отвечают кадеты. Мы за наделение крестьян землей – и мы тоже. Мы за свободы – и мы тоже. Мы представители народных масс – и мы тоже.

А когда вы этой «стойкой защитнице трудовых слоев населения» укажете, что голосовать за 12-час[овой] раб[очий] день – не значит бороться за 8-час[овой], что «широкое местное самоуправление» одно, а маргариновое земство для Сибири – это другое, что шовинизм в вопросах иностранной политики не имеет ничего общего с защитой «трудовых слоев населения», равно как и голосование за усиление милитаризма, и т.д. и т.д., то вам меланхолически ответят: ах, господа, одно дело – программа, идеал; другое дело – действительность!

Но если так, – ответим мы, – то почему бы тогда октябристы не могли бы подписаться под всеми вашими требованиями, а на практике продолжать делать все то, что они до сих пор делали?

Они этого не могут сделать, – ответит сам себе кадет. У них свои методы одурачивания избирателей, а у нас свои.

№ 38. СИБИРСКАЯ МАНИЛОВЩИНА

8 апреля

Уход из социал-демократической думской фракции иркутского депутата Белоусова не только поднял весьма важный вопрос об ответственности депутатов перед своими избирателями, но и поставил на очередь дня Сибири вопрос о возможных методах защиты местных сибирских интересов в их отношении к общероссийским. Последнему вопросу посвящена передовая статья в № 310 читинской газеты «Думы Забайкалья». Ряд бессмыслиц, защищаемых в этой статье, и политическая безграмотность их автора слишком характерны, чтобы быть оставленными без ответа.

Не трудно догадаться, что газета защищает Белоусова. Но как защищает? Вот ее подлинные слова: «Если даже рассматриваемый поступок иркутского депутата считать предвыборным трюком, то и в этом случае нельзя не признать за ним безусловной правильности и разумности».

Нужно ли ослаблять комментариями эти строки? Кажется, ренегатство еще ни в одной порядочной газете не возводилось в принцип, а здесь погоня за мандатом, отречение от своего прошлого, игнорирование протестующего голоса избирателей (см. письмо выборщика в «Сибирь», протест черемховских рабочих, заявление иркутских газет — «Сибири» и «Иркутского слова») оказывается полным «безусловной правильности и разумности».

По этому началу можно судить, что будет дальше. А дальше в статье читаем следующее: «Нам приходилось уже высказываться, но считаем не лишним еще раз подтвердить наше твердое и определенное убеждение, что сибирские депутаты должны представлять в Думе группу, крепко сплоченную интересами Сибири, и что всякое расслоение сибирских избранных по политическим фракциям нужно рассматривать как явление до чрезвычайности нежелательное, пагубное для Сибири».

Конечно, по общеимперским вопросам, проходящим в Думе, каждый из сибирских депутатов волен действовать согласно своим социально-политическим воззрениям; знали или должны были знать избиратели, кого они выбирали: только этим и может измеряться ответственность депутата по общегосударственным делам перед теми, кто его послал в Государственную думу.

Но как только малейшая речь заходит о Сибири, о ее нуждах, о реформах, намечаемых для нее, и т.д. и т.д., тут уже и в помине не должно быть индивидуальных партийных программ. Здесь на думской арене должна выступать дружно, единомысленно действующая за благо родного края группа сибирских депутатов».

Гейне, высмеивая филистеров, говорил, что у них голова разгорожена на ящички и для каждого вопроса есть свой ящичек. Читинская газета тоже предлагает сибирским депутатам иметь в голове два ящичка — один для общероссийских вопросов, другой для сибирских. Можно себе представить, что от этого может получиться. Например, в какой-либо стране общегосударственный ящичек голосует против бюджета вообще; не давать же в самом деле средства режиму, благодаря которому та или иная область не может получить крупницы из назревших для нее реформ. Но когда голосуется часть бюджета, содержащего ассигнования на областные потребности, областной ящичек голосует за них. И противоречия нет. Ведь это для головы без перегородки, для нефилистерской головы, которая имеет несчастье мыслить логически, здесь есть противоречие. А у нас, слава Богу, есть ящички. Или вот другой пример: обсуждается вопрос о введении земства. Общероссийский ящичек стоит за демократическое земство. Сибирский заявляет: Улита едет, когда-то будет. С нас хватит и маргаринового. Голосуй за маргаринное! В действительности же не нужно особенного глубокомыслия, чтобы понять, что нет и не может быть таких сибирских нужд, удовлетворение которых не было бы тес-

нейшим образом связано с успехами демократических преобразований в России. Как совершенно справедливо указывал Мих. Садко в «Иркутском слове», все попытки отстаивать в Думе какую-то сибирскую точку зрения потерпели в попытках Шилю и Чиликина жалкое фиаско. Иначе и быть не могло. Не может быть никакой особой сибирской точки зрения, как не может быть черниговской или тульской.

Желание читинской газеты видеть в Думе какое-то сибирское коло из депутатов есть бессмысленная и вредная утопия. Сибирь, как и Россия, расслоена на различные классы с различными интересами. Разногласия неизбежны и в вопросе о том, что нужно для Сибири, и в том, какими путями следует бороться за достижение необходимых преобразований. Если Сибирь поставлена в худшие условия, чем любая губерния Европейской России, то этого еще недостаточно, чтобы сделать все сибирские вопросы беспартийными и всех сибиряков единомышленниками.

Нам говорят: письмо Белоусова ярко подчеркивает несовместимость принципиальной защиты общероссийских интересов с областными сибирскими. По-нашему, это письмо ярко подчеркивает, что политический кругозор г-на Белоусова не возвышается над уровнем среднего сибирского обывателя, а мораль, вытекающая из его письма, заключается в том, что на предстоящих выборах в 4-ю Думу не следует выбирать обывателей, по-видимому, богато представленных в газете «Думы Забайкалья», а следует вручить мандат политически сознательным гражданам.

Обращает на себя внимание факт, что уже три по счету сибирских депутата отторглись от с.-д. фракции, и все на почве сибирских вопросов. Это лишний раз доказывает, что легко быть радикалом на словах. Но грош цена такому радикалу, который не выдерживает первого искуса практического оппортунизма и, оставаясь социал-демократом для России, превращается для Сибири в октябриста*.

Попытка читинской газеты подогреть областной патриотизм** должна встретить решительный отпор со стороны сибирской печати без различия направления. Можно быть кадетом, можно быть левым. Но и ни для кадеты, ни для левого, если они только политически грамотные люди, невозможно отделять сибирские задачи от общероссийских, создавать сибирское коло наряду с другими партиями или внутри их.

Сибирские газеты должны высказаться по затронутому вопросу. Если молчать о таких вопросах, то о чем же тогда и говорить?

М. Леонов

№ 39. ОБЗОР ЖУРНАЛОВ «СОВРЕМЕННЫЙ МИР» И «РУССКОЕ БОГАТСТВО» (март)

8 апреля

Оставляя в стороне роман А. Серафимовича «Город в степи», продолжающий печататься и в мартовской книжке «Современного мира», прежде всего нужно остановиться в отделе беллетристики на посмертных записках И.А. Коновалова «Дневник агитатора». Автор записок – видный деятель с.-д. партии, пользовавшийся большой

* В вопросе о сибирском земстве наши депутаты стояли вполне на октябристской точке зрения. (Прим. автора.)

** Мы являемся сторонниками широкого областного самоуправления, и потому разумеется само собой, что мы говорим о таком местном патриотизме, который вступает в противоречие с общегосударственными прогрессивными задач[ами] нашего времени. Такой патриотизм и смешон и вреден. (Прим. автора.)

популярностью в Петербурге в качестве агитатора и не так давно покончивший с собой. Хотя записки носят беллетристическую форму, автобиографический характер всего описанного в них не подлежит сомнению. Перед нами нечто вроде «человеческого документа» из революционной жизни, одного из тех документов, огромное значение которых в качестве сырого материала для будущей «Войны и мира» в этой области вряд ли можно преувеличить. Деятели русского революционного движения еще ждут своего художника, который даст объективную картину их внутреннего мира, их жизни и борьбы. Все опыты в этом направлении были до сих пор неудачны. «Андрей Кожухов» и «Домик на Волге» Степняка – лирические произведения, не чуждые вместе с тем духа французских романов. Брандес совершенно неправильно приравнял их к творениям великих мировых художников. «Мать» Горького – смесь глубоко правдивых сцен с сентиментальной декларацией. «Конь бледный» Ропшина – иллюстрированное приложение к предвзятой и упадочной по своему содержанию мысли... При таких условиях документы, подобные запискам Коновалова, приобретают большую ценность, особенно если принять во внимание, что истинность сообщаемого в них, как в данном случае, гарантирована в значительной степени трагической смертью их автора. Преимущество «Записок» агитатора» заключается еще и в том, что, хотя обстановка жизни и внутренние переживания революционных деятелей очерчены в них далеко не в розовом свете, они чужды тех реактивных искажений истины, которые составляют главное содержание большинства последних рассказов и повестей из революционного быта. Эти «художественные» пасквили являются гораздо более описанием морального падения их авторов, чем картиной того, что они хотят изобразить.

В напечатанной части «Дневника агитатора» (окончание его следует) ребром поставлен вопрос любви и вообще семейной жизни в обстановке партийной работы. О дальнейшем содержании записок мы еще будем иметь случай говорить.

В «Русском богатстве» обращает на себя внимание рассказ в форме посмертных записок «Жизнь и смерть» С. Подъячева, где ярко обрисовано безвыходное положение одного «сознательного» крестьянина, сдавленного нуждой и семейными неурядицами и решившего убить с целью ограбления, но не ограбившего местного кулака. Сам виновник кончает жизнь самоубийством под впечатлением ужасного дела, которое он только что совершил.

Исторический рассказ С. Кондурушкина «Потомки Царя Иудейского» лишний раз доказывает, что недостаточно пропутешествовать по современной Сирии, чтобы писать исторические вещи из времени первых веков христианства.

Публицистические отделы «Современного мира» и «Русского богатства» весьма содержательны.

В «Современном мире» помещено окончание интереснейшей и не раз цитированной нами статьи об охран[к]е и провокации во Франции. Вот один любопытный факт. В 1867 г. происходила международная выставка в Париже, на которой присутствовали император Александр II и Бисмарк с начальником полиции Штибером.

«Штибер, принимая своих тайных парижских агентов, вращавшихся, между прочим, и в польской среде, узнал от них, что молодой польский рабочий-патриот Березовский задумал совершить покушение на жизнь русского императора, чтобы таким образом перед всем светом протестовать против жестокостей Муравьева и политики русского правительства в Польше. Пораженный этим известием, Штибер тотчас же отправился к префекту парижской полиции Пьетри, чтобы предупредить его о готовившемся преступлении и тем оказать собрату по профессии дружескую услугу.

* Так в тексте. Речь идет об одном произведении.

Пьетри, однако, Штибер не застал и отправился с докладом к Бисмарку. Выслушав своего подчиненного, Бисмарк быстро сообразил, что в интересах Пруссии, чтобы покушение состоялось. Пруссия уже тогда подготовилась к войне с Францией, и ей нужно было создать недружелюбные отношения между Россией и Францией. Случай неожиданно представился, и Бисмарк строго запретил Штиберу вмешиваться в дела русских политических эмигрантов. Таким образом, Пьетри не узнал о заговоре, и выстрел Березовского в императора Александра II был произведен даже при косвенном участии прусских агентов-provokatorov. Понятно, что Александр II после покушения тотчас уехал из Парижа, крайне раздосадованный. Таким образом, намеченная цель Бисмарка была хоть отчасти достигнута: между русским и французским правительствами наступило охлаждение.

Впоследствии французскому правительству стоило больших усилий, чтобы добиться франко-русского союза*.

Интересны отдельные подробности дела Ландезена, т.е. того самого provokatora, который подвел под суд во Франции группу русских революционеров, сам получил пять лет тюрьмы, бежал, а через пять лет был прислан в Париж от русского правительства под видом генерала Гартинга для охранной работы. Ю. Стежков отмечает рядом фактов угодливость французского правительства в охранных делах перед русским, что подготавливало почву для франко-русского союза, и потому справедливо замечает, что «альянс охранный предшествовал альянсу дипломатическому и даже отчасти его обусловил» (стр. 212). Когда у власти стали радикалы, дело, естественно, не изменилось. И Клемансо, и Бриан, и Кайо пользовались услугами provokatorov, которые обратили всю свою энергию на расстройство организаций французского пролетариата – синдикатов. Достаточно будет указать на provokatora Метивье, который считался видным синдикалистом и служил в охран[к]е. Он подложил во время железнодорожной забастовки бомбу к дому националиста Миссара, а Бриан воспользовался этим фактом как одним из аргументов за насильственное подавление стачки и запрещение железнодорожникам организоваться в союзы.

Здесь же помещена содержательная и напечатанная с обычным мастерством статья Г.В. Плеханова «Философские взгляды Герцена», в напечатанной части касающаяся миросозерцания Герцена в московский период его жизни. Можно считать преувеличенными утверждения Плеханова относительно идеалистического характера воззрений Герцена времени «Писем об изучении природы», можно и исторически более справедливо было бы отметить именно неудовлетворенность Герцена философским идеализмом Гегеля и его попытки выйти за его пределы, которые тем более ценны, что они делались еще в 40-х гг.* русским, и к тому же по призванию не философом; тем не менее будущие биографы и исследователи произведений Герцена не могут игнорировать тех взглядов (противоречащих общепринятым), которые высказывает Г.В. Плеханов по затронутому вопросу.

Публицистический отдел «Русского богатства» особенно богат на этот раз. Достаточно сказать, что здесь мы находим новую, еще не напечатанную нигде, по-русски переведенную с французского статью А. Герцена «Новая фаза русской литературы», воспоминания В. Фигнер «С горстью золота среди нищих», письма Г.И. Успенского, и очерк В. Короленко «Русская пытка в XIX веке», и, наконец, тюремные воспоминания Льва Дейча о Якубовиче.

В своих воспоминаниях В.Н. Фигнер рассказывает, как после 20-летнего заключения в Шлиссельбурге и полугодовой жизни у своей сестры в Нижнем она была административно сослана в имение своего брата в Казанскую губернию, где и задумала

* Речь идет о XIX в.

возобновить свою связь с народом делом помощи голодающим. Результат получился печальный. К филантропической деятельности старой народницы мужики отнеслись, как к барской затее, и добивались только одного: как можно больше урвать себе у «барыни» путем разных хитроумных махинаций и обманов. И даже «сознательные» крестьяне и те оказались на одном ряду со всеми, когда дело касалось возможности получить несколько «барских» рублей. В.Н. Фигнер, разочарованная, прекратила свою деятельность, мужики оказались «шоколадными». Но она не теряет надежды найти истинный путь к полезной общественной деятельности. Куда он ведет? В статье «Речь» А. Изгоев подсказывает, что этот путь ведет к обретению «истинной демократии», а из присущей ему скромности умалчивает, что таковой является к-д. партия. Мы думаем на этот счет иначе. Если народники (не только 70-х гг., но недавнего времени) сделали себе в фантазии «шоколадного» мужика, а потом на практике с горечью убеждались, что действительный мужик совсем не похож на продукт их воображения, то в этом виноват не мужик, а затем — что самое главное — он отнюдь не перестал быть одной из точек опор для демократии. Печальная история, рассказанная В. Фигнер, наблюдалась в массе случаев; и если мужик с недоверием смотрит на попытки «общения» с ним со стороны «барина», хотя бы и настроенного весьма доброжелательно к нему, если внутренне он смотрит с усмешкой на оказываемую ему помощь, то в этом сказывается не «деревенский идиотизм»*, а совершенно здоровый классовый инстинкт, который в переводе на язык сознания говорит: филантропия не улучшит нашего положения, потому что не затрагивает основных причин, разоряющих деревню.

Письма Успенского с полной наглядностью обнаруживают, при каких ненормальных условиях приходилось работать этому замечательному таланту и почему он не дал всего того, что мог бы дать. Когда читаешь эти письма, из которых каждое есть прямая вопль о деньгах, то можно подумать, что всю жизнь перед окном Успенского неотступно стояли и смотрели на него кредиторы. Вот примеры: «При всем моем желании облегчить нашу участь, ей-ей, нигде не мог добыть 10 франков...» (стр. 190). «Мы буквально без денег и задолжали угольщикам и прачкам» (стр. 191). «Денег, ради Бога, не верят в лавках, уверяю вас!» (стр. 187). И так далее до бесконечности. Весьма подходящая обстановка для художественного творчества!

Воспоминания Льва Дейча о Якубовиче выгодно отличаются от литературы подобного рода тем, что в них нет сентиментального подсахаривания личности, как и преувеличения более чем скромного дарования того или иного писателя. У нас прочно укоренился мешанский принцип — «о покойниках говорить либо хорошо, либо ничего», в котором так ярко сказалась индивидуалистическая точка зрения на писателей и человека вообще, который признается принадлежащим самому себе, а не тому обществу, которое его вскормило и руками которого выполняло часть общественно необходимой работы. Дейч не сообщает ничего дурного о Якубовиче, но и все хорошее о нем не преувеличено, пахнет истиной — а в этом-то и вся суть.

Исторический очерк В. Короленко говорит о пытках XIX в. Автор устанавливает здесь известный «закон», а именно, что возрождение на практике пыток и желание точной идеологии всегда связано с победой или усилением реакции. Что скажет автор в следующем очерке, посвященном нашим дням, нетрудно, кажется, предвидеть.

М.Л.

* «Деревенского идиотизма» у нас, конечно, сколько угодно. Но о нем можно говорить лишь тогда, когда мужик без помощи не решаетесь связать свои ближайшие экономические требования с политическими требованиями демократии. (Прим. автора.)

№ 40. РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ ЗА МАРТ

12 апреля

Судя по газетным данным, всего за март месяц в России имели место 34 забастовки рабочих. Кроме того, происходил ряд забастовок в совсем мелких ремесленных заведениях, подсчета которых мы не производили. Число участников известно для 19 забастовок. Оно равно 15 707 человекам. Если принять во внимание, что число участников неизвестно относительно многих крупных предприятий, например, двух рудников в Домброве, завода Гартмана, Мытищинского завода и др., то можно считать число участников в забастовочном движении за март значительно большим 20 тысяч человек. (Прошлый месяц – около 20 тысяч человек.)

Что касается исхода стачек, то в 17 случаях он неизвестен. В одном случае стачка была демонстративной, в десяти случаях стачки были удачными вполне или отчасти, в шести случаях – безрезультатны.

Больше всего стачек было в Петербурге, а именно: 11 из всего числа; в Прибалтийском крае – 7 и в Польше – 4; остальные – в прочих частях России.

Самой значительной является стачка на золотых приисках Ленского товарищества. О трагическом эпизоде этой стачки читателям уже известно. Столкновение с полицией наблюдалось еще в Варшаве при забастовке на заводе Айзерта. Остальные стачки протекали мирно.

Любопытно отметить, что в главной отрасли нашей промышленности, в хлопчатобумажной, стачек за последние два месяца почти не наблюдалось, в то время как за прошлый год, по только что опубликованным официальным сведениям, в одном только Московском промышленном районе бастовало свыше 90 тысяч рабочих, в большинстве ткачей. Это обстоятельство надо объяснить ухудшением дел в текстильной промышленности в связи с неурожаем.

Интересно заметить еще и то, что число стачечников за два прошлых месяца достигло цифры, равной приблизительно числу бастовавших за весь 1909 г.

В общем, оживление в рабочей среде продолжается и растет.

М.Л.

№ 41. ПОУЧИТЕЛЬНЫЙ УРОК

15 апреля

Телеграф принес известие, что комиссия Государственного совета постановила отклонить думский законопроект о введении в Сибири земства и выразила пожелание, чтобы Министерство внутренних дел позаботилось об улучшении существующего земского хозяйства в Сибири.

Законопроект отклонен пока комиссией. Но кто знаком с характером работ Государственного совета вообще и его решений по поводу введения земства в Таврической, Войска Донского и Астраханской губерний в частности, тому совершенно ясно, что, в сущности, отклонение проекта о сибирском земстве есть факт.

Мы еще будем иметь случай вернуться к обсуждению тех последствий, которые сами собой вытекают из факта отклонения законопроекта для сибирского населения, в особенности же к тем выводам, которые нужно сделать сибирякам для проведения избирательной кампании в 4-ю Думу под определенными лозунгами. Теперь же лишь скажем, что начинает оправдываться наше предсказание относительно провала проекта, и

все наши аргументы против беспринципного и близорукого оппортунизма г-д Некрасовых и Белоусовых получают всю свою силу. Несомненно, и вся та часть сибирской печати, которая поддерживала маргариновое земство, получила моральное поражение. Комиссия Государственного совета методом наглядного обучения вдальблывает политическим школьникам, по недоразумению носящим звание депутатов от Сибири, что судьба преобразований в Сибири теснейшим образом связана с судьбой демократического переустройства России вообще, а момент последнего не приблизится от того, что стремящиеся к такому преобразованию группы отказываются от своих программ.

Наоборот.

Мы понимаем Иуду, который продал Христа все-таки за 30 сребреников. Мы понимаем Исава, который продал право первородства за чечевичную похлебку. Но за какую похлебку продали сибирские депутаты и выразители сибирского общественного мнения свое право на демократическое земство, которого всегда требовало сибирское население? Где та крупница реальных выгод, которую все-таки дает оппортунизм, теряющий обыкновенно рубль из-за гривенника? Где этот гривенник? Его нет. Его нет, потому что у нас ведь и оппортунизма нет, а есть только карикатура на оппортунизм.

Виноват, мне могут указать на то пожелание, которое выразила комиссия Государственного совета относительно улучшения существующего земского хозяйства в Сибири, как на реальный результат «борьбы за сибирское земство», поднятой сибирскими депутатами, первым движением которых на неприятеля было отступление назад. Я согласен, что пожелание Советской комиссии есть очень остроумная насмешка над сибирскими депутатами. Поймут ли они ее смысл, вот вопрос?

Быть может, найдутся из них такие, которые из полученного урока сделают совсем другой вывод. Они объяснят неудачу тем, что недостаточно низко кланялись.

С такими господами нам, конечно, не о чем разговаривать.

М. Леонов

№ 42. МАЛЕНЬКИЙ ФЕЛЬЕТОН

22 апреля

После каждой думской речи министра иностранных дел на трибуне Таврического дворца неизменно появляется министр внутренних дел... кадетской партии Павел Николаевич Миллюков и начинает выражать «мнение страны», порицать и одобрять. Поклон налево, поклон направо; один поклон налево, девять направо.

Корректоры газеты так привыкли к этому «бытовому явлению» нашей «парламентской» жизни, что после утомительного исправления агентских телеграмм речи министра иностранных дел у них не вырывается вздох облегчения.

Нет, еще ведь длинная речь Миллюкова!

— Разве заболел, вот бы слава Богу... Да нет, не отвертеться от корректуры. Он скорей с кроватью велит привезти себя в Думу, а от речи не откажется.

Корректор оказывается прав. Не проходит и двадцати минут, как в редакцию входит посыльный с зловещей пачкой телеграмм в руках. Корректор расписывается в получении и с сугубо сосредоточенным выражением приступает к чтению.

Ведь дипломатическая речь — это не пасквиль какого-нибудь Гегечкори. Этот скажет, например, про правых: «теплая-де вы компания», а написано «темная компания», ну и сойдет за темную. С подлинным верно.

А тут ведь сами дипломаты не понимают, что один другому сказал и что хотел сказать. А с корректора все спросится. Запятую не там поставил, выйдет, что франко-рус-

ский союз никому не нужен, частицу «не» забудешь поставить, получится, что мы имеем важные интересы в Персии и Монголии.

– Ну что, изрядная речь? – спрашиваю у корректора.

– Без меры в длину, без конца в ширину.

– А в глубину?

– Об этом уже вам судить, – отвечает корректор.

Да, об этом судить мне, но моя работа не трудна. Как корректор знает, что после речи Сазонова будет речь Милюкова, так и я, не прочитав речь министра, уже знаю, что скажет кадетский лидер. Мотив этой речи всегда один. Отдав «дань уважения» деятельности Министерства иностранных дел и приложив к ней штемпель одобрения 3-июньского «общества» (приличное общество, не хамы какие-нибудь и Vaterlandslose Gesellen)*, Милюков сделает все-таки и поклон налево. Все это хорошо, скажет он министру Сазонову, но все-таки:

Жаль, что незнаком ты с нашим петухом:

Еще б ты больше наводстрился,

*Коль у него б немного поучился**.*

В каждой фразе речи Милюкова и в каждой статье милюковской «Речи» звучит эта затасанная мечта о портфеле. Ах, пустите нас к власти, мы все устроим наилучшим образом: «У нас пойдет уж музыка не то, у нас запляшут лес и горы»***.

Я весьма сомневаюсь, что под кадетскую музыку когда-нибудь запляшут лес и горы. Напротив, я убежден, что, добившись портфелей, они сами запляшут под музыку тех, кому будет выгодно на практике дискредитировать либерализм.

Министр иностранных дел будет вполне прав, если отнесется скептически к поучениям Милюкова. Во-первых, разница между взглядами того и другого в деталях. А во-вторых, главным образом потому, что наше Министерство иностранных дел имеет за собой хоть ряд дипломатических поражений; это все-таки опыт. Кадеты же имеют только ряд дипломатических речей сомнительного достоинства.

М.Л.

№ 43. ОБЗОР ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ЕВРОПЫ» (апрель)

25 апреля

Содержательный апрельский номер журнала представлен довольно богато в беллетристическом отношении и в отделе публицистики. Здесь мы находим рассказ И. Бунина «Суходол», со всеми достоинствами и недостатками деревенских рассказов этого писателя. Но главное внимание в отделе беллетристики приковывает к себе рассказ Горького «Три дня», наполовину напечатанный в разбираемой книжке. В рассказе приятно удивляет полная правдивость и выдержанность в духе реализма при полном отсутствии

* Безродные люди (нем.).

** Цитата приведена неточно. Правильно:

А жаль, что незнаком ты с нашим петухом:

Еще б ты боле наводстрился,

Когда бы у него немножко поучился.

*** Цитата приведена неточно. Правильно:

Тогда пойдет уж музыка не та:

У нас запляшут лес и горы!

подкрашиваний, декламации и надуманности, которые так часто портили произведения Горького последнего периода его творчества. Если рассказ «Три дня» есть не случайность, а характеризует целую полосу, в которую вступил талант Горького, то с удовлетворением можно будет сказать, что писатель попал наконец на свою полочку, на которую, как выразился Белинский, рано ли, поздно ли суждено попасть каждому писателю.

Очень интересны воспоминания известного народника Фроленко об отъезде из Шлиссельбургской крепости в октябрьские дни.

В этом же номере помещены воспоминания П.А. Тверского «К историческим материалам о покойном Столыпине», целую неделю служившие предметом обсуждения в печати и чрезвычайно ценные для характеристики как самого П.А. Столыпина, так в особенности для освещения той правящей среды и тех влияний, которые делают музыку управления в России.

В небольшой заметке «Наивный цинизм» М. Ковалевский останавливается на деятельности Государственного совета в известном приказничьем законопроекте и законопроекте о застройке. Если в первом интересы миллионной армии приказчиков принесены в жертву интересам капитала даже вопреки желаниям последнего, то во втором интересы широкого круга домовладельцев, в большинстве малосостоятельных, построивших свои дома на частновладельческих землях, принесены в жертву владельцам этих земель. В конце концов автор замечает: «Чем дольше я живу и чем ближе присматриваюсь к тому, что происходит на моих глазах, тем более поражает меня наивная циничность тех приемов, какими власть имеющие дают чувствовать подвластным меру своей заботливости о них. Не придется ли в конце концов согласиться с тем определением, какое один английский судья давал закону, говоря: это приказ более сильного менее сильному».

Удивительно, что почтенный профессор так поздно схватил истину. Это тем более удивительно, что мы имеем дело с автором труда «Происхождение современной демократии», каждая страница которого есть иллюстрация приведенного мнения английского судьи.

Лучше, однако, поздно, чем никогда.

М.Л.

№ 44. НЕИЗЛЕЧИМО БОЛЬНЫЕ

29 апреля

В России есть два типа народников. К одному типу принадлежат вкусившие от марксистского древа познания. Эти весьма равнодушны к марксистской критике, которой подвергаются их построения, и сами они не прочь назвать себя истинными марксистами. (Маркс ведь давно умер, так что протестовать не будет.) Но самое главное, что такие народники все-таки знакомы более или менее с теорией Маркса и при изложении в полемике взглядов марксистов на тот или иной вопрос не допускают особенно больших искажений при «вольной передаче».

Другое дело – второй тип народников. Эти никогда не понимали и, по-видимому, не поймут «до гробовой своей доски» главного нерва марксистской теории. Им вечно суждено служить образчиком той примитивной психологической организации, которая всегда смешивает желательное с возможным и существующим, объективно неизбежное с морально обязательным. Если, например, марксисты говорят, что пролетаризация неизбежна в стране, вступившей на путь капиталистического развития, и является мучительным и тяжелым последствием в общем прогрессивно-экономическом процессе, то про-

стодушный народник второго типа делает отсюда вывод, что марксисты *стремятся* к пролетаризации масс. Если, например, марксисты объявляют развитие капитализма прогрессивным явлением, то добродушный народник считает лишь непоследовательностью, что они сами не участвуют в этом процессе накопления капитала и вместо профессиональ[ных] союзов не открывают кабаков и торгов[ых] предприятий.

Правда, после двадцатилетнего с лишним вдалбливания своей теории народникам марксисты довели число представителей второго типа до небольшой цифры. Но все-таки эти своего рода зубры народничества продолжают еще кое-где подавать свой голос, особенно в провинции, где читатель не столь разборчив, как в столице.

К числу народников второго типа нужно отнести Ф. Сибирского – автора статьи, помещенной в № 881 «Голоса Сибири» и озаглавленной «Пролетаризация и закон 9 ноября».

На этой статье мы остановим внимание читателя.

Сущность мыслей, высказанных Ф. Сибирским в названной статье, сводится к следующему. Проведение в жизнь закона 9 ноября усилило пролетаризацию крестьянства, а благодаря голоду распродажа наделов идет еще более ускоренным темпом. Так как расширения русской промышленности не последовало в такой пропорции, в какой пролетаризировалась крестьянская масса, то отрезанные от деревни новые слои пролетариата не могут пристроиться в городе, они осуждены на вымирание. Расширения русской промышленности не только не последовало, а наоборот, ей грозит сокращение производства вследствие сокращения внутреннего рынка, связанного с пауперизацией крестьянской массы. Сельский пролетариат стремится в деревню, сбивает цены на рабочие руки у городского пролетариата и сводит на нет все завоевания последнего. Мораль же из всего этого одна: марксистам нечего радоваться происходящей теперь пролетаризации крестьянства, потому что этот процесс задерживает развитие промышленности и приносит непосредственный вред рабочему классу города.

Читатель, хоть немного знакомый с содержанием дебатов, которые вели народники с марксистами, может видеть, что все высказанное г-ном Сибирским не ново. Наоборот, все это старо, как делушкин халат. Удивительно и ново в статье разве то, что она написана в форме нападения на марксистов. Это тем более удивительно, что ведь нападающий принадлежит к тем, кто потерпел жестокое поражение в самом главном пункте своих требований – в аграрной программе.

Лучшая защита есть нападение, – говорят немцы. Г-н Сибирский и воспользовался этим приемом: нападение на марксистов должно лишь отвлечь внимание от собственного поражения и того безвыходного положения, в котором теперь обретаются наше народничество. Разве не странно, в самом деле? Автор нарисовал мрачную картину положения деревни в связи с пролетаризацией. Само собой возникает вопрос: что же делать? Но вместо ответа на прямой вопрос автор обращается в сторону марксистов и заявляет: вы, господа, напрасно радуетесь пролетаризации.

Радуются или нет марксисты – это вопрос другой и к делу не относится. Прямой вопрос заключается в том, что вы-то, народники, предлагаете делать? Вместо того чтобы просвещать сознание марксистов, осмыслили ли вы в своем собственном сознании все происходящее вокруг? Некоторые предусмотрительные люди в вашей среде уже начали доказывать, что община не служила фундаментом для вашей аграрной программы. Другие, более искренние, прямо признают негодность последней при наличии разрушения общины. Каково же наше мнение на этот счет?

Обратимся теперь к затронутым г-ном Сибирским вопросам по существу. По мнению г-на Сибирского, при современном положении дела русская промышленность не только не может интенсивно развиваться, но рискует очутиться еще с более узким внутренним рынком. Он говорит: «Итак, потребителя для выросшей промышленности, если

бы она выросла, необходимо найти. Внешние рынки этого потребителя не дадут, сама промышленность его не создаст. Остается сельское хозяйство. Можно ли надеяться, что в результате землеустроительной деятельности производительность сельского хозяйства в России возрастет настолько, что сможет проплатить товаров чуть не на 1½ лишних миллиарда?»

Дав отрицательный ответ на этот вопрос и указав на то, что крупное землевладение не может дать рынка для промышленности, автор пишет далее: «Но если отсутствие внешних и внутреннего рынка не позволит промышленности поглотить пролетаризированное крестьянство, то несомненно, что даже тот рынок, который был в распоряжении этой промышленности, сократится. Ведь худо ли, хорошо ли, а все же пролетаризированный и выкидываемый ныне за борт хозяйственной жизни страны крестьянин прежде вел хозяйство, создавал ценности и являлся хоть мизерным, но все же покупателем. Если же он перейдет в армию безработных, то этот покупатель почти исчезает с рынка, и фабрично-заводской промышленности придется вместо мечтаний о росте производства еще сократить его».

Автор прав, перенеся центр вопроса на рынки, но он совершенно неправильно решает самый вопрос. Наша промышленность в самом ближайшем будущем не может особенно рассчитывать на иностранные рынки (это не значит, что всегда так будет. Пример — Германия, с каждым годом ввозящая все более и более фабрикатов в Англию), главная ее опора — внутренний рынок. Какие же перспективы у нее здесь?

Прежде всего, г-н Сибирский совершенно не прав, утверждая, что пролетаризация крестьянства подрывает внутренний рынок. Вопрос нужно ставить так: происходит ли в нашем сельском хозяйстве падение производительных сил или их подъем? Ведь только таким путем мы выясним, каковы размеры тех производимых в сельск[ом] хозяйстве продуктов, которые, будучи обменены на деньги, дадут возможность получить их производителям продукты городской промышленности. Г-н Сибирский не поставил так вопроса и пришел к заключению, противоречащему всем фактам действительности, а именно, что промышленность наша должна сократиться. В последние годы в сельском хозяйстве наблюдается довольно интенсивный прогресс: это нужно сказать и про крупное, и про мелкое крестьянское хозяйство. Продовольственная аренда быстро вытесняется капиталистической, замечается рост цен на землю, что при падении продовольственной аренды означает увеличение доходности от самостоятельной обработки земли. Во многих местах замечается переход от трехполья к плодосменной системе, в огромной пропорции взрос за последние годы ввоз искусственного удобрения и сельскохозяйственных машин. Расширяется и сама площадь обрабатываемой земли путем расчистки тайги и дренажа. Сокращение рынка могло бы наблюдаться лишь в том случае, если бы производительные силы деревни падали, если бы крестьяне бросили свои наделы и росло число пустующих земель. Так обстояло, например, дело во французской деревне в годы, предшествовавшие первой революции. У нас мы не наблюдаем подобного явления.

Вторым важным обстоятельством является благоприятная мировая конъюнктура для нашего земледелия. На страницах «Обской жизни»* я уже останавливался на этом вопросе. Здесь замечу лишь, что рост цен на хлеб на мировом рынке, имеющий глубокие причины, оказал и окажет еще больше влияния на подъем нашего сельского хозяйства и в связи с этим на расширение внутреннего рынка, потому что означает приток в него лишних сотен миллионов.

Наконец, надо принять во внимание, что из более чем миллиардного ввоза Россия две трети ввозимых фабрикатов могла бы производить сама. Если этого не происходит, то это объясняется недостатком национальных капиталов. Торговый капитал еще прева-

* «О хлебных ценах» I № 30, II № 33. (Прим. автора.) См.: Док. № 21 и 23.

лирует у нас над промышленным, как это с полной очевидностью доказал П. Маслов, и далеко не все возможное расширение нашей промышленности даже при данном рынке у нас достигнуто.

Опуская целый ряд частных из статьи г-на Сибирского, остановлюсь на отношении марксистов к закону 9 ноября и общине. Нужно ли говорить, что они являются противниками этого закона, тормозящего нормальное расслоение деревни и приспособление ее к развивающимся капиталистическим отношениям. Но они столь же протестовали бы и против законодательного закрепления общины, если бы народникам вздумалось провести эту меру при благоприятных для них обстоятельствах. Марксисты не являются противниками общины во что бы то ни стало, как не являются всегда и везде сторонниками крупного хозяйства. Суть дела для них в характере хозяйства, а не в формах землевладения. Марксисты будут стоять в каждом данном случае за ту форму землевладения, которая обеспечивает наибольшее развитие производительных сил. Если б община могла бы обеспечить такое развитие, они стояли бы за общину, и возможны практические случаи, когда они могут это сделать. Теоретически мыслимо, что марксисты могут высказаться в пользу мелкого землевладения против крупного. Поскольку у нас в России предстоял выбор между отсталым феодальным помещичьим землевладением и мелким крестьянским, всем известно, какой выбор сделали марксисты. Думать, что для марксистов все вопросы в области форм землевладения раз навсегда решены в пользу крупного хозяйства и все сводится лишь к ожиданию *Zusammenbruch** на почве концентрации – значит вульгарно понимать их точку зрения, что и делает г-н Сибирский.

В заключение статьи, указав на необходимость радикальных мер (каких?) для предупреждения вымирания пролетаризировавшихся крестьян, автор пишет: «Но для того чтобы принять эти меры, нужно стать на принципиально противоположную точку зрения, чем та, которой руководствуются хозяева русской жизни, с одной стороны, и марксисты – с другой. Не говорю и не хочу сказать, что хозяева русской жизни, г-да националисты, правые и октябристы стоят на одной платформе с марксистами. Нет, платформы эти диаметрально противоположны, но, несмотря на это, все же ни та, ни другая платформа, если бы ее и удалось осуществить, не спасет от вымирания миллионов русских крестьян».

В чем же состоит та платформа марксистов, осуществление которой не спасет от вымирания? Почему вы, г-н Сибирский, упомянув о ее негодности, не находите возможным сказать, в чем она заключается? Могут быть внешние причины для этого. Но тогда нечестно и самое упоминание о ее годности или негодности, потому что оно голословно.

Марксисты выдвинули свою аграрную программу. Они убеждены, что она спасет от вымирания и обеспечивает наиболее быстрое развитие производительных сил деревни и города. От выдвинутых требований они не отказываются и теперь.

Могут ли то же сказать про себя народники?

М. Леонов

№ 45. ДУЭЛЬ И ДЕПУТАТСКАЯ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ

6 мая

Дуэль Гучкова с Мясоедовым поставила на очередь дня вопрос о том, как должен относиться депутат к вызову на дуэль, могущему последовать последнему от лиц, разоблаченных в их деятельности с думской трибуны. В сущности, ответ на поставленный вопрос логически вытекает из самой идеи народного представительства. Неприкосновенность,

* Катастрофа (нем.).

которая гарантируется депутату парламента всем обществом, не может подвергаться посягательствам со стороны отдельных членов общества, хотя бы такое посягательство принимало форму вызова на дуэль. Можно быть различных взглядов на дуэль вообще: можно считать ее бессмысленным пережитком средневековья, не разрешающим никаких вопросов, можно считать ее, напротив, неизбежным выходом из некоторых положений, в которых ставит жизнь. Но не нужно большого запаса логики, чтобы даже самому ярому стороннику дуэли вообще убедиться в бессмысленности этого способа реакции на парламентские разоблачения. Единственным способом реабилитации для разоблаченных лиц является выяснение истины в суде и печати. При таких обстоятельствах дуэль нужно рассматривать лишь как средство отвлечь внимание от сути дела, послужившего материалом для разоблачений, и перенести его на почву личных счетов с виновником.

Но депутат, выступающий с разоблачениями, выполняет определенную общественную функцию, и если находить логику в предъявлении к нему вызова со стороны разоблаченных, то столь же, если не более логично было бы всем обвиняемым в судах предъявлять прокурорам вызовы на дуэль, тем более тем, кто окажется оправданным на суде.

Далее. В современном обществе противоречия классовых интересов настолько глубоки, что одно лишь освещение и оценка объективно установленных фактов из жизни одного слоя, делаемые представителями другого класса, часто равносильны тяжкому оскорблению. Каждая речь социал-демократа на тему об эксплуатации рабочих всегда есть оскорбление всего класса предпринимателей; развитый свободно во всех пунктах взгляд той же партии на милитаризм офицерство может рассматривать как оскорбление армии и военного мундира. Но значит ли все это, что все предприниматели и все офицеры в стране могут посылать вызов на дуэль членам парламентской с.-д. фракции, ее публицистам и ораторам на публичных собраниях? Резкий антагонизм во взглядах есть следствие классового строения общества, и этот антагонизм не может быть решен путем столкновения отдельных лиц из тех или других классов общества. Вопрос здесь решается столкновением, в котором один класс выступает против другого класса.

Дуэль Гучкова с Мясоедовым не разрешила никакого вопроса. Она только прибавит лишний штрих к фигуре обер-клоуна октябристской партии, выступившего в этой маскарадной дуэли в привычной роли комедианта. Отрицательные же результаты ее совершенно очевидны. Принимая вызов, Гучков признает принципиально правильным вызов на дуэль депутатов во всех подобных случаях и тем переворачивает все представление о народном представительстве как общественной функции и депутатов превращает в кучку частных дельцов, имеющих частные интересы, лично ответственных за свою депутатскую деятельность и вынужденных сводить свои частные счеты с отдельными личностями страны. Быть может, октябристы и рассматривают себя как кучку таких дельцов: в таком взгляде нет противоречия с действительностью. Но все депутаты, которые чувствуют за собой моральную поддержку широких народных масс, должны решительно отгородиться от г-д октябристов и раз навсегда отвергнуть всякие попытки навязать депутатам новую ответственность перед теми, кому может показаться неприятным и оскорбительным выяснение истины с думской трибуны.

М.Л.

№ 46. РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ ЗА АПРЕЛЬ

11 мая

В истекшем месяце рабочее движение в России достигло давно невиданной широты и напомнило своими размерами 1906 г. Центр тяжести рабочего движения в прошлом месяце переместился с экономической в политическую область. Хотя и эконо-

мическая борьба в различных местах страны продолжалась и продолжается. Всего, по газетным данным, за апрель месяц было 37 экономических забастовок. О числе участников нет полных сведений. Есть данные лишь о 18 предприятиях, т.е. о половине. В этих 18 предприятиях бастовало более 10 тысяч (10 300 чел.). К сожалению, сведения об исходе стачек крайне скудны и дают очень шаткий материал для суждения о большей или меньшей успешности борьбы в сравнении с прошлым годом или хотя бы с первыми месяцами текущего года. Из 35 забастовок об исходе столкновений известно в 12 случаях, причем в 8 случаях забастовки кончились полной или частичной удачей и в 4 – совершенно неудачно для рабочих. По-прежнему наибольшее число стачек приходится на Петербург. Из всего числа забастовок на долю Петербурга приходится 18, на Прибалтийский край – 7 и на Западный край – 6. Не надо, впрочем, забывать, что относительно большое число стачек в Петербурге надо объяснить не только интенсивностью стачечного движения в столице, но и лучшим осведомлением о них в газетах. Что же касается провинции, то далеко не о всех происходящих здесь стачках становится известно из газет.

Обратимся теперь к политическим забастовкам. Наиболее широкое движение было вызвано ленскими событиями, на которые рабочие реагировали в различных концах России до самого конца истекшего месяца. В общем, забастовки имели место свыше чем в двадцати городах и фабричных центрах. Число участников, по приблизительному и неполному подсчету, достигло 225 тысяч человек. Если прибавить сюда первомайские забастовки в Риге и Западном крае, то число участников в политических стачках-демонстрациях за апрель месяц выразится в цифре более 250 тысяч человек. Сюда не входят, конечно, стачки в день 1 мая по старому стилю, итоги которым мы подведем в конце настоящего месяца.

Как видим, рабочее движение сделало громадный скачок вперед, и притом за счет усиления политического характера движения. Экономическая же борьба если не сократилась, то во всяком случае не обнаружила расширения в сравнении с прошлыми месяцами настоящего года.

[М.Л.]*

№ 47. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ А. БЫКОВОЙ «СМУТНОЕ ВРЕМЯ НА РУСИ»
(издание С. Дороватовского и А. Чарушникова. Москва)

11 мая

Казенный патриотизм не любит исторической истины и всякое правдивое изложение истории Русского государства готов рассматривать как «потрясение основ». Это особенно приходится сказать про популярность изложения прошлого Русского государства. Студентам еще разрешено знать правду из лекций Ключевского, точно так же, как немногочисленным, сравнительно, читателям Костомарова, Забелина, Платонова и других историков. Но для широкой народной массы историческая истина продолжает считаться роскошью, и читатели из народа и учащиеся низших и средних учебных заведений по-прежнему вынуждены питаться литературой в духе Иловайского, которую, по справедливости, можно было бы назвать сплошным историческим подлогом. Поощряемые патриотические истории поэтому плодятся в изобилии, в то время как правдивые исторические повествования можно пересчитать по пальцам.

* Статья опубликована без подписи, но т.к. рубрику «Рабочее движение» в газете вел в это время Е.А. Преображенский, то мы сочли необходимым включить ее в данное издание. (М.Г.)

Поэтому можно только приветствовать и пожелать самого широкого распространения книге, заголовок которой мы выписали. Перед нами не фальсификаторская история Смутного времени, а объективный правдивый рассказ, который излагается популярным простым языком. Хорошо изложены причины и вся обстановка возникновения крепостного права, хорошо оттенена социально-экономическая подкладка междоусобицы в Смутное время, ярко очерчена своекорыстная и узкосословная политика бояр, которые готовы были отдать Россию полякам за сохранение своих исторических привилегий. Единственно, в чем можно было бы упрекнуть автора, так это в том, что им недостаточно ясно очерчена противоположность классовых интересов у групп, выступавших за самозванцев и против них, и несущественный характер самой формы обращения к самозванству со всеми внешними перепитиями событий перед самой сущностью той классовой борьбы, исторический смысл которой совершенно терялся для многих за действиями этих статистов истории.

В общем же, мы можем усиленно рекомендовать книжку А. Быковой всем тем, кто в общедоступной форме и на небольшом числе страниц хочет познакомиться с интереснейшим периодом в жизни русского народа, периодом, которому, кстати сказать, истекает 300-летний юбилей.

М.Л.

№ 48. ОБЗОР ЖУРНАЛОВ «РУССКОЕ БОГАТСТВО»
И «СОВРЕМЕННЫЙ МИР» (апрель)

13 мая

Апрельский номер «Русского богатства» беден беллетристикой. Обращает на себя внимание рассказ Ф. Крюкова «Офицерша», посвященный быту донского казачества. Ф. Крюкову принадлежит большая заслуга, поскольку ему удалось в ряде очерков и рассказов, объединенных частью в книгу «Казацкие мотивы», дать русской публике представление о внутренней жизни той части русского народа, которая нам известна лишь со стороны своей усмирительной деятельности. В рассказах Крюкова героев нагайки мы видим в их семейной жизни, с их человеческими чувствами, житейскими радостями и горестями, в обстановке обыденной борьбы за существование. Особенно ценны те из рассказов Крюкова, которые описывают перелом в сознании и настроениях казачьей массы после 1905 г. При выборах во все три Думы казачество показало себя далеко не реакционным элементом. Между прочим, и сам упомянутый нами автор был избран в первую Думу в качестве делегата от Донской области и принадлежал к трудовой группе. Подобно Сибири, область Войска Донского лишена земского самоуправления, казачество разоряется воинской повинностью, связанной с обмундированием и вооружением на собственный счет казачьих полков, и лишен[исм] деревни наиболее работоспособной молодежи. Среди казачества живут воспоминания о былых вольностях, и идея областной автономии имеет прочную почву в инстинктах массы и в сознании казачьей интеллигенции, к сожалению, не особенно многочисленной.

Рассказ «Офицерша» вводит нас в обыденную жизнь донского казачества. Ф. Крюков вообще не из ярких, брызжащих талантом писателей. У него есть длинноты, есть однообразие и бледность. Но персонажи его жизненны и правдивы, а за иными строками его рассказов вы так и слышите тихий шелест камыша на берегах Дона, жар палящего южного солнца и аромат малороссийской степи. Есть все это и в названном рассказе. Он прибавляет, кроме того, новые штрихи к нарисованной уже раньше картине казачьей жизни и потому заслуживает внимания читателя.

Из беллетристики апрельской книжки «Современного мира», прежде всего, приходится остановиться на окончании повести Коновалова «Дневник агитатора». Я уже имел случай говорить об этом «человеческом документе». Теперь, с окончанием повести, еще более выпукло выступают все достоинства этой вещи. Жизнь революционеров дает богатый материал для художника, для драматурга в особенности. Но художественное произведение не есть моментальная фотография. Нужно, чтобы революционный период, пережитый так недавно нами, отложился геологическим пластом в истории, чтоб объективное художественное изображение его стало возможно. Не случайность, что 1812 год нашел своего Гомера полвека спустя. Не случайность, что все попытки изобразить в художественной литературе героев и обстановку революции не удались. Не в отсутствии талантов здесь дело, а в отсутствии необходимых исторических и психологических предпосылок для такого изображения. Не случайность, что, кажется, наиболее удачную драму из жизни активных деятелей революции создал английский драматург Беринг, произведение которого — «Двойное лицо» — с большим успехом прошло на днях на лондонской сцене. Наблюдателю со стороны легче уловить наиболее характерные моменты действия и наиболее типичные черты действующих лиц.

И вот поэтому-то, пока не настало время для отражения революции в зеркале художественного творчества, произведениям типа повести Коновалова суждено оставаться единственным надежным источником для ознакомления публики с революционным миром. Всю убедительную силу интимной правдивости, которой проникнута разбираемая вещь, должны почувствовать даже те, кто составил себе самое отрицательное представление о подполье и его героях.

Гвоздем повести является стремление героя к удовлетворению потребности в личном счастье, в любви к женщине. Само по себе это стремление не характерно. Оно возникает и удовлетворяется в той или иной форме на различных стадиях революции. Со всем в иной плоскости стоит вопрос у героя Коновалова. Для него проснувшаяся потребность в любви есть оборотная сторона бессознательного разочарования, или, точнее, растущего неверия в благоприятный исход революции. Здесь это важный субъективный симптом чисто объективного факта, еще не обозначившегося во всей полноте, а именно факта упадка революционной волны. Порывы к личному счастью, возрождение полового вопроса есть здесь лишь субъективные отражения умирания массового движения, вынесшего на своем гребне героев повести. И поэтому с чисто объективной точки зрения должны казаться лишенными правды и внутренней логики заключительные строки дневника: «Начинается период нового подъема. Настроение заметно повышается... Очевидно, скоро настанет время, когда никто из нас не захочет отдыхать».

Увы, автор этих строк навеки отдыхает на кладбище, а каждая страница его повести есть лучшее доказательство, что никаких подъемов не могло быть, когда она писалась.

Но значит ли это, что перед нами фальшь, риторика, дидактическое и тенденциозное клише надежды? Нет, наоборот, приведенные строки внутренне, психологически вполне правдивы и гармонируют со всей психикой героя повести. Ведь для него верить вопреки объективно неизбежному было вопросом жизни и смерти, и что же удивительного, что желание, этот источник мысли, дарило еще его надеждой, как последней крохой со стола жизни.

Остальная оригинальная беллетристика того и другого журнала не заслуживает того, чтобы на ней останавливаться.

В публицистическом отделе «Русского богатства» наиболее содержательны и интересны статьи Дионео и В. Майского, обе посвященные положению углекопов. Дионео отмечает чрезвычайно характерный факт все растущего озлобления и ненависти в средних

буржуазных классах Англии к пролетариату. Появляются столь любимые англичанами утопические романы, в которых изображаются гибельные последствия победы рабочего класса. Дионео приводит в пример появившийся роман Эрнеста Брама «Секрет лиги», пользующийся огромным успехом в средних классах. Содержание романа таково. Рабочие постепенно захватывают власть в государстве, завоевав большинство в парламенте, и социалисты становятся у кормила правления. Проводится ряд законов, благоприятных рабочим, которые, однако, не удовлетворяют последних. Вся тяжесть налогов падает теперь на средние массы, которые, доведенные до крайнего озлобления, решают не подчиняться разорительным для них законам, вооружаются и укрепляются в городах. Рабочие выдвигают против них армию, пускаются в ход пулеметы и все усовершенствованные способы истребления людей. В результате побеждают средние классы: они заставляют рабочих смириться и совершают своего рода английское 3-е июня, изменяя избирательный закон так, что большинство обеспечивается за владельцами соответствующего ценза.

Характерен и тот отмечаемый при этом автором факт, что рабочие вовсе не питают такого озлобления к буржуазии, с каким она относится к последним. Они лишь проникнуты глубоким недоверием к ней, вполне оправдываемым всеми фактами, особенно последнего времени. Интересно и то, что, по заявлению Дионео, последняя стачка углекопов, стоившая так много и всей стране, и самим углекопам прежде всего, принесла огромные барыши владельцам копей.

Статья В. Майского знакомит с положением германских углекопов и выясняет причины их недавнего поражения. Любопытны цифры, которые он приводит в своей статье. В Рурском бассейне заработок углекопов в среднем равнялся:

в 1905 г. -- 4,03 марки*
в 1907 г. -- 4,87 марки
в 1909 г. -- 4,49 марки
в 1911 г. -- 4,69 марки

По сравнению с 1907 г. заработок углекопов, следовательно, понизился. И это в то самое время, когда жизненные припасы вздорожали за десятилетие на 30% и более!

А условия труда?

«В Рурской обл[асти], например, ежегодно из каждой сотни рабочих попадает в больницу 61! В Баварии случаются годы, когда на протяжении 12 месяцев 90% всех рабочих проходит через больницу кошку». Продолжительность жизни углекопов в Рурском бассейне составляет 41 год. В 1909 г. количество несчастных случаев в горном деле Германии составляло в среднем 134 на 1000. Иными словами, почти каждый рабочий на протяжении года терпел какое-либо несчастье» (стр. 42). Факты красноречивые, а я взял немногие.

В «Современном мире» из отдела публицистики остановимся на статье И.З. «На пути к «безголовой» прессе». Автор, указав на эволюцию техники газетного дела в Америке, предсказывает и России ту же участь. А в Америке теперь все больше и больше размножаются «безголовые газеты», т.е. такие, половина материала которых присылается в готовом и напечатанном виде из центра, другую же свободную часть листа наполняют на месте местной хроникой, объявлениями и пр. и дают определенное название газете. Одним и тем же материалом обслуживаются десятки газет, что дает возможность сделать присылаемый материал содержательным и интересным. И стоит все это дешево, чем ведение всей газеты местными силами.

* Марка -- около 50 коп. (Прим. автора.)

Чтобы в России стало возможно нечто подобное, необходимы две вещи. Во-первых, чтоб возникли соответствующие солидные организации для обслуживания печати в столицах и, во-вторых, чтоб провинциальная печать спустилась значительно ниже ее теперешнего уровня и превратилась просто в лавочки, торгующие тем, на что есть спрос. Что касается организаций «бюро печати» в столицах, то, к счастью, они не прививаются пока. До сих пор у нас появлялись и отчасти существуют следующие такого типа организации: «Столичное корреспондентское бюро», «Кадетское пресс-бюро», «Русско-американское бюро печати», «Бюро иностранных известий», «Всероссийское корреспондентское бюро «Петроград», «С.-Петербургское товарищество журналистов», «С.-Петербургское бюро печати». Из всех этих организаций сохранились лишь первое и последнее. Первое, по его собственному заявлению, обслуживает 45 изданий, причем число обращающихся к нему все растет.

Что касается второго необходимого условия для капитализации провинциальной прессы – ее морального падения, то в этом направлении дело идет быстро вперед. Последнее время в столицах и провинции народилась целая туча беспринципных листков, имеющих лишь одну цель: сорвать подписную плату и заработать на объявлениях. Начинают процветать шантаж, вымогательство, красноречивый пример которого мы совсем недавно видели в Барнауле, рекламирование подозрительных гешефтов в самом тексте газеты и т.д. Для новониколаевских читателей небезынтересно будет процитировать одно место из разбираемой статьи, где говорится о разложении современной провинциальной печати.

«В г. Петропавловске* выходила недавно газета «Обский вестник». Редактор-издатель ее (и притом редактор фактический), некий Дий Ефимович Контеев, торговал ранее в Камышлове порнографическими открытками и таковыми же произведениями, учинил затем банкротство и, оставшись не у дел, принялся на досуге за организацию в том же городе отдела «Союза русского народа».

К тому времени, когда источники темных денег в союзе стали иссякать, Дий Ефимович бросил и это занятие и, переменяв место жительства, стал, как видим, издавать газету, и газету при том «прогрессивную» (стр. 197).

Ко всему этому нам нечего прибавить.

М.Л.

№ 49. БЕЗ МЕНЯ МЕНЯ ЖЕНИЛИ

18 мая

В одной из последних телеграмм с юга России читаем: «В Екатеринославе многие из местных чиновников оказались записаны в партию националистов без их ведома».

Представьте себе, читатель, какого-либо титулярного советника Ивана Ивановича Иванова. Человек тихий, смирный, на службе исполнительный, политикой никогда не занимался, но и лакеем ни у кого не был. В одно прекрасное утро он встает, ничего не подозревая, улыбается беспечно за утренним чаем, а оказывается, что он уже «записан». Записан, потому что за него «поручился» его превосходительство, начальник отделения, состоящий председателем или товарищем председателя местного клуба националистов.

Нетрудно себе вообразить, как состоялась вся процедура «женитьбы» Иван Ивановича и его коллег.

* Автор хотел сказать: в Новониколаевске. (Прим. док.)

- Ну как, Андрей Петрович, может наша партия рассчитывать на успех в городе?
- Что за вопрос. Безусловно. В моем отделении 22 чиновника... Можете записать всех.
- А они уже выразили согласие?
- Ну да, раз я говорю, значит, можете записать...

И записали. Начальник телеграфа записал своих, председатель казенной палаты – своих, начальник переселенческого управления – своих и т.д. и т.д.

Организация росла не по часам, а по минутам, и когда их превосходительство допивали по третьему стакану чаю, в городе уже оказался союз националистов с 2000 членов.

И Иван Иванович вместе со своими коллегами по партии обсуждал создавшееся положение. Заявить о несочувствии партии националистов – значит представить себя к отставке. Сказать, что политикой не занимаюсь – бесполезно, потому что его превосходительство ответит, что это не похвально, кто не за нас, тот против нас, и на равнодушие к союзу националистов посмотрит, как на нерадение по службе. Еще есть один выход: заявить, что принадлежу к Союзу русского народа. Тогда оставят в покое. Но поверят ли? Вот вопрос.

В результате вновь испеченные члены партии решили предоставить события их естественному ходу.

Записали, ну и пусть. Обидно, правда, ведь до того еще не дошли, чтоб вступать в партию политических лакеев. Но что делать? Жена, дети, кусок хлеба... Пусть забавляются: придут выборы, назло подадим голоса за левых. Голосование ведь тайное...

М.Л.

№ 50. К СЪЕЗДУ БИРЖЕВЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ СИБИРИ

20 мая

15 мая в Омске состоялся съезд сибирских биржевых деятелей. Подробности об этом съезде читатели узнают из ряда корреспонденций со съезда от нашего специального корреспондента. В настоящей же статье мы хотим остановиться на общем значении деятельности наших сибирских биржевых комитетов и на том направлении, которое должны бы были принять работы открывшегося съезда, если б на них получили свое отражение интересы сибирской торговли в целом и тесно связанные с ней интересы экономического развития нашей окраины вообще.

Сибирь до сих пор лишена земского самоуправления, даже в своем урезанном виде так много сделавшего для поднятия культурного и экономического уровня населения в Европейской России, находящейся в лучших условиях для развития своих производительных сил в сравнении с Сибирью. Неприглядное состояние казенного земского хозяйства в Сибири достаточно известно. Не трудно понять, как это обстоятельство отражается на состоянии сибирской торговли. Ведь хаотичное состояние земского хозяйства в Сибири ведет прежде всего к тому, что Сибирь почти не имеет путей сообщения – этого главного нерва торговой деятельности, не имеет дорог, мостов. Многие местности месяцами бывают отрезаны от сообщения с остальным миром. Без дорог невозможно вовлечение в торговый кругооборот массы сел и деревень, почти не покинувших еще стадии натурального хозяйства. Отсутствие путей сообщения обесценивает земледельческий труд, делает производство хлеба сверхнеобходимой для потребления нормы бесплодной тратой сил, потому что произведенный хлеб негде продать, или же транспорт до места продажи не оправдывает расходов производства. Задерживается рациональное использование земли, задерживается организация крупных хозяйств с употреблением сельскохозяйственных машин, с одной стороны, вследствие отсутствия рынков для сбы-

та хлеба, с другой – вследствие небольшой емкости этих рынков. В результате сибирское крестьянство даже в малой степени не представляет из себя теперь той покупательной силы, какой могло бы быть, если бы упорядочение путей сообщения дало толчок к подъему сельского хозяйства.

Надо ли говорить, какую роль могло бы создать улучшение существующих и создание новых путей сообщения для использования природных богатств Сибири, теперь лежащих втуне. Надо ли говорить, что лишь земское самоуправление в состоянии рационально постановить школьное дело, ветеринарно-врачебную помощь населению, правильную статистику, агрономию и т.д. и т.д. Требование земского самоуправления должно быть одним из главных пунктов в той программе желательных преобразований, которые должны быть выставлены с точки зрения интересов торговли, совпадающих в данном пункте с интересами всего населения.

Требование усиленного железнодорожного строительства в Сибири силами частных капиталов и казны должно быть другим важнейшим требованием съезда. Но так как судьба новых дорог находится всецело в руках бюрократии и последняя при решении приступить к постройке той или иной дороги казной или при предоставлении концессий частным капиталам руководствуется отнюдь не интересами населения и экономического развития страны, то затронутый вопрос неизбежно приводит к требованиям общеполитического характера.

Третьим важным требованием съезда должно быть понижен[ие] тарифн[ой] ставки на вывозимые из Сибири сырье вообще и хлебные продукты в частности. Действующий тариф, затрудняющий доступ сибирскому хлебу на внутренний российский рынок и в порты, экспортирующие хлеб за границу, освобождает хлеб российских сельских хозяев от ненужной конкуренции дешевого сибирского хлеба и есть, в сущности, замаскированная таможенная пошлина в пользу крупных землевладельцев Европ[ейской] России.

Перелом тарифа на железные продукты, благоприятный для уральской промышленности и ограждающий последнюю от конкуренции юга, отдает сибирского потребителя во власть уральских заводчиков. И здесь выигрывает кучка промышленников – и к тому же промышленников отсталых, искусственно поддерживаемых, – и страдает все население обширной области.

В общем, вся современная экономическая политика построена на началах покровительства русскому капиталу и русскому сельскому хозяйству и пренебрежении к интересам сибирского капитала и сибирского земледелия. И Рожков был прав, когда заметил, что к сибирякам господя положения относятся, почти как к инородцам. Такое отношение характерно для всех областей без исключения, начиная от вопроса о земстве, суде присяжных и народном просвещении и кончая вопросами экономического характера, как постройка дорог и структура тарифов.

Сибирское купечество является самым сильным экономическим классом в Сибири, а биржевые комитеты – важнейшей формой его организации. При отсутствии земского самоуправления биржевые комитеты часто берут на себя функции, при нормальных условиях выполняемые муниципалитетами, и нередко берут на себя инициативу в защите тех или иных требований от имени всего населения, которые опять-таки при нормальных условиях должны бы выдвигать другие, более авторитетные органы общественной самостоятельности и самоуправления. Если вспомнить при этом, что интересы непривileгированного сибирск[ого] капитала во многом совпадают с интересами всей нашей «непривилегированной» области, по крайней мере в наиболее неотложных нуждах края, то можно было бы не без основания рассчитывать, что представители сибирской торговли при формулировании своих требований могли бы пойти дальше объединенных российских промышленников, которые при всех своих выступлениях имеют в виду только атаку на казенный сундук и потребительский карман.

Съезд биржевых деятелей Сибири только тогда выполнит роль выразителя наиболее неотложных нужд всей Сибири, роль, которая дается ему в руки всей совокупностью обстоятельств, если не погрузится в частности и мелочи или возвысится до понимания интересов торговли в ее целом и в ее связи с интересами экономического развития Сибири. Но если съезд вступит на этот путь, путь единственно достойных сознательных представителей торгово-промышленного класса области, а не частных и местных интересов, то он должен не только формулировать насущные потребности Сибири, часть которых мы только что перечислили, но и высказаться о том, при каких условиях осуществление всех назревших преобразований в Сибири единственно возможно.

М. Леонов

№ 51. СРЕДИ ЖУРНАЛОВ

23 мая

В майской книжке «Вестника Европы», в отделе беллетристики, самым интересным является, конечно, окончание рассказа Горького «Три дня». То, что я сказал о первой части рассказа месяц назад, вполне приложимо и ко второй части. Рассказ доведен до конца в строго реалистическом духе. Это очень приятно констатировать всем тем доброжелателям Горького, которые не могли относиться с одобрением к его произведениям второго периода литературной деятельности, явно тенденциозным и местами напыщенным и неестественным, доброжелателям, которые, будучи не лишены эстетического вкуса, не могли не согласиться со многими из того, что высказали о Горьком буржуазные критики. Горький вступил на путь реализма. Но значит ли это, что есть основание говорить о «воскресении Горького»? Не думаем. Реализм Горького первого периода его писательской деятельности был особым романтическим реализмом. Теперь мы не видим у него романтического элемента. Для примера можно взять хоть упомянутый рассказ. Но и самый реализм не похож на прежний, он лишен теперь той красочности и яркости, какими обладал в первых произведениях Горького. Реализм теперешний относится к прежнему, как бабье лето к настоящему лету. Быть может, причина здесь не в самом таланте, а в оторванности автора от русской жизни. Факт однако остается фактом. Но если теперь Горький не поднялся выше произведений первого периода своего творчества и даже не возвысился до них, то все же мы приветствуем и радуемся тому шагу вперед, который он сделал по сравнению со вторым периодом своей литературной деятельности, когда не без основания говорили о падении его таланта.

Интересны коротенькие очерки «Из записок адвоката» В. Беренштама, который имеет обыкновение время от времени делиться в беллетристической форме впечатлениями из своей адвокатской практики. Вот, например, картина военного суда над участниками аграрного террора. Заседание закрытое, не допущены даже ближайшие родственники подсудимых. Но то, что невозможно для родственников, возможно для жены прокурора, которой хочется послушать своего Жоржа и для которой отворяются двери, захлопнутые перед родственниками подсудимых, ожидающих смертной казни. Жорж очень красноречиво доказывает необходимость применения 279-й статьи к подсудимым, и молоденькая жена в восторге от красноречия мужа. Но вот из речи защитника для дамы выясняется, что прокурор призывает суд вынести смертный приговор обвиняемым. Декорация меняется. Дамочка падает в обморок и, придя в себя, повторяет: «Я не думала, что мой Жорж такой злой». Председатель суда, генерал, успокаивает даму, уверяя, что суд позаботится о смягчении участи подсудимых.

Также интересны и два остальных очерка Беренштама.

В научно-публицистическом отделе обращают на себя внимание, во-первых, статья Д.С. Пасманика «Научные основы библейской критики», посвященная вопросу о социально-общественных корнях религиозного творчества иудейства, вопросу, который в последнее время привлек к себе внимание многих исследователей, не только теологов по специальности, но историков и социологов. Можно указать, например, на не так давно появившуюся книгу Каутского «Античный мир, иудейство и христианство», посвященную этому вопросу.

Интересна статья Максима Ковалевского «Законодательные заимствования и приспособления», устанавливающая факт многочисленных плагиатов в законодательном творчестве различных народов.

Интересны письма Чайковского и Балакирева, освещающие условия, при которых первый создавал некоторые из своих замечательных композиций.

М.Л.

№ 52. ВИДЫ НА УРОЖАЙ И ХЛЕБНЫЕ ЦЕНЫ

24 мая

В последнее время на новониколаевском хлебном рынке цены быстро пошли на понижение, и торговцы жалуются на полный застой в делах. Объясняется это явление ожиданием хорошего урожая, на который можно рассчитывать в России вообще и в областях, пораженных в прошлом году неурожаем, в частности. Как известно, Приобский район последний год находился в исключительно благоприятных условиях как ввиду хорошего урожая, так еще ввиду весьма выгодной реализации этого урожая. Западная Сибирь, Оренбургская губерния и Урал были поражены неурожаем, и Приобский район оказался, таким образом, центром крупного сбыта. По сравнению с хлебной кампанией 1910/11 г., цены в текущую кампанию поднялись почти приблизительно на 40%.

Теперь в названных областях виды на урожай весьма хорошие, и вполне понятно, что в предвидении урожая цены, поднятые прошлогодним неурожаем, начали быстро падать, и к 15 мая понижение достигло 20%. Естественно, многие задают теперь вопросы, до каких пределов может продолжаться это падение цен и нет ли шансов рассчитывать, что это падение парализуется.

Мы думаем, что, поскольку повышение цен вызывалось исключительно неурожаем в соседних областях и носило, следовательно, временный характер, оно должно в соответствующей пропорции смениться понижением. Но не нужно забывать, что повышение цен на хлеб на новониколаевском рынке было следствием не только неурожая в соседних губерниях, но и происходило под действием еще и других причин. Нет возможности, конечно, с арифметической точностью установить, в какой пропорции это повышение обязано неурожаю, в какой – другим причинам, т.е. прежде всего конъюнктуре мирового хлебного рынка. Но во всяком случае принять во внимание эту конъюнктуру, безусловно, необходимо, чтобы ориентироваться в положении. Точно так же и при предсказаниях на будущее время необходимо принимать во внимание эту конъюнктуру и виды на урожай в Соединенных Штатах и Канаде.

Как я уже указывал в своих предыдущих статьях*, повышение хлебных цен на мировом рынке – явление не случайное, и помимо урожая или неурожая в Америке факторы, вызывающие такое понижение**, будут неуклонно оказывать свое действие. Урожай же может лишь ослабить, а недород усилить эту тенденцию.

* См.: «О хлебных ценах» – «Обская жизнь», № 30, 33. (Прим. автора.) – Док. № 21 и 23.

** Так в тексте.

Согласно сведениям, поступающим из Соединенных Штатов, где, не в пример России, учет будущих урожаев производится с большой точностью и тщательностью, предстоящий сбор хлебов оценивается на 21% ниже средней нормы и недобор одной озимой пшеницы предвидится в размере 400 млн пудов*. Не блестящее состояние всходов в Канаде и Индии. В Европе вследствие неблагоприятной погоды виды на урожай в последние недели несколько ухудшились.

В общем, международная конъюнктура хлебного рынка складывается в пользу значительного повышения хлебных цен. В настоящий момент в действительности и наблюдается довольно значительное повышение цен на мировом рынке, сдерживаемое лишь значительными остатками от прошлого урожая в Америке и отчасти России. Повышение цен имеет для России огромное значение и дает возможность выгодно реализовать предстоящий урожай. А что касается последнего, то, согласно сведениям, поступающим из разных губерний, урожай предвидится, в общем, средний и выше среднего, есть местности, где ожидается блестящий урожай. Все это, конечно, зависит от дальнейших метеорологических условий.

Так как хлебные цены на новониколаевском рынке, кроме случайных причин, к каким нужно причислить неурожай в соседних областях, определяются мировым уровнем цен, то есть основание думать, что замечающаяся теперь положительная тенденция скоро парализуется, тем более что в районе Челябинск – Петропавловск в текущем году ожидается крупный недосев яровых хлебов вследствие недостатка семян**. А этот район вследствие перелома в Челябинске тарифа и экспортирует главным образом хлеб к балтийским портам. Если состоится в текущем году отмена челябинского тарифного перелома на хлебные грузы, то это усилит экспорт хлеба из Приобского района и реализация урожая пройдет при хороших ценах.

М. Леонов

№ 53. ПО ПОВОДУ КОНФЕРЕНЦИИ КАДЕТСКОЙ ПАРТИИ

29 мая

В газетах появились сведения о состоявшейся недавно в Петербурге конференции кадетской партии, на которой обсуждался вопрос о предстоящей избирательной кампании в 4-ю Думу. Основными вопросами, подлежавшими обсуждению [на] конференции, явились, естественно: вопрос об избирательной платформе и избирательных соглашениях. Так как избирательная платформа согласно постановлению будет опубликована в ближайшем будущем центральным комитетом партии, то мы пока воздержимся от оценки тех ее пунктов, о которых сообщалось в печати, ввиду возможной их неточности. Что же касается резолюции об избирательных соглашениях, то она передана, по-видимому, точно, и мы можем на ней остановиться.

Согласно этой резолюции кадеты направо вступают в избирательные соглашения прежде всего с прогрессистами, затем они намерены поддерживать и тех октябристов, которые «проявили себя как искренние и последовательные конституционалисты». С другой стороны, допускаются избирательные соглашения со всеми партиями, стоящими левее кадетов.

* «С.-Пб. ведомости» от 16 мая. (Прим. автора.)

** По сведениям газет, посевная площадь под яровыми во многих земледельческих уездах значительно сократилась. (Прим. автора.)

Что касается соглашения с прогрессистами, то оно вполне понятно. Ведь не так еще давно сами кадеты собирались выступить в избирательной кампании под флагом прогрессистов и использовать, таким образом, в своих интересах голоса неопределенно прогрессивных элементов. Только когда прогрессисты объединились в самостоятельную партию или группу, если хотите, то кадеты изменили свое первоначальное решение, и «Речь» торжественно заявила, что открытие избирательной кампании для конституционно-демократической партии не может начаться ее самоуничтожением. Полгода назад эта операция казалась еще возможной и прибыльной. Соглашение с прогрессистами, одним словом, вполне естественно, особенно если вспомнить, что для кадетов возможна лишь одна эволюция – эволюция вправо, что они больше чем когда-либо стремятся стать выразителями тех самых общественных групп, на которые опираются прогрессисты, т.е. на либеральничавших помещиков и фрондирующих представителей капитала, что, наконец, прогрессисты представляют картину собственного будущего*.

Непонятным с первого взгляда должно казаться решение конференции поддерживать левых октябристов, с одной стороны, и вступать в соглашение с левыми – с другой.

Слово конституционалист достаточно скомпрометировано у нас благодаря кадетам. Теперь этим словом называют каждого консерватора, говорящего либеральные речи и будирующего лишь против современной государственной политики в ее отдельных проявлениях, а не против общественных условий, порождающих и поддерживающих эту политику. Этого мало. Слово «конституционалист» собираются скомпрометировать еще больше и употребляют его по адресу некоторых октябристов, да еще с трогательным эпитетом «искренний». Как ядовитая насмешка, это название вполне понятно. Ведь какие бы либеральные речи не говорил тот или иной октябрист, какие бы разногласия и деления не возникали внутри этой партии, в самом существенном, в своем отношении к акту 3 июня, – все октябристы единомысленники. Если вспомнить, что акт 3 июня был настоящим *coup d'état*, то искренняя конституционность партии и отдельных представителей партии, одобвившей этот акт, выросшей в общественную силу на почве этого акта и питающейся его последствиями, должна выступить во всей своей карикатурной красе. В действительности же все октябристы без исключения являются реакционерами, потому что и акт 3 июня был шагом назад. Это они с полной очевидностью доказали своим «мужественным» закрытием дверей при обсуждении запроса о с.-д. фракции 2-й Думы, когда Мейендорф и Капустин действовали совершенно единодушно с Гололобовым и Родзянко. Правда, г-д Капустиных можно назвать конституционалистами, если иметь в виду конституцию 3 июня, нарушать которую эти господа не имеют никаких интересов. Но если слово «конституционалист» брать в этом смысле, т.е. просто в смысле консерватор, то, исходя из лассалевского понимания конституции, конституционалистом можно считать и Победоносцева, который тоже стоял на почве конституции (в лассалевском смысле) дореволюционной России и был не менее «искренним» конституционалистом, чем конституционалисты в пределах 3-июньского режима.

Решение кадетов поддерживать некоторых октябристов и в то же время вступать в соглашения с левыми заключает в себе внутреннее противоречие и фактически не может осуществиться, потому что для левых искажает весь политический смысл избирательной кампании. Поддержка либералов против правых целесообразна, вообще говоря, и везде практикуется. Но поддержка одной части реакционеров против другой есть бессмыслица. Как известно, последовательно демократические группы не собираются вступать в соглашения с кадетами на первой стадии выборов. Но если в последнее время такие соглашения среди некоторой части левых и проектировались, то после постановления

* На этой почве возможен раскол кадетской партии, особенно в момент общественного подъема. (Прим. автора.)

конференции о поддержке левых октябристов они стали совершенно невозможными. Единственным реальным результатом постановления конференции будет, нужно думать, лишь поддержка левых октябристов и разрыв с левыми. В сущности, кадеты при несколько большей проницательности должны бы были прямо поставить вопрос: или левые октябристы, или левые. Трудно допустить, что они не додумались до такой простой вещи, и нужно думать, мы имеем дело с вполне сознательной игрой на два фронта. С точки зрения кадетов, в этой двойной игре нет ничего противоречивого. Октябристы им, конечно, ближе, чем левые. Но левые тоже могут пригодиться для провала правых, а потому нет смысла от них отгораживаться. Нет смысла еще и потому, что в соглашениях либералов с левыми больше всего выигрывают либералы, как это показывает масса фактов из избирательной практики Запада, как это с полной очевидностью доказали недавние выборы в германский рейхстаг. Наконец, ввиду явного нежелания крайних левых вступать в какие-либо сделки с кадетами на первой стадии выборов, которое еще более усилится после решения к[а]д[етов] поддерживать левых октябристов, к[а]д[еты] смело могут свалить вину при возможных в иных местах неудачах на левых, которые-де помешали общими силами победить правых.

Итак, с виду противоречивое решение поддерживать левых октябристов и вступать в соглашение с левыми на самом деле вполне отвечает и психологии, и интересам наших либералов.

Избирательная кампания покажет, налево ли или направо от к[а]д[етов] больше воспользуются принятыми партией решениями.

М. Леонов

№ 54. БЕДНЫЕ ПРОМЫШЛЕННИКИ!

6 июня

Традиционный русский либерализм, выросший на почве помещичьей оппозиции абсолютизму, с самого начала стоял на почве фритредерства, т.е. свободы торговли. Эта позиция, с одной стороны, отвечала материальным интересам класса землевладельцев, заинтересованного в дешевых [сельско]хозяйственных орудиях, с другой — была выигрышной по отношению к широким массам населения, отданного на обирание незначительной кучке промышленников. Но чем больше центр тяжести нашего либерализма перемещался в прогрессивную часть купечества и фабрикантов, тем все большее и большее недовольство стало вызывать традиционное фритредерство либералов. В настоящий момент прогрессивная часть нашей буржуазии всецело стоит на стороне протекционизма и в лице своего органа «Утро России» ведет систематическую кампанию не только за сохранение, но и за усиление протекционной системы, и без того принявшей у нас чудовищные размеры. На одной из таких статей газеты мы и хотим остановиться.

В № 122 некий Шлосс, между прочим, пишет: «Несколько странное впечатление чисто кабинетного рассуждения производит это механическое искусственное деление общества на две будто бы разобщенные касты — производителей и потребителей.

В действительной жизни каждый потребитель является производителем и, наоборот, каждый производитель — потребителем. Любой промышленник, заводчик или фабрикант одновременно является и потребителем: машин — в области промышленности добывающей, машин и сырья — в промышленности обрабатывающей. Он является также потребителем в качестве обывателя.

Таким образом, приходится говорить о покровительстве промышленности, а никак не о покровительстве промышленникам».

Что может быть убедительней этого аргумента? На месте автора я бы не приводил других, потому что они могут только ослабить силу данного аргумента. Но г-н Шлосс, по-видимому, сам чувствует всю нелепость высказанной им мысли и спешит уцепиться за примеры из экономической истории других стран. Он говорит: «Наши фритредеры хотя бы брать пример с Англии, единственной страны, не знающей протекционизма. Но какой же для нас пример Англия, завоевавшая своей промышленностью мир еще три четверти века тому назад».

Если уж обращаться к экономической истории и черпать из нее доказательства, то нужно считать не с хронологией, а с соответствующими этапами. Англия стала отказываться от протекционизма лишь в двадцатых годах прошлого столетия, в то время, когда промышленность ее под сенью царившего раньше протекционизма развивалась так сильно, что ни о какой конкуренции с ней не могла и мечтать промышленность любой другой страны.

То же показал и другой современный промышленный гигант – Германия. Еще пятьдесят лет тому назад промышленность последней была карликовой; теперь она является грозным конкурентом Англии.

Мы оставляем в стороне вопрос о том, нужен ли протекционизм в настоящее время Германии, которая продолжает крепко за него держаться; оставляем в стороне этот вопрос потому, что для России он сейчас лишен значения».

Итак, предприниматель тоже потребитель и ему тоже приходится страдать от протекционизма. Но удивительное непонимание своих интересов! Отчего бы ему не требовать отмены протекционизма? Г-н Рябушинский должен сознаться, что служащий у него «по вольному найму» публицист не отличается особенно острым умом и изобретательностью в защите купеческого кармана. Как потребитель промышленник может потерпеть убытки от протекционизма, скажем, на тысячу рублей, а как производитель – выигрывает десятки тысяч.

Ссылки автора на Англию и Германию особенно неубедительны. На основании истории экономического развития этих и других стран Западной Европы в политической экономии считается установленным тот факт, что протекционизм является необходимым первое время для развития в стране национальной промышленности и делается помехой дальнейшему развитию, когда его удерживают дольше известного времени. Если послушать наших фабрикантов, когда они возражают против упреков в отсталости техники в русских предприятиях, можно подумать, что мы давно уже достигли ступени, когда протекционизм является излишним и вредным. Но стоит только заговорить о современности если не полной отмены, то хоть ослабления таможенного покровительства, как начинаются иеремиады* о слабости, молодости, технической отсталости русской промышленности, которую убьет свобода торговли. В Англии при отмене пошлин отсталая часть фабрикантов тоже кричала о гибели промышленности, при отмене хлебных пошлин землевладельцы вопили о гибели земледелия. Однако свобода торговли принесла лишь одни выгоды и английской промышленности, и английскому народу.

По мнению г-на Шлосса, «в области экономической мы сейчас ведь переживаем, к сожалению, то время, которое Англия переживала лет 150–100 тому назад, а Германия – 50–60 лет тому назад. Если мы, таким образом, желаем, чтобы примеры истории других стран не пропадали для нас даром, то к тем эпохам и должны обратиться наши взоры».

Если мы последуем совету автора и «обратим свои взоры» к Англии периода 100 лет тому назад (публицист предусмотрительно добавляет – и 150 лет, не имея понятия, что говорит сразу о двух различных экономических периодах), то мы увидим там уже сильное фритредерское движение. Уже в 1820 г. лондонские купцы

* Иеремиады – горькие жалобы, сетаования.

подают известную петицию о свободе торговли, а министерство Каннинга принимает ряд мер к ослаблению протекционной системы. Выходит, что нам тоже пора позаботиться о ликвидации чудовищного протекционизма как в уничтожении пошлинного обложения импортируемых фабрикатов, так и в прекращении субсидирования наших промышленников.

Да, неумелого публициста подрядил себе г-н Рябушинский...

А что наш протекционизм действительно является чудовищным, можно видеть по сравнительной высоте пошлин на одни и те же товары в Германии, Франции, Австрии и России. Наши таможенные ставки превышают соответствующие цифры других стран в несколько раз.

«Разговоры о чрезмерном обогащении капиталистов при протекционизме следовало бы умерить», — говорит г-н Шлосс. Очень умеренный тон. Г-н Шлосс сам, следовательно, признает, что поговорить здесь есть о чем. И действительно, если мы обратимся к цифрам, то увидим, что русский потребитель на одних только 12 важнейших продуктах, по самому умеренному расчету, переплачивает г-дам промышленникам 230 млн руб. ежегодно. Весь косвенный вред протекционизма не поддается, конечно, учету.

«Протекционизм отнюдь не равносителен монополизации, которая действительно отдаст потребителя всецело в руки производителя».

Это зависит от того, какой протекционизм. Что наш протекционизм может превратить отдельные отрасли промышленности если не в монополии, то в нечто, очень близкое к этому, доказывает судьба нашей сахарной промышленности. При действующем таможенном тарифе наш потребитель ничем не гарантирован от возможности очутиться перед рядом монополий в важнейших отраслях промышленности, которые и теперь уже синдицируются с каждым годом все больше и больше.

В разбираемой статье находим еще одно великолепное место. Г-н Шлосс пишет: «Нет слов, при протекционизме потребителю приходится несколько переплачивать. Но разве помимо анархизма существует какая-либо общественная или государственная теория, отрицающая неизбежную необходимость известных жертв со стороны отдельных индивидов или даже всего современного поколения во имя известных государственных или общественных целей?».

Итак, жертвуйте, добрые люди. Жертвуйте же на пополнение увесистой мошны г-д Крестовниковых. Не будьте анархистами. Ведь дело государственное.

В самом деле, разве не государственное дело поддержать миллионеров за счет бедноты, промышленников — за счет задержки промышленного развития России.

М. Леонов

№ 55. РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ ЗА МАЙ

9 июня

В истекшем месяце рабочее движение приняло еще более широкие размеры, чем в апреле. Первый день месяца открылся огромной однодневной забастовкой-демонстрацией, которая наиболее широкие размеры приняла в Петербурге, но также проявилась и в провинции. В 15 важнейших центрах, относительно которых появились в газетах сведения, с учетом числа участников в первомайской забастовке, вместе с известиями о запоздалых откликах на ленские события, главным образом в Польше, участвовало 288 тысяч человек. Если принять во внимание, что поступали сведения о первомайской забастовке и в некоторых других городах, без указания числа участников, то можно смело принять число праздновавших 1 мая до 300 тысяч человек.

Что касается экономической борьбы, то в истекшем месяце она достигла особой напряженности. Согласно имеющимся у нас данным, в течение мая было 124 забастовки. Надо при этом заметить, что здесь часто забастовки в ряде предприятий одной профессии, например забастовка в кожевенных мастерских Москвы или строительных рабочих в нескольких предприятиях города, засчитывались за одну. Число участников известно для 85 случаев и неизвестно – для 39. Число это равно 72 230 человекам для названных 85 предприятий. Если принять во внимание приблизительную цифру участников для остальных 39 предприятий, а также вспомнить, что не о всех случаях забастовок, особенно в провинции, проникают сведения в печать, то смело можно сказать, что число участников в экономическом забастовочном движении за май превысило цифру 100 тысяч человек.

Наиболее интересный вопрос об исходе столкновений, к сожалению, очень недостаточно освещается имеющимися у нас данными. Из 124 случаев забастовок об исходе известно в 62 случаях, т.е. ровно на половине бастовавших предприятий. В остальных исход или неизвестен, или забастовки еще длятся. Из известного числа 62 забастовок вполне или лишь частично кончились в пользу рабочих 45 забастовок, полной неудачей – 17. Таким образом, число удачных вполне или отчасти стачек равно 63%. Трудно сказать, насколько эти данные, касающиеся лишь половины предприятий, отражают истинное положение дела. Но как бы там ни было, результат чрезвычайно характерный. Мы вступили, по-видимому, в полосу, когда стачки должны в большинстве случаев кончаться благоприятно для рабочих, даже несмотря на отсутствие у них профессиональных организаций и при наличии крепкой организованности класса предпринимателей. Выгодная промышленная конъюнктура слабых делает сильными.

Территориально забастовки распределяются так. Наибольшее число приходится на Петербург (72 забастовки), затем следует Прибалтийский край (15 забастовок) и Польша (8 забастовок). Остальные 29 забастовок приходятся на различные районы России.

М.Л.

№ 56. ОБЗОР ЖУРНАЛОВ «РУССКОЕ БОГАТСТВО» И «СОВРЕМЕННЫЙ МИР» (май)

10 июня

В майской книжке «Русского богатства», в отделе оригинальной беллетристики, заслуживает внимания лишь окончание повести Ф. Крюкова «Офицерша». О начале этой повести я уже говорил в прошлом журнальном обозрении. Теперь перед читателем в законченном виде встает картина возвращения домой к сохе выслужившегося до офицерского чина казака, кратковременное его пребывание дома, жизни в котором он не вынес, и отъезд туда, где «коллежский губернатор предлагал место околоточного за 72 руб. чистыми деньгами». Ярко обрисована в повести обыденная жизнь казачества, для ознакомления с которой повести и рассказы Крюкова представляют почти единственный материал.

Рассказ О.Н. Ольнем «Безработные», изображающий жизнь высшей губернской администрации, бледен, вял и возбуждает одно желание: поменьше встречать на страницах журнала такой утомительной и нудной канители.

В «Современном мире» помещено окончание романа А. Серафимовича «Город в степи». В романе есть свои достоинства и недостатки. К числу недостатков надо отнести неправдоподобность причины морального падения инженера Польнова. Мыслим ли в жизни факт, чтобы интеллигентная, чуткая и любящая жена довела своего мужа

неосновательной ревностью и подозрениями до превращения в алкоголика и «бывшего человека»? Если и не такие строгие к себе и трезвые люди превращаются в алкоголиков, то для этого бывают другие причины, посерьезней. Скажу еще несколько слов о стиле. Перед романом А. Серафимовича на первых страницах «Современного мира» печатался бесконечно надоевший роман Рукавишников со всеми прелестями модного юродства в стиле, от которого на здорового человека веяло атмосферой желтого дома. Читая роман Серафимовича, видишь в нем, правда, весьма слабое, но все же ошутимое отражение той же манеры письма. Раньше Серафимович писал проще и лучше. И он, и Гусев-Оренбургский не убереглись от влияния того модного стиля, социально-патологическое происхождение которого вне всяких сомнений, а литературное значение равно нулю. Смешное и грустное впечатление производит эта подделка под молодежь, усвоение самого уродливого наследия реакции в литературе. Нервно-отрывочный стиль письма так же идет названным мною писателям, как модный фрак и цилиндр сельскому священ[нику], тип которого рисует Гусев-Оренбургский в своих произведениях. Кроме многих мест на протяжении всего романа в модном стиле написаны заключительные строки произведения, которые с успехом можно было бы выбросить.

Что касается достоинств романа, то сюда надо отнести значительность и злободневность темы и ряд правдивых картин и сцен из жизни рабочих и соприкасающейся с ними интеллигенции. В сущности, весь роман Серафимовича – это пьеса в двух действиях. Первое действие. Инженер Полюнов, энергичный, неподкупный, идеальный в своей профессии тип, но скептик по отношению ко всякой пропаганде среди рабочих и революционной деятельности вообще. Его жена, в общем, стоит на точке зрения мужа. Брат жены Петя, студент, пропагандист и организатор рабочих кружков, вместе с группой сознательных рабочих – представители другой полосы, другого поколения. Проходят годы, обстановка меняется, открывается второе действие. Инженер Полюнов превращается в алкоголика, студент Петя «поумнел», «перестал дурить», как выражаются мудрые мещане наших дней; теперь он охотно принимает должность юрисконсульта у кулака-фабриканта, а когда на фабрике начинается стачка и молодое поколение в лице его племянницы Кати зовет его к себе в качестве союзника для помощи бастующим, он, сморщившись, отвечает: «Терпеть не могу этих филантропических затей». Старые его товарищи из рабочих тоже проделали такую же эволюцию, как, например, заправила движения Волков, про которого содержатель трактира сообщает: «Продали домик свой, и очень даже выгодно продали». А новое поколение интеллигенции в лице Кати и Борщова в группах рабочих продолжает дело, брошенное Петей и Волковым, с энтузиазмом и верой молодости.

Нужно, впрочем, заметить, что А. Серафимович делает большую погрешность против действительности, когда смену поколений в интеллигентской и рабочей среде рисует одинаковыми чертами. Проблема старых и молодых в рабочей среде имеет совсем иной характер в сравнении с положением дела у интеллигентских групп. Встречаются, конечно, Волковы, выгодно продавшие свои домики и обмещавшиеся, но они представляют исключение. Большинство старых и молодых продолжают оставаться наемными рабочими, и для всех их не стареют и не теряют жгучего интереса вопросы, вытекающие из самой сущности пролетарского существования. Наоборот, среди интеллигенции исключение представляют как раз те, кто не проделал, подобно Пете, слишком знакомой нам всем эволюции.

Интересен сюжет рассказа «Враги» Б. Ивинского. В одной пивной игрой на гармонии и пением зарабатывает кусок хлеба гармонист Захар со своей сожительницей. Сюда же является с предложением услуг «слепой музыкант», также гармонист, с мальчиком. Хозяин пивной устраивает состязание музыкантов, которое оканчивается не в

пользу Захара, но слепой понимает, что он отбил кусок хлеба у такого же нищего, как и он сам, и в заключение вместо торжества по случаю победы оглашает пивную рыданиями.

Довольно содержателен публицистический отдел в книжке «Русского богатства». Здесь мы находим статью С. Елпатьевского «Бесчинство» – лучшего публициста журнала. Елпатьевский констатирует полное разложение старых традиционных отношений и привычек не только в среде народных масс, но и в господствующих бюрократических кругах, где, вопреки установившемуся здесь чинопочитанию, начали управлять всем никому не известные «выходцы с того света» вроде Распутина, Илиодора; графиня Игнатьева и т.п. Автор указывает далее на развитие хулиганства в высших слоях общества. Он пишет по этому поводу: «Существует мнение, что те похабные кабацкие слова, которые несутся с правых скамей Госдумы, говорятя с заранее обдуманным намерением – чтобы опоганить и покрыть грязью Государственную думу, но, кажется, будет справедливо усматривать здесь влияние среды. Удивительный союз верхних слоев общества с самыми не низшими, а низменными слоями русского населения не мог не отразиться на психике и на формах проявления этой психики, на самих манерах тех, кто вступал в этот союз. И можно допустить, что знаменитые авторы похабных слов в Госдуме говорят их не только затем, чтобы опоганить самую идею Госдумы, и не только потому, что желают быть понятными и убедительными для той среды своих союзников, которым понятны и убедительны именно такие кабацкие, похабные слова, но и потому, что они получили окраску среды, впитали в себя слова, способ обращения этой среды... Когда графы снимают общую квартиру с вышедшими из низов заведомо продажными людьми, провокаторами и подстрекателями к убийствам, когда они вместе выезжают, вместе едят и пьют, – на графских белых перчатках не могут не остаться пятна грязи и крови от тех кровавых и грязных рук, к которым прикасались они» (стр. 89).

Со всем этим трудно не согласиться.

В содержательной статье «Гомруль»* Дионео знакомит читателей с существующими в Англии мнениями за и против билля о самоуправлении в Ирландии, принятого недавно парламентом, а также отчасти с историей покорения Ирландии огнем и мечом. Указав на то, что все предыдущие попытки либералов провести гомруль в урезанном виде встречали сопротивление самих ирландцев, а теперь, наоборот, они горой стоят за билль Асквита, Дионео объясняет это явление тем, что англичане искренно соизлились в ошибочности своей политики национального угнетения, а потому теперь и ирландцы идут к ним навстречу. Он говорит: «Открытое и смелое признание со стороны господствующей национальности в том, что все поведение по отношению к побежденной народности неправильно, дает поразительные результаты (стр. 2). Радостно наблюдать проявление государственного благоразумия, которое должно повести к примирению национальностей и к слиянию их в одну семью, в одну народность» (стр. 5).

Идеалистический взгляд Дионео не выдерживает критики даже тех цифр, которые он приводит для характеристики прошлых и теперешних финансовых отношений Ирландии к Англии со времени 1801 г. Ирландия переплатила Англии сотни миллионов рублей. Со времени выкупа лендлордских земель в Ирландии – операция, которая была выгодна последним вследствие падения доходности от земледелия при конкуренции дешевого американского хлеба, – получается обратная картина. Согласно данным Дионео, по смете на 1912–1913 гг. расходы Англии на Ирландию равны приблизительно

* Гомруль – программа автономии Ирландии в рамках Британской империи, выдвигавшаяся в 70-е гг. XIX – нач. XX в. ирландской буржуазией.

12 млн фунт. стерл. (120 млн руб.), а доходы с нее – более 10 640 000 фунт. стерл. (101 тыс. руб.). Таким образом, Англии приходится доплачивать значительную сумму, что вовсе не в интересах господствующих классов Англии. А если вспомнить, что по проекту принятого билля о гомруле переоплачивание Ирландии должно сойти на нет, то вполне понятное изменение фронта английской буржуазии в ирландском вопросе. Государственное благоразумие, которым так восхищается Дионео и которое так подозрительно поздно осенило правящие классы Англии, есть, в сущности, простой экономический расчет.

Многообещающая по своему заголовку статья М.Б. Ратнера «Материалистические и идеалистические элементы в системе Карла Маркса» принадлежит, в сущности, к отряду жвачной литературы. Тысячи раз повторялось в полемике с марксистами все то, чем оперирует в своей статье Ратнер. Здесь добросовестно собраны все образчики буржуазного непонимания или превратного и искаженного понимания марксизма. Как выставка буржуазной ограниченности в теоретической области, статья имеет свой смысл. Вряд ли эту цель имел автор, когда писал ее.

В публицистическом отделе «Современного мира» помещена содержательная статья Г.В. Плеханова «Неудачная история партии «Народной воли»», посвященная исторической работе г-на Богучарского, недавно вышедшей отдельной книгой. Богучарский написал историю партии «Народной воли» с либеральной точки зрения, и потому согласно его изложению получилось, что народovolьцы были проникательней народников, потому что поняли все значение политической свободы для России, а либералы – дальновидней народovolьцев, потому что, созная необходимость политической свободы, сознавали, кроме того, беспочвенность стремления последних к захвату власти. Плеханов совершенно справедливо замечает по этому поводу, что если у нас были представители утопического народничества, то были и представители утопического либерализма в лице г-д Петрункевичей, рассчитывавших на благоразумие всеильной бюрократии, которая в один прекрасный момент оскластит Россию «увенчанием зданий». Если сравнивать народников с либералами в отношении большей или меньшей исторической дальновзоркости тех или других, то преимущество, безусловно, на стороне народников, которые, хотя и идеализировали народ и постольку ошибались, то зато они источник возможного преобразования в социально-политическом строе России видели в самостоятельности народных масс, в их борьбе с господствующими классами, следовательно, были правы в самом главном.

В статье Плеханова есть ряд ценных замечаний из истории того периода, о котором Богучарский повествует на основании печатных документов и в котором Плеханов был сам очевидцем и участником. Статья Плеханова интересна не только как талантливое выражение взгляда марксистов на рассматриваемый период в политической истории России, но и как ценный исторический документ.

В статье «Художник-правдоискатель» Львов-Рогачевский дает характеристику писательской индивидуальности Горького и очерчивает пережитую писателем эволюцию, вплоть до последнего периода в его творчестве, отмеченного чертами реализма. Львов-Рогачевский думает, что критики, провозгласившие «смерть Горького» после появления его тенденциозных повестей, как «Мать», и беллетристической публицистики, выступали против демократических идеалов Горького, которые стали чужды поправевшей и подавшейся вековским настроениям интеллигенции.

Между тем в той же статье, несколько ниже, автор сам дает убийственную характеристику повести «Мать» именно с эстетической точки зрения. Критик плохо отгенил нападки на политическое credo Горького, прикрытые эстетическими аргументами, от нападок на его политических единомышленников, которые оставались на почве чисто художественной оценки и только с этой точки зрения отнеслись отрицательно к тенденциозным произведениям писателя. В числе людей этого сорта был, между прочим, и

Г.В. Плеханов. Наиболее неудовлетворительные в художественном отношении вещи Горького, как, например, «Мать», пользуются, правда, наибольшим успехом в рабочей среде. Но это доказывает лишь эстетическую малограмотность даже наиболее передовых слоев пролетариата. Вряд ли нужно доказывать, что, кто приходит в восторг от «Матери», тот не поймет всей глубины творения Шекспира и Гете, тот не оценит по достоинству несравненных произведений Толстого.

М.Л.

№ 57. ПРАВО НА САМОУБИЙСТВО*

17 июня

I

Имеет ли человек право на самоубийство?

Такой вопрос начал обсуждаться в печати после оглашения в печати письма Леонида Андреева о самоубийствах. Л. Андреев решает вопрос в пользу самоубийц. Право покончить с собой есть неотъемлемое право каждого человека, гораздо более несомненное, чем право выкурить папиросу, купленную на собственные деньги. Так или приблизительно так думает Андреев. Так думают у нас многие. Но большинство, пожалуй, на стороне тех, кто смотрит на дело как раз наоборот. В печати раздалось много протестов против письма Л. Андреева. Его осудили, потому что в нем усмотрели косвенное поощрение самоубийства.

Но все эти порицания прежде всего лишены логики, не говоря уже о том, что в них сказывается полное непонимание сущности самой проблемы самоубийства, как увидим ниже. Ведь вопрос идет о праве на самоубийство, а не о его целесообразности и моральной приемлемости. Следовательно, все моральные сентенции прежде всего не относятся к делу, и вопрос стоит так: индивиду или роду принадлежит право решать судьбу жизни личности. Только в этой плоскости можно оспаривать мнение Андреева или соглашаться с ним.

Вопрос о праве есть вопрос о точке зрения. С точки зрения сознательного рабочего предприниматель не имеет права на продукт его труда; с точки зрения предпринимателя дело обстоит как раз наоборот. С точки зрения господствующего в современном обществе буржуазно-индивидуалистического мировоззрения право на самоубийство неоспоримо. Отрицать это право – значит в корне нарушать основной принцип современного общества – право собственности. Совершенно очевидно, что если я имею право распоряжаться по своему усмотрению принадлежащими мне предметами, то первым таким объектом являюсь я сам. Манчестерское невмешательство в частную жизнь не может прекращаться даже там, где вопрос идет о прекращении этой жизни.

В действительности же современное общество далеко от признания за своими членами права на самоубийство. Это лишний раз доказывает, как безнадежно запуталось оно в своих собственных противоречиях, из которых вышеупомянутое далеко не единственное. Ярким выражением такого противоречия является выступление против права на самоубийство тех органов печати, которые в основных вопросах стоят на точке зрения существующего буржуазного общества.

По учению христианской церкви, самоубийство есть грех, и наложивший на себя руки не может быть погребен по христианскому обряду. Если смотреть на религию так, как смотрел на нее Людвиг Фейербах, т.е. как на мистическое выражение реальных

* Продолжение см.: Док. № 60 и 72.

отношений людей друг к другу, то в отношении христианства к самоубийству мы можем видеть смутное признание права общества на жизнь отдельной личности. Грех против Бога, совершаемый согласно христианской религии самоубийцей, в переводе с мистического языка на реальный, есть грех против общества, интересы которого нарушаются в той или иной степени фактом самоубийства, где личность выходит за границы индивидуального права и личных интересов. Элемент общественности в христианском мировоззрении выражен, как видим, гораздо ярче, чем в буржуазно-индивидуалистическом понимании человеческих отношений. Это и неудивительно, если вспомнить социальные корни, из которых развилось древнее христианство.

Нам кажется, что вопрос о праве на самоубийство должен получить совсем иное освещение: центр тяжести нужно перенести не на моральную оценку, а на установление причин явления. Прежде чем решить вопрос о праве на самоубийство, нужно сначала выяснить, не имеем ли мы в огромном большинстве случаев дело с убийством.

До сих пор проблемой самоубийства занимались главным образом психологи и беллетристы. Социология взялась за этот предмет довольно поздно, и, хотя решающее значение при выяснении причин самоубийства принадлежит именно ей, до сих пор результаты социологических исследований в этом направлении невелики. Правда, самый важный шаг сделан. Обработкой статистических данных о самоубийствах удалось установить здесь известную закономерность. Были получены средние цифры самоубийств для определенного возраста, пола, времени года, отчасти общественного положения самоубийцы. Но до сих пор еще предстоит установить связь самоубийств с определенной ступенью в хозяйственном развитии общества и с положением определенных классов общества и их эволюцией. Несомненно, каждый класс имеет свои цифры самоубийств, как и свою закономерность в их изменениях, точно так же имеет свой закон самоубийства каждый общественный строй: рабовладельческий, феодальный, капиталистический. Предстоит выяснить одну основную причину самоубийств, которую можно было бы установить во всех случаях, когда внешние поводы самоубийства поражают своим разнообразием. Кончает ли свои расчеты с жизнью безработный на почве недоплат или богатый буржуа на почве пересыщения, безнадежный паралитик или юноша в цвете лет и здоровья — везде нужно обнаружить одну скрытую причину. В чем же эта причина? На этот вопрос должна ответить со временем социология, потому что все современные ответы на вопрос, вводящие десятки причин психологических, физиологических, расовых, общественных, политических и т.д., и т.д., в сущности, ничего не объясняют, и именно потому, что вводят слишком много причин. Если мы имеем, допустим, перед собой какой-нибудь конкретный случай самоубийства и врач с медицинской точки зрения, психиатр с психологической точки зрения установили соответствующие причины акта, то это отнюдь не значит, что факт объяснен. Ведь душевная неуравновешенность, психическая ненормальность, которые констатирует психиатр, тоже нуждаются в объяснении. И поэтому, где для психиатра работа кончается, для социолога она только начинается. Явления самоубийства, несомненно, послужат богатым материалом для будущего исследователя в деле познания самых сложных пружин современного общества. В самоубийствах получают свое выражение методы, какими пользуется общество в приспособлении к борьбе с природой и в классовой борьбе, — методы, которые меняются с изменением общественного строя общества и которые различны даже у различных классов одного и того же общества в один и тот же исторический период.

Выше я поставил вопрос, не есть ли самоубийство, если не всегда, то, по крайней мере, в большинстве случаев, просто убийство.

Мне кажется, что все самоубийства на почве голода и нужды носят несомненный характер убийства. В некоторых первобытных обществах существовал обычай убивать стариков, перешагнувших за известный возраст. Тяжелая борьба за существова-

ние не оставляла излишков для нетрудоспособных, и в интересах сохранения рода последние не должны были отбивать кусок у здоровых. Обычай этот несколько смягчился в дальнейшем, и из чувства жалости члены общины доставляли пищу обреченным сверх срока, а старики сами старались покончить с собой. Наше цивилизованное общество поступает иначе. Обладая запасами жизненных средств, которыми можно прокормить вдвое большее число людей, чем их есть на всем земном шаре, и располагая производительными силами, благодаря которым эти запасы можно безгранично увеличить, современное общество тем не менее систематически осуждает на голодную смерть массу трудоспособных и здоровых членов, раз они оказываются лишними для данной стадии развития существующего способа производства. Жестокость нашего цивилизованного общества далеко оставляет за собой вынужденную жестокость дикарей. Но эта жестокость имеет еще отвратительный оттенок лицемерия. Издевательским лицемерием, в лучшем случае бессознательным бесстыдством должны казаться споры о праве на самоубийство в обществе, которое, накинув на шею своей жертвы веревку голода и выбив из-под ног скамейку, обсуждает глубокомысленный вопрос: имеет ли эта жертва право умереть.

Не так ясен характер самоубийств, как убийств, когда мы имеем дело с самоубийствами, происходящими на почве пресыщения и разочарования в жизни. Однако при некотором усилии мысли и здесь нетрудно найти полную аналогию. Ведь, в сущности, глубокое чувство апатии, сознание собственной ненужности и другие психологические состояния, предшествующие самоубийству, есть лишь субъективное отражение в сознании общественной ненужности данной личности. Психологическое состояние является здесь не причиной, а лишь сопровождающим моментом самоубийства. Личность только тогда сознает свою ненужность, когда общество выяснило ненужность для него данной личности, поскольку можно говорить о выяснении при стихийных процессах вообще. Самоуничтожение есть в данном случае лишь наиболее удобная для общества форма освобождения себя от лишних для него членов, хирургическая операция, в которой ненужный или вредный член сам себя отрезывает от тела.

Подтверждением высказанной только что мысли может служить особенная многочисленность самоубийств на почве пресыщения среди классов, роль которых в истории сыграна и которые еще не подвергались устранению «в порядке классовой борьбы». Стоит лишь вспомнить о самоубийствах в среде римской аристократии времени упадка Римской империи и о самоубийствах среди феодальной аристократии. Сюда надо отнести также самоубийства на почве разочарования жизнью, принявшие такие чудовищные размеры среди русской интеллигенции периода контрреволюции и которые надо поставить в тесную связь с перепроизводством интеллигенции и трагическим положением этой общественной группы в период реакции. Дело в том, что эта группа потерпела поражение в своей борьбе за демократические идеалы и не может выполнить в полной мере своего исторического предназначения: расслониться между различными классами современного общества и умереть в качестве самостоятельной политической силы. Эта естественная смерть как результат нормального социального процесса задерживается вследствие недостаточно быстрого процесса классовой дифференциации, которая в случае победы октябрьского движения происходила бы быстрее. В результате процесс нормального массового умирания класса как промежуточной общественной группы, с самостоятельной инициативой в политической борьбе, вырождается в процесс отдельных самоубийств: здесь происходит нечто, аналогичное тому, когда массовая борьба вырождается в террор и партизанские выступления. Сюда же надо отнести многие экспроприации как одну из форм самоубийства.

Наоборот, полезно вспомнить здесь же, что в периоды, когда нужда в людях достигает наибольшего напряжения, когда каждая сила дорога для работы и обороны страны, —

у земледельческих народов и в среде нарождающихся классов с широким будущим впереди самоубийств на почве разочарования жизнью почти не бывает.

Довольно многочисленные самоубийства на почве неудовлетворенной или прерванной любви занимают особое место. Трудно установить общественные корни подобных самоубийств, имеющих аналоги в животном мире: вспомните о самоубийствах лебедей, горлиц и пр. Впрочем, мы не должны забывать, что не последний вид расчетов с жизнью сделал проблему самоубийства злобой дня и одним из проклятых вопросов современности.

Вопрос о праве на самоубийство получит свой смысл лишь в будущем обществе, где не будет существовать материальных мотивов для самоубийства. Только в обществе, обеспечившем всем своим членам возможность существования, будет уместен вопрос о праве на личность, которая принадлежит, бесспорно, роду и в нем должна искать своего права на жизнь и смерть*. Теперь же существует не право, а обязанность смерти, диктуемая личности обществом и не вытекающая из ее внутренних стремлений. Теперь каждое самоубийство есть новый обвинительный акт против существующих социальных отношений. И есть глубокий смысл в том инстинктивном движении, которое делает каждый человек с целью помешать другому покончить с собой: за внешней формой самоубийства он бессознательно чувствует убийство, где на гашетку револьвера, приставленного к виску, нажимает не единичная рука обреченного, а коллективная рука всего общества, выталкивающего свою жертву за двери жизни.

М. Леонов

№ 58. ОБЗОР ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ЕВРОПЫ» (июнь)

19 июня

В отделе беллетристики в июньской книжке «Вестника Европы» «хоть шаром покати». Собственно рассказы — то есть, как это и положено, но скучные, безжизненные, бездарные рассказы. Присутствуют они здесь по обязанности, подобно чиновникам в присутственный день. Но присутственный день бездарностей есть неприсутственный день для таланта. А таких неприсутственных дней слишком много в последние годы в нашей художественной литературе вообще и в толстых журналах в частности.

В названной книжке отбывает свой срок рассказ Н. Олигера «Дачный уголок» — бледный и бессодержательный.

Также бледно и бессодержательно начались печататься очерки В.И. Дмитриевой под названием «Молодняк».

Интересны полубеллетристические очерки Тана «Голодная деревня». Здесь перед читателем проходит целая галерея провинциальных типов: земские начальники, зубры, третий элемент, сельское духовенство и, наконец, чаще всего, конечно, голодающие мужики. В той части очерков, которая помещена в июньской книжке, наиболее любопытна фигура священника, борющегося с голодом вместе с приехавшими из Москвы курсистками в трогательном единении. Как это и полагается по нынешним временам, за «открытие» голода неутомимого священника не раз лишали должности, заточали в монастырь и т.д. Что касается крестьян, то из очерков Тана на вас выглядят знакомые физиономии чеховских мужиков, которые по-прежнему не верят в бескорыстие помогающих им представителей интеллигенции и по-прежнему продолжают верить в новый предел земли.

* Подробнее см.: Преображенский Е.А. О морали и классовых нормах. М.; Л., 1923.

Публицистика журнала содержательней беллетристики. Интересна статья Максима Ковалевского «Герцен и освободительное движение на Западе». Автор, лично знакомый с Карлом Марксом, приводит мотивы, почему Маркс резко расходился с Герценом. Причины эти были: увлечение Герцена национальными движениями, в которых Маркс видел величайший тормоз к развитию международной солидарности рабочего класса, барская обстановка, в которой жил Герцен, дружба с личными врагами Маркса и пр. Любопытно следующее замечание Ковалевского: «Я полагаю, что Герцен и Маркс далеко не стояли на непримиримых точках зрения, что Герцен был коммунистом в своем роде» и т.д. Да, он был коммунистом. Это не мешает запомнить г-дам Родичевым и Милюковым, которые превратили Герцена в правого кадета.

В заключение статьи почтенный профессор не мог удержаться от соответствующей морали на злобу дня. Неудачи европейского движения 1848 г. так сильно поразили Герцена, зависели от неумения либеральных и революционных элементов идти вместе. А отсюда вывод: на предстоящих выборах либералы и левые должны на время забыть о своих разногласиях и действовать совместно. Нужно сознаться, что Герцен гораздо лучше г-на Ковалевского понимал причины поражения демократии 1848 г. Он писал в свое время, что революция побеждена и что «она должна была быть побежденной». Он указывал на непримиримое противоречие между теми классами, которые в республике ценили возможность хоть отчасти решить социальный вопрос, и теми, которые стали республиканцами поневоле и каждый момент готовы были продать дело свободы из страха перед народом. Мораль, вытекающая из изучения событий 1848 г., *даже в освещении Герцена* — а оно несовершенно, и мы пошли с тех пор вперед в понимании событий — как раз противоположна морали Ковалевского и гласит: не может быть какого-либо прочного союза между последовательными защитниками свободы и теми, кто готов ей изменить после первых успехов движения. Близкие профессору кадеты уже успели по-своему осуществить совет Ковалевского об объединении, решив объединиться с левыми октябристами и тем порвать с левыми. Вот вам «viribus unitis»*.

Интересна статья А. Юровского «Наше Приамурье», в которой дан очерк экономического положения Приамурья и Приморской области и приведены некоторые интересные цифры.

М.Л.

№ 59. О ЛЕКЦИИ ПРОФЕССОРА ЖАКОВА**
(письмо в редакцию)

24 июня

Лекция профессора Жакова о Леониде Андрееве произвела на меня отрицательное впечатление. Но это, конечно, дело убеждения. Хуже всего то, что такие лекции не лишены отрицательного значения для слушателей, потому что они не разбирают, а укрепляют традиционные фетишистские взгляды публики на историю человеческой мысли. Добавьте к этому отсутствие возможности дебатов с кафедры, которые могли бы дать представление о другой точке зрения на вопрос. Откладывая более обстоятельное возражение лектору до окончания им всех лекций, я хотел бы здесь наметить наиболее существенные пункты разногласия с ним.

* Соединенными усилиями (лат.).

** Продолжение см.: Док. № 61, 63, 64.

Основная идея, которую старался доказать лектор, такова: в природе существует одна закономерность, прежде всего бросающаяся в глаза, это — закономерность подъема и упадка; закон ритма. Этот закон действует и в философии, и в поэзии. Периоды подъема настроения сменяются периодами упадка. Когда падение настроения достигнет последней ступени возможного, начинается обратное движение вверх. Заслуга Андреева в том, что в своих произведениях он исчерпал до дна это возможное падение вниз, он воплотил в них всю бездну мирового пессимизма, подчиняясь в своем творчестве закону, действовавшему на протяжении всей истории.

Лектору пришлось обратиться к этой истории, и вот мы присутствовали при занятии, которое можно было бы назвать вольным обращением с историческими фактами или увеселительной исторической прогулкой. Лектор рекомендовал себя как представителя науки и свое построение назвал попыткой научного, объективного рассмотрения вопроса. В действительности в его построении нет ни грана науки, оно сплошь субъективно. Но субъективность бывает разная. Бывают такие субъективные построения, в которых получают все же выражение наиболее существенные явления в истории. Их иначе объясняют, но их не замалчивают. Наш почтенный лектор умолчал, по крайней мере, о половине явлений истории человеческой мысли, о которых, однако, должен был сказать. «Но в том-то и беда, что все его построение тогда должно разрушиться: оно не выдерживает прикосновения — я не говорю уже критики — прикосновения одной лишь ссылки на факты, его убивает дыхание подлинной исторической действительности. А что может быть убийственнее критики подобного рода? Может ли существовать в *классовом* обществе закон, который выдвинул лектор? Достаточно поставить так вопрос, чтобы убедиться, что нет или, по крайней мере, что он должен быть совсем иначе формулирован. Ведь в то время как одному классу, в лице наиболее чутких и талантливых своих выразителей, делается понятной музыка грусти и философия пессимизма, то другой внимает лишь музыке борьбы, понимает лишь философию действия, упивается поэзией надежды. Эти противоположные настроения живут и усиливаются рядом в современном обществе. Какой же добросовестный ученый может остановиться на одном, умалчивая о другом? А ведь так и поступает лектор на протяжении всей лекции.

Говоря о буддистах, он ничего не сказал об их противниках, говоря о трагиках, умолчал о софистах, говоря о Канте, забыл об энциклопедистах, с чувством цитируя Шопенгауэра, ни словом не заикнулся о Фейербахе, произведя Л. Андреева в гении, заставил умереть для слушателей Горького, а Толстого воскресил путем насилия над хронологией. «Закон» г-н Жакова противоречит действительности и, чтобы быть верным, должен быть формулирован так: *каждый общественный класс переживает периоды подъема и упадка, и подъем настроения у передового класса совпадает с упадком настроения у умирающего*. Там, где цивилизация гибнет целиком, где все общество распадается (Греция, Рим), там этот закон тоже уже нуждается в поправках. Игнорировать же положение различных классов, и [в] особенности различных общественных миров, может лишь тот, кто страдает неизлечимой даже для некоторых профессоров русской болезнью: преувеличенной способностью к обобщениям.

Кроме того, лектор допустил много неточностей и одну серьезную ошибку. Эта ошибка заключается в том, что он Платона причислил к представителям оптимистической философии. Платон считается отцом идеализма, а идеализм есть в общем и целом глубоко пессимистическая философия. Когда это было нужно г-ну лектору, он умел это доказать, Шопенгауэр в своем введении к «Мир как воля и представление» ясно указал, какую роль играл Платон (и Кант) в его философском построении. Платон был и отцом христианства, как справедливо заметил лектор. А разве христианство оптимистическое учение? Учение об идеях Платона, как и всякое обращение с надеждой в потусторонний

мир, говорит о глубокой неудовлетворенности реальной земной жизнью и глубоко пессимистично.

Далее. Канта нельзя отнести к пессимистич[еским] философам. Автор первого издания «Критики чистого разума» и «Прологомен» был бодрым борцом против метафизики и в ослабленной степени делал ту же работу, которую выполнили энциклопедисты во Франции. Кант был идеалистом, но *критическим* идеалистом. В его учении важно не только то, что вещи в себе непознаваемы, но и то, что они существуют, следовательно, объективный мир есть. В философии Канта потенциально заключался не только Шопенгауэр, Гартман и Фихте, но и Гегель и Фейербах.

Закон лектора неверен, как мы видели. Мало того. Пессимизм и оптимизм, о которых он говорил, означают вовсе не гармонию или разлад с Космосом. Космос мы можем оставить в стороне. Ведь перед нами люди, общество, а следовательно, здесь действительно только те законы природы, которые превратились в законы общества. А о них г-н профессор имеет, кажется, очень смутное представление*.

Падение настроения у человека, душевный разлад означает не разлад человека с Космосом, а с обществом себе подобных. Эту истину можно было бы доказать социальным анализом любого пессимистического настроения в конкретной общественной группе на протяжении всей истории.

Коротенькая рецензия не дает мне возможности даже упомянуть о всем, что я хотел бы сказать о лекции. Из ряда промахов лектора укажу еще на один. По его мнению, склонность современного европейского общества к сказкам, к нереальному, есть выражение начавшегося оптимистического подъема. Это глубоко неверно. Во-первых, нет единой Европы. Но мы уже видели, что с высоты взятого профессором полета классы ему не видны. Та часть Европы (буржуазная, конечно), которая увлекается сказками, именно потому и потеряла вкус к действительности, что последняя ничего не сулит ей хорошего в будущем: ожидание или предчувствие поражения в социальной борьбе не может располагать к оптимизму.

Читатель должен сетовать, что я ничего не сказал об Андрееве. Каюсь. Что делать, если нет места. А я хотел бы сказать кое-что и об эстетических взглядах лектора в отношении Андреева. Скажу лишь одно: если Дюринг превратился в гениального философа, а Андреев в гениального художника, то и все бездарности в литературе должны почувствовать себя не лишенными таланта. Иначе где ж тогда справедливость?

М. Л-в

№ 60. ПРАВО НА САМОУБИЙСТВО**

24 июня

II

Общая цифра самоубийств в Европе достигает ежегодно 60–70 тысяч. Таким образом, за три-четыре года погибает больше народа, чем в кровопролитнейшей войне нашего времени. Самоубийства приняли размеры настоящего общественного бедствия, и при том бедствия, которое увеличивается в объеме с каждым годом в ужасающей прогрессии. Это можно видеть из следующих данных о некоторых странах Европы.

* Например, социологическая критика, по его мнению, должна выражаться в высчитывании, сколько лиц из того или другого класса читает разбираемого писателя. (Прим. автора.)

** Начало см.: Док. № 57; продолжение – Док. № 72.

На 1 млн населения приходилось в год самоубийств*:

Страна	1825–1850	1850–1875	1875–1900	1900–1905, 1908, 1909
Саксония	166,8	220,0	286,7	321,0
Франция	74,8	122,0	205,7	221,5
Пруссия	97,0	124,5	200,6	200,4
Англия		65,6	81,0	102,0
Россия		30,0	32,6	34,7*
Дания	238,0	268,1	244,5	189,0

* Цифры относительно России неверны, потому что на примере Петербурга, который по числу самоубийств последнее время занимает первое место в мире, можно видеть, что приведенные данные много ниже действительных. (Прим. автора.)

Из двенадцати европейских стран число самоубийств за последние 80 лет сократилось незначительно лишь в двух (Дании и Норвегии), а в остальных росло с огромной быстротой.

Рост самоубийств все больше и больше обращает на себя внимание общества, естественно, должен вызвать усиление теоретического интереса к проблеме самоубийства и ряд новых исследований в области этого вопроса. Но дело не ограничится теоретической областью. Усиление бедствия будет нарождать, отчасти уже нарождает, теперь кучу рецептов для лечения этой социаль[ой] болезни наших дней.

Поскольку эти рецепты рекомендуют усиление репрессии со стороны государства и церкви против имущественных и религиозных прав самоубийц и их семейств, то бесцельность этих мер слишком очевидна, чтобы распространяться на эту тему.

Но и рецепты тех, кто относится отрицательно к законодательной репрессии, останутся жалкими паллиативами, если борьба с самоубийствами предполагается на почве существующих социальных отношений, т.е. на той почве, которая как раз и питает зло. Но все меры в пределах существующего строя, как-то: социальная политика в интересах наиболее необеспеченных классов, соответствующее духовное и физическое воспитание молодежи и вообще гигиена расы, борьба с алкоголизмом (которая, кстати сказать, не может быть теперь иной, как паллиативной), могут ослабить зло в весьма незначительной степени, и хорошо, если они не уменьшат, а хотя бы только остановят дальнейший рост числа самоубийств.

Но в данный момент нас интересуют не эти осязаемые материальные меры в борьбе с самоубийствами. Любопытна намечающаяся теперь борьба с самоубийствами на моральной почве, попытки нравственно обезоружить человека, склоняющегося к самоубийству, путем воздействия на один из сильнейших инстинктов homo sapiens'a, на социальный инстинкт. Эти попытки выражаются, между прочим, в том оспаривании права на самоубийство, с которым выступили некоторые органы печати в ответ на письмо Андреева и которое в дальнейшем, несомненно, будет более точно сформулировано и более обстоятельно обосновано. Уже теперь нетрудно предвидеть, в каком направлении будет вестись тут работа. Будут стараться доказать, что самоубийство есть кража, где вором является само-

* Данные взяты мной из статьи д-ра Гордона в № 5 «Русской мысли» за нынешний год под заглавием «Современные самоубийства». (Прим. автора.)

убийца, а обкраденным – общество, так как личность обязана своим происхождением роду, которому и принадлежит право ее насильственного прекращения; будут доказывать, что самоубийство есть позорное бегство с поля битвы, отказ от борьбы, каковой является жизнь в процессе развития природы, что жизнь сама по себе есть общественное дело, независимо от своего содержания, а насильственная смерть – отказ от преемственной работы поколений, что, наконец, самоубийство есть эгоистический акт, потому что этим незаконным уничтожением родового имущества почти всегда нарушаются в той или иной степени интересы близких для самоубийцы лиц, в то время как сам самоубийца выигрывает, освобождаясь от жизненных страданий.

Подобная теория, если можно так выразиться, антисамоубийственной морали несомненно будет иметь большой успех, потому что в сознании не только передовой рабочей массы – что вполне понятно и соответствует психологии и интересам пролетариата, – но и в сознании буржуазных классов, главным образом интеллигенции, вопреки традиционно-индивидуалистическому мировоззрению все большие завоевания делает идея о социальном человеке.

Понимание общества как конгломерата Робинзонов, свободно действующих по внутреннему побуждению и индивидуально ответственных за свои поступки, давно отброшено, и теперь делаются соответствующие выводы во всех отраслях общественных наук. Вспомните о новейшей школе криминалистов, отказывающейся судить индивидуального преступника, оставляя в стороне воспитавшее и управлявшее его руками общество, вспомните о новейших течениях в других общественных науках: биологии, социологии, филологии, психологии, теории познания, теории творчества, морали и т.д. и т.д. Но если в одних случаях, как мы увидим ниже, в меньшинстве случаев это построение антисамоубийственной морали может быть уместным по обстоятельствам дела и может иметь некоторый практический результат, то в большинстве случаев оно будет лишь бессознательной попыткой общества реабилитировать себя от обвинения в убийстве. Это станет нам совершенно ясно, если составим себе представление о том, какой процент самоубийств связан с социальными причинами, в частности материальными причинами, когда самоубийца, в общем, выполняет акт, диктуемый ему об[щест]вом.

В № 122 «Русских ведомостей» в статье статистика «Пасынки жизни» приведены интересные данные о мотивах 3160 самоубийств, имевших место в Москве за прошлый год и в Петербурге – за два прошедших года. Эти данные дадут нам приблизительное понятие о причинах, побуждающих ежегодно 70 тысяч человек лишать себя жизни.

Из названного числа – 3160 – покончили самоубийством вследствие голода, нужды, безработицы, невыносимого гнета хозяев и подобных причин 35,7% общего числа. Названные сейчас причины дают относительно наибольший процент самоубийств. Самоубийства на почве разочарования жизнью дают 18,2% случаев. Причины романтического характера отмечены в 9,9% случаях. Причины семейного характера: жестокость родителей, тиранство мужей и т.д. – 13,3%. Болезни физические и психические, душевная неуравновешенность и алкоголизм – 15,8%. Школьные и должностные самоубийства дают 7%. Разберемся в этих цифрах.

Роль существующего общественного строя в самоубийствах первого рода, т.е. на почве голода и нужды, достаточно была выяснена в предыдущей моей статье. Остановимся здесь теперь на самоубийствах романтического характера. Вряд ли можно сомневаться, что добрая половина такого рода самоубийств тесно связана с материальным положением жертв. Кому неизвестно, как часто брак взаимно любящих друг друга лиц не может состояться вследствие имущественной несостоятельности одного из них или неравенства в их общественном положении, одним словом, вследствие того, что истинная природа брака искажается вторжением материальных причин, а в результате – целый ряд самоубийств на этой почве.

Возьмем далее самоубийства на почве семейных неурядиц. Здесь главную роль играет или бедность, которая, как известно, не располагает к согласию, или материальная зависимость женщины от мужчины, заставляющая ее переносить сожительство с ненавистным мужем, или, наконец, зависимость обоих опостылевших друг другу супругов от детей, которые, при отсутствии общественного воспитания, играют роль связующего элемента в семье, которая духовно, а иногда и физически давно распалась. И здесь, следовательно, главную роль играют существующие общественные отношения, накладывающие свою тяжелую руку на все, но главным образом на наиболее необеспеченные классы населения.

О социально-общественных корнях самоубийств на почве разочарования жизнью я говорил в прошлой статье.

Наконец, совершенно очевиден социально-политический характер школьных самоубийств, которые так участились последнее время, когда господа в футляре, вдохновляемые всей окружающей обстановкой, снова получили возможность проделывать всевозможные издевательства над детской душой. Здесь не мешает еще вспомнить, что в школьных самоубийствах огромную роль играет материальное положение учащихся, вернее их семей. Если для сына богатых родителей неудача в школе действует лишь на самолюбие, и он, помимо школы, может подготовиться, куда ему нужно, то для бедного ученика диплом есть средство к жизни, и неудачи в школе лишают его и семью надежды выбиться из нищеты. Вот почему среди необеспеченных учеников процент самоубийств всегда выше, чем среди состоятельных.

Даже в тех 15,8% случаев, когда самоубийства вызваны физическими и психическими болезнями, алкоголизмом и душевной неуравновешенностью, нельзя игнорировать социальный элемент в этих причинах. Достаточно известна, во-первых, связь алкоголизма с определенными общественными условиями. Есть, например, государственная, с финансовой стороны заинтересованные в алкоголизации населения. Затем, «душевная неуравновешенность» в качестве причины самоубийства слишком недостаточное объяснение. Все дело в том, чем вызвана эта неуравновешенность. Ведь рядом с физическими причинами (напр., болезнями мозга) она может быть вызвана и причинами социального характера, как, например, продолжительными голодовками и безработицей, переутомлением в политической борьбе и т.д. Значит, и к этой рубрике отнесена часть самоубийств, вызванных социальными причинами.

В общем, на почве не социальных причин происходит вряд ли более $\frac{1}{4}$ всех самоубийств. Три четверти их вызваны прямо или в конечном счете причинами социального характера.

Но суть дела не в том, что в $\frac{1}{4}$ случаев в самоубийствах виновато общество, а в том, что виновато в них *современное* общество. Лишь в замене существующих общественных отношений другими заключается действительное средство покончить с бедствием самоубийства, как и со многими другими язвами современного об[щес]тва.

И поэтому-то не может иметь большого успеха теперь мораль, осуждающая самоубийство. В этой морали есть внутреннее противоречие. Она отнимает у индивидуума право распоряжаться собственной личностью и выдвигает нечто вроде социализации личности. Но, с другой стороны, она (мораль), оставаясь на почве существующего общества, на самоубийство смотрит, как на акт свободно действующей индивидуальной воли, и, забывая о собственных грехах общества, обрушивается на одного самоубийцу. И поэтому, когда современное общество обращается к покушающемуся на самоубийство с призывом: «Не убивай себя», — он «с улыбкой горькой обманутого сына» может ответить: «Не убивай ты меня».

№ 61. О ЛЕКЦИЯХ ПРОФ[ЕССОРА] ЖАКОВА*
(письмо в редакцию)

29 июня

Говоря о первой лекции профессора Жакова в своем письме, я ничего не упомянул об эстетической оценке произведений Л. Андреева, которую дал лектор. Теперь скажу несколько слов на эту тему. По мнению лектора, Андреев является гениальным художником. Он гениален, потому что в своих произведениях воплотил всю глубину мирового пессимизма, исчерпал до дна настроение упадка. Поэтому он стоит наряду с величайшими художниками Европы и России и по своему внутреннему содержанию его творчество есть продолжение творческой работы Мильтона, Байрона и Достоевского.

Кто не читал Андреева, тот мог бы поверить профессору. В самом деле, если художник выразил в своих произведениях так много, разве он не заслуживает быть поставленным рядом с гениальнейшими писателями Европы? Но кто читал Андреева и кто обладает при этом хоть каплей художественного вкуса и эстетического чутья, тот уравнивание Андреева с Байроном должен счесть вопиющим нарушением «алгебры эстетики». Я не думаю оспаривать, что в произведениях Андреева много пессимизма и что этот пессимизм, быть может, и безнадежней байроновского. Но художник не только должен высказать ту или иную идею — он должен воплотить ее в поэтических образах. То что философ должен оправдать логически, художник должен оправдать поэтически. А дал ли Андреев многим из своих замыслов и основной пессимистической идее своего творчества такое художественное оправдание? Нет и нет. Его абстракции художественно бессодержательны, сухи, они, как скелет, лишенный облекающего его тела, и, как скелет, безобразны с художественной точки зрения. «Черные маски», о которых столь высокого мнения г-н профессор, — наиболее характерное в этом смысле произведение Андреева. Это художественный абсурд, это лучший образчик того, как не следует писать художественного произведения. Здесь куча абстракций, не оправданных образами, куча идей, не воплощенных в типах. Таково и большинство произведений Андреева — это стадо тощих фараоновых коров на зеленом поле действительной поэзии. У Андреева есть произведения, в которых идея не пожирает образов или, по крайней мере, не окончательно лишает их крови и мяса. Таковы «Жизнь Василия Фивейского», «Рассказ о семи повешенных», «Мои записки», «Жили-были» (до сих пор лучшее произведение Андреева). Эти произведения обнаруживают большой и оригинальный талант. Но таких произведений у Андреева немного, и не они дали основание лектору превратить Андреева в мирового гения. Жонглерство абстракциями, несовместимое с истинным искусством, — вот что наиболее замечательно у Андреева, по мнению лектора.

«Вы пугаете, а мне не страшно», — сказал Толстой про произведения Андреева. В этих кратких словах великого художника сокрушительная, уничтожающая критика Андреева. Талант, который пугает и не делает страшно, — не талант. Наоборот, истинное художественное произведение действует с неотразимой силой и во всяком случае никогда не может вызывать тех комических споров о своем значении, которые велись по поводу многих произведений Андреева. Если «Стену» Андреева принимали за абсолютизм, если ребенка в маленьком рассказе «Великан» принимали то за революцию, то за Россию, то за человечество и Бог знает за что, то все это свидетельствует не столько об убогой ограниченности нашей критики, которая готова искать глубочайшего смысла в любой бессмыслице модного писателя, сколько есть свидетельство о бедности [ума], *testimonium paupertatis*** художника. Художественное произведение не ребус, не загадка,

* Начало см.: Док. № 59; продолжение — Док. № 63, 64.

** Т.е. показатель чьего-либо недомыслия, скудоумия (лат.).

не хитроумное построение, а сгущенная в образах реальная жизнь, картина, понятная каждому в своем истинном значении.

Лектор утверждал, что все истинно гениальное и великое понятно детям. У Андрея многое непонятно взрослым. Спрашивается теперь: правило ли г-на профессора не состоятельно или оно допускает одно исключение, именно для Леонида Андреева?

Г-н профессор сделал кощунственное сравнение одного произведения Андреева с бессмертным «Фаустом» Гете. Конечно, малое можно сравнивать с великим, и чтобы оттенить ничтожество жалкого, общипанного куста, бывает полезно поставить его рядом с могучим дубом. Но от такого сопоставления выигрывает дуб. А ведь г-н профессор хотел возвеличить куст. Разве не вправе теперь Андреев, перефразируя Крылова, заметить, что иной услужливый профессор опаснее врага?

М. Л-в

№ 62. К СОБЫТИЯМ В ТУРЦИИ

29 июня

Последние события в Турции привлекают к себе усиленное внимание Европы. Это неудивительно, если вспомнить, что теперь снова Турция превратилась в объект жадных вождельеий для своих соседей и, следовательно, в ней лежит узел грядущих событий, исходный пункт возможной общеевропейской войны. Восстание Албании вместе с революционным движением в армии, грозящим перейти в революцию, подобную революции 1908 г., продолжающаяся война с Италией, затрагивающая торговые интересы держав, наконец, все растущий дух захватов, проявившийся в аннексии Боснии и Герцеговины, в нападении Италии на Триполи, в французском захвате Марокко, — совокупность всех обстоятельств чревата большими последствиями.

В буржуазной печати Европы утвердилось мнение, что Турция к концу царствования Абдул-Гамида находилась накануне раздела, потому что интересы угнетаемых турками народностей: армян, болгар в Македонии, албанцев и т.д. — настойчиво требовали такого вмешательства Европы, которое навсегда бы решило восточный вопрос — этот, выражаясь словами Маркса, «ослиный мост европейской дипломатии». Революция и переход власти к младотуркам породили надежду, что обновленный строй Порты даст возможность всем народностям государства найти соответствующие *modus vivendi** и вмешательство Европы станет излишним. Однако банкротство младотурецкого режима обнаружилось очень скоро. Младотурки не решились ни одного из выдвинутых абдул-гамидовской Турцией вопросов и продолжали старую политику угнетения подвластных им национальностей. В результате проблема раздела Турции снова вносится в порядок дня.

В приведенном мнении заключается очень лестная оценка гуманности и филантропических порывов международной дипломатии и вообще господствующих общественных групп «европейского концерта». Но тем не менее это мнение — или приятное заблуждение, или сознательный обман наивных. Италия, во главе которой стоит либеральнейший король Европы, объявляет преступниками и расстреливает арабов, осмеливающихся защищать свое отечество с оружием в руках. Французское правительство, культивирующее патриотизм на родине, предает военному суду и вешает марокканцев, усвоивших его уроки патриотизма и не желающих трусливо отдать свое отечество жадному врагу. Англия, правой рукой защищающая армян от турецких зверств, левой творит английские зверства над индийцами и политикой угнетения доводит до вымирания Ирландию. Австрия... Но довольно. И вот

* Образ жизни (лат.).

эти-то цивилизованные готтентоты, считающие добром все то, что увеличивает их владения, и злом, что их оставляет без изменения, – эти группы по отношению Турции и ее народностей оказываются бескорыстными рыцарями, донкихотами гуманности.

В действительности судьба Персии показывает, что превращение страны в цивилизованное конституционное государство отнюдь не спасает ее самостоятельности. И младотурецкий переворот в Турции, если бы он имел самые благие последствия для внутренней жизни этой страны, никогда бы не спас Турции, если бы европейские державы были подготовлены к ее разделу и ко всем последствиям – вплоть до всемирной войны, которые мог бы вызвать подобный раздел. Ведь аннексировала же Австрия у Турции Боснию и Герцеговину как раз во время революции, отнюдь не дожидаясь ее благих результатов. Спасти Турцию может лишь успех того революционного движения, которое началось в армии и которое поставило своим девизом автономию национальностей империи. Если революция победит, Турция внутренне окрепнет и превратится во внушительную силу, одна наличность которой будет лучшей защитой против аппетита Европы. Кроме того, она может тогда войти в одну из группировок держав и получить коллективную поддержку. Если же победит тупоумный младотурецкий национализм, то раздел Турции неминуем, да фактически он уже и начался по инициативе Австрии и Италии.

М. Леонов

№ 63. О ЛЕКЦИЯХ ПРОФ[ЕССОРА] ЖАКОВА*

1 июля

В настоящей статье я намерен остановиться на двух последних лекциях проф. Жакова. Изложению своей «солнечной утопии» автор предпослал исторический обзор легенд и мифов, а затем дал очерк утопий нового времени: утопий Томаса Мора, Кампанеллы, постросний социалистов-утопистов и, наконец, «утопии» Карла Маркса.

Что касается истории легенд, то я отмечу лишь объяснение тотемизма (название родов у первобытных народов имснами различных зверей и птиц), как пример того, к каким курьезам приводит увлечение интуицией. По мнению лектора, тотемизм вытекает из сознания внутренней связи человека со своими животными предками, иными словами, что это нечто вроде первобытного дарвинизма. В действительности же тотемизм имеет совсем другое, а именно социальное происхождение.

Изложение утопии Сен-Симона и Фурье было очень нескладно и не давало почти никакого представления о сущности утопического социализма. Утопия Сен-Симона предстала перед слушателями как мечта о великой католической церкви, о самой же сути учения Сен-Симона, о социалистическом строе общества как идеальном общественном строе лектор не упомянул ни слова.

Что касается Фурье, то он, оказывается, создал теорию «крестьянских деревень» (похоже на масляное масло). Так-то профессор перевел на русский язык слово «фаланстер».

Теперь об «утопии» Маркса. По мнению лектора, Маркс был учеником Гегеля, вся его система основана на гегелянстве и, следовательно, рушится, если падает последнее. Из сказанного можно заключить, что лектор, по-видимому, имеет очень неясное представление о том, какую роль играет учение Гегеля в марксизме. Если лектор читал «Капитал» (в чем есть основание усомниться), то он должен был видеть, что выводы Маркса относительно неизбежности обобществления орудий производства покоятся не на голой идее гегелевской диалектики и соответствующей «триаде», а на изучении

* Начало см.: Док. № 59, 61; продолжение – Док. № 64.

огромного материала по истории экономического развития и на глубоком анализе сущности капиталистического способа производства и движущих его сил. Если б критика опрокинула целиком все учение Гегеля*, то на системе Маркса это могло отразиться лишь в том смысле, что в ней устарела бы терминология. Я не говорю уже о теории исторического материализма в отдельности, которая относится к гегельянству, как материализм относится к идеализму, т.е. составляет его противоположность. Второе возражение лектора по адресу марксизма заключается в том, что это учение игнорирует все, что не относится к экономической деятельности человека**. С точки зрения марксизма непонятны жизнь и трагическая смерть Христа, Гуса и т.д. Непонятно, когда человек говорит правду вопреки своим материальным интересам, но в согласии с голосом совести. Чтобы понять все это, необходимо исходить из нравственного начала, обратиться к «алгебре морали». Об «алгебрах» поговорим ниже, а здесь заметим лишь, что появление Будды, Христа, Гуса – явления совести, быть может, и непонятные с точки зрения утилитаризма***, но ведь марксизм не утилитаризм. Марксизм движущей силой истории считает борьбу классов, а не эгоизм отдельной личности. Классы борются под влиянием экономических интересов, но отдельные личности класса могут самоотверженно погибать в интересах целого. История полна такими примерами. Христос был распят, Гус сожжен. Но они имели и восторженных последователей. Значит, в лице их боролась одна часть общества с другой. Самоотверженность и жертва самой личности есть один из методов в социальной борьбе, и только с точки зрения марксизма эти явления получают свое объяснение. Голос совести есть голос рода (в классовом обществе – голос класса), который сильнее личного страха и личных выгод, как миллион сильней единицы. Это сила, лежащая вне личности, переходящая ее границы, владеющая ей, особенно в некоторые, наиболее драматические периоды истории, и толкающая личность на поступки, которые не нужны и вредны личности, но необходимы и полезны для класса. Сказать же, что здесь действует нравственное начало, это значит объяснение заменить другим названием предмета. Нравственное начало, моральный закон, сформулированный Кантом в его знаменитой «Метафизике нравов» («Grundlegung zur Metaphysik der Sitten») и существующий в действительности, не есть объяснение, а сам нуждается в объяснении. Удовлетвориться тем, что это голос из потустороннего мира, голос вещей в себе в мире явлений, мыслящий человек XX века не может (даже если он стоит на буржуазно-идеалистической точке зрения).

Идем далее. Лектор относится отрицательно к идеализму и материализму в их чистом виде, он ищет нечто третье. Это третье есть природа, Космос, понимаемый, как дерево о семи ветвях со внутренне присущей силой стремления к совершенству. Эти ветви суть: пространство, время, материя, психика, логика, эстетика, мораль. Каждая из этих ветвей имеет собственные законы, не сводимые друг к другу. Присмотримся поближе к этому «дереву» профессора.

Замечу здесь предварительно, что человеческому мышлению присуще стремление к единству, имеющее глубокие социально-биологические корни. Наиболее гениальные мыслители сознательно или бессознательно стремились к монизму, к пониманию бы-

* Все развитие современных наук, особенно физики и химии, прекрасно согласуется с основной идеей гегелевского учения – с идеей диалектического развития природы. (Прим. автора.)

** Весьма неудачно сформулированное выражение. Марксизм не игнорирует, а иначе, чем, например, идеализм или эклектизм, объясняет явления, не относящиеся непосредственно к экономической деятельности. (Прим. автора.)

*** Это не значит, конечно, что утилитаризм отказывался давать объяснения этим фактам. Со своей точки зрения он тоже их объяснял, как, например, Гельвеций в знаменитом сочинении «De L'esprit», Бентам и др. (Прим. автора.)

тия, исходя из одного основного принципа. Демокрит, Гераклит, Пифагор, Платон, Эпикур были монистами. В новое время монистом был великий Спиноза, энциклопед[ист] (с материалистической точки зрения). Монистами в идеалистическом смысле были Гегель, Фихте, Шеллинг, Шопенгауэр. Монисты – Фейербах, Маркс, Энгельс. К монизму стремятся Мах, Авенариус, Оствальд и др. Но профессор Жаков не чувствует, по-видимому, ни малейшей склонности к монизму и лишней* мудростью философии считает эклектизм. В этом, конечно, счастье г-на профессора. Каждый ум, стремящийся к монизму, имеет перед собой тяжелую задачу – побороть умственно все бесконечное разнообразие явлений природы, сводя их к одному началу. Наоборот, эклектика никогда не покидает душевное спокойствие, и проклятых проблем для него не существует. Обнаружилась какая-либо новая область фактов, сейчас же ей отводится восьмое место на «дереве природы», а в случае надобности, девятое, десятое и т.д., смотря по бессилию мысли эклектика. Беда лишь в том, что если б в философии безраздельно господствовал благодушный эклектизм, нам бы никогда не видать тех завоеваний коллективной человеческой мысли, которыми мы владеем теперь. Эклектизм – это нищенство в философии, собрание подаяния от различных философских систем и, как нищенство, не может жить на свой счет.

М. Л-в

№ 64. О ЛЕКЦИЯХ ПРОФ[ЕССОРА] ЖАКОВА**

3 июля

Но действительно ли, что природа есть дерево о семи ветвях? Нет, проще и ближе к истине допустить, что она едина. Иначе ей придется иметь столько ветвей, столько «алгебр», сколько ящичков в голове у философов, исследованию которых оно имело несчастье подвергаться.

Пространство и время не одно и то же, говорит профессор. Спиноза думал, что материя и протяженность одно и то же, и он был прав. Пространство, пустое пространство без материи, есть абстракция, которая, как и все абстракции, относится к «алгебре психики», пользуясь выражением профессора (форма чувственного созерцания, по Канту). Алгебра времени относится сюда же. С Божией помощью осталось пять алгебр. Идем дальше. Что такое материя? Поскольку она доступна нашему опыту, через посредство наших чувств, она является комбинацией элементов ощущений***.

Алгебра логики. Чем оперирует логика? Понятиями. Что такое понятие? Психологическое переживание или ощущение.

Алгебра эстетики и морали. Чем оперируют они? Переживаниями прекрасного в искусстве и прекрасного в поступках. Все переживания есть ощущения. Что же у нас осталось? Осталась одна «алгебра психики», но психики не в узком смысле, а в смысле совокупности элементов ощущений, составляющих единственный материал нашего опыта. В этом мире ощущений – все, что мы знаем; вне его – то, что мы не узнали, но можем узнать. В мире ничего нет, кроме ощущаемой материи**** (или энергии, что одно и то же).

Но разве книга и представление о книге одно и то же, спрашивает профессор? Не одно и то же, ответим мы, но между ними нет принципиального различия, исключающего

* Так в тексте. Вероятно, высшей.

** Окончание. Начало см.: Док. № 59, 61, 63.

*** Этим не отрицается объективность вещей и вообще независимого от нашего сознания бытия как причины ощущений, потому что это бытие есть предпосылка для всякого сознания. (Прим. автора.)

**** Если понимать материю не в дуалистическом противопоставлении ее духу. (Прим. автора.)

возможность монистической концессии. След не то же, что нога, которая его оставила, и не то же, что глина, на которой он запечатлелся. Но и ноги, и след, и глина – явления одного материального, ощущаемого чувствами мира. Не то же ли здесь? Что такое книга? Материя. Что такое мозг? Материя. Что такое представления о книге? Известное состояние материи мозга, изучение которого (т.е. мозга в процессе восприятия) дело недалекого будущего. Между моим ощущением книги или представлением о ней и возможным зрительным ощущением моего соседа, наблюдающего мой мозг в этот момент, такая же разница, скажем, как между осязательным и зрительным ощущением.

Но ведь законы психологии и законы, положим, эстетики, логики, морали совсем иные, говорит профессор. Если он хочет сказать, что у различных наук существуют различные методы и потому существующее их деление целесообразно, с ним не приходится спорить. Если же он хочет сказать, что материал, подлежащий изучению наук, принципиально различен, то, как мы видели, он не прав.

Замечу здесь, кстати, что лектор, оттеняя разницу между математикой и логикой, допустил грубую ошибку, которую я счел бы за обмолвку, если б он ее не повторил. Лектор заявил, что, по логике Гегеля, $A=A$. Это, по Аристотелевской логике, $A=A$ и закон тождества правил. По Гегелю, все в мире течет, все меняется ежеминутно и ежесекундно, и то, что сейчас A , через секунду уже не A , а нечто иное: A плюс некоторое изменение. Опираясь на эту ошибку, лектор противопоставлял философии Гегеля современную теорию бесконечно малых. Между тем теория бесконечно малых логически вытекает из учения Гегеля, это ее философское обоснование.

Обратимся теперь к главной сути лекции, к учению о «потенциале». Что такое потенциал? Лектор нигде не дал точного определения этого понятия в немногих словах. Насколько я понял его, потенциалом он называет внутренне присущее природе стремление к идеалу, осуществляющееся в вечном процессе развития. Пользуясь сравнением профессора, потенциал по отношению к развивающемуся Космосу такая же сила, которая заставляет зародыш человека развиваться в зрелый организм. По мнению профессора, в мире не все стихийно, в нем есть какая-то целесообразность, какая-то сознательность. Изучение эволюции неба заставляет предположить, что мир развивается в направлении к большему единству, большей солидарности. Ценность мира увеличивается, надежда на бессмертие имеет почву, потому что погибшая жизнь возродится снова, на высшей ступени мировой эволюции.

Имеет ли какое-либо научное основание утопия* профессора Жакова? По-моему, никакого или столько же, сколько любая из пессимистических систем, опирающаяся на закон энтропии**. Наука опирается на факты и лишь постольку может предсказывать будущее, поскольку изучает тождественные или относительно подобные процессы, результаты которых хочет предсказать. Так обстоит дело в астрономии, в общественных науках и т.д. Осуществление потенциала бесконечно во времени, между тем перед лицом Вселенной весь опыт человека – менее миллионной секунды из дня Космоса. Какие же предсказания он может сделать о будущем последнего? Он может гадать, мечтать, может верить во все, во что ему хочется верить, но знать, хотя бы с малой долей вероятности, о бесконечно удаленном будущем мире он не может. «Потенциал» профессора Жакова основан на вере. А где вера стучится в одну дверь, наука уходит через другую.

* Профессор в своей лекции совершенно не провел грани между научной частью своего изложения и утопией, так что слушатели могли счесть его построение о потенциале астрономическим научным выводом. Подчеркну относительность и приблизительную вероятность всякого научного знания, профессор, в конце концов, не науку возвысил насчет утопии, как должен был поступить каждый ученый, а свою утопию возвысил путем приращения науки. (Прим. автора.)

** Безвозвратная потеря мировой энергии.

Такова солнечная утопия профессора, в которой – увы! – так мало света для темных голов и мораль которой – толстовское непротавление злу – это величайшее зло в веке, когда борьба есть источник всякого прогресса.

М. Л-в

№ 65. ОБЗОР ЖУРНАЛОВ «СОВРЕМЕННЫЙ МИР»
И «РУССКОЕ БОГАТСТВО» (июнь)

8 июля

Первые страницы «Современного мира» всегда начинаются с чего-нибудь длинного. Длинный роман Серафимовича уступил свое место повести Гусева-Оренбургского «Призраку», тоже, по-видимому, длинный, потому что «продолжение следует». Собираясь читать эту повесть, я подумал: опять, должно быть, придется иметь дело с духовными. Так и оказалось. Недавно Амфитеатров заметил по адресу Гусева-Оренбургского, что он уже описал сто попов и сто одного дьякона, а теперь описывает сто первого попа и сто второго дьякона. Но как бы не повторялся Гусев-Оренбургский, все-таки и описание сто первого попа вы читаете с интересом, потому что перед вами живые типы, нарисованные человеком, хорошо знающим данную среду и не лишенным таланта.

В публицистическом отделе журнала интересна статья польского марксиста Л. Крживицкого «Бродяги и домоседы». Автор выставляет целый ряд соображений и фактов в доказательство того, что, во-первых, к бродягам неправильно причисляют обычно лишь лиц из самых низов общества, не желающих работать и предпочитающих скорее сидеть систематически в тюрьме и переносить всевозможные лишения на воле, чем вынести несколько месяцев систематического труда. По мнению Л. Крживицкого, к бродягам нужно отнести многих лиц из высших классов, которые страдают болезненною склонностью к передвижениям и отвращением к систематическому труду. Сюда он относит и некоторых из знаменитых путешественников, например Нансена. Есть различные степени бродяжничества. Некоторые из видов бродяжничества, например отходы на промыслы в наших промышленных губерниях – Владимирской, Костромской и др., по мнению автора, есть тоже разновидность бродяжничества. Л. Крживицкий старается доказать, что причиной бродяжничества является не невроз, не известная психическая ненормальность, как думают некоторые социологи, а наоборот, самый невроз есть следствие неудовлетворения естественной, по наследству получаемой человеком склонности к передвижению. Дело в том, что человечество имеет позади себя период кочевой жизни, которая при тогдашних условиях, конечно, была вполне нормальной и необходимой. Оседлая жизнь не успела искоренить окончательно кочевые интересы у человека, и теперь они пробиваются у многих, но, не находя выхода, действуют отрицательно на психику, как и всякая неудовлетворенная потребность.

Бродягам Л. Крживицкий противопоставляет домоседов. Если у первых наблюдается боязнь к пребыванию на одном месте, то у последних, наоборот, замечается боязнь передвижения, боязнь всего нового: новых мест, новых людей, новых условий жизни. Второй тип – это порождение оседлого периода. В общем, статья Л. Крживицкого проливает свет на одну из любопытных сторон современной общественной жизни и заслуживает внимания.

В статье «Бердяев и моя бабушка» Ортодокс останавливается на помещенной в «Русской мысли» статье Бердяева «Национализм и антисемитизм перед судом христианского сознания». В этой статье уверовавший «марксист», между прочим, писал: «Для всякого христианина обязателен религиозный антисемитизм, религиозное противление антихристианской идее еврейства». И далее: «Ненависть к евреям, расовая, бытовая,

политическая, недопустима для христианина и так же греховна, как и всякая ненависть к человеку. Но возможна религиозная ненависть к антихристианской идее еврейства, и в глубочайшем смысле этого слова она неизбежна». Правда, г-н Бердяев пытается отмежеваться от погромщиков и «Нового времени» и союзнических изданий. Но Ортодокс совершенно справедливо замечает, что принципиально г-н Бердяев стоит на одной точке зрения и расходится с ними лишь в вопросе о наиболее целесообразных методах борьбы с еврейством, следовательно, лишь в вопросах тактики. По существу же, он выступает хотя и весьма благочестивым и христианским, но тем не менее погромным идеологом.

В статье «Безнародная демократия» Ст. Иванович останавливается на судьбе трудовой группы, которая в настоящий момент представляет, по его мнению, парламентскую группу, не связанную организационно и мало связанную идейно с теми общественными классами, которые выдвинули это течение. По мнению Ст. Ивановича, трудовая группа потеряла теперь свою классовую основу — среднее крестьянство, стремившееся к решению аграрного вопроса, — вследствие дифференциации в среде этого класса и вообще вследствие полного хаоса в современной деревне. И хотя «по инерции» на предстоящих выборах трудовики будут иметь некоторый успех, однако им суждено оставаться «безнародной демократией», если они «решительно обеими ногами не станут на почву защиты средней и мелкой буржуазии — деревенской и городской».

В статье Ст. Ивановича есть верные мысли, но есть и противоречия. Во-первых, мудрою одной партии защищать интересы и средней, и мелкой буржуазии. Вряд ли автор станет утверждать, что интересы среднего фабриканта или купца тождественны с интересами мешанской бедноты и бедноты крестьянской. Неясно далее, что называет автор мелкой буржуазией деревни: только ли кулаков и вообще тех «сильных», на которых делал ставку покойный Столыпин, или же всех, ведущих самостоятельное хозяйство. Во всяком случае нельзя защищать интересы сразу и полупролетария, и среднего крестьянина, и зажиточного, вплоть до кулака. Кроме того, мудрою одной партии выражать интересы городских и земледельческих классов одновременно. Сам автор указывает в своей статье на неустранимое противоречие между продавцом сельскохозяйственных продуктов и их городским покупателем. В данном случае он сам аргументирует против себя.

Интересный вопрос затрагивает А. Ерманский в статье «Торгово-промышленный класс перед выборами в Госдуму». Вопрос о политической роли в России крупного капитала и возможной его эволюции влево или вправо усиленно дебатировался в последнее время. На эту тему писал тот же Ерманский в № 4 «Нашей зари». С возражением ему выступил В. Ильин в № 5 марксистского журнала «Просвещение». Теперь А. Ерманский снова возвращается к этому вопросу. В своей статье он доказывает, что русская крупная буржуазия прекрасно уживается с современными политическими формами государства, что ее диверсии в сторону либерализма не имеют серьезного значения и в главном вопросе, в вопросе о протекционной системе г-да Рябوشинские совершенно солидарны с г-дами Крестовниковыми. Поэтому все «схемы», согласно которым переход крупной буржуазии в оппозицию неизбежен (автор имеет здесь в виду «схемы» Мартова, Дана и др.), неосновательны.

Он пишет: «Весь корень ошибки таких схем в том и заключается, что авторы исходят из своих взглядов на потребности нормального и свободного развития производительных сил буржуазного общества, приписывая эти взгляды и нашим деятелям капитала. Вся беда в том, что при этом *игнорируется* основной факт коренного *расхожденья* между объективными интересами промышленности и интересами промышленников, как они сами их понимают и как они их неизбежно будут понимать при настоящем положении вещей» (стр. 315).

А. Ерманский слишком несправедлив к своим единомышленникам: Л. Мартов и Ф. Дан не доходили до такой наивности, чтобы приписывать промышленникам свои взгляды на нужды капиталистического развития России. У них наблюдается только некоторая тенденция к этому. Ошибка названных публицистов в том, что они придают слишком большое значение крупной и (средней) буржуазии в осуществлен[ии] необходим[ых] России преобразов[аний] и не верят в то, что объективные потребн[ости] капиталистич[еского] развития со стороны политических преобразований могут быть осуществлены не только при индифферентном отношении буржуазии, но и вопреки ей, что, наконец, они не верят или слишком мало верят в неизбежность скорого осуществления таких радикальных преобразований, проводимых в жизнь рабочей и крестьянской демократией.

Оставляя в стороне беллетристику «Русского богатства», где нет ничего, заслуживающего внимания, обратимся к публицистическому отделу. Здесь наиболее интересен ответ В.Г. Короленко «Русскому инвалиду» под заглавием «Кто виноват». Этот ответ, посвященный злободневному вопросу об отношении военной этики к гражданской, мы усиленно рекомендуем вниманию читателя.

В своем письме из Англии Дионео останавливается, между прочим, на новом явлении в жизни английского пролетариата – на стремлении его к высшему образованию. Интересно, что это стремление не связано с другим стремлением – перейти в ряды среднебуржуазных классов, получив высшее образование, а наоборот, рабочие стремятся оставить в своих рядах молодежь, получившую высшее образование, и сохранить ее для руководства рабочим движением. Дионео дает описания двух таких рабочих университетов: известного университета памяти Рескина, где группируются более умеренные кадры рабочей молодежи, и лондонского рабочего колледжа, руководимого профессором Хердом и содержимого на средства главным образом профессионального союза углекопов – наиболее революционно настроенной части английского пролетариата.

В статье «Материалистические и идеалистические элементы в системе Карла Маркса» М.Б. Ратнер занимается розыском идеалистических моментов в марксизме. Ему кажется, что он их нашел. Он пишет: «Раз последним неразложимым элементом, который кладется Марксом в основу всего общественного исторического здания, является труд в виде определенной суммы физической и психической энергии, то на каком основании можно при таких условиях строить гипотезу о материалистическом характере этой общественно-исторической философии?» Г-н Ратнер не обнаруживает большого понимания теории, которую взялся разбирать. Во-первых, для марксиста не существует разницы между психической и физической энергией человека, между которыми очень трудно провести грань. Для него существует затрата энергии человеческого тела. Ведь если будет доказано, что в процессе производства человечество затрачивает больше психической, чем физической энергии, то от этого исторический материализм ни на йоту не перестанет быть материализмом. Дело не в том, какой род энергии затрачивает отдельный человек или целый класс, а в том, какие мотивы заставляют затрачивать эту энергию – мотивы идеалистического или экономического характера. Если статья на точку зрения г-на Ратнера, то получится, что в основе деятельности класса крупных капиталистов или земельной аристократии, защищающих свои карманные интересы путем затраты «психической» энергии, лежит идеалистический элемент. Как видим, г-н Ратнер делает грубое смещение «психического» с «идеалистическим», что совершенно недопустимо.

№ 66. РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ ЗА ИЮНЬ

12 июля

Забастовочное движение в июне носило исключительно экономический характер и поэтому по сравнению с движением в мае, естественно, должно было получить более узкие размеры. За месяц была лишь одна если не политическая, то близкая по характеру к политической забастовка — на фабрике Зотовых в Костроме, где рабочие требовали увольнения трех черносотенцев, по доносу которых несколько рабочих арестовали за празднование 1 мая.

Если же сравнивать размеры чисто экономического движения за май и июнь, то окажется, что в июне экономических стачек было больше. Это можно видеть из следующих цифр. В мае было 124 экономических забастовки с приблизительным числом участников до 100 000. В июне была 131 забастовка*. Что касается числа участников в этих забастовках, то по обыкновению его очень трудно определить, так как большинство стачек газетами регистрируется без указания числа участников; имеются лишь данные о 46 стачках, в которых принимало участие 52 495 человек. Если вспомнить, что число участников в наиболее крупных фабриках бывает обыкновенно известно и, следовательно, две трети стачек с неизвестным числом участников происходили на более мелких предприятиях, то нужно допустить, что в этих забастовках участвовало пропорционально меньше рабочих, но во всяком случае в сумме не меньше, чем на одной трети упомянутых предприятий. В общем, следовательно, число забастовавших за июнь не меньше и, вероятней всего, что больше 100 000 человек. Я говорю «забастовавших», потому что в подсчет входят лишь новые, возникшие в июне забастовки, рабочие же, продолжающие бастовать с прошлых месяцев, сюда не причисляются.

Что касается результатов забастовок, то в 81 случае они неизвестны. В 59 случаях результат забастовок, начавшихся в самом июне, а также продолжавшихся с предыдущих месяцев, известен. Кончились для рабочих полностью или частично удачей 35 забастовок, полной неудачей — 24. Как видим, борьба, в общем, оканчивается почти на 60% случаев благоприятно для рабочих. Характерно и то, что в огромном большинстве случаев стачки носят наступательный, а не оборонительный характер.

Территориально стачки распределяются так. На Петербург приходится 27, Москву и Центральный промышленный район — 25 стачек, в Прибалтийском крае было 17 стачек, в Польше — 16, в Сибири — 6, на Урале — 2, в остальной России (главным образом, на юге) — 37. По сравнению с прошлым месяцем стачечное движение в провинции усилилось.

Что касается деления стачек по отраслям производства, то по-прежнему относительное большинство принадлежит стачкам в металлургической промышленности, а именно 32 ст[ачки]; но характерно, что в этом месяце наблюдалось быстрое увеличение стачек в мануфактурной промышленности, которая отнюдь не переживает такого подъема, как железнодорожная промышленность. В мануфактурных предприятиях было 17 стачек. Строительная горячка отразилась на усилении стачек среди рабочих, занятых на постройках. Таких стачек было 13, считая Либавскую и Рижскую стачки, захватившие много предприятий, за две. В мебельно-столярных заведениях — 8 стачек, в типографиях — 7, чернорабочих и грузчиков — 5. Остальные падают на различные отрасли (стеклянные фабрики, кирпичные и цементные заводы, лесопилки и др.).

* Все мои цифры получены путем сводки данных, содержащихся в газетах. А так как в печать проникают сведения не о всех забастовках, то приведенные данные ниже действительных. Они ниже еще и потому, что некоторые стачки в ряде предприятий, как, например, общая стачка строительных рабочих или всех портных города, считались за одну. Отдельные мелкие стачки в предприятиях ремесленных с числом рабочих ниже 20 чел. совсем не считались. (Прим. автора.)

Следует отметить необыкновенное упорство многих из забастовавших. Некоторые стачки в Петербурге тянутся с апреля и до сих пор не ликвидированы. И это при отсутствии прочных профессиональных союзов и регулярной помощи.

М.Л.

№ 67. «ДЕМОКРАТЫ» ИЗ «ЗАПРОСОВ ЖИЗНИ»

18 июля

Одно время можно было надеяться, что еженедельный журнал «Запросы жизни» станет органом трудящихся и, таким образом, с пользой для дела демократической борьбы заполнит пустоту, образовавшуюся между кадетской печатью во главе с «Речью», с одной стороны, и органами последовательной рабочей демократии, «Звездой» и «Правдой», — с другой. Прочитавшим № 17 «Запросов жизни» придется взять свои надежды обратно.

Дело в том, что петербургские рабочие газеты «Новая звезда» и «Правда» выступили с рядом статей, в которых призывали демократические элементы Петербурга голодовать за представителей рабочей демократии и отвоевать, таким образом, столицу у кадетов. Такой тактики рабочая демократия держалась всегда, т.е. при выборах во 2-ю Думу, в 3-ю, при дополнительных выборах в 1909 г. С тех пор не произошло ничего такого, что бы вынуждало изменить эту тактику. Наоборот, эволюция кадетов вправо вообще и в частности их решение поддерживать левых октябристов на выборах, исключая возможность какого бы то ни было соглашения с левыми, еще более вынуждают придерживаться старой тактики. Для слепых ясно, что в центральном вопросе — в вопросе об отношении к режиму 3 июня — между кадетами и демократами существует непримиримое противоречие, по сравнению с которым расхождения кадетов с октябристами можно назвать домашним недоразумением. Кадетам не выгоден 3-июньский режим и поддерживающее его соотношение сил, в результате которого их оттирают от власти. Но они также боятся всяких общественных пертурбаций и проявления народной самостоятельности. Они боятся, что в результате слишком быстрого движения вперед они также могут очутиться вправо от власти, как теперь находятся влево от нее. В конце концов, они желают добиться желательных для них преобразований (т.е. весьма умеренного шага вперед) путем либеральной дипломатии, т.е. таким способом, каким не был решен ни один вопрос подобного рода на протяжении всего периода всемирной истории. Боязнь народной самостоятельности гораздо больше спланирует кадетов с октябристами, чем объединяет их с левыми в борьбе с 3-июньским блоком.

Следовательно, каждый искренний и хоть немного вдумчивый демократ может только приветствовать самостоятельное выступление рабочей демократии на выборах и попытку ее отбить у кадетов те или иные позиции. В случае неудачи этой попытки остается тот плюс, что политически спланируется активная часть пролетариата и городской демократии, в то время как с другой стороны нет ни малейшей опасности получить вместо существующего кадетского представительства от Петербурга более правое. Черносотенной опасности в Петербурге не существует. При выборах в 3-ю Думу число голосов, поданных за союзников и октябристов, значительно сократилось по сравнению с выборами во 2-ю Думу, где названные партии собрали тоже очень значительное количество голосов. Ожидать каких-либо резких изменений в противоположную сторону при выборах в 4-ю Думу нет ни малейших оснований. К тому же действующий закон допускает перебаллотировки. Если же вспомнить, что левому демократическому блоку не хватило при выборах во 2-ю Думу всего около 1500 голосов, чтобы победить кадетов, то станет ясно, что такая победа при выборах в 4-ю Думу вполне возможна. Обстоятельства сложились в Петербурге так, что для всякого буржуазного демократа вопрос поставлен ребром, что

ему ближе и кто дороже: последовательный демократ, представитель рабочих или половинчатый либерал, представитель буржуазной интеллигенции и средней буржуазии. «Трудовики» из «Запросов жизни» решительно хватаются за фалды либерала и пытаются кучей жалких и бессвязных слов оправдать свою измену демократии. В отделе за неделю читаем: «Честный демократизм найдет лучшее употребление своим силам, чем поддержку амбиции г-на Ф.Ф. (Автор статьи в «Невской звезде». — М.Л.) Слишком далек честный демократизм от макиавеллизма».

Итак, самостоятельное выступление демократии — «макиавеллизм», и когда в Питере появятся в избирательной борьбе два списка: демократический и кадетский, то г-да «честные демократы» найдут «лучшее употребление своим силам» и подадут голоса за кадетов!

Далее читаем: «Единственным результатом агитации «Невской звезды» может быть только углубление внутренних раздоров в демократии — раскол оппозиции. И в этом, по-видимому, главная цель затеи».

Итак, рабочая демократия виновата уже тем, что она существует, потому что, раз она существует, она не может не вести самостоятельной линии в избирательной борьбе. Иначе в чем же должно выразиться ее самостоятельное существование? Для последовательной демократии в Петербурге существует кадетская опасность. Для кадетов существует демократическая опасность. Для «демократов» из «Запросов жизни» тоже существует демократическая опасность в лице рабочего класса и городской бедноты. Недурные демократы!

Мы никогда не были высокого мнения о демократической последовательности г-д Водовозовых и Бланков. Теперь же, после их откровенного выступления против петербургской демократии, мы, помимо всяких полемических преувеличений, должны признать, что эти господа являются замаскированными либералами, кадетами «судешевленного издания для народа».

Все читатели «Запросов жизни» из демократических слоев теперь, несомненно, отвернутся от органа, в котором надеялись видеть выражение своих взглядов. Даже в наш век ренегатства и отступничества не всякому улыбается перспектива поддерживать кадетских приказчиков, подбирающих *Stimmenvieh* (голосующий скот) для г-д Милоковых.

М. Леонов

№ 68. ОБЗОР ЖУРНАЛОВ «ВЕСТНИК ЕВРОПЫ» (июль) И «ЗАВЕТЫ» (июнь)

20 июля

В июльской книжке «Вестника Европы» напечатано окончание интересных очерков Тана «Голодная деревня». Перед читателем проходят интересные типы мужиков и всплывают современные настроения деревни. Вот картинка из очерка «Искатели».

— Тук, тук... Таинственный стук.

— Кто там еще? Войдите, если вам надо!..

Входят двое, высокий и низкий, оба в лаптях и полушубках. Встали на пороге, молчат, а шапки — под мышкой, и глядят исподлобья таким странным, вопросительным, почти заговорщицким взглядом.

— Ну что скажете?

Молчат.

— Да ну, что же вам нужно, говорите, не тяните...

— А вы нам откройтесь, — возражает высокий просительно и вместе с упреком в голосе.

— Как это откройтесь? — вспыхивает мой спутник. (Автор со спутником ездили по голодающим губерниям, чтобы лично оказывать помощь на собранные в обществе деньги. — М.Л.)

– Кто вы такие, отколе, зачем?

– ...Мы так полагаем, что вы – генералы, – выпаливает другой неожиданно в упор, – от самого высшего правительства.

Дальше идут расспросы, не насчет ли 12-го года приехали, не из «бастовочных ли студентов», не слышно ли насчет нарезки земли и т.д.

А то вот другая пара ходатаев за общественное дело, которая все ищет правды и не находит. Справившись, куда можно обратиться, если проиграно дело в низшей инстанции, и получив указание, что можно обратиться потом в Палату и Сенат, мужик Беляков неожиданно говорит:

– Вон за границей, говорят, порядки другие, нельзя ли подать за границу?

– За границу нельзя, – солидно объяснил мой спутник.

– А если всемирному братству подать? – спросил Беляков.

– Какому всемирному братству?..

– Был слух такой, что ширится мирное братство всех государств на земле общее и выше».

Таких картинок читатель много найдет в интересных очерках Тана.

Неутомимый Л. Дейч продолжает печатать свои всегда содержательные и живо написанные воспоминания. В рассматриваемой книжке напечатаны его воспоминания из того времени семидесятых годов, когда, после знаменитого побега из киевской тюрьмы, они вместе со Стефановичем собирались за границу и знакомились с новыми настроениями и планами среди революционной молодежи того времени. Хотя многое из сообщаемого Дейчем известно уже из других источников и отчасти из его собственных других воспоминаний, его «На рубеже» прочтется с интересом всяким, кто интересуется историей нашей политической мысли и историей политической борьбы.

Беллетристический отдел в новом народническом журнале «Заветы» вообще представлял довольно богат. В частности, в третьей книжке читатель найдет целых шесть оригинальных рассказов, повестей и романов, конечно, не законченных.

Остановимся прежде всего на романе «То, чего не было» Ропшина, автора нашедшей в свое время повести «Конь бледный». Роман еще не закончен, и, нужно думать, в трех вышедших книгах журнала помещена его меньшая часть. Тем не менее мы скажем о нем несколько слов, не дожидаясь окончания.

Всякая тенденция несовместима с искусством и портит художественное произведение: эта аксиома эстетики не требует доказательств. Но кроме грубой, осязаемой тенденции существует еще смягченная, лучше замаскированная тенденция, если можно так выразиться, навязчивая идея произведения, которая проникает все произведение, сообщая ему определенный колорит, пропитывая собой каждую страницу. Такая предвзятая идея есть и в повести «То, чего не было». Каждая строка этого нового романа Ропшина говорит: революционная деятельность бесполезна, не нужна, вредна и морально недопустима. Ропшин так же развенчивает революционера, как Горький в своей повести «Мать» возвышал его, в то время как тот и другой должны были бы лишь *описывать* его, если хотели оставаться художниками.

Но каждая тенденция есть насилие над действительностью, и потому тенденциозное произведение всегда можно и должно поставить на очную ставку с истиной. В новом романе Ропшина таким насилием над истиной является самый узел романа – душевное состояние Болотова, когда он узнал о Цусимском бое, где в русской эскадре находился его брат. Убеденный революционер, он при этом известии почувствовал родственное чувство к брату, которого никогда не испытывал, потому что был чужд ему по убеждениям и роду деятельности, и теперь перед ним встал новый вопрос: вопрос о праве людей убивать друг друга. С этого момента и начинается душевный перелом у Болотова, результатом которого являются все большее охлаждение его к революционной деятельности и утрата веры в ее целесообразность.

Пусть заметит себе читатель, что душевный перелом произошел у Болотова в середине 1905 г., т.е. в год наибольшего подъема революционного движения и наибольшей веры в его благоприятный исход. Возможно ли было в жизни то, что произошло у Ропшина в романе с его Болотовым? Конечно, с отдельными людьми могут происходить всякие душевные кризисы в такое время, когда вся общественная обстановка действует на массу совсем в противоположном направлении. И в 1905 г. из тысяч революционеров мог, конечно, найтись один, почувствовавший нечто подобное тому, что пережил герой Ропшина. Но искусство и случайность — две вещи несовместимые. Искусство воспроизводит наиболее общее, наиболее типичное — и лишь постольку оно искусство. Переживания Болотова, типичные для ренегатских годов 1908–1909, для 1905 г. представляют исключение и как таковые не могут интересовать художника.

Итак, основной узел романа, поскольку мы переищим себя в обстановку, которой сам автор обставил душевный процесс, подлежащий его воспроизведению, этот узел выдуман, фальшив и, следовательно, антихудожественен.

В дальнейшем мы еще вернемся к роману и остановимся на других его дефектах и некоторых достоинствах. Теперь же укажем лишь на то, что уже отметил Е. Колосов в «Голосе Сибири», а именно на подражание автора толстовской манере письма. Конечно, полезно учиться у великого мастера слова; но одно дело учиться, другое — фигурировать в качестве кривого зеркала гения. И если столь характерная для Толстого нотка проповедничества, чувствующаяся даже в чисто художественных его произведениях и так характерная для великого писателя, если эта нотка естественна для Толстого, то у Ропшина она, по меньшей мере, смешна. По-толстовски можно говорить лишь с высоты, откуда виден мир, а Ропшин еще слишком мелко плавает для этого. *Quod licet Jovi, non licet bovi**.

В очерке «Моральный идеал без идеала» В. Чернов пытается доказать, что моральные настроения Ницше близки соответствующим переживаниям трудовых классов, борющихся за лучшее будущее. Это утешительное открытие, конечно, не новость в соответствующей литературе, но для В. Чернова это, конечно, шаг вперед по пути превращения в буржуазного идеолога. Однако послушаем лучше его самого. «Те неудовлетворявшиеся наши моральные потребности, с точки зрения которых просыпающийся к сознательной жизни *сын народа* подходит ко всему — к религии, к общему взгляду на природу и жизнь, к политике, — должны стать исходным пунктом *рождения новой моральной личности* в трудовом человеке фабрик и деревень, пролетарии и земледельце» (стр. 118–119). Но для народа проще прийти к этому моральному идеалу, нам же, размагниченным интеллигентам, это труднее, но с помощью Ницше это иам, Бог даст, уластся. Что же, однако, общего у Ницше с борющимся пролетариатом?

«Под давлением кошмарной болезни духа, Ницше, подобно сдавленной пружине, весь напрягался, стремясь *выпрямиться* и вольно припасть жадными устами к полновесному кубку жизни. Под давлением всего кошмара нашей жизни, этой тяжелой свинцовой тучи всяческого гнета и эксплуатации, гнетущей человека труда, и он (т.е. человек труда. — М.Л.), подобно сжатой пружине, стремится бурно выпрямиться во весь свой рост. И постольку в гимнах Ницше для него звучат родные, знакомые мотивы — *воли к здоровью, воли к жизни, воли к власти, воли к победе*» (стр. 120).

Смешное и жалкое впечатление производят все эти попытки записаться в родственники Ницше вопреки явному нежеланию и презрению со стороны последнего. Ницше резко отрицательно относился к борьбе социалистического пролетариата, и это было не недомыслие, не случайность, не ляпсус. Недомыслием являются попытки примирить индивидуалистическую философию Ницше и индивидуалистические поры его «я», его сверхчеловека с товарищеским духом рабочей кооперации, основанной на принципе подчинения личности интере-

* Что позволено Юпитеру, то не позволено быку (лат.).

сам целого. Моральная бунтующая личность Ницше восстает не только против общества с его давящими традициями, но немедленно разовьет отталкивающую энергию против всех тех, кто вместе с ней будет бороться с этим обществом и захочет сделать борьбу наиболее целесообразной, подчинив личность организации. И если В. Чернов объявляет философию Ницше близкой моральным переживаниям борющегося пролетариата, то это доказывает, что сам он очень далек от последнего и, наоборот, состоит в близком родстве с буржуазно-индивидуалистической идеологией, разновидностью которой является учение Ницше.

М.Л.

№ 69. ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС

22 июля

Приезд японского принца Кацуры в Петербург снова поставил перед русским обществом вопрос о будущем нашей дальневосточной окраины и [о] наших интересах на Востоке. Среди довольно разнообразных мнений о наиболее выгодной для России политике на Дальнем Востоке наибольшим признанием в обществе и в дипломатических кругах пользуется идея о тождестве русских и японских интересов в китайском вопросе и мысль о возможности и желательности если не союза, то русско-японского соглашения в интересах «разграничения сфер влияния в Маньчжурии и Монголии», или, выражаясь без аллегории, союза для полюбовного раздела северных провинций Китая.

Высказанное сейчас мнение является близоруким и может оказаться так же пагубным для России, как оказалась когда-то пагубной надежда закидать японцев шапками. Прежде всего, интересы Японии не только не совпадают с интересами России на Дальнем Востоке, а диаметрально противоположны им. Хозяйственное развитие Японии властно требует приобретения все новых и новых рынков для развивающейся провинции и земли для избыточного населения. Расширение территории для Японии возможно насчет Китая и насчет России. В настоящий момент в порядке дня Японии стоит расширение своих владений насчет Китая, а именно путем присоединения части Маньчжурии. Но такое расширение может вызвать протесты, во-первых, России, во-вторых, европейских держав. Протесты держав не могут быть особенно настоятельными, потому что серьезных интересов в Маньчжурии они не имеют. Столкновение с Россией может кончиться войной, но этот путь для Японии пока вовсе не обязателен. Ей выгоднее теперь заинтересовать Россию в своем предприятии соответствующей компенсацией в виде Монголии или части Маньчжурии и вместо врага приобрести на время союзника. Но вот Маньчжурия разделена, Япония входит в непосредственное соприкосновение с русской территорией, в порядке дня этой страны – дальнейшее расширение ее владений. Нужно ли доказывать, что это расширение легче всего осуществить насчет России, насчет ее собственной территории и насчет доставшейся ей части Китая? Стоит взглянуть на карту, чтобы убедиться, как естественен, как неотвратим именно такой ход событий. Надо ли доказывать далее, что, как и в прошлой войне, Япония окажется в более выгодном положении, на ее стороне более сильный флот и армия, которая может быть сформирована очень быстро и двинута против разрозненных и малочисленных русских гарнизонов. В результате приобретения части китайской территории в дальнейшем грозит нам потерей наших собственных владений и кучу иных бедствий, связанных с неудачной войной.

Не очевидно ли из сказанного, как близоруки те дипломаты, которые готовы идти навстречу планам Японии и готовы говорить чуть ли не о союзе с ней. Они хотят сделать первый шаг к такому обороту событий, который их самих приведет в ужас своей неожиданностью. Но тогда уже поздно будет отступать. За первым шагом, который мы делаем совместно с Японией в согласии с умно разработанным планом последней, второй шаг она сделает уже не с нами, а на нас.

Но что же нам делать, если дело обстоит таким образом?

Самой благоразумной, самой дальновидной политической России на Дальнем Востоке была бы политика защиты неприкосновенности Китая, политика союза с Китаем в целях самозащиты от Японии вместо политики раздела Китая в союзе с Японией. Правда, эта политика чужда авантюризму, чужда попыток обобрать слабого соседа, к чему склоняют нашу дипломатию патриоты и тупоумные «бисмарки» из октябристов. Но зато эта политика обеспечивает равновесие сил на Дальнем Востоке, обеспечивает мир и открывает двери Китая для развития там русской торговли. Мы можем тогда много приобрести, ничего не теряя, в обратном же случае мы сначала как будто многое приобретаем, чтобы, однако, еще больше потерять в дальнейшем.

Союз с Китаем — это грозная крепость, воздвигнутая против агрессивных намерений Японии и защищающая наше Приамурье от сильнейшего врага.

Наоборот, союз с Японией против Китая — это широкая дверь для прорыва Японии в нашу Сибирь, это первый шаг к тому оглушительному удару, под который мы сами готовы подставить свою голову.

Не ясно ли, какой путь выгоднее в интересах России, в интересах мира, в интересах широких народных масс, которым дороже всех обходится везде политика авантюризма.

М. Леонов

№ 70. НАЗРЕВШИЙ ВОПРОС

27 июля

Скандалные разоблачения об одесском муниципалитете*, который чуть ли не в полном составе обвиняется в получении взяток от бельгийцев в сумме 200 с лишним тысяч за продление им концессии на трамвай и электрическое освещение, снова, и притом в тысячу первый раз, ставит на очередь вопрос о реформе нашего городского самоуправления. Я говорю тысячу первый раз, потому что растраты общественного имущества, подкупность и всяческое использование общественных функций в своекорыстных целях наполняют всю историю нашего самоуправления, начиная с 1870 г. Городское хозяйство в его теперешнем виде, т.е. когда оно отдано всецело в руки крупнейших собственников, в то время как остальная масса городского населения: домовладельцы и квартиронаниматели — устранены от влияния на него, это хозяйство немногим лучше, чем хозяйство казны. Вместо интендантов по назначению появляются по всему пространству земли русской тучи интендантов по выбору. Надо ли добавлять, что воры, «доверием народа обремененные», представляют гораздо более отвратительное явление, чем уличенные в растратах чиновники? Утешаться можно лишь тем, что выборы здесь — одна лишь комедия, и вопиющие факты, которыми полны газеты, говорят не о недостатках самого принципа самоуправления, как думают реакционеры, а о недостатках данной системы самоуправления, отстраняющей от участия в городских делах широкие слои городского населения, наиболее заинтересованного в рациональном ведении хозяйства и способного осуществлять действительный контроль над своими выборными. Эти факты говорят далее о навыках и психологии того верхнего слоя городской буржуазии, который в своей обыденной жизни, в своих будничных профессиональных занятиях знает лишь один принцип: обогащайся во что бы то ни стало.

* Надо ли добавлять, что уличенный в подкупности муниципалитет состоит в большинстве из истинно русских. Все эти г-да Пеликаны и Моисеевы, так шумевшие при Толмачеве и теперь лишний раз подтверждавшие, что подкупность и растраты — основное свойство истинно русского духа. (Прим. автора.)

Но и там, где верхний слой городского населения оказывается более культурным и ему удается наладить городское хозяйство более или менее сносно, наблюдаются явления, совершенно недопустимые в муниципалитете демократическом. Здесь, правда, не крадут общественных денег, гласные и члены управы не сдают подряды самим себе через подставных лиц, не проводят водопроводы к своим домам, не мостят только тех улиц, на которых стоят их собственные дома. Но зато здесь наблюдаются другие недопустимые вещи. В основном вопросе, в вопросе о городском обложении, крупнобуржуазный характер самоуправления обнаруживается целиком. Существует не прогрессивно-подходящее обложение, а наоборот: кто бедней всех, тот относительно больше всех платит. Брать налог, прогрессивно возрастающий с ростом дохода, это, видите ли, пахнет социализмом. А обложить налогом мешанство, перебивающееся с хлеба на квас, извозчиков и вообще городскую бедноту – это самое патриотическое и благонадежное дело. В общем, те слои городского населения, которые сравнительно со своим доходом больше всех платят, меньше всех участвуют в ведении городского хозяйства.

Реформа городского самоуправления назрела давно. Но реформа эта должна быть радикальной, демократизация избирательного права должна быть полной. Опыт Петербурга это ярко доказал. Как известно, в Петербурге в виде опыта, со времени еще Плева, к выборам городских гласных привлечены кроме домовладельцев наиболее состоятельные из квартиронанимателей. Эти последние составили сплоченную группу новодумцев, которая старается ввести европейские порядки в городское хозяйство. Но так как эта группа составляет меньшинство, а большинство принадлежит стародумцам, т.е. сторонникам старой системы хозяйства, практикующейся еще стари в России с большим успехом для карманов отцов города, то в Петербурге все осталось по-старому. Хищения в столице продолжают, как это обнаружила сенаторская ревизия Нейдгарда, хозяйство ведется бессистемно, неотложные нужды города, как, например, канализация, до сих пор не осуществлены. Взяточничество же и радение родному человеку процветают все-таки, и только все обделывается теперь не с такой патриархальной простотой, как в каком-нибудь захолустном Глухове или Пропадинске.

Все это указывает на необходимость, не ограничиваясь частичным расширением избирательного права в городские думы, привлечь к участию в самоуправлении не только всех домовладельцев, не только всех квартиронанимателей, но и все население, проживающее в данном городе. Только муниципалитет, избранный на основе всеобщего и равного избирательного права, может вести городское хозяйство в интересах всего населения города. Только все население города может быть наиболее надежным контролером муниципалитета; только в нем и в его самостоятельности – гарантии от злоупотреблений выборных.

М. Леонов

№ 71. РЕЦЕНЗИЯ НА БРОШЮРУ Я. БОРИНА
«ЗА РОДНЫЕ ОЧАГИ (ВОЙНА 1812 года)»
(издание С. Дороватовского и А. Чарушникова. Москва)

28 июля

В нынешнем году Россия празднует столетний юбилей Отечественной войны. Этот юбилей вызвал к жизни много изданий, посвященных событиям 1812 г. Среди всей массы этой литературы есть много, если не большинство, ура-патриотических изданий, дающих извращенное представление о знаменитой кампании. Есть и брошюры, которые дают более или менее объективный очерк событий 1812 г. и предшествовавших ему лет.

К числу таких брошюр принадлежит и брошюра Я. Бориана. На 160 страницах невозможно, конечно, дать сколько-нибудь полное описание Отечественной войны. Наиболее же важные события занесены в книгу, и человеку, совершенно незнакомому с отечественной историей, брошюра дает все же довольно ясное представление о 1812 г. со стороны хроники событий. Написана брошюра популярным языком, это делает ее доступной для детей школьного возраста и для широких масс народа.

К числу изъянов брошюры, не допустимых даже при объеме в 160 страниц, принадлежит полное отсутствие характеристики социально-общественных отношений России 1812 г. Для читателя неясно, что за Россия сражалась с Наполеоном. Была ли это Россия, подобная современной, или же какая-либо другая, вроде, допустим, той, которая посадила на престол Мях[аила] Алексеев[ича]* Романова. Автор делает правильную попытку выяснить причину наполеоновских войн в связи с соперничеством Англии и Франции на всемирном рынке. Почему же обращение к экономическим отношениям века опущено, когда дело касается России?

М.Л.

№ 72. ПРАВО НА САМОУБИЙСТВО**

29 июля

III

Роль существующих социальных условий в деле развития эпидемии самоубийств станет нам еще более ясной, если мы уясним себе ту общественную обстановку, которая более всего содействует развитию психологических предпосылок для самоубийства, и, кроме того, выясним общественные отношения, которые, наоборот, укрепляют жизненные силы и устойчивость индивида.

Когда за выяснение одной общей причины самоубийств берется врач или психолог, что часто одно и то же, то он находит в счастливом положении, во всяком случае в более счастливом, чем социолог. Существуют, несомненно, некоторые основные психологические моменты, которые общи всем самоубийцам, при всем различии внешних мотивов, побуждающих их покончить с собой. Правда, попытки некоторых врачей, которые занимались проблемой самоубийства, доказать, что основной причиной самоубийства является психическая ненормальность самоубийцы, своего рода сумасшествие, потерпели неудачу: согласно одним исследованиям, процент самоубийц, психически ненормальных, достигает 60 и более, то по другим он едва достигает 30. Но если отказаться от заманчивой идеи видеть во всех самоубийцах психически ненормальных людей, то еще остаются другие психологические моменты, которые, бесспорно, наблюдаются у всех самоубийц. Основной момент — это угнетенное настроение, потеря вкуса к жизни***, падение настроения ниже жизненного нуля. Но не нужно обладать особенно глубокими теоретическими запросами, чтобы видеть недостаточность отмеченного момента для объяснения причины самоубийств. Душевное состояние, предшествующее самоубийству, не причина последнего, а вместе с самим самоубийством есть следствие той действительной причины самоубийств, которую мы стараемся уловить, хотя бы в общих чертах. Конечно, врач может удовлетворяться обобщениями о душевном состоянии самоубийц. Но социолог должен идти

* Так в тексте. Правильно: Михаила Федоровича.

** Продолжение. Начало см.: Док. № 57, 60.

*** Если не к жизни вообще, то к существующей жизни или той, которая предвидится на долгие годы. (Прим. автора.)

дальше. Должна идти дальше также и мысль всякого мыслящего человека, хоть раз задумывавшегося над разбираемой проблемой.

Где причина потери вкуса к жизни, той отчужденности от людей, которая предшествует самоубийству? Я должен оговориться, что не говорю здесь о душевной подавленности, вызванной физиологическими причинами*. Самоубийство неизлечимого паралика есть ускорение процесса естественного умирания. На три четверти своего существования больной уже умер, и эта его смерть на остальную четверть только с внешней стороны является насильственной.

Каждому исследователю современных самоубийств должно было броситься, несомненно, в глаза, что наибольший процент самоубийств дают крупные городские центры, а из стран – те, которые находятся на высшей ступени капиталистического развития. Наибольший процент самоубийств в мире дает Саксония, наиболее промышленная часть Германии. Средства противодействия самоубийствам, которые создает капитализм, очевидно, еще слабее здесь, чем те тенденции к усилению самоубийств, которые он порождает. Впрочем, об этом ниже. В России на миллион населения приходится в год самоубийств во всей стране 34,7**, в Петербурге же за последние годы – в среднем 780 на год, в Москве – около 500. Для средней за последние десять лет цифры относительно Петербурга и Москвы надо уменьшить вдвое. Но и за всем тем разница между средней самоубийств в столицах и во всей стране является разительной. Чрезвычайно характерно далее, что из профессий наибольший процент самоубийств дает армия, а именно за пятилетие, 1903–1907 гг., на 1 млн приходилось самоубийств в стране 33,4, среди солдат – 136, среди офицеров (за четыре года в среднем) – 1941,5 (по данным доктора Новосельского). Наибольший процент самоубийств в истории страны дают периоды пореволюционные, эпохи контрреволюций. Эти факты уже говорят об очень многом. Они говорят о том, что чем сильнее в обществе действуют силы, разобщающие личность от общества, индивида от рода, отдельного члена класса или сословия от сословия или класса в целом, тем заметнее возрастает кривая самоубийств.

Родовой строй общества, современный крестьянский «мир», средневековые цехи и гильдии и прочие общественные группировки обеспечивали входящей в них личности помощь материальную в нужде, моральную поддержку, совет, наконец, властно вмешивались в частную жизнь человека. Важно лишь одно: человека не оставляли одиноким, он не был оторван от общественной среды. Развивающийся капитализм безжалостно разрушает старые группировки в обществе, которые не удовлетворяют новым потребностям развивающихся производительных сил. Происходит процесс новой перегруппировки индивидов, и прежде чем новый строй создаст свои, ему присущие формы объединения людей, он перегоняет их через стадию разобщенности, изолированности друг от друга, через ту Сахару недоверия и озлобленности, где *homo homini lupus est****. И вот на этом-то переходе больше всего гибнет наиболее слабых или наиболее сильно подавленных новыми условиями жизни. Человек ставится тогда в противоречие со своей собственной социальной природой, воспитанной на протяжении тысячелетий коллективной борьбы за существование. Он не выдерживает роли Робинзона, часто лишенного даже Пятницы и окруженного бушующим человеческим океаном, неумолимо равнодушным и непонятым. Он теряет центр социальной тяжести, как сломанная ветвь отрывается от общественного дерева и стремительно несется к физической смерти. В явлении самоубийства важен не самый момент физической развязки, а предшествующий этому момент, когда порываются нити, связывающие личность с обществом.

* Разграничение психологических причин от физиологических, конечно, очень условно. Всякое душевное состояние человека связано с известными физиологическими процессами. (Прим. автора.)

** Надо заметить, что эта цифра заведомо ниже действительной. (Прим. автора.)

*** Человек человеку волк. (лат.)

Провинциал, попавший первый раз в столицу с миллионным населением, прекрасно чувствует отчужденность среди людского моря, которую порождает капитализм. Никому он не нужен, никому не интересен, никто ему не поможет, если он не член какого-либо союза, партии или общества взаимопомощи. В лице профессиональных союзов рабочих, обществ взаимопомощи и корпораций других слоев, в лице политических партий капитализм развивает новые формы объединения, в которых заключается могучее противоядие самоубийствам. Но прежде чем разорившийся мелкий лавочник, пролетаризированный крестьянин или самостоятельный кустарь окажется членом рабочего союза и в новой обстановке, с новым строем мыслей и чувств при тысячной поддержке товарищей начнет проходить свой жизненный путь, лежит известный, иногда долгий промежуток времени. И вот это-то критическое время для многих бывает связано с трагическим концом.

Почему, далее, армия дает наибольший процент самоубийств? После сказанного понять это нетрудно. Армия есть собрание людей, искусственно оторванных от различных общественных слоев и механически сгруппированных в войсковые единицы. Социальная оторванность солдата не уменьшается, оттого что он живет в казармах, а увеличивается, потому что насильственное сожительство с чужими людьми не может заменить естественного общественного союза со всеми внутренними нитями, которыми он связан с входящими в его состав членами.

Высокий процент самоубийств в эпохи контрреволюции и общественного развала также очень легко объяснить с вышеприведенной точки зрения. В эпоху подъема люди тесней сплавляются для достижения общих целей, изолированность личности сокращается до минимума, и могучие силы коллектива поддерживают индивида в жизни и борьбе. Совсем обратную картину представляет эпоха развала, когда распадается старые союзы, а новые еще не возникают, когда центробежные силы общества берут верх над центростремительными. Обессиленная личность, противопоставленная обществу, теряет равновесие и гибнет при первом стечении неблагоприятных обстоятельств, которые в иное время не могли бы иметь для нее сколько-нибудь существенных последствий.

Итак, в результате нашего исследования проблемы самоубийства мы пришли к следующим заключениям.

- 1) Две трети современных самоубийств обусловлены социальными причинами.
- 2) Вопрос о праве на самоубийство в современном обществе не может быть поставлен, потому что существует не право, а обязанность самоубийства, следовательно, не самоубийство, а убийство.
- 3) Так как общей почвой почти всех самоубийств является разобщенность и оторванность личности от общества, то единственным действительным средством борьбы с самоубийствами в современном обществе является развитие всех доступных форм объединения между людьми: союзов, обществ, партий и т.п., а единственным радикальным средством против самоубийств вообще – переход современного общества на более высокую ступень развития.

М. Леонов

№ 73. ОБЗОР ЖУРНАЛА «РУССКОЕ БОГАТСТВО» (июль)

5 августа

В отделе беллетристики в июльской книжке «Русского богатства» останавливает внимание рассказ П. Булыгина «Ребята», интересный не художественной стороной, а своим сюжетом и теми вопросами, которые он возбуждает. Рассказывается

история одной любви, а именно любви между гимназисткой и гимназистом, которая приводит к самоубийству обоих, потому что родители и той, и другого не хотели и слышать о браке между несовершеннолетними девушкой и юношей. Рассказ вполне злободневен и ярко иллюстрирует то несоответствие, которое существует в современном обществе между запросами пола и социально-экономическими условиями жизни среднебуржуазных слоев. Гимназист восьмого класса может уже серьезно любить, в половом отношении он созрел для этого. Но это не значит, что он может жениться, потому что ему нужно кончить высшую школу и получить место. Здесь возможны два выхода: или обращение к проституции, или воздержание. Практика жизни решает вопрос в пользу первой. Но не все могут пересилить чувство любви и нередко кончают трагически.

В существующем обществе истинная природа брака искажается превосходящими экономическими соображениями, и очень редко половое влечение и любовь бывают единственной побудительной причиной для брака. Но половой инстинкт силен, и как ни сильны, в свою очередь, экономические факторы, с которыми ему приходится сталкиваться, он уступает лишь после битвы, а на поле сражения родителям приходится подбирать своих детей: морфий и револьверная пуля дают им лучший выход, чем тот путь, который указывает им буржуазное благоразумие. Необходимо обеспечить любви самостоятельное место в жизни и отделить брак от хозяйства. Вряд ли, однако, надо доказывать, что современному обществу не по плечу такая операция: для нее нужно общество, построенное совсем на других основаниях.

В статье «Крестьянские волнения в первый год царствования Николая I» Игнатович выясняет причины ряда волнений крепостных крестьян, имевших место в 1826 г. Осветив экономические условия жизни крепостных, волновавшихся за этот год, а именно в имении помещиков Ноинского, Цез, в рязанском имении Демидова, в тверском имении Пономаревой, в имении Грязева в Костромской губ[ернии], автор приходит к следующему выводу.

«В каждом из описанных случаев можно было вскрыть основу недовольства крестьян, коренившуюся в экономических условиях. Это были главным образом непосильные оброки, способы борьбы с оброчными недоимками, работы на фабриках и заводах и т.д. В этом отношении волнения 1826 г., разгоравшиеся под влиянием слухов чаще и несколько ярче, чем в обычное крепостное время, не отличаются от волнений в последующие годы, когда слухов, возбуждавших активность крестьян, не было, но экономические и иные причины крестьянского недовольства существовали и питали непрестанную вражду крестьян к их «отцам-помещикам».

С этими выводами автора, которые подкрепляются рядом других исследований в области затронутого вопроса, нельзя не согласиться.

С большим интересом прочтется ряд очерков г-на С. «За железной решеткой». Автор, сам пробывший годы в тюрьме и носивший кандалы, дает вдумчивый и правдивый очерк тех настроений и тех изменений в убеждениях, которые происходят у большинства тюремных сидельцев. Перед читателем проходят типы «поправеших», с одной стороны, «полевевших» – с другой. «Полевение» в общем и целом выражается в утрате веры в массовое движение и в надежде на спасительное действие «небольшой сплоченной кучки революционеров-боевиков». Типы рабочих и бывших с.-д. Сени и старика Акима Григорьевича в этом отношении чрезвычайно любопытны. «Полевение» у с.-р. выражается в переходе к анархистам и в отрицании политической борьбы (тип Киселева), у анархистов – в переходе к идейному хулиганству и уголовщине (Самуил). В общем, беспристрастная картина тюремных переживаний и тюремной эволюции революционеров, нарисованная г-ном С., с интересом прочтется каждым, кто интересуется судьбой вырванных из жизни людей, стоявших

нередко во главе пронесшегося революционного движения. Очерки интересны и для исследователя социальной психологии, и для психолога вообще.

М.Л.

Обская жизнь (г. Ново-Николаевск). 1912.

8, 12, 13, 15, 17, 19, 20, 25, 26, 29 января;

8–10, 12, 14, 19, 26, 29 февраля;

6, 9, 11, 14–16, 18, 25 марта;

6, 8, 12, 15, 22, 25, 29 апреля;

6, 11, 13, 18, 20, 23, 24, 29 мая;

6, 9, 10, 17, 19, 24, 29 июня;

1, 3, 8, 12, 18, 20, 22, 27–29 июля;

5 августа.

**№ 74. ДОНЕСЕНИЕ ЕНИСЕЙСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО
УПРАВЛЕНИЯ ДИРЕКТОРУ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ Г.Г. МОЛЛОВУ
О НЕВОЗМОЖНОСТИ УСТАНОВИТЬ АВТОРА ПИСЬМА,
АДРЕСОВАННОГО ССЫЛЬНОПОСЕЛЕНЦУ И.С. ШВАРЦУ**

№ 423

г. Красноярск

11 сентября 1915 г.

Совершенно секретно

Представляя при сем агентурные сведения за № 259, имею честь донести Вашему Превосходительству, что адресатом таковых является ссыльнопоселенец Енисейской губернии Ицек Срулев Шварц, происходящий из мещан города Николаева Херсонской губернии, осужденный 5 ноября 1913 г. Казанской судебной палатой за преступление, предусмотренное по 1-й части 102-й статьи Угол[овного] Улож[ения] в ссылку на поселение. В настоящее время проживает в Шалаевской волости Канского уезда.

Автора же такового* и лиц, упоминаемых в них, выяснить не представилось возможным.

В Иркутск сообщено за № 424.

Полковник**

* Авторство Е.А. Преображенского подтверждается письмом от 19 сентября 1915 г.: «Совершенно секретно».

Начальник Иркутского губернского жандармского управления. 19 сентября 1915 г. г. Иркутск. В Департамент полиции. [...] Имею честь донести, что автором секретного документа, адресованного «с. Шелаево [...]» является проживающий в г. Иркутске, с разрешения местной администрации, ссыльнопоселенец Карапчанской волости Киренского уезда Иркутской губернии Евгений Алексеев Преображенский...

Названный Преображенский в настоящее время проходит по наблюдению управления, как член правления (комитета) иркутской организации Российской социал-демократической рабочей партии, и 14 августа сего года на публичном собрании членов Иркутского отдела Союза городов он выступил с оглашением резолюции, составленной местными социал-демократами, включавшей в себя требование отмены черты оседлости, амнистии политических ссыльных и осуществления свобод, возведенных ВЫСОЧАЙШИМ Манифестом 17 октября 1905 г., но такая резолюция председателем собрания была отклонена. [...] Полковник (подпись). (ГА РФ. ДП.ОО. 1915. Д. 5. Ч. 27Б. Л. 48.)

** Подпись неразборчива.

Приложение

№ 259

Село Шелаево Енис[ейской] губ.,
Почт[овое] отд[еление] «Долгий Мост»

И.С. Шварц

Дорогой Исаак

Теперь покалякаем на общественные темы. В прошлом письме я писал, что здесь почти нет сторонников Жоржа, т.е. Георгия Валентиновича*. Тревожат прах жаркая боль не намерен**. Кто знает, не оказался ли бы он по проч. судьбы на позиции более приличной силе, та, кот[орую] занял Гед. Теперь, впрочем, настроение начало меняться и под влиянием нахальных успехов немцев многие антипатриоты*** полусерьезно выражают желание идти сражаться против этих рыцарей оборонительной войны. Замечается пробуждение в широких буржуазных кругах идей, уже начались собрания, напоминающие блаженной памяти бойкота 1904 и 1905 гг. можно ожидать. Недавно здесь был публичный доклад делегата здешнего отдела Союза городов, бывшего на съезде в Москве. После доклада брали слова для «вопросов» представители нашей публики, причем вопросы носили характер изложения собственной точки зрения. На втором публичном собрании отдела освещались**** вопросы о беженцах, я по поручению товарищей отдал здесь же сокращенную на оных резолюцию о свободах, публика поддерживала аплодисментами все наши выступления. В дальнейшем мы решили более планомерно выступать во всех аналогичных случаях. А синие***** работают своим чередом. Не особенно давно здесь арестовали 40 человек и типографию с.-д., предстоит процесс по 102-й статье. Арестовали одновременно 10 человек в Черемхово и 12 человек в Манзурке. Но мы пока слав. идет*****. Рабочего движения здесь пока никакого не заметно. Были только две стачки (булочников – уж давно и портных – на днях). Настроение в массах озлобленно предполагает в недалеком буд. Приходится слышать такие изумительные объяснения наших поражений, такие сведения о дворцовых изменах, о роли цариц и т.п., что только руками разводят. Все это похоже на бред сумасшедших, но это такой бред, от практических выводов из которых не поздоровится нынешнему разуму. Не могу удержаться, чтобы не привести характерный образчик, как нам пинут И.Д. Действие происходит в Ставке Главнокомандующего; приезжает туда царь с министром Двора, к ним выходит Ник. Ник. «Ты, – обращается он к царю, – иди сюда, ко мне, а ты ма... тв... и пр., – говорит он Фредериксу, – стой здесь», – приказывает часовому с винтовкой держать под арестом министра за все время беседы, так придворный этикет переводится на энергичный язык демократии.

Поздравляю вас с безответственным министром. А что касается амнистии, от свободы которой мы пользуемся, предстоящей отправки всех амнистированных на фронт, это дело не пойдет, а нужно прежде восстановить здесь...

Ну, пока, жму Вашу руку. ЕВГЕНИЙ.

ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1915. Д. 5. Ч. 27Б. Л. 38–38 об.

Донесение – подлинник. Машинопись.

Письмо – машинописная копия.

* Речь идет о Г.В. Плеханове.

** Здесь и далее в документе текст приводится дословно, с сохранением всех погрешностей, допущенных переписчиками при перлюстрации письма Е.А. Преображенского.

*** Над строкой вписано слово «пользуются».

**** В тексте «посвящались».

***** Имеется в виду синяя форма чиновников Иркутского губернского жандармского управления.

***** Так в тексте.

**№ 75-76. СТАТЬИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В ГАЗЕТЕ
«ЗАБАЙКАЛЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ»
ЗА МАРТ 1916 г.**

14, 21 марта 1916 г.

№ 75. КАМО ГРЯДЕШИ?

14 марта

Когда Герцен, подводя в «Былом и думах» грустные итоги движению 1848 г., был поражен ничтожностью полученных результатов в сравнении с первоначальными целями и усилиями, потраченными для их достижения, — он все же нашел для себя и своих современников формулу успокоения. «Полипы умирают, не подозревая, что они служили прогрессу рифа, — писал он. — Чему нибудь послужим и мы». Вспоминая теперь о душевной трагедии нашего великого публициста и той маленькой тряпочке, которой он сумел перевязать кровавую рану своих неосуществившихся надежд, невольно задается вопрос: а мы, участники и зрители величайших событий мировой истории, современники эпохи, когда решается вопрос не только о путях мирного развития на ближайшее столетие, а, может быть, вопрос о существовании современной цивилизации вообще, говорили ли мы в свое время, подводя итоги своей деятельности или своего преступного бездействия в эти великие дни, будем ли иметь право хотя бы на ту инвалидную пенсию морального удовлетворения, какой должны удовлетворяться участники событий 1848 г.? Полип освободительного движения 1848 г. боролся, страдал, умирал и, естественно, хотя бы на пространные объемы своего труда служил прогрессу рифа. Прогрессу какого же рифа должно послужить наше поколение мировой демократии, в своем большинстве смахнувшее за последние полтора года все наследие своего прошлого, бросившее в пропасть капитал, тщательно копившийся со времени знаменитого «Манифеста», капитал, ростом которого справедливо измерялась степень прочности и будущее нашей цивилизации? Когда капитализм, упершийся в невозможность разрешить проблемы, выдвинутые его же собственным развитием, обратился к истреблению избыточного населения и разгрому собственных производительных сил; когда он подверг кровопусканию полнокровный организм существующего общества, лишь бы спасти разлагающуюся по всем швам тесную одежду буржуазных производственных отношений, то для этой попытки частичного самоубийства он нашел себе неожиданных союзников. Весь ужас существующего положения заключается в том, что в этой попытке, весь объективный смысл которой сводится к сохранению и увековечению самых варварских, самых отсталых, самых враждебных прогрессу сторон современного общественного строя, приняли участие элементы будущего общества. А объективный смысл этого участия — в чем он заключается? Даже страшно подумать об одной из возможностей, и все же мы должны иметь мужество признать: это участие может означать начало разложения современной культуры, оно может быть выражением, симптомом невозможности будущего общества и началом попятного движения человечества по обратной дорожке прогресса. Прогрессу какого же рифа послужит эта демократия, внесшая столько страстности и идеализма в реакционнейшее дело и своим участием придавшая преступлению вид добродетели? Не прогрессу того ли рифа, о который разобьется корабль человеческой культуры со своим грузом наших небывших надежд; не прогрессу того ли рифа, который окажется рифом всякого будущего прогресса? Где гарантии того, что симуляция самоубий-

ства, делаемая спасающимся буржуазным обществом благодаря участию его антагонистов, не превратится в самое действительное убийство культуры и социального развития? Разве в том гарантия, что «сознательная» часть человечества совсем не выражает беспокойства и с поистине идиотской самоуверенностью созерцает развешиваемые события? Но ведь теленок, которого ведут к мяснику, тоже спокоен и радостно прыгает по мостовой...

А как много фактов, подтверждающих самые пессимистические ожидания. Из России сообщают не только о всеобщей апатии, индифферентизме и притуплении общественных чувств, но и о каком-то настроении, напоминающем пир во время чумы: прожигание жизни, безумное мотовство и роскошь, погоня за наслаждениями растут с каждым днем. Даже до Сибири докатились эти предвестники катастрофы, так ярко напоминающие последние дни Рима. И невольно думаешь, глядя на этот предвисельный восторг двуногих: они пришли на оперетку, они смотрят веселую комедию, они захвачены канканом. И никто не думает о том, что со всем своим театром, что со всей своей жизнью, пустой и ничтожной, они участвуют на другой обширной сцене. Ведь трагедия идет сейчас на сцене мировой истории, и кто-то играет на ней роль участников пира Вальтасара.

И действительно трагедия в том, что грозная рука напишет перед лицом пирующих зловещие слова. И прекратит веселую забаву. О если бы только пришли спасительные персты! Но слишком мало мы слышим о них, ничтожно мало в сравнении с ужасающей ответственностью момента, с поистине колоссальными возможностями в сторону гибели и вырождения. Хорошо, если придут персты. А если не придут, а развернется общая пропасть – и в бездну полетят не только те, кому давно там место, а и те, которые собирались еще долго жить, которые верили в безостановочный ход человеческого прогресса, которые готовились преодолеть последние препятствия к разумному устройству социальной жизни, чтобы геройскими усилиями миллионов мозолистых рук взломать закрытые для них двери земного рая и тем уверенней и дружнее двинуться навстречу великим победам над стихийными силами природы. Так неужели же затем мы победили пространство, затем взлетели на воздух, неужели затем благородные полипы социального инстинкта выкладывали из своих костей мостовую для поступательного движения человечества, чтобы мы, назвавшие себя детьми солнца, оказались банкротами перед одной только язвой существующего общества, чтобы тем стремительней обратились в бегство к своему звериному прошлому и всякий будущий прогресс стали измерять степенью приближения к обезьяне.

Ужасна перспектива бороться, мыслить, вдохновляться благородными порывами и все-таки оказаться лишь элементом разложения, быть лишь одним из червей, копошащихся на трупe мировой цивилизации. Но не менее ужасна для человечества и другая возможность: проснуться живым после покушения на самоубийство и при первых проблесках сознания снова увидеть себя перед всеми проклятыми проблемами, заставившими взяться за револьвер.

Но есть и третья возможность, для которой еще не потухло солнце в небе, и раз она есть еще, стоит жить. Вопрос о ближайших путях сознательного развития или гибели цивилизации есть вопрос соотношения сил. Нет рока, нет предопределения, есть лишь борьба, и мы сами со своей деятельностью входим в состав законов, определяющих ход истории. Пока вопрос о спасении цивилизации остается вопросом силы борющихся за нее элементов, у нас есть дело, великое по своим последствиям, способное оправдать всякие жертвы, могущее породить великий энтузиазм. Мы знаем тогда – что добро, что преступление, что создаем мы, как дети солнца, что разрушаем, как потомки гориллы и орангутанга. Нет хуже без добра, хотя бы добро и было в таких случаях всегда слишком маленьким. Добро переживаемой трагедии заключается в том, что она с полной очевидностью

показала одно: цивилизация и коллективизм отныне синонимы; судьбы их связаны так же неразрывно, как жизнь организма связана с цельностью головы и сердца. Развитие, усиление и победа международного общества трезвости – энергичная деятельность всех живых сил мировой демократии для восстановления старого целого и возвращения на старые позиции, использование банкротства капиталистического общества в решении очередных проблем социального развития для передачи их в руки исторических наследников буржуазной цивилизации – вот гарантии того, что мы не будем отброшены к исходным пунктам человеческой культуры.

Если б только хватило сил, спасающих цивилизацию, если б только наступил перелом и стали вырисовываться элементы уплатой победы! О, тогда мы в преступлении открыли бы элементы добродетели, мрак осветили бы для нас невидимыми теперь лучами солнца, из океана пролитой крови мы бы создали лекарство, заживляющее рану, в бессмысленной стихийной трагедии узрели бы разум истории. Тогда и все те, которые умирают теперь в различных концах света как жертвы мировой трагедии, уверенные в будущем [...] с чувством удовлетворения могли бы сказать перед смертью: *morituri te salutant, libertas!***

Е. Идучанский***

№ 76. НАШИ ОБОРОНЕНЦЫ

21 марта

Присоединение России к Западной Европе совершилось в сфере социалистического движения: у нас появился оппортунизм, самый крайний, самый чуждый духу интернационального марксизма, самый опасный по силе той поддержки, которую можно встретить в темных националистических инстинктах рабочего класса. Провозвестником же и главным идеологом этого оппортунизма по злой иронии судьбы является Г.В. Плеханов, тот самый Плеханов, который с гордостью заявлял на интернациональных конгрессах: в российской социал-демократии нет оппортунистов. Правда, сам он энергично протестует против такого обвинения, полагая в полном согласии с готтентотскою моралью: когда немецкие социалисты защищают свое отечество – это вполне согласуется с духом революционного марксизма.

Официальной декларацией этого течения являются два воззвания петроградских и московских обороненцев, а их теоретическим фундаментом – книжка Плеханова «О войне», статьи в журналах «Наше дело», «Современный мир» и сборник «Самозащита». Необходимым же пособием для понимания того, чего хотят обороненцы, является вся наша буржуазная шовинистическая печать. Разберем основные тезисы обороненцев, поскольку они выявились в их декларации и общи всем нашим социал-патриотам.

- 1) Германия является стороной нападающей.
- 2) Союзники борются за право самоопределения нации.
- 3) Участие в войне на стороне держав Соглаasia не противоречит Интернационалу.
- 4) Поражение союзников было бы губительно для социалистического движения этих стран.

* Далее из-за повреждения газеты два слова неразборчиво.

** Идущие на смерть приветствуют тебя, свобода! (лат.)

*** Е.А. Преображенский, подписываясь под статьями, кроме партийной клички Леонид (Л-д), использовал псевдонимы – М. Леонов, М.Л. и Е. Идучанский (ЦАОДМ. Ф. 685. Оп. 1. Д. 11. Л. 52).

5) Оборона – основной лозунг момента, и для осуществления его необходим «внутренний мир». Современные войны суть войны империалистические. С этим все согласны. Все обороненцы согласны, что и теперешняя война есть война империалистическая, но только с солидным исключением: центральные державы ведут империалистическую войну, а союзники борются за самоопределение наций. Германские же социалисты-обороненцы утверждают обратное.

Кто же прав?

Возьмем немного истории. Первой империалистической войной можно считать испано-американскую³⁰. Нападающей стороной была Америка. В англо-бурской войне³¹ нападала Англия. Китайская война³² – это соединенное нападение всех капиталистических наций на отсталую азиатскую страну, в котором особенно рельефно проявились грабительские инстинкты капитализма, без различия нации, государственного устройства и т.п. Затем русско-японская война³³. Сам Аллах затруднится, вероятно, разобрав, кто здесь был нападающей, кто обороняющейся стороной. Зато совершенно очевидно, что обе столкнувшиеся стороны вели одинаково захватную политику в отношении беззащитного Китая.

В триполитанском грабеже наступала Италия, которая, «впрочем», за два года переродилась и теперь борется за самоопределение наций.

В Первой балканской войне³⁴ нападающими были Сербия, Болгария, Греция, Черногория, защищающейся стороной – Турция, а по существу, союзники боролись за национальное освобождение еще находившихся под турецким игом областей. И здесь теорема для Аллаха точно так же, как и в случае со Второй балканской войной³⁵, где все нападали и все защищались.

И, наконец, теперешняя война. Формулярный список участников ее достаточно замаран. Буржуазия и ставшие на буржуазную точку зрения социал-патриоты Соглашения утверждают, что нападает Германия и война для нее является превентивной, предупредительной, т.е. она, не дожидаясь нападения, которого ожидала со стороны союзников, когда их военные силы были бы доведены до необходимого уровня, предупредила ход событий. С не меньшим основанием сторонники Германии и Австрии утверждают, что война является превентивной со стороны Англии, которая хочет уничтожить морские силы Германии, прежде чем они сравняются с ее собственными. Кто же прав? Нам кажется, исторический взгляд на предыдущие войны обнаруживает тот факт, что определять нападающую сторону можно лишь в тех случаях, когда одна из воюющих сторон далеко ушла по пути капиталистического развития в сравнении с другой. И нападающей является всегда сторона, экономически более развитая. Когда же сталкиваются страны, одинаково развитые или неразвитые в капиталистическом отношении, то нет никакой возможности найти виновника столкновения: таковым является потребность в капиталистическом развитии у обеих. В современной войне столкнулись коалиции капиталистических наций, стоящие приблизительно на одинаковом уровне экономического развития. И виновник здесь все тот же, т.е. данная ступень капиталистического развития Европы. А может быть, нам заняться изучением желтых, синих, зеленых книг и протоколов дипломатических совещаний? Последуем же примеру Плеханова, и вместо того чтобы пропагандировать среди пролетариата всех стран идеи солидарности и призывать его к борьбе за те общие цели, которые не вызывают никаких сомнений у рабочего класса, к какой бы национальности он ни принадлежал, вместо просвещения его сознания в духе марксизма, вместо призыва его к интернациональному единству действия в наиболее ответственный момент всемирной истории, всегда переживаемая катастрофа при дружном усилии пролетариев всех стран могла бы превратиться в катастрофу для всего эксплуататорского строя – вместо всего этого будем усердно рыться в дипломатических архивах, с тем чтобы лет через двадцать

из какого-либо документа, вроде эмской депеши Бисмарка, иметь счастье убедиться, что та война, в которой мы участвовали и ради которой призывали пролетариев всех стран расстреливать друг друга, была войной наступательной. Вы хотите знать причины войны? Не синие, зеленые, желтые книги, не предвоенную торговлю эксплуататорской дипломатии вам нужно изучать.

Прочтите 2-й том «Капитала», где Маркс из самых законов капиталистического производства выводит необходимость перепроизводства, кризисов, а следовательно, погоны за рынками, прочтите о законе капиталистического накопления, и тогда вам станут ясны причины современной войны*.

Единственным виновником современной войны является капиталистический способ производства, которому внутренне присуще стремление к расширению и который, на известной ступени развития, после ряда частичных войн, должен был привести к общему столкновению капиталистических наций и в истреблении одной части капиталистического целого искать средство для существования и развития другой.

И в этой перспективе совершенно ничтожным и лишним является вопрос, кто первый начал.

Война, как землетрясение, как наводнение, есть проявление стихии в области общественной. В ней виноваты силы, лежащие за пределами человеческой воли и сознания, и смотреть на жертвы этой стихии, на эти миллионы, приведенные в движение, как на виновников, а не на законы капиталистического развития, делать ответственными за войну — значит поступать подобно тем неудобно называемым учреждениям, которые в стихийных народных движениях разыскивают агитаторов. А ведь наши обороненцы унизились именно до такой вульгарной полицейской философии истории.

За что же борются воюющие коалиции, каковы объективные цели столкновения? Жалок был бы тот марксист, который аргументацию действующих лиц принимал бы за причину и цель борьбы.

А между тем так поступают Плеханов и его единомышленники, пойманные на удочку буржуазной лжи о войне и в либерально-шовинистической аргументации борющихся узревшие и причины войны. Союзники борются за право самоопределения наций, — говорят нам, — и в этом смысл их участия в войне. Нет, кажется, иллюзии более наивной, чем эта. Пред самой войной мы видели, как Россия и Англия «самоопределили» Персию. На наших глазах одна из участниц коалиции, борющейся за «самоопределение» нации, Япония, предъявила Китаю ультиматум гораздо более вызывающий по своим целям, чем тот, который был предъявлен Австрии, Сербии и вызвал войну. Затем уже все союзники сообща так «самоопределили» Грецию, что она перестала быть самостоятельным государством. Но это еще пустяки. Посмотрите, какое блестящее самоопределение нации получилось внутри борющихся коалиций. Австрия и Болгария превратились в провинции Германии, а Турция — в ее безвольную колонию. А у союзников? Ведь маленькие государства залежали в неоплатные долги Англии и Франции, и их будущая свобода, ради которой они проливают кровь, будет свободой англо-французского капитала выжимать последние соки из их населения для уплаты процентов по займу.

Сами Англия и Франция обсуждают сейчас условия будущего торгового договора между ними, долженствующего стереть национальные границы в деле их торгово-экономического объединения.

* Плеханову, конечно, это известно. Если же этот знаток Маркса не сделал нужных выводов из его учения в самый ответственный момент, когда сделать эти выводы было делом чести для марксиста, то это лишь доказывает, что национальный инстинкт оказался в нем сильнее и глубже, чем теоретическое убеждение. Великий книжник марксизма на практике оказался фарисеем. (Прим. автора.)

Что же касается России, то ввиду своей 20-миллиардной задолженности, составившейся в значительной части из внешних займов, она уже отдана на поток и разграбление финансовому капиталу и одним процентов должна ему платить ежегодно больше миллиарда, причем эта сумма растет с каждым лишним днем войны. Кроме того, наши союзники хотят закрепить это закабаление торговым договором, который должен германское засилье сменить англо-французским, в десять раз более тягостным. За что же заплатит Россия миллионами жизней и миллиардами своих настоящих и будущих доходов?

Не за то ли, чтобы деньги за мужицкую лошадь и корову, проданные за неуплату податей, вместо берлинского банка поступали во французский и английский, и притом поступали в размерах, чудовищно превышающих всякие возможные уплаты при «немеском засилье»?

Политическая свобода наций базируется на их экономической самостоятельности, а где уничтожена последняя, первая является мифом. Таким образом, уже в ходе настоящей войны право на самоопределение нации, соответствовавшее экономической структуре Европы на пройденной уже ступени развития, практически сдается теперь в архив всеми участниками борьбы.

Это право теперь стало иллюзией, отрицаемой той фазой развития капиталистического хозяйства, которой мы достигли.

Но в конце концов неважно, иллюзией или истиной мотивируют борющиеся свою деятельность, лишь бы самая борьба по своим обыкновенным последствиям оказалась борьбой за реальные и выгодные для участников цели. И настоящая борьба является таковой для буржуазии воюющих стран.

Пусть право на самоопределение нации есть иллюзия. Но не иллюзия то право на выворачивание кармана у народной бедноты, которое приобретают в результате войны французские и английские капиталисты в отношении России, Сербии, Черногории и Италии, а германские — в отношении Венгрии, Болгарии, Турции.

Не иллюзия та хозяйственная территория, за расширение которой в целях эксплуатации воюют господствующие классы Согласия и центральных держав. Но социалисты за что же воюют, если право нации на самоопределение есть фикция?

Они воюют за чужие реальные цели и за собственные иллюзии.

Если авторы Коммунистического манифеста имели право утверждать, что восставшим пролетариям всех стран нечего терять в своей борьбе, кроме своих цепей, а приобретают они целый мир, про социалистов, участвующих в настоящей войне, с не меньшим правом можно сказать, что, не приобретая ничего, они теряют целый мир, тот мир, господство над которым было уже так близко для расстрелянного 2-го Интернационала.

Допустимо ли участие социалистов в современной войне с точки зрения Интернационала на какой бы то ни было из сторон? Ответ ясен из предыдущего.

Война возникла от того, что современный мир, разделенный на нации с их хозяйственными заборами, препятствующими свободному товарообмену, стал тесен для капитализма в его теперешней фазе развития — в фазе финансового капитала. Но если мир стал тесен для капитализма, это значит на языке социалиста, что капиталистические отношения стали тесны для мира, и мировому хозяйству нужны иные производственные отношения. Из современного положения, приведшего к войне, может быть лишь два выхода. Уничтожение национальных преград с сохранением капиталистического способа производства и уничтожение их вместе с заменой капиталистических отношений социалистическими. Первый выход означает истребление одной части капиталистического целого, чтобы другая его часть могла существовать и развиваться, или же задержку развития производительных сил в обеих. И в том, и в другом случае капиталистический

способ производства сохраняется ценой остановки прогресса, ценой прекращения развития производительных сил.

Второй путь – это путь социализации мирового хозяйства, путь открытых дверей для прогресса и социального развития, путь спасения человечества и его будущего. Методом осуществления первой перспективы является мировая империалистическая война. Он исключает другой метод мирового социалистического переустройства, а потому, с точки зрения Интернационала, всякое участие в империалистической войне есть участие в борьбе за поддержание существующего строя, на каком бы фронте ни осуществлялось это участие, какими бы громкими фразами оно ни прикрывалось.

Ярким доказательством этого является не только то, что Пуришкевич и Плеханов, Бетман-Гольвег и Шейдеман, Гед и Пуанкаре нашли общий язык и взаимно поддерживают друг друга, участвуя в решении вопроса по первому методу, но и то, что на Циммервальденской социалистической конференции, которая знаменует собой начало концентрации пролетарских сил для решения вопроса по второму методу, не только не были и не могли быть социалисты-обороненцы всех воюющих стран, но что они отнеслись к ней с нескрываемым осуждением.

«Поражение союзников будет губительно для социалистического движения этих стран», – кричат обороненцы. Мы не знаем, к чему бы повело это поражение, и склонны думать, что оно было бы опасней для правительств этих стран, чем для их народов. Но что является непреложным фактом, так это то, что участие социалистов в войне уже похоронило 2-й Интернационал.

Мы не говорим уже о том, что невозможность полного поражения одной из борющихся сторон уже признана всеми участниками и достаточно обнаружилась в сложившемся соотношении сил.

Участие или неучастие социалистов ничего бы существенно не изменило в создавшемся положении. Ведь социализм не имел достаточно сил предотвратить эту войну. Почему вдруг социализм сделается сильным, если будет в ней участвовать? Разве потому, что пойдет против своей собственной природы, разве потому, что самоубийство дает новые силы самоубийце?

Наконец, не надо забывать самого главного. Если попытка спасения капиталистического общества путем частичного самоубийства и насильственного разгрома избыточных производительных сил окажется удачной и империалистическая война не завершится войной гражданской, то это будет означать остановку социального развития, гибель цивилизации.

При такой перспективе вряд ли стоит заботиться о том, при каких национальных границах, при каких торговых договорах, с контрибуцией или без контрибуции, умрет социализм как сила, борющаяся за будущее человечества? Не все ли равно мертвецу, в каком гробе его похоронят? Если же война наций закончится войной классов, победоносной для пролетариата, то не все ли равно для социализма, собирающегося стереть все национальные границы, при какой карте Европы ему суждено будет восторжествовать? Но одно не все равно каждому действительному социалисту. Если нам предстоит гибель цивилизации, то лучше погибнуть в числе сил, борющихся за ее спасение, чем на лоне «самоопределившихся» наций быть одним из продуктов ее разложения. Если суждено победить силам, спасающим культуру, мы хотим быть участниками этой победы на стороне тех, кто в самые критические моменты, при самом бешеном разгуле шовинистических страстей, во время вандалского истребления международного социалистического наследия, никогда не унижался перед озверевшей улицей, никогда не спускал перед орангутангами национализма знамени Интернационала.

«В центре жизни в настоящий момент – защита страны, и соответственно этому защита страны должна стать и в центре нашей текущей практической политики, как ее

исходная предпосылка и как ее регулирующий принцип». Что практически означает для социал-демократа этот лозунг?

Отказ от борьбы за собственные цели – вот что означает лозунг обороненцев, и, не умеющий останавливаться на полдороге в своем падении, Плеханов уже сделал этот вывод, заявив, что считает политическую борьбу в России в настоящий момент вредной. Пусть не все обороненцы с ним согласны, но никто из них не рассуждает так: сначала свобода, потом оборона; никто демократический переворот не ставит необходимым предварительным желанием какого бы то ни было участия в войне. И эти господа осмеливаются ссылаться на великих деятелей 1-й французской революции.

Поистине, все великое в истории во втором издании превращается в фарс. Деятели 1-й французской революции сначала разрешили вопрос о своем государственном строе, а потом пошли сражаться к границам со свободными руками. Наши Дантоны идут против немцев, отдав родину на поток и разграбление деятелям реакции.

Е. Идучанский

Забайкальское обозрение (Чита). 1916. 14, 21 марта.

11/10
 17 июля 1907 г.
 2-й этаж в Москве

№ 490

Мок. Ок
 Замеситель
 17/10/07
 17 АИР 1907

24. ИЮЛЬ 1907

Его Превосходительству
 Ректору Московского
 Университета,

15/10 9267. отъ исключившегося
 17/10 1907. изъ университета, Пре-
 ображенского Евангели-
 промисия. 1905.

Являясь покурить в высшее образование
 по окончании школы в Высшем Преодо-
 дительстве, закончил в 1905 г.
 курс ~~медицинского факультета~~
 Императорского ВИАМФ (Университета)
 При этом же прилагается (25) 1905 г.
 и сегоднешнее заключение. Вм-
 естем же прилагаются ВИАМФ 1904 г.
 и 1902 г., в которых описаны случаи
 с 1902 г. в фотопрографическую кар-
 тину.
 Являясь, г. Евангелия отъ. Свещеннику
 Императорского Преображенского Ю. 1907 г. 17-го июля
 Являясь, Являясь, Являясь, Являясь, Являясь.

Прошение Е. Преображенского ректору Московского университета
 о зачислении на медицинский факультет университета. 17 июля 1907 г.
 (Документы на с. 182-192: ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 321. Д. 1496. Л. 11, 13, 21,
 21 об., 22, 22 об., 24, 24 об., 25, 25 об., 26)

Аттестатъ зрѣлости.

Данъ сей Евселии Преображенскому
 въприсовѣднѣніи своимъ своимъ своимъ
 родившемуся въ с. Пискаревъ 15-го сентября 1886 г.,
 обучавшемуся всего всего всего Орловской гимназии
 и пребывавшему одни годы въ восьмомъ классѣ, въ томъ,
 въ первый классъ, что, на основаніи наблюденій за всѣмъ время
обученія его въ Орловской гимназии поведенію его всего было
хорошимъ, исправностію въ исполненіи уроковъ, а также
 въ исполненіи исполненій работъ дѣловыхъ дѣловыхъ
примѣненіи дѣловыхъ дѣловыхъ любознательностію
и успѣшностію предметовъ дѣловыхъ дѣловыхъ
 и, во-вторыхъ, что онъ обнаружилъ интеллектуальныя познанія.

Изученныя предметы по учебному курсу.	ОЦѢНКА, ВЫСТАВЛЕННАЯ	
	въ Первостепенной Школѣ по оконча- ніи 8-го класса объ окончательномъ ученицкомъ главномъ зрѣломъ ха- рактерѣ Народнаго Просвѣщенія	на испытаніи, произведенномъ 1902 года всѣмъ <u>Е.А. Преображенскимъ</u>
Языкъ Россійскій	4 (хорошо)	4 (хорошо)
Русскій языкъ съ грамматическими и стилистикой	4 (хорошо)	4 (хорошо)
Логика	3 (хорошо)	—
Логическій языкъ	3 (хорошо)	4 (хорошо)
Греческій языкъ	3 (хорошо)	3 (хорошо)
Математика	3 (хорошо)	3 (хорошо)
Математическая географія	3 (хорошо)	—
Физика	3 (хорошо)	—
Исторія	3 (хорошо)	4 (хорошо)
Географія	3 (хорошо)	—
Природовѣдскій языкъ	3 (хорошо)	4 (хорошо)
Нравственный языкъ	5 (отлично)	3 (хорошо)

На основании того и выдаю ему сей аттестат зрелости, предоставляющий ему все права, обязанности в §§ 130—132. В соответствии с утвержденным 30 июля 1871 года Уставом гимназий и прогимназий.

г. Орель.

Директор

Члены Совета

№ 764

Секретарь Педагогического Совета

Примечание. Отметка 5 (пять) означает отличные и успешные отличные, 4 (четыре) хорошие и 3 (три) — удовлетворительные.

Копия

Форма № 12, а.

КОНДУИТНАЯ ТЕТРАДЬ

22

Ученикъ Орловской Гимназіи

Евсѣій ПреображенскійВремя рожденія: 15 февраля 1886 г.Присвожденіе: званіе свѣдущникаВырощеніе: православноеПоступилъ въ первый классъ сентября 1897 г.по исключеніюДо того времени обучался въ Богословскомъ городскомъ училищѣ

За какой отлѣпкой за поведеніе поступилъ въ Орловскую гимназію.

Былъ воспитанникомъ пансіона съ _____ г. по _____ г.

Оставался по 2 года въ _____ классъ.

Выбылъ (или окончилъ курсъ) изъ „VIII“ класса, при чемъ ему выдано„Аттестатъ“ отъ 5 июня 1905 г. за № 764.

По какой причинѣ выбылъ _____

За какой отлѣпкой за поведеніе выбылъ изъ Орловской гимназіи Б

На основаніи секретнаго циркуляра г. Министра отъ 7 іюня 1887 года

и № 200 по окончаніи ученикомъ курса доставлены о немъ свидѣнія г.

Инспектору округа отъ _____ 19 _____ г. за № _____ и въ

отъ _____ 19 _____ г. за № _____

Имя и фамилия	Проступки и вообще все достойное замечательное, касающееся ученика.	Высказаны и другие меры.	Число проведенных уроков за период учебного года			
			I	II	III	IV
VI класс /а 1904/5 уч. г.			-	-	2	4
VII класс /а 1904/5			15	"	28	42
<p>Замечается склонность к занятиям во не имеющими прямого отношения к изучению предмета.</p> <p>Классный Наставник С.р. М.</p>						
VIII класс /а 1904/5 уч. г.			24	24	30	30
<p>1. Март Преображенский подал в класс, следующего вступаясь, угрозы ученику (покушался на жизнь) 2. Март. Вата не имеет права угрожать своим товарищам 3. Март. Небось не имеет права 4. Март. Нет, не имеет (вытеснить друг друга) во время 10-го перемены в школьном коридоре 5. Апрель Преображенский угрожал убийством на не неоднократно предупреждался ского классного наставника от посещения в праздники и от участия в общественной работе ученика в будущем.</p>						
<p>Директор</p>						

[illegible]

	1881	Меню и Тиски
<p>Принадлежность должности:</p> <p>Вознаемный в Троицкой Вознаемный церковный уездный 18/5/84. 1/8</p> <p>Вознаемный уездный уездный, а всего вотчинный уездный 30/1/85</p> <p>Принадлежность Троицкой уездной уездной Орденовской Орденовской Орденовской уездной уездной Орденовской Орденовской уездной Орденовской Орденовской Орденовской уездной Орденовской Орденовской Орденовской уездной Орденовской Орденовской Орденовской</p>		
<p>Вознаемный:</p>		
<p>Вознаемный</p>	1/8/81	уездный 12
<p>Вознаемный</p>	1/8/81	уездный 24
<p>Вознаемный</p>		
<p>Вознаемный</p>		
<p>Вознаемный</p>		
<p>Вознаемный</p>	1/8/81	уездный 12
<p>Вознаемный</p>	1/8/81	уездный 25
<p>Вознаемный</p>		
<p>Вознаемный</p>		
<p>Вознаемный</p>	1/8/81	уездный 12
<p>Вознаемный</p>		
<p>Вознаемный</p>	1/8/81	уездный 12
<p>Вознаемный</p>		
<p>Вознаемный</p>	1/8/81	уездный 12
<p>Вознаемный</p>		
<p>Вознаемный</p>	1/8/81	уездный 12

26

В. П. II.

Покровской-Епар-
хия Покровской
церкви. 29ав.
1896 год

№ 102 - II.

Метрическая выписка.
Священника Покровской
г. Болхова Церкви Алексея
Александровича Преображенского
и его законной жены
Варвары Алексеевны - прав-
славянских сестер "Варвара"
рожденая, нахъ видна по мет-
рикам Покровской Церкви,
Февраля 15-го дня, а ро-
жденья 17-го и записаны в кни-
гу под № 7. от священ-
ника. Подлинники 1886-й.

Сей выписал да и еще
присетавший, в Губернское
Собрание.

Священник Покровской цер-
ковной Церкви

Н. П. Мисюков
Блаженнаго Покровскаго
Тропозина и Ксенофонта

1496

мед. науки

Его Превосходительству
Господню Декану юридического факультета
Императорского Московского Университета

Принят
26 / IX

Студента медицинского
факультета первой половины
Преображенского Елены
Александровны

Прошение

Желаю познакомиться и познакомиться со студентами юридического факультета
и с преподавателем Александром Григорьевичем Александровым, познакомиться
с профессорами Юридического факультета и с преподавателями о
заключении моего в число студентов юридического факультета
первой половины на именованного Александра Григорьевича

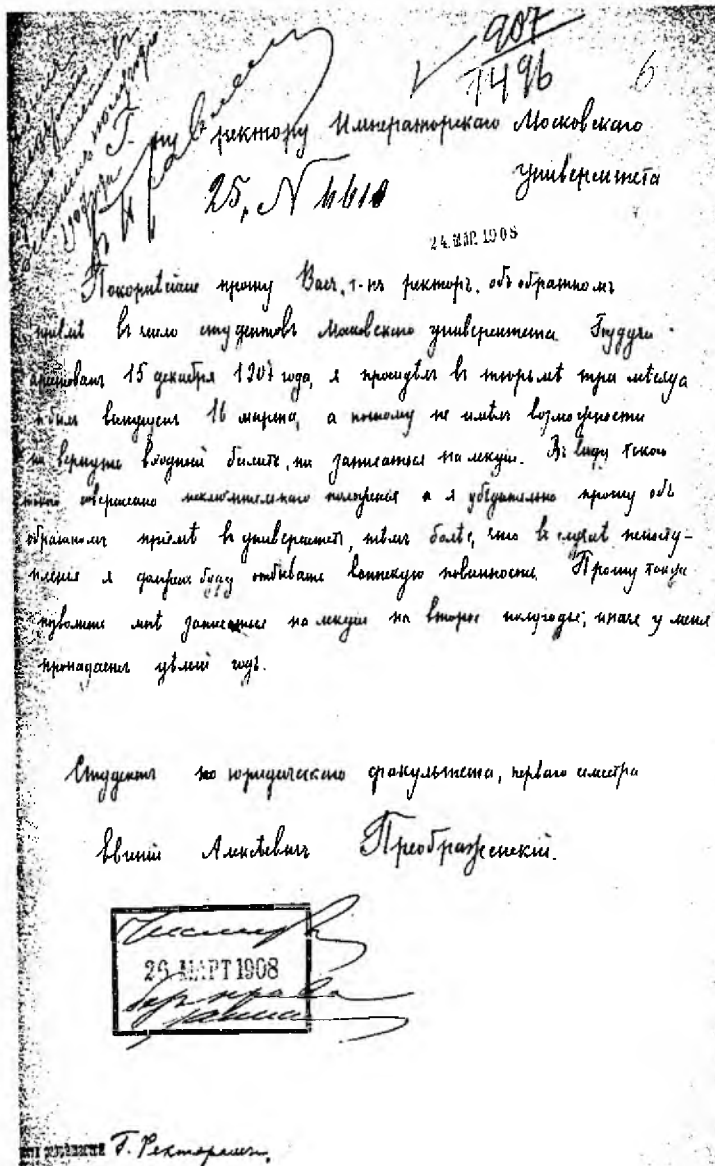
Елены Александровны Преображенской

Москва

10 сентября 1907 г.

Получено
Медицинский факультет
10 сентября 1907 г.
Уч. в. в. 3-0. В. А. Лебедев
07. IX. 10

Прошение Е. Преображенского декану юридического факультета Московского
университета о переводе на этот факультет. 10 сентября 1907 г.
(ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 321. Д. 1496. Л. 10)

Прошение Е. Преображенского ректору Московского университета об обратном приеме в число студентов. 24 марта 1908 г.
 (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 321. Д. 1496. Л. 6)

Письмо из Московского университета в Болховское уездное по военным делам присутствие о том, что Е. Преображенский из университета выбыл. 30 ноября 1908 г. (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 321. Д. 1496. Л. 5)

И. П. А.
ИМПЕРАТОРСКИЙ
МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ.
КАНЦЕЛЯРИЯ
УЧЕБНО-НАУЧНОГО ДЕЛА.
МОСКВА.
23.11.1908.
№ 12049

В Болховское
уездное по военным
делам присутствие. Преображенский

1908-1909

Канцелярия по студенческим делам
ИМПЕРАТОРСКОГО Московского Уни-
верситета имеет честь сообщить, что
студент Преображенский

Евгений Александрович
приписанный по отбытию военной по-
винности по свирь тальстеру
1906 года ректора
выбыл из Университета.

СВИДЕТЕЛЬСТВО.

Секретарь по студенческим делам

От ИМПЕРАТОРСКОГО Московского Университета дано
следующее свидетельство бывшему студенту Преображенскому
окальцетата Евгению Александровичу
от того, что он, поступив в Московский Университет в
1907 году, уволен из Университета, как за-внесший плату за
обучение - ввиду не поступления в 1908 году в Университет
и ввиду того, что он не поступил в Университет в 1908 году
и ввиду того, что он не поступил в Университет в 1908 году

Москва, 27 ноября 1908 г.

Ректор Университета С. М. Соловьев

Секретарь по студенческим делам

А. К. Соловьев

Свидетельство об увольнении
из Московского университета,
выданное Е. Преображенскому.
27 ноября 1908 г.
(ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 321. Д. 1496.
Л. 3)

Часть II

**В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ
И ГРАЖДАНСКОЙ
ВОЙНЫ:
1917–1920 гг.**

После Иркутска я поехал в Читу, где меня застала Февральская революция¹. Из Читы я уехал в апреле делегатом на состоявшийся несколько позже Первый съезд Советов р[абочих] и с[олдатских] депутатов и до съезда остановился на Урале, где начал работать в Златоусте со своими старыми уральскими друзьями.

После первого съезда Советов я снова вернулся на Урал, был избран членом уральского областного комитета, присутствовал делегатом Урала на 6-м съезде партии², где был избран кандидатом в ЦК.

В г. Златоусте, куда я вернулся работать, наша партия среди рабочих была в меньшинстве, даже в Октябрьские дни. Большинство рабочих было за с[оциалистов]-р[еволюционеров]. В Октябрьские дни я участвовал в вооруженной демонстрации нашей партии с лозунгами «Вся власть Советам» и до полной потери голоса убеждал рабочих Златоустовского завода вместе с другими товарищами поддержать переход власти к Советам. Это нам удалось только отчасти. Зато, наоборот, в Симском районе, куда я отправился 26 октября, нашим организациям удалось всюду взять власть и провести национализацию предприятий Симского горного округа. После Октябрьских дней я принял участие вместе с остальными товарищами в строительстве советской власти на Урале и в укреплении наших партийных организаций.

С весны 1918 г. нашим уральским организациям пришлось выдержать натиск чехословаков, а затем создать фронт против Колчака. Летом 1918 г. я, будучи делегатом от Урала на 4-м съезде Советов³, участвовал в подавлении левозосеровского восстания, был легко контужен в левый висок при наступлении на Центральный телеграф, занятый эсерами, а затем был командирован на несколько дней ревсоветом в район Курска, чтобы поддержать дисциплину в наших войсках, стоявших на границе с Украиной. Из Москвы я снова отправился на Урал, где Екатеринбург был уже взят колчаковцами и наши отступали на север. В это время я был председателем уральского областного комитета, который взял на себя функции политотдела 3-й армии и выполнял всю соответствующую работу силами своих организаций. При наступлении на Пермь колчаковцев наш ревком под обстрелом белых эвакуировался из Перми с последними отрядами дивизии Мрачковского, после чего мы стали отступать со всеми силами по направлению к Глазову и Вятке. После того когда уральское областное объединение потеряло фактически почти всю свою территорию, уральский областной комитет был распущен постановлением Центрального комитета, я был отозван в Москву, где начал работать в редакции «Правды». Был делегатом на 8-м съезде партии⁴ и участвовал в комиссии по выработке партийной программы. Затем я был послан уполномоченным от ВЦИКа в Орловскую губернию.

* Начало автобиографии см.: Ч. I. Док № 1.

Вернувшись в Москву, присутствовал при взрыве в Леонтьевском переулке⁵. После освобождения Урала снова был откомандирован на партийную и советскую работу в Уфу. От уфимской организации я был избран на 9-й партийный съезд, на съезде был избран в Центральный комитет, а ЦК был избран одним из трех секретарей⁶.

После 10-го партийного съезда⁷ я был назначен председателем финансового комитета ЦК и СНК, руководил его работами по приспособлению нашего денежного обращения и финансового хозяйства к условиям новой экономической политики, был затем председателем Главпрофобра*, был одним из редакторов «Правды» и выполнял ряд других функций, перечислять которые было бы неинтересно.

Из моих литературных работ, кроме мелких брошюр и многих статей в «Правде» и в журналах, упомяну следующие: «Анархизм и коммунизм», написанную с Н. Бухариным «Азбуку коммунизма», «Бумажные деньги в эпоху пролетарской диктатуры», «Причины падения нашего рубля», «От нэпа к социализму», «О морали и классовых нормах», «В.И. Ленин», «Экономика и финансы современной Франции», «Об экономических кризисах при нэпе» и, наконец, первый том еще не законченной работы «Новая экономика».

Деятели СССР и революционного движения России:
Энциклопедический словарь «Гранат». Репринтное издание.
М., 1989. С. 589–590.

№ 2. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О Я.М. СВЕРДЛОВЕ ЗА ПЕРИОД С 1917 ПО 1919 г.**

1926 г.***

Следующая встреча моя с Яковом Михайловичем произошла уже в 1917 г., когда он уехал с Урала в Питер и сделался правой рукой Ленина во всех событиях того времени. Я же приехал в Питер на 1-й съезд Советов⁸ и попал к нему, когда он сколачивал в Смольном большевистскую фракцию для предстоящих выступлений на советском съезде. Мне приходилось часто обращаться к Якову Михайловичу за указаниями по вопросу о том, как держаться по тому или иному вопросу на съезде. Когда не было самого Ильича, Яков Михайлович передавал тогда бюро нашей фракции или резолюцию Владимира Ильича, которую надо было обосновать, или, если дело касалось второстепенных вопросов, давал краткие инструкции о том, как нам держать себя. Он был весь поглощен той колоссальной организационной работой, которая выпадала на него как по питерской организации, так и по всероссийской организации нашей партии. Он не имел ни минуты покоя. Неизвестно было, когда он успевал есть и спать в это бурное время.

Мне вспоминаются несколько разговоров этого времени Владимира Ильича с Яковом Михайловичем в Смольном. Когда Владимир Ильич намечал необходимую меру, то всегда без исключения Яков Михайлович отвечал, что нужные меры уже предприняты, либо объяснял, почему предпринятые меры не могли иметь успеха. Почти всегда оказывалось, что он сам уже думал о том, что предполагал предложить Владимир Ильич. Между Яковом Михайловичем и Владимиром Ильичом была изумительная слаженность в работе. Во всем том, что касалось общеполитических или теоретических вопросов, Яков Михайлович абсолютно и безусловно доверял т. Ленину и почти не задумывался над

* Главное управление профессионального образования Наркомпроса РСФСР.

** Продолжение, начало см.: Ч. I. Док. № 2.

*** Дата написания воспоминаний.

тем, что предлагал Владимир Ильич; он принимал его инструкции, его указания, его предложения как нечто абсолютно верное, на обсуждение чего не стоит тратить времени. Наоборот, в организационных вопросах он сам был величайшим специалистом, и в этой области Владимир Ильич, сам великий организатор, верил ему, как никому, и, как мы все знаем, не ошибался.

Мне вспоминается также тот изумительный такт и изумительное искусство, которое проявлял Яков Михайлович в переговорах с левыми эсерами и во всех тех мероприятиях, которые надо было тогда провести во что бы то ни стало, несмотря на сопротивление и истерику крикунов и фразеров из этой партии. Он внешне соглашался часто на большие уступки, с тем чтобы по существу провести ту линию, которую намечал Владимир Ильич.

В 1918 г. отношения между уральцами и Яковом Михайловичем несколько ухудшились, вследствие того что подавляющее большинство партийных организаций на Урале высказалось тогда против Брестского мира. Но это временное охлаждение очень быстро прошло, как только ликвидировался самый этот вопрос. Несмотря на серьезность пережитых разногласий, Яков Михайлович никогда не ставил их потом в строку заблуждавшимся товарищам, когда дело шло о распределении их на работу и об использовании их по действительным способностям.

Я вспоминаю далее Якова Михайловича в наиболее тяжелый период существования Советской республики, когда на Урале пал Екатеринбург, а белогвардейцы захватили Ярославль. Он как-то в разговоре со мной показал на карту Советской России и сказал: «Они окружают нас со всех сторон; они загибают кольцо, дело подходит к нашим последним резервам». Но в металлическом тоне его голоса не было ни тени колебания, ни тени растерянности. Он твердо знал, что надо делать, и старался, чтобы все, что надо было делать, было доведено до конца. Во время восстания левых эсеров в Москве он проделал огромную работу по организации наших сил, и, насколько помню, это именно он провел тот изумительный маневр на съезде Советов, который мы проделали над левыми эсерами, незаметно арестовав их всех в зале заседания и бросив все большевистские силы съезда в районы для подавления восстания.

Из наиболее характерных черт Якова Михайловича я должен отметить следующие.

Во-первых, он умел прекрасно подходить к людям и очень быстро определял, что они могут дать для дела. Но, кроме того, он чрезвычайно умело подходил к наименее сознательным рабочим, и ему удавалось очень быстро завоевать их доверие. Нам, профессиональным революционерам того времени, по большей части интеллигентам, приходилось часто или жить в рабочих кварталах, или систематически бывать там на ночевках. Нельзя сказать, чтобы мы не знали рабочей жизни того времени. Но знали мы ее, главным образом, постольку, поскольку это было необходимо для успеха нашей пропагандистской и агитационной работы. Бытовая же и семейная жизнь наших товарищей-рабочих интересовала нас гораздо меньше. Если так можно выразиться, мы психологически смотрели в другом направлении. Наоборот, Яков Михайлович умел входить во все семейные, житейские подробности жизни тех рабочих, с которыми ему приходилось близко сталкиваться, в частности, например, во время ночевки. Помнится, он ночевал у одного пермского рабочего, жена которого не очень одобрительно относилась к крамольной ориентации своего мужа. Во время ночевки у этого рабочего «Михалыч» расположился ел к себе тем, что качал в люльке ее ребенка и с сочувствием входил во все ее семейные дела и заботы. После двух-трех дней знакомства с каким-нибудь новым партийным рабочим Михалыч был уже с ним на «ты», уже установил с ним приятельские отношения и уже завоевал полное доверие.

Другой очень важной чертой Якова Михайловича была способность его схватить в людях самое существенное и, с другой стороны, не упускать из виду всех особенностей

и конкретных деталей характера. Вообще говоря, есть два способа понимания людей: один способ, когда люди подводятся под определенные категории, под определенные типы, и тогда в нашем представлении они фигурируют в качестве искусственно стандартизированных абстрактно-упрощенных субъектов. Другой способ, когда интуитивно человек схватывается сразу, со всеми его особенностями. Последняя способность имеет огромное значение для человека, который является организатором и которому приходится в первую голову правильно расставлять людей на различные функции. Яков Михайлович в огромной степени обладал этой способностью к интуиции в понимании товарищей, с которыми сталкивался на работе. Его замечательная память и знание персонального состава партии сделались почти поговоркой. В своей памяти он хранил образы людей такими, какими они были в действительности, не забывая ни малейших деталей. Это в огромной степени облегчало ему его чрезвычайно трудную работу организатора и распределителя партийных сил. После его смерти я много раз (и, вероятно, не только я) слышал жалобы партийных товарищей на то, что их неправильно используют*, на то, что их как следует не знают. Как часто приходилось мне слышать фразы, вроде следующей: «Ах, если б Яков Михайлович был жив, меня б использовали лучше!»

Следующей особенностью Якова Михайловича было в высшей степени тактичное воздержание от вмешательства в те области работы, где он себя специалистом не считал. Такой областью была, например, сфера теории. За всю жизнь Яков Михайлович единственный раз согрешил по части теории, написав в ссылке небольшую брошюру о капитализме. Он никогда больше не возвращался к этой области работы и скромно сосредоточивался на той деятельности, где он был действительно великим талантом и где он был действительно незаменим.

Наконец, стоит вспомнить еще о знаменитой способности Якова Михайловича гладко проводить на собраниях, конференциях, съездах и т.п. необходимые резолюции. Он всегда твердо знал, что надо делать, касалось ли дело проведения какого-либо его собственного плана или, что было гораздо чаще, проведения инструкции, полученной от Владимира Ильича. Все знают, как быстро шло дело на всех собраниях, где он председательствовал. Часто товарищи, которые не были согласны с теми или другими его предложениями, не успевали раскрыть рта, как уже решение было принято. Яков Михайлович достигал этого не путем нарушения прав каждого высказаться, внести свое предложение и т.д. Наоборот, все конституционные гарантии бывали соблюдены, однако предложение принималось такое, какое постановил принять Центральный комитет. Помнится, несколько раз приходилось мне быть оппонентом Якова Михайловича или при тех или иных практических решениях или оппонировать против ускоренных методов решения. Я представлял в этих случаях сопротивление человеческой материи, тогда как он представлял быстроту, натиск и «время — деньги». Но я не помню ни одного случая, где бы мне приходилось жаловаться на нарушение моих формальных прав, а не на свою собственную неловкость.

С тех пор как умер Яков Михайлович, наша партия сильно выросла во всех отношениях, работа ее необычайно усложнилась. Задача подбора людей, о которой писал Владимир Ильич в своих знаменитых статьях о Рабкрине, приобрела величайшее значение для успеха нашего дела. Как часто приходится жалеть теперь, что мы не имеем в этот период с собой Якова Михайловича, который, несомненно, своей работой в области организационного строительства и в области распределения людей уменьшил бы те механические приемы классификации и распределения, которые никогда не могут заменить того колоссального личного знания партийного состава, того беспристрастия и того

* Так в тексте.

огромного организаторского таланта, соединенного всегда с готовностью всех выслушать и всех понять, которые унес с собой в могилу безвременно ушедший от нас наш замечательный организатор.

Е. Преображенский

Е. Преображенский. Из моих воспоминаний
о Свердлове // Яков Михайлович Свердлов:
Сб. воспоминаний и статей. Л., 1926. С. 179–183.

**№ 3–5. СТАТЬИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В ГАЗЕТЕ
«ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ» В МАРТЕ – АПРЕЛЕ 1917 г.**

22 марта – 9 апреля 1917 г.

№ 3. О ПРОГРАММЕ НАШЕЙ ПАРТИИ

22 марта

II*

Интересы рабочего класса

В теперешнем капиталистическом обществе каждый человек что-либо продает и от продажи получает средства к жизни. Крестьянин продает произведенный им хлеб, ремесленник – изготовленный им самим товар, капиталист продает товар, изготовленный для него рабочим, рабочий продает единственный имеющийся у него товар – свою рабочую силу. Каждый хочет продать свой товар возможно выгодней, и рабочий в этом отношении не составляет исключения.

Выгодней продать свой товар для рабочего означает продать своей рабочей силы меньше и получить за нее дороже. Продать меньше – значит меньше работать. Следовательно, рабочий заинтересован в уменьшении рабочего дня. Продать дороже – значит получать за свою рабочую силу, отданную капиталисту, большую заработную плату.

Поэтому-то, защищая интересы рабочего класса, Российская социал-демократическая рабочая партия требует в своей программе, чтобы рабочий день не превышал 8 часов, чтоб рабочие имели возможность взять [от] капиталиста самую большую заработную плату, которой только могут добиться борьбой, но рабочий заинтересован не только в уменьшении рабочего дня и в увеличении заработной платы, но и в том, чтоб рабочая сила его не истощалась раньше времени, чтоб пролетар[ий] не умирал от чихотки и других профессиональных болезней раньше времени, чтоб работающая с ним на фабрике жена рожала здоровых детей, чтоб рабочая молодежь не надрывала своих сил в непосильной работе. Поэтому-то наша партия в своей программе требует** ряд мер, охраняющих рабочего в процессе работы, и стремится к тому, чтоб продлить жизнь рабочего. Статистикой установлено, что теперь продолжительность жизни рабочего в среднем в полтора раза короче, чем из состоятельных классов общества. Этого не должно быть.

* Начало статьи в центральных библиотеках РФ не обнаружено.

** См. нашу программу, изданную читинским комитетом Российской социал-демократической рабочей партии. (*Прим. автора.*)

Всех перечисленных требований мы начнем добиваться в ближайшее же время, не подрывая в корне господства капитала, не лишая капиталистов права собственности на фабрики, заводы, рудники.

Но добившись всего этого, рабочий не может на этом остановиться. Он заинтересован не только в том, чтоб продать свою рабочую силу дороже, но и в том, чтоб в конце концов совсем ее не продавать и быть собственником всего продукта своего труда. Даже и при 8-часовом рабочем дне пролетарий получает от капиталиста в виде заработной платы только часть тех ценностей, которые он создаст. Он имеет право на все созданные своими руками ценности.

Поэтому-то социал-демократическая партия добивается как конечной своей цели полного освобождения труда от власти капитала. Она стремится к передаче государству всех фабрик, заводов, мастерских, но не к теперешнему государству, а будущему, где высшая власть будет принадлежать пролетариату. Такое важное дело, как снабжение всего населения необходимыми продуктами, не должно зависеть от алчности, неумения и капризов отдельных капиталистов. Производство должно стать делом государственным, и никто не должен иметь права покушаться на продукт рабочего труда и общенародное дело превращать в средство к наживе и спекуляции.

В нашей теперешней революции мы можем достигнуть только первой части нашей программы, только ближайших требований.

Для достижения же второй части нужно, чтоб рабочий класс стал самым сильным классом в стране, чтоб, освободившись от капиталистов, он был способен сам вести все дело производства. А для этого нужна не только вторая, на этот раз уже социалистическая революция, но и то, чтоб развитие нашей промышленности достигло такой степени, что устранение капитала могло бы совершиться легко и безболезненно. Пока же нам до этого далеко.

Вот к чему стремится наша партия и вот почему мы имеем право сказать, что Российская социал-демократическая рабочая партия есть партия рабочего класса.

Е. Преображенский

№ 4. ДВОЕВЛАСТИЕ, ДВОЕДУШИЕ, МАЛОДУШИЕ

31 марта

I

В последнее время чит[атель], вероятно, часто встречал в телеграммах, посылаемых на имя Временного правительства, туманное упоминание о вреде двоевластия. Читатель, быть может, заметил и то, что ни один Совет рабочих и солдатских депутатов не поминал о двоевластии, очень мало говорят о нем собрания солдат, да и то исключительно с фронта, которого еще не в полной мере коснулось дыхание революции. И наоборот, ни одно приветствие от либерально-буржуазных групп различных городов России не обходится в последнее время без заключения о вреде двоевластия.

Одно это уже характерно, и по тому, *кто беспокоится*, можно узнать сразу, *о чем беспокоится*.

Как известно, рабочие и солдаты Петрограда, свергнувшие старый строй, вручили власть либерально-буржуазному Исполнительному комитету Государственной думы на условии проведения им революционной программы и доведения революции в борьбе со старым режимом до конца.

Был момент, когда Совет рабочих и солдатских депутатов едва не взял в свои руки власть.

Это было в тот момент, когда либеральные члены Думы склонялись к замене Николая Романова его братом. Но под давлением Совета попытка спасти монархию не удалась, и власть осталась в рук[ах] буржуазн[ых] элементов, и Совет рабочих и солдатских депутатов остался в своей старой роли контролера над действиями буржуазного Временного правительства. Его вмешательству мы обязаны тем, что Россия спасена от позора снова увидеть династию Романовых на царском троне.

Что же у нас существует: двоевластие или одновластие? Кажется, сомнений нет. Пока страной управляет Временное правительство, исполняющее свое обязательство перед революционными силами, давшими ему власть, у нас есть одновластие, основанное на компромиссе между буржуазией и трудов[ыми] массами. И как парламент, в котором могут быть десять партий, не является органом десятивластия, а проводит лишь одну среднюю равнодействующ[ую] власть, так и у нас наличие нескольких классов, создавших коалиционную власть, не дает основания говорить о многовластии.

Что же хотят и чего боятся либеральные группы, посылающие свои телеграммы Временному правительству?

Они не хотят, чтоб правительство находилось под контролем и действовало с согласия объединенных в Совете революционных сил.

Одновластие, о котором они мечтают, это не политическое единство власти, проводящей определенную программу, а одновластие буржуазии в управлении страной. Иными словами, пролетариат и солдаты свергли старый режим и передали управление страной буржуазии на условиях контроля. Теперь рабочему классу говорят: ты сделал свое дело и можешь уходить. Теперь мы настоящая власть, а ты только помеха. Насколько беспомощна и труслива была буржуазия, когда дело шло о борьбе с низвергнутой старой властью, настолько велики ее аппетиты и самоуверенность, когда ей дали управление страной.

Рабочий класс не доставит, конечно, буржуазии удовольствия уйти самому со сцены и отказаться от контроля над властью, которую он создал. Этот контроль уже спас Россию от призрака монархии, обеспечил проведение ряда важнейших реформ и обеспечил созыв Учредительного собрания. И когда буржуазные круги распространяются относительно опасности двоевластия, фактически перед нами опасения за то, что переворот наш оказался более демократическим, чем это им угодно.

К хору голосов о двоевластии присоединила свой голос и «Забайкальская новь» в статье Д.Р. в номере от 29 марта. В статье обнаруживается самое грубое непонимание смысла резолюции, принятой Советом рабочих депутатов г. Читы по вопросу о создании объединяющего всероссийского центра для всех Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, действующих в стране.

В этой статье отсутствует также понимание смысла происходящей революции, которая является буржуазной по своим задачам, но осуществляется силами революционного пролетариата и крестьянства.

К этой статье мы вернемся в следующем номере.

Е. Преображенский

№ 5. ДВОЕВЛАСТИЕ, ДВОЕДУШИЕ, МАЛОДУШИЕ

9 апреля

II

В предыдущей статье мы говорили, что никакого двоевластия у нас сейчас не существует. Теперь несколько слов о двоедушии и малоодушии.

Две души живут у нашей (да и не у одной нашей) буржуазии: отрицательное отношение к старому режиму и боязнь революционных сил, свергших старый режим. Самой идеальной революцией для буржуазии является такая, при которой революционный народ восстал, сверг старый строй, отдал власть господам капитала и тихо-мирно исчез со сцены. Рабочий класс России восстал, сверг старую власть, предоставил возможность стать у власти буржуазным элементам, но со сцены не ушел, а продолжает оказывать воздействие на Временное правительство. Вот это-то и не нравилось всем сознательным или бессознательным защитникам буржуазии. Но виновата в этом сама буржуазия. Она не только оказалась неспособной свергнуть старую власть, с которой она до самого последнего момента пыталась войти в соглашение, но даже и тогда, когда старый строй был низвергнут, в лице Милюкова и других нащупывала почву для замены одного деспота другим.

Настоящая революция является буржуазной, поучает нас сотрудник «Забайкальской новы».

Мы это знаем давно. Но мы знаем также и то, чего не знает и не способен, по-видимому, понять критик резолюций нашего Совета рабоч[их] и солд[атских] депутатов. Мы знаем, что хотя революция наша является буржуазной, но буржуазия оказалась неспособной осуществить этого буржуазного переворота. Он проводится силами прежде всего социалистического пролетариата. Рабочий класс не только кормит своим трудом господ капиталистов, но и проводит и доводит до конца буржуазную революцию, которую должны бы были осуществить сами капиталисты и которая создает условия для самого полного развития всех производительных сил буржуазного общества.

Таким образом, рабочему классу приходится взять на себя труд доведения буржуазной революции до конца. Но этой цели он никогда бы не достиг, если б предоставил Временное правительство самому себе, если б сам ушел со сцены, отказавшись от организованного воздействия на власть. Но это воздействие должно проводиться не силами одного Петрограда, не от имени одного лишь столичного гарнизона и столичного рабочего класса. Временное правительство признано всей Россией, дает распоряжения на всю Россию, и контроль над ним может быть осуществлен лишь от имени всех трудовых революционных сил России. Поэтому только организация, созданная всеми Советами рабочих, солдатских и крестьянских *депутатов*, может быть достаточно авторитетным выразителем стремлений всего революционного народа. О создании именно такой организации и говорилось в резолюции читинского Совета. Там говорилось, что такая организация будет правительством рабочих, солдат и крестьян, в том, разумеется, смысле, что она будет органом, объединяющим все силы революции для воздействия на Временное правительство. Но никто из составителей резолюции, голосовавших за нее, не допускал такой нелепости, что эта организация будет иметь своих министров, назначать своих посланников в другие страны, взыскивать подати, заводить свое казначейство и т.д. и т.д. Слово «правительство» употреблялось в резолюции в моральном смысле, а не в буквальном.

Современная революция является буржуазной. Тем не менее социалистические силы могли бы стать сейчас у власти, физическая сила для этого у них есть. Но они хотят,

чтобы буржуазия сама сделала все то, что только может сделать в этой революции, сделала под контролем и под нажимом пролетариата.

А так как буржуазия никогда и нигде не способна была доводить буржуазной революции до конца без участия пролетариата, то пролетариат ни в каком случае не может отказаться от своего права контроля над буржуазной властью. И пусть не пытаются отговорить его от осуществления важнейших задач момента громкими словами о двоевластии*.

Е. Преображенский

Забайкальский рабочий (Чита). 1917.

22, 31 марта; 9 апреля.

№ 6-7. ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ПЕРВОМ ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ

6-22 июня 1917 г.

№ 6. ОБ ОТНОШЕНИИ К ВРЕМЕННОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ

*Заседание 6 июня
(вечернее)*

Товарищи! Здесь много говорилось о разных анархиях, о разных республиках, говорили наши министры-социалисты, и я хотел бы сделать небольшое историческое воспоминание, когда теперешний министр Церетели не был еще министром, когда он находился в Иркутске и был председателем общественных организаций. В то время в Иркутск ехал отсюда назначенный правительственный комиссар, мой однофамилец, Преображенский, и вот тогда теперешний министр Церетели участвовал в составлении той программы, которая была послана Временному правительству и в которой говорилось, что комиссар им не нужен и что они просят его вернуться обратно. Когда мой однофамилец туда пожаловал, то, увидевши, в чем дело, вернулся обратно в Петроград. Товарищи, это на языке теперешнего министра Церетели называется анархией. И я думаю, товарищи, что министру Церетели почаще нужно было бы вспоминать об этом, когда он отправлялся в Кронштадт и там боролся против того, что он раньше сам делал, когда еще не был министром.

Этого мало. В том же Иркутске, представителем которого здесь выступал т. Троицкий, был проведен 8-часовой рабочий день декретом общественных организаций, в которых участвовал в качестве председателя теперешний министр Церетели. Эта мера проводилась и т. Никольским, который здесь так критиковал злосчастных большевиков. Эта мера была проведена во всех учреждениях, не только работавших на оборону, но и других. Она была проведена путем декрета, распространяющегося на всю Иркутскую губернию. Было проведено постановление о повышении заработной платы на 50%. Это было сделано не в государственном масштабе, а было сделано местной анархией, это было проведено в местной иркутской республике.

* В неподписанной передовице «Забайкальского рабочего» от 3 мая 1917 г. отмечалось: «Не наше дело защищать Ленина и его тактику, ибо мы не являемся его сторонниками». (Прим. автора.)

Товарищи, на основании того, кем это было сделано, вы можете теперь судить о том, что мы имеем перед собою. Если у нас было правительство прежнего состава, о котором говорили: мы доверяем ему «постольку-поскольку», то позвольте вам сказать, что есть много мест в России, где о теперешнем министерстве говорят, если не абсолютно не доверяют, то все же говорят: «Никакой поддержки и никакого доверия».

Если в Тифлисе, где т. Жордания является председателем Совета р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов], где говорят: мы этому правительству оказываем поддержку «постольку-поскольку», если там они по местным соображениям находят нужным провести ряд революционных мер, то как к ним отнесется настоящее правительство, давление на которое со стороны демократии заслонено этой социалистической заслонкой министров? Оно объявит это анархией.

Это историческое воспоминание очень много говорит. Оно говорит о том, что, быть может, мы находимся накануне решительного момента, накануне того, что начинается так называемое успокоение, то успокоение, после которого нам обещали когда-то и где-то реформы. Я думаю, что мы находимся накануне перелома русской революции и, быть может, нам скоро и определенно придется сказать, что русская революция кончилась, что русская революция дала максимум того, что она могла дать. Идет только закрепление отдельных частностей, идет сковыривание мелких горочек, как выразился один из ораторов, с которых и не двигаемся вперед. Я не пророк и предсказывать не могу, но на основании положения, которое перед нашими глазами, я скажу: это – грозные симптомы, это – стремление все силы направить на борьбу налево, оставляя без внимания все то, что грозит справа. Это обстоятельство меня тревожит.

Здесь обращались к примеру Великой французской революции. Если вы взгляните в прошлое, то я скажу: там решительная победа революционной демократии была, но как она состоялась, на кого эта революционная демократия опиралась в проведении своих решительных мер? Эта революционная демократия была действительно революционной демократией, а не той, о которой здесь все говорят с этой кафедры министры. Эта революционная демократия провела свои решительные меры и во внутренней и во внешней политике, поскольку велась война, в отношении армии и пр.; она привела к полному разрыву с буржуазией, с которой Россия, стоящая на гораздо более высокой ступени развития, в лице наших социалистов-министров не может разорвать. Быть может, наша трагедия революции, быть может, мы пришли к конечному итогу, мы дальше не пойдем, но это факт, и от этого факта ничем не огородиться.

Я скажу, если русская революция кончилась, то наша оппозиция слаба. Разве мы не вступили в период органического строения буржуазного общества и разве не правы те, которые представляют здесь заглушенный голос пролетариата? Вот теперь, когда со стороны наших министров-социалистов мы не видим решительности так же разорвать с Государственной думой, распустить Думу, которая продолжает истреблять народные средства, которых так мало, как нам говорили, то я спрашиваю: вы, министры-социалисты, почему вы этого не делаете? Почему единодушные в этом отношении требования, несущиеся из всей провинции, почему вы их не можете удовлетворить? Почему вы отмахиваетесь здесь, когда раздаются аплодисменты всего съезда, приветствующие революцию т. Луначарского? Я спрашиваю: «Вы и этого даже боитесь?» Тов. Церетели на это ответил: «Только дурак никого не боится».

№ 7. О БОРЬБЕ С АНТИСЕМИТИЗМОМ

*Заседание 22 июня
(вечернее)*

Товарищи, секция по национальному вопросу, вернее комиссия по национальному вопросу, уполномочила меня внести сюда резолюцию по вопросу о борьбе с антисемитизмом. Резолюция принята у нас в комиссии единогласно. Прежде чем прочитать ее, я хочу сказать несколько слов по существу ее. Все вы, товарищи, знаете, что царизм использовал антисемитическую травлю, натравливание остальных народностей на евреев как метод в борьбе за собственное существование. Он этим мстил народу, рабочий класс которого первым стал под знамя социал-демократии и в массовом масштабе начал борьбу против царизма, и в то же время царизм использовал этот метод [для того], чтобы бороться им за собственное существование, чтобы отялкать народное возмущение, накопившееся против царизма, на весь еврейский народ. Еврейский народ пережил ужасы погромов при первой революции, он пережил эти ужасы погромов, и масса еврейской крови пролита в первые дни свободы, в первые дни революции. Когда наступил период реакции, травля евреев продолжалась: всевозможные издевательства, всевозможные административные и прочие меры против них с каждым днем все усиливались и усиливались. Когда же настала война, эта травля приняла особенно дикий и возмутительный характер. Евреев обвиняли в шпионстве, в том, что они на фронте продают русскую армию немцам, и в прочих мерзостях, которые мог только придумать реакционный ум. Еврейской нацией хотели заслонить фигуры Мясоедова, Сухомлинова и прочих действительных предателей, которые известны всей России. Революция, совершившаяся в февральские дни, нащупала, нашла действительных угнетателей, действительную причину разорения русского народа. Таким образом, эта ставка на евреев, эта ставка на антисемитизм потерпела полный крах. Но этим не прекратилась антисемитическая травля, не прекратилось и употребление всех тех методов, которые практиковал царизм. Если раньше, до революции, борьба с еврейством и натравливание на него других наций являлось средством сохранить существующий строй, то и после революции, в настоящий момент, этим методом пытаются воскресить низвергнутый царизм, внести раздор в революционную среду.

Товарищи, те из вас, которые читали безграмотные прокламации, которые были разбрасываемы [в] первые дни, вероятно, помнят, что там обыкновенно стояли две фразы: «Долой изменников евреев», «Да здравствует батюшка-царь». Таким образом, там ясно связывались антисемитическая травля и надежда на ее последствия, надежда на восстановление царизма. Из этих безграмотных прокламаций, из этих безграмотных призывов были видны ослиные уши черносотенцев, которые не успели приспособиться к революционной обстановке. Но в дальнейшем, чем больше развивался кризис в области промышленности и продовольствия, чем глубже народные массы чувствовали неудовлетворенность настоящего положения, тем больше находила почву такая травля, которая использовала это недовольство, которая подсовывала народным массам такие лозунги, которые находили сочувствие в других партиях, защищающих их интересы, рядом с лозунгами, в которых обещался хлеб и т.д. В то же время раздавались лозунги самого антисемитического характера. Несомненно, это наиболее изощренная травля, которая приспосаблиется к моменту, несомненно, она наиболее опасна, чем те безграмотные прокламации, которые попадались в первые дни революции. В настоящее время, товарищи, многим из вас приходится сталкиваться с этим явлением, многим из вас приходится с ним бороться. Поэтому Всероссийский съезд не может пройти мимо этого вопроса, не может не обратиться с определенным воззванием ко всей демократии, не может не предложить ряд мер, направленных к тому, чтобы выполнить свой долг перед еврейским народом, чтобы рас-

крыть глаза массам, которые путем этой антисемитической демагогии ведутся на путь воскрешения царизма и уничтожения завоеванных революцией свобод. Съезд должен сказать свое властное слово, и тех заблуждающихся, которые в настоящий момент идут за этими темными демагогами, вернуть на правильный путь. Разумеется, вернуть их на правильный путь можно только самыми решительными мерами. Но поскольку мы должны выполнить долг, как пропагандисты, мы долг этот выполним. (*Читаем.*)

Резолюция, которая предлагается съезду, гласит следующее (*читаем*):

«1. Многовековое бесправие евреев в России и антисемитская травля против них, служившая одним из главных средств царизма в его борьбе за власть, принявшая особенно дикий характер во время войны» – все это успело пустить яд человеконенавистничества, вражды и недоверия к евреям в широкие народные массы.

2. Бессильная добиться возврата старого порядка в открытой борьбе, контрреволюция стремится использовать эти темные предрассудки масс, отвлечь их внимание от подлинных причин кризиса, переживаемого страной, и дать выход стихийному недовольству и глухому брожению народных масс в движении, направленном против евреев.

3. Эта антиеврейская агитация, маскирующаяся часто под радикальными лозунгами, представляет огромную опасность и для еврейского народа, и для всего революционного движения в стране, ибо грозит потопить в братской крови все дело освобождения народа и покрыть революционное народное движение несмыслаемым позором.

4. Поэтому прямые интересы широких народных масс и дело чести революции требуют от всей революционной демократии самой энергичной борьбы со всякими попытками антиеврейской травли и подавления в зародыше всяких антиеврейских выступлений.

5. Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов призывает все местные Советы зорко следить за всякими происками антисемитских групп и агитаторов, вести неустанную агитационную и просветительную работу среди самых широких народных масс в целях борьбы с антиеврейской травлей, а своему Центральному комитету поручить озаботиться изданием соответствующей литературы по еврейскому вопросу.

6. Посылая свой братский привет борющемуся в общих революционных рядах еврейскому рабочему классу, съезд призывает его вселить в еврейские народные массы твердую уверенность в том, что вся организованная революционная демократия страны встанет грудью на их защиту от всяких попыток каких-либо насильственных действий против евреев».

Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов: 1917 год в документах и материалах.
Т. I. М.; Л., 1930. С. 217–219; Т. II. М.; Л., 1931. С. 239–241.

№ 8–12. ВЫСТУПЛЕНИЯ НА VI СЪЕЗДЕ РСДРП(б)

28 июля (10 августа) – 3 (16) августа 1917 г.

№ 8. ДОКЛАД О РАБОТЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ НА УРАЛЕ

28 июля (10 августа)
Заседание 6-е

Председатель. Слово принадлежит делегату от Урала т. Преображенскому.

Преображенский. Работа социал-демократии на Урале протекает в особых условиях. За исключением Мальцевских и некоторых других заводов, рабочие не являются чистыми пролетариями, они связаны с землей. Эта связь с землей налагает особый

отпечаток на психологию уральского рабочего, на формы его борьбы с капиталом. На Урале до сих пор существует посессионное право, и два с половиной миллиона десятин [земли] находятся во владении заводчиков. Хозяйство самое отсталое. На Урале — хроническая безработица, охватывающая до 45–50% всех рабочих.

Вместо испытанных средств классовой борьбы приходится выдвигать особые методы, приспособляясь к местным условиям. Уральская социал-демократия вынуждена была выдвигать специфическую программу, чем, быть может, и объяснялся успех нашей партии. Еще в нелегальное время угроза гибели уральской промышленности требовала немедленно действенных лозунгов; земельные отношения требовали особой аграрной программы. У нас есть земли, принадлежащие представителям иностранного капитала, благодаря чему рабочие волей-неволей приковывают свое внимание к борьбе с международным капиталом, к международной политике.

С другой стороны — отсталость промышленности. Связь рабочего с землей способствует успеху эсеров и меньшевиков, как партий мелкобуржуазных.

До революции Урал считался опорой большевизма. В настоящее время влияние большевиков сравнительно ослабело; есть сильные эсеровские организации; меньшевики тоже усилились, но, являясь лишь придатком эсеров, сдали все классовые позиции.

До революции были подпольные большевистские организации в Екатеринбурге, Лысьве и других пунктах. Сила влияния большевиков в настоящее время еще не поддается учету, хотя, безусловно, это самая влиятельная партия. Некоторые суммарные данные дадут более ясное представление о положении дела. На Урале прошло уже две конференции⁹. На первой было представлено 15 500 членов партии, на второй — 22 000, причем не от всех организаций были представители, в действительности же в партии числится до 25 000 членов. Большевистская организация была бы еще сильнее, но ряд причин, как-то: расчеты с фабрик, политические условия работы нашей организации — способствовали некоторому уменьшению членов и усилению меньшевистских организаций. И все-таки число меньшевиков не превышает одной трети числа членов нашей партии.

Наша работа ведется главным образом среди рабочих. На крестьян мы оказываем слабое влияние, кроме той части их, которая связана с заводами. Интересно отметить, что к нам на конференцию являлись делегаты от волостей за разрешением различных вопросов.

В солдатской массе преобладает влияние эсеров.

Наш орган «Уральская правда» выходит в 8000–10 000 экземпляров два раза в неделю. Теперь надеемся выпускать его ежедневно, так как купили собственную типографию.

Профессиональные союзы возникли только среди тех рабочих, которые работают в капиталистических предприятиях развитого типа, в отсталой промышленности для них нет почвы. В союзах преобладает наше влияние.

События 3–5 июля сначала породили минорное настроение, но вообще отрицательного действия не имели и даже послужили некоторым фильтром, и когда мы окончили вторую конференцию, то оказалось, что мы стоим на прежней точке зрения. (Аплодисменты.)

№ 9. ВЫСТУПЛЕНИЕ ПО РЕЗОЛЮЦИИ «О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ И ВОЙНЕ»¹⁰

30 июля (12 августа)
Заседание 9-е

Преображенский. Роль союзного капитала и либеральной буржуазии различно понимается т. Сталиным и т. Ангарским¹¹. Я надеюсь, что т. Сталин ответит т. Ангарскому на возражения, которые абсолютно ничем не вызывались. Либеральная буржуазия понималась как движущая сила, потому что она могла или оказать проти-

водействие революции, или остаться нейтральной. В феврале – марте она вынуждена была в силу особых обстоятельств играть роль пособника, попустительствовать революции. Перехожу к самому коренному вопросу, который затронут в резолюции т. Сталиным. Тов. Сталин эту резолюцию защищает не во всех пунктах. Я прежде всего скажу о технических недостатках резолюции: это, в сущности, не резолюция, и я бы предложил превратить ее в резолюцию. Но это возражение не по существу, а со стороны литературно-технической. По существу я хотел сказать, что основной вопрос, который стоит перед нами, это – кончилась ли у нас революция в первой ее стадии или нет? Мы не будем спорить относительно глубины того контрреволюционного переворота, который мы переживаем. Вопрос разрешится объективным анализом сил, участвующих в контрреволюции, и сил, могущих быть движущими силами революции. У меня нет смелости сейчас дать ответ на этот вопрос. Роль мелкой буржуазии в дальнейшей стадии революции для нас еще недостаточно выяснена. Отход ее вправо объясняется двумя причинами: выступлением пролетариата и прорывом фронта. Мелкая буржуазия поставлена перед необходимостью защищать страну, но для защиты страны необходим аппарат, который находится в руках империалистов. Вполне понятна та паника, которая охватила мелкую буржуазию и бросила ее в объятия контрреволюционеров. Таким образом, под влиянием внутренних осложнений и неудач на фронте началось сближение мелкой буржуазии с империалистами. Этот процесс сближения означает неизбежную сдачу мелкой буржуазией всех своих позиций внутри страны. Возможно, что победа контрреволюции может оказаться более глубокой, чем мы думаем, и тогда революция в национальных пределах кончена. В этом случае я не могу согласиться с утверждением о неизбежности нового взрыва. Я считаю вполне возможным соглашение между контрреволюционной буржуазией, капиталистами, помещиками и крестьянами. Вы читали, что Чернов заговорил уже о выкупе помещичьих земель. Быть может, это начало момента, когда в главнейшем вопросе – аграрном – мелкой буржуазией тоже сдаются позиции. Таким образом, возможность такого исхода не исключена. Но возможно и другое. На почве невозможности разрешить все конфликты мелкой буржуазии с крупной и при условии военных успехов на фронте мы будем поставлены перед новым взрывом революции. Но кто будут ее участники? Что т. Сталин понимает под «беднейшими слоями крестьянства»? В марксистской литературе нет до сих пор определения понятия беднейшего крестьянства, о котором говорится в резолюции. Если это батраки или тот слой крестьянства, который при проведении радикальной земельной реформы не проигрывает, а выигрывает, то я скажу: роль Советов еще не кончена. Их состав может измениться. Лозунг «Вся власть Советам!» должен быть сохранен постольку, поскольку возможность аграрной революции не исключена.

Здесь говорилось о новых взрывах. О каких взрывах? Если о взрывах, участником которых будет только пролетариат, которые совершенно не будут поддержаны широкими народными слоями, то у нас повторится 3–4 июля. Но если выступления будут иметь резонанс в крестьянстве, они будут иметь громадное значение. И в этом смысле я высказываюсь за эти взрывы, но как за подсобное средство, а не как за основное средство борьбы. Я думаю, что т. Сталин разъяснит, в каком смысле он употребил здесь это слово.

№ 10. ВЫСТУПЛЕНИЕ ПО РЕЗОЛЮЦИИ «О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ И ВОЙНЕ»

2 (15) августа
Заседание 13-е

Бухарин читает п. 9:

«Ликвидация империалистского господства ставит перед рабочим классом той страны, которая первая осуществит диктатуру пролетариев и полупролетариев, задачу всяческой (вплоть до вооруженной) поддержки борющегося пролетариата других стран. В частности, такая задача станет на очереди перед Россией, если, что очень вероятно, новый неизбежный подъем русской революции поставит у власти рабочих и беднейших крестьян раньше переворота в капиталистических странах Запада».

Б о ш. Предлагаю заменить слова «если, что очень вероятно» словом «когда», чтобы выразить нашу уверенность в неизбежности переворота.

Бухарин. Я против этой поправки, как дающей гарантии в том, что указанное в этом пункте непременно произойдет. Мы на это надеемся, основываясь на фактах, но не можем дать гарантии.

Поправка отклоняется.

Преображенский. Меня не удовлетворяет редакция пункта. Я предпочел бы восстановить первоначальную редакцию, в которой определенно говорилось о революционной войне в случае диктатуры пролетариата.

Бухарин. Я напомню товарищам историю этого пункта. В моей формулировке о революционной войне ничего не было сказано. После первого чтения резолюции съезд пожелал внести упоминание о революционной войне, что и было мной сделано, но в резолютивной комиссии вопрос встал реально – будут ли у нас силы вести революционную войну, – и мы внесли более мягкую формулировку, так как мы не можем бесповоротно утверждать, хватит ли у нас силы вести революционную войну. По этим соображениям я против поправки т. Преображенского.

Поправка отклоняется.

№ 11. ОБСУЖДЕНИЕ ВОПРОСА О ВЫБОРАХ В УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ¹²

3 (16) августа
Заседание 14-е (утреннее)

Шумяцкий. Пункт 10 гласит:

«Соглашения допустимы и с беспартийными революционными организациями (например, Советами депутатов, земельными комитетами, комитетами засевщиков и т.д.), полностью принимающими нашу программу».

Преображенский. Считаю этот пункт решительно неприемлемым и предлагаю заменить его следующим:

«Никакие избирательные соглашения и составление совместных списков кандидатов с беспартийными революционными организациями недопустимы».

Джарридз. Я предлагаю совершенно исключить этот пункт.

Скрыпник. Затронутый вопрос крайне важен, и я предлагаю открыть прения по существу.

Председатель. Возражений нет? Прения открываются.

Преображенский. Я против снятия этого пункта, но предлагаю заменить его моей редакцией. Вопрос этот чрезвычайно важный и дебатировался уже в «Правде».

Признания нашей платформы беспартийными организациями недостаточно, так как можно опасаться, что таким образом мы достигнем блока с весьма сомнительными «интернационалистами». Беспартийные крестьянские организации могут пойти за нами из-за нашей аграрной программы, совершенно не разделяя остальной платформы. Такие союзники могут нам очень повредить на другой же день после выборов, так как по другим программным вопросам могут выступить с совершенно иным мнением.

Против соглашения с беспартийными крестьянами говорит еще и то, что таким образом лишь улавливаются голоса, но не вербуются настоящие сторонники. Это кладет начало парламентскому кретинизму, что находится в полной противоположности с нашими взглядами, выраженными в предисловии к брошюре т. Ленина «Никаких соглашений, никаких компромиссов».

Кроме того, такие блоки не дадут нам возможности сделать подсчет своих сторонников. Отрезаны ли мы от крестьянства, не потеряем ли мы там голоса сочувствующих, если не заключим блока? Отнюдь нет. При пропорциональной системе выборов ни один голос не пропадет. Для вербовки же своих последователей надо идти в деревню и организовывать революционное крестьянство. Оно может пойти за нами, и это будет более действительный успех, чем 5–10 лишних депутатских мест. Наше отношение к Учредительному собранию совершенно определилось. Мы входим туда небольшой группой и выдерживаем строго принципиальную линию.

Председатель. Внесено предложение ограничить время ораторов тремя минутами. Возражений нет? Считаю принятым.

Соловьев. Я просил слова по мотивам голосования. Вопрос о блоках с беспартийными организациями обсуждался на Московской областной конференции, где мы пришли к заключению о необходимости таких блоков.

Председатель. Тов. Соловьев, вы говорите по существу, а не по мотивам голосования.

Шумяцкий. Я тоже выскажусь по мотивам голосования. Если т. Преображенский признает возможность блока с эсерами-интернационалистами, то его редакция обрывается против него самого.

Председатель. Больше слов по мотивам голосования не дается. Голосу поправку т. Преображенского. Отвергнута.

№ 12. ВЫСТУПЛЕНИЕ ПО РЕЗОЛЮЦИИ «О ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ»

3 (16) августа
Заседание 15-е

Сталин читает п. 9 резолюции:

«9. Задачей этих революционных классов является тогда напряжение всех сил для взятия государственной власти в свои руки и для направления ее в союзе с революционным пролетариатом передовых стран к миру и к социалистическому переустройству общества».

Преображенский. Предлагаю иную редакцию конца резолюции: «для направления ее к миру и, при наличии пролетарской революции на Западе, к социализму».

Если мы примем редакцию комиссии, то получится разногласие с уже принятой резолюцией т. Бухарина.

Сталин. Я против такого окончания резолюции. Не исключена возможность, что именно Россия является страной, пролагающей путь к социализму. До сих пор ни одна страна не пользовалась такой свободой, какая была в России, не пробовала осуществлять

контроль рабочих над производством. Кроме того, база нашей революции шире, чем в Западной Европе, где пролетариат стоит лицом к лицу с буржуазией в полном одиночестве. У нас рабочих поддерживают беднейшие слои крестьянства. Наконец, в Германии аппарат государственной власти действует несравненно лучше, чем несовершенный аппарат нашей буржуазии, которая и сама является данницей европейского капитала. Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего.

Председатель. Ставлю на голосование поправку т. Преображенского. Отклоняется.

Шестой съезд РСДРП (большевики). Август 1917 года:
Протоколы. М., 1958. С. 80–81, 115–116, 202, 225–226, 250–251.

№ 13. БРОШЮРА «ЧТО НУЖНО УРАЛЬСКИМ РАБОЧИМ»

*Сентябрь — октябрь 1917 г.**

Приближается время выборов в Учредительное собрание.

Ни один рабочий не должен упустить случая защитить интерес своего класса голосованием. Но голосуя, он должен ясно сознавать, за кого он подает голос. Иначе может случиться, что он будет голосовать за своих врагов или за таких сомнительных друзей, которые не могут мужественно и до конца отстаивать его интересы. А сделать эту ошибку тем легче, чем искусней различные партии будут заниматься ловлей голосов и выставлять себя друзьями всего народа. Недаром же было кем-то верно сказано, что никогда в свете больше не врут, как во время выборов. Пусть каждый рабочий помнит, что правильно поданный им за свою рабочую партию голос — это капитал, который принесет ему проценты. А голос, отданный чужой партии, окажется для него плеткой, которую он сам себе сделал и которая впоследствии больно отстегает его за невежество и непонимание собственных интересов.

ЧТО НУЖНО УРАЛЬСКИМ РАБОЧИМ

Безработица на Урале

Совсем недавно на Урале прекратилась ужасающая по своим размерам безработица, душившая рабочий класс и лишавшая его куска хлеба. Но прекратилась она временно, вследствие промышленного подъема и военных заказов. И уже теперь есть признаки ее нового пришествия.

Всякая безработица неустраима, пока в обществе господствует капитал, пока предприниматели распоряжаются на заводах. Когда выгодно, они расширяют производство и набирают новые штаты рабочих, когда невыгодно, сокращают производство и выбрасывают лишних рабочих. Следовательно, безработицу вообще можно уничтожить лишь тогда, когда будет уничтожен капиталистический строй и вместо него будет создано общественное, народное, т.е. социалистическое хозяйство.

* Датируется по содержанию.

Но уральская безработица имеет особые причины. Да и по своим размерам ее нельзя сравнить с обычной безработицей, которую мы наблюдаем в России и в других странах, где царит капитал.

Огромное большинство уральских рабочих до последних лет жило под постоянной угрозой сокращения работ и закрытия заводов. Ряд заводов, казенных и частных, закрылся. Часть рабочих должна была уехать в другие места России и там искать заработка. Многим пришлось бросить домашнее хозяйство, которое служило подспорьем к заработку на заводах. Другая часть оставалась на месте и должна была искать каких-нибудь других работ, заниматься кустарными промыслами, переходить к земледелию, устраиваться на лесных работах и т.д.

Все это были работы, которые не могли достаточно обеспечить рабочих и заставляли их владеть жалкое полуголодное существование.

Но не лучше обстояло дело и на тех заводах, которые хотя и не закрылись, но сокращали производство. Работы становилось меньше, а рабочих больше, потому что население росло, число голодных ртов и рабочих рук увеличивалось. Чтоб всем страдать одинаково, рабочие добивались обыкновенно того, что наличная работа распределялась между всеми поровну. Одному рабочему приходилось работать через день, иногда через два дня, либо вводились шестичасовые смены при ежедневной работе. Эти гулевые дни или гулевые часы были бичом для рабочих, п.ч. благодаря им уменьшался и заработок каждого.

В общем, на всем Урале безработица достигала огромных размеров. Если считать не только частных* безработных, окончательно выброшенных с заводов, но и полубезработных, работавших не полные дни, то из каждых 100 рабочих Урала было до 40 безработных. И это не в какой-нибудь отдельный, особенно несчастный год, а все время, на протяжении десятков лет.

Заработная плата

Существует общее правило, что чем безработица сильнее, тем ниже заработная плата рабочих. Когда промышленность расширяется, когда рабочие все заняты или их даже не хватает, то наступает на их стороне праздник. Они могут тогда добиваться от предпринимателей более высокой заработной платы. Наоборот, когда производство сокращается и появляется много безработных, торжествует капиталист и принуждает рабочих работать за низкую заработную плату. Огромная безработица на Урале и была главной причиной неслыханно низких заработных плат. Прежде всего, раз работу приходилось делить между всеми работниками, то отдельный рабочий не вырабатывал полного дня и получал только часть платы, полагавшейся за полный рабочий день. Гулевые дни, это уравнительное разделение безработицы, приводило к уравнительному разделу и без того голодной заработной платы.

Зарботки рабочих падали так низко, что во многих местах взрослые рабочие и часто семейные зарабатывали 8–12 руб. в месяц, 25–30 руб. получали мастера. Но и эти жалкие гроши рабочим не всегда удавалось получить. На некоторых заводах, например Тагильских, Катавских и других, заводоуправления целыми месяцами отказывались выдавать заработную плату за неимением денег. Рабочим выдавались квитанции на получение товаров из заводских лавок. А так как в лавках всех нужных продуктов не было, а имевшиеся продавались по ценам, назначенным заводоуправлениями, то такое положение дел вело еще к новому закабалению рабочих Урала.

* Речь идет о рабочих частных заводов.

На свои ничтожные заработки рабочие не могли прожить, и, естественно, искали подсобных доходов. Прежде всего, поддерживало рабочих домашнее хозяйство. Имея свой огород, свою корову и другого скот, а также птицу, рабочий вынужден был покупать на деньги гораздо меньше, чем чистый пролетарий города. Другие кроме домашнего хозяйства занимались кустарничеством. Часто можно было встретить на Урале рабочих, которые, отработав на заводе, продолжали свой рабочий день дома, делая сундуки, ушаты, корзины и др. продукты домашнего ремесла.

Но если домашнее хозяйство поддерживало рабочих при низких заработках, то еще больше оно поддерживало заводчиков в их стремлении не допускать повышения оплаты труда. Если б на уральских заводах были чистые пролетарии, не связанные землей (хотя бы только чисто усадебной землей), они сбежали бы, не желая умирать с голоду. Уральский же рабочий, прикрепленный к месту, вынужден был мириться с нищенской заработной платой и предпочитал хоть что-нибудь получить с завода, чем ничего. И только молодежь уральских заводов была более подвижна и, оставив дома отцов, уходила искать лучших условий труда в другие концы России. Так оказался закабаленным у заводчиков уральский рабочий класс и долгие годы влачил свое полуголодное существование, не имея просвета впереди.

Умирание уральской промышленности

У читателя этой брошюры, если он не знаком с положением уральской промышленности, может явиться вопрос: почему же уральские рабочие не следовали примеру своих товарищей из остальной России и не добились улучшения своего положения стачками и другими способами пролетарской борьбы?

Здесь мы подходим к самому главному пункту, к объяснению основной причины бедственного положения большинства уральских рабочих.

Есть глубокие причины, почему уральский рабочий не мог идти в ногу со своими товарищами рабочими всей России в борьбе за улучшение своего экономического положения. Заключаются эти причины в том, что сама уральская промышленность безнадежно больна, что она вымирает и что стачечная борьба при таких условиях не может дать таких благоприятных результатов, как дает рабочим других областей России.

Урал изготовляет чугуи и железные продукты. Было время, когда он был хозяином рынка, главным и почти единственным поставщиком железа для всей России. Тогда цены на рынке определялись издержками производства на Урале и производство не могло быть убыточным.

Но с конца 80-х и начала 90-х годов у Урала появился сильнейший конкурент в лице южной промышленности. На Юге промышленность сложилась при содействии иностранного капитала и была организована по последнему слову европейской техники. На Юге производительность труда оказалась несравненно выше, чем на Урале, и железные продукты южной промышленности можно было продавать на рынке значительно дешевле уральских.

Цены падали, уральская промышленность получала удар за ударом, и перед ней было два пути: или перестроиться на новых началах, поднять технику на уровень с Югом, либо постепенно вымирать, отвечая на понижение цен на рынке понижением заработной платы. Только небольшая часть уральских заводов была перестроена на новых началах и твердо стала на ноги (Надежденский, Богословский, Лысьвенский, Чусовской, Кыштымский). Большинство же заводчиков избрали второй путь. Чтоб сохранить прибыль при низких ценах на железо, понижали заработную плату рабочим и этим уменьшали издержки по производству продукта. В этом главная причина низких заработков на Урале. При таком

положении стачки рабочих были обречены заранее на неудачу, а там, где они проходили, они приводили либо к закрытию заводов, либо рабочие терпели поражение и соглашались работать за голодную заработную плату, лишь бы иметь хоть какой-либо заработок.

Посмотрим, как обстояло дело на различных уральских заводах под влиянием конкуренции Юга, т.е. на казенных, посессионных и частновладельческих.

Казенное хозяйство при самодержавии всегда было поставлено из рук вон плохо и нерасчетливо. И на уральских казенных заводах производительность труда была чрезвычайно низко. Когда на рынке появился дешевый южный чугун, то для казны уже не было смысла иметь заводы, изготавливавшие продукт более дорогой, и казна начала закрывать свои убыточные предприятия. Оставлены были лишь хорошо оборудованные заводы, работавшие военные заказы, как Мотовилиха, Златоуст.

Иначе дело сложилось на посессионных заводах, которых на Урале до 30. Посессионные земли, как известно, есть, в сущности, казенные земли. Эти земли с их недрами и лесами отданы в распоряжение заводчикам для разработки и остаются за заводчиками до тех пор, пока они ведут заводы. По условию с казной, когда владелец закрывает заводы, то его земли переходят обратно в казну, а сам он должен обеспечить на год продовольствием рабочих закрытых заводов. Вот это-то посессионное право, этот пережиток крепостничества, и создает на этих заводах самое невыносимое положение. Посессионная промышленность давно умирает, но умереть не может. Техника на заводах самая допотопная, производительность труда самая низкая, дело ведется бесхозяйственно и нелепо. Но заводчики не закрывают заводы. Они сами не ведут дело как следует, не дают вести и другим, которые взяли бы землю, и недра, и заводы в свои руки и могли бы поставить дело так же, как оно поставлено на Юге. Сами они не желают поставить дело как следует, потому что все эти господа являются самыми худшими и зловердными паразитами, какие только могут быть. В сущности, каждый капиталист является паразитом, п.ч. живет за счет труда своих рабочих. Но настоящий капиталист проживает не всю прибыль, которую ему создают рабочие, а большую часть ее употребляет на расширение или улучшение производства. Этим он еще больше увеличивает свою прибыль, но зато и общество получает от этого свои выгоды. Посессионные же заводчики являются паразитами в самом полном смысле слова. Все средства, которые оказывались в их руках, они проживали за границей, блистали при Романовском дворе, покупали титулы, как купец Демидов, превратившийся на счет своих рабочих в итальянского графа Сан-Донато, и т.д. Эти господа не только пропивали на шампанском все доходы от заводов и земель, но спускали также и все казенные субсидии, которые выпрашивали у казны под предлогом поднятия производства и улучшения положения рабочих. Они, наконец, ухитрились заложить в частных банках посессионные земли, т.е., в сущности, чужие казенные земли, и с таким же блеском и знанием дела пропивали и продавали народное достояние. Представьте себе, читатель, что какой-либо лесничий в казенном лесном ведомстве заложил бы порученные ему для наблюдения государственные леса и деньги пропил. Такого вора судили бы за преступление и посадили в арестантские роты. Но наши посессионные заводчики проделали все эти операции безнаказанно. Хорошо им жилось при царском самодержавии! Теперь понятно и то, почему посессионные заводчики не позакрывали своих заводов, хотя и горько жалуются на убыточность своих предприятий. Главные доходы они получают ведь не от заводов. Наоборот, заводы могут давать и убыток, но этот убыток они с лихвой покрывали другими «безгрешными» доходами. Кроме вышеупомянутых источников надо указать еще на хищническое истребление лесов. Дрова и строевой лес дорожали в России с каждым годом, и заводчики сводили огромные площади прекрасного, не тронутого до сих пор еще топором строевого леса и сплавляли его по всем направлениям. Кроме того, они сдавали в аренду пахотные земли и луга и отсюда извлекали еще свои доходы.

Так дошли посессионные заводы до последней степени упадка, но умереть не могли. Посессионное право прикрепляло их к кучке высокопоставленных паразитов и обрекало рабочих на полуголодное существование. Производство не только не расширилось, но сокращалось до того, что с полного завода работало по [одному] цеху, по два. Предприятие велось для виду, для формы, чтоб не было основания у казны отобрать у посессионеров данные им во владение земли и недр. Пусть бы рабочие бастовали при таких условиях: «Бастуйте, голубчики, — скажет заводовладелец. — Я от этого не в убытке».

Что касается частных заводов, которых на Урале большинство, до 60, то положение дел на большинстве из них такое же печальное, как и на посессионных: почти такая же убогая техника, такая же низкая производительность труда, такое же расхищение природных богатств, такая же голодная заработная плата. Но преимущество частных заводов над посессионными заключается прежде всего уже в том, что они частные, и доступ сюда производительного капитала хотя и затруднен, но не абсолютно закрыт, как на заводах посессионных. В результате большинство заводчиков, расхитив наиболее ценные богатства и не желая вести убыточных предприятий, перепродали свои заводы другим капиталистам или акционерным компаниям, вступая и сами в число акционеров. Другие не стеснялись закрывать заводы, когда им это было выгодно. Часть заводов, попавших в руки производительных капиталистов, были переоборудованы, как я уже указывал выше, производительность труда на них повышалась, рабочие имели возможность добиться лучших условий труда, и в конце концов эта часть предприятий, правда меньшая часть, стала на прочные ноги. Но часть заводов, хотя и попала в другие руки, но эти руки оказались еще более ловкими в расхищении богатств края, производство же несколько не улучшилось, не расширилось, а либо сокращалось, либо заводы закрывались вовсе. «Наши доблестные союзники», французские и английские капиталисты, к которым перешло много заводов от старых владельцев, перестроили заново одни заводы, другие просто закрыли и приступили везде к более искусному и беззастенчивому истреблению природных богатств. В конце концов на части перестроившихся заводов, т.е. на меньшей части, положение рабочих улучшилось, на большей же части заводов оно ухудшилось и еще больше увеличилось тягостное безработицы.

Так умирала уральская промышленность до недавнего времени и, умирая, возлагала все тягости и муки умирания на плечи рабочего класса.

Промышленный подъем и война

До 1911 г. железная промышленность в России переживала кризис. Продукта производилось больше, чем требовалось на рынке, цены низко пали, и на Урале последние несколько лет перед 1911 г. были годами самой тяжелой безработицы. Производство сокращалось, несколько заводов закрылось, целый ряд заводов предназначался к закрытию.

Наоборот, когда после прекрасных урожаев 1909–1910 гг. начался подъем всей нашей промышленности, особенно горной, когда чугуна, железа и стали стало не хватать и наступил так называемый «чугунный голод», дела уральских промышленников стали поправляться. Цены на чугун и железо быстро поднимались, начали давать доходы и убыточные предприятия области. Мало того. Закрытые заводы стали вновь открываться, пущен был постепенно в ход ряд закрытых казенных заводов, в остальных производство расширилось. Гибель умиравшей уральской промышленности была временно отсрочена.

Первым результатом промышленного подъема на Урале было сокращение безработицы. Но заработная плата оставалась пока на старом уровне, и все выгоды от увеличения цен на чугун и железо получили заводчики. Начавшиеся кое-где стачки не были,

правда, осуждены на поражение, как раньше, но далеко не все кончались удачно, несмотря на стойкость рабочих. Например, в Мишьярском заводе Уфимской губернии, известном на Урале революционностью и сплоченностью рабочей массы, стачка 1914 г. длилась 7 мес[яцев] и кончилась для рабочих неудачею.

Когда началась война, большинство предприятий Урала перешло к работе на оборону. Еще больше расширились штаты, некоторые заводы были заново переоборудованы, у других выстроены новые цеха. Безработица прекратилась – наоборот, на наиболее крупных заводах появилось много пришлых рабочих. Если раньше, в 90-х годах, на Урале насчитывалось до 260 тыс. занятых рабочих, да и эту цифру уральские статистики считали преувеличенной, если мы вспомним, что с тех пор до промышленного подъема и войны число безработных сильно увеличилось, то, на сколько возросло число занятых рабочих в последние годы на Урале, видно по тому, что на уральских съездах Советов имели представительство в среднем до 450–500 тыс. рабочих.

Главнейшее зло Урала – безработица – было временно устранено. Но низкие заработки продолжали оставаться, за исключением групп заводов, где большую роль играл пришлый рабочий элемент, не связанный с местом и не склонный работать за нищенскую плату. Бороться же стачками за повышение платы при самодержавии было почти невозможно. Рабочие, как военнообязанные, в случае стачки подлежали отправке на фронт, и заводчики под угрозой применения этого средства заставляли пролетариат Урала мириться с тяжелым положением. Между тем страшно возросла дороговизна жизни, деньги обесценивались, увеличение платы, где оно происходило, далеко отставало от роста дороговизны.

В таком положении застала уральских рабочих революция. После переворота долго сдерживаемое недовольство тяжелым экономическим положением прорвалось наружу. Под давлением рабочих масс заработная плата резко увеличилась, хотя не везде одинаково. Были мелкие захолустные заводы, где прибавки были так малы, что не могли сравняться с подъемом дороговизны. После первых более или менее значительных прибавок рабочие стали требовать новых и вот здесь-то столкнулись с решительным сопротивлением заводчиков. Наиболее упорными противниками увеличения заработной платы оказались как раз владельцы тех заводов, которые до войны владели жалкое существование и вследствие своей убогой техники делали труд рабочих малопродуктивным. К тому же рабочие, годами видевшие перед своими глазами расхищение лесных богатств, потребовали установления десятиверстной полосы, в пределах которой заводу управления не имели права истреблять лес для нужд завода. Хищничество с лесом, таким образом, если не было прекращено совсем, то стало чрезвычайно затруднительным. А ведь лесное хозяйство, или, вернее, истребление лесов, составляло, как мы говорили выше, важную статью доходов у заводчиков. Таким образом, под влиянием натиска рабочих масс, вследствие увеличения заработной платы, вновь вскрылись старые язвы отсталой уральской промышленности. Многие заводчики не могут увеличить плату помимо своего желания просто потому, что отсталое предприятие не может вынести увеличения платы и должно прекратиться. Если б дело было только в злой воле заводчиков, в их жадности, то справиться с сопротивлением их было бы не трудно. Но в том-то и суть, что дело много серьезней. Многие наши товарищи по заводам, контролирующие все дела предприятия, приходили к выводу, что производительность заводов при теперешней технике так низка, что если б рабочие сами вели дело, то не смогли бы увеличить себе заработную плату. Одним словом, банкротство отсталой уральской промышленности, временно затушеванное промышленным подъемом и военными заказами, после революции снова обнаружилось со всей ясностью. Перед уральскими рабочими снова вырисовываются все ужасы безработицы и голодной заработной платы, о которых еще не успели как следует забыть. Так начинает складываться дело уже во время революции, когда рабочие

наиболее сильны, и во время войны, когда промышленность обеспечена казенными заказами, и даже самые дряхлые, никуда не годные заводы пущены в ход. Что же будет, когда закончится дождь выгодных казенных заказов, когда придется работать мирную работу на рынок и когда снова выступит на сцену грозный и победоносный соперник Урала – горнозаводский Юг?

Уральским рабочим надо вовремя подумать о надвигающихся на них невзгодах. Они уже теперь должны начать решительную борьбу за то, чтоб к старому не было возврата. Уяснив все причины своего бедственного положения в прошлом и опасности в будущем, они должны добиться того, чтоб жить по-человечески не только в недолгие годы промышленного подъема или войны, чтоб иметь не передышку только от изнурительной, чисто уральской безработицы, а прочно улучшить свое положение.

Наша партия имеет ответы на все эти вопросы и знает путь, который ведет к прочному улучшению жизни уральских рабочих.

Но прежде чем перейти к изложению нашей уральской рабочей программы, мы должны остановиться на земельном вопросе на Урале, правильное решение которого в интересах рабочих имеет огромное значение.

Земельный вопрос на Урале

На Урале в руках казны находится свыше 1 млн. десятин земли, в посессионном владении до двух с четвертью млн. десятин. Остальные земли (свыше 6 млн.) находятся в частном владении. Что касается рабочих казенных заводов, то они наделены землей, наделались землей и рабочие посессионных заводов, но наделались часто так, что лучше бы этого наделения совсем не было. Земли для наделения рабочих заводчики выбирали по своему усмотрению и старались наделить такими участками, которые для заводоуправлений потеряли всякую ценность. Отводили они рабочим либо болота с мелким кустарником, либо голые сопки с одними пнями, после вырубки строевого леса; отводились участки чрезвычайно отдаленные от усадеб и т.д. Рабочие не соглашались на такое «наделение», вели бесконечные судебные процессы с заводчиками. Дела валялись в Сенате и др. инстанциях целые годы и в большинстве случаев разрешались не в пользу рабочих. А когда дела разрешались неблагоприятно для заводчиков, решение суда не приводилось в исполнение, как это, например, сделал пермский губернатор по известному делу о наделении землей рабочих в заводах Пермской губернии.

Рабочие частных заводов на Урале не наделены землей. Они имеют только усадебные участки земли. Луга большей частью им приходится арендовать у заводоуправлений. Получение леса для них также более затруднительно. Заводчикам было выгодно отводить усадебные земли рабочим, п.ч. рабочие этим прикреплялись к земле и составляли всегда для них готовую «резервную армию промышленности», готовую работать за какую угодно низкую плату.

Но заводчикам совсем было не интересно наделить рабочих землей в таком размере, чтоб они могли прокормиться от одного только земледелия. Тогда их трудней было бы заставить работать за голодную заработную плату. Поэтому они всячески препятствовали расширению рабочего землевладения, а также и земельным наделам заводских крестьян. Им было выгодно, кроме того, иметь в лице безземельных и малоземельных постоянных арендаторов лугов и пахотных земель и извлекать из аренды добавочные доходы. Надо еще заметить, что почти все лучшие луга находятся в руках заводоуправлений.

Уральские рабочие, в общем, очень мало занимаются земледелием: они собирают лишь с лугов сено для скота и разводят огороды. Но есть на Урале очень многочислен-

ная группа крестьян, живущих и от земледелия, и от подсобных работ для заводов (извоз руды, пила дров, выжигание угля и т.д.), причем есть много волостей по всем уездам промышленного Урала, где крестьяне большую часть доходов получают заработками от заводов, а не от земледелия. И поскольку рабочие больше заинтересованы в лугах, крестьяне заинтересованы в расширении площади своих пашен. На Урале годной для обработки земли вообще мало. Но все что есть тут годного, заводоуправления крепко держат в своих руках и при сдаче этих земель крестьянам никогда не давали промаха в назначении аренды.

Но, несомненно, самой обездоленной, самой несчастной группой уральского трудового народа являются рабочие закрытых заводов или та часть избыточного горнозаводского населения, которая и при действии заводов не может рассчитывать найти заработков. Не надо забывать, что некоторые рудники, а следовательно, и построенные при них заводы могут закрываться или сокращать работы не только вследствие нежелания или неумения заводчиков поставить как следует дело, а вследствие таких неустраимых причин, как, например, выработка рудоносных земель или отсутствие топлива, где леса почти все сведены. Положение этой части рабочих и заводских крестьян было и теперь остается самым тяжелым. О них особенно приходится подумать при разрешении рабочего и земельного вопроса на Урале. Перед этой частью населения есть два пути: или покинуть свои насиженные места, ликвидировать хозяйство и искать лучшей доли где-либо в другом месте, либо перейти к чистому земледелию. Но для последнего необходимо наделение их годной для обработки земель в таком размере, чтоб эти слои населения могли жить от одного земледелия. Наделить же их за счет земель заводчиков, где у таких есть пахотные земли, либо придется произвести большую работу – корчевки лесов, осушения болот и пр., там, где таких земель нет, и их придется сделать годными из непригодных для земледелия.

Необходимо, наконец, упомянуть здесь еще и про башкирское землевладение, встречающееся также и в горнопромышленной части Урала. Некоторые башкирские общества сохранили еще в своем распоряжении довольно большие площади земель, рыбные озера, луга и леса. Используя лишь ту часть своих земель, которая нужна для скотоводства, башкиры и все остальные угоidia, а также и озера отдают в аренду. Приходится отметить, что у русского населения существуют далеко не нормальные отношения с башкирами из-за земли, и эти отношения революция должна перестроить на более справедливых основаниях.

Наши требования

Выше мы говорили, что огромные размеры безработицы на Урале и низкая заработная плата зависят от того, что сама промышленность больна и умирает.

Чем же надо лечить ее?

Начнем с казенных заводов. Рабочим этих заводов, если теперь же не будут приняты соответствующие меры, грозят в будущем все бедствия безработицы. Дело в том, что самые крупные заводы, как Мотовилихинский или Златоустовский, приспособлены к работе на оборону. С прекращением военных заказов им грозит закрытие, по крайней мере, на тот срок, пока они приспособятся для мирной работы. Поэтому первым нашим требованием в отношении таких заводов, а также и всех казенных и частных заводов является принятие теперь же немедленно мер для подготовки перехода их на мирную работу без сокращения размеров производства. Серьезней обстоит дело с остальной частью казенных заводов, которые почти все закрывались до «чугунного голода» и имеют самую первобытную технику. С окончанием войны они снова могут очутиться в таком

положении, что казне невыгодно будет вести на них производство и экономней будет брать продукты у частных заводов Юга. Чтоб этого не случилось, необходимо теперь же разработать план полного переоборудования этих заводов согласно требованиям усовершенствованной техники. Когда эти заводы удастся переоборудовать, рабочие не будут жить под постоянной угрозой закрытия заводов и им не придется думать о том, чтоб взять эти заводы себе и самим их вести. Это значило бы взять на себя обанкротившиеся предприятия и выдерживать борьбу с хорошо оборудованной южной промышленностью увеличением рабочего дня и уменьшением заработной платы для самих «хозяев-рабочих».

Что касается посессионных заводов, то, как мы уже указывали, техника производства на них самая отсталая, производительность труда самая низкая. Когда кончатся казенные заказы, рабочих этих заводов снова ждет безработица и полуголодное существование. Оставить эти заводы в старом положении нельзя. Изменить же положение можно двумя путями. Или передать посессионные заводы в руки государства, с тем чтобы казна переоборудовала заводы так же, как будут переоборудованы казенные заводы. Либо предоставить такое переоборудование самим заводчикам. Конечно, сами заводчики будут добиваться последнего исхода, но это вряд ли в интересах рабочего класса и всей страны. Эти господа уже доказали полную неспособность вести как следует свои предприятия. Если они теперь отказываются переоборудовать заводы, ссылаясь на отсутствие средств, то, очевидно, они для этой цели будут выпрашивать у казны новые субсидии. А так как эти субсидии они с таким же успехом могут промотать, как промотали прежние, то государству выгодней самому переоборудовать заводы. Поэтому мы требуем конфискации посессионных заводов и передачи их государству.

«Но ведь это будет грабеж», — скажут заводчики и их защитники. Тем, которые так скажут, мы советуем подсчитать все субсидии, полученные заводчиками, стоимость истребленных лесов и сравнить полученные цифры со стоимостью обветшалых, полуразрушенных заводов. Быть может, заводчикам придется тогда еще и доплатить кое-что казне.

Частные заводы, как уже было сказано, делятся на две группы. Меньшая часть хорошо оборудованных, в отношении которых не придется предпринимать никаких особых мер, и большая часть старых, обветшалых, которые надо просто срыть до основания и взамен построить новые. Вследствие низкой производительности труда рабочим таких заводов в будущем, с окончанием военных заказов, угрожает безработица и понижение заработной платы до прежних нищенских пределов.

Мы требуем, чтоб заводчики были принуждены перестроить свои заводы и обеспечить своим рабочим нормальные условия труда, чтоб эти условия не были хуже, чем в других местах России. Те заводчики, которые не захотят и не смогут выполнить эти требования, должны быть лишены права вести свои предприятия, и их заводы и рудники необходимо или передать государству или в аренду таким капиталистам, которые могут выполнить полностью выставленные выше требования.

Добиться проведения в жизнь этого переоборудования уральской промышленности — значит избавить уральский рабочий класс от голодной заработной платы и полной неуверенности в завтрашнем дне.

Надо еще добавить здесь, что для подъема и дальнейшего развития уральской промышленности ей необходимо перейти с древесного топлива на каменный уголь. Имеющийся на Урале каменный уголь — низкого качества, и из него нельзя добывать кокс, который мог бы заменить древесный уголь. С другой стороны, дальнейшее истребление лесов на топливо может привести, а в некоторых местах уже привело к обезлесению Урала. Необходимо поэтому соединение промышленного Урала специальной железной дорогой с Кузнецким каменноугольным бассейном Сибири, а также необходима постройка целой сети железных дорог и подъездных путей на самом Урале.

Развитию промышленности на Урале мешало до сих пор устарелое горное законодательство и отсутствие свободы горного промысла. Вследствие этого многие богатства края остаются неразработанными. Необходима отмена всех бюрократических и иных стеснений в свободе горного промысла и разработка государством или всеми желающими под контролем государства всех известных богатств области.

В земельном вопросе наша партия имеет целью защиту интересов уральских рабочих и крестьян, поднятие производительности земледельческого труда и охрану от расхищения природных богатств края. В этих интересах мы требуем, во-первых, уничтожения посессионного землевладения и конфискации земельных владений частных заводчиков.

Из казенных, посессионных и конфискованных частных земель должна быть выделена площадь, имеющая общегосударственное значение, которая должна находиться в распоряжении всего государства. Остальная часть должна поступить в распоряжение уральского областного самоуправления и составить там запас, из которого должны выделяться лугами, лесами и пахотной землей рабочие и крестьяне Урала. Одновременно с этим мы требуем выделения чисто промышленного горнозаводского Урала в особую губернию или область так, чтоб чисто земледельческие и степные уезды Оренбургской, Уфимской, Пермской и Вятской губерний не входили в эту область. При таких условиях уральское областное самоуправление будет находиться в руках горнозаводского населения и уральские рабочие будут хозяевами своей области вместе с примыкающими к ним крестьянскими обществами.

Что касается башкир и их землевладения, то нужно различать три группы башкир. От тех башкир, которые имеют земли, луга и леса сверх той нормы, которая им необходима для хозяйства (т.е. скотоводческого по преимуществу хозяйства), которые отдают излишки земель в аренду, земельные излишки должны также перейти в распоряжение уральского областного самоуправления. Башкиры, имеющие как раз такие наделы, которые им необходимы, как скотоводам, останутся при теперешних наделах. Наконец, башкирская беднота, не имеющая достаточных наделов, т.е. те из них, которые не перешли еще к земледелию, а для скотоводства не имеют достаточной площади, должны получать земли по скотоводческой норме (а эта норма, как известно, выше земледельческой).

Как было указано выше, бывают случаи, когда волей-неволей рабочим закрытых вследствие выработки рудников и закрывающихся по этой же причине заводов приходится перейти к земледелию. Кроме того, в распоряжении уральского областного самоуправления могут и наверняка даже окажутся земли, теперь негодные для земледелия, но которые после корчевки, осушения и других улучшений можно сделать годными. В таких случаях мы будем добиваться, чтоб уральское областное земство выделяло крупные участки земли вместо дробления этой земли на мелкие участки между отдельными хозяевами; организовало крупные образцовые хозяйства, снабжало их машинами, удобрениями, посылало агрономов. Рабочим выгодней будет работать на таких усовершенствованных предприятиях, чем каждому заводить свое маленькое хозяйство.

Таковы требования нашей партии, т.е. партии революционных социал-демократов (большевиков и интернационалистов) в области рабочего и земельного вопроса на Урале.

Когда мы победим?

Осуществление нашей уральской программы в рабочем и земельном вопросе выгодно и необходимо как для рабочих и крестьян, так и для всей страны. Уничтожается полукрепостническое посессионное право, задерживавшее развитие уральской промышленности и обрекавшее рабочих на ужасы безработицы и нищеты, устраняются

препятствия для разработки недр Урала, чему мешала частная собственность на землю и отсутствие свободы горного промысла; перестраиваются земельные отношения в интересах рабочих, крестьян и государства. Но хотя все это необходимо, прежде всего, в интересах всей страны и экономического развития, проведение в жизнь нашей программы натолкнется на сильнейшее сопротивление класса капиталистов. Наши уральские бароны сами по себе еще не так страшны и не так сильны, но за ними стоит весь капиталистический класс и банки, а за этими последними – могучая сила мирового капитала. Как трудно осуществить конфискацию без выкупа помещичьих земель в России, не задевая интересов всего класса капиталистов, так тем более трудно произвести экспроприацию уральских баронов, не задевая наших и иностранных капиталистов и крупнейшие банки России, Парижа и Лондона. В уральскую промышленность, как известно, вложено много иностранного капитала, а наши банки, от которых зависит уральская промышленность, являются, в сущности, лишь агентами иностранных банков. Таким образом, проведение нашей программы немыслимо без разрыва и сильнейшей борьбы не только с российским, но и международным капиталом. Как конфискация помещичьих земель, перезаложенных в банках, так и конфискация земель уральских баронов сведется к конфискации части банковских капиталов. Кроме того, принудительная перестройка отсталой уральской промышленности на новых началах будет нарушением священнейших прав господина капитала и в другой области – в области свободного распоряжения средствами производства. И та и другая мера неосуществима не только без разрыва с капиталом, но и без сильнейшего удара по нему. Необходимо нанести такой удар капиталу, чтоб он потерял силу сопротивления, не мог уже более подчинять своим интересам государственную власть, а наоборот, сам подчинялся контролю демократической власти.

Хватит ли сил для этого у рабочих и крестьянской бедноты России?

Одних наших сил будет мало. Лишь в союзе с революционным пролетариатом Западной Европы можем мы рассчитывать на победу в такой тяжелой борьбе. Поэтому-то каждый уральский рабочий, который хочет добиться лучшей жизни путем осуществления рабочей уральской программы, должен быть интернационалистом, т.е. сторонником братства со всеми рабочими Запада и союзником с ними по общей борьбе с капиталом.

А раз так, то ни один пролетарский голос на Урале при выборах в Учредительное собрание не должен быть отдан партиям меньшевиков и социалистов-революционеров, которые хотят не решительной борьбы с капиталом, а соглашения с ним.

Они создали и поддерживали коалиционное министерство, т.е. дележ власти в стране с капиталистами. При таком мирном сожительстве с капиталистами они должны были отказаться от проведения ряда неотложных реформ в интересах трудящихся масс. При таком сожительстве, которое они намерены соблюдать и в будущем, уральским рабочим не увидеть осуществления всех тех требований, которые решают по-пролетарски наш рабочий и земельный вопрос. Поэтому если в Учредительное собрание пройдут в большинстве меньшевики и социалисты-революционеры, т.е. соглашатели с капиталистами, то не только рабочей уральской программы, но вообще никаких коренных реформ это Учредительное собрание народу не даст, п.ч. все эти реформы задевают капитал. Такое Учредительное собрание явится примирительной камерой между трудовыми массами и капиталом, к выгоде для капитала и невыгоде для труда; оно не осуществит тогда надежд, которые на него возлагают народные низы России.

И, наоборот, если в Учредительное собрание пройдут в большинстве решительные сторонники борьбы с капиталом, дело рабочего класса и крестьянской бедноты будет в надежных руках, такие представители мужественно и до конца будут проводить в жизнь требования рабочих и крестьян; их не испугает разрыв с международным капиталом и банковскими акулами; Учредительное собрание как верховный орган революционного

народа не остановится перед вооруженной борьбой с капиталистической Европой, защищая требования трудящихся масс, и в этой борьбе будет иметь за собой в качестве могучего союзника рабочий класс Запада – и тогда Учредительное собрание с честью выполнит свой долг перед революционной Россией и принесет, в частности, и уральским рабочим удовлетворение их важнейших требований.

Поэтому уральские рабочие и крестьяне должны дружно голосовать при выборах в Учредительное собрание за членов партии революционных социал-демократов – большевиков и интернационалистов. Ни один голос не должен быть отдан соглашателям с капиталистами, меньшевикам и социалистам-революционерам, которые при коалиционном министерстве отдали капиталистам власть, завоеванную солдатами и рабочими, подготовили своим попустительством капиталистам Корниловское восстание, чуть не погубившее революцию, и на будущее время намерены и дальше мирно жить с злейшими врагами трудового народа.

Пусть же каждый уральский рабочий, голосуя за большевиков, скажет этим: довольно безработицы, довольно голодной заработной платы, довольно господства заводчиков, которые ссылали на каторгу и запарывали до смерти наших дедов и прадедов при крепостном праве и хотят заставить умирать с голоду наших детей. Только решительная борьба с капиталом и победа над ним принесет нам освобождение!

Е. Преображенский

Что нужно уральским рабочим.
Екатеринбург, 1917. С. 1–9.

№ 14. СТАТЬЯ «НЕЛЬЗЯ ЖДАТЬ», ОПУБЛИКОВАННАЯ В ГАЗЕТЕ «УРАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ»

15 ноября 1917 г.

Власть, созданная съездом Советов¹³, может укрепиться и удержаться лишь в том случае, если будут хоть отчасти осуществлены требования, выдвинутые участниками Октябрьской революции. Требование хлеба есть основное и самое неотложное требование широких народных масс, и к осуществлению его надо немедленно перейти. Было бы совершенно недопустимо и пагубно для нашей партии и всего дела революции, если бы решительные меры в этом направлении мы отложили до окончательного подавления контрреволюции и до укрепления новой власти. Это значило бы укреплять новую власть способами военно-технического подавления противника и расшатывать ее, не давая народу того, во имя чего совершена вторая революция.

Какие же меры должны быть приняты немедленно?

Проведение в жизнь декрета о земле и фактическая передача помещичьих земель крестьянам увеличат подвоз на рынок помещичьего хлеба.

Но этот подвоз не удовлетворит нужду. Надо извлечь хлеб от той части крестьянства, которая имеет большие избытки хлеба. Но это как раз в большинстве случаев такие слои крестьянства, которые менее других слоев (малоземельных и малохлебных) выиграют от конфискации помещичьих земель. У зажиточного крестьянства хлеб можно взять лишь в обмен на продукты фабричной и заводской промышленности.

Следовательно, необходимо немедленно, не откладывая ни минуты, приступить к демобилизации промышленности. По заявлению одного осведомленного представителя военного ведомства, еще месяц назад имелся запас снарядов на полгода самой усиленной стрельбы.

Таким образом, к демобилизации, хотя бы частичной, можно приступать без малейшего риска для дела обороны страны.

Я обращаюсь к товарищам уральцам, ко всем сознательным членам фабрично-заводских комитетов, Советов и других рабочих организаций и призываю к самым решительным и немедленным мерам в деле демобилизации уральской промышленности. Необходима немедленная организация областного комитета по демобилизации, выработка плана демобилизации, а в некот[орых] зав[одах] возможен уже теперь немедленный переход на мирную работу. Безусловно, необходимо экстренно добиваться того, чтобы выданные военным ведомством авансы на заказы, которые могут быть задержаны выполнением или отменены (есть заказы, рассчитанные на продолжение войны на год-два), чтобы эти авансы можно было употребить на мирную работу.

Есть некоторые предметы (шомпольный инструмент, например), которые могут прямо поступать на рынок, вместо того чтобы ржаветь месяцами без толку в интендантских складах.

Все железные обрезки и мелкие куски металла должны быть немедленно пущены в ход для изготовления шин, гвоздей, скоб и других продуктов, необходимых деревне.

В короткой статье не место перечислять все то, что надо сейчас делать. Самое главное — это проникнуться убеждением, что надо теперь не выносить резолюцию о том, что надо делать, а самим делать то, что требуется. Необходима лихорадочная, поспешная работа. Пуд чугуна или железа, выброшенный на деревенский рынок, — это мешок муки голодным, это новая подпора для власти рабочих и солдат, это самый меткий и верный залп по нашим противникам из лагеря контрреволюции.

Товарищи! Мы за дальностью расстояния не могли принять участия в битвах с войсками Керенского и контрреволюции. Но мы на местах можем обстреливать контрреволюцию, выбрасывая железные товары на деревенский рынок.

Не медлите же, товарищи! Проникнитесь все беспокойством и тревогой за судьбы новой власти, и пусть каждый сознательный рабочий, ложась спать, спрашивает себя ежедневно: «А что сделал я в сегодняшний день для укрепления своей рабочей власти?»

Е. Преображенский

Уральский рабочий. 1917. 15 ноября.

№ 15. ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ МОСКОВСКОЙ ОБЩЕГОРОДСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РСДРП(б) ПО ВОПРОСУ О ВОЙНЕ И МИРЕ

13 января 1918 г.

Из выступления А.Я. Аросева*

Тов. Аросев (содокладчик). У марксистов нет фетишей, нет ничего страшного. Мы никогда не боимся компромиссов, если этого требует место и время. Место у нас — страна отсталая, страна азиатская, по последней причине и могла развиваться социалистическая революция. Время — последние дни капитализма. Наша социалистическая революция выиграет только и только при поддержке западного пролетариата. Для переброс-

* Перед А.Я. Аросевым с докладом выступил Е.М. Ярославский.

ки революции на Запад нужно всячески оградить нашу революцию, углубить ее, окупать китайскими стенами. [...]

Мы не отказываемся от социалистической войны, но надо три или пять месяцев для организации новой социалистической армии. Надо, чтобы армия была связана с базой и чтобы она была социалистической. Ведение социалистической войны есть дальнейшее продвижение революции, но сейчас оно невозможно. Мы должны идти на компромисс, без компромиссов нельзя истории делать. Иногда в компромиссе больше революционности, больше смелости. Мы должны заключить всякий мир*.

Выступление Е.А. Преображенского

Тов. Преображенский. Неужели компромисс во время Октябрьской революции с юнкерами не научил т. Аросева теперь, во время борьбы с Калединами¹⁴, и т.д.? В китайских стенах мы не организуем нашей экономической жизни. Именно мир – пропуск германскому капиталу до Владивостока. Если бить по частям, то нужно бить сейчас Германию, а то после Германия соединится с Англией и со всеми. Но только у нас в России нет дисциплины. Выход, конечно, – демобилизация армии, немедленное создание новой армии. Вторая точка зрения – это похоже на меньшинство**.

Секретарь МК

Р. Самойлова

ЦАОПИМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–2.

Подлинник. Машинопись.

№ 16. СТАТЬЯ «УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ СОВЕТОВ», ОПУБЛИКОВАННАЯ В ГАЗЕТЕ «ПРАВДА»

25 января 1918 г.

10 января, день открытия 3-го Всероссийского съезда Советов¹⁵, навсегда неизгладимыми чертами будет запечатлен в памяти всех участников этого исторического собрания.

В стенах Таврического дворца, который столько раз оглашался холопским гимном царизма, впервые музыка «Интернационала» прозвучала не как музыка будущего, а как торжественная песня победившей пролетарской революции.

И вслед за международным гимном рабочих, как историческое воспоминание о пройденном пути, раздались звуки «Марсельезы». «Интернационал» победил «Марсельезу», как революция пролетарская оставляет позади революцию буржуазную, как внук побеждает деда, занимая его место на пиру жизни.

* Далее идут выступления Илюшина, Максимова, Гончарова, Землячки, Муралова и др.

** На конференции была принята большинством голосов резолюция МК от 11 января 1918 г. После этого взяли слово:

«Тов. Сольц. Все [товарищи], не согласные с резолюцией принятой, не имеют права выступать против нее.

Тов. Тихомиров. Хотя мы и против этой резолюции, но, конечно, всегда пойдем вместе.

Тов. Преображенский. Сама постановка этого вопроса позорна, у нас ведь есть партийная дисциплина».

Резолюция в тексте протокола отсутствует.

Бессмертные тени Дантона и Робеспьера мелькнули перед нами на минуту как символ буржуазного героизма, и из далей исторического прошлого суровый Конвент улыбнулся своему достойному правнику — Конвенту Республики Советов.

Много раз и Таврический дворец в период господства, или, вернее, холопства Государственных дум, и буржуазные парламенты всех стран обращались с аплодисментами к дипломатическим ломам, подчеркивая свою солидарность буржуазным классам других держав.

Эти знаки признательности были либо лицемерные и лукавые, потому что нередко уже назавтра они сменялись звериным шовинистическим воем передравшихся из-за рынков банкиров, либо строго взвешены и выражены в фунтах стерлингов, когда означали взаимные реверансы договорившихся о дележе добычи разбойников. Буржуазные парламенты отвечивали купеческие поклоны друг другу, приветствуя послов капитала из других стран.

Всероссийский съезд Советов тоже приветствовал послов. Но нарушая этикет буржуазного лицемерия, эти послы вручали свои верительные грамоты съезду не от имени народов, а от имени революционного пролетариата своих стран. Все они приветствовали Великую Октябрьскую революцию, все обещали поддержку советской власти со стороны рабочих Старого и Нового света и, провожаемые бурными аплодисментами возбужденного съезда, уносили в душе вместе с музыкой «Интернационала» и ту неслышную музыку глубочайшего чувства братства народов, которого не знал и не мог знать буржуазный мир. Платтен от интернационалистов Швейцарии, т. Петров от социалистической партии Англии, Ниссен от левых [оциал]-д[емократов] Норвегии и Швеции, Вильямс от Американской социалистической партии, Раковский от с.-д. Румынии обращались к съезду от рабочих своих стран.

Но чувствовали все, что кого-то не хватает в дипломатическом корпусе международного пролетариата. Тов. Либкнехта хотели мы видеть вместе с нами и с тюремного ложа каторжной тюрьмы, где он тает с каждым днем от злостной чахотки, мы хотели бы перенести его на руках революции в дипломатическую ложу Таврического дворца. Тов. Фридриха Адлера хотели бы мы слышать с трибуны в качестве вестника начавшейся в Австрии революции и приветствовать его освобождение, как ее первую реальную победу.

Их не было. Но дух Либкнехта, Адлера, Маклина витал среди нас, и, выбранные почетными председателями съезда вместе с тт. Лениным и Троцким, они останутся духовно с нами и неслышно будут руководить работами Третьего Всероссийского съезда Советов.

3-й съезд собрался при хороших предзнаменованиях. Австрийский и венгерский пролетариат вступили на путь революционной борьбы. Мы начинаем строить, на Западе начали только ломать.

Будем надеяться, что недалеко уже то время, когда в Петрограде соберется первый съезд рабочих и солдатских депутатов республик Европы.

Е. Преображенский

Правда. 1918. 25 января.

**№ 17–23. СТАТЬИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В ГАЗЕТЕ
«УРАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ» В МАРТЕ – МАЕ 1918 г.***3 марта (17 февраля) – 5 мая 1918 г.***№ 17. ВОЙНА ИЛИ МИР?^{16*}***3 марта (17 февраля)***I**

Согласие правительства народных комиссаров подписать ухудшенные по сравнению с Брестом новые условия мира, диктуемые германскими контрреволюционерами, возбудило горячий протест в широких массах пролетариата и застало совершенно не подготовленными к этому решению ряды нашей партии. Существует совершенно ошибочное представление, что решение подписать мир продиктовано германским наступлением и в этом отношении является продуктом растерянности и паники в руководящих кругах нашей партии и среди членов Центрального Исполнительного Комитета. Это представление в корне неверно и объясняется полной неосведомленностью рядовых членов партии относительно той внутренней борьбы, которая со времени брестских переговоров велась внутри нашей партии, а также внутри партии левых эсеров по вопросу о мире во что бы то ни стало и о социалистической войне. Широкая дискуссия в печати и на собраниях была невозможна по вполне понятным причинам: это значило бы поставить в известность правящих империалистов Германии о наличии таких разногласий и ослабить позицию нашей делегации в Бресте, до конца отстаивавшей требования демократического мира без аннексий.

При обсуждении создавшегося положения в связи с грабительскими условиями мира, предложенными германскими империалистами в Бресте, в партии наметились три течения, которые, как увидит ниже читатель, сводились, в сущности, к двум основным: за подписание аннексионистского мира и за социалистическую войну.

Тов. Ленин с группой его сторонников с самого начала стоял за подписание аннексионистского мира, исходя из следующих основных положений. Наша рабоче-крестьянская революция хотя и победила внутри страны, но еще не укрепилась, и судьба ее всецело зависит в дальнейшем от социалистической революции в Европе. Мировая пролетарская революция хотя и назревает с каждым днем, но нет никаких гарантий, что она начнется в ближайшие недели. При таких условиях вступить в единоборство с германским империализмом и ставить на карту все завоевания октябрьского переворота значит играть азартную игру с огромной вероятностью поражения, п.ч. не только о социалистической войне, но даже о серьезном сопротивлении в данный момент не может быть и речи. Гораздо целесообразней поэтому откупиться от неизбежной войны уступкой германским империалистам Курляндии и принятием других их требований, укрепить советскую власть внутри страны, заняться ликвидацией всех последствий войны, предоставив австро-германскому союзу и империалистам согласие истреблять друг друга и дальше до момента общеевропейской революции. Тем временем советская власть могла бы подготовить силы для наступающей революционной войны и выступить в момент, когда победа над империализмом будет обеспечена и нашим натиском извне, и натиском рабочих масс Европы изнутри. В противном случае наша революция будет задвлена одновременным натиском на нее со стороны германского империализма и внутренними силами притаившейся буржуазной контрреволюции внутри страны.

* Продолжение см.: Док. № 18–20.

Тов. Троцкий защищал точку зрения, получившую свое выражение в той форме ликвидации брестских переговоров, которая была проведена на деле, т.е. войну прекратить, мира не подписывать. Мотивировка этого решения известна всем товарищам из партийной печати, достаточно подробно и всесторонне разъяснившей мотивы этого решения вопроса (если здесь можно вообще говорить о решении).

На одном совещании ответственных партийных работников в Петрограде, где обижались все течения в партии по вопросу о войне и мире, я характеризовал позицию Троцкого, как компромисс на неделю. Дальнейший ход событий вполне это подтвердил. Предложенный им выход давал отсрочку для решения вопроса, но не давал самого решения, которое должно было произойти либо в виде подписания мира в случае немецкого наступления, либо в виде революционной войны. И в том и другом случае решить вопрос пришлось бы при гораздо более худших условиях. Что условие мира будет тогда тяжелей, все это прекрасно сознавали, и защитники позиции т. Троцкого, и сознательно шли на это. Точно так же было всем очевидно, что революционная война, если бы она началась при таком положении дела, была бы в первое время обречена на тяжелые неудачи. Мне лично это было особенно ясно, когда на фракционном заседании делегатов-большевиков 3-го Всероссийского съезда Советов было отвергнуто огромным большинством мое предложение о том, чтобы немедленно занять окопы Красной гвардией и объявить всеобщую мобилизацию пролетариата прифронтовых городов.

Что касается позиции нас, сторонников революционной войны, то при некоторых разногласиях в частности, основные мотивы нашей точки зрения заключались в следующем. Заключение аннекционистского мира с германскими империалистами нанесет тяжчайший удар международному рабочему движению, п.ч. будет означать начало ликвидации войны по империалистическому методу с аннексиями и контрибуциями на Востоке и тем откроет возможность мира на Западе на основе компромисса между буржуазией Германии, Англии и Франции за счет России.

Бумажный договор с Германией, не опирающийся на реальное соотношение сил, не представляет никакой защиты для советской власти, оставляя ее под постоянной угрозой насилий со стороны германской контрреволюции и ставя самое ее существование в зависимость от милости Вильгельма. Ни о какой подготовке революционной войны при таких условиях не может быть и речи, все социалистические преобразования идут на смарку предоставлением привилегий для германского капитала и германской промышленности, неизбежна новая война на Востоке с бывшими союзниками, оккупация Приамурия либо уплата по аннулированным займам.

Отступление перед германским империализмом будет лишь началом общего отступления по всему фронту борьбы, и ликвидация революции будет происходить в наихудшей из всех возможных форм, в форме удешевления пролетарской революции руками советской власти. Революционная война, как бы слабо мы ни были к ней подготовлены, неизбежна, и она началась уже борьбой с Украиной, Румынией, польскими легионами и прочими союзниками германской контрреволюции. Эта война укрепит советскую власть внутри страны, и никакие поражения на внешнем фронте не в состоянии будут ее свалить. Эта война, превратившаяся из национальной в гражданскую, не может быть прекращена никакими искусственными договорами, одинаково необязательными для той и другой стороны. Она может кончиться лишь поражением одной из сторон, и если таковой окажется революция, то ликвидация ее в такой форме будет наиболее выгодной для мирового пролетарского движения и спасет нашу партию от бесславной гибели.

Таковы в главных чертах разногласия, имевшиеся в партии по вопросу о войне и мире. К более подробной защите позиции революционной войны я вернусь в следующих статьях.

№ 18. МИР И ВОЙНА

6 марта (21 февраля)

II

В предыдущей статье в № 37 «Уральского рабочего» я привел основные доводы сторонников подписания аннексионистского мира, диктуемого нам немецкими контрреволюционерами, и доводы сторонников социалистической войны.

Теперь я рассмотрю более подробно мотивы сторонников подписания контрреволюционного мира и постараюсь доказать, что этот мир в настоящих условиях не может не быть контрреволюционным миром как в международном масштабе, так и по всем своим последствиям для нашей российской революции.

Довод первый. Нам говорят, что советская власть, удержавшаяся внутри страны какими бы то ни было средствами, является важнейшим фактором мировой пролетарской революции. За ее существование можно заплатить и Курляндией, и Эстляндией, и самоопределением Литвы и Польши, и контрибуцией, и украинским хлебом, и временным отказом от борьбы с германским империализмом.

Мы вполне согласны с тем, что до сих пор Октябрьская революция и советская социалистическая власть были самыми важными факторами мирового пролетарского движения. Но почему?

Именно потому, что эта власть была рабочей социалистической не на словах, а на деле, потому что она вела непримиримую борьбу с империалистами всех стран, идя прямой дорогой к своей цели, не изменяя своим принципам ни при каких, даже самых неблагоприятных условиях. Такая власть была и будет сохранять все свое обаяние для пролетариата Запада, такая власть была и будет страшна и ненавистна империалистам всего мира.

Не конструкция этой власти, а революционное содержание ее деятельности служило фактором европейской революции. Отнимите у нее это содержание, и тогда, возглавляемая по-прежнему такими революционерами, как Ленин и Троцкий, она превратится неизбежно на практике в орудие германского империализма, и никакими фразами о подготовке революционной войны нельзя будет затушевывать ее контрреволюционного характера на деле. Принципиально политика этой власти ничем существенным не будет отличаться от соглашательской политики Советов, руководимых Данами и Черновыми. Стоило ли тогда, спрашивается, пролетариату делать Октябрьскую революцию, чтоб соглашательство со своей буржуазией и англо-французским империализмом заменить соглашательством с империализмом австро-германским на условиях более унижительных и позорных? Если такая советская власть и сохранилась, — я и это считаю маловероятным, — то она сохранилась бы вследствие своей безвредности для империализма и именно поэтому не внушила бы более никаких надежд измученному пролетариату Запада. Такая власть скомпрометировала бы самую идею диктатуры пролетариата, показав, что и власть рабочих способна отказаться от своих принципов и сдавать свои позиции без боя под угрозой бронированного кулака своих врагов. Мало того, аннексионистский мир явился бы сокрушительным ударом по революционному рабочему движению в Австрии и Германии, срывая борьбу за всеобщий демократический мир в этих странах. Такой мир дал бы возможность германским империалистам выйти из войны на Восточном фронте с огромной добычей, упрочил бы положение их внутри своих стран и оправдал бы их политику и их существование в глазах германского народа. Этот мир подорвал бы трудную работу наших товарищей-интернационалистов в Англии, Франции и Италии и заставил бы пролетариат этих стран смотреть на войну с Германией, как на войну с душителями русской революции.

Что касается надежды сторонников контрреволюционного мира, что соответствующий договор с обер-разбойниками Гофманами вообще может быть заключен, и если будет заключен, то [не] останется листком бумаги, необязательным для этих негодяев, то уже факт нарушения перемирия является грозным предостережением для будущего. А выяснившееся в настоящий момент явное нежелание германских захватчиков заключать какие бы то ни было договоры с советской властью, даже самые губительные и унижительные для революции и выгодные для прусских юнкеров, доказывает, что эти господа могут поучить многих из старых марксистов тому, как надо защищать интересы своего класса. Давно ли т. Ленин учил нас не поддаваться конституционным иллюзиям и все расчеты в тактике строить на реальном соотношении сил. Теперь от германского обуха он хочет защитить Советскую Россию бумажкой договора, подпись под которой Гофмана достаточно гарантирует его нарушение.

Таким образом, подписание договора не дает нам никаких выгод в смысле хотя бы самой короткой передышки перед новым столкновением. Посмотрим теперь, что мы теряем от одного только факта подписания этого документа с точки зрения нашего внутреннего положения.

Прежде всего, для всякого ясно, что никакие, даже самые тяжелые, поражения на фронте не способны свалить советскую власть внутри страны, если эта власть стоит во главе трудовых масс, отражающих натиск германского капитала.

Первые же дни немецкого наступления это доказали с неопровержимой убедительностью. Если была паника, то ее создавала прежде всего позиция Совета Народных Комиссаров, согласившегося подписать мир и тем внесшего недоумение и растерянность в массы пролетариата.

Наоборот, как только выяснилось, что вне борьбы нет спасения, всюду проявился небывалый подъем настроения и желания отстаивать революцию до последней капли крови. Наше положение сразу окрепло, и, наоб[рот], пораженчески настроенная буржуазия оказалась изолированной, оказалась на положении германского агента, ждущего прихода «своих» в лице наступающих немецких белогвардейцев.

Иначе и быть не может. Поражения на фронте способны свалить власть, не имеющую опоры в стране. Эти поражения крепчайшим цементом объединяют власть с массами, когда она является символом защиты революции от вражеского нашествия.

Наоборот, подписание контрреволюционного мира, а также всякая политика шатаний и неуверенности убивает энтузиазм масс и создает против верхов советской власти, ведущей такую политику, противоестественный, но неизбежный блок всех противников такого мира, причем революционные массы, выступающие за советскую власть, но против ее губительной политики, оказываются в невольном союзе с противниками советской власти вообще. Защита советской власти при таких условиях окажется чрезвычайно тяжелой задачей, и именно в этот момент ее положение будет шатким, как никогда.

Теперь посмотрим, можно ли вообще говорить о мирном договоре с германскими империалистами, как о чем-то реальном, а не как о фантазии, поскольку речь идет о проведении его в жизнь. Договор этот, как я указывал, будет нарушен германскими контрреволюционерами, как только это им будет выгодно. Но может ли советская власть не нарушить договор с первого же дня после его окончательного подписания?

На этот счет и подписавшие его, конечно, не предаются никаким иллюзиям. Распустить Красную гвардию и Красную армию будет означать не только полное обезоруживание революции внутри страны, но и неосуществимо практически, п.ч. никогда вооруженные массы без боя не отдадут своих винтовок.

Значит, сразу же будет иметь место нарушение договора и легальный предлог для Гофманов продолжать политику вторжения в пределы нашей республики. Прекратить

правительственно поддерживаемую агитацию против германского империализма, как то требует один из пунктов договора, это значит запретить всем Советам в их органах что-либо писать против душителей нашей революции, п.ч. по нашей конституции Советы являются органами правительственной власти и их печать – официальной печатью. И тут нарушение договора неизбежно с первого же дня. О невмешательстве в дела Украины уже потому нельзя говорить, что теперь вмешательство проводится австро-германцами, и территория Украины не определена.

Таким образом, договор во всех смыслах является фикцией, попыткой хитроумным планом приостановить классовую борьбу с германским капиталом. Ни в одной революции такие утопические планы не осуществлялись, даже и в тех случаях, когда они были выгодны для революции. В данном же случае этот план откупиться от борьбы с германскими империалистами территориями, контрибуциями, разоружением революции, изменой принципам и выдачей с головой нашей республики палачам Гофманам является не только утопией – в этом наше счастье, – но и утопией контрреволюционной.

Весь план т. Ленина является, в сущности говоря, попыткой спасти жизнь советской власти посредством самоубийства. Самоубийством люди спасают свою честь, это возможно. Но только сумасшедший может рассчитывать на долговременное и мирное житие, пуская себе пулю в лоб.

Е. Преображенский

№ 19. МИР ИЛИ ВОЙНА

7 марта (22 февраля)

III

Как теперь стало известно читателям газеты «Правда», т. Ленин стоял за подписание аннексионистского мира с самого начала, когда впервые стали известны германские условия и когда Рада еще не заключила предательского тайного мира с Австрией и Германией. Некоторые из товарищей могут отсюда сделать вывод, что последние тяжкие испытания, которым подверглась наша социалистическая республика в результате немецкого нашествия, уже подтвердили правильность всех расчетов т. Ленина, лишний раз доказав его проницательность и способность учитывать всю совокупность обстоятельств, в обстановке которых протекает наша борьба.

Такое заключение было бы в корне неверно.

Конечно, если б для нас вообще не было никакого иного объективно возможного выхода из положения, кроме подписания грабительского мира, то, несомненно, мир надо было подписать тогда, когда условия его были более приемлемы. Но в том-то и дело, что мир Советской республики с империалистской Германией вообще невозможен, если б даже он десять раз был подписан т. Лениным и Троцким с одного конца, Кюльманом и Гофманом с другого. И то что случилось теперь, в иной форме, разумеется, произошло бы неизбежно и в том случае, если б мир был подписан в начале января или декабре. Возможно лишь, что было бы немного меньше потерь артиллерией, припасами и т.д., да и это сомнительно.

Вот доказательство.

Наша борьба с Украинской радой началась независимо от переговоров с Германией, и победа над ней неизбежно толкала ее на соглашение с австро-германскими империалистами, лишь ускорив этот процесс. Но даже если б мы и не победили Раду, она, окруженная со всех концов врагами, вынуждена была бы по самой своей буржуазной природе искать соглашение с империалистами центральных держав, а не с советской

Великороссией. А так как, хотя бы ввиду территориальной неопределенности ее границ с Великороссией, борьба здесь продолжалась бы неизбежно, то тем самым мы были бы втянуты также и в борьбу с Австрией и Германией [...]».

[Не]избежно и в том случае, если б мир был подписан. И тогда нам никуда бы не уйти от неизбежности вооруженного столкновения с германским империализмом с той лишь разницей, что к настоящему моменту, в этом, пожалуй бы, уж никто не сомневался, даже самые решительные сторонники мира во что бы то ни стало. Следовательно, оглядываясь назад, приходится признать, что самой правильной была позиция тех, которые стояли за оттягивание переговоров для пробуждения пролетариата Запада и в то же время за использование этого срока для принятия быстрых и решительных мер к подготовке обороны революции.

В настоящий момент тем более никакие договоры с Гофманами не могут дать даже малейшей отсрочки нашей революции для подготовки «революционной войны не на словах, а на деле», употребляя это выражение т. Ленина. С этой стороны характерна статья в буржуазной немецкой газете «Нордойтше Альгемейне Цейтунг»**, которая между прочим пишет: «Ясно, что большевики и теперь так же мало, как и раньше, думают о прочном мире... Из этого вытекает, что Германия при заключении мира с Россией должна получить определенные и прочные гарантии исполнения всех обязательств». А так как по одному из пунктов договора советская власть обязуется распустить Красную гвардию и Красную армию, которые особенно ненавистны германским капиталистам, то, надо полагать, г-да Гофманы позаботятся о том, чтоб этот пункт договора не остался на бумаге.

В результате мир на предложенных нам условиях вместо «подготовки революционной войны не на словах, а на деле» обеспечивает нам подготовку эту на словах и разоружение на деле. Этот мир заставит нас променять рабочую винтовку, эту единственную реальную защиту советской власти от насилия германских империалистов, на бумажку договора, в котором предусмотрены все способы для самоудушения советской власти и которому, несомненно, будут добавлены гарантии и того, чтоб это удушение происходило в достаточной для германских разбойников и наших собственных белогвардейцев быстротой.

В Древней Греции приговоренным к смертной казни предоставлялось право самим приводить в исполнение над собой смертный приговор принятием яда. Подписание мирного (какое издевательское слово!) договора с Германией и его выполнение под зорким оком палачей Гофмана будет означать для советской власти не возможность спасения, а только казнь по греческому методу.

Но рабочий класс не хочет убивать себя добровольно, он не отдаст своих винтовок, он будет расстреливать палачей Гофмана до последнего патрона, отступая пядь за пядью в глубь страны. И если турецким башибузукам захотелось устроить «самоопределение» Армении, чтоб произвести там сто первую резню, если их аппетит простирается за Южный Кавказ, то мы можем ответить им лишь одно: попробуйте взять сами. Пусть и австро-германские банды попробуют взять хлеб в Украине. Он дорого обойдется разбойникам, и без свинцовой начинки они его не получат.

Только политика винтовки, стреляющей без перерыва, есть теперь единственно реальная и единственно достойная советской власти политика по отношению к бандитам немецкого капитала, и 4-й съезд Советов в Москве, несомненно, это подтвердит.

Е. Преображенский

* Пропуск части текста из-за плохой сохранности газеты.

** «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» («Северо-Германская всеобщая газета») – правительственный орган Германии, Берлин (1861–1918).

№ 20. МИР ИЛИ ВОЙНА?

9 марта (24 февраля)

IV

В своих тезисах о мире, прочитанных еще в начале января на одном партийном собрании в Петрограде и напечатанных недавно в «Правде», т. Ленин подписание мира считал необходимым главным образом потому, что, по его мнению, мы с наибольшей выгодой могли бы использовать для укрепления советской власти в России тот промежуток времени, пока империалисты центральных держав будут сводить свои счета на полях сражения с империалистами стран согласия.

В одном из своих контртезисов, прочитанных на другом собрании, и в устном выступлении на том же собрании против позиции т. Ленина я указывал, что как раз наоборот: подписание аннексионистского мира с Германией неизбежно создаст почву для сношения Англии и Германии на основе компромисса, п.ч. получение добычи на Востоке сделает германский империализм более уступчивым на Западе. В результате же этого соглашения создается общий блок мирового капитала против русской революции.

Споры о тактике разрешаются фактами. И вот последние факты, как раз касающиеся затронутого вопроса, по-видимому, начинают оправдывать предсказания, делавшиеся противниками позиции т. Ленина.

На последнем торжественном заседании германского рейхстага, где подводились итоги успехам германских разбойников на Востоке, канцлер Гертлинг выступил с речью, отдельные места которой, прямо обращенные к президенту Вильсону, должны быть признаны чрезвычайно знаменательными. Как известно, в настоящий момент в борьбе с Австро-Венгрией Америка приобретает решающую роль, президент Вильсон является таковым не только для своей страны, но и президентом всего капиталистического треста союзников, а потому обращение к нему германского канцлера можно рассматривать как начало официальных переговоров о соглашении между воюющими сторонами. Гертлинг не только выразил согласие с целым рядом положений, выдвинутых Вильсоном в его недавнем выступлении, но и прямо выразил желание, чтоб по вопросу об условиях мира «ответственные представители воюющих держав предварительно обменялись мнениями друг с другом в тесном кругу».

Иными словами, Гертлинг предлагает противникам вступить в формальные переговоры о мире, считая, следовательно, со своей стороны, соглашение возможным.

Почему же это соглашение, считавшееся германскими империалистами невозможным еще вчера, стало возможным сегодня?

Да именно потому, что г-да Гертлинги и Гофманы считают свое разбойничье предприятие на Востоке законченным не только фактически, но и формально, имея в кармане согласие правительства народных комиссаров на принятие их условий мира. Теперь наступил момент для сделки со своими главными противниками, людьми «своего круга», буржуа до мозга костей, с которыми договориться будет тем легче, что восточная добыча на худой конец достаточна, борьба же на Западе обещает невероятные потери людям и материальными ценностями.

Одновременно с тем как Гертлинг тащит Вильсона на биржу, известный глава профессиональных союзов Германии Легиен, один из самых циничных прихвостней Вильгельма и империалистской политики правящей Германии, предложил такому же социал-патриоту и прихвостню американских миллиардеров Гомперсу съехаться в нейтральной стране для обсуждения условий мира.

Это предложение социал-патристического агента Вильгельма находится, конечно, в теснейшей связи с выступлением Гертлинга. Перед нами, таким образом, несомненный

факт ясно выраженного желания со стороны германских империалистов закончить войну на Западе сделкой на основе ряда уступок со стороны Германии.

Чрезвычайно характерно и то, что в последних телеграммах передаются слухи о том, что Германия предложила Франции Эльзас-Лотарингию на условии признания за ней права на все завоевания на Востоке. Этот слух, конечно, окажется ложным, но та истина, которую он вскрывает, заключается в том, что момент для сделки сейчас благоприятен и соответствующие шаги к налаживанию переговоров уже делаются.

Таким образом, мы имеем перед собой все признаки того, что расчет т. Ленина оказался неправильным и отказ России от борьбы не только не дает ей никаких отсрочек, а, наоборот, грозит ее поставить лицом к лицу с могущественным союзом всего мирового капитала, первой задачей которого будет ликвидировать все завоевания Октябрьской революции.

Единственный вывод, который напрашивается сам собой отсюда, заключается в том, что пролетарско-крестьянской республике России отрезаны все пути к соглашению с той или иной коалицией империалистов. Мы можем сохранить за собой лишь то, что отстоим смертельной борьбой. И всякий согласится, что если для империалистической войны мы исчерпали свои силы к моменту падения царизма, то для оборонительной социалистической войны мы только начали их собирать. Эти силы растут с каждым днем, в то время как силы германских империалистов с каждым днем тают все больше и больше, и ничем нельзя остановить этот неизбежный процесс. К какому концу это приводит, показала хотя бы авантюра Керенского 18 июня.

Е. Преображенский

№ 21. ГОДОВЩИНА РЕВОЛЮЦИИ

12 марта (27 февраля)

*Быстры как волны
Дни нашей жизни*

Сегодня исполняется ровно год с того незабвенного дня, когда под ударами революционных рабочих и солдат Петрограда, при оглушительном треске пулеметов, расстреливавших восставший народ, грохнул на землю колосс русского царизма.

День 12 марта, день годовщины революции, является не случайной датой, когда по предписанию календаря надо подводить итоги пережитому. Нет, этот день будет днем действительного суммирования первых двух этапов революции, и ее высшим бухгалтером явится 4-й Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов, решения которого откроют новую полосу нашей революции. Какое бы решение ни было принято съездом по основному вопросу момента, о войне и мире, историческая грань будет проведена именно на нем как раз в годовщину переворота.

Оглянемся же сегодня на пройденный нами путь, отметим самое приметное и постараемся понять то, что есть и что будет из того, что было.

Февральская революция, начавшаяся с волнений голодной толпы, где преобладали женщины, на пятый день перешла в рабоче-крестьянское восстание, которое кончилось победоносно, главным образом вследствие перехода на сторону восставших полков петроградского гарнизона. Падение царизма, поразившее всех своей стремительностью и легкостью, было подготовлено всеми последствиями затянувшейся войны, продовольственной разрухой, разорением широких трудовых масс, утомлением войны и озлобле-

нием против ее подозреваемых виновников. При тяжести бремени, легшего на народные массы, гнет царизма и грабительство буржуазного помещичьего класса стали особенно невыносимы. Быстрота переворота объясняется не только полной оторванностью самодержавного правительства от всех классов русского общества, не исключая и части дворянства, не только полным моральным разложением на верхах и презрением, которым была окружена правящая клика в низах народных и во всей стране вообще, но и использованием массами опыта первой неудачной революции 1905 г.

Эта революция показала, что без поддержки армии переворот не может быть успешным.

В 1917 г. организации армии посвящены главные силы революции, и с самых первых дней создались Советы не только рабочих, но и солдатских депутатов. Идею Советов как массовых организаций восставшего народа Февральская революция также получила по наследству от революции 1905 г., распространив постепенно эту форму организации кроме рабочих и армии также и на деревню.

И революция 1905 г., и все буржуазные перевороты на Западе научили нас особенно твердо помнить истину, что революция, не успевающая себя вооружить или дающая себя разоружить, неизбежно кончается поражением народных масс. Поэтому же так с дорожно крепко держались мы за свои винтовки и винтовки революционных солдат с первых дней переворота, и все попытки буржуазии убедить массы, что их роль кончилась низвержением царизма, что они могут разойтись и предоставить управление страной всецело Временному правительству, — эти попытки не удалась. Вооруженные массы остались контролерами государственной власти, и Россия была спасена от той бесшумной контрреволюции, которая неизбежно произошла бы, если б революция обезоружила сама себя.

Поскольку, таким образом, речь шла о ликвидации царизма, здесь не было допущено массами никаких ошибок, сознательный авангард пролетариата, имевший в своих рядах деятелей 1905 г., действовал решительно и умело, и все здание самовластия было разнесено в несколько дней. Вместе с тем каждый шаг победы закреплялся созданием устойчивых организаций, взявших на себя функции управления и функции руководства движением на дальнейший период.

Еще в самый разгар борьбы, под гром и треск выстрелов, рабочие Петрограда приступили к выборам депутатов в Совет. 28 февраля состоялось первое собрание Петроградского Совета рабочих депутатов.

После выборов от частей войск к рабочим депутатам прибавились солдатские депутаты.

При первых известиях о перевороте в Петрограде везде в провинции было проделано то же, что и в столице. Создавались Советы, арестовывались местные власти и устанавливалась связь с революционными центрами страны.

Хотя самодержавие было сломлено силами рабочих и солдат, хотя вся вооруженная сила находилась в распоряжении Петроградского Совета — тем не менее не этот Совет, а временный комитет Государственной думы стал у власти и выдвинул первое временное революционное правительство. Это правительство было на самом деле весьма временным, что же касается его революционности, то самое упоминание о ней кажется теперь излишним.

Итак, Петроградский Совет позволил стать у кормила власти буржуазии в лице князя Львова, Миллюкова, Гучкова, с придатком загримированного под социалиста Керенского. Было ли это политической ошибкой со стороны Петроградского Совета или неизбежностью? Скорей надо допустить последнее, п.ч. рабочие, солдатские массы только что начинали организовываться по всей стране, крестьянство было еще совсем не затронуто переворотом, между тем как буржуазия была вполне подготовлена к власти. Все

земства, городские самоуправления, военно-промышленные комитеты, большинство культурно-просветительных организаций находились в ее руках, и огромное большинство чиновников всех ведомств также стояли или теперь стали на точку зрения буржуазного либерализма.

Если еще вспомнить, что вопрос о власти Петроградскому Совету приходилось решать в момент незаконченной войны, когда отношение к перевороту многомиллионной армии фронта было еще неизвестно, то его осторожность будет вполне понятной. Вместе с тем Петроградский Совет оставил за собой право контроля над действиями Временного правительства, несмотря на вопли о пагубности двоевластия, которые неслись со стороны буржуазии, добивавшейся единовластия, но единовластия, разумеется, для себя, а не для народных масс.

Что касается вопроса о мире, который имел решающее значение для нашей революции, возникшей прежде всего как протест против затянувшейся империалистской войны, то он также был поставлен на очередь.

Что он не мог быть правильно решен уже в силу того факта, что центральная власть и, в частности, руководство внешней политики страны находились в руках представителей буржуазии, это ясно само собой. Знаменитый манифест Петроградского Совета к народам всего мира от 17 марта предлагал этим народам взять в свои руки судьбы мира, освободившись от буржуазных правительств, в то время как у себя на родине этот Совет отдавал судьбы войны и мира в руки Гучкова и Милюкова.

С другой стороны, наша буржуазия и империалисты союзных стран употребляли все усилия не к тому, чтобы прекратить войну, а, наоборот, чтобы русскую революцию использовать в интересах войны, которую царизм вел недостаточно успешно. В вопросе о войне наметилось разное столкновение интересов рабочих и солдатско-крестьянских масс, с одной стороны, имущих классов — с другой.

Иностранная политика Милюкова, старавшегося оставить в этой области все старому, вплоть до сохранения для России обязательств, вытекавших из тайных грабительских договоров, заключенных царизмом с союзными капиталистами, вызвала резкие протесты. Известная нотка его союзным правительствам, где он, вопреки настроениям и желаниям широких рабочих и солдатских масс, цинично подчеркивал эту рабскую верность союзному капиталу, вызвала демонстрацию протеста 20—21 апреля. Попытки тогдашнего командующего Петроградским округом Корнилова вызвать артиллерию для усмирения движения кончились позорным провалом, и все войска выразили готовность подчиниться лишь приказам, утвержденным Петроградским Советом. Буржуазное Временное правительство на опыте убедились, что действительная власть не в его руках. Создался первый правительственный кризис, закончившийся образованием коалиционного министерства.

Буржуазия оказалась не в силах управлять революционной страной без поддержки социалистов, а эти последние, представленные тогда меньшевиками и социалистами-революционерами, в свою очередь, боялись взять одни в руки власть, без буржуазии.

Таким образом, возникла пресловутая коалиция, которая означала на практике торжество буржуазной власти, защищенной от народа «социалистическими» фигурами Церетели, Чернова, Скобелева и др. социал-каразей, пойманных на удочку смекалистыми буржуазными воротилами.

Но развития классовой борьбы нельзя было остановить никакими комбинациями «социалистических» и кадетских портфелей, как нельзя было отвертеться от революционного решения всех коренных вопросов, поставленных революцией: вопроса о земле, о мире, о рабочем контроле, о праве наций на самоопределение.

На первом Всероссийском совещании Советов сторонники разрыва с буржуазией, идущей под лозунгом «Вся власть Советам!», насчитывают в своих руках 60 человек из

400. Петроград идет впереди всей остальной России, и здесь раньше всего рабочие и солдатские массы переходят в ряды партии большевиков. Первый смотр всем силам новой зреющей революции, революции против отечественного и мирового капитала, революции против империалистической войны, происходит в начале июня на 1-м Всероссийском съезде Советов, где большевики, интернационалисты и впервые объявившиеся левые социалисты-революционеры насчитывают уже до 180 депутатов. В демонстрации 18 июня в Петрограде, проходящей под лозунгом «Долой 10 министров-капиталистов, долой империалистическую войну!», питерские рабочие и солдаты открыто пред всей Россией вступают на этот новый путь.

Между тем в провинции соглашатели еще продолжают торжествовать в большинстве Советов, и забежавший вперед Петроград в начале июля жестоко платится за свою дальновзоркость. Стихийное полувосстание, полудемократия 3–5 июля, проходящие под лозунгами «Долой коалицию с буржуазией!», «Вся власть Советам!» заканчивается поражением движения. У демократов было достаточно сил, чтоб захватить в свои руки государственную власть, но Россия не поддержала бы тогда этого предприятия, оно было слишком рано начато. Между тем соглашательский Центральный исполнит[ельный] комитет Советов всеми силами отбояривался от власти, которую ему преподносили рабочие и солдаты Петрограда.

Ликвидация этой вспышки, совпавшей с тяжким поражением наших войск на фронте после авантюры Керенского от 18 июня, сопровождалась огромным усилением реакции. Началось знаменитое дело по обвинению большевиков в подкупе и объявление их германскими шпионами, закрывались газеты левых социалистов, сотни людей в тылу и на фронте были брошены в тюрьмы. Власть захватили в свои руки корниловцы всех оттенков, имея во главе социал-прохвоста Керенского. На очередь был поставлен вопрос о введении военной диктатуры, разгоне Советов, насильственном внедрении дисциплины в солдатские ряды под угрозами расстрелов и смертной казни. Генерал Корнилов, поторопившись с осуществлением всех этих мер, покинутый в репительный момент перетрусившим Керенским, был разбит объединенными силами всех Советов. Поражение Корнилова резко передвинуло соотношение сил в стране влево перед рабочими и солдатскими массами, коалиция с буржуазией, сочувствовавшей корниловскому выступлению, ярко обрисовалась как коалиция с явной контрреволюцией. Кредит всех соглашателей в широких массах трудящегося народа был окончательно подорван. Вместе с тем крестьянские массы вышли из терпения, получая вместо обещанной им социалистами-революционерами земли карательные отряды, приказы об аресте земельных комитетов, писанные их же министрами, они решили покончить с помещичьим землевладением собственными силами. Началось широкое аграрное движение, разгромы помещичьих усадеб, захват дворянских земель.

Если корниловщина рассеяла все соглашательские иллюзии среди солдатской массы, т. Авксентьевы своими циркулярами, направленными к охране помещичьего землевладения, излечили от этих иллюзий все безземельное и малоземельное крестьянство. Назревала новая революция, революция против буржуазно-помещичьего строя во всем ее объеме, и всяческие попытки соглашателей втиснуть гигантское классовое столкновение труда с капиталом и земельной собственностью в узенькие рамки парламентской борьбы в Учредительном собрании кончились жалким фиаско.

Октябрьский переворот низверг буржуазный режим в России и похоронил вместе с ним соглашательские партии меньшевиков и социалистов-революционеров, разоблачивших себя как агентов капитала, отстаивавших его господство под флагом социализма. Лозунг «Вся власть Советам!» воплотился в жизнь. Второй Всероссийский съезд Советов, собравшийся под грохот орудий, наведенных на Зимний дворец, провозгласил торжество рабоче-крестьянской революции и взял всю полноту государственной власти в свои руки.

Буржуазно-демократическая Февральская революция, завоевавшая все свободы для народа на словах и оставившая все привилегии, и в том числе привилегии государственной власти, за капиталом, завершила свой собственный круг. Октябрьский переворот передал власть рабочим и крестьянам на деле, посулы земли были реализованы передачей земли крестьянам без выкупа, без всяких отяжек, был введен и узаконен рабочий контроль над производством. Началось усиленное и быстрое строительство новой жизни на основе диктатуры рабочих и беднейших крестьян. Все государственные машины сверху донизу перешли в руки организованных трудовых масс. Была осуществлена национализация банков и важнейших промышленных предприятий, был сломлен саботаж всех сознательных и бессознательных защитников буржуазного господства. Рядом с этой разрушительной и строительной работой советская власть вела смертельную борьбу со всеми контрреволюционными силами, окопавшимися на Дону, в Оренбурге, в Украине. Попытка соглашателей вернуть себе власть, утраченную в Октябрьские дни под флагом Учредительного собрания, потерпела жалкий крах. Постепенно ликвидировались все очаги контрреволюции внутри страны, и к концу первого года революции рабоче-крестьянская власть восторжествовала повсюду.

Но главные битвы были еще впереди. Было нетрудно сломить сопротивление отечественной буржуазии и ее прихвостней. Иначе обстояло дело с могучим противником извне — с мировым капиталом.

Опубликование тайных договоров, отказ платить по внешним займам, заключенным царизмом, ополчили против нашей революции империалистов союзных стран. С другой стороны, перемирие на фронте австро-германском не могло продолжаться вечно. Отказ советской власти подписать грабительские мирные условия, предложенные нам германскими хищниками, ополчил на наши беззащитные границы белогвардейцев Гинденбурга. Наша революция подошла, таким образом, к своему естественному пределу. Она победила внутри страны, но уперлась в глухую стену мирового капитала. Теперь судьба всех наших завоеваний решается на полях сражения с мировым капиталом. Что с одними нашими силами мы будем разбиты и задавлены, в этом не может быть ни малейших сомнений. Наша революция должна перейти в мировую пролетарскую революцию — иначе она погибнет неизбежно.

Сегодня собирается 4-й Чрезвычайный съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов¹⁷. Съезд будет решать вопрос о войне и мире. Он подведет итоги году революции и констатирует, что, несмотря на тяжкие испытания на фронте, советская власть, вошедшая в плоть и кровь трудовой России, нерушимо твердо стоит на ногах внутри страны, что только с кровью и мясом трудового народа ее можно вырвать в пределах России.

Вместе с тем съезд, если он подпишет грабительские условия германского империализма, скажет этим, что пролетарско-крестьянская революция России побеждена мировым капиталом и для нее после парада внутренних побед начинается эра внешних поражений.

4-й съезд может отвергнуть грабительские условия и объявить социалистическую войну германскому капиталу.

Это будет значить, что борьба продолжается, но борьба будет продолжаться и в том случае, если лжемир с германскими империалистами будет подписан, она будет лишь отсрочена на несколько недель, не более.

Никогда рабочие и крестьяне России не дадут удушить себя добровольно петлей грабительского мира.

В этой последней схватке исход борьбы будет зависеть от рабочего класса Европы, и прежде всего от пролетариата Австрии и Германии. Если мы встретим отсюда поддержку, наши завоевания навсегда останутся за нами. Если поддержки не будет, мы будем

разбиты силами империалистов всех стран, и тогда горе рабочим и крестьянам России, проснувшимся слишком рано, и слава им, на десятки лет опередившим пролетариат всего мира в могучем порыве к идеалу социализма.

Е. Преображенский

№ 22. МИР ПОДПИСАН

19 (6) марта

В сегодняшних телеграммах читатель найдет сообщение о том, что Всероссийский съезд Советов в Москве большинством – 724 голоса против 276 при 118 воздержавшихся – утвердил условия мира, подписанные перед этим нашей мирной делегацией и органами правительственной власти.

Это решение съезда могло поразить своей неожиданностью в первые дни германского наступления, если бы с самого начала именно съезду предстояло высказаться по вопросу о том, подписать ли насильнический мир или призвать трудовой народ России к жесточайшему сопротивлению. Но после того как предварительное подписание мира уже состоялось, и в этом отношении съезд находился перед лицом факта, самый вопрос принял иную постановку, а именно: съезду предстояло решить – прекратить ли фактически достигнутое перемирие с немцами или объявить войну, отказавшись утвердить заключенный предварительный мир. Съезд высказался за подписание мира и тем все политические невыгоды нового объявления войны предоставил германским империалистам.

На страницах нашей газеты мы уже не раз высказывались о том, что считаем политику мира во что бы то ни стало страшным ударом для мирового пролетарского движения, этого единственного источника нашего спасения, – что никаких передышек германский империализм нам не даст, п.ч., прекратив пока продвижение к Петрограду с Юга, начинает поход к нему с Севера путем войны с Финляндской социалистической республикой, на Востоке мы в результате мира с немцами накануне новой войны, сдача без боя деморализует силы революционного пролетариата и убивает тот подъем духа, который охватил пролетариат после наглого насилия германских бандитов. С этой точки зрения решение съезда, сдавшего на капитуляцию палачам империализма трудящуюся Россию, это решение явится гибельным, если сознательный пролетариат не отменит его на деле.

А отменить он его может лишь самой деятельной, самой лихорадочной подготовкой к близкой и неизбежной схватке с германскими хищниками. Только этим путем можно отчасти обезвредить пагубное решение, только использованием каждой минуты мира для дела обороны мы приближаем момент действительного аннулирования его гибельных условий. Иначе промежуток перемирия даст только возможность германским хищникам подтянуть силы и использовать это время для нападения лучше, чем мы используем для защиты. В результате от пресловутой «передышки» выиграет не жертва, а ее палач, п.ч. и палачу ведь бывает нужна известная «передышка» для укрепления скамейки и натягивания веревки.

Пусть мир подписан. Война с империализмом продолжается, и горе тому народу, который способен спокойно задремать с петлей на шее: засыпающим в такие минуты не суждено бывает проснуться.

Е. Преображенский

№ 23. ВЕЛИКИЙ АПОСТОЛ СОЦИАЛИЗМА

(памяти Карла Маркса. Родился 4 апреля 1818 г., скончался 14 марта 1883 г.)*

5 мая (22 апреля)

Сегодня исполняется ровно сто лет со дня рождения величайшего вождя всемирного пролетариата и одного из гениальнейших людей во всей истории человечества вообще, Карла Маркса. Это имя является священным для каждого рабочего, сознающего, что сделал этот человек для пролетариата и для будущего. Рабочий класс России имеет счастливую возможность почтить своего великого учителя в такой момент, когда стоит у власти, когда та цель, ради которой жил и боролся Карл Маркс, доступна для пролетариата, и экспроприация экспроприаторов уже осуществилась на территории России, когда впервые от имени всего пролетарского государства мы имеем возможность признать заслуги великого коммуниста и воздвигнуть ему величественный памятник.

В немногих словах нет никакой возможности осветить все значение работ Карла Маркса для мирового рабочего движения. Я должен подчеркнуть лишь самое главное, самое основное.

Карл Маркс был не только величайшим тактиком, т.е. практическим руководителем рабочего движения, но прежде всего гениальным теоретиком и идеологом рабочего класса.

Что значит теоретик рабочего класса?

Это человек, который изучает положение рабочего класса, изучает общество, в котором рабочий класс развивается, изучает законы развития человеческого общества вообще и, таким образом, дает возможность рабочему классу понять самого себя, найти свое место среди других классов общества, установить свои цели и задачи и бороться за их осуществление с наименьшей тратой сил, с наименьшими ошибками, с наименьшими потерями. Теоретик, как человек с фонарем, освещает путь для рабочего класса, предостерегает от поражений, когда они неизбежны, и помогает рабочему классу одерживать победы и воспользоваться всеми их результатами.

Еще в «Коммунистическом манифесте», вышедшем 70 лет тому назад, К. Маркс и его друг Фридрих Энгельс уже провозгласили главнейшие пункты своего учения, учения научного коммунизма. В течение всей остальной жизни они еще более развивали и дополняли то, что было сказано в этом гениальном произведении. Каждый рабочий находит в «Коммунистическом манифесте» символ своей веры, это катехизис, это памятная книжка борьбы пролетария.

До Маркса, до издания «Коммунистического манифеста», идеи социализма имели известное распространение, но что это был за социализм?

Лучшим видом этого социализма был утопический социализм французов Фурье и Сен-Симона. Эти люди доказали все преимущества социализма над капитализмом, но жалки и наивны были их планы осуществления. Они думали убедить буржуазию осуществить социализм, п.ч. он выгоден всему человечеству, и получили в ответ лишь полное равнодушие или насмешливое презрение. Это был далее буржуазно-дворянский социализм, служивший лишь средством почесать языки после сытного обеда. Наконец, был еще рабочий социализм, отличавший себя от социалистической болтовни буржуазии названием коммунизма. Такие рабочие, как Вейтлинг, доходили самостоятельно до мысли о необходимости социализма для рабочих, но приплетали к социализму религию и не могли без этих детских пеленок мысли выбиться на настоящую дорогу.

Такого рода социализм очень мало помогал рабочему классу понять самого себя и заставлял все надежды возлагать на попов или на буржуазию, т.е. на своих классовых врагов.

*Допущена ошибка. Годы жизни К. Маркса: 5 мая 1818 г. – 14 марта 1883 г.

В «Коммунистическом манифесте» было с полной ясностью доказано, что социализм это не выдумка фантазирующего от излишнего жиру буржуа, не туманный порыв христиански настроенного в духе равенства рабочего, не мечта пронизательного ученого, а жизненная необходимость для рабочего класса, его классовая цель, его основная задача, без осуществления которой не может произойти освобождение пролетариата от власти капитала.

Мало этого. В «Манифесте» было доказано и то, что социализм не только необходим для освобождения рабочего класса, но необходим и для всего общества, как более высокий общественный строй, и что этот строй не только необходим, он неизбежен, если человечеству суждено вообще идти вперед. Он неизбежен, п.ч. капитал сам своим расцветом готовит себе гибель. Каждый лишний рабочий, приходящий на фабрику из рядов самостоятельных ремесленников, разорившихся крестьян, означает лишнюю лопату, которая будет рыть могилу всему буржуазному строю.

Карл Маркс не только доказал необходимость и неизбежность для рабочего класса и всего человечества коммунизма, но и более ясно обрисовал путь к этому. Он провозгласил ближайшей целью пролетарской борьбы борьбу за власть, борьбу за диктатуру пролетариата, п.ч., только завоевав власть, пролетариат может подавить всякие контрреволюционные попытки имущих классов вернуть утраченное господство, только обладая властью, добьется уничтожения классов и превращения бывших эксплуататоров в рядовых членов рабочего социалистического общества.

Карл Маркс с удивительной проницательностью доказал далее, что коммунизм в одной стране победить не может. Что необходимо всемирное объединение пролетариата (интернационал), необходима пролетарская революция во всех передовых странах мира. Именно в «Коммунистическом манифесте», именно Карлом Марксом был впервые брошен на весь рабочий мир призывный клич «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Читатель может остановить мысль и сказать: все, что вы говорили о коммунизме и путях к нему, мы давно знаем, для нас тут нет ничего нового.

Я знаю, что это так. Но в том-то и заключается моя задача, чтоб показать, откуда вы все это знаете, товарищи, кто вас этому научил.

Научил вас понимать, что такое социализм, и бороться за него великий наш учитель Карл Маркс. Мы живем капиталом его ума, его знаний, его гения, его талантов великого стратега классовой борьбы. Не забывайте, товарищи, что, прежде чем мы осуществили диктатуру пролетариата, она была осуществлена 70 лет [тому назад] в гениальном мозгу нашего учителя, и только благодаря этому мы твердо и уверенно шли к своей цели, не останавливаясь на полдороге, не давая сбить себя с толку соглашателям с капиталом.

После «Коммунистического манифеста» замечательным произведением Карла Маркса являются его статьи, писанные для одной демократической американской газеты и собранные в брошюру под названием «18-е брюмера Луи Бонапарта». В этой брошюре Карл Маркс не только вскрывает все причины поражения французской революции в 1848 г., но дает образчик того, как рабочий должен разбираться в наиболее сложных проявлениях классовой борьбы, как должен себя вести в революциях, чтоб не быть одураченным буржуазией. Рабочий, который прочтет и усвоит эту брошюру, никогда не поддается на буржуазный обман во время переворота.

В 1859 г. Маркс выпускает сочинение «К критике политической экономии». Это произведение замечательно в двух отношениях. В предисловии дана в кратких чертах основа для нов[ой] философии истории, так называемая теория материалистического понимания истории, проще говоря, дано понимание всей истории человечества с пролетарской точки зрения, с точки зрения класса, который производит ценности, который знает цену труду, умеет дорожить его плодами и способен понимать, почему классовая

борьба составляет главное содержание истории, почему ее целью является борьба за власть — власть и наибольшую долю национального дохода.

Этой историей К. Маркс дал в руки рабочего класса могучее орудие борьбы против буржуазного обмана, опиума религии и прочих способов, благодаря которым имущие классы производили ограбление трудящихся масс и заставляли признавать этот грабеж законным и необходимым. Рабочий знает теперь твердо, что всякие материи, вроде права, справедливости, религии, морали и т.д., надо сначала свести к их сути, к тому, чей интерес, интерес какого класса прикрывают они, чьему карману служат, а потом уже решить, как к ним отнестись.

Это сочинение замечательно и потому, что в нем К. Маркс дает полное обоснование так называемой теории трудовой ценности. Вопреки буржуазным экономистам из лагерь идейных лакеев капитала, он доказывает здесь с гениальной простотой и ясностью, что ценность каждого продукта определяется количеством рабочего времени, необходимого для его производства. А из этой по виду простой и «мирной» мысли делает неотвратимый и революционный вывод о том, что создатель ценностей, рабочий, имеет право на полный продукт своего труда, что прибыль, аренда и т.д. есть лишь разные виды грабежа рабочего класса паразитическими имущими классами.

В своем «Капитале», который является главным произведением К. Маркса, закончить который не хватило его жизни, дается изумительно точный, ясный, строго математически-научный анализ всего капиталистического хозяйства в его целом. Огромнейший, сложнейший и вместе с тем развивающийся механизм капиталистического общества разобран по винтикам, все его изумительное устройство изучено до нитки. Каждый рабочий, который прочтет, а главное поймет и оценит великий труд Маркса, сразу станет зрячим, будет способен разобраться в самых сложных и запутанных явлениях хозяйственной жизни, а главное увидит со всей ясностью тот вывод, к которому приводит Маркса беспристрастное и холодное изучение капитализма. Вывод этот заключается в том, что капитализм беременен социализмом с самого своего возникновения и ничто не может остановить процесса рождения нового общества. Этот процесс можно лишь задержать или ускорить.

К. Маркс и старался всю свою жизнь способствовать такому ускорению. Он был во главе коммунистического движения всех стран мира. Он был основателем и руководителем Первого Интернационала, возникшего в 1866 г., и стоял во главе его до самого его распада. Он письмами, статьями, личным общением с вожаками социализма старался руководить рабочим движением во всех странах и предупреждать его от ошибок. К. Маркс был революционером до мозга костей, пролетарием по своей нищенской полуголодной жизни и страстно ненавидел капитал. Он зло и ядовито высмеивал всякие уклонения социалистов его времени с пути революционной борьбы на путь умеренности и примирения с буржуазными классами. Он клеймил будущих Шейдеманов в германской социал-демократии и Гендерсонов в английском рабочем движении. Верное чутье революционера никогда не изменяло ему. Он дал нам великие образцы того, как страсть революционера должна сочетаться с холодным расчетом политика и искусного борца.

Гениальность К. Маркса как вождя пролетариата проявлялась, между прочим, и в том, что он тщательно и с глубоким, пристальным вниманием изучил каждый шаг рабочего движения и старался извлечь из опыта отдельных отрядов пролетариата в отдельных странах уроки для наиболее успешной борьбы для всего рабочего класса. Так, он первым с гениальной проницательностью усмотрел в Парижской коммуне 1871 г. зародыш нового пролетарского государства и на основании этого опыта смог нарисовать общие черты государства будущего. Изучая коммуну, К. Маркс в своих выводах предсказал появление наших Советов как органов диктатуры пролетариата.

Великий апостол коммунизма не дожил до осуществления цели своей жизни, до социалистической революции, хотя его страсть революционера заставляла его слишком рассчитывать на революцию еще при его жизни. Мы счастливее нашего учителя. Его идеалы уже осуществляются в наш век в России.

Почтим же великого учителя, товарищи, не только тем, что поставим первый в мире памятник борцу за власть пролетариата, не только тем, что будем изучать его великие произведения, в которых слились душа и мозг пролетариата, но и тем, что не разобьем и не дадим разбить самый великий памятник нашему учителю, который мы уже поставили в своей земле творцу «Капитала» и автору «Коммунистического манифеста». Товарищи! Берегите советскую власть, п.ч. в этой власти воплотился могучий дух Карла Маркса, п.ч. нет лучшего памятника для него, чем диктатура рабочего, чем экспроприация экспроприаторов.

Е. Преображенский

Уральский рабочий. 1918. 3, 6, 7, 9, 12, 19 марта; 5 мая.

№ 24. СТАТЬЯ «СЪЕЗД НЕОБХОДИМ», ОПУБЛИКОВАННАЯ В ЖУРНАЛЕ
«КОММУНИСТ»¹⁸

Июнь 1918 г.

На недавно закончившейся уральской областной конференции нашей партии*, отличающейся большим многолюдством (из 90 с лишним организаций области в лице 136 делегатов было представлено 78 с 36 000 членов), оживленные дебаты вызвало обсуждение общей и, в частности, экономической политики наших советских центров, или, что одно и то же, политики ЦК партии.

Вот та резолюция, которая была принята конференцией всеми при 9 воздержавшихся: «4-я уральская областная конференция партии коммунистов, обсудив вопрос о направлении общей политики центральной советской власти в последнее время и, в частности, вопрос о взаимоотношениях этой власти с местной областной властью, констатирует, что:

1) международная, внутренняя и финансово-экономическая политика центральной советской власти явно клонится к осуществлению на деле важнейших пунктов Брестского договора, проведение которых в жизнь превращает постепенно Советы в исполнителей воли мирового капитала, ведет к приостановке социалистического строительства и к ликвидации ряда важнейших завоеваний Октябрьской революции;

2) соглашение с кооперативами, аннулирующее всю программу экономической и политической борьбы с деревенской буржуазией, сплотившейся вокруг этих организаций, замена рабочего контроля техническими деловыми Советами, попытка бюрократического строительства социализма сверху руками чиновничества и отказ от массового пролетарского творчества снизу, объявление неприкосновенными капиталов и предприятий иностранцев и русских капиталистов, запродавших свои банки и предприятия иностранцам, и т.д. – все эти мероприятия и целый ряд других, особенно остро отзывавшихся на Урале, как месте широкого помещения иностранного капитала до революции, как области, служащей по своим естественным богатствам сильнейшей приманкой для мирового капитала, наконец, как области, наиболее организованной и далеко зашедшей вперед в деле социалистического строительства;

* Конференция состоялась 25–29 апреля 1918 г. в г. Екатеринбурге.

3) внутренняя политика центральной власти в отношении Урала характеризуется игнорированием местной областной советской власти и недоверием к ней, что получает свое выражение в посылке собственных комиссаров с чрезвычайными полномочиями, вносящими хаос и дезорганизацию в наладившееся организационное строительство Урала и в лучшем случае абсолютно бесполезных.

Констатируя все вышеизложенное, конференция постановляет:

1) Довести до сведения ЦК партии и всей партии вообще об отношении организованного пролетариата Урала, представленного на конференции, к наметившемуся уклону в политике центральной власти, находящейся в противоречии с новой программой партии, с экономическими резолюциями 6-го съезда партии.

2) Предложить ЦК созвать в скорейшем времени всероссийский съезд партии на основе представительства на 6-й съезд и подвергнуть на нем обсуждению все вопросы, поставленные на очередь после 7-го съезда партии и относительно которых возможно и вероятно расхождение политики ЦК с мнением большинства партии.

3) Поручить областному комитету партии и большевистской фракции областного Совета комиссаров разработать проект конституции Уральской трудовой коммуны, отвечающий экономическим и бытовым особенностям области, внести этот проект на ближайший съезд Советов Урала и провести его в жизнь на основе конституции Федеративной Советской Республики, принятой на 3-м Всероссийском съезде Советов.

4) Одобрить политику большевистской фракции областного Совета комиссаров и поручить ей продолжать свою работу и в дальнейшем в духе верности партийной программе и основным задачам последовательного социалистического строительства хозяйственной жизни края).

Я не намерен касаться всех пунктов приведенной резолюции, но хочу остановиться лишь на одном, касающемся требования немедленного созыва широкого партийного съезда.

Я думаю, что даже те товарищи, которые остались чрезвычайно довольны результатами 7-го съезда партии¹⁹ в вопросе о ратификации мирного договора, вряд ли считают этот съезд особенно авторитетным как по количеству представленных на нем членов, так и по числу съехавшихся делегатов. Чрезвычайный съезд, собравшийся на основе совершенно непредусмотренной уставом нормы представительства, при наличии трех с половиной десятков депутатов не смог даже обсудить проекта новой программы; кроме того, после съезда в ходе событий были выдвинуты такие вопросы тактики, для решения которых ЦК партии не может быть признан полномочным органом. Тов. Ленин давно как-то указывал на то, что между программой и тактикой различие не принципиальное, а скорее количественное. И вот мы имеем в последнее время дело как раз с таким тактическим уклоном ЦК в вопросах хотя бы экономического строительства страны, когда этот тактический уклон означает отмену нашей программы. Каждый мало-мальски грамотный в партийном отношении человек согласится, что программа государственного капитализма, насажденного сверху «настоящими левыми» коммунистами при диктатуре пролетариата, и придумывание для России задним числом государственного капитализма как неизбежного этапа развития — все это отнюдь не вопросы тактического порядка. Между тем новый курс намечен не съездом, и скоро, по-видимому, партии придется решить вопрос, в какой мере диктатура отдельных лиц может распространяться с железных дорог и прочих отраслей хозяйства на Российскую коммунистическую партию. Должен отметить, что пункт о немедленном созыве съезда принят на последней уральской конференции единогласно.

В своих полемических фельетонах, направленных против позиции левых коммунистов и содержащих в себе очень важные открытия или, вернее сказать, изобретения насчет государственного капитализма в Советской России, т. Ленин именует издателей «Комму-

ниста» маленькой кучкой. Издатели могут представлять из себя и маленькую кучку, но число партийных организаций, стоящих на позиции «Коммуниста», представляет из себя в настоящее время очень внушительную величину. Большинство организаций Урала стоит, в общем, на позиции «Коммуниста». Доказательством этого служит не только приведенная выше резолюция, но и резолюция о международной политике и о задачах экономического переустройства страны. Все три резолюции были приняты совершенно независимо от тезисов в № 1 «Коммуниста» и до того, как они стали известны на Урале.

В частности, экономическая резолюция является не продуктом теоретизирования, а представляет результат практического опыта в деле социалистического переустройства Урала. От принятых резолюций уральские организации не откажутся, правильность их подтверждена жизнью. А так как резкое расхождение целой области с партийным центром при наличии ряда организаций и в других местах России, стоящих на платформе левых коммунистов, дает основание думать, что политика ЦК партии и его, если можно так выразиться, фракционный состав совершенно не отвечают группировке сил между течениями в партии, то съезд делается настоятельно необходимым.

Но съезд необходим широкий, так, чтобы вся партия была в нем полно представлена и все вопросы, подлежащие его решению, были основательно обсуждены на местах.

Коммунист (орган группы левых коммунистов).

М., 1918. Июнь. № 4. С. 13–14.

Приложение

Резолюция 4-й уральской областной конференции партии коммунистов об экономическом переустройстве и задачах партии*

9 мая 1918 г.

Состояние производительных сил страны характеризуется в настоящий момент в области промышленности изношенностью или полным отсутствием необходимейших машин и иных орудий производства, отсутствием или недостатком сырья (уголь, хлопок и т.д.), недостатком средств потребления как предпосылки для использования рабочей силы, небывалой разрухой транспорта – при наличии в стране количества рабочих сил, вполне достаточных для нормального функционирования всего промышленного организма.

В земледелии отсутствие многих необходимых машин и орудий, соединенное с сокращением количества рогатого рабочего скота в связи с войной, с уничтожением или разгромом ряда культурных имений с интенсивной степеню хозяйства, и в ряде местностей вследствие недорода и голода в эти годы отсутствуют необходимые запасы семян для сельскохозяйственного сезона 1918 г., при наличии необходимого для посева количества зерна в руках сельской буржуазии данной местности или более или менее отдаленных губерний. Вместе с тем обилие рабочих сил в земледелии, страдавшем в предшествующие годы войны от недостатка рабочих рук, может послужить причиной, ослабляющей кризис.

В области обмена переходный период от капитализма к социализму характеризуется ограничением частной торговли, широким развитием непосредственного товарообмена, носящего несистематический и неорганизованный характер, и постепенным отрицанием денежного

* Автором этой резолюции был, вероятно всего, Е.А. Преображенский, поскольку, как правило, он являлся автором резолюций, принимаемых съездом или конференцией, на которые он был делегирован.

обращения. Этот период отмечается параличом и ломкой доступных капитализму, хотя и несовершенных, способов учета производства и потребления при отсутствии их, других способов, присутствующих социалистическому строю.

В общем и целом, переживаемый период от капитализма к социализму характеризуется падением производительных сил на весьма сильную ступень, несоответствием производства и потребления, сохранением всех невыгод от начавшегося социалистического переустройства.

Задачу переустройства общества на новых социалистических началах и поднятия производительных сил приходится совершать в обстановке еще не законченной войны с украинской буржуазией и германским империализмом, под угрозой новой войны в условиях окружения социалистических республик России кольцом мирового капитала, жадно тянущегося к вмешательству в хозяйственную жизнь страны и к превращению России в место для помещения избытков германского капитала.

При таких условиях есть лишь два объективно возможных пути для поднятия производительных сил страны: путь допущения в страну иностранного капитала, на основе его организованного вмешательства в хозяйственную жизнь страны, подчинения ему всей нашей промышленности и земледелия, восстановления капиталистического режима и постепенной ликвидации всех начатых социалистических преобразований.

Второй путь — это путь развития производительных сил города и деревни и воссоздания промышленности собственными силами социалистической России, путь использования иностранного рынка лишь для закупки необходимых нам орудий производства в качестве товаров, путь полного недопущения иностранного капитала в роли организатора производства, путь окончательной ликвидации в пределах России буржуазной собственности на орудия производства и завершения всего социалистического переустройства нашего хозяйства. Между этими двумя единственно возможными и в то же время взаимно исключающими методами (способами) экономического переустройства страны не может быть никакого компромисса, никакого среднего пути.

В полном согласии с экономическими резолюциями 6-го съезда партии и партийной программой и со всем духом советской экономической политики до ее недавнего поворота в сторону соглашательства с капиталом областная конференция считает единственно возможным для пролетарской коммунистической партии путь экономического переустройства страны на основе неуклонного, решительного и последовательного строительства социалистического хозяйства.

Исходя из тех положений, что сущность перехода от неорганизованного капиталистического и государственно-капиталистического хозяйства к коммунистическому выражается в том, что место принудительной организации производства и распределения на основе классовых противоречий между трудом и капиталом занимает сознательная общественная организация всех сил и средств народного хозяйства.

Что, тогда как в капиталистическом обществе центр тяжести лежал и лежит в подчинении общественных потребностей классовым интересам капитала и в непосредственном управлении производителями, в организуемом коммунистическом строе этот центр тяжести должен находиться в общественной организации и общественном регулировании производства.

Конференция полагает, что задачей настоящего момента является организация всего общественного производства и потребления под непосредственным контролем и руководством производственных рабочих союзов и соответствующих экономических объединений крестьянской бедноты и слияния всех отраслей экономической деятельности в органах Советского государства (экономические отделы Советов и советы народного хозяйства).

Организация эта должна носить вполне определенный характер политики государственного трестирования крупных отраслей промышленности и привлечения в сферу их влияния мелких и остальных, и сосредоточения отдельных производств по хозяйственным областям, связанным общегосударственным планом организации производительных сил.

В противоположность объединению отдельных отраслей промышленности на основе капиталистического господства, социалистическая политика трестирования должна поко-

иться на сознательном и организованном объединении производителей в целях наиболее целесообразного использования всех сил и средств производством* может быть успешной лишь при непосредственном условии решительного и последовательного проведения рабочего контроля на всех ступенях организации производства со стороны производственных рабочих союзов.

В области земледелия общественная организация производства беднейшим крестьянством должна идти путем развития коммунистического землепользования.

Это развитие предполагает широкое использование крупной сельскохозяйственной техники и ставит своей конечной целью полную национализацию (социализацию) сельскохозяйственного производства.

Планомерная организация общественного производства в целом невозможна помимо организации правильного продуктообмена между промышленностью и сельским хозяйством. Жизненность новой формы общественного производства находится в теснейшей зависимости от возможности поднятия производительности общественного труда на уровень более высокий, чем тот, который был установлен господством капиталистического угнетения, с этой точки зрения тарифная политика профессиональных союзов приводит к развитию трудовой дисциплины среди рабочих, [и она] должна основываться на точном нормировании производства с помощью органов рабочего контроля.

Помехой правильной организации продуктообмена между городом и деревней служат существующий свободный обмен продуктов, способствующий процессам первоначального накопления и, главным образом, обогащения деревенской буржуазии.

Отсюда вытекает необходимость ввести обмен продуктов в организованное русло – исключительно через посредство государственных органов снабжения. Если до сих пор этот обмен не мог быть налажен, то одной из важных причин этого служила экономическая неорганизованность полупролетарских слоев деревни и далеко еще не закончившийся процесс экспроприации деревенской буржуазии.

Постепенная организация правильного продуктообмена неизбежно должна будет вести к вытеснению денежных средств обращения и в конечном итоге слиться с общественной организацией распределения всех продуктов между всеми частниками производства.

Первым шагом в этом направлении будет организация потребительных коммун с обязательной записью всех потребителей в их состав.

Рабоче-крестьянская революция в России положила только начало неизбежному и длительному процессу экспроприации экспроприаторов и оставила незатронутым существование целого ряда паразитических слоев населения, продолжающих жить своими прямыми накоплениями и спекуляцией.

Действительный строй, подрывающий существование этих паразитических слоев и ведущих к привлечению их к производительному [труду], является введение бюджетных книжек для всех лиц с доходом свыше обычного прожиточного минимума.

Процесс национализации банков должен идти к тому, чтобы весь денежно-торговый оборот сосредоточивался в этих органах государственного распределения денежных средств. Следствием этого должно быть установление обязательного ведения текущих счетов в банках для всех лиц и учреждений, имеющих денежный оборот.

Установление обязательного ведения текущих счетов в ответвлениях государственного банка и введение бюджетных книжек требует децентрализации банковского дела с отдачей его на местах под непосредственный контроль экономических органов Советов.

Ввиду того что социалистическое хозяйство России, окруженное капиталистическими государствами, не может существовать в качестве самоподавляющего** хозяйственного

* Так в тексте.

** Так в тексте. Видимо, надо читать «самодовлеющего».

организма, между ним и последними должны развиваться меновые отношения, антагонистические по своему существу и исключающие возможность их длительного существования; только полная национализация внешней торговли при возможной более полной национализации производства и обмена может быть временной гарантией того, что эти отношения не повлекут за собой разложения социалистической формы хозяйства. При этом необходимо подчеркнуть, что сами эти отношения несут в себе зародыш такого разложения, и выходом из этого тупика может быть только международная коммунистическая революция в качестве ближайшей перспективы.

Угроза усиления капиталистических влияний на народное хозяйство России никоим образом не допускает возможности кооперации социалистического государства с русским или иностранным капиталом в области организации производства. В то же время эта организация производства в государственном масштабе может быть осуществлена исключительно путем сознательной организации производительных классов населения и установления в их рядах железной трудовой дисциплины и ни в коем случае путем искусственного восстановления буржуазно-чиновничьей олигархии.

Намечая в общих чертах вышеуказанную программу экономической политики, уральская областная конференция РКП полагает, что только решительное и последовательное проведение ее будет соответствовать классовым интересам российского и международного пролетариата и задачам международной коммунистической революции, назревающей в силу естественного хода вещей во всех странах капиталистического господства. Независимо от того, какие испытания предстоит русской революции в ближайшем будущем, только последовательное развитие всех сторон классовой самостоятельности и самоорганизации в каждый данный момент сможет обеспечить и ускорить конечную победу рабочего движения.

Резолюция принята единогласно при двух воздержавшихся.

Уральский рабочий. 1918. 9 мая.

№ 25–26. СТАТЬЯ «УРАЛЬСКАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ», ОПУБЛИКОВАННАЯ В ГАЗЕТЕ «ПРАВДА»

29 (16) – 30 (17) июня 1918 г.

№ 25. УРАЛЬСКАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

29 (16) июня

И*

Когда рабочие уральских заводов по призыву областного военного комиссариата отослали на фронт против чехословаков лучшие свои силы, когда, в частности, из Невьянского завода ушла, ставши под ружье, почти вся местная организация коммунистов в числе 300 человек, то эвакуированная в завод из Луги рота автомобилистов, все время стоявшая в оппозиции местному Совету, начала контрреволюционное восстание²⁰. Эта рота, состоявшая из различных белогвардейских элементов, должна была руководить ремонтом автомобильного имущества, на деле же все имущество, и в том числе два броневики, предназначенных для борьбы с чехословаками,

* Продолжение см. в следующем документе.

было употреблено против советской власти. Восстанием руководил некий Елисеенко, выдававший себя за анархиста. Кроме того, во главе движения встал военный штаб, в который кроме Елисеенко вошли офицеры-кадеты: Мелентьев, Фролов, Миллер (аптекарь по профессии), Хионин (фотограф), затем туда же вошел студент Бродовский, племянник миллионера, правый эсер Воробьев и лидер местных меньшевиков Бахтин.

Восставшие арестовали местный Совет, комиссаров и не ушедших на фронт большевиков в числе 22 человек и посадили в арестный дом. При аресте следственной комиссии был убит председатель комиссии и его товарищ. Было сделано* собрание фронтовиков, и бывшие офицеры и солдаты из кулаков вошли в белую гвардию. На устроенном митинге один из автомобилистов, матрос-белогвардеец, доказывал, что после свержения советской власти надо устроить так, чтобы страной управлял один опытный в этом деле человек. На митинге, хотя и запуганная, масса обывателей высказалась против расстрела арестованных и за разбор дела в следственной комиссии. Надо сказать, что контрреволюционеры, прервав сообщение с Екатеринбургом, уверили массы, что Екатеринбург взят, все комиссары разбежались, разграбив казенные деньги. Советская власть всюду пала. Они настаивали на расстреле арестованных.

Отрядами, посланными почти одновременно со стороны Екатеринбурга и Перми, а также при поддержке вооруженных рабочих заводов Кушвы, Тагила и других невянянские белогвардейцы были взяты в клещи. Скоро арестованные товарищи услышали уже треск пулеметов, все ближе и ближе приближавшийся к заводу. Для арестованных пришли наиболее жуткие часы. Один из арестованных, т. Каскович**, был расстрелян еще в ночь с 12 на 13 июня. Остальные ждали расстрела тогда же, но решение митинга спасло им жизнь. Теперь приближался момент расправы над арестованными со стороны отступавших белогвардейцев. Проклятые убийцы начали расстрел наших товарищей через окна камеры, а затем забросали их ручными гранатами. Когда часть товарищей валялась на полу в лужах крови, с оторванными руками и ногами и вывороченными внутренностями, раздался крик: «Кто жив, поднимайся!» Оставшиеся в живых стали подниматься, раненные застонали, товарищи думали, что это подошли красноармейцы. Но это был подлый обман со стороны палачей. Увидя, что часть арестованных еще жива, белогвардейцы снова начали бросать гранаты в камеру, чтобы добить остальных.

Скоро, однако, наступавшие наши силы заставили белогвардейцев отойти от тюрьмы, и красноармейцы стали отворять двери. Оставшиеся в живых и не раненые три человека собрались отбиваться бутылками, думая, что снова их обманывают белогвардейцы, но на этот раз обмана не было. Когда стало ясно, что пришли товарищи освобождать, зашевелились и раненые. Одни умоляли пристрелить их, т.к. не было сил переносить дальше мучения, другие просили перевязать. Трое оставшихся в живых схватили винтовки и бросились за отступавшими палачами вместе с прибывшими красноармейцами.

Вот в самых кратких и сухих словах то, что по дороге в Москву рассказал мне товарищ из Невьянска, один из тех трех оставшихся в живых, которым гранаты белогвардейцев каким-то чудом не выпотрошили внутренностей и не оборвали рук.

В Красноуфимском уезде, по полученным в Екатеринбурге сведениям, контрреволюционеры при разгоне Советов прибегали к иным средствам борьбы за Учредительное собрание. Наших товарищей там живыми закапывали в землю, отрезали им уши, носы и т.д., убивали детей и жен бедноты, победившей кулаков.

* Так в тексте.

** Фамилия указана неясно. Правильно: С.Ф. Коськович.

Много выводов можно сделать из приведенных фактов. Я хочу отметить лишь одно обстоятельство.

Пусть пролетариат России знает, что на Урале сознательным рабочим Урала выворачивали внутренности и отрывали ноги белогвардейцы, в штабе которых вместе с кадетами и черносотенцами были один меньшевик и один правый эсер.

Пусть они знают, что Учредительное собрание Скоропадских и Черновых пытается заложить фундамент своей власти на закопанных живьем в землю представителях деревенской бедноты, на отрезанных ушах и носах крестьян, на вывороченных ногах и руках их детей и жен, на пепле их убогих домов.

Е. Преображенский

№ 26. УРАЛЬСКАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

30 (17) июня

II

В предыдущей статье я говорил об одном из самых сильных проявлений контрреволюции на Урале — о невьянском восстании. Теперь я остановлюсь на других контрреволюционных вспышках, а затем на выяснении социальной базы, на которую опиралась и способна опереться и в будущем контрреволюция на Урале в своих безнадежных попытках свергнуть советскую власть.

Одновременно с невьянским выступлением должно было, по расчету заговорщиков, произойти восстание и в самом Екатеринбурге под руководством союза фронтовиков с Верх-Исетского завода. (Завод расположен в двух верстах от города.)

Союз фронтовиков, усердно поддерживаемый кулацкими элементами завода и имевший председателем бывшего прапорщика, ярого защитника Учредительного собрания, обратился в военный комиссариат с требованием выдать членам союза оружие, чтоб они, старые солдаты, могли «в один день разбить чехословаков». Требование было отклонено, а желающим бороться с чехословаками было предложено вступить в ряды Красной армии на общем основании. Союз отказался от этого и на двух митингах, устроенных один за другим 11 и 12 июня на Верх-Исетской площади, при стечении всех контрреволюционных элементов поселка и города велась агитация под лозунгом «Долой Совет, он не дает оружия для борьбы с чехословаками». Этот лозунг был подлым обманом масс, которых заговорщики не решились пока призывать на помощь чехословацкому восстанию. Этот обман документально был разоблачен несколько дней спустя, когда ускользавший от преследования наших товарищей прапорщик, председатель союза фронтовиков, бросил в окно своей квартиры записку такого содержания: «Уезжаю из Екатеринбурга, надеюсь скоро вернуться с чехословаками».

Получить оружие, свергнуть Совет и присоединиться к чехословакам — вот был настоящий план заговорщиков. Когда получить оружие не удалось, заговорщики решили разграбить оружейный склад 1-го железнодорожного района. Между прочим, на митинг с обещанием поддержки явились черносотенные элементы из железнодорожников и депутаты конной сотни красноармейцев, немедленно после того разоруженных (сотня состояла в большинстве из хулиганских и темных элементов, и ее предполагалось разоружить гораздо раньше).

Первый митинг разошелся сам, и присланные для его разгона и ареста заговорщиков вооруженные силы опоздали. На другой день митинг начался, но при приближении

наших сил заговорщики разбежались. Небольшая лишь часть их была арестована, а один, собиравшийся бросить в наш отряд ручную гранату, был тут же на месте расстрелян. В других местах и в другое время было арестовано несколько десятков заговорщиков, в большинстве вооруженных.

Таким образом, попытка устроить восстание в Екатеринбурге кончилась полной неудачей для заговорщиков, хотя с очень небольшим уроном с их стороны.

Необходимо тут же отметить и заклеить перед всеми трудовыми массами России, что на контрреволюционном митинге в Верх-Исетске резолюция с требованием разгона Совета была принята по предложению субъекта, выступавшего от имени федерации анархистов. Правда, ассоциация анархистов потом (в том-то и суть, что потом) откестилась печатно от этого субъекта, но это отмежевание слишком дешево стоит. Перед чехословацким выступлением анархисты в своих выступлениях против советской власти сливались со всеми черносотенцами, и неудивительно, что на митинге все руки лавочников, бывших жандармов и белогвардейцев трогательно поднялись за резолюцию, предложенную от имени группы анархистов. Для контрреволюционеров важно провести в жизнь лозунг «Долой советскую власть» в союзе с анархистами, а что потом делать, это они знают хорошо сами.

Интересно и то, что на одном тайном собрании заговорщиков ночью в лесу, где случайно немым слушателем был один наш товарищ, по вопросу о том, к кому должна перейти власть после разгона Советов, между заговорщиками произошел чрезвычайно характерный спор, чуть не кончившийся врукопашную. Одни стояли за то, что власть [надо] передать Учредительному собранию. Другие горячо восставали против, утверждая, что при Учредительном собрании будет еще хуже, а лучше остаться просто без власти (блок уголовного элемента и запутавшихся под влиянием анархистов темных элементов из рабочих). Третьи говорили, что сейчас не стоит спорить, кому должна перейти власть, «потом видно будет», важно свергнуть теперешнюю власть. Эти «третьи» и есть настоящие черносотенцы и руководители контрреволюцией, помалкивающие пока что о монархии. В сущности, собрание, не вынесшее никакого решения о том, что должно быть на другой день после переворота, и в то же время не оставившее намерение советскую власть свергнуть, поступило вполне по их рецепту.

Кроме Невьянска Советы были разогнаны в Верх-Нейвинске, а также в Полевском Заводе, где банда фронтовиков вырыла даже окопы при приближении советских сил. Мятеежники были разбиты в течение нескольких часов и многие арестованы. Попытки к разгону Советов были и в других заводах, откуда на фронт ушли лучшие силы рабочих, а на месте имелись еще раньше организованные группы контрреволюционеров.

В настоящий момент, когда на свой тыл на Урале обращено серьезное внимание, посланы десятки агитаторов с литературой от нашей партии и усилена чисто военная охрана, вряд ли можно ожидать серьезных контрреволюционных вспышек, там, где такие вспышки были и были подавлены, атмосфера сразу очистилась и рабочие массы резко отмежевались от буржуазно-кулацких элементов.

Е. Преображенский

Правда. 1918. 29 (16), 30 (17) июня.

**№ 27–36. СТАТЬИ И ДОКЛАД, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В ГАЗЕТЕ
«УРАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ» В АВГУСТЕ – ДЕКАБРЕ 1918 г.**

13 августа – 8 декабря

№ 27. СКУЧНОЕ ЗАНЯТИЕ

13 августа

В эти дни, когда советские войска напрягают все усилия, чтоб вернуть уральскому пролетариату его столицу, когда не мудрствуя лукаво и многие из рабочих и крестьян, причисляющих себя к партии левых эсеров, проливают свою кровь на фронте в борьбе с чехословаками²¹ и белогвардейцами, пермские «литераторы» этой партии с мальчишеским задором, свойственным политическим младенцам, нападают на партию коммунистов с таким ожесточением, какое до сих пор было свойственно лишь белогвардейской печати.

Образцом такой литературы может служить передовая статья левозероверской газеты «Крестьянин и рабочий» от 9 августа, издающейся мотовилихинской организацией этой партии. В этой статье, где ложь сплетается в одном пестром узоре с глупостью, а каждый белогвардеец и правый эсер найдет для себя много родных мыслей, найдет много аргументов против коммунистов, которые он первый сочинил еще во время травли большевиков в министерстве Керенского. Скучно и трудно отвечать на такие статьи, но приходится это делать хотя бы ради тех же левозероверских рабочих и крестьян, которые честно выполняют свой долг; защищая с оружием в руках советскую власть. Мотовилихинские литераторы левых эсеров неспособны, по-видимому, понять, что своей защитой позиции ЦК партии они уничтожают политический смысл борьбы на фронте своих же товарищей. Их товарищи, которые являются и нашими товарищами, говорят своей борьбой одно: чехословацкое выступление, эта попытка втянуть Россию в империалистическую войну под командой Дутовых, должна быть раздвлена. А ЦК левых эсеров своей московской авантюрой добивался политически того же, к чему стремятся правые эсеры, т.е. войны с Германией, каковая война при наличности уже имеющейся войны с союзниками означает удушение советской власти с двух концов сразу. Это как раз и нужно Савинковым и Алексеевым, этого и добиваются на деле сторонники левозероверского Центрального комитета. Против этого борются на деле те левые эсеры, которые сражаются на чехословацком фронте. Мотовилихинские литераторы их партии эту действительно революционную борьбу стремятся свести на нет своим чистописан[ием]. Но плоды этой борьбы не пропадут для мировой революции, как не пропадают для контрреволюции упражнения мотовилихинских «литераторов».

Разберемся, однако, в глупостях и лжи вышеупомянутой статьи. Начнем с лжи. Автор статьи уверяет своих читателей, что советская власть проводит «восстановление zahraniчных долгов и тем обязательство выплаты за окупленные за границей помещичьи земли на общую сумму до 30 млрд руб., что накладывает на трудовую деревню такое ярмо, какое не удалось наложить даже царю «освободителю» Александру II, освободившему крестьян из неволи в экономическое рабство, в новую неволю...»

Наивная ложь этого утверждения ясна каждому, кто знает, что из всей суммы наших zahraniчных долгов на долю Германии приходится менее 1/10 доли, а аннулированные долги союзников ни один большевик никогда не предлагал платить. Все рассуждения о 30 млрд есть глупые выдумки, рассчитанные на неосведомленного читателя, к тому же не знающего, что левые эсеры в свое время очень и очень упирались, когда большевики проводили законы об аннулировании долгов и национализации банков.

Идем дальше. Мотовилихинский литератор заявляет: «Правительство России выдавало Германии партизанов, восставших на Украине, выдавало для расстрела».

Кто был выдан и когда? Если не укажете, значит, и здесь ложь.

Дальше новое обвинение: «Правительство России отправляло в Германию отборных здоровых вполне обмундированных солдат, выдавало повышенный в сравнении с русскими продовольственный паек, снабжало деньгами».

Французские и английские империалисты очень беспокоились за то, что обмен пленными дает Германии новые дивизии для Западного фронта. Этим беспокойством заражен и «интернационалист», писавший передовицу в мотовилихинской газете. Но в действительности же дело обстоит вот как: мы очень хотим получить обратно наших пленников из Германии и Австрии и отправить туда германских и австрийских, которые играют там теперь огромную революционную роль. Но правительства Австрии и Германии всячески задерживают обмен, русские пленные им очень нужны на тыловых работах, а своих пленных из России они боятся как чумы.

Еще обвинение: «Мануфактура пересылается в Германию».

Когда эта недостойная и ложная выдумка была не один раз повторена в Москве Спиридоновой и другими на митингах, то с трибуны Всероссийского съезда и в нашей печати это утверждение было названо клеветой, а наши товарищи предложили клеветникам вызвать на третейский суд тех, кто их назвал клеветниками. Левые эсеры в Москве отмолчались от этого, и клеимо клеветников останется и на лбу их, и на лбах мотовилихинских литераторов партии.

На Всероссийском съезде Советов* т. Ленин воскликнул по поводу клеветнической лжи левозэровских агитаторов: неужели Брестский мир не достаточно тяжел на самом деле, чтоб эту тяжесть еще так прикрашивать ложью? Он же сказал тогда, за день или два до московской авантюры**, что партия, прибегающая к таким приемам публичной лжи, пропадающая партия. Слова оказались пророческими, и теперь мы наблюдаем по всей России картину окончательного разложения этой «пропадающей партии», расколовшейся на ничем не связанные друг с другом отдельные группы.

От лжи перейдем к глупости. В статье читаем: «Год тому назад, когда политика Керенского нашла тупик революции, выступление 3 июля²³ вскрыло политику власти. Мы помним, вслед за ним власть инсценировала наступление – власть не смогла уже больше прятать свое лицо в флер ненавистного политиканства при осторожной постепенной подготовке западни трудовому народу».

Убийство Мирбаха – это тоже акт, задание которого – выявить истинную физиономию власти».

Мотовилихинский литератор левых эсеров очень хороший историк. Июньское наступление Керенского²³ у него происходит после 3 июля. Но это между прочим. Нам заявляют, что убийство Мирбаха имело задачей «выявить истинную физиономию власти».

Если это так, то предприятие было лишним, п.ч. советская власть давно выявила свою физиономию в борьбе с капиталом, но физиономия кой-кого была все-таки выявлена в московском выступлении. Из-за тускло-розовой маски левых эсеров вдруг выглянуло подлинное ненамученное лицо Авксентьева и Чернова, поддерживающего мелкого кулачка во внутренней политике и дело союзников – во внешней.

В заключение два слова о сравнении нынешней внешней политики советской власти с политикой Керенского. Сколько раз приходится нам разьяснять левозэровским школьникам, которых мы же сами за уши оттащили в свое время от Керенского и тем спасли их

* Очевидно, речь идет о 4-м съезде Советов.

** Убийство германского посла Мирбаха.

от позорной судьбы Савиновых и Авксентьевых, что о внешней политике того или иного правительства надо судить по тому, какой класс стоит у власти и какие цели преследует.

Керенский вел империалистическую войну соответствующими средствами, советская власть защищает пролетарскую революцию.

А какими средствами? — спрашивает левый эсер.

На это мы отвечаем. Для такой великой цели хороши все средства, которые достигают этой цели, и только с точки зрения целесообразности можно обсуждать их.

Скучно опровергать выдумки, давно опровергнутые, скучно доказывать истины, давным-давно доказанные. Но не мы, коммунисты, виноваты в том, что существует и яростно нападает на нас в лице своих жалких обломков партия, которая страдала головой с самого своего рождения.

Е. Преображенский

№ 28. МИРОВОЙ БОЛЬШЕВИЗМ

11 октября

По почину русских рабочих октябрю месяцу суждено, по-видимому, стать месяцем пролетарских побед и гибели буржуазного строя. В 1905 г., в октябре, впервые под натиском рабочих России пошатнулся самодержавный строй. В 1917 г. Октябрьская революция покончила у нас с буржуазной властью. Наконец, в октябре 1918 г. мы уже можем отметить болгарскую революцию²⁴ и восстание на Украине. Октябрь месяц еще не кончился, по старому стилю он только начинается через два дня, и уже почин в расширении русской революции на Европу сделан. Что украинское восстание кончится восстановлением советской власти на Украине²⁵, что восстание берлинских солдат²⁶ перенесется на Австро-Венгрию, в этом вряд ли можно сомневаться.

О необыкновенно быстром росте большевизма в Германии у нас уже сообщалось. Восстание германских солдат на Украине и в Германии будет иметь быстрый и решительный отклик.

Об ужасающем (с точки зрения буржуазии) росте большевизма в Польше говорит одна из сегодняшних телеграмм; об огромном успехе большевизма в Италии, о том, что подавляющее большинство итальянских социалистов разделяет позицию большинства, мы также не раз отмечали. В Америке полтора миллиона рабочих, объединенных в союз промышленных рабочих мира²⁷, сочувствуют большевикам. Даже в Японии правящая клика с ужасом наблюдает, как симпатии к большевикам растут среди самых темных масс рабочих и растет их решимость начать борьбу по-русски.

Четырехлетняя преступная война подготовила неисчерпаемые запасы взрывчатого материала среди народных масс всего мира. И как на Украине первыми словами восставших солдат были выкрики «долой войну», «долой Вильгельма», «да здравствуют большевики», так всюду, во всем мире, выступление народных масс против войны и империализма начинается выражением самого горячего сочувствия советской власти и нашей партии.

Период торжествующего империализма кончается. Мы вступаем в большевистский период истории, когда борьба за советскую республику Европы, а затем всего мира является не мечтанием здорового аппетита большевиков, а очередной задачей дня. К осуществлению этой задачи уже приступлено.

Какие бы переходы от побед к поражениям и обратно нам не пришлось проделать, одно ясно: заключением начавшейся эпохи будет победа мирового большевизма и как результат победы — мировая советская власть.

Е. Преображенский

№ 29. НИКАКИХ ПРИВИЛЕГИЙ

27 октября

Когда после октябрьского переворота организовалось правительство народных комиссаров, оно постановило по настоянию, главным образом, т. Ленина, чтобы члены высших органов власти республики получали жалованье не выше того, которое получает хороший квалифицированный рабочий столицы²⁸.

Это постановление, строго проводившееся в жизнь, имело огромное принципиальное значение и оказало огромное моральное влияние на массы.

С тех пор мы, к сожалению, неуклонно отступаем от правила платить высшим советским и военным работникам по тарифу профессиональных союзов и нарушаем этим один из существенных пунктов нашей программы.

Началось с того, что мы начали покупать специалистов инженеров и военных за повышенную плату. От увеличенных окладов работоспособность привлекаемых вряд ли повысилась, а с переходом лучшей части интеллигенции на сторону советской власти такая тактика покупки таланта сделалась и бесполезной, и политически унижительной для интеллигенции.

Затем недавно были утверждены повышенные оклады для офицеров и служащих Красной армии с соблюдением таких традиций, которые напоминают буржуазные привычки и совершенно неприличны в рабоче-крестьянской республике.

Уже раздаются из армии протесты против новых несправедливых, с социалистической точки зрения, окладов. Лучшие и идейные офицеры-работники отказываются принимать добавочное вознаграждение.

Так поступил, например, казачий офицер Каширин, товарищ Блюхера по походу, один из самых замечательных и идейных казаков большевиков. Так склонны поступить и другие лучшие представители красного офицерства.

Допущена крупнейшая ошибка, которая приносит уже огромный вред нашему делу. Эту ошибку, как и предыдущие, надо исправить.

Необходимо вернуться к старому постановлению Совета Народных Комиссаров и провести всюду и везде принцип: в оплате высших должностей никаких привилегий, не вызываемых потребностями дела.

Областной совет профессиональных союзов Урала должен поднять свой голос против привилегий в оплате труда на высших должностях.

Нам не надо привилегированной советской бюрократии.

Е. Преображенский

Приложение

Ко всем рабочим и крестьянам Урала

23 октября 1918 г.

Волею рабочего класса и беднейшего крестьянства России партия коммунистов является правящей партией Советской республики. Все важнейшие места в советских органах заняты членами нашей партии. Поэтому на партию коммунистов ложится вся ответственность за деятельность и поведение ее членов, занимающих те или иные посты.

Между тем некоторые члены партии, занимающие иногда ответственные положения, уличаются последнее время в ряде неблагоприятных поступков, злоупотреблении властью и в особенности в пьянстве, которое особенно сильно распространено в уездах, где контроль партийных органов над своими членами наиболее слаб.

Партия коммунистов не намерена прикрывать или замалчивать проступки своих порочных членов, но она не в силах уследить за деятельностью их всех. Уральский областной комитет РКП обращается поэтому ко всему трудовому населению Урала и дает ему под надзор и контроль всех коммунистов, несущих советские обязанности. Пусть о всех злоупотреблениях членов партии рабочие и крестьяне доводят до сведения областного комитета партии. Действительным виновникам не будет пощады. Они будут изгнаны из партии, отстранены со своих постов, если того заслужат, будут преданы революционному суду.

Настоящее объявление все без исключения партийные организации и ячейки коммунистов обязаны опубликовать и расклеить по всем населенным местам области.

Уральский областной комитет коммунистов

Уральский рабочий. 1918. 23 октября.

№ 30. К ГУБЕРНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РКП

15 ноября

Сегодня должен открыться съезд коммунистических организаций Пермской губернии. Съезд созывается в такое время, когда особенно необходимо сплочение всех коммунистических сил губернии, когда каждая сила должна быть на учете и на своем месте.

Работа партии так бесконечно велика по объему и разнообразна по содержанию, что лишь при особом искусстве выжимать из каждого коммуниста все, что он может дать партии, можно хотя бы отчасти справиться со стоящими перед ней задачами.

Достаточно указать на важнейшие пункты порядка дня съезда, чтоб понять, перед какими важными задачами стоит съезд.

Партийная работа в губернии находится в плачевном состоянии, за исключением некоторых заводских центров. Особенно плохо обстоит дело с работой в деревне. Среди крестьянства работа в течение года велась в таком ничтожном размере и так плохо, что, в сущности, только теперь деревня начинает жить сознательной жизнью. Год революции для нее почти пропал даром. Печально обстоит дело и на ряде мелких заводов, заброшенных и почти не посещаемых товарищами из центров.

Еще хуже обстоит дело с советской работой, за которую наша партия, как партия правящая, несет ответственность перед трудящимися массами страны. Многие хорошие коммунисты, уйдя в советскую работу, превратились в плохих чиновников. Но случается нечто неизмеримо худшее. Многие плохие коммунисты или люди, примазавшиеся к партии ради выгод, которые дает власть, попали в советские учреждения по уездам и волостям и творят величайшие безобразия, используя аппарат власти для обделывания своих личных дел. Расхищение советского имущества, пьянство, издевательство и глумление над беззащитным населением – вот преступления, с которыми очень часто приходится встречаться при ревизии деятельности местных Советов.

Только партийный контроль может спасти советскую власть от разложения и гниения там, где нет свободного контроля пролетариата, где советские работники висят в воздухе и не отчитываются перед массами. Контроль партии – это и есть контроль пролетариата в лице его передовой и организованной части.

Но осуществить контроль по губернии может лишь губернская партийная организация, знающая состав местных работников. На ней же лежит обязанность следить за тем, чтобы Советы вели политику в духе коммунистического строитель-

ства, чтоб из советских учреждений изгонялся застой и мертвый дух казенных канцелярий.

Необходимо, следовательно, создание губернского комитета партии или аналогичной организации, которая контролировала бы губернский исполком и все исполкомы уездов. До сих пор этот контроль отсутствовал, а с момента приезда в Пермь областного комитета партии осуществляется отчасти лишь областным комитетом, который не имеет достаточно сил выполнить всю работу, которая должна лежать на губернских организациях партии.

Вот только часть тех задач, которые стоят перед съездом.

Эти задачи должны быть решены во что бы то ни стало.

Е. Преображенский

№ 31. ДОКЛАД НА ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РКП

21 ноября

Тов. Преображенский останавливается на работе облкомитета после эвакуации из Екатеринбурга.

С падением красной столицы Урала наша партия, говорит он, стала во главе движения, которое охватило уральский пролетариат, движения, направленного к организации защиты Урала.

Партия мобилизовала своих членов, бросила их на фронт. Для подготовки новых партийных работников были созданы курсы.

Отвлечение партийных сил в советскую работу вело к замыканию партийной работы и обусловленной этим гибели советской власти.

Партийные работники превращались в чиновников. Необходимо было принимать предупредительные меры против этого загнивания, вернуться к партийной работе, оживить этим самым советскую работу.

Решительный удар чехобелогвардейских банд совпал как раз с тем моментом, когда мы приняли решение вернуть в партию зарывшихся в бумаги советских работников.

Интересы революции требовали не только оздоровления советской работы, требовали проведения над ней партийного контроля, а все надвигавшаяся опасность требовала посылки работников в заводы, в деревни для проведения там революционной мобилизации. Оглядываясь на выполненную нами в этом направлении работу, мы можем сказать, что нам удалось с ней справиться, мало того, мы должны констатировать, что только благодаря усилиям нашей партии удалось создать надежный заслон от наступающего из-за Урала врага и даже самим перейти в наступление на Екатеринбург.

После эвакуации из Екатеринбурга обл[астной] ком[итет] задержался временно в Кушве, а потом был переведен в Пермь.

Главное внимание обл[астного] ком[итета] обращено на печать. Орган комитета «Уральский рабочий», несколько месяцев тому назад выходивший в количестве 5–6 тысяч, теперь печатается в количестве 17–18 тысяч, и в ближайшие дни его тираж предположено увеличить до 20–25 тысяч.

Мы хотели было превратить «Уральский рабочий» в популярную газету, приспособленную для самых широких крестьянских и рабочих масс, но эта мысль была оставлена, «Уральский рабочий» остался той же газетой передовых рабочих, серьезным

руководящим партийным органом. Для обслуживания же более широких крестьянских масс и красноармейцев созданы по плану обл[астного] ком[итета], хотя и без его непосредственного участия, «Красный набат», «Окопная правда» и др.

Что касается издания брошюр, то в Екатеринбурге их было издано несколько: издательство в Перми все никак не удается наладить, т.к. брошюры совершенно некому и некогда писать. Работы у всех партийных работников здесь так теперь много, что некогда иной раз бывает пообедать.

Обл[астной] комитет издал пока в Перми две брошюры — мою и т. Сафарова. Скоро выйдет «Уральский сборник»*, в котором будет дан обзор партийной и советской работы за время революции. Сборник этот явится как бы нашим отчетом за 1½ года революционной работы.

Огромную работу обл[астному] ком[итету] пришлось выполнить по распределению сил. Дело в том, что из центра на Урал было послано для организационно-агитационной работы 200 товарищей. Их надо было испытать и распределить соответственно способностям. Кроме них пришлось распределять еще эвакуированных партийных работников, которых оказалось в общем до 600 человек.

Особенно много возни было с эвакуированными. Они часто не являлись для регистрации и спокойно проживали советские деньги, выданные им авансом при эвакуации. Мы приняли строгие меры против таких коммунистов, мы ввели контрольный аппарат, вошли в соглашение с Советом о том, чтобы ни один коммунист не мог уехать без разрешения обл[астного] ком[итета] партии из Перми. Таким образом, удалось взять на учет всех эвакуированных работников, распределив их по фронту и тылу.

Значительную роль в розыске укрывавшихся по вагонам и пароходам коммунистов сыграла наша партийная столовка, заставив явиться в комитет тех из них, которые хотели в ней обедать.

Когда мы приехали в Пермь, здесь не велось никакой работы в районах. Когда мы стали устраивать по примеру Москвы широкие народные митинги, на них собиралось очень мало слушателей, т.к. массы уже отшатнулись от партии. Неустанной работой нам удалось теперь несколько поправить дело.

После агитации в Перми мы организовали широкую агитацию по уездам и привлекли для этого все силы, которые только могли. Товарищи с мест знают, что было нами в этом направлении сделано.

Особенное внимание мы обратили на работу в Красной армии. Мы имеем теперь внутри нее самую прочную организацию коммунистов.

Надо ли говорить о том огромном значении, которое имеет наша военная работа? Надо правду сказать — очень и очень многие коммунисты, сидящие в Советах, не могли объяснить рабочим и крестьянам цель революционной мобилизации и нередко при ее объявлении ограничивались только вывешиванием декрета на дверях Совета. Те 46 организаций нашей партии, о которых упоминал т. Зарин**, также ничего не делали, чтобы помочь массам осознать эту мобилизацию. И обл[астному] ком[итету] пришлось через своих агитаторов взять эту работу на себя.

Но мало было провести мобилизацию, надо было обработать серую красноармейскую массу. Теперь в Перми устраиваются для красноармейцев лекции, беседы, театры.

* Сведения о выходе этого издания не обнаружены.

** 16 ноября на вечернем заседании Пермской губернской конференции РКП(б) выступил руководитель Пермского окружного комитета РКП(б) Зарин. Он, в частности, сказал, что с середины мая 1918 г. «было организовано в округе 41 волостная, 11 городских и 25 заводских организаций» (Уральский рабочий. 1918. 20 ноября).

В каждом полку, в каждой дивизии организованы партийные ячейки, их работой руководит через своих представителей в политотделе обл[астной] ком[итет].

Но как ни много нашей партией сделано в области политической работы в армии – впереди предстоит сделать еще больше. И как ни много к нам прибыло работников – их все же слишком мало для того, чтобы развернуть политическую работу в армии так, как хотелось бы.

Чтобы пополнить недостаток партийных сил, мы в Екатеринбурге устраивали курсы. В Перми мы использовали для своих целей военно-агитаторские курсы.

Для руководства всей политической работой в армии и на фронте мы выделили пять человек и вошли в соглашение с военным советом 3-й армии о монополизировании за нашей партией всей агитационно-организационной работы.

За последнее время перед нами на очередь встал вопрос о работе в деревне. Вопрос этот первостепенной важности, т.к. мы переходим сейчас к обобществлению орудий сельскохозяйственного производства, и для правильного проведения в жизнь закона об организации деревни нам необходимо создать сеть деревенских партийных организаций.

Для руководства работой в деревне мы выделили при обл[астном] ком[итете] секцию и предполагаем создать кадры агитаторов-аграрников для непосредственной работы на местах...

Там, где нет должного контроля со стороны руководящих центров, замечается разложение партии. С увеличением числа организаций контроль этот осуществлять становится все трудней и трудней, поэтому мы передаем его теперь самим массам, выпустив по этому поводу воззвание ко всем рабочим и крестьянам Урала. Кроме того, мы образовали особую следственную комиссию, которая будет расследовать дела над коммунистами, совершающими злоупотребления. Мы надеемся, что эти меры приведут к оздоровлению партии. Если нет – мы не остановимся даже перед расстрелами тех товарищей, которые своим поведением пятнают партию.

Сводка ответов на розданную участникам конференции анкету явится лучшим докладом о работе областного комитета нашей партии.

Докладом т. Преображенского заканчивается вечернее заседание 16 ноября.

Е. Преображенский

№ 32. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА ПЕРМСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РКП

23 ноября

Россия – Федеративная Республика, говорит докладчик, это значит, что она может состоять из отдельных советских республик. Наша партия никогда не отвергала возможности областного объединения. Урал же представляет из себя единое экономическое целое, имеющее свои, отличные от других частей России особенности. Поэтому необходимо областного объединения напрашивается сама собой.

Мы – областники, но вместе с тем и централисты, т.к. мы считаем себя связанными с центром, хотя и объединяем Урал революционным путем, как экономическую единицу.

Мы проводили национализацию ряда крупнейших округов тогда, когда в центре еще не решались этого делать, мы не ждали указки сверху. Теперь мы производим национализацию крестьянского инвентаря, сами, революционным путем, строим коммунистическое

хозяйство в деревне. Правда, центр пока не даст инструкций, но он говорит: пробуйте, если вам удастся ваш план, мы пойдем вашим же путем, издадим соответствующий декрет.

Тот же т. Ленин, имя которого здесь поминалось все, учил нас, что декреты – ширма, а строить жизнь и пробивать путь вперед мы должны сами, революционным путем. Это и делают наши организации.

Ваше дело сказать – будет ли Уральская область жить, как единое целое, будет ли она дальше творить коммунистическую революцию, или вы признаете необходимость старых, сделанных помпадурми гнилых перегородок*.

Заканчивая, т. Преображенский оглашает резолюцию по докладам обл[астного] и окр[ужного] комитета, которую предлагает обл[астной] совет.

Тов. Сорокин от имени фракции губ[ернского] исп[олнительного] ком[итета] вносит контррезолюцию.

Обе резолюции ставятся последовательно на голосование, и резолюция, внесенная т. Преображенским (см. «Ур[альский] раб[очий]», № 233**), принимается большинством 126 против 6.

Е. Преображенский

Приложение 1

Письмо Уральского областного комитета РКП(б) в ЦК РКП(б)
с просьбой прислать списки командированных на Урал
партийных работников

2 сентября 1918 г.

Уважаемые товарищи!

Посылаемые вами партийные работники в распоряжение уральского областного комитета коммунистов для назначения на ту или иную работу в прифронтовой полосе или на фронте нередко отказывались от назначений, устраиваясь по своему собственному желанию, а не там, где бы они могли быть использованы с большей пользой для общего дела. Некоторые были замечены в пьянстве, а часть товарищей прибывала к нам с очень и очень большими запозданиями, и на наш вопрос: «Почему являетесь несвоевременно?» – получали ответ: «По дороге заехали домой», – и в результате опаздывает на целый месяц (такой случай имел место с т. Кургановым).

* Е.А. Преображенский полемизирует с Сорокиным, выступившим на утреннем заседании 17 ноября с докладом от фракции пермского губисполкома. Сорокин заявил, что в области экономического строительства «мы неуклонно проводим принцип централизма, совершенно отвергая принцип областничества» (Уральский рабочий. 1918. 20 ноября. № 234). На том же утреннем заседании 17 ноября, выступая с заключительным словом, Сорокин, как говорилось в газетном отчете, подчеркнул, что «фракция губ[ернского] исп[олнительного] ком[итета] в своей работе проводила принцип централизма, который отвергают т.т. областники, желающие из Урала сделать какое-то государство в государстве. ЦИК решил вопрос об областном объединении, и довольно безнадежно для областников, которые убежали из Екатеринбурга, трусливо спрашивая на каждой станции: «Скоро ли Пермь?» Последние слова Сорокина вызывают бурю негодования. Со всех концов зала требуют, чтобы оратор назвал имена. Председатель с трудом успокаивает собрание обещанием, что Сорокин ответит за это оскорбление перед партийным судом. Заканчивая свою речь, Сорокин под дружный смех части собрания говорит, что даже Ленин разделяет их точку зрения о необходимости губернских перегородок и идет против областного объединения» (Уральский рабочий. 1918. 23 ноября).

** В подшивке этот номер отсутствует.

Довода о вышеизложенном до вашего сведения, Уральский областной комитет Российской коммунистической партии (большевиков) просит вас, товарищи, выслать списки посланных вами работников, чтобы иметь возможность выяснить количество, которое до сих пор еще к нам не прибыло*.

Председатель
Секретарь

Е. Преображенский
Вл. Косарев

Переписка Секретариата ЦК РКП(б)
с местными партийными организациями
(август – октябрь 1918 г.): Сб. документов.
М., 1969. (Сб. 4). С. 214.

Приложение 2

Письмо Уральского областного комитета РКП в ЦК РКП(б)

4 октября 1918 г.

Дорогие товарищи!

Урал[ьский] обл[астной] к[омите]т РКП считает своим долгом в настоящем письме дать краткий отчет о своей деятельности со времени его избрания и наметить линию партийной работы.

Работа комитета проходила в условиях быстро изменяющейся ситуации, свойственной периоду Великой Революции.

Начав свою деятельность на основе резолюций 4-й областной конференции (коммунистические мероприятия в производстве и распределении – в городе и деревне, строение Красной армии, органическая партийная работа и пр.), комитет вскоре, под давлением налетевшего шквала войны, перешел к массовой организации и агитации по мобилизации Красной армии и всю свою работу приспособил к целям революционной войны. Разногласия, существовавшие на мартовской конференции среди членов к[омите]та по вопросу о Брестском мире, были к этому времени изжиты. Нам стало ясно, что в создавшихся условиях мы можем, мы должны сохранились как Советская республика, сохранились как очаг и живой пример мировой революции.

В чехословацком движении мы с самого начала разглядели нападение англо-французских разбойников в союзе с отечественной контрреволюцией на Советскую республику. В этом именно духе была нами опубликована резолюция, развитая затем в ряде статей в «Уральском рабочем». Мы призывали пролетариат Урала к вооруженной борьбе, предложили всем советским организациям приспособить всю свою деятельность к целям войны – равняться по войне; мобилизовали всех агитаторов и организаторов и подчинили их интересам революционной войны. Силы самого обл[астного] к[омите]та были распределены следующим образом: тт. Малышев, Мрачковский, Войков, Толмачев, Акулов были посланы на фронт, при штабе фронта – т. Голощекин; для советской работы и организации производства – т. Белобородов и Кузьмин, для объездов – т. Сафаров и Толмачев; в президиум обл[астного] к[омите]та для руководства всей партийной работой в целом – тт. Преображенский, Сафаров и Голощекин. При комитете был организован агитацион[ный] отдел, который выпустил массу агитационных листов и рассылал по области агитаторов. В связи с отступлением был организован целый ряд нелегальных партийных ячеек.

* Письмо получено ЦК РКП(б) 11 сентября 1918 г.

Для выполнения столь обширной работы и ввиду потери героически павших на поле брани тт. Малышева и Вайнера обл[астной] к[омите]т путем кооптации расширил свой состав, включив в него наиболее ответственных и видных работников.

После эвакуации из Екатеринбурга для восстановления связи с местами была созвана экстренная конференция активных работников Урала.

В настоящий момент деятельности обл[астного] ком[итета] проявляется в следующем: 1. К[омите]т распределяет и направляет по степени нужды агитаторов и организаторов на фронт, в деревню и кандидатов на советские и военные должности. 2. Выделена особая тройка для постановки деревенской работы. 3. Выделена пятерка, как военное бюро РКП, объединяющая и руководящая всей политической работой в военных частях. 4. Издается газета «Уральский рабочий». 5. Ведется контроль над советскими учреждениями. 6. Создана следственная комиссия и контрольный отдел. 7. Регулярные объезды фронта и рассылка контроля по уездным организациям.

Переходя к вопросу о задачах партии в настоящий момент, обл[астной] ком[итет] указывает, что он полностью одобряет и считает необходимым проводить политику ЦК. Прошедшие со времени подписания Брестского договора пять месяцев с достаточной ясностью убеждают нас, что основной нашей задачей и долгом перед социалистической революцией является отстаивать свои позиции в качестве Советской республики, осуществившей диктатуру пролетариата и проводящей в жизнь социалистические мероприятия в экономической жизни.

Опыт показал, что, хотя бы для того, чтобы мы узнали пролетариат Западной Европы, чтобы он понял нас, нужно время. Но сохранить себя, удержать власть пролетариата, и стать действительно государством мы, в данных условиях, можем, лишь отстаивая свое существование с оружием в руках против одних, используя противоречия интересов других. В то же время мы должны всегда быть готовы резко изменить свою тактику и отношения в зависимости от изменившегося соотношения сил в мировом масштабе.

Международная обстановка данного момента такова: обе группы империалистических держав находятся в непримиримой враждебности к нам. Но если враждебность Германии определяется главным образом тем, что мы Советская республика, что мы зажигаем факел международной революции, то со стороны «союзных» государств Англии, Франции примешивается враждебность на почве разрыва Восточного фронта союзников против Германии.

От общего одновременного нападения на нас со всех сторон — с запада, юга, севера и востока, от одновременного сжатия разбойничьего кольца всех империалистических держав — нас спасают непримиримые противоречия между империалистическими [...]*. В течение четырех лет войны победительницей была Германия, и она требовала всемирного «Бреста», что означало всемирное империалистическое господство Германии, равносильное смерти для Англии и Америки, и мира не могло быть. На пятый год в войну вступила всем богатая и сильная Америка. Счастье войны колеблюсь в сторону Америки — Англии, и теперь они требуют «Бреста» от Германии, и опять мира быть не может. Таким образом, эта враждебность разбойников между собой избавляет нас от одновременного нападения на нас, давая возможность нам крепнуть в то время, когда они — группы хищников — слабеют и разлагаются, и наконец создает условия лавирования и маневрирования, чтобы в удобный момент ударить то одного, то другого.

Из двух враждебных нам коалиций одна — средние державы с Германией во главе — наиболее и волей-неволей вынуждена не только отказаться от вооруженного нападения на нас в данный момент, но и идти на уступки. И нам нет никакого смысла идти на вооруженное столкновение с Германией сейчас. Наоборот, поскольку Германия сейчас в тисках чертей войны, которых она сама вызвала, постольку мы можем использовать ее в отдельных случаях для нашей борьбы с противоположной стороной — Англией, Францией, Америкой.

* Следующее слово неразборчиво. Предположительно, «державами».

Наиболее опасными врагами в настоящий момент для нас являются Англия, Франция и Америка. Сейчас они вооруженной рукой нападают на нас с севера и с востока и непосредственно – своими силами – со стороны Архангельска, подкупив чехословаков и белогвардейцев в Сибири, на Урале и Волге, высадив десант во Владивостоке и проникая со своим предательским подкупом в сердце нашей республики: Ярославль, московский заговор и т.п. И вооруженная схватка с этими разбойниками является и вытекает из всего содержания нашей революции. Содержанием нашей революции был выход из империалистической войны, но этим самым мы уничтожили Восточный фронт, необходимый англо-французским разбойникам в своих грабительских интересах, содержанием революции было аннулирование займов, национализация заводов и фабрик, но этим самым мы ударили главным образом по карману англо-французских банкиров, так как 70% займов и иностранного капитала у нас принадлежало англо-французам. Наша революция не могла решить ни единого вопроса войны и социального переустройства, не свергая свою буржуазию. Но наша буржуазия своими экономическими узами наиболее связана с союзническим капиталом, и лучшими союзниками для нашей буржуазии в подавлении советской власти являются опять-таки англо-французы. Вывод ясен – спасти Советскую республику, спасти революцию возможно лишь в кровавой, не на жизнь, а на смерть, схватке с нападающим на нас врагом – империалистами Англии, Франции и Америки.

Невольно возникает вопрос: можем ли мы продержаться в борьбе с гигантами, какими являются в отношении к нам европейские державы? На это мы отвечаем решительным «Да!». Объективные данные таковы. Война, порожденная кризисом капиталистического развития в существующих границах и увеличившая этот кризис во много раз, – эта война не только не идет на убыль, но входит в еще более ожесточенный период и тем самым окончательно толкает в пропасть империалистические государства. С другой стороны, рабочие и трудящиеся массы, доведенные до крайней степени истощения и разорения, начинают восставать. На Западе мы наблюдаем постепенное разложение государственных организмов. Австрия – это уже тонущий корабль и от войны и от развивающегося революционного движения. Германия, с одной стороны, терпит военные поражения на Западе, с другой – давится Брестским договором, не будучи в состоянии справиться с восстанием масс в оккупированных областях. Государственный механизм ее распатан – армия разлагается, рабочие восстанут, союзница Германии Болгария вступила уже в период революции. Таким образом, с этой стороны мы в данный момент гарантированы от возможного военного нападения, вместе с тем более близки и революции в этих странах. Подвержена этому же процессу и коалиция держав Согласия, в особенности совершенно обескровленная Франция. При всей серьезности военного похода на нас Англии и Франции мы наблюдаем, что армия их с каждым днем все больше разлагается, тогда как наша крепнет. Победить нас, оккупировать только иноземной армией, армией, отстоящей на тысячи верст от своей основной тыловой базы абсолютно невозможно. Полагать же, что союзным хищникам удастся надолго организовать армию из русских крестьян и рабочих, которые ежедневно будут убеждаться в контрреволюционных усилиях белогвардейской сволочи, – тоже утопия. Так обстоит дело в лагере наших противников. Наоборот, наш государственный советский организм, наша армия – крепнут с каждым днем.

Таковы объективные данные нашей живучести. Но, повторяем, стать непобедимыми мы можем лишь в кровавой схватке, ибо быть сейчас разбитыми чехобелосоюзниками* – значит быть брошенными снова в империалистическую войну с Германией, значит стать неоплатными должниками англо-французского капитала и в конечном счете нанести удар международной революции.

Вывод один: или вести революционную войну и идти к социализму, или быть вынужденными вести империалистическую войну и отбросить Россию и Европу на много лет назад, к капиталистическому рабству. Наша партия, партия коммунистической революции, должна

* Вероятно, автор имеет в виду союз чехословаков, белогвардейцев и Антанту.

внедрить в сознание масс неизбежность выбора между этими двумя путями и вести массы к революционной войне.

Наша партия должна принять непосредственное участие в мобилизации военных сил, в обеспечении тыла от контрреволюции, в политическом воспитании мобилизованных масс.

Надо помнить, что основной характер нашей революции есть коммунизм. И потому только та партийная организация достойна своего названия коммунистической, которая проводит коммунистические основы в жизнь.

Все отрасли производства необходимо поставить на коммунистических началах с поднятием производительности труда. В особенности следует обратить свое внимание на распределение всех продуктов, считаясь с потребностью всей страны в целом.

В очень жалком положении стоит на многих местах советская работа. Чтобы поднять ее на должную высоту, необходимо провести деятельный контроль над всей советской работой и работниками. Все негодные элементы должны быть безжалостно выброшены и переведены на общественные или окопные работы. Особое внимание надо уделить партийной работе в деревне: чтоб победить, пролетариату необходим союзник, и таковым союзником, заинтересованным в социалистическом перевороте, является деревенская беднота. Но эта беднота еще темна, забита, обманута. Надо идти в заброшенные деревенские уголки – агитировать и организовывать бедноту. Наша программа должна быть катехизисом многомиллионной крестьянской бедноты. Наша партия классовой борьбы должна вести эту классовую борьбу и в деревне и связать интересы деревенской бедноты с интересами городских рабочих. Только тогда мы будем непобедимы.

Очередной задачей партийных ячеек в настоящий момент обл[астной] к[омите]т считает очистку организаций от негодных, чуждых нам элементов, вошедших в нашу партию или ради карьеры, или чтоб разложить ее. В дальнейшем обл[астной] к[омите]т думает провести строгий контроль деятельности всех партийных ячеек и личного состава членов. Только чистые, только преданные, только действительные коммунисты могут быть членами нашей партии. Пусть остальные, не усвоившие коммунистической программы нашей партии, остаются в рядах сочувствующих нам. Элемент преступный, проникший в нашу партию, должен быть не только изгнан, но и наказан. В дальнейшем обл[астной] к[омите]т полагает вести руководство партийной работой, кроме газеты и объездов, путем циркулярных писем по всем вопросам практической работы.

С товарищеским приветом

Ур[альский] обл[астной] к[омите]т РКП

Уральский рабочий. 1918. 4 октября.

№ 33. ДВА СЪЕЗДА

27 ноября

В Вятке закончились два важных съезда: губернский съезд Советов и губернский съезд комитетов бедноты.

На съезд Советов прибыло 226 делегатов с решающим и 6 с совещательным голосом. По партиям делегаты распределялись так: коммунистов – 126, сочувствующих коммунистам – 98, левых эсеров – 3, сочувствующих левым эсерам – 1, максималистов – 1, беспартийных – 3.

На съезде комитетов бедноты огромное большинство делегатов принадлежало к коммунистам и еще больше к сочувствующим коммунистам.

Оба съезда слились при обсуждении важнейших общих вопросов, как: 1) Текущий момент. 2) Доклад о 6-м Всероссийском съезде Советов. 3) О Красной армии.

4) Взаимоотношения Советов и комитетов бедноты. 5) Земельный вопрос и строительство коммунистического сельского хозяйства. В дальнейшем съезды разделились. Съезд Советов перешел к докладам исполкома и областного совета и к выборам нового исполкома. Съезд комбедов обсуждал свои вопросы: о строительстве и задачах комбедов, о продовольственном вопросе, о партии коммунистов. Много времени отняли доклады с мест.

Все резолюции, предлагавшиеся бюро фракции коммунистов, принимались съездом или единогласно, или при четырех-пяти воздержавшихся.

Из принятых резолюций необходимо отметить один пункт резолюции о Красной армии, принятый по докладу т. Анучина. В этом пункте съезд постановил конфисковать все имущество дезертиров Красной армии. Важное значение имеет резолюция о коммунистическом земледелии, принятая по докладу т. Преображенского. В резолюции говорится о необходимости уничтожить частную собственность на сельскохозяйственные орудия деревни, сосредоточить их на прокатных станах и с ближайшей же весны побуждать целыми деревнями переходить к общественной обработке земли.

Необходимо отметить также принятую после доклада т. Голощекина резолюцию съезда Советов, осуждающую попытки отделения от области и подтверждающую решение 2-го съезда о необходимости для Вятской губернии оставаться в Уральском областном объединении.

Губернский исполком избран частью из еще прежнего состава, частью пополнен новыми представителями, преимущественно работниками с мест.

Съезды показали, что советская власть в Вятской губернии прочна, а деревенская беднота в большинстве мест уже придавила кулачество.

Е.П.

Приложение

От Президиума Вятского губернского съезда Советов

25 ноября 1918 г.

Москва, Центральный комитет коммунистов,
Наркомвнудел, редакции «Известий» и «Правды»

Закончился третий Вятский губернский съезд Советов и первый губернский съезд комитетов деревенской бедноты. Состав съезда Советов (за исключением двух левых эсеров, одного максималиста и одного анархиста) – 126 коммунистов и 84 сочувствующих. Съездом Советов принята резолюция, признающая Уральское областное объединение необходимым и аннулирующая постановление о непризнании Уральского областного объединения, и избран новый губисполком. Обοими съездами произведена большая организационная работа по укреплению советской власти в Вятской губернии [...]

Президиум съезда

Преображенский, Акулов, Попов

Переписка Секретариата ЦК РКП(б)
с местными партийными организациями
(ноябрь – декабрь 1918 г.): Сб. документов.
М., 1970. (Сб. 5). С. 175.

№ 34. ИЗ СЪЕЗДОВСКИХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ

30 ноября

С 20 и по 25 ноября в Вятке происходило два съезда: губернский съезд Советов и губернский съезд комитетов бедноты. И тот и другой съезд крестьянские по преимуществу. Рабочие представители вкраплены единицами. Ижевский и Воткинский заводы, только что освобожденные от белогвардейцев, не успели прислать представителей. Не прислал делегатов и Елабужский уезд. Все остальные уезды представлены более или менее полно.

Заранее, еще на фракционных заседаниях коммунистов, было постановлено оба съезда слить при обсуждении общих вопросов. Вследствие этого при открытии присутствует вместе с гостями до 1000 человек, которые еле вмещаются в не особенно обширном театре.

После вступления, ставшего обязательным для всех наших съездов, — «Интернационал», приветственные телеграммы, похоронный марш жертвам революции; после неизбежного текущего момента, резолюции по которому принимаются единогласно, единственный съезд переходит к обсуждению вопроса о Красной армии.

Меня интересовало одно: будут ли горячие дебаты по этому вопросу, выскажет ли каждый то, что действительно думает о Гражданской войне, о трехмиллионной армии, о новых призывах, или же резолюция без особых прений, подмасленная общими избитыми фразами одного-другого оратора, будет принята с казенным единодушием.

Резолюция принимается единогласно или почти единогласно. А между тем в резолюции есть пункт об обязательной выдаче сельскими обществами дезертиров Красной армии и о конфискации их имущества.

Ну, думаю, принимается единодушно, п.ч. никто серьезно не понимает, что от слов придется перейти к делу, и это будет потрудней, чем поднять руку за резолюцию. Но, как увидим ниже, пункт о борьбе с дезертирством всплыл основательно, хотя и по совершенно неожиданному поводу.

Обсуждается вопрос о взаимоотношениях комитетов бедноты и Советов. Возникают горячие прения. В одном уезде, освобожденном от белогвардейцев, комитеты бедноты разогнали все Советы, находившиеся там в руках кулаков, и себе присвоили все функции Советов. В другом уезде как раз наоборот: в Советах сидит беднота, и комитеты бедноты решено распустить за ненадобностью. Одни предлагают комитеты бедноты объявить единственной властью в деревне, не подозревая, что кромсают этим нашу советскую конституцию.

Уже одно предложение — яркое доказательство того, что мы живем в революционное время, когда некогда справляться с законами, хотя бы и основными.

Другие предлагают после переизбрания Советов в желательном для бедноты духе распустить совсем комитеты бедноты.

Третьи предлагают оставить комитеты при всяких обстоятельствах как экономические и продовольственные, но не как политические и административные органы.

Четвертые предлагают распустить в волостях волостные комитеты бедноты и в деревнях и селах распустить Советы, где таковые есть, с тем чтоб в волости существовал волостной исполком, а в селах и деревнях существовали комитеты бедноты как его исполнительные органы.

Чувствуется, что вопрос новый и жизнь еще не показала, как его решить. Приходится принять резолюцию о переизбрании под контролем комитетов бедноты тех Советов, где имеется засилье кулаков. Острый же вопрос о самом существовании тех или иных органов оставляется открытым, пока не взята разъясняющего слова по этому вопросу сама жизнь.

При обсуждении пункта о взаимоотношениях комитетов бедноты и волостных Советов всплывает вопрос о том, кого считать деревенской беднотой. Начинаются оживленные прения. Эти прения с еще большим оживлением ведутся два дня спустя на съезде комитетов бедноты, когда оба съезда разошлись, каждый для своих специальных вопросов.

По мнению одних, беднота – это все крестьяне, не нанимающие работников.

Но говорящих так уже поджидает коварный вопрос одного оратора: «А как же, если вдова-солдатка с детьми нанимает убрать свои полосы, беднота она или кулачество?»

Другой говорил: «Беднота – это безлошадные и однолошадные крестьяне».

И здесь лезет оратор в контратаку: «Вот нас пять братьев не разделившихся, у нас три лошади. Разве мы не беднота?»

«Беднота – это у которой земли мало в обработке», – говорят некоторые.

В ответ несутся вопросы: «А что толку в ней, земле, если ее мало, а она ничего не родит?»

Говорят далее о движимом и недвижимом имуществе, об излишках хлеба и в конце концов нащупывают приблизительно то, что надо определить. Принимая во внимание и количество скота, и количество пашни, урожайность земли и численность семьи, и излишки или недостатки хлеба, и движимое и недвижимое, и сторонние заработки – приходят к определению бедноты по целому ряду признаков.

Но вот неожиданно для нас вопрос о бедноте переносится в совсем иную плоскость. Выходит один крестьянин и говорит: «Мы знаем, что такое беднота, кулачество мы подавили, а вот новые паразиты появились, лодыри разные. Как вот с ними бороться?»

В зале одобрительные возгласы и в то же время протесты. Интересуюсь, в чем же дело, кто такие эти лодыри, и с нетерпением жду выступлений дальнейших ораторов.

Дело разъясняется: лодыри – это бывшие прискатели, вернувшиеся из Сибири, некоторые из солдат и матросов, которые не могут войти после демобилизации в колею трудовой жизни, картежники и пьяницы, а также все те, которые ладят экспроприацию кулаков превратить в набивание собственных карманов.

Вопрос жгучий, и прения ведутся в повышенном тоне. Одни указывают, почему не каждый лодырь виноват в том, что он не может работать. Другие предостерегают от опасности очутиться в компании с кулаками, для которых вся деревенская беднота – это лодыри. Раз не богат, значит, сам виноват, значит, лодырь.

Выступает один оратор и протестует против деления бедноты на лодырей и трудящихся. Он горячо защищает бывших прискателей и доказывает перед собранием, как хорошо они могут расправляться с кулаком.

– Ты чем торговал? – спрашиваем кулака.

– Кожей.

– Дерите с него кожу.

– А ты чем?

– Салом.

– Выжать из него все сало.

– А ты чем торговал?

– Мылом.

– Намыльте ему шею.

Собрание хохочет и награждает оратора аплодисментами. Лодырей пока оставляют в покое и переходят к другим вопросам.

№ 35. ИЗ СЪЕЗДОВСКИХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ*

3 декабря

Земельный вопрос обсуждался на съезде совсем не в плоскости уравнилельной делжки земли, как это бывало на всех крестьянских съездах, где тон задавали эсеры, хотя в прениях вопросы о неравномерном распределении земли поднимались депутатами, и, кроме того, мне, как докладчику, было послано на эту тему несколько записок.

В своем докладе я главным образом останавливаюсь на выгодах коммунального хозяйства в сравнении с мелким самостоятельным и доказываю, что наша деревня теперь уперлась в необходимость общественной запашки, в необходимость ликвидации варварского мелкого хозяйства. В предложенной мной резолюции намечается ряд переходных мер к коммунальному хозяйству: конфискация кулацкого и белогвардейского инвентаря и сосредоточение его на прокатных пунктах, и распределение всех поступающих в деревню сельскохозяйственных машин только на прокатные пункты, и запрещение продавать их в частную собственность, учет всего крестьянского инвентаря и постепенное сосредоточение его также на прокатных пунктах для общественного пользования. Наконец, необходимость и своевременного перехода к общественной запашке целыми деревнями уже с весны 1919 г.

Доклад вызывает существенный обмен мнениями. Одни верят, что к общественной запашке в их местах перейти нетрудно, были бы только машины в достаточном количестве. Другие говорят, что беднота согласна на коммунальное хозяйство, но середняки-крестьяне на него не пойдут. Третьи полагают, что ни беднота, ни середняки не пойдут на общественную запашку, п.ч. нет единодушия, необходимого для коммунальной работы.

Что касается учета инвентаря и передачи его в общественное пользование, то из некоторых мест делегаты с гордостью указывают, что это у них уже проведено в жизнь.

Почти все жалуются на огромный недостаток земледельческих машин и железа.

В куче полученных мною записок задаются вопросы самого разнообразного содержания: 1) отберут ли на прокатный пункт машину, которой владеет товарищество из трех дворов; 2) можно ли считать коммуной семью в шесть братьев, работающих сообща без раздела; 3) можно ли произвести пересадку бедноты на кулацкие участки, а кулаков на участки бедноты; 4) будет ли земельный отдел давать тракторы коммунам и во что обойдется пользование этой машиной; 5) нельзя ли бедноте бесплатно отпускать лес для постройки домов; 6) можно ли в деревне строить большие дома для коммунального жилья; 7) можно ли будет при коммуне держать собаку или кошку и кто будет их кормить, и т.д.

Когда была поставлена на голосование моя резолюция, и [прошла] одна минута, и [она] была принята, как вдруг с места один делегат вносит дополнение: в том пункте, где говорится о передаче на прокатные пункты конфискованного кулацкого и белогвардейского инвентаря, он предлагает добавить «и конфискованного инвентаря дезертиров из Красной армии».

Вопрос ясен. Постановление о конфискации инвентаря дезертиров уже принято съездом раньше в резолюции о Красной армии. Теперь идет речь лишь о том, куда этот конфискованный инвентарь девать. Вполне правильно передавать его на прокатные пункты в общественное пользование, как предлагает товарищ, внесший поправку.

* Начало см.: Док. № 34.

Я высказываюсь за принятие поправки, но среди депутатов съезда она возбуждает целую бурю. Ряд ораторов берут слово, с мест начинают говорить по двое и по трое сразу. И все против поправки.

Как же конфисковать имущество дезертира, если он не выделен, говорит один.

– За что же жена и дети будут страдать, если муж дезертир?

– Внести поправку к поправке: конфисковать то имущество, которое принадлежит самому дезертиру, а семьи не трогать.

– Снять поправку, не на ветер постановления выносим. Обдумать все надо как следует.

Беру слово и стараюсь разъяснить, что сейчас вопрос идет совсем не о том, все ли конфисковывать у дезертиров или только их часть. Вопрос в том, если конфисковано уже, куда девать конфискованный инвентарь: на прокатный пункт или куда еще.

Мое разъяснение не действует. Шумящие делегаты не понимают, что вопрос они решили еще вчера и при обсуждении земельного вопроса его перерешать не время. Очевидно, некоторые только кое-что теперь спохватились, когда уже поздно.

Слово берет т. Голошекин и резко и прямо ставит вопрос. Если дезертир жалеет свое семейство, пусть не покидает своих товарищей на фронте. Судьба проливающих свою кровь на фронте для советской власти дороже, чем судьба семьи дезертира.

Съезд успокаивается и резолюция с поправкой принимается при нескольких воздержавшихся на страх всем дезертирам или мечтающим о дезертирстве.

Из докладов с мест, делавшихся на съезде комитетов бедноты, вырисовалась та колоссальная работа, которую проделали эти организации. Деревня преобразуется. В ней выросла новая мощная сила, могучий помощник советской власти в проведении всех ее секретов. Что значат какие-то продовольственные отряды и прочие извне посылаемые силы в сравнении с организованной силой деревни.

Царь Николай I хвалился тем, что в лице дворян он имеет для управления народом 40 000 исправников.

Что значат эти 40 000 зубров по сравнению с 40 000 комитетов бедноты и миллионами, организованными вокруг них, которые имеют уже в нашей деревне советская власть.

Диктатура бедняков – это теперь не фраза митингового оратора, а жизненный факт.

На осинском съезде Советов один вдумчивый и сознательный крестьянин начал свой доклад словами: «Теперь у нас в деревне не смотрят на коммунизм как на нечто крепостническое». Эта фраза врезалась мне в память, п.ч. в ней высказано слишком много. Мелкий собственник прощается с иллюзиями своей мелкобуржуазной свободы, чтобы сменить иллюзию действительной свободой в коллективе.

Из обоих вятских съездов я вынес впечатление, что наша деревня, пережившая период массовой борьбы и осилившая кулачество, не только не смотрит на коммунизм как на нечто «крепостническое», но не смотрит на него и как на нечто фантастическое.

Несколько ярких и удачных примеров работы коммуны или даже просто удачных опытов общественной запашки – и трудящаяся деревня аршином измерит выгоды коммунального хозяйства.

Лозунги для деревни теперь таковы: 1) «Весь инвентарь на прокатные пункты», 2) «Массовые общественные запашки целыми деревнями и селами с ближайшей же весны!».

№ 36. СОЮЗ УГНЕТЕННЫХ НАРОДОВ

8 декабря

Революционному союзу Советской России со всеми угнетенными империализмом народами Востока суждено сыграть огромную роль. Мы не знаем, как быстро английские и французские рабочие начнут штурм своего империализма изнутри, хотя и есть данные думать, что этого придется ждать не так уж долго. Но зато мы знаем, что трудящиеся массы Индии и Китая уже начали борьбу за свое освобождение от внешних поработителей. Делегаты Северного и Южного Китая, посетившие т. Ленина, сообщили о том, что революционное движение в Южном Китае уже достигло огромного напряжения, там уже проведена национализация банков и таможен, которые держали в своих руках английские, американские и японские хищники. Для подавления революции в Южном Китае, как сообщили делегаты, Японии пришлось отправить свои войска, приготовленные для Сибири. Туда же были оттянуты войска Северного Китая, который должен был участвовать своими силами в поддержке чехословацкой контрреволюции в Сибири.

Таким образом, китайская революция уже оказала нам огромную услугу и продолжает оказывать ее, оттягивая на себя часть сил наших врагов.

В Индии, по сообщениям индусских революционеров, восстание против английского владычества можно ожидать в самое ближайшее время. Через Среднюю Азию мы сможем вступить здесь в непосредственное соприкосновение с освобожденной Индией и оказать ей существенную поддержку. Но еще больше будет поддержка нам от Индии уже одним тем, что английский империализм, пытающийся давить со стороны Индии на нашу ташкентскую советскую республику, будет отброшен.

Состоявшееся недавно соглашение революционных представителей стран Востока о совместном выступлении с Советской Россией против общих врагов положило первое начало союзу всех жертв мирового империализма против своих палачей.

Союзные палачи будут атакованы одновременно и со стороны Европы, и со стороны Азии, и каковы бы ни были колебания нашего счастья в этой борьбе, окончательная победа сотен миллионов угнетенных совершенно очевидна.

Е. Преображенский

Уральский рабочий. 1918. 13 августа;
11, 27 октября;
15, 21, 23, 27, 30 ноября; 3, 8 декабря.

№ 37. ПИСЬМО ПРЕЗИДИУМА УРАЛЬСКОГО ОБЛАСТНОГО КОМИТЕТА
КОММУН В.И. ЛЕНИНУ* О КРИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ ЧАСТЕЙ КРАСНОЙ
АРМИИ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ И О ВОЗМОЖНОСТИ СДАЧИ
БЕЛОГВАРДЕЙЦАМ ПЕРМИ

*Не позднее 24 декабря 1918 г.***

Уважаемые товарищи!

Пользуясь отъездом т. Розенталя, посылаем вам краткое сообщение о наших делах и прежде всего изложение обстоятельств последнего поражения на северном участке нашего фронта, результатом чего может явиться в ближайшие дни сдача Перми, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Прежде всего, о качестве частей, занимавших Кушвинский район. Из десяти полков, находившихся здесь, только один участвовал в боях менее месяца. Остальные 4–5 и более месяцев *находились в непрерывных боях****, потеряли *от половины до 1/10* своего состава, пополнялись нигде не годными крестьянскими элементами и были физически настолько переутомлены к моменту начала белогвардейского наступления, что требовать от них стойкости – значило бы требовать невозможного.

Положение стало катастрофическим, когда перед наступлением создался хотя и временный, но острый продовольственный кризис, когда войска по несколько дней буквально сидели без хлеба, получая по полселедке, когда, наконец, приходилось драться при 25° мороза без теплой обуви и одежды.

Одним словом, все неблагоприятные условия, которые только можно придумать, совпали к моменту наступления, и почти нет сомнений, все эти обстоятельства заранее были известны и учтены противником.

С другой стороны, у противника, как доказывают захваченные документы, не только имелся строго проводившийся план наступления на Пермь, но и огромные резервы (каждый действующий полк имеет два резервных).

Началось катастрофическое отступление от Кушвы, когда один лишь коммунистический крестьянский полк (получивший знамя ЦИК) сдерживал наступление. Отступление осложнилось взятием Лысьвы, а потом Калино, часть армии оказалась отрезанной и отступила на север по Луньевской****, взорвав Чусовской мост. На Лысьвенском направлении также дрались совершенно измученные части. Вот маленький, но яркий пример: Лесновско-Выборгский полк стоит сейчас на передовой линии, имея 120 человек, из которых кадровых 50. Вся эта сотня – с отмороженными ногами, но беспрекословно исполняет каждое приказание, будучи, однако, не в силах его исполнить. Когда Толмачев, Сафаров и Преображенский поехали на передовую линию, то застали на головном участке все тот же коммунистический полк, несмотря на смертельную усталость, успевший днем раньше уничтожить целый полк противника. Что касается остальных частей – они деморализованы поражением и без основательного отдыха в тылу и хорошего пополнения в боевом отношении представляют абсолютный ноль. Что касается пополнений наспех сформированных, которые посылались в эти недели на фронт, то они в большинстве только разлагали еще не окончательно деморализовавшиеся части. Кое-как обутые, без полушубков и валенок, половина полка без винтовок (у нас не хватает вооружения) – такие пополнения или бегут назад, или бегут к белым. При нас на фронте сдался целиком противнику один такой батальон, открыв стрельбу по своим же

* Подлинник письма был направлен в ЦК РКП(б), публикуемый отпуск адресован В.И. Ленину.

** Пермь была взята Колчаком 24 декабря 1918 г.

*** Здесь и далее выделено в документе.

**** Вписано от руки черными чернилами Е.А. Преображенским.

пулеметчикам. У одной такой роты пришлось отсчитывать каждого десятого за попытку послать делегацию к командиру бригады с заявлением, что-де эта война против своих же. Формирование сводится к подбору нужного количества сапог, винтовок и комиссаров, и партийная организация не успевает создать в части ядро коммунистов, этого единственного верного цемента, делающего часть боеспособной.

В данную минуту фронт находится в 70 верстах от Перми. Благодаря происходящей сейчас переброске трех полков с южного участка, где пока дела у нас не так плохи, агония падения Перми, быть может, будет задержана. Спасти же Пермь без немедленной переброски сил с других фронтов страны вряд ли невозможно, о чем уже полторы недели назад сообщено высшему командованию Республики.

Эвакуация проходит очень плохо. Существует огромная опасность оставить врагу много ценного. В Перми скопилось со всего бывшего фронта и с заводов до 4000 вагонов. Полмиллиона пудов металла, предназначенного для отправки водой, приходится грузить в вагоны. Прибавьте сюда такую махину, как Мотовилихинский завод, а также другие заводы. Центроколлегия оказалась неработоспособным, полубюрократическим учреждением. Не хватает топлива вследствие лишения дорог кизеловского угля, ж[елезно]д[орожники] саботируют, от недостатка продовольствия часть рабочих разбежалась, другая ворчит, паровозы в большинстве изношены до невозможности, пути забиты, кроме Перми пробка тянется за Вятку. Месяц назад выработанный план эвакуации, рассчитанный на три дня, оказался непригодным.

Что касается настроения рабочих и крестьянских масс, то оно пестрое. В Лысьве рабочие проводжали Красную армию с музыкой, и за это белые устроили в заводе резню. В Мотовилихе настроение неважное, у железнодорожников еще хуже. Важнейшая причина — продовольственный кризис. Среди крестьян за нас — деревни, где придушили кулаков, а против нас — где расслоение не произошло.

Если нам удастся провести эвакуацию, которая поглощает слишком много сил, то мы намерены в дальнейшем центр тяжести работы перенести на формирование резервов, на создание в каждой без исключения воинской части крепко спаянного ядра коммунистов и на серьезную и длительную подготовку к отвоеванию Урала. Все это делалось и до сих пор, но в размерах, не соответствующих важности цели. Мы больше сил уделяли на работу в деревне, полагая создать сначала там самый материал для постройки армии, объединяя бедноту и экономически улучшая ее положение. Эта работа во многих местах уже выполнена.

Ваше предписание об учете советских коммунистов мы получили во время самой кутерьмы эвакуации и, быть может, ответим с опозданием.

Все требовавшиеся Вами работники нами посланы, кроме одного. Если Пермь будет сдана, мы проведем перегруппировку сил и отдадим части в Ваше распоряжение. Что же касается коммунистов из национальных секций, мы их посылаем каждый день и их уже прошло до 100 человек.

Когда судьба Перми выяснится в ту или другую сторону, мы постараемся послать Вам для личного и подробного доклада одного из своих членов.

Прилагаем резолюцию, принятую на предпоследнем заседании областного комитета с участием Харитонов, Залуцкого и Зофа.

С товарищеским приветом

Е. Преображенский, Г. Сафаров,
А. Белобородов

Приложение 1

Резолюция, принятая на собрании областного комитета РКП
при участии ответственных партийных петроградских работников
и ответственных работников с фронта, после обсуждения вопроса
о причинах последнего поражения Красной армии
на Уральском фронте

1. Необходимо провести действительный партийный контроль над всем военным аппаратом, его личным составом и работой*.

2. Необходимо назначение на наиболее ответственные должности коммунистов, хотя бы технически вначале и не вполне подготовленных.

3. Необходимо центр тяжести политической работы в армии перенести в отдел формирования и добиться создания в каждой части хотя бы небольшого, но сплоченного ядра коммунистов.

4. Необходимо в спешном порядке создать низший командный состав из коммунистов, имеющих боевой опыт.

5. Необходима посылка на командные офицерские курсы людей не случайного состава и не карьеристов, а имеющих боевой опыт коммунистов.

6. Необходимо, ввиду того что опыт использования старого офицерства в качестве командиров, за известным исключением, в общем и целом не удался, стремиться к созданию единого командования из коммунистов, с уничтожением института военкомов.

По отношению к Уральскому фронту необходимо:

1. Спешное создание резервов.

2. Вывод из боя частей пролетарского состава, находившихся непрерывно в боях в течение целого ряда месяцев и утративших всякую боеспособность**, как необходимого кадра для будущих крестьянских формирований.

3. Необходим обмен формируемых на Урале из уральских крестьян частей на формируемые в других местностях России части.

4. Централизация учета всех продуктов, находящихся в тылу, и создание из них запасов для армии.

Кроме того, собрание высказывается за созыв партийного съезда для решения ряда назревших вопросов, в частности вопроса о строительстве Красной армии.

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 159. Л. 5–8.

Отпуск. Машинопись.

Под письмом и под резолюцией
стоят печати Уральского областного
комитета РКП(б).

* Здесь и далее в документе подчеркнуто.

** На полях, слева от этого пункта, сделана чернилами приписка предположительно членом Реввоенсовета Восточного фронта С.И. Гусевым: «На этом особенно настаивает ВОК».

Приложение 2

ДОКЛАД

Уральского областного комитета РКП(б)* в ЦК РКП(б)
о причинах падения Перми и необходимости расследования
обстоятельств поражения 3-й армии

Не позднее 30 декабря 1918 г.

Катастрофа на Уральском фронте началась с боев под Кушвой, где были расположены части 29-й дивизии. Полки этой дивизии находились бесценно в боях пять месяцев, потеряв наиболее боеспособный элемент из сознательных уральских рабочих, к моменту неприятельского наступления не получали хлеба пять дней и при наступивших 25–30° морозах не имели ни валенок, ни теплой одежды. При этих условиях началось неприятельское наступление.

Поражение под Кушвой уже предопределяло участь Перми, как об этом мы уже доводили до сведения ЦК, но катастрофически быстрое, позорное ее падение с оставлением неприятелю огромных запасов всякого рода и военного имущества не вызывалось даже тем неблагоприятным соотношением сил, при котором происходила оборона города.

Организация формирования

Формирование новых частей и маршевых рот со стороны отдела особых формирований и Уральского окружного комиссариата превратилось, в сущности, в собирание необходимого количества шинелей и сапог и сколачивание совершенно случайного состава людей с негодным в большинстве командным составом. Эти части почти не представляли боевой силы и сплошь да рядом целиком переходили на сторону противника. Пополнения такого сорта, посылавшиеся в старые боевые полки, нередко деморализовали боеспособные части вместо того, чтобы самим ассимилироваться с ними. Политическая работа среди таких формирований не успевала дать желательных результатов, и отправка частей на фронт происходила нередко при категорическом заявлении политических работников о том, что эти части перейдут к неприятелю. Аппарат формирования страдал и страдает тем же пороком, что и оперативный штаб армии (см. ниже). Конкретно: там было засилье бесталантных старых офицеров или явных белогвардейцев, которые, по существу, формировали части для «народной армии» (несколько примеров: переход к белым на протяжении трех недель в сентябре месяце двадцати одной роты, сформированной в Перми; переход во время сдачи Перми одного советского полка в полном составе; восстание сформировавшегося в с. Ильинском кавалерийского полка; необходимость ареста всего командного состава инженерного батальона 10-й дивизии, сформировавшегося на заводе Очер, доведенного численностью до 3 тысяч человек, и т.д. и т.д.).

На Урале практика показала полную непригодность старого офицерства для строевой и фронтовой службы в Красной армии.

* Уральский областной комитет РСДРП(б) был создан в апреле 1917 г. К VII (Апрельской) конференции РСДРП(б) в организациях области состояло 10 000 членов партии, к VI съезду РСДРП(б) – 25 000, к октябрю – 30 000. На 3-й Уральской областной конференции РСДРП(б), состоявшейся 15–18 января 1918 г. в Екатеринбурге, областная организация была представлена 69 делегатами с решающим голосом и 10 делегатами с совещательным от 52 партийных организаций, насчитывающих 35 069 членов партии. На 4-й Уральской областной конференции, состоявшейся 25–29 апреля 1918 г., участвовало 102 делегата от 57 организаций, насчитывающих 30 278 членов партии.

Оно внесло в армию старые приемы строительства на основе внешней субординации и обнаружило в целом свою полную неспособность повысить боеспособность армии. За редкими исключениями, они или уклоняются от боевого руководства на фронте, или переходят к бегству в одиночку или со своими частями.

Работа штаба 3-й армии

В 3-й армии, в сущности, не было верховного командования. Это могут подтвердить все командиры дивизий. В этом приходилось убеждаться лично членам Уральского областного комитета при поездках на фронт, это знают все ответственные питерские работники, в той или иной степени соприкасавшиеся с военной работой.

У штаба как такового в продолжение всей кампании не было инициативы в руководстве военными операциями, не только наступательными, но и оборонительными, и если на отдельных участках фронта 3-й армии боевая инициатива переходила из рук противника к нам, то это частная инициатива отдельных штабов дивизий. Штаб армии никогда не пытался развивать [действия] в масштабе своего фронта, предоставляя боевые операции естественному ходу. Поскольку инициатива штаба сказывалась, она принимала, очевидно, непродуманные формы, как, например, попытка выставления вокруг Перми сектора из 32 орудий без прикрытия их достаточным количеством надежной пехоты, результатом чего явилась сдача всех этих орудий неприятелю. В штабе образовалось засилье чуждых советской власти элементов, относившихся привычно по-чиновничьи к чужому для них делу. Что же касается партийных товарищей, занимавших ответственные штабные должности, то они растворились и, ассимилировавшись в чуждой им среде, потеряли связь с партией, а вместе с тем и чувство партийной ответственности за дело, им врученное.

Работа в штабе продолжалась обыкновенно всего несколько часов в день. В наиболее трагические моменты на фронте командирам действующих дивизий не удавалось вызвать к аппарату командарма в течение суток и более, а вместо него посылались к проводу неответственные штабные работники. Штаб Красной армии с течением времени усвоил все худшие черты и пороки штабов старой армии, вплоть до попок и разврата в кругу женщин, имевших связь с белогвардейскими организациями. Это самым тяжелым образом отражалось на нижестоящем командном составе, заставляя его равняться по штабу армии. На обороне Перми такое состояние отразилось катастрофически. Предпринятые штабом армии целесообразные меры обороны осуществлялись с систематическим опозданием. Не было развито должной инициативы для использования всех имевшихся ресурсов и не было принято самоочевидных мер охраны, как посылка в сторону противника разведки, как выставление в оголенные со стороны города участки фронта застав (Мотовилиха, Сибирский тракт).

Снабжение армии

Одной из важнейших причин поражения на фронте был голод и недостаточное снабжение армии. Аппарат военного снабжения был организован как и остальные военные учреждения.

Кроме обычного для этих учреждений чиновничье-милитаристского духа, в снабжении армии отсутствовал какой бы то ни было заблаговременный учет будущих потребностей, не было подготовки к переходу к зимней кампании и, наконец, было преступное неведение относительно наличности и места хранения различного рода припасов и продуктов, принадлежавших отделу снабжения армии и находившихся в распоряжении штаба и штабов дивизий. Примеры:

1) на фронт не посылались подкрепления из-за отсутствия необходимого для них вооружения; для вооружения армейских частей разоружались дружины коммунистов в местах, где

происходили и ожидалось белогвардейские восстания, в то время как в Лезвино на барже за день до прихода неприятеля было случайно обнаружено 200 ящиков винтовок, доставшихся белогвардейцам;

2) в то время как в 30-й дивизии были огромные запасы хлеба (до 50 тысяч пудов), 29-я дивизия голодала, и солдаты питались сырым мясом павших животных;

3) точно так же бывало, что на складах армии были запасы разного рода снабжения, а в дивизии отсутствовало самое необходимое:

4) снабжение* армии имело лыжи, но эти лыжи не были использованы для формирования, т.к. о наличии запаса лыж никто не знал;

5) большая вина за недостаточное снабжение армии лежит также и на советских органах снабжения, не дававших учесть наличие имевшихся у них запасов и действовавших по-чиновничьи и в прямом противоречии с интересами советской власти в Гражданской войне. Когда солдаты отмораживали себе ноги на фронте, в распоряжении губснабжения имелось 7 тысяч пар валенок, которые были обнаружены только при эвакуации. При попытках областного комитета РКП и областного Совета бороться с чиновничеством в губернских советских учреждениях последние всячески противились контролю, апеллируя к центру. (Так же ненормально обстояло дело и с продовольствием.)

Транспорт

То обстоятельство, что при эвакуации г. Перми в руках неприятеля остались колоссальные запасы разного рода товаров и военного имущества, следует отнести за счет неорганизованности в управлении транспортом. Прежде всего, округ путей сообщения не умел и не хотел приспособить транспорт к нуждам военного времени, обнаружив в этом рутинерскую склонность к бездушному формализму, прикрываемому так называемым исполнением предписаний центра.

С другой стороны, на железной дороге, поскольку она находилась в прифронтовой полосе, действовал отдел военных сообщений.

Отдел военных сообщений не представлял собою отдельной связанной организации, распространявшей свое влияние на весь фронт, а был околотабной организацией, во главе которой стоял некий Стогов, не специалист железнодорожного дела, чуждый советской власти, находившийся вне всякого контроля. В результате этого явилось большое количество паровозов и подвижного состава, оставленных неприятелю на узловых станциях (Кушва, Чусовая и др.), и невозможность организовать подвоз на фронт необходимых предметов вследствие закупорки путей. Тем же причинами вызвана катастрофа с эвакуацией Перми.

Насколько несостоятельна была организация управления транспортом, доказывает тот факт, что за день до окончательной сдачи Перми с передачей управления железнодорожного участка 29-й дивизии в депо было обнаружено до 20 паровозов, которые не были использованы в первые дни эвакуации.

Органические недостатки Уральского фронта

Основные силы Уральского фронта, образовавшиеся в результате революционной (добровольческой) мобилизации уральских рабочих, почти уничтожены за пять месяцев войны.

На Уральском фронте боеспособные подки из-за отсутствия резервов неизбежно использовались до последнего человека.

За пять месяцев боев потери на Уральском фронте достигли 15½ тысяч человек, в то время как из центра резервов было прислано за это время всего 5 тысяч человек.

* Имеется в виду отдел снабжения.

Что же касается местных резервов из мобилизованных крестьян, то их боевые качества достаточно обрисованы выше, в пункте о формировании.

Это обстоятельство в конце концов оказалось роковым в дни последнего неприятельного наступления на Кувшув – Пермь.

Роль Уральского областного комитета

Ответственность за происшедшее ложится не только на коммунистов, работающих в военных учреждениях, но и на Уральский областной комитет как на чисто партийный орган. Несмотря на то что областным комитетом было сделано все возможное для усиления партийной работы в армии и среди населения, для организации контроля над работой военных учреждений в доступных для него пределах и часто с превышением полномочий, главная и основная вина областного комитета заключается в следующем: зная о всех изложенных обстоятельствах еще до катастрофы и в момент ее развития, областной комитет не решился, ломая формальные преграды, принять ряд экстренных мер по организации обороны Перми под собственную ответственность и тем не выполнил своего революционного коммунистического долга. Областной комитет еще более виноват в том, что не решился до конца провести намеченный им план подчинения партийному контролю всей деятельности военного аппарата, поскольку таковой контроль вызывается основными задачами строительства крепкой армии как таковой и особенностями нынешней войны как войны гражданской. Вся политическая работа в армии по соглашению с военным советом армии была взята областным комитетом на себя под его ответственность.

Это дало возможность развить огромную агитационную и организационную работу, снабжать фронт газетами, организовать до 7 тысяч коммунистов в частях, поднять дисциплину и сознательность солдат и организованно ликвидировать злоупотребления командного состава. Предстояло приспособить весь личный состав армии к потребностям Гражданской войны и весь механизм заставить работать надлежащим образом. Свою задачу областной комитет понимал как продолжение той работы, которую должен был делать и единолично не мог выполнить член ЦК Лашевич. Его мандат декриста должен был, по мнению областного комитета, усилить позицию партии и облегчить ее задачу заставить служить нашим интересам весь беспартийный, а нередко прямо белогвардейский элемент штаба и различных военных учреждений. На деле получилось иное. Мандат ЦК стал с течением времени служить лишь заслоном от всякого партийного контроля над военными чиновниками, партийные товарищи были отстранены от всякого участия в решении важнейших вопросов фронта, удалялись из комнаты, когда какой-либо «ответственный» полубелогвардеец делал тот или иной доклад, и дело дошло до такого позора, что важнейшие новости членам областного комитета приходилось узнавать через чужих людей, вплоть до штабной прислуги.

Областной комитет виноват в том, что не предупредил ЦК о создавшемся положении и настойчиво не провел в жизнь намеченного плана, чего бы это ни стоило.

Необходимость партийного следствия

На основании всего изложенного Уральский областной комитет партии категорически настаивает перед ЦК на назначении немедленного партийного следствия над всеми ответственными коммунистами из военного совета 3-й армии, командирами, ответственными работниками всех военных учреждений и Уральским областным комитетом для выяснения всех обстоятельств поражения.

Областной комитет РКП считает необходимым это следствие не только для того, чтобы найти и наказать отдельных виновников позорного поражения, сколько для учета горького

опыта пережитых поражений и для радикальной партийной переоценки в общероссийском масштабе методов строительства Красной армии.

Уральский областной комитет признает это дело настолько партийно важным, что считает совершенно недопустимым разрешение его в военно-дисциплинарном порядке без серьезного партийного следствия, организованного на указанном выше основании.

Настоящий документ подписали* :

Председатель Уральского областного комитета РКП

Члены

Петроградские работники

Переписка Секретариата ЦК РКП(б)

с местными партийными организациями

(ноябрь – декабрь 1918 г.); М., 1970. (Сб. 5). С. 312–318.

№ 38–42. СТАТЬИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В ГАЗЕТЕ И ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЕ «ПРАВДА» В ДЕКАБРЕ 1918 – МАРТЕ 1919 г.**

26 декабря 1918 г. – 16 марта 1919 г.

№ 38. «ГОСПОДА-ТАШКЕНТЦЫ»***

26 декабря 1918 г.

Один из существенных пунктов нашей программы говорит об уничтожении привилегированного чиновничества и об оплате труда лиц, занимающих ответственные должности, не исключая самых высших по нормам, устанавливаемым для квалифицированных рабочих. Различие между квалифицированным и неквалифицированным трудом – это единственное различие, которое может позволить себе власть рабочих и крестьян. И когда Совет Народных Комиссаров первого состава, вышедший из Октябрьской революции, установил жалованье для своих сочленов в 500 руб. в месяц, т.е. столько же или даже несколько меньше того, сколько зарабатывали тогда лучшие металлисты Петрограда, то эта мера имела огромное моральное и политическое значение. В пункте об оплате труда высших должностей мы осуществили свою программу на другой день после переворота. Многие из нас знают, что это постановление для дела пропаганды за советскую власть стоило тысячи лучших речей.

К сожалению, с тех пор мы, без достаточно серьезных оснований, делаем одно за другим отступления от нашей программы. Началось, как известно, с пресловутых специалистов, которых было решено привлечь к работе в учреждениях и предприятиях советской власти путем особо повышенных окладов. С момента осуществления этого опыта прошло достаточно времени, чтобы объективно оценить его результаты. Опыт не удался. Те специалисты или якобы специалисты, которые не хотели работать для советской власти, издевались над ней в самых различных видах самого утонченного саботажа, несмотря на увеличенные оклады. И не благодаря увеличенным окладам работали те, кто хотел работать. Лишь в очень немногих случаях добавочным вознаграждением было куплено увеличение энергии и добросовестности.

* Подписи под документами отсутствуют.

** Ежедневник издавался в 1919 г., являлся воскресным приложением к «Правде».

*** Выражение принадлежит М.Е. Салтыкову-Щедрину.

Но допустим даже, что опыт оправдал себя, как полагают некоторые. Теперь для продолжения политики подкупа талантов и знаний нет решительно никаких оснований. Интеллигенция отчасти пережила, отчасти переживает период перелома в отношении к советской власти. Этот перелом обусловлен фактом упорочения советской власти, фактом ускоренного разложения капиталистической системы в большей половине Европы. Привилегии для специалистов при таких условиях и не нужны, и вредны, и, наконец, убыточны для финансовых ресурсов Советской республики. Тем более что этим специалистам вообще теперь некуда деваться: буржуазного спроса на их труд нет, и никто, кроме советской власти, не в состоянии дать им работу.

Отступления от принципа пролетарской оплаты труда специалистов и советских работников выражались часто в весьма уродливых формах. Во многих Советах на местах члены исполкомов назначали себе высокие оклады, совершенно не считаясь со ставками, устанавливаемыми в данной местности для рабочих профессиональными союзами, талантливо устраивались и устраиваются теперь с получением вне очереди и сверх нормы всех видов продуктов, что фактически удваивает, если не утраивает, реальную заработную плату; наконец, некоторые элементы советских ташкентцев ухитрялись получать жалованье в двух-трех местах сразу.

Но наибольший удар нашим принципам оплаты труда нанесен, несомненно, проведенными не особенно давно ставками по армии и военным учреждениям.

Нет решительно никаких разумных оснований, чтоб труд красного офицера оплачивался так, как он оплачивается теперь. Красный офицер в отношении жалованья должен относиться к красноармейцу так же, как квалифицированный рабочий к чернорабочему. Увеличение этого жалованья в иной пропорции, в пропорции, напоминающей буржуазно-дворянский режим, совершенно недопустимо. Особенно же недопустимо увеличение оплаты по признаку более высокой командной должности. Почему командующий армией должен получать больше командира дивизии – больше командира полка? Я хотел бы послушать коммуниста, который взялся бы ответить на этот вопрос.

Огромный вред от проведенных новых ставок в армии особенно ощутительно чувствуем мы, работающие в прифронтовой полосе и посещающие фронт. Ничем не оправдаваемое огромное различие в оплате разлагающе действует на красноармейцев, вызывает вполне основательные протесты и подрывает возможность установить товарищеские отношения между рядовыми красноармейцами и командным составом. В моем распоряжении есть ряд конкретных данных о том, что под влиянием новых ставок отношения в ряде частей между командным составом и рядовыми красноармейцами резко ухудшились. Некоторые офицеры добровольно отказываются от прибавок, чтоб сохранить старые товарищеские отношения с красноармейцами.

Но всего более нелепо то, что и тыловые работники при штабах также получают теперь увеличенные оклады. Машинистка при штабе получает почти в полтора раза больше, чем машинистка в любом советском учреждении, существующем тут же, рядом, иногда в одном и том же здании. За какие это подвиги и какие заслуги?

Все это вносит разложение в среду трудящихся, создает особую гнилую, «штабную» атмосферу в Советской республике, аналогичную той, которая существовала в доброе для буржуазии старое время. В конце концов, позволительно спросить: кому же наконец мы обязаны проведением столь необдуманной и политически опасной меры, которую могут лишь приветствовать наши враги по ту сторону окопов?

Выводы, к которым мы приходим, сводятся к следующему.

Все привилегии в области оплаты труда должны быть уничтожены, и никаких отступлений от нашей программы не должно впредь допускаться.

Определение вознаграждения всех трудящихся республики, начиная с председателя Совнаркома и Высшего военного совета, кончая последним мальчиком-рассыльным,

должны устанавливать профессиональные союзы и по одному общему принципу, провозглашенному Октябрьской революцией.

Все, что сверх этого, то от лукавого буржуазно-дворянского строя, который не к лицу копировать коммунистам на втором году пролетарской диктатуры.

Е. Преображенский

№ 39. О ФОРМАХ ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ*

9 февраля 1919 г.

Статья т. Осинского «Новые задачи строительства Советской республики», помещенная в «Правде» от 15 января, заслуживает серьезного обсуждения, как бы ни относиться к тем или иным утверждениям и выводам автора. Вопрос имеет две стороны: теоретическую и практическую.

С теоретической стороны, представляет огромный интерес выяснить, какие формы может принимать диктатура пролетариата вообще и, в частности, какие формы неизбежно должна она принимать в странах по преимуществу крестьянских.

Практическая сторона вопроса заключается в том, какая форма диктатуры является наиболее целесообразной для данного момента.

Тов. Осинский вполне прав, когда он утверждает, что мы еще не осуществили государства-коммуны в том виде, в каком она представлялась т. Ленину полтора года тому назад. «Обнаружилось, — пишет он далее, — что государство-коммуна не есть, во всяком случае, первый переходный этап, первая форма диктатуры пролетариата и бедноты». Спрашивается, какая же форма диктатуры является «первой формой». То, что мы имеем теперь?

Было бы исторически неправильно утверждать это. Первая форма диктатуры уже позади. Это тот период в жизни Советов, когда они обладали полнотой власти по всем почти вопросам — и местным, и общегосударственным, когда работа их была по преимуществу разрушительной в отношении к пережиткам буржуазно-дворянского строя, когда массы на местах могли диктовать свою волю Советам и видели превращение своих желаний в жизнь, не сталкиваясь с организованной волей всего пролетариата даже в тех случаях, когда интересы отдельных слоев и местные интересы не совпадали с интересами трудящихся в целом.

Тов. Ленин, конечно, не выдумал идею о государстве-коммуне, когда писал об этом типе государства. Но писал он на основании, главным образом, живого опыта Парижской коммуны и первых шагов наших Советов. А Парижская коммуна была лишь зародышем пролетарского государства в его самой начальной, не централистической форме.

Теперь мы переживаем вторую, централизованную форму пролетарской диктатуры, принимающую нередко, как справедливо указывает т. Осинский и знаем мы все, весьма уродливый вид. И если даже Энгельс, имея перед глазами лишь один опыт Парижской коммуны, мог оптимистически надеяться на то, что «хлам государственных учреждений» может быть ликвидирован уже новым поколением, выросшим после переворота, то ничего нет удивительного, что и т. Ленину не рисовались картины всех язв, которые может иметь даже советский организм в определенный период своей жизни.

* Продолжение см. в Еженедельнике «Правды» от 2 и 16 марта 1919 г. Док. № 41, 42. В двух последующих публикациях эта статья подается как дискуссионная.

Когда мы переходим к оценке этого второго этапа пролетарской диктатуры, поскольку, по крайней мере, в России мы его имеем как факт, мы не должны упускать из виду следующих важных обстоятельств. Централизация и неизбежно связанный с ней бюрократизм распространяется у нас не только на административно-военные учреждения, временный характер которых всем очевиден, но и на экономические организации, потому что социализм есть централизованное общественное хозяйство. Произвол и бесконтрольность отдельных советских бюрократов сменил собой произвол и бесконтрольность целых местных организаций. Все-таки здесь мы имеем шаг вперед, потому что с бюрократизмом и произволом отдельных лиц борьба легче.

Мы не должны дальше забывать того, что Россия – крестьянская страна, диктатура же у нас по преимуществу пролетарская. Огромное значение этого обстоятельства мы оценим, вероятно, лишь после того, когда познакомимся с формой пролетарской диктатуры в преимущественно пролетарских странах, например в Германии. Это обстоятельство весьма важно подчеркнуть, когда идет речь о длительности теперешнего этапа диктатуры в России, с ее наиболее резкими и часто внешне недемократическими формами правления.

Тов. Осинский полагает, что «мы вступили в другой период развития», что «приемы и формы управления могут и должны измениться. Мы должны сокращать авторитарные элементы в рабочей диктатуре и делать шаги по пути к развернутой форме рабоче-крестьянской демократии, государству-коммуне».

Мы вполне согласны с т. Осинским, что многие «приемы и формы управления» не только могут и должны измениться, но что их можно было бы и совсем не практиковать, даже в условиях тяжелой борьбы. Но мы решительно не согласны с тем, что Советская республика вступила в какой-то «другой период развития». Никакого другого периода еще нет. Внешняя опасность продолжает быть грозой. Опасность новых взрывов контрреволюции внутри страны, на почве растущего истощения от Гражданской войны и растущей усталости борющихся масс, остается не меньшей, чем полгода назад. Наконец, крестьянский состав нашей страны и трудности рабочей диктатуры при таких условиях останутся на долгое и долгое время. Для иллюстрации приведу живой пример. На Урале есть один уезд, в котором пролетарскую диктатуру пришлось вводить путем насилья меньшинства пришлых рабочих и меньшинства местной бедноты над большинством кулацкого и идущего за кулаками среднего крестьянства. В довершение беды пришлые «диктаторы» из рабочих сами разложились в результате безответственности и удаленности от крупных партийных центров, которые их посылали. Чем помочь здесь беде? «Развернутой формой рабоче-крестьянской диктатуры»? Это значило бы создать «развернутые формы» для кулацкой контрреволюции. Усилением партийного контроля, усилением диктатуры над диктаторами? Это единственно возможное средство, но оно означает концентрацию, а не ослабление диктатуры. Уничтожить резкие формы диктатуры, подчас единоличной или узкогрупповой, со всеми ее опасностями, с проявлением извращения и гниения советского организма в данном месте и в других аналогичных условиях по всей России, можно лишь после окончательной победы нашей в Гражданской войне. После такой победы или по мере ее выяснения мы можем ликвидировать дорогостоящие и опасные формы диктатуры, вступив в определенные договорные и деловые отношения с не сочувствующими советской власти мелкобуржуазными элементами на основе, примерно, такого разговора.

- Вы против советской власти, против коммунизма?
- Против, – ответили, скажем, зажиточное крестьянство и казачество.
- А вы знаете, что мы победили, мы сильная власть, мы путем принуждения можем добиться, чего нам надо?
- Знаем.

— А не лучше ли тогда вам добровольно выполнять то, что требует от вас Советская республика, и тем освободиться от неприятных для вас наших агентов административных, продовольственных и т.д.?

Договаривающиеся почешут затылки и, вместо того чтоб устраивать контрреволюционные заговоры и осуществлять пассивное сопротивление, предпочтут принять наши условия.

Я не знаю, предусматривает ли конституция государств коммуны такие взаимоотношения и можно ли эти отношения подвести под какой-либо вид «развернутой формы пролетарской диктатуры», но я знаю одно. На указанный путь мы уже пытаемся вступить, и небезуспешно (разверстка хлеба вместо учета, реквизиции и посылки продовольственных отрядов), на этот путь, по мере наших успехов в борьбе с внешними и внутренними врагами, мы вступим, несомненно, еще в большем масштабе и тем в значительной мере разрешим вопрос о борьбе с загниванием советского организма в тех местах, где советские органы лишены снизу живительной пролетарской воды демократического контроля масс.

Разумеется, мы должны решительным образом бороться с тенденциями замеснить самостоятельность масс бюрократическим попечением там, где это попечение излишне, где оно вредно, где массы лучше справляются с теми или иными задачами через свои регулярно переизбираемые органы. Политика игнорирования пленумов Советов, уклонения от регулярного их созыва, так часто практикуемая в провинции, и политика бюрократических нажимов сверху на дельные работающие местные организации должна решительно преследоваться. Но не следует впадать и в обратную крайность. Если диктатура отдельных лиц, скажем в продовольственной области, в состоянии дать на восьмушку фунта хлеба больше, чем такая выборная организация, где больше занимаются словоблудием, чем делом, каждый рабочий предпочитает диктатуру с лишней восьмушкой, чем сомнительное право «демократическое» выбирать болтуна. Каждый марксист знает, что в мире не было еще примера ни одной революции или контрреволюции, которая происходила бы на почве борьбы за **иную форму правления** и в то же время за **то же существо экономической политики**. Рабочий и крестьянин-бедняк простит нам любую форму диктатуры, если эта диктатура осуществляет его дело, если при данных условиях эта диктатура, пусть даже выродившаяся в диктатуру отдельных лиц в некоторых учреждениях, с большим успехом ослабляет продовольственный и производственный кризис.

Ко всем этим отчасти возражениям, а больше дополнениям, которые я сделал в связи с статьей т. Осинского, я хотел бы прибавить еще один упущенный им момент. Сделанная им характеристика недостатков советской власти в ее теперешней фазе развития неполна в том отношении, что он забыл упомянуть о рождении у нас привилегированной советской бюрократии, как **экономически** более обеспеченного слоя. Эту язву я считаю самой серьезной из всех.

Не говоря уже о пресловутых «специалистах», оклады которых не лезут ни в какие двери рабоче-крестьянского государства, надо открыто и честно признать: советская бюрократия и советские работники, включая и коммунистов, имеют тенденцию превратиться в привилегированную касту, пользующуюся рядом преимуществ, не доступных рядовым рабочим. Мы раздели буржуазию и одели преимущественно и во многих провинциальных городах исключительно советских работников и их жен, а не рядовых рабочих. Что мешало провести распределение иначе?

Мы выселили буржуазию из особняков, а много ли рабочих поселилось в них на втором году пролетарской революции?

Многие товарищи склонны считать глубокое недовольство масс привилегиями советских работников, советских чиновников, обывательщиной, не стоящей внимания. Это

глубокое заблуждение, и притом заблуждение, исходящее от заинтересованной стороны. В этом вопросе мы безусловно можем предоставить решающую роль самим широким трудовым массам, не исключая и той части, которая настроена против советской власти. Что, в самом деле, потеряет советская власть от того, что с какого-либо комиссара будет стянуто лишнее для него пальто или не нужная ему, но нужная красноармейцу в дождливую осень кожаная тулупка?

Никаких привилегий! Вот лозунг, который необходимо осуществить, и осуществить **самой советской власти**. С этой стороны было бы весьма целесообразно издание специального декрета, который предоставлял бы любому гражданину трудового класса привлечь к народному суду, быть может, специально для этого образованному, избранному суду, любого человека, стоящего у власти, который изобличен в создании для себя лично привилегированных условий существования благодаря своему ответственному посту.

В заключение мне хотелось бы всем товарищам, опасаящимся за слишком большие погрешности советской власти против формальностей рабоче-крестьянской демократии, почаще, для получения более правильной перспективы, заглядывать мысленно по ту сторону фронта. Как же обстоит дело с демократией в лагере наших врагов?

Все мы согласимся, что дела там обстоят ниже среднего. Наши противники полгода назад выступили против нас все под лозунгом Учредительного собрания. А чем они кончили? Безнадежно влюбленные в демократию в эпоху Гражданской войны, кончили тем, что сошли со сцены. А все **серьезные** из оставшихся противников кончили единоличной деспотией, потому что и Колчак, и Краснов имеют и формально, и фактически в своих державах больше власти, чем Николай II до февраля. Дело дошло до того, что, например, кадетская газета «Уфимская жизнь», оправдывая колчаковский переворот, определенно заявила в одной из передовиц: «Россия не выросла до выборной власти». Однако Советская Россия, несмотря на чудовищно тяжелые условия борьбы, сохранила выборную советскую власть, как бы ни значительны были те или другие наши отступления от трудового демократизма в отдельных случаях или отдельных местностях (например, [в] прифронтовой полосе).

В колоссальном значении этого факта мы не имеем права не давать себе отчета.

Конечно, в некоторых местах уже теперь было бы соблазнительно демонстрировать незыблемость советской власти, представив нашим противникам из эсеров и меньшевиков не только полную свободу слова, но и казенную бумагу и казенные типографии для борьбы против коммунизма. Но эта борьба на советский счет за буржуазию, каковой она является в последнем счете, немножко преждевременна. Смешно махать кулаками после драки, но положить хоть одну руку, хоть один палец в карман до окончания драки не смешно, а недопустимо с точки зрения тех миллионов, именем которых и в интересах которых мы должны довести дело до окончательной победы в кратчайший срок. Если на бумаге вместо статей Мартова, которые ему самому будет стыдно перечитывать через пять лет, будет напечатан беспартийный учебник арифметики ведомством Луначарского, рабочий класс ничего от этого не потеряет. Так же обстоит дело и с другими свободами для наших противников. Нельзя жить рабочим и крестьянам без хлеба. А без статей и речей Мартовых и Спиридоновых они проживут с полным удовольствием.

Е. Преображенский

№ 40. ЕЩЕ О ВОЕННЫХ СПЕЦИАЛИСТАХ
(из предсъездовской дискуссии)*

16 февраля 1919 г.

В своем «писеме к другу», помещенном в «Правде» от 9 февраля, т. Троцкий снова поднимает вопрос об использовании военных специалистов в Красной армии. Политика отмахнуться от этого вопроса, признав его решенным жизнью, очевидно не удалась, поскольку этот вопрос ставили перед нами все снова и снова, он ставится как раз самой жизнью. Точно так же оказалось далеко не достаточным для убеждения противной стороны назвать сторонников другой точки зрения если не прямо дураками, то людьми с явными признаками саботажа мозга.

Вопрос требует обсуждения, требует основательного обсуждения с учетом всего опыта всех фронтов, за весь период Гражданской войны. Не надо забывать, что дело идет в последнем счете о наименьшей трате сил, о наименьшей трате рабоче-крестьянской крови, прежде всего.

До сих пор некоторые из сторонников привлечения специалистов пытались представить весь спор в таком виде, что дело и идет, в сущности, о том, использовать ли военную науку для Гражданской войны или можно обойтись «собственными средствами». Такая постановка проблемы очень выгодна для т. Троцкого и всех, кто с ним согласен и заранее делает безнадежной позицию другой стороны. Однако весь недостаток такого упрощения вопроса заключается в том, что он ставится в столь корректурном виде лишь на бумаге, в процессе полемики, а не стоит так в реальной действительности.

Если б в нашей среде были ответственные товарищи, которым надо было бы читать лекции о пользе просвещения, то это унижало бы, прежде всего, нашу партию, не говоря уже о том, что таким скучным и бесполезным занятием не следовало бы заниматься на страницах печати.

Итак, мы прежде всего отвергаем попытку разделить спорящих на сторонников просвещения, военной науки и техники и на противников таковых. Спор идет по другой раздельной линии, и вопрос ставится совсем иначе.

Как же стоит в действительности вопрос?

При диктатуре пролетариата рабочий класс является и организатором производства и государственной власти. Никто этой работы не может проделать за него совершенно независимо от того, вполне ли или не вполне подготовлен пролетариат данной страны к обладанию всем производственным и государственным механизмом. Красная армия есть часть механизма Советского государства. Овладеть военным аппаратом или, вернее, создать свой военный аппарат пролетариат вынужден в кратчайший срок. Что именно теперь рабочий класс, как когда-то милитаристическое дворянство, должен быть организатором военной машины, в этом не сомневается никто из коммунистов. Спор начинается лишь тогда, когда возникает вопрос, в какой степени и может ли вообще в какой-либо степени использовать новый класс организатора при строительстве новой классовой армии технические силы старого царского войска.

Сначала этот спор был чисто теоретическим спором. Опыт строительства Красной армии за год и опыт Гражданской войны позволяет свести теоретические рассуждения к минимуму и больше оперировать фактами.

Что же говорят факты?

Факты говорят, что использование военных специалистов оказывалось во многих случаях удачным и многие из этих специалистов и сейчас приносят существенную

* Статья печатается как дискуссионная. (Прим. редакции еженедельника.)

пользу Красной армии. Факты говорят, с другой стороны, что на всех фронтах мы имели много случаев измены, предательства и контрреволюционных выступлений бывшего офицерства. Мы имели и имеем огромное количество фактов злого саботажа офицерства, привлеченного к обучению Красной армии и не занимающегося почти никакой работой, несмотря на выгодные экономические условия службы. Если на одной чашке весов собрались все случаи добросовестной работы старого офицерства и героической смерти его представителей в боях, на другой – все случаи измен и саботажа, никто не возьмется утверждать, какая из чашек перетянет. Но общий вывод все же можно сделать, и он будет гласить приблизительно следующее: использование старого офицерства удалось советской власти в довольно ограниченной степени, и нет достаточно веских данных утверждать, что плюсы от этого использования покрывают минусы.

Но это не единственный вывод, который мы можем сделать. Использование старого офицерства имело ту отрицательную сторону, что толкало нашу партию в деле строительства Красной армии идти по линии наименьшего сопротивления. Школы красных офицеров были организованы в недостаточном количестве, состав слушателей на 70% оказался не принадлежащим к нашей партии, в школы не посылались в первую очередь коммунисты-фронтовики, хотя бы и рядовые. Этого, разумеется, не могло бы быть, если бы с самого начала мы основывали все наши надежды при строительстве армии на свой коммунистический рабочий командный состав.

Далее. Старое офицерство при добровольческих полках, рабочих по преимуществу, было не опасно, как политически чужая нам сила. С момента превращения нашей армии в преимущественно крестьянскую армию, армию не добровольческую, создание не нашего командного состава с непролетарской армией угрожает сделать ее орудием другого класса.

Переход на сторону противника целыми батальонами и полками таких частей, где чужой нам командный состав соединялся с враждебными или равнодушными к советской власти солдатскими массами, является лишь первым предупреждением от несчастья более крупного. (Кстати, партийному съезду необходимо бы точно знать, сколько случаев предательства и измены было на всех фронтах.)

Использование старого офицерства и военного чиновничества имеет отрицательное значение в том отношении, что весь наш военный аппарат автоматически начал строиться и продолжает строиться по типу прежнего. При огромном количественном перевесе старых офицеров над коммунистами это абсолютно неизбежно. На Красную армию автоматически переносятся все навыки и все худшие стороны царистской армии. Достаточно указать на преступно небрежную, бюрократически-чиновничью работу ряда военных учреждений, на совести которых числится немало кровавых поражений на фронте. Если бы военные учреждения хотя бы наполовину работали так, как работают в горячее время наши партийные организации, если бы геоморфологически-бюрократическое наследие из царской армии с самого начала отсутствовало при строительстве различных отделов в тылу Красной армии, если бы весь аппарат строился при участии рабочих организаций, с использованием их навыков, приемов и темпа работы, мы были бы теперь, вероятно, ближе к идеальному типу Красной армии.

Возьмем еще работу отделов формирования. Эта огромной важности работа в своей главной части невыполнима для старого офицерства, п.ч. является работой классово-политической. Произвести учет и сортировку мобилизованных по их классовому составу, имущественной обеспеченности, с учетом, наконец, политического настроения можно доверить лишь коммунисту, да и то не всякому. Там, где старое офицерство занималось формированием, сводя свою работу к соединению известного количества шинелей, сапог и винтовок с известным количеством людей, возглавляемых первым

попавшимся командным составом (в царской армии это и значило «формировать»), там на советской территории формировалась если не белая армия, то во всяком случае не армия победы.

Не лишне будет указать в заключение и еще на одно весьма неприятное последствие массового привлечения военных специалистов – на невозможность для советской власти переварить для себя весь этот элемент сразу, вследствие чего не советская власть пользуется ею же содержащими кадрами специалистов, а, наоборот, специалисты используют советскую власть в своих интересах. У них появилось в последнее время слишком много специалистов по части получения жалованья за просиживание казенных стульев. Засилье этого элемента ведет к тому, что вкрапленные в эту среду коммунисты или бессильны что-либо изменить, или, что еще хуже, ассимилируются в ней незаметным для себя образом. Тов. Троцкий в своем «письме к другу» отмечает существование очень непривлекательного типа коммунистов, которые настроены против специалистов только потому, что видят в них более сильных и способных работников, способных оттеснить на задний план коммунистические бездарности. Не знаю, заметил ли т. Троцкий зарождение у нас другого типа коммунистов, которые гипнотизируются и усыпляются в своей бдительности магическими «слушаю-с», «как прикажете» и «по душку лести» и подобострастие считают более удобным для своей головы, чем жесткую критику товарищей по партии. Есть различные формы лени и нежелания учиться. Я наблюдал среди ответственных коммунистов на военных постах такой вид лени, который воспитан в наших товарищах исключительно окружающей их средой старого офицерства. Эти товарищи, кой к чему присмотревшись в штабах, начинают считать себя почти военными людьми и в полной гармонии с духом офицерства «доброе старое время» начинают противопоставлять себя «коммунистическим шпакам» (шпак – гражданский человек, по презрительной терминологии офицерской касты). Нарождение этого типа является безусловной победой над нами, бескровной моральной победой старого офицерства. Тяжелей всего то, что жертвами в данном случае являются старые, испытанные в боях, закаленные в тюрьмах и ссылках товарищи, казалось бы получившие достаточный иммунитет против всяких «лукавых царедворцев» и обязанные сознавать, куда и зачем они посланы партией и до каких пор будут оставлены на своих постах.

Для полного и объективного освещения затронутого вопроса я должен был бы кроме отрицательных указать и на некоторые положительные стороны привлечения военных специалистов в Красную армию. Я этого не делаю, потому что моя задача состояла в том: я хотел доказать, что противники привлечения специалистов, а также противники привлечения их в таком количестве и столь неосторожно, как это было у нас осуществлено, не ограничиваются группой персонажей, с которыми полемизирует т. Троцкий, что самый вопрос сложнее, и с ним связано много обстоятельств, которые только теперь поддаются некоторому учету.

Мы строим, ошибаемся, промериваем, исправляем ошибки и снова строим. Нельзя утверждать, что с привлечением старого офицерства не было связано ошибок. Эти ошибки нужно осознать и исправить. Поэтому-то было бы желательно включение в порядок дня съезда пункта не о военной политике, как слишком общего, а специального пункта о Красной армии.

Е. Преображенский

№ 41. О ФОРМАХ ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ*

2 марта 1919 г.**

Вопрос об изучении той формы пролетарской диктатуры, которая существует сейчас в Советской России, имеет не столько теоретический, сколько глубокий жизненно практический интерес. Без общего анализа этой формы трудно разобраться в отдельных частностях, отделить существенное от мимолетного и случайного, неустрашимое от легкопреодолимого.

Но этот общий анализ нельзя сделать без рассмотрения всей обстановки Гражданской войны в целом, как в настоящий период, так и в период первых месяцев пролетарского господства.

Все мы от нынешнего периода пролетарской диктатуры часто возвращаемся мысленно к первым дням Октябрьской революции и к первым дням существования Советов вообще. Сравнение прошлого Советов с их настоящим оказывается при поверхностном рассмотрении далеко не в пользу настоящего. Ранее в Советы выбирались поголовно все рабочие, решение Совета считалось законом, которому все беспрекословно повиновались без всякого внешнего принуждения, всеми вопросами, обсуждавшимися в Советах, массы глубоко интересовались и заседания Совета посещались тысячными толпами, где только позволяло помещение. Все вопросы решались быстро, не было никакой канцелящины и бюрократизма, и массы как бы были зачарованы новой формой власти, в которой не чувствовалось власти как органа принуждения. На защиту Советов все в любой момент готовы были подняться как один человек, потому что защищать их — значило защищать самих себя.

Так было. Что теперь дело обстоит иначе, знает каждый из нас, но не все мы отдаем отчет себе в том, в чем выразилось перерождение (если можно даже говорить — вырождение) советской власти, почему это перерождение произошло и долго ли теперешний этап пролетарской диктатуры будет существовать.

Разберемся во всех этих вопросах.

Вздохатели о прошлом очень часто ограничиваются в своей критике теперешней формы диктатуры простым сопоставлением работы теперешних Советов с Советами первых месяцев революции, констатируют огромные недостатки теперешней формы и совершенно не учитывают всех обстоятельств, которые обусловили собой тип Советов и темы их работы год-полтора тому назад. А между тем решительно все определяющие условия тогда были иными: и международное положение, и внутреннеполитическое, и экономическое.

Наша Февральская революция произошла в разгар войны между европейскими империалистами. В сущности, мы получили с момента революции и до февраля 1918 г., т.е. на протяжении года, передышку от войны, если не считать искусственно спровоцированного июньского наступления, когда во всяком случае не германскому империализму принадлежала инициатива возобновления военных действий. Фактически империалистическая война на нашем фронте умерла, армия демобилизовалась без приказов правительства, чисто стихийно, армия разрушалась под напором насильно объединенных в нее миллионных рабоче-крестьянских масс. Советы этого периода были органами организованного разложения институтов самодержавно-дворянского, а затем и буржуазного строя. Они умеряли пыл низов, вносили известную стройность в стихийный процесс, задерживались на некоторых рубежах, особенно под влиянием социал-агентов

* Печатается как дискуссионная. (Прим. редакции еженедельника.)

** Начало см.: Док. № 39. Продолжение — Док. № 42.

буржуазии, но, в общем и целом, как и массы, шли по линии наименьшего сопротивления, шли по линии разрушения старых пут. А международная обстановка позволяла на время «вместо цепей крепостных» не накладывать на себя никаких иных.

Работа разрушения – веселая, легкая работа, между словом и делом, в такие периоды дистанция не особенно большого размера. Советы объективно могли быть в этой работе органами не только сознательной, но и стихийной воли трудящихся. И сколько бы ни кричали тогда об опасности и о гибели страны буржуазно-дворянские верха (свою гибель они предчувствовали правильно), для народных низов массовое дезертирство, перешедшее затем в регулярную демобилизацию, уничтожение офицерской касты и партийной дисциплины означало огромное облегчение, связанное к тому же с прекращением боини и уверенностью в сохранении своих жизней.

То же можно сказать о всей деятельности Советов, поскольку Советы руководили разрушением всех феодально-буржуазных отношений и сбивали оковы всех родов и видов. Советы ли в этой разрушительной работе шли впереди масс или массы впереди Советов, трудно было сказать. Вернее будет утверждать последнее.

Возьмем экономическую область. Феодально-буржуазный строй располагал, несмотря на огромное истощение, вызванное войной, известными ресурсами, заготовленными для его нормального существования. Имущие классы располагали фондом личного потребления, а также недвижимой собственностью различных видов. Работа перераспределения в интересах трудящихся – легкая и веселая работа для трудящихся. Для самостоятельности масс тут широкое поле деятельности, а от резолюции до ее осуществления также дистанция небольшого размера. Тем более что в распределительной работе часто интересы отдельных групп рабочих и крестьян еще не успели столкнуться с интересами всех трудящихся в целом. Производственные организации только лишь начинали строиться, в то время как распределительные работали полным ходом. Потребовалось рабочим увеличение заработной платы – эта мера проводилась потому, что в конце концов было еще пока из чего взять. Потребовался крестьянам казенный лес – его рубили с согласия Совета, без размышлений об интересах государства. Надо было задержать продовольственный поезд в Петроград где-либо по дороге, потому что в данном месте хлеба мало, – это делали, отмахиваясь от последствий.

Одним словом, вся власть Советам на местах и только. Эту роскошь рабочий класс мог тогда себе позволить, и активность масс не проявлялась впустую: потраченная энергия всегда оправдывалась полным или частичным получением того, что было нужно.

Вспомним, наконец, о внутреннеполитическом положении. Попытка контрреволюционного переворота, затеянного Корниловым, была раздавлена рабочими и солдатами почти шутя. Сам октябрьский переворот вследствие слабости буржуазии прошел с минимальной потерей сил со стороны пролетариата. Буржуазия была так ошарашена совершившимся переворотом и со всеми его последствиями, что несколько месяцев не могла организовать сопротивление и привлечь на свою сторону верхи деревни, если не считать подавленных без чрезвычайных усилий восстаний на окраинах. От ее классового союзника, германского империализма, мы могли откупиться Брестским миром, также вследствие того что война между империалистами еще не кончилась.

Таким образом, благоприятные и внутренние и внешние условия давали объективную возможность Советам первого периода пролетарской диктатуры быть тем, чем они тогда были.

«Счастливая, невозвратная пора детства», – писал Толстой. Детство Советов – счастливая пора, но для нас самое важное теперь, что это невозвратная пора. При оценке второго периода пролетарской диктатуры необходимо исходить из понимания этого факта, а не ограничиваться вздохами о детском периоде существования советской власти.

Нынешняя форма пролетарской диктатуры вызвана к жизни более опасным положением Советской республики извне. Мы страдаем от того, что наша революция началась раньше, чем в других странах мира. При одновременном крахе капиталистических отношений в передовых странах нам не пришлось бы с невероятным напряжением духовных и физических сил народа строить регулярную армию гражданской войны. Ухудшилось наше внутреннее положение в связи с организацией контрреволюционных сил, опирающихся на экономически сильные слои крестьянства. В области экономической приходится производить и создавать запасы при чрезвычайно тягостных условиях, вместо того чтоб распределять уже произведенное. Наконец, нам приходится строить социалистическое, следовательно, неизбежно централизованное хозяйство в экономически отсталой, по преимуществу мелкобуржуазной стране.

Совершенно очевидно, что при иных международных, внутренних, политических, экономических условиях и при иных органических задачах строительства, свойственных новой ступени развития, диктатура пролетариата неизбежно должна была вылиться в иные формы, чем в конце, скажем, 1917 г. Остается лишь рассмотреть, какие стороны диктатуры второго периода являются более или менее случайными, уродливо лишними и преодолимыми и какие связаны с самым существом этого периода и с самим существованием советской власти в данных условиях вообще.

Начнем с коренного вопроса, с вопроса о том, является ли диктатура пролетариата и крестьянской бедноты в настоящий момент диктатурой большинства или же диктатурой меньшинства трудового населения России. Наши противники с пеной у рта доказывают именно последнее и утверждают, что у нас вообще нет теперь советской власти, а существует просто комиссароуправление. Если за вами большинство, говорят они, то зачем тогда вообще диктатура?

Если за нами нет большинства, то, может быть, большинство за нашими противниками из белогвардейского лагеря, за Красновым, Колчаком, Деникиным?

Этого не утверждают ни меньшевики, ни эсеры, особенно те из них, которые побывали недавно в царстве белогвардейской власти.

Может быть, большинство за меньшевиками и эсерами и вообще за защитниками демократии и Учредительного собрания?

Меньшевики и эсеры льстят себя этой надеждой, но тогда позволительно спросить: если за ними большинство, то зачем же компания Авксентьевых так энергично отстаивала необходимость диктатуры как раз на той территории, где учредильцы были у власти и где, по их мнению, за ними было большинство?

Вопрос, оказывается, не так прост, как это представляется нашим противникам, и для периода Гражданской войны, очевидно, существуют какие-то другие способы определять волю трудящихся масс, кроме голосования, которое на протяжении немногих месяцев может дать и фактически давало совершенно различные результаты. Стоит лишь вспомнить о Белоруссии и Украине до и после свержения там советской власти, Сибирь — до колчаковщины и теперь и т.д.

Так как опыт Гражданской войны показал полную несостоятельность борьбы мелкобуржуазных элементов с буржуазно-монархической диктатурой под флагом Учредительного собрания и с проведением в жизнь принципов буржуазной демократии и, наоборот, опыт той же войны доказал полную возможность борьбы капитала с трудом, особенно в первой фазе, именно под этим лозунгом, то при решении вопроса о том, стоит ли за советскую власть большинство или нет, конкурирующими сторонами выступают лишь диктатура буржуазии и диктатура пролетариата, мелкобуржуазные же слои с их мечтаниями и иллюзиями совершенно сбрасываются со счетов.

Какая из этих, фактически данных на выбор трудящимся, диктатур защищает интересы большинства — насчет этого не может быть спора. А раз победа над диктатурой

белогвардейцев необходима в интересах огромнейшего большинства населения, что признают и меньшевики и эсеры, то естественно спросить, можно ли победить диктатуру капитала, не прибегая к диктатуре вообще и к той форме диктатуры, которую мы имеем теперь и которая обостряется или ослабевает в зависимости от обострения самой борьбы?

Меньшевики в последнее время, как проигравшийся игрок, еще и еще раз горят нетерпением сразиться с нами при выборах в Совет, надеясь спекуляцией на голоде, тяготах жизни и злоупотреблениях разных советских ташкентцев одержать над нами и з б и р а т е л ь н у ю победу. Допустим на минуту, что при выборах в Советы меньшевики и эсеры одержали верх, допустим даже, что в результате этой избирательной победы они стали у власти, — что же они-то делали бы, находясь на нашем месте? Под лозунгом Учредительного собрания, при попытках опереться на общедемократические организации они были биты и слева, и справа. Чтобы не быть разбитыми справа Красновыми и Деникиными, им пришлось бы применять, в общем и целом, те же методы борьбы, что и нам, потому что других методов, обеспечивающих победу, никто еще не придумал и история не дала нам таких примеров. А раз так, то все вопли справа о большевистской диктатуре, о насилии над массами представляют из себя простую, низменную демагогию людей, которые потерпели такое основательное поражение, что чувствуют себя вполне застрахованными от опасности оказаться у власти и продемонстрировать перед трудящимися массами еще раз свою полную неспособность.

Но если теперешняя форма пролетарской диктатуры, осуществляемая в интересах огромного большинства, совершенно неизбежна в условиях данного момента, то это отнюдь не значит, что у нас вообще все обстоит благополучно и что настоящая форма советской власти не связана с рядом уродливостей и извращений, с которыми нужна самая решительная борьба.

В чем состоят эти уродливости и как с ними можно бороться даже при настоящих неблагоприятных для всякого нормального строительства условиях, к этому мы вернемся в следующий раз.

Е. Преображенский

№ 42. О ФОРМАХ ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ. НЕДОСТАТКИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ*

16 марта 1919 г.**

В предыдущей статье говорилось о неизбежности в России теперешней формы пролетарской диктатуры, связанной с усилением централизации и с ограничением самостоятельности советской демократии. Теперь рассмотрим те проявления извращения и гниения советской власти, которые хотя и расцвели красным цветом именно в этом периоде пролетарской диктатуры, но отнюдь не представляют из себя абсолютно неизбежного и неустраняемого спутника этой концентрированной формы диктатуры.

Как я уже указывал выше, падение самостоятельности трудовых масс, в сравнении с первыми неделями после Октябрьской революции и с первыми месяцами после Февральской революции, вызывается рядом с общей усталостью масс также и тем, что мас-

* Печатается как дискуссионная. (Прим. редакции еженедельника.)

** Начало статьи см. в еженедельнике от 9 февраля и 2 марта 1919 г.

сы утратили возможность и права на местах решать **все вопросы**, хотя бы и общегосударственного характера. Совершенно ясно, что, потеряв где-либо в Сормове, Иваново-Вознесенске или Перми возможность на местах и в интересах, часто именно местных, решать важнейшие вопросы, массы должны перейти в **активному** решению тех же вопросов во всероссийском масштабе, а не засыпать обывательским сном, предоставив своим выборным в профессиональных и советских организациях решать бесконтрольно все не только общегосударственные, но и местные вопросы. Конечно, человека, который проявляет самостоятельность лишь там и лишь тогда, где запахнет пятачком, такого человека перевоспитать сразу трудно, и замораживание активности масс было неизбежным. Но одновременно с этим мы наблюдали и наблюдаем другой грозный процесс. Избранники от масс начинают находить вкус в новом положении, т.е. в работе без контроля, в работе, когда не приходится проводить через массы каждое решение, тратить силы на возражения, на разъяснения и т.д. В результате эта дремота на мягких бюрократических (хотя и советских) креслах, многие очень ценные работники, выдвинутые массами на ответственные посты, не делают для пробуждения активности масс даже и того, что они могли и должны бы делать. Пусть вовлечение масс в общегосударственную работу и воспитание их для государственной работы представляет из себя длительный процесс, который, быть может, и не довести до конца нашему поколению. Однако за дело надо браться теперь же.

Кроме бюрократизации советских работников, превращения революционеров в совершенно оторванных от масс и психологически отчужденных от них чинушей, мы наблюдаем со стороны этой новой рабочей бюрократии нежелание выполнять даже того, что она должна выполнять уже по самой букве нашей конституции.

В ряде городов, например, совсем перестали собирать пленумы Советов или собирают их крайне редко. Отчеты перед массами совсем не даются, и часто Советы, уйдя в какую-либо работу, совершенно забывают старую хорошую привычку наших Советов о каждом собрании давать отчет своим избирателям. «Люди дела», не желающие тратить на это время, не понимают, что одним из важнейших дел в нашей республике как раз и является задача управления государством через массы, при их активной поддержке. Даже по животрепещущим и глубоко волнующим массы вопросам, как продовольственный, отчеты массам даются редко, и общественное мнение голодных рабочих начинает формировать какой-либо спекулянт из Охотного ряда²⁹, а не коммунистическая партия и выдвинутые ею на советскую работу люди.

Однако огромную опасность отрыва советских работников от масс, утеравших всякую надежду улучшить свою жизнь путем «самостоятельности», мы не оценили бы во всем ее объеме, если бы обошли молчанием факт, о котором у нас, к сожалению, не любят говорить, но о котором не осужденная на гибель партия, партия будущего должна говорить публично. Я говорю о том, что огромный слой наших советских работников, выборных и невыборных, не только угрожает, но и фактически отчасти превратился в экономически привилегированную касту. Эти привилегии в сравнении с рядовыми рабочими выражаются и в более высокой оплате труда, и в более выгодных квартирных условиях и продовольственных условиях, и в большей легкости использовать средства передвигания, а также добиться необходимого в различных советских учреждениях. Конечно, и излишек финансовых средств, и излишек продовольственных ресурсов, получаемых советскими работниками, невелики, в общем и целом, вопреки всяким обывательским рассказам на этот счет. Введением равенства для всей Республики не получилось бы ни в малой степени ни ослабления продовольственного, ни смягчения финансового кризиса. Но важно здесь вот что. Попавшие в привилегированное положение группы, как правило, стараются держаться за свое положение. Создается не только бюрократия, но консервативная бюрократия, вроде той рабочей

бюрократии в Германии и Англии, которая губила в самом зародыше все новые и свежие порывы рабочего движения этих стран. Советский выборный, чтоб остаться на своем посту, который выгодней и привлекательней, чем работа у станка, стремится или отодвинуть момент перевыборов, если они угрожают для него провалом, либо употребить все усилие, чтобы пройти при новых выборах. Это ведет к тому, что состав советских работников почти все время остается одним и тем же, и стремление нашей партии втянуть всех рабочих без изъятия в дело управления страной по очереди, хотя бы на несложных функциях и поскольку допускает характер дела, это стремление встречает упорное сопротивление новой рабочей бюрократии.

У нас давно уже и много говорится о чистке коммунистической партии, об удалении из ее рядов примазавшихся всех видов и степеней. Говоря о пролетарской диктатуре и различных процессах, здоровых и болезненных, связанных с ней, нельзя не коснуться внутреннего состояния и личного состава партии, проводящей эту диктатуру.

Вопрос о чистке партии поставлен как государственный вопрос, поскольку очищение партии от шкурнического, карьеристского и преступного элемента должно оздоровить и наши советские учреждения. Но само собой разумеется, что никакая чистка не окажется действительной, если не будет уничтожена главная причина, заставляющая всех проходивших лезть к нам в партию, как досадливо упорно лезут мухи к меду. Надо уничтожить все экономические привилегии, связанные с пребыванием в нашей партии, более того, надо сделать пребывание в партии даже несколько экономически невыгодным.

С другой стороны, сменяемость и ответственность советских работников будет способствовать тому, что самая власть будет менее часто превращаться в средство наживы.

В нашей программе поэтому необходимо специально упомянуть о наметившемся у нас образовании социалистической привилегированной, редко сменяемой бюрократии и о необходимости решительной борьбы с этим злом.

Наибольшие злоупотребления властью, наибольшие хищения народного имущества, наибольшие надругательства над самой идеей коммунизма продельывает особое «служилое сословие» советского режима, наиболее сильно представленное в деревне. Каждый режим имеет вокруг себя этот слой. Как это ни странно, а советская власть не обошлась без этого элемента, который сам влез к ней на службу и под видом выборных в разные исполкомы на съездах, и под видом горячего сторонника коммунистической партии. В большинстве — это или полуинтеллигентные, или деклассированные рабочие и крестьяне, не желающие возврата к своей основной профессии. Здесь я говорю, разумеется, лишь о худшей, преступной или полупреступной части этого элемента.

Как избавить деревню от этих «коммунистов»?

Там, где население за советскую власть, этот элемент надо гнать снизу, заменяя его неиспорченным, действительно трудовым элементом деревни, хотя бы и малоподготовленным к работе в исполкомах.

Там, где население против советской власти, но чувствует, что против этой власти теперь идти опасно, лучше просто прекратить действие советской конституции и управлять через ответственных уполномоченных советской власти. Менее всего следует смущаться в таких случаях воплями меньшевиков и эсеров о голой диктатуре и комиссародержавии. Власть, выражающая волю большинства, обязана подчинить себе меньшинство любыми средствами, даже и не демократическими, где это надо. И в том и другом случае «служилый элемент», примкнувший к советской власти для «кормления», окажется выброшенным за ненадобностью.

В заключение приходится сказать еще несколько слов об экономической и военной областях нашего строительства.

Герцен называл своего отца умной ненужностью. Наше экономическое строительство периода наиболее крайней диктатуры в области экономической очень часто сопровождалось созданием умных ненужностей. Сколько «главков» и «центров», не связанных с реальной производственной основой и оторванных от контроля профессиональных организаций, представляют из себя эти умные ненужности, знают сведущие в деле товарищи. Кажется, Центрочай, существующий с солидным штатом служащих, когда давно уже в помине нет никакого чаю, представляет из себя наиболее яркий пример. Организация производства строилась «по плану», и нередко сначала нанимали чиновника, а потом подыскивали ему работу, а не наоборот. В результате централизация, свойственная вообще социалистическому хозяйству, получила у нас в некоторых областях уродливо-дикие формы. Все эти жировые отложения бюрократизма надо безжалостно срезать и на будущее время отказаться от всяких маниловских построек социализма из чиновничьих канцелярий. Рабочие производственные организации только в последнее время регулярно стали привлекаться к строительству экономических центров. А был период, когда и сами профессиональные центры стали было превращаться в чиновничьи департаменты.

Экономическое строительство может привлечь к себе новые широкие слои рабочих; надо лишь поставить дело так, чтобы творцом и организатором социалистических форм хозяйства сверху донизу был рабочий, чтобы у нас появились умение и опыт извлекать из низов трудящихся гибнущие там таланты и неразбуженную жизнью энергию.

Если в экономической области диктатура пролетариата приводила иногда к созданию умных и глупых ненужностей, то этого не избежало и наше военное строительство. В строительстве Красной армии мы замечаем вредный уклон в копировании старой армии, копировании, которое нельзя оправдать соображениями дела и вообще никакими соображениями. Стоит лишь прочитать недавно утвержденный устав гарнизонной службы, вспомнить о попытках ввести знаки командного отличия (коммунистические чины и т.д.).

Одной из задач предстоящего партийного съезда будет следующая: путем использования коллективного опыта всех товарищей, работающих в разных концах России и в разных сферах общественной деятельности, наметить средства борьбы с уродливыми извращениями той формы пролетарской диктатуры, которую мы теперь имеем, как объективно необходимую. Кроме того, теперь же необходимо готовиться к переходу от этой формы к другой, рассчитанной на отмирание государственных учреждений вообще, а следовательно, необходима решительная борьба со всеми тенденциями, способствующими отверждению данных форм и превращению даже многих коммунистов в члены какой-то консервативной партии.

Е. Преображенский

Правда. 1918. 26 декабря;

Еженедельник «Правды». 1919.

9, 16 февраля; 2, 16 марта. № 3–4, 6, 8.

№ 43–44. ОТЧЕТЫ ЗА 10–16 МАЯ 1919 г.*
УПОЛНОМОЧЕННОГО ВЦИК
И ОТВЕТСТВЕННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ЦК РКП(б) ПО ОРЛОВСКОЙ
ГУБЕРНИИ Е.А. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО³⁰
В ЦК РКП(б) ОБ ОКАЗАНИИ ПОМОЩИ МЕСТНОЙ ВЛАСТИ
ПО МОБИЛИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ НА БОРЬБУ С ДЕНИКИНЫМ

№ 43. КРАТКИЙ ОТЧЕТ ЗА ЧЕТЫРЕ ДНЯ
УПОЛНОМОЧЕННОГО ЦК ПРЕОБРАЖЕНСКОГО

Орловская губ.

10–13 мая 1919 г.

10 мая

По приезду устроил собрание наиболее активных партийных работников. Установил полный контакт. Выделили руководящую пятерку для быстроты работы. Организовал бюро жалоб при Отделении государ[ственного] контроля с непрерывным дежурством в течение суток коммунистов. Выступил на пленуме городского Совета. Был на собрании выбранного бюро. Настоял на поездке по губернии нескольких местных ответств[енных] работников.

11 мая

5 часов провел в беседе с курсантами. Знакомил их в деталях с предстоящей работой. Отправка их немедленная оказалась невозможной: 1) нужно ознакомиться всем с делами уезда, куда они посылаются, то же в еще большей степени нужно их руководителям; 2) мне нужно минимум 2–3 дня для разбивки всех по степени подготовленности. Решил в уезде, где уже есть надежные товарищи, послать прямо. В другие – с руководителями.

Из доклада ревизора ЧК, присланного от ВЧК, выяснилась картина безобразий в местной ЧК. Назначили совещание узкой группы тов[арищей] о том, как ликвидировать эту клоаку с наибольшей осторожностью и пользой для дела. Кстати, бежавший от ареста Ульянов, обвиняемый в разных преступлениях, ныне председатель Черниговской губ[ернской] чрезвычайки.

Установил, что много уличенных бандитов и изгнанных из партии прохвостов на ответственных местах сидят в Украине. Волнения крестьян там в значительной мере на этой почве.

12 мая

Начал распределение курсантов по уездам**. Большая часть двух дней уходит на это. В каждый уезд назначил пока по 3 человека. Неожиданно получил сведения, что, быть может, придется обслужить и 4 уезда Черниговской губернии, присоединенных в военном отношении к Орловской. Партийных связей с этими уездами никаких. Оставил часть курсантов для этих уездов. Курсанты, в общем, слабы. Дельных работников среди них около четверти.

При личном объезде госпиталей особых порядков не заметил. Отличается небрежностью в работе Окружное квартирное управление.

Дал согласие на арест коллегии ЧК и отстранение ее председателя. Самое меньшее из преступлений подлежащих аресту лиц – многочисленные взятки, хулиганство и по-

* Отчеты за 10–13 и 13–16 мая были зарегистрированы в Секретариате ЦК РКП(б) 21 мая 1919 г. за № 5255.

** Мобилизация проводилась в Болховской, Брянской, Дмитровской, Кромской, Ливненской, Орловской и Трубчевской волостях.

стоянное пьянство. Новый состав намечен из абсолютно надежных товарищей, под председательством т. Комлева, присланного из ВЧК.

13 мая

Установил контакт с инспектором военного снабжения. 15-го буду иметь доклад обследования. Между прочим, инспектором найдено в одном складе 2000 нигде не заприходованных винтовок. Послал комиссию для обследования политической работы в армии. Завтра созываем собрание заведующих агитпросветами.

В Брянск послали Волина, п.ч. там из 3000 мобилизованных рабочих явилось 700, и те отказывались идти без остальных. Из мобилизованных по губернии 500 коммунистов к нашему приезду явилась половина. Завтра на собрании организаций вношу предложение об аресте и предании военному суду [тех], кто не явится во вновь и *последний** раз назначаемый срок. Общая мобилизация за 2 года проходит плохо, хотя дезертирство сокращается. В связи со скорым окончанием посева неизбежно дальнейшее уменьшение дезертиров.

Назначил ревизию Союза увечных воинов. Постановили с Островской произвести переосвидетельствование всех освобожденных от мобилизации.

Е. Преображенский

№ 44. ВТОРОЙ ОЧЕРЕДНОЙ ДОКЛАД УПОЛНОМОЧЕННОГО ПРЕОБРАЖЕНСКОГО

Орловская губ.

13–16 мая

13–16 мая

Получены ответы на мои запросы о ходе волостной мобилизации. Ни в одном уезде мобилизация не проходит удовлетворительно. В большинстве она даже не начиналась к моменту получения моего запроса. Дело еще больше осложняется объявлением по Орловской губ[ернии] общей мобилизации. В Трубчевском уезде процент не явившихся по общей мобилизации достигает 70%, это число теперь несколько падает. По добровольческой мобилизации в этом уезде крестьяне не идут. Сведения относятся ко времени до приезда курсантов и моих уполномоченных. Одно ясно: для проведения волостной мобилизации нужна серьезнейшая кампания, которая потребует более месяца.

Профессиональная мобилизация, за исключением Брянска, где прекрасно начатое дело сорвано докладом Вейсмана и легкомысленно доверчивым отношением к этому докладу центра, проходит удовлетворительно. Настроение рабочих хорошее, насколько я успел заметить. Это зафиксировано резолюциями различных собраний рабочих и их организаций.

Мобилизовано коммунистов 500, явилось более 400, и еще продолжают прибывать с уездов запоздавшие товарищи. Мобилизация позволила выяснить некоторых шкурников.

Дезертирство в связи с окончанием полевых работ падает по всей губернии.

Партийная работа ведется слабо. В губкоме нет сейчас ни одного товарища, который был бы исключительно на партийной работе, на что я обратил внимание организации. В Брянске на паровозостроительном Бежецком заводе в организации коммунистов *нет ни одного рабочего от станка*. Вся организация состоит лишь из товарищей, занимающих советские посты. Это на 11 000 рабочих! Убедительно прошу ЦК оставить исключительно на партийной работе в Брянском районе на один месяц т. Волина.

* Е.А. Преображенским подчеркнуто.

Ввиду постановления профессиональных союзов и комитетов содействия об увеличении процента призываемых и ввиду протеста против этого губсовнархоза, который опасается падения производительности работ на военные заготовки в результате предполагаемой дополнительной мобилизации, на 22 мая назначено собрание Совнархоза и профессиональных союзов, где окончательно выяснится вопрос о дополнительной мобилизации рабочих.

Председатель губсовнархоза заявил мне, что у него имеется готовое обмундирование и обувь на полтора полка, а местный гарнизон и отправляемые на фронт не имеют многого необходимого. Причина: централизация распределения заготовок при наличии невероятного бюрократизма и неподвижности всего аппарата. Кстати, бывшая в Орле вспышка маршевых рот в марте произошла на почве отсутствия обмундирования у солдат, в то время как у Совнархоза было все необходимое, но не было яряда на передачу заготовок окружному комиссариату. Обращаю на это внимание т. Сталина. Подробные данные пришло со следующим докладом. Одна деталь еще. Посланный губсовнархозом представитель за катушками (для работы белья солдатам) *получает эти катушки в Москве уже шесть недель**.

По данным губземотдела, в губернии крестьянами запахано 30% площади советских имений. Подробную картину сумею установить, когда сам лично узнаю подробности, п.ч. губземотдел виinit во всем известное письмо т. Ленина к Середу, а кое-кто виinit губземотдел, который якобы не дает времени запахивать даже ту площадь, которую сам не в силах обработать. Устанавливается, однако, как факт бездеятельность Главсахар: свекловичные плантации в Севском уезде могут остаться изгасающими. Для выяснения дела послал в Севский уезд заведующего губземотделом.

Колоссальная работа, свалившаяся на меня, и необходимость наладить дело в Орле не позволяли выехать в уезды и заглянуть в деревню. Сегодня, однако, уже выезжаю в Карачев, а затем в Елецкий и Ливенский уезды.

Бюро жалоб организовал при контроле**. Уже рассмотрены поданные 15 жалоб. Такие же бюро предложил организовать уездным исполкомам.

Уполномоченный по Орловск[ой] губ[ернии]

Е. Преображенский

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 66. Д. 27. Л. 130–132.

Автограф.

№ 45–46. СТАТЬИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В ГАЗЕТЕ «ПРАВДА» В НАЧАЛЕ ИЮНЯ 1919 г.

1, 5 июня 1919 г.

№ 45. ОСТРОВКИ СОЦИАЛИЗМА***

1 июня

I

Из многообразных впечатлений, полученных мною в провинции, я хотел бы остановиться немного на сельскохозяйственных коммунах.

Деревенская коммуна в настоящий момент – это тот многоликий незнакомец, который либо обрадует нас, либо разочарует.

* В документе подчеркнуто.

** Имеется в виду отделение Госконтроля (см. отчет за 10 мая).

*** Статья помещена в рубрике «В деревне» в четырех номерах газеты. Продолжение см.: Док. № 46, 48, 50.

Скажу несколько слов о тех, которые уже теперь способны радовать глаз каждого социалиста. Дело идет о коммунах Карачевского уезда Орловской губернии.

В уездном земском отделе зарегистрировано 6 коммун и 52 артели. Многочисленность артелей объясняется тем, что крестьяне не любят слова коммуна, это слово непопулярно, и многие артели, которые являются не только производственными объединениями, но имеют и почти коммунистическое распределение, избегают именоваться коммунами.

Из этого числа субсидировалось земельным отделом 39 артелей-коммун. Все коммуны и артели в полной мере были снабжены к посеву семенами и вполне обеспечены инвентарем. В момент моего пребывания в Карачевском уезде почти во всех коммунах закончился сев яровых, в то время как многие крестьянские общества еще не приступали к посеву, занятые ссорами и спорами по поводу разверстки земли и ее переделами.

Что же экономически представляют из себя эти 58 коммун-артелей?

Число душ в них около 3500 человек, количество земли — до 4000 десятин. В самой большой коммуне — до 100 человек и до 110 десятин земли, в самой меньшей — около 30 человек и немного менее 40 десятин. Коммуны, таким образом, среднего размера или мелкие и всех преимуществ крупного сельского хозяйства выявить не в состоянии. Но и то, что они в состоянии сделать, имеет колоссальное значение. Прежде всего, все коммуны ввели у себя многопольную систему, хотя земельный отдел и не имел достаточного количества семян клевера и других посевных трав.

Распределение участков под те или иные культуры сделано по указаниям агронома, как сделано под руководством агронома и многое другое. Коммунистическое распределение сил при полевых работах и успешность самих работ сказались немедленно в том, что во время пахоты часть рабочих сил артелей и коммун без малейшего ущерба для хозяйства употреблялась не на земледельческую работу: на постройку новых изб, на чинку мостов, исправление дорог, изготовление различного несложного инвентаря, наконец, на обработку полей красноармейцев.

Эта сторона дела производит на крестьян окружающих деревень очень сильное впечатление. Но все-таки коммун в уезде только шесть десятков, площадь, находящаяся у них под обработкой, составляет лишь 3 или 4% общей площади крестьянской земли, хлеба они соберут, может быть, лишь 5–6% общей урожайности в уезде. Почему это так? Почему крестьянство в массе упорно держится старых, варварских способов обработки земли?

Товарищи из Карачевского уезмотдела указали мне все эти причины. У крестьян нет уверенности в прочности советской власти, они боятся победы в Гражданской войне белых, возврата помещиков, боятся, что помещики в первую голову беспощадно вырежут вместе с коммунистами всех коммунаров. Другая причина — это то, что ни одного посева ни одна коммуна еще не собрала, и нынешний год, нынешний сбор яровых, должен решить дело. В третьих, необходимо отметить огромное консервативное влияние женщин, на что я обращаю усиленное внимание всех коммунистических женских организаций. В деревне два наиболее ярых противника коммуны: кулак и женщина, т.е. тот, кто больше всех терит от коммунизма, и та, которая больше всего выигрывает от него. Кулачество плодит лживые, глупые слухи, направленные против коммун, женщины распространяют эти слухи, как факты. (Говорят, будто бы при вступлении в коммуны все должны снять кресты, детей запрещено крестить, все иконы из коммуны «по декрету» признано выбрасывать и [ому] подобная ложь.) Когда, положим, 10–15 мужчин-домохозяев решили образовать коммуны, преодолевши сами тысячи сомнений внутри себя, то дело еще далеко не в шляпе. Надо преодолеть еще вторую линию окопов, надо убедить жен пойти в коммуны. И здесь помогает не столько убеждение, сколько домохозяйская политика, еще царящая в деревне: «Жена да убойся своего мужа». Женщина идет

на первых порах в коммуны только потому, что боится мужа, домохозяйки по иронии судьбы оказываются на службе социализма.

Между тем уже теперь, даже в тех сравнительно мелких коммунах, которые уже образовались, началось фактическое раскрепощение женщины от кухонного и семейного рабства. При артельном котле стражня выпадает на долю, главным образом, старух; они же вместе с девочками-подростками смотрят сообща за детворой в то время, как взрослые женщины занимаются исключительно сельскохозяйственными работами, скорей заканчивают их и имеют больше времени для других дел или для отдыха. Нет никакого сомнения в том, что женщина из наиболее упорной противницы коммуны превратится в свое время в наиболее упорную, ярую и наиболее заинтересованную защитницу ее.

Отмечу еще один замечательный факт. Несмотря на то что Карачевский уезд – в большинстве не производящий уезд, что бедных волостей в нем большинство, в коммуны идет главным образом не беднота, а среднее крестьянство. Объясняется это тем, что средняки, во-первых, являются наиболее предприимчивым и хозяйственно-прогрессивным элементом, чем беднота, и тем, что средняки не принимают в свою среду бедноту, которая ничего ценного не может внести в общее хозяйство. Нередко наблюдается такое явление: беднота в коммуны не идет, хотя ей обещает всяческую помощь земельный отдел, и обещает не на словах. Когда же часть общества образовала коммуны и дело идет на лад, оставшиеся в обществе начинают бессмысленно дико мстить удачникам: грозят сжечь, портят посевы, калечат скот, просто лезут в драку, грабят и делят между собой полученные коммунарами на посев семена и т.д. В этом «ни себе, ни другим» – как на ладони вся наша «россейская» азиатчина, которая вместе с кулацкими кознями, религиозным тупоумием женщин и другими прелестями деревенской жизни душит молодые и еще слабые побег социалистического строительства в земледелии.

Но жизнь пестра, в ней краски разноцветны, и много неожиданностей приходится наблюдать при ломке старых устоев. Как правило, религия отстаивает позицию отживающего строя, который отводил служителям церкви почетное место за своим обеденным столом. Но вот вам монашеская коммуна под Карачевым. Коммуна образцовая и в хозяйственном отношении, и по внутреннему устройству. В этой коммуне разделение труда проведено очень оригинально: старики, не способные работать в поле, назначаются молиться и за себя, и за других. Способные работать обрабатывают землю.

Разве этот пример не символ? Разве в нем не предсказана судьба религии, которая делается достоянием умирающей старости и ковыляет к могиле вместе с ней?

Что касается общественной обработки, то она прививается постепенно, хотя декрет о ней в деревне был понят сначала неправильно. Думали, что общественная обработка для всех крестьян обязательна. В некоторых обществах уже этой весной крестьяне разбивались на десятки и десятками по определенному плану обрабатывали землю.

В заключение нужно подчеркнуть, что все коммунары, будучи беспартийными, являются, однако, наиболее преданными защитниками советской власти. Все свои излишки они отдают продовольственным организациям добровольно, ничего не утаивая. Например, из одной коммуны специально приехали в земельный отдел сообщить, что у них есть 20 возов лишней соломы, и предлагают ее взять. В коммунах не зарегистрировано ни одного дезертира, коммуны обрабатывают добровольно соседние поля красноармейцев. Коммуны, одним словом, являются настоящими блокгаузами социализма в деревне, а их участники – и наиболее сознательными проводниками всех мероприятий советской власти.

Таково впечатление от знакомства с положением дела в этой области в одном уезде. Наблюдения из других мест должны дополнить картину и исправить ее ошибки. Эти наблюдения должны сделать другие товарищи, в других губерниях.

№ 46. ОСТРОВКИ СОЦИАЛИЗМА

5 июня

II

Вместе с заведующим уездным земельным отделом и агрономом мы отправились в ближайшую к городу коммуну. Коммуна получила 48 десятин земли из помещичьего имения, или вернее из подгородного дачного участка, красиво расположенного на берегу извилистой речки.

По пути к коммуне заведующий отделом рассказывает мне ее историю. В противоположность большинству других коммун уезда, образованных средняками, эта коммуна состоит исключительно из бедноты соседних деревень. Теперешние участники ее долго колебались, прежде чем вступить в коммуну. Некоторые не спали несколько ночей, исхудали от раздумья и внутренней борьбы и наконец-таки решились. Все это может казаться непонятным читателю, но он не должен забывать, что вступающий в коммуну резко порывает со своим обществом, порывает с прежним укладом жизни, и его нерешительность, его мучительные сомнения имеют все основания.

Больше всего описываемые мною коммунары сомневались, будет ли им в действительности оказана та помощь, которую им обещали в земельном отделе и без которой само предприятие было бы безнадежным. Когда эта помощь была оказана, все сомнения рассеялись, настроение коммунаров поднялось и упорные враги коммуны – женщины – даже они прекратили свою оппозицию и как будто тоже немного уверовали в успех дела.

Въезжая во владение коммуны, мы увидели на пару маленькое стадо коммунальных свиней, штук 6–7, довольно худых и мелких. Оказалось, что это стадо составилось из суммы всех свиной коммунаров, которыми они владели до вступления в коллектив, земельный отдел в этой области не успел еще ничем помочь коммуне. Просхали мы мимо участка земли, засеянного овсом. Коммуна засеяла 15 десятин овса, кроме картофеля, гороха и т.д. Овес – это главная надежда коммуны, которая посеяла лишь яровое, а озимое намерена собрать со своих старых полосок, обсемененных еще до образования коммуны. Мальчики доборонивали концы участка. В общем, работы кончились в коммуне почти на неделю раньше, чем в соседних обществах.

Подъехали к дому. Деревянный дачный дом битком набит коммунарами. Раньше здесь жила одна помещичья семья. Теперь живет сорок душ. Чтобы избавиться от тесноты, коммунары уже начали строить новый, добавочный дом.

Входим внутрь. Внутри очень тесно, очень бедно, но не грязно. Подмечаю вместе с тем что-то, напоминающее наши сибирские коммуны ссыльных. Хуже, несомненно, чем было при помещике, [но] несравненно лучше, чем в любой крестьянской избе. Проходим ряд комнат, занимаемых отдельными коммунарами, и заглядываем в кухню. Видим большой артельный котел. У печки – «вечная дежурная», старуха, предпочитающая стряпню всем другим работам. В отношении пищи у коммунаров очень скудно. Муки почти нет. Едят главным образом овсянку, кислую капусту и доедают остатки картофеля. Большую поддержку оказывает молоко, которого хватает не только детям. Особенно улучшилось в этом отношении дело, когда уездный исполком передал коммуне корову-сименталку, экспропрированную у одного городского купца.

В верхнем этаже помещаются несемейные и пара новобрачных. В самой большой и светлой комнате, служащей читальней, конторой и местом для собраний комитета коммуны и всех коммунаров, развешены портреты т. Ленина, Троцкого, Либкнехта.

Покойный Либкнехт любил наши русские крестьянские песни. Думал ли он, что создатель этих песен так скоро заменит царские портреты в своих избах его фотографией и портретами деятелей III Интернационала?

Попутно узнаем, что на общих собраниях коммуны женщины, как принципиальные противницы ее с самого основания, не пользуются решающим голосом и вообще не бывают. Они лишь посылают через каждые полчаса узнавать, «что мужики решили».

Мужская часть коммуны живет чрезвычайно дружно, за все время существования коммуны не было случая, чтоб при наряде на работы, который делает комитет коммуны, кто-либо не подчинился постановлению. Самая мысль о возможности неподчинения кажется коммунарам дикой. Женская половина живет менее дружно, и нередко комитету приходится разбирать различные женские ссоры и конфликты.

Детишек в коммуне много. Чтоб не оставлять их без обучения, в коммуну в качестве равноправного члена коллектива приглашен учитель.

После осмотра дома идем на веранду, построенную на высоком крутом берегу реки и окруженную огромными старыми липами. Коммунары рассказывают о своих планах и надеждах. Уже строят новый дом. Построили мост через реку. Думают, нельзя ли восстановить на реке когда-то бывшую здесь водяную мельницу, так как нигде в окрестности близко мельницы нет. Из разговоров с заведующим отделом они узнают, что одна из коммун уезда в хлебной, но безлесной волости нуждается в двуколках и в обмен предлагает хлеб. Наши коммунары страшно обрадованы. Они сидят без хлеба, а двуколки могут наделать сколько угодно.

Мелочь, но эта мелочь характерна, как начало нового мира взаимоотношений переходного периода: товарообмена внутри коммун.

На веранду приносят нам огромный кувшин молока от экспроприированной у купца коровы. По ту сторону речки, в роще, заливаются трелями два соловья. Липы и тополя только что начали распускаться, и тонкий аромат от «духов природы» носится в воздухе. Два коммунара, беседующие с нами, полны бодрящей радости, они смеются и сияют глазами даже тогда, когда серьезны лицом, они, как оперившиеся птенцы, готовы полететь и уверенные в том, что не расшибутся.

Две весны сошлись в одном пункте. Одна, которая приходит каждый год, другая, которая начинает новую эпоху в истории человечества. Еще недавно другие хозяева собирались на этой веранде, другие были их разговоры, другие пели они песни. Начало их осени красиво описал влюбленный в дворянский строй и его героев Тургенев. Увертюрой к его грустной кончине была музыка Чайковского.

Без музыки вбивает социализм свои первые сваи, не до песен голодному рабочему, выкадыывающему фундамент нового общества, слишком однообразна для художника единственная краска, которой закрашены поля Гражданской войны. Мы строим. Нам некогда описывать то, что мы строим. Но будет время, когда и новое общество выделит своих художников, которые с любовью опишут эти молодые побегы новой жизни, пробивающиеся на развалинах старого, а экономисты составят тома по эмбриологии социалистического земледелия.

Е. Преображенский

Правда. 1919. 1, 5 июня.

**№ 47. ДОКЛАД УПОЛНОМОЧЕННОГО ВЦИК
И ОТВЕТСТВЕННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ЦК РКП(б)
ПО ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ Е.А. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
О ХОДЕ ПРОВЕДЕНИЯ МОБИЛИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ГУБЕРНИИ
НА БОРЬБУ С ДЕНИКИНЫМ**

6 июня 1919 г.*

Вследствие отъезда в Елецкий и Ливенский уезды очередной доклад пишу с опозданием. Мобилизация волостная не прошла как добровольческая, за немногими исключениями, вообще же проходит и в ряде мест уже закончена. Цифровые данные о явившихся будут получены дня через два. Недобор будет значительный. Много времени было потрачено на предварительную агитацию, когда еще были надежды провести чисто добровольческий набор.

После получения от меня суммарных данных о результатах прошу разрешения ЦК выехать в Москву, п.ч. все человечески возможное при ограниченных силах уже сделано, после 10 июня вряд ли можно рассчитывать на увеличение числа мобилизованных, организация же политической работы среди добровольцев налажена в каждом уездном городе.

Что касается профессиональной мобилизации, то она в размере первых 3% прошла полностью всюду. Увеличение процента до 10% по отношению к Орлу означает сокращение до минимума работ по заготовкам на армию [...]**, рабочие настроены хорошо, либо мобилизацию элементов белогвардейски настроенных, поскольку дело идет о бывших хозяйчиках, работающих теперь простыми рабочими, или таких же элементов из служащих. Мобилизация таких элементов противоречит основам организации Красной армии. Поэтому губсовет профсоюзов высказался против увеличения процента профессиональной мобилизации по отношению к таким мешанским городам, как Орел и его уездные городки.

Борьба с дезертизмом идет успешно. Наша агитация имела большое значение, но еще большее – усиление отрядов по ловле дезертиров. Следовало бы уметь использовать вражду в деревне между той частью крестьянства, у которой дети и родные на фронте, и той, которая укрывает дезертиров. Относительно применения крутых мер, в частности демонстративного расстрела дезертиров по 2–3 на уезд, как предлагают иные, скажу: нет данных утверждать, приведет ли это средство к быстрому искоренению дезертирства или же, наоборот, будет демонстрацией нашей организационной слабости и лишь заставит дезертиров от тактики пассивности перейти к активному противодействию нашим органам власти. Маленький пример из Трубчевского уезда. Милиционер из отряда по ловле дезертиров застрелил одного дезертира. Тогда все 600 дезертиров в волости объединились, избили до полусмерти двух агитаторов-коммунистов, и улаживать пришлось посылкой отряда в 100 человек и с помощью других агитаторов. Я склоняюсь к мнению, что пока наше положение не столь грозно, чтоб стоило идти на риск обоюдострых мер, лучше усилить наш организационный аппарат по борьбе с дезертирством и внести в работу отсутствовавшую раньше систематичность.

Объявленная ЦК мобилизация 30% коммунистов мужчин у нас не проведена вследствие событий на железной дороге и необходимости иметь все силы под ружьем. Но и помимо этого беру смелость утверждать, что мобилизацию в указанном размере провести безусловно не удастся. Вот причины:

1) Именующиеся в ЦК последние цифровые данные о числе членов партии по Орловск[ой] губ. (на основании представительства на 8-м съезде) есть совершенный миф. После

* Доклад не датирован, однако в тексте сообщается: «Сегодня, т.е. 6-го, рабочие приступили к работам». Дата регистрации в ЦК РКП(б) 13 июня 1919 г., входящий № 6059.

** Следующее слово неразборчиво из-за повреждения текста.

состоявшейся мобилизации 500 человек, после перерегистрации, после бегства из партии всех «вотчинных» коммунистов в связи с изменением политики в деревне партия обескровлена и потеряла от половины до $\frac{2}{3}$ членов. Я лично знаю одну волостную ячейку, где из 100 членов осталось 7 человек.

2) Если, по приблизительному подсчету моему, в Орловской губ. имеется сейчас не более 2500 коммунистов, то за вычетом красноармейцев-коммунистов, женщин, неспособных к строю, и абсолютно неприкосновенного кадра в трех крупных центрах: Орле, Брянске и Ельце, где иметь меньше 100 человек вооруженных коммунистов на каждый город было бы, с политич[еской] стороны, безумием, – то в среднем на уезд мы имеем до 100 человек. Иными словами, мы уже теперь физически не в состоянии иметь волостные исполкомы из коммунистов в половине волостей губернии. Если провести предписанную ЦК мобилизацию полностью, то мы должны будем сознательно идти на организацию власти из беспартийных в $\frac{2}{3}$ волостей. Готов ли ЦК идти на такой риск, я не знаю, а потому считаю долгом предупредить о возможных последствиях.

3) Советская власть в деревнях морально в массах крестьянства последнее время окрепла, организационно же сильно распатана. На реализации урожая это может отразиться губительно, как утверждают продовольственники. Не надо забывать, что никаких комбедов в нашем распоряжении нет и все, чего мы можем добиться, мы добьемся лишь через тонкий слой наших деревенских коммунистов. А уже теперь я встречал волости, где нет ни одного* коммуниста и даже некого было выставить кандидатами при переборах волостных исполкомов.

Ввиду всего этого надежды ЦК на «тысячи коммунистических борцов» для Юж-фронта звучат прямо иронической насмешкой, и соответствующая телеграмма лишь доказывает полную неосведомленность ЦК о действительном положении дел на местах.

Но распоряжение ЦК, даже и необоснованное, есть для нас военный приказ. Я и товарищи обязаны его выполнить, однако я предупреждаю, что проводить его буду, считаясь с интересами революции в целом. Думаю, что человек 200–300, т.е. роту коммунистов, мы сможем дать, а большее количество ЦК может взять лишь под своей, а не моей ответственностью.

Убедительно прошу ЦК поставить перед наркомвоен вопрос о большей обдуманности его действий. Нельзя такие острые меры, как мобилизация заведомо шкурнических элементов железнодорожников, проводить, даже не предупредив заранее партийные центры и не дав возможности политически подготовиться к операции. Железнодорожная забастовка, едва не кончившаяся большим кровопролитием, в значительной мере вызвана подобною неосмотрительностью, выражаясь мягко. Предыдущие распоряжения о мобилизациях предписывалось проводить в такие сроки, каких не хватало даже для простого оповещения** отдаленных уездов и волостей. Убедительно просят также все местные работники не издавать важных декретов, не опросив предварительно о возможности и о способах проведения их на местах. В частности, о земельном декрете от 9 апреля и той разрухе, которую он внес, лично буду докладывать в Москве.

Считаю абсолютно необходимым для пополнения страшно поредевших рядов партии создание в каждом губернском городе партийных школ главным образом для*** молодежи. Это надо сделать немедленно. Соответствующую меру буду проводить здесь.

* В документе подчеркнуто.

** В тексте подчеркнуто.

*** Следующее слово «крестьянской» зачеркнуто.

Прямо после приезда из Ливен я отправился на ж.-д. митинг, где собралось до 4000 человек. Настроение массы было отвратительное. Меня и Пурова еще слушали, другим нашим не давали говорить. Начальника ж.-д. милиции едва не растерзали, и нам пришлось прикрывать его от толпы собственными телами. На митинге приняли резолюцию против мобилизации. 5-го рабочие не работали. Митинга мы не допустили, вывесили драконовские приказы, собрали надежные воинские силы, арестовали 10 активных срывателей с работ, одного крупного домовладельца, агитировавшего против сов[етской] власти. Отдельные кучки провоцировали солдат на стрельбу. Едва не начали пулеметную пальбу. Одновременно в городе провели кампанию в заводах против ж.-д. шкурников (все заводы вынесли резолюции против ж.-д. шкурников). Сегодня, т.е. 6-го, рабочие приступили к работам. Хорошо подействовал приказ о лишении отсрочек и призыве на общем основании всех забастовщиков, которые подлежали расчету. У группы железнодорожн[иков] отобрали припрятанные для вооруженного выступления 70 винтовок и 4000 патронов. Коммунистическая организация, особенно организация вооруж[енных] сил коммунистов, была на высоте. Думаем, что теперь движение ликвидировано. Мобилизованные начинают являться.

Очень остро стоит вопрос о бесчинствах продовольственных заградительных отрядов и вообще об этих отрядах. Они объективно играют огромную контрреволюционную роль. Надо спешно придумать другой способ контроля на ж[елезной] д[ороге]. Это особенно важно ввиду общего ухудшения с продовольств[енным] вопросом. Действия отрядов имеют огромное разлагающее влияние на идущие на фронт воинские части.

В заключение предлагаю провести следующую меру, которая может отчасти замечать те тысячи коммунистов для украинского фронта, на которые рассчитывает ЦК. Предложить Скиянскому отдать распоряжение, чтоб все мобилизованные по так называемой добровольческой мобилизации ни в каком случае не рассылались по отдельным запасным батальонам. В каждом губ[ернском] городе их надо собрать в одну часть, подвергнуть особо усиленной политической обработке, придать им некоторое количество коммунистов, и тогда уже раньше обученная часть их может быть очень скоро двинута в соответств[ующие] участки фронта.

Настоящий доклад прошу прочесть на пленуме ЦК, п.ч. некоторые затронутые вопросы требуют принципиального решения.

Е. Преображенский

В правом верхнем углу доклада приписка карандашом: «Телеграфир[овать], что может возврат[иться] в Москву». Подпись и дата отсутствуют. В левом верхнем углу также карандашом помета: «Член Дим.» и ниже: «В информ.». »

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 66. Д. 27. Л. 133–136 об.

Автограф.

ГА РФ. Ф. 1240-Р. Оп. 1. Д. 74. Л. 1–1 об.

Копия. Машинопись.

**№ 48-56. СТАТЬИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В ГАЗЕТЕ «ПРАВДА»
В ИЮНЕ – АВГУСТЕ 1919 г.**

19 июня – 24 августа 1919 г.

№ 48. ОСТРОВКИ СОЦИАЛИЗМА*

19 июня

[III]

Кроме коммун мне пришлось посетить и несколько советских имений.

Нужно сознаться, что если многие из товарищей в центре до последнего времени считали, а быть может, и теперь считают мифом 3000 с лишком коммун, числящихся на учете Наркомзема, то советские хозяйства представляются этим же товарищам еще в большей степени мифическими предприятиями, значащимися исключительно на бумаге.

Однако такое мнение о советских хозяйствах не менее ложно, чем мнение о коммунах. Советские имения – теперь факт, самый реальный, осязаемый факт.

Правда, Орловская губерния далеко шагнула в деле организации совхозов; здесь советских имений 136, тогда как в других губерниях это число в три, четыре, иногда в десять раз менее. Орловская губерния не типична, и было бы ошибочно на основании наблюдений над ее совхозами делать выводы для всей России. Но будет вполне правильно, если основные черты советского хозяйства мы будем изучать на советских имениях той губернии, в которой дело их организации наиболее продвинулось вперед.

В нашей партии, особенно среди товарищей, интересующихся земельным вопросом, много спорили о том, какая форма обобществления выгоднее, осуществимее, скорее приводит к цели – советское хозяйство или коммуна. Споры носили в большинстве случаев отвлеченный характер; вопроса не умели правильно поставить, и для решения спора не было данных из жизненной практики. Теперь многое уже ясно. Остановлюсь сначала только на кое-каких цифровых данных, которые я собрал.

Сравним коммуны Елецкого уезда с советскими имениями того же уезда. Коммун и артелей в уезде 30, советских хозяйств 26. Коммуны (артели я буду в дальнейшем считать в общем числе с коммунами, так как в производственном отношении они не отличаются существенно от коммун) располагают площадью в 2230 десятин, т.е. в среднем по 74 десятины на коммуноу. Советские имения имеют 7953 десятины, т.е. средняя величина имения 306 десятин.

Отсюда первый вывод. Коммуны уже только по одному тому, что являются хозяйствами среднего, а не крупного типа, лишены всех преимуществ крупного хозяйства. В 30 коммунах всех коммунаров 2216, рабочих же сил 1106. Иными словами, на каждую рабочую силу приходится две десятины обработанной земли.

В двух советских имениях, о которых я имею подробные цифры, на 990 десятинах обрабатываемой площади занято 216 рабочих и служащих. Правда, число годовых поденщин нельзя было подсчитать и к приведенной цифре пришлось бы прибавить кое-что. Но, с другой стороны, в это число, 216 рабочих и служащих, входят рабочие и служащие водяной мельницы, конского завода и случного пункта, число которых превышает число годовых поденщин, которые надо бы прибавить. Но, несмотря на это, в имениях на одну рабочую силу приходится 4,6 десятины обработанной земли.

Иными словами, в советских имениях только по одному тому, что эти имения являются крупными, производительность труда выше, чем в коммунах, более чем в два раза.

* Продолжение. Начало см.: Док. № 45, 46.

Далее. В коммунах уезда на каждую рабочую лошадь приходится 8,1 десятины обрабатываемой площади, в названных же двух имениях одна лошадь обслуживает 10,6 десятины земли, хотя единственный в уезде работающий трактор работает в самой большой из коммун, в имениях же пашут исключительно лошадьми.

Могут сказать, что в коммунах приходится на работника 2 обработанных десятины только потому, что коммуны наделены землей по общекрестьянской норме. В действительности же коммунары могут обработать больше чем 2 десятины на рабочую силу.

Это несомненно так. Но мы говорим не о том, что могло бы быть, если бы площадь земли под коммунами можно было произвольно увеличивать (от этого возросли бы преимущества и совхозов), а о том, что есть в реальной действительности. А в реальной действительности коммуны являются хозяйствами среднего типа с избыточной рабочей силой и с более низкой, чем в совхозах, производительностью земледельческого труда.

Сам собой напрашивается здесь один вывод, касающийся неизбежного будущего наших коммун. Ввиду того что в центральной земледельческой полосе коммуны окружены крестьянскими обществами или с недостаточными наделами, или же с наделами в обрез, развитие производительных сил в коммунах не может выразиться в увеличении обрабатываемой площади при данных рабочих силах. Для такого развития есть только два пути: увеличение интенсивности хозяйства в пределах хозяйства среднего типа или же отделение части рабочих сил коммуны на несельскохозяйственный труд – на переработку продуктов сельского хозяйства (маслобойни, сыроварни, мельницы и т.п.) либо уход в городские центры.

Конечно, сказанное не относится к коммунам, способным на слияние в крупном масштабе, и к коммунам в округах с большими излишками земли.

Экономически среднее советское хозяйство выше средней коммуны. Совсем иначе обстоит дело в другой области, в области психологического развития, степени сознательности и вообще степени подготовленности к социалистическим формам строительства рабочей силы коммун, с одной стороны, совхозов – с другой. С этой стороны из посещения совхозов я вынес самое безотрадное впечатление. Более подробно об этом в следующий раз.

Е. Преображенский

№ 49. НЕКРОЛОГ «ПАМЯТИ т. ТОЛМАЧЕВА»

22 июня

Незадолго перед сдачей Перми, в узком кругу наиболее ответственных товарищей из Уральского областного комитета, мы шутили о том, по ком из нас напишут некролог и во сколько строк некролога будут оценены заслуги каждого из нас перед Советской республикой.

Никто из нас тогда не думал, что первый некролог будет написан самому молодому из наиболее ответственных работников Урала.

Тов. Толмачева знали и любили все сознательные рабочие Урала. Простым красногвардейцем он ходил вместе с рабочими дружинами на Дутова и во время этого похода был всегда впереди. Он был против отступления наших отрядов тогда, когда не отступить значило погибнуть среди восставших казачьих станиц. Когда началось чехословацкое наступление, т. Толмачев не покидал фронта и ближайшего тыла, отдавая весь защите Красного Урала. Он участвовал в защите подступов к Златоусту с отрядом покойного Малышева, он проводил после падения Екатеринбурга революционную мобилизацию уральских рабочих, давшую тысячи пролетарских борцов, он ездил от одной части к другой, служа живой связью между защитниками передовых линий и

руководящими организациями и командованием в ближайшем тылу. В период долгих и упорных боев на Северном Урале т. Толмачев стоял во главе политотдела N-ской армии, выполняя колоссальную работу, связанную с организацией и агитацией в армии. После потери Перми т. Толмачев продолжил ту же работу в Глазове, никогда не отрываясь от фронта, всегда посещая наиболее слабые его пункты. Каждая неудача на фронте глубоко волновала его, на каждое сообщение о нуждах фронта он отвечал удвоением своей энергии и делал все от него зависящее, чтобы красноармейцы получали все необходимое.

Отозванный ЦК партии с Уральского фронта, т. Толмачев был двинут в Петроград и погиб, обороняя город мировой пролетарской революции. Будучи окружен белогвардейцами, расстреляв все патроны по врагам, он оставил для себя последний.

Из членов Уральского областного комитета мы потеряли т. Малышева, потеряли т. Вайнера и теперь стоим над свежей могилой т. Толмачева.

Эти беглые строки не есть некролог покойному. Мы, участники величайшей борьбы мирового значения, не успеваем под обстрелом неприятеля оценить даже сотую долю заслуг дорогих наших товарищей, погибших в боях. Некролог т. Толмачеву вместе с Малышевым, Вайнером, Хохряковым, вместе с тысячами сысертских, лысьвенских, екатеринбургских рабочих составит уральский пролетариат. На свободном Урале он найдет место, где создаст великий памятник своим борцам, он научит своих детей чтить память героев Красного фронта.

Но и рабочие всей России должны знать, кого они потеряли. Тов. Толмачев имел всего 24 года, он был прекрасный агитатор, остроумный журналист и, несмотря на свою молодость, опытный политический руководитель. Полной случайностью является тот факт, что он не имел всероссийской известности. Крупные работники часто избегают столицы, держась ближе к массам провинции, и умирают в неизвестности*.

Тов. Толмачев был скромнен, он умер, когда только начал подниматься во весь рост, чтобы занять место среди признанных вождей пролетарской революции.

«Хорошо умереть молодым», — сказал Некрасов над могилой Писарева.

Тяжело хоронить молодых, еще не развернувших всех своих умственных сил, — говорим мы над трупом т. Толмачева. Только товарищи, близко знавшие покойного, понимают, какую силу потеряла наша партия на Петроградском фронте.

Е. Преображенский

№ 50. ОСТРОВКИ СОЦИАЛИЗМА**

26 июня

[IV]

Из советских имений Орловской губернии мне прежде всего удалось посетить имение бывшего министра Хвостова в Елецком уезде, а затем имение бывшее Стаховича. Вот в немногих словах то, что я там видел.

Яровые засеяны вовремя и, в общем, значительно раньше, чем на крестьянских землях. Обезжая поле с управляющими, я убедился самолично, что яровые в прекрасном состоянии и в гораздо лучшем, чем на крестьянских полосах. В большинстве совхозов Орловской губернии озимые не могли быть засеяны, потому что большинство хозяйств организовались после лета прошлого года. Но в этих двух имениях озимые пшеница и

* В некрологе ошибочно было напечатано «независимости».

** Продолжение статьи. Начало см.: Док. № 45, 46, 48.

рожь были посеяны и теперь обещают прекрасный урожай. Заканчивался сев картофеля, приступали уже к пахоте паров под озимь. Обнаружилось, что рабочих лошадей в имениях не хватает для вывоза огромного количества скопившегося навоза. Практический вывод отсюда: Высш[ий] сов[ет] нар[одного] хоз[яйства] должен предписать всем губ- и усовнархозам отдавать временно свои грузовые автомобили совхозам для перевозочных работ, а наркомвоен – отдать приказ о прекращении движения легковых автомобилей, которые гоняют с преступным легкомыслием комиссары различных рангов, и тем достигнуть сохранения смеси для производительных работ. В обоих имениях имеются прекрасные фруктовые сады, оранжереи, огороды, и все это приведено в надлежащий вид. Инвентаря и скота достаточно. В каждом имении есть случайный пункт, причем в имении Стаховича расположен целый конский завод с прекрасными чистокровными лошадьми, среди которых много знаменитостей. Окрестное крестьянство чрезвычайно высоко ценит услуги, оказываемые ему имениями в деле улучшения породы скота. На использование кровных жеребцов имеется огромная очередь.

Мне пришлось осмотреть чистокровных лошадей, два стада рогатого скота, преимущественно швицев и симменталов, и свинарники. Скот содержится в сравнительной чистоте и выглядит прекрасно. Другие степени* хозяйства в имениях не вызывают никаких упреков.

В общем, я нашел постановку дела в имениях очень хорошей, а для первого года ведения хозяйства, после пережитых бури и натиска крестьянского движения, даже удивительно успешной.

Имения, которые я видел, принадлежат к числу наиболее хорошо оборудованных и организованных в Орловской губернии. В других имениях, меньших по размеру и хуже организованных, дело обстоит менее удовлетворительно. Но в общем и целом, совхозы в Орловской губернии, несмотря на менее чем годичное существование, по своей организованности в сравнении с положением дел в других местах стоят, кажется, на первом месте.

Что же касается непосредственных результатов от совхозов, то одних яровых хлебов они должны дать в губернии в этом году более полмиллиона пудов. Я не говорю уже о целом ряде других доходных статей, менее крупных, и о том улучшении крестьянского хозяйства, которое уже начали осуществлять совхозы, хотя пока еще в очень скромном размере.

Перейду теперь к самой темной стороне совхозов – к их управлению. Во всех имениях, где я был, рабочие представляют из себя элемент совершенно забитый, случайный, как беженцы, совершенно безучастный к интересам того предприятия, живой силой которого они являются. В нашей программе говорится о совхозах как о крупных социалистических экономиках. Наши совхозы – экономии, но их трудно назвать социалистическими. Рабочие комитеты, существующие в совхозах, есть жалкая бумажная отписка от рабочего контроля, потому что при данном уровне сознательности или, вернее, бессознательности сельскохозяйственных рабочих никакой контроль с их стороны немислим. Где же рабочие пытаются вмешиваться в управление, они делают это пока с единственной целью – урвать что-либо для улучшения своего положения. В общем же, все нити управления находятся теперь в руках управляющих, и отношение к ним рабочих, наоборот, отличается от отношений старого режима разве лишь большей мягкостью. Если в коммунах прекрасный человеческий материал бьется в тисках некрутного, а потому и недостаточно производительного хозяйства, то в крупных советских имениях, наоборот, при благоприятных технических условиях сгруппирована рабочая сила, которая, если можно так выразиться, служит по найму у социализма.

* Так в тексте.

И мне приходила в голову мысль о том, что лишь комбинация живой силы и сознания коммунаров с техникой советских хозяйств может дать нам в деревне настоящие «социалистические экономии».

Но это музыка будущего. А пока действительно необходимо в каждое советское имение влить по 5–10 человек фабричных рабочих и постепенно изменить весь кадр рабочих, превратить советские имения в базы городского пролетариата, ныне в одиночку разбредаящегося по деревням. Надо даже в каждое имение послать минимум по одному коммунисту в качестве живого глаза нашей партии и для того контроля, который должен хоть отчасти заменить отсутствующий рабочий контроль.

Что касается управления совхозами в целом, то к этой важной и злободневной цели необходимо будет вернуться в особой статье.

Е. Преображенский

№ 51. УПРАВЛЕНИЕ СОВЕТСКИМИ ИМЕНИЯМИ

29 июня

Ввиду того что этот вопрос скоро будет решаться или, верней сказать, не решаться практически, я хочу привести несколько фактов и соображений против существующей теперь системы управления совхозами, однако кое с какими и очень существенными «но».

При решении вопроса надо постоянно иметь в виду следующие важные обстоятельства:

1. Рабочий элемент совхозов стоит на такой низкой ступени сознательности, что не только не способен в подавляющем большинстве осуществить рабочее управление совхозами, но даже не дорос до рабочего контроля.

2. Так называемые специалисты в совхозах состоят из бывших помещичьих управляющих, некоторого количества помещиков и агрономов из так называемого третьего элемента. Делятся они на четыре основные группы: а) явные противники советской власти и вполне бездарные, ленивые и более чем легкозаменимые «специалисты»; б) равнодушные к советской власти и столь же равнодушные к своему делу «средняки» служилого мира. Подтянешь – работают, распустишь – лентяйничают; в) несочувствующие, нейтральные, а иногда слегка сочувствующие советской власти и в то же время глубоко любящие свое дело настоящие специалисты, работающие без всякого принуждения и не требующие мелочного контроля; г) специалисты-коммунисты либо постепенно превращающиеся в коммунистов в ходе самой работы специалисты, главным образом из агрономов. (Агроном, по сути дела, не может не быть защитником крупного социалистического хозяйства.)

3. Наши губисполкомы и губземотделы понимают необходимость советских хозяйств и в большинстве случаев уже переросли свое предубеждение против этой единственно пока возможной формы культурного социалистического хозяйства. Наши уездные исполкомы и уездные земотделы в большинстве случаев еще находятся во власти мелкобуржуазной антипатии по отношению к совхозам. И нередко весьма попустительски относятся к крестьянской борьбе с совхозами. Что касается волостных исполкомов, то они в подавляющем большинстве не только против совхозов в их теперешнем виде, а принципиально против самой идеи крупного советского хозяйства в России.

Сделаем из всех этих фактов соответствующие выводы.

Многие защитники теперешней системы управления совхозами указывают на низкую ступень сознательности с.-х. рабочих и говорят: «Разве мыслимо при таком положении иное управление совхозами, кроме управления из центра».

Я думаю как раз наоборот. Именно вследствие отсутствия и фактической невозможности действительного рабочего контроля необходима децентрализация управления совхозами. Иначе все управляющие-специалисты и весь штат служащих будут свободны как от контроля снизу, так и от фактического (бумажного, сколько угодно) контроля сверху, потому что осуществить такой контроль Наркомзем теперь не в силах, и всякое уверение в обратном является легкомысленным бахвальством. Выбор ясен. Надо совхозы подчинить губисполкомам и в то же время иметь в губсовхозе представителя центра для обеспечения общей, принятой для всей страны, линии строительства социализма в земледелии. Только тогда можно будет осуществить действительный контроль над совхозами, которые часто на указываемые им на местах безобразия и недочеты отвечают не исправлением этих недочетов, а фразами: «Не ваше дело, мы отвечаем перед центром». Кстати, губисполкомам следует также если не подчиниться, то дать право самого действительного контроля над землями и хозяйством почтеннейшего Главкосахара, хозяйством которого на местах находится в самом вопиющем состоянии.

Теперь о составе специалистов. Разумеется, специалистов по одурачиванию советской власти надо немедленно изгнать из совхозов, не обращая ни малейшего внимания на всякие крики и вопли, которым будет сопровождаться эта операция. Средних работников с лентой надо подтягивать, а иногда для примера также удалять. Настоящих специалистов и добросовестных работников надо всячески поощрять, не надоедать им мелочным контролем, предоставить им широкую инициативу в практической работе и наблюдать лишь за правильностью общей линии.

Что касается уездных исполкомов и уезмотделов, то передать в их руки управление совхозами теперь совершенно невозможно, но им надо предоставить право контроля, в смысле права получать нужные сведения из хозяйств, знакомиться с постановкой в них дела и, в случае заметных злоупотреблений, добиваться их устранения через соответствующие высшие органы.

Теперешнее положение, когда какой-либо уисполком видит те или иные неполадки в совхозах и ничего не может поделать, явление совершенно недопустимое, как недопустимо и обратное: иногда уезмотделы могли бы помочь вовремя тому или иному совхозу, но не делают этого, обиженные, что советские мнения находятся не в их ведении.

Конечно, можно придумать много различных конкретных схем по управлению совхозами. Ни одной такой схемы я не предлагаю. Выработать такую схему нетрудно. Важно лишь не ошибиться в главном, важно при строительстве нового не делать ошибок, допущенных ВСНХ, не плодить бюрократического (вместо пролетарского) централизма. Важно суметь использовать полностью местные силы для дела и роль центра ограничить общим руководством и помощью всякого рода там, где местные силы не смогут сами справиться с делом.

В заключение укажу на необходимость привлекать окрестных крестьян к обсуждению хозяйственных планов того или иного мнения, пусть лишь с совещательным голосом. Крестьянство должно быть приучено к мысли, что совхозы в конечном счете организует не какая-то посторонняя и враждебная крестьянам сила, что совхозы – это народное достояние, и каждый трудовой крестьянин должен быть заинтересован в правильной постановке хозяйства в них, как в своем собственном деле.

Е. Преображенский

№ 52. КТО ДОЛЬШЕ ВЫДЕРЖИТ?

27 июля

Затянувшаяся Гражданская война, которую Советская республика ведет почти с момента своего образования, не привела нас к решительной победе как вследствие причин международного характера, так и вследствие особенностей в социальной структуре нашей страны.

Выясним сначала эти причины, а затем поставим и постараемся с полной объективностью ответить на вопрос: до каких пор вообще борющиеся стороны в состоянии физически и материально продолжать войну?

Поскольку наш фронт с Деникиным и Колчаком является нашим внутренним фронтом, исход войны может быть решен в Екатеринодаре, Ростове, Омске. Поскольку тот же фронт является мировым фронтом стремящегося задушить нас империализма, исход борьбы решится в Париже, Лондоне, Берлине. Так как вопрос, по существу, и в мировом масштабе может быть решен лишь с переходом власти в руки европейского пролетариата, то основной причиной длительности нашей Гражданской войны является сравнительно медленность развязывания революции на Западе.

Однако европейский пролетариат уже выступил на сцену, он уже отчасти определяет международную политику своих правительств и подобно тяжелому якорю удерживает империалистский корабль Антанты от плавания в русские воды на помощь Колчаку и Деникину. В том же направлении действует общее переутомление войной и общее разложение системы империализма в странах Согласия.

Поэтому не только не исключена, но довольно вероятно следующая возможность. Пролетарское движение на Западе еще более усиливается, откровенно буржуазные правительства окажутся вынужденными подать в отставку, и на определенный период империалисты будут вынуждены управлять при помощи социал-патриотов. С этой точки зрения нет ничего невероятного в промелькнувшем недавно известии о том, что вместо кабинета Клемансо во Франции, после заключения мира, будет образовано «социалистическое» министерство с Брианом во главе, в Италии будет править социал-патриот Биссолати, а в Англии Ллойд-Джордж устроит правительственную окрошку из Макдональда и прочих желто-розовых «рабочих вождей».

Все эти «социалистические» правительства, являясь послесловием мировой войны и предисловием к мировой пролетарской диктатуре, будут [не только] вынуждены пойти на ряд уступок пролетариату в области политической и экономической внутри [своей страны], но и отказаться от всякого вмешательства в русские дела.

Таким образом, не исключена возможность, что в ближайшее время Советская республика будет вести войну лишь со своими внутренними врагами. А раз так, то огромное значение приобретает вопрос о том, долго ли мы вообще можем вести Гражданскую войну и какая из сторон скорее истощит свои материальные и живые силы.

В настоящий момент живая сила, которую союзники продолжают держать в России в помощь белогвардейцам, весьма невелика. И мы, кажется, имеем полное основание утверждать, что наши белогвардейцы еще продолжают сохранять свои фронты и даже серьезно угрожать нам, как угрожает в данную минуту Деникин, лишь вследствие нашей неорганизованности, вследствие несовершенства нашего военного механизма, вследствие крестьянского состава нашей армии, слабости в ней сведущих пролетарских и коммунистических кадров и недостаточной политической работы наших организаций.

Пусть даже союзники продолжают оказывать поддержку белогвардейцам оружием и деньгами, пусть белогвардейцы извлекают все выгоды чисто морального характера из того факта, что сильнейшие державы Европы, сокрушившие германский империализм,

стоят на их стороне. Пусть. Наши ресурсы остаются несравненно более внушительными, чем ресурсы наших врагов.

Начнем с самого главного, с живой силы армии. На территории, занимаемой Советской республикой, народонаселение вдвое больше, чем у всех наших внутренних врагов, вместе взятых. Это преимущество несущественно в том случае, когда война не носит затяжного характера и когда одна из сторон в большом масштабе превосходит другую совершенством своей техники.

Наша война носит затяжной характер, преимущества же техники наши противники не имеют, если не считать нескольких танков в армии Деникина.

Но мы имеем не только огромное превосходство над врагами в количестве нашей живой силы, но и в качестве этой массы. Основной массовой базой Красной армии является крестьянство наших центральных губерний, испытывавшее крепостное право и получившее от советской власти дворянскую землю. Эта масса либо вполне отчетливо, либо смутно сознает, что крушение советской власти снова бросит крестьянство в состояние нищеты и бесправия.

Наоборот, принудительно мобилизованные крестьяне колчаковской армии не видели ни малейшего для себя смысла в Гражданской войне, победа ничего им не обещает, кроме обязанности платить по внешним займам царизма, а в настоящем они видят свое полное бесправие и диктатуру золотых погонов.

Что же касается другого важного элемента армии, ее стержня, ее скелета, ее кадра и командного состава, то в этом отношении наши противники имели над нами безусловное преимущество и сохраняют его отчасти и теперь.

Командный состав у них надежный, его всегда было более чем достаточно, и недавно иностранные газеты смеялись над тем, что в деникинской армии на 50 000 солдат приходится 60 000 офицеров. Правда, это офицерство в значительной мере уже перебито. Еще больше перебито его у Колчака, в армии которого уже начал ощущаться кризис с командным составом. С другой стороны, хотя и медленно, но все же неуклонно мы увеличиваем кадр наших командиров политически надежными красными офицерами. В этой области соотношение сил постепенно меняется в нашу пользу.

Что же касается кадра более массового, то здесь дело обстоит следующим образом. Чисто буржуазный кадр колчаковской армии довольно тонок, т.е. буржуазные сынки предпочитают в тылу звать других к защите «родины» и заниматься спекуляцией. Кулацкие кадры Колчака сократились в огромной степени вследствие потери, с одной стороны, вследствие утраты части территории – с другой.

Разгром Колчака вызван главным образом сокращением до минимума этих кадров и огромным разложением среди мобилизованных середняков и рабочих, массами переходящих на нашу сторону. В дальнейшем каждый вновь занятый завод Урала будет пополнять революционно настроенными рабочими пролетарские кадры наших частей, в то время как кулацкие и буржуазные кадры колчаковских частей, бросаемые в бой по необходимости в самые опасные места, будут таять с каждым днем.

Менее благоприятно для нас обстоит дело с этой стороны на Южном фронте. Зажиточное казачество, составляющее основу армии Деникина, еще сохранилось, хотя огромное количество его перебито в предыдущих боях. Офицерства у Деникина более чем достаточно.

С другой стороны, не исключена возможность временного блока украинского кулачества с кулачеством казацким против пролетарской диктатуры. Минус Деникина состоит в том, что наше крестьянство, не исключая даже кулачества, относится с величайшей неприязнью к реакционному казачеству, и обилие у Деникина старых гвардейских офицеров с знаменитыми (по расправам с мужиками) фамилиями выявляет без всяких прикрас дворянско-буржуазный характер его похода и его диктатуры. При таких условиях

Деникину не удастся насильно потащить за собой крестьянство даже в том размере, в каком временно это удалось Колчаку. Армия Деникина рискует остаться только при одном своем кадре, и тогда она будет сломлена окончательно имеющей огромный численный перевес сил Красной армией.

Что касается утомления войной, то это утомление одинаково сильно как у нас, так и у наших противников, с той, разумеется, разницей, что нам легче ослабить это утомление, раскладывая тяжести войны на большее количество людей. Преимущество же наших противников заключается в том, что почти все они захватили места с наибольшим количеством излишков хлеба, и утомление, возникающее в массах на почве голода, их не задевает.

Общее утомление войной и общее разложение воюющих армий имеются и у нас и у наших противников. Весь вопрос в том, у кого процесс этот пойдет быстрее, кто первый попятится назад и затем рухнет на землю окончательно.

Кто?

Краснов и вся донская контрреволюция уже дышала на ладан, она была уже на шаг от краха, сами офицеры Краснова, как видно по дневникам убитых, уже считали свое дело погибшим и собирались бежать в Персию.

С помощью Деникина и тифа в нашей армии, благодаря нашей благодушной распушенности победителей и уверенности во взятии Ростова «через две недели», а также другим причинам, связанным с крестьянским составом южных дивизий, вражеский Донской фронт ожил, окреп и теперь серьезно угрожает нам.

Колчак уже выходит из строя, его войска разложились в огромной степени и во многом напоминают армию Керенского перед тарнопольской* катастрофой. Один, и притом самый важный, наш враг подался раньше нас.

Теперь на очереди Деникин. Разложение Деникина начнется с того момента, когда наш крестьянин из прифронтовых губерний почувствует угрозу своей земле. Это придаст новый дух твердости и ожесточения Красной армии, это внесет разложение в ряды насильственно мобилизованных Деникиным, это решит исход нашей войны с донской контрреволюцией.

Необходимо еще добавить к сказанному, что только теперь рабочий класс Украины в своей массе превращается в солдат.

Это – новая и свежая сила, это – сила, еще не участвовавшая в Гражданской войне истекшего года и способная сильно пошатнуть в нашу сторону чашку весов.

Но если с Колчаком мы, по-видимому, кончаем, п.ч. он не выдержал состязания на истощение, с Деникиным, весьма возможно, придется закончить войной на истребление. А в таком состязании в конце концов побеждает тот, у кого при прочих равных условиях больше живой физической силы.

Этой силы больше у нас.

Е. Преображенский **

* Название г. Тернополя до 1944 г.

** Эта статья была опубликована в еженедельном приложении к газете «Правда» – Еженедельнике «Правды». 1919. 27 июля.

№ 53. ЗАМЕТКИ О КРАСНОЙ АРМИИ*

29 июля

Борьба со стихией разложения

I

Наши недавние неудачи на Южном фронте ставят еще и еще раз вопрос о пристальном изучении причин стихийного распада отдельных участков фронта, о борьбе с этим распадом, когда болезнь уже началась, о предупреждении болезни, когда она только лишь намечается.

Занятые злостью дня, погруженные с головой в практику и неизбежно близоруким от этого, мы не имеем времени даже осмыслить теоретически все происходящее, и до сих пор еще не изучили все происходящее, и до сих пор еще не изучили вполне тот военный механизм, которым оперируем на наших многочисленных фронтах. А между тем за это пора браться. Как раз наша практика начинает требовать теории. Русский революционный марксизм никогда не страдал пренебрежением к теории. Его упрекали всегда в обратном, особенно когда теоретические дискуссии, на базисе очень скромной по размерам практики, отнимали много умственных сил.

Теперь, наоборот, на основе колоссальнейшей практики мы уделяем сообщениям всякого рода поразительно мало времени и места.

Настоящими строками я хотел бы побудить к обобщающим выводам по вопросу о Гражданской войне и о военном инструменте этой войны более сведущих в деле товарищей. Нет никакого сомнения, что некоторые из наиболее ответственных наших товарищей, ушедшие в военную работу и никогда не теряющие для себя способности к теоретическим выводам, чтобы избежать тяжелых ошибок, эти товарищи почти ничего не сообщают в печати об этих выводах для других; результаты их опыта и размышлений пропадают для практики других. Начали было писать кое-что т. Троцкий и Сокольников, но остановились в самом начале, захваченные «текущим моментом».

Теоретические выводы нужны нам для сокращения расхода сил в практической борьбе, для избежания роскоши ошибок, которые начинают делаться слишком разорительными к началу Гражданской войны.

Были народы, для которых война была ремеслом и состояние войны — естественным состоянием. Древние германцы, чтобы сохранить воинский дух, занимались земледелием по очереди, как скучной, непривлекательной, но необходимой работой. наших запорожцев XVII в. и ландскнехтов Западной Европы разлагало не состояние войны, а состояние мира.

В феодальном обществе и при существовании абсолютизма постоянно на военном положении находится определенный общественный класс — рыцарство.

Лишь постепенно воин превращается в помещика, не переставая долгое время быть воином своего государя. Большинство общества живет уже на мирном положении; на военном живет только один класс, да и тот постепенно начинает переходить на мирное положение, создавая особый тип военно-земледельческого класса. Таким же военно-производительным объединением является и наше казачество, с той лишь разницей, что казак ближе и непосредственней, чем помещик, связан с земледельческим производством. Однако такая организация, как бы ни уменьшалась, постепенно в ней

* Начало. Продолжение см.: Док. № 54–56.

доля чисто военного объединения определенных групп населения являлась (а по отношению к казачеству отчасти и является до сих пор) не искусственным, а естественным объединением.

С разложением крепостничества, с ликвидацией абсолютизма и дворянского господства, с укреплением буржуазного общества постоянно на военном положении остается лишь незначительный кадр профессионального офицерства с дворянской верхушкой во главе. Буржуазное общество, как таковое, не есть общество войны. Но это общество всегда должно быть готово к войне. Оно усиленно культивирует зародившуюся еще при абсолютизме систему постоянной армии на основе всеобщей воинской повинности. Но эта армия, основанная на отрыве от производства сотен тысяч людей, является уже не естественным, а искусственным и принудительным объединением.

В этом ее коренное, если можно так выразиться, принципиальное различие от войска средневековых рыцарей, от запорожцев, от казачества, от вооруженной шляхты и ратных людей из нашего дворянства. Этот искусственный механизм постоянной буржуазной армии стихийно тяготеет к распаду. Однако с этим стремлением буржуазное общество в мирное время борется вполне успешно. С одной стороны, оно регулирует стихийную тягу домой, назначая определенный срок службы, с другой — пускает в ход испытанные средства дисциплины, морального воздействия и целый арсенал карательных мер.

Все эти меры, действительные до определенного момента, оказываются менее успешными во время самой войны, особенно во время затянувшейся и тем более неудачной войны, и окончательно отказываются служить, когда война перекрещивается с революцией.

Буржуазная армия является не только искусственным, но и искусно построенным механизмом. Красная армия является менее искусственным, но и менее искусным механизмом. Прежде всего, в организации своих резервов она начинает отчасти возвращаться к военно-производственному, а следовательно, естественному объединению. Таковы резервные полки, отряды особого назначения, всеобщее военное обучение. Затем искусственность объединения в Красную армию смягчается единством трудового классового состава ее рядов, а также и территориальным характером огромного количества ее пополнений. Менее искусным механизмом Красная армия является вследствие классовой пестроты и технического несовершенства командного состава. В общем же и целом, организм Красной армии также подвержен стихии распада и требует неустанный приращения всех средств борьбы с этим распадом.

Об этом слишком часто забывают.

Если данная часть теперь является боеспособной и внутренне крепкой, то эта прочность есть результат целого ряда непрерывно действующих причин. Боеспособную часть можно сравнить с наполненным сосудом, из которого вода вытекает через одно отверстие, а через другое втекает. Равновесие достигается очень сложным взаимодействием между процессом пополнения и процессом опорожнения. Стоит лишь хоть немного закупорить вход или уменьшить подачу воды — и сосуд постепенно станет пустеть. Это сравнение касается не только пополнения резервами, но и всех факторов, которые поддерживают боеспособность.

Между тем опыт показывает, что если мы обладаем большими способностями при известном минимуме времени строить боеспособные части, т.е. организационно складывать в соответствующей пропорции все факторы, противодействующие стихии распада, то мы проявляем большое неумение удержать долго построенное на том же уровне. Я говорю здесь именно о неумении, а не о тех объективных причинах, которые иногда заставляют сознательно губить часть, пропуская все сроки для ее починки.

Как бы мы ни суживали роль национального характера и его свойств при объяснении тех или иных явлений крупного массового исторического значения, было бы несправедливо в деле строительства наших воинских сил не упомянуть недобрым словом

нашу порывистость, наш винегрет из лени и энтузиазма. Замечено уже, что мы слишком часто падаем, но очень быстро поднимаемся и оправляемся от удара. При этом мы тратим на подъем значительно больше сил, чем их было бы нужно, чтоб совсем не падать, приняв вовремя необходимые меры предосторожности.

Возьмем типичный пример. После какой-либо очень ощутительной встряски начинается восстановление фронта. Работа, как и всегда после удара обухом, идет быстро и успешно. Восстанавливаются и возрождаются расстроенные части, создаются новые, создается устойчивое положение, затем начинается наступление, враг отступает.

Нужно лишь сохранить установившееся соотношение сил, не уменьшать размах работы, не ослаблять напряженного внимания и бдительности, не забывать вчерашнего дня. Не тут-то было. Порыв проходит. Успех деморализует организаторов успеха; они засыпают на достигнутых лаврах; сила распада с неумовимой методичностью расстраивает понемногу всю постройку, пока под влиянием часто небольшого удара извне не начинается снова кризис и падение.

И снова трудимся мы над новой постройкой, снова организуем победу и организуем из всех тех элементов, которые не только имеются налицо сегодня, но и имелись вчера. Чего же не хватало для победы, если все объективные данные имелись налицо перед поражением? Для победы не хватало поражения – вот единственный вывод.

Правда, поражение, особенно если оно связано с потерей значительной территории, действует не только плодотворно в психологическом отношении на организующие элементы армии, но и дает новые резервы из трудящихся масс, поставленных лицом к лицу с возможностью белогвардейского нашествия. В этом случае поражение делает более глубокую вспашку в Гражданской войне и поднимает слои, до того безучастные к нашей агитации. Однако роль этих резервов в сравнении с громадой всех сил, приводимых в движение нашим военным и советским механизмом, в областях, не подвергающихся непосредственной опасности, все же ограничена.

Каким же образом преодолеть нам прекрасные свойства русского человека, являющиеся столь сомнительным кладом именно в упорной и длительной Гражданской войне? Каким образом, не пользуясь убыточным толкачом поражения, мы могли бы систематически и успешно преодолевать стихийные разлагающие процессы в армии и без помощи поражения мобилизовать огромные запасы сил, которые мы открываем с изумлением только после того, как нас прижимает к стене противник?

Что касается нашего импрессионизма* и перебоев в приливах и отливах энергии, – лучшим лекарством все-таки является усовершенствование нашего теперешнего военного механизма. В большей своей части этот механизм мы взяли у наших классовых врагов. Рассчитан этот механизм на национальную, а не Гражданскую войну. В этом его недостаток. Но он не рассчитан специально на русский нрав. И в этом его достоинство.

Точно так же и для борьбы с разложением никаких пока особых средств, кроме усовершенствования военного и военно-партийного механизма, придумать невозможно. Надо лишь приспособить военную машину к особенностям Гражданской войны на стадии чрезвычайно сильного истощения масс, принимая в то же время во внимание большое различие в обстановке на различных фронтах борьбы.

Как начинается эпидемия разложения и как должен быть усовершенствован механизм для борьбы с ней, об этом в другой раз.

Е. Преображенский

* Так в тексте.

№ 54. ЗАМЕТКИ О КРАСНОЙ АРМИИ*

1 августа

Борьба со стихией разложения

II

Наше несчастье состоит в том, что мы не только осуждены осуществлять социализм в мелкобуржуазной стране, но и вынуждены вести социалистическую войну руками равнодушных к социализму или враждебных ему крестьянских масс. От этого печального факта не уйдешь. Но можно ослабить действие этого фактора умелым распределением пролетарских сил в армии и умелой группировкой крестьянских масс сообразно их имущественному положению.

Неустрашим факт страшной усталости народа от двух войн подряд. Но многого можно достигнуть политикой равномерного распределения тяжестей войны между наибольшим числом людей, не предоставляя дезертирам решать вопрос о создании резервов по лесам и оврагам нашего тыла.

Все упомянутые выше объективные причины, вызывающие разложение Красной армии, действуют со стихийной силой, действуют неуклонно, неумолимо, непрерывно. Что же могут противопоставить этому действию наш военный механизм и сила нашей партии?

Я говорил выше об умелой и усиленной пропаганде. Хотя все белогвардейские газеты изумлены и встревожены огромным размахом нашей агитации и нашей политической работы, тем не менее мы делаем в этой области едва ли третью часть того, что нужно и что мы можем делать.

Мы милитаризировали и бюрократизировали нашу агитационный военный аппарат. Это дает огромный плюс в том отношении, что наша агитация и пропаганда в армии не зависят от настроения и желания агитаторов; она носит не случайный, а систематический характер. Но выиграв в систематичности и упорстве, наша агитация чрезвычайно пострадала в своем качестве.

Прежде всего, основное содержание агитации часто не то, что нужно. Наши товарищи из молодых забывают часто одну важную вещь. Наше крестьянство, упираясь при мобилизации, дезертируя после призыва, все же ведет Гажданскую войну.

Миллион крестьянской молодежи стоит под ружьем. Это огромной важности исторический факт, из которого надо сделать все выводы.

Особенность русской социалистической революции состоит не только в том, что мы завоевали в октябре власть при поддержке почти всего крестьянства, — факт, который будет совершенно невозможен для Европы за исключением, быть может, двух-трех балканских государств, — но и борьба в защиту завоеваний революции у нас проходит при фактическом участии огромного большинства крестьянства. Но в этой борьбе крестьянство участвует, защищая землю, а не социализм.

Субъективные мотивы участия в борьбе крестьян и рабочих совершенно различны. А потому при агитации среди красноармейцев-крестьян мы должны выдвигать на первый план не наши мотивы борьбы, не мотивы рабочих, а их мотивы, мотивы крестьян. На практике же во многих случаях, если не в большинстве, дело обстоит наоборот. Какой-нибудь молодой агитатор, усвоивший все выгоды, которые дает человечеству коммунистическая система хозяйства, жаждет немедленно поделить-

* Продолжение. Начало см.: Док. № 53.

ся своим коммунистическим восторгом с красноармейцем-крестьянином. Но средняк-крестьянин, составляющий большинство в нашей армии, оказывается упорно равнодушным к коммунистическим лозунгам; он переносит тяжести войны с Красновым, Деникиным и «кадетами» по своим соображениям, а не по мотивам сознательного рабочего-коммуниста. В результате же того, что его «классовое сознание» просвещают как раз в обратном направлении и упорно подсовывают ему не его мотивы борьбы, наша неумелая пропаганда часто имела неизбежно контрреволюционное значение. Восторженный коммунист-агитатор, не умеющий приспособляться к слушателям, нередко достигает лишь одного: он окончательно и, так сказать, официально, от имени советской власти, убеждает крестьянина, что последний ведет войну за чужое дело, и, таким образом, приводит красноармейца к тем же выводам, на которые наталкивают его всяческие белогвардейские листки.

А между тем сколько глубоко жизненной, деловой правды и чрезвычайно убедительной для крестьянина, которая почти совсем не освещается в нашей агитации! Вот примеры. При царе наш государственный бюджет достигал 3 млрд золотом, из которых в форме прямых и косвенных налогов почти 2 млрд падало на крестьянство. В переводе на покупательную способность нашего бумажного рубля это дает 200 млрд налогов ежегодно. Сколько налогов теперь платит крестьянство?

В переводе на теперешний рубль, сколько должно уплатить крестьянство по иностранным долгам царизма и керенщины, достигающим 19 млрд золотом?

Сколько стоит в переводе на наш теперешний рубль перешедшая к крестьянам помещичья земля, которую у них хотят отнять белогвардейцы с возложением убытков на них же?

Я не видел ни одной брошюры, ни одного листка или плаката, где бы в понятной всем форме говорилось, с цифрами в руках, а не только фразами, об этих экономических заслугах советской власти пред крестьянством. Говорятся речи, которые с таким же успехом можно было бы сказать и месяц, и полгода, и год тому назад. Пишутся воззвания, бездарные, составленные из общих истасканных фраз, совсем не отвечающие на вопросы, которые волнуют массы сегодня. Вывешиваются плакаты-картины, поражающие отсутствием всякой способности действовать на зрителя художественной народной простотой замысла.

Вывод. Агитация в деле строительства Красной армии, в деле борьбы со стихийными силами разложения, в деле организации победы имеет для нас совершенно исключительное значение. Этому делу должно быть посвящено исключительное внимание. Достигнутую нами колоссальную централизацию агитационного аппарата надо использовать для того, чтобы, во-первых, по всей России говорить красноармейцам все то, что в данный момент нужнее всего сказать, а во-вторых, говорить так, как с наибольшим талантом мы можем сказать. Необходимо, чтобы самые выдающиеся члены нашей партии, начиная с т. Ленина, были обязаны давать в два-три месяца раз лично ими написанные популярные брошюры и воззвания для армии.

Уметь говорить с массами – большое искусство, на которое способны немногие.

В-третьих, необходимо в корне изменить характер работы наших агитпросветов, превратив их в органы партии, чего на практике до сих пор в большинстве случаев не сделано, несмотря на принятые в этом смысле постановления.

Наконец, нами почти не использован в агитационном смысле такой клад, как колчаковские перебежчики, которых систематически, по определенному плану, надо распределить по всем агитационно-просветительным пунктам Республики.

№ 55. ЗАМЕТКИ О КРАСНОЙ АРМИИ*

14 августа

Цементирование армии

III

От крестьянского состава Красной армии мы никуда не уйдем. Мы можем лишь связать ее сравнительно малочисленным цементом из кадра сознательных рабочих и коммунистов. Какое огромное значение имеет такой кадр в нашем красном лагере, показывает косвенно судьба колчаковской армии.

В царской армии связующий кадр в войсках состоял исключительно из командного состава, низшего и высшего. Вся масса солдат была достаточно послушна, чтоб не заниматься особой сортировкой рядовых солдат и не требовалось в каждой роте создавать связующий элемент из особенно надежных для царизма солдатских элементов.

Наоборот, в Гражданской войне, когда в борьбу втянуто среднее крестьянство, стихийно тяготеющее к нейтрализму, когда на стороне белых — ненадежно мобилизованная беднота и рабочие, а на стороне красных — зажиточное крестьянство, вопрос о кадрах в самых низах армии приобретает огромное, прямо решающее значение. Как-то разбирая в штабе одной дивизии на Восточном фронте только что захваченные в бою документы из канцелярии разбитого полка колчаковцев, мы обнаружили, что в каждой роте в составе рядовых солдат было от 13 до 26 офицеров. Это тот кадр, которым держалась колчаковская армия, после того как белогвардейское командование в результате частично удавшейся мобилизации крестьян и после истребления большого количества офицеров, сведенных в отдельные ударные части, перешло к цементированию мобилизованных масс посредством свободного офицерского кадра, вливаемого в части в роли рядовых солдат.

Истребление большей части офицерских и добровольческих кулацких элементов колчаковской армии привело сибирскую армию к катастрофе.

Этот урок очень поучителен и для Красной армии, хотя у нас и есть ряд чрезвычайно важных преимуществ над противником. Во-первых, средняк-крестьянин вообще, средняк Великороссии в особенности, при всем его стремлении уклониться от Гражданской войны на какой бы то ни было стороне с гораздо большей охотой сражается в Красной армии, чем в белой, по целому ряду всем известных причин. Затем, кулацко-казацкий кадр белогвардейцев малочисленной бедноты и пролетариата, составляющих кадр наших частей. В результате всего этого мы, употребляя менее принуждения и больше агитации, создаем более боеспособную в своей массе армию, чем наши противники, не говоря уже о том, что и число героических, чисто крестьянских полков в Красной армии довольно значительно. Тем не менее наличие постоянного коммунистического и пролетарского кадра, как общее правило для всей Красной армии в целом, имеет огромнейшее значение. Рядом с испытанными крестьянскими полками, выдержавшими с честью год Гражданской войны, мы имеем гораздо большее количество наспех, без достаточного кадра, сколоченных полков, которые или были взяты в плен, либо сдались в плен, либо расформировались и переформировались сверху донизу, сохраняя лишь свой номер полка.

С этой точки зрения огромный интерес представляет изучение испытанных, стойких частей Гражданской войны, с одной стороны, и статистический итог частей, выбывших из строя, развалившихся, сдавшихся в плен и т.д., вместе с характеристикой их

* Продолжение. Начало см.: Док. № 53—54.

внутреннего состава — с другой. Во всяком случае неоспоримо одно. За год с лишним напряженной Гражданской войны все время происходил естественный подбор наиболее устойчивых военных единиц, которые сохранились, выдержав тягчайшие бои, лишения всякого рода, имея колоссальные потери. И в результате выдержали испытание части, где все время сохранялся определенный пролетарский и коммунистический кадр не только среди командного состава, но в рядах простых красноармейцев либо, что случалось реже, имелся кадр боевых и сознательных элементов крестьянства. Наоборот, полки, сформированные исключительно из мобилизованных крестьян, снабженные полагающимся количеством также принудительно мобилизованных офицеров, даже при наличии хороших комиссаров, в большинстве оказывались хрупкими, беспозвоночными образованиями и гибли десятками, рассыпаясь как песок. Исключение представляли лишь те части, которые при всех недостатках формирования попадали сразу на фронте в благоприятную обстановку, участвовали в победах, не ими подготовленных, успели выделить и из крестьян-красноармейцев некоторый прочный боевой кадр и, таким образом, приобрели тот устойчивый скелет, без которого никакая часть в Гражданской войне не может быть долговечной.

Таковы факты. Эти факты многому нас учат, и прежде всего учат с величайшей бережливостью относиться к выделившимся на протяжении года войны сознательным и боевым красноармейским кадрам. Эти кадры обладают чудодейственным свойством переваривать сырые и свежие массы пополнений в прямо невероятных пропорциях. Мне известен один геройский полк, у которого в некоторых ротах оставалось от 6 до 15 человек старого состава, а тем не менее эти горсти людей были в состоянии заразить и пропитать своим боевым духом и сплоченностью сотни и тысячи вливаемых пополнений.

Боевые кадры чаще всего нам дороже территорий, и территории завоевываются быстрее, чем создаются такие кадры. Совершенно недопустимо поэтому доводить дело до физического истребления в неравных боях этих подлинных знаменосцев Красной армии. Наши товарищи на фронте, конечно, прекрасно знают цену нашим красным кадрам, и если бывают вынуждены на недопустимую расточительность по отношению к ним, то это в большинстве случаев вызывается независимыми от них обстоятельствами войны. Бывает, что другого исхода нет.

Чтоб был другой исход, пора уже поставить на практическую почву вопрос не только о целесообразном использовании кадров, оседающих в Гражданской войне путем стихийного естественного подбора, но и перейти к планомерному, искусственному подбору красноармейских кадров. Мы создаем теперь кадры красного офицества. Необходимо с такой же планомерностью и энергией создавать красноармейские кадры.

Некоторые армейские запасные батальоны уже многого достигли в этом отношении. Необходимо ту же работу повсюду начинать в тылу. Для этого создается полная возможность.

Колчак разбит, денкинское наступление приостановлено и, быть может, скоро сменится нашим наступлением, и, таким образом, организационная, планомерная работа в тылу может начаться в указанном направлении без перебоев. Практически можно достигнуть цели путем организации при каждом губвоенком особых кадровых рот. Если бы каждый губвоенком смог организовать до 500 отборных красноармейцев, которые были бы поставлены в особо благоприятные условия политической работы и по определенному плану подготавливались бы к их будущей важной роли, вопрос о красноармейских кадрах был бы поставлен в тылу на правильные рельсы. Двадцать тысяч кадровых красноармейцев в состоянии цементировать полмиллионную армию. Это знают все товарищи с фронта.

Необходимо еще упомянуть здесь о совершенно неправильном использовании коммунистических кадров, которое продолжает практиковаться. У нас в армии, по-видимому,

достаточно коммунистов, и их как цемента хватило бы для всей армейской организации. В действительности же очень немного рот, где коммунисты были бы в достаточном количестве. Главная масса коммунистических кадров используется где-то около фронта, а не в передовых линиях.

Все это было бы невозможно, если наличие кадра определенной численности признавалось бы столь же необходимым в каждой части, как установленное количество винтовок, пулеметов, орудий и т.д.

Одним словом, мы должны поставить себе целью создание красноармейских стойких кадров армии и не доверять это дело исключительно стихии Гражданской войны. На главное возражение, которое будет выставлено против сказанного и которое будет упреждать на недопустимость выделения в Красной армии каких-то гвардейских элементов, придется ответить двумя словами: не бойтесь делать всех выводов из того факта, что пролетариат составляет меньшинство в Советской России, но что в то же время он — единственный руководитель всей революции.

Е. Преображенский

№ 56. ЗАМЕТКИ О КРАСНОЙ АРМИИ*

24 августа

[IV]

Допустим, на определенном участке фронта создается благоприятное для нас положение. Неприятель отступает, в далеком тылу это отступление уже расценивается, как окончательный разгром, наши военные обозреватели, забегая вперед кавалерии, уже предвещают падение того или иного неприятельского пункта. Но вот наступление внезапно приостановилось, затем появляются в сводках сообщения об отбитых атаках неприятеля, затем об упорных боях, где нам пришлось несколько отступить, и, наконец, после ряда сообщений о медленном отступлении с боями начинают уже мелькать ежедневно названия станций и городов, оставляемых почти без сопротивления. Катастрофа выясняется в полном объеме.

Что же произошло на фронте? Когда начало подготавливаться поражение и из каких элементов оно сложилось?

Для рядовых читателей газет поражение началось с момента отступления. Для товарищей же, находящихся на фронте и умеющих предвидеть завтрашний день, неизбежность поражения обыкновенно становилась ясной еще во время наступления, особенно в его последней стадии, потому что уже к тому времени начинали сказываться изменения в обстановке.

В чем выражаются обыкновенно эти изменения?

Первое и самое главное изменение — это достигающее крайних пределов переутомление частей. Разложение частей на почве невероятного переутомления — самое типичное явление в нашей Гражданской войне. Крепкие, сплоченные, геройские части распадались, потому что физически не могли дольше выносить тяжести непрерывных боев. Мне вспоминаются железные роты мажар-интернационалистов на Уральском фронте, геройские рабочие полки, которые мы губили, не имея резервов, и которые в конце концов начали разлагаться от невероятной усталости. Наоборот, даже кратковременный отдых делал потерявшие боеспособность части вновь готовыми к сраже-

* Печатается как статья дискуссионная. (Редакционное прим.) Начало см.: Док. № 53—55.

нию. Но если в первые месяцы войны мы **вынуждены** были или обходиться без резервов, или сводили их к смехотворно малой величине, то в дальнейшем, когда весь наш военный механизм сорганизовался и начал располагать сотнями тысяч мобилизованных красноармейцев, проблема резервов должна была бы получить свое решение скорее и радикальнее, чем это было фактически проведено. Прежде всего, необходимо установить как нерушимое правило определенный максимальный срок, по истечении которого находившаяся в боях часть **обязательно** отводится в резерв. Этот срок должен сократиться в зависимости от того, какой напряженности достигали бои. Заявления красноармейцев о том, что они хотят идти вперед, не должны приниматься во внимание, если срок пребывания на линии боев для данной части истек. Между тем именно в моменты успешного наступления чаще всего не принимается во внимание неумолимый закон физического истощения солдатских масс, и именно в эти моменты закладывается фундамент будущего поражения.

В этом отношении нам не мешает кой-чему поучиться у наших противников. Когда зимой наша N-ская армия находилась в состоянии катастрофического отступления от Кушвы и Перми, наши перехватили приказ командующего колчаковским фронтом, в котором говорилось: действующая дивизия ведет наступление до станции Калино. Дальше наступление на Пермь будет вести другая N-ская дивизия (в приказе была названа находившаяся в резерве дивизия противника). Несмотря на то что Пермь мы были вынуждены все равно отдать даже силам ведшей наступление на нас дивизии, что было прекрасно известно противнику, несмотря на то что участие в бою двух дивизий со стороны противника ускорило бы падение Перми и увеличило бы трофеи колчаковцев, белогвардейское командование не увлеклось этой заманчивой перспективой и продолжало даже при столь головокружительном успехе отвод в резерв бывших определенное время в боях частей. Всегда ли мы поступали таким образом в период удач?

Вторая важная причина, подготавливающая разложение частей и поражение, – недостаточность пополнений и недоброкачественность их. Особенно разлагающе действует недоброкачественность пополнений, вливаемых в обесиленные в результате тяжелых боев части, которые в то же время продолжают оставаться на позициях. Нередко бывает тогда, что не старые оставшиеся кадры перерабатывают пополнения и делают их боеспособными, а, наоборот, нахлынувшая масса пополнений разлагает остатки боеспособных частей. Практический вывод отсюда уже делается нашим командованием, и для основательного пополнения части отводятся в резерв, и пополнения подвергаются двойной обработке до боя: изнутри – старым кадром, извне – агитационно-политической работой. К сожалению, не всегда обстановка на фронте позволяет поступать таким образом.

В результате, когда все упомянутые причины начинают оказывать сразу свое действие, когда, на несчастье, ухудшается по тем или иным причинам снабжение, когда учащаются факты измены со стороны офицерства (а они учащаются обыкновенно именно в такой обстановке) и когда, наконец, у неприятеля произошло накопление сил, – все данные для поражения налицо.

Но неужели, спросит читатель, это накопление фактов, ведущих к поражению, ускользает от внимания ответственных товарищей на фронте?

Ничуть не бывало. Если по нашим военным архивам изучить донесения с фронта в период, предшествующий поражению, то в девяти случаях из десяти донесения, предупреждавшие о поражениях, делались, и делались в большинстве своевременно. Но если в то же время изучить за тот же срок все донесения со всех фронтов, то окажется, что донесений о неизбежных катастрофах и поражениях было больше, чем катастроф и поражений. Иными словами, донесения кричат совершенно одинаковым голосом о неодинаково серьезном положении. А отсюда вывод: необходимо научиться делать правильно

донесения. Пусть не думают товарищи, что это техническая мелочь. До тех пор, пока с фронтов не будут правильно, взвешивая каждое слово, делать донесения, никакое планомерное и целесообразное распределение военных ресурсов Республики не будет возможно. Но, с другой стороны, все мы знаем, что с фронта приходится кричать на несколько тонов выше, если необходимо хоть что-нибудь получить и расшевелить центр. Значит, правильных донесений нельзя ждать, пока военный центр сохраняет всю свою громоздкость, малоподвижность и не будет также внимательно взвешивать каждое слово, как его взвешивали, делая донесение.

Как будто бы заколдованный круг. Но выход, однако, есть. Укажу на то, что уже назрело.

Прежде всего, необходима децентрализация военного аппарата. Мы уже стоим перед необходимостью такой децентрализации в нашем общесоветском и производственном аппарате. Мнение всех уполномоченных ЦК и ВЦИК по этому вопросу достаточно ясно выражено на собрании уполномоченных в конце июня. Я уверен, что, если собрать ответственных партийных товарищей с фронта на совещание, они высказались бы за уничтожение излишней централизации в военном аппарате и за самостоятельность отдельных фронтов в ряде вопросов, особенно вопросов, касающихся снабжения. То же самое надо сказать и о правах окружных и губернских военных комиссариатов.

Как бы ни малы были свободные ресурсы людьми и снабжением, находящиеся в распоряжении нашего военного аппарата, этих ресурсов все же достаточно, чтобы прийти на помощь в каждый данный момент самому угрожаемому пункту. Но далеко не всегда помощь получает именно наиболее угрожаемый пункт. Машинная работа слишком неповоротлива.

Кроме устранения излишнего централизма, наш военный аппарат может стать более эластичным, если будет проведено в жизнь постановление 8-го съезда партии о регулярных съездах ответственных военных работников. **Пора задать вопрос: почему это решение съезда до сих пор остается на бумаге?** Напрасно будут указывать, что военная обстановка мешает таким съездам. Эти возражения немногого стоят. Во время наступления, извольте ли видеть, съезжаться не время, п.ч. и так все идет хорошо. Во время отступления съезжаться не время, п.ч. дело плохо и всем надо быть на своих местах. Хорошо ли идут дела, плохо ли — съезды, оказывается, ни при каких условиях невозможны. Пора наконец начать проводить в жизнь решение съезда. Совещания военных работников, где будут съезжаться товарищи, до того сносившиеся друг с другом по вопросам огромной важности лишь по телеграфу, будут иметь огромное практическое значение, будет использован общий коллективный опыт военных коммунистов, будут сглажены многие крупные недостатки огромного механизма, и борьба с разложением отдельных участков фронта будет вестись с большим успехом.

Е. Преображенский

Правда. 1919. 19, 22, 26, 29 июня;
27, 29 июля; 1, 14, 24 августа.

**№ 57. ПРОТОКОЛ № 57 ЗАСЕДАНИЯ КОМИТЕТА
БОЛХОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РКП(б) ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ
О ПРОВЕДЕНИИ ПОЛИТИКИ ПАРТИИ
ПО ОТНОШЕНИЮ К СЕРЕДНЯКАМ И ПРИЧИНАХ РАСПАДА КОМЯЧЕЕК
В ВОЛОСТЯХ**

*30 августа 1919 г.
6 часов вечера*

Председательствовал т. Слепцов. Секретарь Зиновьев.

Присутствовали: Кутузов, Симаков, Титов, Юдаев, Дрейман и Преображенский.

П о с т а н о в л е н и е :

1. О характере работы болховской организации РКП(б).

Тов. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ доложил о проведении политики 8-го съезда по отношению к среднему крестьянству, говорил и о рабочих города. Просит ответить, почему мало обращается внимания на среднее крестьянство и рабочих города, идущих не в пользу советской власти, а также, какая причина распада коммунистических ячеек по волостям.

Тов. СЛЕПЦОВ говорит, что не сблизилась с рабочими города по той причине, что рабочий здесь очень темен и, несмотря на неоднократные наши призывы, они не идут навстречу нам, почему и не стоят на защите интересов пролетариата. Что же касается [вопроса] о привлечении к нам среднего крестьянства, то т. Смольников пытался это провести, но, к сожалению, не сделал этого и обострил проблему неправильным подходом к этому вопросу. Волостные ячейки распались в связи с мобилизациями — партийной и на общих основаниях, и лучшие товарищи ушли на фронт, но в настоящее время дело улучшается, распад некоторых ячеек в уезде надо считать временным, и к организации их укомпартом уже приняты меры.

Тов. СИМАКОВ говорит, что не успели полностью провести тезисы 8-го съезда, когда во главе находился т. Смольников, потому что им очень круто было повернуто. Что работа здесь улучшилась, это доказывает без слов последний болховский съезд Советов, на каковом в исполком прошли все коммунисты, все предложения и резолюции фракции коммунистов съезда принимались бесспорно. В городе потому нет ячеек, что при Смольникове таковые были слиты в одну общегородскую организацию; распад волостных ячеек произошел по случаю мобилизации, и примазавшиеся к нам не замедлили покинуть наши ряды, но надеемся, что в этом дело улучшится, и в волости посланы организаторы ячеек. Касаясь рабочих, говорит, что хладнокровное отношение их к советской власти вызывается тем, что семьи их живут в достатке, и добавляет: укомпарт и вся организация в целом никогда не уклонится от распоряжений центра, а недочеты и ошибки свойственны и возможны не только низам, но и центру.

Тов. ТИТОВ [заметил], что Смольников, обладая даром слова и ораторскими способностями, все-таки не успел расположить рабочих на сторону советской власти и что им были рассыпаны ячейки в городе, он много поощрял зажиточный класс, и его всегда окружала буржуазия со всякого рода прошениями, и что при нем обострилось отношение населения к партии коммунистов, в особенности в деревнях.

Тов. ДРЕЙМАН доложил, что Смольников не сумел провести мобилизацию рабочих, потому что рабочий здешний имеет свой дом, не несет особенной нужды и трудно уговорить его. Как-то на собрании рабочих Смольников сказал, что их следует занести всех на черную доску.

Тов. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ в заключение говорит, что все доклады товарищей сосредоточены на Смольникове и что последний по отношению рабочих и середняков вел правильную линию. Ячейки в городе им слиты правильно, как это сделано и в центре. Благодаря

нашей своевременной перемене отношения к средняку и не было частых восстаний на фронте. Добавляет, что здесь почему-то наблюдается отрицательное отношение к центровикам, пример – с Смольниковым и Лобановым. Предлагает для более продуктивной работы ввиду подрыва репутации некоторых товарищей, что встречается в каждом уезде, сделать перемещение лучших ответственных товарищей через губкомпарт с другими уездами, а также пересмотреть постановление укомпарта о перемещении т. Лобанова из заведовающего отделом управления в информационно-инструкторский подотдел.

После всех докладов и обсуждений постановили:

1. Вопрос о работе болховской организации разобрать на сегодняшнем общем собрании членов партии.

2. Пересмотреть постановление укомпарта о т. Лобанове.

Заседание закрыто в 8 часов вечера.

Подлинный за надлежащим подписом*

С подлинным верно:

делопроизводитель укомпарта

Подшеколин

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 198. Л. 9–9 об.

Заверенная копия. Машинопись.

Стоит печать комитета болховской организации РКП(б).

**№ 58. ПРОТОКОЛ № 37 ЗАСЕДАНИЯ ЧЛЕНОВ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ
БОЛХОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РКП(б) ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ О ЗАДАЧАХ,
СТОЯЩИХ ПЕРЕД КОММУНИСТАМИ ГОРОДА И ДЕРЕВНИ**

30 августа 1919 г.

8 часов вечера

Председательствует т. Слепцов, тов[арищ] председ[ателя] Симаков, секретарь Зиновьев. Присутствовал 51 член.

Порядок дня:

- 1) Задача партийной работы как в городе, так и в деревне.
- 2) Текущие дела.

Постановление:

1. Задача партийной работы как в городе, так и в деревне.

Тов. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ доложил, что мы сейчас накануне ликвидации наступления Деникина. Призывает сознательно и крепко держаться за интересы пролетарской революции – и победа будет за нами.

О деревне говорит, что там теперь все стали средняками и из них мы должны извлечь лучшие идеи. Партия наша должна опираться на среднее крестьянство. Добавляет, что примазавшиеся вотчинники ушли от нас, и это заметно всюду. Необходимо заняться организацией в деревне молодежи и женщин, на которых так мало обращено внимания. Кроме того, наша первая задача – вербовать членов в организацию, для чего брать самые лучшие силы деревни; вторая задача – уяснить средняку, что его ожидает на случай победы Деникина. Распавшиеся ячейки в деревне необходимо восстановить.

* Так в документе.

Обратить внимание на рабочих города. Поясняет, что сейчас началось засилье деревни над городом, которая разделяет последний. Надо усилить партийную работу в городе и уезде.

Тов. КУТУЗОВ говорит о деревенских вотчинниках, примазавшихся к нам и потом покинувших наши ряды; средняк называет хорошим крестьянином. Для работы в деревнях рекомендует послать теперь же по одному тов[арищу] в каждую волость.

Тов. СИМАКОВ разъясняет, что опасности на фронте особой нет и что мы сумеем защитить и укрепить свою революцию. О местной партийной работе доложил, что если работа и не так хорошо идет, то, по крайней мере она улучшилась в сравнении с прежней работой. Союз молодежи создан, по организации ячеек в деревни посланы инструктора, о перемещении работников послали ходатайство в губкомпарт, для усиления партийной работы посланы тов[арищи] в Москву и Орел на курсы, пояснили причины распада волостных ячеек.

Тов. СЛЕПЦОВ призывает товарищей энергичней работать и держаться лозунга «Все в партию!». Нужно ближе подойти к деревне, где есть сочувствующие нам, повести широкую интенсивную работу среди города и деревни.

Тов. ЛОБАНОВ говорит, что нужно завоевать симпатию населения города и деревни; нужно бросить лучшие силы в деревню и организовать ячейки. Каждый член организации должен отчитываться перед укомпартом не менее двух раз в месяц. Будем работать так, как подсказывает нам время.

Тов. АБРАМОВ, говоря о причине распада волостных ячеек и о равнодушном отношении рабочих города к советской власти, просит т. Преображенского дать разъяснение о трудовой интеллигенции.

Тов. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ в заключение сказал, что для улучшения партийной и вообще советской работы необходимо перемещение политических сил, широкая агитация в городе и деревне и привлечение работников в ряды нашей партии, когда будем проводить Неделю партии. О трудовой интеллигенции отметил, что она труслива, осторожна и что мы своєю неактивностью, иногда и грубостью отталкиваем ее от себя и в трудный момент опираться на нее не можем. Прения прекращаются.

П о с т а н о в и л и:

1) Для более продуктивной и вообще советской работы просить губкомпарт о перемещении ответственных партийных работников из одного уезда в другой.

2) Повести самую широкую агитацию по воскресеньям в городе и деревнях о пополнении рядов нашей партийной семьи.

3) Для тесной увязки и поднятия на должную высоту работы в профсоюзе влить туда партийных работников.

4) Вменить в обязанность каждому коммунисту делать устный доклад на общем собрании два раза в месяц о своей партийной деятельности.

5) Во всех волисполкомах председателями должны быть партийные товарищи, коммунисты, о чем поставить в известность уисполком для проведения в жизнь этого.

Заседание в 11 часов вечера закрывается.

Подлинное за надлежащими подписями

С подлинным верно:
делопроизводитель

Подшечкодлин

№ 59. ПРОТОКОЛ № 58 ЗАСЕДАНИЯ КОМИТЕТА
БОЛХОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РКП(б) ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ
В СВЯЗИ С УБИЙСТВОМ КОММУНИСТА МАКАРИНА

30 августа 1919 г.

11 часов вечера

Не подлежит оглашению

Председательствовал т. Слепцов. Секретарь Зиновьев.

Присутствовали: Кутузов, Симаков, Титов, Иванов и кандидат Дрейман, уполномоченный губчека Мастеров и Преображенский.

П о с т а н о в л е н и е :

Доклад т. Иванова о поездке его в губчека по делу в связи с убийством коммуниста т. Макарина.

Сделав краткий доклад, т. Иванов читает постановление губчека от 29 сего августа, которая, заслушав решение болховского укомпарта от 25 августа, постановила: расстрелять десять человек заложников из самого буржуазного класса, по усмотрению укомпарта, уисполкома и уполномоченного губчека. По сему вопросу были открыты прения.

Тов. ИВАНОВ настаивает провести в жизнь решение губчека и придерживаться нашей лозунгу «За одного убитого коммуниста ответим убийствами сотни буржуазии».

Тов. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ говорит, что до окончательного расследования об убийстве т. Макарина укомпарт должен свое постановление отменить и запросить санкции губкомпарта, в противном случае он, как имеющий уполномочия ЦИК, отменит сам это постановление, а губчека за опрометчивый поступок сделает надлежащий выговор.

Тов. СИМАКОВ вносит предложение: постановления укомпарта и губчека не отменять, а оставить в силе до тщательного расследования, и если это убийство сделано с политической точки зрения, то провести это в жизнь.

Тов. СЛЕПЦОВ говорит, что он не может согласиться с мнением т. Преображенского, который сказал, что за убийство коммуниста отвечает буржуазия в том районе, где это случилось, так как коммунисты должны придерживаться лозунга «Классовая борьба в мировом масштабе», и если будем снисходительно относиться к буржуазии за ее подлые проделки, то мы не гарантированы, что завтра еще [не] будет убит коммунист. Кроме того, мы подрываем свой авторитет перед массой в лице красноармейцев, которые нам определенно заявили во время похорон т. Макарина при выступлении ораторов, которые говорили, что за одного коммуниста расстреляем десять буржуев; вот слова их: «Вы, товарищи коммунисты, только говорите, и слова ваши остаются пустыми». Таким образом, мы должны доказать, что мы не болтуны и не легкомысленны.

Тов. ИВАНОВ, настаивая на своем предложении, добавляет, что нам на месте виднее центра, не следует бояться товарищей центровиков, и в частности т. Преображенского. Диктатура пролетариата, и нечего нам миндальничать с буржуазией, пока еще живы, ибо мы не уверены, что сегодня или завтра не будет еще убит кто-либо из нашей семьи.

Тов. ТИТОВ доложил, что это убийство связано с участием местной буржуазии, и предлагает расстрелять заложников и не отменять прежнего постановления.

Тов. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, отвечая т. Иванову, говорит, что нужно быть более воздержанным и не нервничать. Надо соблюдать централизацию. Террор мы проявим только в нужный момент и по существу, а не тогда, когда дело еще не выяснено или имеет уголовный характер. Коммунисты — не анархисты.

Прения прекращаются.

Принято предложение т. Преображенского тремя голосами против одного и двух воздержавшихся: «Постановление укомпарта от 25 августа о заложниках г. Болхова отменить, и если убийство т. Макарина совершено на почве политической, запросить санкцию у губкомпарта».

Заседание закрывается в 12 часов ночи.

Подлинный за надлежащим подписом*

С подлинным верно:

Секретарь укомпарта**

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 198. Л. 10.

Заверенная копия. Машинопись.

**№ 60. ПИСЬМО Е.А. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО В.И. ЛЕНИНУ
С ПРЕДЛОЖЕНИЕМ ИЗМЕНИТЬ ТАКТИКУ
ПО ОТНОШЕНИЮ К ДОНСКОМУ КАЗАЧЕСТВУ**

*Август 1919 г.****

Уважаемый Владимир Ильич!

Извиняюсь, что отниму у Вас несколько минут времени. Во-первых, прошу прочитать прилагаемое письмо с Курского фронта. Оно отчасти объясняет, почему мы, располагая силами, численно превосходящими деникинские вдвое, оказываемся биты.

Во-вторых, хотел бы сказать несколько слов о наших военных операциях против донского казачества.

Во время нашего первого захвата Донской области¹¹ там, как Вам известно, вспыхнуло восстание, потребовавшее больших сил для подавления и не подавленное. В восстании принимали участие даже женщины и дети. Теперь, при вступлении наших частей в станицы, против наших частей поднимаются с оружием в руках такие слои казачьего населения, которые не принимали участия в последних операциях Деникина. Иными словами, вступление в Донскую область не уменьшает, а увеличивает силы противника, приковывая к ним лучшие наши полки. Наступление на Донскую область как на основную базу Деникина было бы вполне правильным и привело бы к быстрой и решающей победе, если б у нас был подавляющий перевес в силах. Опыт последнего нашего наступления на всем Южном фронте показал, что у нас равные силы с Деникиным или небольшой перевес. При таком положении намеченный план наступления на Донскую область может быть выгоден только Деникину, давая ему новые резервы.

Мое предложение заключается в следующем. Мы должны начать политику разложения донского казачества в совершенно новой форме, которая, быть может, и покажется на первый взгляд авантюристической. Со слов наших товарищей, приезжающих с подпольной работы на Дону, и по белогвардейским газетам можно видеть, что донские казаки страшно утомлены войной. Вместо завоевания Дона им надо формально предложить мир, адресуясь, разумеется, к массам рядового казачества. Им надо объявить, что мы обеспечиваем себе лишь взятие Царицына, но не будем переходить Дона и не будем вторгаться в их станицы, — одним словом, что мы

* Так в документе.

** Подпись неразборчива.

*** Датируется по обложке дела.

занимаем по отношению к ним оборонительное положение. В то же время мы главные силы должны направить на Курское направление и ожидать результатов. Что предложение мое, подкрепленное пассивностью на линии Дона, может иметь огромное разлагающее влияние на казачество, об этом красноречиво говорит история ликвидации Краснова, когда мобилизованные казаки разбегались или переходили к нам в надежде на окончание войны.

Если же в ближайшее время нам удастся заключить перемирие с прибалтийского дрянью и об этом мы широко оповестим казачество, это совершенно неизбежно расколет его и создаст партию, которая будет стоять за «передышку». Эту передышку мы, конечно, сумеем использовать.

Вот сущность моего предложения. Я бы советовал то же проделать и по отношению к не завоеванной нами части территории уральского казачества.

С тов[арищеским] приветом

Е. Преображенский

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 33. Л. 15–15 об.

Автограф.

№ 61–62. СТАТЬИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В ГАЗЕТЕ «ПРАВДА» В СЕНТЯБРЕ – ОКТЯБРЕ 1919 г.

18 сентября – 12 октября 1919 г.

№ 61. УРОКИ МАМОНТОВЩИНЫ¹²

18 сентября

Конница Мамонтова еще не ликвидирована. Изгнанная из Тамбовской губернии, она перекочевала в Тульскую и восточную часть Орловской. Уйдя из Орловской и Тульской она начала свои операции в Воронежской. Из Воронежской она пойдет туда, куда ей будет нужно, потому что преследующая ее наша пехота не поспевает за ней, отставая на большое расстояние. И если даже отряд Мамонтова уйдет в ближайшее время за нашу линию фронта к главным силам Деникина, мы можем скоро ожидать вторичного появления того же или другого аналогичного отряда, потому что первый опыт крупного кавалерийского налета на наш тыл удался противнику вполне. Было бы странно ожидать, что опыт не будет повторен снова. Деникинцы нашли новый способ использовать свое преимущество в пехоте и вообще использовать все наши ресурсы в борьбе с будущими попытками безнаказанно разрушать наш тыл.

Что говорят факты?

Тамбов, Козлов, Елец были сданы казакам почти без боя. Там, где казакам было оказано более или менее упорное сопротивление, как, например, в Ранненбурге*, они отступали, избегая больших потерь. Это и понятно. Прорвавшийся в тыл отряд не только бережет свои силы, которые иначе должны таять с каждым днем, но и избегает обрастать большим обозом, что неизбежно, если накапливается много раненых. Первый вывод в этих фактах таков. Необходимо сзади нашего фронта, в ближайшем тылу, создать непрерывную линию больших и маленьких крепостей, способных оказать большое или малое сопротивление до конца, до последнего солдата, до последнего патрона. Мало

* Ранненбург в 1948 г. был переименован в г. Чаплыгин.

того, необходимо превратить в такие крепости все узловые станции, большие мосты и вообще все места, имеющие какой-либо интерес для налетчиков. Все гарнизоны этих укрепленных пунктов должны быть более или менее постоянными, и каждый красноармеец, каждый коммунист укрепленного пункта должны быть на особом учете и подлежать тягчайшей каре за недостаточное сопротивление врагу.

Затем необходимо немедленно усилить начавшуюся организацию пеших и конных партизанских отрядов, которые должны неотступно преследовать по пятам врага, ни минуту не упуская его из виду. Все свободные автомобили и мотоциклы должны быть также использованы для этой цели.

Далее, необходимо установить пункты сосредоточения и личный состав небольших партизанских отрядов из коммунистов и сочувствующих, которые должны непременно остаться на месте в случае набега противника и должны начинать работать только в его тылу.

Затем нужно в корне изменить систему преследования конницы массами нашей регулярной пехоты. До сих пор почти все наши пехотные силы, ловившие неуловимых мамонтовцев, фактически были бесполезны, они были вне боя, их как бы не существовало на внутреннем фронте. Необходимо преследовать противника непрерывными пехотными цепями, как бы тонки они ни были. Только при такой системе преследования последнее носит систематический характер и при соединении с линиями крепостной обороны может дать существенный результат.

Объединенное командование внутренним фронтом путем связи по телеграфу оказалось фактически невозможным. Необходимо поддерживать связь со всеми участками внутреннего фронта путем живой связи, в частности овладеть [...]*. С другой стороны, необходимо предоставить начальникам боевых участков гораздо больше инициативы ее самостоятельности** в сравнении с той, которая практикуется на нормальном сплошном фронте.

Наконец, нам необходимо самое главное: спешно создавать новые кадры кавалерии. Наши товарищи в Оренбургской губернии и Уральской области должны приложить все усилия к скорейшему формированию красных казачьих полков, с одной стороны, и мобилизовать весь кавалерийский конский состав — с другой. Кроме того, необходимо обязать каждый губернский военный комиссариат сформировать в кратчайший срок хотя бы по эскадрону конницы, беспощадно отбирая всех годных для верховой езды лошадей, начиная со своих, комиссариатских. Если каждый губвоенком сформирует спешно хотя бы по эскадрону, это даст нам целую дивизию кавалерии³³.

Мамонтовский налет удался как военное предприятие. Как политическое он провалился вполне. Можно смело утверждать, что именно этот налет доказал особенно убедительно и ярко незыблемость советской власти и полную беспомощность нашей внутренней контрреволюции. Никакого внутреннего фронта нигде мамонтовцам создать не удалось. Буржуазное население городов и кулацкие верхи деревни остались совершенно инертны, когда советская власть временно ушла, и не воспользовались случаем организовать и закрепиться на завоеванных казаками позициях. Прочность нашего тыла оказалась проверенной совершенно неожиданным образом.

В то время как у Колчака в тылу восстания крестьян и рабочих растут и усиливаются самопроизвольно, без нашей поддержки, когда эти восстания начинают вспыхивать в тылу и у самого Деникина, в нашем тылу даже появление живой и организованной силы белогвардейцев не в состоянии сплотить контрреволюцию наших внутренних врагов.

* Типографский брак. Пропуск текста при наборе.

** Так в тексте.

Этот факт имеет огромную важность, он самым убедительным образом доказывает всю прочность того базиса, на котором держится советская власть, и всю безнадежность попыток свалить ее каким-либо кавалерийским налетом.

Но эти налеты должны быть прекращены. Они слишком дорого могут нам обойтись, если будут повторяться.

Е. Преображенский

№ 62. КОГДА НАЧНЕТСЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ЕВРОПЕ*

12 октября

Мы даже устали ставить такой вопрос.

В этой статье я, разумеется, не намерен делать какое-либо предсказание относительно срока, в течение которого должен совершиться переворот в капиталистических странах Запада. Я намерен ответить на другой вопрос: до каких пор **не может** произойти революции на Западе.

Обратимся к исследованию экономического базиса крупнейших стран Запада, к производству, распределению, наличию запасов.

Центральный продукт европейской капиталистической промышленности, ее хлеб — уголь. Важнейшие поставщики угля — Англия и Германия. Положение с углем в Англии таково. На заседании экономического союзного совета Оккейд Гелде дал следующую справку. В текущем году предполагалось получить 213 млн т угля. Остаток для вывоза за границу предполагался в 25 млн т, из коих 9 млн предстояло получить Франции. В результате расстройств производства и, в частности, забастовок угольщиков в Англии будет добыто 183 млн т. Поэтому не только невозможно что-либо вывезти во Францию и Италию, которые добиваются получить английский уголь, но самой Англии надо будет ввезти 5 млн т для своей промышленности.

Что касается Германии, то там небывалый угольный голод уже наступил. Производство сократилось до 40% того, что добывалось до войны. Угля не хватает не только для вывоза, но и для германских железных дорог, сокративших свою работу до минимума.

В результате итальянская промышленность, жившая английским углем, осуждена на ликвидацию. Промышленность Франции, шахты которой на севере еще не восстановлены, а помощь которой со стороны Англии также невозможна, должна испытать жестокий крах. Еще хуже дело в Австрии. В Вене уже стал трамвай за отсутствием угля.

Что же касается Америки, то согласно недавним сведениям она отказывается дать Европе уголь ввиду сокращения его производства.

Но сокращение угольного производства до столь угрожающих размеров означает неизбежное сокращение всякой промышленности, работающей углем, даже если бы остальное было в достаточном количестве.

Производство продуктов питания также сильно сократилось. В Англии был неурожай. Плохой урожай был в Германии и Франции. Что же касается американского хлеба, то его излишков, по сведениям из Америки, не может хватить для удовлетворения запросов Европы.

Кроме того, все и всяческие запасы в области сырья и орудий производства, которые были скоплены за время нормального функционирования капиталистического производства и служившие целям его расширения, все исчерпаны до дна в годы войны.

* Статья была опубликована в воскресном приложении к газете «Правда» — Еженедельнике «Правды».

Следовательно, производство сократилось и сокращается, число продуктов питания недостаточно; если б даже осуществить их равномерное распределение, товарный резерв, служащий для нормального хода промышленности и ее расширения, отсутствует.

Но сокращение продуктов, подлежащих распределению в буржуазном обществе, неизбежно влечет за собой повышение цен, особенно при наличии огромного количества бумажных денег. Огромное вздорожание цен на продукты, которые мы наблюдаем на Западе, есть одна из форм борьбы этого общества за сокращение потребления. Реальная заработанная плата падает. Рай, обещанный рабочим после войны за послушание и поддержку войны, начинает превращаться в ад не только для стран побежденных, но и для победителей.

Рабочие стремятся довести свой реальный бюджет (т.е. количество получаемых за заработанную плату продуктов) до довоенного уровня. Но это не удастся, потому что размер довоенного потребления рабочих предполагал и довоенный размах производства. А производство теперь сократилось в некоторых отраслях почти в два раза.

Начинается широкое стачечное движение. Первое следствие этого движения – еще большее сокращение производства. Предприниматели и буржуазные правительства идут на уступки. Характернейшая черта почти всех без исключения массовых забастовок на Западе после войны в том, что все они кончаются или удовлетворением требований рабочих полностью, или компромиссом. Но еще более характерная их черта в том, что они начинаются в тех же отраслях снова некоторое время спустя. Почему это?

Ответ даст пример с забастовкой углекопов в Англии. Требования углекопов были удовлетворены, заработная плата повышена и в то же время повышена продажная цена угля. Но это означает немедленное повышение цен на все остальные продукты, производство которых связано с потреблением угля, т.е. почти всех продуктов промышленности. Уступки рабочим оказываются фиктивными; для потребления буржуазное общество выдает рабочим старое, т.е. недостаточное количество продуктов; изменяется лишь денежное выражение заработной платы.

Забастовки снова начинаются, снова уступки, плата повышена, но с тем же успехом. Единственно же реальным остается еще большее сокращение производства от новых забастовок.

Но не все же уступки фиктивны. Часть уступок реальна, поскольку эти уступки есть уступки капиталистами части их прибыли в пользу рабочих?

Допустим так. Но каковы же здесь пределы уступчивости капиталистов?

Ясно, что они могут уступить всю ту часть прибавочной стоимости, которая идет теперь им, **которая теперь создается**. Но, по сведениям из английских источников, например, угольная промышленность Англии уже приносит огромный убыток, и правительство, взявшее на содержание углепромышленников, не знает, чем расплачиваться с ними.

Таким образом, капиталистам крупнейших отраслей промышленности уже не из чего уступать рабочим при настоящем развале промышленности. Для уступок появляется объективная преграда, капиталистам нельзя отстреливаться уступками, т.к. источник уступок – прибыль – оказывается съеденной. Рабочим не дают прибавочного продукта. Им не хватает даже средств для воспроизводства рабочей силы.

Но, быть может, рабочим можно наложить руку на прибыль прошлых лет, на военные прибыли и т.д.?

Увы, огромная часть военных прибылей – это фиктивный капитал. Это право на получение будущих доходов от эксплуатации рабочего класса. Это не свидетельства на существующие уже продукты, а на те, которые еще предстоит создать. Если все долговые обязательства государства, если все купоны займов раздадут рабочим, вынуть из буржуазных сейфов, количество хлеба, потребляемого рабочим Лондона или Парижа,

не увеличится ни на один фунт. Только теперь война, как процесс истребления **реальных** ценностей и накопления в сейфах бумажных, начинает вырисовываться со всеми своими грозными последствиями.

До каких же пор рабочий класс Запада будет искать выхода из создавшегося положения путем экономических массовых стачек?

Ответ ясен: пока капитал еще в состоянии делать **реальные** уступки рабочим (а ресурсы здесь уже на исходе) и пока рабочие фиктивные уступки принимают за реальные.

Колоссальные забастовки, которые продолжаются на Западе, очень скоро поставят рабочих перед глухой стеной. Очень скоро буржуазное общество в его целом должно будет ответить рабочим: «Я ничего больше дать не могу». Пролетариат будет тогда искать выхода, с одной стороны, в полной экспроприации буржуазных классов и потреблении их запасов (что дает мало), а главное – в переходе к социалистическим формам производства.

Другой исход, а именно, что буржуазия постепенно наладит производство и успокоит понемногу рабочих реальными уступками, очень маловероятен.

Е. Преображенский

Правда. 1919. 18 сентября; 12 октября.

№ 63. РЕЗОЛЮЦИЯ* 1-й ВСЕБАШКИРСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РКП(б)** О ЗАДАЧАХ, СТОЯЩИХ ПЕРЕД КОММУНИСТАМИ БАШКИРИИ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

г. Стерлитамак

8 ноября 1919 г.***

Конференция коммунистов Советской Башкирии, собравшись на другой день празднования второй годовщины Октябрьской революции, определяет создавшееся международное и внутреннее положение Советской республики и свои задачи следующим образом:

1) Разложение капитализма на Западе и распад производительных сил буржуазии продолжаются и усиливаются. Во всех странах Европы обнаруживается неспособность буржуазного класса справиться с разорительными последствиями мировой войны. Усиливается продовольственный кризис, растет дороговизна и сокращается потребление рабочего класса.

2) На почве развала промышленности и голода началось мощное стачечное движение во всех капиталистических странах. Это движение на практике доказывает невозможность для рабочих улучшить свое положение в пределах капиталистического строя и всюду толкает пролетариат на путь захвата политической власти. Успехи революции на Западе выражаются как в повсеместном образовании сильных коммунистических партий, так и [в] многочисленных выступлениях европейского пролетариата в защиту Советской России. Успехи революционного движения отмечаются также в Америке и в последнее время в Японии.

* Принята на вечернем заседании Всебашкирской конференции РКП(б) по проекту, предложенному представителем ЦК РКП(б) Е.А. Преображенским.

** Доклад не обнаружен. Текст резолюции публикуется по стенограмме.

*** Начало конференции было запланировано на 5 ноября, но «ввиду неприбытия представителя ЦК г. Преображенского и делегатов от большинства кантонных конференций» день открытия был отложен до 8 ноября 1919 г.

3) Кризис буржуазного общества и распад всей грабительской системы мирового империализма проявляется также в непрекращающихся восстаниях в колониях, для которых именно теперь более чем когда-либо благоприятный момент освободиться от европейского гнета и тем ускорить крах всей системы капитализма, основанной на грабеже угнетенных народностей колоний.

4) При таких условиях двухлетнее существование советской власти и России уже само по себе является огромной победой пролетарской революции. Эта победа будет еще более решающей, если последний оплот мирового капитализма – белогвардейская армия Деникина будет разбита красными войсками. Скорый разгром Деникина является необходимым для Советской России также вследствие огромного истощения страны от затянувшейся Гражданской войны, угрожающей подрывом всех ее жизненных сил.

5) Конференция коммунистов Башкирии наряду с общими задачами всех коммунистов всей России ставит перед организациями Башкирии особые задачи по осуществлению помощи красному фронту путем проведения усиленной коммунистической работы среди отсталого башкирского народа, путем политической обработки мобилизуемых башкирских частей и путем побуждения всех организаций Башкирии к успешной деятельности в деле снабжения голодающих центров продуктами продовольствия.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 10. Л. 4–4 об.

Подлинник. Машинопись.

Приложение

Записка В.И. Ленина о политике РКП(б) среди восточных народов

*Не ранее 8 ноября 1919 г.**

Если мы будем с вост[очных] народов только «выкачивать», ничего им не давая, тогда *вся* наша междуна[родная] политика, вся борьба «за Азию» идет к черту.

Лучше оставить в покое башкир и киргизов полностью, тем облегчая свою политику борьбы за Азию. Иначе мы против англ[ийского] имп[ериали]зма ничего (в Азии) не сделаем. Серьезная борьба нам предстоит за Персию, Индию, Китай, и ради этой борьбы с малых народов Востока либо ничего не «выкачивать», либо минимальный минимум, особо точно оговоренный.

От каждого работника, советского и партийного, в Башк[ирии] и Кирг[изии] требовать ежемесячного отчета по такой примерно программе:

- 1) Что дали мы башкирам, киргизам и пр.?
- 2) Итоги просветит[ельской] работы вообще?
- 3) Особо школы для коммунистов *данной* народности?
- 4) Что взяли? *Точно*: хлеба? скота? и т.д.?

5) Случаи конфликтов с местными, башк[ирскими] и кирг[изскими] властями. Точно каждый случай.

- 6) В чем выразилась борьба с ханами, кулаками и буржуазией каждой народности?

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14810. Л. 1–1 об.

Автограф.

Частично опубли.: Стручков А. Ленин и народ.

М., 1958. С. 10; Правда. 1956. 11 июля.

* В.И. Ленин. Биохроника. Т. 8. М., 1977. С. 7.

**№ 64. ВЫСТУПЛЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВЦИК Е.А. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО*
НА ЗАСЕДАНИИ ОТВЕТСТВЕННЫХ ПАРТИЙНЫХ РАБОТНИКОВ
УФИМСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РКП(б) О ПРОВАЛЕ ПУТЧА,
ПОДНЯТОГО БУРЖУАЗНЫМИ НАЦИОНАЛИСТАМИ**

25 января 1920 г.

Тов. Преображенский. На основании личных впечатлений говорит, что выступление Юмагулова является выражением того сопротивления общесоветской экономической политике, которое оказывает кулацкая часть крестьянства Башкирии, припертая с двух сторон между коммунистической партией Башкирии и крестьянской беднотой, которую партия стремится выдвинуть на первый план, рассчитывая таким образом расколоть башкирское крестьянство.

В дальнейшем т. Преображенский рисует в общих чертах события, предшествовавшие выступлению Юмагулова, и считает необходимым на случай возможных попыток более серьезного характера к выступлению кулацких элементов Башкирии приготовить соответствующие силы для отражения этой опасности. Опыт Юмагулова показал нам, что [к] такого рода «неожиданностям» мы подготовлены.

Востсектор, на силы которого мы рассчитывали, в момент развития событий оказался способным выставить смешотворное количество вооруженных сил. Необходимо обратить серьезное внимание на приведение в боевую готовность сил, которыми располагает Востсектор на усиление работы.

Председатель
Секретарь**

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 12. Д. 710. Л. 165.
Копия. Машинопись.

**№ 65. ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВЦИК Е.А. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
НА ЗАСЕДАНИИ ПЛЕНУМА УФИМСКОГО ГУБКОМА РКП(б)***
О РАБОТЕ ГУБКОМА В УСЛОВИЯХ КОНФЛИКТА
МЕЖДУ ЦЕНТРОМ И БАШРЕСПУБЛИКОЙ**

11 февраля 1920 г.

Доклад президиума губкома

Доклад т. Преображенского

С того времени, когда кончился пленум губкома, президиуму пришлось работать не совсем в благоприятных условиях в смысле личного состава президиума. С самого же начала серьезно заболел т. Кривов, которому пришлось дать отпуск, второй член т. Юрьев приехал в Уфу только в последних числах января. Гузаков не посетил ни одного заседания, поэтому работа президиума была как бы в застое; в составе одного человека,

* Публикуется по стенограмме заседания ответственных партийных работников Уфимской губернской организации РКП(б).

** Подписи отсутствуют.

*** Публикуется по протоколу № 1 заседания пленума Уфимского губкома РКП(б)

конечно, работу вести не удалось. И только в последний момент нам удалось начать работу и слепить кой-какие отделы – так был организован агитационно-пропагандистский отдел, заведование которого было поручено т. Стукову. Затем, в силу того что в местном гарнизоне не велось почти никакой политической работы, вследствие чего происходило много недоразумений, нам пришлось *подумать** о создании при губкоме военного отдела, который следил и направлял работу существующих при военных учреждениях политических органов. Заведующим был назначен т. Кадомцев. Все задания губконференции и пленума мы не в состоянии были выполнить целиком, частично же они выполнены. Во взаимоотношениях губкома и президиума губисполкома мы можем констатировать полное благополучие.

За этот промежуток времени нам неоднократно приходилось реагировать на те или иные недоразумения в уездах: то неправильно произведена разверстка, то задержка ссылок хлеба или застой партийной работы и т.п., но в крупном масштабе губкомом ничего сделано не было. Пришлось также принять деятельное участие в улаживании происшедшего в Башкирии конфликта. За последнее время благодаря оторванности от центра, полному отсутствию столичных газет мы не имеем никаких сведений о партийной работе, даже не имеем столь необходимого для работы вновь принятого устава нашей партии. По всем важнейшим вопросам, носящим принципиальный характер, мы созывали заседания ответственных работников, таких заседаний было 4. Т[аким] о[бразом], решение крупных вопросов носило не узкий характер только одного президиума, а коллегиальный. Дела не принципиального характера мы обычно разрешали президиумом. В силу сложившихся обстоятельств нам пришлось распустить городской район и объявить там перерегистрацию: о причинах, вызвавших это, скажет подробно т. Кадомцев. Больше всего президиуму приходилось размениваться на городскую работу и на разговоры с украинцами, которые форменным образом по целым дням осаждали нас просьбами об отпуске на Украину.

Отдел по работе среди национальностей

Доклад т. Преображенского

На губконференции было решено вместо существующих национальных секций создать при губкоме отдел по работе среди национальностей. Осуществить это было решено так: еженедельно собираются председатели секций – чув[ашско]-мар[ийской], тат[аро]-баш[кирской], еврейской, латышской и иностранной группы под моим председательством. Каждый подотдел делает доклад о своем подотделе и получает указание от председателя губкома. Важные постановления обсуждаются в президиуме губкома. Но до сих пор сепаратизм в действиях секций продолжается как в деле приема [и] исключения членов партии, так и [в] других. Улучшается несколько дело в тат[аро]-баш[кирском] подотделе, туда прибыли товарищи из Стерлитамака. В работе подотдела мы столкнулись с одним фактом, на который было обращено внимание и ЦК, именно резолюция их съезда о существовании Бюро народов Востока; эта резолюция дает почву для создания отдельной мусульманской организации в уездах и губерниях, подотчетной Центральному бюро, которое прислало к нам в Уфу даже своего представителя для организации уфимского губернского бюро. Губком должен был не признать его мандата и снестись с ЦК, прося нужных разъяснений. Собрание же ответственных работников постановило, чтобы на ближайшем Всероссийском партийном съезде вопрос этот был поставлен во всем объеме. Словом, работа отдела национальностей была только в зачатии.

* Вписано от руки над строкой.

Удовлетворительно дело обстоит в латышском подотделе. Чувашско-марийский подотдел ввиду малочисленности членов находится в зародыше. Еврейский подотдел ведет работу только в Уфе, ибо на территории губернии не имеется еврейского населения. Иностранная группа по тем же причинам ведет работу в очень небольшом масштабе. Вот общий отчет. В дальнейшем из этих еженедельных заседаний надо сделать более сложный аппарат. [...]*

Тов. Барбс. Каково отношение тат[аро]-баш[кирского] подотдела к организации Татаро-Башкирской республики и к агитации в пользу создания ее?

Тов. Шамигулов информирует о постановлениях Всероссийского съезда на этот счет. Вероятно, Тат[аро]-Баш[кирская] республика не будет осуществлена, может быть, будет только Татарская. Здесь, в Уфе, в татарской газете к нашему приезду уже появился лозунг «Да здравствует Татаро-Башкирская республика». Мы постановили, что ни один татарин-коммунист не имеет права вести никакой агитации за или против образования этой республики, а только разъяснять, что значит образование таких республик.

Тов. Преображенский. Мы действовали в согласии с центром. Когда разрешен вопрос о единой экономической и военной политике, уже не представлялось большой опасности в организации национальных республик, но опыт с Башкирией заставил нас насторожиться и просить ЦК поставить вопрос на партийном съезде. Окончательных решений у нас по этому вопросу не имеется.

Председатель
Секретарь**

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 12. Д. 710. Л. 3-3 об., 5 об.-6.

Копия. Машинопись.

№ 66. ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ Е.А. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
НА 6-й УФИМСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РКП(б)
О ХОЗЯЙСТВЕННОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ
И О ФЕДЕРАТИВНОЙ КОНСТИТУЦИИ

3 марта 1920 г.

По вопросу о хозяйственном строительстве с докладом выступает т. Преображенский. Он докладывает о тех практических шагах, которые намечены комиссией для проведения в жизнь декрета о всеобщей трудовой повинности, для возрождения нашего разрушенного хозяйства. Прежде всего, перед комиссией встали вопросы: как выйти из разрухи, как учесть и где черпать рабочую силу; какие органы встанут во главе нашего хозяйственного аппарата.

Рабочая сила: 1) основа ее пролетариат, непосредственно связанный с фабриками и заводами, 2) пролетариат, выгнанный голодом из города и распыленный сейчас в деревне, — его необходимо мобилизовать, 3) неквалифицированные рабочие-крестьяне, которых также необходимо путем мобилизации привлечь к строительству хозяйственной жизни. Оставшиеся еще мелкая буржуазия, дезертиры и граждане из домов принудительного заключения, которых необходимо мобилизовать и заставить работать.

Наконец, не демобилизованная еще Красная армия, не окончившая свою боевую задачу.

* Опущено выступление Г.К. Шамигулова.

** Подписи отсутствуют.

Приходится прибегнуть именно к мобилизации, принудительному привлечению граждан к хозяйственному созидательному труду, необходимо отметить настоящий исключительный момент – волна* как результат расхищения организма всего населения после империалистической войны.

Для того чтобы провести эту мобилизацию, необходимо, прежде всего, подумать о снабжении мобилизованных всем необходимым. Образование продовольственного фонда далеко не разрешает вопроса о продовольствии всех мобилизованных граждан.

Комиссия пришла к заключению, что неквалифицированных крестьян мобилизовать нецелесообразно, так как тогда получится такая колоссальная армия, с таким огромным административным аппаратом, что Советская Россия при теперешнем разрушенном транспорте не сможет ее снабдить.

Поэтому комиссия пришла к заключению, что привлечение крестьян к работе следует проводить не путем мобилизации, а путем разверстки тех или иных хозяйственных заданий.

Следующая задача – поднять производительность труда. Здесь имеются две возможности: с одной стороны, милитаризация труда, перевод рабочих на казарменное положение, с другой – проведение трудовой дисциплины.

Здесь существуют две тенденции: 1) приспособить весь наш хозяйственный аппарат, подчинить военно-хозяйственному аппарату, т.е. весь хозяйственный аппарат пропитывается милитаризмом, 2) хозяйственный аппарат во главе с Совнархозом и профсоюзом подчиняет себе военно-хозяйственный аппарат. Комиссия исходит из второй тенденции. Нам приходится усвоить милитарный способ труда в области проведения тех или других хозяйственных заданий, т.е. выработать строгие нормы, функции и способ соподчинения всевозможных хозяйственных учреждений. Во главу нашего хозяйственного аппарата необходимо поставить Совнархоз, Совпрофсоюз, а потому необходимо содействовать тому, чтобы огосударствление профсоюзов продолжалось и развивалось дальше, а не сводилось бы к их прежнему положению. Милитаризацию же труда придется проводить в смысле перестройки наших аппаратов на военный лад, т.е. чтобы все вырабатываемые планы осуществлялись с той же настойчивостью, быстротой, как военный приказ.

Кроме того, необходимо провести трудовую дисциплину, личную ответственность, введение военно-производственных судов, перед которыми являются [равными] как все рабочие, так и хозяйственные и административные учреждения сверху донизу.

Федеративная конституция.

Тов. Преображенский докладывает о взаимоотношениях с Башреспубликой, о тех затруднениях, которые встречаются при практическом проведении в жизнь Федеративной конституции ввиду отсутствия в ней ряда конкретных практических указаний, и предлагает следующую резолюцию: УФИМСКАЯ губконференция предлагает партийному съезду поручить ЦК выработать проект Федеративной конституции на основе единства Красной армии, производственной и продовольственной политики и общего государственного распоряжения всеми богатствами РСФСР.

Резолюция принимается единогласно.

Председатель
Члены президиума
Секретарь**

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 12. Д. 709. Л. 7 об.

Копия. Машинопись.

* Так в тексте.

** Подлины отсутствуют.

№ 67. ВЫСТУПЛЕНИЕ Е. А. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО НА ЗАСЕДАНИИ
ОТВЕТСТВЕННЫХ РАБОТНИКОВ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ О ПОЛОЖЕНИИ
В БАШКЕРЕСПУБЛИКЕ И СТОЯЩИХ ПЕРЕД КОММУНИСТАМИ ЗАДАЧАХ
В СВЯЗИ С ВОССТАНИЕМ, ПОДНЯТЫМ БАШКИРСКИМИ
НАЦИОНАЛИСТАМИ

13 марта 1920 г.

Восстание мусульманского населения. Никаких других особых методов проведения советской власти для мусульман нет. Большие трудности есть, но методы одни и те же, что и для русских. Если пойти навстречу всему тому, что говорилось об уменьшении хозяйственных заданий, то выйдет то, что победили муллы и коммунисты сдали. Практический выход — нужно усилить работу среди мусульманского населения, произвести расслоение. Но, товарищи, у нас некому работать, не на кого опереться. Население экономически расслоено еще раньше. Мы знаем, что есть деревни сплошь бедняков и есть, с другой стороны, волости, где явно сплошь кулацкое население. Нужно собрать коммунистический кулак, получить тов[арищей] мусульман из других губерний, создать школу для изучения татарского языка. Против мулл нужно принять физические меры. Необходимо сознательный мусульманский коммунистический отряд для того, чтобы разрушить аппарат мулл. Но для этого время упущено. Остается использовать немногие коммунистические силы, указать им на неправильность их политических воззрений и направить на работу.

Съезды бедноты невысказаны, пока еще мы не видим этой бедноты, пока еще не расслоили деревню, сейчас необходимы беспартийные конференции.

Вносит предложения следующего содержания:

1. Усилить работу в деревне, бросив на нее лучшие партийные силы.
2. Усилить работу по расслоению деревни для создания прочной базы советской власти.
3. Усилить до максимума агитацию среди мусульман, привлекая к этому, в первую очередь, действительно коммунистические силы татар и башкир, не зараженных националистическими идеями, без налета эсеровщины и меньшевизма. Из этих сил создать как бы ударные группы, которые направить в первую очередь на места, пережившие восстания, и в соседние с такими местами волости.
4. Начать беспощадную борьбу со всеми отрицательными явлениями советской работы в виде поступков, оскорбляющих религиозные чувства, злоупотреблений, пьянства и т.п.
5. В ближайшее же время создать беспартийные конференции беднейших крестьян и крестьян-середняков из среды мусульманского населения.
6. Разделить Уфимскую губернию на районы, в каждом из которых поставить ответственных, испытанных партийных работников для агитации, налаживания и организации советских аппаратов и для контроля за их работой.
7. Немедленно организовать комиссию для ревизии советских учреждений в губернии, обследования [причин] восстаний, собирания жалоб и их расследования. Комиссия эта должна быть правомочной на месте принять различные меры, требующиеся местными условиями.
8. В ближайшее же время повести агитацию среди крестьянской бедноты для натиска на кулачество и для улучшения положения бедноты.
9. Произвести чистку продажников и продотрядов, удалив нежелательные элементы.
10. Произвести перевыборы Советов, не допуская проникновения кулаков и белогвардейцев.
11. Усилить отдел управления губернии опытными работниками.

12. Создать особый отдел по работе в деревне при губисполкоме.
13. Распределение работников по районам (п. 6) внести на утверждение ближайшего заседания ответственных работников.
14. Просить ЦК о том, чтобы находящиеся на фронтах коммунисты – татары, башкиры, черемисы Уфимской губернии были бы, по указанию губкома, возвращены в распоряжение губкома.
15. Создать мусульманский коммунистический отряд особого назначения из местных сил и из товарищей, находящихся в отряде Каширина в 3-й и 5-й армиях.
16. Коммунистические ячейки в губернии вооружить.
17. Подчинить пропагандистов контролю губернских и уездных комитетов партии.
18. Немедленно открыть партийную школу для татаро-башкир.
19. Просить ЦК о срочном предоставлении лучших партийных товарищей мусульман из других губерний (5–6 товарищей) для организации и проведения работы среди мусульман.
20. Стремиться к тому, чтобы лесорубочная и подводная повинность была бы выполнена полностью, с тем чтобы в восставших волостях эта повинность была бы увеличена в 1½ раза, падая главным образом на кулацкие элементы.
21. Осуществлять дисциплину и ответственность сверху донизу в советских учреждениях без всяких послаблений.

Предложение принято.

Тов. Артем и Преображенский информируют об областной конференции в Башкирии, на которой были произведены выборы делегатов на Всероссийский съезд РКП* и выборы областного комитета.

Вопрос о конференции прошел гладко, были трения и шероховатости с Валидовым и другими, они были против конференции, но ЦК указал, что конференция должна состояться и что Шамигулов и Измайлов должны явиться и даже быть избраны.

В Башкирии начинается расслоение. Выявляется кое-где беднота, но начинается и выделение кулаков, пока в формах религиозных (секты).

Членов партии в Башкирии около 3000, в том числе до 2000 русских. На съезд избраны: Артем, кандидатом Дудник, далее Саид-Галиев и Ахмадулин.

Доклад тт. Артема и Преображенского принимается к сведению.

Председатель
Секретарь**

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 12. Д. 710. Л. 168–168 об.

Копия. Машинопись.

* IX съезд РКП(б) состоялся в марте 1920 г.

** Подписи отсутствуют.

Приложение 1

Из шифротелеграммы предреввоенсовета Л.Д. Троцкого секретарю ЦК РКП(б)
Н.Н. Крестинскому

№ 522

15 февраля 1920 г.
Из поезда Троцкого, Башкирия
Секретно

При определении отношения к Башреспублике нужно учесть вредные уфимские настроения. Там открыто говорят о Башреспублике как о временной подкачке, чем крайне раздражают башкир. Преображенский на партсобрании говорил о необходимости пересмотреть национальную программу на партийном съезде и обвинял Цека в принесении уфимских рабочих в жертву восточной политике. Узость Эльцина, истерия Артема, философия Преображенского превращают нашу башполитику в свою противоположность.

Помета на полях слева черными чернилами, помета над телеграммой: «Из поезда Троцкого, 17/II 20 г.».

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 63. Л. 11.
Копия. Машинопись.

Приложение 2

Из шифрограммы Л.Д. Троцкого секретарю ЦК РКП(б)
Н.Н. Крестинскому

№ 544

2 марта 1920 г.*
Из поезда Троцкого, Башкирия
С[овершенно] секретно

Москва. Сялянскому для Крестинского

1. За ходом восстания слежу. Военного значения оно не имеет. Скандал вроде сдачи Белеба объясняется непригодностью Вохры.

2. Башкиры в восстании не участвуют. Башкирские части держат себя хорошо. Разумеется, осложнения с башкирами возможны. Необходим в ревком товарищ, способный предусмотреть осложнения, не провоцировать их. Считаю, что Артема нужно убрать, Преображенского перевести. Нужна внутренняя работа, внесение политической дифференциации, отбор подходящих людей, и причем уфимцы классовый вопрос подменяют национальным.

3. Валидова вчера по прямому проводу предупредил относительно башкирских частей, которые может увлечь мусульманское восстание. Валидов ответил длинным объяснением, где клялся, что ни один башкир не выступит против советской власти, предлагал башчасти для умирения. [...]**

4. Для разрешения башконфликта мне нужно ехать обратно через Уфу. Между тем (Валидов) предлагал ехать по северной дороге, чтобы посетить Пермь, Вятку, входящие в состав первой трудармии. Если считаете безусловно необходимым, могу выехать через Уфу. Но без смены

* Принята 3 марта 1920 г.

** Опущена цитата из письма А.З. Валидова о параде и митинге, проведенных Башревкомом.

Артема [и] Преображенского тактичными твердыми людьми, понимающими смысл нашей национальной политики, ничего сделать все равно нельзя*.

Троцкий

Расшифрована в секретариате
зампредреввоенсовета Республики
3 марта 1920 г.

Под телеграммой помета черными чернилами: «Тов. Троцкий просит немедлен[ого] ответа на эту телеграмму».

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 63. Л. 17–18.

Копия. Машинопись.

Приложение 3

Постановление Президиума ВЦИК о Башкирском ревкоме

4 мая 1920 г.**

Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета постановил:

1. Отозвать из Башкирии членов президиума Башвоенревкома Юмагулова и Валидова, а также представителей ВЦИК Артема (Сергеева), Преображенского и Самойлова, как оказавшихся неспособными примирить борющиеся в Башкирии группы.

2. До пленума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета временно устранить из состава Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Юмагулова, с преданием его суду за арест ответственных коммунистов – членов областного комитета Башкирии и за другие, связанные с этим акты правонарушения.

3. Вести в президиум Башревкома представителя Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Малют[ина]. В комиссию из пяти по созыву Башкирского съезда Советов и проведению голосования в спорных волостях со стороны Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета ввести гг. Мостовенко и Викмана¹⁴.

4. Город Стерлитамак включается в территорию Башреспублики. Стерлитамакскому уездному исполкому должна быть обеспечена возможность остаться с его учреждениями в городе, с предоставлением ему всех необходимых помещений. Охрана города и принятие необходимых мер, вызываемых стратегическими соображениями, остаются в руках комендантуры, назначаемой Заволжским окружным комиссариатом. Все вопросы, связанные с передачей города Башреспублике, и все спорные вопросы о расквартировании различных учреждений передаются на разрешение особой комиссии из трех лиц в составе представителей по одному от Башревкома, уездного исполкома и под председательством представителя Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета в Башкирии.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 63. Л. 117. Копия. Машинопись.

ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 37. Д. 2. Л. 103. Копия. Машинопись.

Опубл.: Декреты советской власти.

М., 1978. Т. IX. Июнь – июль 1920. С. 309–310.

* Не публикуется п. 5, касающийся положения дел в Польше.

** Постановление было принято на заседании Президиума ВЦИК 7 июня 1920 г.

№ 68–69. ОБРАЩЕНИЯ ЦК РКП(б) К ПАРТИЙНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ И ГУБКому БАШКИРИИ*

Апрель 1920 г.

№ 68. К ПАРТИЙНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ БАШКИРИИ – О ШИРОКОМ ВОВЛЕЧЕНИИ ТРУДЯЩИХСЯ МАСС РЕСПУБЛИКИ В КОМУНИСТИЧЕСКУЮ ПАРТИЮ

Апрель 1920 г.

Вековое угнетение башкирского народа помещиками и царскими чиновниками, широко распространенное и по сей час неизжитое пренебрежительное отношение к башкирину** со стороны значительной части русского населения, недавняя Гражданская война, в которой большинство башкирских масс было увлечено своими белогвардейскими и националистическими элементами в контрреволюционный лагерь и воевало с оставшимися верными советской власти русским крестьянством и русскими рабочими Башкирии, наконец, целый ряд конфликтов в области земельных отношений между пришлым русским и коренным башкирским населением делают организацию башкирских масс вокруг коммунистической партии, окрепшей раньше всего среди русского рабочего населения, делом чрезвычайно трудным. Эта трудность еще более усугубляется особенностями быта мусульманских верующих масс, силой религиозных предрассудков и религиозного фанатизма в их среде и, наконец, агитацией националистически настроенной буржуазно-интеллигентской верхушкой башкирского народа, всячески препятствующей отсоединению башкирской бедноты от зажиточных элементов и объединению ее в единую коммунистическую (не на словах, а на деле) партию с пролетариатом и беднотой других национальностей.

При таких условиях привлечение в наши ряды коммунистов башкир представляет огромную важность, п.ч. никто кроме самих коммунистов башкир не может вести так успешно борьбу с муллами и [с] их влиянием, с одной стороны, с младомусульманскими элементами – с другой. Каждый искренний честный коммунист башкирин, каждый даже просто коммунистически чувствующий башкирин-бедняк имеет для нашей партии колоссальную ценность. Привлечение возможно более широких масс башкирской бедноты к коммунистической партии является основной задачей организаций РКП в Башкирии. Устройство беспартийных конференций трудящихся масс Башкирии по кантонам, поддержка и развитие союзов башкирской коммунистической молодежи, организация изб-читален, собеседование на политические и религиозные темы [...]***, устройство субботников силами русских коммунистов для помощи семьям башкир-красноармейцев, поддержка организаций башпомощи, спасающих от вымирания башкирскую бедноту, экономическая помощь этой бедноте со стороны русских товарищей – все эти и другие мероприятия должны быть пущены в ход для достижения цели. Наконец, усиленная борьба с остатками великорусского шовинизма и презрительного отношения к менее культурному и экономически более беспомощному башкирскому населению должны быть не только обязанностью, но и делом чести для действительно коммунистических русских организаций.

Но, широко раскрывая двери для башкирской бедноты в нашу партию, надо всячески затруднять проникновение в нее карьеристских элементов из мелкобуржуазной ин-

* Предположительно Е.А. Преображенский написал эти обращения вскоре после избрания его секретарем ЦК РКП(б).

** Так в тексте.

*** Далее идет вставка, вписанная над строкой, не поддающаяся прочтению.

теллигенции, стремящейся к власти и подменяющей задачи классовой борьбы пролетариата и бедноты без различия национальностей шовинистическими мечтаниями о создании Великого башкиро-киргизского государства, об освобождении под руководством башкир всего Востока и прочими националистическими фантазиями, которые при наличии в самой Башкирии десятков тысяч людей, умирающих от голода, живущих без крова, не имеющих самых элементарных представлений о политической жизни республики, и при наличии массового разорения башкирского населения, не получающего указаний, как социалистическим путем спастись от вымирания, – являются грубым издевательством над башкирской беднотой.

Башкирская республика лишь тогда сможет стать действительно социалистической республикой, когда коммунистическим организациям Башкирии удастся воспитать достаточно многочисленный кадр коммунистов-башкир, способных справиться со всеми задачами коммунистического строительства на своей территории и вместо автономии от социализма искать спасения для своего народа в автономии и способах его осуществления*.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 63. Л. 67–67 об.
Автограф.

**№ 69. К ГУБКОМАМ ГУБЕРНИЙ КАЗАНСКОЙ, СИМБИРСКОЙ, САМАРСКОЙ,
УФИМСКОЙ, ЧЕЛЯБИНСКОЙ, ОРЕНБУРГСКОЙ – О НЕДОПУСТИМОСТИ
РАЗВЕРТЫВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ВРАЖДЫ ТАТАРСКОЙ И БАШКИРСКОЙ
ПРЕССОЙ**

Апрель 1920 г.

С момента возникновения автономной Башкирской республики и особенно после выяснившегося на совещаниях в Москве отрицательного отношения башкирских политических деятелей к идее Татаро-Башкирской республики в коммунистической татарской печати неоднократно появлялись статьи, направленные против Башкирской республики в целом и против Башревкома, трактовавшегося как в качестве контрреволюционного учреждения. Отрицательное отношение к Башкирской республике как [к] таковой обособывалось в этих статьях нередко мотивами отнюдь не коммунистического свойства. Эти мотивы зачастую были националистического характера или в лучшем случае давали подозрение к предположениям, что в основе их лежит раздражение против башкир, постольку поскольку форма самоопределения их расходится с той, какая сложилась наиболее желательной сторонниками Татаро-Башкирской республики. Подобная полемика не только не способствует прояснению коммунистического сознания трудящихся масс татарского и башкирского народа и не только не отрывает бедноты того и другого народа от своих буржуазно-интеллигентских групп для братского союза и борьбы, а, наоборот, способствует идейному закабалению татарской и башкирской бедноты, своим национализмом усиливает национальную вражду и еще более запутывает и без того сложный и трудный национальный вопрос Востока.

Что же касается оценки в печати Башревкома как целиком контрреволюционного органа, то подобная оценка в гораздо большей степени бьет по центральной советской власти, чем по Башревкому, входящему в общую систему советских органов Федеративной Республики и существующему на основании определенного декрета ВЦИК. Как присутствие в отдельных советских органах и учреждениях лиц, ведущих не советскую

* Подпись отсутствует.

политику или отклоняющихся от нее, не дает никаких оснований кому бы то ни было считать самым эти органы как таковые не советскими и контрреволюционными, так и вполне допустимая критика отдельных мероприятий и отдельных членов Башревкома не должны выливаться в огульное обвинение в контрреволюционности целого органа, имеющего в своем составе представителей центральной советской власти.

Обращая внимание губкомов прилегающих к Башкирской губернии и татарских коммунистов на высказанное, Центральный комитет РКП предлагает им принять соответствующие меры к тому, чтоб указания* ЦК, подобные настоящему, были на будущее время излишни.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 63. Л. 68.

Автограф.

**№ 70. СТАТЬЯ «О МОБИЛИЗАЦИИ ГРУБОЙ РАБОЧЕЙ СИЛЫ»,
ОПУБЛИКОВАННАЯ В ГАЗЕТЕ «ПРАВДА»**

30 марта 1920 г.

Наше дореволюционное хозяйство пользовалось огромным количеством грубой рабочей силы, выделявшейся в качестве избыточной силы крестьянским хозяйством. В основе своей сумма и качество работ, которые должны быть выполнены грубой рабочей силой в ближайший год-два, почти одно и то же, что в дореволюционные годы (почти отпадают отхожие земледельческие работы на помещичьей экономии, капитальные строительные работы, но увеличивается количество работ по заготовкам леса, торфа, срочному ремонту транспорта, разрушенного в Гражданскую войну). При мобилизации грубой рабочей силы в той или иной форме необходимо во избежание грубейших ошибок брать за основу распределение рабочей силы, установившееся в нашем хозяйстве в ближайшие перед революцией годы.

Грубая рабочая сила до революции мобилизовалась капитализмом и государством в двух видах: в виде наемных чернорабочих, совершенно и[ли] почти совершенно порвавших с землей, и в виде рабочей силы крестьянства, продавшего свою рабочую силу на свободное от земледелия время.

Советская власть может мобилизовать главную массу грубой рабочей силы также в этих двух видах. Но было бы ошибочно предаваться иллюзиям относительно того, что большую часть работ может выполнять армия постоянных, совершенно оторванных от земледелия работников. Еще менее оснований думать, что труд мобилизованного государством и получающего от государства паек и одежду рабочего будет экономически выгоднее труда привлекаемых к работам, но не отрываемых от своего хозяйства крестьян. Армия постоянных работников является нахлебницей государства, которому не хватает хлеба для квалифицированных рабочих.

Армия сезонных работников и крестьян в большинстве живет своим хлебом. Армию постоянных работников надо одевать, строить ей жилища, организовывать для нее огромные аппараты снабжения и т.д. Армия сезонно работающих крестьян может обойтись собственной одеждой и часто собственными орудиями. Одним словом, нам нет ни малейшего смысла строить постоянную армию труда в тех случаях и в той мере, в какой соответствующая работа может быть выполнена путем разверстки труда между крестьянством. Отсюда вывод: использовать для труда армию, которая уже живет за счет

* Слово вписано под строкой вместо зачеркнутого «обращение».

государства и не может быть, по военным соображениям, распущена, но не задерживать демобилизацию крестьянской части армии, когда ее, по военным соображениям, можно будет распустить. Труд этой же части крестьянства и в таком же размере нам выгоднее взять путем трудовой разверстки.

Экспериментировать в области хозяйственной такой нишей страны, как Россия, приходится с большой осторожностью. И, наоборот, надо с большим вниманием изучать уже сделанные эксперименты. Опыт блестящего выполнения дровяных заготовок в Вятской губернии и в прошлом и нынешнем году (в нынешнем заготовлено 620 000 кубов, вывезено 400 000) является ярким примером огромной целесообразности именно метода разверстки (там на каждую рабочую силу было назначено заготовить отдельное* количество дров). Крестьянство предпочитает этот метод, рассуждая: «заготовил, с казной рассчитался и свободен». С этой точки зрения 3-й из тезисов ЦК об экономическом строительстве**, касающийся мобилизации грубой рабочей силы, формулирован неудовлетворительно. Во-первых, необходимо разграничить два вида мобилизации грубой силы, на которые я указал выше. Во-вторых, необходимо подчеркнуть, что экономически более важное значение для нашего хозяйства в ближайшие годы имеет трудовая повинность в форме трудовой разверстки, а не в форме трудовых постоянных армий. Лишь та часть работы в масштабе всего нашего хозяйства, которая не может быть по тем или иным причинам разверстана среди рабочей силы деревни, лишь эта часть должна выполняться постоянной армией чернорабочих*** и лишь в этих отделах**** эту армию имеет смысл собирать и кормить Советскому государству.

Е.А. Преображенский

Правда. 1920. 30 марта.

№ 71. ДНЕВНИК Е.А. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО***** С ЗАПИСЯМИ ВОПРОСОВ, ОБСУЖДАЕМЫХ НА ЗАСЕДАНИЯХ ПОЛИТБЮРО И ПЛЕНУМА ЦК РКП(б)

4 мая – 24 сентября 1920 г.

4 мая

Секретарствовал на заседании Политбюро. Опять целая куча международных вопросов. В связи с польским наступлением Троцкий предложил провести в один час по всей стране «забастовку» на полчаса, как только получится известие о взятии Киева, чего можно ждать через день. Сейчас же подготовить все губкомы шифрованными телеграммами к возможности этого. Отвергли подготовку. Ильич заметил: «Скажут, что все подделали заранее». Постановили устроить остановку работ и митинги после взятия Киева. Троцкий все время подчеркивал сонность печати, неповоротливость партийных товарищей, несмотря на серьезность положения.

* Так в тексте.

** Очевидно, речь идет о IX съезде РКП(б), отчет о начале которого публикуется в том же номере «Правды».

*** По сделанным мною подсчетам, для выполнения только одной дровяной заготовки, вывоза и сплава дров потребовалось бы наличие почти полумиллионной круглый год работающей рабочей армии. (Прим. автора.)

**** Так в тексте.

***** Дневник Е.А. Преображенского, очевидно, был изъят органами НКВД при аресте. Хранится в ЦА ФСБ РФ.

Общее же убеждение, что поляки будут биты и дело кончится весьма вероятно провозглашением советской власти в Варшаве.

Курьезные разговоры были в связи с обсуждением письма Брусилова*, зачитанного Троцким. Каменев обратил внимание на то, что в письме имеется слово «православные» люди, что может вызвать издевательства и насмешки со стороны рабочих. Он предложил устроить так, чтоб машинистка «пропустила» это слово и при напечатании его не оказалось. Ильич поддержал хитрую механику, заметив, что рабочие ничего в письме другого не [заметят]**, а это заметят и будут издеваться на[д] тем, что мы хотим опереться на [православ]ных**. Троцкий решительно защищал необходимость опубликовать письмо целиком, п.ч. в этом слове для Брусилова вся сущность, он хочет сказать, что от своего он не отступает, даже выступая по патриотическим соображениям на стороне советской власти. В защиту этого выступил Сталин: «Не наше письмо, а Брусилова, он за него и отвечает». Радек тоже выступил с ними. В результате, как кто-то посмеялся, за «православных» вступились «иудеи». Решили печатать письмо целиком.

Я предложил ввиду возможности всяческих махинаций со стороны патриотического офицерства усилить за ними наблюдение со стороны ВЧК. Это молчаливо было одобрено.

Любопытный обмен мнений был в связи с составом делегации, посылаемой в Англию. Ильич настаивал, чтоб Красин ехал в Германию, а не Англию. Он высказал ту мысль, что Англия через Польшу находится с нами в войне. Блок же с Германией, хотя и молчаливый, наполовину осуществляется, и в смысле возможности заказа паровозов именно Германия может нам что-либо дать. По его мнению, назревает наш союз с Германией против Антанты. Каменев что-то возражал. Вопрос отложили.

Насчет Грузии было решено так: Серго дать телеграмму — не брать Тифлис, который он обещал сделать советским через две недели, и вообще не «самоопределять» Грузии. Много смеялись над тем, что г[ру]зинские*** делегаты подписали соглашение, где объявлялись не только выдать всех интернированных денкинцев, но и прогнать из Грузии Антанту. Ильич хохотал и заметил: они могут столь же тут сделать, как вон этот гуляющий по Кремлю щенок. Кто-то смеялся, что щенок может действительно там «сделать», что полагается делать неприлично себя ведущему щенку. Согласились оставить в покое грузинских меньшевиков и потом разделиться с ними уже на почве невыполнения явно им непосильных пунктов соглашения.

Самоопределяли затем Татарскую республику. Якобы коммунисты с Султаном Галиевым**** требовали включения в их территорию не только Казани (с 1/5 тат[арского] населения), но и Уфы и всей Уфимской губ[ернии]. Решили Казань дать, обеспечив права нетатарского населения, Уфы же не давать. Вообще с этими «коммунистами» еще будет впереди много дел.

Поразительна та выдержка, с которой Ильич держится со всеми этими типами, зная хорошо всю их буржуазную природу.

Шутили над турецкими националистами, которые «согласны» на коммунизм. Скоро от всех этих согласных коммунизму некуда будет деваться.

Жаль, что не стенографируются все эти заседания в назидание потомству. Хотя что-нибудь бегло запишу, а то все потом забудут.

* А.А. Брусилов после Октябрьской революции остался в Советской России. С мая 1920 г. он являлся председателем Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными Силами Республики. В дневнике речь идет о письме Брусилова к бывшим русским офицерам встать на защиту Родины.

** Слова не читаются из-за повреждения текста. Приводится возможный вариант.

*** Повреждения текста.

**** Так в тексте. Следует читать: Саид-Галиевым. Сахиб-Гарей Саид-Галиев в 1920–1921 гг. являлся председателем Ревкома Татарской АССР.

Важнейшим вопросом на заседании пленума был вопрос о ноте Керзона. Я лично не был подготовлен к решению и не обдумал основательно своей позиции. Но для меня было совершенно ясно, что дело идет о* войне со всей Антантой. Ильич, который имел возможность обдумать ситуацию основательней всех, основательней всех подготовился к решению. Он прочитал заранее набросанные коротенькие тезисы, составленные чрезвычайно искусно. Они начинались с совершенно бесспорного пункта, что мы должны помочь польским рабочим добиться советизации Польши, предлагали отвергнуть посредничество Антанты и Лиги наций и заканчивались директивой продолжать наступление. Бухарчик давно уже подметил, что Ильич «готовит новую** фазу» в мировой политике, и теперь это обнаружилось вполне очевидно.

Дебаты были очень оживленными. Я спросил у наших коминтерновских спецов Зиновьева, Бухарина и Радека, могут ли представители Коминтерна, съехавшиеся на конгресс, дать формальные гарантии поддержки Советской России в новой войне. Ильич укоризненно и с иронией перебил меня: «Могут ли быть какие бы то ни было **формальные гарантии**». Зиновьев ответил, что представители других стран могут принять по нашему указанию все что угодно.

Троцкий представил заключение военного командования на случай новой общей интервенции: со стороны Румынии левый фланг необеспечен, и для соответствующих перебросок нужно время. В случае выступления Латвии не обеспечен правый фланг. Вообще же он оценивал положение даже на Польском фронте не совсем оптимистически, указывая, что поляки не сдаются в плен, отступают в порядке, разложения у них большого не заметно.

В начавшейся дискуссии намечилось в общем и целом два основных течения. Первое [течение]:

Ильич: 1) Надо отвергнуть посредничество. Пора это сделать. Антанта не может двинуть против нас своих войск, а на мелкие государства, как Румыния, Латвия и Финляндия, мы произведем своим резким ответом импонирующее влияние. 2) Предложение заключить перемирие – это попытка нас надуть. 3) Надо прощупать красноармейским штыком, готова ли Польша к советской власти. Если нет, всегда сможем под тем или иным предлогом отступить назад.

Зиновьев. Надо наступать, выхода другого все равно нет.

За Ильича высказались Бухарин, Рудзутак, Каменев.

Второе течение:

Радек доказывал, что он, Мархлевский и другие польские коммунисты *считают* Польшу не готовой к советизации. Наше наступление вызовет лишь взрыв патриотизма и бросит пролетариат в сторону буржуазии. Он говорил также о том, что вообще Европа не созрела*** до социальной революции.

Троцкий доказывал нецелесообразность отвергать посредничество. Он говорил, что прочитал последние французские газеты и его поразил резко враждебный тон французских газет против Англии за ее соглашательскую политику по отношению к большевикам. Он доказывал необходимость усилить раскол между Англией и Францией, тогда как отказ от посредничества усилит позицию Мильерана и заставит Ллойд Джорджа капитулировать перед французами. Говорил, что полезно иметь делегацию в Англии в роли постоянных осведомителей о намерениях Антанты, чего мы были бы лишены, отвергнув посредничество.

* Так в тексте. Надо «к».

** Слово повторено дважды.

*** «Созрела» вписано над зачеркнутым «не готова».

Рыков полагал, что попытки советизировать Европу посредством таких частей, как буденновские, лишь скомпрометируют нас перед европейским пролетариатом. Главное же, что у нас недостаток снаряжения, обуви, одежды, нет достаточно свинца и негде взять, на заводах, работающих на оборону, одна стачка за другой. Хлеба не даем, а хотим, чтоб красноармейцы шли на Берлин. С таким тылом идти на Антанту недопустимо.

Я хотел сказать то же, что Троцкий по части раскола между Англией и Францией. Кроме того, указывал, что английские рабочие не переварят скоро изменения нашей тактики. Нам легко повернуть руль, но повернуть миллионы, которых мы приучили к мысли, что ведем лишь оборонительную войну и хотим, как можно скорее, мира, будет невозможно.

Калинин говорил, что все у нас хотят мира и что стоит быть осторожней, год голодный и т.д. Говорил по обыкновению не очень вразумительно. Ильич набросился на Рыкова, что он развивает упадочные мысли, все объективные данные говорят, что в промышленности и продовольствии мы имеем успехи. Мне возразил, что наша делегация советует не уступать, а она настроение английских рабочих знает лучше нас. Сообщил также оптимистические телеграммы от Смильги.

При голосовании всеми* единогласно были приняты за основу тезисы Ильича. При голосовании по пунктам все голосовали за продолжение наступления, но по пункту о посредничестве против Ильича голосовали Троцкий, Калинин, Рыков, Радек и я.

Бухарчик сказал мне потом: «Ишь, изменник, а небось рад, что показали Антанте кулак». Признаться, я не был рад. Боюсь, что просчитаемся и нарвемся. И в то же время подумал, неужели будет так: был против Брестского мира и ошибся. Теперь против разрыва с Антантой и опять ошибусь. Вот так судьба левого коммуниста.

Хоть** бы Ильич оказался прав!

Большие споры были насчет председателя посольства в Англию. Стал вопрос: Красин или Каменев. Одним голосом прошел Красин. Я, после того как обнаружились дополнительные аргументы за Каменева, предложил переголосовать. Выдворили с заседания всех, кроме цекистов (Красина, Чичерина, Бричкину), для большей свободы обсуждения. После многих «за» и «против» небольшим большинством в один или два голоса прошел Каменев. Главные аргументы: Каменев как цекист лучше знает дух нашей политики и вообще как политический деятель выше Красина, особенно в связи с нажимом на Англию от нашей восточной политики. Красина защищали тоже энергично. Чичерин за Каменева, поскольку невозможно отстоять Литвинова.

Пленум не вполне был представлен. Нет по обыкновению Смирнова, но нет также Раковского и Артема.

По обыкновению первыми обсуждались так называемые «чичеринские вопросы». Основной — это вопрос о польских переговорах. Ильич после неудачи с «советизацией Польши» выдвинул такую программу действий: полякам сделать максимальные уступки в области территориальной, вплоть до линии Гинденбурга. «Теперь нам остается лишь их надуть», — сказал он, — поскольку наши военные дела плохи. Постараемся купить у них перемирие, хотя мало шансов, что они на это пойдут. За ближайший месяц мы должны во что бы то ни было покончить с Врангелем. А когда мы с ним покончим, на съезде Советов отвергнем этот мир и двинем все силы на Польшу, если будет выгодно. Чтоб было похоже на правду, на сессии ВЦИК закажем патриотические речи Бухарину, Соколовскому и др., пусть 1/3 проголосует против мира. Скажем, что оппозиция на съезде превратилась в большинство, и опять двинем на Варшаву».

* Далее зачеркнуто: «Против Троцкого, Калинин, Радека и меня».

** Перед этим словом зачеркнуто: «Черт возьми».

Троцкий, бывший нездоров и в халате (заседание было у него на квартире), стоял за всяческие уступки Польше и за мир. Перемирие чрезвычайно нам необходимо по военным соображениям. Положение на фронтах он представил, как довольно печальное. Раньше месяца или трех недель трудно ожидать перемены. На врангелевском [фронте] также сосредоточение сил, и удар с тройным перевесом сил на нашей стороне ожидается не ранее чем через 20 дней.

Насчет мира было полное единодушие. Радек только доказывал, что полякам не стоит много уступать, п.ч. они жаждут мира во что бы то ни стало, ссылаясь на последние польские газеты, а также на то, что антантовские газеты рекомендуют полякам умеренность в требованиях и советуют заключить с нами мир. Он говорил также, что поляки не поверят в искренность наших мирных намерений, если мы им будем давать подозрительно много, больше того, что они сами просят.

Ильич подшучивал над Карлушей, что он слишком верит газетам наших врагов, которые скорей говорят, вероятно, обратное тому, что желают скрыть.

Единогласно принято предложение о мире. Набросанный Каменевым проект обращения ВЦИК к польскому правительству был признан неудовлетворительным, и решено было его переработать.

Насчет Персии решили так: ни одного солдата не использовать для «советизации Персии» и заключить мир с шахским правительством, обеспечив за собой Энзели*. Предложение приехавшего только что Зиновьева помочь войсками персидским революционерам было отвергнуто.

Большие споры возникли в связи с моим предложением назначить следственную комиссию по поводу нашего поражения под Варшавой³⁵. Это предложение раньше делал Сталин в Политбюро, и оно провалилось. Я говорил в защиту, что командование Запфронта, и особенно Смилга, должны были знать положение фронта и, если директива идти на Варшаву грозила катастрофой, обязаны были предупредить. Мое предложение провалили.

Много времени ушло на обсуждение вопроса о том, что делать на конференции партии. Я предложил, чтоб после политического доклада Ильича открыть прения, организационный же доклад поставить после этих прений. Троцкий, Бухарин, Сталин и еще другие высказывались против прений. Троцкий полагал, что прениями в такой момент, когда нужно единодушие, когда нужно думать только о том, как победить, мы лишь разложим конференцию, сосредоточим ее вниманис на спорах о неудаче под Варшавой, на правых и виноватых, и, наконец, спрашивал, как будут держать себя сами цекисты в этом вопросе.

Рыков присоединился ко мне. Я отвечал Троцкому, что конференция не ячейка в роте, которую можно разложить. А если б это было так, то наша партия не многого бы стоила. От конференции нечего скрывать. Обсуждение не разложит, а укрепит партию, которая будет знать, что было, почему произошло то, что произошло.

* Имеются в виду события в Иране (Персии) после Энзелийской операции, проведенной советской Волжско-Каспийской военной флотилией 17–18 мая 1920 г. Суть операции заключалась в возвращении в Советскую Россию кораблей, угнанных белогвардейцами в Иран. Военно-морская база в бухте Энзели на иранском побережье Каспийского моря охранялась частями английской пехотной дивизии и частями белогвардейцев. В результате успешно проведенной операции 23 корабля и судна с военным имуществом возвратились в Советскую республику. В результате нашим кораблям была обеспечена безопасность перевозок морем народнохозяйственных грузов, а также облегчались действия войск по окончательному освобождению Закавказья и Туркестана. Для иранского судоходства советское правительство объявило Каспийское море свободным. Кроме того, русские торговые учреждения в Энзели безвозмездно были переданы Ирану.

Меня поддержал Ильич, выступление которого было проникнуто глубокой верой в партию. Он указывал, что такое поведение на конференции, которое рекомендовал Троцкий, может погубить партию, а не оздоровить ее. Мы поставили вопрос о верхах и низах, а сами подадим повод думать, что «верхи» что-то скрывают. Все почувствовали, что Ильич выступает как вождь, как отец партии, который знает, как вести ее в трудный момент.

При голосовании мое предложение прошло. Вместе с тем разгорелся спор о том, кто виноват в варшавском поражении, пришло ли время для наступательных войн и т.д. Ильич был за дискуссию, п.ч., по его мнению, обмен мнений делал в дальнейшем излишним предложение о назначении следственной комиссии.

По мнению Ильича, виноват был не ЦК, давший директиву наступать и брать Варшаву, а военное командование. Оно должно было остановиться, если по стратегическим соображениям идти вперед было опасно. Смилга телеграфировал, что 16-го берем Варшаву. А ему было видней, чем ЦК и Политбюро. Можно было остановиться на Бугу и подтянуть резервы.

Троцкий указывал, что военное командование тут совершенно ни при чем. Оно получило от правительства приказ взять Варшаву и должно было ее взять. Он указывал, что в свое время предупреждал о переутомлении частей и о возможности контрудара. Предупреждения не помогли: в результате мы потерпели поражение и лишились возможности иметь своего сигнализатора в Лондоне в виде Каменева.

Я напомнил Ильичу, что он зря... августа* обрушился на Рыкова за упадочные речи. Подсчитать силы, опянувшись на тыл необходимо, если не хочешь быть битым. Командование виновато, особенно Смилга, как ответственный политический работник. Но и ЦК ошибся в расчетах. Троцкому я указал, что на решающем заседании он голосовал со всеми за продолжение наступления, а ведь именно это решало дело и привело к поражению. Наоборот, хотя мы пятеро голосовали против Ильича в вопросе о разрыве с Антантой в связи с ее посредничеством в войне, именно в этом вопросе Ильич как раз оказался прав. Отказ от посредничества не вызвал интервенции, не он привел к поражению на фронте. Мы пятеро были правы в том, что своим голосованием говорили одно: не надо зарываться, надо быть осторожней, но прицепились при голосовании не к подходящему пункту.

Троцкий заметил, что я не могу говорить за него, а лишь за себя. Он знает, за что он голосовал. Указал, что позже, когда было [еще] не поздно, предлагал Данишевскому дать инструкции вести дело к соглашательскому миру, что Политбюро отвергло.

В последнем Троцкий прав. Он оказался в этом пункте, по-моему, дальновидней остальных членов Политбюро. Но в первом не прав. Если он знал, за что голосовал в решающем заседании, то, значит, голосовал за поражение. Ведь если б посредничество мы не отвергли, а наступление на Варшаву продолжали, это нас не спасало от поражения.

Бухарин настаивал, что политической ошибки не было. Общая линия на переход от обороны к наступлению взята правильная, и борьба еще не кончилась.

Сталин доказывал, что была сделана стратегическая ошибка. Цека не отвечает за конкретное выполнение директивы. Командование знало, что делало. Оно могло ответить на приказ: не могу.

24 сентября

Продолжение пленума состоялось вечером вчера. Декларация ВЦИК, написанная Каменевым и направленная комиссии, опять подверглась изменению. Из добавлений Буха-

* Дата в тексте отсутствует.

рина приняли указание на то, что Польша напала весной на Советскую Россию, перешедшую к мирному труду, а также приняли добавление насчет неисчерпаемых сил России, которых хватит в случае чего, чтоб свернуть шею панам. Иоффе решено дать право предложить поправки к тексту, если таковые у него окажутся. Судя по телеграмме Иоффе, он собирается торговаться с панам и не понял нашей тактики. По его словам, польская делегация настроена в духе мира и все сведения из Польши говорят о ее тяжелом внутреннем положении. Иоффе собирался поработать на дипломатическом поприще, а мы его, бедного, делаем безработным, осуждая* молчаливо ждать отрицательного ответа из Варшавы.

Зачитали заключение главкома по поводу границы. Он предлагает границу несколько западней линии Гинденбурга. Приняли и дали Иоффе инструкцию выставить как предел территориальных уступок эту линию.

Обсуждали, как и всегда в ЦК рядом с мировыми вопросами, вермишель, а именно об издательстве Гржебина, за которое всегдашним ходатаем выступает Горький. Назначили комиссию, а издательству дали 6 млн. От великого до пустякового только один шаг.

Бухарин предлагал послать его в Германию. Зиновьев предлагал себя. Эта конкуренция по вопросу о том, кому сидеть в Моабите или быть подстреленным из-за угла прусским юнкером, кончилась ничью. Решили ввиду трудного положения республики никого не посылать. Немцы, не исключая Леви, жалуются на московских диктаторов, а сами зовут их в Берлин. Пусть независимые расколются без участия «агентов Ленина».

ЦА ФСБ РФ. Автограф.

№ 72. ПИСЬМО В.И. ЛЕНИНУ О РЕЧАХ К.Б. РАДЕКА ПО ПОВОДУ ВОЙНЫ С ПОЛЬШЕЙ И ОБ ОСВЕЩЕНИИ ЕЕ В ПРЕССЕ

6 мая 1920 г.**

Владимир Ильич!

Ганецкий может подождать до приезда Крестинского. По телефону всего не скажешь. В Оргбюро уже обсуждался вопрос о передаче его для внешней торговли, но не в коллегию.

На ЦК шадринские мужички (Екатеринб[ургская] губ.) принесли 700 пуд[ов] белой муки. Как полагаете ее распределить? Не отдать ли большую часть голодающим комиссариатам?

Предлагаю прекратить неприличия с «патриотизмом». Радек загнул в речи насчет «национальной» войны. Сегодня в Агитроста Бергман поместил неприличную статью насчет любящих родину истинно русских людей. До чего же могут дописаться в Чухломе? Прошу дать мне разрешение сделать указания редакциям газет, особенно провинциальным.

Е. Преображенский

В конце второго абзаца помета В.И. Ленина: «Вполне зд», и в конце документа его директива в Секретариат ЦК РКП(б): «Предлагаю директиву: все статьи о Польше и польской войне просматривать ответств[енным] ред[акто]рам под их личн[ой] ответственностью. Не пересаливать, т.е. не впадать в шовинизм, всегда выделять панов и капиталистов от р[абоч]их и кр[естья]н Польши. Ленин».

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13791. Л. 1–1 об.

Автограф.

* Так в тексте. Видимо, правильно «обрекая».

** Датируется по: Биохроника В.И. Ленина. М., 1977. Т. 8. С. 527.

**№ 73. ОТЗЫВ СЕКРЕТАРЯ ЦК РКП(б) Е.А. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
НА «ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ НАБРОСОК ТЕЗИСОВ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ
ВОПРОСУ», ПОДГОТОВЛЕННЫЙ В.И. ЛЕНИНЫМ ДЛЯ ДОКЛАДА
НА ВТОРОМ КОНГРЕССЕ КОМИНТЕРНА¹⁶**

*Не ранее 5 июня —
не позднее 19 июля 1920 г.**

Замечания к тезисам В.И. Ленина по национальному вопросу

1. При определении задач коммунистов в области национального вопроса необходимо различать: ситуацию до пролетарской революции, ситуацию после перехода власти к пролетариату. До пролетарской революции в важнейших странах Европы национальный вопрос есть лишь часть общего вопроса социальной революции. После переворота решение национального вопроса должно быть *подчинено* ** задаче создания единого хозяйственного целого из образовавшихся социалистических республик. Поскольку нет серьезных споров относительно программы и тактики III Интернационала в условиях первой ситуации, постольку является не вполне ясной и вызывает споры тактика коммунистов в обстановке победившей пролетарской революции. В этом отношении РКП находится в особо трудном *положении*, поскольку европейская революция еще не победила, нам необходимо поддерживать национально-революционное движение на Востоке, поскольку у нас пролетарская революция уже победила, нам приходится приступать к решению второй задачи (отчасти за счет осуществления первой).

2. Главные трудности в области национального вопроса, с которым придется и отчасти уже приходится иметь дело III Интернационалу, будут лежать не в сфере взаимоотношений между сегодня сегодняшними передовыми, а завтра коммунистическими передовыми странами Европы.

Опыт Финляндии, Латвии, Украины, Азербайджана, т.е. капиталистически сравнительно далеко шагнувших бывших окраин бывшего Российского государства, говорит об этом с полной ясностью. Нет серьезных оснований думать, что создание федерации из стран, где победит пролетариат, и налаживание в них хозяйства по общему плану встретит серьезные препятствия. В этом смысле национальный вопрос в Европе (за исключением, быть может, ее отсталой восточной и юго-восточной окраин) есть*** часть общего вопроса о пролетарской революции и решится на $\frac{1}{10}$ самым фактом ее победы. Главные трудности лежат во взаимоотношениях пролетарских советских республик с экономически отсталыми странами, где нет пролетариата вовсе либо он находится в зародышевом состоянии, где в[ы]ступает лишь торговая буржуазия и интеллигентная верхушка народа в качестве единственно культурного слоя. Эти верные слои капиталистически неразвитых стран и колоний с неизбежностью стремятся к решению национального вопроса приблизительно-

* Документ не датирован. «Первоначальный набросок...» был написан В.И. Лениным 5 июня 1920 г. Второй конгресс Коминтерна начал работу 19 июля 1920 г. в Петрограде.

** Отзывы на тезисы были получены В.И. Лениным от Г.В. Чичерина, Н.Н. Крестинского, И.В. Сталина, М.Г. Рафеса, Е.А. Преображенского, П.Л. Лапинского и др. Все они были прочитаны, о чем говорят пометы и замечания В.И. Ленина, оставленные, в частности, на тексте Е.А. Преображенского. Слово «подчинено» подчеркнуто Лениным. В правом верхнем углу листа сделана им приписка: «Просто «подчинить» нельзя: ср. § 12 у меня».

*** Далее зачеркнуто «только».

но в тех формах, в каких он ставился в эпоху формирования национально-буржуазных государств и тем самым, в обстановке начавшегося советского объединения мира, превращаются в представителей дегенеративного* национализма, осужденного к тому же умереть, не подготовивши могильщиков из среды собственного народа. Подготавливать этих могильщиков (где история дает для этого срок) и выступать самим в качестве могильщиков, где этого срока не дано, придется и отчасти придется пролетариату советских республик. Отсюда неизбежность не только всяческой поддержки хотя бы самого ничтожного меньшинства коммунистически настроенных элементов этих стран, вплоть до поддержки в захвате ими власти против большинства, руководимого буржуазными националистами, но и где этого меньшинства нет, разгром националистической верхушки и установление непосредственных взаимоотношений с низами отсталого народа. Неправильно преувеличивать революционное значение национальных восстаний в колониях. Тем более будет недопустимо проглядеть момент, когда положение изменится в корне, п.ч.** с момента победы пролетарской революции в Лондоне и Париже национально-революционное движение на Востоке превращается в контрреволюционное движение. На территории РСФСР национальные движения в Туркестане, Башкирии и Киргизии уже являются движениями контрреволюционными, и как раз наш опыт в этой области доказывает, каким недопустимым легкомыслием является план использования движения на Востоке против европейского империализма, без заботы*** теперь же о создании самостоятельных коммунистических групп в этих странах. Ввиду крайней истощенности Европы в области сырья за время войны и абсолютной необходимости для победившего пролетариата усилить поступление этого сырья из колоний для поддержания производства, включение бывших колоний в экономическую организацию социалистической Европы может стать необходимым раньше, чем в этих колониях созреют и укрепятся силы для проведения добровольной федерации колоний с Европой. В этом случае, *если будет исключена возможность экономического соглашения с руководящими национальными группами, неизбежно подавление их силой и насильственное присоединение экономически важных районов к союзу европейских республик***** на период, пока освобожденные от своей буржуазной верхушки трудовые низы народа не выдвигнут групп, способных стать у власти на основании федерации с Европой. Опыт показывает, что пролетарскому государству легче иметь дело с отсталыми народами, находящимися на стадии родового быта, и вступить с ними в дружеские отношения, чем с народами, захваченными торговым капитализмом и отторженными от непосредственного общения с их низами буржуазно-интеллигентской верхушкой.

Выводы:

1. Было бы целесообразней***** в тезисах сделать разграничение в духе сказанного в I-м пункте. Соответствующее разграничение надо провести в практических***** выводах, иначе основное для одного периода перемешивается с второстепенными для другого и обратно, что лишает ясности практические директивы.
2. В 11-м тезисе необходима следующая поправка: или в третьем подпункте добавить после слов «капитализмом»***** «младомусульманством», а в четвертой строке

* Слово вписано над строкой от руки.

** Вписано вместо зачеркнутого «т.к.».

*** Зачеркнуто «не заботясь», вписано над строкой.

**** Внизу листа Ленин приписал: «Через край хвачено. Недоказуемо и неправильно сказать, что «неизбежно» «подавление силой». В корне неверно».

***** Вписано над строкой вместо зачеркнутого «необходимо».

***** Вписано от руки на строкой.

***** Помета В.И. Ленина: «Пан-исламизм? Слова «кап[итали]зм» вовсе нет».

вместо «дипломатического»* и т.п. сказать «торговой буржуазии и шовинистских интеллигентских верхов»; или второй пункт слить с третьим (что логически более правильно), а под рубрикой 3-го сформулировать новый пункт о необходимости борьбы с буржуазными верхушками отсталых стран, поскольку они стараются укрепить свою угнетательскую позицию в процессе освободительной борьбы с чужеземным империализмом и одновременно проявляют империализм в отношении еще более отсталых родственных народов, прикрывая это флагом помощи им и организации их для борьбы с европейским капиталом.

Пятый подпункт продолжить словами «будучи в любую минуту готов выступить по всему фронту против буржуазно-национального движения, когда оно станет объективно контрреволюционным».

3. В 12-м тезисе, в 4-й строке снизу после слов «указанных предрассудков» добавить «поскольку для такой тактики еще останется срок», а в пятой строчке снизу после слова «уступки» вставить «трудящимся низам этих стран».

4. В тезисе 11-м, седьмая строка, после «этих стран» добавить «поскольку это движение не делается не реакционным с момента победы пролетариата».

Е. Преображенский

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14355. Л. 1-3.

Подлинник. Машинопись.

№ 74. РЕЗОЛЮЦИЯ, ПРИНЯТАЯ НА ЗАСЕДАНИИ ПОЛИТБЮРО ЦК РКП(б) ПО ДЕЛУ ОСКАРА БЛЮМА**

29 июня 1920 г.

Утвердить решение комиссии по пересмотру дела Блюма. Поручить т. Курскому выяснить вопрос, был ли в свое время опубликован приговор по делу Блюма; если не был, то опубликовать сейчас. Кроме того, поручить т. Курскому установить наблюдение за тем, чтобы приговор в отношении Блюма проводился со всею строгостью. 1920 г. июня 28 дня Комиссия, назначенная Политбюро ЦК РКП(б) для рассмотрения вопроса о том, необходим ли пересмотр дела Блюма, в составе т. Преображенского, Лациса и Курского, рассмотрев все производство по делу Блюма революционного трибунала при ВЦИК с относящимися к нему документами, а также опросив т. Бухарина и Радек и латышских товарищей, пришла к следующему заключению:

1) Виновность Оскара Блюма в том, что он состоял на службе в Рижском охранном отделении в качестве секретного сотрудника в 1908–1910 гг., вплоть до исключения его со службы за шантаж, устанавливается документально и не опровергается расплывчатыми и туманными объяснениями Блюма.

2) Для пересмотра дела Блюма нет никаких новых обстоятельств ни в объяснениях его, ни в документах.

3) Пересмотр дела Блюма в рамках уже имеющегося материала может служить основанием не для уменьшения, а для увеличения нормы наказания, но ввиду необходи-

* Помета В.И. Ленина: «Такого слова нет!»

** Текст резолюции был написан Е.А. Преображенским (протокол № 23 заседания Политбюро ЦК РКП(б)).

мости сохранить незыблемость вынесенного в установленном декретом РСФСР порядке, с соблюдением всех правил производства дел приговора Верховного трибунала, признать приговор окончательным.

Курский
Е. Преображенский
Лацис

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 76. Л. 15–16 об.
Рукопись. Подлинник.

№ 75–77. СТАТЬИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В ГАЗЕТЕ «ПРАВДА» В ИЮЛЕ – АВГУСТЕ 1920 г.

30 июля – 15 августа 1920 г.

№ 75. МНОГООБЕЩАЮЩИЙ ОПЫТ

30 июля

Хочу сказать несколько слов об инсценировке массового действия, которым закончили наши питерские товарищи день открытия 2-го конгресса III Интернационала.

Видели ли вы когда-либо сцену, на который бы выступало несколько тысяч артистов и статистов?

На площади перед Фондовой биржей мы видели такую сцену.

Знаете ли вы театр, в котором играли бы для десятков тысяч зрителей сразу?

По уверению г. Анцеловича, на площади Фондовой биржи 19 июня было до 80 000 зрителей.

Это внешняя сторона. Что же играли?

Играли «Историю рабочего движения в важнейших моментах с 1848 г. до наших дней». В этом как раз самая слабая сторона того многообещанного опыта массовой сцены, который был продан в Питере и который нужно рассматривать как первый опыт создания театра пролетарской революции. «Тот, кто много доказывает, тот ничего не доказывает», – говорит пословица. И в Питере на массовой сцене пытались слишком много изобразить, и потому ослабили впечатление изображаемого.

Питерский опыт показывает, что наиболее удаются и производят наибольшее впечатление массовые драматические сцены.

Слабее действуют и хуже понимаются зрителями различные символы. Совсем пустые места, мертвые места на сцене – это переход от одной картины к другой. Не помогает даже подробнейшая программа, которую могли читать, кстати, только сотни из десятков тысяч зрителей.

Удачно прошли на сцене: царство буржуазии в виде огромной золотой монеты, вокруг которой пирует буржуазия; восстание коммунаров, прогнавших пирующих с трона веселья, веселая песня карманьолы и танцы пролетарских борцов на месте, очищенном от буржуазии. Затем прошло на сцене: борьба защитников коммуны с белогвардейцами Тьера, падение Коммуны, расстрел шеренги пленников, упавших после залпа со стороны Невы.

В сущности, событий из эпохи Парижской коммуны было бы достаточно, чтобы представить наиболее выпукло важнейшие моменты в истории коммуны, чтобы наполнился содержанием весь спектакль, но авторы пожелали слишком много сказать, и за

это наказаны рядом тусклых и малопонятных для зрителей сцен. Пустым местом, непонятным, явился мирный период после коммуны. Не удалось изображение II Интернационала, за исключением момента распада на два враждующих стана бывших социалистов в начале мировой войны.

Прекрасно удалось изображение царизма в виде двуглавого орла, огромной фигуры Николая в короне и с гиком несущихся по улице казаков. Музыка играла «Боже, царя храни». Затем прозвучала «Марсельеза» и начался крах монархии. Но остальное плохо удалось: период власти Керенского вышел тускло; Октябрьская революция прошла на сцене мельком; весь период Гражданской войны совершенно не удался.

Прекрасно удались некоторые световые эффекты, например, дым над трупами расстрелянных коммунаров и т.д.

Вывод такой. Заложено начало массового пролетарского театра. Предстоит огромная работа над улучшением техники. В эту сторону на этот путь должна быть направлена часть сил, которые слишком злоупотребляют пролетарским терпением, препарируя сценические образы прогнившего строя для узкого круга эстетически развитой публики.

Такие массовые сцены, как петроградские, позволяют в лицах и действиях (если к тому же соблюдены историческая правда в костюмах, обстановка и пр.) знакомить широкие слои пролетариата с важнейшими моментами классовой борьбы.

Опыт питерцев ни в каком случае не должен остаться без разработки и дальнейшего усовершенствования.

Е. Преображенский

№ 76. ОЧЕРЕДНОЙ «ПРОЖЕКТ» т. ЛАРИНА

11 августа

Недавно в «Экономической жизни» появился фельетон т. Ларина под заголовком «Законы денежного обращения». Что касается «законов денежного обращения», то, если даже их формулировать в виде статей законов уголовного уложения, мудрено их поместить на территории статьи в 250 строк. Но т. Ларина интересует собственно не законы; ему важно иметь законное основание внести определенное практическое предложение. Он его вносит. Как и большинство новых предложений т. Ларина, оно отличается ясностью, простотой и большими выгодами для государственного казначейства.

Дело обстоит так. Компрод поставляет лишь 40% необходимого рабочим и служащим хлеба. Остальное количество им приходится покупать на вольном рынке, выбрасывая на это огромное количество бумажных денег. В свою очередь, государству придется выбрасывать огромное количество бумажек в качестве заработной платы. Нельзя ли сократить этот бумажный поток?

«Можно», — отвечает т. Ларин на основании открытых им «законов денежного обращения». Надо заготовить Компроду больше хлеба, и тогда рабочий меньше потратит на покупку хлеба на Сухаревке.

Мысль не особенно новая. Но как заготовить больше помимо того, что дает заготовка при данных условиях, как заготовить больше, опираясь на «законы» т. Ларина.

Послушаем самого автора...

Представим себе повышение твердых цен вдвое, и повышающее заготовку хлеба только на одну десятую (опыт последних лет показывает, что за каждым значительным повышением денежных твердых цен на лен, зерно и т.д. заготовка этих продуктов возросла даже в средней России, богатой советскими деньгами, более чем на 10%, тем бо-

лее в богатых хлебом, но не насыщенных еще деньгами окраинах). Каковы будут последствия для денежного обращения, для потребности страны в денежных знаках? Если Компрод заготовит не 220 млн пудов, платя за них по 50 руб., а 242 млн, платя по 100 руб., то для оплаты всей заготовки понадобится 13 млрд лишних. Но зато население получит путем государственного снабжения почти на 20 млн пудов больше и сможет купить на всех «сухаревах» меньше на 20 млн пудов хлеба. Если считать среднюю сухаревскую цену хлеба для потребляющих губерний и городов России хотя бы в 300 руб. фунт, это дало бы для трудящегося населения годовую экономию потребности в денежных знаках в 240 млрд руб. Иначе сказать: удвоение заготовительных хлебных цен не только не вызовет необходимости повышать заработную плату, увеличивать количество печатаемых денежных знаков и т.д., и т.д., но, наоборот, поведет к громадному уменьшению потребности в них. Систематическое значительное повышение твердых заготовительных цен на сельскохозяйственные продукты, с точки зрения осмысленной «политической экономии переходного советского периода», является поэтому одним из существенных средств борьбы против усиливающегося ускорения накопления массы бумажных денег и разных нежелательных его последствий.

Представить себе, конечно, все можно. Непонятно лишь, почему увеличение твердых цен на хлеб с 50 руб. до 100 может дать 20 млн лишних, а не 200 млн или не 200 пудов? Из «законов» т. Ларина этого не видно, как не вытекает и из здравого смысла. Непонятно, почему рязанский крестьянин, в районе которого пуд муки на вольном рынке стоит 10 000 руб., сдаст лишний пуд Наркомпроду (имея возможность не сдать), соблазнившись повышением цен с 50 руб. до 100? Непонятно, почему кубанский казак или сибирский крестьянин, продающий на вольном рынке хлеб по цене в 30–40 раз выше твердой, соблазнится тем же. Крестьянство сдаст теперь хлеб советской власти, выполняя определенную повинность, и «плата» в 50 руб., при рыночной цене в 50–100 раз большая, не имеет никакого интереса для крестьян.

Не плата за сданный хлеб, которая совершенно оторвалась от цен вольного рынка, а принуждение со стороны государственного аппарата, совершенствование методов этого аппарата, вместе с надеждой крестьянина на соль, керосин, мануфактуру по твердым ценам, обеспечивают получение хлеба и возможность увеличить его получение. Если же рассуждать с точки зрения действительных законов бумажного денежного обращения, то в результате выброса государством 13 лишних миллиардов на заготовку нет ни малейших оснований ожидать прироста заготовки больше того количества хлеба, которое можно приобрести на 13 млрд на вольном рынке. Но непонятно, почему такой «прибыльной» покупкой должно заниматься государство, а не заинтересованные потребители и не мешочники?

Увеличение твердых цен лишь там может увеличить заготовку на большее количество продукта в сравнении с тем, которое можно купить на прибавленную сумму на вольном рынке, где твердая цена не особенно далеко отклонилась от вольной. Между тем такого положения нигде в Советской России, не считая самых отдаленных окраин, уже не существует. Мы уже не говорим о том, что это увеличение в разбираемом случае увеличивает рост вольных цен и имеет тем самым свой минус на другом полюсе экономических отношений. Наоборот, где вольная цена совершенно оторвалась от твердой, где крестьяне сдают государству столько излишков, сколько может обеспечить давление принудительного аппарата государства, там увеличение твердых цен рискует не дать даже того добавочного количества хлеба, который можно купить на вольном рынке на сумму, прибавленную к сумме старых твердых цен: крестьянство пройдет мимо этой прибавки, не заметив ее ввиду ее ничтожности.

Я не знаю, повлияли ли доводы т. Ларина на Наркомпрод. Если не повлияли, то честь Наркомпроду. Законы же денежного обращения, на которые ссылается т. Ларин,

как я надеюсь доказать в другом месте, говорят как раз обратное тому, на чем он настаивает в своих выводах.

Все новые предложения т. Ларина делятся обыкновенно на две группы: орехи с зернышком и орехи пустые. К первому разряду относятся его предложения о ликвидации внутренних денежных расчетов Советского государства с самим собой; к орехам-пустышкам относится рассматриваемое нами теперь предложение.

Е. Преображенский

№ 77. О НОВОЙ КНИЖКЕ Н.И. БУХАРИНА

15 августа

Месяц тому назад увидела свет чрезвычайно интересная, глубоко проникающая в своих выводах книга т. Бухарина «Экономика переходного периода»³⁷. Читая эту книгу, с радостью констатируешь лишний раз, что наша партия не только проявляет замечательно практическое искусство, руководя великой пролетарской революцией, но и сохраняет способность теоретически осмысливать каждый сделанный вперед шаг. Величайшее практическое значение теории в революционную эпоху в том и состоит, что, поняв начало какого-либо процесса и направление его развития, вы уже обладаете ключами к пониманию его конца, а следовательно, знаете, что вам нужно делать не только сегодня, но и завтра.

Для тех, кто не удосужился прочесть книгу т. Бухарина или не намерен ее читать, можно рекомендовать рецензию-изложение, данную Членовым в «Экономической жизни». Я пишу эту статью для всех, которые уже читали книгу и с которыми можно говорить по поводу прочитанных страниц.

Первая глава книги имеет характер введения для последующих глав, особенно для второй. В ней нет существенно нового по сравнению с предыдущими работами автора. Но это введение является исходным пунктом для глав, где есть новые мысли или по-новому сформулированы старые. Вывод в том, что для этой главы недостает хотя бы краткого описания живого капиталистического гиганта, будет ли то Германия накануне войны или американский капитализм. На таких живых примерах ясней можно было бы показать не одну только неизбежность мировой войны, но и неизбежность социал-патриотического предательства и беспомощность всякого мелкобуржуазного пацифизма, в том числе и пацифизма II Интернационала, с его первомайским антимилитаризмом и мирными демонстрациями на конгрессах.

Самое ценное во второй главе — это научно-марксистское определение войны как борьбы классов, сложившихся в государство независимо от того, ведет ли войну государственно-капиталистический трест одной страны с таким же государственно-капиталистическим трестом другой или одним из противников является совсем другой класс, например, овладевший властью пролетариат.

Важно, что война является средством укрепить тот способ производства, на основе которого существует господствующий класс, что война является не только продолжением политики господствующего класса только другими средствами, но и продолжением другими средствами его экономики. Тов. Бухарин вполне правильно говорит поэтому: «Каждый производственный тип имеет и соответственный тип государства, а каждому типу государства соответствует определенный тип войны». Мы знаем теперь не только теоретически, но и на жизненном опыте революции, больше того: каждому типу государства соответствует особый тип армии. Наша Красная армия цементирована пролетариатом как господствующим классом и таким путем подогнана к советскому типу госу-

дарства и всему укладу наших внутренних отношений. Армия феодальных государств или целиком (вначале) состояла из дворян, или имела дворянский кадр. Армия капиталистического государства цементируется буржуазно-дворянской верхушкой и экономически привилегированным офицерством.

В этой же главе есть несколько строк, с которыми я лично не могу согласиться. Тов. Бухарин пишет: «Социалистическая война есть классовая война, которую нужно отличать от просто гражданской войны. Последняя не есть война в собственном смысле слова, ибо она не есть война двух государственных организаций. Наоборот, в классовой войне обе стороны организованы, как государственная власть: по одну сторону государство финансового капитала, по другую – государство пролетариата».

Мне кажется, эта хитроумная терминология является совершенно лишней с точки зрения всего содержания второй главы и не прибавляет ясности в затронутом вопросе вообще.

Как мы назовем нашу войну с Польшей? Несомненно, это социалистическая война и классовая война. Такова же война с Антантой вообще. А как назвать войну с покойным Колчаком и еще здравствующим Врангелем? Тут уже начинаются затруднения. Обычно мы называем ее гражданской войной. Ходячая терминология, разумеется, необязательна для научной классификации и может с ней расходиться. Но нет ни малейшего основания не считать и не называть нашу войну с Врангелем войной классовой и социалистической. Тов. Бухарин говорит: ведь это не есть война в настоящем смысле, не есть война двух государственных организаций различных классов. Почему нет? У Колчака было свое государство, хотя и недолговечное. Недолговечным, надо надеяться, окажется и дворянско-офицерское государство Врангеля. Но ведь Колчак, и Деникин, и Врангель возглавляли остатки государства, которое в сравнении с советским имеет преимущество, давности раз в сто или больше, — они являются остатками дворянского и дворянско-капиталистического государства Российской империи. Мы не говорим уже о том, что долговечность и прочность вообще тут ни при чем. Тов. Осинский для различения нашей войны с белой Польшей от войны с Деникиным пытался ввести термин внешней гражданской войны. Это тоже совершенно неудачная попытка. Почему война с Врангелем является внутренней гражданской войной, а война с Польшей – внешней? Потому что Крым входил в территорию царской империи? Но ведь и Польша туда входила, и Эстляндия, и Финляндия. Потому что на стороне Врангеля сражаются русские по национальности? А разве не было русских у Юденича в Эстонии, нет их сейчас в польских войсках? И разве одна нация не может распасться на два государства, с разными классами по главе каждого, если для этого есть основание в производственных отношениях?

Чтобы освободиться от всей этой путаницы при установлении научной классификации, по-моему, вполне достаточно различать войну от восстания. С того момента, как восставшему классу удастся создать армию – эту важнейшую часть государственного аппарата, о восстании говорить поздно, надо говорить о войне. А дать классификацию войны по классовому признаку не представляет никаких затруднений. Французская республика в конце XVIII в. вела революционно-буржуазную войну с монархиями Европы. Мы ведем революционно-пролетарскую войну с буржуазными государствами Европы и остатками нашего буржуазно-помещичьего государства. Никаких особых изменений в области терминологии здесь не требуется. Термин «гражданская война», если введен уже термин классовая война, можно опустить совсем. Если его желательно сохранить, то можно условиться называть этими словами период перерождения восстания в классовую войну.

Центральным местом книжки являются главы третья и четвертая. В третьей главе даны реальные очертения капиталистической системы как единого целого в политическом и экономическом отношении перед ее крахом. Крах подготавливается вследствие

нарушения процесса расширенного воспроизводства, в результате переборки массы сил и средств на обслуживание войны, т.е. на непроизводительную растрату материальных средств, запасов и рабочих сил. Вместо расширенного воспроизводства, свойственного развивающемуся капитализму, начинается неудержимо растущее недопроизводство, свойственное разлагающемуся капитализму и обуславливающее дальнейшее разложение и распад системы*. Автор прослеживает действие этого недопроизводства на всей экономической системе капитализма: поглощается общественная прибавочная ценность — это необходимое условие воспроизводства, изнашивается уже имеющийся основной капитал без своевременной замены новыми элементами, разрушается рабочая сила на почве недостаточного потребления, и поскольку она протестует стачками против недостаточного потребления, еще более уменьшает и размеры производства, и количество подлежащих распределению в общество продуктов потребления. Автор как бы прощупывает на теле капитализма, как вытекают через кровоточащую рану войны производительные силы, как хрустят кости капиталистического скелета, как ломаются не только черепная коробка и хребет, но и каждая косточка, каждый хрящ в костяном остоле капиталистической системы под ударами революции. Тов. Ленин в своей книге о государстве доказал то, что русский пролетариат подтвердил потом на практике революции: государственный аппарат буржуазии должен быть разбит вдребезги. Тов. Бухарин доказывает то же в отношении социальных скреп в экономической организации капитализма, доказывает после того, как эту основу наш пролетариат подтвердил революционной ломкой производственных организаций капитализма. Анализ этого момента социальной революции является самой глубокой и ценной частью книги, хотя выводы слишком обобщены, поскольку сделаны на основании опыта одной лишь нашей революции. Здесь автор делает совершенно новое теоретическое построение, в свете которого прежние представления даже ортодоксальных социал-демократов о крахе капитализма нужно по совести признать маниловскими. Эта переоценка наших социал-демократических грехов делается обыкновенно каждым коммунистом «про себя», в своем сознании, поскольку опыт пролетарской революции с наглядной очевидностью обнаруживает негодность старых построений. Заслуга т. Бухарина состоит в том, что он сказал, наконец, в форме научного анализа пролетарской революции то, что каждый из нас думал (и не всегда додумывал до конца) про себя. Мы, учившиеся по «Эрфуртской программе», мыслили себе социализацию производства иначе, чем она прошла на практике. Десять лет тому назад вряд ли кто из самых революционных марксистов допускал, что кроме разрушения буржуазного государства, завоевания диктатуры, экспроприации класса капиталистов придется проделать процесс разрушения капиталистического хозяйства до самого основания, выбросить почти весь технический персонал, от мастера до инженера, путем террора и тогда переломить его психологию и уже после этой операции вобрать снова в социалистическую систему производства**.

Наше понимание краха капитализма в области экономической, несомненно, имело оттенок оппортунистического благодушия и утопизма. Хорошо, пожалуй, что не все ра-

* Это растущее недопроизводство автор неизвестно зачем упорно именует «расширенным, отрицательным воспроизводством», хотя у этого архаичного термина нет ничего за душой нового в сравнении со словами «растущее недопроизводство», каждые два слова вполне достаточно выражают процесс, противоположный «расширенному воспроизводству». (Прим. автора.)

** Насколько живучи были остатки наших старых представлений о возможности самого широкого использования капиталистического производственного аппарата, указывает тот факт, что даже в 1918 г., т.е. через полгода после пролетарской революции, кое-кто (прошу прощения у Владимира Ильича) выдвигал для Советской России предложение пробегать скоренько стадию государственного капитализма. (Прим. автора.)

бочие читали в свое время «Эрфуртскую программу», и воспоминание о ней не мешало им со всей решимостью, которой требовала логика революции и пролетарский инстинкт, удалить из производства генералов, офицеров и унтер-офицеров капитализма. Но когда процесс выталкивания кончен и начинается «социалистическое накопление», начинается использование на новой основе выброшенных технических сил, отвращение к спецу, если оно доходит до нежелания вообще использовать их в социалистической системе хозяйства, носит уже реакционный характер. Очень жаль, что рядовому рабочему не прочесть соответствующих страниц из книги т. Бухарина по причине террористической* терминологии и ужающих англо-франко-немецких цитат, удобоваримых лишь для слушателей профессора Гредескула.

Чрезвычайно ценным в книге т. Бухарина является анализ взаимоотношений между городом и деревней в период краха капитализма. Насилие города над деревней начинается во время войны еще при господстве капитализма, поскольку необходимые городу и армии продукты потребления, с разрывом естественного товарообмена между промышленностью и земледелием, приходится получать путем принуждения (хлебная монополия), с ограничением монопольных доходов сельских хозяев (твердые цены). При пролетарской диктатуре это насилие является единственным серьезным орудием накопления нужных для производства средств потребления. При проведении хлебной разверстки мелкие производители деревни принудительно работают на социализм и включаются частично в общую систему социалистического хозяйства. Принуждение здесь является, в сущности, не внеэкономическим фактором, а фактором и политическим, и экономическим одновременно. Трудно теперь решить, где начинается политическое насилие экономической системы и где кончается экономическое насилие политической [системы]. Вместо слова насилие, которое связано с манчестерскими представлениями, было бы удобней говорить о социальной дисциплине или о чем-либо аналогичном.

В девятой главе автор, мне кажется, слишком преувеличивает степень непригодности основных категорий политической экономии для анализа экономических отношений переходного периода. Трудно сказать, как будет обстоять дело завтра в Германии, а сегодня в России, например, $\frac{9}{10}$ ценностей создается пока в мелком товарном хозяйстве и огромная часть производимого и не потребляемого производителями поступает не распределительным органам государства, а на вольный рынок. Сказать, что понятие ценности «менее всего пригодно в переходный период», значит, немного увлечься. Рановато говорить и о крахе денежной системы. Металлические деньги продолжают гулять, нисколько не теряя ценности и мало смущаясь «экономикой переходного периода», а в области бумажного денежного обращения мы не пойдем ровно ничего, если не будем исходить из «основных категорий политической экономии».

Я затронул лишь одну десятую часть вопросов, выдвинутых в книжке и требующих обсуждения, но и так уже статья превысила нормы Главбума. Пожелаем, чтобы примерно, в связи со вторым изданием и хотя бы за счет увеличения объема, работа т. Бухарина была переведена с профессорского языка на рабоче-крестьянский.

Е. Преображенский

Правда. 1920. 30 июля; 11, 15 августа.

* Так и тексте.

№ 78. ДОКЛАД Е.А. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО КОМИССИИ ЦК РКП(б)
ПО ВОПРОСУ ЛИКВИДАЦИИ НЕРАВЕНСТВА В РЯДАХ РКП(б)

*Не позднее 24 августа 1920 г.**

Симптомы разложения нашей партии

На целом ряде губернских конференций, происшедших после 9-го съезда (на некоторых – до съезда), обнаружилась резкая борьба так называемых низов партии с верхами. Эта борьба, перемеживаясь часто с борьбой по другой линии, например, по линии столкновения крестьянски настроенных коммунистов с городскими, рабочими и работниками профсоюзов с интеллигентами, «центровиками» с местными товарищами, гражданских коммунистов с военными, выявлялась в большей или меньшей степени на конференциях: Самарской, Северодвинской, Уфимской, Рязанской, Донской, Оренбургской, отчасти Ярославской, Тульской, Брянской, Орловской. Борьба принимает часто и другие формы, например: массовый выход из партии (200 человек городской организации Велюцкого Устюга), нежелание перерегистрироваться со стороны ряда рабочих-коммунистов (Самара), требование перерегистрации для членов губкомов и т.д. Наконец, наиболее резкое и опасное выражение этой борьбы можно видеть в восстании дивизии Сапожкова в Бузулуках²⁸, где подавляющее большинство руководителей восстания принадлежат к коммунистам (замешано до 130 человек), часть которых в партии с 1917 г. (6 человек), а один рабочий, Осипов, даже с 1916** г., причем после занятия города восставшими часть коммунистов и рабочих (преимущественно советские работники) отступили, часть вместе с профсоюзами осталась и организовала новый исполком.

Если оставить в стороне кулацкие и антисемитские лозунги сапожковского восстания, то в остальном оно выдвигает те же самые требования, которые объединяют так называемые низы нашей партии в борьбе с верхами на перечисленных конференциях и внутри почти всех организаций РКП («Долой обуржуазившихся лжекоммунистов-генералов, шкурников», партийных бюрократов, «Долой привилегированную касту коммунистической верхушки»). Можно смело утверждать, что последние лозунги встречают сочувствие в большей части рядовых членов нашей партии и раздвоение наших рядов по этой линии увеличивается с каждым днем. В той же Москве среди коммунистов районов слово «кремлевский» произносится с враждой и презрением.

Ввиду того что с уменьшением военной опасности на фронтах и еще более с концом войны на главных фронтах ослабевают многие из тех скреп, которые спаивали все советские ряды в тылу, армию и партию, нужно ожидать известной реакции против концентрированной диктатуры и разгула мелкобуржуазной стихии. В этот момент партия должна быть особенно крепка и спаяна. Между тем именно партия обнаруживает уже теперь все данные внутреннего раздвоения, которое может в один прекрасный момент поставить коммунистов против коммунистов. Настроение рядовых членов нашей партии необходимо поэтому более тщательно изучить Центральному комитету и пойти навстречу коммунисту-средняку в том, в чем он, как коммунист и пролетарий, совершенно прав. Продолжая борьбу с махновщиной, недисциплинированностью и мелкобуржуазным децентрализмом в наших рядах, мы как раз в интересах этой самой борьбы совсем иначе должны отнестись к протесту рядовых коммунистов против систематического их отстранения от влияния на дела партии, реального участия в партийной жизни, к протесту против обер-комиссарского хамства и нечувствительности известной части партийных

* Датируется по письму Н.Н. Крестинского В.И. Ленину (см. приложение к док. № 79).

** Угасающий текст. Возможно, 1916 г.

верхов к тяжелому положению пролетарских масс, от которых они оторвались, наконец, к протесту против безмерного, до издевательства, материального неравенства в среде самих коммунистов.

Центральному комитету необходимо взять курс на средняка-коммуниста, который практически почти не имеет прав, а лишь одни обязанности, более внимательно заняться его воспитанием, привлечь его к действительному участию в партийной жизни и урезать в его пользу материальные привилегии верхов партии.

Конкретно я предлагаю следующее:

1. Восстановить значение и права общих собраний членов партии во всех организациях РКП и обязать ответственных партийных работников не жалеть времени для подробного разбора всех подлежащих решению вопросов на этих собраниях вместе со всеми членами организации. На этих собраниях рассматривать не только местные, но и общегосударственные вопросы и ставить не только всех членов партии в круг вопросов решаемых ЦК, но и ставить в известность ЦК об отношении партийного большинства к принимаемым ими решениям.

2. Не только губконференции, но и пленумы губкомов делать публичными для всех членов партии.

3. Изменить характер ревизионных комиссий, предоставив им право ревизии организаций по существу их работы, а также придать им права судов коммунистической чести в связи с непрекращающимися почти во всех организациях обвинениями ответственных коммунистов в злоупотреблении их положением.

4. Обязать всех без исключения ответственных коммунистов вести регулярную партийную работу, прежде всего в низах пролетариата, участие в субботниках сделать абсолютно обязательным для всех, без каких бы то ни было изъятий.

5. Соблюдать устав в отношении созыва всероссийских партийных конференций в самом ЦК и объявить войну высокомерно презрительному и пренебрежительному отношению к таким конференциям и совещаниям с местными работниками, без созыва которых нельзя учесть внутреннее состояние партии и страны и избежать массы ошибок в политике ЦК и правительства.

6. Усилить кадры разъездных инструкторов ЦК и больше чекистов посылать для контроля местной работы.

7. В отношении центральных ответственных работников необходимо:

а) поручить МК взять их на особый учет, завести для каждого личный дневник с обязательством давать сведения о работе за каждый проведенный день, б) поручить МК произвести статистическое обследование материальных условий жизни и питания московских коммунистов и коммунистов, связанных с Кремлем, и урезать последних в пользу первых, в) отобрать все именные автомобили, обслуживающие обыкновенно в большинстве личные потребности товарищей, и излишние отдать фронту, Совнархозу и Наркомпочтелю, г) обязать каждого наркома и каждого члена коллегии не менее двух раз в году выезжать на места, д) чаще менять состав коллегий путем привлечения выдвигающихся работников с мест.

8. Создать специальную комиссию с участием представителей ЦК для срочной выработки всех необходимых мер борьбы с разложением в рядах нашей партии.

Е. Преображенский

№ 79. ИЗ ПРОЕКТА ЦИРКУЛЯРНОГО ПИСЬМА ЦК РКП(б),
ПОДГОТОВЛЕННОГО Е.А. ПРЕОБРАЖЕНСКИМ,
ПО ВОПРОСУ БОРЬБЫ С БЮРОКРАТИЗМОМ
И МАТЕРИАЛЬНЫМ НЕРАВЕНСТВОМ В ПАРТИИ

*Не позднее 24 августа 1920 г.**

Всем парторганизациям, всем членам
партии о мерах по укреплению партийной дисциплины.

Проект циркуляра ЦК

В последнее время в рядах нашей партии замечается растущая отчужденность между рядовыми членами партии и ответственными коммунистами.

Причины этого нездорового явления коренятся:

1) В недостаточно быстром вовлечении в партийную жизнь огромного числа новых членов партии, которые вступили к нам в Партийную неделю и для коммунистического воспитания которых во многих организациях сделано недопустимо мало.

2) В перенесении центра тяжести партийных решений по важнейшим вопросам с общих собраний в партийные комитеты. Такое перераспределение партийных функций, вызванное условиями Гражданской войны в наиболее острый период, автоматически продолжает существовать и по настоящее время, вызывая отмирание партийной жизни на низах организации.

3) В чрезвычайно ничтожном участии всех местных партийных организаций в обсуждении общепартийных и общеполитических вопросов и устремлении главного внимания на выполнение принимаемых в центре решений.

4) В далеко зашедшем материальном неравенстве в среде коммунистов.

Для оздоровления внутривнутрипартийных отношений и более умелого вовлечения молодых коммунистов в партийную работу ЦК считает необходимым провести следующие меры:

I. Возможно чаще собирать общие собрания членов партии с обязательным присутствием на них всех ответственных работников организации. На общих собраниях ставить все важнейшие вопросы общепартийной, общеполитической и местной жизни. Вопросы, по которым уже состоялось решение ЦК и центральных советских органов, следует ставить для выяснения** перед всеми членами партии мотивов принятых решений. Выдвигающиеся на очередь дня*** вопросы, по которым еще не принято общеобязательных решений партийного центра, необходимо обсуждать на общих собраниях и о мнении организации немедленно доводить до сведения губкомов и ЦК. Принятые резолюции должны рассматриваться как проекты решений, п.ч.**** постановлений партийных центров, которые и придется проводить в жизнь, могут***** разойтись с решениями тех или иных местных организаций партии. Для регулярного

* Датируется по отзыву, направленному Н.Н. Крестинским В.И. Ленину, на проект циркулярного письма.

** Вписано от руки над строкой Е.А. Преображенским вместо зачеркнутого «внесения».

*** «На очередь дня» вписано над строкой.

**** «П.ч.» вписано над строкой.

***** Вписано слово вместо зачеркнутого «лишь».

обсуждения вопросов местного характера, кроме докладов парткомов, необходимо ввести регулярные доклады заведующих отделами советских органов. В Москве восстанавливается система докладов парткомов на общих собраниях членов партии и на рабочих митингах.

II. В целях привлечения рядовых членов партии к партийной жизни желательно не только губернские конференции, но и пленумы губкомов по вопросам, не требующим закрытых заседаний, делать публичными для всех членов партии* и принимать соответствующие меры к усиленному посещению ими заседаний, конференций и пленумов.

III. Необходимо изменить характер ревизионных комиссий, предоставив им право ревизии организаций по существу их работы (ревизовать выполнение циркуляров ЦК, постановлений конференций, быстроту прохождения дел в парткомах, налаженность канцелярского аппарата и т.д.). О всех упущениях ревизионные комиссии обязаны давать отчет, кроме выбравших их органов, непосредственно в ЦК. Соответственно поэтому необходимо выбирать в ревизионные комиссии достаточно ответственных и деятельных товарищей.

IV. Ввиду непрекращающихся жалоб рядовых коммунистов на различные злоупотребления ответственных товарищей и на невозможность добиться нормальным путем нужных партийных мер против этого при всех губкомах должны быть организованы из наиболее беспристрастных и пользующихся всеобщим доверием организации товарищей специальные партийные комиссии, в которые должны поступать все жалобы одних коммунистов на других.

Ни одна жалоба не должна остаться без мотивированного ответа комиссии или резолюции губкома.

V. Ввиду усилившегося материального неравенства среди коммунистов и для возможно более быстрого изживания рекомендуется всем губкомам и парткомам произвести обследование материальных условий жизни всех коммунистов данного района, результат обследования сообщить в ЦК и вместе с тем принять ряд мер к уничтожению привилегированного положения отдельной группы коммунистов, поскольку они не вызывают[ся] потребностями дела.

VI. Обязать всех без исключения ответственных коммунистов вести регулярную партийную работу, прежде всего в низах пролетариата и Красной армии, и участие в субботниках сделать абсолютно обязательным для всех на основании положения о субботниках. Время, потраченное на субботнике, необходимо рассматривать не с точки зрения непосредственных результатов труда, а с точки зрения укрепления единства внутри партии на основе выполнения каждым коммунистом, без изъятия, всех партийных обязанностей.

VII. В отношении центральных работников ЦК находит необходимым провести следующие меры: а) обязать каждого наркома и каждого члена коллегии не менее двух раз в год выезжать на места, б) чаще менять состав коллегии путем привлечения выдвигающихся работников с мест, в) поручить ЦК взять центральных ответственных работников на особый учет и завести для каждого личный дневник с обязательством заносить в него сведения о работе за каждый пройденный день, г) поручить ЦК произвести статистическое обследование материального положения и жилищных условий всех коммунистов г. Москвы и губернии с целью установления более одинаковых условий жизни для них, д) поручить ЦК произвести обследование условий пользования транспортными средствами со стороны ответственных работников с целью борьбы с расточительностью и бесконтрольностью в этой области.

* Слово вписано над строкой от руки.

VIII. Настоящий циркуляр должен быть зачитан на всех общих собраниях членов партии всех организаций РКП, и протоколы собраний, а также принятые решения должны быть немедленно отправлены в копиях в ЦК партии.

IX. При проведении настоящего циркуляра в жизнь необходимо продолжать с [...]*

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 136. Л. 3-4.

Подлинник. Машинопись.

Приложение

Проект сопровождается запиской следующего содержания:

24 августа 1920 г.

Тов. Ленину

Многоуважаемый Владимир Ильич!

Посылаю Вам на заключение проект циркулярного письма, написанного т. Преображенским на основании его доклада о признаках разложения в партии и бывшего у нас в комиссии (Преображенский, я и Минков из МК) обмена мнений. Я считал бы, что содержащуюся в конце V пункта, говорящего об уничтожении неравенства в условиях жизни, оговорку «поскольку они не вызывают[ся] потребностями дела» следовало бы развить в отдельный пункт или даже, может быть, в отдельную часть циркуляра.

Дело в том, что условия жизни губернских партийных и советских работников особенно теперь, когда мы производили массовые переброски и отрываем большинство товарищей от тех мест, где у них были всякого рода семейные связи и связи с деревней, очень тяжелы.

Товарищи голодают и так как, кроме того, работают через силу, то очень скоро выбиваются из сил и надолго или навсегда выбывают из строя. Необходимо привить массовым членам партии сознание необходимости создать для небольшого активного революционного кадра несколько лучшие, менее голодные условия жизни.

Если указанная выше мысль будет достаточно подчеркнута и развита в циркуляре, последние две строчки проекта, очень осторожно и не очень понятно осуждающие демагогию на почве неравенства, становятся излишними.

При обсуждении в комиссии т. Преображенский не отрицал необходимости проведения в циркуляре мысли о некотором неизбежном временном неравенстве, но это у него как-то не вышло.

С товарищеским приветом**.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 136. Л. 2-2 об.

Отпуск. Машинопись.

* На этом текст обрывается.

** Письмо без подписи. Судя по записке В.И. Ленина, направленной в Оргбюро ЦК РКП(б) 24 августа 1920 г., автором его является секретарь ЦК РКП(б) Н.Н. Крестинский. См.: *Ленин В.И. ПСС.* Т. 51. С. 268.

**№ 80–83. СТАТЬИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В ГАЗЕТЕ «ПРАВДА»
В СЕНТЯБРЕ – ДЕКАБРЕ 1920 г.***19 сентября – 12 декабря 1920 г.***№ 80. КОММУНИСТ-СРЕДНЯК***19 сентября***[I]**

Это он, исчисляемый десятками тысяч, является цементом, который укрепляет нашу, в большинстве своем крестьянскую Красную армию в ее низах и переносит все тяжести походной жизни, не пользуясь никакими правами и имея больше обязанностей, чем рядовой красноармеец. Красноармеец может податься назад – коммунист обязан оставаться последним на поле битвы. Красноармеец может быть взят в плен и не всегда расстреливается врагом. Коммунистов в плен не берут. Это, по прекрасному выражению т. Троцкого, наш орден красных самураев, которым нет пощады у врага и которые не сдаются. Красноармеец в момент острой нужды на фронте в пище и одежде и под влиянием усталости от боев может поддаться унынию или запротестовать. Коммунист должен быть тверд и несокрушим, как бы ни страдало его усталое, измученное тело, он должен быть железным. Потому что он член великой партии, стоящей во главе великой революции, потому что он коммунист.

Это он, исчисляемый десятками и сотнями тысяч, стоит впереди на фронте трудовой борьбы. Беспартийный рабочий, страдающий от недоедания, может поддаться в минуту слабости агитации меньшевистских крикунов и осыпать горькими упреками пролетарскую власть за то, что она не дает ему того, чего у нее нет. Беспартийный рабочий может настолько потерять голову, чтобы добиваться увеличения своей доли, отняв законную долю другого такого же рабочего на другом конце республики. Коммунист этого не может. Он должен стоять у станка с такой же твердостью, как стоит в окопах с винтовкой в самые трудные моменты. Завтра его осыплет благодарностями каждый рядовой труженик, когда начнутся победы на фронте труда. Сегодня он должен быть тверд как камень ко всем упрекам, ко всем нападкам, к разочарованию и отчаянию подавленных нуждой масс, к своей собственной нужде. Ему нельзя пошатнуться и отступить хоть на шаг, потому что он коммунист. Рядовой рабочий идет в субботу отдыхать, коммунист именно в субботу должен работать усердней, чем за всю неделю. Ведь именно в субботу бывают те четыре часа, в течение которых просачивается в нашу жизнь луч свободного, бесплатного, для всех производимого коммунистического труда, который должен поднять человечество из пропасти капиталистических бедствий. Кто-то может идти отдыхать, но только не тот, кто носит в боковом кармане членскую книжку РКП, потому что он коммунист.

Когда будет написана настоящая научная история нашей революции и нашей партии, когда каждая сила будет учтена по ее настоящему действию, тогда с полной ясностью выступит та гигантская работа, которую произвела в мировом перевороте железная пехота нашей партии, наш коммунист-средняк.

Наиболее вдумчивые из европейских коммунистов, побывавшие во время последнего конгресса Интернационала на Советской земле, с завистью говорили о том, что у них нет таких вождей, каких имеет наша партия. Они на опыте убедились,

какое огромное значение для успеха пролетарской революции имеет мозг передовой шеренги коммунистов. Но еще больше те из них, которые знали раньше нашу партию, как Бела Кун (а их мнение нам особенно ценно), были восхищены героизмом нашего пролетариата и его коммунистических рядовых. У нас мало говорят о них отчасти по скверной буржуазной привычке слишком часто повторять трафаретные фразы о вождях и склонять десятки фамилий, даже когда это не нужно, и тошнит отчасти от неумения пролетарской революции и пролетарской партии сфотографировать себя в своем массовом величии; отчасти, наконец, потому, почему здоровый не говорит и не думает о своем здоровье.

Но вот нам говорят, что есть признаки болезни внутри партии, что есть «верхи и низы» и антагонизм между ними.

В чем же болезнь и в чем лечение?

Е. Преображенский

№ 81. КОММУНИСТ-СРЕДНЯК

21 сентября

II

Было бы неправильно и вредно для партии отрицать тот факт, что в наших рядах нет такого единодушия и такой товарищеской спайки, какие мы имели в 1917–1918 гг. Правда, есть организации, в которых в этом отношении ничто не изменилось, но есть и такие, в которых психологическая отчужденность ответственных товарищей от рядовых коммунистов представляет несомненный факт. В 1920 г. наша партия внешне более дисциплинирована и сплочена, чем в 1918 г., но добровольности и сознательности в дисциплине меньше, чем тогда, товарищеской солидарности меньше.

Обратимся к причинам.

Если сравнить партийную жизнь конца 1917 и 1918 гг. с партийной жизнью 1920 г., то в глаза бросится замирание партийной жизни именно в массах партии. Достаточно пересмотреть порядок дня и протоколы любых, наудачу взятых, общих собраний два года назад и сравнить с таковыми в текущем году. Раньше рядовой коммунист чувствовал, что он не только приводит в исполнение партийные решения, но и выносит их, что именно он создает коллективную волю партии. Теперь он исполняет партийные решения, принимают же их комитеты, которым часто не до того, чтобы проводить решения через общие собрания. Причины мы знаем: Гражданская война, смертельная опасность, необходимость быстрого решения и исполнения. Но мы должны, однако, признать, что партия слишком далеко пошла здесь по линии наименьшего сопротивления механике советского и военного аппарата. Пора перешагнуть на высшую ступень и максимум достигнутой централизации, благодаря которой мы побеждаем врагов, соединить с максимумом активного участия всех коммунистов в решении всех важнейших партийных и общеполитических вопросов.

Говорят о бюрократизме. Бюрократизм есть – и вот вам нагляднейший пример, как он создается. Допустим, я, как секретарь ЦК, имею в день 20 посетителей и 40 бумажных дел; на это уходит все свободное от других обязанностей время. Если число посетителей увеличится на 40, а число дел на 80, то либо часть посетителей систематически будет ждать и бумаги залеживаться (один вид бюрократизма), либо по всем вопросам будут приниматься решения без углубления в сущность дела (дру-

гой вид бюрократизма). Тот же источник партийного бюрократизма в большинстве случаев в партии. Несоответствие размеров работы с количеством работников – это болезнь, от которой нет серьезного лекарства, кроме воспитания и выработки все новых и новых слоев работников. Эта болезнь не вылечивается в один месяц, и всякие иные средства – один самообман.

Психологическая оторванность коммуниста-средняка от руководящих групп партии и оторванность руководящих групп от пролетарских масс – несомненный факт. Причин несколько. Кроме указанной в начале необходимо указать: невнимательность ответственных товарищей к воспитанию рядовых коммунистов, разницу в условиях жизни, проникновение на руководящие (главным образом, советские) посты внутренне чуждых нам карьеристских элементов и начавшееся психологическое перерождение некоторой части старых коммунистов.

Невнимательность к воспитанию партийных резервов сначала была связана с уходом по уши ответственных товарищей в советскую работу. Усилие, сделанное партией на 8-м съезде в направлении более выгодного для партийной работы перераспределения сил, оказалось недостаточным. Партийные школы не имеют достаточно лекторов; на общих собраниях членов партии мало ответственных работников; субботники не посещаются под разными предлогами и т.д. Здесь нужно новое усилие партии. Начало уже сделано в письме ЦК, помещенном в № 21 «Партийных известий».

Что касается разницы в условиях жизни, то и здесь нужен решительный поворот. До сих пор мы считали это неважным – оказалось же, что это обстоятельство делается важным, потому что количество начинает переходить в качество, и разница в бытии отражается на мышлении и взаимном понимании.

Проникновение в партию карьеристских и шкурнических элементов больше всего соррит партию с массами. Эти элементы делятся на неловких и грубых дураков, которые скоро попадают и освобождают партию от своего присутствия, и на более умных и ловких, которые хорошо маскируют свою коммунистическую внешность. При крайнем недостатке работников этим элементам до поры до времени многое прощалось. Но поскольку стоит вопрос так: либо потянутся из партии честные рабочие, либо останутся коммунистические карьеристы – решение наше должно быть ясно. Рабочие нам дороже. Именно эти карьеристы пытаются внести в партию дух холодного, черствого, часто пренебрежительного отношения к рядовым коммунистам и рабочим вообще; в своей личной жизни нисколько не дорожат честью партии, ее чуткостью к пролетарской нужде, ее активным отношением к каждому основательному протесту, исходящему от рабочих масс. Наш коммунист-средняк не всегда разбирается в крупных и важных вопросах международной политики, но пролетарское чутье не обманывает его в оценке этих элементов. Он чувствует, что они чужие для него; он упрямо стоит на этом и в этом он прав.

Наконец, о выветривании пролетарской психологии среди некоторой, к счастью небольшой, части старых коммунистов. Если бы произвести статистическое исследование насчет того, с кем регулярно в своей обыденной жизни и в работе сталкивается слой наших ответственных коммунистов этак тысяч в пять-шесть, то оказалось бы, что некоторый процент всю свою жизнь, частную и деловую, проводит почти без соприкосновения с рабочей массой. Ни один марксист не возьмется утверждать, что для этого процента, для его психологии и привычек все это пройдет бесследно. А между тем пребывание среди буржуазии и буржуазной интеллигенции действует, как часто физическая сила действует, медленно, незаметно, но верно.

Что нужно здесь предпринять? Что вообще полезно предпринять для сохранения в партии пролетарского духа сверху донизу? Мне кажется, следовало бы немедленно

начать проводить в жизнь решение 8-го партийного съезда о периодическом возвращении к станкам ответственных рабочих-коммунистов. Мы не провели этого решения по крайней нашей бедности в силах, но опыт показал, что экономией на этом мы потеряли больше. Мне кажется далее, что было бы весьма полезно и нужно хоть раз в год ответственных работников — не рабочих — на месяц-полтора переводить на физическую работу в качестве чернорабочих. Надо попробовать. Я глубоко убежден, что эти меры оправдают себя целиком. Наконец, ответственных товарищей, неспособных к физическому труду, необходимо временно переводить на губернскую и уездную работу. В частности, необходимо на первый раз третью часть членов коллегий наших центральных комиссариатов послать в провинцию, заменив их работниками с мест.

Открывающаяся партийная конференция должна обсудить вопросы оздоровления нашей партии. В частности, подвергнуть суровой критике те организации, которые не сумели удержать в своих рядах десятки и сотни честных рабочих, вступивших в Партийную неделю и потерянных при перерегистрации.

В заключение должен заметить, что все сказанное я пишу не в качестве члена ЦК, а в порядке партийной дискуссии перед конференцией.

Е. Преображенский

№ 82. СОЦИАЛЬНАЯ БАЗА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

7 ноября

Когда произошел октябрьский переворот, все противники сов[етской] власти сходились на том, что большевики представляют интерес ничтожного меньшинства населения, что они имеют временный, случайный успех и что новая власть не продержится и двух недель. Три года существования советской власти является достаточно убедительным доказательством чрезвычайного легкомыслия и беспечности кадетско-меньшевистской «социологии». Опровергать «научный анализ» Мартовых, Черновых и Каутских и оптимистические пророчества парижских биржевиков, достаточно поплатившихся за свое легкомыслие, теперь уже излишне. Но нам, для наших собственных целей, полезно иметь ясное представление о тех классовых силах, которые дали нам победу и обеспечили разгром контрреволюционных сил.

В октябрьском перевороте кроме рабочих активнейшее участие принимали солдаты, т.е. мобилизованное царской властью крестьянство. Крестьянство было тогда еще не расслоенным. Крестьянская беднота, крестьянин-средняк и кулачество всей своей массой поддерживали не только уничтожение помещичьего господства в деревне, но и происходивший одновременно с этим разгром городской буржуазии. Таким образом, на первом, наиболее важном этапе борьбы советская власть опиралась не только на весь пролетариат, но и на все крестьянство. Это придало движению могучую силу урагана, перед которым не могли устоять все организованные элементы буржуазно-помещичьего режима. Эта особенность русской революции не будет иметь повторения на Западе, где в начальной стадии переворота крестьянство будет участвовать уже как расслоенная сила — одним своим крылом на стороне нападающего пролетариата, другим, вероятно большим крылом, на стороне контрреволюции.

На втором этапе нашей борьбы в связи с хлебной разверсткой и в связи с необходимостью отражать натиск казачьих генералов и чехословаков от советской влас-

ти откалывается слой зажиточного крестьянства, а среднее крестьянство, самый многочисленный слой трудового населения России, оказывается на перепутье. Лето 1918 г. было самым критическим периодом в жизни советской власти. От того, с кем пойдет крестьянин-средняк, зависела судьба революции. Рабочий класс и крестьянская беднота – на одном полюсе, кулачество, офицерство и буржуазия, поддерживаемые иностранным капиталом, – на другом представляли или равные силы, или же скорей вторая сила была больше первой. Переход на сторону советской власти средняка наших голодных губерний и центра, переход на ее же сторону средняка Поволжья и Сибири, на опыте убедившихся в неприемлемости для него колчаковского режима, решили исход борьбы в пользу революции. Разгром в дальнейшем Деникина показал, что рабоче-крестьянское государство, построенное на базисе союза пролетариата с 80% крестьянства, не может уже иметь конкурентов на власть внутри пределов России.

Если мы рассмотрим военную силу революции, Кра[сной] арм[ии], то для нас станет совершенно ясным, что она построена на основе боевого союза пролетар[иата] со средним и бедным крестьянством и на основе руководства и главенства внутри этого союза пролетариата. Правда, в отдельных районах нам удавалось использовать и зажиточное крестьянство против контрреволюции (крестьянство на границах с казачеством, инородческое, так называемое трудовое казачество, кулачество Сибири в борьбе с Колчаком), но, с другой стороны, были случаи и обратные: использование в некоторых районах бедноты против советской власти. Эти отступления не меняют, однако, общей картины.

Этот союз рабочих и среднего крестьянства был в то же время за эти три года и союзом экономическим. Без крестьянского хлеба мы не могли бы победить наших врагов, как не можем наладить расстроенной промышленности. После экспроприации большей части кулачества и превращения значительной части бедноты в среднее крестьянство за кулацкий счет основной наших хлебных и иных заготовок, основой для привлечения к трудовой повинности является крестьянин-средняк. Сохранение этого союза на экономической почве составляет вопрос первейшей важности для советской власти. Мы не говорим уже о том, что от подъема нашего сельского хозяйства, который в массовом масштабе имел [значение] на ближайшее десятилетие лишь как подъем среднего крестьянского хозяйства, невозможно укрепление рабочей революции на Западе и спасение от голода европейского пролетариата, который с первого же дня своей победы будет подвергнут «хлебному» бойкоту со стороны капиталистической Америки. Отсюда вырисовывается перспектива хозяйственного блока нашего среднего крестьянства со всем европейским пролетариатом. Этот блок будет тем более неизбежен и выгоден для крестьянства, что лишь при немедленной помощи европейской техники возможна быстрая революция в области земледельческого производства России.

На протяжении всей Гражданской войны среднее крестьянство шло за пролетариатом далеко не твердой поступью. Оно не раз колебалось, особенно перед новыми усилиями и новыми жертвами, не раз делало шаги в сторону своих классовых врагов. Достаточно вспомнить о массовом дезертирстве, которое представляло попытки свалить на один пролетариат все тяжести борьбы не только за рабочие, но и крестьянские цели революции, достаточно вспомнить о сдаче без боя ряда крестьянских формирований противнику, о противодействии хлебной повинности в ряде районов, особенно первые два года, и т.д. И теперь, когда мы стоим на пороге ликвидации последнего царского генерала, угрожающего рабоче-крестьянским завоеваниям, когда непосредственная угроза крестьянской земле почти устранена, возможны новые колебания средняка. Военно-экономический союз превращается преимущественно в экономический союз, на

данной стадии менее выгодный деревне. Поэтому нам важно именно теперь оказать наибольшее моральное воздействие на союзника пролетариата, с одной стороны, и употребить все возможное, чтобы обеспечить среднему крестьянскому хозяйству максимальную экономическую помощь со стороны города – с другой. Не случайно, что вопрос о помощи сельскому хозяйству стоит в качестве важнейшего из вопросов порядка дня 8-го Всероссийского съезда Советов.

Нерушимость союза рабочих и средних крестьян, обеспечившего победу советской власти в Гражданской войне, длившейся 3 года, обеспечит также победу Октябрьской революции и на хозяйственном фронте, где главные бои еще впереди. Мы хорошо знаем, что иностранные капиталисты, понявшие наконец, почему наше крестьянство не пошло за Колчаком, Деникиным и Врангелем, будут стараться через правых эсеров, Савянковых и иных своих агентов, оторвать среднее крестьянство от пролетариата и наладить союз его с европейским капиталом после разгрома Врангеля. Эти усилия безважны уже по одному тому, что при расстройстве нашей промышленности уплата иностранных долгов в 16 млрд золотом пала бы при такой комбинации на плечи того же крестьянства. Союз с пролетариатом обеспечивает крестьянство от этой повинности, союз с эсерами и европейским капиталом предполагает эту повинность.

До сих пор, пока капитализм господствует в странах Европы и угрожает превратить Россию в свою колонию, угрожает грабить наш хлеб, сырье и лишит крестьянина его доходов с земли, Октябрьская революция будет иметь достаточно широкую базу в рабоче-крестьянском союзе, руководимом пролетариатом.

Е. Преображенский

№ 83. СОЛОМИНКА УТОПАЮЩЕЙ БЕЛОГВАРДЕЙЩИНЫ

12 декабря

Если б сложить в свое время все силы Колчака, Деникина, Юденича, Миллера, Петлюры, Хорвата, Семенова, Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Румынии, Грузии, если организовать для этих сил единое командование, то даже без солдат Антанты все эти силы были бы в состоянии победить Советскую республику.

Но такого командования не было создано и не могло быть создано. Белые волки, набросившиеся на Советскую Россию, скалили зубы друг против друга и дали возможность разбить себя по частям.

Наоборот, у нас было единое командование, единый план. У нас была железная дисциплина в партии, которая управляла страной и руководила защитой республики. В Гражданской войне победила коммунистическая партия, победила своей энергией, самоотверженностью, сознательностью, а главным образом своей дисциплиной и единством. Это хорошо знают наши враги. Недаром во всей белогвардейской печати наша партия ставилась в пример расхлябанным, расколовшимся на куски и кусочки эсерам, кадетам и их «ориентациями» то на союзников, то на Вильгельма, то опять на союзников, то на одних союзников против других; ставилась в пример белым генералам, подсиживавшим друг друга, и пьяной офицершине, поддерживавшей по кабакам и пьяными оргиями «престиж» «народной демократической власти».

Белые научились понимать своего врага, научились понимать силу коммунистической партии, причину ее славных побед и своих позорных поражений.

Контрреволюция разбита. В активной борьбе железная коммунистическая партия оказалась сильнее разношерстного отребья буржуазного строя. Сталь нашей дисциплины не ломалась и не гнулась, а, наоборот, закалялась в открытом бою. Быть может, ее лучше начнет есть ржавчина в дни мира? Быть может, дуб, который не свалил ураган контрреволюции, подточит в корне и повалит белый червяк?

Надежда на это есть последнее утешение уже побитых врагов пролетариата. Давно уже, с самого начала Гражданской войны, со скрежетом зубовным взирают они на гражданский мир внутри коммунистической партии. Уже со времени брестских переговоров они начали фабриковать всякие нелепые слухи о расколе в среде большевиков, о том, что «фракция Бухарина» собирается свергнуть ЦК, что Троцкий арестовал Ленина и т.п. вздор. Этим вздором наполнялись систематически белогвардейские газеты, и в этом выдуманном вздоре находила свое выражение подлинная, действительная жажда развала коммунистической партии, надежда на ее самоуничтожение. И вот в момент решительного военного поражения контрреволюции, когда одна часть побежденной буржуазии впадает в мистицизм и все свои надежды возлагает на господ бога, когда другой части осталось на земле уповать только на раскол и распад самой коммунистической партии, – в этот момент мы открыто вскрываем свои болезни и приступаем к лечению их. Можно себе представить, как это должно было обрадовать и обнадежить наиболее близорукую часть наших врагов. Большевики заговорили о своих болезнях, значит, в действительности у них дело обстоит в десять раз хуже, чем они говорят. Так думали про нас те, которые привыкли публично всегда представлять свои дела в десять раз лучше, чем они были. Наши враги еще не понимают до сих пор, что наша тактика состоит не в том, чтобы скрывать или уменьшать опасность; мы охотней идем на преувеличение опасности, как это было во времена наступления Колчака и Деникина, как это, быть может, имеет место в вопросе о болезнях партии. Однако битые в открытом бою не теряют надежды на успех, пытаются наряду с другими способами борьбы с коммунизмом принять участие тайным, мошенническим способом в наших внутрипартийных делах. В последнее время мы зарегистрировали несколько распространяемых среди членов партии писем явно белогвардейского или эсеровского происхождения. Во время ревизии НКПС появились «разоблачающие» письма с подложными фамилиями. Во время предвыборной кампании перед последней московской конференцией по рукам гуляло письмо, подписанное моей фамилией, где выборы из одной моей статьи перемещивались с провокаторскими дополнениями друзей Савинкова. По рукам ходило также «разоблачительное» письмо одного батальонного комиссара, рабочего, написанное изысканнейшим «черновским» стилем и оказавшееся при проверке подложным.

Все эти факты говорят о том, с каким сутубым интересом следят белые за нашими внутрипартийными спорами и как усердно пытаются использовать их в своих интересах. Наша партия имеет крепкий организм, крепкие нервы, ясный ум и верное чутье. Достаточно, чтобы во время наших внутренних споров на горизонте появился призрак «третьего радующегося» или в чем-либо было заподозрено участие посторонних нам элементов, как все коммунисты делают единой стальной стеной. При всяких разногласиях, внутренней критике всеми коммунистами должна ясно ощущаться та грань, за которой критика внутри партии, очищающая от внутренней скверны, будучая творческую мысль, превращается в критику против всей партии в целом и объективно помогает нашим врагам.

Мы надеемся, мы совершенно убеждены в том, что установленные в последнее время попытки наших врагов принять провокаторское участие в наших домашних спорах всегда будут выводиться на свежую воду и не будут иметь никаких последствий.

Они не будут иметь последствий и в том отношении, что не заставят нас прекратить борьбу со всеми нашими недостатками только потому, что банкроты контрреволюции пытаются лекарство свободы, критику, превратить в разлагающий организм партии яд.

Если у всех коммунистов будет достаточно чувства такта и заботы о партии в целом, мы можем твердо идти своей дорогой, разоблачая попутно все махинации наших врагов.

К длинному списку своих поражений они тогда прибавят еще одно: неудачную попытку поспекулировать на наших внутренних разногласиях.

Е. Преображенский

Правда. 1920. 19, 21 сентября;
7 ноября; 12 декабря.

В президиуме IX съезда РКП(б).
Не ранее 29 марта – не позднее 5 апреля
1920 г. За столом сидят (справа налево):
В.И. Ленин, Л.П. Серебряков,
Е.А. Преображенский, Л.Б. Каменев,
М.М. Лашевич, М.П. Томский,
Н.И. Бухарин, М.И. Калинин,
А.С. Енукидзе.
На переднем плане – А.И. Рыков;
за спиной Е.А. Преображенского стоит
И.Т. Смилга.
(РГАСПИ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 181)

Е.А. Преображенский – член ВЦИК. 1921 г.
(РГАКФД. Е-187)

*Е.А. Преображенский, его жена Р.А. Невельсон и дети — Леонид и Ирина (сидят); возможно, Людмила из Болхова, родственница Е.А. Преображенского. Октябрь 1922 г.
(РГАКФД, Е-445)*

Часть III

**АЗБУКА КОММУНИЗМА:
1917–1920 гг.**

№ 1. БРОШЮРА Е.А. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
«КРЕСТЬЯНСКАЯ РОССИЯ И СОЦИАЛИЗМ
(К пересмотру нашей аграрной программы)»*

1918 г.

К пересмотру аграрной программы

I

Некоторые из наивных социалистов-революционеров полагают, что принятием Декрета о земле на Всероссийском съезде Советов наша партия вообще отказалась выставить самостоятельную аграрную программу и ограничиться лишь поддержкой эсеровской социализации земли. Но не только социалисты-революционеры, но и многие из наших партийных товарищей неясно представляют себе, как же в конце концов будет обстоять дальше дело с нашей аграрной программой. Хотя т. Ленин, выступавший в качестве докладчика на съезде Советов, и подчеркнул, что принятие Декрета о земле в эсеровской редакции не означает с нашей стороны отказа от своей аграрной программы, тем не менее его выступление на крестьянском съезде и пояснительное письмо в «Правду» о нашем отношении к социализации земли отнюдь не способны внести ясность в этот вопрос.

В отношении к социализации земли мы должны строго разграничивать две стороны: сторону принципиальную и тактическую.

Наша уступчивость в тактическом отношении здесь может быть очень велика. Тов. Ленин вполне прав, когда считает возможным для нашей партии в крайнем случае даже голосовать за проведение в жизнь социализации земли, если наше воздержание может повести к прохождению какого-либо буржуазного земельного проекта.

В исключительном же случае и по соображениям тактического характера мы можем поддержать социализацию земли и не только голосованием.

Совсем другое дело, когда вопрос идет о принципиальной оценке эсеровской аграрной программы. Здесь не может быть места никаким уступкам. Если социализация земли из программы интеллигентских групп превращается в программу широких крестьянских масс, то это не дает ни малейших оснований к ревизии наших взглядов на эту меру, если мы не хотим подвергнуть ревизии само понятие социализм.

* Настоящая брошюра частью составлена из фельетонов, напечатанных в конце 1917 г. в «Правде», частью содержит страницы, специально написанные для настоящего издания. Автор имел в виду, с одной стороны, предложить на обсуждение партийного съезда новый проект аграрной программы, с другой стороны – приступить к рассмотрению тех новых задач, которые выдвинуты перед нами в нашей работе в деревне октябрьским переворотом и переходом государственной власти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства. (Прим. автора.)

В самом деле. Мы критиковали социализацию земли с двух точек зрения: как меру мелкобуржуазную и утопическую, поскольку проведением этой меры имелось в виду нанести удар капитализму; как меру несоциалистическую, поскольку речь идет о социалистическом переустройстве земледелия. Возражения первого свойства теперь отпали и отпали не потому, что оказались правы социалисты-революционеры, а как раз наоборот: правы оказались революционные социал-демократы. Только удар, нанесенный капиталу в его жизненных центрах, в городах, сделал возможным постановку на практическую почву проведения в жизнь ряда мер, являющихся необходимыми ступенями к социализму. И эта первая победа над капиталом одержана рабочими и солдатами не благодаря «социализации земли», а *несмотря* на противодействие большинства членов партии, которая социализацию земли считает основным китом своей программы.

Что же касается возражений второго свойства, то они не только сохранили все свое значение, но именно теперь должны быть выдвинуты со всей силой против социализации земли. Социализм – это сознательное регулирование хозяйства в национальном (по меньшей мере) масштабе. Важнейшим (хотя далеко не единственным) условием социализма в земледелии является не только право, но и фактическая возможность для трудового общества распоряжаться годной для обработки площадью земли в необходимых размерах. В этом отношении страна мелкого крестьянского хозяйства отличается от страны крупного сельского хозяйства лишь большими трудностями, которые она воздвигает для социалистического переустройства земледелия. Поэтому ни один действительный социалист не может принципиально ничего возразить против национализации всей земли, раз власть находится в руках трудящихся классов. А этот случай мы и имеем как раз в России. Национализация при таких условиях – это и есть самая настоящая, без кавычек, социализация земли.

Почему же в нашей революции «социализация» земли в кавычках побивает социализацию без кавычек? Потому что за социализацию в кавычках стоит большинство крестьян. А почему оно стоит за нее? По мнению т. Ленина, это происходит потому, что крестьяне считают эсеровскую социализацию земли переходной мерой к социализму и именно этим путем, так сказать, по-крестьянски, шагают к социализму. Подобный оптимизм, однако, совершенно необоснован.

Крестьяне стоят за «социализацию земли», во-первых, потому, что передача конфискованной помещицкой и прочей земли в распоряжение общин означает закрепление земли за определенным классом, а не передачу ее всему народу, что достигается национализацией земли. Таким образом, военная добыча, взятая силами обоих участников Гражданской войны с помещиками и капиталистами, т.е. пролетариатом и крестьянством, закрепляется за последним.

Крестьяне стоят за уравнительное землепользование не потому, что это «переходная мера к социализму», а потому, что это наилучший способ для справедливого дележа добычи.

И только в тех случаях, когда ломка земельных отношений в деревне приводит к расширению общинного землевладения за счет мелкой крестьянской собственности, можно говорить о шаге вперед.

Рабочие пролетарии, не связанные с землей, не заинтересованы непосредственно в земле, и в этом отношении спора из-за дележа добычи у рабочего с крестьянином быть не может. Но рабочий заинтересован в поднятии производительности земледельческого труда, и это увеличивает долю ценностей, подлежащих распределению между всеми работниками трудовой республики. А так как наибольший подъем производительности может дать лишь замена мелкого индивидуального хозяйства хозяйством общественным, то всякое расширение социализации земли в кавычках за счет социализации без

кавычек, т.е. за счет национализации, означает усиление позиции мелкого хозяйства за счет хозяйства общественного.

Но крестьянин-полупролетарий и крестьянин-средняк могут поднять производительность своего труда на высокую ступень лишь при артельном, социалистическом ведении хозяйства, и они сами заинтересованы не менее рабочего в этом. В потенции, так сказать, между трудовым крестьянином и рабочим нет противоречия интересов в отношении к социализму. Но между теперешним положением и тем, когда самостоятельный мелкий хозяин превратится в полноправного участника социалистического коллектива, — огромный путь развития и путь борьбы. В этой борьбе рабочий будет отстаивать высшую форму социалистического хозяйства, крестьянин будет упираться и обороняться на застойных формах мелкого самостоятельного хозяйства. И вот здесь-то социализация земли в кавычках, т.е. закрепление земли за мелкими общинами, будет способствовать укреплению этих застойных форм, создавая экономические Вандеи по всему пространству земледельческой России.

Таким образом, наша позиция в отношении социализации земли в кавычках должна быть следующей. Там, где предстоит выбор *только* между мелкой самостоятельной крестьянской собственностью и общинным землевладением, — мы за последнее. Там, где «социализация земли» сталкивается с национализацией, мы всеми силами должны поддерживать национализацию. Не надо при этом забывать, что национализация имеет союзников среди как раз самой беднейшей полупролетарской части крестьянства, среди всех безлошадных, безынвентарных, среди хозяйств, где остались без мужей солдаты с малыми детьми, не говоря уже о чистых батраках. Для этих групп крестьянства то чисто формальное равенство при распределении земли, которое предусматривается программой эсеров, очень мало поможет в их бедственном положении. Эти слои крестьянства фактически не смогут воспользоваться крупными прирезками земли, которые им даст революция, так как им нечем будет эту добавочную землю обработать. Государственная же помощь, которая первое время, при нашем финансовом положении, не может быть велика, именно потому что будет невелика, может быть плодотворной лишь при условии, если не будет дробиться, если объектами помощи будут целые артели организовавшей бедноты, а не отдельные хозяйства.

Артельная обработка помещичьей земли для такой бедноты делается прямой экономической необходимостью. Наоборот, «социализация земли» — это программа преимущественно крепкого крестьянства. Своим фиктивным формальным равенством они затушевывают действительное хозяйственное неравенство между крепкой и полупролетарской частью крестьянства, она передает фактическое распоряжение общинной землей в руки тех, кто на деле может ее обработать и будет способствовать вытравливанию из деревни тех, кто по своей хозяйственной слабости не сможет воспользоваться продуктивно своими наделами.

До сих пор не все еще учли, в какой огромной степени война увеличила экономическое расслоение деревни. От повышения твердых цен на хлеб выиграли те, которые хлеб имели. Они же выигрывают теперь от спекулятивной продажи хлеба по 40–50 руб. пуд. От разгрома помещиков выигрывал больше всего тот, кто приезжал на пяти подводах. При распределении помещичьего скота и инвентаря больше всего выиграли те, кто заведовал распределением. Распределяли комитеты, куда, как об этом кричали повсюду, в большинстве прошли состоятельные крестьяне. Кто участвовал главным образом в обсеменении помещичьих земель за истекший сезон? Опять-таки те, кто имел лошадей и рабочие силы обработать не только свою, но и чужую землю. Наоборот, те слои крестьянства, которые покупают хлеб, быстрыми шагами идут к разорению.

В ближайшее время в деревне предстоит острая борьба внутри самого крестьянства, между разоряющейся беднотой и крепким крестьянством. Мы должны позаботиться

о том, чтобы борьба не вылилась в формы стихийного бунтарства с люмпен-пролетарским уклоном в сторону «поравнения» и заглядывания в сундуки, а привела к экономическому союзу бедноты, которая, при государственной поддержке, отчасти, быть может, и за счет крепкого крестьянства, могла бы перейти к артельной обработке захваченной у помещиков земли, приходящейся на ее долю, земли, которая при иных условиях неизбежно утечет из ее рук в руки зажиточных слоев крестьянства.

В процессе ломки земельных отношений в деревне мы должны стремиться к тому, чтобы в руках трудового государства осталось как можно больше земли, которую можно было бы пустить под общественную обработку. Несомненно, подавляющая часть пахотной земли ускользнет из рук государства в фактическое распоряжение мелкого крестьянского хозяйства. К социалистическому переустройству земледелия нам придется идти не прямым путем, как можно было бы поступить в стране крупного сельского хозяйства, а придется сделать длинное и трудное обходное движение. Кроме организации государственного сельского хозяйства на землях, которые могут быть сделаны годными после предварительных работ над ними, мы имеем в руках одно самое действительное средство: государственный контроль над обменом, переходящий на известной ступени в государственную организацию обмена. Не будут забыты при этом и меры, так сказать, платонического воздействия на упрямых индивидуалистов: пропаганда словом, пропаганда действием в виде организации примерных артельных хозяйств и т.д.

II

То состояние без аграрной программы, в котором в настоящий момент находится наша партия, дальше не может быть терпимо. Необходим в самом ближайшем будущем съезд либо полномочная для пересмотра программы конференция. Вниманию этого будущего съезда или конференции я бы предложил следующий проект аграрной программы.

Партия революционных социал-демократов большевиков в земельном вопросе стремится к полному переустройству сельского хозяйства на социалистических началах и с этой целью добивается осуществления мер, или прямо ведущих при переходе центральной власти в руки трудящихся к указанной цели, или являющихся переходными ступенями к социалистическому земледелию.

Партия добивается:

1) Полного уничтожения всех следов дворянского и купеческо-кулацкого господства в деревне путем конфискации всех помещичьих, купеческих, крупнокрестьянских, удельных, посессионных, монастырских и церковных земель.

2) Уничтожения частной собственности на землю, изъятия земли из товарооборота и национализации всех земель, т.е. передачи права высшего распоряжения землей в руки трудового государства в лице центральной власти и местных органов самоуправления трудовых народных масс.

3) Образования из конфискованных земель возможно большего числа крупных общественных образцовых хозяйств и самой широкой государственной помощи безлошадным, безынварным, батракам и прочим пролетариям и полупролетариям деревни в деле организации в таких хозяйствах обработки земли на артельных началах.

4) Организации государственного земледелия на казенных землях и самых интенсивных усилий к превращению негодных к обработке площадей земли в годные для земледелия и скотоводства.

5) Социалистической переселенческой политики, т.е. переброски переселенцев не на мелкие самостоятельные участки, а на заранее приготовленные и снабженные всем необходимым инвентарем, скотом, постройками и агрономами крупные образцовые хозяйства.

6) Изъятия хлебной торговли из рук частных торговцев и спекулянтов, объявления права купли-продажи хлеба государственной монополией, равно как права продажи сельскохозяйственных машин и удобрений как первых шагов к государственному регулированию всего обмена.

7) Постепенного осуществления системы государственного контроля над земледелием, использования всех имеющихся в распоряжении трудового государства средств для борьбы с отсталыми и застойными формами хозяйства и всяческой поддержки и поощрения к переходу от мелкого самостоятельного, непроизводительного хозяйства к высшим формам хозяйства общественного.

8) Перемещения свободных средств страны из торговли в земледелие и использование с этой целью национализации банков.

Стремясь к осуществлению социализма в земледелии, как к единственному средству дать могучий толчок развитию производительных сил в деревне и навсегда освободить от нищеты и бесплодной растраты сил тружеников деревни, предостерегая от обольщения системой мелкого хозяйства не только пролетариев и полупролетариев деревни, но и самих мелких хозяев, партия приложит все усилия к тому, чтобы на протяжении переходного периода от капитализма к социализму были всеми способами ограждены права наемного труда в деревне, который как раз при господстве мелкого хозяйства подвергнется во всех странах наиболее безграничной и варварской эксплуатации.

Партия выражает свою непоколебимую уверенность в том, что проведение в жизнь всех мер, предусмотренных ее программой, с полной ясностью обнаружит все невыгоды мелкого крестьянского хозяйства и все преимущества крупного общественного, заставит на опыте убедиться всех тружеников деревни в том, что после перехода государственной власти в руки пролетариата и деревенской бедноты не может быть звания более высокого и положения более выгодного, чем положение полноправного работника-хозяина социалистического государства, и приведет к добровольному массовому переходу самостоятельных мелких хозяев в социалистическую армию труда.

Теперь я хочу сказать несколько слов в пояснение вышеприведенного проекта программы. После неудачи нашей первой аграрной программы, с печальной памятью «отрезками», партия убедилась в том, что на основе учета данного или ожидаемого отношения сил в революции можно строить тактическую революцию, а не программу. Иначе ошибки в учете сил (а ошибки такого рода неизбежны и очень часты) ликвидируют, если не все, то многие из пунктов программы. Не соотношение сил, а определенный цикл общественного развития следовало положить в основу программы. Этих циклов может быть два: период ломки феодальных пережитков во имя победы капитализма; период ломки капиталистических отношений во имя торжества социализма.

Тов. Ленин вполне правильно для первого цикла выдвинул национализацию земли как предельно-прогрессивную меру на весь период капиталистического развития. Но наши неудачи в аграрном вопросе продолжались: программа национализации земли была отвергнута на объединительном съезде. А когда наша партия приняла национализацию, то устарели почти все остальные пункты программы, т.е. мы всту-

пили в новый цикл общественного развития: в период ликвидации капиталистических отношений.

Предлагаемый проект аграрной программы основан на том положении, что мы вступили в период мировой социалистической революции, какие бы этапы побед и поражений нам ни предстояло пройти. А в такой период органическая аграрная программа революционного марксизма может быть лишь программой социалистического переустройства земледелия.

Эту программу (не данную конкретно программу, а всякую программу, построенную на учете мировой фазы развития) нам не придется брать обратно даже и в том случае, если бы пролетариат потерпел поражение и был оттеснен с занимаемых ныне позиций на тот или иной период времени. Допуская даже тот маловероятный случай, что капитализм имеет у нас известную будущность, мы должны будем признать одно: что главнейшие требования программы останутся в полном объеме, а другие будут лишь отложены во времени, но не выброшены, как негодные. Так обстоит дело с национализацией земли, которая одинаково может быть выдвигаема и как прогрессивная мера при капитализме, и как первое условие социализации сельского хозяйства. Развитие усовершенствованного государственного земледелия – мера одинаково прогрессивная и при капитализме, и при ликвидации его. То же и с переселенческой политикой, ведущей к организации крупных хозяйств, то же с монополией хлебной торговли.

Война нанесла такой тяжелый удар всему хозяйству страны, что какой бы класс ни удержался у власти, без резкого подъема производительности в земледелии нам не подняться. А этого подъема нельзя ожидать без организации крупного государственного хозяйства, с одной стороны, и государственного контроля над крестьянским земледелием – с другой. Укрепление у власти буржуазии крупной, мелкой или блока этих двух классов будет означать ведь уплату по всем государственным долгам, а также уплату выкупа за помещичьи земли, что даже при усиленном обложении пролетариата, которое неизбежно проведут эти классы, не избавит их от необходимости прилагать героические усилия для увеличения доходности земледелия. Перераспределение национального дохода будет проводиться, конечно, к выгоде имущих классов, будут приложены все усилия к сокращению потребления трудовых масс, но все это не решит в корне вопроса. Мелким буржуа придется насаждать крупное хозяйство. Другой вопрос – справится ли какая-нибудь иная власть, кроме власти рабочих и беднейших крестьян, с теми задачами революционно-экономического творчества, которые с объективной неизбежностью встанут перед страной после окончания войны.

Там, где страна вступила на путь ломки капиталистических отношений, развитие производительных сил в земледелии мыслимо лишь в формах социалистического переустройства мелкого хозяйства. И как бы ни упиралось мелкое крестьянское хозяйство, сколько бы усилий оно ни делало, чтобы поднять производительность, не меняя своего характера мелкого хозяйства, его усилия в конце концов окажутся тщетными. Пусть это хозяйство поднимет свою производительность даже до уровня мелкого хозяйства. Задача – дальше для движения вперед есть только один объективный выход – социализм.

Теперь я хотел бы остановиться в отдельности на каждом из пунктов предложенного проекта аграрной программы.

Пункт первый о конфискации не требует особых пояснений, как само собой разумеющийся и бесспорный. В формулировке его и отчасти двух следующих пунктов я даже старался сохранить по возможности буквально выражения резолюции по земельному вопросу нашей апрельской партийной конференции. Столь же бесспорен и второй пункт

в части, касающейся национализации *всех* земель, поскольку это требование является идеальным для нашей партии, как бы ни урезала его жизнь в пользу мелкой собственности, групповой (община) или такой фальсификаторской подделки под социалистическую аграрную программу, какой является эсеровская «социализация земли».

Поскольку же я говорю об органах «самоуправления трудовых народных масс», которые должны на местах проводить в жизнь земельную программу, а не прямо о Советах, то только потому, что эта формулировка шире и обнимает не только Советы, но и все организации, имеющие одинаковый с ними классовый состав. Это особенно важно для трудовых объединений у некоторых, особенно у небольших национальностей.

Пункт третий имеет для нашей программы колоссальное значение. В иной формулировке он заключался уже в резолюции нашей апрельской конференции. Экономические союзы пролетариев и полупролетариев, *вынужденных* обрабатывать землю на артельных началах, при поддержке трудового государства, — это и есть та форма, в которой будет происходить процесс перехода мелкого крестьянского хозяйства к крупному общественному и капиталистическому — к социалистическому. Это те зачатки социалистического земледелия, которые уже в летний сезон 1918 г. будут не только благочестивым пожеланием, а фактом, особенно там, где, как в Эстляндии и Латвии, ликвидация капиталистического земледелия происходила под руководством Советов батрацких депутатов.

Для того чтобы понять основание, почему необходимо включить в аграрную программу пункты о развитии государственного земледелия, о социалистической переселенческой политике и государственном контроле над земледелием, необходимо помнить о мировой конъюнктуре хлебного рынка после войны и о последствиях войны для нашего народного хозяйства. В сущности, осуществление этих мер предполагается само собой при всяких условиях, раз власть в центре переходит к социалистическому пролетариату. Я хочу лишь подчеркнуть, что эти меры не только желательны в интересах расширения площади социалистического земледелия, но и экономически неизбежны.

Некоторые экономисты Запада вполне основательно ожидают голода в Европе после войны. Спрос на привозной хлеб в Германии, Англии, Италии, Австрии ввиду истощения всех запасов за годы войны должен возрасти в огромной степени по сравнению с довоенным периодом. С другой стороны, участие Америки в удовлетворении этого спроса не может достигнуть прежнего размера как вследствие уменьшения торгового тоннажа, вызванного подводной войной, так и вследствие все растущего потребления хлеба внутри самой страны*. Хлеб явится в Европе после войны самым ходким и ценным товаром. И поскольку Западная Европа может рассчитывать кроме американского лишь на русский хлеб, то конъюнктура хлебного рынка после войны будет необычайной, исключительно благоприятной для России.

В какой же мере наше сельское хозяйство может удовлетворить запросы Европы на наш хлеб?

Во-первых, война и у нас привела к уничтожению свободных хлебных излишков, которые могли бы немедленно быть вывезены за границу. Революция увеличила потребительную способность деревни, поскольку недоодевание хлеба, вызывавшееся при царизме необходимостью продавать его во что бы то ни стало для платежа податей, в конечном счете для уплаты процентов по внешним займам, теперь вряд ли будет иметь место.

* Необходимо здесь отметить, какая огромная опасность угрожает Европе в случае войны Америки с Японией, войны, которая на берегах Тихого океана всеми признается неизбежной. Для покупающей американский хлеб Европы эта война будет означать катастрофу, размеры которой трудно даже предвидеть. (Прим. автора.)

С другой стороны, производство хлеба рискует сильно сократиться по ряду причин. Сельскохозяйственный инвентарь сильно износился, и его недостаточно. Количество рогатого скота и лошадей сократилось, что отразится на уменьшении площади обработки и качестве ее (уменьшение навозного удобрения). Разгром культурных имений и раздробление капиталистически обрабатываемых хозяйств на мелкие участки приведет к падению производительных сил земледелия.

Таким образом, положение нашего земледелия в ближайшее время после войны обнаружит тенденцию к падению производства хлеба при росте внутреннего потребления его. При таких условиях размеры вывоза хлеба должны сократиться, что еще более ухудшит для нас конъюнктуру европейского хлебного рынка, п.ч. цены на хлеб сделают огромный скачок вверх в сравнении со стоимостью его производства.

Между тем хозяйственное положение страны таково, что мы экономически вынуждены будем вывозить хлеб во что бы то ни стало, нам необходимо если не активный баланс нашей внешней торговли, то, по меньшей мере, равновесие ввоза и вывоза, при огромных размерах того и другого. Предстоит заменить износившийся инвентарь нашей индустрии и отчасти сельского хозяйства, по крайней мере в той части, которая не может быть быстро воспроизведена внутри страны. Предстоят огромные закупки хлопка, красок и других видов сырья и фабрикатов, которые мы можем получить только на иностранных рынках. Затем необходимо помнить, что аннулирование государственных займов декретом еще не означает осуществление этой меры на деле. Даже если нам придется говорить по этому пункту не с буржуазными правительствами Запада, а с победившим пролетариатом, – т.е. предполагая наилучшие из возможных условий, – еще неизвестно, в какой мере согласятся на аннулирование рабочие Запада, п.ч. дело будет идти уже об отказе платить за ценности, ими созданные, им принадлежащие. Мелким вкладчикам, бесспорно, придется платить, а в отношении Америки и Японии во избежание оккупации из-за неуплаты долгов Восточной окраины, быть может, даже придется вспомнить слова Маркса, сказанные по другому поводу, что «выгодней откупиться от этой банды». Следовательно, деньги нам будут нужны, и много денег.

Но наш торговый баланс может быть активным или в худшем случае может не быть пассивным только при усиленном вывозе хлеба и сырья, п.ч. из продуктов промышленности нам вывозить нечего. Положение после войны создастся такое, что долго позволять себе роскошь мелкого производства в земледелии Россия не может. При таких условиях утопистом является не сторонник перехода к крупному общественному хозяйству, а всякий, кто считает жизненным мелкое хозяйство. Поэтому программа нашей партии как партии социального развития должна иметь одно главное устремление: тягу к социалистическому крупному производству.

Каковы же ресурсы у нас крупного общественного хозяйства на первых порах?

Прежде всего, в площадь общественного хозяйства войдут те крупные образцовые капиталистические хозяйства, которые удастся сохранить или восстановить на протяжении революции или в ближайшее время после переворота. В Эстляндии и Лифляндии эти зародыши социалистического [земледелия] уже теперь благодаря энергичной работе Советов батрацких депутатов являются фактом.

Затем следуют все площади артельных запашек, к которым придется прибегнуть союзам деревенских полупролетариев при деятельной поддержке советской власти. В настоящий момент трудно предсказать, какую площадь может охватить эта система хозяйства, которая не явится формой чистого социалистического земледелия, но будет переходить к нему. Успехи земледользования этого рода будут зависеть как от степени нужды в хозяйственном объединении среди соответствующих слоев деревни, так и от уровня сознательности этих слоев и быстроты, с которой они

распростятся с иллюзиями о преимуществах «социализации земли», которую только при упорном желании говорить незаслуженные комплименты левым эсерам можно считать «переходной мерой к социализму».

Что касается государственного земледелия, то здесь перед нами открываются чрезвычайно широкие возможности. В руках государства сосредоточены десятки миллионов десятин земли, которые после более или менее значительных предварительных работ могут быть превращены в годные для земледелия. При хорошей организации государственного хозяйства к разработке этих земель для пашни можно было бы привлечь значительную долю безработных, особенно чернорабочих, которые обнаруживаются в связи с демобилизацией промышленности.

Это были бы такие общественные работы, продуктивной которых для страны трудно было бы придумать.

Гораздо менее в первое время может дать для общественного хозяйства социалистическая переселенческая политика, п.ч. в связи с ликвидацией помещичьего землевладения тяга в Сибирь сократится до минимума, если не прекратится совсем, и лишь при внутренних переселениях, связанных с уравнительным распределением земельных имуществ, советская власть, если б успела, могла бы подготовить для общественной обработки известные площади земли. Зато в будущем социалистической переселенческой политике принадлежит огромная роль. Не надо забывать, что большая часть пахотных земель, которая перейдет к крестьянам от помещиков, фактически уже находилась в их распоряжении на правах аренды. Площадь крестьянского землепользования расширится, следовательно, в гораздо меньшей степени, чем площадь землевладения. Если же мы примем во внимание, что героем дня после войны будет хлебороб, что по условиям мирового хлебного рынка земледелие обещает быть самым прибыльным занятием, что изыточное население деревни не будет отливать в города, то призрак малоземелья очень скоро встанет перед крестьянством, даже если мелкое хозяйство обнаружит признаки подъема производительности труда в сравнении с дореволюционным периодом. Переселение тогда станет вновь неизбежным, и при этих условиях государство сможет организовать его на совершенно новых началах, отказавшись от мысли плодить мелкое хозяйство на окраинах.

Что касается государственной монополии хлебной торговли, то последовательное проведение в жизнь этой меры будет иметь колоссально важное значение как для подъема доходности всего земледелия, особенно при монополии внешней торговли хлебом, так и в интересах осуществления государственного контроля над земледелием.

Эта мера: 1) освобождает разрозненных и неорганизованных производителей хлеба от целого роя спекулянтов, для которых операции с хлебом всегда являлись самыми хлебными операциями; 2) освобождает часть национального капитала для производительных целей, в частности для того же земледелия; 3) осуществлением плановых перевозок сберегает массу трудовой энергии в транспорте; 4) объединяет сбыт на зарубежных рынках и тем дает возможность реализовать хлебные излишки страны в наиболее выгодных условиях; 5) предупреждает фальсификацию русского зерна, что в широких размерах практиковали частные хлебные торговцы, понижая этим цену на русский хлеб за границей; 6) открывает широкие перспективы для вмешательства государства в самый производительный процесс земледелия, в частности, дает возможность премиями, повышенными ценами и т.д. поддерживать и развивать производство наиболее выгодных видов зерна, а также поощрять наиболее прогрессивные формы землепользования; 7) приплатами государства к ценам на хлеб, продаваемый не производящим хлеб слоям городского населения, позволяет сложить бремя косвенных налогов с беднейших слоев населения.

Вот в кратких словах все главнейшие основания, которые можно выдвинуть в защиту предлагаемого проекта аграрной программы.

Посмотрим теперь, в какой степени осуществима предложенная программа в рамках русской революции и действительно ли этой программе суждено повиснуть в воздухе, как полагают некоторые пессимисты.

Этот вопрос приводит нас к другому вопросу: к вопросу о прочности блока пролетариата и беднейшего крестьянства. При этом здесь уже надо заранее оговориться, что под беднейшим крестьянством мы понимаем, во-первых, всех пролетариев деревни, затем всех безлошадных и значительную часть однолошадных крестьян, которые экономически вынуждены блокироваться с городским пролетариатом и которых насчитывается по старой статистике 1891 г. до 5 млн дворов из 10 с лишним. Эти группы деревни вынуждены идти с пролетариатом не только до момента ликвидации помещичьего землевладения, но и после этого, поскольку сейчас уже после уничтожения помещичьей собственности для них в порядок дня ставится вопрос о борьбе с кулацкими верхами деревни.

Рабочий и беднейший крестьянин в русской революции

В предисловии к своей брошюре «Материалы по аграрному вопросу» т. Ленин говорит о новом содержании нашей агитации в крестьянстве, об изменении «основной линии речей рабочего к крестьянину», связанном с той постановкой земельного вопроса, которую усвоила наша партия на протяжении революции. Конечно, изменение характера агитации не заслуживало бы более основательного рассмотрения, если б дело шло лишь о тех или иных агитационных приемах, меняющихся с обстоятельствами, если б все сводилось к агитационной технике. В действительности, усвоенное нами на практике отношение к беднейшему крестьянству, по сути дела, предполагает пересмотр взаимоотношений пролетариата к малоземельному крестьянству, и необходимо выяснить, является ли этот молчаливый пересмотр плодом агитационного увлечения и таким образом должен быть объявлен «незаконченным» с точки зрения революционного марксизма или же, наоборот, он опирается на новые факты, выявившиеся в ходе революции и созданные самой революцией.

Товарищи, несомненно, согласятся, что пересмотр имеет под собой достаточную почву; надо лишь его обосновать, определить границы, в которых он должен совершаться, и тем предупредить всякую возможность увлечения в сторону беспринципной демагогии или теоретических уступок стихийности.

Разумеется, как бы ни глубок был пересмотр наших отношений к беднейшему крестьянству, он не может коснуться самого понятия «класса и классовой борьбы», поскольку эти понятия установились в марксистской литературе. Наоборот, только в свете этих понятий происходящие изменения взаимоотношений между рабочим классом и крестьянством получают наиболее правильное и ясное освещение.

Под общественным классом мы привыкли понимать группу лиц, объединенных: 1) одинаковым положением в процессе производства, и прежде всего отношением к обладанию орудиями производства; 2) одинаковым источником дохода и общностью интересов при распределении национального дохода; 3) общностью противоположности своих интересов интересам других общественных групп.

Поскольку мы имеем дело с сложившимся буржуазным обществом, которое не затронуто в своих основах напором пролетарской революции, мы имеем все основания, и имели все основания, считать пролетариат и крестьянство различными классами с противоположными (в большинстве случаев) интересами.

В самом деле: один обладает орудиями производства, другой – нет, один продает продукты своего хозяйства и заинтересован в увеличении цен на них, другой продает лишь рабочую силу и заинтересован в понижении цен на продукты сельского хозяйства. И только в отношении третьего пункта положение крестьянства всегда было двойственным. Как класс собственников, оно имело общность интересов с крупным землевладением и вместе с ним отстаивало интересы деревни против города. Как класс *мелких* собственников, который никогда не подпускали к власти буржуазия и крупные землевладельцы, он вместе с пролетариатом страдал от высоких налогов, милитаризма со всеми его последствиями и, наконец, от той эксплуатации, которой мелкое крестьянское хозяйство всегда подвергалось в самых различных видах со стороны крупного капитала и капиталистического землевладения.

Таким образом, в капиталистическом обществе были налицо достаточные экономические основания, почему крестьянство в политическом отношении тащилось в хвосте имущих классов, усваивало их идеологию и в революциях, где пролетариат пытался вести самостоятельную классовую линию, оно играло роль контрреволюционного резерва в руках буржуазии.

Теперь посмотрим, в какой степени изменились взаимоотношения в нашей революции между рабочим и крестьянством, и особенно с того момента, когда центральная государственная власть перешла в руки пролетариата и крестьянской бедноты.

Возьмем первый пункт из определения понятия класса, т.е. отношение к обладанию орудием производства. Раньше между крестьянином и рабочим была в этом вопросе целая пропасть. Один – собственник орудий производства, самостоятельный хозяин, другой – пролетарий, работающий при чужих средствах производства. Теперь, с переходом власти в руки трудовых масс города и деревни, рабочий превращается с каждым шагом вперед по пути к социализму из пролетария в совладельца общественных орудий производства. Таким образом, стирается, рассасывается основное различие, которое существует в капиталистическом обществе между крестьянином и рабочим. Правда, рабочий превращается постепенно во владельца *общественных орудий производства*, но и крестьянин не в состоянии удержаться на позиции индивидуального самостоятельного собственника орудий производства. Доля «самостоятельности» его должна сокращаться с каждым шагом вперед по пути к организации общественного хозяйства.

Важнейшее орудие приложения его труда – земля при общинном землевладении уже не является индивидуальной собственностью, хотя и не является коллективной в масштабе социализма. Национализация банков и кредита, государственная монополия хлебной торговли, артельное использование сельскохозяйственных машин – все это обобщивает хозяйственную «самостоятельность» крестьянина и отводит для нее очень скромный уголок.

С другой стороны, все больше и больше создается спайка между этими двумя классами, поскольку они образуют единый трудовой блок, союз производителей ценностей, враждебный всем другим общественным группам, живущим нетрудовыми доходами.

В условиях русской революции этот трудовой блок обладает огромной прочностью, примеров которой не давали ни одна из известных нам революций Запада. У нас очень распространена еще порода марксистских буквоседов, которые затвердили истину о противоречии интересов между крестьянством и пролетариатом, истину, справедливую для периода классического капитализма и требующую пересмотра не только для современной России, но и для всякой страны, поскольку она вступает в эпоху ломки капиталистических отношений. Эти горе-марксисты хихикают над «интернационализмом» нашего солдата, который, по их мнению, является интернационалистом только до тех пор, пока

длится война, и предсказывают неизбежность после войны крестьянской контрреволюции. Об этом они вычитали в учебниках истории.

Эти господа не хотят видеть того, что не только война, а, прежде всего, борьба за землю неизбежно толкает наше малоземельное крестьянство, т.е. две трети всего нашего крестьянства, на союз не только с нашим, но и со всем международным пролетариатом. Наше крестьянство *экономически* заинтересовано в мировой пролетарской революции. Об этом говорят цифры задолженности нашего частного землевладения в банках. Эта задолженность еще в 1915 г. выражалась в сумме трех с половиной миллиардов рублей. Эта задолженность возросла за время войны, и особенно за тот промежуток времени, когда при коалиционном правительстве был временно отменен закон о запрещении земельных сделок и у банков толпились дворянские хвосты из лиц, с лихорадочной поспешностью перезакладывавших свои земли. Если задолженность частного землевладения в банках выразить по теперешнему курсу нашего рубля, она должна приближаться к сумме в 30 млрд*.

При этом не надо забывать, что акции наших земельных и других банков котировались на всех зарубежных биржах, что вообще «заинтересованность» иностранных банков в ценностях наших банков настолько велика, что большинство русских банков можно рассматривать лишь как агентов их старших братьев за границей. Следовательно, передача земли крестьянам без выкупа наносит сильнейший удар всей европейской бирже, сталкивает наше крестьянство со всеми капиталистическими классами Запада и в этом смысле каждого орловского и курского мужика, заинтересованного в помещичьей земле, делает по необходимости «интернационалистом».

Необходимо тут же принять во внимание и то, что наши огромные государственные долги могут быть ликвидированы в большей своей части лишь при условии социального переворота на Западе, и если они не будут ликвидированы этим путем, прежде всего крестьянству, как преобладающей части трудового населения, придется их платить из своих скудных доходов.

Таким образом, выражаясь грубо, заинтересованность нашего крестьянства в мировой пролетарской революции выражается в десятках миллиардов рублей. А так как покрыть эту сумму невозможно путем даже самого свирепого налога на заработную плату наших рабочих, то у крестьянства нет, объективно нет, никакого иного исхода из создавшегося положения, кроме союза и совместной борьбы вместе с пролетариатом против мирового капитала.

Не о возможностях крестьянской контрреволюции, а о глубочайших корнях нашей крестьянско-рабочей революции говорят приведенные цифры, и только в свете этих цифр делаются понятными все неудачи провокаторских попыток буржуазии натравить крестьянство на пролетариат.

Эти попытки окажутся безуспешными и на будущее время, поскольку они не будут спекулировать на крестьянскую контрреволюцию под политическим руководством буржуазного класса. Все контрреволюции с участием крестьянства на Западе происходили при наличии экономически могущественной крупной буржуазии. У нас этого условия нет налицо с переходом центральной власти в руки пролетарско-крестьянского блока.

Горе-марксисты, пугающие нас контрреволюционным крестьянским сапогом и в то же время протестующие с «научно-финансовой» точки зрения против проводимой нами национализации банков, не понимают, по-видимому, той простой вещи, что с осуществлением этой меры мы наполовину убиваем возможность всякой крестьянской контрреволюции

* Это не значит, разумеется, что в случае выкупа пришлось бы непременно платить в курсе старого, а не обесцененного рубля. (Прим. автора.)

под организующим руководством крупного капитала, если бы эта возможность не исключалась уже вышеочерченными особенностями нашей революции.

Однако мы отнюдь не намерены провозглашать полную гармонию интересов между русским крестьянином и рабочим. Эсеровские утверждения на этот счет, провозглашаемые в их абсолютной форме, опровергаются уже самим фактом существования этой партии преимущественно крестьянской. Между крестьянством и пролетариатом остается противоречие интересов в вопросе о распределении национального дохода. Каждый класс, естественно, старается расценить свой труд дороже. У крестьянства это выражается в форме борьбы за более высокие хлебные цены (хотя не у всего крестьянства, а лишь у продающих хлеб), за понижение цен на фабрикаты, в стремлении уклониться от государственных налогов и т.д. У рабочих — в борьбе за повышение заработной платы и сокращение рабочего дня. Особенно серьезным будет после войны противоречие крестьянских и рабочих интересов в вопросе о таможенных пошлинах на иностранные товары, немедленная отмена которых грозит рабочим страшной безработицей.

Трудно предсказать, в какие формы может вылиться классовая борьба пролетариата с крестьянством в вопросах распределения. Можно ожидать, что она будет иметь скорее плодотворные последствия для всего хозяйственного развития страны. Под напором крестьян рабочим не удастся застыть при отсталой технике и поразительно низкой производительности труда, которая наблюдается у нас теперь в сравнении с Западом. Рабочий окажется заинтересован в поднятии интенсивности труда и техники производства, чтоб сохранить экономические завоевания без ущерба для крестьянства и для развития производительных сил страны. С другой стороны, он будет заинтересован повысить свою реальную плату путем понижения цен на хлеб, а это без вычета из крестьянского дохода мыслимо лишь на почве социализации земледелия. С этой стороны его напор на крестьянство может иметь плодотворнейшие последствия для прогресса сельского хозяйства. Таким образом, выход из положения может быть найден в такой форме, что крестьянство и пролетариат будут искать увеличения своих доходов не путем перекладывания своих ценностей из кармана одного класса в карман другого, а путем увеличения создаваемых ценностей и у одного класса, и у другого, т.е. путем общего подъема производительности труда во всей стране.

Следовательно, противоречие интересов, о котором идет речь, не является объективно неустрашимым в такой степени, чтобы одному классу пришлось стремиться к политической диктатуре для подавления и экономической эксплуатации другого.

Это противоречие, во всяком случае пока революция длится, будет изживаться внутри трудового блока, оно неспособно разрушить самый блок, т.е. оно будет прикрываться другим, несравненно более глубоким и сильным противоречием между этим блоком, с одной стороны, и мировым капиталом — с другой, вследствие чего объединения всегда будут сильнее разъединяющих тенденций.

Правда, в случае победоносного исхода нашей революции (что предполагает само собой победу социалистической революции также и на Западе) объединяющий цемент, созданный условиями совместной борьбы с мировым капиталом, отпадет, и противоречия интересов пролетариата и крестьянства выступят по вопросу о распределении национального дохода страны рельефней и острее. Но помимо того, что крестьянское движение на этой почве не может привести к контрреволюции при отсутствии экономически господствующей буржуазии, переход власти к пролетариату и крестьянству открывает совершенно новую возможность избежать острой классовой борьбы по этому поводу. В капиталистическом обществе вопрос о распределении национального дохода решается стихийной классовой борьбой и соотношением сил между борющимися классами. Этот метод решения вопроса совсем не обязателен в обще-

стве, находящемся на пути к социалистическому переустройству. Здесь возможно уже приступить к распределению дохода по сознательно проводимому плану на основе классового соглашения. Здесь не место говорить, как можно провести в жизнь этот план, не ослабляя стимулов к развитию производительных сил, но достаточно указать, что мы, в сущности, уже вступили на этот путь. Введение твердых цен на хлеб и продукты промышленности при минимуме заработной платы есть, в сущности, первый шаг к сознательному распределению национального дохода. При стремительном падении курса рубля эти попытки не достигают вполне своей цели, но это уже вопрос другой. План сознательного распределения национального дохода при условии соглашения между классами в лице их партий и экономических организаций может быть проведен у нас в гораздо более действительной форме, если будут налицо необходимые предварительные условия, как-то: коренная реформа денежного обращения, монополия хлебной торговли, монополия всей внешней торговли, как экспорта, так и импорта, фиксация заработных плат и минимальных норм выработки и т.д.

Разумеется, стремление создать план сознательного распределения национального дохода отнюдь не исключает борьбы сторон за самые принципы этого плана, но эта борьба будет несравненно более организованной и планомерной, и легче будет тогда избежать таких схваток, когда либо самая игра не будет стоить свеч, либо по учету всех условий не будет обещать победы нападающей стороне.

До сих пор стремление к соглашению в вопросах экономических между пролетариатом и крестьянством было очень велико. На всех съездах рабочих и крестьянских депутатов, где мне приходилось быть, полемика сторон достигала величайшей остроты и резкости, но всегда стороны приходили в конце концов к заключению, что трудовым классам нет смысла рвать за глотку друг друга из-за дележа трудовых грошей, и примирительная резолюция принималась единогласно.

В условиях русской революции мыслим лишь один случай, когда возможно будет широкое контрреволюционное движение деревни, направленное против пролетариата. Это может произойти, если и *пролетариат*, и *малоземельное крестьянство*, действуя в тесном блоке, будут разбиты третьей силой, т.е. мировым капиталом, опирающимся в России на буржуазные классы и кулацкие верхи деревни.

Это поражение приведет к реставрации буржуазного класса на старых экономических позициях, с которых его сбила Октябрьская революция, к распаду пролетарско-крестьянского блока вследствие перехода наиболее многочисленного в деревне крестьянина-средняка на сторону крестьянской буржуазии и к политической изоляции пролетарских сил города и деревни.

Социально-экономической основой этого распада явится стремление среднего крестьянства возложить после проигранной кампании наибольшие материальные последствия поражения на своего партнера по борьбе. Но для всякого очевидно, что крестьянская контрреволюция, возникающая при таких условиях, будет не *причиной* поражений, а *ее следствием*.

Конечно, контрреволюционные слои крестьянства не ограничиваются теперь лишь кулаками, лавочниками, вообще лишь узким верхним слоем деревни. База контрреволюции в крестьянской среде расширилась за счет части среднего крестьянства (меньшей части), которая успела уже поделиться с помещичьим скотом, и инвентарем, и казенным лесом, а также той частью земли, которая попала в ее *фактическое* распоряжение в истекшие месяцы революции в размерах, превышающих всякие «потребительные» и прочие нормы. Это крестьянство жаждет такого порядка, который закрепит за ним его добычу, оно против всяких «пересмотров» того, что случилось, оно против революции, поскольку она связана с неустойчивостью в земельных и имущественных отношениях и не гарантирует от неожиданных и неприятных сюрпризов в этом отношении.

Но тем безнадежней делается при таких условиях положение крестьянской бедноты, которая лишь в союзе с пролетариатом может реализовать для себя все возможности, которые открывает перед ней революция.

До сих пор пролетарско-крестьянский блок обнаруживал все время большую прочность. Он был прочен и в течение соглашательского периода нашей революции, имея тогда более широкий базис в крестьянской части, он обнаруживает еще большую прочность и теперь, когда из «крестьянской курии» исключены более состоятельные слои деревни. Но если в истории мы видели много примеров использования и пролетариата и крестьянства в интересах буржуазных классов в форме ли «гражданского мира» и «общенационального» объединения в империалистической войне, или в других видах, то только первый раз в мировой истории союз пролетариата и беднейшего крестьянства заключается на основе непримиримой борьбы со всем буржуазным миром. Политическим выражением этого союза на русской почве является блок партии большевиков с партией левых социалистов-революционеров, я огромнейшее значение этого факта состоит в том, что впервые многомиллионные массы крестьянства *вынуждены* всеми условиями международной обстановки, в которой протекает наша революция, быть *активной* силой социалистического переворота.

Но эти массы очень мало сознают конечные цели той борьбы, в которую они уже втянулись, в которой уже одержали новые победы. И прежде всего, от политической партии этих масс приходится требовать деятельной работы по приведению сознания трудового крестьянства в соответствие с грандиозностью задач, выдвигаемых борьбой и успехами в этой борьбе. К сожалению, однако, сами левые социалисты-революционеры еще не поняли, по-видимому, что с их стороны является величайшим недоразумением настаивать на проведении в жизнь, в эпоху социалистического переворота, программы «социализации земли», т.е. такой программы, в которой вчерашний день превалирует над днем завтрашним, такой программы, которая бесконечно отстала от требований момента и именно поэтому является наиболее приемлемой даже для таких активных борцов с октябрьским переворотом, как г-да Руднев и им подобные.

Раз мы вступили в период боев с мировым капиталом, раз с нашей стороны мы противопоставляем буржуазному строю социализм, раз вне социализма нам нет и не может быть выхода из тягчайших последствий мировой войны, то какие бы уступки прошлому мы ни вынуждены делать под давлением бессознательных масс *на практике*, программой действительного социализма в земледелии может быть лишь социалистическое переустройство сельского хозяйства. Пусть не говорят нам, что это ближайшая цель на завтрашний день. Не завтра будет решаться, а сегодня уже решается вопрос о том, какую площадь в период ломки земельных отношений в деревне мы отводим для общественного хозяйства, сегодня уже идет борьба между «социализацией земли» в кавычках с той действительной социализацией земли, которая означает передачу в руки трудового государства всех земель страны.

Однако надежды на то, что левые социалисты-революционеры способны будут переделать программу «социализации земли» в действительно социалистическую программу, оказываются в настоящий момент почти безнадежными. Это доказывает та позиция, которую отстаивали представители левых эсеров на 3-м Всероссийском съезде Советов в земельном вопросе, когда самая постановка вопроса о социалистическом переустройстве земледелия в качестве ближайшей задачи партии в деревне не нашла себе защитников, и все разговоры об этом рассматривались, как не относящиеся к делу, как признак дурного большевистского тона.

Читатель убедится в этом из нижеследующих строк.

«Социализация земли» на практике

Проект основного закона о земле, предложенный 3-му Всероссийскому съезду народным комиссаром земледелия т. Колегаевым и принятый в принципе за основу в 19 статьях первого раздела, имеет с точки зрения действительно социалистической земельной программы столь одиозные пункты, что отметить их здесь является настоятельно необходимым.

Пункт 3-й в общих положениях закона (раздел I) формулирован так: «Право пользоваться землей принадлежит лишь тому, кто обрабатывает ее собственным трудом».

Что такая формулировка неприемлема с социалистической точки зрения, ясно каждому. В ней совершенно не предусмотрено преимущественное право трудового государства пользоваться землей в интересах организации и развития социалистического сельского хозяйства. Что здесь мы имеем дело не с неудачной формулировкой, а с декларацией прав мелкого земледелия, это видно из статьи 13-й, гласящей следующее: «Кроме личного труда право на пользование землей сельскохозяйственного значения, как исключение из общего правила, дает цель, а именно: в тех случаях, когда органы местного самоуправления (земства) или правительственные органы (земельные комитеты) найдут необходимым в целях поднятия с.-х. культуры устроить с.-х. фермы или показательные поля, то они могут занимать из фонда запасных земель (бывших монастырских, казенных, удельных, кабинетских, помещичьих) определенные участки и обрабатывать их наемным трудом».

Таким образом, земельный закон, составленный представителями партии, считающей себя социалистической, милостиво разрешает, лишь «как исключение из общего правила», пользоваться землей государству в интересах социализма в земледелии.

В законе нет ни звука о том, что капиталистические крупные хозяйства не раздробляются на мелкие участки, а переходят в распоряжение Советов батрацких депутатов под контролем государства, как это уже осуществлено в Эстляндии и Латвии, а кое-где и в России. Наоборот, в статье 22-й раздела III говорится, что в первую очередь наделяется землей местное земледельческое население, затем пришедшее земледельческое население и только в третью очередь местные батраки. Уже одна терминология чего стоит. Батраки – это как будто не часть земледельческого населения, а какая-то особая низшая порода людей деревни. На деле этот пункт будет означать следующее. Капиталистические имения будут раздроблены для удовлетворения земельной нужды местных малоземельных крестьян, остатки пойдут пришедшим мелким хозяевам, и батракам, как вольным птицам, предоставляется лететь в места довольно отдаленные. Лететь им тем легче, что инвентарного груза у них нет, как справедливо рассчитал мелкий хозяин...

Государству статья 20-я раздела II предоставляет пользоваться землей лишь в культурно-просветительских целях, а не социально-экономических. Ему оставлена роль пропагандиста общественного хозяйства, а не роль могучего фактора экономического переустройства земледелия на общественных началах.

Характер, рекомендуемый законом переселенческой политики, очень ярко выясняется из статьи 35-й раздела VII, которая гласит: «При переселении земледельцев на новые места для них вводится отрубное хозяйство». Социалистическая государственная власть, плодющая мелкое отрубное хозяйство, – это переселенческая политика, которую одобрил бы даже Столыпин.

При согласии всех граждан общины желающим предоставляется переход на отруб, и в то же время автору закона и в голову не пришло оградить права тех членов общины, которые хотели бы, хотя бы и при несогласии большинства засосных сторонников мелкого хозяйства, перейти к артельной обработке земли, приходящейся на их долю.

За государством признается статьей 19-й раздела I лишь монополия на внешнюю торговлю хлебом, и тем молчаливо признается лишней монополия на хлебную торговлю внутри страны. В сравнении с теперешним положением дела это огромный шаг назад. Как бы ни мало совершенна была существующая у нас государственная хлебная монополия, как бы ни мало была она популярна именно среди крестьян, всякий понимает, что все отрицательные стороны этой меры принадлежат не ей, как таковой, а вызваны общими условиями всего того развала в экономике страны, который связан с последствиями войны.

Совершенно неудовлетворительно формулированы в законе пункты о правах земельных комитетов, которые должны быть лишь техническими органами при местных Советах и центральной советской власти.

Я перечислил здесь только самые неприемлемые и опасные пункты проекта о земле левых социалистов-революционеров.

Подробнее этот закон должен быть рассмотрен на нашем партийном съезде, и там же должны быть выработаны те поправки, которые мы считаем с своей стороны минимальными, для того чтобы представители партии, не изменяя самому существу своей аграрной программы и элементарным принципам социализма, могли голосовать за закон в Центральном Исполнительном Комитете Советов.

Преображенский Е.А. Крестьянская Россия и социализм (к пересмотру нашей аграрной программы). Петроград, 1918. С. 1-23.

№ 2. ИЗ КНИГИ Е.А. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
«АНАРХИЗМ И КОММУНИЗМ»¹

1918 г.

Анархисты и пролетарское государство

Анархисты являются противниками всякой государственной власти и всякого организованного насилия. Вот что, например, пишет о государстве П. Кропоткин:

«Мы видим в нем учреждение, которое в течение всей истории человеческих обществ служило для того, чтобы мешать всякому союзу людей между собою, чтобы препятствовать развитию местного почина, душить уже существующие вольности и мешать возникновению новых. И мы знаем, что учреждение, которое прожило уже несколько столетий и прочно сложилось в известную форму ради того, чтобы выполнить известную роль в истории, не может быть приноровлено к роли противоположной». (П. Кропоткин. Государство и его историческая роль.)

Малатеста пишет: «Государство ничего не создает: даже будучи доведено до совершенства, оно лишнее учреждение, бесполезно расточающее народные силы». (Э. Малатеста. Краткая система анархизма.)

В приведенных строках надо различать две мысли. Во-первых, протест против эксплуататорского государства и подчеркивание полной невозможности использовать этот старый аппарат угнетения для освобождения трудящихся классов. В этом пункте между коммунистами и анархистами нет разногласий. Во-вторых, протест против всякого, в том числе и пролетарского, государства.

И вот когда отвращение, которое внушает угнетательское государство, анархисты пытаются перенести и на трудовое государство, возникающее как боевая организация угнетенных масс, то между коммунистами и анархистами в этом пункте целая пропасть. Анархист, который вслед за Малатестой (не зная примера пролетарского государства) стал бы даже перед лицом рабочего государства, ведущего отчаянную борьбу с мировым капиталом, повторять как попугай, что и данное государство есть учреждение, «бесполезно расточающее народные силы», такой анархист доказывал бы лишь, что в его собственной голове царит самая идеальная анархия. Даже детям излишне доказывать, что организованная борьба протекает успешней для той стороны, которая лучше организована. Организация класса в государство есть наивысшая форма организации, доступная классовому обществу и умножающая силы того класса, которому удалось так сплотиться. Поэтому-то пролетариат, организовав свое государство, не «бесполезно расточает народные силы», а сберегает эти силы, добивается победы над буржуазией с наименьшей тратой этих сил. И наоборот, наибольшую трату сил обеспечивает борьба по методу анархистов. Но об этом ниже.

Когда теоретикам анархизма приходилось отвечать на вопрос: как отнеслись бы они к трудовому государству, если бы такое возникло, — то они уклонялись от ответа на этот вопрос ссылкой на то, что трудового, пролетарского государства существовать не может; государство всегда было, есть и будет организацией меньшинства, и в жизни не может быть такого случая, чтобы большинству народа пришлось взять в свои руки власть. Если бы трудовым массам удалось победить в борьбе своих угнетателей, то для этих масс государственная организация была бы совершенно ненужной. Но жизнь как раз дала примеры пролетарского государства, очень зло посмеялась над теоретиками анархизма и потребовала их к ответу, увильнуть от которого было уже невозможно.

А этот жизнью поставленный вопрос действительно является для анархизма убийственным. Либо надо признать, что не всякое государство, не всякое организованное насилие является вредным для рабочего класса, а лишь государство эксплуататоров. Но этим самым анархизм допустил бы пробить брешь в самом существенном пункте своего учения, ему пришлось бы с неба абсолютных утверждений и мертвых фраз спуститься на землю живой действительности. Либо надо было и рабочее государство, государство удушения эксплуататоров, государство дисциплины в среде самих трудящихся, признать организацией вредной, объявить ей войну и, таким образом, очутиться в компании злобленных буржуазных контрреволюционеров.

Посмотрим, как пытались анархисты выйти из этого положения!

Первый опыт пролетарского государства дала Парижская коммуна. Отрицать освободительный характер этой замечательной организации анархизм не мог. И вот мы видим, что, например, Петр Кропоткин просто выдает Парижскую коммуну за коммуны анархической. На примере Парижской коммуны он рекомендует учиться тому, как надо делать социальную революцию, и старается заметить или просто не понимает, как на расчищенной революцией почве начало складываться новое, невиданное в истории пролетарское государство. В своей брошюре «Анархия» Петр Кропоткин пишет: «В революции разрушение составляет только часть работы революционера. Ему приходится, кроме того, сейчас же строить вновь. И вот эта постройка может произойти либо по старым рецептам, заученным из книг и навязываемым народу всеми защитниками старого, всеми неспособными додуматься до нового. Или же перестройка начнется на новых началах, т.е. в каждой деревне, в каждом городе начнется самостоятельная постройка социалистического общества, под влиянием некоторых общих начал, усвоенных массой, которая будет искать их практического осуществления на местах, в сложных отношениях, свойственных каждой местности».

И в качестве примера такого строительства Кропоткин приводит опыт Парижской коммуны, причем ему больше всего нравится, что Париж был провозглашен тогда «независимым городом». Что эта независимость была прежде всего независимостью от Тьера, контрреволюционного буржуазного правительства Версаля и черносотенной деревенщины, и только постольку была революционной, — об этом Кропоткин умалчивает. По существу же, коммуна стремилась охватить всю Францию, всю страну превратить в организацию пролетарского господства и вследствие неудачи в этом направлении погибла.

В общем же и целом Парижская коммуна представляет из себя пример не коммуны анархической, а зародыш пролетарского государства — коммуны.

Что это был опыт именно государства, хотя и нового типа, — это ясно каждому, кто знаком с историей Парижской коммуны и не имеет интереса извращать или превращать толковать ее сущность.

Коммуна имела налицо все важнейшие признаки столь ненавистного анархистам государства. Она, во-первых, была органом законодательным и издала ряд декретов, обязательных для всех и проводившихся в жизнь под страхом репрессий. Она не устранила суд, а лишь провозгласила выборность судей народом. Она не уничтожила армии и

военной дисциплины, неизбежной в каждой армии, не желающей терпеть лишь поражения, а имела армию, основанную на всеобщем вооружении рабочих. И так далее.

В общем, коммуна представляла из себя государство, приспособленное к интересам пролетариата, к интересам подавления буржуазии, государство угнетенных, объявившее войну угнетателям.

П. Кропоткин не мог или не хотел понять сущности Парижской коммуны и, спасая несостоятельность своей теории, затушевывал государственный элемент этого социалистического опыта парижских рабочих. Наоборот, наши учителя К. Маркс и Ф. Энгельс с гениальной проницательностью определили коммуны как тип государства, создававшего побеждающим пролетариатом. Вот что, например, писал Фридрих Энгельс о Парижской коммуне в предисловии к брошюре К. Маркса «Классовая борьба во Франции»:

«В последнее время немецкий филистер опять начинает испытывать спасительный ужас при словах «диктатура пролетариата». Хотите ли знать, милостивые государи, что такое эта диктатура? Посмотрите на Парижскую коммуны. Это была диктатура пролетариата».

К. Маркс в той же брошюре писал о коммуне: «Тайна ее (т.е. коммуны. — Е.П.) заключается в том, что она, по существу своему, была правительством рабочего класса».

И еще К. Маркс писал о коммуне как о рабочем правительстве: «Немногие, но важные функции, оставшиеся еще у центрального правительства, должны были быть уничтожены, как ложно говорили враги коммуны, а лишь переданы коммунальным чиновникам, т.е. таким, которые были строго ответственны».

Таких цитат из произведений наших великих учителей можно было бы привести значительно больше. И все эти цитаты не только показывали бы, что К. Маркс и Ф. Энгельс считали Парижскую коммуны правительством рабочего класса, но что они доказывали эту истину целым рядом фактов из жизни и деятельности этой пролетарской государственной организации.

Второй пример пролетарского государства дала Советская Россия после октябрьского переворота. Как же отнеслись анархисты к этому грандиозному опыту создания рабоче-крестьянского государства?

Как и Парижская коммуна, Советская Россия уже самим фактом своего существования является нагляднейшим опровержением анархического предрассудка о том, что **всякая власть** есть власть угнетательского меньшинства, что невозможно и не нужно большинству трудящихся организовываться в государство для подавления буржуазного меньшинства. Но если Парижскую коммуны Кропоткин осмеливался выдавать за коммуны анархическую, то устроить такую операцию с Советской Россией было невозможно. Октябрьская революция проходила под лозунгом «Вся власть Советам[!]». Ненавистное для анархиста слово «власть» было налицо, и это слово превратилось в дело, когда коалиционное министерство было свергнуто и начал укрепляться государственный советский аппарат пролетарской диктатуры. Анархисты вместе с большевиками участвовали в Октябрьской революции. В одержанной победе есть доля и их усилий. Но они играли революционную роль в октябрьском движении не благодаря своему анархизму, а несмотря на него, т.е. **не отрицание всякой власти вообще, а борьба с данной буржуазной властью** делало их союзниками пролетариата, который боролся не за безвластие, а за переход власти в его руки. Конечно, анархисты всегда старались подчеркивать в своих выступлениях, что борются с буржуазией во имя анархии, но это не мешало делу, потому что, помогая свер[г]нуть власть буржуазии, они помогали победить власти пролетариата.

После Октябрьской революции среди русских анархистов можно различить три течения по их отношению к советской власти. Одна часть анархистов рассуждает приблизительно таким образом: советская власть борется против буржуазии русской и международной.

Пока эта борьба не кончена, необходимо поддерживать советскую власть, хотя бы анархия и означала более совершенный общественный строй. Борются против советской власти, когда буржуазия еще не побеждена, значит, помогать буржуазии. Так рассуждает меньшая часть анархистов.

Другая часть держится совершенно противоположного мнения. Она полагает, что советская власть есть прежде всего власть, а власть, какая бы она ни была и что бы она ни делала, анархисты должны разрушать всегда, при всяких условиях. А потому: долой всякую власть, в том числе и советскую, долой немедленно, и да здравствует анархия!

Между этими двумя крайними течениями существует среднее течение, которое склоняется то в ту, то в другую сторону, смотря по обстоятельствам, и все время старается подчеркивать, что советская власть — это одно, Советы же — совсем другое. Это промежуточное течение, едва ли не составляющее большинство среди русских анархистов, по отношению к советской власти держится правила «постольку, поскольку». Поскольку анархисты находят, что политика советской власти в данный момент соответствует интересам анархизма, они ослабляют свой натиск на нее и даже поддерживают ее. Если, по их глубокомысленному заключению, эта политика не революционна, они выступают в таких случаях не только против той или иной меры, а, главным образом, против советской власти вообще. Каждый понимает, что такое отношение к советской власти обнаруживает полную растерянность со стороны анархистов, их полную неспособность занять по отношению к пролетарскому государству принципиально выдержанную позицию.

Первая группа анархистов, о которой мы говорили, честно и открыто становится на сторону советской власти, не закончившей своей работы по подавлению эксплуататорских классов, и тем честно и открыто признает на деле (хотя, быть может, и умалчивая на словах), что пролетарское государство существовать может, что в лице Советской России оно на практике существует, что анархизм оказался не прав в существеннейшем из пунктов своего учения, в вопросе о государстве. Эта группа поступает так, как подсказывает здоровый революционный инстинкт в революционное время, но зато она кладет под сукно книжные рассуждения Кропоткиных.

Со всем в другом положении оказывается группа анархистов-книжников, которые как попугай повторяют то, что было написано теоретиками анархизма десятки лет назад. Теоретики анархизма представляли себе переход от эксплуататорского государства к обществу без всякого государства в очень упрощенном виде: начинается социальная революция, буржуазное государство уничтожается и наступает царство анархической свободы. Но... «глазко писано в бумаге, да забыли про овраги». На деле историческое развитие пошло путем, который был предсказан не Бакуниным и Кропоткиным, а «Коммунистическим манифестом» и его авторами. Борьба пролетариата за уничтожение буржуазного господства потребовала создания пролетарского государства, и между государством эксплуататорского меньшинства и будущим обществом, свободным от государства, создалось промежуточное звено, создалось переходное государство трудового большинства. Так обстояло дело на практике, в реальной действительности. Но для анархиста-книжника этой реальной действительности не существует. Предрассудки и недомыслие теоретиков анархизма, занесенные на печатную бумагу, для него ценней и дороже жизненного опыта революции. Анархист-книжник не замечает пролетарского государства или, вернее, в пролетарском государстве он замечает именно ненавистное ему **государство** и кричит: долой советскую власть тогда, когда этот же крик еще громче несется со стороны всей буржуазной и монархической контрреволюции. Правда, буржуа и монархист, крича «долой советскую власть», напирал на слово советскую, анархист же напирал на слово «власть», на практике же получается настоящий деловой союз по свержению данной, конкретной, в жизни существующей и добывающей буржуазное господство советской власти.

Но анархисты-книжники, «последовательные» анархисты имеют все же одно утешение (нет худа без добра!). Именно они являются хранителями до конца всех заветов анархизма, их нельзя упрекнуть в том, что они отказались от одной из своих «истин», касающейся отношения к государству. Право на это утешение мы должны за этими анархистами признать, тем более что за него заплачено слишком дорого, заплачено союзом с контрреволюцией.

Что же касается промежуточной группы анархистов, которая балансирует между устаревшей книжной премудростью Кропоткина и запросами живой действительной революции, то эта группа, в сущности, отказывается на практике от того положения анархизма, согласно которому всякая власть всегда лишь давит трудовой народ и не может никогда ему служить. Поддерживая на практике ряд мероприятий советской власти, направленных против буржуазии и империализма, анархисты, без лишних слов, но очень красноречиво, признают, что существует и такая власть, которая давит эксплуататоров в интересах трудящихся. Но сделать такое признание для правоверного анархиста равносильно самоубийству. Как начал различать между властью буржуазной и властью трудовой – пиши пропало. Придется признать тогда, что раз борьба идет между двумя возможностями: между властью Скоропадских и советской властью (а таково положение в мае – июле 1918 г.), – то либо устранийся от всякой борьбы, уходи от революции, либо становись на сторону трудовой власти против власти буржуазных палачей. А возможность такого выбора совсем не была предусмотрена теоретиками анархизма, и их русским ученикам приходится «своим умом» решать, как выйти из такого положения. Из этого положения они пытаются выйти по-разному, но в конце концов всегда оказываются перед двумя дорогами: либо остаться верными анархическим предрассудкам и служить контрреволюции, либо служить революции, но отбросить в сторону предрассудки о гибельности для народа всякой власти, во всякое время.

Как мы видели выше, Кропоткин, поставленный перед фактом зародышевого пролетарского государства в лице Парижской коммуны, нашел соломоново решение для анархизма в том, что, так сказать, экспроприировал Парижскую коммуну, объявив ее коммунальной анархической. Нашим же анархистам история преподнесла орех покрепче, и этот орех – Советы.

Что такое Советы?

Буржуазные соглашательские партии и анархисты видели в Советах прежде всего то, что им хотелось видеть. Соглашательские партии не считали Советы за органы пролетарской власти, и они объявили их профессионально-классовыми организациями, способными лишь контролировать власть, и приложили все усилия удержать их в таком жалком положении, насколько хватило их сил.

Анархисты общими силами дали свой ответ на вопрос приблизительно в таком духе: Советы не органы власти, а органы воли трудового народа. Только государственники-большевики стараются извратить их природу и превратить их в органы власти.

Столь жалкий ответ доказывает лишний раз, что один уже факт существования Советов является живым опровержением всех построений анархистов в вопросе о государстве, и заставит их совершенно неподготовленными для оценки этих органов.

Попытка увернуться и слово «власть» заменить словами «воля трудового народа» не спасает анархистов, припертых здесь к стене самим ходом нашей революции. Мы согласны, что Советы – это органы воли трудового народа. А разве воля трудового народа не может быть и волей к власти?

На деле ведь так и оказалось, что органы трудового народа проявили волю к власти, обратились в органы власти и не могли не обратиться в них, чтоб обеспечить победу пролетарской революции. Что ж выигрывает анархизм, объявляя Советы органами не власти пролетариата, а воли пролетариата?

Ровно ничего. Анархисты запутываются лишь в словах и часто делают изумительные по своей нелепости выводы, а именно некоторые из них склонны рассуждать так: раз Советы превращаются в органы власти и создают центральную советскую власть, они перестают быть Советами, выражающими волю трудового народа. Иными словами, раз Советы не поступают по рецепту анархистов, они не выражают воли трудового народа!

Но может ли вообще Совет как собрание депутатов, избранных трудящимися, выражать волю этих трудящихся? Для анархиста это очень серьезный вопрос. Читатель должен помнить, что Малатеста и ряд других теоретиков анархизма очень усердно доказывали всегда, что выбранный в то или иное учреждение может выражать свою волю, но ни в каком случае не может выразить воли сотен и тысяч различных людей. По-настоящему последовательный анархист должен был бы и Советы считать органами, которые не могут выражать волю масс. Но здесь даже не все книжники анархизма решаются клеветать на Советы и объявлять их органами, не выражающими волю пролетариата. Таким образом, и здесь самый факт существования Советов и их работы заставил анархистов распротеститься с одним из своих предрассудков.

Но если отдельный Совет является органом, выражающим волю трудового народа, то как тогда должны расценивать анархисты съезд Советов?

Здесь часть анархистов идет на попятную и утверждает, что съезд Советов уже не может выражать воли народа.

Когда же съезд Советов выбирает Центральный комитет и Совет Народных Комиссаров, то все анархисты согласны, что съезд не выражает воли трудового народа, и еще меньше выражают ее выбранные им учреждения.

Чтобы вся непоследовательность и нелепость точки зрения анархистов была наиболее очевидна, поясним ее маленьким примером.

Если в какой-либо Ивановской волости, имеющей излишки хлеба, правильно избранный волостной Совет постановил эти излишки не отдавать в город, то это будет выражение «воли трудового народа». А если Всероссийский съезд Советов для спасения умирающих с голоду рабочих и крестьян неурожайных губерний постановляет все излишки хлеба в стране извлечь из деревни, а в частности и из Ивановской волости, то это не будет выражение воли трудового народа, а проявление власти и насилия.

Таким образом, подводя итоги сказанному об отношении анархистов к пролетарскому государству, мы приходим к следующему заключению. Так как появление пролетарского государства совершенно не предусматривалось анархистами и ход социальной революции они представляли себе совершенно иначе, чем это произошло в действительности, то уже одно появление Советов как зародышей пролетарской власти заставило их растерять многие из их предрассудков, столетия почитавшихся истинами. Когда же сеть Советов сплелась после Октябрьской революции в единое целое и образовала остов пролетарско-крестьянского государства, начавшая борьбу за уничтожение классов, то сама жизнь поставила анархистов перед дилеммой: либо разрушить Советы как органы власти, либо поддерживать их как орудие разрушения буржуазного строя.

В результате анархисты не смогли удержаться на принципиально выдержанной позиции и в настоящий момент находятся в состоянии полного теоретического разброда.

Хозяйство коммунистическое и хозяйство анархическое

Выше мы видели, что борьба анархистов против пролетарского государства, когда это государство не закончило своей работы по подавлению сопротивления эксплуататоров, с неизбежностью и помимо их воли делает их союзниками контрреволюционеров.

В области хозяйственной дело обстоит еще хуже. Самый экономический идеал анархизма является лишь мелкобуржуазным изданием капиталистического товарного хозяйства и является шагом назад даже в сравнении с развитым капитализмом.

Чтобы различие коммунистической и анархической программ в области экономического переустройства общества выступило наиболее отчетливо, мы в кратких чертах нарисует сначала задачи коммунизма в области производства и распределения.

Читатель должен при этом иметь в виду, что нам приходится говорить все время не только об идеальном коммунистическом хозяйстве, каким оно рисуется нам как конечная цель борьбы, но и об отношениях переходного периода, в который Россия уже вступила, а Европа вступит на другой день после завоевания власти пролетариатом.

Коммунизм — это такой общественный строй, при котором все орудия производства находятся в общей собственности трудящихся, каждый работник работает по своим силам и каждый член общества получает из общественного запаса количество продуктов по своим потребностям. Такой общественный строй является самым совершенным, самым идеальным общественным строем для каждого трудящегося человека. Но этот строй предполагает вместе с тем такое совершенство организации, такую сознательность и привычку к общественному труду работников, такой прогресс в области техники, от каких мы теперь еще весьма и весьма далеки. Если каждый будет потреблять по потребностям, а не по определенной норме, это будет означать, что продуктов производства больше, чем требуется их для нужд потребления.

Осуществление полного коммунизма потребует поэтому известного и, быть может, довольно значительного времени, причем с окончанием борьбы против эксплуататоров и с превращением всех в работников нового общества начнется длительная и упорная борьба внутри самих трудящихся за наиболее совершенный тип организации общества, борьба за большую сознательность, за товарищескую дисциплину в труде и коммунистическое равенство в потреблении.

В общем, коммунистическое переустройство должно происходить приблизительно в следующей последовательности. Начатая теперь национализация фабрик и заводов должна закончиться переходом к трудящимся массам всех орудий производства. Когда эта работа закончится, мы будем иметь социализацию орудий производства и средств обращения (т.е. железных дорог, пароходов и т.д.).

Одновременно с социализацией орудий производства (национализация при трудовой социалистической рабочей власти и есть самая настоящая социализация) необходимо провести строгий учет всех рабочих сил страны, всех орудий и запасов, а также подсчитать необходимое для потребления всего населения количество продуктов. Размеры производства будут приспособлены к размерам потребления. Каждая отрасль промышленности получает свой урок, высчитанный согласно потребности в этом продукте во всей стране, и рабочие этой профессии должны будут данный урок выполнить во что бы то ни стало, потому что от выполнения уроков по отдельным отраслям и профессиям будет зависеть нормальное функционирование всего огромного и сложного промышленного механизма страны. Руководство промышленной деятельности будет находиться в центральном совете народного хозяйства, который будет действовать через областные и губернские Советы, а на отдельном заводе агентом этой организации и руководителем производства будет фабрично-заводской комитет или другая организация такого же типа. Никакое планомерное коммунистическое хозяйство невозможно без совершенно поставленной всеобщей статистики и без центрального руководства распределением рабочих сил и орудий производства.

Благодаря такому сознательному руководству всей промышленной деятельностью при коммунистическом строе не может существовать перепроизводства продуктов в таком размере, чтоб, изготовленные в огромном излишке, они портились и потраченный

на них труд оказался пропащим, как часто бывает при капиталистическом строе. Невозможен, с другой стороны, и огромный недостаток тех или иных продуктов, потому что производство будет на основании более или менее точного подсчета приспособлено к размерам потребления. Не будет благодаря всему этому и безработицы.

В противоположность коммунизму капитализм представляет из себя экономический строй без головы.

В погоне за прибылью фабриканты производят то или иное количество продукта наугад. Когда происходит перепроизводство товаров, то рынок бьет тревожный набат, цены падают. Когда продуктов не хватает, цены повышаются, и в погоне за прибылью капитал приливает в эти отрасли промышленности, производство в них расширяется, потребность в недостающих товарах удовлетворяется, и удовлетворяется более чем надо, потому что капиталистический неуклюжий механизм не может остановиться, где нужно, в своем стихийном беге и недопроизводство сменяется перепроизводством. При капиталистическом хозяйстве производство приспособляется к потреблению чисто стихийно, через рынок.

Такой способ приспособления дорого обходится человечеству, он сопряжен с огромной непроизводительной тратой сил. При коммунизме этой растраты общественного труда не будет, потому что роль рынка, поскольку рынок способствует перераспределению рабочих сил согласно нуждам расширяющегося или сокращающегося потребления, будет замещена работой статистика.

А это будет значить, что трудовое общество само сознательно будет распределять между всеми своими членами имеющуюся работу, что оно приделает в лице центрального статистического бюро ту голову к хозяйственному организму, которой не хватало при капитализме.

Как увидим ниже, анархизм предполагает оставить общество таким же безголовым, каким оно является при капитализме, и в сознательном регулировании производства усматривает покушение на свободу личности производителя. Боязнь с точки зрения мелкого буржуа-хозяинчика вполне основательная!

Мы являемся коммунистами менее всего потому, что владение фабриками и заводами на коммунистических началах справедливее, чем частная собственность на орудия производства. Грош была бы цена этой справедливости и коммунизму, если бы он не был огромным шагом вперед по сравнению с капитализмом в области развития производительных сил. Если бы, допустим, американский рабочий изготовлял в среднем при 8-часовом рабочем дне в капиталистическом обществе количество продуктов больше, чем при коммунизме, если бы, несмотря на вычет в пользу капиталиста, он получил продуктов в виде заработной платы больше, чем получает при коммунизме, то коммунизм означал бы ухудшение жизни, а не улучшение ее. В действительности, разумеется, коммунизм открывает широкую возможность для огромного подъема производительности труда, а следовательно, и для огромного увеличения дохода работника в сравнении с капитализмом (при том же рабочем времени).

Но этот подъем производительности может быть достигнут, главным образом, в результате усовершенствования техники. Употребление же машин означает, что человек не прямо делает, например, иголки, а идет к производству околным путем, сделав предварительно машину, делающую иголки. Труд, потраченный на изготовление машины, меньше того труда, который машина сбережет, пока не износится. В этом весь смысл технического процесса, в этом и все надежды коммунизма на более быстрое, чем при капитализме, развитие производительных сил. Если изобретена какая-либо машина, сберегающая труд, то капиталист далеко не всегда пускает ее в ход. Для предпринимателя важно не то, что машина сберегает труд и общественно полезна: для него весь вопрос заключается в том, приносит ли использование этой машины прибыль и есть ли выгода

ее приобрести. В результате сберегающие труд машины в капиталистическом обществе не находят себе часто применения только потому, что при низких заработных платах приобретение и использование таких машин капиталистически невыгодно.

Коммунистическое хозяйство не будет иметь этого препятствия на своем пути, и всякая сберегающая труд машина найдет при нем свое применение, и вообще весь центр тяжести при этом типе хозяйства перенесется в сторону наибольшего совершенствования техники. Миллионные массы будут заинтересованы в этом, миллионы, а не жалкие десятки и сотни, как теперь, будут напрягать свои изобретательские способности, чтобы чем-нибудь помочь в общем деле. В результате очень обширная и чрезвычайно важная уже при капитализме хозяйственная деятельность, направленная на производство машин и орудий труда, т.е. на производство средств производства, при коммунизме получит небывалое важное и колоссальное значение. Но тем более важное значение имеет правильное распределение рабочих сил таким образом, чтоб изготовление средств производства происходило в пропорции, соответствующей изготовлению предметов потребления. Трудность решения этой задачи еще более возрастает, оттого что это соотношение представляет из себя вечно меняющуюся величину: приходится учитывать не только потребности данного момента, но и направление изменения и быстроту этого изменения. Капитализм кое-как справлялся с этой задачей при системе конкуренции и рыночных ценах. Лучше решает ту же задачу государственный капитализм. В совершенстве может разрешить эту задачу лишь коммунизм в результате ряда лет практического опыта. Но как эту задачу сумел бы разрешить анархизм, этого мы совершенно не постигаем. Впрочем, безграничное невежество анархистов в важнейших и труднейших экономических вопросах так велико, что они даже и не представляют себе всей сложности затронутого вопроса и никогда не интересовались его исследованием.

Что касается сельского хозяйства, то переход к коммунизму в деревне рисуется нам в следующем виде. В тех странах, где к моменту захвата власти пролетариатом будет существовать крупное и среднее землевладение, социалистическое хозяйство на этой площади организовать будет не труднее, чем в крупной промышленности города. Гораздо трудней будет переход к коммунистическому земледелию для мелкого сельского хозяйства и для таких стран, как Россия, которые являются по преимуществу странами мелкого крестьянского хозяйства.

Социалистическое земледелие будет первое время существовать лишь на государственных землях, обрабатываемых под руководством пролетарского государства, на тех культурных имениях, которые не были разграблены и разделены, а с самого начала попали под контроль Советов, на той площади, наконец, которую будут обрабатывать возникающие теперь в России в большом количестве коммуны деревенской бедноты. В дальнейшем социалистическое сельское хозяйство, уже само по себе более выгодное, чем самостоятельное сельское хозяйство, будет побеждать в деревне с каждым годом, при могучей поддержке рабочей власти. Обрабатывать землю коммуна, под руководством советских агрономов, с применением наиболее усовершенствованных машин, удобрений и систем хозяйства – будет значить меньше работать и больше получать в сравнении с самостоятельным хозяйством. Когда выгоды социалистического земледелия на опыте выяснятся для всех крестьян, то на своих самостоятельных мелких участках останутся сидеть лишь отдельные чудаки. Проведение в жизнь хлебной монополии также ускорит этот процесс. Сначала в каждом селе, в каждой деревне будет браться на учет Советов весь урожай хлебов. За вычетом количества хлеба, необходимого для потребления деревни до следующего урожая, весь избыток сверх этого будет поступать в государственные хлебохранилища, и взамен этого излишка деревня получит от продовольственных управ соответствующее количество всех продуктов, в которых нуждается крестьянство. Внутри же самой деревни хозяйство может быть пока либо у всех на артельных началах,

либо смешанное, либо частное самостоятельное. В дальнейшем каждая деревня превратится в ячейку артельного хозяйства, а с другой стороны, расчет с центральными хозяйственными органами никто не будет вести по отдельности, а вся коммуна в целом.

Так, постепенно осуществится переход в деревне к коммунистической обработке земли, границы земельных владений отдельных деревень и сел будут стерты, и вся земледельческая площадь будет распределена и будет обрабатываться согласно научным требованиям агрономии. Отдельные деревенские коммуны сольются тем самым в одну великую сельскую коммуну России, а коммуна сельская будет составлять с промышленной коммуной городов единое целое.

Распределение рабочих сил между промышленностью и земледелием также должно удовлетворять сознательно выработанному на основании статистики плану, и определенные группы трудящихся не смогут по произволу заниматься земледелием тогда, когда там уже имеется избыток рабочих сил, и наоборот. Здесь не место входить в подробности, как можно будет провести при коммунистическом хозяйстве чередование между фабричной и земледельческой работой. Одно лишь важно. Рабочие силы будут распределяться по определенному плану. С желаниями работников, выбирающих труд сообразно своей склонности, будут, конечно, всемерно считаться. Но если личное желание встретится с интересами осуществления определенного плана распределения, то посторониться должно личное желание, а не интересы миллионов, заинтересованных в нормальном ходе производства.

Такова будет организация производства при коммунистическом строе. Что же касается распределения, то оно будет вытекать из характера производства и, начавшись с половинчатого коммунизма, закончится полным и безусловным коммунизмом.

Посмотрим теперь, к какому экономическому строю стремится анархизм.

Прежде всего, здесь необходимо иметь в виду, что если цели социализма и коммунизма давно и основательно выяснены в социалистической литературе, то нельзя того же сказать про цели анархистов. В этой области у них существует полная «свобода мнений». Существуют анархисты-индивидуалисты буржуазного типа, существуют анархисты-коммунисты, анархисты-синдикалисты, просто анархисты без прибавлений и т.д. Каждое из этих течений расходится с другим в понимании наиболее желательного типа экономического устройства. Есть анархические группы, которым самое слово «экономическая организация» кажется противным, потому что напоминает принуждение, дисциплину или, по меньшей мере, то или другое ограничение свободы личности. Другие, как, например, анархисты-синдикалисты, слова «организация» не боятся и даже, наоборот, считают, что только анархизм обеспечивает наивысшую организованность и стойкость в экономическом устройстве общества. Ввиду такой разногласности по вопросу об экономическом переустройстве общества среди анархистов мы выделим из их рассуждений и теории лишь самое общее, в чем почти все группы между собою согласны. Это общее заключается в том, что анархисты, отрицая всякую государственную власть, в том числе и пролетарскую, высказываются за передачу орудий производства не всем трудящимся в целом, а отдельным товариществам, группам, артелям трудящихся. Затем анархисты высказываются против регулирования производства из особого, избранного трудящимися хозяйственного центра, смешивая этот центр с ненавистным им государством. Они стоят за то, чтоб артели-коммуны обменивались между собою своими продуктами и вообще устанавливали свои взаимоотношения по соглашению друг с другом. В артель работник входит свободно, свободна и артель войти в союз с другими артелями. Что же касается целого ряда важнейших вопросов о правильном распределении рабочих сил, о приспособлении размеров производства по отдельным отраслям к размерам потребления и т.д., то на все эти вопросы анархисты в огромном большинстве сходятся на ответе: «Разрушим сначала капитализм, а там сама жизнь покажет».

Нам приходится поэтому рассмотреть те неизбежные последствия, к которым привела бы организация общества на анархических началах, проведенная по мере ломки капитализма. А там, где анархисты отделиваются от неразрешимых для них вопросов фразой о том, что «сама жизнь покажет», мы должны будем посмотреть, что же показывает «сама жизнь» у нас в России, как претворяются в действительности идеалы анархистов и что от них остается.

Начнем с первого, основного нашего разногласия с анархистами: кому должны принадлежать и в чьем распоряжении должны находиться отбираемые у капиталистов фабрики и вообще все орудия производства. Мы говорим: все орудия производства должны принадлежать и должны находиться в распоряжении всех трудящихся, всех работников коммунистического общества. Путиловский завод принадлежит, например, не тем тысячам рабочим, которые работают на нем в данный момент, не тем даже сотням тысяч, которые строили его на протяжении двух десятилетий, а каждому работнику страны. И, наоборот, каждый путиловский работник должен сознавать и чувствовать себя хозяином иваново-вознесенских фабрик, каменноугольных копей Черемхова, Ленских золотых приисков и всех орудий труда республики. Орудия труда принадлежат всем и никому в частности – вот истинный коммунизм. Но чтоб эта принадлежность всех заводов всему рабочему классу была не пустой фразой, работники должны избрать особые органы управления хозяйством, будут ли то **отделы Советов** или специально избранные рабочими советы народного хозяйства – безразлично. Такой всероссийский хозяйственный центр и должен получить высшее право распоряжения всеми орудиями производства и рабочими силами страны. Каждый же рабочий на данном заводе, каждый фабрично-заводской комитет должен рассматривать себя как уполномоченного и агента всего рабочего класса, агента, которому поручено данное отдельное предприятие. Всероссийский хозяйственный центр должен пользоваться правом общего руководства и подлежит пересмотру, если не удовлетворяет интересам большинства работников.

Наоборот, анархисты стоят за то, чтобы каждая фабрика, завод, мастерская и т.д. составляли особую, самостоятельную коммуну. Работающие в этой отдельной коммуне и будут ее настоящими хозяевами. Поступить в коммуну можно с согласия остальных, слить коммуну с другой можно лишь с согласия обеих сторон. На деле это будет значить разбить собственность всех трудящихся на орудия производства (если можно говорить о собственности), разбить право коллективного распоряжения всеми орудиями труда на отдельные куски, на отдельные островки и воле всего класса трудящихся поставить преграду в распоряжении всеми орудиями труда. Рабочие каждого завода начнут смотреть на себя, как на собственников своего предприятия, и на деле превратятся в мелких буржуа. Анархизм окажется, в сущности, капитализмом без капиталистов, и каждое предприятие вместо одного владельца будет иметь сотню, тысячу, а не весь трудящийся люд страны. Проповедь анархизма в этом направлении не убивает, а как раз наоборот – оживляет все мелкобуржуазные собственнические чувства, которые сохраняются у рабочего от буржуазного общества. Характерно, что за лозунги анархистов, направленные против передачи высшего заведования заводами всему рабочему классу, в лице его центральных и областных органов, цепляются как раз наименее сознательные группы рабочих.

Слова «мы сами хозяева» несознательные рабочие понимают в том смысле, что они могут не принимать на свой завод других, пришлых рабочих, если это им почему-либо невыгодно, могут вести дело не так, как нужно рабочим всей страны, могут при сокращении работ удалять с завода не местных рабочих, хотя бы в другом месте им нельзя было ожидать поступления на заводы, хотя бы на месте наличную работу можно было бы поделить равномерно между всеми.

В результате осуществление на деле лозунга анархистов о передаче распоряжения каждым отдельным предприятием всецело в руки рабочих данного предприятия разбивает

единый класс пролетариев на группы и артели мелких буржуа и ведет к междоусобию и внутренней борьбе в рядах трудящихся.

Посмотрим, к каким результатам привело бы теперь введение анархической системы хозяйства.

Допустим, каждый завод, каждая деревня представляет из себя совершенно самостоятельную анархическую коммуны. Каждая коммуна работает что хочет, как хочет и сколько хочет. Спрашивается, как же будет осуществляться распределение рабочих сил и орудий производства при такой, с позволения сказать, системе хозяйства? Мы видели, как эта цель, хотя и с большим трудом и массовой растратой сил, достигается при капитализме, как та же цель, с гораздо большей легкостью и без особых затрат, будет достигнута при коммунизме. При анархическом же хозяйстве эта цель вообще не может быть достигнута. Возьмем маленький пример. Допустим, потребление угля в промышленности возрастает быстрее, чем растет его добыча. При капиталистическом хозяйстве о надвигающемся голоде дадут знать заранее, хотя часто и позднее, чем надо, рыночные цены на уголь, которые станут резко подниматься и повысят курс акций угольных предприятий. Приливший в угольную промышленность капитал увеличит производство либо найдет пути закупки угля за границей. При коммунистическом строе, на основании всеобщего учета, будет заранее известно о грозящем недостатке угля и предупредительные меры могут быть приняты гораздо раньше, чем при капиталистическом строе. Что же будет при анархическом хозяйничаньи отдельных коммун?

Будет то, что о недостатке угля будет известно, когда уже нечем будет топить печи. В результате приостановятся употребляющие уголь предприятия, и тогда придется кому-то позаботиться о расширении угольной промышленности. А если расширение возможно лишь с открытием новых рудников, а для новых рудников нужны особые запасы всех необходимых орудий и технического и рабочего персонала, то возникают вопросы: какие организации могут наладить это дело и допускает ли вообще анархизм возможность существования таких организаций?

Такой же хаос будет во всех остальных отраслях труда. Перепроизводство вместе с безработицей были бы вечным уделом анархического хозяйства. Для анархизма было бы лишь два возможных выхода из состояния полного разложения всего хозяйства и массовой непроизводительной растраты сил: либо сохранение целиком товарного хозяйства и рынка, т.е. чтобы каждая коммуна свою выработку продавала на рынке и на рынке покупала, что ей нужно, либо необходим учет рабочих сил, потребностей и запасов во всей стране центральными и местными органами, руководящими хозяйством, и распределение сил и орудий не согласно желанию отдельных лиц и коммун, а согласно интересам всей промышленности в целом. Третьего пути нет.

Имеются анархисты, которые в попытках спасти свободу отдельных коммун (свобода эта оказалась бы в дальнейшем хуже всякой необходимости) не против сохранения товарного хозяйства. Для них учителем является в этом отношении мелкобуржуазный Прудон. Другие, как, например, анархисты-синдикалисты и анархисты-коммунисты, кой-чему научившиеся у социалистов, не боятся слова «учет», они за учет, но за то, чтоб этот учет производили профессиональные союзы (синдикаты) и между собой сговаривались о количестве продуктов, которые надо выработать в каждой профессии.

Конечно, это уже большой шаг вперед, но этот шаг бессмыслен, если не сделать следующего.

Прежде всего, совершенно безразлично, кто производит учет необходимого для производства количества продуктов, размеров потребления, делает учет запасов и т.д. Вся суть в том, зачем делать учет? Если делать учет затем, чтоб статистические таблицы доставили удовольствие какому-нибудь профессору политической экономии, то из-за

этого не стоило бы затевать дело. Учет необходим, прежде всего, для **организованного распределения рабочих сил**.

Но организованное распределение далеко не всегда будет означать распределение добровольное, о чем так заботятся анархисты. Часть работников, несомненно, распределится по профессиям согласно своим склонностям, часть из чувства долга перед обществом, часть же должна быть принуждена к этому путем применения трудовой дисциплины.

Но, быть может, известного принуждения можно было бы избежать, если обеспечить рабочим тех отраслей, где рабочих сил не хватает, больше выгоды, больше продуктов в сравнении с работниками профессий, где есть избыток рабочих рук?

Это можно было бы провести, но это означало бы неравенство в распределении, это был бы подкуп одних за счет других, своего рода премия за несознательность и непонимание общих интересов.

Таким образом, анархисты в области производства стоят перед неразрешенной задачей: либо свобода торговли между отдельными коммунами, или, как они деликатно выражаются, «добровольное соглашение» (купля-продажа тоже добровольное соглашение), тогда распределения рабочих сил можно добиться тем же путем, как при капитализме, но тогда долой всякое равенство, да здравствует свобода конкуренции, которую так ярко отстаивал Прудон. Либо учет и контроль над производством в масштабе страны, а потом всего мира. Но тогда долой независимые друг от друга коммуны вроде бабронских замков и средневековых цехов, долой всякую боязнь организованного распределения, хотя бы в первое время иногда и принудительного, долой личную свободу, где она мешает действительной свободе всех. Но это значит долой анархизм, как его до сих пор понимали его основатели.

При капиталистическом строе распределение общественного дохода, т.е. всех ценностей, создаваемых трудом в данной стране, приспособлено, прежде всего, к удовлетворению appetitов господствующих классов. Вообще, во всяком классовом обществе общественные группы, стоящие во главе производства и обладающие государственной властью, присваивают себе такую долю общественного продукта, которую только можно захватить, не подрывая в корне существования угнетенных и трудящихся классов, этой главной основы создания всяких ценностей. Во всяком классовом обществе распределение национального дохода, во-первых, основано на неравенстве. Это распределение является хаотическим, стихийным. Каждый класс получает то, что ему удастся урвать из общей суммы созданных ценностей после ожесточенной борьбы с другими классами, причем конечный итог распределения зависит от соотношения сил между борющимися. Чем класс экономически сильнее, организованнее и ближе к обладанию аппаратом государственной власти, тем большую долю национального дохода удастся ему оторвать для себя.

Но и в капиталистическом обществе распределение национального дохода связано с борьбой не только между классами, но и с борьбой внутри одного класса. Класс капиталистов, предпринимателей не только борется против общего повышения заработной платы рабочих, но и отдельный фабрикант стремится побить другого в отчаянной конкуренции на рынке. Впрочем, организация трестов, синдикатов и система государственного капитализма, сделавшая такие огромные успехи за период мировой войны, означают уже переход к иным формам распределения, к распределению национального дохода более организованному. Централизация профессионального движения и система тарифных ставок также вносят известную организованность в распределение с другой стороны, со стороны продавцов рабочей силы.

Коммунизм будет означать не только равенство в распределении, которое будет связано с уничтожением классов и превращением всех в равноправных работников, — он

будет означать также сознательное и организованное распределение общественного дохода, распределение не по силе, как это происходило раньше, а на совершенно других началах.

Казалось, наиболее справедливым было бы распределение общественного продукта сообразно трудовым затратам каждого.

Допустим, рабочий работал 8 часов в день и получает за это право на такое количество продуктов, изготовление которых также требует 8 часов труда. Каждый рабочий имеет свой отдельный счет в книжке и по количеству проставленных там, допустим за месяц, рабочих часов, которые он отдал обществу, он имеет право получить от общества соответствующее количество продуктов из общественных магазинов.

Но справедливость такого распределения на самом деле еще далека от истинного коммунизма. Тут каждый получает то, что дал, он возвращает себе обратно, только в другом виде, свой труд в количестве, равном тому, который дал.

Это еще не коммунизм в области распределения, а еще остаток мелкобуржуазной привычки отстаивать свое и отделять его от общего. Люди не рождаются равными по силе и по способностям. Одному 8-часовой рабочий день обойдется легче, чем другому.

Одному необходимо потреблять больше, другому — меньше.

Один семейный, другой холостой.

Между тем предметы потребления будут распределяться только на основании го-
лых цифр выработанного числа часов и не будут приниматься во внимание другие важные обстоятельства, связанные с размером потребностей и с физической силой работника.

Еще менее справедлив способ распределения продуктов в зависимости от количества выработки, представленного каждым работником. Разница в способностях, полученных от природы, здесь выступит еще более ярко, неравенство будет весьма большим, и коммунизм распределения будет отодвинут еще дальше.

Самым справедливым и истинно коммунистическим является лишь такое распределение, когда каждый член общества получает продуктов, имеющихся в избытке, по своим потребностям, а имеющихся в ограниченном количестве — поровну, вместе со всеми остальными, совершенно независимо от того, кто сколько работал и сколько сработал.

А вырабатывать каждый должен столько, сколько может по своим силам и способностям, не истощая себя на работе, но и сознательно не работая ниже того минимума, который в среднем установлен статистикой центрального совета народного хозяйства (или иной аналогичной организацией), установлен как минимум, выработка ниже которого связана с кризисом в народном хозяйстве и с недостатком в потреблении. Но когда работник не будет считать строгу часов выше нормы, то можно будет скоро не считать часов и ниже нормы, т.е. вообще не считать часов работы каждого. А это и будет значит: каждый дает обществу по своим силам и способностям. В число этих сил и способностей будет входить и чувство самопожертвования, и желание принести обществу как можно больше пользы, т.е. все лучшие социальные инстинкты и порывы человека, которые только при коммунизме в состоянии пробудиться в полной мере.

Таким образом, если для мелкого хозяйчика после окончания работы, напр[имер] шитья сапог, не только не кончается связь со своим продуктом, а, наоборот, только теперь начинается высчитывание, сколько моего труда в него вложено и сколько мне удастся за этот продукт получить, то у рабочего-коммуниста связь с продуктом его труда совершенно теряется после производства. Уже при крупном капиталистическом производстве рабочий, делающий какую-нибудь мелкую часть работы целого, напр[имер] паровоза, может всего предмета никогда не видеть в глаза. Чернорабочий и поденный рабочий часто еще менее в состоянии видеть и осязать плоды своего труда. След от работы остается либо в рабочей книжке пролетария, либо в книжке приемщика. Но все-таки

след остается, след количества работы. Право, вытекающее из этого количества, есть собственность рабочего, это часть его труда, на которую ему столько же отвесят других продуктов. Наоборот, при полном коммунизме теряется и этот след. Рабочник как бы вливает свой труд в огромный общественный чан, этот труд ему не принадлежит, и из этого чана на другом конце он открывает кран для удовлетворения своих потребностей. Миллионы вливают свой труд, миллионы потребляют по своим потребностям и не считаются с тем, дал ли человек больше и потребляет меньше или сработал меньше, а потребил больше.

Читатель может сказать: «Все это прекрасно, но мы от истинного коммунизма теперь очень далеки. Неужели уже теперь можно приступить к распределению на истинно коммунистических началах?»

Нет, ответим мы, право на истинный коммунизм нельзя декретировать, его надо заслужить, до него надо дорасти. И, разумеется, до момента осуществления полного коммунизма человечество должно пройти еще некоторый, быть может, довольно продолжительный и предварительный путь. При незакончившейся ломке буржуазных отношений, при еще менее законченной постройке коммунистического хозяйства, при многочисленных и глубоких, веками воспитывавшихся буржуазно-собственнических привычках в среде самого рабочего класса возможно лишь такое распределение, которое соответствует данной ступени развития. Перепрыгнуть через эту ступень нельзя, через нее надо пройти, поднявшись выше. И мы полагаем, что распределение окажется вещью второстепенной, раз в области самого производства дело будет поставлено на правильные коммунистические рельсы. Путем жизненного опыта, с одной стороны, вследствие быстрого роста производительных сил и избытка запасов продуктов – с другой, коммунистическое распределение неизбежно будет осуществлено.

В настоящий момент, если б даже нетрудовые классы были уничтожены, не только мы не имели бы экономического распределения, а, наоборот, мы еще стояли бы перед фактом классовой борьбы за наибольшую долю национального дохода между рабочими и крестьянами, т.е. борьбу внутри самих трудящихся. Не только кулак, но и просто крепкий зажиточный крестьянин, стремящийся продать муку и другие продукты деревни как можно дороже, противник хлебной монополии, он против учета его хозяйства органами государства. Почему он против учета?

Если оставить в стороне просто невежество да старую, вполне заслуженную неприязнь к государству, воспитанную в деревне царизмом, средний крестьянин против учета потому, что он ему невыгоден, он может обнаружить неравенство в распределении дохода между рабочим и крепким крестьянином к невыгоде первого. Крестьянская же беднота может только выиграть от сознательного и справедливого (относительно) распределения этого дохода. А распределить справедливо на трудовых началах доход между крестьянином и рабочим – значит установить твердые цены на все продукты промышленности так, чтобы в среднем, скажем, час, или день, или месяц работы средней напряженности оплачивался приблизительно одинаково.

Таким образом, в настоящий момент нам еще очень далеко до истинно коммунистического распределения. Нам необходимо на пути к нему, во-первых, уничтожить все без исключения источники нетрудовых доходов, сохранившиеся от буржуазного общества, введя трудовую повинность для бывших привилегированных классов. Затем необходимо мелкого хозяйчика превратить в работника социалистического общества и уничтожить в корне всякую возможность классовой борьбы внутри трудящихся за наибольшую долю общественного дохода. Далее, на опыте массам придется убедиться в преимуществах истинно коммунистического потребления. Сначала, например, семейные будут получать от государства добавочное вознаграждение. Затем огромное большинство увидит на деле, что распределять продукты по работникам не только несправедливо

по отношению к семейным и многосемейным, но и нецелесообразно. Сегодняшний холостой делается завтра женатым, послезавтра – семейным. То, что он выигрывал, будучи одиноким, будет проигрывать теперь, обзаведшись семьей.

В результате в выигрыше от такой системы распределения могут оказаться бездетные холостяки, т.е. такая группа, которая не возвращает роду того, что от него получили, – не возвращает жизни. Уже теперь во многих из возникших крестьянских коммун намечается распределение на началах, близких к настоящему коммунизму. То, что легко провести в отдельной коммуне, трудно, но не невозможно осуществить в государстве-коммуне. В дальнейшем, когда станет излишним поощрять производительность труда в отдельных коммунах и заводах особыми премиями за производство выше средней нормы, когда все члены коммунистического общества без учета часов работы в состоянии будут изготавливать в излишке необходимые продукты, когда накопление каких бы то ни было запасов будет абсолютно бесполезным и будет вызывать лишь смех, – тогда наступит время для истинно коммунистического распределения.

Таким образом, мы видим, что осуществление коммунистического распределения будет представлять из себя определенный закономерный процесс. Будет совершенствоваться коммунистическое производство, будет в связи с этим совершенствоваться и распределение, будет совершенствоваться и человек в благодетельных условиях общества, уничтожившего классы. И как бессмысленно в настоящий момент мечтать о немедленном и потому насильственном осуществлении коммунистического переустройства во всем хозяйстве, даже в мелком крестьянском, так бессмысленно пытаться применить в настоящую переходную эпоху такую систему распределения, которая свойственна укрепившемуся и зрелому коммунистическому обществу, воспитавшему на новых началах, быть может, не одно поколение людей.

Посмотрим теперь, как мыслится распределение продуктов в анархическом обществе. Анархизм в лице наиболее влиятельных своих теоретиков, как Кропоткин, Жан Грав, Малатеста, Реклю и т.д., высказывается за коммунистическое распределение на таких же основаниях, как и коммунизм, т.е. «каждый дает обществу по способностям, каждый получает от общества по потребностям».

Но трудность, разумеется, не в том, чтобы высказать благое пожелание, а в том, чтобы провести его в жизнь. И вот тут-то анархизм запутывается в неразрешимых противоречиях и на практике превращается в жалкую игрушку в руках мелкобуржуазной стихии.

Коммунизм не только провозглашает равенство в распределении, но и показывает, как мы видели ниже, при каких условиях может осуществиться действительно коммунистическое распределение. Анархисты находят лишним входить в обсуждение того, при каких условиях и в какой постепенности может осуществиться тот или иной пункт их программы.

Раз социальная революция началась, надо стремиться, чтобы каждый завод стал немедленно самостоятельной коммуной, а потребление сразу сделалось коммунистическим. Анархисты ждать не любят, а Кропоткин, например, предлагает начать прежде всего с распределения на коммунистических началах, а производство потом уже подогнать к размерам потребления. Правда, такой осторожный анархист, как Малатеста, предостерегает от мысли, что коммунистическое распределение можно осуществить при всяких условиях. Он находит, что для такого распределения люди должны достичь, что оно требует большой сознательности. Но наши русские анархисты не внемлют предостережениям Малатесты, потому что все почти принадлежит к партии «немедленных анархистов», за что уже теперь в достаточной мере наказаны, и по заслугам.

Спрашивается, как можно осуществить распределение на истинно коммунистических началах, когда каждый завод превращен в самостоятельную коммуну, когда

одна коммуна будет находиться в более выгодных условиях, другая в менее выгодных (например, один завод с усовершенствованной, другой с отсталой техникой) и когда, наконец, всякое принудительное уравнивание доходов анархизм считает недопустимым насилием?

А, кроме того, массы перенесены сразу из капиталистического общества в анархическое при том низком уровне сознательности, в котором их оставил развращавший их и душивший капитализм.

Задача, действительно, неразрешимая. Либо анархизм должен признать неосуществимость своего идеала немедленно во время социальной революции и считать неизбежными определенные стадии развития, пока общество дорастет до коммунистического потребления, либо ликвидировать возникшее затруднение наиболее легким способом: людей объявить ангелами и всякое предположение о том, что отдельные группы, превратившись в мелких буржуйчиков, будут защищать прежде всего свой групповой интерес, считать злостной клеветой на трудовой народ.

Анархисты предпочитают, конечно, второй выход, тем более что он удобен в интересах пропаганды: когда объявляешь массы ангелами и сверхсознательными членами общества, это никому не обидно.

В действительности же, если б заводы и фабрики превратились в момент социальной революции, например в России после октябрьского переворота, в самостоятельные коммуны, то не только не могло бы быть речи о коммунистическом распределении, а наоборот: отдельные рабочие группы оказались бы в положении величайшего неравенства, и внутри самого рабочего класса создалась бы почва для гражданской войны в самом худшем ее виде, войны отдельных групп работников с другими из-за дележа продуктов своего труда. Жизненный пример этого дала уже практика нашей революции, как будет указано ниже.

Иначе и быть не может. Бытие определяет сознание людей. Если при капитализме отдельные групповые интересы внутри пролетариата отступали на задний план перед общими интересами всего класса, на который давил капитал, то с уничтожением власти капитала эти групповые, профессиональные интересы должны снова зашевелиться.

При коммунистическом хозяйстве отдельным группам работников не будет никакой возможности наживаться за счет других, потому что распределение будет производиться выбранными большинством рабочих органами и будет производиться распределение в интересах подавляющего большинства.

Не то при анархизме. Каждая самостоятельная коммуна-завод может стать твердой ней для защиты узких групповых интересов именно данного завода, а не всех работников общества, и это поведет к тому неравенству в распределении, от которого каждый честный анархист должен прийти в ужас.

Возьмем пример. После революции перед нами, допустим, будет ряд заводов-коммун на Юге и [в] Петрограде, ряд таких же заводов-коммун на Урале. При теперешней технике на большинство заводов Урала производительность труда здесь в два-три раза ниже, чем на Юге. Поэтому каждый средний завод-коммуна Юга будет выбрасывать при том же рабочем дне и количестве рабочих в два-три раза больше продуктов. Допустим, далее, продукты эти заводские коммуны обменивают на другие продукты. Кто больше получит в обмен, рабочий Юга или рабочий Урала?

Рабочий Урала окажется обделенным, и не по своей вине, а потому что уральские хищники-заводчики не заботились о поднятии техники.

Таким образом, даже в одной отрасли промышленности не будет равенства в распределении. Что ни завод, то особая норма выработки и особая норма дохода. Мало того. Отрасли промышленности, наиболее важные для всего хозяйства страны, имели бы возможность добиться привилегированного положения за счет менее важных. Таким

образом, не только один рудник-коммуна, более богатый рудой или углем, чем другой, давал бы больше дохода работающим на нем, но и вся угольная промышленность в состоянии была бы обеспечить ее работникам в целом более выгодные условия, чем другие менее важные отрасли труда.

Положение создалось бы здесь в некотором отношении даже хуже, чем при капитализме. При капитализме свободные капиталы имели возможность приливать в ту или иную отрасль промышленности и привилегированное монопольное положение отдельных отраслей было почти невозможно. При существовании свободных анархических заводов-коммун уничтожить привилегированное положение отдельных заводов и отраслей промышленности, без принуждения и организованного давления большинства обираемых, было бы невозможно. Единственное средство — это открывать конкурирующие предприятия. А на какие средства их открывать? Ввести налоги? Но каждый анархист должен закричать караул, потому что налоговая система предполагает государственный аппарат.

Составлять добровольные союзы коммун, заинтересованных в уничтожении монополии?

Это возможно. Но невозможно ничем удержать тех же углекопов и железнодорожников, чтобы они не начали борьбы с теми союзами, которые подкапываются под их монопольное положение. Борьба может привести к воссозданию уничтоженной анархистами власти, которая попадет той стороне, которая окажется сильнее, и закрепит ее победу. В лучшем случае монопольные организации штыками и другими способами сумеют отстоять свое монопольное привилегированное положение, если большинство будет бояться провести свое решение путем организованного давления, и в результате свобода для меньшинства окажется насильем и ограничением для большинства. Одним будет свободно и просторно только потому, что другим будет тесно.

Что анархо-синдикализм на практике ведет лишь к выделению привилегированных групп в рабочем классе, к обкрадыванию одних слоев рабочих другими, к усилению низкособственнических привычек — об этом ярко говорит хотя бы пример Черемховских копей. На этих копиях анархисты получили преобладание, и результаты не замедлили сказаться. Черемховские рабочие объявили копи «своими», выступили против всякой национализации копей и провели в жизнь такой «коммунизм» в области распределения, от которого стали дыбом волосы у всех идейных анархистов. Они назначили цену за «свой» уголь в 60 коп. пуд и отказались давать уголь иначе, как за наличные, хотя бы Сибирская дорога стала вследствие отсутствия угля. Домогателем черемховских анархистов пришлось удовлетворить, чтобы не остановить Сибирскую ж.д., и в результате углекоп Черемхова стал зарабатывать 50 руб. в день, в то время как средняя плата в других отраслях труда и других местах была в 5 раз ниже.

Вот пример того «коммунистического распределения», к которому на деле ведет превращение отдельных фабрик и заводов в самостоятельные коммуны. Рабочие Черемхова, вызвавшие своими хищническими наклонностями протесты самих анархистов, поступили вполне по рецепту своих учителей. Во-первых, немедленно превратили копи в самостоятельную «коммуну» и пригрозили взорвать шахты, если рабочая власть вздумает их социализировать. Затем они вступили в добровольное «соглашение» с железной дорогой и установили «коммунистическое распределение». И когда анархисты возмущаются своими усердными учениками, проводящими в жизнь их программу, то они обвиняют рабочих в том, в чем виноват анархизм. Нетрудно провозгласить немедленно коммунистическое распределение. Неумно возмущаться, когда на деле получается обирательство одной группой рабочих всей массы трудящихся. Еще менее умно переносить свое возмущение не на свою бездарность и неспособность понять связь между способом производства и способом распределения, а на рабочих, которых сами же анархисты,

и отнюдь не по вине рабочих, считают ангелами, способными в каждый данный момент осуществить анархизм.

В противоположность анархистам коммунисты подвигаются вперед к действительно коммунистическому распределению не таким путем, что объявляют эту задачу пустяковой, а массы вполне доросшими до ее осуществления. Они начинают с того, что объявляют задачу трудной, берут массы такими, какие они есть в действительности, намечают путь, который ведет к цели отнюдь не в зависимости от благочестивых пожеланий отдельных групп трудящихся.

Коммунистическое распределение может и должно осуществляться, как неизбежный результат коммунистического производства на его высшей ступени. Тогда коммунистами в распределении будут не только лучшие и сознательные группы – по желанию, но и сами люди с мелкобуржуазными наклонностями – по необходимости, если только вообще эта наследственная болезнь будет тогда встречаться.

Преображенский, Е.А.

Анархизм и коммунизм. М., 1918. С. 32–71.

№ 3. КНИГА Н.И. БУХАРИНА И Е.А. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
«АЗБУКА КОММУНИЗМА»

Популярное объяснение программы
Российской коммунистической партии большевиков²

[1919 г.]*

Крепкой как сталь, воплотившей в себе все величие и мощь пролетарского класса, его героизм, ясность его классового разума, смертельную ненависть к капиталу и могучий порыв к созданию нового общества, — славной Коммунистической партии посвящаем мы эту книгу:

посвящаем ее партии, которая командует миллионной армией и лежит в окопах, управляет государством огромной страны и грузит дрова на своих субботниках, подготавливая воскресный день человечества;

мы посвящаем ее старой партийной гвардии, закаленной в боях и победах, и молодым побегам партии, которым суждено доделать наше дело до конца;

борцам и мученикам партии, погибшим на многочисленных фронтах, замученным в тюрьмах, умершим от пыток, повешенным и расстрелянным нашими врагами за дело партии, посвящаем мы эту книгу.

ПРЕДИСЛОВИЕ

15 октября 1919 г.

«Азбука коммунизма» должна быть, по нашему замыслу, первоначальным учебником коммунистической грамоты. Повседневный опыт пропагандистов и агитаторов убедил нас, что в таком «учебнике» ощущается громадная потребность. К нам подходят все новые и новые ряды. Лекторских сил крайне мало, а руководств нет даже для таких учреждений, как партийные школы. Старая марксистская литература, вроде «Эрфуртской программы», явно не годится в значительной части, а ответы на новые вопросы очень трудно найти: все это разбросано по отдельным журналам, книжкам и брошюрам.

Существующий пробел мы и решили восполнить. На нашу «Азбуку» мы смотрим, как на элементарный курс, который нужно проходить в партийных школах; но мы старались его написать так, чтобы его мог и самостоятельно прочесть всякий рабочий или крестьянин, желающий познакомиться с программой нашей партии.

Каждый товарищ, взявший в руку книжку, должен прочесть ее до конца, чтобы вывести представление о целях и задачах коммунизма. Ибо книжка написана так, что изложение расположено в том же порядке, как и в самом тексте программы. В конце, для

* Печатается по изданию 1920 г.

удобства читателей, приложен и этот текст*, который разделен на параграфы; каждому параграфу программы соответствует несколько разъясняющих параграфов книжки, которые тут же обозначены. Для разного рода справок имеется указатель, по которому легко разыскать нужное слово*.

Основные сведения напечатаны обычным шрифтом; мелким шрифтом напечатаны более подробные разъяснения, примеры, цифры и т.д. Это преимущественно материал для товарищей-рабочих, которым приходится выступать самим и которым некогда и негде навести быстро справку фактического характера.

Для тех, кто желает идти дальше, указана основная литература к каждой главе.

Авторы отлично знают, что в книге будет много недостатков: она писалась урывками, «между делом». Коммунистам приходится вообще заниматься литературной работой при условиях не совсем обычных, и в этом отношении как раз данная книжка представляет любопытный образец: рукопись едва не погибла (вместе с обоими авторами) при взрыве в Московском комитете... Но, несмотря на недостатки книги, мы считаем все же необходимым выпустить ее в свет самым быстрым порядком. Мы только просили бы товарищей сделать нам свои указания, которые подскажет им практика.

Вся теоретическая (первая) часть, начало второй, а также главы о советской власти, об организации промышленности и здравоохранении написаны Бухариным, остальные главы – Преображенским. Но само собою разумеется, что мы оба несем полную ответственность друг за друга.

Название нашей книжки («Азбука») вытекает из той задачи, которую мы себе ставили. Если наша книжка поможет начинающим товарищам и рабочим-пропагандистам, мы будем считать, что проделали эту работу не зря.

Н. Бухарин
Е. Преображенский

1. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА И ЕГО ГИБЕЛЬ

ВВЕДЕНИЕ

Наша программа

*§ 1. Что такое программа? § 2. Какой была наша прежняя** программа? § 3. Почему нужно было перейти к новой программе? § 4. Значение нашей программы.*

§ 5. Научный характер нашей программы.

§ 1. Что такое программа? Всякая партия добивается определенных целей. Будь то партия помещиков или капиталистов, будь то партия рабочих или крестьян – все равно. Любая партия должна иметь свои цели, иначе и нет партии. Если это партия, которая защищает интересы помещиков, у нее будут помещичьи цели: как бы удержать землю в своих руках, как бы надеть намордник на крестьянина, как бы подороже продавать

* Не публикуется.

** При изложении самого параграфа (с. 418) – старая. Такие несоответствия есть и в других параграфах.

хлеб из своих имений да подешевле нанимать батраков или подороже брать за аренду. Если это партия капиталистов-фабрикантов, у нее тоже свои цели: иметь дешевые рабочие руки, обуздывать фабричных рабочих, находить покупателей, которым можно подороже продавать свой товар, получать побольше прибыли, заставляя для этого рабочих дольше работать, а главное – так вести дело, чтобы у рабочих и мысли не было о новых порядках; пусть рабочие думают, что всегда хозяева были, всегда и останутся. Таковы цели фабрикантов. Само собой разумеется, что у рабочих и крестьян совсем другие цели, потому что у них совсем другие интересы. Раньше говорили: «Что русскому здорово, то немцу смерть». На самом деле вернее сказать: «Что рабочему здорово, то помещику и капиталисту смерть». Значит, у рабочего одни задачи, у капиталиста другие, у помещика третьи. Но не всякий помещик думает до конца, как бы ему самым хорошим способом доехать мужичка: иной пьет без просыпу и не глядит даже, что ему приказчик показывает. То же и с крестьянином, и с рабочим бывает. Есть такие, которые говорят: «Ну, мы как-нибудь проживем, наше дело – сторона; как жили наши деды испокон веку, так и мы будем жить». Вот эти люди ни во что не входят и не понимают даже своих собственных интересов. Наоборот, те, кто думает, как бы лучше свои интересы защитить, организуются в партию. В партию, стало быть, входит не весь класс целиком, а его самая лучшая, самая энергичная часть; она за собой ведет и остальных. В рабочую партию (партию коммунистов-большевиков) идут лучшие рабочие и крестьяне-бедняки; в партию помещиков и капиталистов («кадеты», «партия народной свободы») – самые энергичные помещики, капиталисты и их слуги: адвокаты, профессора, офицеры и генералы и т.д. Каждая из партий представляет, следовательно, самую сознательную часть своего класса. Поэтому помещик или капиталист, который организован в партию, будет успешнее бороться с крестьянином и рабочим, чем неорганизованный. Точно так же партийный рабочий будет успешнее бороться с капиталистом и помещиком, чем беспартийный, потому что он обдумал хорошо цели и интересы рабочего класса, знает, как к ним идти и каков самый короткий путь.

Все те цели, к которым стремится партия, защищая интересы своего класса, и составляют партийную программу. В программе, значит, написано, к чему должен стремиться определенный класс. В программе коммунистической партии сказано, чего должны добиваться рабочие и крестьянская беднота. Программа есть самое важное во всякой партии. По программе всегда можно узнать, чьи интересы эта партия защищает.

§ 2. Какой была наша старая программа? Наша теперешняя программа была принята на 8-м съезде партии в конце марта 1919 г. До этого у нас не было точной программы, записанной на бумаге. Была только старая программа, выработанная на 2-м съезде партии в 1903 г. Когда эта старая программа вырабатывалась, большевики и меньшевики составляли одну партию, и программа у них была общая. Рабочий класс тогда только-только начал организовываться. Фабрик и заводов было гораздо меньше. Тогда еще шли даже споры о том, будет ли у нас расти рабочий класс. Народники (отцы теперешних эсеров) доказывали, что рабочему классу не суждено развиваться на Руси, что у нас не будут расти фабрики и заводы. Марксисты* – социал-демократы (и будущие большевики, и будущие меньшевики) – полагали, наоборот, что в России, как и в остальных странах, будет увеличиваться рабочий класс и что этот рабочий класс и составит главную революционную силу. Жизнь показала неправильность мнений народников и правильность взгляда социал-демократов. Но когда социал-демократы на 2-м съезде вырабатывали свою программу (в ее выработке принимали участие и Ленин, и Плеханов), тогда силы рабочего класса все же были очень слабы. Вот почему никто не думал тогда,

* Марксисты – ученики Карла Маркса, великого ученого и рабочего вождя. (Прим. автора.)

что можно будет непосредственно идти на ниспровержение буржуазии. Тогда добро бы было свернуть шею царизму, добиться свободы союзов для рабочих и крестьян наряду со всеми; осуществить восьмичасовой рабочий день и поприжать помещика. О том, чтобы осуществить рабочую власть на долгий срок, о том, чтобы поотбирать немедленно фабрики и заводы у буржуазии, еще никто и не думал. Такова была наша старая программа 1903 г.

§ 3. Почему нужно было перейти к новой программе? С тех пор прошло до революции 1917 г. много времени, и обстоятельства сильно переменялись. В России за это время крупная промышленность сделала большой шаг вперед, а вместе с нею увеличился и рабочий класс. Уже в революцию 1905 г. он показал себя крупной силой. А ко времени второй революции (1917 г.) стало ясно, что революция победит лишь тогда, когда победит рабочий класс. Но рабочий класс не мог уже теперь удовлетворяться тем, чем он готов был удовлетвориться в 1905 г. Теперь он настолько вырос, что неизбежно должен был требовать захвата фабрик и заводов, рабочей власти, обуздания класса капиталистов. Значит, со времени составления первой программы коренным образом изменились внутренние отношения в России. Но — что еще важнее — точно так же изменились и внешние отношения. В 1905 г. во всей Европе была «тишь да гладь». В 1917 г. всякий понимающий человек должен был видеть, что на почве мировой войны надвигается всесветная революция. В 1905 г. за русской революцией последовало лишь небольшое движение австрийских рабочих да революции в отсталых странах Востока: Персии, Турции, Китае. За русской революцией 1917 г. следуют революции не только на Востоке, но и на Западе, где рабочий класс выступает под знаменем свержения капитала. Следовательно, и внутренняя, и внешняя обстановка теперь иная, чем в 1903 г. И было бы смешно, чтобы партия рабочего класса имела одну и ту же программу для 1903 г. и для 1917–1919 гг., в то время как обстоятельства совершенно переменялись. Когда меньшевики упрекают нас в том, что мы «отказались» от нашей старой программы и, следовательно, отказались от учения Маркса, мы на это отвечаем: учение Маркса состоит в том, чтобы строить программу не из головы, а из жизни. Если жизнь сильно изменилась, то и программа не может оставаться прежней. Зимой человеку нужна шуба. Летом шубу может носить только сумасшедший. То же и в политике. Маркс как раз тому и учил, чтобы каждый раз присматриваться к жизненным условиям и действовать в соответствии с ними. Из этого не следует, что мы должны менять свои убеждения, как барыня меняет свои перчатки. Рабочий класс имеет своей самой важной целью осуществление коммунистического строя. И эта цель — у него постоянная цель. Но само собой разумеется, что в зависимости от того, как далеко он от этой цели стоит, у него будут различны и те требования, которые он выставляет. При самодержавии рабочий класс был загнан в подполье, его партия преследовалась, как партия преступников. Теперь рабочий класс стоит у власти, и его партия — правящая партия. Конечно, только совсем непонимающий человек может настаивать на одной программе для 1903 г. и для наших дней.

Итак, изменение внутренних условий русской жизни и изменение всего международного положения вызвали необходимость и в изменении нашей программы.

§ 4. Значение нашей программы. Наша новая, московская программа есть первая программа партии рабочего класса, который уже много времени стоит у власти. Поэтому здесь нашей партии нужно было учесть весь опыт, который накопился у рабочего класса в деле управления и строительства новой жизни. Это важно не только для нас, для русского рабочего класса и русской деревенской бедноты, но и для зарубежных товарищей. Ибо на наших успехах и неудачах, на наших ошибках и промахах учимся не только мы сами, но и весь международный пролетариат. У нас в программе есть поэтому не только то, что наша партия хочет осуществить, но также и то, что она частью осуществила.

Для каждого члена партии наша программа должна быть известна во всех своих пунктах. Она есть важнейшее руководство в деятельности каждой партийной ячейки и каждого отдельного товарища. Ведь членом партии может быть только тот, кто «разделяет» программу, т.е. считает ее правильной. А считать ее правильной можно только тогда, если ее знаешь. Есть, конечно, много людей, которые никакой программы и в глаза не видели, но которые пролезают в коммунисты и боятся коммунизмом, потому что думают, как бы какой лишний кусочек прихватить или тепленькое местечко заполучить. Таких членов партии нам не надо: они приносят только один вред. Без знания программы никто не может быть настоящим коммунистом-большевиком. Каждый сознательный русский рабочий и крестьянин-бедняк должен знать программу нашей партии. Каждый заграничный пролетарий должен присматриваться к ней, чтобы использовать опыт русской революции.

§ 5. Научный характер нашей программы. Мы уже сказали, что программу нельзя выдумывать из головы, а нужно брать ее из жизни. До Маркса люди, которые защищали интересы рабочего класса, часто рисовали сказочные картины про будущий рай, а не спрашивали себя, можно ли его достигнуть, и не видели правильного пути для рабочего класса и бедноты. Маркс учил действовать по-иному. Он брал плохие, несправедливые, варварские порядки, которые и до сих пор еще царят во всем мире, и рассматривал, как эти порядки устроены. Все равно, как если бы мы стали рассматривать какую-нибудь машину или, скажем, часы, так Маркс рассматривал капиталистический строй, в котором царствуют фабриканты и помещики, а рабочие и крестьяне угнетены. Предположим, что мы заметили, как два колесика в часах плохо подогнаны одно к другому, и увидели, что с каждым поворотом они зацепляются все больше и больше. Тогда мы сможем сказать, что часы сломаются и stanут. Маркс рассматривал не часы, а капиталистическое общество; он изучал его, изучал жизнь при господстве капитала. И он ясно увидел на основе этого изучения, что капитал сам рвет себе могилу, что эта машина лопнет и что лопнет она из-за неизбежного восстания рабочих, которые переделают весь мир по-своему.

Всем своим ученикам Маркс завещал прежде всего изучать настоящую жизнь, как она есть. Только тогда можно построить и правильную программу. Поэтому немудрено, что в начале нашей программы идет изображение господства капитала.

Теперь господство капитала свергнуто в России. То, что предсказывал Маркс, происходит на наших глазах. Старые порядки терпят крах. Короны слетают с королей и императоров. Рабочие повсеместно идут к революции и к установлению повсюду с о в е т с к о й в л а с т и. Чтобы понять как следует, почему это произошло, нужно хорошо знать, каковы были капиталистические порядки. Тогда мы увидим, что они н е и з б е ж н о должны были лопнуть. А если у нас будет сознание, что к старому нет возврата, что победа рабочих обеспечена, тогда мы с большей силой и уверенностью поведем борьбу за новый трудовой строй.

Литература [к введению]: 1) Протоколы апрельской конференции 1917 г.; 2) Материалы по пересмотру партийной программы; 3) журнал «Спартак», № 4–9, статьи Бухарина и Смирнова; 4) статья Н. Ленина в журн. «Просвещение», № 1–2 за 1917 г.; 5) Протоколы 8-го съезда. По вопросу о научном характере марксистской программы см. литературу о научном социализме: Г о л у б к о в. Утопический и научный социализм; Э н г е л ь с Ф. От утопии к научной теории; М а р к с и Э н г е л ь с. Коммунистический манифест. Для знакомства с общим характером программы см. брошюру: Б у х а р и н. Программа коммунистов-большевиков. Из этой литературы популярной является только последняя брошюра да отчасти брошюра Голубкова. Остальные работы читаются труднее. (Здесь и далее – список литературы соответствует оригиналу. – Ред.)

Глава I Капиталистический строй

§ 6. Товарное хозяйство. § 7. Монополизация средств производства классом капиталистов. § 8. Наемный труд. § 9. Капиталистические производственные отношения. § 10. Эксплуатация рабочей силы. § 11. Капитал. § 12. Капиталистическое государство. § 13. Основные противоречия капиталистического строя.

§ 6. Товарное хозяйство. Если присмотреться к тому, как ведется хозяйство при господстве капитала, то мы увидим, прежде всего, что здесь производятся **т о в а р ы**. Ну, что же тут замечательного? – спросит кто-нибудь. А замечательного тут то, что товар – это не просто любой продукт, а тот, который производится на **р ы н о к**.

Продукт не есть товар, когда он производится для себя, для собственного употребления. Если крестьянин сеет рожь, собирает урожай, а потом молотит, смалывает зерно и печет хлеб для себя, этот хлеб вовсе не товар: он просто хлеб. Товаром он будет только тогда, когда его начнут покупать и продавать, когда, значит, он будет производиться на покупателя, на рынок: кто купит, того он и будет.

При капиталистическом строе все продукты производятся на рынок, все они становятся товарами. Каждая фабрика, завод или мастерская производит обыкновенно только один какой-нибудь продукт, и всякий поймет сразу, что здесь продукт производится не для себя. Когда владелец бюро похоронных процессий имел мастерские, где выделывались гроба, ясно было, что он эти гроба готовил не для себя и своего семейства, а на рынок. Когда фабрикант производил кастрюлю, то опять-таки ясно, что даже если бы он ежедневно страдал расстройством желудка, и то он не мог бы потратить и самой маленькой доли того количества кастрюли, которое выпускала его фабрика. Но точно так же обстоит дело при капитализме и со всеми производствами, какое ни возьми.

На пуговичной фабрике выделываются пуговицы, но эти миллионы пуговиц производятся не для того, чтобы их пришивали к жилетке пуговичного фабриканта, а для продажи. Все, что производится в капиталистическом обществе, производится на рынок; туда поступают и перчатки, и вареная колбаса, и книжки, и вакса, и машины, и водка, и хлеб, и сапоги, и ружья – словом, все, что производится.

Товарное хозяйство обязательно предполагает частную собственность. Ремесленник и кустарь, который производит товары, владеет своей мастерской и своим инструментом; фабрикант и заводчик – своей фабрикой и заводом со всеми пристройками, машинами и прочим добром. А когда есть частная собственность и товарное хозяйство, то всегда есть борьба за покупателя, или конкуренция между продавцами. Даже когда не было фабрикантов, заводчиков, крупных капиталистов, а были лишь одни трудовые ремесленники, то эти ремесленники вели между собой борьбу за покупателя. И кто был покрепче, покрепчестее, кто имел лучшие инструменты и был ловчее, а особенно кто деньжонок понакопил, тот всегда оказывался наверху, покупатель отбивал себе, других ремесленников разорял, сам лез в гору. Значит, мелкая трудовая собственность и основанное на ней товарное хозяйство таили в себе зародыш крупной собственности и разорение многих.

Итак, первым признаком капиталистического строя является товарное хозяйство, т.е. хозяйство, производящее на рынок.

§ 7. Монополизация средств производства классом капиталистов. Один признак товарного хозяйства еще недостаточен для капитализма. Может быть такое товарное

хозяйство, когда нет никаких капиталистов: таково, например, хозяйство трудовых ремесленников. Они производят на рынок, свои продукты продают; эти их продукты являются, следовательно, товарами, а все производство — товарным производством. И тем не менее это еще не будет капиталистическое производство, а всего-навсего простое товарное производство. Чтобы простое товарное производство перешло в производство капиталистическое, нужно еще превращение средств производства (орудий, машин, зданий, земли и т.д.) в собственность немногочисленного класса богачей-капиталистов, с одной стороны, разорение большого числа самостоятельных ремесленников и крестьян и превращение их в рабочих — с другой.

Мы уже видели, что простое товарное хозяйство таит в себе зародыш разорения одних и обогащения других. Это и оправдалось на деле. Во всех странах трудовые ремесленники и мелкие хозяйчики в большей своей части разорялись. Кто был победнее, продавал в конце концов свой «струмент», из хозяйчика превращался в человека, у которого ровно ничего нет, кроме пары рук. А те, кто был побогаче, стали еще богаче; они свои мастерские перестроили, расширили, поставили лучшие станки, а потом и машины, стали нанимать много рабочих, превратились в фабрикантов.

Мало-помалу в руках этих богачей очутилось все, что нужно для производства: фабричные здания, машины, сырье, товарные склады и магазины, дома, заводы, рудники, железные дороги, пароходы, земля — словом, все, без чего нельзя производить. Все эти средства производства стали исключительной собственностью класса капиталистов (или, как говорят, «монополией» класса капиталистов). Кучка богатых владеет всем; громадное количество бедняков владеет только рабочими руками. Эта монополия класса капиталистов на средства производства есть второй признак капиталистического строя.

§ 8. Наемный труд. Многочисленный класс людей, которые остались без всякой собственности, превращался в наемных рабочих капитала. В самом деле, что оставалось делать разорившемуся крестьянину или ремесленнику? Либо наниматься в батраки к капиталисту-помещику, либо идти в город и там наниматься на фабрику или завод. Другого выхода не было. Так возник наемный труд, третий признак капиталистического строя.

Что же такое наемный труд? Когда раньше были крепостные или рабы, тогда каждого крепостного или раба можно было продать и купить. Люди, с кожей, волосами, носами и руками, были частной собственностью господ. Господин запарывал на конюшне своего крепостного до смерти, точно так же, как, скажем, напившись, ломал стул или кресло. Крепостной или раб был простой вещью. У древних римлян господское добро, нужное для производства, так и делилось на: «немые орудия» (вещи), «орудия полуговорящие» (рабочий скот, овцы, коровы, быки и т.д. — словом, те, кто мог мычать) и «орудия говорящие» (рабы, люди). И лопата, и бык, и раб были для господина в одинаковой степени орудием, которое он мог продать, купить, уничтожить и истребить.

При наемном труде сам человек не продается и не покупается. Продается и покупается только его рабочая сила, не сам человек, а его трудовая способность. Наемный рабочий лично свободен; фабрикант не может его выпороть на конюшне, или продать своему соседу, или выменять на борзого щенка, что было возможно при крепостном праве. Рабочий сам только нанимается. По видимости, выходит даже, что капиталист и рабочий как будто бы и равны: «Не хочешь — не работай, никто тебя не неволит» — так говорят господа-фабриканты. Они даже утверждают, что кормят рабочих, дают им работу.

На самом деле, конечно, рабочие и капиталисты находятся вовсе не в одинаковых условиях. Рабочие привязаны цепью голода. Голод заставляет их нанимать-

ся, т.е. продавать свою рабочую силу. Для рабочего нет другого выхода – он выбрать ничего не может. Голыми руками «свое» производство вести нельзя; попробуй-ка без машин и инструментов лить сталь, или ткать, или строить вагоны! Да даже и земля сама вся при капитализме в частных руках: остановиться негде, чтобы хозяйство вести. Свобода торговли рабочей силой, свобода для капиталиста покупать ее, «равенство» капиталиста и рабочего – все это на самом деле есть цепь голода, заставляющая трудиться на капиталиста.

Таким образом, сущность наемного труда состоит в продаже рабочей силы или в превращении рабочей силы в товар. В простом товарном хозяйстве, о котором шла речь раньше, на рынке можно было встретить молоко, хлеб, ткани, сапоги и т.д., но нельзя было встретить рабочей силы. Рабочая сила не продавалась. Ее собственник, ремесленник, имел кроме нее еще и домишко, и инструменты. Он сам работал, вел свое трудовое хозяйство, свою собственную рабочую силу пускал в ход в своем же хозяйстве. Совсем иное при капитализме. Здесь тот, кто работает, не имеет средств производства; он не может употребить свою рабочую силу в своем же хозяйстве: он должен, чтобы не умереть с голоду, продать ее капиталисту. Образуется рядышком с рынком, где продают хлопок, сыр или машины также рынок труда, где пролетарии, т.е. наемные рабочие, продают свою рабочую силу. Следовательно, от простого товарного хозяйства капиталистическое хозяйство отличается тем, что в капиталистическом хозяйстве товаром становится и сама рабочая сила.

Итак, третьим признаком капиталистического строя является наемный труд.

§ 9. Капиталистические производственные отношения. Признаками капиталистического строя являются, следовательно, три признака: производство на рынок (товарное производство); монополизация средств производства классом капиталистов; наемный труд, т.е. труд, основанный на продаже рабочей силы.

Все эти признаки касаются вопроса, в каких отношениях друг к другу стоят люди, когда они производят продукты и распределяют их. Когда говорят «товарное хозяйство» или «производство на рынок», что это означает? Это означает, что люди трудятся друг на друга, но каждый производит в своем хозяйстве на рынок, заранее не зная, кто у него купит товар. Предположим, что у нас есть ремесленник Иванов и крестьянин Сидоров. Ремесленник Иванов несет на базар сапоги, которые он выделывает, и продает их Сидорову, а на вырученные деньги покупает у Сидорова хлеб. Иванов, когда шел на рынок, не знал, что он там встретит Сидорова, а Сидоров не знал, что он встретит там Иванова; и тот и другой просто шли на рынок. Когда Иванов купил хлеб, а Сидоров сапоги, вышло так, что Сидоров работал на Иванова, а Иванов на Сидорова, – только это сразу не видно. Тут рыночная толчае скрывает от людей, что они, в сущности, работают друг на друга и друг без друга не могут жить. При товарном хозяйстве люди трудятся друг для друга, но неорганизованно и независимо друг от друга, сами не зная, насколько они друг другу нужны. При товарном производстве люди, следовательно, расставлены на особый манер, находятся в определенных отношениях друг к другу; здесь, значит, идет речь об отношениях между людьми.

Когда говорят «монополизация средств производства» или «наемный труд», тогда точно так же речь идет об отношениях между людьми. В самом деле, что означает эта «монополизация»? Она означает, что люди трудятся при таких условиях, что те, кто работает, работают на чужих средствах производства; что трудящиеся подчинены собственникам этих средств производства, т.е. капиталистам, и т.д. Словом, здесь тоже

речь идет о том, в каких отношениях стоят люди друг к другу, когда они производят продукты. Эти отношения между людьми во время (в процессе) производства называются производственными отношениями.

Нетрудно видеть, что производственные отношения вовсе не всегда были одинаковы. Когда-то, очень давно, люди жили небольшими общинами, сообщая, по-товарищески, работали (охотились, ловили рыбу, собирали плоды и корни), а потом все между собой делили. Это — одни производственные отношения. Когда было рабство, были другие производственные отношения. При капитализме — третьи и так далее. Следовательно, бывают разные виды производственных отношений. Эти виды производственных отношений называются экономическим строением (структурой) общества, или способом производства.

«Капиталистические производственные отношения», или, что то же самое, «капиталистическая структура общества», или «капиталистический способ производства» — это отношения между людьми при товарном хозяйстве, монопольном владении средствами производства со стороны кучки капиталистов и наемном труде рабочего класса.

§ 10. Эксплуатация рабочей силы. Возникает вопрос, для чего и почему класс капиталистов нанимает рабочих. Всякий знает, что это происходит совсем не потому, что фабриканты хотят накормить голодных рабочих, а потому, что они хотят **в ы ж а т ь** из них **п р и б ы л ь**. Из-за прибыли строит фабрикант свою фабрику, из-за прибыли нанимает рабочих, из-за прибыли нюхает повсюду, где дороже дают. Прибыль движет всеми его расчетами. В этом тоже очень любопытная черта капиталистического общества. Здесь ведь не само общество производит, что ему нужно и полезно, а **к л а с с** **к а п и т а л и с т о в** заставляет производить рабочих то, за что больше дают, за что можно выручить **б о л ь ш у ю** **п р и б ы л ь**. Водка, например, очень вредная вещь, и спирт можно было бы производить только для технических целей и на лекарства. Но во всем мире капиталисты производят его изо всех сил. Почему? Потому что от спаивания народа получается большая прибыль.

Но нам нужно выяснить, как же получается эта прибыль. Для этого рассмотрим вопрос подробнее. Капиталист получает прибыль в виде денег тогда, когда он продал товар, производимый у него на фабрике. Сколько денег он выручит за свой товар? Это зависит от **ц е н ы** **т о в а р а**. Возникает теперь вопрос, чем эта цена определяется, почему на один товар она высокая, на другой низкая. Нетрудно заметить, что если в каком-нибудь производстве ввели новые машины и труд там стал успешнее, или, как говорят, он стал **п р о и з в о д и т е л ь н е е**, то цена на товар падает. Наоборот, когда производство затруднено, товаров добывается мало, труд малоуспешен или малопроизводителен, тогда цена на товар повышается*. Много труда нужно обществу ухлопать в среднем на то, чтобы выделывать штуку товара, — его цена стоит высоко; мало труда приходится затрачивать — цена низкая. **К о л и ч е с т в о** **о б щ е с т в е н н о г о** **т р у д а** **п р и** **с р е д н е й** **т е х н и к е** (т.е. не при самых лучших и не при самых худших машинах и орудиях), затраченное на производство товара, называется **ц е н н о с т ь ю** (или **с т о и м о с т ь ю**) этого товара. Теперь мы видим, что цена определяется ценностью. В действительности цена бывает то выше, то ниже ценности, но мы для простоты можем считать, что это одно и то же.

* Мы тут не говорим об изменении цен в зависимости от денег: много их или мало, золотые они или бумажные. Эти изменения могут быть очень большими, но тогда они отражаются на всех товарах сразу, что не объясняет разницы в ценах на один товар и на другой. Например, большое количество бумажек страшно вздуло цены во всех странах. Но эта всеобщая дороговизна не объясняет, почему один товар стоит дороже другого. (Прим. автора.)

Теперь вспомним, что мы говорили о найме рабочих. Наш рабочий — это продажа особого товара, имя которому — рабочая сила. Но раз рабочая сила попала в товары, то, что годится для всех товаров, годится и для нее: «назвался груздем — полезай в кузов». Когда капиталист нанимает рабочего, он выплачивает ему цену его рабочей силы (или ценность ее, для простоты). Чем эта ценность определяется? Мы видели, что она у всех товаров определяется количеством труда, затраченного на нее производством. Это же годится и для рабочей силы.

Но что значит производство рабочей силы? Ведь рабочая сила не производится на фабрике: она не холст, не вакса, не машина. Как же это понять? Достаточно поглядеть на настоящую жизнь при капитализме, чтобы сообразить, в чем дело. Предположим, что рабочие только что кончили работу. Они измотались, из них выжаты все соки, они работать больше не могут. Их рабочая сила почти израсходована. Что нужно, чтобы ее восстановить? Поест, отдохнуть, поспать, поддержать свой организм и тем «восстановить свои силы». После этого появляется и возможность работать, способность работать, или рабочая сила. Значит, пища, одежда, жилище и т.д. — словом, потребление рабочего и есть производство рабочей силы. Но сюда входят и такие вещи, как издержки на обучение, если оно нужно, если это — особо обученные рабочие, и т.д.

Все, что потребляет рабочий класс, восстанавливая свою рабочую силу, имеет ценность. Следовательно, ценность предметов потребления, а также издержки на обучение и составляют ценность рабочей силы. Разные товары имеют и разную ценность. Точно также и разного рода рабочая сила имеет разную ценность. Рабочая сила типографа — одно, чернорабочего — другое.

Теперь вернемся на фабрику. Капиталист покупает сырье, топливо для фабрики, машины, масло для их смазки и другие необходимые вещи; потом он покупает рабочую силу, «нанимает рабочих». За все он выплачивает чистоганом. Начинается производство. Рабочие работают, машины вертятся, топливо сгорает, масло расходуется, фабричное здание снашивается, рабочая сила истощается. Зато из фабрики выползает новый товар. Этот товар, как и все товары, имеет ценность. Какова эта ценность? Во-первых, он впитал в себя ценность затраченных средств производства, то, что пошло на него — сырой материал, израсходованное топливо, сношенные части машин и т.д. Все это вошло теперь в ценность товара. Во-вторых, сюда вошел труд рабочих. Если рабочие потратили на изготовление товара 30 часов и рабочих было 30 человек, то они потратили 900 рабочих часов; полная ценность выпущенного товара будет, значит, состоять из ценности затраченных материалов (пусть, к примеру, эта ценность равняется 600 часам) и из новой ценности, которую прибавили своим трудом рабочие (900 часов), т.е. она будет равна $(600 + 900) = 1500$ рабочих часов.

Но сколько капиталисту самому стоил этот товар? За сырье он выплатил все, т.е. заплатил сумму денег, соответствующую по своей ценности 600 рабочим часам. А за рабочую силу? Заплатил ли он все 900 часов? Вот тут и кроется разгадка всего. Он заплатил, по нашему предположению, полную ценность рабочей силы за дни работы. Если 30 рабочих работали 30 часов, три дня по 10 часов в день, то фабрикант им заплатил сумму, необходимую на восстановление их рабочей силы за эти дни. Какова же эта сумма? Ответ ясен: она гораздо меньше 900. Почему? Потому что одно дело — то количество труда, которое нужно для поддержания моей рабочей силы, другое дело — то количество труда, которое я могу доставить. В день я могу работать 10 часов. А проесть, проносить одежды и проч. — мне нужно за день предметов, ценность которых всего навсего равна 5 часам. Значит, я могу работать больше, чем идет труда на поддержание моей рабочей силы. В нашем примере, скажем, рабочие продают, пронашивают и т.д. за три дня предметов ценностью в 450 рабочих часов, а дают труда 900 часов — 450 часов

остаются капиталисту; они и составляют источник его прибыли. В самом деле, капиталисту стоил товар, как мы видели, $(600 + 450) = 1050$ часов, а продает он его за ценность в $(600 + 900) = 1500$ часов; 450 часов есть прибавочная ценность, создаваемая рабочей силой. Выходит, что половину рабочего времени (при 10-часовом рабочем дне 5 часов) рабочие трудятся, восстанавливая то, что они потратят на себя, а другую половину они тратят целиком на капиталиста.

Посмотрим теперь на все общество. Ведь нам неинтересно, что делает отдельный фабрикант или отдельный рабочий. Нам интересно, как устроена эта гигантская машина, имя которой – капиталистическое общество. Класс капиталистов нанимает громадный по своей численности класс рабочих. В миллионах фабричных зданий, на шахтах, в рудниках, в лесах, на полях трудятся как муравьи сотни миллионов рабочих. Капитал выплачивает им их заработную плату, ценность их рабочей силы, постоянно восстанавливающей эту рабочую силу для услуг капиталу. Но рабочий класс своим трудом не только оплачивает сам себя, но и создает доходы высших классов, создает прибавочную ценность. Тысячью ручейков растекается эта прибавочная ценность по карманам господствующих: часть ее идет капиталисту самому – это предпринимательская прибыль; часть идет помещику-землевладельцу, часть поступает в виде налогов капиталистическому государству, часть торговцам, купцам, лавочникам, церквям, публичным домам, артистам и клоунам, писакам буржуазии и т.д. За счет этой прибавочной ценности живут все паразиты, которых разводит капиталистический строй.

Но часть прибавочной ценности капиталисты снова пускают в дело. Они присоединяют ее к своему капиталу – капитал увеличивается. Они расширяют свои предприятия. Они нанимают больше рабочих. Они ставят лучшие машины. Большее количество рабочих создает им еще большую прибавочную ценность. Капиталистические предприятия снова растут и увеличиваются. Так, с каждым поворотом времени, а к а п и т а л в а я прибавочную ценность, движется капитал все вперед и вперед. Выжимая прибавочную ценность из рабочего класса, эксплуатируя его, капитал возрастает непрерывно в своей величине.

§ 11. Капитал. Теперь мы видим ясно, что такое капитал. Прежде всего, это – определенная ценность, в форме ли денег, или в форме машин, сырья, фабричных зданий, или же в форме готового товара. Но эта ценность такая, которая служит для производства новой ценности, для производства прибавочной ценности. Капитал есть ценность, производящая прибавочную ценность. Капиталистическое производство есть производство прибавочной ценности.

В капиталистическом обществе машины и фабричные здания являются капиталом. Но всегда ли машины и здания являются капиталом? Конечно, нет. Если бы было товарное хозяйство всего общества, которое производило бы все для себя, тогда ни машины, ни сырье не были бы капиталом, потому что они не были бы средством выкачивать прибыль для кучки богатей. Значит, машины, например, становятся капиталом только тогда, когда они находятся в частной собственности класса капиталистов, когда они служат условием для эксплуатации наемного труда, для производства прибавочной ценности. Не важна здесь форма ценности: эта ценность может быть в виде золотых кружочков-монет или бумажных денег, за которые капиталист покупает средства производства и рабочую силу; эта ценность может быть в форме машин, на которых работают рабочие, или сырья, из которого они выделяют товар, или готового товара, который потом будет продан. Но раз эта ценность служит делу производства прибавочной ценности, она есть капитал.

Обыкновенно капитал постоянно сбрасывает с себя одну кожу и влезает в другую. В самом деле. Посмотрим, как совершается это переодевание.

I. Капиталист еще не купил рабочей силы и средств производства. Но он горит желанием принанять себе работников, запастись машинами, достать сырье первый сорт, угля, чтобы хватило для работы, и прочего. У него на руках нет пока ничего, кроме денег. Здесь капитал выступает в его денежной оболочке.

II. С этим денежным запасем капиталист марширует (не сам, конечно, для этого есть телефон и телеграф, сотни слуг и т.д.) на рынок. Тут происходит закупка средств производства и рабочей силы. На фабрику капиталист возвращается без денег, но с рабочими, с машинами, сырьем, топливом. Теперь все эти вещи уже не товар. Они кончили быть товаром: дальше в продажу они не идут. Денежки превратились в средства производства и рабочую силу; денежная оболочка сброшена, теперь капитал перед нами в форме промышленного капитала.

После этого начинается работа. Двигаются машины, вертятся колеса, бегают рычажки, обливаются потом рабочие и работницы, машины снашиваются, сырье расходуется, рабочая сила исчерпывается. Тогда:

III. все это сырье, сношенные части машин, рабочая сила, в действии своем дающая труд, превращаются мало-помалу в товарные кипы. Здесь вещественная оболочка фабричных принадлежностей снова слезает с капитала, и капитал выступает в виде товарной кучи. Это – капитал в его товарной форме. Но здесь, после производства, он не только переменяет свою кожу. Он еще увеличился в своей ценности, ибо за время производства наросла прибавочная ценность.

IV. Однако капиталист заставляет производить товар не для собственного потребления, а на рынок, для продажи. То что накопилось на его фабричном складе, должно быть продано. Вначале капиталист шел на рынок как покупатель. Теперь он должен идти как продавец. Вначале у него на руках были деньги, и он хотел получить товар (средства производства). Теперь у него на руках товар, а он хочет получить деньги. Когда его товар продается, то капитал из своей товарной формы вновь перепрыгивает в форму денежную. Но количество денег, которое получает капиталист, отличается от того количества, которое он вначале отдавал, тем, что оно больше на всю величину прибавочной ценности.

На этом движение капитала не заканчивается. Увеличенный капитал снова пускается в ход, получает еще большее количество прибавочной ценности. Эта прибавочная ценность в известной доле присоединяется к капиталу, и начинается новый круг и т.д. Капитал как снежный ком катится дальше и дальше, и с каждым поворотом на него наливает все большее количество прибавочной ценности. Это значит, что растет и ширится капиталистическое производство.

Так высасывает капитал прибавочную ценность из рабочего класса и распространяется повсюду. Его быстрый рост объясняется его особенными свойствами. Ведь эксплуатация одних классов другими была и раньше. Но возьмем, например, помещика при крепостном праве или рабовладельца в древности. Они сидели верхом на своих крепостных и рабах. Но все что те производили, они проедали, пропивали, пронашивали либо сами, либо их дворня и многочисленные приживальщики. Товарное производство было развито слабо. Продать было некуда. Значит, если бы помещик или рабовладелец заставили своих крепостных и рабов производить горы хлеба, мяса, рыбы и т.д., все это у них сгнило бы. Производство здесь ограничивалось потребностями желудка помещика и его челяди. Совсем другое – при капитализме. Здесь производство ведется не ради удовлетворения потребностей, а для прибыли. Здесь производится товар, чтобы его продать, чтобы выручить, чтобы накопить прибыль. Чем ее больше, тем лучше. Отсюда у капиталистического класса безумная погоня за прибылью. Эта жажда не знает границ. Она есть стержень, главный двигатель капиталистического производства.

§ 12. Капиталистическое государство. Капиталистическое общество основано, как мы видели, на эксплуатации рабочего класса. Кучка владеет всем; большинство рабочих не владеет ничем. Капиталисты повелевают. Рабочие повинуются. Капиталисты эксплуатируют. Рабочие эксплуатируются. Вся суть капиталистического общества и состоит в этой беспощадной, все увеличивающейся эксплуатации.

Капиталистическое производство – это действующий насос для выкачивания прибавочной ценности.

Как же держится до поры до времени этот насос? Каким образом терпят рабочие такое положение вещей?

На этот вопрос сразу ответить трудно. Но, в общем, дело сводится к двум причинам: во-первых, к организованности и силе в руках класса капиталистов; во-вторых, к тому, что буржуазия часто владеет мозгами рабочего класса.

Самым верным средством в этом деле служит для буржуазии ее государственная организация. Во всех капиталистических странах государство есть не что иное, как хозяйский союз. Возьмем любую страну: Англию или Соединенные Штаты, Францию или Японию. Министрами, высшими чиновниками, депутатами всюду состоят те же капиталисты, помещики, заводчики, банкиры или же их верные, хорошо оплачиваемые слуги, которые преданы им не за страх, а за совесть: адвокаты, директора банков, профессора, генералы, архиереи и епископы.

Союз всех этих людей, принадлежащих к буржуазии, который охватывает всю страну целиком и держит ее в своих лапах, и называется государством. Эта организация буржуазии имеет свою цель две вещи: главная цель – это подавлять беспорядки и восстания рабочих, обеспечивать спокойное выжимание из рабочего класса прибавочной ценности, способствовать укреплению капиталистического способа производства; вторая задача – это бороться с другими такими же организациями (т.е. с другими буржуазными государствами) за дележку выжимаемой прибавочной ценности. Итак, капиталистическое государство есть хозяйский союз, обеспечивающий эксплуатацию. Интересы капитала, и только интересы капитала – вот чем руководится в своей деятельности этот разбойничий союз.

Против такого взгляда на буржуазное государство можно возразить так.

Вы говорите, что государство всецело исходит из интересов капитала. Но посмотрите: во всех капиталистических странах имеются фабричные законы, которыми запрещается или ограничивается труд детей, сокращается против прежнего рабочий день и т.д. В Германии, например, еще при Вильгельме II было сравнительно недурно государственное страхование рабочих; в Англии как раз боевой буржуазный министр Ллойд-Джорж ввел тоже страхование и пенсии старикам; во всех буржуазных государствах строят больницы, лечебницы и госпитали для рабочих; сооружаются железные дороги, по которым ездят все – и богатые, и бедные; строятся водопроводы, проводится канализация в городах и т.д. Этим пользуются все. Значит, скажут другие, государство даже в тех странах, где господствует капитал, все-таки исходит не только из интересов капитала, а также и из интересов рабочих. Оно даже иногда штрафует фабрикантов, если они нарушат фабричные законы.

Такие возражения были бы неправильны. И вот почему. Правда то, что буржуазная власть может иногда издавать законы и распоряжения, полезные и для рабочего класса. Но это делается ради интересов самой буржуазии. В самом деле. Возьмем пример с железными дорогами. По ним ездят и рабочие, поэтому они полезны и рабочим. Но строят их не ради рабочих. Купцам, фабрикантам они нужны для перевозки их товаров, для передвижения грузов, для переброски войск, для привоза рабочих и т.д. Капиталу нужны дороги – он строит, исходя из своих инте-

ресов. Они полезны и рабочим, но строят-то их не из-за этого в капиталистическом государстве. Или возьмем очистку городов, так называемое «городское благоустройство» и больницы. Здесь буржуазия заботится и о рабочих кварталах. Правда, по сравнению с буржуазными кварталами в центре городов на рабочих окраинах грязь и мерзость запустения, болезни и т.д. Но все же кое-что делает и буржуазия. Почему? Да потому, что болезни и эпидемии иначе разнеслись бы по всему городу, и сама буржуазия стала бы страдать от этого. Здесь, следовательно, буржуазное государство и его городские органы исходят из интересов самой буржуазии. Или еще пример.

Во Франции за последние десятилетия рабочие научились у буржуазии искусственно сокращать деторождение: или совсем не ролят детей, или родят не больше двух. Нужда среди рабочих так велика, что содержать большую семью трудно или почти невозможно. В результате всего этого народонаселение Франции почти не возрастает. Французской буржуазии стало не хватать солдат. Она завопила: «Нация гибнет! немцы размножаются быстрее нас! у них солдат будет больше!» К слову сказать, даже и те, которые являлись в армию, год от году были все хуже: низкорослые, слабостроенные, малосильные. И вот буржуазия «расщедрилась»: сама стала настаивать на кое-каких улучшениях для рабочего класса, чтобы он пооправился и больше рожал детей. Ведь если зарезать курицу, то она не будет нести яйца.

Во всех этих примерах буржуазия сама применяет меры, полезные для рабочих, но при этом исходит из своих интересов. А бывают и другие случаи, когда эти полезные меры издаются буржуазным государством под напором рабочего класса. Таких законов гораздо больше. Почти все «фабричные законы» были добыты таким путем, угрозами со стороны рабочих. В Англии первое сокращение рабочего дня – до 10 часов – было достигнуто под давлением рабочих; в России первые фабричные законы царское правительство дало, напуганное рабочими волнениями и стачками. Здесь государство врагов рабочего класса, эта хозяйская организация, рассчитывает, исходя из своих интересов: «лучше уступить сегодня, чем завтра уступать вдвое больше или рисковать собственной шкурой». Точно так же, как фабрикант, уступая забастовавшим и набавляя лишний пятачок, не перестает быть фабрикантом, точно так же и буржуазное государство ни капли не перестает быть буржуазным, когда оно, под угрозой рабочих волнений, выбрасывает косточку.

Капиталистическое государство есть не только самая большая и самая могущественная организация буржуазии, она в то же время есть самая сложная организация, имеющая многочисленные отделы, от которых идут шупальца во все стороны. И все это своей главной целью имеет охрану, укрепление и расширение эксплуатации рабочего класса. Против рабочего класса имеются и средства грубого принуждения, и средства духовного порабощения; они и составляют важнейшие органы капиталистического государства.

Из средств грубого принуждения необходимо отметить, прежде всего, армию, полицию и жандармерию, тюрьму и суд, а также их подсобные органы: шпионов, провокаторов, организации штрейкбрехеров и наемных убийц и т.д.

Армия устроена в капиталистическом государстве на особый манер. Во главе стоит офицерский корпус, «золотопогонники». Они набираются из сыновей дворян-помещиков, крупной буржуазии и отчасти интеллигенции. Это – свирепые классовые враги пролетариата, которые еще с мальчишеского возраста обучались в специальных школах (у нас – в кадетских корпусах и юнкерских училищах), как бить солдатам морду, беречь «честь мундира», т.е. держать в полном рабстве солдат и делать из них пешек. Самые матерые из дворян, помещиков и крупной буржуазии – в генералах, адмиралах, при чинах, орденах и лентах.

Офицеры тоже не из бедных. Они держат в своих руках всю массу солдат. А солдат обрабатывают так, чтобы они и не спрашивали, за что им сражаться,

а только «ели глазами начальство». Такая армия предназначена для усмирения рабочих, в первую голову.

В России царская армия неоднократно служила средством усмирения рабочих и крестьян. При Александре II перед освобождением крестьян было много крестьянских бунтов — их усмирляла армия. В 1905 г. армия расстреливала рабочих во время восстания в Москве; она подавляла карательные экспедиции в Прибалтийском крае, на Кавказе, в Сибири; в 1906–1908 гг. усмирляла бунты крестьян против помещиков, защищая помещичье добро, и т.д. Во время войны расстреливала рабочих в Иваново-Вознесенске и Костроме и т.д. Особенно вредными являлись везде офицеры и генералы. За границей такая же история. В Германии армия капиталистического государства тоже выступала душителем рабочих. Первое восстание матросов было подавлено армией. Восстания рабочих в Берлине, Гамбурге, Мюнхене — по всей Германии подавляются армией. Во Франции армия неоднократно расстреливала стачечников, теперь расстреливает рабочих, русских революционных солдат. В Англии только за последнее время армия несколько раз топила в крови восстания ирландских рабочих, египетских полурабов, индусов, а также громила рабочие собрания в самой Англии. В Швейцарии при каждой стачке мобилизуются пулеметчики и так называемая милиция (швейцарская армия); не раз эта милиция расстреливала пролетариев. В Соединенных Штатах Америки армия часто сжигала и срывала с земли целые рабочие поселки (напр., во время стачки в Колорадо). Армии капиталистических государств теперь совместно душат революцию рабочих в России, Венгрии, на Балканах, в Германии, подавляют восстания по всему миру.

Полиция и жандармерия. Капиталистическое государство кроме обычной армии имеет еще армию отборных мошенников и особо вышколенные войска, специально приспособленные для борьбы с рабочими. Правда, эти учреждения (например, полиция) имеют своей целью также и борьбу с воровством и защиту так называемой «личной и имущественной безопасности граждан»; но в то же время государство капиталистов держит их и для вылавливания, преследования и наказания недовольных рабочих. В России городские были самыми надежными защитниками помещиков и царя. Особенно зверски действует во всех капиталистических государствах тайная полиция («политическая полиция», у нас звалась «охранкой») и корпус жандармов. С ними вместе работает и целый штат сыщиков, провокаторов, тайных шпионов, штрейкбрехеров и т.д.

Интересны в этом отношении приемы американской тайной полиции. Она состоит в связи с бесчисленным количеством частных или полугосударственных «бюро сыщиков». Знаменитые похождения Нага Пинкертона в действительности были походом против рабочих. Сыщики подкладывали рабочим вождям бомбы, подговаривали совершать убийства капиталистов и т.д. Эти же сыщики вербуют целые толпы штрейкбрехеров (в Америке они называются скэбами), а также отряды вооруженных громил, которые при случае убивают рабочих-забастовщиков. Нет такой гнусности, которой не совершали бы эти головорезы, состоящие на службе «демократического» государства американских капиталистов!

Суд в буржуазном государстве есть средство классовой самозащиты буржуазии; в первую голову, он расправляется с теми, кто посягает на капиталистическую собственность или на капиталистический строй. Либкнехта этот суд присуждал к каторге, убийц Либкнехта оправдывал. Тюрьменное государственное ведомство осуществляет эту расправу, равно как и палачи буржуазного государства. Не против богатых, а против бедных направлено их острие.

Таковы отделы капиталистического государства, которые заведуют прямым грубым подавлением рабочего класса.

Из средств духовного порабощения рабочего класса, находящихся в распоряжении государства капиталистов, нужно упомянуть три главных: государственную школу, государственную церковь и государственную или поддерживаемую буржуазным государством печать.

Буржуазия отлично понимает, что одним голым насилием ей с рабочими массами не совладать. Нужно чтобы и мозги рабочей массы были опутаны со всех сторон тонкой паутиной. Буржуазное государство смотрит на рабочих, как на рабочий скот: нужно, чтоб он, этот скот, работал, но не кусался. А потому нужно его не только стегать и стрелять, когда он кусается, но и дрессировать его, укрощать, как делают это в зверинцах специальные люди. Точно так же и государство капиталистов воспитывает таких специалистов по одурачиванию, одурманиванию и укрощению пролетариата: буржуазных учителей и профессоров, попов и епископов, буржуазных писак и газетчиков. В школе эти специалисты учат с малых лет детей повиноваться капиталу, презирать и ненавидеть «бунтовщиков»; детям преподносят разные сказки про революцию и революционное движение, хвалят царей, королей и промышленников и т.д.; попы в церквях, получающие оклады от государства, приучают к заповеди «несть бо власть аще не от бога»; буржуазные газеты день изо дня трубят в оба уха буржуазную ложь (рабочие газеты капиталистическое государство обыкновенно закрывает). Разве легко при таких условиях рабочему вылезти из этой трясины?.. Один немецкий империалист-разбойник писал: «Нам нужны не только ноги солдат, но их ум и сердце». Буржуазное государство и стремится воспитать из рабочего класса ручное животное, которое бы работало как лошадь, приносило прибавочную ценность и вело бы себя тише воды, ниже травы.

Таким образом, капиталистический строй обеспечивает себе свой ход. Двигается машина эксплуатации. Из рабочего класса выжимается беспрестанно прибавочная ценность. А на страже стоит капиталистическое государство и надзирает, чтобы не было возмущения наемных рабов.

§ 13. Основные противоречия капиталистического строя. Необходимо теперь посмотреть, насколько хорошо или плохо сколочено капиталистическое, буржуазное общество. Всякая вещь тогда прочна и хороша, когда все ее части плотно пригнаны одна к другой. Возьмем часовой механизм. Он правильно и без задержек работает тогда, когда одно колесо пригнано к другому, зубчик в зубчик.

Взглянем теперь на капиталистическое общество. Здесь мы без труда заметим, что это капиталистическое общество сколочено далеко не так прочно, как кажется. Наоборот, оно таит в себе огромные противоречия, в нем есть громадные трещины. Прежде всего, при капитализме нет организованного производства и распределения продукта, а есть «анархия производства». Что это значит? Это значит то, что каждый предприниматель-капиталист (или союз капиталистов) производит товар независимо один от другого. Не то чтобы все общество высчитывало, сколько ему чего нужно, а просто-напросто фабриканты заставляют производить с таким расчетом, чтобы получить больше прибыли и побить своих соперников на рынке. Поэтому происходит иногда то, что товара производится слишком много (речь идет, конечно, о довоенном времени), сбыть его некуда (рабочие купить не могут: у них нет достаточно денег). Тогда наступает кризис: фабрики закрываются, рабочие выбрасываются на улицу. Еще анархия производства влечет за собой борьбу на рынке: каждому хочется отбить у другого всех покупателей, переманить их, завладеть рынком. Эта борьба принимает разные формы, разный вид, начиная от борьбы двух фабрикантов и кончая мировой войной между капиталистическими государствами за раздел рынков по всему миру. Здесь несколько составных частей капиталистического общества не только цепляются друг за друга, но прямо сталкиваются друг с другом.

Итак, первой основной неслаженностью капитализма является анархия производства, что проявляется в кризисах, конкуренции, войнах.

Второй основной неслаженностью капиталистического общества является его классовое строение. Ведь, по сути дела, капиталистическое общество — это не одно, а два общества: капиталисты — раз, рабочие и беднота — два. Они находятся в постоянной, непримиримой, непрекращающейся вражде, имя которой — классовая борьба. Опять здесь мы видим, что разные части капиталистического общества не только не пригнаны одна к другой, а, наоборот, находятся между собой в непрерывном столкновении.

Сломается или не сломается капитализм? Ответ на этот вопрос зависит вот от чего. Если мы рассмотрим развитие капитализма, как он изменялся с течением времени, и найдем, что его неслаженность становится все меньше, тогда можно будет петь ему многолетие; если же, наоборот, мы обнаружим, что с течением времени отдельные части капиталистического общества должны неизбежно все сильнее и сильнее напирать одна на другую и трещины в этом обществе будут также неизбежно превращаться в пропасти, тогда мы можем петь ему «со святыми упокой».

Значит, необходимо рассмотреть вопрос о развитии капитализма.

Литература к главе I. Богданов А. Краткий курс экономической науки; Каутский К. Экономическое учение Карла Маркса; Каутский К. Эрфуртская программа; Ленин Н. Государство и революция; Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства; Энгельс Ф. От утопии к научной теории.

Глава II

Развитие капиталистического строя

§ 14. Борьба мелкого и крупного производства. § 15. Зависимость пролетариата, резервная армия, женский и детский труд. § 16. Анархия производства, конкуренция, кризисы. § 17. Развитие капитализма и классы. Обострение классовых противоречий. § 18. Концентрация и централизация капитала как условия коммунизма.

§ 14. Борьба мелкого и крупного производства (личной, трудовой и капиталистической негтрудовой собственности).

а) Борьба мелкого и крупного производства в промышленности. Крупные фабрики, которые насчитывают иногда свыше десятка тысяч рабочих, с гигантскими, чудовищными машинами, существовали не всегда. Они появились постепенно и выросли на костях почти совершенно погибшего ремесла и мелкой промышленности. Чтобы понять, почему это так произошло, нужно прежде всего обратить внимание на то обстоятельство, что при частной собственности и товарном хозяйстве неизбежна борьба за покупателя, конкуренция. Кто побеждает в этой борьбе? Тот, кто сумеет привлечь этого покупателя к себе и оторвать его от своего конкурента (соперника). Но привлечь покупателя к себе можно, главным образом, более дешевой ценой своих товаров*. Кто же может продавать по более дешевой цене? Вот на этот-то вопрос и нужно сначала ответить. Ясно, что по более дешевой цене может продавать более крупный фабрикант, чем фабрикант мелкий или ремесленник, потому что ему самому товар стоит дешевле.

* Здесь речь идет о довоенном времени; после военного разорения не продавцы бегают за покупателем, а покупатели за продавцом. (Прим. автора.)

Крупное производство имеет здесь массу преимуществ. Прежде всего, крупное производство имеет то преимущество, что предприниматель-капиталист может поставить лучшие машины и употреблять лучшие инструменты и всякие аппараты. Ремесленник, мелкий хозяйчик едва-едва перебивается; работает он обыкновенно на ручных станках; он и думать не смеет о хороших, больших машинах; у него нет на это средств. Мелкий капиталист тоже не в состоянии ввести новейшие машины. Следовательно, чем крупнее предприятие, тем совершеннее техника, тем успешнее труд, тем дешевле обходится штука товара хозяину.

При крупных заводах в Америке и Германии есть даже свои научные лаборатории, которые постоянно изобретают все новые и новые улучшения и соединяют науку с производством; эти изобретения служат секретом данного предприятия и идут на пользу только ему; при мелком производстве и ручном способе один и тот же рабочий делает почти весь продукт целиком; при машинном труде и многих рабочих один делает только одну часть, другой – другую, третий – третью и т.д. Тогда работа идет гораздо быстрее (это называется разделением труда). Какое здесь преимущество, видно из одного американского исследования, произведенного еще в 1898 г. Вот эти данные. Изготовление десяти плугов. Ручным путем: приходилось 2 рабочих, которые делали 11 различных работ, работали в общей сложности 1180 часов, получили 54 доллара. То же машинным: 52 рабочих, 97 работ (больше рабочих, больше разного рода работ), работали 37 час. 28 мин., получили 7,9 доллара (следовательно, времени ушло неизмеримо меньше и труд обошелся гораздо дешевле). Изготовление ста часовых колесных приборов. Ручным путем: 14 рабочих, 453 работы, 341 866 часов, 80 822 доллара. Машинным: 10 рабочих, 1088 работ, 8343 часа, 1799 долларов. Изготовление 500 ярдов клетчатой материи. Ручным способом: 3 рабочих, 19 операций (разных работ), 7534 часа, 135,6 доллара. Машинным: 252 рабочих, 43 операции, 84 часа, 6,81 доллара*. Таких примеров можно было бы привести множество. Кроме того, мелким предпринимателям и ремесленникам совсем недоступен ряд отраслей производства, где можно орудовать только при помощи высокой техники: напр., постройка паровозов, броненосцев, горное дело и т.д.

Крупное производство на всем сберегает: на постройках, на машинах, на сырье, на освещении и отоплении, на рабочих руках, утилизации отходов и т.д. В самом деле, представим себе тысячу маленьких мастерских и одну крупную фабрику, которая вырабатывает столько товара, сколько тысяча этих мастерских; построить одно большое хорошее здание легче, чем тысячу мелких; сырью в тысяче мелких будет уходить больше (теряться, пропадать даром и т.д.); осветить и отопить одну большую фабрику легче, чем тысячу мелких домишек; убирать, подметать, сторожить, чинить и т.д. тоже легче. Словом, решительно на все в крупном производстве будет экономия, сбережение.

При покупке сырого материала и всего нужного для производства крупное хозяйство опять в выигрыше. Оптом покупать дешевле, да и товар будет доброкачественнее; к тому же крупный фабрикант лучше знает рынок, где и как дешевле купить. Точно так же при продаже своего товара – мелкое предприятие всегда в накладе. Крупный хозяин не только лучше знает, где дороже продать (он имеет для этой цели своих разъездных агентов, он ведет дела с биржей, где собираются сведения о спросе на разные товары, у него связи чуть ли не по всему свету); кроме того, он может выжидать. Если, например, цены на его товар стоят низкие, он может этот товар держать на складах, дожидаясь того времени, когда цены повысятся. Этого не может делать мелкий хозяйчик. Он живет на то, что продал. Продаст товар – и тотчас же начинает проживать полученные деньги: лишних у него нет. Поэтому он

* Цифрами за запятой обозначены десятые и сотые доли. (Прим. автора.)

должен продавать во что бы то ни стало, иначе ему смерть. Ясно, что он от этого страшно страдает.

Наконец, крупное производство обладает еще одним преимуществом: в о б л а с т и к р е д и т а. Крупный предприниматель, если ему экстренно нужны деньги, всегда может занять. «Солидной» фирме всегда даст займы любой банк и за сравнительно небольшой процент. А мелкой сошке никто почти не поверит. Если же поверит, то заломит безбожный, ростовщический процент. Так, мелкий производитель легко попадает в лапы ростовщику.

Все эти преимущества крупного хозяйства объясняют нам, почему мелкое производство в капиталистическом обществе неизбежно гибнет. Крупный капитал его з а б и в а е т, отбивает покупателя, разоряет, его владельца превращает в пролетария либо босняка. Конечно, во многих случаях мелкий хозяйчик продолжает цепляться за жизнь. Он борется напряжением всех своих сил, работает сам и заставляет работать своих рабочих и семью сверх сил, но в конце концов вынужден уступить свое место капиталу. Часто можно видеть, что по внешности перед нами как будто самостоятельный хозяин, а в действительности он целиком зависит от крупного капиталиста, работает на него, шагу без него ступить не может. Мелкий производитель часто зависит от ростовщика: только по видимости он самостоятелен, а в действительности он работает на этого паука; или от скупщика, который скупает у него товар; или от магазина, на который он работает (и здесь он самостоятелен только по видимости, а в действительности он уже превратился в наемного рабочего того капиталиста, в руках которого крупный магазин); бывает, что капиталист дает сырье, а иногда и сырье и орудия (так бывало часто с нашими кустарями); тут уж совсем ясно видно, что кустарь превратился в простой придаток к капиталу; встречаются и другие виды подчинения капиталу — около крупных предприятий иногда ютятся мелкие починочные мастерские, в таком случае они — простой винтик при фабрике — ничего больше. И тут они самостоятельны только по видимости. Иногда можно видеть, что разорившиеся мелкие хозяйчики, мелкие ремесленники, кустари, торговцы, мелкие капиталисты выбиты из одной отрасли производства и торговли, — тогда они переходят в другую, где еще крупный капитал не так силен. В особенности часто разорившиеся хозяйчики становятся мелочными торговцами, разносчиками и т.д. Так, крупный капитал вытесняет шаг за шагом мелкое производство отовсюду. Растут громадные предприятия, насчитывающие тысячи, а иногда даже десятки тысяч рабочих. Крупный капитал оказывается властелином мира. Личная трудовая собственность исчезает. На ее место становится крупная капиталистическая собственность.

Примерами падения мелкого производства в Р о с с и и могут служить кустари. Некоторые кустари работали на своем сырье (скорняки, плетельщики корзин и т.д.) и продавали кому угодно. Затем уже кустарь начинает работать на определенного (только на одного) капиталиста (московские шляпники, игрушечники, шетинщики и т.д.). Потом он получает у своего заказчика сырье и попадает в форменную кабалу (павловские замочки, бурмакинские слесаря). Наконец, он получает от заказчика поштучно (например, тверские гвоздари, кимрские сапожники, рогожники в Макарьеве, ножовщики в Павлове). В такую же кабалу попадали и ручные ткачи. В А н г л и и умирающее мелкое производство получило кличку «потогонной системы» — так тяжело ему приходится. В Г е р м а н и и за время с 1882 по 1895 г. число мелких предприятий уменьшилось на 8,6%, средних (от 6 до 50 рабочих) — увеличилось на 64,1%, а крупных — на 90%. С тех пор было вытеснено и значительное количество средних. В Р о с с и и фабрика вытесняла кустаря тоже довольно быстро. Одна из самых важных областей производства в России это текстильное (ткацкое) производство. Если мы сравним, как изменялось в хлопчатобумажной промышленности число фабричных рабочих и число работающих на дому, то сможем судить, насколько быстро фабрика вытесняла кустаря. Вот цифры:

Годы	Число работающих на фабрике	Число работающих на дому
1866	94 566	66 178
1879	162 691	50 152
1894/95	242 051	20 475

В 1866 г. на каждую сотню работающих в хлопчатобумажной промышленности на фабриках приходилось 70 человек, работающих на дому; в 1894/95 г. их приходилось уже не 70, а всего-навсего 8. В России рост крупного производства усиливался благодаря тому, что иностранный капитал организовывал сразу крупные предприятия. Уже в 1902 г. очень крупные предприятия занимали почти половину (40%) всех промышленных рабочих.

В 1903 г. фабрики, имеющие свыше 100 рабочих, составляли в Европейской России 17% всего числа фабрик и заводов и на них работало 76,6% всего числа фабрично-заводских рабочих.

Победа крупного производства во всех странах сопровождалась муками мелких производителей. Иногда целые округа и профессии почти вымирали (например, силезские ткачи в Германии, ткачи в Индии и т.д.).

б) Борьба мелкого и крупного производства в сельском хозяйстве. Такая же борьба мелкого и крупного производства, как в промышленности, идет при капитализме и в сельском хозяйстве. Помещик, ведущий свое хозяйство так, как капиталист свою фабрику, крупный крестьянин-кулак, средний крестьянин, деревенская беднота, сама часто подрабатывающая на стороне или у помещика, либо кулака, и батраки – это все равно, что в промышленности крупный капиталист, средний заводчик, ремесленник, кустарь, наемный рабочий. И в деревне, как в городе, крупное имение лучше поставлено, чем мелкое.

Крупный хозяин может завести хорошую технику. Сельскохозяйственные машины (электрические плуги, паровые плуги, жнейки, косилки, жейки-сноповязалки, сеялки, молотилки, паровые молотилки и т.д.) часто совсем почти недоступны мелкому сельскому хозяину и крестьянину.

Как в маленькой мастерской ремесленника нет смысла ставить дорогую машину (и купить ее не на что, да и окупаться она не будет), точно так же и крестьянин не может купить себе парового плуга, да если бы он и купил его, то он был бы ни к чему; для того чтобы такая солидная машина окупилась, нужно много земли, а не такой клочок, где только рицуц пасти можно.

Полное использование машин и орудий зависит от количества земли. Конный плуг как следует используется при куске земли в 30 гектаров (гектар $\frac{9}{10}$ десятины); рядовая сеялка, жнейка, молотилка – при 70; паровая молотилка – при 250; паровой плуг – при 1000 гектаров. В новейшее время для обработки земли применяют электрические машины; для тех нужно тоже крупное хозяйство.

Орошение, осушение болот, дренаж (проведение глиняных труб для стока лишней воды), проведение полевых железных дорог и проч. может большею частью применять только крупный хозяин. Крупное хозяйство, как и в промышленности, сберегает на орудиях, материалах, рабочей силе, отоплении, освещении и т.д.

В крупном хозяйстве будет также на десятину приходиться меньше меж, меньше заборов и изгородей, меньше будет пропадать семян, которые попадают за межу.

Кроме того, крупный хозяин может наемать агрономов и вести свое хозяйство по всем правилам.

В области торговли и кредита происходит то же, что и в промышленности: крупный хозяин знает лучше рынок, может выждать, дешевле покупает все необходимое, умеет дороже продать. Мелкому остается одно: бороться при помощи напряжения всех сил. Этим усиленным трудом, а также уменьшением своих потребностей, недоделанием и живет мелкое сельское хозяйство. Только так оно себя и может отстоять при господстве капитализма. Что его еще более подрывает, так это громадные налоги. Капиталистическое государство взваливает на него огромную тяжесть: стоит только вспомнить, что значили царские и налоги для крестьян, — все продай, а налог заплати.

Можно, в общем, сказать, что мелкое производство в сельском хозяйстве живучее, чем в промышленности. В городах ремесленники и мелкие предприниматели гибнут довольно быстро, а в деревнях крестьянское хозяйство во всех странах стоит на ногах немного крепче. Но обеднение большей части происходит и тут, только часто это не так заметно. Иногда кажется, что хозяйство не крупное по размерам земли, а на самом деле оно очень крупное, и капитала в него вложено много, и работников в нем изрядно нанимается (например, у огородников около больших городов). Иногда, наоборот, кажется, что перед нами много хозяйчиков совсем самостоятельных, а на самом деле они почти что наемные рабочие: ходят наематься либо в соседнее имение, либо на отхожие промыслы, либо в город. Среди крестьянства во всех странах происходит то же, что и среди ремесленников и кустарей. Небольшая часть из них пролезает в кулаки-миroeды (трактирщики, ростовщики, которые мало-помалу округляют свои владения); остальные либо крепятся, либо разоряются вконец, продают корову, лошадей, превращаются в безлошадных; а потом и надела как не видали — уходит человек совсем либо в город, либо в батраки. Безлошадный превращается в наемного рабочего, кулак-миroeд, нанимающий работников, — в помещика либо капиталиста.

Так, в сельском хозяйстве масса земли, орудий, машин, скота находится в распоряжении кучки крупнейших капиталистов-помещиков, а миллионы рабочих работают на них, миллионы крестьян зависят от них.

В Америке, где капитал больше всего развит, существуют огромные имения, которые работают, как фабрики. И, как на фабриках, делается только какой-нибудь один продукт, так и тут. Есть большие поля сплошь под клубникой или сплошь под фруктовыми деревьями; есть специальные птицеводческие хозяйства; там, где возделывают пшеницу, работают на машинах. Многие отрасли сосредоточены в немногих руках. Так, например, существует «король цыплят» (капиталист, в руках у которого сосредоточено чуть ли не все производство цыплят), «яичный король» и т.д.

§ 15. Зависимость пролетариата, резервная армия, женский и детский труд. Все большие и большие массы народа превращаются при капитализме в наемных рабочих. Разорившиеся ремесленники, кустари, крестьяне, торговцы, средние капиталисты, потерпевшие крах, — словом, все выкинутые за борт, все, кого забил крупный капитал, низвергаются в ряды пролетариата. По мере того как богатства сосредоточиваются в руках кучки капиталистов, народные массы все более превращаются в их наемных рабочих.

Благодаря постоянному разорению средних слоев и классов, количество рабочих всегда больше того, чем нужно капиталу. Этим капитал привязывает к себе рабочего. Он должен работать на капиталиста. Не хочет — ийдут сотни других.

Но эта зависимость от капитала упрочивается и другим путем, не только разорением новых слоев населения. Господство капитала над рабочими постоянно увеличивает

ся еще и тем, что капитал все время выбрасывает лишних ему рабочих на улицу и создает из них себе рабочие силы про запас. Как это происходит? А вот как. Мы уже видели раньше, что каждый фабрикант стремится удешевить стоимость товаров для себя. Поэтому именно и вводятся новые и новые машины. Но машина обычно замещает рабочего, делает часть рабочих излишней. Введена новая машина – это значит часть рабочих получать расчет. Из рабочих, занятых на фабрике, такие люди превращаются в безработных. А так как новые машины вводятся постоянно то в одной отрасли производства, то в другой, то в третьей, понятно, что безработица должна существовать постоянно при капитализме. Ведь капиталист заботится не о том, чтобы дать всем работу или снабдить всех товарами, а о том, чтобы выжать побольше прибыли. Понятно, что он выбрасывает на улицу рабочих, которые уже не в состоянии принести ему такую прибыль, как раньше.

И, действительно, во всех капиталистических странах мы видим, что в крупных городах постоянно есть огромное количество безработных. Тут и какие-нибудь китайские или японские рабочие из разорившихся крестьян, пришедшие искать заработка за тридевять земель, и деревенские парни, только что попавшие в город, и бывшие лавочники, и ремесленники; но тут же мы находим рабочих-металлистов, или типографов, или ткачей, которые подолгу работали на фабриках и выпшвырнуты из них благодаря введению новых машин. Все они вместе образуют запасный источник рабочих сил для капитала, или, как его называл Маркс, резервную (запасную) промышленную армию. Существование резервной рабочей армии, постоянная безработица позволяют капиталистам усиливать зависимость и угнетение рабочего класса. Из одних рабочих капитал при помощи машины выжимает больше золотого сока, чем раньше; другие из-за этого выброшены на мостовую. Но выброшенные на мостовую, они служат в руках капиталиста бичом, который подгоняет оставшихся.

Промышленная резервная армия дает примеры полного одичания, обнищания, голода, вымирания, даже преступления. Те, кто в течение ряда лет не могли найти себе работы, малопомалу спиваются, превращаются в бродяг, нищих и т.д. В крупных городах – Лондоне, Нью-Йорке, Гамбурге, Берлине, Париже – есть целые кварталы, населенные такими безработными. В Москве примером этого может служить Хитров рынок. Вместо пролетариата здесь образуется новый слой, уже разучившийся трудиться. Это порождение капиталистического общества называется люмпен-пролетариатом (пролетариатом босяков).

Введение машин породило также женский и детский труд, более дешевый и поэтому более выгодный для капиталиста. Раньше, до машин, нужна была особая сноровка для работы, иногда нужно было долго учиться. А на некоторых машинах может работать и ребенок: приходится только и делать, что до одурения рукой махать или ногой двигать. Вот почему после появления на свет машин стал шире применяться труд женщин и детей. Женщины и дети не могут давать капиталисту такого отпора, как рабочие-мужчины. Они более ручные, более забытые, чаще верят попам и всему, что им говорит начальство. Поэтому фабрикант часто замещает мужчин женщинами и заставляет маленьких детишек перегонять свою кровь в золотые кружочки прибыли.

В 1913 г. число женщин-работниц и служащих было: во Франции – 6 800 000, в Германии – 9 400 000, Австро-Венгрии – 8 200 000, Италии – 5 700 000, Бельгии – 930 000, Североамериканских Соединенных Штатах – 8 000 000, Англии и Уэльсе – 6 000 000. В России число женщин-работниц все время росло. В 1900 г. женщины-работницы составляли 25% (т.е. четверть) всех фабричных рабочих и работниц, в 1908 г. – 31%, т.е. почти одну треть, в 1912 г. – 45%; в некоторых отраслях производства женщины составляют большинство. Например, в

текстильном производстве в 1912 г. из 870 тыс. женщин было 453 тыс., т.е. больше половины (52 с лишком процента). За годы войны количество женщин-работниц увеличилось в громадной степени.

Что касается детского труда, то он во многих местах процветает, несмотря на воспрещение. В самой развитой капиталистической стране – в Америке – детский труд можно встретить сплошь да рядом.

От этого распадается семья рабочего. Раз и жена, а иногда и ребенок – на фабрике, какая тут семейная жизнь!

Если женщина попадет на фабрику, становится работницей, она, как и мужчина, подвергается время от времени всем ужасам безработицы. Ее тоже выбрасывает за дверь капиталист; она тоже становится в ряды промышленной резервной армии; она, как и мужчина, может опуститься на самое дно. В связи с этим стоит и проституция, когда женщины продают себя первому встречному на улице. Нечего есть, работы нет, отовсюду гонят; а если и есть работа, то за такую нищенскую плату, что приходится подрабатывать продажей своего тела. А потом новое ремесло входит в привычку. Так, образуется слой профессиональных проституток.

В крупных городах проститутки составляют очень значительное количество. Такие города, как Гамбург и Лондон, насчитывают десятки тысяч этих несчастных. Капитал из них создает источник прибыли и обогащения, устраивая крупные, капиталистически организованные публичные дома. Имеется широкая международная торговля белыми рабынями. Центрами такой торговли были города Аргентины (в Южной Америке). Особенно отвратительна детская проституция, процветающая во всех европейских и американских городах.

В капиталистическом обществе, таким образом, по мере того как изобретаются все лучшие и лучшие машины, строятся все большие и большие фабрики, растет количество товаров, – все увеличивается гнет капитала, нищета и бедствия промышленной резервной армии, зависимость рабочего класса от его эксплуататоров.

Если бы частной собственности не было, а все находилось в товарищеском пользовании, тогда было бы совсем другое. Тогда люди просто бы сокращали рабочий день, щадили бы свои силы, сберегали бы свой труд, заботились бы о своем отдыхе. Когда же машины вводит капиталист, он заботится о п р и б ы л и: ему ни к чему сокращать рабочий день – он от этого только теряет. При помощи машины капиталист не освобождает человека, а п о р а б о щ а е т его.

С развитием капитализма все большая часть капитала отводится на машины, аппараты, разные сооружения, гигантские фабричные корпуса, громадные доменные печи и т.д.; наоборот, на наем рабочих идет все меньшая часть капитала. Раньше, при ручном труде, затраты на ручные станки и прочие орудия были небольшие: почти весь капитал шел на н а е м р а б о ч и х. Теперь наоборот: громадная доля идет на разные сооружения и машины. А это значит, что спрос на р а б о ч и е р у к и растет не так быстро, как увеличивается число разорившихся людей, которые превращаются в пролетариев. Чем сильнее развивается техника при капитализме, тем больше гнет капитала над рабочим классом, потому что чем труднее найти работу, тем тяжелее жить.

§ 16. Анархия производства, конкуренция, кризисы. Бедствия рабочего класса растут и растут вместе с развитием техники, которая при капитализме приносит, вместо пользы для всех, увеличение прибыли для капитала, безработицу и разорение для многих рабочих. Но эти бедствия растут и от других причин.

Раньше мы видели, что капиталистическое общество сколочено очень плохо. Царит частная собственность, и нет никакого общего плана. Каждый фабрикант ведет

свое дело независимо от других. С другими он борется за покупателя, «конкурирует» с ними.

Возникает теперь вопрос, ослабляется или усиливается эта борьба с развитием капитализма.

На первый взгляд может показаться, что эта борьба ослабляется. В самом деле, ведь капиталистов становится все меньше; крупные пожирают мелких; раньше боролись друг с другом десятки тысяч разных предпринимателей – конкуренция была ожесточенной; теперь этих соперников мало – борьба стала не такой острой. Так можно было бы думать. Но на самом деле это не так. В действительности дело обстоит как раз наоборот. Верно, что соперников становится меньше. Но каждый из них стал во много раз крупнее и сильнее, чем прежние соперники. И их борьба стала не меньше, а больше, а тише, а жесточе, чем раньше. Если бы в целой стране царствовала какая-нибудь парадругая капиталистов, тогда дрались бы друг с другом эти капиталистические государства. Оно так и вышло в конце концов. Соперничество сейчас идет между громадными союзами капиталистов, между их государствами. И борются они тут не только дешевыми ценами, но и вооруженной силой. Значит, конкуренция с развитием капитализма уменьшается только по числу соперников, но становится все жесточе и разрушительнее*.

Необходимо отметить еще одно явление: это так называемые кризисы. Что такое эти кризисы? В чем они заключаются? Дело происходит так. В одно прекрасное время оказывается, что разных товаров произведено сверх всякой меры. Цены падают, а сбывать товар некуда. Склады ломаются от всевозможных продуктов, а продать их нигде: покупателя нет. Есть, конечно, много голодных рабочих, но они получают гроши и все равно купить почти ничего не могут сверх того, что они обыкновенно покупали. Тогда начинается разорение. В одном производстве не выдерживают сперва мелкие и средние предприятия и лопаются; за ними и более крупные. Но это производство покупало товары у другой отрасли промышленности, эта другая – у третьей. Скажем, портновские предприятия скупают сукно у суконных, суконные – у предприятий, производящих шерсть, и т.д. Лопаются портновские предприятия, значит, уж совсем некому покупать у суконщиков – начинают лопаться суконные фабрики, за ними наступает та же история в производстве шерсти. Повсюду начинают закрываться фабрики и заводы, десятки тысяч рабочих выкидываются на улицу, безработица растет до невероятных пределов, жизнь рабочих ухудшается даже против обычной. А товаров произведено много. А склады ломаются от них. Так бывало до войны неоднократно: то промышленность идет в гору, дела у фабрикантов развиваются великолепно; потом вдруг крах, разорение, безработица; потом дела в застое; потом снова поправляются; потом опять идут блестяще; потом снова крах – и так далее, по поговорке «висело мочало – начинай сначала».

Чем объясняется такое дикое положение, когда люди становятся нищими от богатства?

На этот вопрос не так просто ответить. Но ответить на него необходимо.

Мы уже видели выше, что в капиталистическом обществе царит неразбериха, именуемая анархией производства. Каждый предприниматель-фабрикант производит сам по себе, на свой страх и риск. Совершенно естественно, что при таком положении вещей рано или поздно дело приходит к тому, что товара произведено слишком много (товарное перепроизводство). Когда производились продукты, а не товары, т.е. когда не было производства на рынок, в перепроизводстве не было ничего опасного. Совсем другое при товарном производстве. Тут всякий фабрикант, чтобы купить нужные для дальнейшего производства товары, должен сперва продать свои. Застопорилась

* Подробно об этом нужно смотреть главу об империалистской войне. (Прим. автора.)

машина в одном месте от неразберихи в производстве, тотчас же все это переносится с одной отрасли на другую — разражается всеобщий кризис.

Эти кризисы действуют очень опустошительно. Масса товаров гибнет. Остатки мелкого производства выметает, как железной метлой. И крупные фирмы тоже частью гибнут. Всем им трудно устоять на ногах.

Главная тяжесть кризисов падает, конечно, на рабочий класс.

Одни фабрики закрываются совсем, другие сокращают производство, работают неполную неделю, третьи закрываются на время. Число безработных увеличивается. Резервная промышленная армия растет. А вместе с тем растут нищета и угнетение рабочего класса. Во время кризиса и без того плохое положение рабочего класса ухудшается еще более.

Вот, например, данные о кризисе 1907—1910 гг., охватившем Европу и Америку, — словом, весь капиталистический мир. В Соединенных Штатах число безработных из членов профессиональных союзов росло таким образом: в июне 1907 г. — 8,1%, в октябре — 18,5%, в ноябре — 22%, в декабре — 32,7% (в строительном производстве — 42%, в конфекционном — 43,6%, в табачном — даже 55%); само собой разумеется, что общая безработица (по расчету не только на организованных рабочих) была еще больше. В Англии процент безработных летом 1907 г. составлял 3,4—4%; в ноябре он вырос до 5, в декабре — до 6,1%; в июне 1908 г. он достиг 8,2%; в Германии к январю 1908 г. процент безработных был вдвое больше, чем в предшествующие годы. То же можно было наблюдать и в других странах.

Что касается сокращения производства, то, например, выплавка чугуна пала в Соединенных Штатах с 26 млн тонн в 1907 г. до 16 млн тонн (тонна — 61 пуд) в 1908 г.

Во время кризиса цены на товары падают. Тогда господа капиталисты, чтобы не лишиться прибылей, прибегают к порче производства. В Америке, например, задували доменные печи. Еще интереснее действовали в Бразилии владельцы кофейных плантаций. Чтобы удержать высокую цену на кофе, они топили мешки с этим кофе. Теперь весь мир страдает от голода и недостатка продуктов. Этот голод и недостаток продуктов возник в результате капиталистической войны. Его породил капитализм, который привел к истребительной войне. А в мирное время капитализм давился от избытков продуктов, которые, однако, не продавались рабочим: у рабочих был слишком тощий карман. От этих избытков рабочий получал только одно: безработицу со всеми ее ужасами.

§ 17. Развитие капитализма и классы. Обострение классовых противоречий. Мы видели, что капиталистическое общество имеет два главных противоречия, два главных изъяна: во-первых, оно «анархично» (в нем нет организованности); во-вторых, оно состоит на самом деле из двух враждующих обществ (классов). Мы видели также, что с развитием капитализма анархия производства, выражающаяся в конкуренции, приводит ко все большему обострению, неслаженности, разрушению. Неслаженность общества здесь не уменьшается, а возрастает. Но то же самое происходит и с раздроблением общества на две части, на классы. С развитием капитализма это дробление, эта трещина между классами тоже не уменьшается, а увеличивается. На одном конце — у капиталистов — скопляются все богатства земли, на другом конце — у угнетенных классов — скопляется вся нищета, горе и слезы. Промышленная резервная армия порождает слои опустившихся, одичавших, вконец обнищавших людей. Но и те, кто работает, по своей жизни все больше отличается от капиталистов. Разница между пролетариатом и буржуазией все возрастает. Раньше были всякие средние и мелкие капиталистики, многие из них были в близких отношениях с рабочими, жили немногим лучше, чем они. Теперь совсем не то. Крупные господа живут так, как прежде никому и не снилось. Правда, и рабочие с развитием капитализма, в общем, живут лучше; до начала

XX в., в общем, заработная плата увеличивалась. Но за то же самое время прибыль капиталиста увеличивалась еще быстрее. Теперь рабочая масса отстоит от капиталиста, как небо от земли. Капиталист – это совсем другое существо, до него рукой не достанешь. И чем дальше развивается капитализм, тем выше поднимается кучка богатейших капиталистов, тем глубже пропасть между этой кучкой некоронованных королей и многомиллионной массой поработанных пролетариев.

Мы сказали, что заработная плата рабочих все же росла, но еще быстрее росла прибыль, и потому увеличивалось расстояние между двумя классами. Однако с начала XX в. заработная плата стала не расти, а падать; за то же время прибыли стали увеличиваться, как никогда раньше. Значит, особенно за последнее время чрезвычайно быстро обострилось общественное неравенство.

Вполне понятно, что раз это неравенство все растет и растет, оно рано или поздно приводит к столкновению рабочих с капиталистами. Если бы разница между ними уменьшалась, если бы рабочие, по своему положению, придвигались все ближе к капиталистам, тогда, конечно, установились бы «мир, да гладь, да божья благодать». Но в том-то и дело, что рабочие в капиталистическом обществе с каждым днем не приближаются, а отдаляются от капиталистов. А это значит, что неизбежно должна обостряться и классовая борьба между пролетариатом и буржуазией.

Против такого взгляда очень много возражали буржуазные ученые. Им хотелось доказать, что в капиталистическом обществе для рабочего будет жизнь все лучше и лучше. За ними то же самое стали говорить и правые социалисты. И те, и другие утверждали, что рабочие мало-помалу обогащаются, могут и сами становиться капиталистическими. Все это оказалось, конечно, неправдой. В действительности положение рабочих по сравнению с положением капиталистов все более ухудшалось. Вот пример, касающийся самой развитой капиталистической страны, Соединенных Штатов. Если мы примем покупательную силу заработка (т.е. сколько рабочий может купить продуктов потребления, считаясь с их ценой) в 1890–1899 гг. за 100, то покупательная сила заработка по годам изменялась таким образом: 1890 г. – 98,6; 1895 г. – 100,6; 1900 г. – 103,0; 1905 г. – 101,4; 1907 г. – 101,5. Это значит, что жизненный уровень рабочего класса почти не улучшался; за все время он почти стоял на месте. Сколько рабочих мог получить пищи, одежды и проч. в 1890 г., столько почти, чуть-чуть больше (на 3%), он стал получать в 1907 г. А за это же время американские миллиардеры (крупнейшие промышленники) выколачивали громадные прибыли, и масса прибавочной ценности, которую они получали, возросла в громадном размере. Понятно, что уровень жизни капиталистов, роскошь, прихоти и т.д. увеличились в несколько раз.

Классовая борьба опирается на противоречие интересов между буржуазией и пролетариатом. Эти интересы непримиримы, по существу, точно так же, как непримиримы интересы волков и овец.

Всякому легко понять, что капиталисту выгодно заставлять рабочих работать возможно дольше и платить им возможно меньше; наоборот, рабочему выгодно работать возможно меньше и получать больше. Поэтому немудрено, что уже с самого возникновения рабочего класса начался его борьба за повышение заработной платы и за сокращение рабочего дня.

Эта борьба никогда не прерывалась и никогда совсем не затихала. Она, однако, не ограничивалась борьбой за лишний пятачок. Повсюду, где только развивался капиталистический строй, рабочие массы приходили к убеждению, что нужно покончить с самим капитализмом. Рабочие стали подумывать о том, как бы заменить ненавистный порядок другим, справедливым, трудовым, товарищеским порядком. Так родилось коммунистическое движение рабочего класса.

Борьба рабочего класса сопровождалась не раз многими поражениями. Но капиталистической строй в себе самом таит окончательную победу пролетариата. Почему? Да потому, что его развитие означает превращение в пролетариев самых широких слоев народа. Победа крупного капитала есть разорение ремесленника, торговца, крестьянина; она все увеличивает ряды наемных рабочих. Пролетариат с каждым шагом капиталистического развития увеличивается в числе. Он – как чудовище-гидра со многими головами; отрубай одну – вырастает десять других. Когда буржуазия подавляла рабочие восстания, она укрепляла капиталистической строй. Но развитие этого капиталистического строя разоряло десятки тысяч, миллионы хозяйчиков и крестьян; оно бросало их под палу капиталистов. Тем самым оно увеличивало число пролетариев, врагов капиталистического строя. Но не только численно становился сильнее рабочий класс. Он, кроме того, спланивается все более и более. Почему? Да потому, что с развитием капитализма растут крупные фабрики. А каждая крупная фабрика собирает в своих стенах тысячи рабочих, иногда десятки тысяч рабочих. Эти рабочие работают бок о бок, рядышком. Они видят, как хозяин-капиталист эксплуатирует их. Они видят, что рабочий рабочему – друг и товарищ. В самой работе пролетарии, объединенные фабрикой, приучаются действовать сообща. Им и сговориться легче. Вот почему с развитием капитализма растет не только численность, но и сплоченность рабочего класса.

Чем быстрее растут крупные фабрики, чем быстрее развивается капитализм, тем скорее разоряются ремесленники, деревенские кустари, крестьяне. Тем быстрее растут чудовищные многомиллионные города. В конце концов на небольшом сравнительно пространстве – в крупных городах – скопляется громадная масса народа, и среди всего этого народа огромное большинство составляет фабричный пролетариат. Он заполняет собой грязные, прокопченные кварталы, а кучка всем владеющих хозяев живет в роскошных особняках. Эта кучка становится все меньше. Рабочих становится все больше и больше, они сплавиваются все теснее и теснее.

При таких условиях неизбежное обострение борьбы должно кончиться победой рабочего класса. Рано или поздно, несмотря на все ухищрения буржуазии, рабочий класс приходит в резкое столкновение с буржуазией, сбрасывает ее с трона, разрушает ее разбойничье государство и строит свой новый, трудовой, коммунистический порядок. Таким образом, капитализм в своем развитии неизбежно приводит к коммунистической революции пролетариата.

Классовая борьба пролетариата против буржуазии принимала разные формы. Три главных вида рабочей организации, которые возникали в этой борьбе, это следующие: профессиональные союзы, объединявшие рабочих по профессиям; кооперативы, главным образом потребительные кооперативы, которые своею целью ставили избавление от посредников-торговцев; наконец, политические партии рабочего класса (социалистические, социал-демократические, коммунистические партии), которые в своей программе писали, что будут вести борьбу за политическую власть рабочего класса. Чем больше обострялась борьба между классами, тем больше должны были объединяться все виды рабочего движения на одной общей цели – свержении буржуазного господства. Те вожди в рабочем движении, которые наиболее правильно смотрели на дело, всегда указывали на необходимость тесного единства и сотрудничества во всех рабочих организациях. Они, например, говорили, что необходимо единство действий между профессиональными союзами и политической партией пролетариата и что поэтому профессиональные союзы не могут быть «нейтральными» (т.е. безразличными в политическом отношении), должны идти вместе с партией рабочего класса.

За последнее время рабочее движение выдвинуло еще новые формы, из которых главная – Советы рабочих депутатов. О них будет идти у нас речь позже во многих местах книжки.

Итак, из наблюдения над развитием капиталистического строя мы можем установить без всякой ошибки следующее: число капиталистов уменьшается, но они становятся все богаче и сильнее; число рабочих все увеличивается и увеличивается, причем все растет их сплоченность, хотя и не ровно; разница между рабочим и капиталистом становится больше. Развитие капитализма ведет поэтому к неизбежному столкновению этих классов, т.е. к коммунистической революции.

§ 18. Концентрация и централизация капитала как условие для осуществления коммунистического строя. Капитализм, как мы видели, роет сам себе могилу, потому что он порождает своих собственных могильщиков – пролетариев, и чем больше он развивается, тем большее количество своих смертельных врагов он плодит и объединяет против себя. Но он не только вырашивает своих врагов. Он подготавливает и почву для новой организации общественного производства, для нового товарищеского, коммунистического хозяйства. Каким образом? На это мы сейчас дадим ответ.

Раньше мы видели (смотри или перечитай § 11. *Kapital*), что капитал постоянно увеличивается в своей величине. Часть прибавочной ценности, которую капиталист выжимает из рабочего, он присоединяет к своему капиталу. От этого капитал становится больше. А становится больше капитал – значит, можно расширить производство. Такое увеличение капитала, такое его укрупнение в одних руках называется накоплением, или концентрацией капитала.

Мы видели также (смотри § 14. *Борьба мелкого и крупного производства*), что по мере развития капитализма мелкое и среднее производство гибнет: мелкие и средние промышленники и торговцы разоряются, не говоря уже о ремесленниках – их всех заедает крупный капитал. То что было раньше у этих мелких и средних капиталистов, их капиталы исчезают из их рук и разными путями сосредоточиваются в руках у крупных акул. У этих крупных капитал увеличивается, следовательно, и оттого что у других он из рук уплывает. Здесь происходит сосредоточение в одних руках капитала, который раньше был разбросан по разным рукам. Теперь, после разорения мелких, эти капиталы зажатые уже в кулаке тех, кто победил в борьбе. Такое сосредоточение капитала, прежде разбросанного, называется централизацией капитала.

Концентрация и централизация капитала, т.е. его сосредоточение в немногих руках, еще не означает концентрации и централизации производства. Предположим, что капиталист купил на накопленную прибавочную ценность маленькую фабричку соседа и оставил ее работать, как и прежде. Здесь накопление произошло, а производство ведется по-прежнему. Но обычно бывает все же не так. В жизни гораздо чаще случается (потому что это выгоднее капиталисту), что он преобразует и самое производство, укрупняет его, расширяет и делает больше самые фабрики. Тут происходит уже не только укрупнение капитала, но и самого производства. Производство становится громадным, вмещающим массу машин, объединяющим много тысяч рабочих. Бывает так, что какой-нибудь десяток крупнейших фабрик покрывает спрос на товар со всей страны. По сути дела, тут рабочие производят на все общество, труд, как выражаются, обобществляется. А распоряжение этим и прибыль достаются капиталисту.

Такая централизация и концентрация производства делает возможным и действительно товарищеское производство после пролетарской революции.

В самом деле. Если бы этого сосредоточения производства не было и если бы пролетариат стал у власти, а производство было бы разбросано и расплыено в сотнях тысяч малюсеньких мастерских, где работает по 2–3 рабочих, то не было бы никакой возможности эти мастерские организовать, перевести их на общественную ногу. Чем более развит

капитализм, чем более централизовано производство, тем легче пролетариату овладеть им после своей победы.

Значит, развитие капитализма не только создает врагов капитализма и не только ведет к коммунистической революции, но и создает еще экономическую основу для осуществления коммунистического строя.

Литература к главе II: Те же книжки, что и к главе I. Кроме них: Богданов Я. и Степанов И. Курс политэкономии, том II, выпуск 2-й (Эпоха промышленного капитала); Маркс и Энгельс. Коммунистический манифест; Лондон Дж.к. Под гнетом империализма. По аграрному вопросу см.: Каутский Карл. Аграрный вопрос; Ленин Н. Аграрный вопрос и критики Маркса; Каутский Карл. Социализм и сельское хозяйство (ответ Э. Давиду); Ильин В. (Ленин). Новые данные о развитии капитализма в сельском хозяйстве (С. Штатах); Ильин В. (Ленин). Развитие капитализма в России; Кржижицкий Л. Аграрный вопрос; Парвус. Мировой рынок и сельскохозяйственный кризис.

Глава III

Коммунизм и диктатура пролетариата

§ 19. Характеристика коммунистического строя. Производство при коммунизме. § 20. Распределение в коммунистическом строе. § 21. Управление в коммунистическом строе. § 22. Развитие производительных сил в коммунистическом строе (преимущества коммунизма). § 23. Диктатура пролетариата. § 24. Завоевание политической власти. § 25. Коммунистическая партия и классы капиталистического общества.

§ 19. Характеристика коммунистического строя. Мы видели, почему должен был погибнуть (а теперь гибнет на наших глазах) капиталистический строй. Он гибнет от того, что в нем было заложено два основных противоречия: с одной стороны, анархия производства, которая вела к конкуренции, кризисам, войнам; с другой стороны, классовый характер общества, когда одна часть общества находится и не может не находиться в смертельной вражде с другой его частью (классовая борьба). Капиталистическое общество представляло плохо сколоченную машину, где одна часть постоянно зацеплялась за другую (смотри *§ 13. Основные противоречия капиталистического строя*). Поэтому эта машина неизбежно должна была рано или поздно сломаться.

Понятно, что новое общество должно быть таким, которое будет сколочено гораздо крепче, чем капитализм. Раз основные противоречия капитализма взрывают его на воздух, следовательно, на развалинах этого капитализма должно вырасти общество, не знающее тех противоречий, которые были заложены в старом. Значит, отличительными чертами коммунистического способа производства должны быть следующие признаки: 1) это должно быть общество организованное; оно не должно иметь анархии производства, конкуренции частных предпринимателей, войн, кризисов; 2) это должно быть общество бесклассовое, оно не должно состоять из вечно враждующих друг с другом половин, оно не может быть обществом, где один класс эксплуатируется другим классом. А таким обществом, в котором нет классов и где все производство организовано, может быть только товарищеское трудовое, коммунистическое общество.

Рассмотрим это общество более подробно.

В основе коммунистического общества должна лежать общественная собственность на средства производства и обращения. Это значит, что машины, аппараты, паровозы, пароходы, фабричные здания, склады, элеваторы, рудники, телеграф и телефон, земля и рабочий скот — все это находится в распоряжении

общества. Не отдельный капиталист, не союз отдельных богатых лиц владеет этими средствами, а все общество целиком. Что значит: все общество целиком? Это значит, что даже не один класс является владельцем, а все люди, которые составляют общество. При таком условии общество превращается в громадную трудовую товарищескую артель. Тут нет никакого дробления производства и никакой анархии. Наоборот. Именно при таком порядке все производство является организованным производством. В нем ни одно предприятие не борется и не конкурирует с другим, ибо все фабрики, заводы, рудники и прочие учреждения составляют здесь нечто вроде отделений одной всенародной великой мастерской, которая охватывает все народное хозяйство. Само собою разумеется, что такая громадная организация предполагает общий план производства. Если все фабрики, заводы, все сельское хозяйство есть одна громадная артель, понятно, что здесь должно быть все рассчитано: как распределить рабочие руки между разными отраслями промышленности, какие продукты и сколько их нужно произвести, как и куда направить технические силы и так далее, – все это нужно заранее, хотя бы приблизительно, рассчитать и сообразно с этим действовать. В этом как раз и выражается организованность коммунистического производства. Без общего плана и общего руководства, без точного учета и подсчета никакой организации нет. В коммунистическом строе такой план есть.

Но одной организованности мало. Суть дела здесь еще в том, что эта организация – товарищеская организация всех членов общества. Коммунистический строй, кроме организованности, отличается еще тем, что он уничтожает эксплуатацию, что он уничтожает деление общества на классы. Ведь организацию производства можно себе представить, например, на такой манер: кучка капиталистов владеет всем, но владеет с обща; производство организовано – капиталистом не соперничает, не конкурирует, а сообща выкачивает прибавочный труд из своих рабочих, превращенных в полурабов. Здесь есть организация, но есть также и эксплуатация одного класса другим. Здесь есть общая собственность на средства производства, но это общая собственность только одного, эксплуататорского класса. Поэтому это вовсе не коммунизм, хотя здесь и имеется организация производства. Такая организация общества устранила бы одно основное противоречие: анархию производства. Но она усилила бы другое основное противоречие капитализма: разделение общества на две борющиеся половины; классовая борьба еще более бы обострилась. Это общество было бы организовано только по одной линии; но оно было бы расколото самым основательным образом по другой линии, по линии классовой. Коммунистическое общество не только организует производство, но и освобождает людей от угнетения другими людьми. Оно организовано во всех своих частях.

Товарищеский характер коммунистического производства проявляется и во всех подробностях организации этого производства. При коммунизме, например, не будет постоянных управляющих заводами или лиц, всю свою жизнь занимающихся одним и тем же трудом. Ведь теперь так: если человек – сапожник, то он всю жизнь тачает сапоги и, кроме колодки, ничего не видит; если он – пирожник, он всю жизнь печет пироги; если человек – директор фабрики, он все время управляет и приказывает; если он – простой рабочий, он всю жизнь исполняет чужие приказания и повинуются. Ничего подобного нет в коммунистическом обществе. Тут люди все получили разностороннее образование и знакомы с разными производствами: сегодня я управляю, подсчитывая, сколько нужно произвести на следующий месяц валяных сапог или французских булок; завтра я работаю на мыловаренном заводе, через неделю, может быть, – на общественных парниках, а еще через три дня – на электрической станции. Это будет возможно, когда все члены общества будут получать надлежащее образование.

§ 20. Распределение в коммунистическом строе. Коммунистический способ производства предполагает также не производство на рынок, а производство для собственного потребления. Только здесь производит на самого себя не отдельный хозяин, не отдельный крестьянин, а вся эта громаднейшая артель. Значит, здесь нет товаров, а есть только продукты. Эти произведенные продукты не обмениваются друг на друга; их не покупают и не продают. Они просто поступают на общественные склады, а потом их берут те, кому они нужны. Стало быть, и денег здесь не нужно будет. «Как же? – спросит всякий. – Ведь этак один заберет прорву, а другой совсем мало. Какой же толк будет от такого распределения продукта?» Тут нужно вот что сказать. На первых порах, быть может, в течение нескольких десятков лет, придется, конечно, вводить разные правила: например, такие, что продукты получают только теми, у кого есть отметки в трудовой книжке или кто предъявил трудовой талон. А впоследствии, когда коммунистическое общество окончательно окрепнет и разовьется, тогда и этого не понадобится. Всакого продукта будет очень много, все раны будут давным-давно залечены, и можно будет каждому предоставить брать, сколько ему чего понадобится. Да и людям не будет никакого интереса брать больше, чем нужно. Ведь, например, теперь никому не приходит в голову покупать в трамвае три места, на одном сидеть, а два оставлять пустыми: нет такой потребности. А тогда будет то же со всеми продуктами: взял человек столько-то и столько-то из общественного склада, сколько нужно, и больше ничего. Продать излишек тоже нет интереса: ведь всякий и так взять может, да и деньги тогда не будут цениться. Значит, в начале коммунистического общества, вероятно, продукты будут распределяться в зависимости от труда, а потом просто по потребностям граждан-товарищей.

Очень часто говорят, что в будущем обществе будет осуществлено право каждого на полный продукт своего труда: что сработал, то и получил. Это неверно и никогда целиком проведено быть не может. Почему? Да потому, что если бы все получали то, что сделали, то никогда нельзя было бы двигать производство вперед, расширять и улучшать его. Всегда часть сделанной работы должна идти на расширение и улучшение производства. Если бы мы проседали и пронашивали целиком все, что делали, тогда нельзя было бы производить машин: их ведь не едят и не носят. Всякому понятно, что жизнь будет улучшаться вместе с увеличением и улучшением машин, которые будут производиться все больше и больше. А это значит, что часть труда, которая в них будет заключена, не возвращается тому, кто трудился. Значит, никогда не может быть, чтобы каждый получал продукт своего труда полностью. Да это вовсе и не нужно. При помощи хороших машин производство будет так поставлено, что будут удовлетворяться все потребности и без этого.

Итак, в первое время распределение продукта будет делаться в зависимости от труда (хотя и не по «полному продукту труда»), а потом по потребностям: всего будет в изобилии.

§ 21. Управление в коммунистическом строе. В коммунистическом обществе не будет классов. Но если в нем не будет классов, то это значит, что в нем не будет также никакого государства. Мы ведь уже говорили раньше, что государство есть классовая организация господства; государство всегда направлено одним классом против другого: если государство буржуазное, то оно направлено против пролетариата; если это государство пролетарское, тогда оно направлено против буржуазии. В коммунистическом же строе нет ни помещиков, ни капиталистов, ни наемных рабочих – в нем есть только простые люди – товарищи. Классов нет, классовой борьбы тоже нет, классовые организации не существуют. Не существует, следовательно, и государства: оно не нужно здесь, так как нет классовой борьбы, некого держать в узде и некому это делать.

Но как же, спросят нас, может двигаться без всякого управления такая громадная организация? Кто же будет вырабатывать план общественного производства? Кто будет распределять рабочие силы? Кто будет высчитывать общественный расход и приход? Кто будет, словом, следить за всем порядком?

На это ответить нетрудно. Главное руководство будет лежать в разного рода счетных конторах или статистических (вычислительных) бюро. Там будет изо дня в день вестись учет всему производству и потребностям производства; будет указываться также, куда нужно добавить рабочие руки, откуда убавить, сколько работать. И так как все будут с детства привычны к общему труду и понимать, что он нужен и что жить всего легче, когда все идет по рассчитанному плану как по маслу, то все и работают, смотря по указаниям этих вычислительных бюро. Тут не нужно особых министров, полиции, тюрем, законов, декретов – ничего. Как в оркестре все смотрят на дирижерскую палочку и действуют, смотря на нее, так и здесь будут смотреть на расчетные таблицы и соответственно этому вести работу.

Значит, тут никакого государства и нет. Тут нет никакой группы и никакого класса, который стоит над остальными классами. К тому же в этих счетных бюро будут сегодня одни, а завтра – другие лица. Бюрократия, постоянное чиновничество исчезнет. Государство отомрет.

Разумеется, так будет в развитом, о к р е п ш е м коммунистическом строе, после полной и окончательной победы пролетариата, и не особенно даже скоро после нее. Ведь рабочему классу придется долго бороться со своими врагами, потом со всеми остатками прошлого: лодырничаньем, расхлябанностью, преступностью, барством, которое долго придется выколачивать. Поэтому пройдет смена двух-трех поколений, выросших при совсем новых условиях, пока исчезнет необходимость в законах и наказаниях, в подавлении рабочим государством всяких остатков капиталистической старины. Но если для этого нужно рабочее государство, то в развитом строе, когда остатки капитализма отомрут, отомрет и государственная власть пролетариата. Сам пролетариат будет смешиваться с остальными слоями, ибо все мало-помалу начнут втягиваться в общую работу, а через десяток-другой лет будет совсем иная земля, иные люди, иные нравы.

§ 22. Развитие производительных сил в коммунистическом строе (преимущества коммунизма). Коммунистический строй быстро двинет в перед развитие производительных сил, когда он победит и залечит все раны. Это быстрейшее развитие производительных сил будет происходить вот от каких причин. В о - п е р в ы х, освободится громадное количество человеческой энергии, которая идет на к л а с с о в у ю б о р ь б у. Ведь подумать только, сколько тратится сейчас нервов, сил, труда на политику, забастовки, восстания, подавление восстаний, суды, полицию, государственную власть, на каждодневные усилия с той и другой стороны!

Классовая борьба поглощает громадное количество сил и средств. Все эти силы освобождаются: люди не будут тогда бороться друг с другом. Эти освободившиеся силы пойдут на производительный труд. В о - в т о р ы х, сохраняются силы и средства, которые разрушаются или которые тратятся при к о н к у р е н ц и и, к р и з и с а х, в о й н а х. Если подсчитать только траты от войн, то это будет невероятно громадная сумма. А сколько получается для общества расходов от борьбы между продавцами, между покупателями друг с другом и между продавцами и покупателями! Сколько гибнет всего зря от кризисов! Сколько лишних издержек бывает из-за неорганизованности и безалаберности производства! Все эти силы, которые теперь пропадают, сохраняются в коммунистическом обществе. В - т р е т ь и х, организованность и целесообразный план не только предохраняют от лишних трат (тут сказывается то, что крупное производство всегда берегает), но и позволяют улучшить всю постановку дела с т е х н и ч е с к о й стороны: производство будет вестись на самых крупных заводах, при помощи самых

лучших технических средств. Ведь при капитализме даже для введения машин были определенные границы. Капиталист вводил машины только тогда, когда не было достаточно дешевых рабочих рук. Если же дешевые рабочие руки находились, тогда капиталисту нечего было вводить машины: он и без того получал хорошие барыши. Машина ему оказывалась нужна только тогда, когда она сберегала дорогую рабочую силу. А так как вообще при капитализме рабочие руки дешевы, то это плохое положение рабочего класса было причиной, препятствовавшей улучшению техники. В особенности ярко это сказывалось в сельском хозяйстве. Там рабочие руки были всегда дешевы, и из-за этого развитие машинного труда шло очень медленно. В коммунистическом обществе забота не о прибыли, а о самих работающих. Там всякое улучшение будет тотчас же подхватываться и проводиться в жизнь. Там для него нет тех цепей, которые накладывал капитализм. Технические изобретения при коммунизме тоже двинутся вперед: ведь у всех будет хорошее образование, и те, кто при капитализме гибнет от нужды (например, талантливые рабочие), будут иметь полную возможность развернуть свои способности.

В коммунистическом обществе исчезнет также паразитизм, т.е. существование людей-паразитов, которые ничего не делают и живут на счет других. То что в капиталистическом обществе прокучивалось, проседалось, пропивалось капиталистами, будет идти в коммунистическом обществе на производительные нужды; капиталисты, их лакеи и дворня, помы, проститутки и т.д. исчезнут, и все члены общества будут заняты производительным трудом.

Коммунистический способ производства будет означать громадное развитие производительных сил. Это значит, что на долю каждого работника коммунистического общества будет приходиться меньше труда, чем раньше. Рабочий день будет все сокращаться, и люди будут все более освобождаться от цепей, накладываемых природой. Раз человеку придется тратить мало времени на то, чтобы прокормить и одеть себя, значит, у него будет много времени, чтобы заниматься своим духовным развитием. Человеческая культура достигнет небывалой высоты. Она будет при этом действительно человеческой, а не классовой культурой. Вместе с исчезновением гнета человека над человеком будет исчезать и гнет природы над людьми. Человечество начнет здесь впервые вести действительно разумную, а не зверскую жизнь.

Противники коммунизма всегда изображали его, как уравнительную дележку. Они говорили, что коммунисты хотят все забрать и поделить поровну: землю и другие средства производства, а также и средства потребления. Нет ничего нелепее такого взгляда. Прежде всего, такой всеобщий предел невозможен: можно поделить землю, рабочий скот, деньги. Но нельзя поделить железные дороги, машины, пароходы, сложные аппараты. Это во-первых. Во-вторых, раздел не только не приводит ни к чему хорошему, а, наоборот, отбрасывает человечество назад. Он означает образование множества мелких собственников. А мы уже знаем, что из мелкой собственности и конкуренции мелких собственников рождается крупная собственность. Значит, даже если бы был осуществлен всеобщий предел, то потом началось бы то же самое, и люди повторяли бы вечную сказку про белого бычка.

Пролетарский коммунизм (или пролетарский социализм) есть крупное товарищеское объединенное хозяйство. Он вытекает из всего развития капиталистического общества и из положения пролетариата в этом обществе. От него нужно отличать:

1) *Лютпен-пролетарский социализм (анархизм)*. Анархисты упрекают коммунистов в том, что будто бы коммунизм сохраняет государственную власть в будущем обществе. Это, как мы видели, неверно. Действительная разница состоит в том, что анархисты в гораздо большей степени обращают внимание на распределение, чем на организацию производства; а эту организацию производства они представляют не как громадное товарищеское хозяйство, а как массу

мелких, «свободных», самоуправляющихся коммун. Такой строй, явное дело, не может освободить человечество от гнета природы: в нем производительные силы не смогут быть развиты даже до того предела, какого они достигали при капитализме. Это потому, что анархизм не укрупняет, а раздробляет производство. Немуद्रено, что на практике анархисты склоняются часто к дележке предметов потребления и восстают против организации крупного производства. Они отражают интересы и стремления, главным образом, не рабочего класса, а так называемого люмпен-пролетариата, босяцкого пролетариата, которому плохо живется при капитализме, но который не способен ни на какую самостоятельную творческую работу.

2) *Мещанский (мелкобуржуазный городской) социализм*. Он опирается не на пролетариат, а на разоряющихся ремесленников, мелких горожан-мещан, частью на интеллигенцию. Он протестует против крупного капитала, но во имя «свободы» мелкого предпринимательства. По большей части он стоит за буржуазную демократию против социалистической революции, надеясь достигнуть своих идеалов «мирным путем»: через развитие кооперации, артелей, объединение кустарей и т.д. У нас большая часть городских эсеровских кооператоров принадлежит к этому образцу. При капитализме их предприятия обычно вырождаются в обыкновенные капиталистические организации, а сами эти кооператоры почти ничем не отличаются тогда от чистейших буржуа.

3) *Аграрно-крестьянский социализм* принимает разные формы, иногда близкие деревенскому анархизму. Для него особенно характерно то, что он никогда не представляет себе социализма как крупного хозяйства, очень близко подходит к дележке и к поравнению; от анархизма отличается по большей части требованием крепкой власти, которая бы охраняла от помещика, но в то же время охраняла бы и от пролетариата; таким видом «социализма» является эсеровская «социализация земли», которая навеки вечные укрепляет мелкое производство и боится пролетариата и превращения всего народного хозяйства в крупное товарищеское объединение. Впрочем, среди некоторых слоев крестьянства есть и другие виды социализма, более близкие к анархизму, не признающие государственной власти, но отличающиеся мирным характером (таков сектантский коммунизм, духоборы и т.д.). Аграрно-крестьянские настроения могут быть изжиты только в течение многих лет, когда крестьянская масса поймет все преимущества крупного хозяйства (об этом нам придется говорить много раз ниже).

4) *Рабовладельческий и крупнокапиталистический так называемый социализм*. На самом деле здесь нельзя даже говорить о т е н и социализма. Если в трех вышеприведенных группах «социализма» на него есть кое-какие намеки и если в них все же есть протест против угнетения, то здесь имеется только слово, которое обманным путем употребляется для того, чтобы спутать все карты. Эту моду ввели буржуазные ученые, а с их голоса – соглашательские социалисты (отчасти даже Каутский и К^о). Таков, например, «коммунизм» древнегреческого философа Платона. Он заключается в том, что организация рабовладельцев «товарищеского и «сообща» эксплуатирует массу бесправных рабов. Среди рабовладельцев – полное равенство и все общее. У рабов – нет ничего: они превращены в скот. Понятно, что здесь социализмом и не пахнет. Такого же рода «социализм» проповедуют и некоторые буржуазные профессора под видом «государственного социализма», с тою только разницей, что в рабов превращается современный пролетариат, а вместо рабовладельцев сидят наверху крупнейшие капиталисты. На самом деле и здесь нет ни тени социализма, а есть государственный, каторжный к а п и т а л и з м (о нем будет речь ниже).

Мещанский, аграрный и люмпен-пролетарский социализм имеет одну общую черту: все эти виды непролетарского социализма не считаются с действительным ходом развития. Ход развития ведет к укрупнению производства. У них же все покоится на мелком производстве. Поэтому неизбежно этот социализм представляет не что иное, как мечту, «утопию», не имеющую никакой вероятности осуществления.

§ 23. Диктатура пролетариата. Для осуществления коммунистического строя пролетариату необходимо иметь в своих руках всю власть и всю силу. Он не может перевернуть

старого мира, если он не будет иметь в руках этой силы, если он временно не станет господствующим классом. Само собой разумеется, что буржуазия без боя не отдаст своих позиций. Ведь коммунизм означает для нее потерю прежнего могущественного положения, потерю «свободы» выжимать пот и кровь из рабочего, потерю права на прибыли, проценты, ренту и прочее. Коммунистическая революция пролетариата, коммунистическое преобразование общества натывается поэтому на бешеную борьбу и сопротивление эксплуататоров. Задача рабочей власти как раз поэтому и состоит в том, чтобы беспощадно подавлять это сопротивление. А так как это сопротивление неизбежно должно быть очень большим, то и рабочая, пролетарская власть должна быть рабочей диктатурой. «Диктатура» означает особенно суровый способ управления и решительность в подавлении врагов. Совершенно понятно, что при таком положении вещей не может быть никакой речи о «свободе» для всех людей. Диктатура пролетариата несовместима со свободой для буржуазии. Эта диктатура для того и нужна, чтобы лишить буржуазию свободы, чтобы связать ее по рукам и по ногам, чтобы не дать ей вести борьбу против революционного пролетариата. И чем больше сопротивление буржуазии, чем больше мобилизует она свои силы, чем она опаснее, тем суровее и жестче должна быть пролетарская диктатура, которая не должна в крайних случаях останавливаться даже перед террором. Только при полном подавлении эксплуататоров, когда они перестанут сопротивляться, когда не будет для них никакой возможности пакостить рабочему классу, диктатура пролетариата будет все смягчаться и смягчаться; тем временем прежняя буржуазия будет понемногу смешиваться с пролетариатом и рабочее государство постепенно отомрет, а все общество превратится в коммунистическое общество без всяких классов.

При диктатуре пролетариата, которая является временным учреждением, средства производства, по сути дела, принадлежат не всему обществу без исключения, а только пролетариату, его государственной организации. Здесь рабочий класс, т.е. большинство населения, монополизирует временно все средства производства. Поэтому здесь еще нет полностью коммунистических производственных отношений. Здесь есть еще деление общества на классы; здесь есть еще господствующий класс (пролетариат); здесь есть монополизация этим новым классом всех средств производства; здесь есть государственная власть (власть пролетариата), которая подавляет своих врагов. Но по мере того, как подавляется сопротивление бывших капиталистов, помещиков, банкиров, генералов и епископов, строй пролетарской диктатуры без всяких революций переходит в коммунизм.

Пролетарская диктатура является не только орудием подавления врага, но и рычагом экономического переворота. Ведь этот переворот должен заменить частную собственность на средства производства общественной; он должен отнять («экспроприировать») у буржуазии средства производства и обращения. Кто же это будет делать и должен делать? Ясно, что не отдельные лица, хотя бы и пролетарского происхождения. Если бы это стали делать отдельные лица или даже отдельные группки, то вышла бы в лучшем случае дележка, а в худшем — все это выродилось бы в простой грабеж. Понятно поэтому, что экспроприацию буржуазии должна проводить организованная сила пролетариата. А такой организованной силой и является диктаторское рабочее государство.

Против пролетарской диктатуры возражают с разных сторон. Во-первых, анархисты. Они говорят, что борются против всякой власти и всякого государства, тогда как большевики-коммунисты стоят за советскую власть. Всякая же власть есть насилие и стеснение свободы. А потому нужно свергать большевиков и советскую власть, диктатуру пролетариата. Никакой диктатуры не нужно, не нужно никакого государства. Так рассуждают анархисты. Их возражение только кажется революционным. На самом деле анархисты не левее, а правее нас, больше-

виков. В самом деле, для чего нам нужна диктатура? Чтобы организованно добивать господство буржуазии, чтобы употреблять насилие (мы это открыто говорим) против врагов пролетариата. Диктатура пролетариата – это тонор в его руках. Кто против нее, тот боится решительных действий, тот боится обидеть буржуазию, тот не революционер. Когда мы буржуазию победим вполне, тогда нам не нужно будет никакой диктатуры пролетариата. Но когда идет борьба не на жизнь, а на смерть, тогда священная обязанность рабочего класса заключается в решительном подавлении своих врагов. Между коммунизмом и капитализмом должна быть эпоха пролетарской диктатуры. Затем возражают против диктатуры социал-демократы, в частности меньшевики. Эти господа совершенно позабыли то, что сами когда-то писали. Ведь в нашей старой программе, выработанной вместе с меньшевиками, прямо сказано: «Необходимое условие социальной революции составляет диктатура пролетариата, т.е. завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплуататоров». Под этим подписываются (на словах) и меньшевики. Но когда доходит до дела, тогда они начинают кричать о нарушении свобод для буржуазии, на закрытие буржуазных газет, на «террор большевиков» и т.д. Между тем в свое время даже Плеханов весьма одобрял беспощадные меры против буржуазии, говорил, что мы можем ее лишиться избирательных прав и проч. Теперь все это забыто меньшевиками, перешедшими в лагерь буржуазии.

Наконец, нам возражают многие с моральной точки зрения. Говорят, что мы рассуждаем, как дикари-готтентоты. Готтентот говорит: «Когда я украду жену соседа, это хорошо; когда он украдет мою жену, это плохо». И большевики, мол, ничем не отличаются от дикарей, так как они говорят: «Когда буржуазия насильничает над пролетариатом, это плохо; когда пролетариат насильничает над буржуазией, это хорошо». Возражающие так совсем не понимают, о чем идет речь. Когда они говорят о готтентотах, так там два равных человека, которые крадут друг у друга жен из-за тех же самых соображений. Пролетариат и буржуазия, однако, не два равных. Пролетариат – класс огромный, буржуазия – кучка. Пролетариат борется за освобождение всего человечества, буржуазия – за сохранение гнета, войн, эксплуатации; пролетариат борется за коммунизм, буржуазия – за сохранение капитализма. Если бы капитализм и коммунизм были одно и то же, тогда буржуазия и пролетариат были бы похожи на двух готтентотов. Сейчас же только пролетариат борется за новый строй; все, что помогает ему в борьбе, все то полезно; все, что мешает, – вредно.

§ 24. Завоевание политической власти. Пролетариат осуществляет свою диктатуру путем завоевания государственной власти. Но что значит завоевание власти? Многие думают, что завоевать у буржуазии власть – это вроде как переложить мячик из одного кармана в другой. Раньше эта власть была в руках у буржуазии, а потом пролетариат прогнал эту буржуазию и ту власть, которая была у нее, взял себе. Не новую власть создал, а старую захватил в свои руки.

Такой взгляд совсем не верен, и стоит только хорошенько подумать над ним, чтобы увидеть, в чем заключается неправильность.

Государственная власть есть организация. Буржуазная государственная власть есть буржуазная организация, в которой все люди подобраны на определенный манер: в армии – генералы из богачей наверху, министры из богачей – в управлении и т.д. Когда пролетариат борется за власть, против кого он борется? В первую голову, против этой буржуазной организации. Но если он борется против нее, значит, его задача состоит в том, чтобы нанести ей удары, чтобы ее разрушить. А так как главная сила государства заключается в армии, то, чтобы одержать победу над буржуазией, необходимо разложить и разрушить буржуазную армию, в первую голову. Немецкие коммунисты не могут свергнуть правительства Шейдемана и Носке, не разрушая его белогвардейской армии. Если армия противника цела-целсхонька, не может победить революция;

если революция побеждает, разлагается и распадается армия буржуазии. Поэтому, например, победа над паризмом означала частичное разрушение царского государства и разложение армии; и победа Октябрьской революции означала окончательное разрушение государственной организации Временного правительства и разложение армии Керенского.

Революция, таким образом, разрушает старую власть и создает новую, другую, ту, которой не было раньше. Конечно, в эту новую входят и некоторые составные части старого, но они расставлены по-другому, на другой манер.

Значит, завоевание государственной власти не есть завоевание той же самой организации, а создание другой организации, организации того класса, который победил в борьбе.

Вопрос этот имеет громадное практическое значение. Немецких большевиков, например, упрекают (как в свое время русских) в том, что они разлагают армию и способствуют падению дисциплины, повиновения генералам и т.д. Это казалось и многим до сих пор кажется страшным обвинением. А между тем в нем нет ничего страшного. Армия, которая выступает против рабочих по приказу генералов и буржуа, хотя бы они были земляками, должна быть разложена. Иначе — смерть революции. Значит, этого разложения буржуазной армии нечего бояться, и революционер должен себе ставить в заслугу то, что он разрушает государственный аппарат буржуазии. Там, где буржуазная дисциплина не нарушена, буржуазия непобедима. Нельзя желать ее разбить и в то же время бояться ее обидеть.

§ 25. Коммунистическая партия и классы капиталистического общества. Чтобы пролетариат в какой угодно стране мог победить, нужно, чтобы он был сплочен и организован, нужно, чтобы он имел свою коммунистическую партию, которая бы ясно видела, куда ведет развитие капитализма, которая бы понимала истинное положение и истинные интересы рабочего класса, которая разъясняла бы это положение и которая вела бы в бой и руководила боем. Никакая партия никогда и нигде не имела в своих рядах всех до одного членов своего класса: до такой степени сознательности ни один класс никогда и не доходил. Обыкновенно в партию организуются самые «передовые» члены класса, наиболее правильно сознающие свои классовые интересы, наиболее смелые, энергичные и упорные в борьбе. Таким образом, партия по числу своих членов всегда много меньше того класса, интересы которого она защищает. Но так как партия защищает именно эти, правильно понятые интересы, то партии обычно играют руководящую роль. Они ведут за собой весь класс, а классовая борьба за власть отражается, как борьба за власть политических партий. Чтобы понять природу политических партий, нужно рассмотреть положение разных классов капиталистического общества в отдельности. Из этого положения вытекают определенные классовые интересы, а их защита и образует, как мы видели, существо политических партий.

Помещики-землевладельцы. В первый период капиталистического развития их хозяйство покоилось на полупабском труде крестьян. Они сдавали крестьянам землю в аренду, беря за это либо натурой (напр., работа исполу, работа в помещичьем хозяйстве и т.д.), либо деньгами. Класс таких помещиков был заинтересован в том, чтобы крестьяне не уходили в города, противился всяким новшествам, желал сохранить старинные полупабские отношения в деревне; он был поэтому противником развивающейся промышленности. Такие помещики имели старые родовые дворянские имена, сами большей частью своего хозяйства не вели, а жили паразитами на крестьянском горбу. Соответственно такому положению партии помещиков всегда были и являются до сих пор оплотом самой черной реакции. Это партии, желающие возвратить повсюду старый порядок, с господством помещиков, помещичьим царем (монархом), с преобладанием

«благородного дворянства», с полным порабощением крестьян и рабочих. Это, как говорят, консервативные, или, вернее, реакционные партии. Так как издавна военные выходили из дворян-помещиков, неудивительно, что помещичьи партии весьма дружат с генералами и адмиралами. Это происходит во всех странах.

Образцом этого может служить прусское «юнкерство» (юнкерами называют в Германии крупных помещиков), из которого набирался офицерский корпус, а также наше русское дворянство, так называемые дикие помещики, или «зубры» вроде депутатов Думы – Маркова Второго, Крупенского и т.д. Если взять, например, царский Государственный совет, то можно было бы увидеть, что громадная часть его членов состояла как раз из представителей этого помещичьего класса. Обыкновенно самые крупные помещики старинных родов носят различные титулы: князей, графов и т.д.; они – наследники своих предков, имевших тысячи крепостных рабов. В России помещичьи партии были: Союз русского народа, партия «националистов» (во главе с Крупенским), правые октябристы и т.д.

Капиталистическая буржуазия. Ее интерес – в получении наиболее высокой прибыли с развивающейся «отечественной промышленности», т.е. из прибавочной ценности, выжимаемой из рабочего класса. Ясно, что ее интересы не совсем совпадают с интересами помещиков. Капитал, когда вторгается в деревню, разрушает там старые отношения; он вытгивает крестьянина из деревни в город, создает в городе огромный пролетариат, пробуждает у деревни новые потребности; появляется буйная «мастеровщина», прежние смирные крестьяне начинают «баловать». Поэтому все эти новшества не нравятся помещику-зубру. Наоборот, капиталистическая буржуазия видит в них признаки своего благополучия. Чем больше тянет рабочих из деревни в город, тем больше к услугам капиталиста наемных рук, тем дешевле можно за них платить; чем более разоряется деревня, чем больше мелких хозяйчиков перестают производить на себя разных продуктов, тем более они нуждаются в том, чтобы все это покупать у крупных фабрикантов; значит, чем скорее исчезают старые отношения, когда деревня на себя производила все, тем больше расширяется рынок для сбыта фабричных товаров, тем выше прибыли класса капиталистов.

Поэтому класс капиталистов ворчит на старых помещиков (есть еще помещики-капиталисты, которые сами ведут свое хозяйство при помощи наемного труда и машин; они гораздо ближе по своим интересам к буржуазии и входят обыкновенно в партии крупной буржуазии). Но, конечно, главная борьба у него направлена против рабочего класса. Когда рабочий класс борется только против помещиков и мало против буржуазии, тогда буржуазия смотрит на борьбу рабочих весьма благожелательно (например, в 1904–1905 гг., до октября). Когда же рабочие начинают осуществлять свои коммунистические интересы и идут против буржуазии, тогда буржуазия объединяется вместе с помещиками против рабочих. Теперь во всех решительно странах партии капиталистической буржуазии (так называемые либеральные партии) ведут бешеную борьбу против революционного пролетариата и составляют главный политический штаб контрреволюции.

В России такой партией является партия народной свободы, иначе называемая конституционно-демократической партией, или попросту кадетами, а также почти исчезнувшая партия октябристов. Промышленная буржуазия, капиталистические помещики, банкиры, а также их защитники – крупная интеллигенция (профессора, хорошо оплачиваемые адвокаты и писатели, директора фабрик и заводов) – вот кто составлял ядро этой партии. В 1905 г. партия эта воевала против самодержавия, но уже побивалась рабочих и крестьян; после Февральской революции она стала во главе всех партий, идущих против партии рабочего класса, т.е. большевиков.

коммунистов. В 1918 и 1919 гг. партия к[а]д[етов] руководила всеми заговорами против советской власти, принимала участие в правительстве генерала Деникина и адмирала Колчака. Словом, она стала вождем кровавой реакции и окончательно слилась даже с помещичьими партиями. Это произошло потому, что под напором рабочего класса все группы крупных собственников объединяются в один черный стан и во главе становится самая энергичная партия.

Городская мелкая буржуазия и мелкая интеллигенция. Сюда относятся ремесленники, мелкие лавочники, мелкая служащая интеллигенция и мелкое чиновничество. Это, в сущности, не класс, а довольно разнородная куча. Все эти элементы более или менее эксплуатируются капиталом и работают часто через силу. Многие из них в ходе капиталистического развития гибнут. Но условия их труда таковы, что они по большей части не сознают безнадежности своего положения при капитализме. Взять, например, ремесленника. Он трудолюбив как вол. Капитал его эксплуатирует разными способами: его эксплуатирует ростовщик; его эксплуатирует, скажем, магазин, на который он работает, и т.д. Но ремесленник все же чувствует себя «хозяйчиком»: он работает на своих инструментах, он по видимости «независим» (хотя в действительности его со всех сторон опутал капиталистический паук); он надеется еще и сам выйти «в люди» («вот, — думает он постоянно, — поправятся дела, тогда я себе и то куплю, и это»); он стремится слиться не с рабочими и подражает не им, а хозяевам, потому что в душе сам стремится стать таким хозяином. Вот почему, несмотря на то что он беден как церковная крыса, он часто ближе к своим эксплуататорам, чем к рабочему классу. Мелкобуржуазные партии обычно выступают под флагом «радикальных», «республиканских», а иногда и «социалистических» партий (см. также § 22, мелкий шрифт). Стоит большого труда сдвинуть мелкого хозяйчика с его неправильной позиции: в этом не его «вина», в этом его беда.

В России мелкобуржуазные партии более чем где бы то ни было надевали на себя социалистическую маску. Таковы партии народных социалистов, эсеров, отчасти меньшевиков. Впрочем, нужно заметить, что эсеры стремились, главным образом, опереться на середнячков и кулацкие элементы в деревне.

Крестьянство. Крестьянство в деревнях занимает место, очень похожее на мелкую буржуазию в городах. Оно, в сущности, тоже не есть класс, потому что оно постоянно при капитализме распадается на классы. Из крестьян в любой деревне и в каждом селе одни уходили постоянно на заработки, а потом и вовсе превращались в пролетариев, другие пролезали в кулаки. Крестьянская середка, так называемые середняки, тоже вещь неустойчивая: одни из середнячков разорялись, попадали в безлошадные, а потом в батраки, мастеровые, фабричные; другие понемногу поправлялись, «строились», вылезали в богатеи, становились «хозяйственными мужичками», принимали себе работников, заводили машины — словом, становились предпринимателями-капиталистами. Вот почему про крестьянство можно сказать, что оно не класс. В нем нужно различать, по крайней мере, три группы: кулачество, или сельскохозяйственную буржуазию, эксплуатирующую наемный труд; середняков, которые ведут свое трудовое хозяйство, но наемного труда не эксплуатируют, и, наконец, полупролетариев и пролетариев.

Нетрудно понять, что согласно своему положению все эти группы по-разному смотрят на классовую борьбу между пролетариатом и буржуазией. Кулачество обычно состоит в союзе с буржуазией, а очень часто даже и с помещиками (в Германии, например, так называемые «крупные крестьяне» входят вместе с попами и помещиками в одни и те же организации; то же в Швейцарии, в Австрии, отчасти и во Франции; в России

кулаки уже в 1918 г. стали поддерживать все контрреволюционные заговоры). Полу-пролетарские и пролетарские слои, естественно, поддерживают рабочих в их борьбе с буржуазией и с кулаками. Что же касается середняка, то дело обстоит здесь много сложнее.

Если бы крестьяне-середняки смогли сразу понять, что большинству из них при капитализме нет выхода, что только немногие из них смогут пробиться в кулаки, а остальным суждена полунищенская жизнь, тогда бы они стали решительно все и целиком поддерживать рабочих. Но их беда состоит в том, что с ними происходит то же, что с ремесленниками и мелкой городской буржуазией вообще. Каждый из них в глубине души надеется выйти в люди, разбогатеть. Но, с другой стороны, их угнетают капиталист, ростовщик, помещик, кулак. Поэтому середняк-крестьянин большей частью мечется между пролетариатом и буржуазией. Он никак не может целиком стать на рабочую платформу; но в то же время он боится помещика пуше огня.

Особенно ясно это можно видеть у нас в России: крестьяне-середняки поддерживали рабочих против помещика и кулака; но потом часто боялись, как бы при «коммунии» не было хуже, и шли против рабочих – кулакам удавалось их соблазнить; а когда снова появлялась опасность помещика (Деникин, Колчак), они снова начинали поддерживать рабочих.

Это положение сказывалось и на борьбе партий. То крестьяне-середняки шли за рабочей партией (большевиками-коммунистами), то за партией кулаков и крупных крестьян – эсерами.

Рабочий класс (пролетариат) составляет класс, которому «нечего терять, кроме своих цепей». Он не только эксплуатируется капиталистами, но он, как мы уже видели, сплачивается самим ходом капиталистического развития в крупную силу, солидарную, однородную, привыкшую сообща трудиться и сообща бороться. Поэтому рабочий класс есть самый передовой класс капиталистического общества. Поэтому и его партия есть самая передовая, самая революционная партия, которая только может существовать.

Естественно также, что целью этой партии является коммунистическая революция. А для этой цели партия пролетариата должна быть непримиримой. Ее задача – не торговаться с буржуазией, а низвергать буржуазию и подавлять сопротивление этой буржуазии. Она, эта партия, должна «разоблачать непримиримую противоположность интересов эксплуататоров интересам эксплуатируемых» (так сказано было и в нашей старой программе, подписанной и меньшевиками; увы, они это основательно забыли и целуются с буржуазией).

Но каково должно быть отношение нашей партии к мелкой буржуазии, городской непролетарской бедноте, крестьянам-середнякам?

Из вышеприведенного ясно это отношение. Мы должны всячески доказывать и разъяснять, что надежды на лучшее житье при капитализме – это обман или самообман. Мы должны терпеливо и постоянно разъяснять крестьянину-середняку, что он должен перейти решительно в стан пролетариата, вместе с ним бороться, несмотря ни на какие трудности; мы обязаны указывать, что при победе буржуазии выиграют только кулаки, которые превратятся в нового помещика. Мы должны, словом, звать всех трудящихся на соглашение с пролетариатом и на то, чтобы все трудящиеся переходили на точку зрения рабочего класса. Мелкая буржуазия и среднее крестьянство полны предубеждений, которые выросли из условий их жизни. Наша обязанность заключается в том, чтобы раскрывать истинное положение вещей: положение ремесленника и трудового крестьянина при капитализме безнадежно, и нечего терпеть себя розовыми цветами; при капитализме всегда будет сидеть на шее помещик, старый – из дворян или новый – из

кулаков; только при победе и укреплении пролетариата можно перестроить жизнь на новых началах. А так как пролетариат может победить лишь при своей организованности и при существовании сильной, сплоченной и решительной партии, то мы должны звать в наши ряды всех трудящихся, которым дорога эта новая жизнь и которые научились думать и бороться по-пролетарски.

Какое значение имеет существование сплоченной и боевой коммунистической партии, видно на примере Германии и России. В Германии, где пролетариат был развит, тем не менее не было до войны такой боевой партии рабочего класса, как русские коммунисты-большевики. Только за время войны товарищи Карл Либкнехт, Роза Люксембург и другие стали строить отдельную коммунистическую партию. Поэтому во время 1918 и 1919 гг., несмотря на ряд восстаний, немецким рабочим не удалось победить буржуазию. В России же была такая непримиримая партия, как наша. Русский пролетариат благодаря этому имел хорошее руководство. И, несмотря на все трудности, он был поэтому первым пролетариатом, который мог выступать так сплоченно и так быстро победить. Наша партия в этом отношении может служить и служит образцом для других коммунистических партий. Ее сплоченность и дисциплина известны повсюду. Она, действительно, является самой боевой и руководящей партией пролетарской революции.

Литература к главе III: Маркс и Энгельс. Коммунистический манифест; Ильин В. (Пенин). Государство и революция; Плеханов Г. Столетие Великой Французской революции; Богданов А. Краткий курс экономической науки; Бебель А. Женщина и социализм (глава: Государство будущего); Богданов А. Красная звезда (утопия); Корсаков. Общество правовое и общество трудовое в сборнике: Очерки реалистического мировоззрения. Об анархизме см.: Вольский С. Теория и практика анархизма; Преображенский Е. Анархизм и коммунизм; Базаров В. Анархический коммунизм и марксизм. О классах в капиталистическом обществе см.: Каутский К. Классовые интересы. Для характеристики мелкобуржуазных партий см.: Маркс. 18 брюмера; Маркс К. Революция и контрреволюция в Германии; Он же. Гражданская война во Франции.

Глава IV

Как развитие капитализма привело к коммунистической революции (империализм, война и крах капитализма)

§ 26. Финансовый капитал. § 27. Империализм. § 28. Милитаризм.
§ 29. Империалистская война. § 30. Государственный капитализм и классы.
§ 31. Крах капитализма и рабочий класс. § 32. Гражданская война. § 33. Формы гражданской войны и ее издержки. § 34. Всеобщее разложение или коммунизм?

§ 26. Финансовый капитал. Мы видели выше, что между отдельными предпринимателями постоянно и непрерывно шла жестокая борьба за покупателя, и в этой борьбе также постоянно и непрерывно побеждал крупный предприниматель. Отсюда происходило то, что мелкие хозяйства гибли и разорялись, а капитал и все производство сосредоточивались в руках крупнейших капиталистов (концентрация и централизация капитала). К началу восьмидесятых годов прошлого столетия капитал уже был весьма изрядно централизован. Появились в большом количестве вместо прежних отдельных владельцев также и акционерные общества, или «товарищества на паях»; разумеется, эти «товарищества» были обществами капиталистов. В чем заключался их смысл? Откуда они появились? Ответ дать нетрудно. К тому времени каждое новое предприятие должно было иметь сразу же солидный капитал. Если основывалось какое-нибудь заходящее предприятие, у него было очень мало вероятности выжить: со всех сторон его сразу же окружали сильные и могущественные соперники, крупные фабриканты. Значит, но-

вое предприятие, чтобы выжить, чтобы не погибнуть, а, наоборот, процветать, должно было быть сразу организовано на крупных началах. А на крупных началах оно могло быть организовано только тогда, когда для этого сразу же был налицо крупный капитал. Вот из этой-то потребности и родилось акционерное общество. Его сущность заключается в том, что здесь несколько крупных капиталистов используют капиталы мелких и даже мелкие сбережения некапиталистических групп (служащих, крестьян, чиновников и т.д.). Это происходит вот как. Каждый вносит свою долю, свой «пай» или несколько «паев». Вместо этого он получает бумажку, «акцию», которая дает ему право на получение известной части дохода. Таким образом, от скопления сумм со всех сторон сразу получается крупный «акционерный капитал».

Когда акционерные общества появились, то некоторые буржуазные ученые, а за ними и соглашательские социалисты стали говорить, что теперь, мол, наступила новая пора: капитал приводит не к тому, что начинает господствовать кучка капиталистов, а, наоборот, каждый служащий может на свои сбережения купить акцию и, таким образом, стать капиталистом. Капитал, дескать, становится все более «демократичным», и в конце концов разница между капиталистом и рабочим исчезнет без всякой революции.

Все это оказалось чистейшим вздором и ерундой. На самом деле вышло совсем обратное. Крупные капиталисты только использовали мелких в своих целях, и централизация капитала пошла в ход еще быстрее, чем раньше, потому что бороться друг с другом стали уже громадные акционерные предприятия.

Легко понять, почему крупные капиталисты-пайщики превратили на деле мелких пайщиков просто-напросто в своих слуг. Мелкий пайщик, часто живущий в другом городе, не может приехать за сотни верст на общее собрание акционеров. А если некоторое число таких пайщиков приезжает, то они не организованы и тычутся во все стороны, как слепые щенки. Зато крупные пайщики организованы, проводят всегда общий план и делают все, что хотят. Опыт показал, что достаточно им владеть т р е т ь е й частью всех акций, и тогда они полные и абсолютные хозяева и распорядители всего предприятия.

Но развитие концентрации и централизации капитала на том не остановилось. В последние десятилетия появились на месте отдельных предпринимателей и отдельных акционерных обществ целые союзы капиталистов: синдикаты (или картели) и тресты. Почему они появились? И что это за штука?

Предположим, что в какой-нибудь отрасли производства, скажем в ткацкой или в металлургической, мелкие капиталисты уже исчезли; осталось всего пять-шесть громаднейших предприятий, которые производят почти все товары ткацкого и металлургического производства. Они ведут между собой конкурентную борьбу, понижают для этого цены и получают от этого меньше прибыли. Предположим теперь, что пара этих предприятий сильнее и крупнее других. Тогда они эту борьбу ведут до тех пор, пока остальные не разорятся. Но предположим, что силы их приблизительно одинаковы: у них одинаковый размер производства, одинаковые машины, одинаковое приблизительно количество рабочих; им товарная штука самим обходится тоже в одинаковую величину. Что получается тогда? Тогда борьба никому не даст победы, всех равно истощает, у всех падает прибыль. И тут капиталисты приходят к выводу: зачем нам сбивать цены друг у друга? Не лучше ли объединиться и с о о б щ а грабить публику? Ведь если мы объединимся, никакой конкуренции не будет, весь товар в наших руках и мы можем заламывать какие угодно цены.

Так, возникает союз, объединение капиталистов: синдикат или трест. Синдикат отличается от треста вот чем: когда организуется синдикат, тогда входящие в его состав капиталисты уговариваются, чтобы продавать товар не ниже определенной цены,

распределять сообща заказы или делить между собой рынки (ты продавай только там, а я – только тут и т.д.) Но при этом правление синдиката не может, скажем, закрыть какое-нибудь предприятие; каждое из них входит в союз, но имеет еще известную степень самостоятельности. При тресте же все они настолько тесно объединяются, что отдельное предприятие теряет свою самостоятельность совсем: правление треста может его закрыть, переделать на другую ногу, перевести куда угодно, если это выгодно всему тресту. Конечно, капиталист этого предприятия получает свою прибыль беспрепятственно, она даже увеличивается, но всем управляет тесный и сплоченный союз капиталистов – трест.

Синдикаты и тресты владеют рынком почти целиком. Они не боятся никакой конкуренции, потому что они задавили всякую конкуренцию. На место конкуренции стала капиталистическая монополия, т.е. господство одного треста*.

Таким образом, концентрация и централизация капитала постепенно уничтожала конкуренцию. Конкуренция поедала сама себя. Чем бешенее она развивалась, тем быстрее шла централизация, потому что тем быстрее гибли слабосильные капиталисты. В конце концов централизация капитала, вызванная конкуренцией, убила эту конкуренцию. На место «свободного соперничества», т.е. свободной конкуренции, стало господство монополистических союзов предпринимателей – синдикатов и трестов.

Достаточно привести всего несколько примеров, чтобы увидеть гигантскую силу трестов и синдикатов. В Соединенных Штатах Америки уже в 1900 г., т.е. в самом начале XX в., доля производства синдикатов была: в текстильной промышленности – свыше 50%, в стекольной – 54%, бумажной – 60%, металлической (кроме железа и стали) – 84%, железнотопливной и сталелитейной – 84%, химической – 81% и т.д. Нечего и говорить, что теперь доля производства неизмеримо повысилась. Фактически теперь все производство в Америке сосредоточено в руках двух трестов: нефтяного и стального; от этих трестов зависят все остальные. В Германии к 1913 г. добыча угля в рейнско-вестфальском угольном районе (это нечто вроде нашего Донецкого бассейна) на 92,6% была сосредоточена в руках одного синдиката; стальной синдикат вырабатывал около половины всей производимой в стране стали; сахарный трест производил 70% внутреннего и 80% внешнего сбыта и т.д.

В России и то целый ряд отраслей представлял собою уже полное господство синдикатчиков. Синдикат «Продуголь» давал 60% всего донецкого угля, синдикат «Продамета» объединял 88–93%, «Кровля» – 60% (кровельное железо), «Продвагон» централизовал 14 из 16 строительных заводов, медный синдикат – 90%, сахарный – все производство сахара (100%) и т.д., и т.п. По подсчетам одного швейцарского ученого, относящимся к началу XX в., половина всех капиталов мира находилась уже в руках синдикатов и трестов.

Синдикаты и тресты централизуют не только однородные предприятия. Все чаще и чаще появляются тресты, захватывающие сразу несколько отраслей производства. Каким образом это происходит?

Все отрасли производства связаны одна с другой куплей-продажей прежде всего. Возьмем производство железной руды и каменного угля. Здесь производится продукт, который является сырьем для чугуноплавильных и металлургических заводов; в свою

* Слово «монополия» происходит от двух греческих слов: «монос» (один) и «полис» (государство, управление, господство). У нас слово монополия означало винную монополию государства, когда казна одна могла производить водку. Но монополия может быть и не только на водку, а на все; и не только у государства, но и у частных фабрикантов. (Прим. автора.)

очередь, эти заводы делают, скажем, машины; эти машины служат средствами производства в ряде других отраслей и т.д., и т.д. Предположим теперь, что у нас есть чугуноплавильный завод. Он покупает железную руду и каменный уголь. Значит, он заинтересован в том, чтобы эта руда и уголь покупались по дешевой цене. А если руда и уголь в руках другого синдиката? Тогда начинается борьба между одним синдикатом и другим, которая кончается либо победой одного из них, либо слиянием. И в том, и в другом случае возникает новый синдикат, объединяющий две отрасли сразу. Само собой разумеется, что так объединяться могут не только две, но и три, и десять отраслей. Такие предприятия называются **с л о ж н ы м и** (иначе «комбинированными») предприятиями.

Итак, синдикаты и тресты организуют не только отдельные отрасли, но и связывают в одну организацию **р а з н о р о д н ы е** производства, одну отрасль привязывают к другой, третьей, четвертой и т.д. Раньше были во всех отраслях независимые друг от друга предприниматели, а все производство было раздроблено в сотнях тысяч маленьких фабрик. К началу двадцатого века это производство уже было сосредоточено в гигантских, чудовищных по своим размерам трестах, организующих многие отрасли производства.

Связи между отдельными отраслями производства возникали не только путем образования «комбинированных» предприятий. Тут нужно остановиться на явлении, которое будет поважнее этих комбинированных предприятий. Это явление – **г о с п о д с т в о б а н к о в**.

Но сперва нужно сказать несколько слов об этих банках.

Мы уже видели, что, когда концентрация и централизация капитала достигла солидного развития, появилась потребность в капитале для того, чтобы ставить новые предприятия сразу на широкую ногу. На почве этой потребности, между прочим, появились акционерные общества. Значит, организация новых предприятий требовала возрастающих сумм капитала.

С другой стороны, присмотримся к тому, что делает капиталист с той прибылью, которую он получает. Мы знаем, что часть ее он проедает, пронашивает, словом, тратит на себя, а другую часть «накопляет». Спрашивается: как он это делает? Может ли он в любую минуту расширить свое производство, пустить эту часть прибыли в дело? Нет, не может. И вот почему. Деньги к нему поступают ведь непрерывно, по частям. Сбыли партию товара – текут деньги в кассу, сбыли еще – следующая порция денег пришла. Понятно, что для пускания их на расширение предприятия нужна известная сумма. Значит, нужно погодить, пока притечет столько денег, сколько необходимо, скажем, на покупку новых машин. А до тех пор? А до тех пор деньги не могут быть употреблены. Они лежат зря. Это происходит не у одного или двух капиталистов, а в разное время у всех. Есть постоянно **с в о б о д н ы й к а п и т а л**. А выше мы видим, что есть спрос на капитал. С одной стороны, есть лишние суммы, которые лежат зря, с другой – есть потребность в них. Чем быстрее централизуется капитал, тем больше потребность в крупных суммах, но тем больше количество свободного капитала. Вот это положение вещей и поднало **з н а ч е н и е б а н к о в**. Чтобы у капиталиста деньги зря не залеживались, он вкладывает их в банк, а банк ссужает их тем, кому они нужны для расширения старых или организации новых предприятий. Промышленники дают деньги банку, банк дает их **д р у г и м** промышленникам. Эти выжимают при помощи полученного капитала прибавочную ценность; часть ее дают банку за ссуду; банк, со своей стороны, отдает часть полученного вкладчикам, часть оставляет себе как банковую прибыль. Так идет вперед вся машина.

Понятно теперь, что за последнее время капиталистического господства роль банков, их значение, их деятельность возросла до чрезвычайности. Все больше и больше сумм капитала впитывают банки в себя. И все больше вкладывают они капитала в

промышленность. Банковский капитал постоянно «работает» в промышленности, он сам становится промышленным капиталом. Промышленность начинает зависеть от банков, которые ее поддерживают и питают капиталом. Банковский капитал сращивается с промышленным. Вот такой-то вид капитала и называется финансовым капиталом. Значит, финансовый капитал – это банковый капитал, сросшийся с капиталом промышленным.

Финансовый капитал через банки связывает все отрасли промышленности в еще большем размере, чем это делают комбинированные предприятия. Почему?

Предположим, что перед нами какой-нибудь крупный банк. Этот крупный банк дает капитал (или, как говорят, «финансирует») не одному, а очень многим предприятиям или многим синдикатам. Значит, он заинтересован в том, чтобы они не грызлись между собой; он их объединяет; он ведет политику непрерывного связывания этих предприятий в одно целое под своим руководством – под руководством банка; банк начинает держать вожжи от всей промышленности, от целого ряда отраслей производства: доверенные люди банка назначаются директорами трестов, синдикатов, отдельных предприятий.

В конце концов получается вот такая картина: промышленность целой страны объединена в синдикаты, тресты, комбинированные предприятия; все это объединено банками; во главе всей хозяйственной жизни становится кучка крупнейших банкиров, которые управляют всей промышленностью. А государственная власть целиком исполняет волю этих банкиров и синдикатчиков.

Это очень хорошо можно видеть на примере Америки. В Соединенных Штатах «демократическое» правительство Вильсона есть прямой ставленник американских трестов. Парламент только принимает то, что раньше было решено на закулисных совещаниях синдикатчиков и банкиров. Тресты тратят огромнейшие деньги на подкуп депутатов, на избирательную кампанию и т.д. Один американский писатель (Майерс) сообщает, что в 1904 г. страховой трест «Мютюал» израсходовал на подкуп 364 254 тысячи долларов, «Эквитэбл» – 172 698 тысяч, «Нью-Йорк» – 204 019 тысяч и так далее. Зять Вильсона и министр финансов – Мэк-Аду – один из крупнейших банкиров и синдикатчиков. Сенаторы, министры, депутаты – простые служащие или участники огромных трестов. Государственная власть, «свободная республика» – это простой деловой двор для обирания публики.

Таким образом, мы можем сказать, что капиталистическая страна при господстве финансового капитала сама целиком превращается в громадный комбинированный трест, во главе которого стоят банки, а исполнительным комитетом которого является буржуазная государственная власть. Америка, Англия, Франция, Германия и т.д. – это не что иное, как государственно-капиталистические тресты, могучие организации синдикатчиков и банкиров, которые эксплуатируют и управляют сотнями миллионов своих рабочих, своих наемных рабов.

§ 27. Империализм. Финансовый капитал устраняет до известной степени анархию капиталистического производства в отдельной стране. На месте дерущихся между собою отдельных предпринимателей все объединяется в государственно-капиталистический трест.

Но как же тогда обстоит дело с одним из основных противоречий капитализма? Ведь мы не раз говорили, что капитализм должен сломаться потому, что в нем нет организованности, и потому, что в нем существует классовая борьба. Но если одно из двух противоречий (смотри § 13) уничтожается, то, быть может, и предсказание относительно гибели капитализма ни на чем не основано?

Тут для нас главное сейчас вот в чем: на самом деле анархия производства и конкуренция не устраняются или, лучше сказать, они устраняются в одном месте, чтобы тем резче проявиться в другом. Разъясним подробно этот вопрос.

Теперешний капитализм есть мировой капитализм. Все страны связаны друг с другом: одни покупают у других. Нет теперь на земле таких мест, которые бы не попали под палу капитала, и нет страны, которая бы все решительно производила у себя.

Целый ряд продуктов может быть производим только в определенных местах: апельсины не растут в холодной стране, а железной руды нельзя добыть там, где ее нет под землей. Кофе, какао, каучук производятся только в теплых странах. Хлопок производится в Соединенных Штатах Америки, в Индии, Египте, Туркестане и т.д., откуда его вывозят во все части мира. Углем обладает Англия, Германия, Соединенные Штаты, Австрия, Россия; но его, например, нет в Италии, и Италия целиком зависит от английского или немецкого угля и т.д. Пшеница вывозится во все страны из Америки, Индии, России, Румынии.

С другой стороны, одни страны ушли далеко в своем развитии, другие отстали. Поэтому всяческие изделия городской промышленности выбрасываются передовыми странами в отсталые страны; железные изделия на весь мир поставляют главным образом Англия, Соединенные Штаты и Германия; химические изделия, в первую голову, поставляла Германия.

Так, одна страна зависит от другой и покупает или продает другой. До чего может доходить эта зависимость, видно на примере Англии, которая ввозит $\frac{3}{4}$ всего необходимого ей хлеба и половину необходимого ей количества мяса, зато большую часть своих фабричных изделий вывозит из страны.

Теперь спросим себя: устраняет ли финансовый капитал конкуренцию на мировом рынке? Создает ли он мировую организацию тем, что объединяет капиталистов в отдельной стране? И тут сразу видно, что нет. Анархия производства и конкуренция в отдельной стране более или менее прекращается, потому что отдельные крупнейшие предприниматели объединяются в государственно-капиталистический трест. Но зато тем больше разгорается драка между самими государственно-капиталистическими трестами. Ведь так всегда бывает при централизации капитала: когда мелкая сошка гибнет, тогда, разумеется, число конкурентов уменьшается, ибо остаются одни крупные; но эти крупные и дерутся по-крупному; потом вместо конкурентной борьбы между отдельными фабрикантами начинается борьба между трестами. Число трестов, конечно, меньше, чем число фабрикантов. Но зато борьба здесь покрупнее, и пожесточе, и разорительнее. Ну, а когда капиталисты в одной стране выбили из седла всех мелких и организовались в государственно-капиталистический трест, тогда число конкурентов еще более сократилось. Но зато эти конкуренты — громадной силы капиталистические державы. И их конкурентная борьба сопровождается такими небывалыми издержками и опустошениями, как никогда. Ибо конкуренция государственно-капиталистических трестов проявляется в «мирное» время в конкуренции вооружений, а в конце концов — в опустошительной войне.

Итак, финансовый капитал уничтожает конкуренцию в отдельных странах, но он на определенное время страшно ожесточает конкуренцию между этими странами.

Как это происходит? И почему эта конкуренция между капиталистическими странами в конце концов приводит к завоевательной политике, к войне? Почему эта конкуренция не может быть мирной? Ведь когда два фабриканта конкурируют между собой, они не лезут друг на друга с ножом, а перебивают друг у друга покупателя в мирной борьбе. Почему же конкуренция на мировом, всемирном рынке стала такой ожесточенной и вооруженной? На все эти вопросы нужно дать подробный ответ.

Тут нужно посмотреть прежде всего, как должна была изменяться политика буржуазии вместе с переходом от старого капитализма, где процветала свободная конкуренция, к новому, где у власти стал финансовый капитал.

Начнем с так называемой таможенной политики. В борьбе между странами уже давно государственная власть буржуазии, охраняющая своих капиталистов, придумала средство борьбы в виде таможенных пошлин. Если, например, русские ткацкие фабриканты боялись, что их английские или немецкие конкуренты будут ввозить свой товар и собьют все цены в России, тогда готовое к услугам правительство накладывало пошлину на английскую и немецкую ткань. Это, разумеется, затрудняло доступ иностранного товара в Россию. Обыкновенно фабриканты говорили, что таможенные пошлины нужны, чтобы защитить отечественную промышленность. Но если теперь приглядеться к разным странам, то можно сразу увидеть, что «умысел другой тут был». В самом деле, за последние десятилетия больше всех кричали о высоких пошлинах и накладывали их капиталисты самых крупных и сильных стран во главе с Америкой. Неужели их могли обидеть иностранные конкуренты? «Кто тебя, Кит Китыч, обидит? Ты сам всякого обидишь!»

В чем же дело? А дело вот в чем. Предположим, что ткацкое производство в какой-нибудь стране монополизировано ткацким синдикатом или трестом. Что тогда происходит, если вводится пошлина? Тогда капиталисты-синдикатчики этой страны убивают сразу двух зайцев: во-первых, они избавляются от иностранного соперничества; во-вторых, они могут без всякого риска повысить цены на свой товар почти на столько, на сколько повышены пошлины. Положим, пошлина на аршин ткани повышена на рубль. Тогда ткацкие синдикатчики могут смело накинуть еще рубль или 90 коп. на аршин своего товара. Если бы не было синдиката, тогда бы конкуренция между капиталистами внутри страны сейчас же сбила бы цены. Если же надо всем царствует синдикат, тогда он совершенно спокойно может эту надбавку сделать: иностранец не достанет, потому что и барьер пошлины повышен, а своего домашнего конкурента нет. Государство синдикатчиков получает от пошлины доход, а сам синдикат получает лишнюю добавочную прибыль от надбавки цен. Такая вещь возможна лишь тогда, когда есть синдикат или трест. Но этим дело не ограничивается. Синдикатчики, имея в своих руках эту добавочную прибыль, могут вывозить поэтому в другие страны свой товар и продавать там себе в убыток, лишь бы только выжить на чужих землях своих соперников. Они так и делали. Известно, например, что русский синдикат сахарозаводчиков держал в России сравнительно высокие цены на сахар, а в Англии продавал его за бесценок, лишь бы там уничтожить своих конкурентов. Даже поговорка сложилась, что в Англии русским сахаром кормят свиней. Значит, пользуясь пошлинами, синдикатчики могут из всех сил грабить своих земляков, чтобы завоевывать под свое господство иностранных покупателей.

Из всего этого проистекают крупные последствия. В самом деле, теперь ясно, что для синдикатчиков тем больше будет дополнительная прибыль, чем больше тех овец, которых можно стричь и которые окружены таможенной границей. Если таможенная граница охватывает небольшой кружок, тогда много не соберешь. Наоборот, если таможенная граница охватывает большое количество земель с большим населением, тут есть чем поживиться. Тогда дополнительная прибыль будет большая, тогда можно смелее действовать на мировом рынке, тогда есть надежда на крупный успех. Но ведь таможенная граница — это обыкновенно то же, что и государственная граница. Как же расширить эту границу? Что это значит? Это значит отхватить клочок чужой земли, присоединить этот клочок себе, включить его в свою границу, в свой государственный союз. А это и есть война. Значит, господство синдикатчиков обязательно связано с завоевательными войнами. Каждое разбойничье государство капитала стремится «расширить

свои границы»: это требуют интересы синдикатчиков, интересы финансового капитала. Расширять границу – это все равно что вести войну.

Таким образом, таможенная политика синдикатов и трестов, связанная с их политической на мировом рынке, приводит к ожесточеннейшим столкновениям. Но тут действуют и подталкивают к войнам также и другие причины.

Мы видели, что развитие производства ведет за собой постоянное получение накапливаемой прибавочной ценности. В каждой развитой капиталистической стране постоянно нарастает поэтому и излишний капитал, который дает меньшую прибыль, чем в стране отсталой. Чем больше излишков капитала в стране, тем сильнее стремление вывезти капитал, приложить его к другой стране. Этому в сильнейшей степени способствует и таможенная политика. В самом деле, таможенные пошлины очень препятствуют ввозу товаров. Если, скажем, русские фабриканты провели высокие пошлины на немецкие товары, это значит, что немецким фабрикантам труднее стало сбывать свой товар в России (мы говорим, конечно, о том, что было при господстве фабрикантов, а не при советской власти).

Но если им стало труднее сбывать товары, у них есть другой выход: немецкие капиталисты начинают тогда вывозить свои капиталы в Россию; они строят фабрики и заводы, покупают акции русских предприятий или основывают новые, давая на них капитал. Мешают этому пошлины? Ничуть не бывало. Наоборот, не только не мешают, а помогают, служат приманкой для ввоза капиталов. И вот почему: когда этот немецкий капиталист имеет фабрику в России, да еще входит в «русский» синдикат, тогда русские пошлины помогают ему получать добавочную прибыль: они ему так же полезны в деле обирания публики, как и его русским коллегам.

Капитал вывозится из страны в страну не только в виде основания и поддержки предприятий в другой стране. Очень часто он дается в ссуду другому государству за определенный процент (т.е. другое государство увеличивает свой государственный долг, становится должником первого). В этих случаях государство-должник обычно обязуется также делать всякие займы (в особенности военные) у промышленников того государства, которое ссудило денежный капитал. Таким образом, из одного государства в другое переливаются громадные капиталы, частью заключенные в предприятиях и сооружениях, частью – в государственном долге. При господстве финансового капитала вывоз (экспорт) капитала достигает гигантских размеров.

Для примера приведем цифры, которые теперь уже устарели, но все же говорят нам кое-что. Франция к 1902 г. имела в 26 государствах вложенными 35 млрд франков, из них около половины было ссужено различным государствам в виде займа. Из этой цифры львиная доля приходилась на Россию (10 млрд). К слову сказать, поэтому французская буржуазия так и бесится, что мы уничтожили долги царя и отказались их платить французским ростовщикам. В 1905 г. сумма вывезенного капитала была уже свыше 40 млрд. Англия в 1911 г. имела за границей около миллиарда шестисот миллионов фунтов стерлингов (фунт стерлингов по довоенной расценке – около 10 руб.), а если считать и английские колонии, то эта цифра превышает 3 млрд фунтов стерлингов. Германия за границей имела до войны приблизительно около 35 млрд марок и т.д. Словом, каждое капиталистическое государство вывозило чудовищно большие суммы капитала из страны для того, чтобы при их помощи обирать иностранные народы.

Вывоз капитала опять-таки имеет большие последствия. Понятно, что разные сильные государства начинают бороться за те земли или меньшие государства, куда они хотят вывозить капитал. Но здесь нужно обратить внимание вот на что. Когда капиталисты вывозят капитал в «чужую» страну, они рискуют не партией товара, а громадными

суммами, которые считаются миллионами и миллиардами. Само собой разумеется, что у них является поэтому сильное желание маленькие страны, куда они этот капитал вложили, целиком прибрать к своим рукам, заставить свои войска охранять эти капиталы. А это значит, что у вывозящих государств появляется стремление во что бы то ни стало подчинить эти земли своей государственной власти, попросту эти земли заставить, насильственно присоединить их к себе. А так как на эти слабые земли происходит наскок со стороны разных крупных разбойничьих государств, то понятно, что эти разбойники в конце концов должны были столкнуться (и столкнулись) между собой. Значит, и вывоз капитала вел к войне.

Теперь примем во внимание и другие причины. Разумеется, что с синдикатскими пошлинами страшно обострилась борьба за рынки сбыта товаров. Свободных земель, куда можно было бы отправлять свои товары и где не сидело бы никаких капиталистов, почти не было уже к концу девятнадцатого века. А тут еще очень стало дорожать сырье: металлы, шерсть, лес, уголь, хлопок. Все последнее время была дикая погоня за рынками сбыта и борьба за новые источники сырья. Капиталисты рыскали по всему свету в поисках новых рудников, новых залежей и новых рынков, куда можно было бы вывозить и металлические изделия, и ткани, и другие товары и обирать новую, «свежую» публику. В прежнее время часто в одной стране «мирно» конкурировали несколько фирм, и ничего — уживались. С господством банков и трестов дело, конечно, изменилось. Открыты новые залежи медной руды, положим. Сейчас они попадают под палу какого-нибудь банка или треста. Он забирает их целиком, он начинает владеть ими монополично. Для капиталистов других стран тогда уже ничего не остается: «что с возу упало, то пропало». Так же происходит дело не только с источниками сырья, но и с рынками сбыта. Положим, что в какую-нибудь далекую колонию проникает иностранный капитал. Сбыт товаров здесь организуется сразу на крупнейший манер. Обычно опять-таки дело берет в свои руки какая-нибудь гигантская фирма, которая сразу открывает свои отделения и стремится путем давления на местную власть и тысячами разнообразных уловок и ухищрений монополично забрать в свои руки весь сбыт, не допуская конкурентов. Оно и понятно, монополистический капитал, тресты и синдикаты и ведут себя по-синдикатски. Это не «добрые старые времена»: это борьба монополистских хищников и обирал.

Поэтому с ростом финансового капитала должна была обостриться и повести к крупнейшим столкновениям и борьба за рынки сбыта и рынки сырья.

За последнюю четверть девятнадцатого века крупные разбойничьи государства самым усиленным образом расхватывали чужие земли, принадлежавшие маленьким народам. С 1876 по 1914 г. так называемые «великие державы» нахватили около 25 млн квадратных километров (километр — около версты); другими словами, они нагребли чужих земель столько, что их общая площадь будет вдвое больше целой части света — Европы. Весь мир оказался поделенным между крупными хищниками: все страны они превратили в свои колонии, в своих данников и рабов.

Вот примеры. Англия с 1870 г. приобрела в Азии: Белуджистан, Бирму, Кипр, Северное Борнео, Вейхайвей, области против Гонконга, увеличила «Стрейтс Сеттлментс», захватила Синайский полуостров и т.д.; в Австралии она захватила ряд островов, восточную часть Новой Гвинеи, большую часть Соломоновых островов, остров Тонга и т.д.; в Африке она захватила Египет, Судан с Угандой, Восточную Африку, «британское» Сомали, Занзибар, Пембу; проглотила в войне обе бурские республики, Родезию, «Британскую Центральную Африку», заняла Нигерию и так далее и тому подобное.

Франция с 1870 г. подчинила себе Аннам, завоевала Тонкин, аннексировала Лаос, Тунис, Каморские острова, Мадагаскар, большие пространства Сахары, Судана, Гвинеи; приобрела земли на берегу Слоновой Кости, в Дагомее, Сомали и т.д. В результате к началу XX в. французские колонии были почти в двадцать раз больше самой Франции (в Англии колонии больше самой Англии в сто с лишком раз).

Германия выступила с делом грабежа позднее, приблизительно с 1884 г., но за короткое время успела награть весьма изрядное количество земель.

Царская Россия вела грабительскую политику тоже в очень большом масштабе, за последнее время главным образом в Азии, что привело к столкновению с Японией, которая грабила с другого конца.

Соединенные Штаты прибрали к своим рукам много островов около Америки, а затем стали грабить чужое добро на самом материке. Особенно возмутительна была их грабительская политика в Мексике.

В общем, шесть великих держав к 1914 г. имели 16 млн кв. км коренных земель и 81 млн кв. км земель награбленных (колоний).

Этот грабеж обрушивался, понятное дело, сперва на маленькие страны, беззащитные и слабые. Они гибли прежде всего. Как в борьбе между фабрикантами и мелкими ремесленниками, эти ремесленники погибали раньше всех, так и тут: крупные государства-тресты, крупный разбойничий организованный капитал сокрушил прежде всего маленькие государства и подчинил их себе. Так происходила централизация капитала в мировом хозяйстве: мелкие государства гибли, крупнейшие хищные государства богатели, увеличивались в размере и могуществе. Но когда они поразграбили весь мир и когда борьба усилилась между ними самими, ясно стало, что начинается великая драка за предел мира между хищниками, борьба не на жизнь, а на смерть между оставшимися чудовищными разбойничьими государствами.

Завоевательная политика, которую финансовый капитал ведет за рынки сбыта, рынки сырья, за места для вложения капитала, называется империализмом. Империализм вырастает из финансового капитализма. Как тигр не может питаться травой, так точно финансовый капитал не мог, не может вести иной политики, кроме политики захвата, грабежа, насилия, войн. Каждое из финансово-капиталистических государств-трестов хочет, по сути дела, овладеть всем миром, образовать всесветную империю, где бы безраздельно господствовала кушка капиталистов победившей нации. Английский империалист, например, мечтает о «Великой Британии», которая бы владела всем миром, где английские синдикатчики держали бы под своей пятой негров и русских, немцев и китайцев, индусов и армян — словом, сотни разных черных, желтых, белых и красных рабов. Англия уже и сейчас близка к этому. Но чем больше награблено, тем больше хочется. То же происходит и с другими. Русские империалисты мечтают о «Великой России», германские — о «Великой Германии» и т.д. Под этим «величием» разумеется грязный грабеж всех остальных. Таким образом, ясно, что господство финансового капитала должно было повергнуть все человечество в кровавую бездну войн на пользу банкиров и синдикатчиков — войн не за свою землю, а войн за грабежи чужих земель, войн за подчинение мира финансовому капиталу победоносной страны. Такой и была Первая великая мировая война 1914–1918 гг.

§ 28. Милитаризм. Господство финансового капитала, банкиров и синдикатчиков выразилось еще в одной примечательной вещи: в никогда не виданном ранее росте расходов на вооружения, росте армий, флота и воздушного флота. Оно и понятно. В прошлые времена ни одна разбойничья голова не могла и помышлять о господстве над всей землей. А теперь об этом империалисты думали всерьез. Никогда еще не было драк между

такими чудовищно сильными государствами-трестами. Само собой разумеется, что соответственно этому у этих государств отрастали и орудия этой драки, их вооруженная сила. Крупные державы захватывали чужое добро непрерывно и при этом постоянно оглядывались друг на друга: не укусит ли сзади сосед, такой же хищник. Поэтому каждая из них должна была иметь войска не только для колоний и против своих собственных рабочих, но и для борьбы со своими сотоварищами по грабежу. Вводит одна держава новую систему оружия — другая тотчас спешит ее обогнать, чтобы не остаться в накладе. Так начинается бешеная погоня вооружений: одно государство подгоняет другое. Растут гигантские предприятия и тресты пушечных королей: Путиловы, Круппы, Армстронги, Викерсы и т.д. Эти пушечные тресты наживают колоссальные барыши, состоят в связи с генеральными штабами и всячески стремятся и со своей стороны подлить масла в огонь, разжигая всякие столкновения: ведь от войн зависит благополучие их прибыли.

Такова была сумасшедшая картина капиталистического общества перед войной. Государства-тресты ошметинились миллионами штыков, на суше, на воде, в воздухе все было готово к всемирной потасовке; в числе всех расходов государства на первое место все более и более выдвигались расходы на армию и на флот. В Англии, например, в 1875 г. военные расходы составляли 38,6%, т.е. немного больше трети, а в 1907–1908 гг. — уже 48,6%, т.е. почти половину всех государственных расходов; в Соединенных Штатах в 1908 г. они составляли целых 56,9%, т.е. изрядно больше половины. То же и в других государствах. «Прусский милитаризм» процветал во всех крупных государствах-трестах. Пушечные короли грели себе руки. А весь мир катился с громадной быстротой к кровавейшей из войн, к мировой империалистской войне.

В особенности любопытно было соперничество английской и германской буржуазии. С 1912 г. Англия решила строить три своих броненосца-дредноута на каждую пару построенных в Германии. В 1913 г. у Германии должно было быть в Северном море 17 дредноутов, у Англии — 21; в 1916 г. у Германии — 26, у Англии — 36, и так далее.

Расходы на армию и флот росли таким образом*:

	Млн руб.			Млн руб.	
	1880 г.	1908 г.		1888 г.	1908 г.
Россия	210	470	Италия	75	120
Франция	300	415	Англия	150	280
Германия	180	405	Япония	7	90
Австро-Венгрия	100	200	Соед. Штаты	100	200

За 13 лет расходы возросли вдвое, в Японии — в 13 раз. Перед войной пляска вооружений стала еще больше. Франция тратила на военные нужды в 1910 г. 502 млн руб., в 1914 г. — 740 млн; Германия в 1906 г. — 478 млн руб., а в 1914 г. — 943 млн, т.е. удвоила цифру расхода за 8 лет. Еще сильнее вооружалась Англия. В 1900 г. она тратила 499 млн руб., в 1910 г. — уже 694 млн, а в 1914 г. — 804 млн; в 1913 г. Англия на один свой флот затрачивала больше, чем все державы затрачивали на флот в 1886 г.; что касается царской России, то она тратила на военные нужды в 1892 г. 293 млн, в 1902 г. — 421 млн, в 1906 г. — 529 млн руб.; в 1914 г. смета военно-морского министерства достигла 975 млн руб.

Расходы на военные приготовления отнимали огромную часть народных денег. Россия, например, тратила на это почти треть всех своих расходов, а с платежами процентов по займам еще больше. Вот цифры:

* Приведенные ниже отсылки к годам и цифровые показатели, как в оригинале.

Из каждых ста рублей в царской России шло:

На армию, флот, платежи по займам	40 руб. 14 коп.
На народное просвещение	3 руб. 86 коп. (в 13 раз меньше!)
На землеустройство	4 руб. 6 коп. (в 10 раз меньше!)
На управление, суд, дипломатию, ведомства путей сообщения, торговли и промышленности, финансов и т.д.	51 руб. 94 коп.
Итого	100 руб. 00 коп.

Такая же история была и в других государствах. Возьмем «демократическую» Англию.

В 1904 г. из каждых ста рублей шло:

На армию и флот	53 руб. 80 коп.
На погашение государственных долгов и уплату процентов по займам	22 руб. 50 коп.
	Всего 76 руб. 30 коп.
На гражданские учреждения	23 руб. 70 коп.
Итого	100 руб. 00 коп.

§ 29. Империалистская война 1914–1918 гг. Из той империалистской политики, которую вели «великие державы», ясно вытекало, что рано или поздно они должны были столкнуться. Совершенно ясно, что именно эта грабительская политика всех «великих держав» и была причиной войны. Только дурачок может поверить теперь, что война возникла из-за того, что сербы убили австрийского принца или что Германия напала на Бельгию. В начале войны очень много спорили о том, кто виновен в войне. Немецкие капиталисты утверждали, что напала Россия, русские купцы барабанили всюду, что напала Германия. В Англии говорили, что Англия воюет, чтобы защитить маленькую пострадавшую Бельгию. Во Франции тоже писали, кричали, пели, какое благородство проявляет Франция, заступаясь за героический бельгийский народ. А в это же время в Австрии и Германии распространялись, что Австрия и Германия защищаются от нападения русских казаков и ведут святую защитительную войну.

Все это от начала до конца было пустяком и обманом трудящихся. Этот обман был нужен буржуазии, чтобы заставить солдат идти на войну. Буржуазия не в первый раз прибегала к такому приему. Мы уже видели раньше, как синдикатчики вводили высокие пошлины, чтобы, грабя своих земляков, вести лучше борьбу на чужих рынках. Для них, значит, пошлины были средством нападения. А буржуазия кричала, что она хочет защитить «отечественную промышленность». То же и с войной. Суть империалистской войны, которая подчиняла мир господству финансового капитала, как раз в том и состояла, что в ней все падало. Теперь-то это яснее ясного. Царские лакеи говорили, что они «защищаются». Но когда Октябрьская революция взломала тайные министерские шкапы, там было документально обнаружено, что и царь, и Керенский, вкупе и влюбсе с англичанами и французами, вели войну за грабеж, что они хотели взять чужой Константинополь, разграбить Турцию и Персию, отхватить у Австрии Галицию. Это теперь ясно, как дважды два – четыре.

Немецкие империалисты тоже разоблачили себя до конца. Стоит только вспомнить о Брестском мире, о том, какие грабежи они устраивали в Польше, Литве, Украине, Финляндии. Немецкая революция тоже кое-что приоткрыла, и мы теперь тоже

документально знаем, что Германия готовилась к нападению ради разбоя и лелеяла мысль о захвате чуть ли не всех чужих колоний и земель.

А «благородные» союзники? И они разоблачены теперь до конца. После того как они своим Версальским миром ограбили дочиста Германию, наложили 125 млрд контрибуции, отобрали весь флот, взяли все колонии, пожрали чуть ли не все паровозы, угоняли дойных коров в счет уплаты контрибуции и так далее, разумеется, никто не поверит в их благородство. Да и Россию они грабят и с севера, и с юга. Значит, и они воевали ради грабежа.

Все это коммунисты-большевики говорили в самом начале войны. Но тогда мало кто верил. Зато теперь это видит всякий мало-мальски неглупый человек. Финансовый капитал – это жадный кровавый разбойник, какой бы масти он ни был: русской, немецкой, французской, японской или американской.

Значит, в империалистской войне смешно говорить, что один империалист виновен, а другой нет или что одни империалисты нападают, а другие защищаются. Все это было придумано для обмана трудящихся. На самом деле все они нападали, в первую голову, на маленькие колониальные народы, все они лелеяли планы всемирного грабежа и подчинения всего мира финансовому капиталу своей страны.

Разразившаяся война должна была быть мировой войной. Понятно, почему. Ведь мы знаем, что почти весь мир к тому времени был уже разобран по кусочкам и поделен между «великими державами», а все державы были связаны между собой в одно мировое хозяйство. Немудрено поэтому, что война захватила всех, оба полушария земли.

Англия, Франция, Италия, Бельгия, Россия, Германия, Австро-Венгрия, Сербия, Болгария, Румыния, Черногория, Япония, Соединенные Штаты, Китай, десятки других мелких государств – словом, почти все были втянуты в кровавый водоворот. Население земного шара насчитывает приблизительно полтора миллиарда человек. И все эти полтора миллиарда испытывали прямо или косвенно бедствия войны, которую навязала кучка капиталистических преступников. Таких громаднейших армий, какие были выставлены на суше, таких чудовищных орудий смерти мир никогда еще не видал. Не видал мир никогда и такой силы капитала. В самом деле, ведь одна Англия с Францией заставили служить своему денежному мешку не только англичан и французов, но и многие десятки своих колониальных рабов, чернокожих, желтокожих и всяких иных. «Цивилизованные» разбойники пустили в ход чуть ли не людоедов, хотя из них они же вили веревки. И все это прикрывалось самыми благородными лозунгами.

Война 1914 г. имела своих предшественников в войнах из-за колоний. Таковы были поход «цивилизованных» держав на Китай; испано-американская война; русско-японская война 1904 г. (из-за Кореи, Порт-Артура, Маньчжурии и т.д.); итальянско-турецкая война 1912 г. (из-за африканской колонии Триполи); англо-бурская война в начале XX столетия, когда «демократическая» Англия зверски задушила две бурские республики; был ряд случаев, когда война едва не вспыхнула огромным пожаром. Деялж земель в Африке чуть было не привел к войне между Англией и Францией (из-за Фашоды), затем между Германией и Францией (из-за Марокко); у царской России одно время едва не вышло войны с Англией из-за раздела земель в Средней Азии.

Ко времени же Первой мировой войны особенно резко выступили противоречия интересов между Англией и Германией из-за владения землями в Африке, в Малой Азии и на Балканах. А обстоятельства сложились так, что вместе с Англией шла Франция, метившая на то, чтобы отнять у Германии Эльзас-Лотарингию, и Россия, хотевшая пожить на Балканах и в Галиции. Разбойничий германский империализм нашел себе главного союзника в Австро-Венгрии. Американский империализм вмешался позднее, так как выжидал взаимного ослабления европейских государств.

Кроме милитаризма, одним из гнуснейших орудий борьбы между империалистскими державами является тайная дипломатия, которая прибегает к тайным договорам и заговорам, не гнушаясь даже убийствами, взрывами и т.д. Настоящие цели империалистской войны были как раз в этих тайных договорах, которые имелись, с одной стороны, между Англией, Францией и Россией, а с другой – между Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией. Убийство австрийского эрцгерцога перед войной было произведено, по-видимому, не без ведома тайных агентов Антанты. Но, с другой стороны, немецкая дипломатия сама против этого ничего не имела: германский империалист Рорбах, напр., писал: «Мы должны считать за счастье, что благодаря убийству эрцгерцога Франца-Фердинанда великий противогерманский заговор нашел себе исход раньше предположенного срока. Два года спустя война была бы для нас гораздо тяжелее». Немецкие провокаторы готовы были пожертвовать даже своим принцем, лишь бы вызвать войну; англо-франко-русские тайные агенты не останавливались перед убийством этого принца.

§ 30. Государственный капитализм и классы. Ведение империалистской войны отличалось не только своими размерами и своим опустошительным действием, но и тем, что все хозяйство страны, ведущей империалистскую войну, должно было быть подчинено военным задачам. Раньше воевать буржуазия могла, тратя только деньги. Мировая же война была так огромна и велась такими развитыми странами, что одних денег не хватало. Для этой войны нужно было, чтобы сталелитейные заводы только и делали что лили пушки, одна чудовищнее другой, чтобы уголь вырабатывался в шахтах на войну, чтобы металлы, ткани, кожа и т.д. – все шло на войну. И, разумеется, тот из государственно-капиталистических трестов имел надежду выиграть, у кого производство и транспорт лучше обслуживали войну.

Как же этого добиться? Ясно, что этого можно было добиться только централизацией всего производства. Нужно было устроить так, чтобы производство шло гладко, было бы хорошо организовано, было бы подчинено прямым указаниям военных, т.е. генерального штаба, и точно выполняло бы все распоряжения лиц в эполетах и при звездах.

Как могла сделать это буржуазия? Очень просто. Для этого она должна была частное производство и отдельные частные синдикаты и тресты передать в распоряжение своего буржуазного разбойничьего государства. Это и делалось во время войны. Промышленность «мобилизовалась» и «милитаризировалась», т.е. отдавалась в распоряжение государства и военных властей. «Как? – спросит кто-нибудь. – Ведь буржуазия тогда лишится своих доходов? Ведь это национализация! Раз все передается государству, то при чем же тут буржуазия и как она на такую штуку пойдет?» Что буржуазия на это пошла, это факт. Но тут нет ровно ничего удивительного. Потому что здесь частные синдикаты передавали все не рабочему, а своему, империалистскому государству. А что же тут ужасного для буржуазии? Она просто перекладывает добро из одного своего кармана в другой: добра от этого несколько не уменьшается.

Нужно постоянно помнить о классовом характере государства. Государство не есть какая-то «третья сила», которая стоит над классами, а есть классовая с головы до ног организация. При диктатуре рабочих это – организация рабочих. При господстве буржуазии это – такая же хозяйская организация, как трест или синдикат.

Стало быть, когда буржуазия передавала частные синдикаты в руки своего (не пролетарского, а своего разбойничьего, капиталистического) государства, она ровно ничего не теряла. Не все ли равно, будет ли получать фабрикант Шульц или Смит прибыль из конторы синдиката или из кассы государственного банка? Ничего не теряя, буржуазия выигрывала. Выигрывала она потому, что при такой централизации лучше всего шла военная машина и повышалась вероятность успеха в войне за грабеж.

Немудрено поэтому, что почти во всех капиталистических странах во время войны стал развиваться государственный капитализм на месте капитализма частных синдикатов или трестов. Германия, например, одерживала победы и сумела долгое время выдерживать натиск гораздо более значительных сил своих противников только потому, что немецкая буржуазия сумела организовать очень хорошо вот этот самый государственный капитализм.

Переход к государственному капитализму совершался в разных формах, на разные лады. Чаще всего учреждались государственные монополии в области производства и торговли. Это значит, что производство и торговля становились государственными, переходили в руки буржуазного государства целиком. Иногда такой переход совершался не сразу, а только в известной доле. Это бывало тогда, когда государство покупало часть акций какого-нибудь синдиката или треста.

Тогда такое предприятие становилось наполовину государственным, наполовину частным, и государство буржуазии проводило там свою политику. Кроме того, даже в предприятиях, оставшихся в частных руках, вводились обязательные правила: одни предприятия, скажем, обязаны были по новому закону покупать у других, а другие обязаны были им продавать в определенном размере и по установленной цене; государство вводило также обязательные способы работы, указывало материал и т.д., вводило карточки на все важные продукты. Так, на месте частного капитализма вырос государственный капитализм.

При государственном капитализме на место отдельных организаций буржуазии выступает их единая организация, их государство. До войны, скажем, была в капиталистической стране государственная организация буржуазии, отдельно от нее — синдикаты, тресты, союзы предпринимателей, организации помещиков, политические партии буржуазии, союзы буржуазных журналистов, ученых, художников; церковные общества, союзы попов; общества белогвардейской молодежи, бюро частных сыщиков и т.д. При государственном капитализме все эти отдельные организации сливаются с буржуазным государством, становятся отделениями государства, выполняют один общий план, подчиняются «верховному командованию»: в шахтах и на заводах делают то, что говорит генеральный штаб; пишут в газетах, что говорит генеральный штаб; проповедуют в церквях то, что нужно разбойникам из генерального штаба; рисуют, сочиняют и поют, что велит тот же генеральный штаб; изобретают машины, снаряды, орудия, газы, какие нужны все ему же. Таким образом, достигается то, что вся жизнь «милитаризуется» для того, чтобы обеспечить буржуазии ее кроваво-грязное дело барыша.

Государственный капитализм означает громадное усиление крупной буржуазии. Как при рабочей диктатуре, в рабочем государстве рабочий класс тем сильнее, чем дружнее работают вместе советская власть, профессиональные союзы, коммунистическая партия и т.д., точно так же при диктатуре буржуазии — она тем сильнее, чем более подтянуты одна к другой все буржуазные организации. Государственный капитализм, централизуя и превращая их в органы единой организации, способствует громадной мощи капитала. Именно здесь диктатура буржуазии празднует свой праздник.

Государственный капитализм возник за время войны во всех крупных капиталистических странах. В царской России он тоже стал было возникать (военно-промышленные комитеты, монополии и т.д.). Потом, однако, русская буржуазия, напуганная революцией, боялась, что вместе с государственной властью и производство перейдет в руки пролетариата. Поэтому после Февральской революции она не только не стремилась организовать производство, а, наоборот, портила и саботировала его.

Мы видим, что государственный капитализм ни в коей мере не уничтожает эксплуатацию, а лишь увеличивает мощь буржуазии. Тем не менее шейдемановцы в Германии и другие соглашатели проповедовали, что эта каторга есть социализм. Раз, мол, все у государства – значит, социализм. Они не видели, что здесь государство – не пролетарское, а принадлежащее злым, смертельным врагам и убийцам пролетариата.

Государственный капитализм, сплачивая и организуя буржуазию, увеличивая ее силы, натурально, страшно ослабил рабочий класс. Рабочие при государственном капитализме превращались в белых рабов разбойничьего государства. У них было отнято право стачек, они были мобилизованы и милитаризованы, всякого, кто выступал против войны, немедленно судили за государственную измену; во многих странах была отнята свобода передвижения, переход с одного предприятия на другое и т.д. «Свободный» наемный рабочий превращался в крепостного, обреченного умирать на полях сражений не за свое дело, а за дело врагов; обреченный работать до седьмого пота не ради себя, своих товарищей, своих детей, а на своих собственных угнетателей.

§ 31. Крах капитализма и рабочий класс. Таким образом, война на первых порах способствовала централизации и организации капиталистического хозяйства. То, что не доделали синдикаты, банки, тресты, комбинированные предприятия, то стал спешно доделывать государственный капитализм. Он создал сеть всяких органов, регулирующих производство и распределение. Он подготовил, таким образом, в еще большей степени почву, чтобы пролетариат взял в свои руки централизованное крупное производство.

Но война, своєю тяжестью навалившись на рабочий класс, неизбежно должна была вызвать и возмущение пролетарских масс. Прежде всего, она означала такую мясорубку, какой не видывала история. Производство трупов шло невероятными быстрыми шагами. Пролетариат истреблялся физически на полях сражений. По некоторым подсчетам, число убитых, раненых и пропавших только до марта 1917 г. доходило до 25 млн человек; убитых по 1 января 1918 г. было около 8 млн. Если считать средний вес человека в три пуда, это значит, что капиталисты за срок от августа 1914 г. по январь 1918 г. произвели двадцать четыре миллиона пудов гнилого человеческого мяса. Чтобы высчитать точно потери людьми, нужно было бы прибавить миллионы больных. Один сифилис, развившийся за время войны до неслыханных размеров, заразил чуть ли не все человечество. Люди после войны стали в несколько раз хуже; самые здоровые, трудоспособные элементы, цвет всех наций, были истреблены. И понятно, что в первую голову пострадал рабочий класс и крестьянство.

В крупных центрах воевавших государств образовались даже целые городки особенно уродливо исковерканных и изувеченных: без человеческого лица, с одной лишь черепной крышкой, в массах сидят эти несчастные обрубки – живое свидетельство буржуазной культуры.

Но пролетариат не только вырезывался в диких боях. На плечи живых взваливались неимоверные тяжести. Война требовала бешеных расходов. И в то время как фабриканты и заводчики получали чудовищные барыши, специально прозванные «военною прибылью», на рабочих накладывались громадные налоги, которыми оплачивалась война. А расходы на войну были поистине чудовищны. Осенью 1919 г. на мирной конференции французский министр финансов заявил, что война обошлась воевавшим в т р и л л и о н п я т ь м и л л и а р д о в ф р а н к о в. Такое название даже не всякий знает. Раньше такими цифрами считали число верст от одной звезды до другой. А теперь ими исчисляются расходы на преступную бойню. Триллион – это миллион миллионов. Вот во что

обошлась война, затеянная капиталистами. По другим вычислениям, расходы на войну были такими:

		В млрд руб.
Стоимость	I года войны	91
«	II « «	136,5
«	III « «	204,7
«	I-ой половины IV года войны (31 июля – 31 дек. 1917 г.)	153,5
		<hr/> Итого 585,7

Конечно, с тех пор расходы на войну возросли еще более и достигли цифр, поражающих по своей величине. Такие расходы требовали огромных сумм для своего покрытия. И совершенно естественно, что капиталистические государства стали накладывать соответственные огромные налоги на рабочий класс: либо в прямом виде, либо облагая налогами товары, либо – когда и с буржуазии что-нибудь бралось – патриотически повышая цены на товары. Дороговизна росла. А фабриканты, в особенности работавшие на войну, загребали неслыханные барыши.

Русские фабриканты увеличили свои дивиденды больше чем вдвое, по отдельным предприятиям стали получать небывалые проценты. Вот цифры: нефтепромышленное товарищество бр. Мирзосых – 40% дивиденда; акционерное общество бр. Данишевских – 30%; табачная фабрика Кальфа – 30% и т.д. В Германии чистая прибыль предприятий в 1913/14 г. равнялась в 4 отраслях (химическая, взрывчатых веществ, металлургическая, автомобильная) 133 млн, в 1915/16 г. – уже 259 млн, т.е. за один год увеличилась вдвое. В Соединенных Штатах прибыль стального треста за первую половину 1916 г. втрое превышала прибыль за I половину 1915 г. В 1917 г. по сравнению с 1915 г. прибыль увеличилась с 98 млн долл. до 478! Нередко были выдачи 200% дивиденда. Таких примеров можно [было] бы привести множество. Так же грандиозно возрастали и прибыли банков. На войне маленькая сошка разорялась, крупные акулы богатели невероятно, пролетариат же попадал под гнет налогов и дороговизны.

Главным предметом производства за время войны были шрапнель, гранаты, динамит, пушки, броневики, аэропланы, удушливые газы, порох и т.д. Этого добра производилось неимоверное количество. В Соединенных Штатах выросли даже целые новые города около пороховых заводов. Эти города были наскоро сколочены, заводы построены наспех, так что нередко они взлетали на воздух: очень уж спешили производить порох и загребать деньги. Немудрено, что пушечные и пороховые фабриканты получали громадные прибыли и дела их шли блестяще. Но для народа от этого становилось все хуже. Ведь настоящих предметов, которые можно было бы есть, носить и т.д., производилось все меньше и меньше. Порохом и пулями можно стрелять и громить, но ими нельзя питаться и в них нельзя одеваться. А все силы воюющих уходили на то, чтобы производить порох и прочие орудия смерти. Правильное, полезное производство все более исчезало. Рабочие руки уходили в армию, вся промышленность работала на войну. Полезных товаров становилось все меньше и меньше. Последствием этого явились голод и дороговизна. Голод на хлеб, голод на уголь, голод на все полезные предметы, и при этом мировой голод и мировое истощение – таково основное последствие преступной империалистской бойни.

Вот несколько примеров из разных стран.

Во Франции сельскохозяйственное производство за первые годы войны сокращалось так:

	В квинталах*	
	1914 г.	1916 г.
Хлеба	42 272 600	15 300 500
Корнеплоды	46 639 000	15 860 000
Промышл. раст.	59 429 000	20 448 000
Овощи	—	374 500

В Англии наличные запасы руды истощались так:

К концу 1912 г. было	241	тысяча тонн (тонна = 61 пуд)
« « 1913 « «	138	« «
« « 1914 « «	108	« «
« « 1915 « «	113	« «
« « 1916 « «	3	« «
« « 1917 « «	0,6	« «

Другими словами, запасы железной руды исчезли уже к концу 1917 г.

В Германии выплавка чугуна в 1913 г. равнялась 19,3 млн тонн; в 1916 г. — уже только 13,3 млн; в 1917 г. — 13,1; в 1918 г. — 12 млн, а в 1919 г. еще меньше.

Самое отчаянное положение для всей мировой промышленности получилось из-за угля. В Европе поставщиком каменного угля была Англия. А в Англии уже к середине 1918 г. добыча угля сокращается на 13%; еще в 1917 г. полезная промышленность сидела почти без угля: электротехнические заводы получали в 6 раз меньше угля, чем нужно, текстильные (ткацкие) предприятия — в 11 раз меньше, чем перед войной. Ко времени «мирной» конференции в Версале почти все страны испытывали страшный угольный кризис: фабрики закрывались за недостатком топлива, железнодорожное движение сокращалось. Так возникла великая разруха всей промышленности и транспорта. В России была такая же история. Уже в 1917 г. война довела до того, что с углем обстояло из рук вон плохо. Для Московского района требовалось 12 млн пудов ежемесячно. Правительство Керенского обещало доставлять по 6 млн (половинная норма). В действительности же доставлялось: в январе — 1,8 млн пуд.; в феврале — 1,3 млн пуд.; в марте — 0,8 млн пуд. Немудрено, что русская промышленность, не «взрывчатая», приходила в упадок: началось, как и во всем мире, разложение капитализма. В 1917 г. (при Керенском) было в России закрыто фабрик:

Месяцы	Число предприятий	Число рабочих
Март	74	6 646
Апрель	55	2 816
Май	108	8 701
Июнь	125	38 455
Июль	206	47 754

Разорение шло быстрыми шагами.

Чтобы посмотреть на рост дороговизны, происходящей от малого количества товаров и большого количества бумажек, достаточно посмотреть на страну, меньше всех потерпевшую от войны, — на Англию.

* Квинтал ≈ 46 кг.

Вот средняя цена на пять главных продуктов (чай, сахар, масло, хлеб, мясо):

		Чай, сахар	Хлеб, мясо, масло
Средняя цена	1901–1905 гг.	500	300
Конец июля	1914 г.	579	350
« января	1915 «	786	413
« «	1916 «	946 ¹ / ₂	465
« «	1917 «	1 310	561
« «	1918 «	1 221 ¹ / ₂	681
« мая	1918 «	1 247	777 ¹ / ₂

За войну цены даже в Англии возросли больше чем вдвое, а за это же время заработки увеличились всего-навсего на 18%. Значит, дороговизна возрастала в шесть раз скорее, чем заработки рабочего. Так обстояло дело в Англии, а в других странах еще хуже. В особенности плохо было в России, где война разорила страну и превратила ее в нищую, раздетую, убогую старуху по милости господ капиталистов.

Даже в Америке, наименее пострадавшей от войны, цены на 15 важнейших продуктов с 1913 по 1918 г. включительно возросли на 160%, а заработная плата за это время – только на 80%.

В конце концов стало разоряться без угля, стали и всего необходимого и военное производство. Страны всего мира, за исключением Америки, совсем обнищали: голод, разруха, холод стали гулять почти по всему земному шару. Совершенно понятно, что все эти бедствия особенно тяжело отражались на положении рабочего класса, который пытался протестовать. Но война обрушила на него всю силу буржуазных разбойничьих государств. Рабочий класс во всех странах – монархических и республиканских – стал подвергаться неслыханным преследованиям. Рабочие были не только лишены права стачек, но при первой попытке к протесту подавлялись самым беспощадным образом. Таким образом, господство капитализма привело к гражданской войне между классами.

Преследования рабочих во время войны очень хорошо изображаются в резолюции III Интернационала о белом терроре. «С самого начала войны, – говорится там, – господствующие классы, перебившие на полях сражений больше 10 млн человек, изуродовавшие еще больше, ввели внутри своих стран режим кровавой диктатуры (буржуазии). Российское царское правительство расстреливало и вешало рабочих, устраивало еврейские погромы, глушило все живое в стране. Австрийская монархия затопила в крови восстание украинских и чешских крестьян и рабочих. Английская буржуазия казнила лучших представителей ирландского народа. Германский империализм свирепствовал внутри страны, и революционные матросы были первыми жертвами этого зверя. Во Франции расстреливали русских солдат, не желавших защищать интересы французских банкиров. В Америке буржуазия линчевала (убивала самосудом) интернационалистов, присуждала лучших людей из пролетариата к 20 годам каторги, расстреливала рабочих за стачки».

Капиталистический строй стал трещать по всем швам. Анархия производства привела к войне, которая вызвала небывалое обострение между классами; так война привела к революции. Капитализм стал лопаться по двум основным направлениям (см. § 13). Наступила эпоха краха капитализма.

Рассмотрим несколько подробнее этот крах.

Капиталистическое общество было построено во всех своих частях по одному образцу: фабрика была организована так же, как канцелярия или как полк империалистичес-

кой армии: сверху – богатые, которые распоряжаются, внизу – бедные, рабочие и служащие, которые повинуются; между ними – инженеры, унтеры, средние служащие. Из этого видно, что капиталистическое общество может существовать только до тех пор, когда солдат-рабочий повинуются помещику-генералу или офицеру, дворянскому либо буржуазному сынку; когда какой-нибудь курьер в канцелярии подчиняется богатому начальнику; когда фабричный рабочий исполняет приказание господина директора, получающего громадные оклады, либо самого фабриканта, выжимающего из рабочих прибавочную ценность. Но лишь только трудящиеся массы сознают, что они – простая пешка в руках своих врагов, тогда начинают рваться ниточки, привязывавшие солдата к генералу, рабочего к фабриканту. Рабочие перестают слушаться фабриканта, солдаты перестают слушаться офицера, служащие перестают слушаться своего богатого начальства. Наступает период падения старой дисциплины, где богатые повелевали бедным, где буржуазия вила веревки из пролетариата. Этот период (это время) продолжается неизбежно до тех пор, пока новый класс, пролетариат, не подчинит себе буржуазию, не заставит ее служить трудящимся, не наладит новой дисциплины.

Такая неразбериха, когда старое разрушено, а новое еще не налажено, кончается лишь с полной победой пролетариата в гражданской войне.

§ 32. Гражданская война. Гражданская война есть обостренная классовая борьба, когда классовая борьба превращается в революцию. Мировая империалистская война между разными группами буржуазии за раздел и передел мира велась руками капитала. Но она взвалила такие тяжести на рабочих, что классовая борьба стала превращаться в гражданскую войну угнетенных против угнетателей, которую еще Маркс называл единственно справедливой войной.

Совершенно естественно, что капитализм привел к гражданской войне и что империалистская война между государствами буржуазии превратилась в войну между классами. Это предсказала наша партия еще в самом начале войны, в 1914 г., когда никто и не думал о революции. А между тем было ясно, что неслыханные тяжести, которые взвалит война на рабочий класс, приведут к возмущению пролетариата. А с другой стороны, было ясно, что никакого прочного мира буржуазия дать не в состоянии, потому что слишком велики противоречия интересов между различными группами этих грабителей.

Все это сбывается теперь целиком. После страшных годов бойни, зверства и одичания началась гражданская война против угнетателей. Эту войну открыла русская революция в феврале и в октябре 1917 г.; финляндская революция, венгерская революция, австрийская и немецкая революции продолжили ее; а потом началась революция и в других странах... А в это время буржуазия явно не может дать прочного мира. Союзники победили Германию еще в ноябре 1918 г.; версальский грабительский мир они подписали только через много месяцев; а когда он будет окончательно одобрен, неизвестно. Все видят, что этот версальский мир непрочен: уже после него дрались между собой югославы и итальянцы, поляки и чехословаки, поляки и литовцы, латыши и немцы. А затем все буржуазные государства вместе нападают на республику победивших русских рабочих. Так, империалистская война завершается войной гражданской, из которой должен выйти победителем пролетариат.

Гражданская война не есть прихоть какой-нибудь партии или случайность: гражданская война есть выражение революции, которая обязательно должна была произойти потому, что грабительская империалистская война окончательно раскрыла глаза широким рабочим массам.

Думать, что революция возможна без гражданской войны, это все равно что думать о возможности «мирной» революции. Тот, кто так думает (а так думают, например, меньшевики, кричащие о вреде гражданской войны), возвращается от Маркса назад к допотопным социалистам, которые

думали, что можно фабриканта уговорить. Это все равно что тигру «лаской» внушить питаться травкой и не трогать коровок. Маркс был сторонником гражданской войны, т.е. борьбы пролетариата с оружием в руках против буржуазии. По поводу Парижской коммуны (восстания парижских рабочих в 1871 г.) Маркс писал, что коммунары не были достаточно решительны: в воззвании I Интернационала, написанном Марксом, говорится с упреком:

«Полицейских не только не обезоружили и не арестовали, как следовало бы сделать, а широко раскрыли перед ними ворота Парижа для бегства их в Версаль. «Сторонников порядка» (так назывались контрреволюционеры) не только оставили в покое, но им дана была возможность укрепиться на многих сильных позициях в сердце самого Парижа»... «Центральный Комитет, упорно отказываясь вести гражданскую войну, начатую Тьером (французский Деникин)..., сделал роковую ошибку: надо было немедленно идти на Версаль... и раз навсегда покончить с заговорами Тьера и его помещичьей палаты. Вместо этого «партию порядка» допустили снова попытать свои силы на выборах в Коммуну 26 марта». Здесь Маркс ясно высказывается за вооруженный разгром белогвардейцев в гражданской войне. То же пишет Энгельс: «Если бы Парижская коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то разве она продержалась бы больше одного дня? Не вправе ли мы, наоборот, порицать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась своей принудительной силой?» А вот как Энгельс определяет революцию: «Революция есть акт, в котором одна часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков, пушек».

Таким образом, учителя социализма смотрели на революцию весьма серьезно. Они понимали, что пролетариат не может уговорить буржуазию; понимали, что он должен навязать свою волю путем победы в гражданской войне, которая ведется «ружьями, штыками и пушками».

Гражданская война ставит друг против друга, с оружием в руках, классы капиталистического общества с их противоположными интересами. То обстоятельство, что капиталистическое общество расколото на две части, что оно, в сущности, представляет из себя по меньшей мере два общества, — это обстоятельство в обычное время было скрыто. Почему? Потому что рабы повиновались молча своим господам. Во время гражданской войны этому молчанию приходит конец, и угнетенная часть общества восстает против угнетающей. Само собой разумеется, что при таких условиях никакое «мирное сожительство» между классами невозможно: армия распадается на белогвардейцев из дворян, буржуазии, богатой интеллигенции и т.д. и на красных из рабочих и крестьян; становится невозможным какое бы то ни было Учредительное собрание, в котором заседают и фабриканты, и рабочие вместе; как им сидеть «мирно» в Учредилке, когда на улицах они стреляют друг в друга? Во время гражданской войны класс стоит против класса. Поэтому она может кончиться либо полной победой одного или другого, но не может кончиться соглашением, какой-нибудь середкой. И то что мы видели в гражданской войне в России и в других странах (в Германии, в Венгрии), полностью подтверждает это: сейчас может быть либо диктатура пролетариата, либо диктатура буржуазии и генералов. Правительство средних классов и их партий (эсеров, меньшевиков и т.д.) есть лишь мостик к переходу в ту или другую сторону. Свалилось при помощи меньшевиков советское правительство в Венгрии — сейчас же на смену пришла «коалиция», а потом старая монархия; удалось учредилковцам-эсерам захватить в свое время Уфу, Заволжье и Сибирь — их в двадцать четыре часа выгнал адмирал Колчак, опиравшийся на крупную буржуазию и помещиков. А сам он осуществлял помещичье-буржуазную диктатуру вместо рабоче-крестьянской.

Решительная победа над врагом и осуществление пролетарской диктатуры — таков неизбежный результат гражданской мировой войны.

§ 33. Формы гражданской войны и ее издержки. Эпоха гражданских войн открылась русской революцией, которая была лишь проявлением, началом общей, мировой революции. В России революция началась раньше, чем в других странах, потому что здесь раньше началось разложение капитализма. Русская буржуазия и русские помещики, которые метили на Константинополь и Галицию и в числе прочих заваривали кровавую кашу в 1914 г., по своей слабости и неорганизованности лопнули раньше: раньше появилась разруха, раньше появился голод. Поэтому русскому пролетариату легче было справиться со своими врагами как раз в России и поэтому русский пролетариат одержал победу первым и первым осуществил свою диктатуру.

Из этого вовсе не следует, что русская коммунистическая революция есть самая совершенная революция в мире и что чем менее развит капитализм, тем «революционнее» и ближе к коммунизму страна. Если так рассуждать, то социализм осуществится сначала полностью в Китае, Персии, Турции и других странах, где нет почти вовсе и пролетариата. А поэтому и все учение Маркса оказывается неверным.

Кто так рассуждает, тот смешивает две вещи: одно дело – начало революции, другое дело – ее характер, ее «совершенство». Революция в России началась раньше из-за слабости развития капитализма у нас. Но из-за той же слабости, из-за того что у нас отсталая страна, где пролетариат в меньшинстве, где было много мелких торговцев и т.д., нам трудно организовать общественное коммунистическое хозяйство. В Англии революция наступает позднее. Но там пролетариат, после своей победы, организует коммунизм скорее: он составляет громадное большинство, он привык к общему труду, производство там неизмеримо централизованнее. Значит, в Англии революция начинается позднее, но она выше, совершеннее, чем наша.

Многие полагали, что ожесточенность гражданской войны есть следствие русской «азиатчины», русской отсталости. Противники революции в Западной Европе все время говорили, что в России процветает «азиатский социализм» и что в цивилизованных странах революция обойдется без жестокостей. Ясно было, однако, что это пустяки. В развитой капиталистической стране сопротивление буржуазии должно быть больше; в такой стране интеллигенция (техники, инженеры, офицеры и т.д.) связана с капиталом крепче и потому гораздо враждебнее коммунизму; значит, в этих странах гражданская война должна неизбежно быть еще острее, чем в России. И, действительно, уже германская революция показала, что здесь борьба принимает еще более кровавые формы.

Жалующиеся на террор большевиков позабывают, что буржуазия ради сохранения своего кошелька не останавливается ни перед чем. Вот что говорят по этому поводу резолюции международного коммунистического съезда: «Когда империалистская война начала превращаться в гражданскую войну и перед господствующими классами, этими величайшими преступниками, каких только знала человеческая история, вплотную выросла опасность крушения их кровавого режима, зверство их стало еще более жестоким... Русские генералы, это живое воплощение царского строя, устраивали и продолжают устраивать массовые расстрелы рабочих, и притом при прямой или косвенной поддержке социал-предателей. Во время владычества социалистов-революционеров и меньшевиков в России тысячи рабочих и крестьян наполняли тюрьмы, а генералы истребляли за неповиновение целые полки. Теперь Краснов и Денкин, пользующиеся благосклонным содействием государств Согласия, перебили и повесили десять тысяч рабочих, расстреливая «каждого десятого»; трупы повешенных, для устрашения живых, они оставляли три дня на виселице. На Урале и в Поволжье чехословацко-белогвардейские банды отрезали пленным руки и ноги, топили их в Волге, зарывали живыми в землю. В Сибири генералы убивали коммунистов тысячами, истребили несчетное множество рабочих и крестьян.

Германские и австрийские буржуа полностью проявили свое каннибальство, когда на Украине они стали вешать на передвижных железных виселицах ограбленных ими рабочих и крестьян, коммунистов, своих соплеменников — наших австрийских и немецких товарищей. В Финляндии, стране буржуазного демократизма, они помогли финским буржуа расстрелять 13—14 тыс. пролетариев и более 15 тыс. замучить до смерти по тюрьмам. В Гельсингфорсе они гнали перед собой в качестве защиты от пулеметного огня женщин и детей. Благодаря их содействию финским белогвардейцам и шведским прислужникам удалось осуществить оргии над побежденным финским пролетариатом: в Таммерфорсе приговоренных к смерти женщин и детей заставляли самих копать себе могилы. В Выборге истребили тысячи русских мужчин, женщин и детей.

Внутри страны немецкие буржуа и немецкие социал-демократы достигли высшей степени реакционной ярости в кровавом подавлении коммунистического рабочего восстания, в зверском убийстве Либкнехта и Люксембург, в избиении и истреблении рабочих-спартаковцев. Массовый и единичный белый террор — вот знамя, под которым шествует буржуазия.

Та же самая картина в других странах. В демократической Швейцарии все наготове для расправы с рабочими на случай, если они осмелятся затронуть капиталистический закон. В Америке острок, суд линча (самосуд) и электрическое кресло (для казней) являются изысканными символами демократии и свободы. В Венгрии и Англии, в Чехии и Польше — везде одно и то же. Буржуазные убийцы не отступают ни перед каким позорным деянием. Для укрепления своего господства они поддерживают шовинизм и организуют чудовищные еврейские погромы, оставившие далеко за собою погромы, организованные царской полицией... И когда польская реакционная «социалистическая» сволочь перебила представителей русского Красного Креста, это была всего капля в море преступлений и жестокостей издыхающего буржуазного каннибализма (людоубийства).

По мере того как развивается гражданская война, она принимает и новые формы. Когда во всех странах пролетариат угнетен, он ведет эту войну в виде **в о с с т а н и я** против государственной власти буржуазии. Но вот в одной или другой стране пролетариат победил и захватил в свои руки государственную власть. Что происходит в таком случае? Тогда к услугам пролетариата имеется организованная государственная сила, пролетарская армия, весь аппарат власти. Тогда пролетариат борется со своей буржуазией, которая против него устраивает заговоры и восстания. Но он борется тогда, как государство с буржуазными государствами. Тут гражданская война принимает новую форму, форму настоящей классовой войны, когда пролетарское **г о с у д а р с т в о** борется с буржуазными **г о с у д а р с т в а м и**; тут рабочие не просто восстают против буржуазии, а рабочее государство ведет правильную войну с империалистскими государствами капитала. Эта война ведется не за грабеж чужого, а за победу коммунизма, за диктатуру рабочего класса.

Так было и в действительности. После русской Октябрьской революции на русскую советскую власть напали со всех сторон капиталисты **в с е х** стран: немецкие и французские, американские и японские и т.д. Чем больше русская революция заражала своим примером рабочих других стран, тем теснее спланивался весь **м е ж д у н а р о д н ы й** **к а п и т а л** против революции, пытаясь создать грабительский союз капиталистов против пролетариата.

Такую попытку сделали капиталисты, по почину умного пройдохи и вождя американского капитала Вильсона, на так называемой мирной конференции в Версале. Они назвали этот разбойничий союз «Лигой наций», т.е. «Союзом народов». В действительности же это есть союз не народов, а **к а п и т а л и с т о в** разных стран и их государственных властей.

Этот союз есть нечто вроде попытки создать всемирный чудовищный трест, который опутывал бы всю нашу планету, который бы эксплуатировал весь мир и, с другой стороны, который бы повсеместно подавлял самым свирепым образом возмущение рабочего класса и его революцию. Разговоры о том, что этот союз учреждается для дела мира, – пустая басня. Настоящая его цель двояка: беспощадная эксплуатация всего мирового пролетариата, всех колоний и их колониальных рабов и удушение развивающейся мировой революции.

Первую скрипку в «Лиге наций» играет Америка, которая страшно разбогатела за время войны. Америка сейчас является кредитором всех буржуазных государств Европы. А затем Америка еще и потому сила, что у нее есть сырье, топливо и хлеб. Этим она хочет держать в зависимости от себя всех остальных разбойников. В «Лиге наций» ей обеспечена руководящая роль.

Интересно отметить, как руководящая разбойничья политика Соединенных Штатов прикрывалась всякими благородными словами. Вступление ради грабежа в войну шло под лозунгом спасения человечества, помощи слабым народам и т.д. Соединенным Штатам было выгодно иметь разбитую на части Европу, поделенную на десятки «самостоятельных» по виду, но зависимых от Америки государств. И эта заинтересованность надевала на себя благородную маску «самоопределения наций». Капиталистическая жандармерия, белая гвардия и полиция, которые, по мысли Вильсона, должны душить революцию повсюду, подавались под соусом наказания за «нарушение мира». В 1919 г. все империалисты стали вдруг миролюбцами и начали вопить, что настоящие империалисты и противники мира – это большевики. Здесь прямое удушение революционеров шло под маской «мира» и «демократии».

«Лига наций» уже показала себя, как международный жандарм и палач. Ее десяти задушили Венгерскую советскую республику¹, советскую республику в Словакии². Они душили все время российский пролетариат: английские, американские, японские, французские и проч. войска действовали и на севере, и на юге, и на западе, и на востоке России вместе с палачами рабочего класса. Даже чернокожих рабов напускала «Лига наций» на русских и венгерских рабочих (Одесса, Будапешт). До каких гнусностей доходит она, видно, напр., из того, что «цивилизованные» разбойники в перчатках держали при себе «Лигу убийц» во главе с генералом Юденичем, который стоял во главе так называемого «северо-западного правительства». «Лига наций» все время науськивала Финляндию, Польшу и т.д. на Советскую Россию, устраивала заговоры при помощи консулов иностранных держав; ее агенты взрывали мосты, убивали бомбами коммунистов. Нет такой подлости, на которую не пошла бы «Лига наций».

Чем сильнее натиск пролетариата, тем сплоченнее становится клика капиталистов. В «Коммунистическом манифесте» в 1847 г. Маркс и Энгельс писали: «Призрак бродит по Европе – призрак коммунизма. Все силы старой Европы соединились для освященной традиции этого призрака: пала и царь, Меттерних и Гизо, французские радикалы и немецкие полицейские». С тех пор прошло много лет. Призрак коммунизма уже стал облекаться в плоть и кровь. И против него идет походом не только «старая Европа», но весь капиталистический мир. Однако «Лига наций» не в состоянии будет справиться с двумя своими задачами: организацией в единый трест всего мирового хозяйства и повсеместным удушением революции. Даже между крупными державами нет полного единства. Америка стоит против Японии, и обе державы продолжают вооружаться. Смешно думать, что раздвоенная Германия будет питать дружеские чувства к «бескорыстным» грабителям Согласия. Значит, остается трещина и здесь. Малые государства воюют друг с другом. Но – что еще важнее – начинается ряд колониальных восстаний и войн:

в Индии, в Египте, в Ирландии и т.д. Порабощенные страны начинают войну против своих «цивилизованных» европейских поработителей. К гражданской, классовой войне, которую ведет пролетариат против империалистской буржуазии, присоединяются восстания колоний, которые помогают подорвать и разрушить господство мирового империализма. Таким образом, система империализма трещит под напором восстающего пролетариата, войн пролетарских республик, восстаний и войн поработенных империализмом наций, с одной стороны; под влиянием противоречий и несогласий между крупными капиталистическими державами — с другой. Вместо «прочного мира» — полный хаос; вместо обуздания всего мирового пролетариата — жестокая гражданская война. В этой гражданской войне растут силы пролетариата и слабееют силы буржуазии. Ее концом неизбежно будет победа пролетариата.

Конечно, победа пролетарской диктатуры отнюдь не дается даром. Гражданская война, как и всякая другая война, стоит жертв людьми и жертв материальными ценностями. Всякая революция связана с такими издержками. Поэтому, разумеется, на первых порах, когда идет эта гражданская война, то разруха, вызванная империалистской войной, кое-где обостряется еще более. Вполне понятно, что когда лучшие рабочие, вместо того чтобы работать или организовывать производство, стоят на фронте с винтовкой в руках и обороняются от помещиков и генералов, то от этого страдает фабричная жизнь. Понятно, что все разрушения в гражданской войне являются разрушениями, которые наносят вред. Понятно, что погибшие в ней товарищи — это драгоценнейшая жертва. Но это неизбежно во всякой революции. Во время Французской буржуазной революции 1789—1793 гг., когда буржуазия сваливала французских помещиков, гражданская война сопровождалась большой разрухой. Но зато когда помещики-дворяне были побеждены, развитие Франции быстро пошло в гору.

Всякому понятно, что при такой громадной революции, как мировая революция пролетариата, когда ломается угнетательский строй, складывавшийся веками, издержки революции особенно велики. Мы видели, что гражданская война ведется сейчас в мировом объеме; частью она переходит в войну буржуазных государств против пролетарских. Пролетарские государства, обороняющиеся от разбойников-империалистов, ведут классовую войну, действительно священную. Но она стоит жертв кровью. И чем шире эта война, тем больше жертвы, тем больше продвигается вперед разруха.

Однако издержки революции вовсе не являются доказательством против этой революции. Веками сложившийся капиталистический строй привел к чудовищной империалистской войне, в которой были пролиты моря крови. Какая гражданская война сравнится с этим диким разрушением и истреблением всего накопленного человеческого богатства? Ясно, что нужно, чтобы человечество раз навсегда покончило с капитализмом. Ради этого стоит пережить время гражданских войн, проложить дорогу коммунизму, который залечит все раны и быстро двинет вперед развитие производительных сил человеческого общества.

§ 34. Всеобщее разложение или коммунизм? Развивающаяся революция является мировой благодаря тем же причинам, благодаря которым империалистская война стала мировой империалистской войной. Все главные страны связаны между собой, все страны были частями мирового хозяйства, все почти были вовлечены в войну и связаны этой войной на особый лад; во всех странах война произвела ужасные опустошения, вызвала голод, закабаление пролетариата; во всех странах она вызвала постепенное гниение и разложение капитализма, падение палочной дисциплины в армиях, на фабриках и заводах; и с такой же неотвратимой неизбежностью вызывает она коммунистическую революцию пролетариата.

Раз начавшись, разложение капитализма и рост коммунистической революции не могут остановиться. Распад капитализма начался. Всякая попытка поставить челове-

ческое общество на старые капиталистические рельсы заранее обречена на полную неудачу. Это потому, что сознание пролетарских масс достигло такой высоты, что эти массы не могут, не хотят и не будут работать на капитал или убивать друг друга ради интересов капитала, колоний и т.д. Сейчас нельзя восстановить в Германии армию Вильгельма. Но точно так же, как нельзя восстановить империалистской дисциплины в армии, надев хомут на пролетария-солдата и подчинив его помещику-генералу, точно так же нельзя сейчас добиться восстановления капиталистической дисциплины труда, заставить рабочего работать на хозяина или крестьянина – на помещика. Новая армия может быть построена только пролетариатом. Новая дисциплина труда может быть осуществлена только рабочим классом.

Поэтому сейчас возможно что-либо одно из двух: либо всеобщее разложение, полный хаос, кровавая каша, дальнейшее одичание, беспорядок и действительная анархия, или же коммунизм. Все попытки водворения капитализма в стране, где уже однажды массы подходили к своей власти, подтверждают это. Ни финская буржуазия, ни буржуазия венгерская, ни Колчак, ни Деникин, ни Скоропадский не могли наладить хозяйства, не могли создать даже своего, кровавого порядка.

Единственным выходом для человечества является коммунизм. И так как коммунизм может быть осуществлен только пролетариатом, то пролетариат в наше время является воистину спасителем всего человечества от ужасов капитализма, от варварской эксплуатации, колониальной политики, постоянных войн, голода, одичания и озверения, которые принес с собою финансовый капитал и империализм. В этом – великое историческое значение пролетариата. Он может терпеть поражения в отдельных битвах и даже в отдельных странах. Но его победа неизбежна так же, как неизбежна гибель буржуазии.

Из предыдущего ясно, что все группы, классы и партии, которые думают восстановить капитализм или воображают, что сейчас не время для социализма, на самом деле играют контрреволюционную, реакционную роль, хотят ли они этого или не хотят, сознают ли они это или не сознают. Таковы все социал-соглашательские партии. Об этом см. также следующую главу.

Литература к главе IV: Каменев Л. Экономическая система империализма; Ленин Н. Империализм как новейший этап капитализма; Бухарин П. Мировое хозяйство и империализм; Цыперович Г. Синдикаты и тресты в России; Лукин Н. (Антонов). Милитаризм; Павлович. Что такое империализм; Он же. Великие железные (оружные) пути; Он же. Милитаризм и маринизм; Он же. Итоги мировой войны. Основной, но трудной для чтения работой является книга Р. Гальфердинга «Финансовый капитал».

Кроме этого, см. след. книги: Каутский К. Путь к власти; Керженцев. Английский империализм; Лозовский. Железо и уголь (борьба за Эльзас-Лотарингию); Зиновьев Г. Австрия и мировая война; Покровский. Франция во время войны; Херасков. Англия во время войны; Лурье М. (Ларин). Страна-победительница; Он же. Следствия войны; Зиновьев Г. Тройственный союз и тройственное согласие; Помов А. Разложение капитализма и организация коммунизма; Он и ски Н. Строительство социализма (первая глава).

Из области беллетристики можно указать роман Джека Лондона «Железные пята».

Глава V Второй и Третий Интернационал

§ 35. Интернационализм рабочего движения как условие победы коммунистической революции. § 36. Крах II Интернационала и его причины. § 37. Лозунг защиты отечества и пацифизм. § 38. Социал-шовинисты. § 39. «Центр». § 40. Третий Коммунистический Интернационал.

§ 35. Интернационализм рабочего движения как условие победы коммунистической революции. Коммунистическая революция может победить только как мировая революция. Если бы получилось так, что в одной какой-нибудь стране рабочий класс стал у власти, а в других странах он был не за страх, а за совесть предан капиталу, то в конце концов эту страну крупные разбойничьи государства задушили бы. В 1917, 1918 и 1919 гг. все державы душили Советскую Россию; в 1919 г. они задушили Советскую Венгрию. Но задушить Советскую Россию они не могли потому, что в у т р е н н е е положение у самих великих держав было такое, что приходилось думать, как бы не слететь самим под напором собственных рабочих, которые требовали вывода войск из России. Значит, во-первых, самое существование пролетарской диктатуры в одной стране поставлено под угрозу, если нет поддержки от рабочих других стран. Во-вторых, при таком положении, когда рабочие победили только в одной стране, очень з а т р у д н е н о экономическое строительство, организация хозяйства. Такая страна ничего или почти ничего не получает из-за границы: ее б л о к и р у ю т со всех сторон.

Но если для победы коммунизма необходима победа мировой революции и взаимная поддержка рабочими друг друга, то это значит, что необходимым условием победы является интернациональная (международная) солидарность рабочего класса. Тут происходит то же самое, что и в каждой отдельной стране: рабочие не могут выиграть стачки, если они привязаны каждый к своему хозяину; они эту стачку выигрывают только тогда, когда рабочие р а з н ы х фабрик поддерживают друг друга, строят общую организацию и ведут общую борьбу против всех фабрикантов. То же самое и с рабочими, которые живут в разных буржуазных государствах. Они тогда только смогут победить, когда идут вместе, сомкнутыми рядами, когда они враждуют между собой, а, наоборот, когда пролетарии разных стран объединяются, чувствуют себя единым классом, с одними и теми же интересами. Только полное доверие друг к другу, братский союз, единство революционных действий против всемирного капитала обеспечивают победу рабочего класса. Рабочее коммунистическое движение может победить лишь как м е ж д у н а р о д н о е коммунистическое движение.

Необходимость международной борьбы пролетариата сознавалась уже давно. В сороковых годах прошлого столетия, накануне революции 1848 г., уже имелась международная тайная организация, которая называлась «Союзом коммунистов». Во главе ее стояли Маркс и Энгельс. На лондонском конгрессе этого союза им было поручено составить «Манифест» от имени этого союза. Так появился «Манифест коммунистической партии», в котором великие борцы пролетариата впервые изложили коммунистическое учение.

В 1864 г. возникло под руководством Маркса «Международное товарищество рабочих», или, как его теперь называют, Первый Интернационал. В Первом Интернационале было много вождей рабочего движения из разных стран, но в рядах его не было достаточного единства. Кроме того, он не опирался еще на широкие рабочие массы, а был похож скорее на международное общество революционной пропаганды. В 1871 г., во время восстания парижских рабочих (Парижская коммуна), члены Интернационала принимали в нем участие. После этого начались повсеместные преследования ячеек Интернационала. В 1874 г. он распался, обессилеваемый

вдобавок ко всему внутренней борьбой между сторонниками Маркса и анархиста Бакунина. После распада I Интернационала в разных странах стали расти социалистические партии. Чем быстрее развивалась промышленность, тем быстрее совершался и рост этих партий. Потребность во взаимной поддержке чувствовалась настолько сильно, что в 1889 г. был созван международный социалистический конгресс из представителей социалистических партий разных стран. Здесь было положено основание Второму Интернационалу. Второй Интернационал существовал фактически до 1914 г., когда война положила ему конец. Причины этого излагаются ниже.

Еще в «Коммунистическом манифесте» Маркс выставил лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Вот как писал об этом Маркс (этими строками кончался «Манифест»): «Коммунисты не считают нужным скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного низвержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы дрожат перед коммунистической революцией. Пролетариям нечего терять в ней, кроме своих цепей. Приобретут же они целый мир. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Таким образом, интернациональная солидарность пролетариата является для рабочих вовсе не побрякушкой или красивым словом, а жизненной необходимостью, без которой дело рабочего класса было бы осуждено на гибель.

§ 36. Крах II Интернационала и его причины. Когда в августе 1914 г. началась великая мировая война, то социал-демократические партии всех стран, за исключением России, Сербии, а потом Италии, вместо того чтобы объявить войну войне и поднимать рабочих на восстание, перешли на сторону своих правительств и сами стали поддерживать грабительскую войну. В один и тот же день социал-демократические депутаты Франции и Германии голосовали в парламентах за военные кредиты своим правительствам и таким образом дали сигнал поддерживать разбойничьи правительства. Вместо общего восстания против преступной буржуазии социалистические партии разбежались каждая под знамя «своего» буржуазного правительства. Война началась при прямой поддержке социалистических партий, вожди которых изменили социализму и предали его. Второй Интернационал нашел здесь свою бесславную смерть.

Любопытно то, что всего за несколько дней до предательства органы социалистических партий и их вожди клеймили войну. Так, напр., Г. Эрве, изменник французского социализма, писал в своей «Социальной войне» (которую он переименовал в «Победу»): «Биться во имя спасения престижа (достоинства) царя!.. Какая радость умереть за такое благородное дело!» За три дня до войны социалистическая партия Франции выпустила манифест против войны, а французские синдикалисты в своей газете зывали: «Рабочие! Если вы не трусы... протестуйте!» Германская социал-демократия созывала громадные собрания протеста. У всех еще было свежо в памяти постановление международного конгресса в Базеле, где говорилось, что в случае войны нужно применить все средства, чтобы «поднять народ» и ускорить крах капитализма. Но уже на другой день те же партии и их вожди писали о необходимости «защищать отечество» (т.е. разбойничье государство своей буржуазии), а австрийская «Рабочая газета» утверждала, что нужно защищать «немецкое (!!) человечество».

Чтобы понять, почему произошел крах и бесславная гибель II Интернационала, нужно разобраться в условиях развития рабочего движения до войны. До этого столкновения капитализм европейских стран и Соединенных Штатов развивался за счет неистового грабежа в колониях. Грязная и кровавая сторона капитализма выявлялась главным образом там. Из колониальных народов путем варварской их эксплуатации, грабежа, обмана, насилия выжимались ценности, превращавшиеся в прибыль акул европейского

и американского финансового капитала. Чем крепче и сильнее чувствовал себя на мировом рынке какой-нибудь государственно-капиталистический трест, тем больше прибыли получал он от эксплуатации колоний. И из этой добавочной прибыли он мог выплачивать своим наемным рабам кое-что сверх обычной заработной платы. Не всем, конечно, а «квалифицированным», т.е. так называемым обученным рабочим. Эти слои рабочего класса все время, таким образом, подкупались капиталом. Эти слои начинали рассуждать так: «Если «наша» промышленность имеет рынки в африканских колониях, это хорошо, она лучше будет развиваться, прибыли наших хозяев увеличатся и нам кое-что перепадет». Так привязывал капитал к своему государству своих наемных рабов, подкупая одну их часть, прикармливая их за счет колониального грабежа.

Это явление отмечали еще основатели научного коммунизма. Так, например, Ф. Энгельс писал в 1882 г. в письме к Каутскому: «Вы спрашивали меня, что думают английские рабочие о колониальной политике? Решительно то же самое, что они думают о политике вообще. Здесь не существует ведь рабочей партии, здесь существуют только консерваторы и либеральные радикалы, а рабочие усердно соучаствуют в потреблении тех благ, которые несет с собой английская монополия на мировом рынке и в колониях».

На этой почве развивалось особое хамство, привязанность рабочих к своей буржуазии, ласке перед ней. Тот же Энгельс писал в 1889 г.: «Самое противное явление здесь (в Англии) — это буржуазная респектабельность, всосавшаяся рабочим в плоть и кровь... Врожденное уважение к «better» и «superior» (к «господам») так давно и прочно вкоренилось, что господам буржуа все еще довольно легко удается улаживать в свои сети рабочих. Я, например, вовсе не уверен в том, что Джон Берне (один из тогдашних рабочих вождей) в глубине души не гордится больше своей популярностью у кардинала Маннинга, городского головы, и вообще у буржуазии, чем популярностью у своего собственного класса».

Рабочие массы не привыкли, да им и не было случая вести громадную борьбу в интернациональном масштабе. Вся деятельность их организаций в большинстве случаев шла внутри государства своей буржуазии. А это «своя» буржуазия заинтересовывала колониальной политикой часть рабочего класса, в особенности квалифицированные слои этого рабочего класса. На эту же удочку поддавались и вожди рабочих организаций, рабочая бюрократия, парламентские представители, имевшие более или менее теплые местечки и привыкшие к «мирной», «спокойной», «законной» деятельности. Ведь мы уже говорили, что кровавая сторона капитализма разрывалась главным образом в колониях. В самой Европе и в Америке промышленность быстро развивалась, а вместе с тем самая борьба рабочего класса шла в более или менее мирных формах. Революций крупных не было (за исключением России) с 1871 г., а для большинства стран с 1848 г. все привыкли к мысли, что капитализм будет развиваться так же мирно и впрямь, и даже когда говорили о грядущих войнах, сами этому мало верили. А часть рабочих — и в том числе рабочие вожди — все больше проникалась мыслью, что и рабочий класс заинтересован в колониальной политике и должен вместе со своей буржуазией заботиться о процветании этого «общенародного дела». На этой почве к социал-демократии стала приливать и мелкобуржуазная масса. Так, например, в Германии среди парламентской социал-демократической фракции было довольно много трактирщиков, содержателей рабочих ресторанов: в 1892 г. — 4 (из 35), в 1905 г. — 6 (из 81), в 1912 г. — 12 (из 110).

Неудивительно, что когда вопрос был поставлен ребром, то привязанность к империалистскому разбойничьему государству одержала верх над интернациональной солидарностью.

Итак, главной причиной гибели II Интернационала было то, что колониальная политика и монопольное положение крупнейших государственно-капиталистических трестов привязывали рабочих – в особенности «верхушки» рабочего класса – к империалистскому государству буржуазии.

В истории рабочего движения случаи, когда рабочий идет в месте со своим угнетателем, бывали и раньше. Например, на самой ранней ступени развития, когда рабочий сидел еще за одним столом со своим хозяином, тогда он смотрел на фабрику своего хозяина, как чуть ли не на свою; хозяин был для него не врагом, а «работодателем». Только с течением времени стали рабочие разных фабрик объединяться друг с другом против всех хозяев. Когда огромные страны сами превратились в «государственно-капиталистические тресты», то рабочие по отношению к ним были еще так же привязаны, как раньше к отдельному хозяину.

Только война научила их, что нужно быть не на стороне своего буржуазного государства, а вместе свергать эти буржуазные государства и идти к диктатуре пролетариата.

§ 37. Лозунг защиты отечества и пацифизм. Измена рабочему делу и общей борьбе рабочего класса оправдывалась вождями социалистических партий и II Интернационала тем, что нужно было якобы «защищать отечество».

Мы уже видели, что в империалистской войне это вообще чепуха, потому что в ней ни одна из великих держав не защищается, а все нападает. Лозунг защиты отечества (буржуазного) был простым обманом, которым вожди хотели прикрыть свое предательство.

Здесь мы должны, однако, более подробно рассмотреть этот вопрос.

Во-первых, что такое отечество? Что понималось, в сущности, под этим словом? Люди, говорящие на одном языке, или «нация»? Нет. Ибо возьмем, скажем, царскую Россию. Когда русская буржуазия кричала о защите отечества, она разумела вовсе не страну, где живет одна национальность, скажем великороссы; нет, тут речь шла о разных народах, населяющих Россию. О чем же говорилось на самом деле? Да не о чем ином, как о государственной власти русской буржуазии и помещиков. Ее «защищать» предлагалось русским рабочим (на самом деле не защищать, а расширять границы ее до Константинополя и Кракова). Когда немецкая буржуазия вопила о защите «фатерлянда», о чем шла речь? Опять-таки о власти немецкой буржуазии, о расширении границ разбойничьего вильгельмовского государства.

И вот тут нужно себе дать отчет в том, имеет ли при капитализме рабочий класс какое бы то ни было отечество. Маркс на это в «Манифесте коммунистической партии» отвечал: «Пролетарии не имеют отечества». И он был прав. Почему? Да очень просто, почему: потому что при капитализме они не имеют власти, потому что при капитализме все находится в руках буржуазии, потому что при капитализме государство – это орудие подавления рабочего класса, которое угнетает рабочий класс. Мы уже видели, что задача пролетариата заключается в том, чтобы разрушить государство буржуазии, а вовсе не защищать его. Только тогда пролетариат будет иметь отечество, когда он завоюет государственную власть и станет хозяином страны. Там – и только там – имеет отечество и обязан его защищать, ибо там он будет защищать свою власть и свое дело, а не власть своих врагов и не разбойничью политику своих угнетателей.

Буржуазия отлично понимает все это для себя. Доказательством служит, например, следующее. Когда пролетариат завоевал власть в России, то русская буржуазия стала бороться против России, заключая союз с кем угодно: с немцами, японцами, американцами, англичанами, с чертом

и его бабушкой. Почему? Потому что она потеряла в России власть, она потеряла в ней свое отечество разбоя, грабежа, буржуазной эксплуатации. Пролетарскую же Россию, т.е. советскую власть она готова взорвать в любой момент. Или возьмем Венгрию. Буржуазия призвала «защитить» ее, когда власть была в руках буржуазии, но она вошла тотчас в соглашение с румынами, чехословаками, австрийцами, Антантой и вместе с ними задушила пролетарскую Венгрию. Это значит, что буржуазия-то прекрасно понимает, в чем дело. Она укрепляет сама и приглашает укреплять всех граждан с вою, буржуазную власть под соусом отечества и судит за государственную измену тех, кто не согласен делать это. И, наоборот, она прилагает все усилия и не стесняется ничем, чтобы взорвать пролетарское отечество.

Пролетариат должен учиться у буржуазии: взрывать буржуазное отечество, а не защищать или расширять его; а свое защищать всеми силами, до последней капли крови.

На все это можно возразить таким образом: как же вы признаете, что колониальная политика и империализм помогали развитию промышленности великих держав, что благодаря этому кое-какие лишние крохи перепали с барского стола и рабочему классу? Значит, нужно все-таки защищать и помогать в конкуренции своему хозяину?

Это вовсе не значит. Представим себе, что у нас два фабриканта: Шульц и Петров. Они грызутся на рынке. Шульц говорит своим рабочим: «Братцы! Стойте за меня горой! Вредите, как можете, фабрике Петрова, ему самому, его рабочим и т.д. Тогда моя фабрика пойдет в ход, я Петрова доконаю — дела пойдут великолепно. А я вам уж лишний полтинник набавлю». То же говорит и Петров своим. Предположим, что победил Шульц. Тогда он на первых порах, быть может, и будет давать лишний полтинник. А потом все назад отнимет. Если же рабочие захотели бы бастовать и обратились бы за помощью к прежним рабочим Петрова, те сказали бы: «Что же, вы нам пакостили, а теперь идете к нам? Проходите подобра-поздорову». Стачки бы общей не вышло. Рабочие разъединены, капиталист силен. И теперь, победив своего конкурента, он бет разъединенных на части рабочих. Рабочие Шульца выиграли на момент лишний полтинник, а потом проиграли все. То же самое и в международной борьбе. Буржуазное государство есть хозяйский союз. Когда один такой союз жиреет на счет других, он может подкупать рабочих. Крах Второго Интернационала и измена социализму вождей рабочего движения как раз и произошла потому, что эти вожди решили «защитить» и увеличивать те крохи, которые падали им с барского стола. Но за время войны, когда рабочие из-за этого предательства оказались разъединенными, капитал во всех странах навалился на них страшной тяжестью. Рабочие увидели, что они просчитались, что вожди социалистических партий их продали за пятак. Так, начинается возрождение социализма. Вполне понятно, что протесты идут прежде всего из среды низкооплачиваемых, неквалифицированных рабочих. Слой рабочей аристократии (например, печатники во всех странах) и старых вождей продолжал еще долго тянуть предательскую канитель.

Кроме лозунга защиты (буржуазного) отечества средством обмана и одурачивания рабочих масс был так называемый пацифизм. Что это такое? Это взгляд, который сводится к тому, что уже в пределах капитализма, без всяких революций, без всяких восстаний пролетариата и т.д., на земле водворится вечный мир. Стоит только учредить третейские суды между разными державами, отменить тайную дипломатию, ввести разоружение, сначала хотя бы только сокращая его, и т.д., как все будет хорошо.

Основная ошибка пацифизма («миротворчества») заключается в том, что на такие хорошие вещи, как, например, разоружение, буржуазия не пойдет. Совершенно нелепо и глупо в эпоху империализма и гражданской войны проповедовать разоружение. Буржуазия будет себе прекрасно вооружаться, а если пролетариат будет разоружать себя или не будет вооружаться, то он просто-напросто даст себя разгромить.

В этом и состоит обман, который несут пролетариату пацифистские лозунги. Их цель – отвлечь внимание рабочего класса от вооруженной борьбы за коммунизм.

Лучшим образцом лживости пацифизма может служить политика Вильсона и его 14 пунктов, где под соусом благородных вещей, и в том числе «Лиги наций», проводятся мировой грабеж и гражданская война против пролетариата. До какой подлости могут доходить пацифисты, видно, напр., из таких примеров: бывший президент Соединенных Штатов Тафт является одним из основателей американской пацифистской лиги и в то же время бешеным империалистом; известный американский автомобильный фабрикант Форд устраивал целые экспедиции в Европу и трезвонил о пацифизме. Но в то же время он загребал сотни миллионов долларов, так как все его предприятия работали на войну. Один из авторитетнейших пацифистов А. Фрид в своей «Настольной книге пацифизма» (том II, стр. 149) видит «братство народов», между прочим, в совместном походе империалистов против Китая в 1900 г. Вот что он пишет по этому поводу: «Китайское предприятие показало влияние идей мира на современные события. Оно продемонстрировало интернациональную ассоциацию армий. Объединенные армии выступают, как мировая сила, под командой одного европейского генералиссимуса. Мы, друзья мира, видим в этом мировом генералиссимусе (это был назначенный Вильгельмом II граф Вальдерзее) только предтечу того мирового государственного деятеля, который в состоянии будет осуществить наш идеал мирными средствами».

Явный совместный разбой считается здесь «братством народов». Это все равно, что разбойничий Союз капиталистов подавать под соусом «Лиги наций».

§ 38. Социал-шовинисты. Обманные лозунги, которыми буржуазия изо дня в день, всей своей прессой, журналами, газетами, листками и т.д., забрасывала массы, стали и лозунгами предателей социализма.

Старые социалистические партии почти во всех странах раскололись на три течения: предатели откровенные и наглые – социал-шовинисты; предатели прикрытые и колеблющиеся – это так называемый «центр»; и, наконец, те, кто не изменил социализму. Из этих элементов организовались потом коммунистические партии.

Социал-шовинистами, т.е. проповедниками человеконенавистничества под флагом социализма, проповедниками поддержки разбойничьих буржуазных государств под обманым лозунгом защиты отечества оказались вожди почти всех старых социалистических партий: в Германии – Шейдеман, Носке, Эберт, Давид, Гейне и др.; в Англии – Гендерсон; в Америке – Рассель, Самуил Гомперс (вождь профсоюзов); во Франции – Ренодель, Альбер Тома, Жюль Гед и вожди союзов вроде Жуо; в России – Плеханов, Потресов, правые эсеры (Брешко-Брешковская, Керенский, Чернов) и правые меньшевики (Либер, Розанов); в Австрии – Реннер, Зейц, Виктор Адлер; в Венгрии – Гарами, Бухингер и другие.

Все они поголовно были за «защиту» буржуазного отечества. Но многие из них откровенно стояли за разбойничью политику, за аннексии и контрибуции с чужих стран, за грабеж колоний (их обычно называют социал-империалистами). Они все время войны поддерживали ее не только голосованием кредитов, но и всей своей пропагандой. Манифест Плеханова в России голосовался царским министром Хвостовым. Генерал Корнилов назначал Плеханова министром в свой кабинет. Керенский (с.р.) и Церетели (меньшевик) прятали от народа тайные договоры царя; они громили пролетариат Петербурга в июльские дни; эсеры и правые меньшевики входили в правительство Колчака; Розанов был шпионом Юденича. Словом, они стояли, как и вся буржуазия, за поддержку грабительского буржуазного отечества и за взрыв пролетарского,

советского. Французские социал-шовинисты вошли в разбойничье министерство (Гед, Альбер Тома), поддерживали все грабительские планы союзников, стояли за улучшение русской революции и за посылку войск против русских рабочих; немецкие социал-шовинисты еще при Вильгельме вошли тоже в министерство (Шейдеман), поддерживали Вильгельма, когда он душил финскую революцию, грабил Украину и Великобританию; члены социал-демократической партии (Винниг в Риге) командовали боями против русских и латышских рабочих; позднее они убили Либкнехта и Розу Люксембург и подавляли самым свирепым и кровавым образом восстания коммунистических рабочих в Берлине, Лейпциге, Гамбурге, Мюнхене и т.д. Венгерские социал-шовинисты поддерживали в свое время монархическое правительство, а потом предали советскую республику. Словом, во всех странах они выказали себя как настоящие палачи рабочего класса.

Когда Плеханов был еще революционером, в заграничной газете «Искра» он писал, что двадцатый век, которому суждено будет осуществлять социализм, по всей вероятности, будет видеть величайший раскол среди социалистов и величайшую, жестокую борьбу между ними. Подобно тому, как во время Французской революции 1789–1793 гг. крайняя революционная партия («Гора») вела гражданскую войну с умеренной, ставшей потом контрреволюционной партией («Жиронда»), так – говорил Плеханов – в XX в., вероятно, будут стоять друг против друга прежние единомышленники, потому что часть из них перейдет на сторону буржуазии.

Это пророчество Плеханова оправдалось целиком. Только он не знал тогда, что сам он будет в числе изменивших.

Социал-шовинисты (их называют также оппортунистами, т.е. соглашателями чистой воды) превратились, таким образом, в открытых классовых врагов пролетариата. Во время великой мировой революции они борются в рядах белых против красных; они идут вместе с генералами, крупной буржуазией, помещиками. Само собой разумеется, что с ними необходима беспощадная борьба, борьба такая же решительная, как и с буржуазией, агентами которой они являются.

Остатки Второго Интернационала, который эти партии пытались оживить, по сути дела, являются лишь конторой при «Лиге наций». Это один из инструментов буржуазии в борьбе с пролетариатом.

§ 39. «Центр». Другую группу прежних социалистических партий составляет так называемый «центр». Это течение называется так потому, что оно колеблется между коммунистами, с одной стороны, и социал-шовинистами – с другой. К этому течению принадлежат: в России – левые меньшевики во главе с Мартовым; в Германии – «независимцы» (Независимая с.-д. партия) во главе с Каутским и Гаазе; во Франции – группа Жана Лонгэ; в Америке – Америк[анская] социалистическая партия во главе с Хилквитом; в Англии – часть Брит[анской] социалистической партии и Независ[имая] рабочая партия и т.д.

В начале войны эти люди высказывались за защиту отечества вместе со всеми социал-предателями и против революции. Каутский писал, что самое страшное – это «вражеское нашествие» и что, мол, только после войны можно будет приняться за борьбу. Во время войны Интернационалу, по мнению Каутского, нечего было делать. После заключения «мира» Каутский стал писать, что теперь все так разорено, что о социализме нечего мечтать. Выходит, значит, так: во время войны нельзя бороться, потому что ничего не выйдет, и нужно отложить борьбу до мира; во время мира нельзя бороться, потому что война все истощила. Всякий видит, что теория Каутского есть проповедь абсолютного бессилия, развращающая пролетариат и очень близкая к полной измене. Еще хуже то, что во время самой революции Каутский не нашел ничего лучшего, как начать бешен-

ную травлю большевиков. Он, позабыв учение Маркса, все время ведет кампанию против пролетарской диктатуры, террора и т.д., не замечая, что сам он помогает белому террору буржуазии. Его собственные надежды – это надежды обычного пацифиста (третейские суды и проч.), и этим он сходится с любым буржуазным пацифистом.

Мы уделили столько внимания Каутскому, потому что его теория дает представление не всем «центре», хотя Каутский стоит на правом крыле «центра».

Политика «центра» состоит в том, что он бессильно мечется между буржуазией и пролетариатом, путаясь в ногах, желая примирить непримиримое и в решительные минуты изменяя пролетариату. Во время русской Октябрьской революции русский «центр» (Мартов и К^о) вопил о насилии большевиков и стремился все «примирить», помогая тем самым белогвардейцам, ослабляя энергию пролетариата во время боя. Партия меньшевиков не исключила даже тех своих членов, которые играли роль генеральских шпионов и заговорщиков. В трудные для пролетариата дни этот «центр» выступал с проповедью забастовок во имя учредилки, против диктатуры пролетариата; во время наступления Колчака некоторые из этих меньшевиков выбрасывали, в полной солидарности с буржуазными заговорщиками, лозунг прекращения Гражданской войны (меньшевик Плесков.) В Германии «независимые» сыграли предательскую роль во время восстания рабочих в Берлине, когда они тоже начали «мирить» во время боя и тем способствовали поражению; среди «независимых» есть много сторонников работы вместе с шейдемановцами. Но самое главное – это то, что они не ведут проповеди массового восстания против буржуазии, убавлявая пролетариат пацифистскими надеждами. Во Франции и Англии «центр» «осуждает» контрреволюцию, на словах «протестует» против удушения революции, но обнаруживает полную неспособность к массовым действиям.

В настоящее время группа «центра» так же вредна, как и социал-шовинисты. «Центровики», или, как их еще называют, «каутскианцы», тоже пытаются оживить труп Второго Интернационала и «помирить» его с коммунистами. Ясно, что без решительного разрыва и борьбы с ними немыслима победа над контрреволюцией.

Попытки восстановить Второй Интернационал предпринимались под благосклонным покровительством разбойничьей «Лиги наций». Это происходит потому, что на самом деле социал-шовинисты являются настоящей и последней опорой разваливающегося капиталистического строя. Империалистская война могла бушевать 5 лет только потому, что социалистические партии совершили полную измену и предали социализм. А затем когда началось время революции, тогда буржуазия стала прямо опираться на них, их руками душить движение пролетариата. Прежние социалистические партии стали главными препятствием в борьбе рабочего класса за свержение капитала. Во время войны каждая из социал-предательских партий повторяла то, что говорила буржуазия. После версальского мира, когда образовалась «Лига наций», остатки Второго Интернационала (т.е. и социал-шовинисты, и «центр») стали повторять, по сути дела, те же лозунги, которые выставляет «Лига наций». «Лига наций» обвиняет большевиков в терроре, в нарушении демократии, в «красном империализме»; то же самое делает Второй Интернационал. Вместо решительной борьбы с империалистами он поддерживает лозунги империалистов. И точно так же, как отдельные социал-предательские партии являются поддержкой и опорой правительств буржуазии в отдельных странах, точно так же Второй Интернационал является поддержкой гнуснейшей «Лиги наций».

§ 40. Третий Коммунистический Интернационал. Социал-шовинисты и «центр», как мы видели, во время войны выставили лозунг защиты (буржуазного) отечества, т.е. защиты государственной организации врагов пролетариата. Из этого лозунга вытекать и другой лозунг, а именно лозунг «гражданского мира», т.е. лозунг всемерного подчинения буржуазному государству. Это и понятно. Раз Плеханов или Шейдеман считали нужным

«защищать» царское и кайзерское отечество, то, конечно, они должны были говорить рабочим, чтобы те избегали делать что-либо вредное для дела защиты разбойничьего государства. Значит, нельзя было, скажем, бастовать, не говоря уже о том, чтобы в с с т а в я т ь против преступной буржуазии. Социал-предатели рассуждали так: прежде всего нужно разделиться с «внешним врагом», а потом мы посмотрим. Плеханов в своем манифесте так и заявлял, что бастовать нельзя, раз царская Россия подвергается опасности. Таким же образом закабалались буржуазии и рабочие других стран. Но уже с начала войны группы честных социалистов видели, что «защита отечества» и «гражданский мир» связывают пролетариат по рукам и ногам, что эти лозунги – предательство пролетариата. Это с самого начала видела партия большевиков, которая еще в 1914 г. заявила, что нужен не гражданский мир с преступной буржуазией, а гражданская война против нее, т.е. революция. Обязанностью пролетариата является, прежде всего, с в е р ж е н и е своей буржуазии – вот как рассуждала наша партия с самого начала войны. В Германии возникла тоже группа товарищей, во главе с Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург. Она назвала себя группой «Интернационал» и заявила, что международная солидарность пролетариата дороже всего. Вскоре Карл Либкнехт открыто выступил с лозунгом гражданской войны и стал звать рабочий класс на вооруженное восстание против буржуазии. Так возникла партия немецких большевиков-спартаковцев. В других странах тоже шел раскол старых партий. В Швеции появились свои большевики (так называемая «левая социалистическая партия»), в Норвегии «левые» завоевали всю партию. И т а л ь я н с к и е социалисты держались все время очень хорошо. Словом, мало-помалу стали расти те партии, которые стояли за революцию. На этой почве в Швейцарии возникла попытка объединения. На двух совещаниях (конференциях), в Циммервальде и в Кинтале, был создан зародыш Третьего Интернационала. Но скоро обнаружилось, что здесь к этому делу примешались сомнительные люди из «центра», которые только тормозили движение. Внутри «Циммервальдского» международного объединения возникла так называемая «Циммервальдская левая» во главе с товарищем Лениным. «Циммервальдская левая» настаивала на решительных действиях и резко критиковала «центр» с Каутским во главе.

После Октябрьской революции и основания советской власти в России главным местом международного движения стала Россия. Наша партия, чтобы откреститься от социал-предателей и возвратиться к старому, славному и боевому имени, назвала себя коммунистической партией. Под влиянием русской революции стали образовываться коммунистические партии в других странах. Союз спартаковцев переименовал себя в Коммунистическую партию Германии; возникла Коммунистическая партия в Венгрии во главе с бывшим русским военнопленным товарищем Бела Куном, австрийская, чешская, финская и т.д. коммунистические партии; позднее во Франции тоже образовалась партия коммунистов. В Америке «центр» исключил левых из партии, и тогда исключенные организовали тоже свою боевую коммунистическую партию; в Англии эта партия стала зарождаться осенью 1919 г. Словом, повсеместно, после раскола с социал-предателями, стали расти и развиваться действительно революционные рабочие партии. Возникновение этих партий было, по сути дела, возникновением и нового, Коммунистического, Интернационала. В марте 1919 г. в Москве, в здании Кремля, состоялся первый международный коммунистический съезд, на котором формально был основан Третий Коммунистический Интернационал. На этом съезде были представители от немецких, русских, австрийских, венгерских, шведских, норвежских, финских и других коммунистов, а также от французских, американских и английских товарищей.

Съезд принял платформу, предложенную немецкими и русскими коммунистами, прошел небывало дружно и показал, что пролетариат прочно стал теперь под знамя рабочей диктатуры, советской власти и коммунизма.

Третий Интернационал назвал себя Коммунистическим Интернационалом подобно Союзу коммунистов, во главе которого стоял еще Карл Маркс. Всей своей работой Третий Интернационал доказывает, что он идет по стопам Маркса, т.е. по революционному пути насильственного ниспровержения капиталистического строя. Неудивительно, что все живое, честное, революционное, что только есть в международном пролетариате, примыкает все больше и больше к новому Интернационалу, объединяющему усилия передовых рабочих.

Уже в самом названии Коммунистический Интернационал показывает, что он не имеет ничего общего с социал-предателями.

Маркс и Энгельс считали название «социал-демократ» неправильным для партии революционного пролетариата. «Демократ» — это значит сторонник определенной формы власти. И, как мы видели выше, в будущем обществе не будет вообще никакого государства. В переходный же период должна быть диктатура рабочих. Предатели рабочего класса дальше буржуазной республики не идут. Мы идем к коммунизму.

В предисловии к «Коммунистическому манифесту» Энгельс писал, что имя «социалист» означало в его время движение среди радикальной интеллигенции, тогда как коммунизм был движением чисто рабочим. На наших глазах происходит то же. Коммунисты опираются только на рабочих, социал-предатели — на рабочую аристократию, интеллигенцию, трактирщиков и лавочников, на мелкую буржуазию вообще.

Коммунистический Интернационал осуществляет, таким образом, на деле учение Маркса, очищая его от тех наростов, которые присосались к нему за «мирный» период развития капитализма. То что великий учитель коммунизма проповедовал шестьдесят лет тому назад, претворяется в жизнь под руководством Коммунистического Интернационала.

Литература к главе V: Ленин и Зиновьев. Социализм и война; Они же. Против течения; Зиновьев Г. Война и кризис социализма. Ч. I и II; Ленин Н. Пролетарская революция и ренегат Каутский; Гортер Г. Империализм. Манифесты Циммервальда и Бюллетени Циммервальдской комиссии; журнал «Коммунистический Интернационал».

ЧАСТЬ II

ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА И СТРОИТЕЛЬСТВО КОММУНИЗМА

ВВЕДЕНИЕ

Условия строительства коммунизма в России

§ 41. Международное положение России. § 42. Крупная промышленность в России. § 43. Тяжелое наследство от империалистской войны. § 44. Гражданская война и борьба с мировым империализмом. § 45. Мелкобуржуазный характер страны, отсутствие крупных организационных навыков у пролетариата и т.д.

§ 41. Международное положение России. Необходимость коммунистического переворота, как мы отмечали и раньше, прежде всего вызывается тем, что Россия чрезвычайно сильно втиснута в систему мирового хозяйства. Она — только часть этого мирового хозяйства. И когда задается вопрос, каким образом Россия может перейти к

коммунистическому строю, раз она отсталая страна, то на этот вопрос нужно прежде всего отвечать указанием на международное значение революции. Революция пролетариата сейчас может быть только мировой революцией. Она так и развивается. Европа неизбежно перейдет к диктатуре пролетариата, а за ней – к коммунизму. Следовательно, каким образом может остаться Россия капиталистической страной, если Германия, Франция, Англия перейдут к диктатуре пролетариата? Ясное дело, что Россия должна быть втянута в социализм. Ее отсталость, слабое сравнительно развитие ее промышленности и проч. – все эти недостатки рассосутся, если хозяйственно Россия объединится в международную или хотя бы только в европейскую Советскую республику вместе с передовыми странами. Правда, после военной разрухи и революции вся Европа будет страшно истощена и обескровлена. Но могучий и развитый пролетариат в течение ряда лет сможет восстановить громадную промышленность, которая поможет и отсталой России. А с другой стороны, Россия – страна с огромными естественными богатствами: лес, уголь, нефть, железная руда, хлеб – всего этого можно было бы иметь вдоволь при хорошей организации, при мирной жизни. Значит, с своей стороны мы могли бы помочь западным товарищам нашим сырьем. При том условии, что вся Европа переходит под власть пролетариата, на всех хватило бы развитой промышленности. А так как переход власти к пролетариату все равно неизбежно будет, то понятно, что задача рабочего класса России состоит в том, чтобы и с своей стороны внести возможно больше в дело перехода к коммунизму. Этим, как мы видели в I части, объясняется то, что наша партия совершенно определенно видит свою задачу в немедленном строительстве коммунизма.

§ 42. Крупная промышленность в России. С другой стороны, нужно заметить, что наша промышленность, маленькая (по сравнению с сельским хозяйством), обладала крупной капиталистической организацией. В I части мы видели, что важнейшие отрасли капиталистического производства у нас имели предприятия, занимавшие по десяти и более тысяч рабочих. С 1907 г. промышленность России быстро централизовалась и покрылась сетью синдикатов и трестов. С началом войны буржуазия стала было приступать даже к организации государственного капитализма. А это лишь подтверждает ту мысль, что нашу промышленность, хотя и с трудом, все же можно организовать и управлять ею в общероссийском размере. Интересно то, что правые эсеры и меньшевики, которые все время кричали, что социализм в России абсолютно невозможен, сами всегда стояли за государственное регулирование и контроль над промышленностью. Они только полагали, что это нужно тогда, когда вся власть в государстве принадлежит буржуазии, когда буржуазное государство «регулирует» и «контролирует». Другими словами, меньшевики и эсеры стояли, несмотря на весь свой патриотизм, за государственный капитализм прусского образца. Но всякому понятно, что считать возможным государственный капитализм – это значит считать возможным и социалистическую организацию хозяйства. В самом деле, ведь разница заключается в том, что в одном случае хозяйство организуется буржуазным государством, в другом – государством пролетарским. Если бы у нас производство было настолько отсталым, что ни о какой организации не могло бы быть и речи, тогда, разумеется, нельзя было организовать его и на государственно-капиталистических началах. Ведь в стране, где крупной промышленности нет, где есть лишь масса мелких хозяйчиков, их, этих хозяйчиков, не организуешь даже на государственно-капиталистический образец. Мы знаем отлично, что организация становится возможной лишь с определенной степени централизации капитала. Такая степень централизации у русского капитала была. Это признают даже противники коммунизма, когда они считают возможным буржуазное «государственное регулирование» промышленности. Отсталость русского народного хозяйства заключалась не в том, что не было крупных фабрик, а в том, что вообще вся промышленность была только малой частью по сравнению с сельским

хозяйством. Отсюда совершенно ясен вывод: русскому пролетариату, несмотря на все трудности, необходимо организовать по пролетарски промышленность и держать ее крепко в своих руках до того, как подоспелет помощь от западных товарищей. В сельском хозяйстве нужно организовать ряд опорных пунктов общественного товарищеского хозяйства. А когда мы сможем соединиться с западной промышленностью, тогда организованная общая промышленность позволит быстро вовлекать и мелких производителей, и крестьян в общую великую товарищескую организацию. Если бы у нас, скажем, была общая европейская, организованная рабочим классом промышленность, то эта промышленность могла бы давать много городских продуктов деревне. Но она давала бы их деревне организованным путем. Не то, чтобы были сотни тысяч частных торговцев, купцов и спекулянтов, а государственные рабочие склады распределяли бы продукт по деревням. Разумеется, тогда бы и крестьяне должны были взамен этого сбывать свой хлеб тоже организованным путем; деревня понемножку стала бы приучаться к общему хозяйству. Дальше – больше, и она бы вошла в общую товарищескую семью. Сильная и организованная промышленность вовлекла бы в общую жизнь и деревню. С помощью сильной промышленности можно было бы хорошо помогать крестьянству, и оно само бы увидело, что жить по-новому гораздо лучше.

Но достичь всего этого очень трудно. И пройдут годы и годы, пока все устроится и жизнь войдет в новую колею. Почему трудно – об этом говорится ниже.

§ 43. Тяжелое наследство от империалистской войны. До победы мировой революции нам приходится действовать одним. А рабочий класс, завоевавший власть в 1917 г., получил в свои руки тяжелое наследство. Россия стала совсем разоренной и обнищавшей страной.

Война поглощала все силы. Более половины всех фабрик вынуждено было работать на войну и растрчивать материал на дело разрушения. В одном 1915 г. из 11½ млрд всего «национального дохода» на войну пошло 6 млрд. К началу революции явно уже обнаружились громадные последствия войны. Металлургические фабрики сократили свое производство на 40%, текстильные – на 20%; стало быстро падать производство угля, чугуна, железа и стали. С 1 марта по 1 августа 1917 г. было закрыто 568 предприятий и выброшено на улицу свыше ста тысяч пролетариев. Государственный долг вырос до чудовищных размеров. И с каждым месяцем, с каждым днем положение страны ухудшалось все более и более.

Само собой разумеется, что пролетариат, завоевавший в октябре 1917 г. власть, стал перед задачей необычайной трудности: в разоренной стране строить социалистическое хозяйство. Тяжелое наследство стало еще более тяжелым при окончании старой империалистской войны: одна демобилизация нашей армии стоила громадных затрат; во время нее был почти убит и без того расшатанный и расстроенный войной транспорт, и наши железные дороги почти стали. Перевозить что-нибудь сделалось страшно трудно. Наряду с производством замерли и пути сообщения.

Но это вовсе не могло быть доводом против рабочей революции. Если бы продолжала царствовать буржуазия, она продолжала бы вести большую империалистскую войну, она продолжала бы платить огромные проценты французам и англичанам, а главное – она перекладывала бы все издержки на рабочих и крестьян. Наше обнищание и истощение должно было в еще большей степени побудить пролетариат к переделке старого мира на новых началах: нужно было экономнее и организованнее расходовать старое, нужно было переложить издержки тягот на буржуазию, нужно было сохранить рабочий класс всеми силами и всеми средствами, какие только могли быть в распоряжении пролетарской власти. Но эта необходимая работа выпала на долю революционного пролетариата в условиях почти сверхъестественной трудности: пришлось расхлебывать ту кашу, которую заварили господа империалисты.

§ 44. Гражданская война и борьба с мировым империализмом. Буржуазия все время старалась не дать рабочему классу организовать производство и заняться строительной работой вообще. С самого начала победы пролетариата она стала в широком размере применять с б о т а ж: все бывшие крупные чиновники, инженеры, учителя, банковские служащие и их бывшие хозяева стали портить работу всеми средствами; заговоры следовали за заговорами, белогвардейские восстания шли одно за другим. Русская буржуазия вошла в связь с чехословаками, с Антантой, с немцами, с поляками и т.д. и в непрерывной войне стремилась задуть русский пролетариат. Пролетариату нужно было создать большую армию, чтобы отбиваться от армий помещиков и капиталистов всех стран. Весь мировой империализм обрушился на русский пролетариат.

Но само собой разумеется, что хотя для пролетариата его война есть действительно священная и действительно освободительная война, она стоит больших издержек. Остатками промышленности нужно снабжать Красную армию, тысячи самых лучших рабочих-организаторов отдать на армию и так далее. К тому же буржуазии удалось почти с самого начала укрепиться в пунктах, очень важных в экономическом отношении. Донские генералы лишили рабочий класс донецкого угля. Англичане захватили нефть в Баку. Хлебная Украина, Сибирь, отчасти Поволжье бывали захвачены контрреволюцией. Рабочему классу приходилось и приходится поэтому не только отбиваться с оружием в руках от бесчисленных врагов, но и строить свое пролетарское хозяйство без важнейших средств производства: без топлива и сырья.

Этим объясняется мучительный ход развития; рабочий класс должен окончательно разбить своих врагов. Пока он их не разобьет до конца, он не сможет наладить новую жизнь, как следует.

Само собой разумеется, что в борьбе с рабочим классом буржуазия прибегает ко всему, что может э к о н о м и ч е с к и душить русский пролетариат: она окружила его со всех сторон, Россия в течение ряда лет – в блокаде (никакие товары из-за границы не идут); во время отступлений белые жгут и уничтожают все. Так, например, адмирал Колчак сжег десятки миллионов пудов хлеба, сжег добрую половину волжского флота и так далее. Спротивление буржуазии, ее бешеная борьба, помощь ей со стороны мирового империализма – таково второе главное препятствие на пути рабочего класса.

§ 45. Мелкобуржуазный характер страны, отсутствие крупных организационных навыков у пролетариата и т.д. Мы видели выше, что у нас промышленность была достаточно централизованна, чтобы можно было поставить вопрос об ее пролетарской национализации, о превращении ее в собственность рабочего государства и об организации ее на новых началах. Но, с другой стороны, наша промышленность очень слаба по сравнению со всем хозяйством страны. Подавляющее большинство населения у нас не городское – сельское, деревенское. По переписи 1897 г., у нас насчитывалось 16 млн городского и 101 млн сельского населения (по расчету с Сибирью и проч., но без Финляндии). В 1913 г., по данным Огановского, городское население России составляло круглым счетом 30 млн, а сельское – 140. Таким образом, к 1913 г. городское население составляло около 18% сельского населения. Но фабрично-заводской пролетариат образует ведь далеко не все население городов. Тут живут и купцы, и фабриканты, и мелкая буржуазия, и интеллигенция – все эти слои насчитывают миллионы, если их сложить вместе. Правда, в деревне есть бывшие батраки, полупролетарии, деревенская беднота. Они поддерживают рабочих. Но они не так сознательны и организованны.

Громадное большинство российского населения – это мелкие хозяйчики. Они хотя и стонали под гнетом капитала и помещиков, но так привыкли к особому, своему с о б с т в е н н о м у, л и ч н о м у хозяйству, что сразу их очень трудно приучить к о б щ е м у делу, к строительству общего, товарищеского хозяйства. Урвать кус себе, нажитый на другом, заботиться только о своем хозяйстве – эта привычка крепко засела у каждого

мелкого хозяйчика, и оттого дело строительства коммунизма в России есть дело величайшей трудности, даже если не считать других причин.

Слабость наша отражается и на рабочем классе. В общем, он воспитал в себе революционный, босовой дух. Но есть в нем и отсталые части, не привыкшие к организации. Не все рабочие таковы, как в Питере. Есть много отсталых и несознательных, которые тоже еще не привыкли работать на общий котел. Много есть рабочих, еще недавно пришедших в город. Они во многом думают так же, как и крестьяне, и вместе с ними ошибаются.

Эти недостатки самого рабочего класса исчезают, по мере того как он ведет свою борьбу и втягивается в работу. Но само собой разумеется, что это обстоятельство тоже затрудняет осуществление наших задач, отнюдь, однако, не делая невозможным такое осуществление.

Литература [к введению]: Протоколы 8-го съезда, главным образом прения о программе, речи Ленина и Бухарина, затем речи Ленина о задачах советской власти (в разных изданиях). Об экономическом положении России см.: Цыперович. Синдикаты и тресты в России; Милютин В.П. Современное экономическое развитие России и диктатура пролетариата (1914–1918 гг); Осинский Н. Строительство социализма (в I главе этой книги есть прекрасно изложенные доказательства того, что воениное разорение делает социализм еще более необходимым).

Глава VI

Советская власть

§ 46. Советская власть как форма пролетарской диктатуры. § 47. Пролетарская и буржуазная демократия. § 48. Классовый и временный характер пролетарской диктатуры. § 49. Материальная возможность осуществления прав рабочего класса.

§ 50. Равенство трудящихся независимо от пола, религии, расы.

§ 51. Парламентаризм и советский строй. § 52. Войско и советская власть.

§ 53. Руководящая роль пролетариата. § 54. Бюрократия и советская власть.

§ 46. Советская власть как форма пролетарской диктатуры. Наша партия первой выставила и провела в жизнь требование советской власти. Под лозунгом: «Вся власть Советам!» произошла Великая Октябрьская революция 1917 г. До того как этот лозунг был выдвинут нашей партией, он вообще не существовал. Но это не значит, что он был выдуман «из головы». Наоборот, он возник, он родился в гуще самой жизни. Еще в революцию 1905–1906 гг. возникли классовые организации рабочих — Советы рабочих депутатов. В революцию 1917 г. эти организации возникли в неизмеримо большем размере: почти повсюду вырастали как грибы Советы рабочих, солдат, а затем и крестьян. Ясно было, что эти Советы, которые выступали в виде органов борьбы за власть, неминуемо станут органами власти.

До русской революции 1917 г. много говорили о пролетарской диктатуре, но, в сущности, не знали, в какой же форме эта пролетарская диктатура будет осуществлена. Теперь русской революцией эта форма найдена в виде советской власти. Советская власть осуществляет диктатуру пролетариата, организованного как господствующий класс в своих Советах и подавляющего с помощью крестьянства сопротивление буржуазии и помещиков.

Многие думали раньше, что диктатура пролетариата возможна в форме так называемой «демократической республики», которая должна быть установлена Учредительным собранием и которая управляется парламентом, избранным всеми классами народа.

И до сих пор еще оппортунисты и социал-соглашатели держатся этого же мнения, говоря, что только учредилка и демократическая республика могут спасти страну от тяжелой гражданской войны. Однако действительная жизнь показывает нечто другое. В Германии, например, после революции в ноябре 1918 г. установилась такая республика. Но там и в течение 1918, и в течение всего 1919 г. шла кровавая борьба. В этой борьбе рабочий класс все время выступает с требованием советской власти. Лозунг советской власти стал действительным международным лозунгом пролетариата. Во всех странах рабочие выставляют его и связывают с ним лозунг рабочей диктатуры. Жизнь подтвердила правильность нашего требования — «Вся власть Советам!» — не только у нас в России, но и во всех странах, где есть пролетариат.

§ 47. Пролетарская и буржуазная демократия. Буржуазная демократическая республика опирается на всеобщее голосование и на так называемую «всенародную», «общенациональную», «внеклассовую» волю. Сторонники буржуазно-демократической республики, учредилки и т. д. говорят нам, что мы нарушаем всеобщую волю нации. Разберем этот вопрос прежде всего.

Мы в первой части книжки видели, что современное общество состоит из классов с противоречивыми интересами. Это значит, что, если буржуазии выгоден длинный рабочий день, он невыгоден рабочему классу и так далее. Классы нельзя помирить, как нельзя помирить волков и овец. Волки любят кушать овец, овцам нужно обороняться против волков. Если это так (а это безусловно так), то спрашивается: можно ли установить общую волю волков и овец? Можно ли установить овечье-волчью волю? Всякий разумный человек скажет, что это бессмыслица. Общей овечье-волчьей воли быть не может. Может быть что-либо одно из двух: или волчья воля, которая поработила овец, обманутых и придавленных; либо овечья воля, которая отбила овец от волков и забила хищников. Середки здесь быть никакой не может. Но то же самое, явное дело, происходит и с классами. В современном обществе класс стоит против класса, буржуазия против пролетариата, пролетариат против буржуазии. Они — на ножах. Какая же может быть у них общая воля, буржуазно-рабочая? Ясно, что буржуазно-рабочих желаний и стремлений быть не может, точно так же, как и овечье-овечьих. Может быть либо воля буржуазии, которая эту свою волю навязывает разными способами угнетенному большинству народа, либо воля пролетариата, который навязывает свою волю буржуазии. В особенности глупо говорить о междуклассовой воле и «общенациональных интересах» во время гражданской войны, революции, когда старый мир трещит по всем швам. Тут пролетариат хочет переделать мир, буржуазия хочет закрепить старое рабство.

Какая же «общая» воля может быть у буржуазии и пролетариата? Ясно, что самые эти слова об общенародной воле, когда под этим разумеются все классы, есть обман. Такой общей воли не существует и существовать не может.

Но этот обман нужен буржуазии. Он ей нужен для того, чтобы оправдать свое господство. Она есть меньшинство. Она не может открыто сказать, что кучка капиталистов правит. Поэтому ей нужен обман, что она правит от имени «всего народа», «всех классов», «всей нации» и тому подобное.

Каким же образом осуществляется этот обман в «демократической республике»? Главная причина того, что пролетариат здесь порабошен, является экономическое его порабощение. Даже в самой демократической республике фабрики и заводы находятся в руках капиталистов, земля в руках капиталистов и помещиков. У рабочего нет ничего, кроме рабочих рук, у крестьянина-бедняка — ничтожный клочок земли! Они вечно вынуждены работать в ужасных условиях, они под пятой своих хозяев. На бумаге они могут многое, на деле — ничего. Потому что все богатства, власть капитала находится в руках их врагов. Это и есть так называемая буржуазная демократия.

Буржуазная республика существует и в Соединенных Штатах Америки, и в Швейцарии, и во Франции. Но во всех этих странах стоят у власти гнуснейшие империалисты, короли трестов и банков, злейшие враги рабочего класса. Самая демократическая республика, существовавшая в 1919 г., была германская республика с ее учредилкой. Но ведь это была республика убийц Карла Либкнехта.

Советская власть осуществляет новый, гораздо более совершенный тип демократии – демократию пролетарскую. Сущность этой, пролетарской, демократии состоит в том, что она основывается на переходе средств производства в руки трудящихся, т.е. на обесценинии буржуазии; в ней как раз угнетенные прежде массы и их организации становятся органами управления. Организации рабочих и крестьян бывали и при капиталистическом строе; они, следовательно, существуют и в буржуазно-демократических республиках. Но они там затерты организациями богачей. Наоборот, при пролетарской демократии у богачей нет богатства. А массовые организации рабочих, крестьян-полупролетариев и т.д. (Советы, союзы, фабрично-заводские комитеты и т.д.) становятся настоящей основой пролетарской государственной власти. В Конституции Советской республики на первом месте стоит положение: «Россия объявляется Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам».

Советская демократия не только не устраняет рабочие организации от управления, а наоборот, она их делает органами управления. А так как Советы и другие организации рабочего класса и крестьянства охватывают миллионы трудящихся, то советская власть впервые поднимает к новым задачам бесчисленное количество людей, которые раньше были забыты и копошились внизу. В общую работу через Советы, через профессиональные союзы, через фабрично-заводские комитеты входят все более и более широкие массы народа, рабочих и крестьян-бедняков. Это происходит повсеместно. В провинциальных городишках и по деревням начинают заниматься делом управления и строительства новой жизни люди, которые никогда бы этим раньше не занимались. Таким образом, советская власть осуществляет и широкое самоуправление разных местностей, и вовлечение широких масс в эту работу.

Понятно, что задачей нашей партии является всемерное развитие этого нового, пролетарского демократизма. Мы должны стремиться к тому, чтобы в органах советской власти работали по возможности самые широкие слои пролетариев и крестьянской бедноты. Тов. Ленин в одной своей брошюре, вышедшей еще до Октябрьской революции, правильно писал, что наша задача состоит в том, чтобы даже каждую кухарку научить управлять государством. Конечно, это задача очень трудная и на пути ее осуществления лежит масса препятствий. Прежде всего, эти препятствия лежат в недостаточном культурном уровне масс. Рабочих-переводчиков сравнительно тонкий слой. Таковы, например, металлисты. Но есть отсталые слои, а в деревне уже и подавно. У них нет часто достаточной инициативы, почина, и тогда они могут остаться за бортом. Задачей нашей партии является систематическое, шаг за шагом идущее вовлечение и этих слоев в общую государственную работу. Поднимать к ней все новые и новые слои можно, конечно, лишь путем повышения их культурного уровня и организованности, что является точно так же задачей партии.

§ 48. Классовый и временный характер пролетарской диктатуры. Буржуазия всегда скрывала свое классовое господство под маской «общенародного дела». Как могла буржуазия, будучи кучкой паразитов, открыто признаваться в том, что она навязывает всем свою классовую волю? Каким образом она могла сказать, что государство – это ее разбойничий союз? Конечно, она не могла этого сделать. Даже когда буржуазия выкидывает флаг

кровавой генеральской диктатуры, она говорит об «общенациональном» деле. Но особенно ловко она обманывает народ в так называемых «демократических республиках». Здесь буржуазия правит и проводит свою диктатуру при соблюдении некоторых «видимостей»: она дает и рабочим раз в три-четыре года право опускать избирательную бумажку, но от управления их отстраняет. А зато она тем громче кричит, что правит «весь народ».

Советская власть открыто признает перед всеми свой классовый характер. Ей нечего скрывать, что она — классовая власть, что советское государство есть диктатура бедных. Она даже в названии подчеркивает это рабоче-крестьянское правительство — так называется правительство советской власти. В конституции, т.е. в основных законах нашей Советской республики, которые были установлены III Всероссийским съездом Советов, прямо сказано: III Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов полагает, что теперь, в момент решительной борьбы пролетариата с его эксплуататорами, эксплуататорам не может быть места ни в одном из органов власти. Значит, советская власть не только признает свой классовый характер, но и не останавливается перед лишением избирательных прав и исключением из органов власти представителей тех классов, которые враждебны пролетариату и крестьянству. Почему советская власть может и должна быть тут так откровенной? Потому что она есть действительно власть трудящихся, т.е. власть большинства населения. Ей нечего скрывать того, что она родилась в рабочих кварталах. Наоборот, чем ярче она будет подчеркивать свое происхождение и свое значение, тем ближе она будет к массам; тем успешнее будет борьба с эксплуататорами.

Однако такое положение вещей будет длиться не во все времена. Суть дела ведь состоит в том, что нужно подавить сопротивление эксплуататоров. А раз эти эксплуататоры будут подавлены, обузданы, приручены, раз они перевоспитаются и превратятся в таких же трудящихся, как и все остальные, то, конечно, будут все больше и больше исчезать всякие «нажимы» и мало-помалу будет исчезать и диктатура пролетариата.

Это точно так же сказано в нашей Конституции (см. раздел II, глава V):

«Основная задача рассчитанной на настоящий переходный момент Конституции Росс[ийско-й] Соц[иалистическо-й] Фед[еративной] Советской Республики заключается в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной всероссийской советской власти в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти».

Отсюда вытекают и задачи нашей партии. Партия должна систематически разоблачать буржуазный обман, состоящий в том, что рабочему предлагают кое-какие права, но оставляют его в материальной зависимости от хозяев. Задача партии состоит в том, чтобы проводить подавление эксплуататоров всеми средствами, какие только есть в распоряжении пролетариата. Но в то же время задача партии состоит и в том, чтобы по мере подавления эксплуататоров и их слуг, по мере их «передыкания», постепенно ослаблять и отменять те мероприятия, которые были годны для прежнего времени. Предположим, например, что интеллигенция настолько сблизилась с рабочим классом, что перестала шебаршить против него, что она в своей работе стала целиком на сторону советской власти, что она с ж и л а с ь с пролетариатом. Если бы это произошло (а это, разумеется, вопрос времени), тогда мы обязаны были бы дать этой интеллигенции все права, принять ее в нашу семью. Конечно, в дни, когда против пролетарской республики идет в поход весь мир, о таком расширении прав говорить еще рано. Но мы должны неустанно разъяснять, что это будет и что это будет тем скорее, чем скорее будут подавлены навсегда все и всякие попытки эксплуататоров идти против коммуниз-

ма. Так постепенно будет отмирать государство пролетариата, превращаясь в государственное коммунистическое общество, в котором исчезли всякие деления на классы.

§ 49. Материальная возможность осуществления прав рабочего класса. Один из главнейших обманов буржуазной демократии состоит в том, что она дает только видимость прав; на бумаге стоит, что рабочие могут выбирать в парламент совершенно свободно, что они имеют такие же права, как и хозяин (они-де «равны перед законом»); что они могут свободно соединяться в союзы, собираться на собрания, выпускать какие угодно газеты, книжки и проч. В этом видят «сущность демократии» и заявляют, что здесь демократия для всех, для всего народа, для всех граждан, а не так, как в Советской республике.

Прежде всего, нужно сказать, что на самом-то деле даже такой буржуазной демократии не существует. Она была сто лет тому назад, а теперь ее давным-давно отменили сами господа буржуа.

Лучшим примером этому служит Америка. В Соедин[енных] Штатах во время войны были выпущены, напр., такие законы: воспрещается носить президенту; воспрещается носить союзникам; воспрещается объяснять вступление Соедин[енных] Штатов и союзников в войну побуждениями низменного материального свойства; воспрещается проповедовать преждевременный мир; воспрещается публично осуждать политику американского правительства; воспрещается превозносить или восхвалять Германию; воспрещается проповедовать ниспровержение существующего строя, уничтожение частной собственности, борьбу классов и проч. За нарушение этих правил полагалось от 3 до 20 лет каторжной тюрьмы. За их нарушение было в течение одного года арестовано около 1½ тысячи рабочих. Целая рабочая организация «Промышленные рабочие мира» (I. W. W.) была разгромлена, а ее вожди частью перебиты. Примером «свободы стачек» может служить стачка на медных рудниках в Аризоне летом 1917 г., когда рабочих расстреливали, били кнутами, обмазывали смолой; когда выселяли целые рабочие семьи и пускали их по миру. Или стачка на угольных копях Рокфеллера в Лудлоу (штат Колорадо), когда наемные войска Рокфеллера (банкира) расстреляли и сожгли несколько сот рабочих и работниц. Парламент в Америке, несмотря на то что он выбирается на основе всеобщего избирательного права, делает все, что прикажут короли трестов; почти все депутаты подкуплены ими. Все диктуют некоронованные короли: Рокфеллер – король банков, нефти, хлеба, молока; Морган – другой король банков, железных дорог; Шваб – король стали; Свифт – король мяса; Дюпон – король пороха, за время войны наживший неслыханные богатства. Достаточно сказать, что Рокфеллер в один час получает десять тысяч долларов (доллар по довоенному расчету – около 2 руб.), что его званый обед стоит 11 млн долларов. Где же тут устоять перед такой силой? И вот эта шайка Швабов и Рокфеллеров держит в своих руках все под видом «демократии»!

Но даже если бы и существовала в действительности такая демократия, то и то, по сравнению с советской властью, она не стоила бы и ломаного гроша. Потому что для рабочего класса важно иметь не бумажные права, а возможность их осуществления. А вот этого-то и не может быть при господстве капитала, при том порядке, когда у капиталистов остается собственность на все богатства. Даже если рабочие на бумаге могут собираться, им может быть нигде это делать: все трактирщики, скажем, по наущению со стороны крупных акул или по собственной ненависти к рабочим не дадут помещений – и кончено. Или еще пример: рабочие хотят выпускать газету и имеют на это право. Но ведь для этого нужны деньги, бумага, здание для конторы, типография и проч. А все эти вещи в руках капиталистов. Капиталисты не дадут – и шабаш: сделать ничего нельзя. На жалкие рабочие гроши не очень-то и деньги скопишь. Вот и выходит, что буржуазия имеет миллионные газеты, может изо дня в день обманывать

народ как угодно, а рабочий, хотя на бумаге у него и есть «права», на самом деле ничего не имеет.

В этом и состоит сущность «свобод» для рабочих при буржуазной демократии. Эти свободы только на бумаге, они, как говорят, «формальные» свободы; а по сути дела — тут никакой свободы нет, потому что ее нельзя осуществить. Тут происходит то же, что во всех областях жизни. По буржуазному учению хозяин и рабочий в капиталистическом обществе равны, потому существует «свобода договора»: хозяин волен нанимать рабочего, рабочий волен или не волен наниматься. Но ведь это только на бумаге! В действительности же хозяин богат и сыт, рабочий голоден и беден. Он вынужден наниматься. Какое же это равенство? Между богатым и бедным не может быть равенства, хотя бы на бумаге это равенство и значилось. Поэтому «свободы» при господстве капитала на самом деле носят бумажный характер.

Наоборот, в Советской республике свободы для рабочего класса состоят, прежде всего, в том, что дается возможность их осуществлять. В Конституции РСФСР прямо сказано (раздел II, глава V):

«14. В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы выражения своего мнения Российской Социалистическая Федеративная Советская Республика уничтожает зависимость печати от капитала и предоставляет в руки рабочего класса и крестьянской бедноты все технические и материальные средства к изданию газет, брошюр, книг и всяких других произведений печати и обеспечивает их свободное распространение по всей стране.

15. В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы собраний Российская Социалистическая Федеративная Советская республика, признавая право граждан Советской республики свободно устраивать собрания, митинги, шествия и т.п., предоставляет в распоряжение рабочего класса и крестьянской бедноты все пригодные для устройства народных собраний помещения с обстановкой, освещением и отоплением.

16. В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы союзов Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика, слолив экономическую и политическую власть имущих классов и этим устранив все препятствия, которые до сих пор мешали в буржуазном обществе рабочим и крестьянам пользоваться свободой организации и действия, оказывает рабочим и беднейшим крестьянам всяческое содействие, материальное и иное, для их объединения и организации.

17. В целях обеспечения за трудящимися действительного доступа к знанию Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика ставит своей задачей предоставить рабочим и беднейшим крестьянам полное, всестороннее и бесплатное образование».

В этом состоит громадная разница между лживыми свободами буржуазной демократии и действительными свободами демократии пролетарской.

Советская власть и наша партия сделали очень многое в этом вопросе. Дома дворян, театры, типографии, бумага и проч. — все принадлежит теперь рабочим организациям и рабочей государственной власти. Наша дальнейшая задача состоит в том, чтобы всеми средствами помогать отсталым слоям пролетариата и крестьянства пользоваться их правами. Это достигается двумя путями. С одной стороны, мы должны непрерывно идти по раз намеченной дороге и всячески расширять материальные условия рабочих свобод. Это значит: по возможности изыскивать новые дома, строить их, организовывать новые типографии, закладывать рабочие дворцы и т.д. С другой стороны, разъяснять отсталым слоям те возможности, которые уже существуют, но еще не используют — массой из-за темноты, незнания, некультурности.

§ 50. Равенство трудящихся независимо от пола, религии, расы. Буржуазная демократия на словах провозглашала ряд свобод, но для угнетенных эти свободы оказа-

лись за пятью замками и семью печатями. Между прочим, буржуазная демократия не раз провозглашала равенство людей независимо от пола, религии, расы и национальности. Она хвастливо обещала, что при буржуазно-демократическом строе мужчины и женщины, белые, желтые и черные, европейцы и азиаты, буддисты, христиане, евреи и проч. будут равны. На самом деле ничего подобного буржуазия не осуществила. Наоборот. В эпоху империализма повсеместно страшно усилилось расовое и национальное угнетение (о нем смотри подробно следующую главу). Но даже относительно женщин буржуазная демократия не осуществила никакого равенства. Женщина осталась бесправным существом и домашним животным, а также постельной принадлежностью для мужчины.

Женщина-работница в капиталистическом обществе особенно забита, бесправна; ее права во всех областях ниже даже тех нищенских прав, которые буржуазия предоставила рабочему-мужчине. Право выбора в парламенты существовало всего в двух-трех странах; в области наследования женщина всегда получала низшую долю; в области семейных отношений она всегда была подчинена мужу и оказывалась всегда виновата; словом, при буржуазной демократии всюду были такие порядки, которые сильно напоминали порядки дикарей, когда те выменивали, покупали, наказывали или выкрадывали жен, как какую-то вещь, куклу или рабочий скот. «Курица не птица, баба не человек» – так считается в рабском обществе. Такое положение крайне невыгодно пролетариату. В первой части книги мы видели, что среди общего числа рабочих большую долю занимают женщины. Само собой разумеется, что если между двумя половинами пролетариата будет неравенство, тогда борьба пролетариата будет страшно ослаблена. Без помощи женского пролетариата немыслима общая победа, немыслимо «освобождение труда». Поэтому рабочий класс заинтересован в том, чтобы между мужской и женской частью пролетариата было полное боевое товарищество и чтобы это товарищество было закреплено равенством. Советская власть впервые провела это равенство во всех областях жизни: в браке, в семейных отношениях, в политических правах и проч. – всюду теперь женщины уравниваются с мужчинами.

Задачей партии является способствовать проведению этого уравнивания в жизнь. Здесь прежде всего нужно постоянное разъяснение широким слоям трудящихся того, что для них закрепощение женщины очень вредно. До сих пор еще даже среди рабочих на жен смотрят, как на «баб»; в деревне же часто смеются, когда «баба» тоже начинает заниматься общественными делами. В Советской республике женщина-труженица имеет право, наравне с мужчиной, выбирать во все Советы и быть туда избранной, она может занимать должность любого комиссара, исполнять какую угодно работу в армии, в народном хозяйстве, в государственном управлении.

Но женщины-работницы у нас гораздо более отсталые, чем рабочие-мужчины. Да на них и смотрят многие сверху вниз. Тут нужна настойчивая работа: среди мужчин, чтобы они перестали «не давать ходу» женщинам-труженицам; среди женщин, чтобы они пользовались своими правами, не робели, не смущались.

Нужно помнить: даже каждую **кухарку** должны мы приучить к государственному управлению.

Мы видели выше, что самое важное, однако, это не права на бумаге, а возможность **осуществлять эти права**. Как будет женщина-труженица осуществлять свои права, когда она должна вести домашнее хозяйство, ходить на рынок, стоять в очередях, стирать, смотреть за детьми, нести тяжелый крест этого домашнего хозяйства?

Задача советской власти и нашей партии должна состоять в том, чтобы облегчить женщинам-труженицам это дело, чтобы **разгрузить** женщину-работницу от устарелых, допотопных отношений. Организация домов-коммун (не таких, в которых бранятся, а где действительно живут по-человечески) с центральными прачечными;

организация общественных столовых; организация яслей, детских садов, площадок, детских колоний летом, школ с общественным питанием детей и т.д. – вот что должно разгрузить женщину и дать и ей возможность заниматься всем тем, чем занимается пролетарий-мужчина.

В дни разорения и голода трудно, конечно, поставить это дело как следует. Но партия должна делать все возможное, чтобы таким образом и женщину-работницу привлечь к общей работе.

О равноправии наций, рас и т.д. нужно смотреть следующую главу. Здесь мы приведем только параграфы нашей Конституции относительно этого вопроса (раздел II, гл. V):

«20. Исходя из солидарности трудящихся всех наций, Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика предоставляет все политические права российских граждан иностранцам, проживающим на территории Российской республики, для трудовых занятий и принадлежащих к рабочему классу или к не пользующемуся чужим трудом крестьянству; и признает за местными Советами право предоставлять таким иностранцам, без всяких затруднительных формальностей, права российского гражданства.

21. Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика предоставляет право убежища всем иностранцам, подвергающимся преследованию за политические и религиозные преступления.

22. Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика, признавая равные права за гражданами независимо от их расовой и национальной принадлежности, объявляет противоречащим Основным законам Республики установление или допущение каких-либо привилегий или преимуществ на этом основании, а равно какое бы то ни было угнетение национальных меньшинств или ограничение их равноправия».

§ 51. Парламентаризм и советский строй. В буржуазно-демократических государствах во главе всего стоит так называемый парламент. Это есть учреждение, избранное тем или другим способом: в некоторых странах туда выбирают только богачи, в других – допускается и часть бедняков, в третьих – все мужчины, начиная с известного возраста, в четвертых – и женщины.

Но даже там, где парламенты выбирались на основе всеобщего избирательного права, всегда во главе парламента, т.е. в большинстве, проходили ставленники буржуазии. Почему так было повсюду? Это нетрудно понять после всего того, что мы говорили раньше. Представим себе, что рабочие, которых в стране большинство, имеют право голоса. Но представим себе также, что все богатства находятся в руках капиталистов, что все газеты находятся тоже у них, что у них же здания для собраний, к их услугам художники типографии, миллионы листов; что за них говорят со всех кафедр проповедники; представим себе также, что рабочие-бедняки день-деньской заняты тяжелой работой, им некогда и негде собраться, что среди них шныряют буржуазные ловкачи, агенты буржуазии (различные адвокаты, журналисты, ораторы), которые выставляют как будто приличные лозунги, подыгрывают им под рабочих; представим себе огромную денежную силу синдикатчиков, которые даже первоначально честного рабочего избранника будут подкупать, давать ему места, хвалить его в газетах и проч. и проч. Тогда мы поймем, почему даже в таких парламентах большинство состоит из тайных или явных агентов буржуазии, финансового капитала, банковых королей.

Выборы с ои х людей для трудящихся масс поэтому представляют огромную трудность.

А уж раз депутат в парламент прошел – конечно, он плюет тогда на своих избирателей: на три-четыре года он обеспечен. Он от них независим. Он продает себя направо и налево. А отозвать его нельзя – не полагается по закону.

Так обстоит дело в буржуазно-демократической республике, при парламентаризме. В Советской республике совсем другое. Здесь паразиты – купцы и фабриканты, архиереи и помещики, генералы и кулаки – не имеют права голоса. Они не выбирают и их тоже не выбирают. Зато для рабочих и бедноты производство выборов очень простое и легкое. А затем всякого выбранного в Совет его избиратели-рабочие могут отозвать и на его место послать другого. Если депутат плохо исполняет свои обязанности, изменяет своему знамени и т.д., он может быть отозван. Это право отзыва нигде не проведено так широко, как в Советской республике.

В буржуазной республике парламент является «говорильней»: депутаты только и делают, что обсуждают и произносят речи. Настоящую деловую работу несут чиновники, министры и проч. Парламент же принимает законы и «контролирует» министров тем, что делает разные запросы, голосует то, что предлагает правительство. В парламенте сосредоточена, как говорят, законодательная власть. Власть же исполнительная находится в руках министерств. Таким образом, дела делает не парламент: парламент и его депутаты лишь разговаривают. При советском строе дело обстоит совсем не так. Верховным, самым высшим органом является съезд Советов. «Всероссийский съезд Советов, – сказано в Конституции, – является высшей властью Росс[ийской] Социалистической Федеративной Советской Республики». Он должен собираться не реже двух раз в год; он подводит итоги всей работе и принимает соответствующие решения, которые становятся законом. Но все члены съезда, это – не специальные говоруны, а «работники с мест», ведущие постоянную работу. В промежутках между съездами высшую власть имеет Центральный Исполнительный Комитет, выбираемый на съезде. Он одновременно и издает законы, и «распоряжается»; в его руках сосредоточена исполнительная и законодательная власть; его отделы составляют народные комиссариаты; его члены работают в этих комиссариатах. Таким образом, ЦИК есть работающая коллегия.

Как ЦИК, так и всякое другое советское учреждение находится в ближайшей связи и опирается на целый ряд массовых рабочих организаций: советские учреждения опираются и на коммунистическую партию, и на профессиональные союзы, и на фабрично-заводские комитеты, и на кооперативы. Эти организации охватывают десятки миллионов трудящихся, и все они подпирают своими руками советскую власть. Через эти организации трудящиеся массы принимают действительное участие в управлении государством. Рабочая коммунистическая партия или профессиональные союзы выставляют своих доверенных лиц на все посты и на все должности. Таким образом, лучшие рабочие проходят туда не только говорить, а управлять. Ничего подобного не бывает в так называемой демократической республике. Там избиратель-рабочий опускает лишь избирательную бумажку – и дело в шляпе. Он выполнил, как говорит ему буржуазия, свой гражданский долг, и больше ему не о чем беспокоиться.

Здесь, при таком положении дел, лежит один из основных обманов. Почему? Да опять по той же причине, какую мы видели и раньше. На бумаге здесь как будто рабочие; в чем-то «участвуют». На деле они вполне и целиком стоят в стороне: всем управляет и все дела вершит специальная каста буржуазных чиновников, оторванная от массы, так называемая бюрократия. Аппарат управления оторван от масс; массы никакого касательства к нему не имеют.

До XVI или XVII в. государственные чиновники назначались только из дворян. С переходом к капиталистическому строю появилось профессиональное чиновничество. В новейшее время это профессиональное чиновничество вербовалось, главным образом, из среды так называемой интеллигенции, в то время как верхние его слои выдвигала крупная

буржуазия. Но даже и более мелкие чиновники воспитывались в специальном духе преданности разбойничьему государству; для наиболее талантливых из них имела возможность чинов, орденов, титулов, так называемой «служебной карьеры». Поэтому все эти господа в большинстве случаев проникнуты были духом крайнего презрения к «простому народу». Какова была численность этого чиновничества и каков был его рост, можно судить из таких цифр (мы берем их из книги Ольшевского «Бюрократия»): в Австрии в 1874 г. их было около 27 тысяч, в 1891 г. — 36 тысяч, 1900 г. — 169 тысяч; во Франции уже в 1891 г. было таких служащих-чиновников полтора миллиона лиц (около 4% всего населения); в Англии в 1891 г. — около миллиона (2,6%); в Соедин[енных] Штатах в 1890 г. — 750 тысяч и т.д. Даже буржуазный писатель Ольшевский считает основными свойствами этой касты следующие: шаблонность и рутинность; канцелярщина; высокомерный должностной тон; мелочность. Однако как раз именно это чиновничество и управляет во всех капиталистических странах. Повторяем, что высшие чиновники вербуются главным образом из крупнобуржуазных и дворянско-помещичьих кругов. Оно и не может быть иначе в капиталистическом обществе, где у власти стоит буржуазия.

В Советской республике массы не только выбирают (и притом выбирают не продажных адвокатов, а своих людей), но и участвуют в управлении, ибо в это управление втянуты и Советы, и десятки других массовых рабочих организаций.

Что касается самих Советов, то даже самые их выборы устроены так, чтобы была связь с массами. Ибо выборы в Советы идут не по округам, а по местам работы (по фабрикам, по заводам и т.д.) или, как говорят, «по производственным единицам». Люди, спаянные вместе общим трудом, выбирают своих доверенных лиц, своих «депутатов».

Так советская власть осуществляет в тысячу раз более высокую, более народную форму демократии, пролетарскую демократию.

В чем же заключается дальнейшая задача партии? Общий путь ясен: это путь осуществления пролетарского демократизма во все более и более широком размере, путь наибольшего сближения работающих должностных лиц (депутатов, выборных и т.д.) с массами; путь привлечения все более широких масс к непосредственному участию в управлении; наконец, путь контроля миллионов глаз за своими депутатами и их работой. Ответственность и подотчетность должностных лиц должны быть проведены возможно шире.

Исполнение всех этих задач требует громадной работы. Тут встречается масса практических препятствий. Все эти препятствия нужно преодолеть и достигнуть полного и неразрывного единства государственного аппарата и активных, строящих коммунизм масс пролетариата и деревенской бедноты.

§ 52. Войско и советская власть. Пролетарская демократия, как и всякая государственная власть, имеет свои вооруженные силы, свою армию и флот. В буржуазно-демократическом государстве войско служит средством удушения рабочего класса и средством защиты буржуазного кошелька. Пролетарская армия, Красная армия Советской республики, служит классовым целям пролетариата и борьбе против буржуазии. Поэтому и в самом положении, и в политических правах буржуазной и пролетарской армии есть глубокая разница. Буржуазия принуждена лгать, что она держит свою армию «вне политики». На самом деле она делает ее орудием своей грабительской и контрреволюционной политики под флагом защиты «общенациональных интересов». Она прилагает все усилия, чтобы разединить армию и народ. Тысячью способов она лишает солдат возможности осуществлять их политические права. В Советской республике дело обстоит совсем иначе. Во-первых, здесь пролетариат открыто заявляет, что наша армия есть орудие политической классовой борьбы против буржуазии.

Во-вторых, здесь государство всеми мерами способствует слиянию армии с народом; рабочие и красноармейцы слиты в своих Советах (они и называются «Советы рабочих и красноармейских депутатов»); рабочие и красноармейцы сидят в тех же школах, на курсах, присутствуют на митингах, участвуют в демонстрациях. Не раз рабочие вручали боевые знамена красноармейцам, а красноармейцы – рабочим. В Советском государстве, которое есть не что иное, как великая республика трудящихся, только и может быть достигнут успех в борьбе с врагами, когда обеспечено единение Красной армии с революционным рабочим классом.

Чем больше будет рабочий класс слит с армией, а армия – с рабочим классом, тем более прочна будет наша военная революционная сила. И понятно, что наша партия эту связь должна поддерживать, растить, укреплять. Опыт уже доказано, как влияет на армию связь с пролетарскими организациями. Стоит только вспомнить отпор Колчаку летом 1919 г. и Деникину осенью того же года. Эти победы могли быть одержаны только потому, что армии помогли, с ней слились, в нее влились товарищи-рабочие из партии, из профессиональных рабочих союзов и т.д. Поэтому Красная армия пролетариата есть действительно, а не на словах, первая народная армия, созданная волею трудящихся, организованная ими, находящаяся с ними в неразрывной связи и через своих представителей в Советах управляющая страной. Она – не что-то отдельное, а тот же рабочий класс и деревенская беднота, идущая под руководством рабочего класса. Она живет вместе с трудящимися в тылу. Упрочивать неустанно эту связь есть непрерывная задача нашей партии.

§ 53. Руководящая роль пролетариата. В нашей революции, которая есть коммунистическая революция, передовую роль, роль вождя, играет пролетариат. Пролетариат есть самый сплоченный и организованный класс. Пролетариат есть единственный класс, в котором условия его жизни в капиталистическом обществе воспитали правильные коммунистические взгляды, указали правильную цель и правильные пути к этой цели. Немудрено поэтому, что пролетариат оказался руководителем и вождем во всей революции. Крестьянство (середняки, а отчасти даже и беднота) не раз колебалось. И всегда оно добивалось успехов только тогда, когда шло за пролетариатом. И, наоборот, тогда, когда оно шло против него, то неизменно попадало под палу какого-нибудь Деникина, Колчака или другого помещика, капиталиста и генерала.

Вот эта руководящая роль, руководящее значение пролетариата нашло себе отражение даже в нашей Советской Конституции. По нашим законам у пролетариата есть некоторые преимущества в политических правах. Например, съезды Советов называются таким образом, что рабочие в городах имеют на то же количество больше делегатов, чем крестьяне.

Вот соответствующие параграфы Конституции:

«Всероссийский съезд Советов составляется из представителей городских Советов, по расчету 1 депутат на 25 000 избирателей, и представителей губернских съездов Советов, по расчету 1 депутат на 125 тысяч жителей» (раздел III, глава VI, статья 25).

«Съезды Советов составляются следующим образом:

а) Областные – из представителей городских Советов и уездных съездов Советов, по расчету 1 депутат на 25 000 жителей, а от городов – по 1 депутату на 5000 избирателей, но не более 500 делегатов на всю область, либо из представителей губернских съездов Советов, избираемых по той же норме, если этот съезд собирается непосредственно перед областным съездом Советов.

б) Губернские (окружные) – из представителей городских Советов и волостных съездов Советов, по расчету 1 депутат на 10 000 жителей, а от городов – по 1 депутату на 2 тысячи избирателей, но не свыше 300 депутатов на всю губернию (округ), причем в случае созыва

уездного съезда Советов непосредственно перед губернскими выборами производятся по той же норме не волостными, а уездным съездом Советов» (раздел III, глава X, статья 53).

Правда, в городах депутаты рассчитываются на избирателей, а в деревнях — на всех жителей (куда относятся не только трудящиеся, но и кулаки, попы, сельскохозяйственная буржуазия и т.д., а также дети, которые не имеют избирательных прав). Значит, преимущества городских рабочих перед крестьянами вовсе не так велики, как это кажется с первого взгляда. Но все-таки они, несомненно, есть.

Это закреплённое в Конституции преимущество отразило лишь то, что было в самой жизни, когда сплочённый в городах пролетариат вел за собой разъединённую деревенскую массу.

Задача нашей партии состоит в том, чтобы прежде всего разъяснять в реальный характер этих преимуществ. По мере просвещения более отсталых деревенских масс, после того как они на опыте убедятся в правильности и выгоде рабочей линии, когда они почувствуют, что им не по пути с буржуазией, а по пути только с пролетариатом, само собой разумеется, что такое неравенство отпадет: его не будет и в самой жизни.

Преимущества пролетариата наша партия обязана использовать так, чтобы благодаря этому возможно сильнее влиять на деревню, связывая передовых рабочих с крестьянами в целях революционного просвещения деревенской бедноты. Не для того эти преимущества сохраняются за рабочим классом, чтобы он замыкался в себе и отгораживался от деревни, а, наоборот, для того, чтобы, пользуясь ими, имея больший вес в Советах и в общем управлении страной, рабочий класс сближался с деревней и способствовал бы товарищескому объединению пролетариата с середняками и беднотой, вырывая их из-под влияния кулаков, попов, бывших помещиков.

§ 54. Бюрократия и советская власть. Советская власть организовалась, как власть нового класса, пролетариата, на развалинах старой буржуазной власти. Прежде чем пролетариат организовал свою власть, он разрушил чужую, власть своих противников. При помощи советской власти он добывал и разрушал остатки старого государства. Так, пролетариат разрушил старую полицию, остатки охраны, жандармерию, царско-буржуазный суд с его прокурорами и наемными защитниками; он вымел метлой множество старых канцелярий, уничтожил буржуазные министерства со штатом чиновников и т.д. Какова была здесь цель пролетариата? И какова общая задача нашей партии? Мы о ней говорили раньше, в I части книги. Эта задача состоит в том, чтобы на место старого чиновничества поставить сами массы; сделать так, чтобы все трудящееся население бралось за дело управления (на некоторых должностях поочередно в короткие сроки, на других — со сменами в более долгие). Однако здесь мы столкнулись с рядом очень крупных затруднений.

Первое: недостаточное развитие, темнота, робость отсталых слоев в городе, а еще больше в деревне. Активных, подвижных, смелых, вполне разбирающихся «передовиков» — сравнительно тонкий слой. Другие только-только подходят. Но много есть и таких, которые еще боятся взяться за дело, многие не знают еще собственных прав и не чувствуют еще себя хозяевами страны. Это и немудрено. Веками забытые и угнетенные массы целиком не могут сразу перейти от полудикого состояния к управлению страной. Сперва выступает первый, наиболее развитый слой: таковы, наприм[ер], питерские рабочие; их можно встретить везде: они часто являются и комиссарами в армии, и организаторами промышленности, и «исполкомщиками» в деревне, и пропагандистами, и членами высших советских учреждений, и лекторами. Понемногу перерабатывается и остальная масса; подходят новые, заменяют прежних, понемногу сами учатся. Но само собой разумеется, что общий низкий культурный уровень сказывается, как крупное препятствие.

Второе: отсутствие навыков в деле управления. Это касается даже и лучших товарищей. Рабочий класс ведь впервые взял власть в свои руки. Никогда он не управлял и никогда делу управления не учился. Наоборот, и царское правительство в течение долгих десятилетий, и недолговечное правительство Гучкова – Керенского всячески старались не допустить пролетариата до этого дела. Буржуазное и помещичье государство было ведь организацией не для воспитания, а для подавления рабочих. Понятно, что теперь, когда рабочий класс стоит у власти, он, учась на практике, делает неоднократно ошибки. На этих ошибках он учится, но он их все-таки делает.

Третье: буржуазные специалисты старой марки. Их пролетариат вынужден был взять на службу. Он их подчинил себе, заставил их работать, сломил их саботаж. Он их в конце концов переделает по-своему окончательно. Но пока что они часто вносят свои старые привычки и приемы: сверху вниз глядят на массу, отъединяются от нее, гнут свою линию, усиливают во много раз канцеляршину, волокиту и т.д., заражают этим и наших людей.

Четвертое: отвлечение лучших сил в армию. В тяжелейших условиях гражданской войны, когда в армии нужны особенно верные, честные, смелые борцы, как раз лучших, своих, приходится посылать для фронтовой работы. От этого для тыла становится еще меньше слой старых передовиков.

Все эти обстоятельства затрудняют нашу работу неимоверно и способствуют до некоторой степени частичному возрождению бюрократизма внутри советского строя. Это – большая опасность для пролетариата. Не для того разрушал он старое чиновничье государство, чтобы оно выросло снизу. Поэтому наша партия должна стремиться эту опасность предотвратить. Предотвратить же ее можно только вовлечением в работу масс. Конечно, самое основное – это общий культурный подъем рабочих и крестьянской массы, просвещение ее, рост грамотности и образования. Но наряду с этим необходим целый ряд других мер. В числе их наша партия рекомендует:

Обязательное привлечение каждого члена Совета к выполнению определенной работы по управлению государством. Каждый член Совета должен не только обсуждать общие меры, но и сам стоять у какого-нибудь общественного дела, т.е. занимать какую-нибудь общественную должность.

Последовательную смену этих работ. Это значит, что товарищ должен через определенное время сменять одну работу на другую и постепенно привыкать ко всем главнейшим отраслям управления. Он не должен засиживаться годы на одном и том же месте: тогда он и сам может превратиться в чиновника; он должен, обучившись на одном, переходить на другое.

Наконец, партия рекомендует в качестве общего направления работы постепенное вовлечение в работу по управлению государством всего трудящегося населения поголовно. В этом, в сущности, заключается основа нашей политики. Кое-какие шаги в этом отношении делались. Например, когда в Питере в обысках у буржуазии принимали участие десятки тысяч пролетариев, или когда охрану города взяло на себя почти все гражданское рабочее население, или когда на смену мужчинам женщины-работницы были втянуты на милиционную службу. В Советах можно, скажем, вводить помощников из не членов Совета, которые по очереди приглядываются к работе исполкома или отделов; то же можно установить в фабрично-заводских комитетах и союзах, пропуская через них всех рабочих поочередно, словом, в той или другой форме (в какой удобнее, это покажет практика) мы должны идти дальше по пути Парижской коммуны: упрощать дело управления, привлекать к нему массы, уничтожать всякий бюрократизм. Чем шире будет это участие масс, тем скорее отомрет и пролетарская диктатура. Когда все без исключения взрослые и здоровые управляют, тогда исчезают последние остатки какого бы то ни было чиновничества. А это вместе с исчезновением

сопротивляющейся буржуазии похоронит и всякое государство: люди будут управлять не над людьми, а только над вещами: машинами, зданиями, паровозами, аппаратами. Это будет полный коммунистический строй.

Отмирание государства пойдет особенно быстро после полной победы над империалистами. Теперь, во время жестокой Гражданской войны, нам приходится строить все наши организации на военный лад. Поэтому и органы советской власти перестроились так. Иногда некогда даже собирать Советы, и, по правилу, чуть ли не все дела решают исполкомы.

Такое явление вызывается военным положением Советской республики: у нас не просто пролетарская диктатура, а военно-пролетарская республика – вооруженный лагерь. Разумеется, это будет не всегда и это исчезнет, как только не будет надобности в военном устройстве всех наших организаций.

Литература к главе VI: Ленин Н. (Ильин В.) Государство и революция; Ленин Н. Удержат ли большевики государственную власть?; Осинский Н. Демократическая республика или Советская республика; Ленин Н. Тезисы о буржуазной и пролетарской демократии, принятые первым съездом Коммунистического Интернационала; Ленин Н. Пролетарская революция и ренегат Каутский; Стучка П.И. Конституция РСФСР в вопросах и ответах. Совсем популярными брошюрами являются брошюры Бухарина «Парламентарная или Советская республика» (отдельная глава из брошюры: «Программа коммунистов»); Карпинского «Что такое советская власть»; Карпинского и Лациса «Что такое советская власть и как она строится».

Глава VII Национальный вопрос и коммунизм

§ 55. Национальное угнетение. § 56. Единство пролетариата. § 57. Причины национальной ненависти. § 58. Равноправие наций и право на самоопределение; федерация. § 59. Кто выражает «волю нации»? § 60. Антисемитизм и пролетариат.

§ 55. Национальное угнетение. Одним из видов угнетения человека человеком является национальное угнетение. Одной из перегородок, разделяющих человечество, кроме перегородок классовых, является национальное разъединение, национальная вражда и ненависть.

Одним из способов одурачивания пролетариата и затемнения его классового сознания является национальная травля, которой умело руководит буржуазия в своих интересах.

Разберемся, как должен сознательный пролетарий подходить к национальному вопросу и как должен его разрешать в интересах скорейшей победы коммунизма.

Нация или народность – это группа людей, которая объединена одним языком и населяет определенную территорию. Есть и другие признаки национальности, но это самые главные и основные*.

Что такое национальное угнетение, лучше всего пояснить примером. Царское правительство преследовало евреев, не давало им жить по всей России, не пускало на государственную службу, ограничивало поступление в школы, устраивало еврейские погромы и т.д. То же правительство не давало украинцам обучать детей в школе на украинском языке, запрещало издавать газеты на своем языке и ни одному народу в государстве не

* Напр., евреи имели раньше территорию и общий язык, теперь же территории не имеют, и древнееврейский язык не все знают; цыгане имеют свой язык, но не имеют определенной территории. Оседлые тунгусы в Сибири имеют территорию, но позабыли свой язык. (Прим. автора.)

давало свободу решить, хочет ли этот народ жить в составе русского государства или не хочет.

Германское правительство закрывало польские школы, австрийское – преследовало чешский язык и насильно навязывало чехам немецкий. Английская буржуазия издевалась и издается над туземцами Африки и Азии, покоряет отсталые полудикие народы, рабрит их и расстреливает за попытки освободиться от гнета.

Одним словом, когда в государстве одна нация пользуется всеми правами, а другая – только частью этих прав, если одна, более слабая, нация насильно присоединена к более сильной и ей против ее воли навязывают чужой язык, обычаи и проч. и не дают жить своей жизнью, это – национальное угнетение и национальное неравенство.

§ 56. Единство пролетариата. Прежде всего, мы должны поставить и разрешить самый главный и основной вопрос: является ли для русского рабочего и крестьянина врагом немец, француз, англичанин, еврей, китаец, татарин независимо от того, к какому классу он принадлежит? Может ли он ненавидеть или отнестись с недоверием к представителю другого народа только потому, что он говорит на другом языке, что у него черный или желтый цвет кожи, что у него другие обычаи и нравы? Ясно, что не может и не должен. Рабочий Германии, рабочий Франции, рабочий негр есть такой же пролетарий, как рабочий русский. На каком бы языке ни говорили рабочие разных стран, сущность их положения заключается в том, что все они эксплуатируются капиталом, что все они – товарищи по бедности, угнетению и несправедливости.

Может ли русский рабочий больше любить своего капиталиста только потому, что он ругает истоящей русской матерной бранью, что по-русски дает по зубам, что порет забастовщиков настоящей русской нагайкой? Конечно, не может, как не может немецкий рабочий больше любить своего капиталиста только потому, что он издевается над ним на немецком языке и на немецкий манер. Рабочие всех стран – братья по классу и враги капиталистов всех стран.

То же самое можно сказать и о крестьянской бедноте всех наций. Русскому крестьянину – бедняку и середняку – ближе и дороже венгерский полупролетарий, крестьянин-бедняк Сицилии и Бельгии, чем свой русский кулак-богатеи, а тем паче истинно русский помещик-живодер вроде Пуришкевича или Маркова.

Но рабочие всего мира не только должны созидать себя братьями по классу, братьями по угнетению и рабству. Было бы плохо, если бы они только бранили своих капиталистов каждый на своем языке, если бы они только утирали друг другу слезы и только для себя и в своем государстве вели борьбу со своими врагами. Братья по угнетению и рабству должны быть братьями по одному всемирному союзу для борьбы с капиталом. Забыть про все национальные различия, которые им мешают, они должны объединиться в один могучий союз для общей борьбы с капиталом. Только объединившись в такой международный союз, могут они победить мировой капитал. Поэтому еще семьдесят с лишним лет тому назад основатели коммунизма Маркс и Энгельс в своем знаменитом «Коммунистическом манифесте» выбросили великий лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Рабочему классу необходимо преодолеть всякие национальные предрассудки и вражду не только для всемирного натиска на капитал и для полной победы над ним, но и для организации единого мирового хозяйства. Не только Советская Россия не может жить без доицкого угля, бакинской нефти, туркестанского хлопка, но и вся Европа не может обойтись без русского леса, пеньки, льна, платины и американского хлеба, Италия – без английского угля, Англия – без египетского хлопка и т.д., и т.д. Буржуазия не смогла организовать мирового хозяйства и на этом сломала себе шею. Такое хозяйство может наладить лишь пролетариат. А для этого он должен провозгласить лозунг: «Весь мир, все его богатства принадлежат всему миру труда». Но такой лозунг означает полный

отказ немецких рабочих от их национальных богатств, английских — от своих и т.д. Если национальные предрассудки и национальная алчность станут на пути к интернационализации промышленности и земледелия, долой их всюду и везде, под какими бы красками они ни выступали!

§ 57. Причины национальной ненависти. Но коммунистам недостаточно объявить войну национальному угнетению и национальным предрассудкам и провозгласить международное объединение в борьбе с капиталом и хозяйственный мировой союз победившего пролетариата. Необходимо найти путь для наиболее быстрого преодоления всякого национального шовинизма и эгоизма, национальной тупости и сомнения, национальной подозрительности у трудящихся масс. А это наследство еще звериного периода жизни человека и звериной национальной травмы феодально-буржуазной эпохи продолжает тяжелой гирей висеть на шее мирового пролетариата.

Национальная рознь и вражда очень давнего происхождения. Было время, когда отдельные племена не только воевали друг с другом за земли и леса, но и просто пожирали себе подобных из другого племени. Остатки этого звериного недоверия и вражды одного народа к другому, а тем более одной расы к другой продолжают жить среди рабочих и крестьян всех стран. Эти остатки племенной вражды постепенно отмирают по мере развития мирового обмена, экономического сближения, переселения и смешения разных народностей, попадающих на одну территорию, особенно на почве совместной классовой борьбы рабочих разных стран. Но эти же остатки национальной вражды не только не уменьшаются, а вспыхивают с новой силой, когда к национальной вражде присоединяется противоречие классовых интересов либо видимость такого противоречия.

Буржуазия каждой страны эксплуатирует и угнетает свой пролетариат. Но она употребляет все усилия доказать своему пролетариату, что не она его враг, а окружающие его другие народы. Немецкая буржуазия кричит своим рабочим: бей француза, бей англичанина! Английская буржуазия кричит: бей немца! Буржуазия всех стран начинает, особенно в последнее время, кричать: бей жид! Все это делается затем, чтобы классовую борьбу рабочего класса с его угнетателями-капиталистами свернуть на национальную борьбу.

Но буржуазия не довольствуется одной национальной травлей, чтобы отвлечь рабочих от борьбы за социализм. Она пытается его материально заинтересовать в угнетении других народов. Когда во время недавней мировой войны немецкие буржуа горланили: «Германия, Германия превыше всего» (немецкий национальный гимн), буржуазные экономисты Германии старались доказать своим рабочим, как много выиграют они от победы, следовательно, от угнетения и ограбления рабочих побежденных стран. До войны буржуазия и на деле подкупала верхушки рабочего класса своими барышами, полученными от ограбления колоний и угнетения отсталых и слабых народностей. Рабочие передовых европейских стран в лице своей лучше всего оплачиваемой части поддались провокации капиталистов и дали социал-патриотам убедить себя, что у них тоже есть отечество, раз они соучастники в грабеже колоний и полужависимых народов. Рабочий, который при капитализме является патриотом, продает за пятак свое настоящее отечество, социализм, и превращается в душителя отсталых и слабых наций.

§ 58. Равноправие наций и право на самоопределение; федерация. Коммунистическая партия, объявляя беспощадную войну всякому угнетению человека человеком, самым решительным образом встает против национального угнетения, неизбежного при существовании буржуазного строя. Еще более решительно и беспощадно она ведет борьбу против малейшего соучастия в этом угнетении самого рабочего класса. Но недостаточно, чтобы пролетариат больших и сильных государств отказался от всяких попыток угнетения других народов, которых давила его буржуазия, его дворянство. Надо также, чтобы пролетариат угнетенных наций не чувствовал недоверия к своим товарищам

из стран, которые были странами угнетающими. Когда Чехия была угнетена немецкой буржуазией Австрии, чешский рабочий считал своими угнетателями всех немцев вообще. Поляков угнетал наш царизм, но у польского населения осталось недоверие ко всем русским, а не к одним только русским царям, помещикам и капиталистам. Чтобы уничтожить в корне всякое недоверие рабочих угнетенных наций к рабочим угнетающих наций, необходимо не только провозгласить, но и на деле провести полное национальное равенство. Это равенство должно быть проведено в области равноправия языка, школы, религии и т.д. Мало того, пролетариат должен быть готов провести полное национальное самоопределение, т.е. предоставить полную возможность трудящемуся большинству любой нации решить вопрос, хочет ли эта нация жить в государственном единстве с другой, хочет ли она вступить в тесный добровольный государственный союз (федерация) или хочет отделиться совсем.

Позвольте, спросит читатель, неужели коммунист может стоять за отделение наций? Как же будет обстоять тогда дело с единым мировым пролетарским государством, к которому стремятся все коммунисты? Тут есть как будто противоречие.

Никакого противоречия здесь нет, ответим мы. Именно в интересах скорейшего достижения полного единства всего трудящегося мира бывает иногда необходимо согласиться на временное отделение одной нации от другой.

Разберем все случаи, какие могут тут встретиться.

Допустим, в Баварии, которая входит в объединенную Германию, провозглашена советская республика, а в Берлине продолжает царить буржуазная диктатура Носке и Шейдемана. Могут ли баварские коммунисты в таком случае добиваться независимости Баварии? Не только баварские коммунисты, но и коммунисты остальной Германии должны приветствовать отделение советской Баварии, так как это отделение будет отделением не от германского пролетариата, а от гнета правящей германской буржуазии.

Возьмем обратный случай. Во всей Германии, кроме Баварии, провозглашена советская власть. Буржуазия Баварии за отделение от советской Германии, пролетариат Баварии за соединение с ней. Как должны вести себя коммунисты? Ясно, что коммунисты Германии должны поддержать баварских рабочих и силой оружия подавить попытки баварской буржуазии к отделению. Это будет не подавление Баварии, а подавление баварской буржуазии.

Допустим, советская власть провозглашена и в Англии, и в Ирландии, т.е. и в стране угнетающей, и в стране угнетенной. Допустим далее, что ирландские рабочие не питают доверия к рабочим Англии, к рабочим страны, которая угнетала их на протяжении целых столетий. Допустим, они хотят полного отделения от Англии. Это отделение экономически вредно. Как должны вести себя в таком случае английские коммунисты? Они ни в коем случае не должны и с и л ь н о, т.е. так же, как делала английская буржуазия, удерживать в союзе с собой Ирландию. Они должны предоставить ей полную возможность отделиться. Зачем? Затем, чтобы, во-первых, раз навсегда показать ирландским рабочим, что не они, а их буржуазия угнетала Ирландию, и этим завоевать к себе доверие.

Во-вторых, затем, чтобы ирландские рабочие на опыте убедились, что самостоятельно существовать им маленьким государством невыгодно. Чтобы они на опыте убедились, что только при тесном государственном и хозяйственном единстве с пролетарской Англией и другими пролетарскими странами можно лучше всего наладить производство.

Допустим еще, что какая-либо нация с буржуазным режимом хочет отделиться от нации с пролетарским режимом, причем рабочий класс желающей отделиться нации в своем большинстве или даже в значительной части за отделение. Он питает еще, допустим, недоверие не только к капиталистам, но и к рабочим той страны, буржуазия кося

его угнетала. Лучше всего и в этом случае дать пролетариату остаться с глазу на глаз со своей буржуазией, чтобы она не могла ему твердить: не я тебя угнетаю, а вот страна такая-то. Рабочий класс очень скоро увидит, что буржуазия добивается самостоятельности для того, чтобы самостоятельно драть шкуру со своего пролетариата. Он увидит также, что пролетариат соседнего советского государства зовет его на союз не для эксплуатации его, не для угнетения, а для совместного освобождения от эксплуатации и угнетения.

Таким образом, коммунисты, будучи против отделения пролетариата одной страны от другой, особенно когда эти страны экономически связаны, могут, однако, согласиться на временное отделение. Так мать дает ребенку один раз прикоснуться к огню, чтобы он десять раз не порывался к нему.

§ 59. Кто выражает «волю нации»? Коммунистическая партия признает право наций на самоопределение вплоть до отделения. Но она считает, что волю нации выражает трудящееся большинство нации, а не ее буржуазия. Поэтому было бы правильно сказать, что мы признаем не право наций на самоопределение, а право трудящегося большинства нации. Что же касается буржуазии, то, лишив ее на период гражданской войны и диктатуры пролетариата всяких гражданских свобод, мы лишаем ее и права подавать голос в национальном вопросе.

Как же быть с правом на самоопределение и отделение у наций, которые стоят на очень низкой или самой низкой ступени развития? Как быть с нациями, которые не только не имеют пролетариата, но не имеют и буржуазии или имеют ее в зачаточном состоянии? Возьмем, например, наших тунгусов, калмыков, бурят, многие народы колоний. Как быть, если эти нации будут добиваться, допустим, полного отделения от более культурных наций и даже от наций, осуществивших социализм? Не будет ли это усилением варварства за счет цивилизации?

Мы думаем, что, если социализм осуществится в передовых странах мира, отсталые и полудикие народы легче всего войдут в общий союз народов именно добровольно. Имperialистическая буржуазия, которая грабила колонии и насильно присоединяла их к себе, имеет основание бояться отпадения колоний. Пролетариат, который не собирается грабить колонии, может получить необходимое ему сырье из этих колоний путем товарообмена, предоставив туземцам и отсталым народностям устраивать свою жизнь внутри, как они хотят.

Таким образом, коммунистическая партия, чтобы покончить со всякими видами национального гнета и неравенства, выдвигает требование самоопределения наций.

Этим правом пролетариат всех стран воспользуется, чтоб добить национализм и добровольно войти в федеративный союз.

Когда же федеративный союз окажется недостаточным для создания общего мирового хозяйства и огромное большинство на опыте сознает эту недостаточность, будет создана единая мировая социалистическая республика.

Если мы присмотримся к тому, как ставила и разрешала (либо запутывала, что было чаще) буржуазия национальный вопрос, то мы увидим, что в эпоху своей молодости буржуазный класс национальный вопрос решал одним способом, в эпоху же своей старости и разложения решает его совсем иначе.

Когда буржуазия была угнетенным классом, когда у власти стояло дворянство с королем или царем во главе, когда цари и короли отдавали целые народы в приданое своим дочерям, выходившим замуж, тогда буржуазия не только говорила хорошие слова о свободе наций, но и пыталась осуществить эту свободу, по крайней мере для своей нации. Например, итальянская буржуазия во время подчинения Италии австрийской монархии стояла во главе освободительного движения своей страны и добилась освобождения Италии от чужеземного гнета и объеди-

нения в одно государство. Когда Германия была раздроблена на десятки мелких княжеств и придавлена сапогом Наполеона, немецкая буржуазия добивалась объединения Германии в одно большое государство и освобождения от французских поработителей. Когда Франция, уничтожившая самодержавие Людовика XVI, подвергалась нападению со стороны монархических государств остальной Европы, французская радикальная буржуазия руководила обороной своей страны и создала гимн – «Марсельезу». Одним словом, всюду буржуазия угнетенных наций стояла во главе их освободительной борьбы, создала богатейшую национальную литературу, выдвинула гениальнейших писателей, художников, поэтов, философов.

Так было раньше, когда буржуазия сама была угнетенным классом. Почему буржуазия угнетенных наций стремилась к их освобождению? Если почитать ее поэтов и художников, если верить их словам, то потому, что она против всякого национального угнетения, потому, что она за свободу и самоопределение каждой, даже самой малой, народности. На самом же деле буржуазия стремилась в свое время к освобождению от иноземного гнета, чтобы создать свое буржуазное государство, чтобы с а м о й грабить свой народ без конкурентов, чтобы к себе забирать всю прибавочную ценность, которую создают рабочие и трудовые крестьяне данной страны.

Это доказывает история любой капиталистической страны. Когда буржуазия угнетена собственным народом, она кричит о свободе наций в о о б щ е, о недопустимости всякого национального гнета. Но как только капиталистический класс добивается власти и прогоняет иноземных завоевателей, будет ли то иностранное дворянство или иностранная буржуазия, он сам стремится придать любую более слабую народность, которую можно придать выгодно. Революционная французская буржуазия в лице Дантона, Робеспьера и других великих деятелей своей первой революции призывала все народы мира к освобождению от всякой тирании, «Марсельеза» Руже де Лилля, которую пели солдаты революции, понятна и близка каждому угнетенному народу. Но та же французская буржуазия (хотя и в лице своего другого слоя) под предводительством Наполеона и даже под звуки той же самой «Марсельезы» придавила народы Испании, Италии, Германии, Австрии и грабила их на протяжении всех наполеоновских войн. Угнетенная германская буржуазия в лице Шиллера с его «Вильгельмом Теллем» воспела борьбу народов с их иноземными тиранинами. Но та же буржуазия в лице Бисмарка и Мольтке отняла и насильно присоединила к себе французскую провинцию Эльзас-Лотарингию, отняла Шлезвиг у Дании, угнетала поляков Познани и т.д. Освободившаяся от гнета австрийского дворянства буржуазия Италии начала расстреливать коренных бедуинов Триполи, албанцев и далматов на побережье Адриатического моря, турок в Анатолии.

Почему это так происходит и происходит? Почему всюду и везде буржуазия выставляла требование национальной свободы и нигде никогда не могла его осуществить на деле?

Происходит это потому, что каждое освободившееся от национального гнета буржуазное государство неизбежно стремится к своему расширению. Буржуазия любой капиталистической страны не довольствуется эксплуатацией одного только собственного пролетариата. Ей необходимо сырье из разных концов света, и она стремится обзавестись колониями, чтобы, поработив туземцев, беспрепятственно снабжать этим сырьем свои фабрики. Ей необходимы рынки для сбыта товаров, и она стремится ими обзавестись в лице остальных стран, совершенно не считаясь с тем, как к этому относится население и молодая, еще неокрепшая буржуазия этих стран. Ей необходимы страны, куда можно ввозить избыточные капиталы и выкачивать из местных рабочих прибыль для себя, и она поработает эти страны, располагаясь в них, как в собственной стране. Если на пути к захвату колоний и экономическому поработению остальных стран стоит сильная буржуазия другой стороны, вопрос решается войной, вроде той мировой войны, которая закончилась в Европе. В результате колонии и остальные страны оказались в таком же поработении, у них переменялся лишь угнетатель. Но, кроме этого, в число поработенных стран попали потерпевшие поражение Германия, Австрия, Болгария, бывшие до войны странами свободными. Таким образом, развитие буржуазного строя не только не уменьшает число стран,

находящихся под гнетом других стран и их буржуазии, а как раз наоборот: буржуазное господство приводит ко всеобщему национальному угнетению, весь мир оказывается под пятой победившей в войне группы капиталистических государств.

§ 60. Антисемитизм и пролетариат. К числу наиболее опасных видов национальной травли относится антисемитизм, т.е. травля семитической расы, к которой принадлежат евреи (наряду с арабами). Евреев преследовало и травило царское самодержавие, чтобы спастись от рабоче-крестьянской революции. Ты беден, оттого что тебя грабят евреи, говорили черносотенцы и старались направить негодование угнетенных рабочих и крестьян не против помещиков и буржуазии, а против всей еврейской нации. Между тем евреи, как и все нации, делятся на различные классы, и народ грабят только буржуазные слои еврейства и грабят одинаково с капиталистами других наций. Еврейские же рабочие и ремесленники в черте оседлости жили всегда в страшной нищете и бедности, в большей нищете, чем рабочие остальной России.

Русская буржуазия травила евреев не только затем, чтобы отвлечь от себя гнев своих эксплуатируемых рабочих, но и с тем чтобы избавиться от конкурентов в торговле и промышленности.

Наконец, в последнее время во всех странах замечается усиление травли евреев со стороны буржуазных классов. Буржуазия разных стран не только борется таким путем с одним из конкурентов по ограблению пролетариата, но и борется с надвигающейся революцией по способу Николая II. Еще недавно антисемитизм в Германии, Англии, Америке был развит очень слабо. Теперь даже министры Англии произносят антисемитические речи. Это верный признак того, что буржуазный строй на Западе накануне крушения и что буржуазия пытается откупиться от рабочей революции, дав ей на съедение Ротшильдов и Мендельсонов. В России антисемитизм притих во время Февральской революции и, наоборот, стал усиливаться тем больше, чем сильнее обострялась гражданская война буржуазии с пролетариатом и чем безнадежнее делались попытки буржуазии.

Все это доказывает, что антисемитизм есть один из видов борьбы с социализмом, и плох будет тот рабочий и крестьянин, который даст себя одурачить своим классовым врагам.

Литература [к главе VII]: Ленин Н. О праве наций на самоопределение (статья в журнале «Просвещение»); Сталин И. Национальный вопрос и марксизм; Залевский К. Национальный вопрос и Интернационал; Петров С. Правда и ложь о евреях; Каутский К. О евреях; Бель А. Антисемитизм и пролетариат; Стеклов Ю. Последнее слово антисемитизма.

Глава VIII

Программа коммунистов в военном вопросе

- § 61. Наша старая программа в военном вопросе. § 62. Необходимость Красной армии и ее классовый состав. § 63. Всеобщее воинское обучение трудящихся. § 64. Дисциплина нагайки или сознательная дисциплина. § 65. Политические комиссары и ячейки коммунистов. § 66. Формирование Красной армии. § 67. Командный состав Красной армии. § 68. Выборный или назначенный командный состав. § 69. Красная армия – временная армия.*

§ 61. Наша старая программа в военном вопросе. Мы говорили в § 12, как строилась и кому служила постоянная армия буржуазно-помещичьего государства. Совершенно понятно, что социалисты всех стран, и в том числе и русская социал-демократия, выступали требованием уничтожения постоянной армии. В то же время социалисты вме-

сто постоянной армии выдвигали всеобщее народное вооружение, уничтожение офицерской касты, выборность командного состава самими солдатами.

Посмотрим, как должны коммунисты относиться к этим требованиям.

Прежде всего, возникает вопрос: для какого общества выставляется вышеприведенная программа: для буржуазного, для социалистического или на время борьбы с буржуазным обществом за социализм?

Надо сказать, что социалистические партии, входившие во II Интернационал, сами не знали определенно, для какого общества они пишут свою программу. Большинство, однако, полагало, что для буржуазного. Все социалисты ссылались обыкновенно на Швейцарскую республику, где не было постоянной армии, а существовала всеобщая народная милиция.

Совершенно очевидно, что приведенная программа неосуществима в буржуазном обществе, особенно в период все более и более обостряющейся классовой борьбы. Уничтожить казарму – это значит уничтожить место, где муштруют рабочих и крестьян и делают из них палачей своих же братьев по классу. Это значит уничтожить место, где только и можно создать из трудящихся армию, которая пойдет на войну с другими народами в любую минуту, когда это будет нужно капиталистам. Уничтожить офицерскую касту – это значит уничтожить тех дрессировщиков, которые одни могли создать железную дисциплину и подчинить вооруженный народ воле буржуазного класса. Допустить выборность командного состава – это значит допустить вооруженным рабочим и крестьянам выбрать себе свое, а не буржуазное командование. Это значит, что буржуазия могла бы строить армию для свержения собственного господства.

И история капитализма в Европе доказала и доказывает неосуществимость при буржуазном строе, следовательно при делении общества на классы и усиливающейся классовой борьбе, военной программы, выставленной социалистическими партиями. Чем более усиливается эта борьба, тем более склонна стоящая у власти буржуазия не вооружать весь народ, а, наоборот, обезоружить его и оставить оружие лишь в руках надежных белогвардейских отрядов. Военная программа социалистов, если ее надеются провести при господстве буржуазии, есть, следовательно, жалкая мелкобуржуазная утопия.

Но, быть может, эта программа годится как раз для того, чтобы сломить господство буржуазии?

И это не так. Буржуазии, для того чтобы обороняться против рабочего класса, который хочет лишить ее власти, нет никакого смысла соглашаться на вооружение его. Буржуазия проводила всеобщую воинскую повинность и доверяла винтовку рабочему-солдату до тех пор, пока надеялась удержать в повиновении себе солдат из народа. Как только этот народ поднимается на борьбу, его надо первым делом обезоружить. Это знают все деловые политики буржуазного класса. И, наоборот, рабочим и крестьянам также нет никакого смысла требовать всеобщего народного вооружения, раз они сами собираются вооружиться, а буржуазию разоружить и лишить власти. Значит, и для переходного периода, для периода борьбы пролетариата за власть, старая социалистическая военная программа непригодна. Она годится лишь на очень короткий промежуток времени для разложения уже существующей буржуазной армии. Годится лишь в той своей части, где говорится об уничтожении офицерской касты и о выборности командного состава самими солдатами. Коммунисты-большевики на деле и воспользовались этим требованием своей старой программы в 1917 г. Они вынули из армии царя и Керенского генеральско-офицерское жало и тем вырвали армию из подчинения буржуазно-помещичьему классу.

Наоборот, для победившего социалистического общества старая военная программа применима вполне. Когда пролетариат в ряде стран победит буржуазию и уничтожит классы, тогда можно будет провести всеобщее народное вооружение. Вооружен тогда будет весь трудовой народ, т.к. в победившем социалистическом обществе все будут

трудящимися. Возможно будет тогда уничтожение всех и всяческих казарм. Возможно будет также и проведение выборного командования, которое в эпоху обостренной гражданской войны не может быть полезным пролетарской армии за некоторыми счастливыми исключениями.

Но здесь возникает один естественный вопрос: кому и зачем нужно будет всеобщее народное вооружение в странах победившего социализма? Ведь внутренняя буржуазия будет побеждена и превращена в трудящихся, а войн между социалистическими государствами не предполагается. Здесь необходимо помнить, что социализм не может победить во всех странах мира сразу. Одни страны, естественно, будут отставать от других в деле уничтожения классов и осуществления социализма. Странам, победившим свою буржуазию и превратившим ее в работников, придется или вести войну, или быть готовыми к войне против буржуазии тех государств, где диктатура пролетариата еще не провозглашена, либо помогать вооруженной рукой пролетариату стран, где провозглашена его диктатура, но борьба с буржуазией еще не доведена до конца.

§ 62. Необходимость Красной армии и ее классовый состав. Большинство социалистов, входивших во II Интернационал, полагало, что социализм может быть осуществлен путем завоевания большинства в парламентах. Убаюкивая себя такими мирно-обывательскими мещанскими надеждами, это большинство, естественно, и не думало о возможности и необходимости организации пролетарской армии в период борьбы за социализм. Другая часть социалистов, которая считала неизбежным насильственный переворот с оружием в руках, не предвидела, однако, что эта вооруженная борьба может затянуться надолго, что Европа пройдет через полосу не только социалистических революций, но и социалистических войн. Поэтому ни в одной социалистической программе не было выставлено требование организации Красной армии, т.е. армии вооруженных рабочих и крестьян. Эту армию пришлось впервые в мире* строить рабочему классу России, т.к. ему впервые в мире удалось прочно захватить в свои руки государственную власть и защищать ее от натиска собственной буржуазии и буржуазных государств всего мира. Совершенно очевидно, что без Красной армии рабочие и крестьяне России не смогли бы отстоять ни одного из завоеваний своей революции и были бы раздавлены силами своей и международной реакции. Красная армия не может быть построена на основе всеобщей воинской повинности. Победивший пролетариат в эпоху, когда борьба не закончена, не может доверить винтовку ни буржуазным слоям города, ни кулацким верхам деревни; в его армию должны входить лишь представители трудящихся классов, не эксплуатирующих чужого труда и заинтересованных в победе рабочей революции. Лишь пролетарии города и крестьянская беднота деревни могут составить ядро и основу Красной армии; лишь присоединение к этим массам крестьян-середняков может сделать Красную армию по ее составу армией всех трудящихся. Что же касается буржуазии и кулачества, они должны отбывать свою воинскую повинность перед пролетарским государством в тыловом ополчении. Это, конечно, еще не значит, что достаточно крепкая пролетарская власть не заставит в свое время эксплуататоров так же стрелять в своих белых приятелей по ту сторону фронта, как буржуазия через свою постоянную армию заставляла пролетариев расстреливать своих братьев по классу.

Постоянная армия буржуазии, хотя и формируется на основе всеобщей воинской повинности и по видимости является армией всенародной, на деле является армией классовой. Наоборот, пролетариат не имеет оснований скрывать классовый характер своей армии, как он не скрывает классового характера своей диктатуры. Красная армия есть

* Мы говорим здесь об армии в полном смысле этого слова. Что же касается зачатков Красной армии, то предшественницей нашей Красной армии можно считать армию Парижской коммуны, которую создали рабочие и городская беднота Парижа в 1871 г. (Прим. автора.)

один из аппаратов советского государства. Она строится, в общем, по тому же типу, как весь государственный аппарат пролетарской диктатуры. И как при выборах в Советы по Советской конституции лишены права голоса те, кого эта конституция должна экономически и политически удушить, так и в Красную армию не допускаются те, кого эта армия должна разбить в гражданской войне.

§ 63. Всеобщее воинское обучение трудящихся. Всеобщее воинское обучение трудящихся, к осуществлению которого приступила Советская республика России, прежде всего должно до минимума сократить казарменное обучение. Рабочий и крестьянин должны быть обучены военному делу, по возможности не отрываясь от производства. Это ведет к огромному сокращению издержек на армию и предупреждает сокращение или разрушение производства. Рабочие и крестьяне, обучаясь военному делу в часы досуга, готовятся быть солдатами «революции», не переставая быть производителями ценностей.

Вторая важная задача всеобщего обучения трудящихся – создать в каждом городе, в каждой волости пролетарско-крестьянские резервы, способные стать в любую минуту под ружье при приближении врага. Опыт Гражданской войны в России доказал, какое огромное значение имеют эти резервы для успеха в социалистической войне. Стоит лишь вспомнить о резервных рабочих полках Петрограда, отбивавших красную столицу от белых разбойников, о рабочих Урала и Донецкого бассейна, о рабочих и крестьянах Оренбурга, Уральска, Оренбургской губернии и т.д.

§ 64. Дисциплина нагайки или сознательная дисциплина. В империалистской армии по всей ее природе не может быть сознательной дисциплины. Эта армия состоит из разнородных классовых групп. Рабочие и крестьяне, насильственно загнанные в казармы буржуазной армии, если они начинают понимать свои интересы, вынуждены не сознательно подчиняться дисциплине своих дрессировщиков с золотыми погонами, а сознательно нарушать эту дисциплину. Поэтому в буржуазных армиях дисциплина неизбежно должна быть палочной, поэтому порка, истязания всякого рода и массовые расстрелы являются не случайными явлениями в ней, а основой всякого порядка, дисциплины, «воинского воспитания».

Наоборот, в Красной армии, которая формируется из рабочих и крестьян и защищает интересы рабочих и крестьян, принуждение чем дальше, тем больше должно отступать перед добровольным подчинением трудящихся дисциплине Гражданской войны. Чем выше делается уровень сознательности в Красной армии, тем более красные солдаты начинают понимать, что ими командует в конечном счете весь класс трудящихся через свое государство и его военное командование. Дисциплина в Красной армии есть, таким образом, подчинение меньшинства (солдат) интересам трудящегося большинства. За каждым разумным распоряжением командования стоит не командир и его произвол, не буржуазное меньшинство и его грабительский интерес, а вся рабоче-крестьянская республика. Поэтому-то в Красной армии политическое воспитание солдат, пропаганда и агитация имеют совершенно исключительное значение.

§ 65. Политические комиссары и ячейки коммунистов. В Советской республике России, где все трудящиеся пользуются правом выражать свою волю через Советы, рабочие и крестьяне уже два года выбирают в исполнительные органы коммунистов. Партия коммунистов, если употребить буржуазное выражение, является по воле масс правящей партией Республики, т.е. ни одна другая партия не оказалась способной руководить до конца победоносной рабоче-крестьянской революцией. В результате наша партия превратилась в своего рода огромный исполнительный комитет пролетарской диктатуры. И в Красной армии коммунистам принадлежит поэтому руководящая роль. Проводниками классовой воли пролетариата в армии, проводниками, уполномоченными партией военными центрами, являются политические комиссары. Этим определяется

взаимоотношение комиссара как с командным составом, так и с коммунистическими ячейками частей. Коммунистическая ячейка — часть правящей партии, комиссар — уполномоченный всей партии. Отсюда возникает его руководящая роль и в части, и в коммунистической ячейке части. Отсюда же его право надзора за командиром. Он смотрит за командным составом, как политический руководитель смотрит за техническим исполнителем.

Задача ячейки — разъяснять красноармейцам смысл Гражданской войны и необходимость подчинять свои интересы интересам всех трудящихся. Задача ячейки — на собственном примере доказывать преданность революции и побуждать к тому же своих товарищей по части. Право каждого члена ячейки — следить за коммунистическим поведением своего и других комиссаров и добиваться принятия необходимых мер через высшую партийную организацию или через более ответственных товарищей комиссаров. Только таким путем коммунистическая партия в состоянии без нарушения со стороны красноармейцев-коммунистов общевойсковой дисциплины добиться полного контроля над всеми своими членами и предупредить злоупотребления властью с их стороны.

Кроме ячейек и политических комиссаров политическое воспитание Красной армии лежит на целой сети политических отделов дивизий, армий и фронтов и на агитационно-просветительных отделах военных комиссариатов тыла. Пролетарское государство России в лице этих организаций создает мощный просветительный и организующий аппарат для своей армии и пытается с наименьшей затратой сил добиться наибольших результатов. Благодаря этим аппаратам агитационно-просветительная работа носит в нашей армии не случайный, а систематический, планомерный характер. Газета, устное слово на митинге и школьное обучение делаются достоянием каждого красноармейца.

К сожалению, упомянутые организации не избежали общей участи всех почти крупных организаций советской власти; они подвержены бюрократизму, они склонны отрываться от масс, с одной стороны, от партии — с другой, и нередко превращаются на практике в убежище ленивых и бездарных военно-партийных чиновников. Решительная борьба с подобными уклонами для коммунистической партии является гораздо более настоятельной и спешной, чем борьба с бюрократизмом и дармоедством в общественном механизме, т.к. от успехов этой борьбы зависит в известной мере близость нашей победы в Гражданской войне.

§ 66. Формирование Красной армии. Всеобщее обучение должно свести к минимуму казарменное обучение, чтобы в дальнейшем совсем похоронить красную казарму. Формирование Красной армии должно постепенно приближаться к производственным объединениям трудящихся и тем уничтожить искусственный характер армейского объединения. Проще говоря, дело обстоит так: типичная постоянная армия царя или буржуазно-помещичьего государства составлялась из людей, принадлежащих к самым различным классам, причем мобилизованные принудительно отрывались от своей естественной базы: рабочих — от фабрики, крестьянин — от сохи, служащий — от предприятия, торговец — от прилавка. Затем мобилизованные искусственно объединялись в казарме и распределялись по воинским частям. Для буржуазного государства было выгодно уничтожить всякую связь мобилизованного пролетария и крестьянина с его фабрикой, с его деревней, чтобы легче сделать из них слепое орудие угнетения трудящихся, чтобы легче заставить рабочих и крестьян одной губернии расстреливать рабочих и крестьян другой губернии.

Коммунистическая партия в строительстве Красной армии стремится провести как раз обратный метод. Хотя обстоятельства Гражданской войны и заставляют ее иногда соглашаться на способы формирования по-старому, по существу же она стремится к

иную. Она стремится к тому, чтобы формируемая часть, напр. рота, батальон, полк, бригада, совпадала по возможности с фабрикой, заводом, деревней, селом и т.д. Иными словами, она стремится искусственное само по себе военное объединение построить на естественном производственном объединении трудящихся и этим уменьшить искусственность. Формируемые таким путем пролетарские части более сплочены, они дисциплинированы самим способом производства и менее нуждаются в применении принудительной дисциплины сверху.

Огромное значение для формирования Красной армии имеет создание твердого сознательного пролетарского кадра. Диктатура пролетариата в такой, по преимуществу крестьянской, стране, как Россия, означает то, что пролетарское меньшинство руководит и организует крестьянское большинство (средняка), идет за организующим пролетариатом, доверяет ему в политическом руководстве и строительстве. Это относится всецело и к Красной армии, которая дисциплинирована и крепка постольку, поскольку крепко ее пролетарский и коммунистический скелет. Собрать материал для этого скелета, правильно распределить его, окружить в соответствующем размере распыленным, но гораздо более многочисленным крестьянским материалом – вот основная организационная задача коммунистической партии в деле строительства победоносной Красной армии.

§ 67. Командный состав Красной армии. Красная армия начала строиться на развалинах старой царской армии. У победившего в Октябрьскую революцию пролетариата не было своего красного пролетарского офицерства. Усвоить и применить для Гражданской войны опыт мировой войны, усвоить и применить для военного обучения своей армии накопленный военно-технический опыт свергнутого режима пролетариат мог лишь одним из следующих трех способов: 1) создать своих красных командиров и только их допустить к командованию, оставив за старым офицерством лишь роль преподавателей; 2) передать командование в армии старому офицерству под соответствующим надзором комиссаров; 3) применить и то и другое вместе. Время не ждало, Гражданская война началась, армию надо было быстро строить и немедленно бросать в бой. Поэтому пролетарской власти пришлось применить третий способ. Начали организовываться школы красных командиров, которые выпускали офицеров, способных занимать в массе лишь низшие командные должности! Вместе с тем в самом широком размере к строительству Красной армии и к командованию ею было привлечено старое офицерство.

Использование старого офицерства было сопряжено с рядом величайших трудностей, которые не преодолены и до сих пор. Это офицерство оказалось разделенным на три группы. Меньшинство, которое более или менее сочувствовало советской власти. Меньшинство, которое определенно стояло и стоит на стороне классовых врагов пролетариата и активно помогает им. Большинство среднего офицерства, которое идет за тем, кто сильнее, и которое служит советской власти так же, как служат рабочие капиталисту, покупаящему рабочую силу. Перед коммунистической партией в связи с этим стоит задача всецело использовать сочувствующее ей меньшинство. Обезвредить белогвардейское меньшинство всеми мерами чрезвычайных репрессий. Прочно закрепить за собой офицера-средняка, политически нейтрального в Гражданской войне, и добиться от него добросовестной работы в тылу и верности на фронте.

Использование старого офицерства уже дало нам огромные результаты в деле строительства Красной армии. Мы произвели здесь выгодную экспроприацию буржуазно-помещичьего строя в сфере военно-технических знаний. Но это же использование оказалось до крайности опасным, поскольку было связано с массовыми изменами командного состава и массой жертв со стороны красноармейских масс, обманутых и выданных с головой врагу.

Главной задачей коммунистической партии в связи с этим является, во-первых, усиленная подготовка настоящих командиров рабоче-крестьянской армии – красных командиров – и самое спешное обучение коммунистов в созданной советской властью Красной академии Генерального штаба. Во-вторых, тесное сплочение всех комиссаров-коммунистов и всех военных работников партии для самого действительно-го контроля над всем некоммунистическим командным составом.

§ 68. Выборный или назначенный командный состав. Армия буржуазного государства, созданная на основе всеобщей воинской повинности, состоит в огромном большинстве из крестьян и рабочих, управляет же ею офицерство, принадлежащее к дворянству и буржуазии. Когда в нашей прежней программе мы выставляли требование выборности командного состава, то этим имелось в виду вырвать командование армией из рук эксплуататорских классов. Это требование было рассчитано на то, что политическая власть остается в руках буржуазии, армия же будет демократизирована. Конечно, это требование было неосуществимым, потому что никакая буржуазия в мире нигде и никогда не согласилась бы отдать без боя свой военный аппарат угнетения. Но для борьбы с милитаризмом, для борьбы с привилегиями офицерской касты требование выборности командного состава имело огромное значение, как имеет значение оно и для разрушения империалистских армий вообще.

Наоборот, Красная армия подвластна пролетариату. Он управляет ею через центральные советские органы, которые сам избирает. Он управляет ею на всех ступенях армейской колокольни через комиссаров-коммунистов, подавляющее большинство которых и в тылу, и на фронте рекрутируется из рабочих. При таком положении вопрос о выборности командного состава может иметь значение лишь как технический вопрос. Вся суть дела теперь в том, что выгодней, что делает армию в ее теперешнем состоянии более боеспособной: выбор командиров снизу или назначение их сверху. И поскольку мы помним о преимущественно крестьянском составе нашей Красной армии, о лишениях, которые ей приходится переносить, об усталости от двух войн подряд, о низком уровне сознательности крестьянской части армии, то нам будет совершенно ясно, что выборность командного состава могла бы лишь разложить наши части. Это, конечно, не исключает возможных случаев, когда в отдельных добровольческих и тесно спаянных сознательно-революционных частях выборное начало не может быть вредным: выбрали бы приблизительно тех же, кого и получили бы по назначению. Как общее правило, выборность командного состава, хотя и является идеалом, в данную минуту практически опасна и вредна. Когда же масса трудящихся, входящая теперь в состав Красной армии, поднимется до уровня, при котором выборность будет полезна и необходима, уже не будет, вероятно, никаких армий на земле.

§ 69. Красная армия – временная армия. Буржуазия считает капиталистический строй «естественным» строем человеческого общества, свое господство она мнит вечным и поэтому инструмент своего господства – армию – строит прочно, на долгие, долгие годы, если не навсегда. Иначе смотрит пролетариат на свою Красную армию. Красная армия создана трудящимися для борьбы с белой армией капитала. Красная армия возникла из Гражданской войны и исчезнет после победоносного окончания этой войны, после уничтожения классов, после самоликвидации пролетарской диктатуры. Буржуазия желает вечности своей армии, потому что эта вечность отражала бы лишь несменяемость буржуазного режима. И наоборот, рабочий класс желает своему детищу естественной и славной смерти, потому что момент, когда будет возможно распустить Красную армию, будет моментом окончательной победы коммунистического строя.

Коммунистическая партия должна разъяснить красноармейцам, что они являются солдатами последней армии в мире, если Красная армия победит белую гвардию капитала. Но она должна разъяснить и всем участникам строительства Красной армии, всему ее окрепшему пролетарско-крестьянскому кадру, что пролетарий стал воином на время и по необходимости, что лишь сфера производства есть естественная сфера для положения* его труда, что участие в Красной армии ни в коем случае не должно привести к созданию какого-либо слоя, который надолго будет оторван от промышленности и земледелия.

Когда начала строиться Красная армия, выросшая из Красной гвардии пролетариата, меньшевики и эсеры усердно травили коммунистов за то, что они изменили лозунгу всеобщего народного вооружения, что они создают постоянную классовую армию. Что Красная армия не может быть постоянной, это очевидно из того, что Гражданская война не может длиться вечно. Классовой же наша армия является потому, что классовая борьба достигла крайней степени ожесточения. Признавать классовую борьбу и высказываться против классовой армии может лишь безнадежно тупой мешанский утопист. Характерно, что сама буржуазия уже не находит ни возможным, ни нужным скрывать классовый характер своей армии в эпоху, следующую за ликвидацией мировой войны. Чрезвычайно поучительна в этом отношении судьба постоянных армий Германии, Англии, Франции. Германское учредительное собрание избрано всеобщим голосованием. Опорой же его являются добровольческие белогвардейские отряды Носке. Армия, созданная на основе всеобщей воинской повинности, уже не может быть опорой буржуазной Германии при том ожесточении классовой борьбы, на той ступени распада буржуазного общества, которого достигла Германия. Во Франции и Англии опорой правительства в 1919 г. является не [только] армия, созданная всеобщим набором и участвовавшая в мировой войне, а также и отряды белогвардейских добровольцев, жандармерия и полиция. Таким образом, не только Россия, начиная с конца 1917 г., но и вся Европа с конца 1918 г. характеризуются уничтожением системы всеобщей воинской повинности и перескоком к системе классовых армий. При этом русские социал-предатели – меньшевики и эсеры – «возражают» против создания Красной армии пролетариата, а на Западе их товарищи Носке и Шейдеман сами организуют белую армию буржуазии. Таким образом, борьба против создания классовой армии пролетариата во имя всеобщего народного вооружения и «демократии» на практике оказывается борьбой за классовую армию буржуазии.

Что касается народной милиции, то пример наиболее демократической из всех буржуазных республик мира – Швейцарии – показал, во что превращается эта милиция в момент обострения классовой борьбы. «Народная» милиция Швейцарии при господстве буржуазии в стране превратилась в такое же орудие подавления пролетариата, каким являлась любая постоянная армия менее демократических стран. Такова будет судьба «всеобщего народного вооружения» всюду и везде, где бы оно ни было осуществлено при политическом и экономическом господстве капитала.

Коммунистическая партия стоит не за всеобщее народное вооружение, а за всеобщее вооружение трудящихся. И лишь в том обществе, где не будет никого, кроме трудящихся, лишь во внеклассовом обществе возможно всеобщее народное вооружение.

Литература [к главе VIII]: Литературы почти нет. Укажем статьи Троцкого, печатавшиеся в «Правде» и «Известиях»; сборник «Революционная война» под ред. Подвойского и Павловича. Троцкий Л. Международное положение и Красная армия; Он же. Советская власть и международный империализм; Зиновьев Г. Наше положение и задачи создания Красной армии; Он же. Речь о создании Красной армии; Ярославский Е. М. Новая армия.

* Так в тексте.

Глава IX Пролетарский суд

§ 70. Суд буржуазного общества. § 71. Выборность судей трудящимися. § 72. Единый народный суд. § 73. Революционные трибуналы. § 74. Наказания пролетарского суда. § 75. Будущее пролетарского суда.

§ 70. Суд буржуазного общества. В числе других институтов буржуазного государства, служащих делу угнетения трудящихся масс и их обмана, является буржуазный суд.

Это почтенное учреждение руководствуется в своих приговорах законами, составленными в интересах класса эксплуататоров. Таким образом, каков бы то ни был состав суда, он уже заранее ограничен в своих постановлениях томами разных уложений, где подведены итоги всем привилегиям капитала и бесправию трудящихся масс.

Что касается самой организации буржуазного суда, то она вполне отвечает типу буржуазного государства. Где буржуазное государство более или менее откровенно, где приходится отбрасывать лицемерие, чтобы добиться приговоров, благоприятных господствующим классам, там суды назначаются сверху, а если выбираются, то лишь привилегированной частью общества. Наоборот, поскольку массы достаточно вышколены капиталом, достаточно покорны ему и его законы считают и своими законами, постольку трудящимся в известной мере разрешается самим быть судьями, как разрешается им выбирать в парламенты своих эксплуататоров или их лакеев. Так возник и существовал суд присяжных заседателей, благодаря которому приговоры в интересах капитала можно было выдавать за приговоры «самого народа».

§ 71. Выборность судей трудящимися. В программах социалистов, входивших во II Интернационал, выдвигалось требование выборности судей народом. В эпоху пролетарской диктатуры это требование является столь же неосуществимым и столь же реакционным, как требование всеобщего избирательного права или всеобщего народного вооружения. Когда пролетариат становится у власти, то не может допустить того, чтобы судьями над ним были его классовые враги. Он не может считать бюстигетами декретов, направленных к уничтожению господства капитала, представителей капитала или крупного землевладения. Наконец, в бесконечной веренице гражданских и уголовных дел судовогоорение должно делаться в духе нового строящегося социалистического общества.

Поэтому советская власть не только уничтожила все аппараты старого суда, который, служа капиталу, лицемерно выдавал себя за голос народа, но и построила новый суд, нисколько не скрывая его классового характера. В лице старого суда классовое меньшинство эксплуататоров судило трудящееся большинство. Суд пролетарской диктатуры есть суд трудящегося большинства над эксплуататорским меньшинством. Он так и построен. Судьи выбираются только трудящимися. Судьи выбираются только из числа трудящихся. За эксплуататорами оставляется лишь право быть судимыми.

§ 72. Единый народный суд. В буржуазном обществе организация суда является до крайности громоздкой. Буржуазные юристы очень гордятся тем, что благодаря целой лестнице судебных инстанций обеспечивается полное правосудие и число судебных ошибок сводится к минимуму. На самом деле прохождение дела по различным инстанциям всегда было и остается наиболее выгодным имущим классам. Располагая целым корпусом наемных адвокатов, богатые слои населения имеют полную возможность добиваться на более высоких инстанциях благоприятных для себя решений, в то время как истец из бедноты бывает вынужден бросить ведение дела, отнимающее большие средства. Прохождение дела по инстанциям гарантирует «справедливое» реше-

ние лишь в том смысле, что гарантирует решение в интересах эксплуататорских групп. Единый народный суд пролетарского государства уменьшает до минимума срок, который проходит дело с момента поступления в суд и до окончательного приговора. Судебная волокита сокращается в огромной степени, и если еще существует, то лишь вследствие общего несовершенства всех советских учреждений в первые месяцы и годы пролетарской диктатуры. В результате суд делается доступным для самых бедных и темных слоев населения и делается еще более доступным, когда минет острый период гражданской войны и все взаимоотношения между гражданами республики приобретут более устойчивый характер. «Во время войны молчат законы», — говорили римляне. Во время гражданской войны законы в пользу трудящихся не молчат, народные суды работают, но еще не все население успело ознакомиться с сущностью нового суда и оценить все его преимущества.

Задача народных судов в период ломки старого общества и постройки нового огромна. Советское законодательство не поспевает за жизнью. Законы буржуазно-помещичьего строя отменены; законы пролетарского государства написаны лишь в общих чертах и полностью никогда не будут написаны. Рабочий класс не думает увековечивать своего господства и ему не нужно десятков томов разных уложений. Выразив свою волю в каком-либо из основных декретов, он может поручить толкование и применение на деле этих декретов народным судьям, избираемым трудящимися. Важно лишь, чтобы приговоры этих судов отражали полный разрыв с обычаями и психологией буржуазного строя, чтобы народные судьи решали дела по пролетарской, по социалистической, а не буржуазной совести. В бесконечном количестве дел, которые возникают при ломке старых отношений и при осуществлении прав пролетариата, народные суды имеют возможность довершить тот переворот, который начала Октябрьская революция 1917 г. и который должен распространиться на все взаимоотношения граждан Советской республики. С другой стороны, при рассмотрении огромного количества дел, возникающих независимо от условий революционной эпохи, дел обывательско-уголовного характера, народные суды должны выявить совершенно новое отношение к таким преступлениям со стороны революционного пролетариата и произвести целую революцию в характере устанавливаемых мер наказания.

§ 73. Революционные трибуналы. Выборный и сменяемый избирателями народный суд, в котором поочередно должен осуществить свое право судьи каждый из трудящихся, коммунистическая партия рассматривает как нормальный суд социалистического государства. В эпоху же наиболее обостренной Гражданской войны является необходимость организации наряду с народным судом революционных трибуналов. Задача революционных трибуналов состоит в том, чтобы быстро и беспощадно судить врагов пролетарской революции. Эти суды являются одним из орудий подавления эксплуататоров и в этом отношении являются такими же органами пролетарской обороны и нападения, как Красная гвардия, как Красная армия, как чрезвычайные комиссии. Вследствие этого революционные трибуналы организованы на менее демократических началах, чем народные суды. Они назначаются Советами, а не прямо выбираются трудящимися массами.

§ 74. Наказания пролетарского суда. В кровавой борьбе с капиталом рабочий класс не может отказаться от высшей меры наказания, налагаемой на его явных врагов. Отмена смертной казни невозможна, пока длится Гражданская война. Но чисто объективное сравнение пролетарского суда с судом буржуазной контрреволюции обнаруживает чрезвычайную мягкость рабочих судей в сравнении с палачами буржуазной юстиции. Смертные приговоры выносятся в самом крайнем случае. Это особенно характерно для судебных процессов первых месяцев пролетарской диктатуры. Достаточно здесь будет напомнить, что знаменитый Пуришкевич в Петрограде был в свое время приговорен

Революционным трибуналом всего лишь на две недели тюрьмы. Большое великодушие к своим врагам у прогрессивных классов общества, имеющих будущее, большая свирепость расправы у классов умирающих проявляется и в практике пролетарского суда.

Что же касается наказаний, накладываемых пролетарским судом за преступления, не носящие контрреволюционного характера, то эти наказания в корне отличны от наказаний буржуазного суда. Это и вполне понятно. Огромное большинство преступлений, совершаемых в буржуазном обществе, представляют собой или преступления против права собственности, или преступления, так или иначе связанные с собственностью. Естественно, что буржуазное государство мстило преступникам, и наказания этого общества представляют собой различные виды мести озлобленного собственника. Столь же бессмысленны были и остаются наказания за преступления случайного характера или преступления, связанные с общим несовершенством буржуазных отношений в их целом (преступления на почве семейной, романтической, на почве алкоголизма и вырождения, на почве невежества и подавленности социальных инстинктов и т.д.). Пролетарскому суду приходится иметь дело с преступлениями, почва для которых приготовлена буржуазным обществом, еще не ликвидированным во всех своих пережитках. Пролетарскому суду пришлось получить от старого режима воспитанный этим режимом кадр профессиональных преступников! Пролетарский суд абсолютно чужд мести. Он не может мстить людям за то, что они жили в буржуазном обществе. Поэтому наказания наших народных судов уже теперь отражают полную революцию в правосудии. Все чаще применяется условное осуждение: это наказание без наказания, которое имеет главной задачей предупредить повторение преступления. Применяется общественное порицание — мера, действительная лишь во внеклассовом обществе и рассчитанная на рост общественного сознания и общественной ответственности. Тюремное заключение без труда — этот принудительный паразитизм, столь часто применявшийся царизмом, заменяется общественными работами. Вообще ущерб, причиняемый обществу преступником, пролетарский суд стремится возместить усиленным трудом провинившегося. Наконец, где суд имеет дело с рецидивистом, освобождение которого даже и после отбытия наказания подвергло бы опасности жизнь других граждан, проводится изоляция преступника от общества, причем преступнику дается полная возможность нравственного перерождения. Все перечисленные меры, означающие перерождение обычных способов наказания, в большинстве защищались уже лучшими из буржуазных юристов. Однако эти меры оставались в области мечтаний в буржуазном обществе. Их мог начать проводить в жизнь лишь победивший пролетариат.

§ 75. Будущее пролетарского суда. Что касается революционных трибуналов, то эта форма пролетарского суда также не имеет никакого будущего, как победившая белую гвардию Красная армия, как чрезвычайные комиссии, как все органы, созданные пролетариатом в период незаконченной Гражданской войны. С победой пролетариата над буржуазной контрреволюцией эти органы отпадут за ненадобностью.

Наоборот, пролетарский суд в форме выборного народного суда, несомненно, переживет конец Гражданской войны и еще долго должен будет подчищать своими приговорами обломки буржуазного общества в его многообразных проявлениях. Уничтожение классов не уничтожает сразу ни классовой психологии, которая всегда остается жить дольше породивших ее общественных отношений, ни классовых инстинктов и обычаев. Кроме того, самый процесс уничтожения классов может сильно затянуться. Превращение буржуазии в трудящуюся группу людей, превращение крестьян в работников социалистического общества произойдет не сразу. Последний процесс будет довольно длителен и чреват многими процессами судебного характера. Точно так же частная собственность на средства потребления, которая будет предшествовать чисто коммунистическому распределению, будет давать много поводов к проступкам и преступлениям.

Наконец, преступления против общества, вызванные личным эгоизмом отдельных членов, и всякого рода нарушения общественного блага также долго будут предметом судебного разбирательства. Правда, суд тогда изменит свой характер; постепенно, по мере отмирания государства, он будет превращаться в орган выражения общественного мнения, приближаясь к характеру товарищеского суда, решения которого не приводятся в исполнение насильственным путем, а имеют лишь моральное значение.

Литература [к главе IX]: Коммунистической литературы о буржуазном и пролетарском суде почти нет. Можно рекомендовать следующие вещи из старых: Маркс К. Речь перед судом присяжных (Кельнский процесс коммунистов); Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства; Лассаль. Защитительные речи, а также Идея рабочего сословия. Программа работников и др. из общего собрания сочинений; Энгельс. Анти-Дюринг, места, касающиеся государства; Каутский К. Природа политических преступлений; Ван-Кон. Экономические факторы преступности; Гернет. Социальные факторы преступности.

Из современных – Стучка. Конституция РСФСР в вопросах и ответах. Он же. Народный суд и т.д.; Гойхбарг А. Какой суд нужен народу. Декреты о суде, издание Петроградского Совета.

Глава X Школа и коммунизм

*§ 76. Школа буржуазного общества. § 77. Разрушительные задачи коммунизма.
§ 78. Школа – орудие коммунистическою воспитания и просвещения. § 79. Дошкольное воспитание. § 80. Единая трудовая школа. § 81. Специальное образование.
§ 82. Высшая школа. § 83. Советская и партийная школы. § 84. Внешкольное образование. § 85. Новые работники просвещения. § 86. Сокровища искусства и науки для трудящихся. § 87. Государственная пропаганда коммунизма. § 88. Народное просвещение при царизме и при советской власти.*

§ 76. Школа буржуазного общества. В буржуазном обществе школа выполняет три основные задачи: 1) воспитывает молодое поколение трудящихся в духе преданности и почтения к капиталистическому режиму; 2) подготавливает из молодежи господствующих классов «образованных» дрессировщиков трудового народа; 3) обслуживает капиталистическое производство, используя науку для техники и увеличения капиталистической прибыли.

Первая задача достигается в школе так же, как и в буржуазной армии, т.е. прежде всего созданием соответствующего кадра «офицеров народного просвещения». Учителя буржуазных школ, предназначенных для народа, проходят определенный курс выучки, где они подготавливаются для своей роли дрессировщиков. К преподаванию в школах допускается лишь благонадежный с буржуазной точки зрения учительский персонал. За этим следят министерства буржуазного просвещения и безжалостно изгоняют из учительской среды весь вредный, т.е. социалистический элемент. Германская народная школа до революции, служившая дополнением казармы Вильгельма, представляет собой яркий образец того, как удавалось помещикам и буржуазии фабриковать посредством школ верных и слепых рабов капитала. Преподавание в низших буржуазных школах ведется по определенной программе, всецело приспособленной для целей капиталистической дрессировки учащихся. Все учебники составлялись также в соответствующем духе. Для этих же целей служила и вся буржуазная литература, созданная людьми, которые рассматривали буржуазный строй как естественный, вечный и лучший из всех возможных режимов. Благодаря этому школьники незаметно для себя проникались буржуазной

психологией и заражались восторгом перед всеми буржуазными добродетелями: почетом к богатству, славе, знатности; проинаясь стремлением к карьеризму, стремлением к личному благополучию и т.д. Работу буржуазных учителей довершали служители церкви своим преподаванием закона Божия, который благодаря тесной связи капитала с церковью всегда оказывался законом имущих классов*.

Вторая цель достигается в буржуазном обществе тем, что среднее и высшее образование сознательно делается недоступным трудящимся классам. Обучение в средних и особенно в высших учебных заведениях стоит больших средств, которыми не располагают трудящиеся.

Это обучение длится десятки и более лет и по этой причине недоступно рабочему и крестьянину, вынужденному для прокормления семьи идти на фабрику, в поле или на работу по домашнему хозяйству своих детей в самом раннем возрасте. Средние и высшие школы фактически превращаются в учебные заведения для буржуазной молодежи. Здесь молодежь господствующих классов готовится к тому, чтобы смеяться своих отцов на эксплуататорских постах или на постах чиновников и техников буржуазного государства. И в этих школах преподавание имеет строго классовый характер. Если в области математики, техники и в области естественных наук это не столь заметно по самой сущности этих предметов, то это с полной очевидностью выступает в науках общественных, которые, в сущности, и определяют мировоззрение учащихся. Преподают буржуазная политическая экономия вместе с самыми усовершенствованными способами «разбивать Маркса». Социология и история также читаются в чисто буржуазном духе. История права завершается ознакомлением с буржуазным правом, как естественным правом «человека и гражданина» и т.д. и т.д. В результате высшие и средние школы обучают буржуазных сынов всеми необходимыми данными для обслуживания буржуазного общества и для поддержки всей системы буржуазной эксплуатации. Если же в высшие школы попадают дети трудящихся, обыкновенно наиболее талантливые, то буржуазный школьный аппарат в огромном большинстве случаев с успехом отрывает их от родного им класса, прививает им буржуазную психологию и в конце концов использует таланты трудящихся для подавления тех же трудящихся.

Что касается третьей задачи, то буржуазная школа достигает ее следующим образом. Наука отрывается в классовом обществе от труда. Она делается не только достоянием имущих классов, но и более того: профессией определенного и довольно узкого круга людей. И научное преподавание, и научное исследование отрываются от трудового процесса. Чтобы использовать данные науки для производства, буржуазному обществу приходится создавать ряд институтов, способствующих утилизации научных открытий для техники, и ряд технических школ, дающих возможность держать производство на уровне с успехами «чистой», т.е. оторванной от труда, науки. Вместе с тем политехнические школы дают капиталистическому обществу не только технически знающий персонал, но и кадр надсмотрщиков и администраторов над рабочим классом. Кроме того, для обслуживания процесса товарообращения создаются различные торговые школы, коммерческие институты и т.д. То, что связано во всей этой организации с производством, остается. То, что связано с буржуазным производством, должно отмереть. Сохранится все, что способствует развитию науки, — отомрет отделение науки от труда. Сохранится преподавание технических знаний — будет уничтожен способ преподавания их отдельно от физического труда. Сохранится и расширится использование науки для

* В России при царизме народные массы держались в повиновении дворянскому государству не столько буржуазно-поповско-царским просвещением, сколько недопущением всякого просвещения. В этом отношении знаменита теория известного мракобеса Победоносцева, который считал народное невежество главной опорой самодержавия. (Прим. автора.)

производства – будут уничтожены преграды для такого использования, поскольку капитал использовал науку лишь постольку, поскольку это в каждый данный момент увеличивало норму прибыли.

§ 77. Разрушительные задачи коммунизма. В школьном деле коммунистическая партия, как и во всех областях, стоит не только перед созидательными, но в первое время и перед разрушительными задачами. В школьной системе буржуазного общества подлежит немедленному разрушению все, что делало школу орудием классового господства буржуазии.

В буржуазном обществе школа на высших ступенях была достоянием эксплуататорских классов. Эта школа в лице бесконечных гимназий, реальных училищ, институтов, кадетских корпусов и т.д. должна быть уничтожена.

Преподавательский персонал буржуазной школы служит делу буржуазного просвещения и обмана. Из пролетарской школы должна быть без сожаления изгнана та часть педагогического персонала старой школы, которая или не может, или не хочет быть орудием коммунистического просвещения масс.

В старой школе употреблялись учебники, составленные в буржуазном духе, употреблялись приемы преподавания, служившие классовым целям буржуазии. Все это должно быть отброшено в школе новой.

Старая школа имела связь с религией через обязательное преподавание закона Божия, обязательные молитвы и посещение церкви. Школа новая осуществляет обязательное изгнание религии из своих стен, под каким бы видом она ни пыталась туда войти, в какой бы мягкой форме ни хотели протащить ее туда отсталые группы родителей.

Старая высшая школа создала замкнутый круг профессуры, научный цех, препятствующий проникновению в университеты новых преподавательских сил; научный цех буржуазной профессуры должен быть распущен, и кафедра должна быть достоянием всех способных к преподаванию.

При царизме не допускалось преподавание на родном языке. Русский язык был обязательным государственным и школьным языком. Новая школа уничтожает все следы национального угнетения в области просвещения, делая преподавание на родном языке достоянием всех национальностей.

§ 78. Школа – орудие коммунистического воспитания и просвещения. Буржуазия составляет огромное меньшинство населения. Это не мешало ей, наряду с другими органами классового угнетения, использовать школу для воспитания и дрессировки миллионов трудящихся в своем духе и таким образом навязать большинству населения воззрение и мораль ничтожного меньшинства. В капиталистических странах пролетариат и полупролетариат составляет большинство населения. В России рабочий класс, численно составляя меньшинство, политически является руководителем и организатором борьбы в с е х т р у д я щ и х с я. Естественно поэтому, что, взяв в свои руки школу, он должен использовать ее прежде всего для того, чтоб поднять на должную высоту коммунистической сознательности все отсталые слои трудящегося населения. Буржуазия пользовалась школой для закрепощения трудящихся. Пролетариат воспользуется школой для их раскрепощения, для уничтожения всех следов духовного рабства в сознании трудящихся. Буржуазия, благодаря своей школе, пролетарских детей воспитывала в буржуазном духе. Задача новой коммунистической школы состоит в том, чтобы воспитать буржуазных и мелкобуржуазных детей в пролетарском духе. В области умственной, в психологии людей коммунистическая школа должна произвести такое же разрушение буржуазного общества и его экспроприацию, какую в области экономической советская власть произвела национализацией орудий производства. Нужно подготовить сознание людей к новым общественным отношениям. Трудно строить коммунистическое общество массам, которые во многих областях духовной жизни обеими ногами продолжают

стоять на почве буржуазного общества и его предрассудков. Задача новой школы состоит в том, чтобы подогнать сознание взрослых к изменившимся общественным отношениям, а главное — в том, чтобы воспитать молодое поколение, которое будет всей своей психологией стоять на почве нового коммунистического общества.

Этой цели должны служить все нижеперечисленные реформы в школьном деле, частью проведенные, частью намеченные к осуществлению.

§ 79. Дошкольное воспитание. В буржуазном обществе ребенок рассматривается, если не всецело, то, по крайней мере, в значительной степени как собственность своих родителей. Когда родители говорят «моя дочь, мой сын», это означает теперь не только наличие родственных отношений, но и право родителей на воспитание собственных детей. Это право с социалистической точки зрения совершенно ни на чем не основано. Отдельный человек принадлежит не себе самому, а обществу — человеческому роду. Только благодаря существованию общества каждый отдельный индивидуум в состоянии жить и развиваться. Ребенок поэтому принадлежит тому обществу, в котором и благодаря которому он родился, а не только лишь «обществу» своих родителей. Обществу же и принадлежит первейшее и основное право воспитания детей. И с этой точки зрения претензию родителей путем домашнего воспитания запечатлеть в психологии своих детей свою ограниченность необходимо не только отклонять, но и высмеивать самым беспощадным образом. Общество может доверить воспитание детей родителям, но может и не доверить, и чем дальше, тем меньше ему будет основания доверять воспитание детей родителям, потому что способности к воспитанию детей все же встречаются реже, чем способ к деторождению. Из сотни матерей, быть может, одна-две способны быть воспитательницами. Будущее принадлежит общественному воспитанию. Общественное воспитание дает социалистическому обществу возможность воспитать будущее поколение так, как будет нужно, и с наименьшей тратой сил и средств.

Но общественное воспитание детей необходимо не из одних только педагогических соображений; оно имеет также огромные экономические выгоды. Сотни тысяч, миллионы матерей при осуществлении общественного воспитания будут освобождены для производства и для их собственного культурного развития. Они будут освобождены от притупляющего ум домашнего хозяйства и бесконечного количества мелочных работ, связанных с воспитанием детей на дому.

Вот почему советская власть стремится к созданию ряда учреждений, которые должны улучшить общественное воспитание, делая его постепенно всеобщим. Таковы детские сады, куда занятые трудом рабочие и служащие в состоянии отводить своих детей, поручая их на это специалистам дошкольного воспитания. Таковы очаги, т. е. детские же сады, но рассчитанные на более длительное пребывание в них детей. Таковы детские колонии, в которых живут и воспитываются дети, или навсегда, или на продолжительный срок оторванные от родителей. Сюда же относятся ясли, т. е. учреждения для воспитания детей до 4-летнего возраста и дающие приют детям, пока их родители находятся на работе.

Задача коммунистической партии состоит, с одной стороны, в том, чтобы через советские органы добиться еще более быстрого развития дошкольных учреждений и улучшения постановки дела в них, с другой стороны, в том, чтобы усиленной пропагандой среди родителей побороть буржуазные и мешанские предрассудки о необходимости и преимуществах домашнего воспитания, подкрепляя это примерами наиболее образцово поставленных воспитательных институтов советской власти. Нередко именно неудовлетворительная постановка очагов, яслей, садов и проч. удерживает родителей от отдачи своих детей. Задача коммунистической партии, и особенно ее женских секций, состоит в том, чтобы побудить родителей добиваться улучшения общественного воспитания не путем отъезда от него, а путем как раз отдачи своих детей в соответ-

ствующие учреждения и в осуществлении самого широкого контроля над ними со стороны родительских организаций.

§ 80. Единая трудовая школа. Дошкольные учреждения создаются для детей до 7-летнего возраста. В дальнейшем воспитание и обучение должно проникать в школу. Обучение должно быть обязательным, что является огромным шагом вперед по сравнению с временами царизма. Обучение должно быть бесплатным, что является крупнейшим шагом вперед по сравнению с тем, что мы видим даже в самых передовых буржуазных странах, где лишь в низших школах обучение бесплатно. Обучение, естественно, должно быть равным для всех, чем уничтожаются всякие привилегии в воспитании и образовании для отдельных групп населения. Это всеобщее, равное для всех и для всех обязательное обучение должно охватывать всю молодежь в возрасте от 8 до 17 лет.

Школа должна быть единой. Это значит, во-первых, что должно быть уничтожено деление школ на мужские и женские и осуществлено совместное обучение детей обоего пола. Это значит, что должно быть уничтожено деление школ на низшие, средние, высшие, не связанные между собой, не подогнанные друг к другу по своим программам. Это значит, что должно быть уничтожено деление и низших, и средних, и высших школ на школы общеобразовательные и специальные, или профессиональные, на общедоступные и классово-сословные. Единая школа означает единую лестницу, по которой может и должен пройти каждый учащийся социалистической республики, начав с самого низшего порога – с детского сада – и закончив высшую ступенью, где кончается всякое общее школьное образование и всякое политехническое образование в той степени, в какой оно обязательно для всех учеников.

Как очевидно всякому читателю, единая школа не только представляет идеал для каждого передового педагога, но единственно возможный тип школы в социалистическом, т.е. внеклассовом или стремящемся превратиться во внеклассовое общество. Осуществить единую школу может только социализм, хотя желательность такого типа школы и выдвинули еще педагоги буржуазного общества.

Школа социалистической республики должна быть трудовой. Это значит, что обучение и воспитание должно быть соединено с трудом и должно опираться на труд. Это важно по многим причинам. Во-первых, для успешности самого преподавания. Легче всего, охотней всего и основательней всего ребенок усваивает не то, что он заучил по книге или со слов учителя, а что он сам проделал на опыте собственными руками. Познавать окружающую природу легче всего, пытаясь воздействовать на эту природу. Соединение обучения с трудом началось уже в передовых буржуазных школах. Но оно не может быть проведено до конца при буржуазном строе, который сознательно воспитывает паразитические элементы общества и отделяет физический труд от умственного труда непроходимой пропастью.

Труд необходим затем для чисто физического развития детей, а также для всестороннего развития всех их способностей. На опыте проверено и доказано, что время, потраченное в школе на труд, несколько не уменьшает, а, наоборот, увеличивает успехи детей при усвоении самых разнообразных знаний.

Наконец, для коммунистического общества трудовая школа представляет прямую необходимость. Каждый гражданин этого общества должен, по крайней мере, в основных чертах знать все профессии. Это общество не будет иметь никаких замкнутых цехов, окостеневших профессий, застывших в своей специальности групп. Даже самый гениальный ученый должен быть в то же время умелым физическим работником. Оканчивающему единую трудовую школу ученику коммунистическое общество говорит: «Профессором можешь ты и не быть, а производителем ценностей быть обязан». Начав с детских игр в саду, ребенок должен перейти к труду, как продолжению игры, совершенно незаметно и тем с самого начала должен приучиться смотреть на труд не как на неприятную

необходимость или наказание, а как на естественное, самопроизвольное проявление способностей. Труд должен быть потребностью, как желание пить и есть, и эта потребность должна быть привита и развита в коммунистической школе. В коммунистическом обществе с его стремительным прогрессом техники будут неизбежны огромные и быстрые переброски рабочих сил из одних отраслей производства в другие. Например, какое-либо открытие в ткацкой и прядильной промышленности может потребовать сокращения ткачей и прядильщиков и увеличения работников, занятых добычей хлопка, и т.д. В таких случаях неизбежно новое перераспределение сил между профессиями, что осуществимо лишь в том случае, если каждый работник коммунистического общества знаком не с одной только, а с целым рядом профессий. Буржуазное общество могло выходить из подобного положения, используя резервную армию промышленности, т.е. постоянный кадр безработных. В коммунистическом обществе не будет армии безработных; резерв любой отрасли промышленности, ощущающей недостаток в рабочих силах, будет заключаться в способности работников другой отрасли пополнить этот недостаток. Лишь единая трудовая школа может подготовить кадры таких работников, которые смогут исполнять различные функции в коммунистическом обществе.

§ 81. Специальное образование. До 17-летнего возраста вся молодежь Республики должна пройти единую трудовую школу и получить там сумму знаний теоретических и практических, которые необходимы для каждого гражданина коммунистического общества. Но обучение не может закончиться только этим. Кроме общих знаний необходимы специальные знания. Объем каждой из самых необходимых наук так велик, что все их усвоить нет никакой возможности для отдельного человека. Единая трудовая школа совсем не исключает специального образования. Она лишь переносит его на самую высшую ступень. Уже на второй ступени единой трудовой школы, т.е. в возрасте от 14 до 17 лет, неизбежно обнаруживаются наклонности учащихся в сторону увлечения тем или иным предметом. Уже на этой ступени не только возможно, но и неизбежно давать выход этим естественным способностям к более основательному ознакомлению с различными науками не в ущерб общеобразовательной программе трудовой школы.

Но настоящее специальное образование должно начинаться лишь после 17 лет. Этот возраст является гранью и по другой причине. До 17 лет молодежь трудовых школ является более учениками, чем работниками. Трудовые процессы школы имеют основной задачей не создание ценностей и увеличение бюджета государства, а задачи воспитательные. После 17 лет ученик превращается в работника. Он должен внести свой пай труда, свой пай изготовленных им продуктов в коммуноу человечества. Специальное образование он может получать, лишь выполнив предварительно свой основной долг перед обществом. Поэтому, как правило, специальные познания молодежь после 17 лет сможет получать лишь во внеурочное время. С развитием техники рабочий день должен сократиться еще менее 8 часов, и, таким образом, для специального образования будет достаточно времени у каждого члена коммунистического общества. В некоторых случаях для особенно даровитых людей возможно и исключение в виде временного освобождения от труда на несколько лет для образования и научных исследований или сокращение рабочего дня в сравнении с общеустановленным, если все это будет признано общественно необходимым.

§ 82. Высшая школа. В настоящий момент еще нельзя предвидеть вполне, какой характер будут носить специальные высшие школы при коммунизме. Вероятно, они будут самого различного типа, от более или менее кратковременных курсов до политехникумов и школ-лабораторий, где обучение будет вестись вместе с научным исследованием и где будут стерты всякие грани между профессорами и студентами. Но в настоящий момент можно уже с полной определенностью утверждать, что наши университеты в их теперешнем виде, с их теперешней профессурой представляют из себя отжившие ин-

ституты. Они продолжают доучивать молодежь, проходившую буржуазные средние школы, в старом духе. Пока эти университеты можно реформировать, обновив профессорский состав людьми, которые, быть может, не удовлетворяют цензу «докторов буржуазного общества», но с успехом могут провести полную революцию в преподавании общественных наук и лишить буржуазную науку своего последнего убежища. Можно изменить состав слушателей, сделав аудиторию университетов преимущественно рабочей, и тем сделать естественные и технические науки достоянием рабочего класса. А привлечение рабочих неизбежно ставит вопрос о содержании их на время учения на государственный счет. Обо всем этом и говорит пункт 3-й нашей программы в области народного просвещения.

§ 83. Советская и партийная школы. Коммунистическая партия, стоя у власти, разрушила школьный аппарат царизма, остававшийся почти неприкосновенным и во время правительства Керенского. На развалинах старой классовой школы она начала строить единую трудовую школу, как зародыш нормальной трудовой школы будущего коммунистического общества. Из высшей буржуазной школы она пытается выправить все, что в ней было приспособлено для поддержания господства капитала, и делает накопленные за период господства имущих классов знания достоянием всех трудящихся, и тем начинает готовиться к постройке нормального типа высшей школы коммунистического общества.

Но из всех наук, которые знает буржуазная культура, нет такой, которая учила бы, как делать пролетарскую революцию. Из всех школ, которые строила буржуазия и которые начинают строиться для будущего коммунистического общества, нет такой, которая учила бы, как строить пролетарское государство. Переходный период от капитализма к коммунизму вызвал к жизни особый вид школы, которая должна обслуживать происходящую революцию и строительство советского аппарата. Такой цели призваны служить партийно-советские школы, которые возникли на наших глазах как кратковременные и довольно случайные курсы и превратились и продолжают превращаться в постоянные институты для выработки партийных и советских работников. Это было неизбежно.

Строительство советского государства – дело совершенно новое, не имеющее примеров в истории. Работа советских учреждений с каждым днем развивается, совершенствуется, и для каждого советского работника становится необходимым для успеха работы знать опыт, полученный уже его предшественниками. Самообразование управлению государством, которое происходит путем участия всех рабочих в Советах, оказывается недостаточным. Этот опыт необходимо собрать, систематизировать, осмыслить и сделать его достоянием всех рабочих, участвующих в советском строительстве, чтобы каждый новый слой рабочих, привлекаемый к управлению государством, не повторял ошибок своих предшественников, чтобы он учился не на своих, а на чужих, уже сделанных, уже оплаченных государством ошибках. Школа советской работы и должна служить этой цели, она уже служит ей, поскольку мы уже имеем в Республике центральную школу советской работы при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете как школу постоянную. Скоро соответствующие школы, несомненно, создадутся в каждом губернском городе.

Что касается партийных коммунистических школ, то они в корне изменяют свой характер в период фактического перехода к коммунизму. Из школ определенной партии, опирающейся на пролетариат, из чисто политических школ они превращаются в школы коммунистического переустройства общества, следовательно, в государственные школы. В то же время они делаются военными академиями Гражданской войны. Лишь благодаря этим школам пролетариат в состоянии понять смысл и объективные задачи того переворота, который он совершает полустихийно, полубессознательно, имея перед глазами лишь узко конкретные цели и не имея возможности охватить весь процесс

переустройства в целом. Партийные школы не только в состоянии научно объяснить пролетариату природу и конечную цель его революции, но и учат тому, как довести эту революцию до конца в кратчайший срок с наименьшей тратой сил.

§ 84. Внешкольное образование. Царизм сознательно держал в состоянии невежества и безграмотности большинство трудового народа России. Получив в наследство от самодержавия огромный процент безграмотных, советская власть, естественно, должна пустить в ход самые героические меры, чтобы избавиться от этого наследства. С этой целью отделы народного просвещения открывают школы для неграмотных взрослых и принимают ряд других мер для борьбы с безграмотностью. Но кроме использования школьного аппарата Комиссариата просвещения коммунистическая партия должна употреблять все меры к тому, чтобы в обучении неграмотных приняла участие масса. Этой цели должны служить советы народного образования, избираемые заинтересованными в просвещении трудящимися массами. Этим же целям служит мобилизация всех грамотных для обучения всех неграмотных. Такая мобилизация начинает проводиться в ряде мест Республики, и партия должна добиться того, чтобы она была проведена всюду по определенному плану.

Кроме борьбы с неграмотностью советской власти приходится тратить много сил и средств на помощь населению, главным образом взрослому населению, в деле самообразования. С этой целью организуется сеть библиотек, удовлетворяющих запросам трудового читателя, насаждаются всюду, где можно, народные дома и клубы, создаются народные университеты. Кинематограф, служивший в качестве орудия разврата населения и обогащения его владельцев, постепенно, хотя, к сожалению, крайне медленно, превращается в сильнейшее орудие просвещения масс и воспитания их в духе социализма. Всякого рода курсы, общедоступные и бесплатные лекции и проч. благодаря сокращению рабочего дня делаются достоянием всех трудящихся. В будущем огромное значение для целей образовательных должны приобрести планомерно организованные экскурсии трудящихся в отпускное время с целью ознакомления с своей страной и различными странами мира. Для общения между трудящимися всех стран эти экскурсии сыграют в будущем огромную роль.

§ 85. Новые работники просвещения. Школьные реформы удалась советской власти в большей мере, чем реформы или постройки заимов в других областях. Объясняется это не только тем, что Советское государство тратит на народное образование несравненно большую часть своего бюджета, чем самое передовое из буржуазных государств.

Осуществление идеи единой трудовой школы было уже в значительной мере подготовлено передовыми педагогами буржуазного общества. Лучшей части педагогов России пришлось при советском режиме осуществлять отчасти то, что они считали вообще необходимым провести с чисто педагогической точки зрения. В числе школьных работников, перешедших к советской власти от буржуазно-помещичьего режима, оказался ряд таких, которые были и остаются противниками пролетарской революции вообще, но которые являются сторонниками произведенной пролетариатом революции в школьном деле.

Это благоприятное обстоятельство, однако, нисколько не уменьшает потребности пролетарского государства в настоящих коммунистических школьных работниках. Число коммунистов среди учителей, как и среди всех вообще специалистов, составляет незначительное меньшинство. Число противников коммунизма значительно больше. Больше же всего чиновнически настроенных работников, готовых служить всякому режиму, руководствуясь всякими программами, но ближе всего той, которой руководились отцы и деды. В связи с этим перед коммунистической партией стоит задача двух родов: с одной стороны, мобилизовать все лучшие элементы учительской среды и путем усиленной работы среди них создать из них кадры коммунистических работников; с другой сторо-

ны, создавать совершенно новые кадры работников просвещения из молодежи, с самого начала воспитываемой в духе коммунизма вообще и в духе коммунистической школьной программы в частности.

§ 86. Сокровища искусства и науки для трудящихся. При капиталистическом строе талант рассматривается, как собственность его непосредственного обладателя и как орудие обогащения. Продукт деятельности таланта представляет из себя в этом обществе товар, который может быть продан за ту или иную цену и, таким образом, может стать собственностью каждого, кто больше заплатит. Работа гения, имеющая огромное общественное значение и, по сути дела, представляющая из себя коллективное творчество, может быть куплена каким-либо Колупаевым из русских или американцем Морганом и может быть с одинаковым правом или изменена, или уничтожена. Если бы знаменитый московский купец Третьяков в один прекрасный момент вздумал спалить свою картинную галерею, вместо того чтобы отдать ее городу Москве, то по законам буржуазного общества его нельзя было бы привлечь к ответственности. В результате купли-продажи произведений искусства, редкостных книг, манускриптов и т.д. огромное количество их оказалось недоступным для ознакомления широких слоев общества, составляя привилегию класса эксплуататоров.

Советская республика объявляет общественным достоянием все произведения искусства, коллекции и проч. и уничтожает всяческие преграды для общественного пользования ими. Этой же цели служат все распоряжения, направленные к изъятию из частной собственности больших книжных хранилищ, которые также превращаются благодаря этому в общественное достояние.

Коммунистическая партия должна добиваться того, чтобы государственная власть еще дальше пошла по этому пути. При крайнем недостатке книг и невозможности быстро развить широкое издательство и переиздательство их необходимо еще дальнейшее ограничение частной собственности в этой области и сосредоточение книг в общественных библиотеках, школах и проч.

Кроме того, в интересах просвещения и в интересах предоставления самым широким массам возможности использовать для себя театр проводится национализация всех театров, чем косвенным образом достигается социализация таланта в области сцены, музыки и вокального искусства.

Таким путем постепенно все произведения науки и искусства, созданные на почве эксплуатации трудящихся масс, на их спинах, за их счет, возвращаются снова их действительным владельцам.

§ 87. Государственная пропаганда коммунизма. Когда разрушается буржуазный строй и начинается на его обломках складываться новое коммунистическое общество, пропаганда идей коммунизма не может остаться уделом одной лишь коммунистической партии и вестись лишь на ее скромные средства. Коммунистическая пропаганда делается необходимой для всего преобразующегося общества, она должна ускорить этот неизбежный процесс, она должна строить новое, делающим это дело часто бессознательно, раскрывать смысл их собственных усилий и работы. Поэтому не только пролетарская школа, но и весь вообще механизм пролетарского государства должен служить делу коммунистической пропаганды. Эта пропаганда должна вестись в армии военнополитическими организациями, она должна вестись всеми советскими органами.

Сильнейшим орудием государственной пропаганды коммунизма является государственное издательство. Национализация всех запасов бумаги и всех типографий дает возможность пролетарскому государству при огромном недостатке бумаги издавать в миллионах экземпляров то, что наиболее необходимо массам в переживаемый момент. В результате все печатаемое государственным издательством делается доступным массам не только по самым дешевым ценам, но постепенно и книги, и

брошюры, и газеты, и плакаты начинают поступать в распоряжение масс совершенно бесплатно. Государственная пропаганда коммунизма превращается в конце концов в средство уничтожения всяких следов буржуазной пропаганды предыдущего периода, отравлявшего познания трудящихся, и в могучее орудие создания новой идеологии, новых навыков мыслей, нового миропонимания у работников социалистического общества.

§ 88. Народное просвещение при царизме и при советской власти. Было израсходовано государством на народное просвещение:

1891 г.	22 810 260 руб.
1911 г.	27 883 000 «
1916 г.	195 624 000 «
1917 г.	339 831 687 «
1918 г.	2 914 082 124 «
1-е полугодие 1919 г.	3 888 000 000 «

Таким образом, переход власти к пролетариату сразу привел к увеличению расходов на народное образование почти в девять раз.

В 1917 г. насчитывалось низших школ к 1 сент[ября] 38 387 (по 26 губер[ния]м).

В школьный период 1917–1918 гг. школ 1-й ступени – 52 274, учащихся – 4 138 982.

В учебный период 1918–1919 гг. – приблизительно 62 238.

В то же время школ 2-й ступени было в 1917–1918 гг. – 1830, в 1918–1919 гг. – 3783.

Дошкольного воспитания при царизме не было совсем. Советской власти пришлось организовывать дело заново. Несмотря на ряд неблагоприятных условий, по 1 октября 1919 г. по 31 губернии насчитывалось детских садов, площадок, очагов 2615, в них детей 155 443. Всего обслуживается пока около 2,5% детей в возрасте от 3 до 5 лет. Но уже в городах обслуживается 10,1% детей, и эта цифра непрерывно повышается.

Литература по вопросу о трудовой школе: 1) Положение о единой трудовой школе Российской Социал[истической] Федер[ативной] Республики (1918 г., изд. ВЦИК, и. 60 к.); 2) Единая трудовая школа – доклад В. М. Познера (1919 г., изд. ВЦИК); 3) Трудовая школа. Бюллетени Отдела народн[ого] просв[ещения] МСРД; 4) Блочский. Школа и рабочий класс; 5) Он же. Трудовая школа, ч. I и II; 6) Левитин. Трудовая школа; 7) Он же. Интернациональные проблемы социальн[ой] педагогики (Р. Зейдель, Г. Кершенштейнер и др.); 8) Крупская. Народное образование и демократия; 9) Дю н. Школа и общество; 10) Шарельман. Трудовая школа; 11) Он же. В лаборатории народн[ого] учителя; 12) Гансберг. Педагогика; 13) Он же. Творческая работа в школе; 14) Ежедневник Народн[ого] комисс[ариа]та просв[ещения] «Народное просвещение» (выходило сначала как приложение к «Известиям ВЦИК», а начиная с 18-го номера, – самостоятельно (последний номер 51–52). В «Ежедневнике» помещен целый ряд статей по трудовой школе; 15) Протоколы 1-го Всероссийского съезда по просвещению (изд. Отдела съездов Наркомпроса, 1919 г.).

Из некоммунистической литературы можно указать: Кершенштейнер. Понятия трудовой школы; Он же. Трудовая школа (изд. 4-е «Задруги». М., 1918 г.); Гурлитт. Проблемы всеобщей единой школы (Гос. изд.); Ферьер. В новой школе, изд. Горб.-Пос.; Веткемп. Самодеятельность и творчество, изд. Горб.-Пос.; Шульц. Школьная реформа социал-демократии (Гос. изд.); Федоров-Гартвинг. Трудовая школа и коллективизм. М., 1918 г. (изд. Нар. учит.); Янжул Е. Н. Трудовое начало в школах Европы. М., 1918 г. (изд. Нар. учит.); Шацкий. Бодрая жизнь; Мюнкх. Будущая школа.

Глава XI Религия и коммунизм

§ 89. Почему религия и коммунизм несовместимы. § 90. Отделение церкви от государства. § 91. Отделение школы от церкви. § 92. Борьба с религиозными предрассудками масс.

§ 89. Почему религия и коммунизм несовместимы. «Религия есть опиум народа», – сказал К. Маркс. Задача коммунистической партии состоит в том, чтобы сделать эту истину понятной самым широким кругам трудящихся масс. Задача партии состоит в том, чтобы все трудящиеся массы, до самых отсталых, твердо усвоили ту истину, что религия являлась прежде и продолжает быть и до сих пор одним из могущественнейших орудий в руках угнетателей в деле поддержания неравенства, эксплуатации и рабской покорности трудящихся.

Некоторые плохонькие коммунисты рассуждают так: «Мне религия не мешает быть коммунистом – я одинаково верю и в Бога, и в коммунизм. Моя вера в Бога не мешает мне бороться за дело пролетарской революции». Такое рассуждение в корне неверно. Религия и коммунизм несовместимы ни теоретически, ни практически.

Всякий коммунист должен смотреть на общественные явления (отношения между людьми, революции, войны и проч.) как на нечто такое, что совершается по определенным законам. Законы общественного развития как раз с наибольшей полнотой и устанавливает научный коммунизм благодаря теории исторического материализма, созданной нашими великими учителями, К. Марксом и Фридрихом Энгельсом. Согласно этой теории никакие сверхъестественные силы не оказывают действия на общественное развитие. Мало этого. Та же теория устанавливает, что самое понятие о Боге и потусторонних силах появилось на определенной ступени человеческой истории и на определенной ступени начинает исчезать, как представление детское, не подтверждающееся практикой жизни и борьбы человека с природой. И только потому, что грабительским классам выгодно поддерживать невежество народа и его детскую веру в чудесное (а ключи от этого чудесного держат у себя в кармане), религиозные предрассудки оказываются очень живучими и смущают даже очень умных людей.

Сверхъестественные силы не влияют также на изменения и во всей природе в целом. Человек достиг огромных успехов в борьбе с природой, воздействует на нее в своих интересах и управляет ее силами не благодаря вере в Бога и его помощь, а несмотря на эту веру и благодаря тому, что на практике во всех серьезных делах всегда является атеистом. Научный коммунизм в своем понимании всех явлений природы опирается на данные естественных наук, которые находятся в самой непримиримой вражде со всякими религиозными выдумками.

Но коммунизм несовместим с религиозной верой и на практике. Тактика коммунистической партии предписывает своим членам определенный образ действий. Мораль каждой из религий также предписывает верующим определенное поведение (например, христианская мораль: «Если кто ударит тебя по одной щеке, подставь другую»). Между директивами коммунистической тактики и заповедями религии в огромном большинстве оказывается непримиримое противоречие. Коммунист, отбрасывающий заповеди религии и действующий по предписаниям партии, перестает быть верующим. Верующий и называющий себя коммунистом, нарушающий предписания партии во имя заповедей религии, перестает быть коммунистом.

Борьба с религией имеет две стороны, которые строго надо различать каждому коммунисту. Во-первых, борьба с церковью как особой организацией религиозной пропаганды, материально заинтересованной в народной темноте и религиозном рабстве.

Во-вторых, борьба с широко распространенными и глубоко укоренившимися религиозными предрассудками большинства трудящихся масс.

§ 90. Отделение церкви от государства. По христианскому катехизису, церковь есть общество верующих, объединенных одной верой, таинствами и т.д. Для коммуниста церковь — это общество людей, объединенных определенными источниками дохода за счет верующих, за счет их невежества и темноты. Общество, связанное с обществом других эксплуататоров, как помещики, капиталисты, связанное с их государством, помогающее ему в угнетении трудящихся и в свою очередь от него получающее помощь и поддержку. Связь между церковью и государством очень давнего происхождения. Особенно тесно была связана церковь с феодально-помещичьим государством. Это и понятно, если вспомнить, что самодержавно-дворянское государство опиралось на крупное землевладение, а церковь представляла из себя также крупного землевладельца, обладавшего миллионами десятин земли. Обе эти силы неизбежно должны были объединиться для общей борьбы с трудящимися массами и своим союзом закрепить свое господство над ними. В период борьбы городской буржуазии с дворянством буржуазия одно время яростно нападала на церковь, как на владельца земель, которые буржуазия хотела прибрать к рукам, как на собственника и потребителя доходов, собираемых с трудящихся, — доходов, на которые заявляла претензии та же буржуазия. Эта борьба в одних странах была очень резкой (Франция), в других более мягкой (Англия, Германия, Россия). Поэтому требование отделения церкви от государства (что на деле означало переход к буржуазии средств, которые государство тратило на церковь) было выставлено уже либеральной буржуазией и буржуазной демократией. Но это требование нигде не было осуществлено буржуазией. Причина та, что всюду начала усиливаться борьба рабочего класса с капиталистами, и буржуазии стало невыгодно бросаться лишним союзником. Она сочла более выгодным помириться с церковью, купить ее молитвы для борьбы с социализмом, использовать ее влияние на темные массы для поддержания в них чувства рабской покорности по отношению к эксплуататорскому государству («нести власти, аще не от Бога»).

То, чего не сделала буржуазия в борьбе с церковью, довело до конца пролетарское государство. Одним из первых декретов советской власти в России был Декрет об отделении церкви от государства. У церкви были отняты все земли и переданы трудящимся, и все ее капиталы сделались достоянием трудового народа. От церкви были отняты все доходы, которые она получала от царизма и продолжала благополучно получать в эпоху правительства «социалиста» Керенского. Религия была объявлена личным делом каждого гражданина. В то же время советская власть отвергла всякую мысль использовать церковь для укрепления пролетарского господства в каких бы то ни было формах.

§ 91. Отделение школы от церкви. Соединение религиозной пропаганды со школьным обучением является вторым могучим орудием в руках духовенства для укрепления господства церкви и ее влияния на массы. В руки попов отдается здесь будущее человечества, его молодежь. При царизме поддержание религиозного фанатизма, тупости и невежества считалось делом государственной важности. Закон Божий был важнейшим предметом преподавания в школе. И в школе самодержавие поддерживало церковь, а церковь — самодержавие. Кроме обязательности закона Божия в школах и обязательности посещения богослужений церковь добилась еще большего. Она начала забирать все народное просвещение в свои руки, и с этой целью вся Россия была покрыта сетью церковно-приходских школ.

Благодаря сожительству школы и церкви молодежь с самого раннего возраста оказывается или во власти религиозных суеверий, или в состоянии полной невозможности выработать сколько-нибудь целостное мирозерцание. На один и тот же вопрос (на-

пример, о происхождении земли) религия и наука дают различные ответы, и восприимчивый ум школьника превращается в поле битвы между точным знанием и грубыми выдумками мракобесов.

Во многих странах молодежь воспитывается не только в духе преданности существующему режиму, но нередко в духе преданности уже свергнутому самодержавно-церковно-дворянскому строю, как, например, во Франции. Такая пропаганда является контрреволюционной даже с точки зрения буржуазного государства.

Буржуазный либерализм также выставлял в своих программах требование отделения школы от церкви. Он боролся за замену закона Божия в школах преподаванием буржуазной морали и за закрытие школ, организованных религиозными обществами и монастырями. Но нигде и эта борьба не была доведена до конца. Пример – Франция, где все буржуазные министерства на протяжении двадцати лет торжественно обещали распустить все конгрегации (религиозные католические общества), конфисковать их капиталы, запретить им школьное преподавание, а кончали примирением и компромиссами с католическим духовенством. Яркий пример подобного соглашательства буржуазии с церковью дал недавно Клемансо, бывший в свое время ярым врагом церкви и закончивший призывом забыть вражду и лично сам раздававший представителям католического духовенства ордена за патриотизм. В борьбе за эксплуатацию других стран (война с Германией), в борьбе внутри с рабочим классом буржуазное государство и церковь уже вошли в сделку и взаимно помогают друг другу.

Это примирение буржуазии с церковью выражается не только в том, что буржуазия кладет под сукно свои старые боевые лозунги, направленные против религии, и прекращает с нею борьбу. Этого мало. Сама буржуазия чем дальше, тем больше делается «верующим классом». Прадеды современного европейского буржуа были атеистами, вольнодумцами, ярыми врагами попов и поповщины. Дети и отцы сделали шаг назад. Оставаясь сами атеистами, не веря сами в религиозные выдумки и подсмеиваясь над ними в кулак, они находили, однако, необходимым сохранить эти выдумки, сохранить религиозную узду для народа. Наконец, их современные сынки не только считают религиозную узду необходимой для народа, но и надевают ее уже и на самих себя. На наших глазах после Октябрьской революции былой либеральный буржуа и буржуазный интеллигент валом повалили в церковь и с умилением поклоняются тому, над чем в лучшие времена издевательски смеялись. Такова судьба всех умирающих классов, которым ничего другого не остается, как искать «утешения» в религии.

Такой же сдвиг в пользу религии наблюдается среди буржуазии Европы, пока еще не лишившейся власти. Но если буржуазный класс начинает верить в Бога и бессмертие на небе, это значит лишь, что он чувствует, что пришел его смертный час здесь, на земле.

Отделение школы от церкви вызвало и продолжает вызывать протесты со стороны наиболее отсталых элементов рабочих и крестьян. Многие из родителей продолжают настаивать на том, чтобы преподавание закона Божия было допущено в школе для желающих в качестве обязательного предмета. Против подобных попыток своротить назад коммунистическая партия ведет самую решительную борьбу. Допустить уроки церковного мракобесия в школе, хотя бы и в качестве необязательного предмета, – это значит оказать государственную поддержку укреплению религиозных предрассудков. Церковь получит тогда в свое распоряжение готовую аудиторию из детей (собираемых в школе как раз с целью, противоположной задачам религии), она получит в свое распоряжение принадлежащее государству помещение и благодаря этому будет в состоянии распространять религиозную отраву среди молодежи почти в тех же размерах, что и до отделения школы от церкви.

Декрет об отделении школы от церкви должен остаться во всей силе, и пролетарское государство не должно идти ни на какие уступки средневековью. То что

сделано в этой области, еще слишком мало, и у невежественных родителей еще остается полная возможность калечить ум своих детей религиозными баснями. Советская власть допускает свободу совести для взрослых. Но эта свобода совести для родителей превращается в свободу для них отравлять ум своих детей тем же самым опиумом, каким их раньше отравила церковь. Родители навязывают своим детям собственное тупоумие, невежество, выдают за истину всякую галиматью и страшно затрудняют работу единой трудовой школы. Освобождение детей от реакционных влияний их родителей составляет важную задачу пролетарского государства. Радикальное средство — общественное воспитание детей, проведенное в полном объеме. Но на ближайшее время необходимо, чтобы мы не ограничивались изгнанием религиозной пропаганды из школы, но чтобы школа перешла в наступление против религиозной пропаганды в семье и заранее делала нечувствительным сознание детей ко всем тем религиозным сказкам, которым продолжают верить и продолжают выдавать за быль очень взрослые люди.

§ 92. Борьба с религиозными предрассудками масс. Если отделение церкви от государства и школы от церкви пролетарская власть осуществляла сравнительно легко и почти безболезненно, то несравненно более трудным делом является борьба с религиозными предрассудками, уже пустившими глубокие корни в сознании масс и обнаруживающими огромную живучесть. Эта борьба будет долгой, она требует большой выдержки и терпения. В нашей программе по этому поводу говорится: «РКП руководствуется убеждением, что лишь осуществление планомерности и сознательности во всей общественно-хозяйственной деятельности масс повлечет за собой полное отмирание религиозных предрассудков». Что означают эти слова?

Религиозная пропаганда, вера в Бога и всякие сверхъестественные силы находят для себя наиболее благоприятную почву там, где сознание масс всей обстановкой общественной жизни толкается на путь сверхъестественных объяснений окружающих явлений в природе и обществе. Обстановка капиталистического способа производства как раз очень способствует всему этому. В буржуазном обществе производство и обмен продуктов налаживаются не сознательно, по определенному плану, а стихийно. Рынок царит над производителем. Никто не знает, произведено ли товаров в излишке или слишком мало. Производителям неясно, как работает весь огромный и сложный механизм капиталистического производства; почему вдруг начинаются кризисы и безработица; почему то повышаются, то понижаются цены на товары и т.д. Не умея объяснить себе настоящую причину происходящих общественных изменений, рядовой работник обращается к «воле Божией», которая все может объяснить.

Наоборот, в организованном коммунистическом обществе в области производства и распределения для трудящихся не будет никаких тайн. Каждый работник не только будет исполнять порученную ему часть общественной работы, но он сам же будет участвовать в выработке общего плана производства и, по крайней мере, будет иметь о нем вполне ясное представление. Ничего таинственного, непонятного, неожиданного не будет во всем механизме общественного производства, и для мистических объяснений и суеверий не будет никакой почвы. Как для столяра, который сам сработал стол, ясно, откуда этот стол появился, и не требуется искать на небе его создателя, так и для всех трудящихся коммунистического общества будет ясно, что и как они создают своими коллективными усилиями.

Поэтому же самый факт организации и укрепления социалистического строя наносит религии непоправимый удар. Переход же от социализма к коммунизму, т.е. от общества, которое добывает капитализм, к обществу, вполне свободному от всяких следов классового деления и классовой борьбы, приведет к естественной смерти всякую религию и всякое суеверие.

Но все это отнюдь не значит, что мы можем успокоиться, предсказав гибель религии в будущем.

С религиозными предрассудками серьезнейшая борьба должна вестись особенно сильно именно теперь, когда церковь выступает в качестве контрреволюционной организации, стремящейся использовать свое религиозное влияние на массы и для вовлечения этих масс в политическую борьбу с диктатурой пролетариата. Православная вера, защищаемая попами, тянет на союз с монархией. Поэтому уже теперь советской власти необходимо развить самую широкую антирелигиозную пропаганду. Это достигается как чтением специальных лекций, устройством диспутов и изданием соответствующей литературы, так и общим распространением научных знаний, которые исподволь, медленно, но верно подрывают всякий авторитет религии. Хорошим орудием в борьбе с церковью оказалось недавно произведенное во многих пунктах Республики вскрытие «нетленных» мощей, обнаружившее перед самыми широкими и притом верующими массами весь тот низкий обман, на котором покоится всякая религия вообще, а русское православие в частности.

Но борьба с религиозной отсталостью масс должна вестись не только со всей энергией и настойчивостью, но и с должным терпением и осторожностью. Верующая масса является очень чуткой ко всякому оскорблению ее чувств, и насильственное внедрение атеизма в массы, соединенное с насилиями и издевательствами над религиозными обрядами и предметами культа, не ускоряет, а задерживает борьбу с религией. Церковь в качестве гонимой начинает пользоваться еще большим сочувствием масс и пробуждает в них уже давно забытые связи между религией и защитой национальной свободы, усиливает антисемитизм и вообще мобилизует все пережитки уже наполовину отмершей идеологии.

Приведем некоторые цифры, указывающие, как царское правительство поддерживало за народные деньги церковь, как эту же церковь поддерживал и сам народ, опустошая свои тощие карманы, и какие богатства скопились у служителей Христа.

Ежегодно в среднем царское правительство отпускало церкви через Синод и другими путями до 50 млн руб. (т.е. в сто раз больше на нынешний рубль). У Синода хранилось в банках до 70 млн, церкви и монастыри имели большие площади земель. В 1905 г. у церквей было 1 872 000 десятин, у монастырей – 740 000 десятин. Шесть богатейших монастырей имели 182 000 десятин. Соловецкий монастырь имел 66 тысяч десятин, Саровская пустынь – 26 тысяч, Александро-Невская лавра – 25 тысяч и т.д. В Петербурге в 1903 г. церквам и монастырям принадлежало 266 доходных владений в виде домов, лавок, земель под постройками и т.д. В Москве было 1054 доходных дома, не считая 32 гостиниц. В Киеве церквам принадлежало 114 домов. А вот еще евангельские доходы митрополитов и архиепископов. Петроградский митрополит получал 300 000 руб. в год, московский и киевский – по 100 000 руб., новгородский архиепископ – 310 000 руб.

Церковных школ насчитывалось до 30 000, учащихся в них – до 1 млн. В низших школах министерства просвещения «работало» свыше 20 000 законоучителей.

Как известно, царское самодержавие поддерживало православную церковь, как господствующую, как единственно истинную. Десятки миллионов рублей собирались в виде налогов с мусульман (татары, башкиры), католиков (поляки), евреев, и на эти деньги православное духовенство доказывало ложность всякой иной веры, кроме православной. Религиозное угнетение при царизме достигало самых диких размеров. А между тем по религиям население России распалось так: на каждые 100 человек – католиков 9, магометан 11, протестантов 5, иудеев 4, прочих 1.

Что же касается армии самого православного духовенства, то она достигала в 1909 г. следующих размеров.

При 52 869 церквях России состояло:

протоиереев	2 912
священников	46 730
диаконов	14 670
псаломщиков	43 518

При 455 монастырях мужск[их]:

монахов	9 987
послушников	9 582

При 418 монастырях женских:

монахинь	14 008
послушниц	46 811

Итого: белого и черного духовенства в России 188 218.

Это число одного лишь православного духовенства. Но этот паразитический слой имеется у всех народов, исповедующих другие религии. Вся эта масса, вместо того чтобы получать огромные деньги от населения за поддержание народного невежества, могла бы, наоборот, создавать огромное количество ценностей физическим трудом. Социалистическое государство с усовершенствованием своего хозяйственного аппарата проведет трудовую повинность для духовенства и других непроизводительных классов, обратив их в рабочих или крестьян.

Из государственных средств, отпускавшихся церкви при царе, более 12 000 000 в год шло городскому и сельскому духовенству (понятно, почему духовные отцы против отделения церкви от государства, что равносильно отделению от их кармана десятков миллионов рублей). Но это лишь часть доходов духовенства; гораздо большая часть этих доходов получалась от плат за требы, от аренды земель, от процентов с церковных капиталов. Точной цифры доходов духовенства не удавалось установить в России никому. Приблизительно годовой доход духовенства исчислялся до 150 000 000 руб., т.е. на наши теперешние деньги в 100 раз больше. Огромную часть этих доходов духовенство продолжает получать с народа и по сие время.

Литература [к главе XI]: Кильчевский. Богатства и доходы духовенства; Лукин Н. М. (Антонов И.) Церковь и государство; Мельгунов. Церковь и государство в переходное время; Минин С. Религия и коммунизм; Степанов И. Происхождение нашего Бога; Ой же. Духовенство, его доходы, его молитвы и проклятия; Куиов Г. Происхождение религии и веры в Бога; Каутский К. Происхождение первобытной библейской истории; Ой же. Античный мир, иудейство и христианство; Ой же. Католическая церковь и социал-демократия; Бебель А. Христианство и социализм; Штампер и Ваидервельде. Социал-демократия и религия. Лафарг. Происхождение религиозных верований; Данилов С. Черное воинство; Кильвер Р. Социал-демократия и христианство; Бухарии Н. Церковь и школа в Советской республике; Буров Я. Что означает закон о свободе совести; Лафарг П. Миф о непорочном зачатии; Никольский И. Иисус и первые христианские общины; Вилпер. Возникновение христианства; Покровский. Русская история (статья Никольского); Бедный Д. Отцы духовные.

Глава XII

Организация промышленности

§ 93. Экспроприация буржуазии и пролетарская национализация крупной промышленности. § 94. Наша цель – развитие производительных сил.

§ 95. Планомерная организация хозяйства. § 96. Расширение экономичес[кого] сотрудничества с другими странами. § 97. Организация мелкой промышленности, ремесла и кустарничества. § 98. Организация промышленности и профессиональные союзы. § 99. Использование рабочей силы. § 100. Товарищеская трудовая дисциплина. § 101. Использование буржуазных специалистов. § 102. Слияние производства с наукой.

§ 93. Экспроприация буржуазии и пролетарская национализация крупной промышленности. Первейшей задачей пролетариата и советской власти, как органа пролетарской диктатуры, было отнять у буржуазии средства производства, или, как говорят, экспроприровать буржуазию. Само собой разумеется, что речь шла не об экспроприации мелкого производства и не об экспроприации ремесла, а о том, чтобы отнять средства производства у крупной буржуазии и поставить крупную промышленность на новые рельсы, организовать ее по-новому. В какой форме могла советская власть сделать это? Мы уже говорили в первой части, что пролетариат нуждается не в дележке фабрик и заводов и не в разграблении их, а в организации общественного товарищеского производства. Понятно, что в эпоху пролетарской диктатуры это возможно сделать только одним путем: только путем пролетарской национализации, т.е. передачи всех средств производства и обращения в руки пролетарского государства, самой большой и самой крупной организации рабочего класса.

Нельзя никоим образом смешивать национализацию производства при господстве буржуазии и при господстве пролетариата. Национализация – это значит переход в руки государства. Но ничего не понимает в сути дела тот, кто говорит только и исключительно о государстве и не спрашивает, о государстве какого класса идет речь. Когда господствующим классом является буржуазия и когда эта буржуазия национализует свои тресты и синдикаты, никакой экспроприации буржуазии вовсе и не происходит. Здесь буржуазия просто перекладывает свое добро из одного своего кармана в другой. Она передает все своему, хозяйскому государству. Эксплуататором рабочего класса является по-прежнему она, буржуазия. Рабочий класс по-прежнему работает не на себя, а на своего классового врага. Такая национализация есть буржуазная национализация. Она производит на свет божий порядок, о котором мы говорили в первой части книги, а именно государственный капитализм. Совсем другой коленик получается, когда происходит национализация при господстве пролетарской власти. Тогда фабрики, заводы, средства транспорта и проч. переходят к пролетарской власти, т.е. к организации не хозяев, а рабочих. Здесь поэтому совершается в действительности экспроприация буржуазии: она действительно лишается основы своего богатства, своего господства, своей силы и своей власти. А вместе с тем уничтожаются основы эксплуатации. Пролетарское государство не может эксплуатировать пролетариат, потому что это есть организация того же самого пролетариата. Человек не может ездить верхом на самом себе. Точно так же пролетариат не может эксплуатировать самого себя. При государственном капитализме буржуазия нисколько не теряла от того, что частные предприниматели переставали существовать отдельно, а начали обща грабить публику. При пролетарской национализации рабочие отдельных заводов и фабрик точно так же нисколько не теряют от того, что они не являются самостоятельными хозяевами на своей фабрике, а что все фабрики принадлежат всему рабочему

классу целиком, самой крупной рабочей организации, имя которой – Советское государство.

Экспроприация буржуазии, которая началась тотчас же после октябрьского переворота, в целом и основном уже закончена. В пределах Советской России национализирована вся транспортная промышленность (жел[езные] дороги, водный транспорт) и приблизительно около 80–90% в крупной промышленности. По данным фабрично-заводского статистического отдела Высшего совета народного хозяйства, к сентябрю 1919 г. было национализировано в 30 губерниях 3330 предприятий, с общим количеством в 1 012 000 рабочих и 27 000 служащих. Эти цифры несколько преуменьшены, и есть данные, что в общем национализировано предприятий около 4 тысяч. Самые крупные из 3330 предприятий, о которых шла речь, действуют. Это видно из таких данных. Действующих предприятий к сентябрю 1919 г. было 1375; из них относительно 1258 было известно, что в них занято 782 000 рабочих и 26 000 служащих. Из миллиона рабочих почти восемьсот тысяч работают, наверное, несмотря на невероятно тяжелые условия промышленности. Закрытых предприятий – 691, с 170 тысячами рабочих; не установлено положение на 1248 предприятиях, с 57 000 рабочих (т.е. речь здесь идет о предприятиях значительно более мелких).

Национализированные предприятия к осени 1919 г. распределялись между такими отраслями, объединенными своими центральными органами управления («главками» и «центрами»):

I. Добывающая промышленность (во главе – Горный совет):

1. Главуголь (Главное управление угольной промышленностью).
2. Главруда.
3. Главнефть.
4. Главторф.
5. Главсланец.
6. Главсоль.
7. Главзолото.

II. Металлическая промышленность (во главе – отдел металла ВСНХ):

1. Гомза (Госуд[арственные] машиностр[оительные] заводы).
2. Главкоавиа.
3. Центромедь.
4. Главгвоздь.
5. Автозаводы.
6. Группа Мальцевских заводов.
7. « калужско-рязанских заводов.
8. Подольские заводы.

III. Электротехническая промышленность (Огэп – Объедин[ение] госуд[арственных] электр[отехнических] предпр[иятий]).

IV. Текстильная промышленность (Главтекстиль).

V. Химическая промышленность (во главе – отдел хим[ической] пром[ышленности] ВСНХ):

1. Химоснов.
2. Главанил.
3. Центролак.
4. Главфармазав.
5. Главспичка.
6. Главстекло.
7. Главстром.
8. Центроцемент.
9. Центрошифер.

10. Центрошамот.
11. Главкож.
12. Главмех.
13. Центрощетина.
14. Главкость.
15. Центрожир.
16. Главбум.
17. Главрезина.
18. Химдревправление.
19. Главрасмасло.
20. Центроспирт.
21. Главтабак.
22. Главкрахмал.
23. Главсахар.

VI. Обработка пищевых веществ ([во главе] – отдел обраб[отки] пищ[евых] вещ[еств] ВСНХ):

1. Главмука.
2. Главкондитер.
3. Центрочай.
4. Центромолоко.
5. Главконсерв.
6. Центрохолодильник.

VII. Деревообделочная пром[ышленность] и заготовка лесных материалов (Главлеском).

VIII. Полиграфические производства (полиграф[ический] отдел ВСНХ).

IX. Центральная автосекция (сборка и ремонт автомобилей).

X. Центрошвей (мелкие портняжные мастерские и т.д.).

XI. Утилизация отходов и т.д. (Центроутиль).

XII. Водный транспорт (Главвод – Главн[ое] управл[ение] водн[ым] транспортом).

XIII. Строи[тельная] промышленность и производство прочих сооружений (Комитет госуд[арственных] сооружений).

XIV. Военные заготовки (отдел военных заготовок – Центровосензг).

XV. Перевозка, разгрузка и хранение грузов ВСНХ (Трамот – транспортно-материальный отдел ВСНХ).

Законченная в основном экспроприация буржуазии должна быть доведена до конца. Такова первая задача, которую должна выполнить наша партия. При этом нужно помнить, что мы не экспроприируем мелкой собственности. Ее «национализация» абсолютно недопустима, во-первых, потому, что мы бы сами не могли организовать раздробленное мелкое производство, а во-вторых, потому, что коммунистическая партия не хочет и не должна обижать многомиллионных мелких хозяйчиков. Их переход к социализму должен быть совершаться добровольно, ими самими, а не путем их насильственной экспроприации. В особенности это нужно помнить в районах с мелким производством.

Итак, довести национализацию до конца – это первое наше требование к самим себе.

§ 94. Наша цель – развитие производительных сил. В основу всей нашей политики должно быть положено всемерное развитие производительных сил. Разруха так велика, послевоенный голод на все продукты настолько чувствителен, что этой задаче должно быть подчинено все. Больше продукта! Больше сапог, кос, бочек, тканей, соли, платья, хлеба и т.д. – вот что является основным. Как это можно сделать? Только увеличением производительных сил страны, поднятием производства.

Никакого другого выхода нет. Тут перед нами одно громаднейшее затруднение: это наскок на нас со стороны мировой контрреволюции, который заставляет нас отбиваться, который отнимает у нас и живую рабочую силу, и средства. Отвоевать нефть и уголь у помещиков и капиталистов — раз. Правильно поставить дело производства — два. Это нам нужно до зарезу. Пока рабочий класс не был хозяином всей страны, не его была забота. Теперь рабочий класс стоит у власти. Он — хозяин всего. Он отвечает за судьбу страны, и на его плечах лежит сейчас вся тяжесть задачи: вывести Советскую республику из трясины голода, холода и разрухи. До того как рабочий класс стал у власти, его главная задача состояла в том, чтобы разрушить старый порядок. Теперь его главная задача в том, чтобы построить новый. Раньше буржуазия должна была организовывать производство, теперь — сам пролетариат. И понятно, что в дни величайшей разрухи все помыслы пролетариата в этой области должны сосредоточиться на том, чтобы организовать промышленность и поднять производство. Поднять производство — это значит увеличить успешность труда, производить больше продуктов, лучше делать работу во всех учреждениях, получать за день больше и результат. Теперь прошло время хороших фраз — настало время трудного дела. Наша задача не в том теперь, чтобы завоевывать в Москве или в Питере какие-либо права: рабочий класс держит их в своих руках и обороняет их на фронте. Наша задача в том, чтобы увеличить число гвоздей, железных подков, плугов, замков, машин, шинелей. Вот что нужно теперь, чтобы не помереть с голоду после военной разрухи, чтобы одеться, чтобы опротивиться с силами, чтобы пойти быстрее по пути строительства новой жизни.

Вопрос о поднятии производства сводится к таким вопросам: о том, как увеличить количество средств производства (машин, угля, сырья) и рабочих сил; о том, как правильно организовать производство (какой нужен план всего хозяйства, как нужно связать одно производство с другим, какое нужно создать управление производством, как экономнее и лучше распределить запасы сырья, как правильно распределить рабочие руки и т.д.); о том, как добиться лучшей работы, поскольку она зависит от самих работающих (вопрос о трудовой товарищеской дисциплине, о борьбе с неряшливостью, небрежностью, разгильдяйством и т.д.); наконец, вопрос о применении к производству науки и о работе специалистов.

Все эти вопросы огромной важности. И мы теперь должны их практически, на деле, решать. И решать их не на одной фабрике и не для одной фабрики, а для целой огромной страны, где рабочего класса и полупролетариев — миллионы.

Понятно, что мы должны подходить здесь с одной точки зрения, танцевать от одной палочки — поднятие производительных сил целой страны, которая строит свое хозяйство на новых основах коммунистического труда.

Наши противники — эсеры, меньшевики, буржуа и т.д. — возражают нам, что мы — вовсе не марксисты, что наш коммунизм — это потребительный коммунизм, коммунизм дежекки. Большевики, мол, снимают с буржуазии шубы, выселяют буржуазию из домов, делят предметы потребления, а не организуют производство. Эти возражения никуда не годятся. Производительные силы человеческого общества состоят из средств производства и из работников, из живых людей. Рабочий класс — это основная производительная сила. Когда разрушаются машины, орудия и т.д., это еще полбеды, потому что опытные работники могут с трудом, но восстановить все. Другое дело, когда разрушается эта живая производительная сила, когда рабочие разьезжаются по деревням, когда от холода и голода они покидают города, когда рабочий класс распадается. Тогда его нужно сохранить во что бы то ни стало. Организованная экспроприация средств потребления есть здесь условие для нашей настоящей цели, организации производства. Буржуазия всюду хочет возложить все издержки войны, все бедствия,

которые возникли из-за нее, холод, голод и т.д., на пролетариат. Пролетариат же обязан ради своего будущего взвалить тяготы послесвоенного времени на буржуазию. Но основная наша линия – это, конечно, организация производства и развитие производительных сил.

§ 95. Планомерная организация хозяйства. Эпоха разложения капитализма оставила пролетариату в наследство не только чрезвычайно малое количество производительных сил, но и полную неразбериху. Россия распалась на отдельные районы, связь разных местностей друг с другом разорвалась, сообщение между разными районами страшно затруднилось. Под влиянием революции фабриканты выпустили бразды правления из своих рук, и первоначально кое-где фабрики просто были без хозяина. Потом начался беспорядочный захват рабочими предприятий: рабочие уже не могли более ждать, и эта «национализация» на местах началась даже несколько ранее Октябрьской революции. Понятно всякому, что это была, в сущности, не национализация, а простой неорганизованный захват предприятий теми рабочими, которые на этих предприятиях работали; этот захват лишь потом превращался в национализацию. Но и после октябрьского переворота национализация вначале шла очень беспорядочно. Нужно было, само собой разумеется, национализировать в первую голову самые крупные и хорошо оборудованные предприятия; но это не всегда удавалось. Часто национализировали такие предприятия, которые бросил хозяин и которые нельзя было оставлять без призора. Но часто национализировали и такие, хозяева которых особенно резко выступали против рабочих. Разумеется, что таких хозяев во время Гражданской войны было весьма много; понятно также, что среди этих предприятий бывали и очень плохие, никудышные. В особенности много было их среди раздутых за время войны заводов, работавших на «оборону», наскоро сколоченных и во время революции быстро лопавшихся. Все это создавало на первых порах еще большую неразбериху.

В первое время советская власть и ее органы не имели даже учета того, что есть: не было ни учета предприятий, ни учета запасов сырья, топлива, товаров, ни учета производственных возможностей, т.е. того, сколько национализированные предприятия могли бы произвести. Буржуазия умирала, но она не оставляла подробного духовного завешания пролетариату. Он «наследовал» у нее ее богатства, отбирая их в ожесточенной Гражданской войне. И понятно, что на первых порах не было и речи о том, чтобы имелся общий хозяйственный план. Старая, капиталистическая, организация распалась; новая, социалистическая, еще не налаживалась. А между тем одной из основных задач советской власти являлась и является задача объединения всей хозяйственной деятельности по одному общегосударственному плану. Только при этом условии можно хотя бы поддерживать на одном уровне производительные [силы] страны, чтобы затем пустить их вперед. Мы уже знаем из первой части книги, что коммунистический строй тем и хорош, что он устраняет безалаберщину, «анархию» капиталистического [производства]. Фундамент коммунистического строя нужно закладывать именно здесь. Конечно, смешно думать, что в короткий срок, при голоде, холоде, отсутствии необходимого топлива и сырья можно быстро добиться прочных и хороших результатов. Но ведь и на фундаменте дома люди не живут, пока дома не достроят до конца и не снимут лесов; а фундамент-то закладывать нужно. Точно так же обстоит дело и со строительством коммунистического общества. Закладка его фундамента – это организация промышленности и в первую голову ее объединение по общегосударственному плану.

Выполнение этой задачи на практике началось с учета, т.е. с выяснения того, что имеется в распоряжении пролетарской власти: количества запасов, количества предприятий и т.д.; мало-помалу создавалась связь между прежде отдельными предприятиями;

выросли центральные органы снабжения (сырьем, топливом, необходимыми вспомогательными материалами); была создана сеть органов местного и центрального управления промышленностью, которые уже смогли и вырабатывать общий план, и проводить этот план по всей стране.

Аппарат управления промышленностью в общем, если мы будем смотреть снизу вверх, построен таким образом. Во главе каждого завода стоит рабочее заводоуправление; обыкновенно оно состоит на $\frac{2}{3}$ из рабочих, членов соответствующего профессионального союза, и на $\frac{1}{3}$ — из инженеров, которые определяются туда с согласия центрального комитета этого рабочего союза; для некоторых, не особенно крупных, отраслей существуют районные управления, состоящие в связи с местными советами народного хозяйства, которые, в свою очередь, состоят в связи с местными Советами рабочих депутатов; более крупные непосредственно подчинены так называемым «главкам» и «центрам». Эти «главки» и «центры» «представляют из себя объединения целых отраслей производства: например, Центротекстиль ведаёт всей текстильной промышленностью, Главгвоздь — производством гвоздей, Главуголь — производством угля (см. их список в первом параграфе этой главы, мелкий шрифт). То что при государственном капитализме были государственные тресты отдельных отраслей, то у нас — «главки» и «центры». Состав этих «главков» и «центров» определяется президиумом Высшего совета народного хозяйства (о нем будет ниже) и центральным комитетом соответствующего профессионального союза; если здесь бывают разногласия, тогда выступает вместо этого союза Всеросс[ийский] центр[альный] совет профессиональных союзов, который и определяет, вместе с президиумом Выссовнархоза, состав такого «главка». Местные советы народного хозяйства обыкновенно организуют менее крупные предприятия.

«Главки» и «центры», в свою очередь, объединены по группам родственных отраслей. Например, существует такое объединение «главков»: Гомза (Госуд[арственные] машиностроительные заводы), Центромедь, Главзолото, Главгвоздь и т.д.

Для примера приведем группы, входящие в отдел металла:

I группа. Заводы «Сормово-Коломна» («Гомза»)	17 заводов	$\left\{ \begin{array}{l} 1. \text{Сормовский.} \\ 2. \text{Коломенский.} \\ 3. \text{В.-Выксунский.} \\ 4. \text{Вильский.} \\ 5. \text{Проволочный.} \\ 6. \text{Бушуевский.} \end{array} \right.$
II группа. Центральные коксово-доменные и железоделательные заводы	3 завода	
III группа. Калужско-рязанские чугуноплавильные заводы	9 заводов	
IV. Мальцевские заводы	6 «	
V. Центромедь	10 «	
VI. Автозаводы]	3 «	
и т. д.*		

В текстильной промышленности, во главе которой стоит Центротекстиль, существуют еще так называемые «кусты» (в особ[енности] в хлопчатобумажной отрасли), где объединены предприятия, производящие полуфабрикаты различной степени обработки и готовый продукт.

В общем, можно сказать, что тут далеко не все устоялось, все время возникают новые формы, отмирают старые. Иначе и не может быть во время лихорадочного строительства, да еще в таких тяжелых условиях, как наши, когда у нас сегодня есть Урал, завтра его нет, сегодня нет Украины, а завтра есть.

* Материал взят из доклада коллеги отдела металла президиуму ВСНХ и полученного от т. Милотина. (Прим. автора.)

Здесь объединены не только отдельные отрасли, но и эти отрасли связаны между собой в одно громадное целое. Естественно, что в первую голову объединяются такие отрасли, которые имеют между собой кое-что общее. Так, производство гвоздей, производство машин, производство меди и медных изделий и т.д. относятся к группе, связанной с металлом. Эта группа «главков» объединена в отдел металла Высшего совета народного хозяйства. Таких отделов существует несколько: упомянутый отдел металла, отдел химической промышленности, отдел пищевых веществ, полиграфический и т.д. Отделы эти к осени 1919 г. были по своему составу построены довольно различно. В отделе металла работал и имел влияние главным образом Центральный комитет Всероссийского союза рабочих металлистов; это – передовые рабочие, очень развитые, прекрасно работающие, и поэтому они смогли здесь действительно сделать многое; в других отделах хуже. Напр., в отдел химической промышленности осенью 1919 г. рабочие только-только начали входить, потому что у них не было даже общего профессионального объединения.

Все отделы подчинены Высшему совету народного хозяйства (иначе «Высовнархоз»); он составляется из представителей Совета профессиональных союзов, Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов и народных комиссаров и имеет президиум, который ведет всю деловую работу. Высовнархоз, следовательно, объединяет хозяйственную деятельность всей страны. И на его обязанности лежит в первую голову выработка и проведение в жизнь единого общегосударственного плана.

Что рабочие сами в состоянии при надлежащей организации повысить производительность предприятий, видно из деятельности Гомзы, где союз металлистов имеет решающее влияние. Вот некоторые цифры:

Было произведено:

	Запасных частей вагон[ов] и паров[озов]	Бронир[ованных] военных поездов		Вагонов, цистерн, платформ и проч.		Восн-н[ых] вагонеток	Стре-л[ок] для перевода
		паровозов	платформ	новых	отремонтиро-вано]		
За 2 месяца (XI–XII) 1918 г.	24 240 пуд.	2	4	477	—	148	0
За 6 месяцев (I–VI) 1919 г.	94 419 »	10	19	1 181	1 040	522	7 543*

* Данные сообщены т. Лариным. (Прим. автора.)

Время производства было втрое больше (2 и 6 месяцев), а размеры производства возросли гораздо больше чем втрое.

При некоторой организованности, которая начала понемножку налаживаться, можно было планомернее обслуживать и дело снабжения, чем занимаются «главки», и дело централизации производства в наилучшие поставленные предприятия. Последнее вытекает из общего плана. Ведь ясно, что выгоднее вести дело лишь в самых лучших предприятиях, сосредоточивши на их поддержку все усилия, чем бесплодно корпеть в захудалых и плохо оборудованных. Конечно, и здесь приходится считаться с общим ужасающим недостатком в топливе и сырье. Именно поэтому приходилось

не раз закрывать и крупнейшие заводы и фабрики (например, в текстильной промышленности); поэтому же мы наблюдаем еще и до сих пор идущее частичное разрушение производства. Но это зависит уже не столько от отсутствия организованности, сколько, главным образом, от отсутствия необходимых для производства вещей.

Централизация производства тем не менее идет своим чередом. Так, Гомза закрывала много плохих предприятий и сосредоточила свое производство на 16 лучших заводах; электротехническая промышленность, которая была при капитализме разбита, теперь объединена в одно целое; то же произошло и в ряде других отраслей (в табачной, в хлебопечении, в паточной, в текстильной и проч.).

Громадное значение имеет правильное и экономное использование имеющихся запасов и сил. На первых порах, как мы видели, не было даже учета того, что есть. Масса складов пропадала, запасы расхищались и утекали неизвестно куда; ни о каком правильном использовании не могло быть и речи. Но и здесь дело постепенно налаживается, хотя и с большим трудом. По крайней мере, теперь более или менее известна наличность ряда вещей (см. табл. на стр. 542-543).

Само собой разумеется, что эта работа по упорядочению и по организации хозяйства крайне далека от совершенства. Во многих учреждениях царит безалаберщина и путаница. Слаженности аппарата еще далеко нет. Но костяк этого аппарата уже создан. Нашей задачей является двигать вперед эту работу по всем направлениям: и в смысле объединения всей хозяйственной деятельности страны, и в смысле общего плана хозяйствования, наибольшей централизации производства, его организованности, стройности аппарата управления и, наконец, в смысле правильного использования сырья и всех вообще материальных запасов страны.

Вот сравнительная табличка о заготовке топлива и сырья, которая одновременно показывает и некоторый прогресс в учете имеющихся ресурсов:

Название продукта	Количество	
	1918 г.	1919 г.
А. Заготовка топлива:		
1. Уголь Подмоск[овного] и Боровичск[ого] районов	ок[оло] 30 млн пуд.	около 30 млн пуд.
2. Дрова (заготовл[ено] и запасы)	4 млн куб. саж.	5 млн куб. саж.
3. Торф	58 млн пуд.	60 млн пуд.
4. Нефть	93 » »	ничего (Баку — у англичан)
Б. Заготовка сырья и запасы сырья на складах ВСНХ:		
1. Лен	неизвестно	5½ млн пуд.
2. Хлопок	—	6½ млн пуд. (считая с туркест[анским], который теперь идет)
3. Шерсть	—	2 млн пуд.
4. Пенька	—	2 » »
5. Металл	30 млн пуд.	40 млн пуд. (считая с уральским)*
6. Мех	?	?

* Данные взяты из материалов т. Милюткина. (Прим. автора.)

Из таблички видно, что кое-что приводится в порядок. Видно также, что главнейшее затруднение – потеря жидкого топлива (нефти).

§ 96. Расширение экономичес[кого] сотрудничества с другими странами. К вопросу об организации крупной промышленности принадлежит также и вопрос о наших сношениях с заграницей. Советская Россия окружена кольцом блокады, и это наносит ей огромный удар. Какое значение для нашей промышленности и нашего хозяйства вообще имеет перерыв экономических сношений с другими странами, видно из следующих цифр.

Привоз в Россию составлял:

Год	Жизненные припасы		Сырье и полуфабрикаты		Животные		Изделия		Всего	
	Тыс. руб.	%	Тыс. руб.	%	Тыс. руб.	%	Тыс. руб.	%	Тыс. руб.	%
1909	182 872	100,0	442 556	100,0	7 972	100,0	272 937	100,0	906 336*	100,0
1910	191 462	104,7	554 386	125,3	10 791	135,4	327 807	120,1	1 084 446	119,7
1911	206 909	113,1	553 143	125,0	10 997	137,9	390 633	143,1	1 161 682	128,2
1912	209 647	114,6	555 516	125,5	11 979	150,3	394 630	144,6	1 171 772	129,3
1913	273 898	130,1	667 989	150,9	17 615	221,0	450 532	165,1	1 374 034**	151,6

* Так в тексте. Правильно: 906 337.

** Так в тексте. Правильно: 1 410 034.

Больше всего ввозилось к нам изделий фабрично-заводской промышленности, причем за четыре года (с 1909 по 1913 г.) ввоз их увеличился на 65%. Ввоз сырья и полуобработанных материалов увеличился за то же время в полтора раза. Таким образом, значение ввоза быстро возрастало. Ввозились машины, аппараты, железные и стальные изделия, сельскохозяйственные машины, химические продукты, электрические принадлежности и прочие средства производства в первую голову. Но и средства потребления (ткани, кожаные изделия и т.д.) ввозились во всевозрастающем количестве.

Война оборвала все нити с Германией. А блокада Советской России прекратила всякие связи и с союзниками. По до в о е н н о м у счету мы получали товаров из-за границы почти на 1,5 млрд руб. Понятно теперь, какой ущерб наносит нам блокада.

Политика нашей партии должна поэтому быть направлена к тому, чтобы, поскольку это совместимо с нашими общими задачами, стремиться к возобновлению экономических сношений с другими государствами. В этом отношении лучшей гарантией, лучшей порукой могла бы послужить решительная победа над контрреволюцией.

Другая наша задача касается экономических взаимоотношений с теми странами, где пролетариат победил. Здесь наша задача состоит в том, чтобы не только завязать с этими странами экономические связи, но и выработать, по возможности, общий хозяйственный план. При победе пролетариата в Германии мы установили бы общий орган, который бы вел общую хозяйственную политику для обеих советских республик: он вычислял бы, какое количество продуктов немецкой пролетарской промышленности нужно перебросить в Советскую Россию, какое число квалифицированных (обученных)

рабочих нужно бросить, скажем, на паровозостроительные заводы России и, наоборот, какое количество сырья или ржи нужно перебросить в Германию. Мы уже знаем, что наиболее быстро Европа могла выйти из состояния разрухи при объединении стран. С капиталистической страной мы, разумеется, не можем сливаться. Наоборот, с советскими республиками мы можем и должны образовывать тесный хозяйственный союз, иметь общий хозяйственный план. Хозяйственная пролетарская централизация производства в международном масштабе – вот наша цель.

§ 97. Организация мелкой промышленности, ремесла и кустарничества. Мы видели, что одна из основных трудностей коммунистического строительства в России заключается в том, что Россия, в общем, страна мелкого хозяйства, как и все неразвитые, отсталые страны. Это касается главным образом сельского хозяйства. Но и в промышленности есть еще остаток старых отношений: кустари, ремесленники, мелкие промышленники составляют довольно значительную величину. По довоенному подсчету, насчитывалось по 34 губерниям около 1 700 000 хозяйств оседлых кустарей*.

По отдельным промыслам это количество распадалось таким образом:

I. Минералы	66,4 тыс.
(гончарно-посудный промысел, кирпично-черепичный, выделка жерновов, брусков, меди, извести)	
II. Дерево	467,9 «
(рогожно-мочальный; кадки, бочки, чаны; столярно-мебельный; лапти; сани, телеги; корзины, мебель плетеная; колеса, ободья; угольн[ый] и смоло-дег[ярный]; дерев[янно]-посуди[ый], ложки; судостроен[ие] и плотн[ичный] – всего 18 промыслов)	
III. Металлы	130,5 «
(кузнечно-гвоздарн[ый] промысел и производство топоров; слесарно-скоб[яной] и производство ножей; ювелирно-часовой; литье: оконн[ые] и дверные приборы; ведра и трубы)	
IV. Волокно	65,2 «
(ткачество; валяльный промысел; прядение, нитки; кружева; косынки; сети и веревки; сукно, ковры; шапки и фуражки; щетки и т.д. – всего 11 промыслов)	
V. Кожа	208,3 «
(сапожный; овчинно-скоряжный; кожевенный; шорный; шубно-рукавичный; производство гребней)	
VI. Разное	185,4 «
Портняжный	104,9 «
Разн[ые] произв[одства]	73,8 «
Иконопись	3,6 «
Гармонный пром[ысел]	3,1 «

За время войны количество кустарей уменьшилось по некоторым подсчетам до 1 000 000, несмотря на то что многие рабочие перешли на положение кустарей из-за промышленной разрухи. Это объясняется переселением и расселением кустарей в поисках хлебных мест. Вообще же по губерниям Вологодской, Новгородской и т.д., т.е. по голодным губерниям, мы имеем убыль на 20–25%; наоборот, в губерниях Курской, Орловской, Симбирской, Тамбовской – увеличение на 15–20%.

* Данные комиссии использования ВСНХ. (Прим. автора.)

Перед пролетарской властью стоит вопрос: каким образом включить эту массу мелких производителей в общую систему строящегося социалистического хозяйства?

Прежде всего, ясно, что здесь недопустима никакая насильственная экспроприация. Мелкого производителя нельзя гнать дубинкой в царство социализма. Но нужно сделать все возможное, чтобы облегчить ему этот переход и понимание необходимости и выгоды такого перехода. Этого можно достигнуть, если поставить кустаря в определенные условия. Какие? И каким путем?

Во-первых, путем включения кустарной промышленности в общегосударственный план снабжения сырьем и топливом. В самом деле, если кустарь получает необходимейшие для производства вещи (сырье и топливо) от государственной организации пролетариата, то он становится от нее в зависимость. Раньше, при капитализме, сырье часто давал кустарю скупщик или фабрикант. Кустарь становился в зависимость от него. Но само собой понятно, что этот скупщик или фабрикант «снабжал» кустаря с целью эксплуатации. Кустарь являлся ничем иным, как домашним рабочим, работающим на капиталиста. Совсем другое дело, когда кустарь становится в зависимость от пролетарского государства. Пролетарское, рабочее государство не хочет, не будет и не может эксплуатировать кустаря. Оно хочет лишь помочь ему организовать вместе со всеми остальными рабочими. Оно не будет из кустаря выколачивать прибыль (оно ни из кого не выколачивает прибыли), а будет стараться вовлечь кустаря и его организации в общую трудовую организацию промышленности. Кустарь, зависимый от фабриканта и скупщика, работает на фабриканта и скупщика. Он — их рабочий скот. Кустарь, зависимый от пролетарского государства, есть общественный работник. Итак, во-первых, необходимо включение кустарей в общий план снабжения.

Во-вторых, необходима финансовая государственная поддержка кустарей. Раньше, при капитализме, в денежном отношении поддерживал кустаря тот же скупщик-ростовщик. Но он поддерживал кустаря так, как веревка поддерживает повешенного. Он закабалял его самым варварским образом, чтобы, как паук, пить у него золотой сок. Пролетарское государство может помогать ему деньгами, выдавая их вперед за государственные заказы, без удержания каких-либо процентов, а тем более без какого бы то ни было ростовщичества.

В-третьих, само собой разумеется, что пролетарское государство должно централизованным путем давать заказы кустарям. Снабжая кустарей сырьем материалами, топливом, вспомогательными веществами, а по возможности и орудиями, государственная власть пролетариата дает им заказы по определенному плану и таким образом включает постепенно и кустарей в общий производственный план страны.

Таким образом, кустаря мало-помалу втягиваются в общее строящееся на социалистических началах производство не только потому, что их снабжают продуктами общественного производства, но и потому, что они работают непосредственно на пролетарское государство, и притом по тому плану, какой укажут органы пролетарского государства.

В-четвертых, необходимо вышеуказанным образом поддерживать кустарей под условием их объединения и отдавать предпочтение тем кустарям, которые объединяются и организуются в артели, трудовые товарищества, производительные кооперативы, а также — что еще более важно — которые объединяют и эти организации, переходя от частного мелкого к товарищескому крупному производству.

У каждого мелкого хозяйчика, и в том числе у кустаря, в глубине души копошится желание стать более крупным хозяйчиком, «поправиться», а затем открыть уже настоящее

«заведение» с наемными рабочими и т.д. Когда при капитализме росли артели, или товарищества, или кооперативы, то наиболее сильные из них «вырождались» действительно в капиталистические предприятия. Другое дело – в период пролетарской диктатуры. Здесь капитализму хода нет. Зато здесь государственная власть рабочих, которая организует всевозможные объединения и держит в своих руках финансовые средства, а главное – средства производства. Раньше было нелепо думать, что артели могут подвинуть нас к социализму: они, развиваясь, неизменно превращались в капиталистические товарищества. Теперь, когда мы имеем возможность втягивать их в рабочую общегосударственную организацию, все эти объединения могут помочь в деле строительства социализма. Не потому, чтобы сами кустари горели желанием иметь коммунизм (у них много, как у всех мелких хозяйчиков, предрассудков против коммунизма), а потому, что теперь новые условия таковы, что прежние пути заказаны: их нет.

Поощряя объединения кустарей, мы будем тем самым способствовать их безболезненному превращению в работников крупного объединенного, организованного, «машинизированного» общественного производства.

В этом отношении кое-что уже сделано. К зимнему сезону 1919–1920 гг., например, был дан ряд государственных заказов: на 2 млн пар валяных сапог, на 2 200 000 пар варежек, на ряд трикотажных изделий, на лапти, полушубки и т.п. Замечается улучшение в деловой постановке вопроса. В сезон 1918–1919 гг. было получено лишь 300 000 валяных сапог к 1 марта (!); в сезон 1919–1920 гг. уже к октябрю – ноябрю было получено полмиллиона валяных сапог.

Планомерно были розданы авансы; роздано сырье, керосин, горелки (освещенные), топливо. Организация в 1918–1919 гг. представлялась в таком виде: созываются совещания из представителей кооперативных организаций, а также союзов кустарей (Центросоюз, Центросекция, Москва, Кустарьсбыт и т.д.) с представителями кустарного отдела Выссовнархоза и устанавливают общий план. Кустарьсбыт (Центральный союз кооперативов по производству и сбыту кустарных и артельных товаров) является при этом самой крупной организацией кустарей, втянутой в общегосударственную работу. Он обнимает 29 союзов с 1306 кооперативами, в которых организовано 631 860 хозяйств кустарей. Снабжение идет через органы главков или через местные совнархозы.

Нужно заметить, что за время существования советской власти число объединений быстро возрастает.

Конечно, то, как именно организуются связи между различными частями экономического советского аппарата, – это еще не установилось окончательно; многое меняется здесь довольно быстро. Но нам нужно постоянно иметь в виду одно: упорядочение аппарата, стройность организации, планомерность всех действий.

§ 98. Организация промышленности и профессиональные союзы. Аппаратом, который в наибольшей степени был бы приспособлен к новым задачам по организации и управлению промышленностью, оказались в России профессиональные рабочие союзы. В капиталистическом строе профессиональные союзы, объединявшие рабочих сперва по профессиям (иногда даже по цехам), а потом по отдельным отраслям производства, были средством борьбы с капиталистами, в первую очередь, средством экономической борьбы. В бурное время они вместе с партией рабочего класса, большевиками руководили общим наступлением на капитал. Партия, союзы, Советы действовали дружно против капиталистического строя. После завоевания политической власти, естественно, должна была измениться и роль профессиональных союзов. Раньше они, например, проводили стачки против капиталистов. Теперь капиталистов не стало как господствующего класса, как хозяев, как предпринимателей. Раньше у профессиональных союзов была одна главная роль: разрушить тот строй, который

господствовал на фабрике. После октября 1917 г., естественно, наступило время и а л а д и т ь и о в ы й п о р я д о к.

Организация производства – вот основная задача профессиональных союзов в эпоху пролетарской диктатуры. Союзы за время своего существования успели сплотить громадные массы пролетариата. Они были самыми крупными и в то же время непосредственно связанными с производством пролетарскими организациями. В России они, кроме того, к моменту революции стояли целиком на точке зрения пролетарской диктатуры. Немудрено, что как раз к этим организациям и должно было перейти в действительности дело управления промышленностью, в том числе и важнейшей производительной силой – рабочей силой.

В каком отношении должны были оказаться профессиональные союзы по отношению к государственной власти пролетариата?

Вспомните, что делала буржуазия, чтобы достигнуть самого большого успеха. Она строила государственный капитализм, подтягивая к государственной власти все остальные свои организации, и в первую голову экономические (синдикаты, тресты, «союзы работодателей»). Пролетариат, который должен довести свою войну п р о т и в к а п и т а л а до успешного конца, должен точно так же ц е н т р а л и з о в а т ь с в о и о р г а н и з а ц и и. У него есть Советы рабочих депутатов – органы государственной власти; у него есть профессиональные союзы; у него есть кооперативы. Ясно, что они должны быть связаны и притянуты друг к другу так, чтобы работа их была слажена. Возникает вопрос: к какой же организации должны быть подтянуты остальные? Ответ нетруден. Нужно выбрать самую крупную, самую могущественную. А такой организацией является государственная организация рабочего класса, т.е. советская власть. Значит, и профессиональные союзы, и кооперативы должны развиваться по пути к п р е в р а щ е н и ю и х в э к о н о м и ч е с к и е о т д е л ы и о р г а н ы г о с у д а р с т в е н н о й в л а с т и, т.е. по пути своего «государствления».

Соглашательские партии, все время забывавшие о классовой борьбе, по отношению к профессиональным союзам в эпоху пролетарской диктатуры занимают точку зрения так называемой «независимости» профессионального движения. Союзы, – говорят эти господа, – суть классовые организации, и поэтому они должны быть независимы от государственной власти.

Нетрудно разглядеть тот о б м а н, который скрывается на этот раз под маской якобы «классовой» точки зрения. Нельзя п р о т и в о п о с т а в л я т ь «государство» «классовым организациям», ибо и государство есть тоже классовая организация. Когда меньшевики и проч. протестуют против связи с рабочим государством, они тем самым выражают свою неприязнь именно к р а б о ч е м у г о с у д а р с т в у, они стоят на стороне буржуазии. И как раз они же стоят за зависимость от б у р ж у а з н о г о г о с у д а р с т в а.

Часто они говорят о «казенных» союзах. Но теперь казна есть рабочая казна. Большевикам же хотелось бы, чтобы казна была всегда у буржуазии. Независимость от рабочей власти есть фактическая зависимость от буржуазии.

Новые задачи, ставшие перед профессиональными союзами, потребовали особенно быстрого превращения этих союзов в большие производственные союзы. Ведь ясно, что если на плечах профессиональных союзов лежит задача организации производства, то рабочие и должны объединяться по предприятиям и производствам, а не по цехам и ремеслам; другими словами, для новых задач необходима такая организация профессиональных союзов, когда все рабочие и служащие в предприятии объединены в один союз и когда в каждом предприятии только этот союз и существует. Раньше союзы строились так, что рабочие объединялись по мелким профессиям. Если замечалось потом стремление объединиться по

производствам, то и то была путаница: например, союз металлистов принимал членами не только товарищей, занятых в металлообрабатывающей промышленности, но и любого металлиста, хотя бы он и работал в совершенно далекой отрасли производства. Конечно, это совсем не подходит для дела организации производства, когда каждое предприятие и каждая отрасль есть живая организация; чтобы ее организовать, нужно к ней прилаживаться и самим организовываться соответствующим образом, т.е. по отраслям производства, объединяя всех работающих лиц.

В качестве примера слияний прежних узких профессиональных союзов в большие производственные союзы можно привести пример с петербургскими металлистами.

До слияния
(конец 1917 г., начало 1918 г.)

После слияния

- 1) Союз металлистов
- 2) « кочегаров
- 3) « литейщиков
- 4) « сварщиков и огнерезов
- 5) « модельщиков
- 6) « золотосеребряников
- 7) « часовщиков
- 8) « электриков
- 9) « машинистов
- 10) « браковщиков

1. Союз металлистов с секциями (составляет Отдел Всеросс[ийского] союза рабочих металлистов) объединяет только рабочих, занятых в металлообрабатывающей промышленности

Так на месте разьединенных и разбросанных по мелким профессиям союзов возникли большие централизованные производственные союзы. Задача нашей партии в этой области заключается в том, чтобы ускорять это объединение и способствовать созданию производственных союзов, которые бы охватывали поголовно всех трудящихся в соответствующей отрасли производства.

По предварительным данным статист[ического] отдела Всер[оссийского] центр[ального] совета проф[ессиональных] союзов, количество членов их представляется в таком виде:

Число членов проф[ессиональных] союзов в	I половину	1917 г.	равнялось	335 938
То же	II «	«	«	943 547
«	I «	1918 г.	«	1 649 278
«	II «	«	«	2 250 278
«	I «	1919 г.	«	2 825 018

В I половину 1919 г. 31 Всерос[сийский] союз объединял, без Цекпрофсожа (железнодорожный транспорт) и Цеквода (водный транспорт), 2 801 000 членов (остальные были объединены местными союзами). Если к ним прибавить 722 000 железнодорожного и около 200 000 членов союза водного транспорта, то общее число членов союзов будет равняться 3 700 000*; они же объединены 33 центральными комитетами; кроме того, есть еще много нецентрализованных союзов. Статистический отдел считает общую цифру органи-

* Так в тексте. Правильно: 3 723 000.

зованных (включая оккупированные губернии) в 4 млн человек. (Нужно иметь в виду, что рабочие остановившихся фабрик продолжают числиться за этими фабриками и состоять членами профсоюзов.)

По законам Советской республики и по установившейся практике профессиональные (производственные) союзы являются участниками всех местных и центральных органов управления промышленностью. Это значит, что и в комиссариатах, и в советах народного хозяйства, и в Высшем совете народного хозяйства, и в «главках» и «центрах», и в рабочих заводоуправлениях – словом, повсюду профессиональные союзы играют значительную, даже решающую роль.

Однако это овладение производством со стороны профессиональных союзов далеко еще не закончено. Есть много отраслей народного хозяйства, где рабочие еще не стали как следует у руля. В особенности это нужно сказать о «главках» и «центрах», где часто сияют бесконтрольно действующие буржуазные специалисты, которые не прочь построить по своим планам организацию хозяйства, надеясь на приход «старого, дорогого времени», когда они смогут быстро превратить «главки» в капиталистические тресты. Чтобы воспрепятствовать этому, необходима все большая и большая доля участия профессиональных союзов в деле управления промышленностью, вплоть до того, пока все народное хозяйство как единое целое не очутится фактически в руках производственных союзов снизу доверху.

Из низших органов управления промышленностью следует отметить особенно деятельность фабрично-заводских комитетов. Они фактически являются ячейками профессиональных союзов, подчиненных правлению соответствующего союза. Избираемые рабочими данной фабрики или завода эти [фабрично-заводские] комитеты заведуют распорядком внутри предприятия, поскольку он касается рабочей силы. Фабрично-заводские комитеты, следовательно, заведуют «наймом» и увольнением, следят за обеспечением семей и за выплатой жалованья, за нормой выработки, дисциплиной и проч. Они являются, кроме того, прекрасной первоначальной школой управления для широкой рабочей массы.

Таким образом, профессиональные (производственные) союзы должны обеспечивать теснейшую связь между центральными органами государственного управления, народным хозяйством и широкими массами трудящихся.

Вводить эти массы во все большем размере в работу по управлению хозяйственной жизнью – это первейшая и неотложнейшая задача производственных союзов. Опираясь на фабрично-заводские комитеты, объединяя почти всех трудящихся, производственные союзы должны поставлять все новых и новых работников по организации производства. Этому служит и обучение делу управления на непосредственной практике (в фабрично-заводских комитетах, в правлениях заводов, в совнархозах, главках и т.д.), и специальная просветительная работа, развиваемая союзами (инструкторские курсы и проч.).

Вовлечение широкой массы в дело строительства является также и лучшим средством борьбы с бюрократизмом в хозяйственном аппарате советской власти. Этот бюрократизм иногда достигает громадных размеров, в особенности там, где мало рабочих, но много «советских служащих». Лишняя бумажная волокита, канцелярщина, грубость, неряшливость, саботаж – этого очень много в хозяйственных организациях. Изгнать это можно только, поднимая низы рабочих. И только таким образом можно поставить действительно народный контроль над работой во всех наших хозяйственных учреждениях.

§ 99. Использование рабочей силы. Чрезвычайно важное значение для всего нашего будущего имеет правильное использование имеющейся у нас в наличии рабочей силы. Когда средства производства изношены, а сырья крайне мало, то рабочая сила есть основа всего производства, и от умелого ее применения зависит все. Тут перед нами выступают такие примерно задачи: использовать все силы; другими словами, использовать все трудоспособные элементы, найти для них работу, занять их. Нужно помнить: в наше голодное время каждый едок, не производящий никакой полезной работы, есть прямой балласт для общества. Таких великое множество. А между тем есть масса работ, которые могут производиться без особо сложных средств производства: таковы, например, работы по охране чистоты городов, по починке мостовых, шоссе, железных дорог, по расчистке путей, по укреплению отдельных мест, по чистке казарм и разного рода помещений; есть и ряд работ в области добычи сырья или топлива: рубка дров и их перевозка, добыча торфа и т.д. Правда, затруднений тут великое множество: могут быть люди и топоры, но нечем этих людей кормить — и рубка дров останавливается и т.д. Но тем не менее ясно, что только при использовании живой рабочей силы мы сможем выехать из тяжелой полосы.

В связи с этим стоит и вопрос о проведении поголовных мобилизаций для выполнения тех или других общественных работ. Во время спешных работ по укреплению прекрасно используют рабочие силы масс, которые обычно пропадают. Это дело нужно поставить систематически. Всеобщая трудовая повинность числится в Конституции РСФСР, а тем не менее в жизни она чрезвычайно далека от своего осуществления. Таков первый вопрос: применение всей суммы рабочих сил республики труда.

Второй вопрос — это вопрос о распределении и перераспределении рабочих сил. Совершенно ясно, что производительность труда будет зависеть от того, насколько целесообразно распределены эти силы между разными районами и между разными отраслями работы.

Это распределение рабочих сил и их переброска требует громадной работы по учету рабочих сил, если ставить ее действительно правильно и планомерно: не подсчитав, сколько у тебя есть средств, нельзя эти средства правильно распределять. Эту задачу советская власть может решить только при участии и через профессиональные союзы.

§ 100. Товарищеская трудовая дисциплина. Состояние производительных сил страны определяется не только тем, сколько в ней есть машин, орудий, сырья и т.д., но и рабочими силами страны. Теперь же, когда средств производства чрезвычайно мало, состояние рабочей силы и живой труд приобретают прямо первостепенное значение.

Капиталистический способ производства держал рабочий класс в узде, заставляя работать на хозяина и принуждая его к этому палочкой дисциплины.

Революция подорвала и разрушила эту дисциплину капиталистического труда до конца, так же как в армии она разрушила империалистскую дисциплину и уничтожила повиновение солдат царским генералам. Но понятно, что без новой дисциплины невозможно и мечтать о коммунистическом строительстве. И тут полное сходство с армией. Старую армию мы разрушили. Некоторое время была «анархия», беспорядок, ничего не было. Но мы построили новую армию, на новых началах, для новых целей — армию, которая находится в руках пролетариата и сражается против тех помещиков и капиталистов, которые распоряжались старой армией.

То же происходит и с «великой армией труда», с рабочим классом. Время разложения старой дисциплины прошло. Начинает налаживаться новая, товарищеская трудовая дисциплина, проводимая и поддерживаемая не хозяином и не капиталистической плетью, а самими рабочими организациями: фабрично-заводскими комитетами и профессиональными союзами.

При организации производства нужно иметь в виду и организацию труда на фабрике.

Поэтому товарищеская дисциплина труда есть одно из самых важных средств организации общего производства и подъема производительных сил.

Товарищеская дисциплина должна сопровождаться величайшей самодетельностью рабочего класса. Это не значит, что рабочие должны ждать приказов сверху и никогда не проявлять инициативы и почину; наоборот, всякое улучшение в производстве, всякое изобретение новых способов организации труда и т.д. должно прокладывать себе дорогу. Часто отсталые слои рабочих не видят путей, по которым нужно направить эту работу. А между тем такие пути есть. Рабочие объединены в союзы, и эти союзы правят производством; у рабочих на глазах каждый день и фабрично-заводский комитет, и рабочее заводууправление. Все что угодно можно провести снизу вверх через рабочие организации, если только быть немножко более подвижным, не робеть, а чувствовать, что рабочий класс теперь – хозяин жизни.

Трудовая дисциплина должна опираться на чувство и сознание ответственности каждого работающего перед своим классом, на сознание того, что небрежность и расхлябанность есть преступление по отношению к общему делу всех рабочих. Капиталистов у нас теперь нет как правящей касты. Рабочие работают сейчас не на капиталиста, не на ростовщика, не на банкира, а на самих себя. Они делают свое собственное дело; они строят здание, которое принадлежит трудящимся. Раньше, при господстве капиталистов, не наша задача была думать о том, как лучше набивать их кошельки. Сейчас – другое дело. И вот это сознание ответственности перед всем рабочим классом должно жить в душе каждого рабочего.

Трудовая дисциплина должна, наконец, опираться на строжайший взаимный контроль. Зная, что понижение производительности труда – гибель для всего рабочего дела, что без движения вперед мы умрем, все товарищи должны хозяйским глазом смотреть за общим делом высасывания из природы животворящей энергии. Ведь труд – это тоже борьба, борьба с природой. Нам эту природу нужно победить, переработать ее куски в платье, одежду, топливо, хлеб. И как на фронте борьбы с классовым врагом – капиталистом, помещиком, генералом – мы мерим наши успехи, следим за теми, кто бежит, изменяет, предает, точно так же мы должны взаимно контролировать друг друга. Тот изменяет рабочему делу, кто сейчас не помогает вывезти из трясины нашу рабочую телегу, тот штрейкбрехер рабочего дела.

Разумеется, дело создания новой дисциплины труда требует упорной работы по перевоспитанию масс. Ведь рабская психология, рабские привычки сидят еще в очень многих. Как и в армии: царь гнал – шли; а свое дело защищать – чешут затылки. Однако армию мы создали, потому что передовой слой рабочих прекрасно понимал, в чем дело, и добился своего. Теперь того же нужно добиться в производстве. Дело перевоспитания облегчается тем, что рабочие массы сами видят и на каждодневном опыте убеждаются, что их судьба – в их собственных руках. В особенности учатся они там, где после советской власти временно появлялась власть контрреволюции: так было на Урале, в Сибири и т.д.

Передовые рабочие-коммунисты дали образец новой, товарищеской дисциплины устройством так называемых коммунистических субботников, когда они добровольно и бесплатно работали, повышая производительность труда в несколько раз против обычной.

Субботники были товарищем Лениным названы «великим почином». Первыми, кто их организовал, были московские железнодорожники-коммунисты, причем в самом же начале обнаружилось резкое повышение производительности. На Александр[овской] ж.д. пять токарей в четыре

часа сделали 80 валиков (213% обычной производительности); двадцать чернорабочих собрали в течение того же времени 600 пудов старого материала и 70 вагонных рессор, по $3\frac{1}{2}$ пуда каждая (300% производ[ительности]). С этого началось. Затем субботники перекинулись на Питер, где сразу были организованы на широкий манер. Вот цифры:

Число работников				В переводе на деньги сработано за 5 дней
I	субботник	(16 авг.)	5 175	
II	«	(23 авг.)	7 650	1 167 188 руб.
III	«	(30 авг.)	7 900	
IV	«	(6 сент.)	10 250	
V	«	(13 сент.)	10 500	

Затем субботники перекинулись на провинцию и стали захватывать также и беспартийную массу. Почин московских железнодорожников оказался действительно великим, потому что они нащупали правильную тропинку по пути к новой дисциплине.

Создание новой трудовой дисциплины, конечно, невозможно без участия профессиональных союзов. Более того. Именно профессиональные союзы и должны двигать это дело вперед, пробуя новые формы, ища новых путей: ибо все это дело новое и необычное, и тут со старым далеко не уедешь.

Из мер, которые уже применяются и которые нужно всячески развивать и усовершенствовать, наша партия указывает следующие:

1) установление отчетности; у нас еще чрезвычайно слабо поставлено это дело; а между тем без этой отчетности нельзя ни организовать чего бы то ни было, ни произвести обследования, ни проконтролировать, ни увидеть корень зла;

2) установление норм выработки; это дело пока что тоже в самом начале своего развития. Капиталисты в своих предприятиях устанавливали норму выработки, чтобы гнать из рабочих прибавочную ценность; эти нормы устанавливались хозяйскими организациями; у нас нормы выработки устанавливаются и должны быть развиты профессиональными союзами, т.е. рабочими организациями. Рабочие организации сами вычисляют возможности выработки, считаясь с холодом, и с голодом, и с отсутствием материалов, и с плохим состоянием машин. Но раз нормы установлены, плох тот, кто их не выработывает. Мы должны создать профессиональную трудовую честь, когда каждый рабочий будет смотреть на того, кто без серьезной причины не внес своей лепты в общее дело, как на бесчестного лодыря;

3) установление ответственности перед товарищескими трудовыми судами. Это значит, что за каждым будет не только товарищеский контроль, но каждого можно будет за плохую работу потянуть к ответу. И опять-таки здесь не хозяин тянет к ответу своего наемного раба, а рабочий класс и его организации тянут к ответу отдельных своих членов.

Можно придумать еще целый ряд мер. Но все они клонятся к одному и тому же: построить в боевые ряды армию труда, которая прокладывает путь новому обществу.

§ 101. Использование буржуазных специалистов. Современное крупное производство невозможно без инженеров, механиков, ученых специалистов, исследователей и практиков. Из рабочей среды таких почти нет: ни помещичье-царское, ни буржуазное правительство не давали рабочим возможности учиться. А дело вовсе не ждет, и у нас есть только один выход: использовать ту силу, которая не за страх, а за совесть служила буржуазии. Партия отлично знает, что этот слой технической интеллигенции, а также бывших директоров и капиталистических организаторов насквозь пропитан буржуаз-

ным духом. Более того. Порядочная часть этого слоя весьма враждебна нам и способна предать нас нашим классовым противникам. И все-таки мы должны брать их к себе на службу. Ибо других нет и нет выбора.

Этот слой вел против пролетариата бешеную борьбу, прежде всего саботажем. Саботаж этот советская власть сломала. Мало-помалу, по частям, кое-какие группы стали переходить на нашу сторону, увидев, что рабочий класс не только ломает, но и строит, что его партия вовсе не собирается предавать Россию германскому империализму; кое-кто начинает соображать, что действительно капитализму как будто бы больше не жить на белом свете. Начался раскол среди этих слоев. Задача пролетариата – этот раскол усиливать и усиливать. Конечно, от всех «специалистов» ни верности, ни преданности коммунизму ожидать нечего. Было бы глупо надеяться, что эти люди, тысячами нитей связанные с буржуазией, перевоспитаются в короткий срок. Но здесь пролетариат должен поступать как расчетливый хозяин: они ему нужны, и он должен их **з а с т а в и т ь** р а б о т а т ь для себя.

Здесь приходится действовать так: всякое поощрение тем, кто честно работает, не скупиться на их оплату – это диктует хозяйственный расчет. Но за контрреволюцию, за борьбу против пролетариата, за изменническую политику, за саботаж – беспощадная расправа. Пролетариат должен ценить и умеет ценить настоящих честных работников. Но он не может допустить, чтобы ему вредили, в особенности теперь, когда приходится переносить и муки голода, и тысячи других лишений.

Понятно, что нужен строгий **к о н т р о л ь**, в особенности за «спецами» из бывших директоров и крупных капиталистических шишек. Они не раз пытались гнуть исподтишка свою линию. Но тут нужны те же меры, что и в борьбе с изменами бывших офицеров и генералов на фронте.

С другой стороны, партия будет бороться и с теми неправильными, чересчур уж простыми взглядами, которые состоят в том, что мы вообще без всяких «спецов» обойдемся. Это срунда. Так говорят только весьма самонадеянные, но невежественные люди, которые серьезно никогда не думали о тех задачах, которые лежат сейчас на плечах пролетариата.

Пролетариат должен поставить настоящее современное производство по последнему слову науки. К этому он должен стремиться. Он, конечно, будет создавать, готовить (и уже готовит) **с в о и х**, красных инженеров и механиков точно так же, как он готовит красных командиров. Но время не ждет, и ему приходится здесь пользоваться тем, что есть, принимая свои меры против могущего произойти вреда, предупреждая этот вред, организуя контроль над работой тех, кто нам чужд.

Тут возникает еще один вопрос, а именно вопрос об оплате. Коммунизм стремится к **р а в е н с т в у о п л а т**. Но мы, к сожалению, не можем скакнуть сразу к коммунизму. Мы делаем к нему еще только первые шаги. И здесь нами должен руководить опять-таки **п р о с т о й р а с ч е т**.

Если бы мы «спецов» перевели на жалованье чернорабочих, им все равно было бы, что быть чернорабочими, что инженерами, что курьерами или посыльными. **З а с т а в и т ь** хорошо работать этих людей, привыкших к иной жизни, на таких условиях было бы неразумно. Им лучше дать больше, лишь бы только добиться результата. Тут пролетариат должен поступить, как хозяин со смекалкой: лучше оплатить, но получать хорошую работу этих людей, без которых сейчас, теперь, в **д а н н у ю** минуту, не обойтись.

Понятное дело, однако, что наша основная политика заключается в том, чтобы стремиться к равной оплате. И в этом смысле советской властью сделано довольно много. Прежде каста высших служащих (директоров, главных бухгалтеров, крупных инженеров-организаторов, научных консультантов-советчиков и т.д.) вместе с разными наградами превосходила плату чернорабочих в несколько десятков раз; теперь она

превосходит только раз в четыре. Значит, при всем том, что говорилось выше, мы сократили разницу в положении этих слоев на громадную величину. Уравнение происходит и между различными категориями рабочих.

По данным т. Шмидта, в 1914 г. 4,43% рабочих получало ежедневно плату до 50 коп., но были и рабочие, в то же время получавшие свыше 10 руб. (0,04%). Здесь, следовательно, разни-ца в жалование была такая, что низшие категории получали в двадцать раз меньше высших. Конечно, счастливых, получавших по 10 руб. в 1914 г., было крайне мало, но все же они были. В 1916 г. рабочих мужчин, получавших до 50 коп., было 0,5%, а рабочих, зарабатывавших больше 10 руб., — 1,15%.

Теперь, по осеннему декрету 1919 г., низшие ставки были — 1200 руб., высшие ставки — 4300 руб., причем последние ставки касаются и «спецов».

Отрыв некоторых групп технической интеллигенции от буржуазии и переход ее на сторону пролетариата будет происходить тем скорее, чем прочнее будет советская власть. А так как укрепление советской власти будет неизбежно происходить, то и прилив интеллигенции тоже неизбежен. Само собой понятно, что было бы нелепо отталкивать их. Наоборот. Мы должны ставить их на нашу работу в обстановку товарищеского сотрудничества, чтобы они пообтерлись в нашей среде, чтобы они на общей совместной работе перерабатывались бы в наших людей. У них есть масса предрассудков, преубеждений, нелепостей. Но они могут и будут, при определенных условиях, срабатывать с нами. Уже и сейчас они понемногу начинают втягиваться через производственные союзы в нашу работу, привыкать к новому положению и осваиваться с ним, и здесь наша задача — им помочь и пойти навстречу тем элементам, которые сами понемногу приближаются к нам. В производственных союзах, через них, в общей организационной работе могут вновь сблизиться разединенные капитализмом работники умственного и физического труда.

§ 102. Слияние производства с наукой. Развитие производительных сил требует слияния производства с наукой. Крупнокапиталистическое производство и то применяло науку к производству в самом крупном размере. Американские и немецкие заводы имели при себе специальные лаборатории: там целыми днями сидели, изобретали новые способы, новые аппараты и т.д. Все это делалось для прибыли частных капиталистов. Теперь мы должны поставить это дело на организованную ногу и для всего трудового общества. Прежние изобретатели вырабатывали секреты; они шли в карман предпринимателя и набивали ему кошельки; теперь у нас одно предприятие не скрывает от других изобретений, а распространяет их на все предприятие.

Советская власть приняла целый ряд мер в этом отношении; создан целый ряд научных учреждений, технических и экономических, организованы разного рода лаборатории, испытательные станции; предпринят ряд ученых экспедиций и обследований (между прочим, были открыты залежи сланцев и нефти; открыт способ выделки сахара из опилок и т.д.); приведены в известность имеющиеся в Республике научные силы и поставлены на работу.

У нас не хватает многого, самого необходимого для этого дела, начиная от топлива и кончая тонкими научными инструментами. Но нам нужно ясно сознать всю необходимость такой работы и всемерно поддерживать дальнейшее развитие науки с техникой и с организацией производства. Коммунизм есть правильно, разумно, а следовательно, и научно поставленное производство. Мы поэтому будем добиваться всеми путями того, чтобы эту задачу научно поставленного производства решить.

Литература к главе XII: Осинский Н. Строительство социализма; Милютин В. П. Экономическое развитие и диктатура пролетариата; Он же — статьи в «Народном хозяйстве» за 1919 г.

Протоколы 8-го съезда партии (прения по программе); Разложение капитализма и строительство коммунизма; Степанов И. От рабочего контроля к рабочему управлению; Труды I и II Всероссийских съездов совнархозов; Цыперович. Синдикаты и тресты; Томский И. Очерки профессио[нального] движения в России; в журнале «Коммунист[ический] Интернационал»; Труды съездов проф[ессиональных] союзов; статьи в «Вестнике металлиста»; Гольцман Я. Нормирование труда; Ленин Н. Великий почин.

Глава XIII Организация сельского хозяйства

§ 103. Земельные отношения в России до революции. § 104. Земельные отношения после революции. § 105. Почему будущее принадлежит крупному социалистическому хозяйству? § 106. Советское хозяйство. § 107. Городское земельное хозяйство. § 108. Коммуна и артели. § 109. Общественная обработка земли. § 110. Сельскохозяйственная кооперация. § 111. Государственный засев пустующих земель, мобилизация агрономических сил, прокатные пункты, мелиорация, переселение. § 112. Помощь крестьянскому хозяйству. § 113. Соединение промышленности с земледелием. § 114. Тактика коммунистической партии по отношению к крестьянству.

§ 103. Земельные отношения в России до революции. Еще до революции наше сельское хозяйство было преимущественно крестьянским хозяйством. После октябрьского переворота, после ликвидации помещичьего землевладения наше сельское хозяйство сделалось почти исключительно крестьянским и почти исключительно мелким хозяйством. При таких условиях коммунистической партии приходится преодолевать совершенно невероятные трудности в деле борьбы за крупное коллективное хозяйство. Но борьба эта началась и даже в самый трудный период, в самом своем начале, дает уже некоторые результаты.

Чтобы эта обстановка и те условия, в которых коммунистам приходится осуществлять свою программу в русской деревне, были ясны, необходимо привести несколько данных о нашем сельском хозяйстве до революции и о тех изменениях, которые внесла революция.

До революции земельные владения Европейской России распределялись так:

казенных	земель	138 086 168 десятин
надельных крестьянских	«	138 767 587 »
частных лиц и учреждений	«	118 338 688 »

Почти все казенные земли – или под лесом, или вообще непригодны для земледелия в их теперешнем состоянии. Что же касается земель частных лиц и учреждений, то они распались таким образом:

Частновладельческих главным образом:

помещичьих	земель	101 735 343 десятин
удельных	«	7 843 115 »
церковных	«	1 871 858 »
монастырских	«	733 777 »
городских	«	2 042 570 »
войсковых казачьих	«	3 459 240 »
прочих	«	646 885 »

Что касается наделной земли, то она распределялась, согласно статистике 1905 г., между 12 277 355 дворами, т.е. на каждый двор приходилось 11,37 десят[ин]. Однако эта средняя цифра скрадывает малоземелье большинства крестьян центральных губерний за счет больших (но неудобных для пахоты) земельных наделов окраин. В действительности бывшие помещичьи крестьяне, составляющие большинство нашего крестьянства, имели средний надел на двор 6,7 десятин. В некоторых губерниях и уездах эта цифра спускалась ниже еще вдвое. К 1916 г. число крестьянских дворов превысило 15 млн (15 492 202), размеры же крестьянского землепользования возросли очень мало. Малоземелье еще больше увеличилось.

Ввиду того что казенные земли лишь в ничтожной части годны для обработки, крестьянство могло увеличить свое землепользование за счет упомянутой выше группы «частных лиц и учреждений».

Из частных лиц в первую голову должны были лишиться земли помещики, имевшие 53 169 008 десятин, купцы и богатые крестьяне, а также общества и товарищества буржуазно-кулацкого типа. Всего у частных владельцев, имевших свыше 20 десятин, находилось в собственности 82 841 413 десятин. У товариществ было 15 778 677 десятин. Сюда-то и должен был в первую голову направиться удар крестьянской революции. Что же касается учреждений, то здесь могли в первую голову отойти крестьянам земли церковные, монастырские и частью удельные.

§ 104. Земельные отношения после революции. Частное землевладение, преимущественно помещичье, было перед революцией задолжено в огромной сумме. Заложено было свыше 60 млн десятин на сумму 3 497 894 600 руб. Иными словами, настоящими хозяевами помещичьей земли были банки русские и иностранные. Этим надо объяснить то обстоятельство, что различные соглашательские партии, с эсерами во главе, так громко кричали о безвозмездной передаче крестьянам всех земель и так трусливо пятились назад и откладывали конфискацию, когда надо было провести ее на деле. Лишь партия коммунистов-большевиков, не имеющая с капиталом никаких других точек соприкосновения, кроме смертельной войны, только она одна в противоположность соглашателям могла поддержать до конца крестьянскую революцию, направленную против помещика. Эта революция получила свое законодательное выражение в Декрете о земле, принятом 2-м съездом Советов и внесенном партией коммунистов.

По этому декрету и основному земельному закону, принятому на 3-м съезде, частная собственность на землю объявлена уничтоженной; вся земля Республики поступает в распоряжение всех, кто желает обрабатывать ее собственным трудом (пользование землей не ограничивается ни национальностью, ни подданством). Земля распределяется равномерно по наличным душам в размерах, не превышающих трудовой нормы. В дальнейшем, по положению о социалистическом землеустройстве, все земли Республики были объявлены собственностью всего рабоче-крестьянского государства, которому принадлежит высшее право распоряжения землей.

В результате земельной революции, закрепленной законодательством, земельные отношения в России пережили полный переворот и до сих пор еще продолжают испытывать ряд изменений.

Прежде всего, совершенно уничтоженным оказалось на протяжении всей Великой России помещичье и все вообще крупное и среднее землевладение. Кулацкое землевладение выровнено со среднекрестьянским.

С другой стороны, землепользование бедноты и самого малоземельного крестьянства, нажившего к тому же скот и инвентарь от кулачества и от разгрома имений, увеличилось до средней нормы душевого надела.

Что же касается выравнивания земельных наделов по волостям, уездам и губерниям, то оно еще далеко не закончено и еще долго не может быть закончено.

В настоящее время невозможно еще подвести итоги революции в земельных отношениях, но в общем и целом дело обстоит так. Почти вся пахотная земля крупного и среднего частного землевладения перешла в пользование крестьян.

Помещичьи земли запаханы. Советской власти удалось сохранить в своих руках лишь около 2 млн десятин земли советских хозяйств. Крестьяне запахали также часть городских земель. К ним перешли все церковные, монастырские и частью удельные земли. Вообще в распоряжение крестьянства перешло около 40 млн десятин одной частновладельческой земли.

В распоряжении Советского государства кроме площади советских имений и земель сахарных заводов остались бывшие казенные земли почти целиком, а также национализированные леса частных землевладельцев.

Таким образом, Российской коммунистической партии приходится бороться за социализм в земледелии в самых неблагоприятных условиях. Подавляющая часть земельной площади, находящейся в фактическом распоряжении государства, негодна для обработки. Подавляющая же часть годной для обработки земли в стране находится в распоряжении мелкого самостоятельного крестьянского хозяйства.

Но как бы ни были неблагоприятны условия для социализации сельского хозяйства в России, какое бы упорное сопротивление ни оказывало мелкобуржуазное хозяйство, а в крестьянской России будущее принадлежит лишь крупному социалистическому хозяйству.

§ 105. Почему будущее принадлежит крупному социалистическому хозяйству? Крупное капиталистическое хозяйство побивало мелкое ремесленное и крестьянское хозяйство, причем, правда, в промышленности побивало быстрее и заметнее, чем в земледелии. Коммунистическое хозяйство выгоднее, производительнее капиталистического, тем более выгоднее оно мелкого крестьянского. Если фунт тяжелее золотника, а пуд тяжелее фунта, тем более пуд тяжелее золотника.

Необходимо теперь все это доказать самым наглядным образом.

Прежде всего, при социалистическом сельском хозяйстве вся земля Республики должна быть разграничена так, чтобы в каждом районе, округе, поле и т.д., смотря по качеству и свойствам земли, засеивались те зерновые хлеба, овощи, травы и технические растения (лен, конопля, свекловица, подсолнухи и т.д.), которые по свойству почвы здесь выгоднее всего сеять. Устанавливать это должна агрономическая наука. При нашем же крестьянском хозяйстве часто делается наоборот: сеют хлеб и получают плохой урожай там, где мог бы прекрасно родиться лен, и сеют рожь, где может родиться пшеница, или же поступают еще чаще наоборот. Благодаря проведению общего научного плана в распланировке всей земельной площади уже поднимется производительность земли, если бы во всем остальном дело шло по-старому*.

Лишь при среднем и крупном хозяйстве (и легче при крупном, чем при среднем) можно ввести многопольную систему хозяйства. При плодосменной системе получается огромный выигрыш в земельной площади. Между тем у нашего крестьянина с его трехпольем почти треть земли ежегодно пустует... Вести же правильную плодосменную систему и многополье крестьянину почти невозможно в том случае, когда он хуторянин (земли мало), и тем более тогда, когда в общине земля делится на полосы.

При крупном хозяйстве не пропадает зря земля ни на отрезках, ни на межах. Наоборот, у нашего крестьянина по всей России сотни тысяч десятин уходят на одни межи... По моему подсчету, на одних межах наш крестьянин теряет ежегодно от 60 до 80 млн пудов хлеба.

Главный источник, поддерживающий плодородность почвы, — удобрение. Крупное хозяйство в состоянии держать больше рогатого скота (имея возможность обойтись и

* Так в тексте.

меньшим количеством лошадей), следовательно, в состоянии иметь больше навозного удобрения. Крупному хозяйству выгоднее приобретать искусственное удобрение или же самостоятельно вырабатывать некоторые его виды, что мало доступно мелкому.

Труднее всего своевременная, глубокая и по возможности дешевая (т.е. требующая наименьшей затраты труда) пахота. Здесь мелкий хозяйчик перед крупным социалистическим (и даже перед крупным капиталистическим) хозяйством настоящий карлик. Самая дешевая, быстрая и глубокая пахота получается при работе трактором. По мелким крестьянским полоскам трактором работать нельзя. Да и отдельным трактором работать менее выгодно, чем тракторными отрядами в 8–10 тракторов сразу.

Так же обстоит дело с другими наиболее крупными, следовательно, наиболее сберегающими труд машинами. Паровая молотилка и паровая жнейка применимы лишь в крупном хозяйстве.

Наконец, наиболее полное использование инвентаря возможно также только в крупном хозяйстве.

Например, полностью используются:

- конный плуг — при 21 десятине пашни;
- рядовые сеялки, жнеи, молотилки — при 63 десятинах пашни;
- паровые молотилки — при 225 десятинах;
- паровой плуг — при 900 десятинах.

А между тем одно только применение парового плуга и трактора повышает урожайность почвы при прочих равных условиях на одну треть.

Если хозяйство вынуждено обходиться конской силой, то и здесь преимущество крупного хозяйства налицо, потому что в крупном хозяйстве каждая отдельная лошадь обслуживает большое количество десятин. Вычислено, что в крупных хозяйствах требуется от двух до трех раз меньше лошадей для обработки той же площади.

Только в крупном хозяйстве применимо электричество. Далее, вместо 100 плохоньких стойл — одни большие стойла и конюшни, вместо 100 плохоньких кухонь — одна большая и т.д.

Наиболее выгодное стойловое скотоводство возможно лишь при крупном хозяйстве.

Но самая важная экономия — это экономия в рабочей силе, это возможность для человечества вдвое и втрое сократить рабочее время земледельца, не только не понижая, а, наоборот, повышая производительность земли в три-четыре раза. Вот пример.

По последней переписи 1916 г., всей посевной площади в России насчитывалось 71 430 800 десятин. Если мы предположим, что вся эта площадь вспахивается один раз в год (на деле это неверно, как знает каждый сельский хозяин), то для вспашки этой площади крестьянству приходится мобилизовать всю свою рабочую силу, т.е. до 20 млн человек и весь рабочий скот. Чтобы обработать эту землю тракторами (трактор пашет 8–10 десятин в день, при непрерывной работе несравненно больше), достаточно миллиона рабочих рук.

Экономия в двадцать раз!*

Если вместо 100 обедов в каждой отдельной кухне будет один большой общий обед в общественной сельской кухне, 90 стряпок из ста окажутся лишними и могут быть заняты на более полезных работах, облегчая труд другим...

Задача коммунистической партии состоит поэтому в том, чтобы всеми силами бороться за наиболее совершенное, т.е. за коммунистическое хозяйство в земледелии, ко-

* Правда, кроме рабочих на тракторах, надо учесть рабочую силу мастеров в тракторных мастерских, рабочую силу, потраченную на изготовление тракторов, на нефть и т.д., и все это разложить на десятину. Тогда выгода от тракторной работы представится меньше, но все же останется огромной. (Прим. автора.)

торое в состоянии освободить деревни от варварской растраты сил по карликовым хозяйствам, от варварского истощения почвы, от варварского азиатского скотоводства и, наконец, от варварской домашней кухни.

Какими же путями предполагает идти коммунистическая партия для достижения этой великой цели? Путей несколько. Начнем с самого скорого.

§ 106. Советское хозяйство. Во время захвата помещичьих земель крестьянами в 1917 г. много культурных имений, в которых велось образцовое хозяйство, был подорван породистый скот и имелись сложные сельскохозяйственные машины, было разгромлено. Но часть имений, охрану которых вовремя догадались взять на себя Советы, удалось спасти. Эти имения, взятые на учет Советами, получили название советских хозяйств. Кроме того, в советские хозяйства вошли земли имений, которые не могли быть разделены целиком между крестьянами, поскольку последние уже имели наделы по норме всех советских хозяйств.

Советские хозяйства – это единственно возможный источник создания крупного образцового социалистического хозяйства со всеми его преимуществами. Только через советские хозяйства мы в состоянии на деле показать крестьянам все преимущества крупного коллективного земледелия.

На них мы в состоянии ввести правильный севооборот и доказать на опыте все недостатки трехполья.

На них мы в состоянии пустить в ход все сельскохозяйственные машины, вплоть до самых сложных.

Советские хозяйства – единственные пункты, где сохраняется от уничтожения и размножается породистый скот. Только через случайные пункты совхозов мы в состоянии улучшать постепенно породу скота окрестного крестьянского населения.

При советских хозяйствах легче всего устроить показательные поля для крестьян, а также улучшать семена путем их сортировки. Уже теперь сортировочные машины отбирают улучшенные семена не только из зерна самих совхозов, но и сортируют зерно для окрестного населения.

При советских хозяйствах организуются сельскохозяйственные школы, лекции по агрономии, намечаются сельскохозяйственные выставки и т.д.

В совхозах создаются мастерские по ремонту орудий сначала для собственного хозяйства, а затем для обслуживания окружающих деревень.

Задача коммунистической партии состоит в том, чтобы, где только возможно, увеличить число совхозов и размер их земельной площади (по возможности не задевая интересов крестьянского хозяйства). Постепенно собрать в них весь наиболее ценный племенной скот Республики. Организовать при них на наиболее совершенных началах техническую переработку продуктов земледелия. Уничтожить бюрократизм и бесхозяйственное ведение дела, поскольку некоторые совхозы превратились в монастыри для помещиков и занимаются лишь самоснабжением своих служащих и рабочих, ничего не давая Советскому государству. Подобрать штат квалифицированных рабочих, способных создать не только рабочий контроль, но и постепенно перейти к рабочему управлению имениями, заинтересовать окрестное крестьянское население в совхозах, привлечь его к обсуждению хозяйственных планов совхоза и заставить смотреть на совхозы как на дело всего трудового населения страны. Число советских хозяйств к осени 1919 г. было 3536, удобной земли (без леса) имелось под ними 2170 тыс. десятин.

§ 107. Городское земельное хозяйство. При ужасающем продовольственном кризисе, который является естественным следствием войны и революции, огромное значение для спасения городского пролетариата от вымирания имеет правильно поставленное земельное хозяйство городов. Это хозяйство начинает налаживаться, и ему принадлежит огромное будущее. Ближайшей задачей муниципального сельского хозяйства является

обеспечение каждого города достаточной площадью земли для хорошо поставленного крупного хозяйства. До революции городам у нас принадлежало более 2 млн десятин земли. Большинство этой земли, находящейся под постройками, выгонами, парками, огородами, до сих пор остается в собственности городов. Но часть пахотной площади отошла к крестьянам и теперь потеряна. Необходимо вернуть эту площадь городам, — более того, необходимо провести экспроприацию всех земель вокруг городов, поскольку это будет необходимо для правильного и широкого хозяйства.

В некоторых городах уже в 1919 г. земельные отделы Советов успели взять в свои руки огородное дело и получить количество овощей, достаточное для прокормления всего рабочего населения города на год. По этому пути необходимо идти дальше. Необходимо, чтобы каждый город имел под обработкой столько огородной земли, сколько нужно для удовлетворения овощами всего городского населения. Необходимо, чтобы каждый город имел большую ферму, обеспечивающую молоком, по крайней мере, всех больных и детей, а следовательно, и имел необходимую площадь для посева кормовых трав. При хорошо поставленном городском земельном хозяйстве можно, далее, обеспечить рабочих не только картофелем и капустой, но и крупой (гречиха, просо). Можно содержать на свои ресурсы всех городских лошадей, благодаря чему легче провести национализацию извозного промысла. За исключением столиц, вышеприведенная программа (поскольку она не задается утопической целью снабдить и хлебом все городское население) может быть практически осуществлена для всех городов Республики в течение ближайшего же года, как показал опыт.

Но городские совхозы имеют огромное значение еще в двух отношениях. Во-первых, для наиболее полного использования колоссального количества удобрения, доставляемого городом в виде нечистот, отходов и экскрементов. Это удобрение в значительной части теперь пропадает зря. Во-вторых, для соединения промышленности с земледелием. Определенная часть городского населения в ближайшие годы может принять участие в земледельческих работах без ущерба для промышленности лишь на территории крупного городского земельного хозяйства.

Советские хозяйства и городские земельные хозяйства должны сыграть не только роль показательных хозяйств, но и самым решительным образом повлиять на смягчение продовольственного кризиса. Опыт показал, что в наиболее острый момент перед реализацией нового урожая, когда крестьяне еще не начали или только начинают молотить хлеб, советские хозяйства выводили продовольственные органы из критического положения. Первый хлеб нового урожая получался в 1918 и 1919 гг. из советских хозяйств. Эта роль совхозов в будущем должна еще более увеличиться. При использовании всей площади совхозов Советская республика в состоянии получить с них около половины всего хлеба, необходимого для продовольствия городских рабочих и служащих, и тем в значительной мере может ослабить свою зависимость от крестьянского хозяйства.

§ 108. Коммуна и артели. Советские хозяйства могут в дальнейшем расти лишь за счет тех земель, которые сейчас пустуют на окраинах, или за счет тех казенных земель, которые путем мелиорации (т.е. улучшений, расчисток, осушений и т.д.) могут быть пущены под обработку. Что же касается всего нашего сельского хозяйства, то это хозяйство может превратиться в социалистическое лишь тогда, когда по пути социализации тронется крестьянское земледелие. На советских хозяйствах крестьянство будет учиться выгодам крупного коллективного хозяйства. Осуществить же эти выгоды для себя оно может лишь путем объединения в коммуны и артели. В капиталистическом обществе переход от мелкого крестьянского хозяйства к крупному совершался обычно через разорение и пролетаризацию мелкого собственника. В социалистическом обществе крупное общественное хозяйство может возникнуть из мелкого, прежде всего, путем объединения многих мелких хозяйств.

Среди крестьян слово «артель» и «коммуна» часто имеет одно и то же значение. Многие коммуны называются артелями, потому что крестьянин не любит слово «коммуна» и боится его употреблять даже тогда, когда вынужден коммуны строить на практике. Вообще же, различие между коммуной и артелью заключается в том, что артель есть только производственное объединение (товарищество в работе), коммуна же не только производственное, но и потребительское объединение (т.е. товарищество не только по работе, но и по распределению и потреблению).

Число коммун и артелей быстро растет в Советской России. Вот последние данные на этот счет, относящиеся к осени 1919 г.:

	Число	Площ[адь] удобн[ой] земли
Коммун	1 901	} около 150 тыс. десятин « 480 «
Артелей	3 698	
Товариществ по общ[ественной] обраб[отке] земли	668	

Приведенные цифры показывают, что движение в пользу образования коммун и артелей носит массовый характер и что движение это ширится и растет. Но эти цифры показывают нам слабую сторону этого вида объединения. Прежде всего, средний размер коммун невелик. Перед нами не переход от мелкого хозяйства к крупному, а переход к среднему хозяйству или даже хозяйству ниже среднего. Вследствие этого коммуна не может доказать и своим участникам, и всему окружающему населению всех выгод именно крупного хозяйства. На пространстве в несколько десятин не все машины могут быть использованы с полной выгодой и не всегда можно организовать плодосменное хозяйство. Однако и то, что достигается даже объединением в среднее хозяйство, имеет огромное значение. Используется выгода от разделения труда, часть женщин освобождается от работ на кухне и помогает быстрее кончать все сельскохозяйственные работы, является возможность обойтись меньшим количеством лошадей, все работы заканчиваются вовремя, земля обрабатывается лучше, в результате урожайность выше, чем на крестьянских полосах.

Экономия в рабочих силах, достигаемая в коммуне, сказывается уже на том, что большинство коммун предпринимают ряд работ не сельскохозяйственного характера: строят мельницы, открывают кустарные мастерские, ремонтные и иные и т.д. Следующий шаг коммуны могут сделать по пути к социализму лишь путем дальнейших объединений.

Этого можно достигнуть или слиянием двух соседних коммун, или увеличением данной коммуны путем приема десятков новых членов из прилегающих крестьянских обществ, или слиянием коммуны или коммун с соседним советским хозяйством.

Важнейшая задача коммунистической партии в деревне состоит в настоящий момент в том, чтобы все мелкое крестьянское хозяйство поднять на высшую ступень, на ступень сначала среднего коммунального хозяйства. Есть все основания думать, что именно этим путем пойдет, главным образом, в дальнейшем развитие производительных сил деревни. Пролетарское государство имеет возможность ускорить этот процесс не только путем планомерной агитации словом и агитацией делом (советские хозяйства), но и предоставлением нарождающимся коммунальным хозяйствам всех выгод материального свойства (денежная поддержка, снабжение семенами, скотом, инвентарем, агрономической помощью).

§ 109. Общественная обработка земли. Коммуна является наиболее тесным объединением крестьян не только для работы, но и для распределения и совместной товарищеской жизни. Артель является постоянным объединением только для работы. Общественная же обработка земли — это объединение еще менее тесное, еще более свободное

и, если хотите, случайное, чем артель. Определенное сельское общество, которое не может образовать коммуны вследствие внутренних несогласий, которое не может по тем же причинам сплотиться в артель, может, однако, дойти до общественной запашки, ничем другим не связывая своих участников. В результате все останется по-старому, кроме одного очень важного обстоятельства: общественная земля не будет делиться на полоски, а будет обработана миром. Останется у каждого двора по огороду, вся собственность каждого крестьянина сохранится, но только и машины, и лошади будут работать определенное время на все село.

Положением о социалистическом землеустройстве, утвержденным Центральным Исполнительным Комитетом, предусмотрен и этот случай самой первоначальной ступени коллективного хозяйства. Выгоды этой формы объединения заключаются в том, что каждый крестьянин сохраняет полную свободу действий во всем, кроме самого процесса работы, и потому легче может пойти на такое объединение, не рискуя потерять свою самостоятельность. Между тем общественная обработка уже дает массу выгод: уничтожение чересполосицы, возможность многопольной системы хозяйства, полное использование инвентаря, разделение труда при работе в помощь семьям, лишенным работников, инвентаря, скота и т.д.

Можно ожидать, что общественная обработка земли, как первая ступень к коллективному хозяйству, получит в нашей деревне самое широкое распространение. Уже имеются данные, что в земледельческий сезон 1919 г. такая обработка имела место в целом ряде местностей. Очень большие общества делились на десятки и обрабатывали сообща землю. В некоторых случаях таким образом обрабатывалась часть общественной земли.

§ 110. Сельскохозяйственная кооперация. Еще до революции среди крестьянства получила широкое распространение кооперация по обработке различных продуктов сельского хозяйства. Сюда относятся сыроваренные и маслодельные артели, очень распространенные главным образом в северных губерниях и в непроизводящих губерниях по Верхней Волге. Сюда относятся различные артели и товарищества: по первоначальной обработке льна, по выработке патоки, сушке овощей, прессовке сена и т.д. Советская власть оказывает всем этим объединениям всяческую поддержку. Задача коммунистической партии состоит в том, чтобы побуждать трудящиеся слои деревни к образованию таких кооперативов, к увеличению их размеров и усовершенствованию способов обработки и в то же время бороться со всеми попытками мелкого капитала окопаться в таких артелях для борьбы с советской властью и крупным социалистическим хозяйством.

§ 111. Государственный засев пустующих земель, мобилизация агрономических сил, прокатные пункты, мелиорация, переселение. Огромное расстройство сельского хозяйства, вызванное войной, привело к постоянному недосеву на очень значительной площади. Пролетарское государство не может оставить пустующими земли в то самое время, когда в городах и в непроизводящих губерниях царит острый продовольственный кризис. Поэтому Советское государство берет на себя засев пустующих земель, кому бы они ни принадлежали. Эта мера имеет особенно важное значение в местностях, служивших ареной Гражданской войны, потому что здесь весьма часто все кулацкое население деревень бросает свои земли и уходит вместе с противником. Столь же большое значение имеет и государственная уборка покинутых владельцами посевов или посевов, которые не могут убрать их собственники своими силами.

Поднять совершенно расстроенное земледельческое хозяйство России можно лишь рядом решительных и революционных мер. Одной из таких мер является мобилизация агрономических сил, т.е. объявление всех агрономов на положении военнообязанных. Агрономов всегда было мало в России. Но теперь недостаток агрономических сил чувствуется наиболее сильно вследствие огромной работы по переустройству сельского хозяйства и подъему его производительных сил, которую предстоит проде-

лать в нашей деревне. Мобилизация агрономических сил – это есть, в сущности, социализация агрономических знаний, которыми государство в состоянии распорядиться с наибольшей целесообразностью.

Импералистская война лишила Россию возможности получать из-за границы земледельческие машины. Наше сельскохозяйственное машиностроение никогда не удовлетворяло внутреннего спроса, и много машин, в том числе почти все наиболее ценные и сложные машины, мы получали из Германии, Швеции и Америки. В то же время вследствие недостатка металла, топлива и ряда других причин сократилось до минимума производство наших машиностроительных заводов. Все это привело к огромному недостатку инвентаря в сельском хозяйстве. При колоссальной потребности в машинах и при крайне малых запасах их, которыми располагает пролетарское государство, огромное значение имеет правильное распределение инвентаря и наиболее полное его использование. Такое использование невозможно при частной собственности на сельскохозяйственное орудие, потому что часть времени машина лежит без употребления у ее владельца, в то время как соседям нечем пахать или убирать урожай.

Чтобы помочь как раз наиболее нуждающимся в инвентаре слоям деревни и чтобы этот инвентарь был использован полностью, необходимо не отдавать его в частную собственность, а снабжать нуждающееся в машинах население через прокатные пункты. Иными словами, предназначенный для крестьянства инвентарь, распределенный между определенными районами (село, волость, округ), не продается отдельным крестьянам, а остается на складах, с которых и предоставляется в распоряжение всем нуждающимся на время и за известную плату для погашения расходов. Такие склады называются прокатными пунктами. Там инвентарь хранится, приводится в порядок после работы, а в хорошо поставленных пунктах и ремонтируется. Прокатные пункты существуют уже и действуют, хотя еще и очень мало. Задача советской власти должна состоять в том, чтобы по возможности все сельскохозяйственные машины и без исключения все сложные машины, предназначенные для деревни, поступали только на прокатные пункты. Это обеспечивает полное использование инвентаря в течение всего рабочего периода машины, не говоря о том, что помогает бедноте, не имеющей средств купить машину в собственность. На прокатные пункты должен поступать инвентарь, конфискуемый у кулачества. В конце концов, широко поставленная система снабжения инвентарем через прокатные пункты может постепенно, но верно привести к национализации важнейших орудий сельскохозяйственного производства и, следовательно, кроме непосредственной помощи крестьянскому хозяйству, способствовать его обобществлению. В земельной программе пролетарской власти в России мелиорации должно принадлежать одно из важнейших мест. В распоряжении советской власти находится несколько миллионов десятин, которые теперь негодны для обработки, но могут быть сделаны годными после не особенно больших работ по чистке, корчеванию, осушению, дренажу (осушение через подземные трубы и каналы), искусственному орошению и т.д. Насколько тесны пределы для расширения площади советских хозяйств на пространствах, уже находящихся или находившихся под обработкой, настолько безграничны площади, которые путем мелиорации может отвоевать себе у природы наше молодое социалистическое земледелие.

Работы по улучшению почвы – это важнейшие из общественных работ, которые предстоит организовать советской власти и для которых в первую голову должны быть использованы все паразитические слои общества.

Переселенческая политика. В нашей программе нет этого пункта, но на нем следует остановиться, потому что при советской власти придется рано ли, поздно ли практически работать, какой переселенческой политики следует придерживаться.

Несмотря на раздел помещичьих земель, малоземелье очень остро чувствуется в ряде губерний уже сейчас. В то же время на наших окраинах огромные пространства

свободных земель еще есть. Переселение из центра на окраины неизбежно в ближайшем же будущем. Задача пролетарского государства будет заключаться тогда в том, чтобы размещать на новых местах переселенцев не на отдельных участках для мелкого хозяйства, а готовить им все необходимое для крупного коммунистического хозяйства (общие постройки, общую площадь, распланированную для многопольного хозяйства, сложные машины и т.д.).

§ 112. Помощь крестьянскому хозяйству. И советские хозяйства, и коммуны с артелями, и все вышеперечисленные мероприятия могут поднять производительность труда в земледелии и урожайность земли путем организации крупного коллективного хозяйства. Этот путь есть единственно верный и скорый путь, прямо приводящий к цели. Но какие бы успехи мы не имели в области организации совхозов и коммун, мелкое крестьянское хозяйство еще долго будет существовать и значительное время будет его подпирать формой земледелия в России как по размерам обрабатываемой площади, так и по количеству добываемых продуктов. Возникает вопрос о том, как помочь этому хозяйству поднять производительность земли, хотя бы оно продолжало маринаться в своей мелкобуржуазной шелухе.

Наша программа намечает ряд мероприятий, которые может провести в жизнь советская власть в целях помощи мелкому крестьянскому хозяйству. Вот эти мероприятия.

Во-первых, помощь в деле размежевания. Главное зло нашей деревни, с которым чем дальше, тем меньше мирятся теперь уже сами крестьяне, — это чересполосица и длинноземелье. Сплошь и рядом земли одного общества подходят к огородам другого и наоборот. Некоторые участки лежат на расстоянии 7—10 верст от поселков и часто остаются необработанными. Для уничтожения чересполосицы и длинноземелья крестьянство стихийно потянулось на поселки, стремясь изменить устаревшую карту расселения, в большинстве не соответствующую новому распределению земель после передела помещичьей земли. Поскольку стремление на поселки есть один из видов борьбы с чересполосицей и длинноземельем и является предпосылкой для более культурного хозяйства, поскольку вообще крестьянство нуждается в помощи при размежевании, советская власть должна прийти ему на помощь своими землемерными и агрономическими силами.

Русский крестьянин в большинстве засеивает землю такими же семенами, какие отдают в помол. Между тем при посеве сортированными семенами урожай при прочих равных условиях получается значительно выше. Еще выше урожай при посеве улучшенными семенами. Эти семена могут быть получены крестьянством только через государство, потому что только оно в состоянии закупить их за границей, либо поделить с крестьянством небольшими запасами усовершенствованных семян, сохранившимися от истребления в советских хозяйствах.

Крестьянский скот сильно измельчал и вырождился. Необходимо улучшение породы крестьянского скота. Между тем все, что осталось в России ценного из племенного скота, в настоящий момент собрано в советских имениях и советских фермах, либо числится на учете советских органов животноводства. Путем организации случайных пунктов при каждом совхозе, имеющем племенной скот, и путем планомерного распределения производителей по районным случайным пунктам государство в состоянии оказать огромную поддержку упавшему крестьянскому животноводству.

Огромное большинство нашего крестьянства незнакомо с целым рядом самых основных и чрезвычайно важных агрономических знаний. Распространение агрономических знаний при таких условиях уже само по себе должно способствовать улучшению обработки земли. Кроме чтения лекций на агрономические темы, которые обязательны для советских агрономов с участков агрономических пунктов, это достигается устроением ряда лекций в совхозах, устройством кратковременных курсов, показатель-

ных полей, сельскохозяйственных выставок, изданием популярной агрономической литературы и т.д.

Кроме распространения агрономических знаний советская власть должна обеспечить крестьянам непосредственную агрономическую помощь. При всей бедности нашей агрономическим персоналом мобилизация агрономов уже достигла цели в том отношении, что агроном, обслуживавший раньше почти исключительно помещичьи хозяйства, работает теперь в пользу крестьянина. Кроме того, советской власти необходимо готовить в самых широких размерах агрономические силы из самого крестьянства. Кроме увеличения числа сельскохозяйственных курсов и сельскохозяйственных школ, это в ближайшее время легче всего достигнуть путем прохождения специальных курсов со стороны наиболее способных членов коммуны и артелей, которые образуют тогда передовой слой агрономически образованных земледельцев из среды самого крестьянства.

Огромное значение имеет в настоящий момент для крестьянства возможность ремонтировать износившийся инвентарь. Никакие мелкие частные кустарные мастерские при теперешнем железном голоде не в состоянии выполнить весь необходимый ремонт. Лишь государство в состоянии организовать это дело в надлежащем размере как путем расширения ремонтных мастерских совхозов, так и путем создания планомерно раскинутой сети мастерских специально для крестьянского ремонта.

Миллионы десятин крестьянской земли негодны для обработки, в то время как пренебрежение их в годные для пашни вполне возможно. Это не делается, с одной стороны, потому что подобные работы часто не под силу одному обществу, с другой стороны, крестьянство не знает способов их мелиорации. В этой области помощь крестьянам со стороны пролетарского государства может быть особенно ценной, и она уже оказывается, несмотря на Гражданскую войну в целом ряде мест.

Каждая десятина давала средний урожай за период 1901–1910 гг.:

	Рожь	Пшеница	Ячмень	Овес	Картофель
Дания	120	183	158	170	—
Голландия	111	153	176	145	1 079
Англия	—	149	127	118	908
Бельгия	145	157	179	161	1 042
Германия	109	130	127	122	900
Турция	98	98	117	105	—
Франция	70	90	84	80	563
Соедин. Штаты	67	64	93	74	421
Россия	50	45	51	50	410

Таким образом, несмотря на то что земли в России лучше, чем на Западе, мы стоим на самом последнем месте по урожайности нашей земли. Мы получаем с десятины овса в три с половиной раза меньше чем в Дании, Бельгии; пшеницы получаем в четыре раза меньше, чем в Дании, и в три раза меньше, чем в Германии и Англии; ржи получаем в три раза меньше, чем в Бельгии; даже в Турции десятина земли дает вдвое больше всяких хлебов, чем десятина крестьянской пашни.

Надо еще добавить, что урожайность на крестьянских землях России еще ниже, чем показано в таблице, потому что средняя урожайность вычислялась между всеми землями, в том числе и помещичьими, где урожайность превышает крестьянскую, начиная с одной пятой и доходя до двух раз с половиной.

Таким образом, не увеличивая количества земли, крестьянство имеет возможность получать урожай в два-три раза больше, чем теперь, если перейдем от старых дедовских к новым усовершенствованным способам земледелия.

§ 113. Соединение промышленности с земледелием. Развитие городов, вызванное отделением промышленности от земледелия и увеличением роли промышленности во всем процессе общественного хозяйства, приняло в последнюю эпоху капитализма совершенно уродливый характер. Все лучшие силы деревни систематически бежали из деревни в город. Городское население росло не только быстрее сельского, но и за счет сельского. В ряде капиталистических стран земледельческое население абсолютно уменьшилось. С другой стороны, отдельные города выросли до чудовищных размеров. Все это привело к ряду весьма вредных последствий как для города, так и для деревни. Укажем важнейшие: обезлюдение и одичание деревни, оторванность ее от городской культуры, оторванность городского жителя от природы, здорового земледельческого труда и в итоге быстрое физическое вырождение городского населения, нецелесообразное перенесение в город ряда производств, перерабатывающих продукты сельского хозяйства, огромное истощение почвы, вызванное тем, что город не возвращает деревне в виде удобрения то, что берет у нее в форме продовольствия, и т.д.

Приближение города к деревне, соединение промышленности с земледелием, привлечение к сельскому хозяйству фабричных рабочих – вот ближайшие цели коммунистического строительства в этой области. Начало положено здесь припиской нескольких десятков тысяч десятин советских земель к различным заводам, учреждениям и предприятиям, намечающимся планомерным и организованным переводом городских рабочих в советские хозяйства, созданием огородных хозяйств отдельными заводами и фабриками, коммунистическими субботниками городских рабочих в пригородных деревнях, мобилизацией советских служащих на уборку городских огородов и т.д.

Коммунистическая партия будет добиваться и дальнейших шагов в том же направлении, исходя из убеждения, что будущее принадлежит объединению промышленности с земледелием, которое приведет к рассасыванию на территории деревни исполински разросшихся и чудовищно перенаселенных городов.

§ 114. Тактика коммунистической партии по отношению к крестьянству. В нашей аграрной программе мы говорим о том, что мы хотим осуществить в земледелии. Скажем теперь о том, как мы думаем осуществить нашу программу, на какие слои предполагаем опираться, какими методами думаем привлечь к себе крестьянское большинство или, по крайней мере, обеспечить его нейтралитет.

В борьбе с помещичьим землевладением городской пролетариат имел за собой все крестьянство поголовно, не исключая и кулачества. Этим объясняется быстрый успех октябрьского переворота, который сбросил буржуазное Временное правительство, пытавшееся оттянуть ликвидацию помещичьего землевладения. Но уже проведение в жизнь закона о так называемой социализации земли с уравнильным разделом земель отбросило кулачество в лагерь контрреволюции. Кулачество потеряло часть покупной земли, которую имело до революции, потеряло землю, которой пользовалось, арендуя наделы бедноты. Оно потеряло все, что успело захватить при разгроме помещичьих имений. Наконец, оно лишилось возможности применять наемный труд. Кулачество представляет собой класс, который должен был бы сменить собой помещика, если бы наша революция осталась в пределах буржуазно-демократического переворота. Оно является классом, который по самой своей природе смертельно враждебен всем попыткам социалистической организации земледелия. Наоборот, этот класс

является претендентом на то, чтобы двинуть развитие нашего сельского хозяйства по типу фермерского хозяйства Дании и Америки. Если бы не пролетарская власть и ее социалистическая политика, то на расчищенной от помещика почве в России с чрезвычайной быстротой развилось бы среднее буржуазно-фермерское хозяйство с насмным трудом, улучшенными способами обработки земли и с наличием здесь же, рядом огромного слоя полупролетарского крестьянства. Кулак вступил в революцию, окрыленный самыми розовыми надеждами и предчувствиями, а вышел из нее обшипанным даже на ту часть своей собственности, которой он располагал до революции. Кулачество до своей полной ликвидации неизбежно должно выступать в качестве непримиримого врага пролетарского государства и его земельной политики и, в свою очередь, может ожидать от советской власти лишь самой беспощадной борьбы со своими контрреволюционными попытками. Не исключена возможность и того, что советской власти придется проводить планомерную экспроприацию кулачества, мобилизуя его на общественные работы, и прежде всего на работы по мелиорации крестьянских и государственных земель.

Главную массу крестьянства России образует среднее крестьянство. Середняк получил помещичью землю при помощи городского пролетариата, и лишь при помощи его он может эту землю удержать от напора буржуазно-помещичьей контрреволюции. Точно так же лишь в союзе с пролетариатом, лишь идя за ним, лишь подчиняясь его руководству, среднее крестьянство может спастись от натиска мирового капитала, от грабежа империалистских разбойников, от уплаты миллиардов денег по долгам царизма и Временного правительства. Наконец, лишь союз с социалистическим пролетариатом даст ему возможность без нищеты, разорения и невероятных мук перейти от мелкого хозяйства, при всяких условиях осужденного на исчезновение, к наиболее выгодному, наиболее производительному крупному товарищескому хозяйству.

Наоборот, душа мелкого собственника тянет середняка на союз с кулачеством, к этому толкает его в особенности необходимость делиться с городским рабочим излишками хлеба, делиться впереди без надежды немедленно получить в обмен продукты городской промышленности. Коммунистическая партия должна поэтому стремиться оторвать среднее крестьянство от кулака, который, в сущности, выступает агентом мирового капитала и провокаторски стремится довести крестьянство до потери всех его завоеваний, полученных в ходе революции. Наша партия должна далее с особой ясностью доказать среднему крестьянству, что лишь очень временные и минутные интересы могут соблазнять его идти вместе с кулачеством и буржуазией и, наоборот, более длительные, более важные, более оснoвные интересы диктуют ему, как трудящемуся классу, союз с городским пролетариатом. Наконец, борясь за социалистическое переустройство сельского хозяйства, мы не должны раздражать середняка неосторожностью и поспешностью своих мероприятий, всячески избегая насильственного притягивания его к коммуна и артелям. В настоящий момент основная задача коммунизма в России заключается в том, чтобы рабочие по своим, а крестьяне по своим мотивам разгромили контрреволюцию. Когда это произойдет, то для социалистического переустройства земледелия не будет никаких неодолимых преград. Что касается деревенской бедноты, то из пролетарских и полупролетарских ее слоев, хотя значительная часть этой бедноты как раз благодаря революции перестала существовать, поднявшись хозяйственно до уровня среднего крестьянства, тем не менее именно эта часть деревни продолжает оставаться наиболее последовательной основой в пролетарской диктатуре. Благодаря союзам бедноты советской власти удалось нанести ряд наиболее серьезных ударов кулачеству и оторвать от него середняка. Благодаря коммунистически настроенной бедноте удалось создать аппарат советской власти в деревне и провести первые, наиболее

важные и решающие военные мобилизации крестьянства*. Наконец, беднота до последнего времени давала большую часть членов в коммуны и артели и помогала проводить все земельные и не только земельные декреты советской власти.

Главная задача коммунистической партии по отношению к деревенской бедноте заключается в том, чтобы вывести ее из того распыленного состояния, в котором она очутилась с роспуском комитетов бедноты. Лучшее всего можно сплотить бедноту на производственной основе, прочней всего можно закрепить ее влияние в деревне, дав ей возможность окрепнуть на почве более совершенного способа сельского хозяйства. Этого можно достигнуть, если вся беднота перейдет к артельной или коммунальной обработке земли. Кулак силен в деревне потому, что он — хороший хозяин. Кулацкое хозяйство — это сливки мелкобуржуазного крестьянского хозяйства. Объединяясь в коммуны, беднота делается представительницей более совершенного способа производства, чем обычное крестьянское производство, экономически она делается сильнее середняка и даже кулака. И вот на этой экономической основе, на этом-то материальном превосходстве коммунара над мелким хозяйчиком может быть построена диктатура бедноты в деревне. Но это будет уже не диктатура в собственном смысле бедноты, не господство «голи и дармоедов», как жаловался кулак в период комбедов, и не всегда обосновательно. Это будет господство передового слоя трудящейся деревни, обогнавшего большинство на два столетия.

Но сплотить всю бедноту в коммунах чрезвычайно трудно. В последнее время в коммуны и особенно в артели идет в большом количестве уже крестьянин-середняк. Необходимо создать ряд профессиональных объединений бедноты как таковой, поскольку она еще не порывает с мелким хозяйством. Это объединение бедноты должно продолжать борьбу с кулачеством, незаконченную комбедом, беднота должна объединиться на почве взаимопомощи, она должна войти в экономические отношения с государством, поскольку она может брать от него определенные работы и получать взамен различные продукты на льготных условиях и вообще всякую экономическую поддержку. В России существует огромное количество самых различных объединений бедноты, но все они носят местный характер или же являются очень временными и случайными организациями. Надо сплотить эти организации в более крупные единицы. Огромное будущее принадлежит объединениям бедноты из производящих губерний, занятым неземледельческими работами (гонка дегтя, смолы, рубка и складка дров, различные виды переработки дерева и проч.).

Задача коммунистической партии по отношению к бедноте заключается далее в том, чтобы тесней слить ее с городским пролетариатом, оторвать от мелкобуржуазных привычек и несбыточных надежд на самостоятельное индивидуальное крепкое хозяйство и создать всюду, где есть скопление бедноты, коммунистические ячейки и группы сочувствующих. Каждый бедняк должен стать коммунаром. Каждый коммунар — коммунистом.

Литература [к главе XIII]: Энгельс Ф. Крестьянский вопрос во Франции и Германии; Ленин И. Аграрный вопрос и критика Маркса; Ленин И. Аграрный вопрос в России к концу XIX в.

Из популярных брошюр, изданных после революции. Жегур Я. Организация коммунистических хозяйств в земледелии; Ки й. Сельская коммуна; Мещеряков Н. О сельскохозяйственных коммунах; Преображенский Е. О сельскохозяйственных коммунах; Ларин Ю. Урбанизация земледелия; Мещеряков Н. Национализация земли; Ленин Н. Речь об отношении к среднему крестьянству на

* При нашей агитации за деятельное участие крестьянства в Гражданской войне необходимо подчеркивать именно крестьянские мотивы участия в этой войне. Крестьянству не то интересно, что мы боремся за социализм как за таковой, а то, что мы лишаем империализм возможности варварски эксплуатировать мелкого собственника и не даем посадить ему снова на шею помещика или купца. (Прим. автора.)

8-м съезде коммунистической партии; Суматохин М. Давайте жить коммуной; Ленин Н. Борьба за хлеб.

Многих брошюр, которые уже устарели, мы не указываем. Более подробный указатель имеется в брошюре В. Керженцова «Библиотека коммуниста».

Глава XIV

Организация распределения

*§ 115. Ликвидация частной торговли. § 116. Потребительские коммуны.
§ 117. Кооперация прежде. § 118. Кооперация теперь. § 119. Другие органы
распределения.*

§ 115. Ликвидация частной торговли. Каждому способу производства соответствует особый способ распределения. С уничтожением капиталистической собственности на орудия производства Советская республика неизбежно столкнулась с капиталистическим аппаратом распределения, т.е. с торговлей, и должна была приступить к ее постепенному уничтожению. Прежде всего были конфискованы крупные торговые склады. Это было необходимо еще и по причинам острого продовольственного кризиса и товарного голода. Припрятанные спекулянтами в ожидании повышения цен товары поступили в распределение трудящимся массам, и это несколько ослабило кризис в первые недели после октябрьского переворота.

Но национализация торговых складов была лишь первым шагом. Вслед за этим была проведена национализация крупной торговли. Это было сделано как для борьбы со спекуляцией и в целях учета имеющихся в Республике товаров, так и для распределения товаров прежде всего между трудящимися классами. Советская власть ввела классовый паек не только на продовольствие, но и на мануфактуру и все предметы домашнего обихода.

Но, быть может, советской власти было бы выгодней поступить так: конфисковать все запасы товаров у всех частных торговцев, распределить их по классовому пайку, но не разрушать самого торгового аппарата, наоборот, воспользоваться им, заставить его себе служить.

В действительности в значительной мере было сделано именно так. Товары были конфискованы, к сожалению, лишь слишком поздно, когда большая часть их уже была превращена в деньги, припрятанные их владельцами. Весь аппарат крупных магазинов целиком перешел к советской власти и начал работать при содействии профессионального союза торговых служащих. Была устранена лишь хозяйская верхушка, которая теперь была бы в полной мере паразитическим элементом. В самом деле, раньше товар надо было закупать, разыскивать его, совершать сделки. С тех пор как главным производителем товаров на национализированных заводах является само пролетарское государство, было бы бессмысленно, если бы оно само себе перепродавало товар, содержа на своей шее торговцев. С другой стороны, поскольку проводится хлебная монополия, между крестьянином и государством, с одной стороны, между государством и потребителем — с другой, совершенно излишни торговые посредники. Крестьян они ничем не могут соблазнить отдавать хлеб государству, покупателей для хлеба искать тоже нечего, их некуда девать.

Таким образом, поскольку пролетарская власть овладела производством ряда важнейших продуктов и значительная часть продовольствия готовится ее органами, ей необходимы свои аппараты распределения. Частной торговле здесь нечего делать.

Но как быть с мелкой частной торговлей, которая распределяет продукты мелкого самостоятельного кустарного производства? Этим производством советская власть еще

не овладела. Ей еще не удалось стать монопольным скупщиком его продуктов. Как быть с мелкой торговлей, которая перераспределяет среди населения такие продукты (конечно, по бешеным ценам), какие не могут заготовить по твердым ценам агенты советской власти?

Вопрос этот, несомненно, более сложный, чем вопрос о крупной торговле, уничтожение которой было предпринято уже фактом экспроприации капитала вообще. Советской власти нет никакого смысла просто запрещать мелкую торговлю, раз она сама не в состоянии всецело заменить эту торговлю деятельностью своих органов распределения. Были случаи, когда местные Советы и ревкомы, особенно в местностях, очищенных от белогвардейцев, запрещали вольную торговлю, не создав своих продовольственных аппаратов или, что еще важнее, не обеспечив хотя сколько-нибудь правильного снабжения населения через эти аппараты. В результате частная торговля делалась нелегальной, и цены повышались во много раз. Мелкая торговля будет убита лишь постепенно, по мере того как все большее и большее количество продуктов, поступающих для снабжения населения, будет проходить через руки государства. Если теперь Наркомпрод существует рядом с пышно распустившейся Сухаревкой, то это значит лишь одно: война между капитализмом и социализмом в области распределения продолжается, она идет теперь на позициях мелкой торговли и будет закончена лишь тогда, когда государственная власть превратится в главного скупщика продуктов мелкой промышленности или, что будет позднее, сама превратится в производителя этих продуктов. Сюда не относятся, конечно, те случаи, когда мелкая частная торговля пускает в ход продукты, уже бывшие в руках продорганов, когда дело идет о борьбе с воровством и другими недостатками советского механизма распределения. Во всяком случае, мелкая торговля будет существовать до тех пор, пока не восстановится крупное производство в городах и снабжение населения основными продуктами потребления не сделается на деле государственной монополией.

Таким образом, хотя уничтожение всех и всяких частных посредников в распределении составляет цель социализма и со временем эта цель будет достигнута, на ближайшее время полное уничтожение аппарата мелкой торговли невозможно.

§ 116. Потребительские коммуны. Поскольку главная масса продуктов, предназначенных для населения, проходит или будет проходить через продовольственные органы государства, должны существовать соответствующие социалистические органы распределения; эти органы должны удовлетворять следующим требованиям: они должны быть централизованы. Это обеспечивает наиболее справедливое и равномерное распределение. Это уменьшает издержки на содержание аппарата, который при социализме должен, во всяком случае, требовать гораздо меньше сил и средств, чем частно-торговый аппарат. Социалистический распределительный аппарат должен работать с наибольшей быстротой. Это чрезвычайно важно. Необходимо, чтобы не только сам аппарат требовал минимума сил и средств от государства, но чтобы он не отнимал ни минуты лишнего времени у потребителя. Иначе это приведет к огромной непроизводительной растрате сил всего общества. При существовании частной торговли потребитель в нормальной обстановке капиталистического хозяйства мог, имея деньги, приобрести что угодно и когда угодно. Социалистический аппарат в этом отношении не должен быть хуже частно-торгового. Между тем именно в силу большой централизации этот аппарат может легко превратиться в очень громоздкую бюрократическую и чрезвычайно медленно работающую машину, которая может сгноить много товаров раньше, чем они дойдут до потребителя. Как же создать этот аппарат?

Перед советской властью было два выхода: или создать заново весь аппарат распределения, или использовать все те органы распределения, созданные капитализмом, которые можно было заставить служить целям социалистического распределения.

Советская власть стала на второй путь. Создавая свои органы, где это было необходимо, особенно в первый период ломки капиталистических отношений, она обратила свое внимание на кооперацию, поставив себе целью использовать кооперативный аппарат для распределения продуктов.

§ 117. Кооперация прежде. При капиталистическом строе основная задача кооперации заключается в том, чтобы освободить потребителя от торгового посредника-спекулянта оставить торговую прибыль в руках объединенного потребителя и гарантировать ему доброкачественность продуктов. Этой цели кооперация достигала более или менее успешно, но достигала только для своих членов, т.е. только для части общества. Что же касается ребяческих мечтаний кооператоров о мирном обновлении капитализма при помощи кооперации, то в этом отношении в действительности дело обстоит так: при всех своих успехах кооперация более или менее заметно вытесняет лишь мелкую торговлю и почти не задает крупную, пользуясь сама ее услугами. Что же касается производительных предприятий кооперации, то в общей системе капиталистического производства она занимает совершенно ничтожное место и никакого влияния на ход и развитие капиталистической промышленности не оказывает. В общем, гигантская организация капитала никогда не считала кооперацию серьезным конкурентом. Обладая полной возможностью задушить ее экономически как котенка, когда бы это оказалось нужным, она предоставляла идеологам кооперации мирно мечтать о вытеснении капитализма, а кооперативным бухгалтерам восторгаться барышами, отнятыми у мелких лавочников. Кооперация сама вполне приспособилась к капитализму и занимала в его системе распределения известное место. Она даже была выгодна для капитализма, уменьшая издержки на аппарат распределения и тем вытесняя часть излишнего торгового капитала в промышленность. С другой стороны, кооперация, сокращая число мелких торговых посредников и приближая потребителя к крупнокапиталистическому производителю, ускорила торговый товарооборот, обеспечивала своевременную добросовестную уплату по обязательствам и в конечном счете делала еще более безнадёжным положение резервной армии промышленности, из которой обыкновенно значительная часть безработных отливала в мелкую торговлю. Кроме того, рядом исследований установлено, что поскольку мы имеем дело с крестьянской кооперацией, то повсюду эта кооперация приносит наибольшие выгоды крепкому зажиточному крестьянству, почти не помогая бедноте. По своему классовому составу потребительская кооперация делится на рабочую кооперацию, крестьянскую и общегражданскую городскую, т.е., по существу, мелкобуржуазную и чиновничью. Рабочая кооперация была всегда самой левой в общей сети кооперативных организаций и самой правой в сети классовых пролетарских организаций. В крестьянской кооперации задал тон крупное крепкое крестьянство. В городской кооперации руководит мелкобуржуазная интеллигенция, которая выступает в роли идеолога всей вообще кооперации и обещает ей великое будущее по части сокрушения капитализма вооружая кооперативного хлеба и картошки.

Истинная природа кооперации была вскрыта Октябрьской пролетарской революцией в России. За исключением части рабочей кооперации, вся остальная кооперация, особенно в лице своих интеллигентских и кулацких руководителей, заняла резко враждебную позицию по отношению к социалистическому перевороту. И наоборот, сибирская кооперация в лице закупсыбы и других союзов определенно стала на сторону белогвардейской контрреволюции и за подавление Советской республики силами мирового империализма.

На 1 октября 1917 г. в России насчитывалось 612 союзных кооперативных объединений. Эта цифра, по-видимому, ниже действительности, потому что, по некоторым данным, к 1 января 1918 г. можно было допустить существование до 1000 союзных объединений. В Центросоюз

входило на 1 января 1918 г. 281 объединение. Из 269 объединений насчитывалось 38 601 кооператив с числом членов 13 694 196. Но так как один кооператив нередко входит в два и три союза сразу, то число кооперативов в России, очевидно, меньше указанного, точно так же и число членов. Что касается промышленной деятельности русских кооперативов, то в 1918 г. все кооперативы и союзы кооперативов имели 469 предприятий, в большинстве мелких.

§ 118. Кооперация теперь. При господстве капитализма кооперация выполняла в общей его системе определенную роль. При советской власти кооперативному аппарату суждено или постепенно отмирать вместе со всем другим аппаратом капиталистического распределения, или ему суждено войти в систему социалистического распределения, поднявшись до роли государственного распределительного аппарата. Старые хозяева кооперации — меньшевики, эсеры и всякого рода «социалисты» колчаковского типа — хотели бы оставить кооперацию независимой от пролетарского государства, т.е. обеспечить ей свободу умирания. Наоборот, советская власть, считаясь с действительными интересами огромной массы трудящихся и, в частности, с массой кооперативных трудящихся, становится на другой путь. Не считаясь с настроениями верхушки интеллигентских кооперативов и не отбрасывая всего кооперативного аппарата из-за контрреволюционных поползновений этой верхушки, советская власть стремилась постоянно влить кооперативный распределительный аппарат в общую систему своих органов распределения. Она стремилась не сузить, а расширить рамки деятельности кооперации. Практические задачи, которые стоят здесь перед советской властью и коммунистической партией, сводились, в общем, к следующему.

Нормальный кооператив буржуазного типа есть добровольческое объединение граждан, вносящих определенный пай в общество. Кооператив обслуживает, как правило, лишь своих членов и только в случае, когда это не вредно членам, допускает продажу продуктов всему населению. Мы считаем необходимым, чтобы все население было кооперировано, чтоб каждый член общества был приписан к какому-нибудь кооперативу. Только тогда распределение через кооперативы будет означать распределение среди всего населения.

В потребительском обществе дело нормально ведется на основе самоуправления всех членов общества. (Если на практике правит небольшая кучка правленцев — в этом вина самих членов. Конституция кооператива предоставляет возможность общему собранию членов быть хозяином дела.) Когда все граждане Республики приписаны к кооперативам, им предоставляется полная возможность контролировать снизу доверху весь распределительный аппарат пролетарского государства. Если массами будет проявлена достаточная самостоятельность, они могут вести самую решительную и успешную борьбу с злоупотреблениями и бюрократизмом всякого рода в деле распределения и добьются таким путем необходимой быстроты и аккуратности в работе государственно-кооперативной организации. Благодаря этому, благодаря участию самих потребителей в работе распределения, распределительные органы из висящих сверху над массами превратятся в органы самих этих масс, что, несомненно, будет способствовать развитию коммунистического сознания и сознательной товарищеской дисциплины среди трудящихся, а также поможет этим массам понять работу всего производственно-распределительного механизма социалистического общества в его целом. Далее необходимо после кооперирования всего населения, чтоб руководящую роль в кооперативах получали пролетарские слои населения. В городах это достигается путем наиболее деятельного участия в кооперативной деятельности городских рабочих, в проведении при выборах в правление коммунистического пролетарского большинства, а главное путем превращения именно рабочих, а не общегражданских кооперативов в потребительские городские коммуны. Необходимо с той же целью стремиться к тесной связи между кооперативами и

профессиональными союзами, т.е. между органами производства и распределения. Этой связи принадлежит огромное будущее. Со временем роль государства сведется к роли центральной счетной конторы, и тогда живая связь производственных организаций с распределительными приобретет особо важное значение. Наконец, необходимо участие коммунистов в качестве сплоченной группы в кооперативном строительстве и завоевание в них руководящей роли.

В деревне необходимо вытеснение кулачества из правлений кооперативов, прекращение всяких привилегий при распределении в пользу наиболее имущей части деревни, переход всего аппарата деревенских кооперативов в руки бедноты и сознательного среднего крестьянства.

§ 119. Другие органы распределения. С момента октябрьского переворота в России возникло много различных распределительных органов, созданных революцией. В центре их – Народный комиссариат продовольствия со всеми своими разветвлениями по губерниям и уездам. Продовольственные органы имели и имеют свои органы распределения в виде сети продовольственных лавок и магазинов. Роль распределителей одно время имели в деревнях комитеты бедноты, создавшие противовес кооперативному распределению: в то время как кооперативы в большинстве распределяли получаемые продукты по большей части в интересах зажиточного крестьянства, комитеты бедноты старались большую и лучшую часть получаемых от государства продуктов распределить среди бедноты. Большую роль играют в распределении домовые комитеты больших городов и дома-коммуны. Кроме того, распределением занимались профессиональные союзы и особенно фабрично-заводские комитеты.

Задача советской власти состоит в том, чтоб все эти многочисленные органы распределения заменить единым распределительным органом или включить их в качестве звеньев в общий единый распределительный механизм. В этом отношении, например, домовые комитеты и дома-коммуны играют полезную роль, позволяя потребителям получать продукты, не простаивая в очередях целые часы и дни.

Глава XV

Организация банков и денежное обращение

§ 120. Национализация банков и единый народный банк; банк как центральная бухгалтерия. § 121. Деньги и отмирание денежной системы.

§ 120. Национализация банков и единый народный банк; банк как центральная бухгалтерия. Относительно того что такое банки и к чему сводится их роль в капиталистическом обществе, большинство рабочих имеет довольно смутное представление. Банк представляется каким-то огромным сундуком, куда богачи сносят свои капиталы. Рабочий, имеющий сбережения и отдававший их в банк, знает также, что за вложенные деньги платят проценты, а иногда вложенные в частный банк деньги вылетают в трубу и владельцы вкладов разоряются.

Прежде всего, банк – это не денежный сундук. В каждый данный момент в банке наличных денег совсем немного. Суть работы банка вовсе не в том, чтобы служить нестерраемым ящиком для людей, имеющих сбережения. Правда, через банк проходят сотни миллионов сбережений, но они не лежат без дела. Собранные в банках деньги непрерывно пускаются в оборот. Во-первых, их дают в ссуду предпринимателям, которые открывают фабрики, эксплуатируют рабочих и часть прибыли отдают банку за эту ссуду (а банк часть своей прибыли отдает вкладчику). Во-вторых, сами банки открывают новые предприятия на полученные от вкладчиков суммы или финансируют уже существующие.

Наконец, банки дают займы деньги государствам* и берут с них проценты, т.е. через правительства грабят народы этих государств. А так как банки принадлежат небольшим кучкам крупнейших капиталистов, то работа банков сводится в конце концов к выкачиванию прибавочной стоимости посредством своего собственного капитала и капиталов, вложенных вкладчиками.

Но банки — это не только пауки, высасывающие прибавочный труд рабочих и крестьян. Они имеют и другое значение. Ведь если я, допустим, имею деньги и вношу их в банк, значит, я имел какие-то товары, которые продал и превратил в деньги. Если через все банки проходят все новые и новые суммы денег и число всех капиталов во всем обществе растет, то это значит, что в обращение поступают все новые и новые массы ценностей. Деньги — это свидетельство на продукт, это своего рода паспорта продуктов. По движению денег, в общем и целом, можно приблизительно судить о движении продуктов. Таким образом, банки неизбежно превращаются в своего рода учетные конторы капиталистического общества.

Отсюда видно, какую роль могут играть банки в социалистическом обществе и что должно делать с ними пролетариат, захвативши власть.

После социалистического переворота, или, вернее, во время социалистического переворота, рабочему классу необходимо захватить все банки, и прежде всего Центральный государственный банк. Это необходимо, во-первых, затем, чтобы конфисковать все денежные вклады буржуазии, все ценные бумаги и всякие денежные обязательства капиталистов. Этим захватом наносится удар в самое сердце капиталистической эксплуатации.

Мы так и поступили в Октябрьскую революцию и в ноябре 1917 г. и этим нанесли сокрушительный удар капиталистическим классам России.

Что же должна делать пролетарская власть с захваченными банками? Она должна использовать все, что есть ценного в банковской организации капитала. Т.е. она должна сохранить банки, как аппараты учета производства и как распределители финансовых средств. Прежде всего должна быть произведена полная национализация банковского дела. Это значит, что не только все взятые у буржуазии банки превращаются в государственные учреждения пролетариата, но и все банковские операции на будущее время объявляются монополией государства. Никто другой, кроме государства, банков открывать не может.

Затем все банки должны быть объединены все вместе. Ненужные закрыты и оставлены лишь те, которые нужны, как отделения единого банка Советской республики.

Вместо самых разнообразных способов счетоводства и самых разнообразных банковских операций, которые проделывались в буржуазных банках, в едином народном банке вводится единообразная и простая система учета. В результате пролетарское государство в состоянии будет иметь полную картину того, куда и сколько отпускается денег государством, откуда и сколько получено.

Но если в едином банке Республики будут подсчитываться все доходы и расходы государства, то чем станет банк, когда само государство будет чем дальше, тем больше превращаться в правление единого огромного хозяйственного аппарата страны?

Ясно, что тогда банк будет тем же, чем бухгалтерская контора является при каком-либо хозяйственном предприятии. Банк как таковой постепенно будет уничтожаться и превращаться, как сказано в нашей программе, «в центральную бухгалтерию коммунистического общества».

§ 121. Деньги и отмирание денежной системы. Коммунистическое общество не будет знать денег. В нем каждый работник будет готовить продукты для общего

* Например, нашему царскому правительству и правительству Керенского иностранные банки надавали в долг более 16 млн руб. (Прим. автора.)

котла и не будет получать свидетельства в том, что он продукт сдал обществу, т.е. не будет получать денег. Точно так же он не будет платить никаких денег обществу, когда ему нужно будет получить что-нибудь из общего котла. Другое дело – при социалистическом строе, который должен быть переходным строем от капитализма к коммунизму. Деньги неизбежно возникают и играют свою роль при товарном хозяйстве. Когда я, сапожник, хочу получить пиджак, я превращаю свой товар, т.е. сапоги, сначала в деньги, т.е. в товар, посредством которого, в обмен на который могу получить любой другой товар, в данном случае интересующий меня пиджак. Так поступает каждый товаропроизводитель. А в социалистическом обществе товарное хозяйство отчасти еще будет существовать.

Допустим, мы подавили успешно сопротивление буржуазии и превратили в трудящихся бывшие господствующие классы. У нас еще осталось крестьянство, которое не работает на общий котел. Каждый крестьянин будет стараться свой излишек перепродать государству, обменять его на нужный ему продукт промышленности. Крестьянин останется товаропроизводителем. И для расчета со своим соседом, и для расчетов с государством деньги для него еще будут необходимы, как необходимы они будут государству для расчета со всеми членами общества, еще не вошедшими в общую производительную коммуны. Тем более невозможно было сразу уничтожить деньги, что в огромном размере практикуется еще частная торговля, которую советская власть пока еще не в силах всецело заменить социалистическим распределением. Наконец, деньги уничтожить и невыгодно сразу, поскольку выпуск бумажных денег заменяет налоги и дает возможность пролетарскому государству держаться в невероятно трудных условиях.

Но социализм есть коммунизм в постройке, недостроенный коммунизм. По мере успехов строительства деньги должны выходить из употребления, и государству в один прекрасный момент придется, быть может, придушить умирающее денежное обращение. Это особенно важно для действительного уничтожения остатков буржуазных классов, которые продолжают на припрятанные деньги потреблять ценности, создаваемые трудящимися классами в том самом обществе, где провозглашается заповедь: «Нетрудящийся да не ест».

Постепенно деньги теряют свое значение с самого начала социалистической революции. Все национализированные предприятия, подобно предприятию одного большого хозяина (в данном случае пролетарского государства), имеют общую кассу, и им не приходится продавать или покупать друг у друга за деньги. Постепенно вводится безденежный расчет. Благодаря этому из огромной области народного хозяйства деньги вытесняются. По отношению к крестьянству деньги также все более и более теряют свое значение, и на первый план выдвигается товарообмен. Даже в частной торговле с крестьянами все более и более деньги отходят на задний план, и покупатель может получать хлеб лишь за какие-либо натуральные продукты, как одежда, материя, посуда, мебель и т.д. Постепенному уничтожению денег способствует также и огромный выпуск бумажных денег государством при огромном сокращении товарообмена, вызванного расстройством промышленности. Все более и более растущее обесценивание денег есть, в сущности, их стихийное аннулирование. Но наиболее сильный удар будет нанесен существованию денег введением бюджетных книжек и уплатой за труд работникам продуктами. В рабочую книжку будет записываться, сколько он сработал, т.е. сколько он имеет за государством. И по этой же книжке он будет получать в потребительской лавке продуктами. При этой системе неработающие ничего не могут получать за деньги. Но это может существовать лишь тогда, когда государство в состоянии будет сосредоточить в своих руках такое количество продуктов потребления, которого будет достаточно для снабжения всех работающих членов социалистического общества. Без восстановления разрушенной промышленности и без ее расширения это неосуществимо.

В общем, процесс уничтожения денежного обращения вырисовывается в настоящее время в таком виде. Сначала деньги изгоняются из области продуктообмена внутри национализированных предприятий (фабрики, железные дороги, советское хозяйство и т.д.). Затем деньги исчезают из области расчетов между государством и работниками социалистического государства (т.е. между советской властью, служащими и рабочими советских предприятий). Далее деньги отпадают, заменяясь товарообменом, в оборотах между государством и мелким производством (крестьянами, кустарями). Затем деньги исчезают в товарообмене внутри мелкого хозяйства, быть может, исчезнут окончательно лишь вместе с самим мелким хозяйством.

Литература к главе XV: Литература по этому вопросу почти отсутствует, можно рекомендовать: Пятаков Ю. Пролетарат и банки; Сокольников В. К вопросу о национализации банков. Кроме того, ряд статей в «Экономической жизни» и в «Народном хозяйстве».

Глава XVI Финансы в пролетарском государстве

§ 122. Государство – паразитический аппарат. § 123. Пролетарское государство – производительный аппарат. § 124. Бюджет пролетарского государства.

§ 122. Государство – паразитический аппарат. Как уже говорилось выше, государство – это есть организация насилия и господства одного класса над другим или над другими. Если весь буржуазный класс по мере развития капитализма делается все более и более классом тунеядцев, который только потребляет и ничего не помогает производству, то что же сказать про буржуазное государство, охраняющее покой и доходы этих тунеядцев от эксплуатируемых и возмущенных масс? И полиция с жандармерией, и постоянная армия, и судейский аппарат, и все вообще аппараты управления страной – это сборище огромного количества людей, из которых никто не произвел ни пуда хлеба, ни аршина мануфактуры, ни иголки или булавки. Вся эта организация живет за счет прибавочного продукта, создаваемого рабочими и крестьянами. Этот прибавочный продукт выкачивается государством в виде налогов, прямых и косвенных. Например, наше царское правительство выколачивало таким путем из рабочих и крестьян более 3 млрд золотом. (Если это перевести на нынешние бумажные деньги и их покупательную способность, это будет больше 300 млрд, т.е. в три раза больше того, сколько есть всех денег во всей России.) Лишь небольшая часть налогов шла на производство, например, на постройку железной и шоссейной дорог, пароходов, мостов, государственных заводов и т.д.

Что касается пролетарского государства, то в тот период, пока длится Гражданская война, пока сопротивление буржуазии не сломлено, этому государству отчасти также приходится быть органом, стоящим над производством. Труд многих органов пролетарского государства не есть труд, создающий новые ценности. Наоборот, ряд государственных органов живет за счет продуктов, создаваемых рабочими и крестьянами. Таковы, например, весь наш военный аппарат и Красная армия, органы управления, органы борьбы с контрреволюцией и т.д. Но для пролетарского государства характерно как раз не это, т.е. не то, что делает это государство похожим на государство эксплуататоров. Для пролетарского государства характерно именно то, что эта организация постепенно перерождается из непроизводительного организма в организацию управления хозяйством.

§ 123. Пролетарское государство – производительный аппарат. Уже задолго до окончания Гражданской войны пролетарское государство в главной своей части обслуживает производство и распределение продуктов. Это с полной ясностью обнаружива-

ется при одном только перечислении центральных и местных комиссариатов. Самая крупная из советских организаций – это Высший совет народного хозяйства со всеми его разветвлениями. Это – организация исключительно производственная. Затем следуют комиссариаты: земледелия, продовольствия, путей сообщения, труда – организации также производственные, распределительные или обслуживающие рабочую силу. Далее – Комиссариат народного просвещения с проведением программы единой трудовой школы превращается в организацию по подготовке образованной рабочей силы. Здравоохранение в пролетарском государстве – орган охраны здоровья трудящихся, социальное обеспечение – обеспечение преимущественно бывших трудящихся или будущих трудящихся (приюты, колонии и т.д.). Даже Комиссариат управления превратился главным образом в организацию помощи и руководства для местного, главным образом муниципального хозяйства. В общем и целом, пролетарский государственный механизм превращается в огромную организацию, которая руководит народным хозяйством и с разных сторон, в различных областях обслуживает его. Это с полной очевидностью выступает из рассмотрения бюджета Советской республики. Вот наиболее характерные расходы.

Было ассигновано на I-е полугодие 1919 г. в млн рублей:

Высший совет народного хозяйства	10 976
Народный комиссариат продовольствия	8 153
« путей сообщения	5 073
« просвещения	3 888
« здравоохранения	1 228
« социального обеспечения	1 619
« земледелия	533
« по военным делам	12 150
« морским »	521
« иностранных дел	11
« национальных »	17
« юстиции	250
« внутренних дел	857
Чрезвычайная комиссия	348

Из этих цифр мы видим, что оборона Республики отнимает еще очень много средств. Но отбросьте этот расход, вызванный чрезвычайными обстоятельствами, и станет вполне ясно, что девять десятых расходов пролетарского государства – это расходы на производство, на управление им, на обеспечение его функционирования в будущем, на поддержание рабочей силы и т.п. чисто хозяйственные расходы.

Этого мало. На коммунистических субботниках и работники производственных организаций, и красноармейцы, и военные комиссары отдают свой долг производительному труду, хотя вначале, конечно, в скромных размерах. До 1919 г. в мире еще не было государства, чиновники которого регулярно чинили бы паровозы и разгружали дрова для этого государства.

§ 124. Бюджет пролетарского государства. Выше мы видели, что чем дальше, тем больше расходы пролетарского государства делаются производительными расходами. Спрашивается, из каких же источников должны черпаться его доходы?

Финансы Советской республики России дают об этом некоторое представление.

Советская власть в начале своего существования имела некоторое количество доходов чрезвычайного характера: таковы были конфискованные вклады буржуазии в банках, наличные государственные средства, оставшиеся от старого правительства, суммы, поступившие от контрибуции на буржуазный класс, суммы, вырученные от продажи

конфискованных запасов у частных торговцев и фирм и т.д. Но все эти доходы оказались крайне невелики в сравнении с необходимыми расходами. Правда, контрибуции на капиталистов некоторое время были единственным почти источником для существования местных Советов, но для центральной власти эти контрибуции никакой существенной поддержки оказать не могли. Наконец, этот источник оказался слишком недолговечным, т.е. буржуазия была действительно обобрабана или же, что было в большинстве случаев, разбежалась, припрятав свои сбережения. Прогрессивно-подоходный налог также не дал и не дает больших результатов. Поскольку он касается служащих и рабочих, то он не имеет никакого смысла, так как в виде налога государство берет часть того, что платит в виде жалованья. Поскольку он касается городской буржуазии, то ввиду того, что эта буржуазия официально почти не существует и легально не занимается своим ремеслом, его до крайности трудно собирать и фактически эти сборы оказались весьма ничтожными. Более успешно этот налог может собираться среди зажиточной части крестьянства, но для регулярных его поступлений нужна регулярная систематическая работа податных органов, поддержанных местными, главным образом волостными органами власти. Но весь этот аппарат еще недостаточно налажен, чтобы обеспечить успех дела. Что же касается среднего крестьянства, то обложение его, пока длится Гражданская война, нежелательно по политическим соображениям, чтобы не оттолкнуть его от пролетариата. Попытка собрать чрезвычайный революционный налог в 10 млрд кончилась неудачей, так как было собрано менее 2 млрд с величайшими усилиями. Основным источником доходов государства оставалось печатание бумажных денег. Выпуск бумажных денег, поскольку на эти деньги можно еще покупать, является, в сущности, особой формой налога. Этот выпуск, приведя к обесцениванию денег, косвенно приводит к экспроприации денежного капитала буржуазии, сводя его покупательную способность к ничтожной части того, что можно было буржуазии за эти деньги купить раньше. Разумеется, выпуск бумажных денег не может долго служить источником доходов государства, которое стремится к уничтожению денег вообще. Перед пролетарским государством встает вопрос о том, как построить свои доходы на более прочном основании.

Таким прочным основанием является само производство. Если выпуск денег в качестве доходной статьи удавался, это происходило потому, что этот вид налога взимается незаметно. Точно так же совершенно незаметно возможно получение косвенных налогов от государственных монополий. Этот вид доходов государства и глубоко правилен по существу. Ведь стоимость производства любого продукта, выпускаемого государством, должна включать в себя также издержки по управлению производством. А такое управление и осуществляет пролетарский государственный аппарат. Практически значит, если перевозка пассажиров обходится в миллиард рублей в год, государство может назначить проездную плату в таком размере, чтоб выручить на пассажирском движении миллиард двести миллионов. Если вся изготавливаемая мануфактура стоит 5 млрд, можно продать ее за 6 млрд и т.д. Излишек должен идти на содержание государства. Эти доходы от монополий можно себе, конечно, представить не только в денежной форме, а и прямо в виде отделения определенного количества продуктов.

Если пролетарское государство превращается в орган управления всем социалистическим хозяйством в целом, то вопрос о его содержании, т.е. наш старый вопрос о бюджете, весьма упрощается. Дело будет идти просто о выделении определенного количества средств на определенный хозяйственный расход.

Но если вопрос о государственном бюджете чрезвычайно упрощается, то не так просто обстоит дело с выяснением того, какая часть продуктов может быть потреблена, т.е. израсходована во всем хозяйстве. Надо будет с величайшим умением рассчитать, какое количество продуктов может быть потреблено без остатка, какое должно составить запас, какое должно служить для расширенного воспроизводства и т.д.

Так, вопрос о государственном бюджете, с уничтожением государства как паразитического аппарата, превращается в общий вопрос о распределении всех продуктов социалистического общества, потому что государственный бюджет превращается в часть общего бюджета социалистического общества в его целом.

Литературы по этому вопросу почти нет.

Можно указать — П о т я е в А. Финансовая политика советской власти.

Г л а в а XVII

Программа коммунистов в жилищном вопросе

§ 125. Жилищный вопрос в капиталистическом обществе. § 126. Жилищный вопрос в пролетарском государстве.

§ 125. Жилищный вопрос в капиталистическом обществе. Нигде привилегии буржуазного класса не выступают так ярко, как в области жилищ. Лучшие кварталы городов заселены буржуазией. Все лучшие улицы как по чистоте, [так и] по обилию садов и деревьев заселены имущими классами. Наоборот, рабочий класс во всех решительно странах загнан на окраины. Он загнан туда совсем не потому, что большинство заводов обыкновенно располагается на окраинах города. Если завод расположен в центре города, рабочие этого завода все равно ютятся где-нибудь в рабочих слободках, на окраинах. А фабриканты предприятий, построенных на концах города, живут все равно в центре.

Буржуазные семьи занимают целые особняки или квартиры с числом комнат, превышающим число жильцов, пользуются садом, ваннами и всеми удобствами жизни.

Рабочие семьи сбиваются в подвалах, отдельных комнатах, маленких квартирках или, что очень часто, живут в общих бараках, как арестанты общих камер тюрьмы. Вдыхая весь трудовой день в свои легкие фабричный дым, опилки, стружки, пыль, рабочий должен вдыхать всю ночь в комнате, где часто спят 5–6 детей.

Неудивительно, что статистика очень скоро подметила, насколько быстрее мрут люди в рабочих кварталах, у которых рабочий день длинен, но коротка лачуга и коротка жизнь.

Вот данные. В Англии на каждые 1000 человек смертность 22 человека в год. В буржуазных кварталах смертность падает до 17, в специально рабочих округах повышается до 36, а в кварталах, населенных беднейшей частью рабочих, смертность возрастает до 40–50 на тысячу. В столице Бельгии Брюсселе в рабочих кварталах умирает один человек из 29, в лучших буржуазных кварталах один из 53, т.е. смертность в рабочих кварталах почти в два раза больше, чем в буржуазных.

Средняя продолжительность жизни буржуа, живущих в светлых, сухих и теплых квартирах, почти в полтора раза выше, чем продолжительность жизни у обывателей окраины с их подвалами и чердаками.

В Будапеште средняя продолжительность жизни была у лиц, умерших в возрасте свыше 5 лет:

У имевших	1–2 жителя на комнату	– 47,16 лет
	2–5 «	– 39,51 »
	5–10 «	– 37,10 »
	более 10 «	– 32,03 »

Еще более увеличивается смертность среди рабочих детей в сравнении со смертностью буржуазии. В буржуазных квартирах, имеющих не более одного жильца на комнату,

смертность детей в возрасте до 1 года вчетверо меньше, чем в квартирах, где на каждую комнату приходится более 3 жильцов. В возрасте от 1 года до 5 л[ет] смертность в буржуазных квартирах вдвое меньше, чем в рабочих.

Но рабочие не только вынуждены умирать раньше буржуа на 15 лет в среднем в своих гнилых и душных квартирах, они вынуждены еще платить за это удовольствие капиталистам-домовладельцам. За каждый угол, за каждый подвал, за каждый чердак, не говоря уже о настоящей комнате или квартире, надо платить подать домовладельцам. Не заплатишь – будешь выгнан на улицу. Плата за квартиру всегда съедала у рабочих значительную часть дохода – от 15 до 25% всего месячного дохода рабочего. Этот расход не только не уменьшался или не уменьшается, а увеличивается в капиталистических странах. Например, в Гамбурге из каждых ста марок дохода (марка – около 50 коп. по довоенному курсу) уходило на квартирную плату:

	1868 г.	1881 г.	1900 г.
У получавших доход в год от 900–1 200 мар[ок]	19,8%	24,1%	24,7%
1 200–1 800 «	19,9%	18,9%	23,2%
1 800–2 400 «	20,3%	19,5%	21,6%
6 000–9 000 «	16,5%	15,7%	15,1%
30 000–60 000 «	6,7%	8,1%	6,0%
свыше 60 000 «	3,7%	3,9%	3,0%

Таким образом, чем меньше доход, тем больший процент дохода падает на квартиру и тем быстрее растет эта доля с каждым годом. Наоборот, у буржуазии на квартиру процент расхода почти в шесть раз меньше на каждую сотню рублей дохода, и этот процент не увеличивается, а скорее уменьшается.

§ 126. Жилищный вопрос в пролетарском государстве. Пролетарская революция произвела полный переворот в жилищных отношениях. Советская власть приступила к национализации буржуазных домов, отменила долги рабочих за квартиру в одних случаях, понизила ее в других. Мало этого. На очереди составлен, а отчеты проведен в жизнь план отмены всякой квартирной платы для рабочих, живущих в национализированных домах. Затем в наиболее крупных городах началось систематическое переселение рабочих из подвальных помещений, полуразрушенных домов и нездоровых кварталов в буржуазные особняки и огромные дома центральных кварталов. Кроме того, началось систематическое снабжение рабочих мебелью и всеми предметами домашнего обихода.

Задача коммунистической партии состоит в том, чтобы продолжать и далее эту политику, усовершенствовать домовое хозяйство, бороться с запущенностью национализированных домов, не допуская ухудшения постановки в них дела с ремонтом и соблюдением чистоты, поддерживать в сохранности все приспособления вроде [водо]провода, канализации, парового отопления и т.д.

В то же время советская власть, проводя в широких размерах национализацию крупного капиталистического домовладения, не имеет ни малейшей необходимости затрагивать интересы мелкого домовладения: домовладельцев из рабочих, служащих и просто обывателей. Попытки провести самую широкую национализацию также и небольших домов, имевшие место в провинции, привели только к тому, что за национализированными домами и домиками некому было смотреть, они стали разрушаться, и часто не имелось даже охотников в них жить. Между тем среди мелкого домовладения это возбуждало ропот и возмущение против советской власти.

Советская власть, поставленная перед лицом тягчайшего квартирного кризиса в городах, вызванного прекращением новыхстроек, проделала также огромную работу по

справедливому распределению всех граждан во всех домах. Квартирные отделы Советов берут на учет свободные квартиры городов, вселяя в них квартирантов по определенному плану. В то же время эти отделы выясняют наличность и вместимость всех домов каждого крупного города и уплотняют квартиры тех семейств и отдельных лиц, которые пользуются количеством комнат сверх нормы.

С ликвидацией Гражданской войны и производственной разрухи начнется усиленный рост городского населения. Разбежавшийся по деревням пролетариат начнет возвращаться в город. Туда же потянется избыточное население деревни. Перед советской властью встанет тогда вопрос о новых постройках – о таких постройках, которые должны удовлетворять жилищным потребностям коммунистического общества. В настоящий момент трудно еще сказать, какой тип постройки явится наилучшим: огромные ли дома со всеми удобствами, садом, общей столовой и проч. или же благоустроенные небольшие рабочие домики. Ясно лишь одно: программа жилищная не должна будет противоречить программе соединения промышленности с земледелием. Она должна способствовать рассасыванию города по его сельским окрестностям, а не увеличивать скученность на одном месте сотен тысяч и миллионов людей, лишенных возможности дышать свежим воздухом, оторванных от природы и обреченных на преждевременное вымирание.

Литература [к главе XVIII]: Энгельс Ф. Жилищный вопрос; Федорович. Жилые помещения рабочих; Дементьев Э. А. Фабрика, что она дает населению и что от него берет; Светловский В. Жилищный вопрос на Западе и в России; Покровская М. Улучшение рабочих жилищ в Англии.

Глава XVIII

Охрана труда и социальное обеспечение*

§ 126. Что такое охрана труда? § 127. Главные области охраны труда. § 128. Что сделано в области охраны труда в России? § 129. Что такое социальное обеспечение? § 130. Главные области социального обеспечения. § 131. Что сделано в области социального обеспечения. § 132. Другие мероприятия по улучшению положения рабочего класса. § 133. Дальнейшие задачи партии.

§ 126. Что такое охрана труда? Рабочий класс борется за коммунистический строй потому, что этот строй избавит его от эксплуатации и позволит развить производительные силы настолько, что человеку нечего будет корпеть целыми днями над производством самых необходимых вещей. Поэтому все завоевания, которые рабочий класс делает на своем пути к коммунизму, по сути дела, являются прямо или косвенно охраной труда: они ведь способствуют улучшению положения рабочей силы. Возьмем, например, политическую свободу рабочего класса при Советской республике и положение рабочего класса как господствующего класса. Ясно, что это политическое положение есть в то же время шаг вперед в смысле охраны труда. То же можно сказать решительно о всех завоеваниях рабочего класса. Однако от этого широкого понятия «охраны труда» следует отличать более специальное понятие. Здесь речь идет не о положении рабочего класса вообще, а о положении рабочего класса на фабрике, заводе, руднике, другими словами, о положении его в процессе самого труда. В самом деле, работа на фабриках и заводах, при многих машинах, часто среди ядовитых испарений – это громадная опасность. Эта опасность еще более усиливается долгим рабочим днем, который утомляет

* Эта глава написана Бухариным. (Прим. автора.)

рабочих, выматывает все силы, ослабляет внимание и тем способствует росту несчастных случаев. Но и сам по себе длинный рабочий день страшно истощает организм.

Этих нескольких примеров достаточно, в сущности, чтобы выяснить, как от обстановки труда и от его условий зависит состояние работающих. Но здесь все же необходимо остановиться на этом несколько более подробно.

1. Прежде всего вопрос о «несчастных случаях». Вот некоторые цифры. На Невском судостроительном заводе в Петербурге несчастные случаи исчислялись таким образом:

Число несчастных случаев	Число рабочих	На 1000 раб[очих] несчастных случаев
в 1914 г.	4 386	709
в 1915 г.	4 689	669
в 1916 г.	2 830	371
в 1917 г.	1 269	210

Падение числа несчастных случаев вызывалось главным образом рядом специальных мер. Но и то 210 несчастий на 1000 рабочих — это цифра громадная.

Несчастные случаи по своему числу иногда доходят до 70% всего числа рабочих. По свидетельству одного врача, полевые работы в Екатеринославской губернии приводили к тому, что земские больницы напоминали приемные покои военного времени. Несчастные случаи наблюдались не только в России, но, разумеется, повсюду. В английском парламенте социалист Макдональд приводил однажды расчет, что из 1200 человек, убитых в рудниках, 1100 погибло только потому, что капиталисты не приняли самых необходимых мер безопасности.

Этот последний пример показывает нам, что при желании можно чрезвычайно сократить количество несчастных случаев. Но капиталистам было невыгодно тратить на ряд необходимых приспособлений.

2. Вредная обстановка труда и связанные с ней профессиональные болезни, смертность и т.д. — второй основной вопрос.

Возьмем, например, фосфорные заводы. По свидетельству Лазарева, на этих заводах в России, где не было никаких усовершенствований, пяти лет работы оказывалось достаточным, чтобы превратить человека в «ходячий труп». На химических, стеклянных заводах, на рудниках и т.д. производство связано с рядом так называемых профессиональных заболеваний. Но и в других производствах можно наблюдать сходные явления: расширение вен у работающих стоя, поражение челюстей у работающих с фосфором, отравление ртутью и мышьяком, туберкулез (чахотка) во многих отраслях и т.д. Приведем несколько цифр.

Ежегодно в Англии умирало от чахотки (в 1900—1902 гг.) по расчету на 1000 человек:

у духовенства	55	человек
в земледелии и скотоводстве	76	«
у адвокатов и нотариусов	92	«
чиновников	129	«
в стеклянном производстве	283	«
гончарном и фарфоровом	285	«
у наборщиков	300	«
в щетином производстве	325	«
производстве ножей и вилок	533	«
у рудокопов	579—816	«

По данным доктора Баранова, смертность от чахотки среди пролетариата равнялась:

у папиросниц	63,4%
граверов	58,3%
наборщиков	53,1%
портных	50,9%
камнетесов	50,6%
слесарей, токарей, сапожников, переплетчиков, жестянщиков	46–47%
коробочников и столяров	45–45,5%

По данным германской статистики, смертность от чахотки среди шлифовальщиков металла в Золингене была в четыре раза больше средней смертности от той же болезни.

3. Кроме явных заболеваний в связи с плохими условиями труда стоит и вырождение рабочего класса вообще. Это находит свое отражение в росте числа бракуемых при приемах на военную службу. С каждым годом увеличивается число слабых, низкорослых и т.д., причем среди пролетариев их гораздо больше, чем среди остальных слоев населения. В Швейцарии число забракованных рабочих равняется 39 $\frac{1}{2}$ % общего числа явившихся, число же забракованных жителей деревни – только 25%. То же наблюдается и в других странах. У женщин общее вырождение часто связывается с полной потерей способности рожать.

Все это вместе взятое, как видит всякий, связано с условиями производства. Класс капиталистов не был заинтересован в охране труда и вел по отношению к рабочей силе и к политике: выжать человека и выбросить шелуху вои. Такова политика и самого «прогрессивного» капитала – американского. Там принимают на фабрику только здоровых, осматривая и ощупывая их мускулы со всех сторон. Слабосильных рабочих не впускают даже в страну, считая, что это – плохой рабочий скот. Но в Америке рабочие редко-редко доживают до 45-летнего возраста. Из них самым «прогрессивным» образом буквально вытягивает жилы господин Капитал.

Само собой разумеется, что диктатура пролетариата впервые даст возможность поставить дело охраны труда на настоящую ногу. Рабочий класс прямо заинтересован в сбережении рабочей силы. Он должен поставить вопрос о самом тщательном отношении к этой драгоценнейшей и важнейшей производительной силе. Коммунистический строй будет поконять не на бессмысленной, преступной, вредной растрате человеческих сил, а на высокой технике, цель которой – сберечь эти силы. Вот почему охрана труда получает такое громадное значение в переходный к коммунизму период жизни человечества.

Итак, под охраной труда подразумевается охрана работающих от вредных условий производства.

§ 127. Главные области охраны труда. Наиболее важным условием сохранения рабочего класса и предупреждения его вырождения, заболеваемости, повышенной смертности и т.д. является нормальный рабочий день. Немудрено поэтому, что рабочий класс постоянно ставил во главу угла своей борьбы как раз борьбу за сокращение рабочего дня. Рабочий день определяет ту трату человеческой энергии, которая превращается в продукты, а в капиталистическом обществе и в прибыль капиталиста, который поэтому так заинтересован в удлинении рабочего дня. При перерасходе своих сил рабочий подрывает возможность дальнейшей работы: он «снашивается» быстрее, его организм ослабляется, он легче заболевает и скорее умирает. Ненормально длинный рабочий день есть хищническая растрата человеческой энергии, установление нормального рабочего дня – это первая область охраны труда.

Второй областью является охрана наиболее слабых элементов рабочего класса. Рабочий класс состоит не только из взрослых мужчин. Он состоит и из стариков, и из детей, и из подростков, и из женщин всех возрастов. Понятно, что сопротивляемость вредным условиям различна у разных частей рабочего класса. Что может без труда и без ущерба для своего здоровья сделать взрослый мужчина, то крайне вредно может отразиться на женщине (например, переноска тяжестей) и быть абсолютно губительным для подростка. Женщины, кроме того, нуждаются в особой охране в некоторые моменты своей жизни (беременность, роды, период кормления грудью и т.д.). Здесь, следовательно, нужны особые меры. Такова охрана труда женщин и детей.

Наконец, в-третьих, очень важна область технического и санитарного оборудования фабрик и заводов. В борьбе с несчастными случаями, с вредным влиянием производства, с плохими условиями работы вообще (пыль, отсутствие света, холод, сквозняки, грязь и т.д. и т.д.) можно и должно сделать чрезвычайно много.

Таковы три главные области, где действует «охрана труда».

§ 128. Что сделано в области охраны труда в России? Диктатура пролетариата создала такие условия, что можно было полностью провести те требования, которые выставлялись всеми социалистическими партиями. В этом отношении ни одно законодательство в мире не может спорить с законодательством Советской республики. Наши несчастия, которых у нас хоть отбавляй, зависят здесь не от плохих законов, а от того, что у нас всего мало, что многого не хватает. Но это, как мы видели выше, зависит от той борьбы, которую ведет против нас мировой империализм, и от той империалистской бойни, которую вели враги рабочего класса между собой.

В общем, подводя итоги тому, что сделано в области охраны труда и что стало законом Советской республики, мы получаем такую картину.

а) Ограничение рабочего времени.

Здесь советская власть провела целый ряд мероприятий.

1. Окончательно установлен 8-часовой рабочий день, закрепленный законом (чего усиленно избегало соглашательское правительство), и 6-часовой — для умственного и конторского труда.

2. Запрещены, как правило, сверхурочные работы, разрешаемые лишь в исключительных случаях и в ограничении количества, с оплатой в полуторном размере.

3. Сокращен рабочий день в особо вредных производствах, например до 7 часов в табачном, до 6 часов в газовом.

4. Установлен нормальный 42-часовой отдых в неделю (с этой целью по субботам рабочий день сокращен повсюду до 6 часов). Кто не пользуется воскресным днем, тому предоставляется какой-либо другой день среди недели.

5. Каждому трудящемуся предоставляется раз в году отпуск с полным сохранением содержания (по кодексу труда на один месяц, в настоящее тяжелое время — осень 1919 г. — на две недели).

6. В особо вредных производствах и для подростков, едущих в колонии, предоставляется дополнительный двухнедельный отпуск.

б) Охрана женского и детского труда.

1. Женщинам, как правило, запрещены ночные, сверхурочные и подпольные работы.

2. Запрещены приемы на работу малолетних, не достигших 16 лет. Проводится постепенное снятие их с работы (в первую очередь с вредных производств) с одновременным предоставлением им материального обеспечения и размещения их по школам.

3. Сокращен рабочий день несовершеннолетним (для оставляемых на работе малолетних – 4 часа, для подростков от 16–18 лет – 6 часов).

4. Запрещены сверхурочные, ночные и поденные работы для всех, не достигших 18-летнего возраста.

Специально относительно охраны материнства проведены следующие законы:

1. Установлено пособие всем беременным и роженицам, как самим работницам, так и женам рабочих, в течение всего времени освобождения от работы по беременности и родам, в размере полного заработка.

2. Беременные отпускаются за 8 недель до родов – занимающиеся физическим трудом и за 6 недель – умственным и конторским.

3. Роженицы отпускаются также соответственно на 8 и 6 недель после родов.

4. Матери, кормящие грудью, пользуются освобождением от работы через каждые 3 часа на полчаса.

5. Всем матерям выдается дополнительное пособие на предметы ухода за ребенком в размере 720 руб. и на кормление ребенка в размере 24 руб. в день в течение 9 месяцев со дня родов.

В этих проведенных в жизнь мероприятиях есть кое-какие отступления от Кодекса законов о труде. Эти отступления состоят в том, что в исключительных случаях допускаются сверхурочные работы с ограничением их 50 днями в году; в том, что разрешен труд малолетних от 14 до 16 лет с ограничением рабочего дня 4 часами; в том, что месячные отпуска временно заменены двухнедельными; в том, что продолжительность ночных работ пришлось увеличить до 7 часов.

Все эти отступления вытекали из того крайне тяжелого положения, в которое республика Советов была поставлена благодаря зверскому натиску всех сил империализма.

в) Техническое и санитарное оборудование фабрик.

Здесь проведены такие меры:

1. Издан ряд обязательных постановлений в области технической безопасности, санитарии и профессиональной гигиены, направленных к значительному улучшению условий труда на фабриках и заводах.

2. Во всех вредных производствах проведена выдача специальной одежды, защищающей от пыли, газов, сырости и т.д.

3. Для всех рабочих выдается производственная одежда, являющаяся собственностью предприятия и предоставляющаяся в пользование рабочего на время работы.

4. Для действительного проведения в жизнь всех начинаний в области охраны труда учреждена инспекция труда, избираемая широкими рабочими конференциями. Для отдельных профессий, отличающихся особыми условиями труда или распыленностью работающих (транспорт, строительные, земледельческие и т.д.), избирается соответствующими союзами специальная поучастковая инспекция труда.

Насколько подвинулось вперед дело участия с а м и х рабочих в этой области, видно из цифр, которые показывают состав новых инспекторов. Они показывают, что к 1 августа 1919 г. 53 1/2% всех инспекторов составляли рабочие.

Действительная цифра должна быть гораздо выше, потому что относительно многих их «профессия» не выяснена. Если считать число рабочих (выясненных) по отношению к общему числу выясненных, то этот процент повысится до 62 1/2, вместе со служащими он доходит до 88 1/2!

Вот более подробные данные (к 1 августа 1919 г.). По профессиям инспектора распределялись следующим образом:

рабочих	112 чел.	или	54½% всего числа	(62½% выяснено)
мастеров, техников, чертежников	21		10%	11½%
служащих (торговцев и контор)	28		13%	15½%
фельдшеров	4		2%	2%
фармацевтов	1		½%	½%
учителей	5		2%	2½%
студентов	4		2%	2%
врачей	5		2½%	2½%
инженеров	1		½%	½%
юристов	1		½%	½%
не выяснено	28		13%	—

По сравнению с предыдущим полугодием количество рабочих слегка увеличилось (53½% против 47%, или 62½% выясненных против прежних 60%); процент мастеров и техников остался почти тем же (10% против 11); значительно увеличилось количество служащих (13% против 8%). Уменьшилось втрое сравнительное количество студентов (2% против 6), а абсолютное — вдвое (4 и 8), остальные, мелкие, остались почти без перемен.

Таким образом, у нас действительно появляется настоящая рабочая инспекция, рабочая и по своим целям, и по своему составу.

Однако как раз в области охраны труда на самих фабриках остается сделать еще очень много. В массе случаев у нас процветают еще ужасные условия работы, в особенности в остальных предприятиях, где рабочие плохо организованы, малосознательны и малокультурны. В таких дырах все или почти все осталось по-старому. Часто, правда, нельзя сделать необходимых улучшений, требующих новых приспособлений и нового оборудования. Но много можно еще сделать и без этого, если вовлекать все более широкую массу в дело улучшения трудовой обстановки.

§ 129. Что такое социальное обеспечение? Капиталистический строй, как мы видели, ставил своею целью выжимание из рабочего класса прибыли. Наемный рабочий, пролетарий, был просто-напросто средством наживы для капиталиста. И как только это живое средство портилось или оказывалось негодным либо лишним, его беспощадно выбрасывали, как выжугую лимонную корку или яичную скорлупу. Бедствия безработицы, болезнь, старость, увечье — ни с чем не считался капитал: он вышвыривал громадные массы людей за борт, вовсе даже не стараясь им помочь или помогая лишь наиболее преданным элементам, вроде благонадежных чиновников, из которых он уже выжал все жизненные соки.

В Советской республике трудящиеся и бедняки не являются предметом эксплуатации. Но из этого не следует, чтобы у нас не было громадных бедствий. В нашей стране, истерзанной врагами, блокируемой со всех сторон, отрезанной от угля, нефти и сырья, бедствий великое множество. Не капиталист выбрасывает с фабрики, но эту фабрику приходится иногда закрывать, потому что нет топлива или сырья — вот вам и безработица. Это не безработица прежнего вида; она происходит от совсем других причин, но она есть. Нам остались от империалистской войны инвалиды и увечные; у нас масса жертв контрреволюции; старики, больные, дети — все это требует забот и затрат. Рабочее правительство не смотрит на помощь всем этим элементам как на подачку, милостыню или благотворительность. Это есть прямая обязанность рабочего государства поддержать их, в особенности тех, кто вышел из строя трудовой или Красной армии.

Нашей конечной целью является такое состояние общества, когда все люди, поте-рявшие почему бы то ни было трудоспособность, не могущие работать, были бы полно-стью обеспечены: чтобы старики имели покойную старость, все удобства жизни; чтобы дети имели все нужное в их возрасте; чтобы больные и увечные жили в лучших и самых подходящих для них условиях; чтобы усталые и истощенные лечились так, как в пре-жние времена самые богатые буржуа; чтобы не было у людей постоянной, судорожной заботы о «черном дне».

Конечно, иа это ни в малой степени не похоже наше теперешнее положение. Мы сейчас нищая страна по милости всесветных разбойников. У нас нет самых обыкновен-ных вещей: лекарств, иапример: их не ввозят империалисты – они нас ведь блокиру-ют... Но в одиом нельзя отказать советской власти: она не жалует средств, чтобы хоть как-нибудь помочь нетрудоспособным и обеспе-чить их.

§ 130. Главные области социального обеспечения. Главных областей социально-го обеспечения две. Это, во-первых, обеспечение лиц, которые потеряли трудоспособ-ность или же лишились работы, будучи занятыми каким-либо трудом (фи-зическим или умственным). Сюда относятся случаи безработицы, случаи потери трудоспособности, либо временной (болезнь, ранение, беременность, роды), либо по-стоянной (инвалидность, старость, хроническая, постоянная болезнь). Во-вторых, это обеспечение лиц, пострадавших или лишившихся трудоспособности не на работе, не в производстве. Сюда относятся инвалиды старой войны, раненые красноармейцы, семьи красноармейцев, пострадавшие от контрреволюции, пострадавшие от каких-либо стихийных бедствий или несчастий (пожары, наводнения, эпидемии и т.д.). Наконец, необходимо иметь в виду и других нетрудоспособных, жертв старого общественного порядка и гиусиых общественных отношений. К этой категории принадлежат нищие, беспризорные и бесприютные, дефективные (вырожденцы, слабо-умные и т.д.).

Кроме того, помощь требуется в случае смерти членов семьи. Все эти элементы, подлежащие обеспечению, составляют огромное количество людей. Первая категория их (потерявшие трудоспособность или лишившиеся работы, но связанные с производ-ством так или иначе) состоит в ведении комиссариата труда, который фактически нахо-дится в руках профессиональных рабочих союзов; вторая категория – в ведении комис-сариата социального обеспечения.

§ 131. Что сделано в области социального обеспечения? Советская власть прове-ла, в общем и целом, обеспечение трудящихся при всех видах потери трудоспособности, в том числе и при безработице, чего нет нигде в мире.

Вот каковы мероприятия, проведенные для обеспечиваемых первого вида:

1. Все лица, занятые насмим трудом, освобождены от расходов на социальное стра-хование.

2. От дела организации социального обеспечения и охраны труда совершенно уст-раисны предприниматели, а все органы существуют на основе представительства рабо-чих организаций.

3. Введено обеспечение во всех случаях потери трудоспособности и при безра-ботице.

4. Введено обеспечение членов семейств трудящихся в случае смерти последних.

5. Введена выдача пособия в размере полного заработка трудящегося при болезни, увечье, карантине и проч. случаях временной иструдоспособности.

6. Установлена пожизненная пенсия в размерах до 1800 руб. в месяц (по г. Москве) всем инвалидам труда, независимо от причины, вызвавших инвалидность (старость, увечье, профес[сиональные] болезни и т.п.), и независимо от числа лет работы.

7. Введена выдача пособий на похороны трудящихся в размере 1440 руб., а на членов семейств — от 400 до 800 руб., в зависимости от возраста.

8. При смерти трудящихся семье назначается пожизненная пенсия в размере до 1200 руб. (по г. Москве) в месяц, в зависимости от числа членов семьи.

9. Для более целесообразного разрешения вопроса о назначении пенсий при отделах труда созданы особые рабочие комиссии, назначающие пенсию и пособия.

10. Во всех губерниях созданы бюро экспертизы под председательством рабочих, которые и определяют степень инвалидности.

11. Во всех уездах созданы контрольные комиссии под председательством рабочих для наблюдения за лечением и для контроля за больными.

12. Для приближения обеспечения к местам во всех местностях, где живут рабочие, создаются пункты для приема заявлений по делам о пособиях и пенсиях и для выплаты пособий и пенсий, а в крупных предприятиях установлена выдача пособий в самих предприятиях.

13. Отменены ограничительные сроки для пособий. Теперь по болезни платится пособие до выздоровления, а при инвалидности — до смерти.

14. Социальное обеспечение распространено на всех без исключения лиц, занятых наемным трудом, и вводится для кустарей, ремесленников и крестьян.

15. На вторую половину 1919 г. на обеспечение рабочих и служащих Республика отпустила аванс в 5 млрд руб.

Из второй категории обеспечиваемых особенно важно обеспечение семей красноармейцев и самих красноармейцев.

Красноармеец-инвалид получает при полной потери трудоспособности (свыше 60%) пенсию в размере среднего заработка той местности, где он живет; размеры пенсии понижаются в зависимости от степени потери (при 15–30% получает $\frac{1}{3}$ заработка); земля красноармейца должна быть запахана, и его хозяйство снабжено посевным материалом; семьям должен выдаваться паек в размере, который зависит от количества нетрудоспособных членов семьи; члены семей красноармейцев освобождаются от уплаты за квартиру, получают дополнительную продовольственную карточку; в случае смерти красноармейца нетрудоспособные и необеспеченные члены его семьи получают пенсию в размере 60% среднего в данной местности заработка при одном нетрудоспособном и полного заработка при трех и более нетрудоспособных и т.д. и т.д.

На денежные пособия красноармейским семьям за первую половину 1919 г. был израсходован 1 млрд 200 млн, на второе полугодие было ассигновано $3\frac{1}{2}$ млрд руб. По данным т. Винокурова, к осени 1919 г. получают пособия около $4\frac{1}{2}$ млн красноармейских семейств.

Кроме того, с 4 июля по 1 декабря 1919 г. было переведено в губернии больше	2½ млрд руб.
На сельскохозяйственную помощь разассигновано	200 млн руб.
» квартирное довольствие	150 «
» пенсии красноармейцам	100 «
» на помощь инвалидам войны	168 «

Одним из крупнейших недостатков в деле социального обеспечения является у нас плохо действующий аппарат: плохой учет обеспечиваемых, плохая доставка денежных знаков на места, волокита в учреждениях комиссариата социального обеспечения и т.д. Улучшение организационного аппарата — непремная задача партии.

§ 132. Другие мероприятия по улучшению положения рабочего класса. Кроме тех мер, о которых говорилось выше, громадное значение для положения рабочего клас-

са имеет и целый ряд других мероприятий, вошедших в сборник (кодекс) законов о труде. Эти меры непосредственно вытекают из того, что пролетариат является господствующим классом, и потому они идут гораздо дальше тех требований, которые выставлялись в программах социалистических партий. Это главным образом три мероприятия:

во-первых, участие рабочих организаций в решении вопроса о найме или увольнении. Этот вопрос зависит от фабрично-заводских комитетов и рабочих правлений;

во-вторых, государственное регулирование заработной платы. Самое интересное здесь то, что расценки (тарифы) вырабатываются профессиональными союзами и проводятся через комиссариат труда, который фактически составляется из представителей профессионального движения;

в-третьих, обязательное приискание работы безработным особыми органами при Советах и профессиональных союзах (так называемые отделы распределения и учета рабочей силы).

Все эти мероприятия тесно связаны с господствующим положением всех рабочих организаций, и прежде всего профессиональных союзов.

§ 133. Дальнейшие задачи партии. Самой важной задачей является возможно более полное и широкое проведение в жизнь декретов и постановлений советской власти. Очень часто бывает, что действительность расходится с декретом, что на бумаге стоит одно, а в жизни другое. Полное, точное, правильное проведение в жизнь всех мероприятий обеспечивается в первую голову правильно поставленным организационным аппаратом, где центр связан с местами, а места с центром, где вся машина в ходу. Это, в свою очередь, возможно лишь в той мере, в какой к работе будут привлекаться сами массы. В этих целях необходимо:

1) усилить работы по организации и расширению инспекции труда; туда необходимо вливать все новые и новые добавочные силы из самих рабочих; никто лучше самих рабочих, прекрасно знакомых с условиями труда, не сможет замечать все недостатки и предпринимать практические меры к их устранению;

2) необходимо распространить инспекцию на мелкую и домашнюю промышленность. Эта промышленность постоянно оставалась в загоны. А между тем здесь как раз процветают часто самые ужасные условия труда. Рабочая инспекция помогла бы в этой области сделать очень многое;

3) необходимо также распространить охрану труда на все его виды, в том числе на строительных рабочих, сухопутный и водный транспорт, прислугу и сельскохозяйственных рабочих. Эти отрасли труда, разбросанные, менее поддающиеся организации, должны быть тоже включены в общую систему;

4) далее, необходимо окончательно снять с работы малолетних и провести большее сокращение рабочего дня для подростков.

Восьмичасовой рабочий день, который стоит в основе всей охраны труда, вовсе не является, с точки зрения нашей партии, пределом, ниже которого не может опускаться количество рабочих часов. С этой точки зрения такой, заранее данной границы нет. Все здесь зависит от состояния производительности труда. Сейчас, при крайней степени падения общего производства и продолжающейся разрухе, рабочий день не может понижаться, как общее правило; иногда он может даже (в связи с военным положением и т.д.) повышаться. Но при малейшей возможности мы должны будем осуществить нормальный шестичасовой рабочий день для всех рабочих, как он существует уже теперь для многочисленного слоя служащих.

С другой стороны, чтобы добиться этого повышения производительности и постоянно улучшать качество рабочей силы, полезно введение поощрительной системы оплаты.

Общие задачи социального обеспечения партия решает отнюдь не в духе благотворительности или поощрения паразитизма и тунеядства; помочь кому нужно — это обязанность пролетарской власти, точно так же, как ее обязанностью является облегчить ряду опустившихся лиц возвращение к трудовой жизни.

Литература к главе XVIII: Каплун С. Охрана труда и ее органы; Малютин Н. По пути к светлым дням коммунизма; Д-р Гельфер. Пролетарская революция и социальное обеспечение трудящихся; Проф. Пресс. Что такое социальная техника? Статьи в «Вестнике труда» и в изданиях Комиссариата соци[ального] обеспечения; Гольцман А. Системы премирования в металлической промышленности.

Глава XIX

Охрана народного здоровья

§ 134. Необходимость специальной охраны народного здоровья.

§ 135. Национализация медицинско-предпринимательских учреждений.

§ 136. Трудовая повинность медицин[ских] работников. § 137. Ближайшие задачи в области охраны народного здоровья.

§ 134. Необходимость специальной охраны народного здоровья. Капитализм всегда держал рабочий класс в грязных кварталах, кишевших заразой. Только под угрозой, что она сама падет жертвой эпидемий, предпринимала буржуазия кое-какие меры для того, чтобы хотя немного оздоровить кварталы своих наемных рабов. Еще в 1784 г. английский парламент расщедрился и стал заботиться о рабочих; это было потому, что специальная парламентская комиссия выяснила следующий факт: ужасная эпидемия тифа шла с фабрик. Капитализм заботился об охране здоровья населения ровно в той мере, чтобы предупредить свое собственное «заболевание».

Последствия империалистской войны резко ухудшили положение широких рабочих масс. Общие условия, голод, холод и т.д. породили громадные эпидемии, косившие народ направо и налево: холера, сыпной тиф и, наконец, новая болезнь, «испанка», появлялись одна за другой. «Новая» болезнь явно стояла в связи с войной. Истощенные, истрепанные, ослабевшие человеческие организмы не могут сопротивляться болезням. Смертность необычайно повышается во всех странах и приобретает характер настоящего бедствия.

Но война оставила и еще одно наследие: невероятное распространение венерических болезней, в том числе сифилиса. Солдаты болели этими болезнями массами, а потом разносили их по деревням и селам.

Никогда еще не было такого распространения венерических болезней, как теперь.

Все это, вместе взятое, требует особой деятельности по охране народного здоровья. Конечно, многое по борьбе с болезнями делается другими путями: громадное значение имеет, например, правильное решение в жизни жилищного вопроса: с улучшением рабочих жилищ исчезают источники заразы; такое же громадное значение имеет охрана труда; всякому понятно, что от того или другого состояния продовольственного дела, от питания населения зависит почти все и т.д.

Но это нисколько не исключает необходимости предпринимать и ряд особых, в общественном масштабе проводимых мероприятий.

А теперь, когда обстоит очень плохо [дело] с элементарными условиями существования, всякая добавочная помощь в борьбе со злом должна быть оказана. Так возникает настоятельная необходимость в особой отрасли общественной работы: в работе по охране народного здоровья.

§ 135. Национализация медицинско-предпринимательских учреждений. Капиталистическое общество имело в своем распоряжении и капиталистически организованную систему медицинской работы. Частные больницы, курорты, санатории, водо-, электро- и светолечебные заведения, аптеки, лечебницы и т.д. были организованы на началах, преследовавших цели барыша. Громаднейшее их количество предназначалось исключительно для излечения от жира, подагры и других аристократических болезней, свойственных господствовавшим классам капиталистического общества. По курортам рабочие ездить не могли; в санаториях никаких рабочих не было.

Аптечное дело служило точно так же целям получения прибыли. Все эти заведения в экономическом отношении ничем не отличались от другого рода предприятий.

Их нужно было перевести со службы капиталистическому карману на службу трудящимся. Первым шагом к этому была национализация этих учреждений.

§ 136. Трудовая повинность медицинских работников. Громадное количество эпидемических заболеваний и потребность их быстрой ликвидации должна была поставить на очередь вопрос о планомерной, организованной и ведущейся в крупнейшем объеме борьбе с этими эпидемиями. При сравнительно небольшом количестве медицинских работников, само собой разумеется, возникла острая потребность в их учете и в их мобилизации на фронт борьбы с эпидемиями в первую голову.

Благодаря такой мере, когда были использованы чуть ли не все медицинские силы, начиная от крупнейших профессоров и кончая студентами первых курсов и фельдшерами, удавалось останавливать грозные эпидемии: холеру и сыпняк.

Трудовая повинность медицинских работников имеет, однако, не только это «пожарное» значение. Она является, наряду с национализацией медицинских предпринимательских учреждений, одним из зародышей будущей организованной общественной санитарии и социальной гигиены.

§ 137. Ближайшие задачи в области охраны народного здоровья. При чрезвычайной недостатке в самых необходимых вещах (продовольствии для больниц и госпиталей; в лекарствах, в медицинских принадлежностях и инструментах и т. п.) работа до крайности затруднена. Эта работа сводится главным образом к трем основным областям, где развитие ее является целью нашей партии.

Во-первых, решительное проведение широких санитарных мероприятий. Здесь следует упомянуть оздоровление населенных мест; через загрязненные колодцы, канавы, ямы для стока воды, зловонные «свалки», выпребные ямы, клозеты и т.д. распространяются заразные болезни; охрана почвы, воды и воздуха составляет первейшее условие общественного здоровья. Затем сюда относится постановка общественного питания на научно-гигиенических основах; при скудости наших продовольственных запасов это является пока задачей весьма мало выполнимой; но гигиеническая постановка варки кушаний в общественных столовых, детских столовых, больницах и всех вообще общественных местах – дело выполнимое уже и сейчас. Необходима далее организация мер, предупреждающих развитие заразных болезней; санитарный надзор за учреждениями, частными жилищами, училищами; фильтрация воды, организация доставки кипяченой воды, дезинфекции, обязательные дезинфекции носильного платья и т.д. и т.п.

Во-вторых, необходима планомерная борьба с так называемыми «социальными болезнями», т.е. с теми, которые носят массовый характер и вызваны глубокими общественными причинами. Таковы, прежде всего, три болезни: туберкулез, вызываемый плохими условиями труда, венеризм, распространявшийся главным образом вместе с войной, и, наконец, алкоголизм, порождаемый дикостью, забитостью и варварством, с одной стороны, и паразитическим вырождением – с другой. Эти болезни не есть только болезни, касающиеся нас. Они окажут свое колоссальное влияние и на наших потомков. Человечеству угрожает серьезнейшая опасность, особенно

грозная потому, что сейчас, в силу истощения, эти болезни действуют особенно разрушительно.

Наконец, в-третьих, необходимо обеспечить население общедоступной и бесплатной медицинской и лекарственной помощью. Трудность теперь заключается в абсолютной нехватке лекарств. Эта нехватка вызывается не столько разрухой в нашем производстве, сколько блокадой; «гуманные» союзники хотят нас душить не только тем, что они отрезают от нас сырье и топливо, и не только «костлявой рукой голода», но и эпидемиями. Здесь вопрос упирается в нашу общую борьбу с мировым империализмом.

Литература к главе XIX: Семашко Н. Основы советской медицины; Проф. Линдеман. О мерах борьбы с сыпным тифом; Сб.: Год работы Нар[одного] комиссариата здравоохранения.

Бухарин Н., Преображенский Е.
Азбука коммунизма. Популярное объяснение
программы Российской коммунистической
партии большевиков М., 1920. С. 3–314.

№ 4. КНИГА Е.А. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
«БУМАЖНЫЕ ДЕНЬГИ
В ЭПОХУ ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ»⁵

1920 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вопрос о наших бумажных деньгах и об их судьбе, как и вопрос о денежном обращении в переходный период вообще, имеет не только теоретический, но и огромный практический интерес. Экономиста должна интересовать проблема отмирания бумажного денежного обращения в совершенно новой обстановке социалистического строительства. Обывателю важно знать судьбу имеющихся у него на руках бумажек. Пролетарскому государству необходимо учесть, до каких пор оно может пользоваться бумажными выпусками наряду с натуральными налогами. Профессиональным союзам надо уметь согласовать тарифы с быстро падающим курсом бумажных денег. Между тем на тему о бумажных деньгах периода пролетарской диктатуры в нашей печати имеется лишь несколько газетных статей и несколько страниц в различных брошюрах. Задача настоящей работы заключается в том, чтобы восполнить этот пробел.

Эта брошюра имеет все недостатки работы, писанной наспех, урывками, в часы, украденные от других, часто более важных обязанностей. Цифровой материал недостаточен, литература вопроса не проработана, не все стороны проблемы освещены, стиль небрежен и тяжел. Иначе я не мог. Либо надо было ничего не издавать, либо издать то несовершенное, что получилось. Я предпочел последнее. Недостаток свободного времени не позволил также автору сделать брошюру легко читаемой для каждого рабочего, не знакомого с начатками политической экономии. Для тех читателей, которым покажется трудным начало, я рекомендую начать чтение с середины или конца: тогда легче будет понять и первые главы.

Несмотря на все недостатки этой брошюры, я в качестве автора не хочу отказываться от принадлежащего мне права посвящения. Я хотел бы посвятить это несовершенное произведение тому, кто совершенством своих произведений и их несметным количеством дал повод к написанию этих страниц: печатному станку Народного комиссариата финансов. Революционное правительство Франции было в состоянии существовать и вести войну благодаря выпуску бумажных денег: ассигнаты спасли Великую французскую революцию. Бумажные деньги Советской республики поддержали новую власть в самый трудный период ее существования, когда не было возможности прямыми налогами оплатить издержки Гражданской войны. Слава нашему печатному станку! Ему осталось, правда, уже не так много жить, но зато он на три четверти сделал свое дело. В архиве великой пролетарской революции, рядом с

пушками, винтовками и пулеметами нашей эпохи, разившими врагов пролетариата, на почетном месте будет стоять станок того пулемета Наркомфина, который обстреливал буржуазный строй по тылам его денежной системы, обратив законы денежного обращения буржуазного режима в средство уничтожения этого режима и в источник финансирования революции.

I

Деньги металлические и деньги бумажные

Чтоб понять все явления в области бумажного денежного обращения в период диктатуры пролетариата, т.е. в период отмирания денежной системы вообще, необходимо иметь ясное представление о роли бумажных денег в эпоху нормального существования капиталистического производства. Нельзя понять законов распада системы, если не известны законы самой системы до начала распада. Когда обыватель Советской республики задает тысячу первый раз наивный вопрос о том, скоро ли прекратится падение курса рубля, то для ответа даже на этот весьма элементарный вопрос надо знать, что такое бумажные деньги и какова их роль в общей системе капиталистического хозяйства, что такое бумажные деньги в период разрушения капитализма, и только в последнем счете можно что-либо сказать о судьбе той или иной бумажной системы, о курсе той или иной бумажной денежной единицы. Поэтому в этой работе нам приходится прежде всего начать с изложения в самых общих чертах того, что было сказано К. Марксом о бумажных деньгах капиталистического периода.

В дальнейшем же мы стоим перед вопросами, которые не могли возникнуть в эпоху, когда жил и работал автор «Капитала». Правда, в истории бумажных денег капиталистического периода были факты отмирания той или иной конкретной бумажной денежной единицы, достаточно напомнить, например, о ликвидации ассигнатов Великой французской революции. Но все эти факты, давая ценнейший материал для понимания законов бумажно-денежного обращения капиталистического общества, лишь отчасти и лишь косвенно могут бросать свет на предсмертные судороги денежной системы эпохи пролетарской диктатуры. Мы стоим здесь перед новыми вопросами, поскольку самая функция бумажных денег меняется в корне. На эти новые вопросы мы не можем найти готовых ответов в цитатах из Маркса, а должны сами попытаться дать ответ, используя метод Маркса.

Ввиду того что не все, кто захочет прочесть эту брошюру, изучали Маркса, мне приходится начать с некоторых азбучных истин политической экономии.

При господстве товарного производства, т.е. такого производства, когда огромное большинство производимых ценностей не потребляется самими производителями, а выбрасывается на рынок для продажи, является необходимость в таком товаре, в котором могли бы находить свое выражение стоимости всех обращающихся товаров. Так как стоимость каждого товара определяется количеством общественно необходимого рабочего времени, потраченного на его производство, то, в сущности, каждый товар может быть мерилom стоимости других товаров. Этим товаром может быть и материя любого сорта, от шелка до холста, и скот, и скотское мясо, и объемистые по размерам дрова, и маленькие слитки золота. Возьмем один из примеров, которым оперирует Маркс в I томе «Капитала»:

1 сюртук	=	} 20 аршин холста
10 фунтов чаю	=	
1 квартал* пшеницы	=	
2 унца** золота	=	
½ тонны железа	=	
x товара А	=	
и т.д.	=	

Здесь все товары приравниваются к 20 арш[инам] холста. При всем разнообразии потребительных свойств этих товаров и различии количеств их меры и веса, они тем не менее соединены знаком равенства с 20 аршинами холста и друг с другом (величины, порознь равные третьей величине, равны между собой). То общее, что заключается во всех перечисленных товарах, взятых в данных количествах, есть величина общественно необходимого рабочего времени, употребленного на их производство. Поэтому около каждого названия мы можем представить одинаковое число рабочих часов, впитанных каждым товаром, допустим, 30 часов общественно необходимого рабочего времени. Эти 30 часов, которые уже затрачены на производство товара в приведенных количествах его, до появления его в обращении, и делают возможным все уравнение. 1 сюртук потому равен 20 аршинам холста, что 30 час. рабочего времени, потраченных на его производство, равны 30 час. рабочего времени, потраченного на производство 20 аршин холста. Совершенно очевидно поэтому, что за скобки вместо 20 аршин холста мы можем с таким же правом вынести и 10 ф[унтов] чаю, и 1 сюртук, и квартал пшеницы и т.д. Из истории торговли нам известно, что это почетное место мерил стоимости других товаров в разные эпохи на разных концах земли занимали различные товары: драгоценные минералы, скот, меха, драгоценные металлы, соль и т.д. Но история утвердила на этом месте один товар, оказавшийся во всех отношениях подходящим для этого.

«По мере того как обмен товаров разрывает свои локальные границы и вместе с тем товарная стоимость вырастает в материализацию (воплощение) человеческого труда вообще, денежная форма переходит на товары, которые по самой своей природе особенно пригодны для выполнения общественной функции всеобщего эквивалента, а именно на благородные металлы.

Что деньги по природе своей суть золото и серебро, хотя золото и серебро по природе – не деньги... доказывается совпадением естественных свойств этих металлов с их общественными функциями.

С другой стороны, так как различие стоимости по величине носит чисто количественный характер, денежный товар должен быть приспособлен к чисто количественным различиям, т.е. должен обладать такими свойствами, чтоб его можно было делить на произвольно мелкие части и вновь составлять из этих частей. Золото и серебро от природы обладают всеми этими качествами.

Потребительная стоимость денежного товара удваивается. Наряду с особенной потребительной стоимостью, принадлежащей ему как данному товару, – так, например, золото служит для пломбирования зубов, является сырым материалом для предметов роскоши и т.д. – он получает формальную потребительную стоимость, создаваемую его специфически общественными функциями» (Капитал. Т. I. С. 59. Пер. Степанова).

* Имеется в виду кварта (единица объема, применяемая в США, Великобритании и др. странах). Американская кварта для жидкостей = 0,9463 дм³, для сыпучих веществ = 1,1012 дм³. В Польше кварта = 1 л. Прежняя русская мера жидкостей – кружка – также иногда называлась квартой.

** Унца – имеется в виду унция. Русская унция равнялась 29,86 г, английская – 31,1035 г.

Иными словами, денежный товар, золото – предмет потребления не только для пациентов дантиста и для покупателей ювелирных изделий, но и предмет потребления для общества, поскольку стихия товарообмена этого общества уполномочивает золото на функции денег, на роль весовщика всех товарных стоимостей*.

Но золото есть продукт труда, и как продукт труда оно столь же демократического происхождения, как и сапоги, материя, рожь и т.д. Оно имеет свою самостоятельную стоимость, создающуюся в процессе производства, и само может измерить свою стоимость лишь в других товарах. «Как и всякий иной товар, золото может выразить величину своей собственной стоимости лишь относительно, в других товарах. Его собственная стоимость определяется рабочим временем, необходимым для его производства, и выражается в том количестве всякого иного товара, в каком кристаллизовалось столько же рабочего времени. Такое установление относительной величины стоимости золота фактически совершается на месте его производства, в непосредственной меновой торговле. Когда оно вступает в обращение в качестве денег, его стоимость уже дана» (Там же. С. 61–62).

В приведенном выше уравнивании в роли измерителя ценностей фигурирует холст. Но на его месте может быть любой товар, одинаковый с ним по стоимости, из приведенного ряда товаров первой половины уравнивания. Товары соизмеримы потому, что в них есть нечто одинакового качества, есть затраченный человеческий труд. Соизмеритель ценностей – деньги – возможен не потому, что на свете есть благородный металл – золото, а потому, что в товарах есть что соизмерять, они из самого производства выходят соизмеримыми, потому что в каждом кристаллизовали в том или ином количестве человеческий труд. «Не деньги делают товары соизмеримыми. Наоборот. Именно потому, что товары как стоимость представляют овеществленный человеческий труд и, следовательно, сами по себе соизмеримы, – именно поэтому они могут измерять свои стоимости одним и тем же специфическим особым товаром, превращая таким образом этот последний в общую меру своих стоимостей, т.е. в деньги. Деньги, как мера стоимости, – лишь необходимая форма проявления имманентной (присущей) товарам меры стоимости, рабочего времени» (Там же. С. 63).

Но, обладая всеми свойствами, присущими каждому товару, металлические деньги не имеют лишь одного – не имеют цены. Если ценой мы называем денежное выражение стоимости товаров, то денежное выражение стоимости денег есть тавтология, масленое масло, 5 руб. золотом не может стоить ни 4, ни 6 руб. золотом, 5 руб. стоит 5 руб. Это то же, что сказать: деньги есть деньги.

Мы видели, почему золото могло стать денежным материалом. Чтоб превратить денежный материал в монеты, необходимо разделить его на определенные весовые единицы. «Определенное весовое количество благородного металла, например унц золота, официально разделяется на определенные части, которые и нарекаются при этом своем легальном крещении определенными именами, например фунт, галер и т.д. Теперь единицу денежной меры в собственном смысле этого слова составляет уже каждая такая часть, подразделяемая, в свою очередь, на новые части, получающие из уст закона свои имена: шиллинг, пенни и т.д. Во всяком случае, определенные весовые количества металла по-прежнему остаются масштабом металлических денег. Изменяется только способ разделения на части и наименование последних.

«Вместо того чтоб сказать, что четверть пшеницы равен одному унцу золота, англичанин скажет, что он равен 3 фунтам стерлингов 17 шиллингам 10½, пенсам» (Там же. С. 70).

* Потребление здесь делается отчасти даже физическим, потому что золотые монеты стираются при частом и долгом употреблении. (Прим. автора.)

Золото, превратившись в денежный материал, а затем в золотую монету, служит средством измерения стоимостей товаров, а следовательно, в процессе товарообращения — средством обращения.

При существовании товарного хозяйства каждый производитель, будет ли то мелкий сапожник или владелец сапожной фабрики, самостоятельный слесарь или владелец паровозостроительного завода, является продавцом произведенных им товаров. Он является в то же время покупателем других товаров, производимых другим для продажи. Но чтоб купить другие товары, надо продать свои. Продать их, это значит превратить их в деньги, чтоб, в свою очередь, деньги превратить в товары. Рынок представляет из себя вечную кадрили, где одни товары замещаются в процессе обращения другими, и роль постоянной свахи, роль сводницы между ними играют деньги. Весь процесс выражается в короткой формуле $T - D - T$.

Каждый отделимый товар, вступая в обращение, вскоре покидает его, будучи при посредстве денег обменен на другой товар. Его дальнейшая судьба не связана уже с рынком. Он либо потребляется людьми непосредственно, если это хлеб, масло, сапоги, и т.д., либо поступает в промышленное потребление, т.е. в переработку, если это сырье, как железо, хлопок, лен и т.д. Но деньги, поскольку они фигурируют в качестве средства обращения, остаются в обращении. Правда, часть денег может отливаться за границу или в качестве сокровища оседать в хранилищах, но определенный минимум, поскольку товарообращение существует всегда, должен оставаться в каналах обращения.

Каков этот минимум и чем определяется количество денег, необходимое обращение?

Здесь мы подошли к одному из важнейших вопросов настоящего исследования. Каждый товар обменивается на деньги. Но отсюда отнюдь не следует, что для обращения товаров нужно количество денег в размере стоимости всех обращающихся товаров. Одна и та же сумма денег за известный срок времени, например за месяц, может обернуться несколько раз, даже несколько десятков раз, и, таким образом, стоимость товаров, которая пройдет через обращение при посредстве денег, может превышать, и фактически во много раз превышает, стоимость денежного металла, игравшего при этой операции роль посредника. Стоимость самих денег, ее увеличение или уменьшение, а также увеличение или уменьшение общей цены обращающихся товаров, наконец, быстрота оборота денег — это все величины, которые определяют искомую нами величину стоимости минимума обращения. Соответствующий закон денежного обращения Маркс формулирует следующим образом:

«За данный период процесса обращения масса денег, функционирующих в качестве средств обращения, равна сумме цен товаров, деленной на число оборотов одноименных монет» (Там же. С. 90). «Если растет число оборотов монет, то уменьшается масса их, находящихся в обращении. Если падает число их оборотов, то растет их масса» (С. 91).

«При всеобщем повышении товарных цен масса средств обращения может оставаться неизменной, если масса обращающихся товаров уменьшается в том же самом отношении, в каком возрастает их цена, или быстрота денег увеличивается пропорционально возрастанию цен, причем масса обращающихся товаров остается постоянной. Масса средств обращения может уменьшаться, если масса товаров уменьшается или быстрота обращения увеличивается скорей, чем цены.

При общем понижении товарных цен масса средств обращения может оставаться неизменной, если масса товаров увеличивается в том же самом отношении, в каком падает их цена, или, если быстрота обращения денег уменьшается в том же самом отношении, как цены. Масса средств обращения может расти, если товарная масса растет или скорость обращения уменьшается быстрее, чем падают товарные цены.

Вариации различных факторов могут взаимно компенсировать друг друга таким образом, что, несмотря на их постоянную изменчивость, общая сумма товарных цен, подлежащих реализации, остается постоянной, а потому остается постоянной и обращающаяся масса денег. Поэтому, особенно при рассмотрении сравнительно продолжительных периодов, масса денег, обращающихся в каждой данной стране, обнаруживает гораздо более постоянный средний уровень и гораздо менее значительные отклонения от этого среднего уровня, чем можно было бы ожидать с первого взгляда; исключения составляют периоды сильных потрясений, которые вызываются промышленными и торговыми кризисами, реже изменениями в стоимости самих денег» (Там же. С. 93).

Читатель должен помнить, что пока речь идет только о металлических деньгах. Ниже мы увидим, какое применение должен получить формулированный Марксом закон и все возможные здесь случаи к бумажному денежному обращению.

Итак, мы видим, что товарное обращение требует всегда некоторого минимума средств обращения. Сокращение количества обращающихся денег ниже этого минимума создает затруднение в обращении и вызывает ряд мер к увеличению количества денег. С другой стороны, увеличение денег свыше необходимого количества устраняется легко путем отлива металла за границу или в различного рода хранилища, частные или общественные, либо путем обращения металла в предметы роскоши.

От частого употребления монеты снашиваются. Золотая монета, которая весит, допустим, золотник, может потерять от долговременного употребления половину обозначенного на ней количества металла. Но это не мешает похудевшей монете быть полноценной в обращении. Когда покупатель берет эту монету, он рассчитывает так же обуть ее, как получил, не предполагая реализовать заключающееся в ней золото в качестве металла. Монета имеет значение только как средство обращения в узком смысле и в этой своей функции может быть заменена бумажным денежным знаком.

«Если само обращение денег отделяет реальное содержание монеты от номинального содержания, отделяет ее металлическое существование от ее функционального существования, то в нем уже скрыта возможность заместить металлические деньги в их функции монеты знаками из другого материала или просто символами... (С. 97) товар немедленно замещается другим товаром. Именно потому и оказывается здесь достаточным чисто символическое существование денег, что этот процесс постоянно удаляет их из одних рук в другие. Функциональное существование денег поглощает, так сказать, их материальное существование. Представляя в данном случае мимолетное объективирование отражения товарных цен, они существуют лишь как знаки самих себя, а потому могут быть замещены простыми знаками. Необходимо лишь, чтоб знак денег, как таковой, получил объективное общественное признание, и бумажный символ получает это последнее при помощи принудительного курса. Это государственное принуждение имеет силу лишь в границах данного общества или в сфере внутреннего обращения, но зато только здесь деньги вполне растворяются в своей функции средства обращения или монеты, а следовательно, могут получить в виде бумажных денег вполне обособленную от их металлической субстанции и чисто функциональную форму существования» (С. 100–101).

Какое же количество бумажных денег может быть выпущено без риска их обесценения? На этот вопрос Маркс дает вполне исчерпывающий ответ, на основе которого можно понять не только все явления бумажно-денежного обращения в нормально капиталистическую эпоху, но и основные моменты обесценения бумажек в период диктатуры пролетариата.

«Бумажные знаки, на которых напечатаны их денежные названия, как, например, 1 фунт стерлингов, 5 фунтов стерлингов и т.д., бросаются в процессе обращения извне государством. Поскольку они действительно обращаются вместо одноименных сумм

золота, они отражают в своем движении лишь законы самого денежного обращения. Специфический закон обращения бумажных денег может возникнуть лишь из отношения их к золоту, лишь из того, что они являются представителями последнего. И закон этот сводится просто к тому, что выпуск бумажных денег должен быть ограничен тем их количеством, в каком действительно обращалось бы символически представленное ими золото (или серебро). Правда, количество золота, которое может быть поглощено сферой обращения, постоянно колеблется, то поднимаясь выше, то опускаясь ниже известного среднего уровня. Однако масса средств обращения никогда не падает ниже определенного уровня, который может быть установлен опытом для каждой данной страны. То обстоятельство, что эта минимальная масса непрерывно изменяет свои составные части, т.е. составляется все из новых и новых золотых монет, конечно, нисколько не влияет на ее размеры и на устойчивость ее функций в сфере обращения. Следовательно, она легко может быть замещена бумажными символами. Но если мы сегодня наполним бумажными деньгами все каналы обращения до степени их полного насыщения деньгами, то завтра, вследствие каких-либо колебаний в товарном обращении, они могут оказаться переполненными. Всякая мера утрачивается. Но если бумажки преступали свою меру, т.е. то количество одноименных золотых монет, которое действительно могло бы находиться в обращении, то, не говоря уже об опасности их общего дискредитирования, они теперь представляют в товарном мире лишь то количество золота, которое вообще может быть ими представлено, т.е. количество, определяемое имманентными законами товарного мира. Если, например, данная масса бумажек представляет по своему названию 2 унца золота, а реально замещает 1 унц, то фактически 1 фунт стерлингов становится денежным названием, скажем: $\frac{1}{4}$ унца вместо прежнего $\frac{1}{4}$ унца золота. Результат получится тот же самый, как если б золото потерпело изменение в своей функции меры цен. Те самые стоимости, которые раньше выражались в цене, равной 1 ф[унту] ст[ерлингов], выражаются теперь в цене, равной 2 фунтам стерл[ингов].

Бумажные деньги представляют знак золота или знак денег. Их отношения к товарным стоимостям состоят в том, что последние идеально выражаются в тех самых количествах золота, которые получают в бумажках чувственно воспринимаемое символическое выражение. Бумажные деньги лишь постольку знак стоимости, поскольку они представляют известное количество золота, которое, как и всякая товарная масса, есть в то же время количество стоимостей» (Там же. С. 98–99).

Ошибка Гильфердинга

Прежде чем перейти к применению Марксовой теории денежного обращения к конкретным фактам из практики денежного обращения и к денежному обращению эпохи пролетарской диктатуры, мы остановимся попутно на попытке Гильфердинга «углубить» Маркса в вопросе о теории бумажного денежного обращения. В примечании к одной цитате из III тома «Капитала» Гильфердинг пишет: «Читая некоторые замечания Маркса о проблеме денег, получаешь такое впечатление, как будто известные выводы, вытекающие из его теории денег, ведут в его сознании борьбу против взглядов, которые навязаны эмпирическим материалом его времени и не могли быть окончательно устранены исключительно логическим способом. Новейшие опыты как раз подтверждают и последние выводы, которые могут быть сделаны из Марксовой теории стоимости денег.

Если Маркс подчеркивает, что в обращении может быть лишь столько бумажных денег, сколько оно требует золота, то для понимания современных явлений в рассматриваемой области необходимо напомнить, что и само это количество золота, раз стоимость его есть величина данная, во всякий момент определяется общественной стоимостью

обращения: если она понижается, то золото отливают из обращения, если наоборот, то наоборот. При бумажно-денежном обращении и блокированной системе вообще не могло бы происходить этих приливов и отливов в сфере обращения и из нее, потому что необращающийся бумажный знак был бы ведь малоценным. Следовательно, здесь необходимо обратиться, как к определенному моменту, к стоимости обращения, здесь невозможно удовлетвориться рассмотрением денежного знака как простого символа золота, что замечается у Маркса в «*Kritik der politischen Oekonomie*».

Мне кажется, что правильной всего формулировал Маркс законы бумажного (или с приостановленной чеканкой) денежного обращения, когда он говорил: «Не имеющие стоимости марки суть знаки стоимости лишь постольку, поскольку они представляют в процессе обращения золото, а они представляют его лишь постольку, поскольку последнее в виде монеты могло бы само войти в процессе обращения: величина, определяемая собственной стоимостью золота, если даны меновые стоимости товаров и быстрота их метаморфоз» (Zur Kritik. С. 113). Излишним представляется только тот обходный путь, в который пускается Маркс, определяя сначала стоимость необходимого количества монеты и лишь через нее – стоимость бумажных денег. Чисто общественный характер этого определения выступает много ясней, если стоимость бумажных денег вывести непосредственно из общественной стоимости обращения. Что бумажно-денежные системы возникли из металлических систем, это вовсе не основание рассматривать их так и теоретически. Стоимость бумажных денег следует вывести, не прибегая к металлическим деньгам» (С. 66–67. Пер. Степанова).

Ошибка Гильфердинга совершенно очевидна на следующем примере.

Допустим, перед нами государство, где свободная чеканка монеты запрещена, скажем та же Австрия [18]70 г. и Индия [18]90 г. (на примере которых Гильфердинг убедился в «недостаточности» теории Маркса). Предположим, в обращении находится товаров на 10 млрд. Это обращение вполне удовлетворяется наличием или золотой монеты на 1 млрд, или кредитными билетами государства на эту же сумму, или и золот[ыми] и бумаж[ыми] деньгами вместе на ту же сумму. Предположим далее, что вследствие расширения производства количество обращающихся товаров возрастает наполовину, достигая 15 млрд. При условии, что быстрота оборота денег осталась старой и не прибавилось возможностей безденежного расчета, для обслуживания обращения нужно добавочное количество денег, которое может быть выпущено государством в виде бумажных денег. В каком количестве?

На это Маркс отвечал бы так: в количестве, которое соответствует количеству золотой монеты, которая требуется для обслуживания усилившегося обращения.

На это открывший «более короткий путь» Гильфердинг отвечает: в количестве, которое соответствует общественной стоимости обращения.

Но позвольте, – вынуждены мы спросить Гильфердинга, – чем же определяется общественная стоимость обращения? Если количество товаров возросло наполовину и все прочие условия остались неизменными, то значит ли это, что государство наполовину может выпустить больше и бумажных денег, т.е. полмиллиарда вдобавок к имеющемуся в обращении миллиарду, не рискуя обесценением их?

Конечно, это не так. Увеличение товаров наполовину не означает приращения общественной стоимости наполовину. Вследствие прогресса техники и других улучшений общественная стоимость товаров, образующих прирост в обращении, может быть значительно ниже, чем их количество. От этого будет зависеть и та пропорция, в которой должна увеличиться общественная стоимость обращения. Как же измерить эту величину?

Увы, нам должно помочь все то же золото, потому что в буржуазном обществе не принято системы счета по числу затраченных общественно необходимых часов работы, которыми мы оперируем в нашем теоретическом анализе капиталистического производства, а другие

ценности, кроме, отчасти, серебра, не уполномочены на функции определителей цен. Обще-
ственно необходимая стоимость обращения – это:

$$\frac{\text{сумма товарных стоимостей}}{\text{быстрота оборотов денег}}$$

Но ведь числитель этой дроби должен быть выражен как раз в золоте, а не в каких-либо австрийских гульденах или индийских рупиях, курс которых и его изменения как раз и надо определить. Следовательно, и числитель, и частное от деления числителя на знаменатель будет величина, выраженная в золотой валюте. Без презренного металла, таким образом, не обойтись и Гильфердингу. И то, что ему кажется недостатком в системе Маркса, именно то, что Маркс все законы бумажного денежного обращения выводит из металлического обращения, как раз и составляет достоинство Маркса. Осторожность Маркса, который пускается в «обходный путь», объясняется не тем, что его сознание находилось под впечатлением эмпирического материала в области денежного обращения его времени (как сознание Гильфердинга находится под эмпирическим впечатлением метаморфоз с австр[ийским] гульденом), а тем, что при объяснении явлений бумажного денежного обращения Маркс имеет все время в виду всю экономическую систему буржуазного общества в его целом. Он ни на минуту не упускает из виду при объяснении законов обращения условий производства, представляющих базис всей постройки. Протаскивание золота – это есть восстановление звена, которое связывает судьбу бумажек с законами товарного производства, потому что золото есть не только мерило ценности, но и ценность само по себе, получающая эту ценность из производства на основе общих законов трудовой ценности*.

И как раз недостаток построения Гильфердинга заключается именно в том, что в пункте, где он расходится с Марксом, он сходится с буржуазными экономистами, которые обычно рассматривают денежное обращение и его законы как самодовлеющий мир, оторванный от базы производства, и потому неизбежно приходят к нелепым выводам.

Как бы предчувствуя то «углубление», которому могла подвергнуться его теория денег, Маркс в 90-м примечании ко 2-му изданию I тома «Капитала» писал: «Насколько смутно различают различные функции денег даже самые лучшие писатели по вопросу о деньгах, показывает, например, следующее место из Фуллартона: «Поскольку дело касается нашей внутренней торговли, все те денежные функции, которые обыкновенно выполняются и серебряной монетой, могут быть с таким же успехом выполнены обращением неразменных билетов, имеющих лишь фиктивную и условную стоимость, установленную законом. Это – факт, которого, я думаю, никто не станет отрицать. Стоимость такого рода вполне могла бы удовлетворить потребности, которые в настоящее время удовлетворяются полноценными монетами, и даже могла бы исполнять функции мерила стоимостей ее цен, если б только количество выпускаемых в обращение билетов не приходило за должные пределы» (Fullarton. Regulation of Currencies. 2 ed. Londre, 1875. P. 21). Следовательно, лишь потому, что денежный товар может быть замещен в обращении простым знаком стоимости, он не нужен ни как мерило стоимости, ни как масштаб цен!» (Капитал. С. 100). Правда, Гильфердинг не утверждает, что бумажные деньги могут быть мерилем стоимости в буржуазном обществе,

* В данном случае золото важно как мерило стоимости и стихийный расценщик товаров. Принципиально рассуждая, в этой роли может выступить любой товар, имеющий стоимость сам по себе. Но на практике в капиталистическом обществе, кроме золота, никакой другой товар, за исключением отчасти серебра, не выполняет этой функции в процессе обмена. (Прим. автора.)

более того, он подчеркивает «невозможность абсолютно бумажно-денежной системы», но этим самым он лишь доказывает, что не свел концы с концами и не уяснил себе, что может заменить золото в качестве той нити, которая связывает обращение с производством, позволяя проследить все изменения в обращении в свете процесса производства*.

Вместо того чтоб передразнивать на протяжении всей книги неподражаемый стиль Маркса, Гильфердинг лучше бы позаботился понять для первых глав своего труда смысл Марксовой теории денежного обращения. Факты из истории австрийского серебряного гульдена и индийской рупии вполне объяснимы с точки зрения теории Маркса, если ее и не подвергать «улучшениям». Наоборот, ни один факт из истории обесценения бумажных денег нельзя понять со всех его сторон, если в основе анализа в качестве исходного пункта не будут лежать законы металлического денежного обращения, т.е. законы реального товарообмена, которые и определяют судьбу всех бумажных денежных систем.

II

Бумажные деньги и их курс

Выше мы видели, что выпуск бумажных денег, как правило, не может привести к падению их курса, если выпущено денег на такую сумму, которая соответствует сумме необходимого для обращения количества золотой монеты. Роль бумажных денег в этом случае – роль заместителей золотой монеты. В обращении находятся настоящие реальные ценности, товарные ценности, и поскольку каждый бумажный денежный знак является лишь заместителем золотого денежного знака соответствующей стоимости, который в любую минуту может вынырнуть, если потребуются, или из сокровищ банков, или из частных денежных шкапов, или из-за границы в обмен на циркулирующие на рынке товарные ценности, постольку курс бумажных денег не может отклоняться сколько-нибудь существенно от золотой валюты. Выглянувший золотой кружок, показавший свое лицо в цене того или иного товара, дает сравнить себя с своей копией – бумажкой, и в рассматриваемом случае может лишь подтвердить, что копия как две капли воды похожа на оригинал. На 5 руб. золотом можно купить те же сапоги, что за 5 руб. бумажкой.

Однако из истории денежного обращения мы знаем, что рыночное самочувствие бумажного рубля, гульдена, франка, марки, кроны и т.д. далеко не всегда бывает столь хорошим. Для граждан Советской республики это особенно хорошо известно. В 1920 г. они имеют рубль, который сохранил менее одной пятитысячной своей довоенной стоимости. История денежного обращения знает и увеличение курса бумажек выше их металлических оригиналов.

* Каутский вполне правильно указал еще в 1911 г. в своей рецензии на книгу Гильфердинга (*Neue Zeit*. Март 1911 г. С. 771–772) на то, что построения Гильфердинга пробивают брешь в теории трудовой стоимости: не деньги оказываются мерилом стоимости товаров, а товары мерилом стоимости денег. «Академический выверт» (*Academische Schrulle*) Гильфердинга, как называет Каутский его «поправку» к Марксу, бьет гораздо дальше, чем хотел бы сам автор «Финансового капитала». Правда, Гильфердинг усиленно подчеркивает, что законы бумажного и законы металлического обращения не надо смешивать. Он не доказал только, как можно, оставаясь на почве введенных им законов бумажного денежного обращения, не сделать логически неизбежной ревизии и законам металлического обращения. Между прочим, читатель увидит дальше, что без «протаскивания» золота нелегко не только теоретически, но и практически разобратся во всех явлениях бумажного денежного обращения периода пролетарской диктатуры. (*Прим. автора.*)

Чтобы объяснить наиболее типичные моменты в колебаниях бумажного денежного курса, рассмотрим все основные теоретически возможные случаи в наиболее упрощенном виде.

Представим себе страну, весь товарный фонд которой, находящийся в обращении, равен 40 млрд (фабрикаты, машины, заводы, дома, земля, железные дороги и т.д.).

Некоторая часть этих ценностей может обернуться в течение года несколько раз, некоторая – в пять лет раз. Допустим, для обращения этих ценностей при наличии различных способов безденежных расчетов достаточно иметь в обращении денег на 2 млрд руб., из которых 1 млрд золотом, 1 млрд в бумажных деньгах. И бумажные деньги равноценны металлическим. Если мы за основу возьмем наш случай, характерный для денежного обращения капиталистической страны, находящейся в нормальных условиях, то изменения в курсе бумажных денег могут происходить либо от изменения количества обращающихся товаров, либо от количества выпущенных бумажных денег, либо от быстроты оборота денег.

Так как быстрота оборота денег гораздо менее подвержена колебаниям, чем две другие величины, то для упрощения мы будем рассматривать эту величину как неизменную.

Первый случай. Мы имеем за исходный пункт равновесие 40 млрд обращающихся ценностей с 2 млрд средств обращения, т.е. денег. Иными словами:

$$40 \text{ млрд } \begin{matrix} \text{Т} \\ \text{(товар)} \end{matrix} \quad \text{—} \quad \begin{matrix} 2 \text{ млрд } \text{Д} \\ \text{(деньги)} \end{matrix}$$

(соответствуют)

Допустим сначала, что изменения происходят в величине Т, а Д остается без движения.

Второй случай. Если вследствие расстройств производства на почве войны, кризиса и т.д. Т уменьшается и вместо 40 млрд мы имеем только 30 млрд, то равновесие будет нарушено. Что произойдет тогда в сфере Д? Раз число обращающихся товаров уменьшилось на одну четверть, то на одну четверть требуется меньше и средств обращения. Каким же образом произойдет это вычитание из области денег, раз количество их остается старое? Только одним путем, путем обесценения денег на одну четверть их общей суммы, т.е. на 500 млн. Но золото не может обесцениться, потому что оно имеет самостоятельную ценность не только в качестве мерила других ценностей, но и как золото, как драгоценный товар. Следовательно, удар судьбы придется выдержать бумажкам.

Золото в описываемом нами случае обыкновенно либо исчезает из обращения без вмешательства государства, либо государство приостанавливает свободный обмен бумажек на золото ввиду общего стремления публики и торгового мира удерживать золото, сбывая бумажки. Чтоб проследить влияние сокращения Т на курс Д в описываемом нами теперь случае, нам приходится представить себе в дальнейшем в обращении не 2 млрд денег, из которых половина бумажек, а половина золото, а 2 млрд бумажек.

В истории бумажного денежного обращения буржуазных стран характерно именно такое положение, потому что во время, например, войны золото запирается под замок Государственного банка, устанавливается принудительный курс на бумажки и увеличивается их количество новыми выпусками.

В результате, если мы будем иметь из 2 млрд денег в обращении 500 млн лишних, то есть лишних одну четверть, или на 25%, то и курс бумажного рубля упадет на 25%. Иными словами, бумажный рубль будет стоить 75 коп. в переводе на золотой рубль.

Паника на бумажном денежном рынке может развиться настолько большая, что автоматически, стихийно (как и всегда в буржуазном хозяйстве) обесценение бумажных денег может пойти дальше, чем это вызывается экономическими причинами. Но в

рассматриваемом нами случае обесценение бумажных денег на одну четверть будет приблизительно той осью, вокруг которой будут происходить колебания в ту или другую сторону.

Другая же сторона – это тот случай, когда обесценение может и не дойти до 75% на золото, когда падение курса будет задерживаться рядом причин (например, владельцы бумажных денег, уверенные во временном характере кризиса, не будут панически сбывать бумажки, они будут подвергаться накоплению и т.д.).

Третий случай. Число товаров, поступающих в обращение, увеличивается, а способов безденежных расчетов не прибавилось. Число денежных знаков остается без изменения. Допустим, в числе это будет выражено так: $T = 50$ млрд, т.е. на одну четвертую часть больше, чем раньше. Средств обращения, как и раньше, 2 млрд. Для удовлетворения потребности обращения нужно добавить 500 млн руб. денег. Что произойдет, если эти добавочные деньги не появятся в обращении из-под печатного станка государства? Необходимое количество денег может прилить в страну из-за границы, потому что расширение производства и увеличение циркулирующих товаров будут означать, как правило, оживление внешней торговли. Часть денег поступит из хранилищ всякого рода, усилится употребление векселей, акций и проч. в качестве средства расчета. Если же всего этого окажется недостаточно, то может наступить положение, когда внутри государства, где запрещена вольная чеканка монеты из золота и серебра, а государство не увеличивает само чеканки, и государственная металлическая монета и бумажные деньги могут подняться выше нормального курса. В нашем примере, если из 500 млн на 300 млн будет функционировать больше векселей, изъятых из хранилищ денег, а притоком их из-за границы средств обращения на 200 млн денежный голод не будет удовлетворен, то в соответствующей пропорции, т.е. приблизительно на 10%, может временно подняться курс всей денежной валюты государства, и бумажной и металлической. Под этот третий случай можно подвести увеличение курса австрийского гульдена и серебряной индийской рупии, анализированное Гильфердингом в его книге (Финансовый капитал. С. 39–48 русского издания).

Четвертый случай. Количество обращающихся товарных ценностей остается неизменным, т.е. 40 млрд, количество же денег в обращении сократилось на одну четверть. Например, правительство вздумало несвоевременно изъять из обращения 500 млн бумажек, стремясь перейти исключительно к золотой валюте. Результат будет совершенно тот же, что и в третьем случае, и этот четвертый случай, по существу, можно рассматривать лишь как вариант, как разновидность третьего.

Пятый случай. Количество обращающихся товаров остается без изменения, количество же бумажных денег увеличилось вследствие нового выпуска на 500 млн. Этот случай можно рассматривать лишь как разновидность второго случая. Там товаров в обращении меньше, чем нужно, на 10 млрд. Здесь денег на 500 млн больше, чем нужно. Результат как и здесь, так и там будет одинаковый: излишек денег в обращении и обесценение бумажных денег.

Теперь рассмотрим примеры, когда изменяется и количество товаров в обращении, и количество обращающихся денег.

Шестой случай. Количество товарных ценностей в обращении увеличилось с 40 до 50 млрд, т.е. на одну четверть. Количество денег путем выпуска на 500 млн бумажек увеличилось также на одну четверть. Если для упрощения мы предположим, что быстрого обращения остается без изменения и способов безденежного обращения не прибавилось*, то бумажный рубль не упадет в цене, если на 500 млн государство выпустит новых бумажных денег. Примеров из практики, соответствующих этому случаю, можно

* Можно взять пример и с учетом этих фактов. Например, бумажек выпущено на 800 млн; пусть тогда 300 млн обслуживаются увеличением средств безденежного расчета и большей быстротой оборота, а на 500 млн необходимо увеличить средства обращения. (Прим. автора.)

привести сколько угодно. В истории финансовой политики нашего царизма неоднократно бывало, что министерство финансов выпускало для усиления своих доходов новые серии бумажных денег в сравнительно скромных размерах, и это не вызвало падение курса бумажного рубля. Происходило это вовсе не потому, что бумажек имелось в обращении не больше, чем в три раза в сравнении с металлической наличностью Государственного банка, как объясняли дело финансовые дельцы буржуазного мира и финансовые «теоретики» капитализма, а исключительно потому, что увеличение количества товаров в обращении позволяло «переварить» бумажные пилулы государства без всякого ущерба для курса рубля. Если бы золотого покрытия было в Государственном банке гораздо меньше отношения одного к трем, результат был бы, при прочих равных условиях, тот же самый. И наоборот, выпуск бумажек свыше того, что требовалось увеличившимся товарооборотом, приводил всегда к падению курса рубля.

Седьмой случай. Т увеличивается и Д увеличивается. Но Т увеличивается в большей пропорции, чем Д. Допустим, товаров в обращении на 50 млрд, а денег не $2\frac{1}{2}$ млрд, а 3. Бумажных денег мы имеем больше, чем требует обращение. Перед нами вариант второго случая. Царское правительство имело продолжительное знакомство с этим вторым случаем из своей финансовой практики. Много раз в своей истории царское правительство забегало в своих выпусках бумажных денег гораздо дальше того, что позволяло расширившееся на основе развившегося торгово-промышленного капитализма товарное обращение, и каждый раз его осаживало назад падение курса бумажного рубля. Например, усиленный выпуск бумажных ассигнаций при Александре I привел в 1810 г. к падению бумажных денег до $25\frac{1}{2}$ коп. на серебряный рубль. После многократных случаев изъятия бумажных денег при Николае I и Александре II курс их поднимался, и снова катастрофически пал во время русско-турецкой войны в результате усиленного выпуска кредитов.

Восьмой случай. Т увеличивается быстрее, чем Д. Равновесие нарушается в том смысле, что денег в обращении делается недостаточно. Это вариант третьего случая.

Девятый случай. Т уменьшается, а Д увеличивается.

Девятый случай наиболее типичен для всех периодов более или менее глубоких революций и особенно продолжительных и разорительных войн, потому что во все такие моменты наблюдается сокращение или распад промышленности, уменьшение количества находящихся в обращении товаров при огромной потребности в новых налогах со стороны правительства и при полной невозможности собрать эти налоги обычными путями. Под этот случай подходит вся история ассигнатов Великой французской революции, бумажная австрийская валюта в период 1813–1816 гг., бумажная денежная система почти всех участников мировой войны 1914–1919 гг., и в том числе история нашего бумажного рубля за период с начала войны по настоящее время.

Приведем некоторые наиболее характерные цифры.

Год и месяц	Количество выпущенных ассигнатов в ливрах	Курс ассигнатов (100 ливров в металле)
1 августа 1789 г.	120 000 тыс.	98
1 октября 1790 г.	400 000 тыс.	91
1 октября 1791 г.	1 154 000 000 тыс.	84
1 августа 1792 г.	1 800 000 000 тыс.	61
1 августа 1793 г.	3 775 816 тыс.	22
1 августа 1794 г.	8 577 705 тыс.	34
1 августа 1795 г.	17 466 553 тыс.	3 ливра 5 су
1 июня 1796 г.	45 578 809 тыс.	3 су 9 денье*

* В ливре 20 су, в су 12 денье. (Прим. автора.)

Количество выпускавшихся по годам ассигнатов Великой французской революции и быстрота их обесценения видны из нижеприводимой таблицы, причем курс ассигнатов берется в гамбургской (золотой) валюте (Фалькнер-Смит. Бумажные деньги французской революции. С. 189-191).

Таким образом, ассигнаты начали бойкотироваться обращением после того, как пали в цене приблизительно в 600 раз. (Наш рубль, утративший приблизительно $\frac{1}{5000}$ довоенной стоимости, продолжает еще держаться.)

В Австрии курс бумажных денег (так называемых антиципационных билетов) в связи с их усиленным выпуском менялся следующим образом:

	Сумма	Курс (цена 100 серебряных гульденов в бумажках)
В декабре 1813 г.	295 588 020	183
« 1814 г.	457 612 790	228
« 1815 г.	610 065 930	351
« 1816 г.	638 715 920	328

Иными словами, бумажные деньги пали в цене приблизительно в три раза (Н. Силин. Австро-венгерский банк. С. 7).

О размерах выпуска бумажных денег европейскими странами во время войны, а в некоторых и после войны, а также о соотношении между количеством бумажек в обращении и ценами дают представление следующие цифры:

	Бумажи[ых] денег имелось в обращ[ении] на 1 января 1919 г.	В 1920 г.
Англия	393 млрд фунтов	
Германия	32 $\frac{1}{4}$ млрд марок	61,7 млрд (апрель)
Франция	31 050 млрд франков	
Австрия	35 588 млрд крон	
Польша	5 267 млрд марок	
Италия	18 млрд лир (ноябрь)	20 млрд (май)

По подсчету национального нью-йоркского банка, за время войны количество бумажных денег на мировом рынке увеличилось на 600%, тогда как золотой запас возрос всего на 40%. В 1914 г. количество бумажных денег в обороте составляло 7250 млн долларов, в ноябре 1918 г. уже 40 000 млн, в декабре 1919 г. 50 000 млн. В это число не вошли бумажные деньги России.

Характерно возрастало количество бумажных денег в Польше:

1 января	1919 г.	5 267 млн марок
1 марта	1920 г.	8 185 «
1 апреля	1920 г.	11 000 «
31 мая	1920 г.	20 000 «
1 августа	1920 г.	28 000 «
20 сентября	1920 г.	30 700 «

Бумажная валюта Польши с полной очевидностью идет к катастрофе, если выпуски будут продолжаться и дальше.

Кроме Польши катастрофически быстро растет количество бумажных денег в Германии, Австрии и Италии. В Италии к началу войны бумажных денег в обращении было до 2,8 млрд лир, а в ноябре 1919 г. было уже 18 млрд.

О падении курса бумажных денег можно судить по росту дороговизны. Правда, цены продуктов за время войны поднялись и в золотой валюте, как особенно это ярко сказалось в Швеции. Тем не менее приводимая ниже таблица дает все же довольно отчетливое представление о росте цен в связи с выпусками бумажек.

Если довоенные цены и количество бумажек в обращении принять за 100, то в 1919 г. по разным месяцам в разных странах картина представится следующая:

1919 г.	Увеличение бумажек, в процентах	Рост цен, в процентах
С[оединенные] Штаты (май)	173	181
Англия (август)	244	217
Франция (июнь)	365	293
Италия (апрель)	440	281
Швейцария (июнь)	230	250
Швеция (апрель)	275	336
Германия	875	1000
Австрия	3 900	4 000

О росте дороговизны (в %) по годам дает представление следующая таблица:

	Англия	Франция	С[оед.] Штаты	Швеция	Польша
Июль 1914 г.	100	100	100	100	100
Ноябрь 1918 г.	233	237	249	320	—
Январь 1919 г.	230	248	259	339	—
Январь 1920 г.	236*	290	275	298	—
Май 1920 г.	374,2	—	—	—	4 000
1 августа 1920 г.	358	—	—	—	—

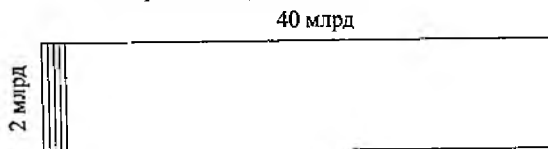
* По данным «Economist'a» – 334,7. (Прим. автора.)

Все эти цифры являются реальным примером для рассматриваемого нами девятого случая, когда выпуск бумажных денег увеличивается одновременно с сокращением производства и уменьшением товарного фонда на рынке. Но если увеличение количества бумажек в обороте легко узнать путем соответствующей справки в министерстве финансов той или иной страны, то о сокращении производства, а тем более о сокращении рыночного товарного фонда точных сведений нельзя получить ни для одной буржуазной страны. О размерах сокращения T косвенно можно было бы получить представление лишь для тех стран, где до военного кризиса бумажные деньги имелись в обращении, были равноценны золотой монете и за все время войны число бумажек не увеличивалось государством. Мы имели бы тогда неподвижным D и благодаря этому по изменениям в стоимости D могли бы косвенно судить об изменениях в T . Обесценение бумажного рубля было бы прямым следствием сокращения производства и обращения товаров.

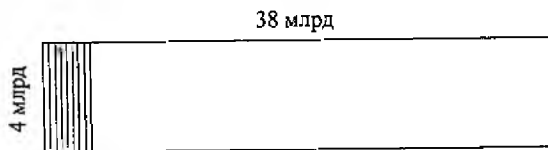
Остановимся более подробно на общей характеристике девятого случая вообще.

Когда производство падает, количество товарных ценностей, вступающих в процесс обращения, сокращается, то новый выпуск бумажных денег, разумеется, вызван не нуждами обращения, наоборот, обращение нуждается в сокращении уже имеющегося в оборотах количества денег, потому что только этим путем возможно задержать падение их курса. Выпуск вызывается потребностями государства получить необходимые средства хотя бы ценой расстройств всей денежной системы государства. А так как сами бумажные деньги не есть товарные ценности, их нельзя есть, их нельзя употреблять в качестве орудий производства, то единственный смысл их усиленного выпуска заключается только в том, что через них можно извлечь из обращения необходимое для государства, необходимое для служащих, рабочих и армии государства количество реальных ценностей. Выпуск бумажных денег есть, таким образом, особый вид налога, накладываемого на общество и взимаемого без податных инспекторов, милиции и судебных приставов. Но этот вид налога имеет свои особенности, без понимания которых ничего нельзя понять в бумажной системе революционного периода.

Чтоб ясней представить всю картину экономического значения выпуска бумажных денег в рассматриваемом случае и прогрессию их обесценения, возьмем наш числовой пример и поставим его под удары промышленной разлуки, с одной стороны, увеличения выпуска бумажных денег — с другой. Итак, допустим, мы имеем за исходный базис 1-й случай, т.е. в процессе обращения на товарном рынке 40 млрд, в каналах денежного обращения 2 млрд. Пусть для упрощения эти 2 млрд будут состоять исключительно из бумажек, однако бумажек, равноценных по покупательной способности золотым деньгам. На рисунке это можно изобразить в виде нарисованного прямоугольника, где белая часть изображает товарное обращение в 40 млрд, а заштрихованная — бумажные деньги на 2 млрд, т.е. площадь в 20 раз меньшую.

Предположим теперь, что правительство выпускает на 2 млрд новых бумажек, и допустим, ему удалось сразу реализовать их, т.е. получить из обращения соответствующее количество товаров, и притом по старой, т.е. нормальной цене (этого на практике в описываемых случаях никогда не бывает в полном объеме, потому что на выпуск денег рынок очень скоро отвечает повышением цен). Допустим также на одну минуту для упрощения, что число товаров в обращении остается перед выпуском в 40 млрд. Наш рисунок примет тогда другой вид:

Иными словами: выпуск денег на 2 млрд, поскольку их удается реализовать на рынке по полной стоимости, отрезает от обращения кусок в 2 млрд товарных ценностей. Следовательно, число бумажных денег возросло, число товарных ценностей в обращении сократилось.

Но это число должно сократиться еще в большей степени, потому что в рассматриваемом, девятом, случае мы имеем сокращение товаров и по другой причине, по причине расстройства производства. Представим это себе на числах так:

Бумажных денег 4 млрд, а товаров в обращении уже не на 40 и не на 38, а на 30 млрд.

Как это все должно отразиться на падении курса денег?

От увеличения денег в два раза их курс должен пасть в два раза. От уменьшения товаров в обращении на одну четверть курс денег [должен] пасть еще больше, насколько тогда должен пасть курс бумажек?

Если в обращении товаров на 30 млрд, то для сохранения полной ценности денег, согласно исходному положению, нужна лишь одна двадцатая. Раньше это было $40 : 20 = 2$; теперь мы будем иметь $30 : 20 = 1\frac{1}{2}$ млрд. Между тем в обращении у нас уже 4 млрд, т.е. в 2,66 раз больше. В соответствующей пропорции должен пасть и курс рубля. Иными словами: 1 полноценный рубль будет равен 2,66 бумажных рублей, или бумажный рубль будет стоить всего около 37,6 коп.

Новый год начинается, таким образом, при наличии в обращении товаров на 30 млрд, считая полноценными рублями. В бумажках же эти товары будут стоить уже не 30 млрд, а $30 \times 2,66$, т.е. 79,8 млрд. Предположим, что правительство для ведения войны и для всех остальных расходов нуждается в новом году опять в 2 млрд налогов, которых оно не в состоянии собрать нормальным путем, и вновь вынуждено черпать средства путем выпуска бумажек. Чтобы получить из обращения ценностей на 2 млрд полноценными рублями, ему приходится уже теперь выпускать не на 2 млрд, а на $2 \times 2,66 = 5,32$ млрд. Допустим, эта сумма выпущена, посредством этих 5,32 млрд с обращения срезано 2 млрд товарных ценностей. Допустим, развал промышленности продолжается; кроме того, торговцы начинают припрятывать товары, не желая превращать их в деньги, курс которых непрерывно падает, и число товаров в обращении сокращается. Из 30 млрд 2 млрд изъяты через бумажные деньги правительством, пусть по вышеизложенным причинам из обращения ушло еще на 8 млрд товаров. Тогда к концу второго года мы будем иметь бумажек в обращении на 9,32 млрд и товаров (считая товары в полноценных рублях) на 20 млрд. При таком положении, когда для обращения нужна по-прежнему лишь одна двадцатая часть, т.е. в данном случае 1 млрд, мы имеем 9,32 млрд. А это будет означать, что рубль бумажный будет стоить приблизительно 10,7 коп.* Третий год начинается поэтому при следующей ситуации. Бумажек в обращении на 9,32 млрд, товаров в полноценных рублях на 20 млрд, но в бумажной валюте эти 20 млрд стоят уже $20 \times 9,32 = 186,4$ млрд.

Допустим, правительство по-прежнему нуждается для получения нужных доходов в выпуске бумажных денег. Чтоб выудить из обращения товарных ценностей на два миллиарда по курсу полноценного рубля, т.е. $\frac{1}{10}$ часть всего товарного обращения, ему нужно выпустить бумажек на одну десятую всей бумажно-денежной стоимости обращения, т.е. $186,4 \times 10 = 18,64$ млрд. Предположим, что правительство на третьем году выпускает бумажек на эту сумму. Предположим далее, что число товарных ценностей, исчезающих из обращения вследствие расстройства производства, уменьшилось с 8 до 3, т.е. в этом отношении наступило некоторое улучшение. К концу года мы будем иметь тогда в обращении бумажек на $18,64 + 9,32 = 27,96$ млрд, товарных ценностей в полноценных

* Как я уже указывал, при паническом падении курса это обесценение может пойти и дальше, может, наоборот, несколько задержаться. Например, можно считать бесспорным тот факт, что наше крестьянство, увлекшись в первые годы войны накоплением денег в ожидании поднятия курса их, потеряло на этом миллиарды рублей, но способствовало замедлению темпа их обесценения. (Прим. автора.)

** У автора допущена ошибка — правильно 186,4 млрд, а дальнейшие вычисления внесены соответствующие коррективы.

рублях на 15 млрд. Для оборота этих 15 млрд в обращении нужно всего $15 : 20$ млрд полноценных рублей или 750 млн. В обращении же имеется 27,96 млрд, т.е. в $27,96 \times 20 : 15$ раз больше, или приблизительно в 37 раз больше чем нужно.

Курс рубля будет равен 2,7 коп.

Остановимся пока на этом. Из сделанного нами теоретического анализа на произвольно взятых примерах видно, однако, в главных чертах вся механика обесценения бумажных денег и действие основных причин, вызывающих это обесценение. Не загромождая дальше изложение числовыми примерами, мы можем теперь уже ясно представить себе, как в дальнейшем будет развиваться начавшийся процесс. Здесь возможны несколько случаев, на которых мы должны будем немного остановиться.

1) Если выпуск бумажек будет продолжаться и дальше, а в то же время непрерывно будет сокращаться товарный фонд, находящийся в обращении, то стоимость бумажного рубля дойдет до нуля. Это могло бы случиться в социалистическом обществе, если бы ему быстро удалось овладеть всем товарообменом.

Это может случиться в своеобразной форме и в буржуазном обществе, если обесценившиеся до крайности деньги будут попросту выброшены из обращения как путем развития непосредственного товарообмена, так и появлением в сфере обращения скрывавшегося в худые дни золота. Последний случай мы имеем возможность изучать на истории ассигнатов Великой французской революции, когда в 1796 г., при наличии в обращении 44 млрд, на седьмом году существования ассигнатов начался бойкот их на товарном рынке и все бумажные ценности оказались приравненными к ценности содержащейся в них бумаги.

2) После более или менее продолжительного потрясения буржуазное хозяйство вновь начинает оживать, прежде всего, допустим, приостанавливается процесс развала производства, затем начинается его расширение, и это приведет в один прекрасный момент к тому, что T , скатившееся у нас до 15 млрд, начинает увеличиваться. С другой стороны, буржуазное государство, освободившись от чрезвычайных расходов, вызванных войной, революцией и т.д., и укрепивши свою власть, в состоянии получать налоги в другой форме, не прибегая к выпуску бумажек. Более того, под давлением торгово-промышленных кругов оно делает отчаянные попытки освободить денежное обращение от бумажного балласта, начинает выбирать из обращения бумажки, покупая их на металл и подвергая сожжению. При таких условиях в области денежного обращения начнется движение, обратное тому, которое привело к 15 млрд T , к 27,96 млрд бумажек в обращении и падению курса рубля до 2,7 коп.

Это обратное движение может идти до момента, когда между T и D будет установлено равновесие и остаток бумажных денег в обращении может вновь превратиться в полноценные деньги. Случай, характерный в основном (несмотря на большие варианты в способах поднятия курса) для денежного обращения буржуазных стран, благополучно переживающих кризисы производства и обращения.

3) Процесс развала промышленности приостановился, но правительство отнюдь не намерено прекращать выпуска бумажных денег. Ему есть больше оснований брать из обращения товары до тех пор, пока их можно брать, не стесняясь увеличением выпуска бумажных денег до последнего предела. В таком случае мы будем иметь перед собой отмирание всей бумажно-денежной системы обращения. Такая ситуация характерна для переходной эпохи от капитализма к коммунизму. Наибольший теоретический и в особенности практический интерес имеет тогда вопрос о том, как долго может продолжаться агония бумажного денежного обращения. Для читателя, я полагаю, ясно, что наиболее характерным примером для описываемого случая представляет из себя бумажное денежное обращение Советской республики России. Ниже мы будем говорить о нашем денежном обращении более подробно, с цифрами в руках, с учетом всех реальных усло-

вий, на которых нет оснований останавливаться в общей части. Здесь нас интересуют лишь общие моменты рассматриваемого случая, с которыми придется иметь дело всякой стране, вступающей в эпоху пролетарской диктатуры и получающей в наследство от буржуазного периода аппарат бумажно-денежного обращения, достаточно перегруженный бумажками за время хозяйничанья капиталистических правительств.

III

Бумажные деньги после пролетарской революции

Прежде всего, совершенно очевидно, что на уничтожение всей бумажно-денежной системы обращения может идти лишь такой класс, стоящий у власти, лишь такое правительство, которому обеспечен иной способ получения доходов на совершенно ином базисе общественного распределения. Если степень здоровья и силы буржуазного общества покоятся на увеличении количества T , если увеличение T есть термометр для определения здорового роста этого общества, то для переходной эпохи от капитализма к коммунизму термометром, определяющим успехи нового общества, служит увеличение другой величины, величины P , т.е. количества продуктов (а не товаров), проходящих через распределительные органы социалистического государства.

Увеличение P за счет T , борьба P с T — это есть борьба социалистического распределения с анархической сутолокой рынка, выражаясь в российских терминах — борьба Компрода с Сухаревкой. Чем больше продуктов попадает в руки пролетарского государства как вследствие национализации все новых и новых предприятий и увеличения выработки на них, так и вследствие успехов заготовок со стороны продовольственных органов, применяющих систему натурального налога на крестьян, тем больше растет P , тем меньше то количество T , которое поступает на вольный рынок. Отсюда вытекает целый ряд выводов, имеющих огромное практическое значение для финансовой политики пролетарского государства, с одной стороны, для объяснения ряда явлений в области бумажно-денежного обращения, с другой.

Во-первых, совершенно очевидно, что рост P за счет T должен вести к чрезвычайно быстрому падению курса бумажных денег, если б даже выпуск их государством прекратился. Все выпущенные уже миллиарды бумажек, за исключением небольшой части, идущей на оплату* выдаваемых государством по твердым ценам продуктов, устремляются в район T и плавают всей своей грудой во все более и более высыхающих болотах вольного рынка.

Во-вторых, совершенно очевидно и обратное, а именно, что устойчивость и даже расширение мелкого товарного производства в странах с пролетарским режимом задерживает быстрое уменьшение суммы T . Мыслим даже случай, когда систематическое увеличение P за счет T , систематические вычеты из T будут равны или будут меньше прироста T на почве восстановления мелкого производства и его временного расширения. При таких условиях падение курса бумажных денег будет происходить лишь под влиянием новых выпусков бумажек, т.е. мы будем иметь уже рассмотренный выше седьмой случай, хотя в совершенно иной обстановке.

Наконец, мы можем сделать и третий вывод, который может показаться абсурдным, но который теоретически достаточно обоснован. Этот вывод следующий. Если

* Эта оплата должна делаться чем дальше, тем больше фиктивной, особенно в связи с успехами в области натурализации заработной платы и бесплатного пользования общественными предприятиями, как трамвай, железные дороги, почта и т.д. (Прим. автора.)

социалистическое хозяйство будет долго сожительствовать с мелкобуржуазным хозяйством, если вольный рынок будет долго держаться, то если не на все время существования вольного рынка, то на значительный период его существования социалистическое государство будет иметь возможность получать часть продуктов мелкобуржуазного производства путем выпуска бумажек, присоединяя каждый год по нулю или больше к номинальным стоимостям своих бумажных денег. То, что сегодня стоит рубль, на следующий год — десять, потом сто, потом тысячу и т.д. Если печатный станок работает хорошо, то в присоединении нулей правительство ничем не ограничено. Можно писать на бумажке вместо 10 руб. 10 млн и платить эти 10 млн за фунт луку или шнурки для ботинок на вольном рынке. Ничего ужасного в этом нет, если заработная плата на $\frac{1}{3}$ натурализована, а на $\frac{1}{3}$ приспособлена к повышению курса бумажек путем повышения ставок. Эта перспектива может приводить в ужас обывателей, которые еще не могут отделаться от воспоминаний, когда за 10 руб. можно было купить 10 пудов муки или сапоги, может привести в отчаяние тех, кто живет на припрятанные деньги либо ждет повышения курса ежедневно накапливаемых бумажек. Но ничего страшного нет в этом для социалистического государства, имеющего ясное представление о всем хозяйстве страны в его целом и не способного поддаваться панике от роста цен. Падение стоимости денег при устойчивости T есть, если можно так выразиться, продукт производства самого государства. Оно может более или менее точно рассчитать размеры падения курса на каждый следующий год и приспособить к уровню этого падения свой эмиссионный аппарат. Оно должно приспособлять к этому и тарифы, поставив себе целью обеспечить рабочему количество денег, достаточное для того, чтоб прихватить с вольного рынка ту часть продуктов, которой недостает до полной натурализации заработной платы.

Лишь одна перспектива может быть опасна для Советского государства в период использования бумажного денежного обращения: крах всей системы может наступить не только гораздо раньше, чем исчезнет T , но и раньше того, когда количество Π в руках государства будет достаточным для натурализации минимума заработной платы. Опыт превращения ассигнатов Великой французской революции в плохие обои для оклейки стен доказывает, что бойкот бумажек на вольном рынке может наступить в то время, когда самый рынок отнюдь не собирается умирать. Но когда наступает крах? Наступает ли он на определенной стадии обесценения бумажек, или же обусловлен другими моментами? Крах системы ассигнатов начался, когда реальная покупательная способность ассигнатов упала в 500 раз. Крах бумажек, выпускаемых советским правительством России, еще не наступил, хотя курс бумажек упал (к ноябрю 1920 г.) приблизительно в 5000 раз. Отсюда можно, по-видимому, заключить, что бойкот бумажек рынком не связан с количеством выпущенных денег и уровнем их обесценения. Бумажное денежное обращение в стране, где начался новый цикл буржуазного развития на расчищенной революцией почве, оказалось менее устойчивым, чем в стране, где уничтожены предпосылки всякого буржуазного развития и, в частности, где дело идет об уничтожении не только бумажной, но и всякой денежной системы вообще.

В чем же дело?

Чрезвычайно сложный вопрос, к которому мы подошли, не может быть, по-видимому, решен одинаково и для денежного обращения буржуазного общества, и для переходной эпохи от капитализма к коммунизму.

Развитие производительных сил Франции после революции могло происходить лишь на основе капиталистических отношений. Потрясенное революцией и революционными войнами хозяйство перед новым циклом развития, предполагавшего свободный рынок, не могло стать на ноги без устойчивых по своей стоимости средств обращения. Попытки сохранить какие-либо устойчивые единицы в обращении выявились еще до

краха ассигнатов в том, что королевские* (по-нашему, царские) бумажные деньги приобрели некоторую устойчивость курса и расценивались выше, чем ассигнаты Конвента. Когда революция закончилась, а правительство директории не только не начало извлекать из обращения бумажки, а сделало колоссальные новые выпуски, товарное обращение Франции ответило на это бойкотом бумажного хлама, и припрятанное за период террора золото начало поступать в каналы обращения. Крах бумажной системы во Франции произошел вследствие несоответствия между потребностями нового буржуазного цикла развития и не приспособившейся, отставшей от требования хозяйства и задерживавшей начало его развития денежной системой.

В Советской России, где значительное и все растущее количество продуктов проходит через органы социалистического распределения, где P растет за счет T , т.е. за счет вольного рынка, казалось, крах бумажной валюты должен был наступить гораздо раньше, чем во Франции. Тем более, если мы вспомним, что во Франции ассигнаты имели реальное обеспечение в виде конфискованных дворянских и церковных земель и на них можно было купить определенное количество земельного фонда Республики. На деле, наше бумажное денежное обращение держится с самого начала войны, и частичный бойкот денег наблюдается лишь в некоторых окраинах страны, как, например, в известных районах украинской деревни. Чем же объяснить устойчивость нашей, выжатой уже как лимон, бумажной денежной системы?

Было бы неосторожно ответить на этот вопрос каким-либо категорическим утверждением.

Правильней всего искать объяснения прежде всего в том главном и коренном различии, которое имеется между буржуазной хозяйственной системой и системой социалистического переустройства в рассматриваемом вопросе. Для нормального развития товарно-капиталистического хозяйства ликвидация не имеющих никакого устойчивого курса средств обращения является важнейшим условием всякого движения вперед. Падение курса денег приводит к систематическому разорению и убыткам для тысяч товаропроизводителей и торговцев и для огромного кадра людей делает более выгодным занятие спекуляцией, чем производством. Повышение курса бумажных денег всяческими способами либо бойкот их и выброс из обращения является настоящей необходимостью для товарного хозяйства.

Наоборот, для строящегося социалистического общества условием существования, его жизненным требованием в области распределения является не поднятие курса бумажек, а увеличение P за счет T . Если число продуктов, проходящих через органы социалистического распределения, уже достигает большой суммы, если это число растет, то для обеспечения всего развития производства, в особенности его главного головного отряда, отряда национализированных предприятий, увеличение P имеет неизмеримо большее значение, чем увеличение покупательной способности бумажек или их устойчивый курс. Пусть для товарного хозяйства, существующего рядом с социалистическими предприятиями, устойчивость курса денежных знаков имеет первостепенное значение,

* На ассигнатах, выпущенных до провозглашения республики, был портрет короля. После переворота, после все увеличивавшегося выпуска республиканских ассигнатов, королевские ассигнаты попали в привилегированное положение, так как число их не увеличивалось, и они стали котироваться выше, до 15%. Королевские ассигнаты были в большей части изъяты из обращения соответствующими финансовыми декретами Конвента. Навينو думать, что и королевские ассигнаты имели, и наши «царские» и керенки имеют большую стоимость потому, что держатели их надеялись или надеются на возвращение старого режима. Причины повышения курса более «редких» бумажных серий не политического, а экономического свойства. Достаточно вспомнить, что советские деньги первых выпусков (например, желтого цвета тысячи) уже имеют на Украине более высокий курс. (Прим. автора.)

пусть цепляются крестьянство и кустари за царские деньги, керенки и т.д., чтоб получить некоторую устойчивую единицу в обращении, — не мелкобуржуазное хозяйство делает музыку в переходную эпоху, не от судьбы мелкого хозяйства зависит судьба всего общества, его будущее, развитие его производительных сил, взятых в целом.

Но рост П за счет Т как раз и является одной из важнейших причин обесценения бумажек. И самый выпуск чем дальше, тем больше является лишь подсобным ресурсом социалистического государства, пока оно не обеспечило себе П в количестве, достаточном для натурализации заработной платы. Буржуазное хозяйство не может, как п р а в л о, выносить долго существования обесценения бумажек в обращении и их дальнейшего обесценения. Социалистическое общество в период стройки не может выносить сокращения П, падение же курса бумажек оно может терпеливо выносить очень и очень долго. В этом отношении у него нервы крепче, чем у буржуазной системы хозяйства.

Второе объяснение, более конкретного характера, нужно, мне кажется, искать в соотношении между избыточным количеством продуктов мелкого крестьянского и кустарного хозяйства и тем количеством, которое берет государство из обращения путем выпуска новых бумажек. Если эти выпуски берут лишь излишек или часть излишка, то как бы ни падал курс бумажек, реальный хозяйственный базис для возможности дальнейших выпусков остается, потому что остается возможность делать вычеты из товарного обращения, не разрушая самого мелкого производства, поскольку вычитание делается из того, что является потребительским излишком.

Отсюда уже ясно видно, что медленное умирание нашего бумажного рубля связано с хозяйственными особенностями России. В странах Запада, когда они станут странами пролетарской диктатуры, бумажные деньги могут умереть раньше, поскольку там не будет столь обширного, как в России, мелкобуржуазного рынка, отсрочивающего и оттягивающего стихийную ликвидацию бумажек.

Все это не значит, конечно, что бумажки могут продержаться в обращении до полного уничтожения Т. В каждой определенной стране, вступающей на путь пролетарской диктатуры, в зависимости от совокупности экономических условий, может быть ряд и других причин, которые приведут к краху бумажную денежную систему сравнительно рано. Нам достаточно здесь установить, что доказанная опытом устойчивость бумажного денежного обращения в первые годы существования Советской России вполне удовлетворительно объясняется на основе общих теоретических положений, установленных выше.

Есть еще один вывод из предыдущих построений, на котором следует остановиться, потому что он напрашивается сам собой. Раз пролетарское государство само держит в руках рычаг обесценения денег, раз оно понимает законы бумажного денежного обращения лучше, чем посетители Сухаревки, и раз оно может предвидеть последствия своих мероприятий, то не может ли оно сознательно, по определенному плану, регулировать и денежное обращение и уровень цен?

Как известно, все попытки такого рода, исходившие от буржуазных правительств, неизменно кончались крахом, все твердые цены в условиях новых выпусков бумажек и расстройств хозяйства неизменно взлетали на воздух. Все вычеты из товарного обращения, все налоги в виде выпуска денег делались наугад, без малейшей уверенности в том, сколько реальных ценностей будет получено с рынка и какой уровень падения курса денег предпрещен уже самим количеством выпускаемых бумажек. Пролетарское государство в этом отношении находится в более выгодных условиях, чем любое буржуазное правительство. Главной задачей буржуазного правительства, согрешившего в трудные минуты по части чрезмерного выпуска бумажек, является задача скорейшей ликвидации бумажного потока и обеспечение появления на рынке в качестве средства обращения реальной стоимости в виде золота, которая одна способна неорганизованному, без-

головому обществу дать устойчивость в товарном обращении и справедливо разобрать претензии каждого товара на соответствующее количество другого товара. Наоборот, пролетарское государство – это организованная, сознательно хозяйствующая сила. Это государство знает законы того общества, которое оно сменяет и обломки которого путаются у него под ногами. Взять за жабры мелкобуржуазную стихию, взять ее через аппарат бумажного денежного обращения и подчинить себе, своим целям это обращение – эта задача отнюдь не является непосильной для пролетарской диктатуры. И чем тверже стоит на ногах пролетарская власть, чем больше продуктов поступает в его органы распределения, тем больше возможностей для его свободного маневрирования, тем легче ему загнать в тупик вольный рынок и свободного производителя.

Как это осуществить?

Прежде всего, о твердых ценах. Разумеется, бессмысленно мечтать об установлении твердых цен тогда, когда выпуск бумажек продолжается и остается, таким образом, налицо главная причина падения их курса. Твердые цены возможно установить лишь в таком случае, если правительство возьмет за основу установившиеся рыночные цены, прекратит выпуск бумажек и в той пропорции, в какой вычит из Т будет происходить вследствие расстройств производства, начнет уравнивать этот процесс изъятием из обращения соответствующего количества бумажек. Но такая операция, очень желательная для мелкобуржуазных товаропроизводителей, не представляет никакой выгоды для пролетарского государства, которому нет никаких оснований выступать в роли опекуна и доброй мамы для кулачков и кандидатов к ним, за исключением разве такого теоретически мыслимого случая, когда подобное мероприятие будет временно приемлемым в качестве одной из переходных мер на пути к чисто социалистическому распределению. А именно: в том случае, если П будет близко к тому, чтоб обеспечить натурализацию заработной платы, а содержание аппаратов государственного распределения для продуктов второстепенного значения, вырабатываемых мелким хозяйством, будет стоить дороже, чем вышеописанная операция. Нам необходимо здесь лишь отметить, что установление твердых цен и удержание их на основе научно обоснованной финансово-экономической политики вполне возможно для достаточно укрепившейся пролетарской власти, поскольку поддержание курса бумажек не будет возложено на одни бумажки обязательных постановлений.

Но в первое время существования пролетарского государства прекращение выпуска бумажных денег не только не выгодно, но и объективно невозможно. Собрание вокруг органов распределения достаточного количества продуктов происходит постепенно, не говоря о том, что и сами эти органы создаются почти заново и продвигают работу совершенно новую, для выполнения которой капитализм не оставил никаких руководств рабочему классу.

У автора этих строк нет ни малейшего сомнения в том, что во всех странах, в которых пролетариат вслед за рабочими России будет завоевывать власть, он будет вынужден пустить в ход печатный станок. Если при социалистическом перевороте пролетариат оставляет камни, но не оставляет камня на камне во всей экономической системе капитализма, как это убедительно доказал т. Бухарин в своей прекрасной книге «Экономика переходного периода», то некоторое счастливое исключение на некоторый срок представляет бумажно-денежное обращение.

Систему выпуска бумажек в минуту жизни трудную, аппарат этого выпуска и возможность путем выпуска выкачать из обращения определенное количество товарных ценностей – все это целиком получает победивший пролетариат от буржуазного режима. А поскольку пролетариат будет вынужден пускать в ход печатный станок, он заинтересован в том, чтоб выпуск бумажек не носил хаотического характера, чтоб он не производился без учета темпа понижения курса, без попытки согласовать обесценение денег с

тарифами еще до выпуска или одновременно с выпуском, без попытки хотя бы приблизительно учесть, какое время можно пользоваться печатным станком и какой срок дается объективными условиями для замены этого вида налога работой социалистических органов распределения. Опыт бумажного денежного обращения Советской России чрезвычайно поучителен для пролетарского режима всех стран, которые покончат с буржуазной властью и будут вынуждены поддерживать свое существование известное время грабежом товарного рынка через выпуск новых миллиардов бумажек.

Для пролетарской власти в деле регулирования цен имеются следующие возможности. Те цены, которые застанет победивший пролетариат на свободном рынке, он может взять за основу своих твердых цен. Эти твердые цены он может удержать в той части продуктообмена, который осуществляется через его органы распределения. Эти цены немедленно отрываются от рыночных цен и будут отходить от них тем быстрее, чем дольше продолжается выпуск новых масс бумажных денег. Единственный смысл существования этих твердых цен заключается только в том, чтоб различать стоимости продуктов внутри П. Например, сапоги в 5–7 раз дороже пуда муки, пуд муки в 100 раз дороже листа бумаги и т.д. Стоимость же пуда муки в П совершенно отрывается от цены этого пуда на вольном рынке, и попытки держать цены Т в повиновении таблицам твердых цен государства есть предприятие совершенно безнадежное. Безнадежность эту нечего проверять на практике, потому что она с неопровержимой ясностью устанавливается бесспорным теоретическим анализом. Регулировать цены на вольном рынке можно, лишь установив особые подвижные таблицы цен, основанные на приблизительном учете Т и на весьма точно известном государству количестве бумажных денег, выпускаемых в обращение*. Возьмем пример. Допустим, в результате целого ряда выпусков бумажек государством на рынке устанавливаются цены: мука 100 руб. пуд, масло 25 руб. фунт, сапоги 500 руб. и т.д. Государство через некоторый промежуток вынуждено выпустить несколько миллиардов бумажек. Чтоб в дальнейшем не рынок устанавливал цены, а государство, последнее должно сейчас же после выпуска новой партии бумажек само повысить все цены в такой пропорции, в какой это вызывается новым выпуском. Тогда назначенные государством таксы не будут продуктом фантазии, а будут основаны на учете реального соотношения между Т и Д. При наличии твердой власти и соответствующих органов репрессии эти цены можно удержать до следующего выпуска бумажек, потому что эти цены будут сознательно привнесены рынку в таких соотношениях, в каких они установились бы стихийно, если бы рынок был предоставлен собственной судьбе. Так же должно поступать государство и при следующих выпусках.

Только такая таксировка цен, при которой курс бумажек в товарах устанавливается на основании соотношений Т и Д, при которой не государство диктует цены, а пишет их под диктовку законов денежного обращения, — только такая таксировка реально осуществима.

Но зачем она нужна?

Это уже другой вопрос. Главная выгода заключалась бы в том, что при росте цен через известные сроки, известными скачками, хотя бы этих скачков было установлено в году полдюжины, представилась бы возможность правильно построить шкалу тарифных скачков. Вместо отдачи рабочих на съедение вольному рынку, вместо непрерывных вычетов из заработной платы по инициативе спекулянтов и крестьян, вместо погони тарифов вслепую за ценами, без надежды догнать их, когда в накладе все время остаются рабочие массы, при системе подвижных такс было бы возможно проведение системы подвижных тарифов в соответствии с таксами, т.е., в сущности, погоня цен за

* Количество бумажных денег других государств внутри страны учесть, конечно, трудно, но это количество не может быть особенно большим. (Прим. автора.)

тарифами. Не иужно, конечно, преувеличивать выгод от осуществления этой меры, бессмысленно мечтать таким путем спасти рабочих от недоедания. Ограждение рабочих от эксплуатации мелких производителей возможно вообще в довольно узких пределах, потому что никакие таксы и никакие тарифы не могут избавить общество от основного зла переходного периода, от сокращения потребления. Если страна имеет 50 млн едоков, а количество продуктов потребления, которыми она располагает на год, вместо нормальных 1 млрд пудов равняется всего лишь 750 млн, т.е. на 25% меньше, то никакие тарифы и никакие таксы не спасут от неизбежного недоедания. Падение курса бумажек, сокращение их покупательной способности зависит ведь не только от количества Д в обращении, как мы указывали выше, но и от сокращения Т под влиянием всеобщей разрухи. Если на рост цен смотреть под углом зрения общественного распределения продуктов, то этот рост в конечном счете является орудием для сокращения потребления для определенных слоев общества, либо для всего общества. При господстве рыночной стихии это сокращение потребления в первую очередь обрушивается на рабочих и служащих государства. Задача пролетарской власти состоит в том, чтоб урезать потребление для всего общества, в первую голову для паразитических классов. Если стране суждено на 25% недоедать, необходимо, чтоб это недоедание равномерно распределялось между рабочими и крестьянами и больше всего падало на паразитические классы. При системе подвижных такс и подвижных тарифов, если не будет достигнуто это равенство голода, то, по крайней мере, распределение будет иметь тенденцию к этому под влиянием сознательно проводимой государством политики.

Система подвижных такс для пролетарского государства может оказаться целесообразной в тех странах, где в момент перехода власти к рабочему классу денежное обращение не будет достаточно расстроено предыдущими выпусками бумажек со стороны буржуазного правительства (например, в случае переворота теперь в Англии, отчасти Франции). Наоборот, для пролетариата более разоренных стран с низким курсом бумажных денег будет сначала, пожалуй, наиболее целесообразным предпринять огромный выпуск бумажных денег сразу, скупить все, что можно на вольном рынке (чего нельзя конфисковать, разумеется), и, если можно так выразиться, собрать сливки с товарного обращения раньше, чем ошеломленный рынок успеет закричать «караул!» путем резкого скачка цен. Таксировать цены при таких условиях значило бы помочь вольному рынку отбить частично атаки правительства на его товарный фонд. Опыт показывает, что если выпуск бумажек продолжается долго, то рынок в своем повышении цен не только не отстает, а часто в кредит перегоняет этот выпуск, устанавливая цены, которые должны были соответствовать иной пропорции между Д и Т. Наоборот, в начале выпуска бумажек рынок бывает довольно неповоротлив, цены часто ниже тех, которые уже предопределены выпущенным количеством бумажек, накопление бумажек, вместо их немедленной реализации, еще широко практикуется различными слоями населения, не усвоившими еще на горьком опыте политической экономии «переходного периода», и для пролетарского государства открывается возможность основательно пощипать товарные ресурсы вольного рынка.

Когда же терроризованный рынок достаточно раскачался и в повышении цен забегает дальше того, что диктуется взаимоотношениями Т и Д, то рабочему правительству есть смысл или систематически осаживать его назад, или пуститься с ним впергонки. Первое возможно было бы достигнуть системой подвижных такс, второе – установлением таких тарифных ставок, при которых бы не тарифы гнались за ценами, а цены за тарифами. Осуществить это целиком вряд ли возможно, и опытов таких (удачных опытов) еще не бывало. Но поставить себе эту цель можно, и сознательно добиться хотя бы известной тенденции в этом направлении пролетарское государство, несомненно, может. Менее всего допустимо предоставить все воле рыночной стихии и не использовать

против этой стихии знания ее же собственных законов. Во всяком случае, теоретически сконструировать случай, когда тарифы будут определять цены, а не наоборот, совсем не трудно. Представим себе страну, где заработная плата рабочих после захвата власти пролетариатом натурализована лишь наполовину. Другую половину рабочий класс вынужден получить с вольного рынка, опираясь на покупательную способность бумажных денег. Пусть и та и другая часть заработной платы, выраженная в золотых рублях, равняется 360 млн, плюс 360 млн, т.е. 720 млн руб. в год. Первую половину заработной платы рабочий без труда получит от государства через его распределительные органы. Наоборот, со второй частью начнутся неизбежные мытарства. Предположим, что рубль пал в 100 раз, и чтоб получить с вольного рынка продуктов на 360 млн золотом, нужно дать рабочим бумажек в виде заработной платы на 36 млрд в год. Но эти 36 млрд не спасут рабочих от мытарств и разорения, потому что при описываемых условиях цены непрерывно растут. Следовательно, надо установить кривую подъема цен при условии изъятия каждый месяц с вольного рынка товаров на 36 млн золотом. Допустим, вычисление приводит нас к тому выводу, что цены должны подниматься на 50% в месяц в среднем. При таких условиях уже на второй месяц для получения с рынка продуктов на 36 млн золотом необходимо выплатить рабочим в виде заработной платы бумажками не 3 млрд, а 4½ млрд. Следующий месяц надо увеличить выдачу еще на 50 % и так далее. Но это еще не все. Если рубль должен пасть за год в 6 раз, то это падение не будет равномерным. Надо учесть разницу в скорости падения по частям года. Все вычисления неизбежно будут весьма приблизительными. Важно лишь одно: чтоб покупательная способность всей денежной части заработной платы обеспечивала в среднем возможность рабочим взять с вольного рынка количество ценностей, равное по стоимости, считая на золото, 30 млн полноценных рублей. Надо ли при этом увеличивать тарифы ежемесячно, два раза в месяц или в два месяца раз — это чисто технический, хотя практически и очень важный вопрос.

Разумеется, этот теоретически мыслимый пример приспособления тарифов к ценам на основе предварительного учета роста цен не будет утопической фантазией лишь в том случае, если размеры мелкобуржуазного хозяйства и емкости вольного рынка позволяют делать систематические вычитания из него в описанной пропорции. Иными словами: приведенный случай возможен лишь тогда, когда с мелкого производителя, вообще, можно взять прибавочного продукта на 30 млн золотом в месяц, например, путем тех же прямых натуральных налогов. Если это экономически невозможно, то тарифы никогда не поспеют за ценами и в этой форме будет проявляться общественная необходимость сокращения потребления для всего рабочего класса в переходный период.

IV

Бумажные деньги как вид налога

При нормальных условиях обмена товаров в капиталистическом обществе деньги замещают товар и, в свою очередь, замещаются другим товаром, если продавец выступает в качестве покупателя, что бывает чаще всего. Владелец денег может купить товар потому, что на другом полюсе он сам нечто продал, и деньги являются документом этой продажи. Это относится к металлическим деньгам. Наоборот, благодаря выпуску бумажных денег из обращения изымается определенное количество ценностей без вливания в сферу товарообмена новых товарных ценностей. Деньги входят в обращение, товары вытаскиваются из обращения. Если исключить случаи, когда бумажные деньги выпускаются в ограниченном количестве исключительно для удобства расширившегося

товарообращения*, выпуск бумажек государством имеет целью взять из обращения товары без возмещения. Но эти операции покупки без продажи возможно делать не один раз только потому, что на рынке в большинстве случаев все-таки существует покупка с продажей. Поскольку дело идет о вольном рынке в период пролетарской диктатуры, продавцами и покупателями одновременно являются прежде всего крестьяне, затем ремесленники, кустары, владельцы небольших ненационализированных предприятий, наконец, владельцы всякого рода имущества, созданного до революции и теперь пускаемого в обмен. Правда, продавцом может быть и само государство, поскольку часть продуктов со своих национализированных предприятий оно продает крестьянам. Но эта продажа происходит на сумму, гораздо меньшую той, на какую выпускается бумажных денег. Так что, если государство выпускает бумажек на 10 млрд, а крестьянину оно продает товаров на 1 млрд, то финансово-экономический итог таков, как если бы государство выпустило бумажек на 9 млрд. Поскольку на рынке идет купля и продажа между товаропроизводителями на бумажные деньги, на новых сериях бумажных денег, входящих в обращение из-под станка государства, не написано, что за ними не значится соответствующих товаров, сданных на рынок. Эти деньги примешиваются к деньгам, бывшим до них в обращении, как равноправные товарные, и имеют с ними одинаковую судьбу. Все дело можно представить себе так, что государство вмешивается в товарообмен между старым, крестьянским и владельцами тех или иных реальных ценностей, подпускает своего бумажного яда в каналы обращения и, не принеся никаких товарных ценностей на рынок, уходит с рынка с товарными ценностями. Таким образом, с точки зрения всего класса мелких товаропроизводителей, сожительствующих с пролетарским государством, выпуск бумажных денег пролетарским государством всегда им невыгоден, всегда влечет за собой вычит из реального товарного фонда мелкого хозяйства, всегда является налогом на мелкое самостоятельное производство**.

Наоборот, иначе должно представляться дело, если мы будем рассматривать весь процесс производства и распределения в переходную эпоху в его целом. Производителями реальных ценностей являются не только крестьяне и ремесленники, но и рабочие национализированных предприятий. В переходный период рабочие социалистических предприятий не столько создают продукты массового потребления, сколько заняты восстановлением самих основ хозяйства: орудий производства, транспорта, заготовкой сырья, капитальными сооружениями, реальная польза которых скажется, может быть, лишь через несколько лет. Это восстановление хозяйства на новых началах для всего общества имеет первостепенное значение, от успехов в этой области зависит все будущее страны. Производители в этой части хозяйственного организма должны получать необходимое количество продуктов потребления. Если государство в состоянии дать своим рабочим натурой лишь часть заработной платы, то другую часть они вынуждены брать с вольного рынка. Но будучи вынуждены сами проделывать эту операцию, весьма тяжелую и неприятную, рабочие из сборщиков натурального налога превращаются в его плательщиков, поскольку не могут получить на рынке необходимого им минимума средств существования.

Рассмотрим поэтому более детально, как распределяется этот вид налога между различными классами общества в эпоху диктатуры пролетариата.

Начнем с тех же рабочих национализированных предприятий. Эта группа общества является самой беспомощной в той борьбе, которая ведется между различными классами

* Положение, характерное для капиталистического общества в условиях нормального существования. (Прим. автора.)

** Если этот налог не заменяет собой более тяжелый прямой натуральный налог, который мелким производителям еще менее выгоден. (Прим. автора.)

за освобождение от налога. Продукт рабочих национализированных заводов поступает в руки государства. Они не имеют возможности продавать изготовленные ими товары и поднимать их цену в той мере, в какой должны подниматься в общем все цены в результате выпуска в обращение новой массы бумажных денег*. Рабочие продолжают получать заработную плату, определенную тарифом, либо добиваются увеличения тарифа, но неизбежно виже нового уровня цен, если тарифы, как это было до сих пор в Советской России, не приспособляются к новым выпускам бумажек. Выходя на базар, жена рабочего может только клясть и бранить крестьянина или молочницу за увеличение цены, но ничем реально не может ущемить их с своей стороны, если в руках у нее только одни государственные бумажные деньги. И когда мы на наших базарах видим каждый день фигуру подгородного крестьянина, сидящего на возу с картошкой и с олимпийским спокойствием изрекающего цену на свой продукт, а вокруг него волнуемую группу городских работниц, проклинающих деревенских грабителей и все-таки покупающих по назначенной «деревней» цене, то перед нами как на ладони соотношение сил между крестьянином и рабочим. Крестьянин пытается свалить свою долю налога, падающего на него в результате выпуска бумажных денег, на рабочего. Рабочий беспомощен свалить и свою долю, и наваленную на него другими на кого бы то ни было. В результате выпуск бумажных денег, этот особый вид налога, имеет тенденцию падать прежде всего и в наибольшей степени именно на заработную плату. Совершенно в том же положении, как и рабочие национализированных предприятий, находятся служащие государственных учреждений. Еще очень давно, на второй уже год мировой войны, появились в европейском масштабе сведения о разорении среднего интеллигента, чиновника, служащего. Наиболее сильные крики о таком разорении неслись из Германии, где служащие и чиновники явились первым слоем общества, которому пришлось начать сокращение потребления, а затем и распродажу в пользу деревни скопленного в лучшие годы имущества. Повышение цен на вольном рынке при старых ставках служащих и чиновников прежде всего отразилось на этой группе, потому что все остальные слои общества сумели увернуться от сокращения потребления, по крайней мере, первые месяцы. Ввиду огромных мобилизаций и уничтожений резервной армии промышленности чернорабочим удалось достигнуть повышения заработной платы. Что же касается рабочих, работавших на оборону, то во всех воюющих странах они получили повышенные ставки. Если же взять теперешнее положение рабочих и рядовых служащих в Советской России, то окажется, что последние еще более рабочих бессильны сопротивляться «налогу» на их жалованье. Не говоря о том, что рабочие причислены к первой категории в продовольственном отношении и, следовательно, несколько меньше зависят от вольного рынка, они еще сохранили в целом ряде предприятий право на получение сверх общей нормы некоторого количества того продукта, который изготавливается в их предприятии. Так, пекари в Москве получают кроме общего пайка несколько фунтов хлеба в день, рабочие парфюмерных фабрик – мыло, табачники – табак и папиросы и т.д. В результате часть рабочих обороняется от роста цен увеличением цен на те полученные сверх общей нормы продукты, которые они меняют на необходимые им предметы на вольном рынке. У служащих нет такой возможности, им остается лишь увеличивать всякими правдами и неправдами свои денежные ресурсы путем совместительства должностей, фиктивных должностей, взяток и т.д.

В ином положении находятся самостоятельные ремесленники и кустари всякого рода, поскольку они не связаны обязательством сдавать продукты своего труда государству по твердым ценам. На выпуск бумажных денег они отвечают соответствующим повыше-

* Строго научно нужно было бы сказать: «В какой должны подниматься цены, поскольку они находят свое выражение в обесценивающихся бумажных деньгах». (Прим. автора.)

нием цен своих продуктов. Если портной раньше брал за пальто 10 руб., то с увеличением цен в 100 раз он берет за эту работу 1000, с увеличением в 1000 раз – берет за пальто 10 000 и т.д. Так же поступают сапожник, пимокат, слесарь-кустарь, работающий по ремонту крестьянского инвентаря, и представители десятков профессий из среды мелкого ремесленного производства. Подъемом цен выше уровня твердых цен, устанавливаемых государством, они обороняются от сокращения их доходов.

Той же цели достигает и их стремление придерживаться товарообмена, бойкотирова падающие в цене государственные деньги. Во всяком случае, когда мелкий ремесленник начинает играть с крестьянином в поддавки в деле вздувания цен, он вступает в борьбу не безоружным. В иных районах и в иные моменты крестьянин может оказаться сильней, и это можно установить анализом цен на вольном рынке в отношении продуктов сельского хозяйства и продуктов кустарного производства. В других районах и в другие моменты дело может обстоять наоборот: при состязании ремесленника с крестьянином по части сбрасывания с себя налога от выпуска денег наиболее страдающим третьим лицом оказывается городской рабочий и служащий. За счет сокращения потребления этой группы удерживают свое потребление на прежнем уровне или даже повышают его (как, например, в хлебных губерниях) крестьяне и ремесленники.

Что касается крестьянства, самого многочисленного класса Советской республики, создающего пока большую часть всех ценностей, которые производятся в стране, то его позиция в борьбе за освобождение от рассматриваемого нами вида налога является весьма прочной. Мы здесь пока не будем говорить о хлебной монополии, о принудительной разверстке на другие продукты, проводимой Наркомпродом, о трудовой повинности. О них будет речь ниже. Мы будем говорить пока лишь о ценах в пределах вольного рынка. Крестьянство является монопольным владельцем почти всех продуктов питания, производимых в стране. Если в период нормального существования товарного хозяйства продукты, как правило, обмениваются по их трудовой ценности, т.е. в соответствии с количеством общественно необходимого труда, затраченного на их производство, и отклонения зависят от изменений спроса и предложения на те или иные продукты, то в период расстройств всей промышленной деятельности как раз именно в области спроса и предложения происходят важные изменения. Человек может подождать с приобретением материи на новый костюм, с приобретением целого ряда продуктов, не имеющих прямого отношения к удовлетворению чувства голода. Наоборот, с обедом подождать мудрено, и спрос на продукты питания неизбежно оттесняет на второй план спрос на прочие продукты потребления. В период расстройств хозяйства вообще и при сокращении посевной площади и ухудшении способов обработки земли на вольном рынке крестьянин попадает в привилегированное положение со своими продуктами. Вследствие этого крестьянство диктует свои цены, и повышение цен на важнейший продукт деревни – на хлеб – лежит в основе всех цен вообще. Накопивши достаточный денежный запас «на всякий случай», крестьянин в дальнейшем старается либо перейти прямо к товарообмену, либо продает своих продуктов лишь на такую сумму бумажек, на которую можно приобрести на вольном рынке реальные ценности. А так как число этих ценностей ограничено и не соответствует ценности излишков крестьянского хозяйства, то отсюда с неизбежностью вытекает потребление этих излишков (за вычетом хлебной повинности) в самом крестьянском хозяйстве, скормливание пшеницы для скота, отпавляние порослят молоком при наличии острого голода в городах и невероятных ценах на хлеб в наиболее хлебных областях (Украина). С другой стороны, будучи вынужден ограничить свои потребности в городских товарах тем, что можно купить на рынке или заказать ремесленнику, крестьянин тем самым ограничен и в необходимости иметь бумажные деньги сверх определенной суммы. А так как обесценение этих денег, предreshенное их выпуском государством, начинается от него, то крестьянин выступает в качестве первой

инстанции, которая сбрасывает с себя на плечи других рассматриваемый нами налог, которая имеет все данные отбить все контратаки со стороны кустаря, также отвечающего повышением цены своих товаров, и, наконец, прижать к стене и начать раздевать городского рабочего и остатки буржуазии*. Но если крестьянство находится в исключительно выгодных условиях для освобождения себя от рассматриваемого вида налога, то это еще отнюдь не говорит за то, что крестьянство вообще не пострадало и не страдает в чрезвычайно сильной степени от обесценения денег. Не надо забывать, что крестьянин не только является производителем (а пока существует вольный рынок, и продавцом) предметов потребления, имеющим возможность повышать цены на них. Одновременно он является и держателем денег, денежной копилкой. Крестьянин научился понимать не сразу «экономику переходного периода». В первые годы войны, когда обесценение денег шло не так быстро, у крестьянина была надежда на повышение ценности дешевевших денег. Он даже предавался первые год-два маниловским мечтаниям о том, что царская десятка, за которую он продал пуд хлеба и на которой написаны заманчивые слова насчет размена на золото, что эта десятка, с возвращением «нормальных условий», будет снова властна купить 10 пудов хлеба или соответствующее по стоимости количество других продуктов. Однако дальнейшая хозяйственная практика не только не подтвердила этих надежд, но царская красная уже не способна была в дальнейшем купить даже двух или трех фунтов хлеба. И каждый более или менее крепкий и запасливый по части «царских» и «кверенок» крестьянин начинал все больше беспокоиться за судьбу бутылок, набитых бумажными деньгами. Крестьянин буквально мог бы повторить слова Бориса Годунова: «Шестой уж год (с 1915 г.) я царскую спокойно (на рынке), но счастья нет в душе моей». Все, что накоплено в бумажках, идет прахом. Сегодня крестьянин повышает вдвое цену на хлеб, а это значит, что стоимость скопленных им раньше денег уменьшилась в два раза. Выпуск бумажных денег в условиях их непрерывного обесценения означает, прежде всего, непрерывную экспроприацию лежащего втуне денежного капитала. Если, допустим, за год, с января 1918 г. до января 1919 г. цены на продукты поднялись в 10 раз, то владелец в январе 1918 г. капитала в 100 000 руб. имеет к январю 1919 г. фактически 10 000 руб., 90 000 он потерял. Это все равно, как если бы у него путем налога было взято $\frac{9}{10}$ его денежного состояния. Первые годы после начала войны крестьяне продолжали накапливать деньги в условиях непрерывного их обесценения и тем подвергались непрерывной экспроприации как на новые суммы, выручаемые ежемесячно от продажи продуктов, так и на те, которые в виде царских бумажек были ими скоплены до революции. Кроме того, крестьянство в местностях, переходивших из-под советской власти в руки белогвардейцев и обратно, пережило не один раз аннулирование денег и той и другой стороной, т.е. также подверглось экспроприации. В частности, поскольку крестьянство сохраняло или увеличивало свои денежные запасы в расчете на возвращение старого режима, оно тем самым очень больно поплатилось за свое неверие в прочность советской власти.

Что касается не только крестьян, но и всех владельцев денежных сбережений, они также систематически экспроприировались. Никакими контрибуциями Советов, никаким чрез-

* Мирная экспроприация городской буржуазии крестьянством представляет из себя любопытную страницу в переходный период от капитализма к социализму. Проведя бурным натиском на дворянский класс экспроприацию помещичьих земель, крестьянство постепенно начало экспроприацию городской буржуазии и ее имущества, поскольку эта последняя вынуждена сбывать за продукты деревне все спасенное от конфискации советских органов имущество: льняные шубы, шелковые платья, золотые украшения и проч. потекли в деревню. Я знаю случаи, когда в одном уезде крестьянство, насыщенное всеми продуктами, набранными у бывшего купечества, соглашалось продавать хлеб лишь за иконы в серебряных ризах. (Прим. автора.)

вычайным налогом мы не смогли бы так основательно очистить тайных денежных хранилищ Колупаевых и Разуваевых, как это сделало социалистическое государство усиленными выпусками бумажных денег. Но остатки капиталистического класса оказались более ловки в борьбе против бывшего их по карману обесценения денег, чем неповоротливое крестьянство. Эти господа очень скоро поняли, что держать под спудом деньги и разоряться от их обесценения нет никакого расчета. Основное правило спекуляции в период обесценения денег заключается в том, чтоб переводить деньги на товар и хранить товар, а не деньги. Спекулянты и действуют в этом направлении, припрятывая товары, которые не занимают большого объема и не столь подвержены опасностям обнаружения и конфискации. Поскольку же хранение в больших размерах технически неосуществимо, задача заключается в возможно более быстром обороте денег. Если спекулянт покупает товара на 100 000 руб. и продает в течение недели за 150 000, его задача заключается в том, чтоб сократить до минимума время пребывания у него на руках этого денежного капитала, ибо то, что сегодня есть прибыль в 50 000, завтра уже представляет меньшую сумму вследствие непрерывного обесценения как этой прибыли, так и всего денежного капитала вообще. При ограниченной возможности хранить в большом количестве товары, при быстром обесценении хранимых денег наилучшим способом «реализации» прибыли спекулянту является потребление. Обжорство вместо накопления – вот закон для десятков тысяч героев Сухаревки и Охотного ряда. И поскольку спекулянтам не удастся реализовать прибыль в форме покупки и сокрытия золотых и других ценных вещей, им остается ловить момент, занимаясь самоснабжением. В общем, этот слой населения успевает приспособиться к советскому строю, к выпуску бумажек, к их обесценению, увертывается от налога и сбрасывает его либо на неповоротливого крестьянина, либо все на того же рабочего и служащего.

Таким образом, мы приходим к выводу, что косвенный налог, накладываемый советской властью в форме выпуска бумажных денег, падает на владельцев денежных запасов, и в том числе на крестьянство, как держателя денежных запасов; далее налог падает на рабочих и служащих, поскольку им не удается реализовать денежную часть заработной платы так, чтоб получить необходимый минимум средств потребления, а потому приходится недоедать; налог падает далее и на мелких производителей, поскольку берет от мелкого производства ценности, не возвращая эквивалента, причем в конечном счете крестьяне и кустари оказываются в более выгодном положении, чем рабочие и служащие, поскольку дело идет об уменьшении их доли налога путем стихийной борьбы внутри всех этих классов на арене вольного рынка*.

* Тов. Ларин в своей статье «Деньги», помещенной в № 250 «Экономической жизни», пишет: «Крестьянству выгодней, чтоб государство покрывало общенародные расходы не путем взимания налогов, а путем выпуска все новых количеств бумажных денег и сопряженного с этим роста дороговизны. Дороговизна гораздо больше ударяет рабочего и служащего, который все покупает, ничего обычно не производит для продажи. Наоборот, крестьянин покупает очень мало (особенно в военно-революционную эпоху, когда фабричное производство для нужд крестьянского хозяйства всегда сокращается). Продает же крестьянин больше, чем покупает, и потому на общей дороговизне в стране в конце концов наживается, прячет сотни тысяч в бутылках в землю, свозит себе из городов мебель, подушки, платье, посуду и т.д. Покрытие общегосударственных расходов... посредством прекращения уплаты налогов и принуждения государства выпускать все новые бумажные деньги – есть для крестьянства средство перевалить значительную часть государственного бремени с себя на плечи рабочих и служащих».

Тов. Ларин прав, указывая на то, что выпуск бумажных денег для крестьян выгодней прямых налогов. Но он совершенно не прав, полагая, что крестьянин «наживается», набивая бутылки бумажными деньгами. Если сегодня крестьянин продал за 5000 руб. мешок картофеля, набил деньгами бутылку, а через полгода стоимость 5000 руб. равняется 500 руб., через год 50 руб., то не дай бог никому так «наживаться». Именно потому, что крестьянин продает больше, чем покупает, а возвращается с рынка с бумажками, он не наживается, а разоряется, как держатель денег. (Прим. автора.)

V

**Бумажные деньги
Российской Советской республики**

Октябрьская революция в России сокрушила много старых устоев, но выпуск бумажных денег продолжался, оставаясь главным средством для покрытия государственных расходов. Советской власти суждено было получить от правительства Керенского бумажное денежное обращение в достаточно расстроенном состоянии. В свою очередь, правительство Керенского получило от царизма далеко не полноценный бумажный рубль. Восстановим в главных чертах и основных цифрах историю нашего бумажного денежного обращения с момента войны.

К моменту объявления войны, т.е. в июле 1914 г., в обращении находилось бумажных денег на сумму 1700 млн. В это время золотой запас государственного казначейства был равен на 1 августа 1914 г. 1604 млн. Золото к началу войны находилось в обращении наравне с бумажками, и покупательная способность бумажного рубля внутри страны равнялась рублю золотому. В самом начале войны, как известно, царское правительство прекратило свободный размен бумажек на золото, весьма основательно опасаясь, что все бумажки, число которых к тому же предполагалось увеличить, окажутся скоро при свободном размене в государственном казначействе, а все золото уйдет из государственного казначейства в частные руки. Прекращение свободного размена и введение фактически принудительного курса для бумажек сразу же повлекло за собой исчезновение золота из обращения и образование трещины в цене между золотым рублем и бумажным. Курс бумажного рубля начал падать. Это падение вряд ли оказалось бы, по крайней мере на внутреннем рынке, сколько-нибудь серьезным, если бы, с одной стороны, размеры товарного обращения в стране не подверглись сокращению, а с другой стороны, если бы не предпринималось новых выпусков бумажек государством. На деле вместе с уменьшением товарного обращения, вызванного начавшимся сокращением производства, начался усиленный выпуск бумажек в целях покрытия военных расходов царизма. Если в начале войны число бумажек, как мы уже сказали, равнялось 1700 млн, то на 1 января 1915 г., т.е. спустя полгода после объявления войны, их имелось уже в обращении 3125 млн. На 1 января 1916 г. сумма бумажек в обращении увеличилась до 5737 млн, к 1 января 1917 г. до 9225 млн, а к 1 марта 1917 г., т.е. в момент Февральской революции, в обращении бумажных денег имелось уже 9975 млн. Таким образом, царское правительство за время войны увеличило бумажный денежный фонд более чем в 5 раз. Именно этому правительству суждено было сорвать лучшие сливки с товарного обращения в тот период, когда ценность бумажного рубля держалась сравнительно высоко*.

Временное правительство, просуществовавшее до октябрьского переворота, держалось почти исключительно доходами от выпуска новых миллиардов бумажных денег. За восемь месяцев своего существования наше буржуазное правительство выпустило 8942 млн бумажек, и, таким образом, к 1 ноября 1917 г. бумажек в обращении имелось уже на сумму 18 917 млн.

Советской власти, пришедшей на смену правительству Керенского, также ничего другого не оставалось на первых порах, как черпать свои доходы из новых и новых

* Отсюда нужно сделать тот вывод, что революционному классу выгодней захватить власть как можно раньше, чтоб получить как можно большее наследство не только в общих ресурсах страны, но и в тех, которые дает ему на первое время бумажное денежное обращение, поскольку благодаря выпуску бумажек новой власти можно держаться вначале без прямых налогов. (Прим. автора.)

выпусков бумажек. Но в то время как каждый миллиард бумажек, выпущенный царским правительством, в среднем был равен покупательной способности 300–350 млн иа золота, а каждый миллиард правительства Керейского имел покупательную способность приблизительно в два раза меньше, покупательная способность бумажного рубля во время советской власти стремительно падала и падает с невероятной быстротой. Из предыдущей теоретической главы о курсе бумажного рубля было видно, что для изъятия из товарооборота путем выпуска бумажек нового, такого же, как раньше, количества ценностей требуется прогрессивно растущее количество бумажек. Эта прогрессия возрастает также и под влиянием сокращающегося товарообмена. А это сокращение после Октябрьской революции не прекратилось, а все больше прогрессировало. Весь процесс выкачивания ценностей посредством выпуска бумажек можно сравнить с вычерпыванием вина из бочки, которую пополняют водой. Чтоб получить первое ведро, достаточно зачерпнуть ведро же, но чтоб получить второй раз ведро чистого вина, надо зачерпнуть смеси больше ведра, для третьего – еще больше смеси и т.д. Сравнение будет полиым, если мы представим себе, что чистое вино убывает из бочки не только вследствие вычерпывания смеси, но и уходит через другое отверстие (что соответствует сокращению Т вследствие расстройств хозяйства). Советской власти пришлось вычерпывать ценности из бочки товарного обращения, достаточно уже разбавленной водой, в результате таких же операций царизма и Временного правительства. В итоге, несмотря на сокращение расходов, связанных с фактическим прекращением войны, к 1 января 1918 г. число бумажек в обращении было уже равно 27 313 млн, т.е. за два с лишним месяца существования советской власти было выпущено бумажных денег 8396 млн, т.е. немногим меньше, чем за все существование Временного правительства. К 1 января 1919 г. число бумажных денег в обращении равнялось 61 265 млн, сумма, которую относительно нельзя не признать скромной, если учесть, что ценность бумажного рубля, как видно из прилагаемой ниже таблицы валютных цен, упала к весне 1919 г. до $\frac{1}{500}$ на золотой рубль, а вместо расходов империалистской войны на очередь встали расходы на Гражданскую войну. Необходимо, однако, принять во внимание сокращение территории Советской России в 1918 г., когда мы потеряли на известное время Украину, Сибирь, Урал, Дон и Кавказ. Расширение территории и обесцениение рубля обуславливают в течение 1919 г., кроме других причин, огромное увеличение выпуска бумажек, число которых в обращении к 1 января 1920 г. достигло астрономической цифры в 225 016 млн, не считая бумажных денег, выпущенных в Туркестане.

Если мы возьмем увеличение в среднем за месяц выпуска денег в течение каждого года, начиная с 1915, то получим следующую картину:

Выпускалось новых денег в месяц	1915 г.	217,6 млн
«	1916 г.	281,6 «
«	1917 г.	1 507,6 «
«	1918 г.	2 829,3 «
«	1919 г.	13 645,9 «
1-я половина	1920 г.	56 833,0 «

Этот поток бумажных миллиардов поражает своими неслыханными размерами, но реальное покупательное значение этих миллиардов, а следовательно, реальный доход Советского государства является все время весьма скромным. Миллиарды бумажек оказываются бумажными миллиардами. Это видно из таблицы движения цен на валютных рынках. Приведем данные для важнейших продуктов питания в столицах и провинции:

Печеный хлеб за фунт

	1913– 1914 гг.	1915 г. июнь	1916 г. осень	1918 г. весна	1919 г. весна	1920 г. весна
Москва	3½ коп.	4 коп.	5 коп.	3 руб. 50 коп. – 4 руб.	22–26 руб.	350–400 руб.
Петроград	3½ коп.	4 коп.	5 коп.	4 руб.	30–35 руб.	500 руб.
Тверь	3 коп.	5,8 коп.	5 коп.	3 руб. – 3 руб. 50 коп.	22–24 руб.	—
Саратов	2,1 коп.	3 коп.	—	70 коп. – 90 коп.	1 руб. 20 коп. – 1 руб. 50 коп.	—

Ржаная мука (пуд)

Москва	1 руб. 01 коп.	1 руб. 65 коп.	2 руб. 60 коп.	150–180 руб.	800–1 000 руб.	—
Петроград	1 руб. 35 коп.	1 руб. 75 коп.	2 руб. 60 коп.	300–400 руб.	1 400–1 800 руб.	—

Мясо (фунт)

Москва	22 коп.	34 коп.	78 коп.	8 руб. 50 коп.	45–60 руб.	300 руб.
Петроград	22 коп.	30–36 коп.	80 коп.	8 руб. 40 коп. – 9 руб.	50–70 руб.	—
Тверь	18 коп.	—	—	—	15–20 руб.	—
Саратов	12 коп.	20 коп.	33 коп.	—	16–18 руб.	—

Из этой таблицы видна неравномерность в повышении вольных цен в столичных центрах и провинции, хотя в последнее время окраины начинают быстро догонять столицы. Но и при таком резком различии цен в столицах и провинциальных городах повышение цен, следовательно падение ценности рубля, является поразительным.

Чтоб нам стало вполне ясно экономическое значение выпуска бумажек при еще не обесцененной валюте и при валюте совершенно обесцененной, в частности, чтоб определить размеры реального (т.е. выраженного в товарных ценностях) дохода советской власти в 1919 г. от выпуска бумажных денег, сделаем небольшое вычисление на основании уже приведенных цифр. Возьмем средние цифры цен на хлеб по Москве и Саратову. В 1914 г., т.е. в начале войны, средняя цена фунта хлеба равнялась 2,8 коп. Царское правительство, выпустившее с начала войны до 1 января 1915 г. бумажных денег на 1425 млн, было в состоянии изъять товарных ценностей немногим меньше того, сколько можно было купить на ту же сумму золотом. Если мы за отправной пункт исчисления возьмем цену фунта хлеба в 2,8 коп., соответствовавшую цене хлеба в золотой валюте, мы в состоянии будем вычислять, сколько в переводе на золотую валюту давал выпуск бумажек за каждый год, до 1919 г. включительно. Тем самым, мы будем иметь приблизительное представление о том, какое количество товарных ценностей удавалось извлекать из обращения.

В 1915 г. бумажек было выпущено на сумму 2612 млн. Средняя цена хлеба была уже не 2,8 коп., а 3½ коп. Покупательная способность рубля, измеряемая в цене хлеба, была

80 коп. золотом. Иными словами, царское правительство выпуском 2 612 млн бумажек в 1915 г. при курсе рубля в 80 коп. (в измерении на хлебные цены) получило товарных ценностей на 2 089,6 млн*.

В 1916 г. бумажек было выпущено 3 488 млн. Средняя цена хлеба $4\frac{1}{2}$ коп. (В Саратове неизвестно точно, но в Поволжье цена была в среднем 4 коп.) Стоимость рубля, исходя из 2,8 коп. фунт хлеба на золото в 1914 г. и $4\frac{1}{2}$ коп. на бумажный рубль в 1916 г., можно считать в 62 коп. на 3 488 млн бумажек, царское правительство извлекло ценностей, равных приблизительно 2 162 млн золотом.

В 1918 г. всего было выпущено бумажек 33 952 млн, т.е. почти в десять раз больше, чем в 1916 г. при царизме. Цена хлеба в среднем – 2 руб. 88 коп. Курс рубля – 1,1 коп. Выпустивши огромную сумму – 33 952 млн бумажек, советская власть, однако, при курсе рубля в копейку с небольшим взяла из обращения ценностей приблизительно на 373 млн. Таково реальное содержание этого бумажного потока. Бумажек выпущено в 10 раз больше, реальных ценностей извлечено в шесть раз меньше, чем в 1916 г.

Посмотрим, как обстояло дело в близком к нам прошлом году. Бумажек выпущено 163 751 млн. Средняя цена хлеба приблизительно 12 руб. Стоимость бумажного рубля по измерению в хлебной цене 0,23 коп., т.е. немного больше $\frac{1}{2}$ коп., 163 751 млн бумажек, при всей огромности этой цифры в переводе на золотую валюту при данной стоимости рубля, равны сравнительно скромной сумме 383,5 млн. Таким образом, хотя в 1919 г. мы выпустили бумажек приблизительно в 5 раз больше, чем в 1918 г., реальный доход пролетарского государства от этой операции остался почти тот же, что и в 1918 г.

Если мы проверим эти выводы на средних ценах мяса, то вычисление покажет лишь большее падение курса рубля, следовательно, меньшую покупательную способность выпущенных в обращение миллионов, особенно в советский период. Годы революции, кроме 1920 г., были вполне благополучными, с точки зрения урожая хлебов в России. Потребление хлеба производителями держится в более устойчивых пределах, в то время как мясной кризис, связанный с резким понижением производства мяса, стал обнаруживаться уже в конце 1915 г. Кроме того, потребление мяса в крестьянском хозяйстве подвергалось более резким колебаниям. Поэтому установление курса рубля по хлебным ценам является более целесообразным, не говоря уже о том, что хлеб является самым важным, самым основным продуктом питания в России и основным предметом торговли на вольном рынке.

Сделанные нами вычисления являются, конечно, весьма и весьма приблизительными. Во-первых, мы оперировали с ценами хлеба весной, а не за весь год. Затем для большей точности необходимо было бы взять среднюю цифру на основании средних цифр всех районов страны. Вообще же, необходимо было бы установить курс рубля по средним ценам всех важнейших продуктов, по всем районам страны и по всем месяцам года. Для такого вычисления, к сожалению, автор не располагает нужным материалом. Однако и приведенные цифры, и сделанные вычисления в общих грубых чертах дают уже приблизительное представление и о курсе рубля, и о реальных доходах Советского государства, получаемых от выпуска бумажных денег.

Сравнение количества выпущенных в 1918 г. бумажек с количеством выпуска в 1919 г., с одной стороны (увеличение приблизительно в пять раз), и сравнение хлебных цен в 1918–1919 гг. (увеличение также приблизительно в пять раз) обнаруживает параллелизм

* Цены на другие продукты росли быстрее, особенно на продукты промышленности. А это значит, что вычисление по средним ценам одного лишь хлеба дает более высокий итог реального дохода государства, чем он был на самом деле. (Прим. автора.)

и соответствие этих пропорций. Это соответствие не является случайным. Там, где товарный рынок уже приспособился к непрекращающимся выпускам бумажек и немедленно выражает цены товаров в новых количествах бумажных денег, как только они появляются в обращении, там между увеличением цены на важнейший продукт купли и продажи, именно хлеб, и между увеличением количества бумажек в обращении, неизбежно должно установиться соответствие. Цифры бумажек в обращении и рыночных цен в 1918–1919 гг. являются наглядным подтверждением правильности тех теоретических выводов, которые были сделаны в первых двух главах на основе учения Маркса о денежном обращении.

Хорошо, скажет читатель. Но почему же вы не оперируете соответствующими цифрами за 1915 и 1916 гг.? Там, кажется, дело обстоит иначе?

Да, там дело обстоит иначе, также в полном соответствии с теоретическими выводами первых глав. Если цену на хлеб в 1914 г. принять за 100, то рост цен в 1915 г. будет выражаться 125, а в 1916 г. – 160. Если же наличность бумажных денег, имевшихся к концу 1914 г., принять за 100, то рост бумажек в обращении будет в 1915 г. – 183, в 1916 г. – 295. Выпуск же новых бумажек будет выражаться к выпуску в 1914 г., с момента войны, если принять его за 100, в цифрах: в 1915 г. – 183, 1916 г. – 244. Вся таблица будет иметь такой вид:

	Реальная цена	В процентах	Наличие бумажек в обращении	Выпуск новых по годам
1914 г.	2,8 коп.	100	100	100
1915 г.	3½ коп.	125	183	183
1916 г.	4½ коп.	160	295	244

Из этой таблицы мы видим, что первые два с половиной года войны рост цен на хлеб отстает от роста количества обращающихся бумажных денег. Именно на этом фактическом материале мы можем установить, какое огромное влияние на курс бумажного рубля оказал в России факт крестьянского накопления денег. Нет ни малейшего сомнения в том, что сравнительно медленное падение курса рубля в 1915–1916 гг. связано с тем обстоятельством, что крестьянство накопило в течение войны огромное количество бумажек в надежде на возвращение к рублю его довоенной покупательной способности и, таким образом, выводило из обращения миллиарды бумажных денег. Наш крестьянин, движимый скопидомством, сам того не подозревая, играл на повышении сначала царского рубля, потом керенок и в конце концов, конечно, разорился на этой далеко не прибыльной в революционную эпоху операции. Но уже в 1917 г. рост цен начинает приходить в соответствие с ростом выпускаемых бумажек, а в 1918–1919 гг. скачки цен уже строго соответствуют скачкам в области увеличения количества бумажных денег*.

Если бы мы задались целью на основании всего сказанного выше вычислить, сколько миллиардов бумажек нужно выпустить нашему Комиссариату финансов в 1920 г. для получения того же самого количества реальных ценностей, которое было получено в 1918–1919 гг., т.е. в размере 370–380 млн на полноценные рубли, то мы бы пришли к

* В первые месяцы пролетарской власти также замечалось обесценение, которое надо объяснить уничтожением банков, кредита и вообще средств безденежного расчета, следовательно, увеличением потребности в наличных средствах обращения. (Прим. автора.)

следующим выводам. Ввиду повышения цены хлеба приблизительно в 10 раз (средняя Петрограда, Москвы, непродовольственных губерний – с одной стороны, Поволжья – с другой, равна приблизительно 200–250 руб.) в 1920 г., приблизительно во столько же раз необходимо увеличить денежные эмиссии, т.е. довести выпуск бумажек до сверхастрономических цифр 1 600 000 млн, т.е. до 1 600 млрд.

Как мы видим, реальные доходы Советского государства от выпуска бумажек очень скромны, наоборот, количество требующихся с каждым не только годом, но с каждым месяцем бумажек растет с неслыханной быстротой. В 1917 г. копейка еще была реальностью, на полтинник кое-что можно было купить. В 1918 г. роль копейки выполняет рубль. В 1919 г. слово копейка не только забыто, но и рубль, как реальная единица счета, заменяется 10 руб. В 1920 г. реальной единицей счета является сотня и тысячи, единицы и десятки пропадают, как пропала копейка. В 1921 г. реальной единицей счета останется тысяча.

– Когда же все это кончится? – говорит обыватель.

– Как мы еще держимся с нашей бумажной системой? – спрашивает себя наш Комиссариат финансов.

– Когда наступит крах нашего бумажного обращения? – спросим мы теперь себя. Совершенно очевидно, что крах не может наступить от одного увеличения нулей на нашей реальной бумажной единице. Тут затруднения чисто технические, затруднения для экспедиции заготовления государственных бумаг, не более. Для сокращения нулей можно, например, цифру 1000 заменить буквой Т и печатать бумажки на 10 т, 100 т, 1000 т и так далее. Затем 1000 т заменить буквой М (млн) и печатать 10 м, 100 м и т.д. На век нашего бумажного обращения математических величин хватит, а не хватит – их можно выдумать.

Чтоб объяснить живучесть нашей бумажной денежной системы, несмотря на ужасное падение курса рубля, нужно принимать во внимание состояние и размеры несоциализированной части производства страны в целом и в частности, хотя бы приблизительно установить, какую часть создаваемых и выбрасываемых на рынок ценностей выбираем мы из обращения бумажными выпусками. Как мы уже видели, в 1918–1919 гг. мы взяли из обращения (считая на хлеб) по 370–380 млн. Эта сумма является очень скромной, в ней нет ничего катастрофического. Вспомним, что царское правительство брало ежегодно со страны перед войной 2 000–3 000 млн руб. налогов, из которых половина падала в том или ином виде на крестьянское хозяйство и на ремесло. Правда, и крестьянское хозяйство, и ремесло очень сильно пострадали от войны, но пострадали несравненно меньше, чем крупная промышленность, не говоря о том, что размеры крестьянского землепользования чрезвычайно расширились за счет помещичьих земель. Вычеты на 3–4 сотни млн руб. в год наше мелкое хозяйство может вынести, если даже к этой цифре будет прибавлена также сумма натурального налога в форме хлебной, мясной и других монопольных заготовок, о чем речь будет ниже.

Другое дело, если крах начнется на иной почве, на почве пресыщенности обращения старыми бумажками с более устойчивым курсом, чем вновь выпускаемые деньги, а главное – на почве вытеснения бумажек натуральным товарообменом. Как известно, наши царские и думские деньги имеют более или менее устойчивый курс не только внутри страны, но кое-где и за ее пределами (Латвия, Эстония, Литва, Маньчжурия). Некоторую устойчивость имеют керенки. Наконец, на Украине появился лаж даже на советские желтого цвета тысячи, ввиду выпуска новых тысяч другого упрощенного и уменьшенного образца. Отсюда нашим новым выпуском угрожает известная опасность. Впрочем, бумажные деньги с более или менее устойчивой ценностью обыкновенно поступают в хранение, и каналы обращения

заполняются непрерывно обесценивающимися «худшими» деньгами, задерживать которые никто не заинтересован. Что же касается вытеснения денег натуральным товарообменом, то здесь опасность несравненно серьезней. Это вытеснение в некоторых районах далеко шагнуло вперед, особенно на Украине. Опасность с этой стороны заключается в следующем. Крестьянство и кустари продают теперь свои продукты за деньги лишь затем, чтоб эти деньги как можно скорей обратить в нужный им товар. То, что дает государство этим группам по твердой цене, требует совсем ничтожного количества денег для уплаты. Рабочие же и служащие государственных предприятий, являющиеся главными получателями бумажных денег и покупателями товаров на эти деньги, чаще всего не являются продавцами каких-либо товаров, если не считать того, что они распродают из своего старого имущество или из той части продуктов, которую они получают по твердой цене либо в качестве натуральной прибавки к заработной плате (пекари – хлеб, ткачи – мануфактуру, мыловары – мыло и т.д.). Главными поставщиками товаров из своего хозяйства на рынок кроме крестьян являются кустари и те рабочие национализированных заводов, которым приходится добавочно кустарничать (эта группа особенно многочисленна на Урале и увеличилась теперь в ряде других мест). Постепенное вытеснение бумажек из товарообмена на деньги и переход к натуральному товарообмену может поставить рабочих и служащих в катастрофическое положение, несколько не затрагивая крестьянство и кустарей в их экономических взаимоотношениях. Правда, и кустари, и крестьяне пострадают, как крупные держатели денег. Но потерять больше того, что они уже потеряли, они не смогут. Вот к этой возможности советская власть должна непременно подготовиться. Если эта возможность будет учтена заранее, то можно не только избежать катастрофы для самого беззащитного в данном случае и самого важного в системе строящегося социализма элемента, т.е. для рабочих, но наоборот: бойкот денег, равносильный их аннулированию, можно превратить в исходный пункт для новой финансовой политики, на новых научных основаниях, быть может, пожертвовав для дела некоторое количество серебра. Подробно об этом мы скажем ниже.

До сих пор, как видно отчасти и из изложенного, как знают и все участники советского строительства вообще, а работники в области советских финансов в особенности, наша финансовая политика отнюдь не была построена на каких-либо научных выводах. Она велась совершенно стихийно, от случая к случаю, под давлением потребностей дня; и лишь ощупью главным образом, под влиянием непомерного запроса на деньги и невозможности вовремя удовлетворить спрос, пришли к необходимости хотя бы приблизительно высчитать, сколько потребуются бумажных денег на ближайшее время*, а тем самым и поставить общий вопрос о системе бумажного обращения в переходный период. Правда, допустив ряд ошибок в прошлом, продолжая их отчасти в настоящем, мы в одном, и притом важнейшем, пункте были правы вполне: мы не жалели бумаги для наших денег. Теперь пора, однако, после того, как мы посмотрели назад, заглянуть после этого в наш завтрашний день.

* Производивший это вычисление т. Отто Шмидт, применяя математику и оперируя фактическим материалом, пришел к выводам, которые в основном почти полностью совпадают с моими выводами, полученными главным образом теоретическим путем. (*Прим. автора.*)

VI

Бумажные деньги в системе социалистического производства и распределения

В настоящее время мы можем изучать бумажное денежное обращение переходной эпохи и его судьбу лишь на основании трехлетнего опыта Российской Советской республики и отчасти на основании кратковременного опыта Советской Венгрии*. Поэтому и в этой главе, как и в предыдущей, мы главным образом будем исходить из фактов и экономических отношений Советской России; это имеет то большое неудобство, что структура хозяйства и удельный вес отдельных социальных групп в странах Запада, когда они переживут свою пролетарскую революцию, будет сильнее всего различаться от хозяйственной структуры России, страны крестьянской, по преимуществу. Опыт Советской России с бумажными деньгами и выводы на основании этого опыта далеко не всегда можно обобщать для всех стран с диктатурой пролетариата. Тем более что и мировая экономическая конъюнктура, и экономическое взаимоотношение европейских стран после революции будут, вероятно, глубоко отличаться от условий существования Советской России, которая смогла три года продержаться со своим хозяйством совершенно оторванною от экономических сношений со всем миром. Поэтому, поскольку мы будем наталкиваться на выводы, которые могут иметь значение для любой страны с пролетарской диктатурой, мы будем соблюдать величайшую осторожность в своих обобщениях, все время учитывая особенности российских отношений и делая соответствующие поправки.

Пролетариат вынужден строить свое государство и восстанавливать хозяйство на развалинах капитализма. Не перепроизводство и полнокровие капитализма сделали неизбежным социалистический переворот, а, наоборот, худосочие и развал буржуазного хозяйства, запутавшегося в собственных противоречиях и обескровившего себя в результате мировой войны. В разных странах победивший пролетариат получает от капитализма разное наследство. Но как бы ни отличалось это наследство по своим размерам и ценности, ни в одной стране пролетариату не избежать такого периода в своем строительстве, который, по прекрасному выражению т. В. Смирнова**, можно было бы назвать эпохой первоначального социалистического накопления. Необходимо собрать и учесть все экспроприированное у буржуазии имущество, распространить экспроприацию на средние предприятия, собрать и поставить на свое место рабочую силу и технических руководителей, восстановить технику, и в особенности технику тяжелой индустрии и вообще все то, что называлось в буржуазный период основными капиталом производства, восстановить средства получения сырья, привлечь к натуральным налогам в пользу налаживаемого социалистического хозяйства мелкое, главным образом крестьянское производство. Если в такой стране, как Англия, внутренняя гражданская война не затянется и не будет сопровождаться большими разрушениями в материальной

* Венгерская советская республика просуществовала всего 133 дня, с 21 марта по 1 августа 1919 г.

См. об опыте Советской Венгрии весьма ценную брошюру т. Вапра «Die wirtschaftspolitischen Probleme der proletarischen Dictatur», с. 113–123, которая переводится на русский язык. Советскому правительству Венгрии не было возможности печатать бывшие в ходу бумажные деньги, выпускавшиеся в Вене, и таким путем заставить крестьянство платить косвенные налоги пролетарскому государству. Крестьянство бойкотировало выпущенные советским правительством новые деньги и требовало старых денег, венского происхождения. В стране оказалось две бумажных валюты: старая валюта, признававшаяся деревней, и новая, бывшая в ходу лишь в городах, где господствовал экономический новый режим. (Прим. автора.)

** См.: Бухарин Н. Экономика переходного периода. (Прим. автора.)

основе хозяйства и рабочей силе, если победившему английскому пролетариату удастся быстро наладить хозяйственную связь со своими бывшими колониями, этот период может занять сравнительно немного времени. Наоборот, в такой стране, как Россия, где капитализм оставил пролетариату очень жалкое наследство, где первоначальное накопление неизбежно должно базироваться на сокращении потребления пролетариата и на экспроприации части прибавочного продукта мелкого производства, в такой стране, где перераспределение рабочих сил между крупным и мелким хозяйством в пропорциях, в каких оно достигнуто давно в Германии и Англии уже на капиталистической основе, приходится осуществлять с огромным опозданием в эпоху социалистического строительства, в такой стране, где три года существования пролетарской власти были периодом ожесточенной Гражданской войны и огромной растраты материальных сил не для производственных целей, – в этой стране период социалистического накопления затянется надолго и неизбежно будет носить характер трудного и мучительного процесса.

В данной работе нас не интересует непосредственно социалистическое накопление в той его части, где дело идет о собирании распыленной рабочей силы, о привлечении к производительной работе нетрудовых элементов, о привлечении к физическому труду служащих, о сокращении потребления пролетариата ради накопления основного капитала производства, и не интересует даже вопрос о привлечении к трудовой повинности для социализированного хозяйства мелких производителей. Наоборот, социалистическое накопление в форме натурального налога на мелкое производство (разверстки всякого рода, вроде хлебной, и т.д.) и в форме косвенного налога (через выпуск бумажных денег) является главным предметом нашего рассмотрения. В настоящий момент судьба нашего бумажного рубля прежде всего зависит от изменения взаимоотношения между тем количеством продуктов, которое пролетарское государство получает в натуральном виде через свои заготовительные органы, и той их массы, которую выбирает с вольного рынка через аппарат бумажных эмиссий. Посмотрим, каковы эти количества и в какую сторону меняется взаимоотношение между ними.

До войны годовой продукт производства во всем хозяйстве России оценивался приблизительно около 11 млрд золотом*. Из этого количества на промышленность, транспорт и все промыслы в круглых цифрах падало 5194 млн, на земледелие – 5630 млн.

Насколько пало производство в нашей промышленности и как велики те прорехи, которые надо заполнять путем социалистического накопления, чтобы поднять их хотя бы на довоенный уровень, видно из помещенной в «Эконом[ической] жизни» таблицы, составленной т. Лариным. Ввиду огромного интереса, который представляет вычисление Ларина вообще и для нашего исследования в частности, приведем эту таблицу целиком (см. с. 494–495):

	Годовое производство 1913/14 г.	Производство 1-го полугодия 1920 г.	% к полугодовому мирному производству
1. Краски, лак и т.п. (Гла[ва]нил[ин], Гл[авко]краслак)	3 млн пуд.	33 тыс. пуд.	2,2 %
2. Бумага и картон (Главбум) с Укр[аины]	13 500 тыс. пуд.	1 030 тыс. пуд.	15,2 %
3. Главрезина (изделия)	1 840 тыс. пуд.	34 тыс. пуд.	1,7 %

* Прокопович С.Н. Опыт исчисления народного дохода 50 губ[ерний] Европейской России (с. 64). Исчисляемый Прокоповичем «доход» в 980–975 тыс. от торговли надо выбросить, потому что это, в сущности, не доход, а, наоборот, расход общества на буржуазный аппарат распределения. (Прим. автора.)

4. Стекло всякое (Главстекло)			
1 ящ[ик] = 15 пуд.	440 тыс. ящ.	28 тыс. ящ.	13 %
5. Главспичка 1 ящ. = 1 тыс. кор.	3 650 тыс. ящ.	310 тыс. ящ.	16 %
6. Табак и махорка (Гл[ав]табак)	4 300 тыс. пуд.	380 тыс. пуд.	17,7 %
7. Спирт (Ц[ентро]спирт 40° в ведрах) ...	38 500 тыс. вед.	1 930 тыс. пуд. (за 1919/20 г.)	5 % к году
8. Сахар с Укр[аины] (Гл[ав]сахар)	105 млн пуд.	4 737 тыс. пуд. (за 1919/20 г.)	4,5 % к году
9. Сырой крахмал (Гл[ав]крахмал)	13 200 тыс. пуд.	1 042 тыс. пуд.	7,8 % к году (за 1919/20 г.)
10. Гл[ав]уголь с Укр[аины] и Сибири	1 800 млн пуд.	225 млн пуд.	25 %
11. Гл[ав]нефть (Кав[каз] и Эм[ба])	600 млн пуд.	100 млн пуд.	33 %
12. Медь (добыча)	1 330 тыс. пуд.	менее 300 тыс. пуд.	менее 50 %
13. Марганец (с Укр[аины])	17 млн пуд.	—	—
14. Свинец с Кав[каза], Сиб[ири]	100 тыс. пуд.	—	—
15. Цинк с Кав[каза]	200 тыс. пуд.	—	—
16. Платина	300 пуд.	50 пуд.	33 %
17. Золото из Сиб[ири]	4 тыс. пуд.	240 пуд.	12 %
18. Колчедан (серный)	3 500 тыс. пуд.	менее 700 тыс. пуд.	менее 40 %
19. Магнетит	4 млн пуд.	свыше 1 млн пуд.?	около 25 %
20. Хромист[ый] железяк	1 500 тыс. пуд.	около 500 тыс. пуд.	около 30 %
21. Железн[ая] руда (без Крыма) с Укр[аины]	530 млн пуд.	32 млн пуд.	12 %
22. Чугун с Укр[аины]	257 млн пуд.	30 000 тыс. пуд.	2,4 %
23. Железо и сталь с Укр[аины]	220 млн пуд.	4 500 тыс. пуд.	4 %
24. Хлопок (чист[ое] волокно, Турк[мения])	20 млн пуд. в 1915 г.	4 млн пуд. в 1919 г.	20 %
25. Хл[опчато]-бум[ажные] ф[абри]ки (пряжа)	19 800 тыс. пуд.	330 тыс. пуд.	3,3 %
26. Лен (площ[адь] посева)	1 060 тыс. дес.	536 тыс. дес. (в 1919 г.)	50 %
27. Льянц[ые] ф[абри]ки (пряжа)	3 240 тыс. пуд.	540 тыс. пуд.	33 %
28. Серная кислота	11 млн пуд.	1 250 тыс. пуд. (за весь 1919 г.)	11,4 %
29. Сода (3/4 Укр[аина])	11 500 тыс. пуд.	1,2 млн пуд. Урал за весь 1919 г., а Укр[аина]?	? почти ничего
30. Калиевые соли с Кавказа	1 600 тыс. пуд.	—	—
31. Азотная кислота	1 470 тыс. пуд. вся Империя	ничего	0 %
32. Главрасмасло с Укр[аины], без Кавк[каза], Дона, Сиб[ири]	23 млн пуд.	500 тыс. пуд.	4,3 %
33. Химоснов весь (включая № 28, 29, 30, 31, 37)	32 620 тыс. пуд.	1 700 тыс. пуд.	10,4 %
34. Цемент портл[анд] (Гл[ав]цемент) с Укр[аины], Кав[каза]	115 млн пуд.	ничего	—
35. Деревообрабатывающие заводы	—	45 м. к. ф. пил. 7 м. шт. 1/2 м. к. ф. фан. и пр*.	30 %

* Эти показатели расшифровать не удалось.

36. Гл[ав]мука (промышл. мельницы) 1 млн пуд.	90 млн пуд.	18 %
37. Минеральн[ые] удобрения 10 030 тыс. пуд.	(в 1916 г. = 4 млн пуд.)	—
38. Смолокурение (все продукты) без Белоруссии 6 млн пуд.	4 500 тыс. пуд. (за 1920 г.)	75 %
39. Мыло и свечи (Центрожир) 20 867 тыс. пуд.	291 тыс. пуд.	2,8 %
40. Карандаши (гросс — 144 шт.) 500 тыс. гросс.	3 тыс. гросс.	1,2 %

Ларин берет здесь выработку наших предприятий за первую половину 1920 г. Мы все знаем, что в большинстве предприятий во вторую половину года выработка повысилась и, кроме того, ряд закрытых заводов за это время вновь пущен в ход. Тем не менее падение производства по сравнению с довоенным временем прямо ужасающее. Поскольку дело идет о восстановлении промышленности, расстроенной до такой крайней степени, и поскольку местом действия является страна с преобладающим мелким хозяйством, не имеющая больших шансов на хозяйственную поддержку извне, можно судить, как велика необходимость отчуждения части доходов мелкого производства в фонд «социалистического накопления».

Посмотрим теперь, как велики ресурсы самого мелкого, главным образом крестьянского хозяйства. За годы революции производительность сельского хозяйства чрезвычайно сильно пала. Вследствие ликвидации помещичьего землевладения урожайность на земельной площади тех хозяйств, где велось культурное хозяйство, сильно понизилась. Недосев на крестьянских и казачьих землях достигает по производящим губерниям в среднем от 10 до 25%. Животноводство пало. В ряде районов, где протекала Гражданская война, крестьянское хозяйство сильно разорено. У нас нет данных для того, чтоб выразить в цифрах годовой доход сельского хозяйства в теперешнее время, но нет ни малейшего сомнения в том, что этот доход, несмотря на переход в руки крестьян помещичьих земель, не выше дохода крестьян в довоенное время и значительно ниже довоенного дохода всего сельского хозяйства, взятого в целом. Приблизительное представление об интересующей нас цифре мы можем иметь на основании косвенных данных, на основании размеров крестьянского дохода до войны. До войны крестьянство Европейской России получало от зернового хозяйства дохода до 2450 млн, от животноводства — 1602 млн, от технических растений — 540 млн, всего, таким образом, имело дохода от земледелия примерно 4594* млн. Частновладельческое хозяйство (помещичье и купеческое, главным образом) имело по тем же статьям доход в 481 млн руб. в год. Если мы отбросим совершенно цифры дохода от частновладельческого земледелия, примем во внимание общее расстройство сельского хозяйства, но, с другой стороны, учтем увеличение крестьянского дохода от перехода к крестьянам 35 млн помещичьей земли, то в переводе на золотую валюту на довоенные цены доход нашего крестьянства можно считать в сумме от 4 до 4½ млрд. Что же касается ремесла, то, согласно вычислениям Прокоповича, доход от него исчислялся примерно в 611 млн.

Царское правительство и дворянский класс в довоенное время в форме прямых, косвенных, земских налогов и арендной платы брали с крестьян и ремесленников ценностей до 1½ млрд в год. Вычеты из крестьянского дохода, которые вынуждена была делать советская власть, несравненно меньше. Итак, за основу мы принимаем крестьянский доход в 4—4½ млрд и мало изменившийся за время революции доход ремесленников в 600 млн. Всего, таким образом, имеем сумму от 4½ до 5 млрд.

Выше мы видели, что за 1918 г. и 1919 г. государство, по весьма приблизительному подсчету, брало с товарного рынка посредством бумажных эмиссий товаров на сумму

* Ошибка, правильно — 4592 руб.

около 380 млн на золото. Часть товаров теряли ремесленники, часть — владельцы приобретенного до войны имущества. Главная сумма, конечно, падала на крестьянское хозяйство. Какая именно, никакая статистика, к сожалению, нам не скажет. Если мы на худой конец предположим, что крестьянство отдавало продуктов на 300 млн, то путем сложения этой суммы со стоимостью продуктов, получавшихся государством с крестьянства путем разверстки, мы можем установить размер реальных вычетов из доходов крестьянина. За сезон 1913*–1920 гг. крестьянство отдало государству хлеба 265 млн пудов, картофеля 43 млн пудов, мяса 6 млн пудов, жиров (масла) за 1919 г. и 8 месяцев 1920 г. 920 тыс. пудов, сена 78 млн пудов, масличных семян $5\frac{1}{2}$ млн пудов. Заготовки сырья мы пока оставляем в стороне (лен, пенка, кожи и т.д.).

Если перевести стоимость всех этих продуктов на золото по довоенным ценам, мы получим примерно 315–320 млн руб. Иными словами, Советское государство, как показывают все эти, правда, весьма грубые и приблизительные вычисления, нуждается как минимум в продуктах мелкого крестьянского производства на сумму около 620–670 млн руб. на золото в год. Это тот минимум, который обеспечивает Красную армию и рабочих, служащих пролетарского государства. Заготовки с государственных предприятий, например рыбных промыслов, советских хозяйств и т.д., сюда не включены, потому что эти продукты непосредственно поступают заготовительным органам государства. С сокращением армии и сокращением расходов на войну эта сумма должна уменьшиться. Но одновременно она должна увеличиться в связи с открытием все новых и новых заводов, расширением работы существующих организаций, целого ряда новых работ, в связи, наконец, с необходимостью повысить общий уровень рабочего питания.

Если эту цифру в 620 млн мы возьмем за основу, как цифру, дающую приблизительное представление о количестве продуктов питания, которое требуется государству для натурализации заработной платы, то для нас станет совершенно ясным одно: судьба бумажного рубля и необходимость прибегать к печатному станку прежде всего зависит от того, как быстро будут расти государственные заготовки за счет той доли продуктов, которую приходилось до сих пор получать с рынка за бумажные деньги. Уже за сезон 1919/20 г. продукты питания, заготовленные социалистическим путем, равны половине или несколько превышают половину продуктов, фактически потребленных рабочими, служащими и Красной армией. Посмотрим теперь, насколько бы мы приблизились к ликвидации деятельности печатного станка Наркомфина, если бы вся разверстка Наркомпрода на 1920/21 г. (с августа по август) была выполнена полностью. На этот год разверстка Наркомпрода объявлена следующая: хлеба 454 млн пудов, мяса 24 млн пудов, масла 3 300 тыс. пудов, картофеля 117 млн пудов, масличных семян 29 млн пудов, яиц около 500 млн штук, сена из разверстки в 75 млн на крестьян падает 50 млн пудов. В переводе на золотые рубли это дает около 650 млн руб. Иными словами, это означает следующее: если б разверстка настоящего года была выполнена полностью, советская власть имела бы продовольственный фонд, достаточный для содержания армии, рабочих и служащих, и выпуск бумажек можно было сохранить лишь для изъятия товарных ценностей на какие-нибудь 50–60 млн на золото, т.е. для получения продуктов ремесленного производства и таких продуктов крестьянского хозяйства, которые не заготавливаются органами Наркомпрода и не имеют основного определяющего значения в потреблении рабочих масс государства. С распространением разверстки и на эти продукты и проведением натурального обложения ремесла эта сумма могла бы еще более сократиться, и тогда перед Советским государством стал бы практически вопрос: следует ли практиковать вообще систему бумажных выпусков, которая стоит очень дорого, и не выгодней ли прекратить совсем печатание бумажных денег?

* Вероятно, ошибка. Следует читать «1919».

Так стоял бы вопрос, если бы разверстка на 1920/21 г. была выполнена полностью.

Но эта разверстка, как полагает и сам Наркомпрод, полностью выполнена не будет, особенно, если принять во внимание огромный неурожай 1920 г. Тем не менее из всех приведенных цифр вытекает с полной ясностью вывод: мы идем быстрыми шагами к ликвидации бумажных выпусков и, если бы наш бумажный рубль подвергся полной бойкоте в 1921 г., мы стояли бы перед очень серьезным затруднением, даже перед временным кризисом, но не перед катастрофой*. Из этого затруднения, которое имело бы значение лишь в течение того промежутка времени, пока государственные заготовки почти достигают, но еще не достигли уровня натурализации заработной платы, мы могли бы выйти, прибегнув к выпуску серебряной монеты**. Можно было бы выпустить этой монеты десяток-два миллионов и одновременно с этим выпустить полноценные бумажные рубли, временно обмениваемые на серебро. Этот обмен пришлось бы скоро прекратить, новые бумажки начали бы падать в цене, но зато мы могли бы начать сначала музыку обесценения новых бумажек, построив все предприятия на металлической основе.

То же предприятие, быть может, окажется целесообразным проделать даже и в том случае, если бумажный рубль не будет подвергнут бойкоте: когда мы подойдем к натурализации заработной платы, для получения необходимых добавочных продуктов всякого рода и изделий ремесла, которыми государство не может снабжать своих работников, возможно будет необходимо сохранить выпуск бумажных денег, но денег новых, не имеющих за собою падения стоимости в 5000 раз. Раз будет достигнута почти полная натурализация заработной платы и через органы социалистического распределения будет проходить большая часть, быть может 80% излишков мелкого производства, то выпуск серебряных монет и бумажек на основе этой «серебряной валюты» будет лишь одним из способов добавочного расчета социалистического государства с мелким хозяйством. Все отношения представились бы тогда в следующем виде.

Советская власть берет по разверстке с мелкого производства продуктов в год, предположим, на 650 млн на золото. Часть ценностей возвращается крестьянству в виде соли, керосина, мануфактуры, сельскохозяйственных машин, гвоздей, искусственных удобрений, ремонта орудий и т.д. На другую часть государство выдает особые квитанции, которые будут равносильны долговым обязательствам государства по отношению к крестьянству и должны постепенно погашаться продуктами промышленности, по мере восстановления фабрик и заводов. Третья часть, представляющая из себя ренту с крестьянских земель, не возвращается, превращаясь в натуральный налог. Наконец, четвертая часть продуктов мелкого хозяйства, удовлетворяющая второстепенным потребностям работников социалистического государства, выбирается посредством серебряной и новой бумажной валюты. Серебро и новые бумажки выдаются как дополнение к основному пайку рабочих и используются на вольном рынке для различных закупок второстепенного значения. В свою очередь, государство может для поддержания новой валюты и частичного возвращения ее из обращения в свои кассы требовать от крестьян уплаты за некоторые из своих услуг, не поддающихся уравнительному распределению, уплатой серебром или новыми бумажными рублями (за проезд по железным дорогам и на пароходах, за продукты непланового снабжения, случайный ремонт и т.д. уплата серебром или новыми рублями).

* Другое дело, если бы бойкот повсеместно начался в 1918 г., когда мы путем заготовок получили менее 10% нужных продуктов, или в 1919 г., когда эта цифра достигала едва ли 30%. Теперь критический период уже позади. (Прим. автора.)

** Мы говорим здесь о серебре, потому что советская власть располагает значительным количеством серебра, лежащего втуне. Разумеется, принципиально все равно, выпустить ли серебро или золото. Я говорю здесь о том, что практичнее. (Прим. автора.)

Этот способ в общей системе социалистического распределения, взятой в целом, представлялся бы лишь как мелкая разменная монета государства при больших расчетах. Выгоды этого метода состояли бы в том, что он делал бы излишним громоздкий добавочный аппарат по заготовке и распределению второстепенных и часто скоропортящихся продуктов, освобождал бы от волокиты и давал возможность большей индивидуализации в удовлетворении тех или иных потребностей.

Невыгоды этого метода состояли бы в том, что он открывал бы некоторую возможность для накопления денег.

Дело в том, что при господстве товарного хозяйства, предполагающего существование в качестве средств обращения золото и серебро, накопление этих средств обращения есть, в сущности, накопление товарных ценностей в руках немногих. Это накопление передает власть над избыточным продуктом общества в руки богатеющих групп. Наоборот, при непрерывном обесценении бумажных денег накопление бумажных средств обращения является бессмысленным и убыточным делом, и, с этой точки зрения, обесценение денег есть лишь одна из сторон отрицания капиталистической системы вообще. Выпуск серебряной монеты открывает возможность такого накопления. Но эта опасность в общем и целом ничтожна не только потому, что размер серебряной валюты может быть лишь весьма ограниченным, но и потому, что часть серебра будет неизменно возвращаться обратно государству. Что же касается накопления новых бумажных рублей, то эта операция не представляет ничего опасного и может быть даже выгодна советской власти: накопление новых бумажных рублей будет лишь делать более устойчивым их курс. Как накопление царских денег крестьянством задерживало процесс обесценения их и увеличивало возможность для царского правительства делать новые выпуски и их выгодно реализовать, так и накопление мелкими производителями новых бумажек лишь задержит их обесценение и позволит ликвидировать их в свое время, когда эта ликвидация хозяйственно будет вполне подготовлена. От накопления бумажек, в последнем счете, проиграют лишь держатели их, государство же и все общество в целом может лишь выиграть.

Но допустим, что советская власть не найдет нужным прибегать к выпуску серебряной монеты и прекратит печатание бумажек тогда, когда в главном и основном натурализация заработной платы будет обеспечена и когда в то же время бумажный рубль еще не потерял всякой покупательной способности. Какова будет дальнейшая судьба тех тысяч миллиардов (триллионов) бумажных денег, которые выпущены в обращение в предыдущие годы?

Ответить на этот вопрос не трудно, если мы ясно представим себе объем той территории, на которой сохранится значение бумажных денег как средств обращения. Эта территория главным образом – обмен крестьянина с кустарем на те продукты крестьянского хозяйства, которые минуют Наркомпрод, и на те продукты кустаря, которые минуют органы государственного распределения. В первое время, после прекращения выпуска бумажек, падение их курса автоматически будет продолжаться. Затем наступает перелом, и темп падения сильно замедлится либо приостановится. Это немедленно приведет к тому, что владельцы денег не будут особенно торопиться их сбывать, хранить их не будет теперь убыточным, как раньше. В результате миллиарды денег из каналов обращения начнут поступать в денежные хранилища, что уменьшит давление денежной массы на рынок и в свою очередь будет причиной дальнейшего укрепления их курса. Не исключена возможность повышения курса бумажек, если размеры мелкого производства и, в частности, количество ценностей, поступающих на вольный рынок, будут увеличиваться (на основе временного расширения ремесла, урожая, подъема крестьянского хозяйства). Кроме того, расширение внешней торговли может поднять спрос на советские бумажные деньги. С разгромом Врангеля уже отмечается бойкое падение курса

«царских» денег и более благоприятное положение с советскими. Это может оказать кой-какое влияние на курс советского рубля внутри страны, особенно с сокращением выпуска новых миллиардов. Таким образом, прекращение бумажных выпусков со стороны государства не только не убьет, а скорей оживит в первые годы бумажный рубль в его родной стихии – на вольном рынке*.

Новый цикл падения курса бумажек – и на этот раз падения бесповоротного, падения в могилу – будет связан с успехами крупной социалистической промышленности за счет ремесла. Когда постепенно государство в состоянии будет давать крестьянину все то, что давал кустарь, и давать на более выгодных условиях и лучшего качества, начнется умирание вольного рынка, сокращение его экономического значения для крестьянского хозяйства, вытеснение кустаря социалистической фабрикой. А так как этот процесс будет происходить не только стихийно, как было при капитализме, а будет сопровождаться энергичными подталкивающими жестами со стороны хозяйственных органов государства (например, трудовыми мобилизациями для крупной промышленности кустарей, делающихся уже излишними в системе общественного хозяйства), то отмирание вольного рынка, высыхание этого последнего болота, в котором еще могли дышать на ладан миллиарды бумажных рыб, пойдет быстрыми шагами вперед. Бумажные деньги стремительно падают в курсе и умирают на этот раз безвозвратно.

Натурализация заработной платы и введение рабочих книжек, по которым служащие и рабочие социалистического государства будут получать от государства необходимые продукты, введение расчетных книжек для крестьян, сдающих свои излишки государству и получающих продукты индустрии, совсем не делают излишними введение особого рода краткосрочных расчетных знаков вроде чеков или талонов. Эти знаки, вероятно, придется ввести для удобства распределения, с тем чтоб каждый работник-потребитель мог получить нужное ему количество продуктов с учетом его индивидуальных склонностей. Допустим, в складах государственных кооперативов приготовлены для распределения: мануфактура, обувь, сласти, игрушки, ежемесячно в среднем каждый рабочий может пойти в театр и т.д. Если на все эти продукты и развлечения выдаются талоны, то один предпочтет получить лишний фунт сахара, другой – лишний аршин мануфактуры, третий – не раз, а два раза захочет пойти в театр за счет получения продуктов питания, четвертый предпочтет уступить очередь в театр за лишний десяток яиц,

* В вышецитированной статье о деньгах т. Ларин пишет, между прочим, об отмирании денег: «Деньги как единое мерило ценностей уже не существуют вовсе. Деньги как средство платежа окончат свое умирание, когда Советское государство разрешит задачу о натурализации своих отношений с крестьянством в области заготовки сельскохозяйственных продуктов... и когда фактически увеличение всяких пайков рабочим и служащим избавит их от необходимости бегать по Сухаревкам. И то и другое находится в пределах нашего предвидения и практически разрешится в ближайшие же годы. А тогда деньги потеряют свое значение и как сокровище и останутся только тем, что они есть в действительности: цветной бумагой». Думать, что с натурализацией заработной платы бумажки превратятся в бумагу во всей стране, значит ожидать через несколько лет прекращения товарообмена на деньги между крестьянином и кустарем. Это совершенно неосновательный оптимизм. Ремесло не будет вытеснено в несколько лет социалистической крупной промышленностью, а потому и торговля между кустарем и крестьянином будет существовать значительный промежуток времени. Может быть, советские деньги и будут стихийно вытеснены из оборота, но царские и керенки, имеющиеся в ограниченном количестве, долго еще не превратятся в «цветную бумагу», тем более что при натурализации заработной платы возможно ожидать на некоторый срок оживление обмена между рабочим и крестьянином в связи с необходимостью для городских жителей получать от крестьян второстепенного значения продукты земледелия, не заготавливаемые государственными органами, поскольку эти продукты можно будет получить от крестьян в обмен на часть рабочего пайка. Например, рабочий продает часть полученного ситца и покупает сметану, сыр и т.д. Все эти операции могут потребовать дополнительного количества денег в обращении. (Прим. автора.)

пятый захочет получить два пуда яблок от крестьянина, отказавшись от обуви, и т.д. Такой обмен талонами внутри потребителей ничего не меняет ни в самой системе распределения, ни в количестве подлежащего распределению продукта, но в то же время предоставляет достаточный простор для более полного удовлетворения индивидуальных потребностей. Поэтому выпуск таких чеков, или талонов, как с обозначением продуктов, которые на них можно получить, так и без обозначения, с указанием лишь трудовой ценности талона (есть масса продуктов самых разнообразных, фиксировать названия которых на талон нет ни возможности, ни смысла), будет весьма необходим на тот весьма продолжительный период времени, когда социалистическое общество не в состоянии будет дать каждому работнику все необходимое по его потребностям. Такие талоны и обмен ими будут играть существенную роль как известный корректив к нормам социалистического распределения.

Деньги как средство обращения и накопления умрут вместе с товарным хозяйством, но одна положительная их сторона – возможность каждому получить в первую голову и в большем размере то, что ему больше нужно (правда, в определенных пределах), – сохранится, поскольку будет введена хорошо рассчитанная в своих пропорциях система талонов.

Преображенский Е. Бумажные деньги в эпоху пролетарской диктатуры. М., 1920. С. 3–84.

РОССИЙСКАЯ С.-Д. РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Б43
1508

Примечание: несть стоек, соединительных

Е. А. Преображенский.

КРЕСТЬЯНСКАЯ РОССИЯ И СОЦИАЛИЗМЪ.

(В пересказе иной аграрной программы)

Цена 35 коп.

ПЕТРОГРАДЪ
1918 г.

Титульный лист книги
Е.А. Преображенского
«Крестьянская Россия
и социализм». 1918 г.

Российская Социалистическая Федеративная Советная Республика

Одобрено: 1918 г. (подпись)

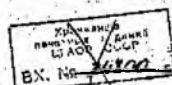
Е. Преображенский

АНАРХИЗМ И КОММУНИЗМ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

1921.

Титульный лист книги
Е.А. Преображенского «Анархизм
и коммунизм». 1921 г.

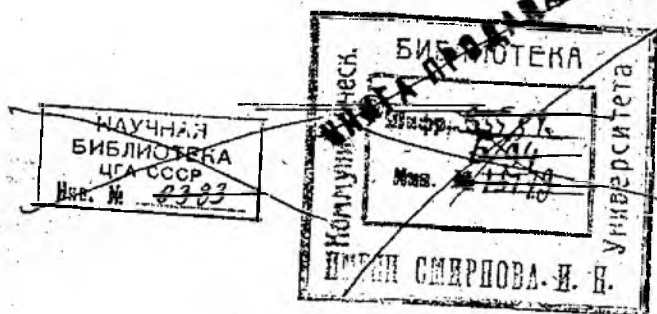
34П
594
РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ
(БОЛЬШЕВИКОВ)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Н. Бухарин и Е. Преображенский.

АЗБУКА
КОММУНИЗМА.

ПОПУЛЯРНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ ПРОГРАММЫ
РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
БОЛЬШЕВИКОВ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА.—1920.

Обложка книги

Е.А. Преображенского «Бумажные деньги в эпоху пролетарской диктатуры». 1920 г.

Титульный лист книги
Е.А. Преображенского «Бумажные деньги в эпоху пролетарской диктатуры». 1920 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

¹ Библиографию основных работ о Е.А. Преображенском см.: *Горинов М.М., Цакунов С.В.* Евгений Преображенский: трагедия революционера // *Отечественная история*. 1992. № 2; *Gorinov M.M., Tsakunov S.V.* Life and Works of Evgenii Alekseevich Preobrazhenskii // *Slavic Review*, vol. 50, number 2, summer 1991.

² *Хеймсон Л.* Меншевызм и эволюция российской интеллигенции // *Россия XXI*. 1995. № 5/6. С. 116–129.

³ Там же. С. 123, 125.

⁴ *Сталин И.В.* По поводу смерти Ленина. Речь на II Всесоюзном съезде Советов 26 января 1924 г. // *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 6. С. 46.

⁵ Формуляр священника Троицкой г. Болхова церкви Алексея Преображенского. 1 июля 1906 г. // *ЦИАМ*. Ф. 418. Оп. 321. Д. 1496. Л. 16–16 об.

⁶ *Булгаков С.Н.* Автобиографические заметки. Париж, 1946. С. 25.

⁷ Текст воспоминаний находится у автора. Цитируется по рукописи, готовящейся к печати издательством Главархива Москвы (далее – *Преображенский Л.Е.* Воспоминания).

⁸ *Преображенский Л.Е.* Воспоминания. С. 1, 8. Впоследствии А.А. Преображенский известен как участник обновленческого движения в Русской Православной церкви. В частности, в 1922 г. представителями «Живой Церкви» при поддержке местных властей он был избран лидером обновленческого руководства Болховской епархии. См.: *Осипова И.И.* «Сквозь огонь мучений и волу слез...» М., 1998. С. 217.

⁹ Формуляр священника Троицкой г. Болхова церкви Алексея Преображенского // *ЦИАМ*. Ф. 418. Оп. 321. Д. 1496. Л. 16–16 об.

¹⁰ *Преображенский Л.Е.* Воспоминания. С. 1.

¹¹ Преображенский Евгений Алексеевич: Автобиография // *Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь «Гранат»*. М., 1929. – Репринтное издание. М., 1989. С. 120 (далее – Автобиография).

¹² *Булгаков С.Н.* Моя Родина. Избранное. Орел, 1996. С. 5, 13.

¹³ Примерное месторасположение дома Преображенских было указано автору во время его посещения г. Болхова в начале 1990-х гг. местным краеведом А.Е. Венедиктовым.

¹⁴ *Булгаков С.Н.* Моя Родина. С. 14.

¹⁵ *Преображенский Л.Е.* Воспоминания. С. 2.

¹⁶ *Булгаков С.Н.* Моя Родина. С. 15–16, 18.

¹⁷ Устав – богослужебно-церковный сборник расписанных по дням указаний о порядке и образе совершения служб, о пище христиан.

¹⁸ *Булгаков С.Н.* Моя Родина. С. 19–20.

¹⁹ Там же. С. 18.

²⁰ Там же.

²¹ Автобиография. С. 120.

²² Добролюбов-семинарист, например, был «одним из самых набожных людей в Нижнем Новгороде, почитавших за грех выпить чаю с булкой до обедни в праздничный день и усердно крестившихся на кресты церквей во время прогулок»; позднее же он стал ярким атеистом. См.: *Смирнов А. Ф. Борец за дело народное // Добролюбов Н. А. Избранное*. М., 1984. С. 10.

²³ Автобиография. С. 120.

²⁴ Сведения об Орловской гимназии были любезно сообщены автору в начале 1990-х гг. орловским историком Е. И. Чапкевичем.

²⁵ Автобиография. С. 120.

²⁶ Булгаков С. Н. Автобиографические заметки. С. 25–26.

²⁷ Автобиография. С. 120.

²⁸ Булгаков С. Н. Автобиографические заметки. С. 27–32.

²⁹ Тихомиров Л. А. Начала и концы. Либералы и террористы // *Тихомиров Л. А. Критика демократии*. М., 1997. С. 72–75.

³⁰ Автобиография. С. 120.

³¹ См.: Кольб Ф. История человеческой культуры. Т. 1. СПб., 1872. С. XI.

³² Булгаков С. Н. Автобиографические заметки. С. 30.

³³ Автобиография. С. 120.

³⁴ Формуляр священника Троицкой г. Болхова церкви Алексея Преображенского // ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 321. Д. 1496. Л. 16–16 об.

³⁵ Преображенский Л. Е. Воспоминания. С. 1.

³⁶ Просидев пять месяцев, Преображенский с товарищами после четырехдневной голодовки был выпущен из тюрьмы под надзор полиции (Автобиография. С. 127).

³⁷ Преображенский Л. Е. Воспоминания. С. 3–4.

³⁸ Булгаков С. Н. Автобиографические заметки. С. 31, 32.

³⁹ Тоған Заки Валиди. Воспоминания. М., 1997. С. 238–239.

⁴⁰ Автобиография. С. 123.

⁴¹ Булгаков С. Н. Моя Родина. С. 92.

⁴² «Это явилось совершенно естественным, — вспоминал С. Н. Булгаков, — что с утратой религиозной веры идея священной царской власти с особым почитанием помазанника Божия для меня испарилась и, хуже того, получила отвратительный, невыносимый привкус казенщины, лицемерия, раболепства. Я возненавидел ее, в единомыслии со всею русскою революцией, и постольку разделяю с нею и весь грех ее перед Россией» (Булгаков С. Н. Автобиографические заметки. С. 28).

⁴³ «Настоящая причина бессилия наших политических программ состоит в том, что они слишком теоретичны, слишком мало национальны, слишком мало сообразованы с условиями нашей страны. Не укрепшая культура нашего отечества еще не имела времени накопить достаточное количество политических и социальных наблюдений, почерпнутых из жизни самой страны. Человек нашей интеллигенции формирует свой ум преимущественно по иностранным книгам. Он таким образом создает себе мировоззрение чисто дедуктивное, построение чисто логическое, где все очень стройно, кроме основания — совершенно слабого. Благодаря мирозосерцанию такого происхождения у нас люди становятся способны упорно требовать «осуществления неосуществимого или даже не имеющего серьезного значения, а в то же время оставлять в пренебрежении условия капитальной важности» (Тихомиров Л. А. Почему я перестал быть революционером. М., 1895. С. 10–11). Некритическое отношение к очередному «последнему слову» западной социологии, в свою очередь, являлось результатом «расправославливания»: образовавшийся мировоззренческий вакуум вкупе с отчуждением от исторической России поневоле обращал ищущие русские умы к работам зарубежных мыслителей.

⁴⁴ Автобиография. С. 121.

⁴⁵ Добролюбов Н. А. Письмо из провинции // *Добролюбов Н. А. Избранное*. С. 284, 288.

⁴⁶ Автобиография. С. 121.

⁴⁷ См.: *Кураев А.*, диакон. Нетерпимость как право на мысль // *Кураев А.*, диакон. Выводы экуменизма. М., 1997. С. 80.

⁴⁸ Автобиография. С. 121.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ *Герцен А.И.* Былое и думы. М., 1962. Ч. 1–5. С. 87. Ср. также у Веры Фигнер: «В один из поэтических швейцарских вечеров во время уединенной прогулки среди виноградников сестра в выражениях, в высшей степени трогательных, поставила мне вопросы: решилась ли я отдать все свои силы на революционное дело? В состоянии ли я буду в случае нужды порвать всякие отношения с мужем, [который был настроен достаточно консервативно]? Брошу ли я для этого дела науку, откажусь ли я от карьеры? Я отвечала с энтузиазмом. После этого мне было сообщено, что организовано тайное революционное общество, которое думает действовать в России; мне были прочтены устав и программа этого общества, и, после того как я выразила согласие со всеми пунктами, я была объявлена его членом. Мне был тогда 21-й год» (*Фигнер В.Н.* Запечатленный труд. Воспоминания: В 2 т. Т. 1. М., 1964. С. 124.). Автор благодарен А.С. Покровскому за подсказанную идею использовать мемуары В.Н. Фигнер для реконструкции побудительных мотивов выбора Е.А. Преображенским революционной судьбы.

⁵¹ Автобиография. С. 121–122.

⁵² Там же. С. 122.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С. 122–123.

⁵⁵ *Виноградов (Ягодин) Ф.* Борьба за коллектив в Александровской пересылке в 1910 году // Иркутская ссылка: Сборник иркутского землячества. М., 1934. С. 32.

⁵⁶ Уральский рабочий. 1918. 13 августа.

⁵⁷ *Преображенский Е.А.* О морали и классовых нормах. М.; Пг., 1923.

⁵⁸ О проблеме революционного аморализма см.: *Тихомиров Л.А.* Почему я перестал быть революционером. С. 108–113.

⁵⁹ *Бунин И.А.* Окаянные дни. М., 1990. С. 99.

⁶⁰ Автобиография. С. 123. Вероятно, не последнюю роль в колебаниях Преображенского между народничеством и марксизмом сыграл столь ценный им в юности Ф. Кольб, придерживавшийся воззрений на «факторы прогресса», близких к народничеству.

⁶¹ См., напр.: *Тихомиров Л.А.* Религиозно-философские основы истории. М., 1997. С. 31.

⁶² *Зандер Л.* Отец Сергей Булгаков (краткий очерк его жизни и творчества) // *Булгаков С.*, протоиерей. Православие. Очерки учения Православной церкви. Изд. 3. Paris, 1989. С. 6.

⁶³ *Кржижановский Г.М.* О Владимире Ильиче // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5 т. Т. 2. М., 1984. С. 11–12.

⁶⁴ Автобиография. С. 123–124.

⁶⁵ Там же. С. 124–125.

⁶⁶ Мальцевские (правильнее – Мальцовские) заводы – группа машиностроительных, чугунолитейных, стекольных и цементных заводов (крупнейшие: Людиновский чугунолитейный, сталеплавильный, машиностроительный; Дятьковский хрустальный; Ивотский, Чернотинский, Бытошевский стекольные и др.), расположенных около г. Брянска (Мальцовский заводской округ).

⁶⁷ Автобиография. С. 125–126.

⁶⁸ Структура, созданная для руководства «техническими» функциями социал-демократической партии: транспортировкой из-за рубежа партийной литературы, ее доставкой на места, производством паспортных операций, развертыванием нелегальных типографий; с осени 1903 г. местом ее пребывания был Орел.

⁶⁹ *Голубков А.* О 1905 годе (Отрывки из воспоминаний) // Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник. 1931. Кн. 7 (80). С. 9.

⁷⁰ Автобиография. С. 126.

⁷¹ ГА ОО. Ф. 64. Оп. 1. Д. 606. Л. 18.

⁷² ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 321. Д. 1496. Л. 22 об.

⁷³ ГА ОО. Ф. 64. Оп. 1. Д. 618. Л. 3, 6–6 об., 7.

⁷⁴ Там же. Д. 627. Л. 13.

⁷⁵ Там же. Л. 15, 17, 20, 21, 22 об., 24, 25, 29, 30, 33, 37, 41 об., 42–42 об., 45–45 об., 47, 48.

⁷⁶ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 321. Д. 1496. Л. 21.

⁷⁷ ГА ОО. Ф. 64. Оп. 1. Д. 618. Л. 3.

⁷⁸ Автобиография. С. 126.

⁷⁹ 1905 год в Орловском крае. Орел, 1926. С. 80.

⁸⁰ Там же. С. 101.

⁸¹ ГА ОО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 210. Л. 510.

⁸² Там же. Л. 519.

⁸³ Очерки истории Орловской организации КПСС. Тула, 1987. С. 33.

⁸⁴ Автобиография. С. 126.

⁸⁵ Очерки истории Орловской организации КПСС. С. 33; 1905 год в Орловском крае. С. 101.

⁸⁶ Автобиография. С. 126.

⁸⁷ ЦАОПИМ. Ф. 685. Оп. 1. Д. 11. Кор. 2. Л. 52–52 об.

Часть I

¹ Согласно документам Департамента полиции, Е.А. Преображенский был осужден 5/7 мая 1909 г. в Челябинске Саратовской судебной палатой и 14 сентября 1909 г. в Перми Казанской судебной палатой (ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1911. Д. 5. Ч. 27 А. Л. 50).

² См. подробнее: *Виноградов Ф.Г.* В Александровской пересылке // Каторга и ссылка. 1925. № 3 (16); *Виноградов (Ягодин) Ф.* Борьба за коллектив в Александровской пересылке в 1910 году // Иркутская ссылка: Сборник иркутского землячества. М., 1934.

³ Ротмистр Трещенков – участник Ленского расстрела 1912 г. В документе фамилия написана неправильно.

⁴ Очевидно, имеется в виду Пражская конференция РСДРП(б) 1912 г. См.: Преображенский Евгений Алексеевич. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь «Гранат». М., 1929. – Репринтное издание. М., 1989. С. 129.

⁵ В советское время В.И. Ленин и Е.А. Преображенский неоднократно охотились вместе. Сохранилась любопытная записка. В апреле 1921 г., собираясь на охоту, Ленин пишет Преображенскому: «Умее ли подходить к глухарям? Можете в субботу катнуть на 1–2 дня?» (В.И. Ленин. Биографическая хроника. 1870–1924. М., 1979. Т. 10 (январь – июль 1921 г.). С. 370, 371).

⁶ Е.А. Преображенский был арестован 6 августа 1912 г. См.: ГА РФ. Ф. 102. 7 д-во. 1912. Д. 1942. Л. 22 об.

⁷ На процессе по этому делу в качестве защитников участвовали А.Ф. Керенский, Н.М. Михеев, Н.Д. Соколов. См.: Преображенский Е.А. Автобиография. С. 130.

⁸ О деятельности Д. Крута см.: *Липкин А.* Провокатор Крут (По материалам производств Московского губернского суда) // Каторга и ссылка. 1926. № 6 (27).

⁹ О деятельности иркутской ссылки см.: *Липкин А.* Провал Союза сибирских рабочих // Каторга и ссылка. 1927. № 8; *Николаев В.* Сибирская периодическая печать и политическая ссылка // Каторга и ссылка. 1928. № 6; Иркутская ссылка: Сборник иркутского землячества. М., 1934.

¹⁰ В архиве сохранились насыщенные драматизмом воспоминания М. Здырского, которого многие подозревали в предательстве. В них, в частности, описано последнее собрание

иркутского комитета: «В условленный день встретились мы у Крута (чтобы попытаться «вычислить» провокатора. — М.Г.). Кроме хозяйки был Преображенский, Ромм и я — весь последний комитет. Завадский был продолжительно болен. (Выяснилось, что в охранке известны подробности обсуждения антивоенного воззвания, в котором участвовали только четыре члена комитета. — М.Г.) Наступило тяжелое молчание. Прервал его Преображенский. Тяжелой, кошмарной гирей пали его слова: «Среди нас четверых есть провокатор! Кто?» Это «кто среди нас провокатор?» проходило от человека к человеку, давило какой-то ужасной тяжестью... Тяжелое молчание прервал Преображенский: «Трудно, мы здесь этого вопроса не выясним. Но нет сомнения, что среди нас есть провокатор. Предлагаю распустить наш комитет и дать слово, что на ближайшее время мы отказываемся от нелегальной работы»» (ГА РФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1047. Л. 18–19).

¹¹ Е.А. Преображенский переехал в Читу весной 1916 г. (ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1916. Д. 5. Ч. 27 Б. Л. 46–47).

¹² Речь идет о царском Манифесте 17 октября 1905 г., провозгласившим программу демократизации страны. Манифест был принят в результате революционного движения и явился высшей точкой в развитии революции 1905–1907 гг.

¹³ Речь идет о государственном перевороте 3 июня 1907 г. Поводом для него явилось сфабрикованное охранкой обвинение социал-демократической фракции в связях с военной организацией и в подготовке вооруженного восстания. 1 июня 1907 г. возглавлявший правительство России П.А. Столыпин потребовал отстранения этой фракции от работы в Думе и ареста 16 ее членов. Большинство членов социал-демократической фракции было арестовано, а Дума 3 июня 1907 г. распущена. Одновременно был издан новый избирательный закон без одобрения его Государственной думой.

¹⁴ Имеется в виду вооруженное восстание в Москве.

¹⁵ Крестьянский банк (Крестьянский поземельный банк) в Российской империи в 1882–1917 гг. выдавал ссуду под залог покупаемых крестьянами земель. Во время столыпинской реформы скупал помещичьи земли и продавал их мелкими участками крестьянам.

¹⁶ Речь идет о роспуске 2-й Государственной думы и об изменении положения о выборах.

¹⁷ Слово «панамы» в данном случае употребляется в переносном смысле и означает крупное финансовое мошенничество.

Правление акционерной компании «Панамы», созданной в 1879 г. во Франции для сооружения Панамского канала, с целью сокрытия хищений, злоупотреблений и тяжелого финансового положения подкупило французских министров, сенаторов, депутатов, редакторов газет. Крах компании в 1888 г. разорил десятки тысяч мелких держателей акций.

¹⁸ Имеется в виду арест социал-демократической фракции 2-й Думы в ночь на 3 июня 1907 г., а затем предание суду.

¹⁹ В Лондоне 30 апреля (13 мая) — 19 мая (1 июня) 1907 г. состоялся V съезд РСДРП, принявший резолюцию об отношении к буржуазным партиям, буржуазии и Государственной думе.

²⁰ В резолюцию о народной демократии, принятой на V (Лондонском) съезде РСДРП записано: «...польская национал-демократическая фракция должна быть причислена к тем думским группам, с которыми [социал]-д[емократическая] фракция не должна входить в какие бы то ни было переговоры и соглашения» (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. Т. 1. 1898–1917. М., 1983. С. 260).

²¹ Делегат скатертинбургской организации РСДРП И.И. Шварц не смог прибыть на Пражскую конференцию в связи с тем, что был арестован в Петербурге.

Делегат уфимской организации Е.А. Преображенский находился в сибирской ссылке и не смог, по-видимому, осуществить побег за границу.

²² 4-я Государственная дума функционировала с 15 ноября 1912 г. по 6 (19) октября 1917 г.

²³ Речь идет о известном деле Бейлиса, получившем бурный резонанс в стране. В Думе соответствующий запрос был подписан 40 депутатами. Подробнее см.: Дело Менделя Бейлиса.

Материалы следственной комиссии Временного правительства о судебном процессе 1913 г. по обвинению в ритуальном убийстве. СПб., 1999.

²⁴ В июне 1906 г. Д.Ф. Трепов вместе с П.А. Столыпиным и А.П. Извольским вел переговоры с лидерами кадетов на предмет вхождения кадетов в будущее ответственное министерство. Конкретных результатов переговоры не имели.

²⁵ «Продамета» – крупнейшая монополия в промышленности дореволюционной России. Синдикат возник в 1902 г. К 1914 г. объединил 90% металлургических заводов страны и сосредоточил свыше 85% общероссийской продажи черных металлов.

²⁶ Синдикат «Кровля», сосредоточивший более 50% общероссийского производства кровельного железа, был образован на Урале в 1907 г.

²⁷ «Вехи» – сборник статей о русской интеллигенции (М., 1909). Выпущен группой близких к кадетам публицистов и философов религиозно-идеалистического направления, выступивших против революционно-демократических традиций и марксизма. В группу входили Н. Бердяев, С. Булгаков, М. Гершензон, А. Изгоев, П. Струве и др.

²⁸ Идея оказания финансовой помощи сепаратистским кругам для ускорения начала их вооруженных выступлений против царского режима принадлежала японскому разведчику Аками и руководителю Партии активного сопротивления Филяидии Зиллиаксу. О том что было предпринято в этом направлении см.: Лубянка, 2. Из истории отечественной контрразведки. М., 2001. С. 133–137. В частности, была спланирована акция по закупке оружия для революции в 1905 г.

²⁹ Война Италии против Турции в 1911–1912 гг. с целью захвата турецких владений в Северной Африке – Триполитании и Киренаики. Закончилась поражением Турции, которая по Лозанскому миру 1912 г. уступила эти территории Италии, фактически превратившиеся в итальянскую колонию, получившую название Ливия.

³⁰ Испано-американская война началась в 1898 г. в обстановке восстаний кубинского (с 1895 г.) и филиппинского народов против испанского колониального гнета. Выступив якобы в поддержку борьбы этих народов, США использовали ее для установления контроля над Филиппинами и Кубой.

³¹ Война Великобритании против бурских республик Южной Африки в 1899–1902 гг. – Оранжевого свободного государства и Трансваля. В результате войны обе республики были превращены (1902) в английские колонии.

³² Е.А. Преображенский пишет о подавлении Ихэтуаньского восстания 1899–1901 гг. в Китае войсками Германии, Японии, Великобритании, США, Франции, России, Италии и Австро-Венгрии.

³³ Русско-японская война 1904–1905 гг. за господство в Северо-Восточном Китае и Корее. Начата Японией. Завершилась Портсмутским миром 1905 г.

³⁴ Первая балканская война (1912–1913) была войной государств Балканского союза 1912 г. за освобождение от национального и феодального гнета турецких поработителей и за создание национальных государств.

³⁵ Вторая балканская война (1913) – война между Болгарией, с одной стороны, и Сербией, Грецией, Румынией и Черногорией – с другой. Против Болгарии выступила и Турция. Война закончилась поражением Болгарии, после чего она присоединилась к австро-венгерскому блоку.

Часть II

¹ Периферия не сразу отреагировала на то, что в Петрограде 23 февраля 1917 г. началась Февральская буржуазно-демократическая революция. Так, до Урала ее первые отголоски дошли лишь только к 28 февраля, а более полные сведения были получены 1–2 марта.

² VI съезд РСДРП(б) состоялся 26 июля – 3 августа (8–16 августа) 1917 г. в Петрограде. Съезд высказался против явки Ленина на суд Временного правительства, снял лозунг «Вся власть Советам».

³ В «Автобиографии» Е.А. Преображенского допущена неточность. Летом 1918 г. он был делегатом 5-го Всероссийского съезда Советов, открывшегося в Москве в Большом театре 4 июля 1918 г. 10 июля съезд принял первую советскую Конституцию РСФСР.

⁴ VIII съезд РКП(б) проходил в Москве 18–23 марта 1919 г. На съезде была принята Программа Российской коммунистической партии (большевиков).

⁵ Речь идет о покушении на членов Московской городской партийной организации 25 сентября 1919 г. В зал заседаний Московского комитета партии в Леонтьевском переулке, д. 18, где проходило собрание, покушавшиеся бросили две бомбы, силой взрыва которых было убито и ранено около 40 человек.

⁶ IX съезд РКП(б) проходил 29 марта – 5 апреля 1920 г. в Москве. Кроме Е.А. Преображенского секретарями ЦК стали Н.Н. Крестинский и Л.П. Серебряков.

⁷ X съезд РКП(б) проходил 8–16 марта 1921 г. в Москве. Съезд принял решение о переходе от политики «военного коммунизма» к нэпу.

⁸ 1-й Всероссийский съезд Советов состоялся в Петрограде 3–24 июня (16 июня – 7 июля) 1917 г. Е.А. Преображенский зачитал на съезде проект большевистской резолюции об отношении к войне. Она была съездом отвергнута и принята эсеро-меньшевистская резолюция.

⁹ Речь идет о двух первых областных конференциях РСДРП(б), состоявшихся в Екатеринбурге. Первая «свободная» конференция проходила 14–15 (27–28) апреля 1917 г. «Свободной» она называлась в связи с тем, что впервые проводилась в легальных условиях. На конференции присутствовало более 60 делегатов. Вторая конференция открылась 14 (27) июля 1917 г., собрав 63 делегата.

¹⁰ В резолюции «О текущем моменте и войне» было, в частности, записано: «1. Война за последнее время приобретает размах всеобъемлющего мирового столкновения. На сцене появился новый гигант империализма и претендент на мировую гегемонию – Америка. [...] 2. Наиболее опасным моментом для империалистов всех стран является русская революция [...]» (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. Т. 1. М., 1983. С. 578).

¹¹ Из полемики И.В. Сталина с Н.С. Ангарским. И.В. Сталин: «С чего пошла революция? С коалиции четырех сил: пролетариата, крестьянства, либеральной буржуазии и союзного капитала. [...] Эти четыре силы Февральской революции, шедшие вместе, имели разные цели. Либеральная буржуазия и союзный капитал хотели маленькой революции для большой войны. Но масса рабочих и крестьян шла не для этого на революцию. У них были другие цели: 1) покончить с войной и 2) побороть помещиков и буржуазию» (Шестой съезд РСДРП (б). Август 1917 года. Протоколы. М., 1958. С. 110).

Н.С. Ангарский: «Я совершенно не согласен с методом постановки вопроса т. Сталиным. [...] Я думаю, что движущими силами нашей революции, как и в 1905 г., являются пролетариат и крестьянство» (Там же. С. 114).

Как справедливо отметил Е.А. Преображенский, выступивший вслед за Ангарским, его возражения Сталину «абсолютно ничем не вызывались» (Там же. С. 115).

¹² С докладом от комиссии по выборам в Учредительное собрание на съезде выступил Б.З. Шумяцкий, предложивший план «практического ведения предвыборных работ». В плане означены следующие пункты: 1. Предвыборные органы. 2. Денежные средства. 3. Агитация. 4. Блоки и соглашения. 5. Кандидатские списки (Там же. С. 220–221).

¹³ 2-й Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов состоялся 25–27 октября 1917 г. в Петрограде. На съезде были приняты Декрет о мире, Декрет о земле, провозглашено установление власти Советов, создано первое советское правительство.

¹⁴ В ночь с 25 на 26 октября 1917 г. Московский военно-революционный комитет издал приказ, в котором извещал о восстании в Петрограде и призывал московских рабочих и солдат

поддержать начавшуюся революцию. В то же время контрреволюционно настроенные юнкера Алексеевского и Александровского военных училищ при поддержке штаба военного округа, «Комитета общественной безопасности», созданного городской Думой, и других заняли ряд важнейших пунктов в центре города. Московский ВРК в создавшейся ситуации заключил с «Комитетом общественной безопасности» перемирие на 24 часа, начиная с 12 часов ночи 30 октября. А.Я. Аросов был в гуще этих событий, он вместе с А.С. Ведерниковым руководил Красной гвардией (История СССР. Т. 7. М., 1967. С. 167–174).

Донское войсковое правительство во главе с атаманом А.М. Калединым вело борьбу с советской властью в октябре 1917 г. – феврале 1918 г. Это выступление закончилось крахом.

¹⁵ 3-й Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов состоялся в Петрограде 10–18 (23–31) января 1918 г.

Съезд утвердил Декларацию прав трудящихся и эксплуатируемого народа, принял основные положения о социализации земли, одобрил роспуск Учредительного собрания.

Е.А. Преображенский был делегатом 3-го съезда Советов, в протоколах которого зафиксировано два его выступления.

25 января (12 января ст.ст.) 1918 г.

Заседание 3-е

Преображенский останавливается на том «особо счастливом положении», которое, по их словам, занимают объединенные интернационалисты, и высказывает пожелание, чтобы они оставались в том же самом положении. Затем он говорит о том, что революцию сделали не усталые солдаты и не жадно тянущие к земле собственники-крестьяне, как это утверждают объединенные интернационалисты. Точно так же неверно, что с большевиками мало пролетариев. Если бы это было так, то даже социалистическая революция на Западе, которую призывают и объединенные интернационалисты, ничего не помогла бы. Но весь вопрос в том, что это очередная клевета на солдат. Что же касается крестьян, то большевики не закрывают глаз на то, что крестьяне еще недостаточно ясно представляют себе социалистический строй, но дальнейшее развитие революции создаст объективные условия, при которых крестьянство осуществит социализацию земли (Правда. 1918. 25 января (12 января ст.ст.); Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Пб., 1918. С. 40).

28 января (15 января ст.ст.) 1918 г.

Заседание 6-е

После Мартова выступает от фракции большевиков т. Преображенский.

Он говорит о том, что национальное движение только тогда является исторически прогрессивным, когда оно направлено против гнета империализма, когда оно протекает в обстановке буржуазно-капиталистического строя.

Только в этих условиях, – указывает оратор, – всякое национальное движение является, по сути своей, направленным против реакции, против притязаний империалистического господства над малыми народностями и приобретает характер революционной борьбы.

Национальное движение обычно ставит своей целью при этих условиях создание новых, самостоятельных государственных единиц с строго очерченными национально-территориальными рамками. После того как цель достигнута, в этих новых государственных ячейках создается почва для классовой борьбы. Путь к ней очищается благодаря национальному освобождению, благодаря избавлению от национального гнета, который всегда ведет к ослаблению классовой вражды и классовых противоречий.

В борьбе с национальным гнетом, испытываемым той или иной несамостоятельной народностью, обычно объединяются все классы этой народности, взаимная и классовая

терпимость, равно как и национальные предрассудки, питаемые национальным гнетом, сохраняют всю силу.

Поэтому, поскольку национальное движение после победоносного своего завершения уничтожает те факторы, которые стирают классовые перегородки и ослабляют классовый антагонизм, постольку оно является прогрессивным и по своему характеру революционным.

Оратор останавливается на примере России, которая при царизме объединяла – средствами полицейского насилия и мер самого грубого принуждения – множество народностей в вынужденном союзе с великороссами. И национальное движение, которое в то время вспыхивало в различные моменты внутри этих народностей, по существу, являлось движением противояростским и, естественно, сливалось в общем потоке с революционной борьбой всего народа.

Тов. Преображенский проводит параллель между этим положением и той обстановкой, которая сопутствовала борьбе украинцев за автономию при правительстве Керенского.

Большевики потому сочувствовали движению, возглавлявшемуся украинскими с.-р. и с.-д., хотя последние мало чем отличаются от русских социалистов-соглашателей, что их движение преследовало одну общую для них и русского трудового народа цель: свергнуть буржуазное правительство Керенского.

Теперь же, поскольку украинская буржуазия руками г-д Винниченко, прячущихся за ярлычком социалистов, стремится использовать принцип самоопределения для борьбы с советской властью, как у себя, так и вне пределов Украины, постольку гражданская борьба объективно революционна и неизбежна.

И вообще, до тех пор, пока буржуазия будет вкладывать свое шовинистическое, буржуазно-империалистическое содержание в принцип самоопределения, до тех пор, пока она будет пользоваться этим лозунгом для затемнения сознания трудовых масс окраинных наций в видах отвращения их от классовой борьбы, до тех пор советская власть будет самым последовательным, решительным и беспощадным образом бороться с такого рода применением на практике принципа самоопределения.

Нас упрекают, – говорит оратор, – в том, что мы навязываем, насильно навязываем, самоопределяющимся народностям советскую организацию власти в границах их самостоятельных территорий. Нам указывают, что в этом отношении мы противоречим своим же принципам. Тов. Мартов удивляется, почему, в то время как мы в отношении Польши, Литвы, Курляндии и т.д. пред лицом Германии требуем референдума, т.е. всеобщего голосования как способа изъяснения народом своей воли, в то же время мы у себя, внутри России, навязываем Украине, Кавказу, Финляндии и т.д. советские федерации, основанные на избирательных правах лишь одних трудящихся масс, лишая этих прав буржуазную часть населения.

Да, это так, но те, кто усматривает в этом наше двуличие или противоречие с собственными принципами, не видят или не хотят видеть одного весьма существенного обстоятельства. В то время как на Украине, на Кавказе и т.д. буржуазный парламентаризм уже изжит, он является уже пройденным этапом политического развития, в Курляндии, Польше и Литве народы не только не завоевали себе демократического строя, но не освободились даже от гнета царизма.

Для каждой области существуют два периода в ее политическом развитии. Покуда западные окраины России еще не сбросили с себя цепей монархического порабощения, требовать от них советской организации власти является невозможным, ибо им предстоит еще чисто демократическая революция, в результате которой должно последовать падение царизма (Правда. 1918. 28 января (15 января ст.ст.); Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Пб., 1918. С. 76–77).

¹⁶ Серия статей, посвященных войне и миру, была написана Е.А. Преображенским в период острых внутрипартийных разногласий: подписывать или нет аннексионистский грабительский мирный договор, навязанный Советскому государству странами Аитанты. Против решения

В.И. Ленина и его сторонников во что бы то ни стало подписать Брестский мир выступили «левые коммунисты» во главе с Н.И. Бухариным (в их числе был и Е.А. Преображенский), а также бывший тогда нарком иностранных дел Л.Д. Троцкий. В.И. Ленину удалось доказать необходимость и неизбежность подписания мира 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске. По этому миру Россия теряла около 1 млн кв. км территории, обязывалась демобилизовать армию и флот, а также заплатить контрибуцию в 6 млрд марок золотом. Воспользовавшись мирной передышкой, необходимой для восстановления экономики страны, создания Красной армии и упрочения Советского государства, а также в связи с революцией в Германии советское правительство через 8 месяцев, 13 ноября 1918 г., аннулировало Брестский договор.

¹⁷ 4-й Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов состоялся в Москве 14–16 марта 1918 г. Съезд ратифицировал Брестский договор, утвердил решение ВЦИК о перенесении столицы Советской республики из Петрограда в Москву.

¹⁸ Журнал «Коммунист» – орган Московского областного бюро РКП(б), отражавший точку зрения левых коммунистов, издавался с марта 1918 г., сначала в виде газеты, затем как «еженедельный журнал экономики, политики и общественной жизни». Редакционная коллегия: Н. Бухарин, В. Оболенский (Осинский), К. Радек, В. Смирнов.

¹⁹ VII съезд РКП(б) проходил 6–8 марта 1918 г. в Петрограде. Съезд принял резолюцию «О войне и мире», в которой по поводу Брестского мира, в частности, было записано: «Съезд признает необходимым утвердить подписанный советской властью тягчайший мирный договор с Германией ввиду неимения нами армии, ввиду крайне болезненного состояния деморализованных фронтовых частей, ввиду необходимости воспользоваться всякой, хотя бы даже малейшей, возможностью передышки перед наступлением империализма на Советскую социалистическую республику» (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. Т. 2. М., 1983. С. 26). В дополнение к резолюции было признано «необходимым не публиковать принятой резолюции» (Там же. С. 27).

²⁰ Невьянское восстание, или, как его называют, восстание автомобилистов, началось 12 июня 1918 г. Уже 17 июня повстанцы были вытеснены из города. Оно проходило в условиях борьбы красногвардейцев с мятежом чехословацкого корпуса. Весной 1918 г. из-под Петрограда в Невьянск прибыл отряд автомобилистов в составе 250 человек. Они и составили ядро восставших. Отрядом командовал бывший капитан А. Елисеенко, член партии эсеров. Восставшие действовали под лозунгами: «Вся власть Учредительному собранию!», «Народная власть без насильников и предателей большевиков!». Невьянское восстание вызвало ряд других антибольшевистских выступлений на Урале.

²¹ Мятеж чехословацкого корпуса, сформированного в России в годы 1-й мировой войны из военнопленных австро-венгерской армии – чехов и словаков – для участия в войне против Германии, прокатился по Поволжью, Уралу и Сибири в мае – августе 1918 г. Екатеринбург был захвачен 25 июля.

²² 3 (16) июля 1917 г. прошли демонстрации солдат и рабочих против Временного правительства под лозунгом «Вся власть Советам!». Поводом послужили события конца июня – начала июля: неудачное наступление на фронте, расформирование воинских частей.

²³ Июньское наступление 1917 г. российские войска Юго-Западного фронта против германских и австро-венгерских войск предприняли по требованию союзников. Противник нанес контрудар, операция для российских войск закончилась поражением.

²⁴ В Болгарии в ходе солдатского Влайдского восстания было объявлено о низвержении царя Фердинанда и провозглашении республики. 3 октября 1918 г. Фердинанд отрекся от престола, передав его сыну Борису, и бежал из страны.

²⁵ Имелся в виду повстанческое движение на Украине против оккупировавших ее австро-германских войск, развернувшееся с конца сентября 1918 г. под руководством Центрального военно-революционного комитета, созданного I съездом КП(б)У.

²⁶ Восстание в Берлине произошло 9 ноября 1918 г. Движущей силой Ноябрьской революции в Германии были рабочие и солдаты.

²⁷ Профсоюзная организация «Индустриальные рабочие мира» была создана в США в 1905 г.

²⁸ Вопрос о размерах вознаграждения народным комиссарам и понижении жалованья высшим служащим и чинам рассматривался на заседании СНК 18 ноября (1 декабря) 1917 г. Было принято соответствующее постановление, написанное В.И. Лениным.

²⁹ Еще в начале XIX в. район Охотного ряда приобрел исключительно торговый характер: там располагались лавки, склады, трактиры и т.п. Реконструкция Охотного ряда была произведена в 1930-е гг.

³⁰ Е.А. Преображенский был направлен в Орловскую губернию в соответствии со следующим решением ЦК РКП(б):

«Постановление Центрального Комитета РКП(б) [о] делегировании ответственных уполномоченных для проведения мобилизации на местах и ознакомления с партийной работой (апрель – май 1919 г.).

В целях более успешного проведения мобилизации на местах и ознакомления с партийной работой провинциальных организаций ЦК РКП постановил делегировать для временной работы ответственных уполномоченных: в Вятскую губернию – т. Стеклова, Владимирскую – т. Крыленко, Воронежскую – т. Еремеева, Гомельскую – т. Правдина, Иваново-Вознесенскую – т. Рызанова, Калужскую – т. Ярославского, Костромскую – т. Луначарского, Курскую – т. Бухарина, Минскую – т. Дмитриева, Московскую – т. Максимовского, Нижегородскую – т. Семашко, Орловскую – т. Преображенского, Тамбовскую – т. Подбельского, Тверскую – т. Сосновского, Тульскую – т. Канатчиков и [товарищей] из Московской организации: Крюкова, Меркулова, Емельянова, Колотова, Илюшина, Осипова, Есинова, Овсянникова, Писарева.

Каждый из перечисленных выше товарищей становится во главе группы [товарищей] слушателей советских курсов при ВЦИК и пролетарского университета, как ответственный представитель ЦК РКП.

В понедельник 5 мая в 5 час. дня в помещении Секретариата ЦК РКП (3-й этаж, к. 4, Моховая, д. 7, кв. 3) состоится собрание [товарищей] уполномоченных для обсуждения работы.

Секретарь ЦК РКП

Инспекторско-разъездной отдел Секретариата ЦК».

ГА РФ. Ф. 1240-Р. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

Подлинник.

Е.А. Преображенский вывез из Орловской губернии большое количество документов (доклады, отчеты, телеграммы, тексты резолюций, присланные из уездов курсантами), составивших впоследствии целый фонд в одном из крупнейших архивохранилищ страны – ЦГАОР СССР (ныне ГА РФ) (см.: ГА РФ. Ф. 1240-Р. Оп. 1. Д. 1).

³¹ Речь идет о вооруженной борьбе в Донской области, которую вели Донское войсковое правительство во главе с А.М. Калединым и Донской казачий военно-революционный комитет, возглавляемый Ф.Г. Подтелковым. Революционная армия 24–25 февраля 1918 г. заняла Ростов и Новочеркасск.

³² Мамонтовский рейд – действия казачьей конницы под командованием генерала Мамонтова (10 августа – 19 сентября 1919 г.) в тылу войск Южного фронта с целью сорвать контрнаступление советских войск. 10 августа 4-й Донской корпус Мамонтова прорвал фронт обороны советских войск в районе Новохопёрска, с 18 по 31 августа он захватил Тамбов, Козлов, Елец. В дальнейшем, обремененный большими обозами, утратив маневренность и оказавшись в окружении, корпус Мамонтова с трудом пробился обратно к линии фронта. 18–19 сентября, вырвавшись из окружения между Ст. Осолом и Коротояком, соединился с 3-м Кубанским конным корпусом генерала Шкуро, направленным генералом Деникиным на помощь Мамонтову.

³³ С аналогичным предложением выступил в те же дни председатель РВС Республики Л.Д. Троцкий. В «Правде» публикуется его знаменитая статья «Пролетарий, на коня!», в кото-

рой, в частности, сказано: «Главная беда Красных армий – в недостатке конницы. Война наша имеет маневренный характер, требует наивысшей подвижности. Это отводит коннице большую роль. Нашу слабость в этом отношении мы ощущали раньше: у Каледина, у Краснова, у Дутова всегда был перевес в коннице. Теперь разрушительный налет Мамонтова остро поставил вопрос о создании многочисленных красных кавалерийских частей. [...]»

Советской республике необходима конница. Красные кавалеристы – вперед! На коня, пролетарий!» (Правда. 1919. 20 сентября).

³⁴ В связи с созданием в ноябре 1919 г. Башкирской областной партийной организации ЦК РКП(б) направил в Башкирию группу партийных работников: Ф.А. Сергеева (Артема), Ф.Н. Самойлова, Г.К. Шамигулова, П.М. Викмана и др.

Работать им приходилось при постоянном давлении националистических элементов. Так, в июне 1919 г. националистически настроенные члены Башкирского ревкома прекратили работу, пытаясь вызвать политический кризис в республике.

О том, насколько сложно решался вопрос о руководстве Башкирской республикой, свидетельствуют следующие документы: «27 сентября 1920 г. Оргбюро рассматривает просьбу предбашкика т. Шамигулова об отзывании из Башкирии т. Тостовенко» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 63. Л. 81). В свою очередь, И.В. Сталин предложил членам Политбюро «отозвать из Башкирии совершенно нетерпимого там т. Шамигулова и его верного сподвижника т. Викмана».

На письме И.В. Сталина резолюция: «Согласен. Н. Крестинский». И вторая: «Категорически против вопроса без обсуждения. Имею другое предложение. Предлагаю ставить на пленуме. Преображенский» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 63. Л. 82–83).

³⁵ Речь идет о советско-польской войне 1920 г. (апрель – октябрь), спровоцированной польской стороной. Советские войска, перейдя в контрнаступление, к 14 августа 1920 г. подошли к Варшаве. Однако удачно начатая операция из-за просчетов командования обернулась для советских войск поражением.

³⁶ В.И. Ленин в сопроводительной записке к «Первоначальному наброску тезисов по «национальному и колониальному вопросам» просил «всех товарищей, в частности же товарищей, осведомленных конкретно по тому или иному из сложнейших вопросов, дать свой отзыв, или исправление, или дополнение, или конкретное пояснение» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 161).

³⁷ В.И. Ленин, тщательно проштудировав книгу Н.И. Бухарина и подвергнув сомнению ряд его выводов, в целом оценил ее как превосходную (Ленинский сборник XI. С. 348–403).

³⁸ Антибольшевистское восстание, которое возглавил левый эсер Сапожков, охватило в июле – сентябре 1920 г. Бузулукский и Самарский уезды Самарской губернии. Главный лозунг мятежников «Долой продразверстку, да здравствует свободная торговля!». Численность восставших на первом этапе доходила до 2500 человек.

Часть III

¹ Книга Е.А. Преображенского «Анархизм и коммунизм» состоит из семи глав. При опубликовании опущены главы: 1) Самодержавно-дворянское государство; 2) Буржуазное государство; 3) Пролетарское государство; 6) Классовая основа анархизма; 7) Тактика анархистов.

² «Азбука коммунизма», написанная Н.И. Бухариным и Е.А. Преображенским в связи с принятием VIII съездом большевистской партии новой программы, в свое время была очень известным изданием, она выходила большими тиражами не только в Советской России, но и за ее пределами. Текст публикуется полностью, за исключением Программы РКП(б), принятой VIII съездом партии, и предметного указателя, которые помещены в издании 1920 г.

³ Речь идет о революционных событиях в Венгрии, на волне которых 21 марта 1919 г. была провозглашена Венгерская советская республика (ВСР). Правительство ВСР, в состав которого

вошли представители компартии (Б. Кун и др.), социал-демократической партии (Е. Ландлер, Е. Хамбургер и др.), провело ряд демократических преобразований, создало Красную армию. Всевенгерским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов была принята Конституция ВСР. Однако советская власть в Венгрии просуществовала лишь до 1 августа; она была подавлена Антантой при поддержке контрреволюции.

⁴ Словацкая советская республика существовала в период с 16 июня по 7 июля 1919 г. Возникла в обстановке революционного подъема под влиянием победы Октябрьской революции в России и создания Венгерской советской республики. Провозглашена в г. Прешов на территории Словакии, освобожденной венгерской Красной армией в ходе ее контрнаступления против интервенционистских войск буржуазных правительств Румынии и Чехословакии. Советское правительство Словакии провело мобилизацию и приступило к созданию словацкой Красной армии, но после вынужденного отхода венгерской Красной армии за чехословацкую демаркационную линию 7 июля 1919 г. пала.

⁵ В работе излагается классическое представление донэповского большевизма на денежное обращение в переходный к коммунизму период. Эта тема найдет развитие в других трудах Е.А. Преображенского.

ИМЕННОЙ КОММЕНТАРИЙ

Абдул-Гамид II (1842–1918), турецкий султан в 1876–1909 гг. Установил деспотический режим.

После Младотурецкой революции 1908 г. низложен. В литературе получил прозвище «кровоавого султана» – 152

Абрамов, член болховской организации РКП(б) Орловской губ. – 327

Авенариус Рихард (1843–1896), швейцарский философ, один из основоположников эмпириокритицизма – 155

Авксентьев Николай Дмитриевич (1878–1943), один из лидеров партии эсеров (правое крыло). В годы 1-й мировой войны социал-шовинист. После Февральской революции 1917 г. член исполкома Петросовета и председатель исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов; в июле – сентябре министр внутренних дел Временного правительства, в октябре председатель Предпарламента. В 1918 г. участвовал в организации контрреволюции в Поволжье и Сибири, председатель Уфимской директории. В ноябре 1918 г. был арестован колчаковцами в Омске и выслан в Китай – 239, 255, 256

Адлер Виктор (1852–1918), один из организаторов и лидеров австрийской с.-д. партии. В 1918 г. министр иностранных дел Австрии – 228, 487

Азбукин Дмитрий Иванович, учащийся орловской семинарии – 19

Азеф Евно Фишелевич (1869–1918), эсер, руководитель боевой организации партии, одновременно секретный сотрудник Департамента полиции с 1892 г. Умер в Берлине в 1918 г. – 74, 104

Акулов Иван Алексеевич (1888–1937), большевик, в революционном движении с 1907 г. Участник Октябрьской революции. В 1917–1922 гг. секретарь (председатель) губернских (областных) партийных комитетов Урала, Вятки, Оренбурга, Киргизии, Крыма. В 1929 г. секретарь ВЦСПС. С 1930 г. зам. наркома РКИ, 1-й зам. председателя ОГПУ, секретарь ЦК КП(б) Украины. С 1933 г. прокурор СССР. С 1935 г. секретарь ЦИК СССР. Репрессирован – 263, 267

Александр I (1777–1825), российский император с 1801 г. – 89, 96, 97, 611

Александр II (1818–1881), российский император с 1855 г. – 105, 112, 113, 254, 430, 611

Алексеев, личность установить не удалось – 254

Алексей Михайлович (1629–1676), русский царь с 1645 г. – 89

Алексий, владелец типографии в г. Орле, отец Саши Алексина – 25, 26

Алексин Саша, друг детства Е.А. Преображенского, сын владельца типографии – 14, 24

Алисов М.И., создатель самодельного гектографа – 14

Амфитеатров Александр Валентинович (1862–1938), писатель, журналист. Получил широкую известность в связи с опубликованием в 1902 г. в газете «Россия» фельетона «Господа Обмановы» – сатиры с прозрачным намеком на царскую семью, за что был выслан в Сибирь. В конце 1916 – начале 1917 г. редактор газеты «Русская воля», на страницах которой опубликовал фельетон против министра внутренних дел А.Д. Протопопова, после чего последовала очередная ссылка в Сибирь. После 1920 г. в эмиграции – 12, 24, 157

- Ангарский (Клестов) Николай Семенович** (1873–1941), политический деятель, писатель, литературный критик. В революционном движении с 1902 г. Неоднократно арестовывался. В 1905 г. сослан на пять лет в Туруханский край. Бежал из ссылки, работал в московской большевистской организации. По поручению МК РСДРП открыл книжный склад, обслуживавший большевиков легальной и нелегальной литературой. Участник Октябрьской революции. В 1919–1922 гг. редактор литературного журнала «Творчество». В 1924–1932 гг. руководитель издательства «Недра». Автор ряда книг. Репрессирован – 210
- Андреев Леонид Николаевич** (1871–1919), прозаик, драматург, публицист – 9, 141, 145–148, 151, 152
- Андрей, см. Свердлов Я.М.**
- Анисимов Иван**, сын купца, друг детства Е.А. Преображенского, впоследствии меньшевик. Предположительно, эмигрировал из России – 13, 16, 25–27
- Ан-ский Семен Акимович (Рапопорт Шлоyme Зейнвил)** (1863–1920), прозаик, драматург, публицист, общественный деятель. Писал на русском языке и на идише. Бытописатель старого обособленного уклада русского и еврейского народов – 90
- Антоний Волинский (Храповицкий Алексей Павлович)** (1863–1936), иерарх Русской Православной церкви. Один из претендентов на патриарший престол. С 1902 г. епископ Волинский, позднее – архиепископ Харьковский. Во время Гражданской войны в рядах Белого движения. Затем в эмиграции, основатель Русской Православной зарубежной церкви – 92
- Анучин Сергей Андреевич** (1889–1956), организатор РККА на Урале. В 1917 г. председатель полкового комитета в Екатеринбурге, делегат Учредительного собрания от Западного фронта. В конце 1917 г. председатель армейского Совета и командир 3-й армии Западного фронта. С 1918 г. комиссар Уральского областного военного комитета, комиссар Уральского военного округа, член РВС Южного фронта. После Гражданской войны председатель правления губернского СНХ в Екатеринбурге. Затем был на хозяйственной работе в Москве. В дальнейшем преподаватель Московского текстильного института – 267
- Анцелович Наум Маркович** (1888–1952), член РСДРП с 1905 г. После Февральской революции 1917 г. член исполкома Петроградского совета профсоюзов. Один из организаторов Красной гвардии в Петрограде. В Октябрьские дни член Петроградского ВРК. В ноябре 1917 г. занимался обеспечением Петрограда хлебом. С 1918 по 1921 г. председатель Петроградского губпрофсовета. В последующие годы зам. наркома РКИ, нарком лесной промышленности, зам. министра торговли РСФСР – 357
- Армстронг**, представитель английской военно-промышленной фирмы «Армстронг, Уитверс и К^о», основанной Уильямом Джорджем Армстронгом (1810–1900). Существовала до 1937 г. – 466
- Аросев Александр Яковлевич** (1890–1938), член РСДРП с 1907 г. Вел революционную работу в Казани, Петербурге и Москве. Подвергался арестам и ссылкам. После Февральской революции 1917 г. председатель Тверского Совета. С 1917 г. член Московского ВРК, командовал войсками Московского военного округа. В 1918 г. комиссар Главвоздухфлота. В 1920 г. – председатель Верховного ревтрибунала Украины. В 1924–1933 гг. на дипломатической работе во Франции, полпред в Литве, Чехословакии. С 1934 г. председатель ВОКС. Репрессирован – 226, 227
- Артем (Сергеев Федор Андреевич)** (1883–1921), член РСДРП с 1901 г. Революционную работу вел в Екатеринославле, Харькове, на Урале. После ареста в 1902 г. эмигрировал в Париж. Вернувшись в Россию, работал агентом «Искры», с 1905 г. возглавлял харьковскую с.-д. организацию, руководил вооруженным восстанием в Харькове. В 1906 г. арестован. После выхода из тюрьмы направлен на Урал. В 1907 г. член Уралобкома и Екатеринбургского комитета РСДРП. Арестован. В 1909 г. приговорен к пожизненной ссылке в Восточную Сибирь. В середине 1911 г. бежал в Австралию, где активно участвовал в австралийском рабочем движении. После Февральской революции 1917 г. вернулся в Россию. Был секретарем бюро обкома партии большевиков, объединявшего партийные организа-

ции Донбасса, Харьковской и Екатеринославской губ. На VI съезде избран членом ЦК РСДРП(б). С ноября 1917 по 1919 г. на различных руководящих должностях в СНК Украины. В 1920 г. чрезвычайный уполномоченный ЦК РКП(б) и ВЦИК в Башкирии и руководитель «Башкиропомощи». С ноября 1920 г. секретарь МК РКП(б), член ВЦИК. Погиб во время испытания аэрогагона на Московско-Курской железной дороге – 29, 35, 38, 39, 61, 341–243

Асквит Герберт Генри (1852–1928), в 1892–1895 гг. министр внутренних дел Великобритании, премьер-министр в 1908–1916 гг. – 139
Ахмадулин, делегат IX съезда РКП(б) – 341

Бабушкин Иван Васильевич (1873–1906), рабочий. Революционную деятельность начал в 1893 г. в рабочем кружке, которым руководил В.И. Ленин. Член петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Один из организаторов ленинской «Искры», ее агент и корреспондент. Неоднократно подвергался арестам. Ссылку отбывал в Верхоянске, а затем в Якутске. Активный участник революции 1905–1907 гг., член Иркутского и Читинского комитетов РСДРП. Во время перевозки оружия из Читы схвачен карательным отрядом и без суда и следствия расстрелян в январе 1906 г. – 44

Байрон Джордж Ноэл Гордон (1788–1824), английский поэт-романтик, пэр, член палаты лордов – 108, 151

Бакиновский Леон Владиславович (1884–?), революционную деятельность начал в Костроме в 1902 г. В 1904 г. вступил в боевую организацию РСДРП. В 1906 г. привлечен к суду по делу ярославской с.-д. организации, после чего был сослан в 1908 г. в Нижнеилимск. В 1915 г. служил в городской управе Иркутска, отойдя от партийной работы. После Октябрьской революции вошел в большевистскую группу в Иркутске. В 1918 г. член коллегии Продовольственного комитета. Позднее член правления Союза кооперативов в Омске. Дальнейшая судьба неизвестна – 43

Бакунин Михаил Александрович (1814–1876), революционер, теоретик анархизма, один из идеологов русского народничества. В 30-х гг. XIX в. член кружка Н.В. Станкевича. С 1840 г. за границей, участник революции 1848–1849 гг. в Париже, Дрездене, Праге. В 1851 г. выдан австрийскими властями России, после чего находился в заточении в Петропавловской, а затем в Шлиссельбургской крепости. С 1857 г. в сибирской ссылке. В 1861 г. бежал за границу, сотрудничал с А.И. Герценом и Н.П. Огаревым. С 1864 г. член I Интернационала, выступал против марксизма, отрицал политическую борьбу рабочего класса – 108, 400, 483

Бакунина Е., писательница, автор очерка «Кони Айленд» о жизни русских эмигрантов в Нью-Йорке – 89

Балакирев Милий Алексеевич (1836/37–1910), русский композитор, пианист, дирижер. Глава «Могучей кучки» – 131

Баранов Михаил Иванович (1888–1938), член РСДРП с 1905 г. В 1918–1920 гг. член коллегии Наркомздрава, начальник Главного санитарного управления, в 1920–1925 гг. зам. наркома здравоохранения УССР. В 1925–1928 гг. зав. Сибирским краевым отделением здравоохранения. Председатель комитета Российского общества Красного Креста. Публиковался в «Сибирском медицинском журнале», «Профилактической медицине» и «Бюллетене Наркомздрава». Репрессирован – 26, 27

Барбс Антонина Казимировна (1897–1938), член партии с 1916 г. В 1919 г. секретарь Орловского губкома партии, затем на хозяйственной работе. В 1920 г. член Уфимского губкома РКП(б). Репрессирована – 338

Бариннов, поднадзорный, квартирант в одном из домов г. Орла – 26

Бахтин, член военного штаба по руководству Невьянским восстанием на Урале в июне 1918 г. Меньшевик – 251

- Бebelь Август** (1840–1913), один из основателей и руководителей германской социал-демократической партии и II Интернационала. Неоднократно избирался в рейхстаг. Борец против милитаризма и войны, поборник эмансипации женщин – 81
- Бебутов, бакинский инженер** – 103
- Бездонная Юлия Ивановна** (1858–1910), прозаик, драматург. Окончила Высшие женские (Бестужевские) курсы. К концу творчества в ее произведениях стали усиливаться социально-критические мотивы: протест против любых форм угнетения, бездуховности тогдашнего общества – 89
- Белинский Виссарион Григорьевич** (1811–1848), русский литературный критик, публицист, революционный демократ. В 1839–1848 гг. в журнале «Отечественные записки» и «Современник» – 5, 9, 12, 107, 118
- Белобородов Александр Георгиевич** (1891–1938), член РСДРП с 1907 г. После Февральской революции 1917 г. член Лысьвенского Совета и комитета РСДРП. С апреля 1917 г. член Уральского обкома РСДРП(б). С октября член пермского окружкома, с января 1918 г. председатель исполкома Уральского обкома. В июле 1918 г., в условиях наступления белогвардейцев на Екатеринбург, подписал решение Совета о расстреле Николая II и его семьи. В 1919–1920 гг. член ЦК РКП(б). В 1923–1927 гг. один из руководителей троцкистской оппозиции. С 1930 г. работал в системе Комитета заготовок СССР. Репрессирован – 263, 274
- Белоусов Терентий Осипович** (1875–?), меньшевик-ликвидатор, депутат 3-й Государственной думы от Иркутской губ. В феврале 1912 г. вышел из состава с.-д. фракции Думы – 110, 111
- Бентам Иеремия** (1748–1832), английский философ, социолог, юрист. Родоначальник философии утилитаризма – 154
- Бергман (Портной К.)** (1872–1941), один из лидеров Бунда. В с.-д. движении с середины 90-х гг. XIX в. В 1896 г. арестован, сослан на пять лет в Сибирь. На II съезде РСДРП делегат от ЦК Бунда. В 1903–1909 гг. председатель ЦК Бунда в Польше. В 1939 г. эмигрировал в США, отошел от политической деятельности – 353
- Бердяев Николай Александрович** (1874–1948), русский религиозный философ. В 1922 г. выслан за границу – 157, 158
- Березовский Антон Иосифович** (1847–1907), польский революционер. В 1863 г. принимал участие в Польском восстании, после подавления которого уехал за границу. С 1865 г. жил в Париже. Там 6 июня 1867 г. совершил неудачное покушение на Александра II. Предан суду, приговорен к пожизненной каторге. В 1906 г. амнистирован, но отказался покинуть место ссылки – 112, 113
- Беренштам Владимир Вильямович** (1870–?), юрист и публицист, присяжный поверенный – 130
- Беринг Морис** (1874–1945), английский писатель, критик. В 1904–1905 гг. репортер на Русско-японском фронте. До 1912 г. корреспондент газет «Морнинг пост» и «Таймс» в России. Участник 1-й мировой войны. Пропагандист и переводчик русской литературы. Последняя работа – антология переводов «Русская лирика» – 125
- Берне Людвиг** (1786–1837), немецкий публицист и литературный критик. Боролся с феодальной реакцией и национализмом – 107, 484
- Бетман-Гольвег Теобальд** (1856–1921), германский рейхсканцлер и прусский министр-президент в 1909–1917 гг. В 1905–1907 гг. министр внутренних дел Пруссии, в 1907–1909 гг. имперский министр внутренних дел и зам. рейхсканцлера – 99, 180
- Бисмарк Отто, фон** (1815–1898), первый рейхсканцлер Германской империи в 1871–1890 гг. – 99, 112, 113, 125, 178, 513
- Биссолати Леонид** (1857–1920), один из лидеров реформистского крыла Итальянской социалистической партии в 1892–1912 гг. Затем в числе основателей социалистической реформистской партии. В годы 1-й мировой войны социал-шовинист. В 1916–1918 гг. член правительства Италии – 312
- Бланк Рувим Мордкович** (1866–?), публицист. Сотрудничал в журнале «Освобождение» (орган русской либеральной буржуазии), был фактически редактором газеты «Наша жизнь». Ре-

- доктор журнала кадетов, народных социалистов и меньшевиков-ликвидаторов «Запросы жизни» – 162
- Блюм Оскар** (?–1920), в 1908–1910 гг. секретный сотрудник Рижского охранного отделения – 356
- Блюхер Василий Константинович** (1890–1938), член РСДРП с 1916 г. Участник 1-й мировой войны. Кавалер двух Георгиевских крестов и Георгиевской медали. Вел революционную работу в Москве, Поволжье. С ноября 1917 г. комиссар краснотатарского отряда, направленного в Челябинск для борьбы с атаманом Дутовым. Председатель Челябинского ВРК и Совета, начальник штаба Красной гвардии Челябинского уезда. С марта 1918 г. командир Восточного отряда по борьбе с дутовцами. С июля зам. командующего, командующий партизанской Уральской армией, совершившей героический рейд из района Оренбурга по Уралу на соединение с Красной армией, за что первым в Советской республике был награжден орденом Красного Знамени. С сентября 1918 г. по май 1921 г. начальник 4-й Уральской стрелковой дивизии, помощник командира 3-й армии, начальник Вятского укрепрайона, начальник 51-й стрелковой дивизии. В октябре – ноябре 1920 г. командовал Перекопской ударной группой. В 1921–1922 гг. военный министр и главнокомандующий Народно-революционной армией ДВР. Провел реорганизацию Вооруженных сил Республики. В 1922 г. руководил штурмом Волочаньки. Кавалер пяти орденов Красного Знамени. После Гражданской войны на высших командных должностях, в том числе командующий Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армией, Маршал Советского Союза. Репрессирован – 257
- Бобринский Владимир Алексеевич** (1868–?), граф, крупный землевладелец и сахарозаводчик, депутат 2, 3 и 4-й Государственных дум. Во 2-й Думе один из лидеров умеренных правых. В 3-й Думе активный сторонник П.А. Столыпина. Принимал участие в организации фракции националистов, выступал за политику русификации национальных районов России и наступательную внешнюю политику. После Октябрьской революции боролся против советской власти на юге России. С 1919 г. в эмиграции – 92
- Бобровский Петр Семенович** (1881–?), в 1902 г. в Орле принял деятельное участие в работе местной с.-д. организации. Член Орловского комитета РСДРП. Впоследствии плехановец. В 1918–1919 гг. министр труда в белом правительстве Крыма – 26
- Богучарский В. (Яковлев Василий Яковлевич)** (1861–1915), историк революционного движения в России. За связь с народовольческими кружками сослан в 1884 г. в Сибирь. В 1890 г. отбывал ссылку в Якутии. От народничества перешел к легальному марксизму, затем – активный деятель либерального лагеря. Большая часть исторических трудов посвящена революционному народничеству 60–80-х гг. XIX в. – 140
- Борин Я. (Борисов Яков Васильевич)** (1856–?), журналист и педагог, из крестьян Ставропольской губ. Член 1-й Государственной думы, трудовик – 168
- Бош Евгения Богдановна (Готлибовна)** (1879–1925), член РСДРП с 1901 г. Партийную работу вела в Киеве и за границей. В 1912 г. арестована, приговорена к ссылке на поселение в Иркутскую губ. В 1914 г. бежала в Америку, затем в Норвегию. После Февраля 1917 г. вернулась в Россию. Председатель Киевского обкома РСДРП(б), в октябре 1917 г. – Киевского ВРК. После Октября член первого советского правительства Украины, выступала против заключения Брестского мира. В 1923 г. примыкала к троцкистской оппозиции. Покончила жизнь самоубийством – 30, 43, 212
- Брам Эрнест**, писатель, автор романа «Секрет лиги» – 126
- Брандес Георг** (1842–1927), датский литературный критик. В начале 70-х гг. XIX в. возглавил движение, направленное против романтизма, за реализм литературы. Основной труд – «Главные течения в европейской литературе XIX в.» – 112
- Брешко-Брешковская Екатерина Константиновна** (1844–1934), один из лидеров партии эсеров (крайне правое крыло). Политическую деятельность начала в 70-х гг. XIX в. «хождением в народ». Подвергалась арестам и ссылкам. После Февраля 1917 г. поддерживала Временное правительство. После Октября боролась против советской власти. В 1919 г. уехала

- в США, затем во Францию. Участвовала в парижском белоэмигрантском печатном органе «Дни» – 487
- Бриан Аристид** (1862–1932), французский государственный деятель и дипломат. В 1909 г. премьер-министр «кабинета трех ренегатов» (Бриан – Миллеран – Вивьанн). В 1913, 1915–1917, 1921–1922 гг. премьер-министр; в 1924 г. представитель Франции в Лиге наций. В 1926–1931 гг. министр иностранных дел – 113, 312
- Бричкина Софья Борисовна** (1883–1967), член РСДРП с 1903 г. В Октябре 1917 г. секретарь Московского ВРК. С мая 1919 г. зав. канцелярней, затем секретарь СНК, секретарь-протоколист Политбюро ЦК, пленумов ЦК. Одновременно зам. управляющего делами ЦК. В 1921–1935 гг. на работе в Коминтерне, затем замзав Секретариата ВЦИК. С 1948 по 1949 г. научный сотрудник Института Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б) – 350
- Бродовский, студент**. Член военного штаба по руководству Невьянским восстанием на Урале в июне 1918 г. – 251
- Бруно** (*Исфорт-Бруно Генрих Иванович*) (1890–?), в 1906 г. в Риге участвовал в кружках, примыкавших к РСДРП. В 1908–1913 гг. работал в Дрездене и Берлине, затем в Петербурге. Член Петербургского комитета РСДРП. Неоднократно арестовывался. В 1914 г. приговорен к ссылке на поселение, отбывал в Иркутской губ., бежал. Жил в различных городах Сибири – 44
- Брусилов Алексей Алексеевич** (1853–1926), дворянин, генерал от кавалерии. В 1-ю мировую войну, будучи главнокомандующим Юго-Западным фронтом, осуществил успешный прорыв обороны австро-венгерской армии, получивший название «брусиловский». В мае – июне 1917 г. верховный главнокомандующий русской армией. Сторонник политики продолжения войны до победного конца. С 1919 г. в Красной армии. В 1920 г. председатель Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами Республики. Позже – инспектор кавалерии. С 1924 г. в отставке – 348
- Брюсов Валерий Яковлевич** (1873–1924), основоположник русского символизма, поэт, прозаик, драматург, критик, литературовед, переводчик, литературно-общественный деятель. Стремление эпатировать устоявшиеся литературные вкусы принесло ему скандальную известность. Октябрьскую революцию принял как грандиозный переворот в истории человечества, встал на сторону советской власти. В 1917–1919 гг. возглавлял Комитет по регистрации печати. В 1919–1921 гг. председатель президиума Всероссийского союза поэтов. С 1920 г. член РКП(б). С 1921 г. ректор Высшего литературно-художественного института – 78
- Брюханов Николай Павлович** (1878–1938), член РСДРП с 1902 г., большевик. После освобождения в 1905 г. из ссылки – член Уфимского комитета РСДРП, Уральского обкома партии. Участвовал в издании с.-д. газеты «Уральский рабочий». С марта 1917 г. председатель Уфимского Совета рабочих депутатов. В октябре член революционной семерки и комиссар по продовольствию Уфимской губ. В 1921 г. нарком продовольствия. В 1924–1926 гг. зам. наркома финансов, в 1926–1930 гг. нарком финансов СССР. С 1931 г. зам. Наркомснаба. Репрессирован – 29
- Булацель Павел Федорович** (1867–1919), дворянин, присяжный поверенный, литератор. Один из лидеров «Союза русского народа». В 1906–1907 гг. редактор газеты «Русское знамя». После Февраля 1917 г. отошел от политики, уехал в деревню. Расстрелян ВЧК – 103
- Булгаков Сергей Николаевич** (1871–1944), экономист, философ, теолог. С 1923 г. жил в эмиграции. От легального марксизма перешел к религиозной философии, затем к православному богословию – 5, 7–11
- Булугин Петр Павлович** (1859–1914), дворянин, прозаик, кадет. Литературную деятельность начал в 80-е гг. XIX в. Произведения посвящены нравственным исканиям интеллигентного помещика, далекое от социальных проблем – 170
- Бунин Иван Алексеевич** (1870–1953), из древнего дворянского рода. Прозаик, поэт, перевод-

- чик. Революцию 1917 г. не принял безоговорочно. В 1920 г. эмигрировал. Лауреат Нобелевской премии (1933). Похоронен на русском кладбище под Парижем – 15, 117
- Бустрем Владимир Владимирович** (1883–?), член РСДРП с 1905 г. Партийную работу вел в Архангельске, Томске, Нижнем Новгороде. В революцию 1905 г. в войсках Петербургского гарнизона. Арестован в Петербурге по «делу боевой организации РСДРП». В 1908 г. приговорен к шести годам каторги, сослан в Восточную Сибирь, последние два года ссылки жил в Иркутске. С марта 1917 г. в Архангельске, член исполкома Архангельского Совета. Меньшевик-интернационалист. Впоследствии вступил в РКП(б) – 43
- Бухарин Николай Иванович** (1888–1938), член РСДРП с 1906 г. Работал пропагандистом в Москве. С 1911 г. в эмиграции. В 1915 г. сотрудничал в журнале «Коммунист». После Октября редактор «Правды», член ЦК, Политбюро ЦК, Исполкома Коминтерна. В 1918 г. лидер «левых коммунистов». В 1920–1921 гг. в дискуссии о профсоюзах занимал «буферную» позицию, затем присоединился к Троцкому. С 1923 г. противник троцкистов, сторонник постепенного «врастания в социализм». Автор ряда теоретических работ. С 1928 г. лидер т.н. правого уклона. В 1929 г. был выведен из Политбюро ЦК. В 1937 г. был исключен из партии. Редактор «Известий». Репрессирован – 3, 212, 213, 349–352, 356, 360–363, 416, 417, 587, 598, 621
- Бухингер Мано** (1875–1953), деятель венгерской с.-д. партии (правое крыло). Перед 1-й мировой войной представитель СДП Венгрии во II Интернационале, во время Венгерской советской республики 1919 г. вышел из руководства партии в знак протеста против сотрудничества с коммунистами. С 1920 по 1929 г. в эмиграции в Вене. С 1931 по март 1944 г., при хортизме (до немецкой оккупации), депутат парламента от СДП. В 1948 г. поддержал коммунистов и социал-демократов – 487
- Быкова (урожд. Проскурякова) Александра Федоровна** (1863–?), дочь сенатора, автор популярных исторических книг – 123, 124
- Вайнер Леонид Исаакович** (1878–1918), член РСДРП с 1905 г. Вел революционную работу в Перми, Екатеринбурге, на заводах и рудниках Урала. В 1917 г. член Екатеринбургского комитета РСДРП(б). После Октября секретарь городской думы, секретарь исполкома Екатеринбургского окружного Совета, член Уралобкома РСДРП(б), затем его секретарь. В 1918 г. рядовым бойцом отправился на фронт. Погиб в бою с белогвардейцами – 264
- Валидов (Валид) Ахмед-Заки** (в эмиграции – *Тоган Ахмет Заки Валиди*) (1890–1970), историк, востоковед, журналист; деятель российского мусульманского движения. Член Временного центрального бюро российских мусульман. Член президиума 1-го Всебашкирского съезда, в ноябре провозгласившего автономию Башкирии; с декабря 1917 г. член башкирского правительства, руководитель военного отдела, командующий башкирскими войсками. Сотрудничал с антибольшевистскими силами. В феврале 1919 г. перешел на сторону советской власти. В конце 1919 г. вступил в РКП(б). Обвинив большевиков в уничтожении башкирской автономии, в 1920 г. бежал в Туркестан. Идеолог и организатор басмаческого движения. В 1923 г. эмигрировал, профессор Стамбульского университета – 11, 342, 343
- Вальдерзее Альфред** (1832–1904), граф, военный деятель Германии, фельдмаршал. С 1882 г. помощник начальника, с 1888 г. начальник генштаба. В 1900 г. главнокомандующий войсками карательной экспедиции в Китае против Ихэтуаньского восстания – 487
- Варга Евгений Самуилович** (1879–1964), экономист, академик АН СССР, деятель международного коммунистического движения. Нарком финансов, а затем председатель Высшего совета народного хозяйства Венгерской советской республики. После поражения в 1919 г. революции в Венгрии эмигрировал в Россию. В 1927–1947 гг. возглавлял Институт мирового хозяйства и мировой политики – 637
- Васильченко Семен Филиппович** (1884–1937), член РСДРП с 1901 г., революционную деятельность вел в Ростове-на-Дону, Сибири. Неоднократно арестовывался. В 1905 г. сослан

на каторгу, где пробыл до 1913 г., выйдя на поселение в Верховенский уезд Иркутской губ. Совершив побег, жил в Иркутске. В 1-ю мировую войну интернационалист. Создатель (вместе с М.П. Жаковым) «Союза сибирских рабочих». В 1915 г. организация была разгромлена. После Февраля 1917 г. возвратился в Ростов-на-Дону, где возглавил местную большевистскую организацию. В 1918 г. комиссар по делам управления Донецко-Криворожской республики, член Донского советского правительства. В 1920 г., переехав в Москву, организовал издательство «Московский рабочий», позднее работал в ГИЗе. Автор литературных произведений автобиографического характера. Репрессирован – 44

Вейсман (Цейтлин Л.С.) (1877–?), с 1898 г. пропагандист в витебских с.-д. рабочих кружках. С 1901 г. в Москве. Делегат II съезда РСДРП от Московского комитета, центрист. Затем меньшевик, работал в Одессе, Москве, Витебске. С 1907 г. отошел от политики. После Февраля 1917 г. зав. редакционно-издательским отделом при Моссовете. После Октября на редакционно-издательской работе – 297

Вейтлинг Вильгельм (1808–1871), немецкий рабочий. Рассматривал революцию как стихийный процесс, в котором главная роль принадлежит деклассированным элементам. Пропагандировал идеи т.н. уравнилельного коммунизма – 242

Вельман Владимир Иванович (1887–1937), член РСДРП с 1904 г. В 1907 г. арестован по делу Ревельского комитета РСДРП, приговорен к каторге, затем на поселении в Иркутскую губ. Секретарь Иркутского комитета РСДРП. С начала Февральской революции 1917 г. товарищ председателя Иркутского Совета и исполкома, член комитета иркутской организации РСДРП, объединявшей большевиков и меньшевиков. С мая в Ревеле, председатель большевистской фракции и товарищ председателя Совета, член Центрального бюро большевистских организаций Эстонии. С весны 1918 г. в Москве, зам. председателя Главного комитета государственных сооружений. С 1921 г. член Малого Совнаркома. В 1922–1925 гг. зам. председателя Совнаркома. В 1925–1928 гг. зам. председателя и член президиума Госплана РСФСР. В 1928–1930 гг. председатель Строительного комитета при Совнаркоме РСФСР. С 1930 г. особоуполномоченный Совнаркома РСФСР по капитальному строительству. Репрессирован – 44

Вербов Абрам Ааронович (1880–?), в 1903 г. агитатор в екатеринославской организации РСДРП. Революционной деятельностью занимался в основном на юге России. Неоднократно арестовывался. Был членом боевого комитета. В 1906 г. вел революционную пропаганду в Гомельском уезде, затем на Урале. В 1907 г. арестован, сидел в Николаевских ротах. В феврале 1909 г. приговорен к ссылке на поселение в Енисейскую губ., откуда в том же году бежал в Бельгию, затем в Болгарию – 36

Верниковский, сын владельца домов г. Орла – 29

Викман П.М. (1890–?), член РСДРП с 1906 г. Участник Гражданской войны. В 1918–1920 гг. председатель Тверской губернской ЧК. В 1920–1921 гг. секретарь Башкирского, в 1922–1924 гг. Смоленского обкомов партии. Позднее работал во ВЦИК, в ЦК ВКП(б) – 343

Вилонов Никифор Ефимович (1883–1910), член РСДРП, революционную деятельность начал в 1901 г. в Калуге. Затем работал в Киеве, Екатеринославе. Несколько раз арестовывался. Сослан в Енисейскую губ., откуда летом 1904 г. бежал. С этого времени на нелегальном положении. Один из создателей комитета РСДРП в Казани. С декабря 1904 г. в Екатеринбурге, на Урале организовал несколько типографий. В 1905–1906 гг. два очередных ареста и побег. С 1908 г. в эмиграции. Один из организаторов партийной школы на о. Капри. Затем – Париж. Умер в 1910 г. в Швейцарии от чахотки – 35

Вильгельм II Гогенцоллерн (1859–1941), германский император и прусский король в 1888–1918 гг. Свергнут Ноябрьской революцией 1918 г. – 99, 230, 235, 428, 487, 488, 525

Вильсон Томас Вудро (1856–1924), 28-й президент США в 1913–1921 гг. – 235, 460, 478, 479, 481, 487

Вильямс, член Американской социалистической партии – 228

- Винниг Август** (1878–1956), немецкий социал-демократ, публицист. В годы 1-й мировой войны – социал-шовинист – 487
- Виноградов Ф.В.**, в 1910 г. заключенный Александровской пересыльной тюрьмы под Иркутском – 14
- Винокуров Александр Николаевич** (1869–1944), член РСДРП с 1893 г. Врач. Один из создателей московской и екатеринославской с.-д. организаций. Участник Октябрьской революции в Петрограде. В 1918–1921 гг. нарком социального обеспечения РСФСР, в 1924–1938 гг. председатель Верховного Суда СССР – 594
- Витте Сергей Юльевич** (1849–1915), граф. Член Госсовета. Министр путей сообщений с февраля 1892 г., финансов – с августа 1892 г., председатель Комитета министров с 1903 г., Совета министров в 1905–1906 гг. Инициатор винной монополии (1894), денежной реформы на основе золотого обращения (1897), строительства Сибирской железной дороги. Подписал Портсмутский мир, завершивший Русско-японскую войну 1904–1905 гг. Разработал основные положения аграрной реформы (1903–1904). Автор Манифеста 17 октября 1905 г. Будучи сторонником самодержавия, стремился сохранить монархию путем незначительных уступок и обещаний либеральной буржуазии и жестоких репрессий по отношению к народу. С апреля 1906 г. в отставке – 71, 72, 79
- Вовчинский Моисей Никитич** (1880–?), член РСДРП. Ссыльный в Нижнеилимске – 43
- Водовозов Василий Васильевич** (1864–1933), экономист и публицист либерально-народнического направления. С 1904 г. член редакции газеты «Наша жизнь»; в 1906 г. сотрудничал в левокадетской газете «Товарищ». В период выборов во 2-ю Государственную думу примкнул к трудовикам. В 1912 г. печатался в журнале «Запросы жизни», где сотрудничали кадеты, народные социалисты и меньшевики-ликвидаторы. К Октябрьской революции отнесся враждебно. С 1926 г. в эмиграции – 162
- Войков Петр Лазаревич** (1888–1927), меньшевик. С 1907 г. до февраля 1917 г. в эмиграции. Временным правительством направлен в Екатеринбург для улаживания трудовых конфликтов на предприятиях. С августа 1917 г. большевик. После Октября – на Урале. С января по июль 1918 г. комиссар снабжения Уралоблсовета, член Чрезвычайной следственной комиссии. Принимал участие в расстреле царской семьи, в захоронении их останков, в перевозке запасов золота и платины в Пермь. С 1918 по 1924 г. зам. председателя правления Центросоюза. С октября 1924 г. по июль 1927 г. полномочный представитель СССР в Польше. 7 июня 1927 г. убит в Варшаве белогвардейцем Б. Коверда – 263
- Войлошников Авиан Адрианович** (1877–1930), член 3-й Государственной думы от войскового населения Забайкальского казачьего войска, входил в с.-д. фракцию, примыкал к большевикам. В 1911–1912 гг. сотрудничал в большевистских газетах «Звезда» и «Правда». После Октября на хозяйственной работе – 75
- Войтинский Владимир Савельевич** (С.) (1887–1962, по другим сведениям, 1885–1960), журналист и писатель. Сотрудничал в журналах «Вестник Европы», «Русское богатство», «Современный мир» и др. В начале 1905 г. примыкал к большевикам. Вел партийную работу в Петербурге и Екатеринославе. Весной 1909 г. осужден на каторгу. После Февраля 1917 г. меньшевик. С июня 1917 г. помощник комиссара Временного правительства на Северном фронте, после разгрома корниловщины – комиссар. В октябре 1917 г. участник выступления Керенского – Краснова. Арестован вместе с генералом П.Н. Красновым. После освобождения уехал в Грузию. Позже в эмиграции – 45, 171
- Волин Борис Михайлович** (*Фрадкин Иосиф Ефимович*) (1886–1957), член РСДРП с 1904 г., вел партийную работу в Екатеринославе, Брянске, на Урале и в Москве. На Урале редактор подпольной большевистской газеты «Уфимский рабочий». Нсоднократно арестовывался. В 1910 г. эмигрировал. Возвратившись в Россию в 1913 г., продолжал партийную работу. В 1917 г. член МК РСДРП(б), в Октябрьские дни 1917 г. председатель Замоскворецкого ВРК. В 1918 г. один из редакторов «Правды». В 1918–1921 гг. председатель Брянского

губкома РКП(б), зам. наркома внутренних дел УССР. В 1921–1924 гг. редактор газеты «Рабочая Москва», в 1925–1926 гг. зам. редактора газеты «Известия». В 1927–1929 гг. руководитель отдела печати НКВД, в 1931–1932 гг. начальник Главлита. С 1932 г. директор Института красной профессуры. В период Великой Отечественной войны участвовал в партизанском движении. С 1945 г. научный сотрудник ИМЛ. Профессор, автор ряда работ по историко-партийным и общеполитическим вопросам – 297

Воробьев А., член военного штаба по руководству антибольшевистским Невьянским восстанием на Урале в июне 1918 г. Правый эсер – 251

Вотинов, провокатор, рабочий Мотовилихинского завода – 28, 32

Врангель Петр Николаевич (1878–1928), барон, генерал-лейтенант, один из руководителей Белого движения в Гражданскую войну. В 1918–1919 гг. в Добровольческой армии и Вооруженных силах Юга России. В 1920 г. главком т.н. Русской армии – 350, 361, 374, 643

Г.З., см. Зиновьев Г.Е.

Гаазе Гуго (1863–1919), германский социал-демократ в 1911–1917 гг., центрист. Во время Ноябрьской революции 1918 г. в Германии председатель Совета народных уполномоченных, содействовал подавлению революции – 488

Галкин Анатолий М., член РСДРП, с середины февраля 1910 г. входил в т.н. томскую коммуны, состоявшую из отбывавших наказание в пересыльном Александровском центре (В.И. Шамшин, Артем Сергеев, Е.А. Преображенский, П. Коваленко и др.). Затем отбывал ссылку в Карапчанской волости Киренского уезда – 29, 38, 39

Галунов Михаил, член новониколаевской организации РСДРП – 42

Гарами Эрнэ (1876–1935), член с.-д. партии Венгрии с 1898 г., лидер ее правого крыла. После провозглашения Венгерской советской республики в 1919 г. эмигрировал в Швейцарию. Участвовал в установлении режима Хорти. В 1929 г. вернулся в Венгрию – 487

Гарибальди Джузеппе (1807–1882), народный герой Италии. Свыше 10 лет сражался за независимость южно-американских республик. Участник Итальянской революции 1848–1849 гг. В 1848, 1859 и 1866 гг. во главе добровольцев участвовал в освободительных войнах против Австрии. В 1860 г. возглавил поход «Тысячи», освободившей юг Италии, что обеспечило победу Итальянской революции 1859–1860 гг. В 1862 и 1867 гг. пытался вооруженной силой освободить Рим от власти пап. Во время франко-прусской войны 1870–1871 гг. сражался добровольцем на стороне Франции. Приветствовал Парижскую коммуны 1871 г. – 108

Гартман Эдуард (1842–1906), немецкий философ-идеалист и мистик. Последователь А. Шопенгауэра – 147

Гегель Георг (1770–1831), немецкий философ, объективный идеалист, виднейший представитель немецкой классической философии – 105, 107, 113, 147, 153–156

Гегечкори Евгений Петрович (1881–1954), адвокат, один из руководителей грузинских меньшевиков. Депутат 3-й Государственной думы. С 1917 г. член Особого Закавказского комитета Временного правительства, председатель Закавказского комиссариата, министр меньшевистского правительства Грузии. С 1922 г. в эмиграции – 116

Гед Жюль (1845–1922), один из основателей французской рабочей партии, деятель II Интернационала, пропагандист марксизма. В предвоенные годы центрист. В 1914–1915 гг. занял социал-шовинистическую позицию и вошел в правительство Франции (гос. министр) – 173, 180, 487, 488

Гедде Оккейд, в октябре 1919 г. участник заседания Экономического союзного совета от Англии – 332

Гейне, германский социал-шовинист – 487

Гейне Генрих (1797–1856), немецкий поэт и публицист, выдающийся мастер лирической и политической поэзии – 78, 107, 110

- Гельвеций Клод Адриан** (1715–1771), французский философ, идеолог революционной буржуазии. Будучи идеалистом в понимании истории, главной движущей силой общественного развития считал сознание и страсти человека. Доказывал опытное происхождение нравственных представлений, их обусловленность интересами индивида – 154
- Гендерсон Артур** (1863–1935), один из лидеров лейбористской партии Великобритании, в 1911–1934 гг. ее секретарь. В 1915–1917 гг. министр без портфеля, в 1924 г. министр внутренних дел, в 1929–1931 гг. министр иностранных дел – 487
- Гераклит Эфесский** (конец VI – начало V в. до н.э.), древнегреческий философ, представитель ионийской школы – 155
- Гертингс Георг** (1843–1919), граф, специалист по средневековой философии, профессор. С 1875 г. депутат рейхстага от партии центра. С 1909 г. председатель фракции центра в рейхстаге. В 1912–1917 гг. баварский министр-президент. Осенью 1918 г. рейхсканцлер, прусский премьер. После разгрома Германии в 1-ю мировую войну вышел в отставку – 235
- Герцель Александр Александрович** (1839–1906), сын А.И. Герцена. Изучал медицину и естественные науки в Швейцарии. С 1877 г. профессор физиологии во Флоренции, с 1881 г. в Лозанне. Приобрел известность своими исследованиями о задерживающих центрах мозга – 105
- Герцен Александр Иванович** (1812–1870), революционер, писатель, философ. На революционный путь вступил под влиянием декабристов в стенах Московского университета. В 1834 г. арестован, шесть лет провел в ссылке. С 1842 г. в Москве. С 1847 г. в эмиграции. После поражения европейских революций 1848 г. разочаровался в революционных возможностях Запада, разработал теорию «русского социализма», став одним из основоположников народничества. В 1853 г. основал в Лондоне Вольную русскую типографию. Содействовал созданию «Земли и воли», выступал в поддержку Польского восстания 1863–1864 гг. В последние годы жизни большое внимание уделял деятельности I Интернационала и борьбе рабочего класса – 12, 13, 21, 90, 104–108, 113, 145, 174
- Гёте Иоганн Вольфганг** (1749–1832), немецкий писатель, основоположник немецкой литературы нового времени, мыслитель и естествоиспытатель, иностранный почетный член Петербургской академии наук. Трагедия «Фауст» (1808–1832) явилась его итоговым философским сочинением – 141, 152
- Гизо Фрасуа** (1787–1874), французский историк, с 1847 г. глава правительства, свергнутого революцией 1848 г. Один из создателей буржуазной теории классовой борьбы. Отрицал классовую природу буржуазного государства, враждебно относился к борьбе народных масс за свои права – 479
- Гильфердинг Рудольф** (1877–1941), один из лидеров австрийской и германской социал-демократии и II Интернационала. После I-й мировой войны выступил с открытой ревизией марксизма. Враждебно относился к советской власти и диктатуре пролетариата. В 1923 и 1928–1929 гг. министр финансов Германии – 605–608, 610
- Гинденбург Пауль, фон** (1847–1934), президент Германии с 1925 г., генерал-фельдмаршал. В 1-ю мировую войну командовал Восточным фронтом. С августа 1916 г. начальник Генштаба, фактически главнокомандующий. 30 января 1933 г. передал власть в руки нацистов, поручив Гитлеру формирование правительства – 350, 353
- Гладстон Уильям** (1809–1898), премьер-министр Великобритании в 1868–1874, 1880–1886, 1892–1894 гг. Лидер либеральной партии с 1868 г. – 71
- Годунов Борис** (ок. 1552–1605 гг.), русский царь. Брат жены царя Федора Иоанновича. Выдвинулся во время опричнины – 628
- Гололобов Яков Георгиевич** (1855–?), земский деятель Екатеринославской губ. В 1905 г. один из организаторов «народной партии», которая присоединилась к «Союзу 17 октября». В 1907 г. избран в 3-ю Государственную думу от октябристов. В 1909 г. вышел из союза, основав группу правых октябристов. В декабре 1911 г., после появления публикаций,

обвинявших сго в организации убийства члена 2-й Думы д-ра Караваева, в Думу был внесен запрос. Дума признала обвинение необоснованным. Гололобов, в свою очередь, привлёк руководителей газет к суду и был реабилитирован. В 1912 г. назначен полтавским вице-губернатором, сложил полномочия члена Государственной думы – 76, 133

Голощекин Филипп (Исай) Исакович (1876–1941), член РСДРП с 1903 г. Революционную работу вел в Петербурге, Москве, Кронштадте, на Урале. Неоднократно подвергался арестам. В 1910–1913 гг. в ссылке в Нарымском и Туруханском краях. Член пермского горкома, затем член и секретарь Уральского обкома РСДРП. С 1918 г. областной комиссар юстиции, затем комиссар Уральского военного округа. Член исполкома облсовета, член обкома РКП(б). В июле 1918 г. один из организаторов расстрела царской семьи. В 1918–1920 гг. главный политкомиссар 3-й армии, член РВС Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК РСФСР. С 1925 г. секретарь Казахского крайкома ВКП(б). С 1933 г. главный госарбитр при СНК СССР. Репрессирован – 263, 267

Голубков А., руководитель социал-демократического молодежного кружка г. Орла – 17

Гомер, легендарный древнегреческий поэт, создатель «Илиады», «Одиссеи» и др. – 125

Гомперс Самюэл (1850–1924), профсоюзный деятель США. Работал в табачной промышленности. Выражал интересы рабочей аристократии, выступал за нейтральность профсоюзов, за участие рабочих исключительно в экономической борьбе. В 1-ю мировую войну шовинист – 235, 487

Гончаров Николай Кузьмич (1886–1970), член РСДРП с 1904 г. В 1917 г. комиссар Московского ВРК. С апреля 1918 г. член президиума исполкома Моссовета. С сентября 1918 г. на фронтах Гражданской войны. С марта 1920 г. член Дальневосточного бюро ЦК РКП(б), член Сиббюро ЦК РКП(б) и начальник Политуправления войск Сибири. В дальнейшем на партийной и хозяйственной работе – 227

Гордоп, д-р, автор статьи «Современные самоубийства», опубликованной в журнале «Русская мысль» – 148

Горнфельд Аркадий Георгиевич (1867–1941), литературовед, критик, переводчик. Корреспондент журнала «Русское богатство» – 97, 98

Горький Максим (Алексей Максимович Пешков) (1868–1936), писатель и публицист, инициатор создания и первый председатель Правления СП СССР – 35, 112, 117, 118, 130, 140, 141, 163, 353

Гофман Макс (1869–1927), генерал германской армии. В 1-ю мировую войну генерал-квартирмейстер и начальник штаба Восточного фронта. Фактический глава германской делегации на переговорах в Бресте с Советской Россией (1917–1918) – 232, 234, 235

Грав Жан (1854–1939), французский социалист, один из теоретиков анархизма. С начала XX в. анархо-синдикалист. В 1-ю мировую войну социал-шовинист – 412

Гредескул Николай Андреевич (1864–?), юрист и публицист, профессор, член ЦК партии кадетов, депутат 1-й Государственной думы. В 1916 г. вышел из партии кадетов. После Октября выдвинул идеи, родственные сменовеховским. Профессор высших учебных заведений Ленинграда – 363

Грежин Зиновий Исаевич (1869–1929), художник, издатель. С 1919 г. руководитель петроградского частного книгоиздательства художественной, научной и научно-популярной литературы (с филиалами в Москве и позднее в Берлине) – 353

Грибосдов Александр Сергеевич (1795–1829), русский писатель. Находился под следствием по делу декабристов – 97

Грязев, помещик – 171

Гузакос Петр Васильевич (1889–1944), член РСДРП с 1905 г. Участник боевой террористической организации на Южном Урале. С 1911 г. вел нелегальную работу в Вятке, Казани, Златоусте, Уфе. Арестован, осужден на каторгу и сослан в Иркутскую губ. После Февраля 1917 г. председатель Совета рабочих и солдатских депутатов Симского округа. После Ок-

- тября военный комиссар округа, командир отряда в борьбе с дутовцами. Участвовал в перевозке царской семьи из Тобольска в Екатеринбург. В дальнейшем на Уральском фронте. В 1920–1923 гг. начальник Омской, Башкирской губчека, ОГПУ в Курске. В 1923–1925 гг. секретарь Курского губкома РКП(б). В 1925–1927 гг. управделами ЦК ВКП(б), руководитель Всесоюзного центрального радиовещания. С 1928 г. в ВСНХ – 336
- Гус Ян** (1871–1915), национальный герой чешского народа, идеолог чешской Реформации. Ректор Пражского (Карлова) университета. Призывал возвратиться к принципам раннего христианства, уравнения в правах мирян с духовенством. Осужден церковным собором и сожжен – 154
- Гусев Сергей Иванович (Драбкин Яков Давидович)** (1874–1933), член РСДРП с 1896 г. Участник революции 1905–1907 гг. и Октябрьской революции в Петрограде в 1917 г. Член ВРК. С 1918 г. один из политических руководителей Красной армии. С 1921 г. начальник Политуправления РККА, член Реввоенсовета. В 1923–1925 гг. секретарь ЦКК РКП(б), в аппарате ЦК ВКП(б) и ИККИ. Возглавлял Военно-историческую комиссию по изучению опыта 1-й мировой и Гражданской войн и Высший военно-редакционный совет при Реввоенсовете Республики – 275
- Гусев-Оренбургский (Гусев) Сергей Иванович** (1867–1963), прозаик. Учился в оренбургской, затем уфимской духовных семинариях. Оставив семинарию, учительствовал. Первый рассказ опубликовал в 1890 г. Становится профессиональным писателем с 1898 г. В центре литературного творчества – русское духовенство, его быт, убожество – 138, 157
- Гучков Александр Иванович** (1862–1936), лидер октябристов. Депутат и с 1910 г. председатель 3-й Государственной думы. В 1915–1917 гг. председатель Центрального военно-промышленного комитета. В 1917 г. военный и морской министр Временного правительства. Один из организаторов корниловского выступления. Затем в эмиграции – 73, 77, 121, 122, 237, 238, 507
- Гюнтер Конрад** (1874–1955), немецкий зоолог – 98
- Д.Р., личность не установлена – 204
- Давид Эдуард** (1863–1930), деятель германской социал-демократии. Подверг ревизии теорию К. Маркса, доказывал «устойчивость» мелкого крестьянского хозяйства – 487
- Дан (Гурвич) Федор Ильич** (1871–1947), один из лидеров меньшевизма, публицист. Социал-демократ с 1894 г. С 1903 г. меньшевик. В 1-ю мировую войну социал-шовинист. После Февраля 1917 г. идеолог революционного оборончества, политики коалиции с буржуазией. Член исполкома Петросовета и Президиума ЦИК 1-го созыва. Поддерживал Временное правительство. После Октября работал врачом. В 1922 г. выслан за границу – 158, 159, 231
- Данишевский Карл Христианович** (1884–1938), член РСДРП с 1900 г., большевик. С конца 1906 г. входил в ЦК РСДРП от социал-демократии Латвийского края. В 1909–1911 гг. работал в московской организации, примыкал к примиренцам. После Февраля 1917 г. член МК РСДРП(б) и Моссовета. После Октября член Реввоенсовета Республики и Реввоенсовета Восточного фронта, председатель Реввоен трибунала Республики; председатель Реввоенсовета Латвии. С 1921 г. секретарь Сибирского бюро ЦК, затем на руководящей хозяйственной работе. Репрессирован – 352
- Дантон Жорж Жак** (1759–1794), деятель Великой французской революции, один из вождей якобинцев. Участвовал в подготовке восстания 1792 г., свергнувшего монархию, – 54, 181, 228, 513
- Деич Лев Григорьевич** (1855–1941), участник народнического, затем с.-д. движения в России, один из лидеров меньшевизма. Революционную деятельность начал в середине 70-х гг. XIX в. Неоднократно подвергался арестам и тюремному заключению, скрывался от охраны за границей. В 1-ю мировую войну социал-шовинист. После Февраля 1917 г. вернулся в

Петроград, правый меньшевик-оборонец. Один из редакторов меньшевистской газеты «Единство». После Октября отошел от политической деятельности, работал изданием архива Г.В. Плеханова – 113, 114, 163

Демидов, помещик – 171

Демидов Анатолий Николаевич (1812–1870), почти всю жизнь провел за границей, близ Флоренции, на вилле Сан-Донато. Имел титул князя Сан-Донато, пожалованный ему итальянским королем. В 1841 г. женился в Риме на племяннице Наполеона I Матильде, графине де Монфор. Унаследованное им от отца собрание произведений знаменитых художников, изваяния из мрамора и бронзы перевезены были им в Петербург в специально построенное для этой коллекции здание – 217

Демокрит (ок. 460–370 гг. до н.э.), древнегреческий философ-материалист, один из основателей атомистической теории – 155

Деникин Антон Иванович (1872–1947), генерал-лейтенант, один из руководителей Белого движения в Гражданскую войну. С апреля 1918 г. командующий, с октября главнокомандующий Добровольческой армией. С января 1919 г. главнокомандующий Вооруженными силами Юга России. С 1920 г. в эмиграции – 291, 312–314, 326, 329, 330, 361, 374, 375, 454, 455, 476, 477, 481, 505

Джапаридзе Прокофий Апасионович (1880–1918), член РСДРП с 1898 г., революционную работу вел в Грузии, Азербайджане. Подвергался арестам, тюремным заключениям и ссылке. После Февраля 1917 г. член Бакинского комитета РСДРП(б). На VI съезде партии избран кандидатом в члены ЦК. После Октября председатель исполкома Бакинского Совета, комиссар внутренних дел, комиссар по продовольствию Бакинского СНК. Расстрелян после временного отхода советских войск английскими интервентами в числе 26 бакинских комиссаров – 212

Дионео (Шкловский Исаак Владимирович) (1864–1935), журналист, публицист, критик, прозаик. В 70-х гг. XIX в. народник, выслан в Сибирь. Затем эмигрировал в Лондон. В 1896–1918 гг. лондонский корреспондент еженедельника «Русское богатство» и газеты «Русские ведомости». Либерал. Октябрьскую революцию не принял – 125, 126, 139, 140, 159

Дмитриев, уполномоченный ЦК РКП(б) для проведения мобилизации в Красную армию в Минской губ. – 660

Дмитриева Валентина Иововна (1859–1947), детская писательница. В 80-х гг. XIX в. учительствовала. В 1885 г. окончила Высшие женские медицинские курсы в Петербурге. Арестовывалась за хранение нелегальной литературы. Основа творчества – личные впечатления радикально настроенной сельской учительницы и земского врача – 144

Добролюбов Николай Александрович (1836–1861), литературный критик, публицист, революционный демократ. Сотрудник журнала «Современник» – 5, 9, 12, 24, 105

Дороватовский Сергей Павлович (1854–1921), издатель книг Максима Горького и пайщик журнала «Жизнь» – 81, 123, 167

Достоевский Федор Михайлович (1821–1881), русский писатель, ч.-к. Петербургской АН – 151

Дрейман Рудольф Ансович (1887–1938), член РСДРП с 1905 г. Партийную работу вел в Либаве и Риге. После Февраля 1917 г. член исполкома Томского Совета. После Октября служил в Красной армии, затем нарком сообщений в советском правительстве Латвии. С 1920 г. на руководящей работе. Репрессирован – 325, 328

Дубасов Федор Васильевич (1845–1912), генерал-адъютант, адмирал. Окончил Морскую академию. Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В 1897–1899 гг. командовал Тихоокеанской эскадрой. В 1905 г. подавлял крестьянское движение в Черниговской, Полтавской и Курской губ. В ноябре 1905 г. – июле 1906 г. московский генерал-губернатор. Руководил разгромом Декабрьского вооруженного восстания в Москве. С 1906 г. член Госсовета. С 1907 г. член Совета государственной обороны – 71

- Дудник Аким Минович** (1881–1934), член РСДРП(б) с 1917 г. В 1917–1918 гг. член губернской продуправы, губпродкомиссар в Уфе. В 1919–1920 гг. нарком продовольствия Башкирской АССР. Затем на Украине – 341
- Дурново Петр Николаевич** (1844–1915), в 1884–1893 гг. директор Департамента полиции. С 1893 г. сенатор. В 1900–1905 гг. товарищ министра, с октября 1905 г. по апрель 1906 г. министр внутренних дел в кабинете С.Ю. Витте. С 1906 г. член Госсовета, в котором возглавлял группу правых. В международных вопросах придерживался германской ориентации – 79
- Дутов Александр Ильич** (1864–1921), полковник русского Генерального штаба. В июне 1917 г. избран председателем Всероссийского казачьего съезда. С сентября 1917 г. атаман Оренбургского казачьего войска. В ноябре 1917 г. возглавил антибольшевистский мятеж. В 1918–1919 гг. командовал Оренбургской отдельной казачьей армией, входившей в состав войск Колчака. В марте 1920 г. бежал в Китай. Убит казаками в своем штабе в г. Суйдине – 254, 307
- Дюпоны**, финансовая группа США. Сформировалась в конце XIX в. Промышленное ядро – химический концерн «Дюпон де Немур» – 499
- Дюринг Карл** (1833–1921), немецкий философ и экономист. В 1863–1877 гг. приват-доцент Берлинского университета – 147
- Евгений**, член екатеринбургской организации РСДРП. Проживал в г. Тюмени – 43
- Егор**, см. Канатчиков С.И.
- Екатерина II Алексеевна** (1729–1796), российская императрица с июня 1762 г. – 89
- Екатеринославский Михаил**, в 1905 г. член Орловского комитета РСДРП – 20, 28
- Елисеенко А.**, бывший капитан. В июне 1918 г. руководитель антибольшевистским Невьянским восстанием на Урале. Эсер – 251
- Елпатьевский Сергей Яковлевич** (1854–1933), русский писатель и публицист, по профессии врач. За принадлежность к «Народной воле» в начале 80-х гг. XIX в. сослан в Восточную Сибирь на три года. Позже член редакции журнала «Русское богатство», сотрудничал в газете «Русские ведомости». В 1906 г. один из организаторов Трудовой народно-социалистической партии (энесы). После революции 1905–1907 гг. ликвидатор. Автор «Очерков Сибири», мемуаров «Близкие тени», «Воспоминаний за 50 лет» и др. – 139
- Емельянов Василий Антонович** (1884–1961), член РСДРП с 1904 г., большевик. Участник трех революций в Москве. В феврале – марте 1917 г. член Пресненского РК РСДРП(б). После победы Октября член завкома и бюро партийной ячейки Трехгорной мануфактуры, бессменный депутат районного и Московского Советов рабочих депутатов. Участник Гражданской войны, политработник 3-й армии на Восточном фронте. Позднее на советской, хозяйственной работе. С 1937 г. персональный пенсионер – 660
- Еремеев Константин Степанович** (1874–1931), член РСДРП с 1896 г. После Февраля 1917 г. член Бюро ЦК РСДРП(б). В Октябрьские дни член Петроградского ВРК, возглавлял штурм Зимнего дворца. Руководил революционными войсками при подавлении выступления юнкеров и мятежа Керенского – Краснова. Во время левозерского мятежа во главе отряда направлен на помощь в Москву. Один из организаторов обороны Петрограда от германской интервенции. В 1919–1922 гг. уполномоченный ЦК РКП(б) по мобилизации населения в Красную армию. В дальнейшем член Реввоенсовета и начальник Политуправления Балтфлота – 660
- Ерманский (Жоган) Осип Аркадьевич** (1866–1941), социал-демократ, меньшевик. После 1907 г. ликвидатор. Сотрудничал в меньшевистских журналах «Современный мир», «Наша заря», «Современник». В 1-ю мировую войну центрист. В 1917 г. меньшевик-интернационалист. В 1918 г. член ЦК меньшевиков. В 1921 г. вышел из партии меньшевиков, был на научной работе в Москве – 98, 158, 159

Есинов, уполномоченный ЦК РКП(б) от Московской организации по мобилизации населения в Красную армию. Личность установить не удалось – 660

Жаков Михаил Петрович (1893–1936), член РСДРП с 1911 г. Партийную работу вел в Казани и Сибири. Подвергался арестам и ссылкам. Вместе с С.Ф. Васильченко создал в Иркутске «Союз сибирских рабочих». После Февраля 1917 г. член Ростовского Совета, Ростово-Нахичеванского и Донского окружкомов РСДРП(б). В начале 1918 г. входил в правительство Донецко-Криворожской республики. В 1921–1922 гг. член и секретарь Донского комитета РКП(б). В 1928 г. исключен из партии за принадлежность к троцкистской оппозиции. С 1929 г. на преподавательской и научной работе. С 1935 г. персональный пенсионер. Репрессирован – 21, 44, 145, 146, 151, 153, 155, 156

Жордания Ной Николаевич (1869–1953), социал-демократ, лидер грузинских меньшевиков. Член ЦК РСДРП в 1907–1912 гг. Депутат 1-й Государственной думы от Тифлиса. В 1-ю мировую войну социал-шовинист. После Февраля 1917 г. председатель Тбилисского Совета. В 1918–1921 гг. глава меньшевистского правительства Грузии. С 1921 г. в эмиграции – 207

Жоли, соратник Луи Пастера – 10

Жорж, см. Плеханов Г.В.

Жуо Леон (1879–1954), в 1909–1940 гг. лидер французской Всеобщей конфедерации труда. В 1919–1940 гг. один из руководителей Амстердамского интернационала профсоюзов. Придерживался антикоммунистического курса – 487

Забелин Иван Егорович (1820–1908), историк, археолог. Почетный член, председатель Общества истории и древностей российских при Московском университете. Один из руководителей Исторического музея в Москве – 123

Завадский Викентий Петрович (1884–1938), член РСДРП с 1904 г., до 1906 г. вел партийную работу в Рыбинске. Неоднократно арестовывался. В 1911 г. осужден к ссылке на поселение в Верхотурский уезд Иркутской губ. Репрессирован – 30, 45

Зайков Арсений Иванович (1887–?), в революционном движении с 1905 г., член пермской ученической организации РСДРП. С 1906 г. в пермской боевой технической организации. Неоднократно арестовывался. В 1909 г. приговорен к ссылке на поселение в Иркутскую губ. – 42

Залуцкий Петр Антонович (1887–1937), эсер, с 1907 г. большевик. С конца 1916 г. член Исполнительной комиссии Петроградского комитета и Русского бюро ЦК РСДРП(б). После Февраля 1917 г. член Петросовета. В Октябрьские дни член Петроградского ВРК, затем секретарь Уральского бюро, Северо-Западного бюро ЦК РКП(б). В 1918–1920 гг. на ответственных должностях в Красной армии. В 1921 г. член и секретарь ВЦИК. Позднее на руководящей партийной и хозяйственной работе. С 1925 г. активный участник троцкистско-зиновьевской оппозиции. Репрессирован – 274

Замысловский Георгий Георгиевич (1872–1920), дворянин, мировой судья в Прибалтийском крае, товарищ прокурора Гродненского окружного суда. Член совета «Союза русского народа», член «Союза Михаила Архангела». Приобрел известность антисемитскими выступлениями в связи с делом Бейлиса. Депутат 3-й и 4-й Государственных дум от Виленской губ. После 1917 г. на Кавказе. Скончался во Владикавказе от тифа – 66, 103

Зарин (Лененик) Фридрих Вильгельмович (1873–1936), член РСДРП с 1893 г., большевик. В 1896 г. арестован по делу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», сослан в ссылку на поселение в Восточную Сибирь. По возвращении вел революционную работу в Самаре и Киеве. Агент «Искры». В 1903–1904 гг. участвовал в борьбе с меньшевиками за границы. В 1904 г. вернулся в Россию, вел партийную работу в Москве, Ревеле, Екатеринославе, Самаре, Петербурге. После Октября 1917 г. член коллегии Наркомпроса. Участво-

- вал в разработке плана ГОЭЛРО. Затем член коллегий ВСНХ, наркоматов внешторга, РКИ. С 1932 г. зам. председателя Всесоюзного общества старых большевиков – 260
- Захарьина Наталья Александровна**, жена А.И. Герцена с 1838 по 1852 г. – 105
- Здзярский Мирослав Болеславович** (1892–?), революционную деятельность начал в ученических организациях Варшавы и Плоцка. Несколько раз был арестован. В 1914 г. приговорен к ссылке на поселение в Иркутскую губ. Через три месяца перебрался в Иркутск, где продолжил революционную работу в организациях РСДРП. Вследствие провала уехал в Новониколаевск, где его застала Февральская революция 1917 г. – 30, 44, 45
- Зейц Карл** (1869–?), австро-венгерский социал-демократ. С 1901 г. депутат парламента. В начале австрийской революции 1919 г. председатель Национального собрания. С 1923 г. бургомистр Вены – 487
- Зеленский Исаак Абрамович** (1890–1938), член РСДРП с 1906 г. Партийную работу вел в Астрахани, Пензе, Оренбурге, Саратове, Самаре, неоднократно подвергался репрессиям. В 1915 г. сослан на вечное поселение в Иркутскую губ. Через год бежал. С января 1917 г. в Москве. После Февраля 1917 г. парторганизатор в Басманном районе Москвы, член президиума Моссовета, в 1918–1920 гг. на руководящей продовольственной работе. В 1920–1924 гг. зам. председателя Моссовета и секретарь МК РКП(б). В 1925–1931 гг. секретарь Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б). В 1931–1937 гг. председатель Центросоюза. Репрессирован – 30
- Землячка** (урожд. *Залкинд, Самойлова* по мужу) **Розалия Самойловна** (1876–1947), член РСДРП с 1896 г., большевичка, агент «Искры». В Октябрьские дни 1917 г. член ВРК Рогожско-Симоновского района Москвы. В 1918–1920 гг. на политработе в Красной армии. В 1926–1933 гг. в руководстве Наркомата РКИ и НКПС. В 1939–1943 гг. зам. председателя СНК СССР, затем зам. председателя КПК при ЦК ВКП(б) – 227
- Зиновьев, секретарь** болховской организации РКП(б) Орловской губ. – 325, 326, 328
- Зиновьев Григорий Евсеевич** (*Радомысльский Евсей Аронович*) («Г.З.») (1883–1936), член РСДРП с 1901 г. Революционную работу вел с конца 1890-х гг. С 1908 по апрель 1917 г. в эмиграции. Будучи членом ЦК РСДРП(б), накануне Октябрьской революции выступил против вооруженного восстания. В ноябре 1917 г. сторонник создания коалиционного правительства с участием меньшевиков и эсеров. После Октября председатель Петросовета, член Политбюро ЦК, председатель Исполкома Коминтерна. В 1925 г. один из организаторов «новой оппозиции». В 1926 г. один из лидеров троцкистско-зиновьевского блока. Репрессирован – 30, 42, 349, 351
- Золотов Михаил**, становой пристав – 17, 27
- Золотов Николай Михайлович**, сын станового пристава, социал-демократ, в дальнейшем эмигрант – 27
- Зоф Вячеслав Иванович** (1889–1937), член РСДРП с 1913 г., большевик. В 1917 г. член ЦИК, осуществлял связь В.И. Ленина с ЦК партии. С лета 1918 г. комиссар бригады и 29-й стрелковой дивизии, начальник снабжения 3-й армии Восточного фронта. С марта 1919 по февраль 1920 г. член Реввоенсовета Балтфлота и Комитета обороны Петрограда. С февраля 1920 г. комиссар Главного управления и начальник Главного политуправления водного транспорта. В 1924–1925 гг. комиссар Морских сил СССР и Морских сил Рабоче-Крестьянского Красного флота. Член Реввоенсовета Республики. В 1927–1929 гг. член коллегии Наркомата путей сообщения и председатель Совторгфлота. С 1930 г. зам. наркома путей сообщения, с 1931 г. первый зам. наркома водного транспорта. Репрессирован – 274
- Зуев Нил Петрович** (1857–1918), дворянин, с 1903 г. вице-директор, а с 1909 г. директор Департамента полиции. С 1912 г. сенатор – 99

И.Д., личность не установлена – 173

Иванов (Потан), рабочий из Тулы, отбывал наказание в пермской тюрьме – 33

Иванов, член комитета болховской организации РКП(б) Орловской губ. – 328

Иванович Ст. (*Португейс С.И.*), публицист, меньшевик. После 1907 г. ликвидатор. Сотрудничал в газете «Голос социал-демократа», журнале «Наша заря» и др. В 1-ю мировую войну социал-шовинист. После Октября сотрудник белогвардейской прессы из Юге России. Затем в эмиграции – 158

Иванюков Иван Иванович (1844–1912), русский историк, профессор. Автор трудов по истории крестьянской реформы – 15

Ивинский Болеслав (1879–1919), деятель Польской социалистической партии – левизы. После Февраля 1917 г. активный участник петроградской организации ППС – левизы. В конце 1917 г. направлен на Украину. Комиссар по польским делам в первом советском правительстве на Украине. В 1918 г. вернулся в Польшу. В Варшаве – член Совета рабочих депутатов. Сотрудничал с рядом литературных редакций – 138

Игнатович Инна Ивановна (1879–?), историк. Специализировалась по истории крестьянства первой половины XIX в. – 171

Игнатъева, графиня – 139

И.З., личность не установлена – 123

Изгоев Александр Соломонович (*Ланде Арон*) (1872–1935), один из идеологов партии кадетов. Первоначально «легальный марксист», социал-демократ, с 1905 г. кадет. Сотрудничал в кадетских печатных органах: газете «Речь», журналах «Южные записки», «Русская мысль», участвовал в сборнике «Вехи». После Октября 1917 г. сотрудничал в журнале декадентов «Вестник литературы». В 1922 г. выслан за границу, в Берлин. Последние годы жизни провел в Эстонии – 91–93, 114

Измайлов Абдрахман Ю. (1889–1957), член РСДРП с 1907 г. В 1917 г. член Казанского Совета. В 1917–1919 гг. член Татарского обкома РКП(б). По приглашению Юмагулова из Казани прибыл в Башкирию. Член Башкирского обкома РКП(б), председатель Башчека в 1919–1920 гг. В 1920 г. представитель РСФСР при правительстве Хорезмской народной советской республики – 341

Илнатор (*Труфанов Сергей Михайлович*) (1880–1952), иеромонах, один из создателей «Союза русского народа». В 1912 г. заточен во Флорисеву пустынь. Бежал в Норвегию, где написал книгу «Святой черт» – о Г.Е. Распутине и императрице Александре Федоровне – 139

Иловайский Дмитрий Иванович (1832–1920), историк, публицист, общественный деятель правого направления, тайный советник. Автор трудов «Разыскания о начале Руси», «История Рязанского княжества», «Гродненский сейм 1793 г.», гимназических учебников по всеобщей и русской истории – 123

Ильин В., см. В.И. Ленин

Илюшин Федор Николаевич (1892–?), член РСДРП с 1917 г. Участник московской общегородской конференции РСДРП(б) по вопросу о войне и мире, уполномоченный ЦК РКП(б) по проведению мобилизации населения в Красную армию от Московской организации – 227, 660

Иоффе Адольф Абрамович (1883–1927), в с.-д. движении с конца 90-х гг. XIX в. С 1917 г. большевик. В Октябрьские дни 1917 г. член Петроградского ВРК. В 1918 г. «левый коммунист». Во время переговоров в Бресте член советской делегации. С апреля по июль 1918 г. полпред РСФСР в Берлине. В 1919–1920 гг. член Совета обороны, нарком Госконтроля УССР. В 1920 г. председатель советских делегаций на мирных переговорах с Эстонией, Латвией, Литвой, Польшей. С 1921 г. зам. председателя Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР. В 1922 г. участник Геизуэвской конференции, затем на дипломатической работе. В 1925–1927 гг. примыкал к троцкистской оппозиции. Покоил жизнь самоубийством – 353

Кадошцев Эразм Самуилович (1881–1965), дворянин. В революционном движении с 1896 г., член РСДРП с 1901 г. Участник Русско-японской войны. В 1906 г. реорганизовал дружины

Южного и Среднего Урала. В марте 1906 г. член Военно-боевого центра при ЦК большевиков. С 1909 г. в эмиграции. С 1914 г. в России, вел революционную работу в армии. Участник Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны. Позднее на военной, партийной и хозяйственной работе – 337

Кайо Жозеф (1863–1944), один из лидеров буржуазной радикальной партии Франции. До 1-й мировой войны министр финансов, председатель Совета министров и министр внутренних дел Франции – 113

Калачев, тюремный надзиратель Николаевских рот – 36

Каледин Алексей Максимович (1861–1918), генерал царской армии, донской казачий атаман. В августе 1917 г. на Московском государственном совещании выступил с программой подавления революции. Активный участник корниловского выступления. После Октября один из руководителей казачьего движения на Дону и создателей белогвардейской Добровольческой армии. В связи с поражениями на фронте в январе 1918 г. застрелился – 227

Калинин Михаил Иванович (1875–1946), член РСДРП с 1898 г. Член петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Агент «Искры». Участник революции 1905–1907 гг. в Петербурге. В 1912 г. член Русского бюро ЦК РСДРП. Один из организаторов «Правды». Участник Февральской и Октябрьской революций 1917 г. в Петрограде. После победы Октября городской голова Петрограда. С 1919 г. председатель ВЦИК. Возглавлял агитпоезд «Октябрьская революция», совершивший 12 рейсов по фронтам Гражданской войны. С 1922 г. председатель ЦИК СССР. С 1938 по 1946 г. председатель Президиума Верховного Совета СССР – 350

Каменев (Розенфельд) Лев Борисович (1883–1936), член РСДРП с 1901 г. Революционную работу вел в Тифлисе, Москве, Петербурге. Входил в редакции газет «Пролетарий» и «Правда». В ноябре 1917 г. сторонник создания коалиционного правительства с участием меньшевиков и эсеров. После Октябрьской революции председатель Моссовета, зам. председателя Совнаркома, член Политбюро ЦК РКП(б). В 1925 г. в числе организаторов «новой оппозиции». В 1926 г. один из лидеров троцкистско-зиновьевского блока. Репрессирован – 348–352

Каменский Анатолий Павлович (1876–1941), дворянин. Прозаик, драматург, киносценарист. Модный беллетрист, постепенно скатившийся до бульварной литературы. После 1918 г. жил в Берлине. В 1924 г. вернулся в СССР. Летом 1930 г. выехал вновь за границу. В сентябре 1935 г. вернулся в СССР. Репрессирован – 89

Кампанелла Томмазо (Джованни Доменико) (1568–1639), итальянский мыслитель и поэт, представитель утопического коммунизма. В своем произведении «Город солнца» нарисовал картину идеального общества без частной собственности – 153

Канатчиков Семен Иванович (Егор) (1879–1940), член РСДРП с 1898 г. Партийную работу вел в Москве, Петербурге, Саратове, Екатеринбурге и Нижнем Тагиле. В 1908–1910 гг. на профсоюзной работе в Петербурге. В 1910–1916 гг. в тюрьме и ссылке в Иркутской губ. В 1917 г. член Новоиколаевского и Томского комитетов РСДРП(б). В 1918 г. председатель Томского военно-революционного штаба, зам. председателя губисполкома. В 1919 г. в Москве, член коллегии Наркомата внутренних дел, член Малого Совнаркома, один из организаторов Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова. В 1920 г. член Сибревкома и зав. Сибирским отделом народного образования, председатель Татарского обкома РКП(б). С 1921 г. ректор Коммунистического университета в Петрограде. В 1924–1926 гг. зав. отделом ЦК ВКП(б). В 1926–1928 гг. корреспондент ТАСС в Чехословакии. С 1928 г. на литературной работе – 33

Каннинг Джордж (1770–1827), премьер-министр Великобритании в 1827 г., министр иностранных дел в 1807–1809 гг., с 1822 г. лидер тори – 136

Кант Иммануил (1724–1804), основоположник немецкой классической философии, с 1770 г. профессор Кенигсбергского университета – 146, 147, 154

- Капустин Михаил Яковлевич** (1847–?), из потомственных дворян. Октябрист с 1905 г., один из создателей и лидеров «Союза 17 октября» в Казанской губ. Депутат 2-й и 3-й Государственных дум от Казанской губ. – 133
- Караваяев Александр Львович** (1855–1908), из крестьян, деятель Крестьянского союза, земский врач. Избран в 1906 г. депутатом во 2-ю Государственную думу от Екатеринослава. Лидер фракции трудовиков. Автор работ по аграрному вопросу. Считал необходимым избегать конфликтов с правительством, наладить законодательную работу Думы. После роспуска 2-й Думы занимался врачебной практикой. Убит черносотенцами в Екатеринославе накануне выборов в 3-ю Государственную думу – 76
- Карахан Лев Михайлович** (1889–1937), член РСДРП с 1904 г. Осенью 1915 г. арестован и выслан в Томск. После Февраля 1917 г. член президиума и секретарь Петросовета, член ВРК. С июля 1917 г. большевик. В 1917–1918 гг. секретарь и член советской делегации на переговорах о заключении Брестского мира. В 1918–1920 гг. зам. наркома иностранных дел. В 1921 г. полпред РСФСР в Польше. С августа 1923 г. полпред СССР в Китае. В 1927–1934 гг. зам. наркома иностранных дел. Затем посол в Турции. Репрессирован – 45
- Кассо Лев Аристидович** (1865–1914), крупный помещик, профессор гражданского права Харьковского, затем Московского университетов. В 1910–1914 гг. министр народного просвещения. Проводил крайне правый курс – 72, 92, 99
- Каутский Карл** (1854–1938), один из лидеров и теоретиков германской социал-демократии и II Интернационала. Центрист. Выдвинул теорию ультраимпериализма, отрицавшую неизбежность пролетарской революции. Октябрьскую революцию в России встретил враждебно – 48, 131, 372, 449, 484, 488–490, 608
- Кацура Таро** (1847–1913), премьер-министр Японии в 1901–1905, 1908–1911 и 1912–1913 гг. Правительство Кацуры развязало войну с Россией 1904–1905 гг. – 165
- Каширин Николай Дмитриевич** (1888–1938), из казаков. Участник 1-й мировой войны, полдесаул. Один из организаторов Красной гвардии в Верхнеуральске. Воевал с частями генерала Дутова. В 1918 г. главком Уральской партизанской армии, действовавшей в тылу противника на Южном Урале. После ранения помощник главкома В.К. Блюхера. С сентября 1918 г. помощник начальника и начальник 4-й Уральской дивизии. В 1919 г. комендант Оренбургского укрепрайона. В октябре – ноябре 1919 г. начальник 49-й стрелковой дивизии. В марте – октябре 1920 г. председатель Оренбургского губисполкома, командующий Александровской группой войск по борьбе с махновщиной. В 1923–1925 гг. в штабе РККА. В 1925–1931 гг. помощник командующего ряда военных округов. В 1931–1937 гг. командующий Северо-Кавказским военным округом. С 1934 г. член Военного совета СССР. В июле – августе 1937 г. начальник Главного управления боевой подготовки. Репрессирован – 257, 341
- Квиткин Олимпий Аристархович** (1874–1937), статистик-демограф. В 1898 г. арестован за выступление перед рабочими Брянского завода в Бежице, в 1901 г. осужден на поселение в Вологодскую губ. В 1904 г. вступил в РСДРП, вел работу в Орле, Брянске и Костроме. Делегат III–V съездов РСДРП, большевик. В 1906 г. член московского областного бюро РСДРП. В 1908 г. от политической деятельности отошел. С 1911 по 1915 г. в эмиграции во Франции. С 1919 г. работал в ЦСУ. С 1925 г. начальник Бюро переписи населения ЦУНХУ. Руководил обработкой материалов переписи населения в 1926 и 1937 гг. Репрессирован – 20, 28
- Керенский Александр Федорович** (1881–1970), трудовик, в годы 1-й мировой войны оборонец. Адвокат. Приобрел известность выступая защитником на крупных политических процессах. В период Февральской революции 1917 г. член и товарищ председателя (от партии эсеров) исполкома Петросовета. Во Временном правительстве: министр юстиции, военный и морской министр, министр-председатель, верховный главнокомандующий. После Октябрьской революции организатор (вместе с Красновым) антибольшевистского выступления. С 1918 г. в эмиграции – 30, 239, 253, 314, 358, 452, 473, 487, 515, 531, 536

- Керзон Джордж** (1859–1925), лорд, английский политический деятель и дипломат, консерватор. В 1919–1924 гг. министр иностранных дел Великобритании. В июле 1920 г., во время польско-советской войны, обратился к советскому правительству с требованием прекратить наступление Красной армии на восточной границе Польши – «линии Керзона» – 349
- Кин (Орехова) Александра Петровна (Лиза)** (1879–1956), член РСДРП с 1904 г. Партийную работу вела в Вятке, в нижнетагильской, пермской, златоустовской партийных организациях. В 1906 г. арестована в Перми. В 1907–1910 гг. вела работу в Самаре. В 1917 г. член Харьковского горкома РСДРП(б). В 1918 г. политком санитарного управления 5-й армии. С 1920 г. член Харьковского горсовета и сотрудница аппарата ЦК КП(б)У. С 1923 г. персональный пенсионер – 28, 31
- Клемансо Жорж** (1841–1929), премьер-министр Франции в 1906–1909 гг. – 113, 312, 537
- Ключевский Василий Осипович** (1841–1911), историк, профессор Московского университета, член партии кадетов. Автор многих печатных работ; одна из важнейших – «Курс русской истории» в пяти томах – 123
- Ковалевский Максим Максимович** (1851–1916), историк, юрист, социолог, профессор Московского университета. Депутат 1-й Государственной думы, позднее член Госсовета. Один из основателей Партии демократических реформ. В 1906–1907 гг. издатель газеты «Страна», с 1909 г. владелец и редактор журнала «Вестник Европы» – 99, 100, 118, 131, 145
- Коваленко Петр Арсентьевич** (1889–1936), большевик, за участие в студенческом революционном движении осужден, сослан в Иркутскую губ. В 1911 г. переехал в Новониколаевск. В январе 1918 г. секретарь Новониколаевского комитета РСДРП(б). Участник Гражданской войны, подпольщик. В дальнейшем преподаватель Инженерно-строительного института в Москве. Репрессирован – 29, 30, 38, 39, 42–44
- Коваленко Софья Львовна** (1889–?), член новониколаевской партийной организации. Жена Петра Коваленко – 42–44
- Кокцов Владимир Николаевич** (1853–1943), граф, сенатор, член Госсовета. Министр финансов в 1904–1914 гг. После убийства П.А. Столыпина, в 1911–1914 гг. председатель Совета министров. В 1914 г. подал в отставку. Крупный банковский деятель. С 1918 г. в эмиграции – 79, 99, 100
- Колгаев Андрей Лукич** (1887–1937), один из лидеров левых эсеров. Участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Депутат 2-го Всероссийского съезда Советов. Член ВЦИК. В декабре 1917 – марте 1918 г. нарком земледелия. В знак протеста против заключения Брестского мира сложил с себя полномочия наркома. После левозеро-эсеровского мятежа порвал с эсерами. Один из организаторов Партии революционного коммунизма. Член РКП(б) с ноября 1918 г. В 1918–1920 гг. председатель Особой продкомиссии и член Реввоенсовета Южного фронта. В 1920–1921 гг. член коллегии НКПС. Затем на хозяйственной работе. Репрессирован – 353, 395
- Колосов Евгений Евгеньевич** (1879–1937), литератор. Во время 1-й мировой войны оборонец. С начала Февраля 1917 г. лидер эсеров Красноярска, редактор газеты «Наш голос». Публиковался в журнале «Русское богатство» и др. При Временном правительстве – комиссар Кронштадта. В Гражданскую войну сторонник интервенции. В 1922 г. переселился в Петроград, сотрудничал в журналах «Былое», «Каторга и ссылка» и др. Опубликовал материалы о Гражданской войне в Сибири, автор работ по истории революционного движения. С 1925 г. неоднократно подвергался арестам. Репрессирован – 164
- Колотов, уполномоченный ЦК РКП(б)** от Московской организации на проведение мобилизации в Красную армию – 660
- Колчак Александр Васильевич** (1873–1920), полярный исследователь, адмирал. В 1916–1917 гг. командующий Черноморским флотом. В 1918–1920 гг. лидер Белого движения – «Верховный правитель русского государства». Расстрелян по постановлению Иркутского ВРК – 198, 285, 291, 312–314, 331, 374, 375, 454, 455, 476, 481, 487, 489, 494, 505

- Кольб Георг-Фридрих** (1800–1884), социолог, статистик, политический деятель Баварии. Автор двухтомного труда «История культуры человечества» (1872–1873) – 10, 24
- Колюбакин Александр Михайлович** (1868–1915), земский деятель, кадет. В 1905–1906 гг. председатель Новгородской губернской земской управы. В 1907 г. депутат 3-й Государственной думы от Петербурга, секретарь комитета парламентской фракции партии кадетов в 3-й и 4-й Государственных думах, член ЦК партии кадетов. В 1914 г. ушел на фронт. Погиб – 63
- Кондурушкин Степан Семенович** (1874–1919), прозаик, журналист. Из бедной крестьянской семьи. По окончании Казанского учительского института приглашен Палестинским обществом на службу в Сирию, где проработал пять лет. Публиковался в «Русском богатстве» и других журналах. В 1-ю мировую войну военный корреспондент газеты кадетов «Речь». С 1918 г. в эмиграции – 112
- Коновалов Иван Андреевич** (1884–1911), публицист. В революционном движении с 1902 г. Неоднократно арестовывался, в 1906 г. выслан в Тобольскую губ. В 1909–1910 гг. корреспондент журнала «Русское богатство». По заданию редакции объехал Саратовскую, Казанскую, Орловскую и др. губернии, исследуя влияние столыпинской реформы на положение крестьян – 111, 125
- Контеев Дий Ефимович**, редактор-издатель новониколаевской газеты «Обский вестник» – 127
- Конюхов Н.**, член брянской социал-демократической организации – 19
- Корнилов Лавр Георгиевич** (1870–1918), генерал от инфантерии, в июле – августе 1917 г. верховный главнокомандующий. На Московском государственном совещании выступил с требованием наведения порядка в стране. В конце августа – сентябре двинул войска на Петроград. Арестован. Один из организаторов белогвардейской Добровольческой армии (ноябрь – декабрь 1917 г.). Убит в бою – 239, 290, 487
- Короленко Владимир Галактионович** (1853–1921), прозаик, публицист, общественный деятель. Революционную деятельность начал в 70-х гг. XIX в. Революционный народник. Долгие годы провел в тюрьмах и ссылках. С 1894 г. лэйщик, член литературно-редакционного комитета журнала «Русское богатство», с 1895 г. официальный издатель, в 1896–1918 гг. его руководитель. В 1-ю мировую войну и после Февраля 1917 г. оборонец. После Октября протестовал против ограничения свободы печати, бессудных расправ ЧК, призывал «поставить интересы всего населения выше партийной борьбы» – 89, 113, 114, 159
- Косарев Владимир Михайлович** (1881–1945), член РСДРП с 1898 г. Неоднократно арестовывался. В 1909 г. направлен на учебу в школу на о. Капри. По возвращении – очередной арест и ссылка в Нарымский край. После Февраля 1917 г. председатель Томского Совета. Принимал участие в организации советской власти в Западной Сибири. После чехословацкого мятежа работал на Урале, в конце 1919 г. член Сибревкома и Сибирского бюро ЦК РКП(б). В 1921–1922 гг. председатель Новониколаевского губисполкома. В 1923–1928 гг. член ЦКК и президиума ЦКК, член МК РКП(б) – 263
- Косиор Иосиф Викентьевич** (1893–1937), член РСДРП с 1908 г. Неоднократно подвергался тюремному заключению. В 1912 г. сослан в Енисейскую губ. В 1916–1917 гг. член Иркутского комитета партии. В феврале 1917 г. бежал из ссылки в Москву, работал в Московском областном бюро РСДРП(б). В Октябрьские дни председатель ВРК Замоскворецкого района, затем председатель Замоскворецкого райсовета. В Гражданскую войну комиссар дивизии, член Реввоенсовета армии, командующий Трудовой армией. С 1923 г. начальник Грознефти, председатель правления Югостали, зам. председателя ВСНХ, зам. наркомтяжпрома и др. Репрессирован – 44
- Костомаров Николай Иванович** (1817–1885), этнограф, историк, писатель. Сторонник украинской культурно-национальной автономии – 123
- Котина Е.М.**, член гимназической с.-д. организации г. Орла – 26
- Котошихин Григорий Карпович** (ок. 1630–1667), подьячий Посольского приказа. За ошибку в документах при написании царского титула, по указу царя Алексея Михайловича, бит бато-

гами. В 1664 г. бежал за границу. В 1666 г. под именем Ивана Селицкого принят на шведскую государственную службу и по поручению правительства написал сочинение «О России в царствование Алексей Михайловича». Казнен за убийство хозяина дома, у которого жил – 89

Красин Леонид Борисович (1870–1926), социал-демократ с 1890 г. В 1895 г. выслан на три года в Иркутск. С 1903 г. большевик. Участник первой русской революции, возглавлял боевую техническую группу при ЦК партии, руководил снабжением боевых дружин. В 1908 г. эмигрировал за границу. Позднее отошел от политической деятельности, работал инженером. После Октября, в 1918 г., председатель Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной армии, член Президиума ВСНХ, нарком торговли и промышленности. В 1919 г. нарком путей сообщения. В дальнейшем на дипломатической работе в Англии и одновременно нарком внешней торговли. В 1922 г. участник международных конференций в Генуе и Гааге. С 1924 г. полпред во Франции, затем снова полпред в Англии – 348, 350

Красникова Анна Павловна, дочь священника села Ивота Брянского уезда – 19

Красникова Ольга Павловна, дочь священника села Ивота Брянского уезда – 19

Краснов Петр Николаевич (1869–1947), генерал-лейтенант, один из руководителей Белого движения в Гражданскую войну. В октябре 1917 г. вместе с А.Ф. Керенским возглавил антибольшевистское выступление. В 1918 – начале 1919 г. атаман Войска Донского и командующий белоказачьей армией. В 1919 г. эмигрировал в Германию. Во время Великой Отечественной войны сотрудничал с гитлеровцами. Казнен – 285, 291, 314, 477

Крестинский Николай Николаевич (1883–1938), член РСДРП с 1903 г. Семь раз арестовывался полицией. Участвовал в создании газеты «Правда», других с.-д. изданий. Работал в с.-д. фракциях 3-й и 4-й Государственных дум. В 1905 г. арестован и сослан на Урал. В марте 1917 г. восстанавливал уральские организации РСДРП, в апреле провел 1-ю Уральскую (свободную) с.-д. конференцию, избравшую областной комитет, став его председателем. 26 октября (7 ноября) 1917 г. провозгласил советскую власть в Екатеринбурге, возглавил коалиционный ревком. Депутат Учредительного собрания от Пермской губ. С декабря – в Петрограде. В 1918–1922 гг. нарком финансов РСФСР. После смерти Свердлова секретарь, затем ответственный секретарь ЦК РКП(б). С марта 1919 г. по 1921 г. член Политбюро ЦК РКП(б). С 1921 по 1930 г. посол в Германии, участвовал в Генуэзской и Гаагской конференциях. В общепартийной дискуссии – сторонник Троцкого. В 1930 г. зам. наркома иностранных дел. Репрессирован – 342, 354, 364, 366, 368

Крестовниковы, русские промышленники и торговцы. Выходцы из монастырских служебников г. Переславля-Залесского. Основатель династии Козьма Васеньевич Крестовников переселился в Москву в 1777 г., где открыл сахарный, белильный заводы и ткацкую фабрику. Потомок, Григорий Александрович Крестовников (1855–1918), октябрист. Директор правления Московско-Курской железной дороги, председатель правления Московского купеческого банка и Московского биржевого общества. С 1906 г. член Госсовета от торгово-промышленной буржуазии – 136, 158

Кржижницкий Людвиг (1859–1941), польский общественный деятель, социолог, экономист, этнограф и педагог, издатель и один из переводчиков на польский язык 1-го тома «Капитала» К. Маркса. Деятель польской марксистской партии «Пролетариат» (1884–1888). С начала 90-х гг. XIX в. занимался научно-публицистической и педагогической деятельностью. В 1921–1936 гг. профессор Варшавского университета – 157

Кржижановский Глеб Максимилианович (1872–1959), член РСДРП с 1893 г. Один из руководителей петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Агент «Искры». В 1920 г. председатель комиссии ГОЭЛРО. В 1921–1923, 1925–1930 гг. председатель Госплана, в 1930–1932 гг. председатель Главэнерго. С 1930 г. руководитель Энергетического института АН СССР – 16

Кривов Тимофей Степанович (1886–1966), член РСДРП с 1905 г. Участник революции 1905–1907 гг. в Уфе и Златоусте. Боевик, осуществлял террористические акты и экспроприации. Подвергался арестам. В 1910–1911 гг. в эмиграции. По возвращении в Россию сослан на каторгу. После Февраля 1917 г. член Уфимского губисполкома, сотрудник политотдела 5-й армии. В 1920–1922 гг. секретарь Уральского бюро ЦК РКП(б), затем на партийной, советской и профсоюзной работе в Москве: член ЦКК, зам. наркома РКП РСФСР, арбитр при СНК РСФСР, зам. наркома финансов РСФСР – 336

Кривошеин Александр Васильевич (1858–1923), статс-секретарь, гофмейстер. Главноуправляющий землеустройством и земледелием, проводил в жизнь аграрную политику П.А. Столыпина. Член Совета министров и Госсовета, товарищ министра финансов. После Октября один из руководителей контрреволюционного «правого центра». В 1920 г. возглавлял в Крыму врагелеское правительство – 87

Кропоткин Петр Алексеевич (1842–1921), князь, географ и геолог, революционер, теоретик анархизма. В 1872–1874 гг. член кружка «чайковцев», вел революционную пропаганду среди петербургских рабочих. В 1876 – начале 1917 г. в эмиграции. В 1-ю мировую войну оборонец. После Февраля 1917 г. в России. Отверг предложение А.Ф. Керенского войти во Временное правительство и возглавить его. Признал Октябрьскую революцию, ее социалистический характер. С лета 1918 г. жил в г. Дмитрове. В июле 1920 г. обратился с письмом к западноевропейским рабочим, призвав их заставить свои правительства отказаться от интервенции в Советскую республику. В трудах 1918–1921 гг. обращался к вопросам развития производительных сил России и кооперативного движения – 397–401, 412

Крупенский Павел Николаевич (1863 – после 1927), крупный помещик, депутат 2, 3 и 4-й Государственных дум от Бессарабской губ. В 3-й Думе в числе организаторов партии националистов. В 4-й Думе один из лидеров фракции «центра». С 1910 по 1917 г. камергер Двора. В декабре 1914 – январе 1915 г. уполномоченный Красного Креста (от Госдумы), уполномоченный Северо-Западного фронта. После Февраля 1917 г. разоблачен как агент Департамента полиции. После Октября 1917 г. содействовал иностранной интервенции на Юге России, затем в эмиграции – 453

Крупп, семья промышленников, возглавлявшая военно-металлургический концерн в Германии. Руководители концерна участвовали в подготовке 1-й и 2-й мировых войн – 466

Крупская Надежда Константиновна (1869–1939), член РСДРП с ее основания, жена В.И. Ленина. Революционную деятельность начала в 1890 г. в марксистских студенческих кружках Петербурга. В 1895 г. один из организаторов петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В 1896 г. арестована, сослана на три года в с. Шушенское, затем в Уфу. С 1901 г. в эмиграции, секретарь «Искры», вела переписку с партийными организациями России. После Февраля 1917 г. в России, член секретариата ЦК; активный участник Октябрьской революции. После революции член коллегии Наркомпроса, с 1921 г. руководила Главполитпросветом, с 1929 г. зам. наркома просвещения – 29, 30, 39, 43

Крут Давид, провокатор – 30, 43–45

Крыленко Николай Васильевич (1885–1938), член РСДРП с 1904 г. В 1905–1906 гг. один из лидеров студенческого революционного движения Петербурга. С 1911 г. сотрудник редакций газет «Звезда» и «Правда», прикомандирован ЦК к думской с.-д. фракции. Делегат 1-го Всероссийского съезда Советов. Активный участник Октябрьской революции. Руководитель Комитета по военным и морским делам первого советского правительства, позднее – верховный главнокомандующий. С 1918 г. в органах советской юстиции: председатель Революционного трибунала Республики, прокурор Республики, с 1931 г. нарком юстиции РСФСР, с 1936 г. нарком юстиции СССР. Репрессирован – 660

Крылов Иван Андреевич (1769–1844), русский писатель, баснописец, академик Петербургской АН. Издавал сатирические журналы, писал трагедии, комедии, оперные либретто – 152

- Крюков Федор Дмитриевич** (1870–1920), русский писатель. Из семьи станичного атамана. Избран в 1906 г. депутатом 1-й Государственной думы от области Войска Донского. Один из учредителей партии народных социалистов. В 1906–1907 гг. выступал в Думе и печати против использования полков донских казаков для подавления революционных выступлений. Печататься начал в 1892 г. В своих рассказах и повестях описывал в основном жизнь и быт донского казачества. Сотрудничал в журнале «Русское богатство», а с 1912 г. стал его редактором. Годы Гражданской войны провел на Дону, был секретарем Войскового Круга. Редактор газеты «Донские ведомости» – 89, 124, 137
- Крюков Федор Осипович** (1885–1950), член РСДРП с 1906 г. В феврале 1917 г. член Военного бюро при МК РСДРП(б). В Октябрьские дни участвовал в боевых действиях против юнкеров. После победы Октября секретарь Алексеевско-Ростокинского райкома партии. В мае 1919 г. по заданию ЦК РКП(б) вел партийную работу в Рязанской губ. 25 сентября 1919 г. ранен во время взрыва, организованного анархистами и левыми эсерами в Леонтьевском переулке. С 1918 по 1924 г. член Моссовета. В последующие годы на хозяйственной и советской работе – 660
- Кряк, член брянской социал-демократической организации** – 19
- Кузменко, революционер, ссыльнопоселенец** – 30
- Кузнецов Георгий Сергеевич** (1881–?), социал-демократ, депутат 3-й Государственной думы от Екатеринбургской губ. Осужден на четыре года тюремного заключения – 76, 77
- Кузовков Дмитрий Васильевич** (1885–?), участник революции 1905–1907 гг. в Москве. До октября 1917 г. на преподавательской и научной работе. С 1917 г. социал-демократ – интернационалист. В 1917–1920 гг. член коллегии финансового и жилищно-земельного отдела Моссовета. С 1918 г. действительный член Комакадемии. С 1921 г. директор Института красной профессуры. С 1937 г. персональный пенсионер – 26
- Кузьмин, член Уральского обкома РКП(б)** – 263
- Куклин, нижегородский купец** – 40
- Кун Бела** (1886–1939), один из организаторов и руководителей КП Венгрии, нарком иностранных дел и нарком военных дел Венгерской советской республики в 1919 г. В 1916 г. попал в Россию как военнопленный, вступил в РСДРП(б). После падения Венгерской советской республики снова в России. Репрессирован – 490
- Курганов, уполномоченный ЦК РКП(б) на Урале** – 262
- Куропаткин Алексей Николаевич** (1848–1925), генерал от инфантерии. В 1898–1904 гг. военный министр. В Русско-японскую войну командующий войсками в Маньчжурии. В 1-ю мировую войну командующий Северным фронтом. С июля 1916 по февраль 1917 г. туркестанский генерал-губернатор. После февраля 1917 г. отстранен от должности, арестован, отправлен в Петроград, освобожден Временным правительством. До конца жизни жил в своем бывшем имении – 77
- Курский Дмитрий Иванович** (1874–1932), член РСДРП с 1904 г., активный участник Декабрьского вооруженного восстания в Москве. В Октябрьские дни 1917 г. член ВРК в Одессе. В 1919–1920 гг. комиссар Главного и Полевого штабов Красной армии, член Реввоенсовета Республики. С 1918 по 1928 г. нарком юстиции РСФСР, первый советский генеральный прокурор. В 1924–1927 гг. председатель Центральной ревизионной комиссии ВКП(б). Член ЦК ВКП(б). В 1928–1932 гг. посол СССР в Италии – 356, 357
- Кускова (Есипова) Екатерина Дмитриевна** (1869–1958), жена С.Н. Прокоповича, в 90-х гг. XIX в. работала в с.-д. кружках. Автор программной брошюры «экономистов» «Кредо». Примыкала к «Союзу освобождения». В революцию 1905–1906 гг. выступала против тактики бойкота 1-й и 2-й Государственных дум, за блок всех левых сил, включая кадетов. После октября 1917 г. жила в Москве, издавала оппозиционную большевикам газету «Власть народа». В Гражданскую войну стояла на платформе «третьей силы», выступавшей против

- и большевиков, и белых. В 1921 г. один из организаторов Комитета помощи голодающим. В 1922 г. вместе с Прокоповичем выслана за границу – 58
- Кутлер Николай Николаевич** (1859–1924), кадет, директор департамента Министерства финансов; в 1905–1906 гг. министр земледелия и землеустройства. Член 2-й и 3-й Государственных дум. Один из авторов аграрной программы кадетов. После Февраля 1917 г. участник различных комиссий при Министерстве торговли и промышленности, представлял интересы промышленников Юга России. После Октября работал в Наркомате финансов – 63, 99
- Кутузов**, член комитета болховской организации РКП(б) Орловской губ. – 325, 327, 328
- Кюльман Рихард** (1873–1948), в 1917–1918 гг. статс-секретарь иностранных дел Германии; возглавлял германскую делегацию на мирных переговорах в Брест-Литовске – 233
- Лавров Петр Лаврович** (1823–1900), русский философ, социолог и публицист, один из идеологов революционного народничества – 16
- Лазарев Петр Петрович** (1878–1942), физик, био- и геофизик. Академик с 1917 г. В 1912–1925 гг. профессор МВТУ. В 1920–1931 гг. директор созданного по его инициативе Государственного биофизического института. В 1938–1942 гг. директор Биофизической лаборатории АН СССР. Руководил исследованиями Курской магнитной аномалии – 588
- Ландезен (Гартинг Аркадий Михайлович)**, студентом в начале 80-х гг. XIX в. начал сотрудничать с Петербургским охранным отделением. Заподозренный в предательстве, Гартинг переехал в Дерпт, затем поселился в Париже под фамилией Ландезен. Из Парижа передавал русскому правительству сведения о соотечественниках, в 1890 г. с группой парижских эмигрантов из России организовал мастерскую для изготовления бомб, предназначавшихся для покушения на Александра III. Авантюра была раскрыта, в Париже начался сенсационный судебный процесс, к которому был привлечен и Гартинг, который к тому времени успел скрыться в Бельгии. Зачоно приговорен к пяти годам тюремного заключения. С 1900 по 1905 г. заведовал берлинской политической агентурой, с августа 1905 г. заведующий всей русской заграничной агентурой. В годы 1-й мировой войны работал в русской контрразведке во Франции, продолжая эту деятельность и при Временном правительстве – 113
- Лепинский Павел Львович (Левинсон Я.)** (1879–1937), польский коммунист, экономист и публицист. В 1906–1918 гг. один из руководителей ГППС – левицы, затем деятель Компартии Польши. В 20-х гг. XX в. сотрудник Наркоминдела СССР, находился на дипломатической работе за границей. В 30-х гг. занимался научной и публицистической деятельностью в СССР. Автор работ по мировой экономике и политике. Репрессирован – 354
- Ларин Ю. (Лурье Михаил Зальманович (Александрович))** (1882–1932), экономист, в социал-демократическом движении с 1900 г. После 1907 г. – ликвидатор. В 1-ю мировую войну центрист. После Февраля 1917 г. лидер меньшевиков-интернационалистов. С августа 1917 г. в РСДРП(б). После Октября сторонник создания коалиционного правительства с участием меньшевиков и эсеров. В конце 1917 – начале 1918 г. член Президиума ВСНХ. Работал в советских хозяйственных организациях – 358, 359, 547, 629, 638, 640, 644
- Лацис Мартын Иванович (Судрабс Ян Фридрихович)** (1888–1938), член РСДРП с 1905 г. Активный участник революции 1905–1907 гг. в Риге и Октябрьской революции 1917 г. в Петрограде. Член Петроградского ВРК. После Октября – член коллегии Наркомата внутренних дел. С мая 1918 г. член коллегии ВЧК, в июле – ноябре 1918 г. председатель ЧК и Военного трибунала 5-й армии Восточного фронта. В 1919–1921 гг. председатель Всеукраинской ЧК, затем вновь в ВЧК. С 1921 г. на руководящей административной работе. С 1932 г. директор Института народного хозяйства им. Г. В. Плеханова. Репрессирован – 357
- Лашевич Михаил Михайлович** (1884–1928), член РСДРП с 1901 г. После Февраля 1917 г. председатель фракции большевиков Петросовета. В Октябрьские дни член Петроградского

- ВРК. Затем член президиума Петросовета. В 1918–1919 гг. командующий 3-й армией, член РВС Восточного и Южного фронтов. В 1920–1925 гг. командующий войсками Сибирского военного округа, председатель Сибревкома. Входил в троцкистскую оппозицию. С 1925 г. зам. наркома по военным и морским делам и зам. председателя РВС СССР – 279
- Лебедев (Фома),** провокатор – 28, 35
- Леви (Гарштинейн) Пауль** (1883–1930), немецкий социал-демократ, член «Союза Спартака». На Учредительном съезде КП Германии избран в ЦК КПГ. В феврале 1921 г. из ЦК вышел, в апреле исключен из компартии. В дальнейшем вернулся в с.-д. партию – 353
- Легнгейн Карл** (1861–1920), немецкий правый социал-демократ, один из лидеров профсоюзов. С 1903 г. секретарь, с 1913 г. председатель Международного секретариата профсоюзов. В 1-ю мировую войну социал-шовинист. В 1919–1920 гг. член Национального собрания Веймарской республики – 235
- Ледовский,** член гимназической с.-д. организации г. Орла – 26
- Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (Ильин В., Ленин Н., Ф.Ф.)** (1870–1924), лидер большевиков. В 1895 г. участвовал в создании петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», арестован, выслан на три года в с. Шупшенское Енисейской губ. С 1900 г. издатель газеты «Искра» за границей. На II съезде РСДРП (1903) возглавил партию большевиков. С 1905 г. в С.-Петербурге; с декабря 1907 г. в эмиграции. В апреле 1917 г., приехав в Петроград, возглавил руководство Октябрьским восстанием. На II Всероссийском съезде Советов избран председателем СНК – 11, 29, 30, 35, 39, 42, 45, 46, 55, 158, 162, 199–201, 213, 228, 229, 231–235, 246, 255, 257, 262, 301, 329, 347–350, 352, 354, 362, 364, 366, 368, 375, 380, 381, 384, 389, 418, 490, 497, 557
- Ленин Н., см. Ленин В.И.**
- Лермонтов Михаил Юрьевич** (1814–1841), русский поэт – 77
- Леруа-Болье Анатолий** (1842–1912), французский публицист, профессор истории. С 1872 по 1881 г. четыре раза был в России, автор книги «Империя царей и русские» о государственном и общественном строе России – 66
- Лесков Николай Семенович** (1831–1895), русский писатель – 9
- Лессинг Готхольд Эфраим** (1729–1781), немецкий драматург, теоретик искусства и литературный критик, основоположник немецкой классической литературы – 107
- Либер (Гольдман) Михаил Исаакович** (1880–1937), один из лидеров Бунда и меньшевизма. Социал-демократ с 1898 г. Член ЦК РСДРП в 1907–1912 гг. В 1917 г. член исполкома Петросовета, ВЦИК. После Октябрьской революции, которую встретил враждебно, отошел от политической деятельности, находился на хозяйственной работе. Репрессирован – 487
- Либнехт Карл** (1871–1919), член с.-д. партии Германии с 1900 г., лидер левого крыла, адвокат. В 1-ю мировую войну интернационалист. Один из руководителей революционного «Союза Спартака». Во время Ноябрьской революции 1918 г. в Германии лидер революционных немецких рабочих, один из основателей КПГ и руководителей восстания Берлинских рабочих в январе 1919 г. После подавления восстания был зверски убит – 228, 301, 430, 456, 478, 488, 490, 497
- Литвинов Максим Максимович (Валлах Макс)** (1876–1951), с 1898 г. участник революционного движения, с 1903 г. большевик. С 1918 г. член коллегии Наркоминдела, в 1921 г. полпред в Эстонии. В 1930–1939 гг. нарком иностранных дел СССР. В 1941–1943 гг. зам. наркоминдел, одновременно посол СССР в США – 350
- Литвинов Степан Сергеевич** (1888–?), член РСДРП, в 1908 г. организатор подпольной типографии в Харькове. Арестован, в декабре 1909 г. приговорен к ссылке на поселение в Иркутскую губ. – 40, 43
- Литкенс Александр Александрович,** брат Евграфа Александровича. В газете «Правда» от 24 февраля 1938 г. обнаружено сообщение, что Литкенс Александр Александрович,

- «бригврач, указом Президиума ВС СССР в связи с 20-й годовщиной РККА и ВМФ награжден орденом «Красная Звезда» – 16, 26
- Литкенс Евграф Александрович** (1888–1922), с 1904 г. член РСДРП. С 1917 г. член ЦК интернационалистов, с 1919 г. член РКП(б). После Февраля 1917 г. член президиума Моссовета. С 1918 г. зав. отделом внешкольного образования Моссовета. В начале 1919 г. уполномоченный Наркомвнудела в Крыму, затем в 5-й армии зав. партшколой и начальник политотдела. С января 1921 г. зам. наркома просвещения РСФСР. Убит бандитами в Ялте – 26, 27
- Ллойд Джордж Дэвид** (1863–1945), премьер-министр Великобритании в 1916–1922 гг. Один из организаторов антисоветской интервенции. В дальнейшем выступал за контакты с Советской Россией – 312, 349, 428
- Лобанов**, член болховской организации РКП(б) Орловской губ. – 326, 327
- Лобова Бина**, см. Лобова В.Н.
- Лобова Валентина Николаевна** (Бина) (1888–1924), член РСДРП с 1905 г. Революционную работу вела в Ровно, Житомире, Перми, Мотовилихе, Екатеринбурге. В 1906–1908 гг. член Уральского обкома РСДРП. В 1911 г. член московского комитета. В 1913 г. секретарь бюро ЦК РСДРП и секретарь большевистской фракции 4-й Государственной думы. После Октября 1917 г. член президиума Киевского губисполкома. В 1920–1921 гг. работала в Москве, Перми, Самаре, затем в Агитпропе ЦК РКП(б) (1922–1923), а также в Сибири – 28, 34
- Ломоносов Михаил Васильевич** (1711–1765), первый российский ученый-естествоиспытатель мирового значения, поэт, заложивший основы современного русского литературного языка, художник, историк – 79
- Лонге Жан** (1876–1938), руководитель центристского крыла французской социалистической партии, внук Карла Маркса. В 1-ю мировую войну пацифист. Осуждал военную интервенцию против Советской России. В 30-х гг. XX в. участник международных антифашистских организаций, сторонник сближения с коммунистами – 488
- Лондон Джэк (Джон Гриффит)** (1876–1916), американский писатель – 4
- Лубе Эмиль Франсуа** (1838–1929), в январе – ноябре 1892 г. глава правительства, в 1899–1906 гг. президент Французской республики – 91
- Луначарский Анатолий Васильевич** (1875–1933), в революционное движение вступил в начале 90-х гг. XIX в. Входил в редакции большевистских газет «Вперед», «Пролетарий», «Новая жизнь». После 1907 г. выступил с требованием соединения марксизма с религией. В 1-ю мировую войну интернационалист. В начале 1917 г. вступил в группу «межрайонцев», с августа 1917 г. большевик. После Октября 1917 г. и до 1929 г. нарком просвещения, затем председатель Ученого комитета при ЦИК СССР. В 1933 г. полномочный представитель СССР в Испании. Автор работ по искусству и литературе – 285
- Лучицкий Иван Васильевич** (1845–1918), историк либерально-народнического направления, автор трудов по истории религиозных войн и крестьянства Франции. Депутат 3-й Государственной думы. Профессор Петербургского университета – 97
- Лыкошин Александр Иванович** (1861–1918), тайный советник. В 1882–1901 гг. товарищ обер-прокурора Правительствующего Сената. В 1905 г. один из организаторов «Союза русского народа». В 1907–1914 гг. товарищ министра внутренних дел, ближайший соратник П.А. Столыпина. С 1911 г. сенатор, с 1914 г. член Госсовета – 88
- Львов Николай Николаевич** (Львов 1-й) (1867–1944), крупный помещик, депутат 1, 2, 3-й и 4-й Государственных дум. Один из основателей «Союза освобождения», участник депутатии к царю 6 июня 1905 г. В 1906 г. член ЦК кадетов, затем один из учредителей партии мирного обновления. С 1912 г. прогрессист. Товарищ председателя 4-й Думы. В 1918–1920 гг. сотрудничал в белогвардейской прессе. С 1920 г. в эмиграции – 58, 237
- Львов-Рогачевский Василий Львович** (Рогачевский) (1873–1930), дворянин. Литературный критик, публицист. В революционном движении с 1898 г. Неоднократно подвергался арестам и ссылкам. Последователь Максима Горького – 140

Любош С. (Любошиц Семен Борисович) (1859–1929), журналист. Редактор газеты «Обская жизнь», сотрудничал в журнале «Современное слово» – 99, 100

Людвик XVI (1754–1793), французский король в 1774–1792 гг., из династии Бурбонов. Свергнут с престола в 1792 г. Казнен – 513

Люксембург Роза (1871–1919), лидер левого крыла II Интернационала. Революционную деятельность начала в 80-х гг. XIX в., принимала участие в создании с.-д. партии Польши. С 1897 г. активный участник германского с.-д. движения. В I-ю мировую войну интернационалистка. Инициатор создания в Германии «Союза Спартака». После Ноябрьской революции 1918 г. в Германии в числе руководителей Учредительного съезда Коммунистической партии Германии. В январе 1919 г. арестована и убита по приказу шейдемановского правительства – 456, 478, 488, 490

Майерс, американский писатель – 460

Майский В. (Ляховецкий Иван Михайлович) (1884–1975), социал-демократ, меньшевик. Включился в революционное движение в 1899 г. в Омске. Член РСДРП с 1902 г., после раскола колебался между большевиками и меньшевиками. В 1906 г. арестован, выслан в Тобольскую губ., откуда бежал и эмигрировал в 1908 г. в Германию. В I-ю мировую войну – меньшевик-интернационалист. После Февраля 1917 г. в России. Работал в Петросовете, профсоюзах. Член коллегии Министерства труда Временного правительства. Октябрьской революции не принял. В августе 1918 г. управляющий ведомством труда правительства Комуча в Самаре. В 1919 г. порвал с меньшевиками. С 1921 г. в РКП(б). Председатель Сибирского госплана. С 1922 г. на дипломатической работе: в 1929–1932 гг. полпред в Финляндии, в 1932–1943 гг. посол СССР в Великобритании, в 1943–1946 гг. зам. министра иностранных дел СССР. Участвовал в работах Крымской и Потсдамской 1945 г. конференций – 125, 126

Макарин, коммунист болховской организации РКП(б). Убит в августе 1919 г. – 329

Макдональд Джеймс Рамсей (1866–1937), один из основателей и лидеров Независимой рабочей партии и лейбористской партии в Англии. В начале I-й мировой войны пацифист, затем шовинист. В 1924 и в 1929–1931 гг. премьер-министр. В 1931–1935 гг. возглавлял т.н. национальное правительство, политику которого определяли консерваторы – 312, 588

Маклаков Василий Алексеевич (1870–1957), один из лидеров кадетов, член ЦК. Депутат 2, 3 и 4-й Государственных дум от Москвы. Крупный адвокат, ученик Ф.Н. Плевако. В 1917 г. посол во Франции. Затем в эмиграции – 75, 100, 103, 104

Маклин Джон (1879–1923), один из руководителей левого крыла Британской социалистической партии. В годы I-й мировой войны занимал интернационалистические позиции – 228

Максимов Константин Гордеевич (1894–1937), член РСДРП с 1914 г. Революционной деятельностью занимался в Самаре, затем, после ареста, в Москве. В апреле 1917 г. член МК РСДРП(б) и Моссовета. В дни Октября начальник разведки штаба Московского ВРК. В 1918–1920 гг. председатель продотдела Моссовета, затем – член Реввоенсовета и чрезвычайный уполномоченный по снабжению армий Восточного фронта. В 1920–1922 гг. зам. председателя Уральского промбюро ВСНХ, затем зам. управляющего каменноугольной промышленностью Донбасса. Позднее председатель ВСНХ Украины, член президиума ВСНХ СССР, зам. наркома торговли СССР. Репрессирован – 227

Максимовский Владимир Николаевич (1887–1941), член РСДРП с 1903 г. Партийную работу вел в Коломне, Москве, Туле и др. Неоднократно подвергался арестам. После Февраля 1917 г. член Московского областного бюро РСДРП(б). После Октября секретарь Московского обкома партии, зам. наркома просвещения. Весной 1918 г. «левый коммунист», в 1920–1921 гг. член группы «демократического централизма». В 1923 г. примкнул к троцкистской оппозиции, затем – к «новой оппозиции». С 1925 г. декан Тимирязевской с.-х. академии и член президиума Комакадемии – 660

- Малатеста Эррико** (1854–1932), один из лидеров анархистского движения в Италии, последователь М. Бакунина. Участник бакунинской секции I Интернационала – 397, 402, 412
- Малышев Иван Михайлович** (1889–1918), член РСДРП с 1906 г. Революционную работу вел в Верхотурье, Надеждинске, Тюмени, Екатеринбурге. В 1907, 1911–1912 гг. находился в тюрьмах и ссылке. С 1915 г. член Екатеринбургского комитета РСДРП. После Февраля 1917 г. председатель Екатеринбургского комитета, с апреля член Уральского обкома РСДРП(б), зам. председателя городского и член Уральского облсовета. В январе 1918 г. председатель Уральского обкома партии, член облисполкома. В марте – апреле на дутовском фронте, в мае – июне руководил боевыми операциями на Златоустовско-Челябинском участке фронта. 23 июня расстрелян белогвардейцами – 263, 264, 307
- Малютин**, представитель ВЦИК в Башкирии, член президиума Баштрсовкома – 343
- Мамед-Бсков**, штаб-ротмистр бакинской пограничной стражи – 103
- Мамонтов (Мамантов) Константин Константинович** (1869–1920), генерал-лейтенант. Участник I-й мировой войны. Во время Гражданской войны командовал группой войск в армии Краснова, 4-м Донским конным корпусом в армии Деникина. В августе – сентябре 1919 г. возглавил рейд белогвардейской конницы по тылам Красной армии Южного фронта. В октябре – декабре 1919 г. корпус Мамонтова был разбит конницей С.М. Буденного в Воронежско-Касторненской и Харьковской операциях. В декабре за поражение отстранен от командования. 14 февраля 1920 г. умер в Екатеринодаре от тифа – 330
- Манинг Генри Эдуард** (1808–1892), английский кардинал с 1875 г. – 484
- Марки**, личность не установлена – 61
- Марков Николай Евгеньевич** (Марков-2-й – депутаты-однофамильцы получали нумерацию по возрасту) (1876–1945), курский помещик, монархист. Один из руководителей «Союза русского народа» и «Союза Михаила Архангела». Депутат 3-й и 4-й Государственных дум от Курской губ., лидер крайне правых. В 1918–1920 гг. в армии генерала Н.Н. Юденича. В 1920 г. эмигрировал. Скончался в Германии – 66, 372, 453, 509
- Маркс Карл** (1818–1883), основоположник научного коммунизма, организатор и идейный руководитель I Интернационала. Основной труд – «Капитал», в котором дан анализ развития капитализма – 4, 15, 16, 80, 105–107, 118, 140, 145, 152–154, 159, 178, 242–244, 387, 399, 418–420, 437, 475–476, 479, 482, 483, 485, 489, 491, 509, 526, 535, 600, 604–608
- Мартов Л. (Цедербаум Юлий Осипович)** (1873–1923), один из лидеров меньшевизма. В с.-д. движении с 90-х гг. XIX в. В 1895 г. в числе организаторов петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В 1896 г. арестован, сослан в Туруханск на три года. В 1900 г. член редакции газеты «Искра», один из идеологов ликвидаторства. В I-ю мировую войну центрист. После Февраля 1917 г. лидер меньшевиков-интернационалистов. После Октября выступал против большевистской диктатуры. В 1917 г. член исполкома Петровета и ВЦИК, в 1918 г. исключен из состава ВЦИК вместе с другими меньшевиками. В 1919 г. вновь член ВЦИК, в 1919–1920 гг. депутат Моссовета. В 1920 г. эмигрировал в Германию – 158, 159, 285, 488, 489
- Мархлевский Юлиан Юзефович** (1866–1925), с 80-х гг. XIX в. один из руководителей социал-демократии Польши и Литвы. С 1909 г. вел пропагандистскую работу в Германии. В I-ю мировую войну вместе с К. Либкнехтом и Р. Люксембург создал «Союз Спартака». Был арестован. В 1918 г. по настоянию советского правительства освобожден из германского концлагеря, приехал в Советскую Россию. Избран во ВЦИК. В 1919 г. введен в ЦК КП Германии. Участвовал в создании Коммунистического Интернационала. С 1923 г. председатель ЦК МОПР – 349
- Маслов Петр Павлович** (1867–1946), экономист, социал-демократ. В 1889 г. арестован по делу кружка Н.Е. Федосеева. В 1914 г. эмигрировал. В I-ю мировую войну оборонец. После Февраля 1917 г. вернулся в Россию. Приглашен Временным правительством для разработки экономических вопросов. С июля 1918 г. комиссар Приуралья при Временном Сибирском пра-

- вительстве. Участник Государственного совещания в Уфе. Затем отошел от политической деятельности. Занимался педагогической и научной работой. Академик АН СССР – 80, 121
- Мастеров**, уполномоченный Болховской губчека Орловской губ. – 328
- Мах Эрнст** (1838–1916), австрийский физик и философ. С 1895 по 1901 г. профессор философии Венского университета – 155
- Мейендорф Александр Феликсович** (1869–1964), дворянин, барон, крупный землевладелец, домовладелец. Октябрьист, с июня 1907 г. член петербургского ЦК «Союза 17 октября». Кандидат в выборщики в 1-ю Государственную думу от Петербурга. Депутат 3-й и 4-й Государственных дум от Лифляндской губ. После 1917 г. в эмиграции – 58, 133
- Мелентьев**, офицер, член военного штаба по руководству антибольшевистским Невьянским восстанием на Урале в июне 1918 г. Кадет – 251
- Меркулов Никита Трофимович** (1879–1963), участник трех революций в Москве. После Февраля 1917 г. вступил в РСДРП(б), член Моссовета. Во время Октябрьских боев председатель ВРК, член штаба Красной гвардии Пресненского района. С июля 1918 г. комиссар 123-го рабочего полка 8-й армии Южного фронта. В конце 1919 г. председатель Пресненского райсовета, член исполкома Моссовета, член МК РКП(б). Позднее на ответственной хозяйственной работе. С сентября 1955 г. персональный пенсионер – 660
- Метивье**, французский синдикалист, провокатор – 113
- Меттерних Клеменс** (1773–1859), князь. Министр иностранных дел и фактически глава австрийского правительства в 1809–1821 гг., канцлер в 1821–1848 гг. Противник объединения Германии. Стремился помешать укреплению позиций России в Европе. Один из организаторов Священного союза. Конец власти Меттерниха положила революция 1848–1849 гг. – 479
- Миллер В.**, аптекарь, член военного штаба по руководству антибольшевистским Невьянским восстанием на Урале в июне 1918 г. Кадет – 251
- Миллер Евгений Карлович** (1867–1937), генерал-лейтенант. Один из руководителей Белого движения в Гражданскую войну. Окончил Академию Генштаба. Участник 1-й мировой войны. С осени 1917 г. представитель Ставки главковерха при итальянском главном командовании. В январе 1919 г. член Временного правительства Северной области. В мае назначен Колчаком главнокомандующим войсками Северной области, в сентябре – главным начальником края. С февраля 1920 г. военный министр и управляющий делами Временного правительства Северной области. В том же году эмигрировал. С 1930 г. председатель Русского общевойскового союза (РОВС). Вывезен агентами НКВД из Парижа в Москву, осужден и расстрелян – 374
- Миль Джон-Стюарт** (1806–1873), английский философ, социолог и экономист. Политическая доктрина изложена в работах «О свободе» и «Представительное правление» – 106
- Мильеран Александр** (1859–1943), французский социалист-реформист, адвокат, публицист. Министр общественных работ в кабинете А. Бриана, военный министр в кабинетах Р. Пуанкаре и Р. Вивиани. В 1920 г. председатель Совета министров и министр иностранных дел. В 1920 – 1924 гг. президент Франции – 349
- Мильтон Джон** (1608–1674), английский поэт, политический деятель. В Английскую буржуазную революцию XVII в. сторонник радикального крыла. Выступил за казнь короля-тирана. В поэмах «Потерянный рай», «Возвращенный рай», трагедии «Самсон-борец» отразил опыт революции – 151
- Милоков Павел Николаевич** (1859–1943), историк, публицист. С 1907 г. председатель ЦК партии кадетов, редактор ее центрального органа – газеты «Речь». В дни Февраля 1917 г. выступал за конституционную монархию. Во Временном правительстве – министр иностранных дел, проводил политику «войны до победного конца». Один из организаторов выступления Корнилова. После Октября бежал на Дон, затем в эмиграцию – 73, 75, 99, 100, 116, 117, 145, 162, 205, 237, 238

Милютин Владимир Павлович (1884–1937), участник борьбы за советскую власть в Поволжье. С 1917 г. нарком земледелия, в 1918–1921 гг. зам. председателя ВСНХ. В 1922–1924 гг. представитель Коминтерна в Австрии и на Балканах. В 1924–1928 гг. член коллегии Наркомата РКИ. В 1928–1930 гг. управляющий ЦСУ. В 1929–1934 гг. зам. председателя Госплана СССР. В 1934–1937 гг. председатель Ученого совета при ЦИК СССР. Репрессирован – 546, 548

Минкин Александр Еремеевич (1887–1955), член РСДРП с 1903 г. Партийную работу вел в Варшаве, на Урале. Неоднократно подвергался репрессиям. После Февраля 1917 г. член Петроградского комитета РСДРП(б). После Октября в разные годы был секретарем Пензенского, Пермского, Архангельского губкомов партии, членом коллегии Наркомторга, полпредом СССР в Уругвае, зам. председателя Верховного Суда РСФСР – 28

Минков Исаак Ильич (1894–1935), с 1910 г. в эмиграции, в Канаде. В 1911 г. вступил в группу русских социал-демократов. С 1915 г. секретарь русского отдела Филадельфийского комитета при американской с.-д. партии. После Февраля 1917 г. возвратился в Россию. Член Московского окружного РСДРП(б) и член президиума губисполкома, секретарь, затем зав. орготделом МК РКП(б), секретарь Самарского губкома РКП(б) и член президиума губисполкома. В 1923–1927 гг. кандидат, затем член ЦК ВКП(б). С 1928 г. персональный пенсионер – 308

Мирбах Вильгельм, фон (1871–1918), граф, германский посланник. С апреля 1918 г. посол в Москве при Правительстве РСФСР. Убит левым эсером Я.Г. Блюмкиным, что послужило сигналом к левозсеровскому мятежу в Москве – 255

Мирзоевы, братья, основатели и совладельцы нефтепромышленного товарищества «Бр. Мирзоевы и К^о», созданного в 1886 г. – 472

Миссар, французский националист, провокатор – 113

Михаил Федорович (1596–1645), русский царь с 1613 г., первый из рода Романовых. Избран Земским Собором – 168

Михайловский Николай Константинович (1842–1904), русский социолог, публицист, литературный критик, народник. Один из редакторов «Отечественных записок», «Русского богатства» – 16

Михалыч, см. Свердлов Я.М.

Михеев Н.М., член с.-д. организации г. Орла – 20, 26, 28, 30

Моисеев, в 1912 г. одесский городской голова, член «Союза русского народа» – 166

Моллов Русчу (Гавриил) Георгиевич (1867–1925), болгарин, принял русское подданство. С 1889 г. служил в Министерстве юстиции. В 1911 г. прокурор Одесской судебной палаты, в 1915 г. – директор Департамента полиции, в 1916 г. – член Главного по фабричным и горнозаводским делам присутствия – 172

Мольке (младший) Хельмут Юганн (1848–1916), граф, германский генерал-полковник. В 1906–1914 гг. начальник Генштаба. В начале 1-й мировой войны начальник штаба Верховного главнокомандования – 513

Мор Томас (1478–1535), английский гуманист, государственный деятель и писатель. Один из основоположников утопического социализма. В диалоге «Утопия» изобразил общество, где нет частной собственности, обобществлены производство и быт – 153

Морганы, финансовая группа США. Сформировалась в конце XIX в. Сфера влияния: банковское дело, обрабатывающая промышленность, железнодорожный транспорт – 499, 533

Мостовенко Павел Николаевич (1881–1938), член РСДРП с 1901 г. До Февраля 1917 г. неоднократно находился в тюрьмах и ссылках. Член Петросовета, председатель Моссовета. В 1919 г. секретарь Уфимского губкома РКП(б), чрезвычайный уполномоченный ЦК РКП(б) и ВЦИК в Башкирстане, член президиума и секретарь Башкирского обкома РКП(б), член президиума БашЦИК. В 1921 г. полпред РСФСР в Литве. В 1922–1923 гг. председатель торговой делегации в Чехословакии. Репрессирован – 343

Мрачковский Сергей Витальевич (1888–1936), член РСДРП с 1905 г. Неоднократно арестовывался. В 1917 г. член Екатеринбургского Совета и Уральского обкома РСДРП(б). С февраля 1918 г. на дутовском фронте, комиссар Екатеринбургско-Челябинского фронта, комиссар ряда дивизий Красной армии. С января 1919 г. командовал особым Северным экспедиционным отрядом. В 1920 г. командующий войсками Приуральского военного округа, в 1922 г. – Западно-Сибирского, в 1923 г. – Приволжского, затем комендант Кронштадтской крепости. С 1925 г. на хозяйственной работе. Репрессирован – 263

Муравьев Михаил Николаевич (1796–1866), граф, генерал от инфантерии. В 1857–1861 гг. министр госимуществ. В 1863–1865 гг. генерал-губернатор Северо-Западного края. Участвовал в подавлении польских восстаний в 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг., за что был прозван «вешателем» – 112

Муралов Родион Иванович (1884–1919), член РСДРП с 1904 г. Вел работу среди рабочих Серпуховского, Коломенского и Бронницкого уездов. В 1906 г. член Московского окружкома РСДРП. Неоднократно арестовывался. В Октябре 1917 г. устанавливал советскую власть в Рязани. Затем работал в Московском губисполкоме, входил в коллегию Мосземотдела. Умер от тифа – 227

Мэк (Мак) Аду, американский политический деятель. Секретарь финансового департамента в кабинете Вильсона в 1913–1918 гг. – 460

Мюссе Альфред, де (1810–1857), французский поэт-романтик – 78

Мюссе, соратник Луи Пастера – 10

Мясоедов Сергей Николаевич (1865–1915), полковник. С 1892 г. в Отдельном корпусе жандармов. С 1909 г. в распоряжении военного министра В.А. Сухомлинова. В 1912 г. обвинен А.И. Гучковым в шпионаже в пользу Германии, за что вызвал А.И. Гучкова на дуэль. В 1915 г., после долгих разбирательств, приговорен к повешению – 121, 122

Назар, см. Накоряков Н.Н.

Накоряков Николай Никандрович (*Назар*) (1881–1970), член РСДРП с 1902 г. Партийную работу вел в Киеве, Севастополе, Казани, Самаре и на Урале, где был редактором партийных печатных органов. До 1911 г. неоднократно арестовывался и высылался. Приговоренный на поселение в Енисейскую губ., бежал в Америку. В 1917 г. вернулся в Россию, зам. комиссара Временного правительства в 1-й армии. В 1919–1920 гг. служил в Белой армии. В 1920–1922 гг. на заготовках топлива в Тобольске. С 1922 г. в Госиздате. Участвовал в создании издательства «Советская энциклопедия». В 1930–1937 гг. зав. ОГИЗом. С 1957 г. персональный пенсионер – 29, 35

Нансен Фритюф (1861–1930), норвежский ученый, полярный исследователь, общественный деятель. В 1913 г. совершил плавание вдоль берегов Северного Ледовитого океана к устью Енисея, затем путешествовал по югу Восточной Сибири и Дальнему Востоку – 157

Наполеон I (*Наполеон Бонапарт*) (1769–1821), французский император в 1804–1814 гг. и в марте – июне 1815 г. – 168, 153

Невельсон Роза Абрамовна – первая жена Е.А. Преображенского – 6

Нейдгард, сенатор, возглавлял ревизию коммунального хозяйства в Петербурге – 167

Некрасов Николай Алексеевич (1821–1877/78), поэт, драматург – 308

Некрасов Николай Виссарионович (1879–1940), член ЦК партии кадетов, лидер ее левого крыла, депутат 3-й и 4-й Государственных дум от Томской губ., профессор. Один из руководителей Земгора. В 1917 г. министр путей сообщения, министр без портфеля, министр финансов Временного правительства. Летом 1917 г. вышел из партии кадетов. С 1921 г. работал в Центросоюзе – 88

Никанорыч, псевдоним не выявлен – 61

Никкелева, эсерка, проживала в Орле – 26

Николаевский Борис Иванович (1887–1966), деятель социал-демократического движения в России, историк, публицист, собиратель архивных документов. В 1903–1906 гг. большевик,

затем – меньшевик. Работал в Самаре, Уфе, Сибири. Неоднократно сидел в тюрьмах, находился в ссылке. Сотрудничал в меньшевистской печати – 5

Николай, епископ – 79

Николай I (1796–1855), российский император с 1825 г. – 171, 611

Николай II (1868–1918), последний российский император с 1894 г. – 204, 514

Николай Михайлович (1859–1919), великий князь, военный деятель и историк, внук Николая I. Окончил Академию Генштаба, был на командных должностях в армии. Председатель Русского исторического общества. Исследователь эпохи Александра I. Расстрелян в Петропавловской крепости в январе 1919 г. – 140

Николай Николаевич (младший) (1856–1929), великий князь, генерал-адъютант, генерал от кавалерии. Окончил Академию Генштаба. В 1-ю мировую войну до августа 1915 г. верховный главнокомандующий. 9 марта 1917 г. отстранен от этой должности Временным правительством. С 1919 г. в эмиграции во Франции, где был выдвинут монархическими кругами на императорский престол – 173

Никольский, личность не установлена – 206

Никольский Борис Владимирович (1870–1919), один из создателей клуба «Русское собрание» «Союза русского народа». Обвиненный приверженцами В.М. Пуришкевича в растрате государственных денег, отошел от политической деятельности. В 1913–1917 гг. читал лекции в Юрьевском университете, в 1919 г. во Всеобуче в Петрограде. В этом же году был взят в качестве заложника, расстрелян – 66

Ниссен, приветствовал 3-й Всероссийский съезд Советов от имени левых социал-демократов Норвегии и Швеции – 228

Нише Фридрих (1844–1900), немецкий философ, один из основателей «философии жизни» – 104, 164, 165

Новгородцева (Свердлова) Клавдия Тимофеевна (1876–1960), член РСДРП с 1904 г., жена Я.М. Свердлова. Участница марксистских кружков на Урале. В 1904 г. член Екатеринбургского, с 1906 г. – Пермского комитетов РСДРП. С 1906 г. почти непрерывно в тюрьмах и ссылках. После Февраля 1917 г. руководила издательством ЦК РСДРП(б) «Прибой». Одновременно до 1920 г. заведовала Секретариатом ЦК. С 1918 г. помощник секретаря ЦК РКП(б). С 1920 г. возглавляла отдел детских учреждений ВЦИК, зав. Учпедгизом, в 1931–1944 гг. работала в Главлите. Автор ряда книг. С 1946 г. персональный пенсионер – 28, 31, 42

Ноинский, помещик – 171

Носке Густав (1868–1946), германский правый социал-демократ. Член Совета народных уполномоченных во время Ноябрьской революции 1918 г. в Германии. В феврале 1919 – марте 1920 г. военный министр. Подавил всеобщую политическую забастовку берлинских рабочих (1919) – 451, 487, 511, 521

Овсянников Николай Николаевич (1884–1941), член РСДРП с 1903 г. В 1905–1907 гг. участник студенческого революционного движения. После Февраля 1917 г. член бюро Московского окружного РСДРП(б). Пропагандист-агитатор. С 1922 г. работал в Верховном Суде РСФСР и СССР, затем государственный арбитр Госарбитража при СНК СССР. С 1938 г. персональный пенсионер – 660

Огановский Николай Петрович (1874–1938?), статистик, экономист. До 1917 г. трудовик, зсер. Один из организаторов Всероссийского крестьянского союза (1905–1907). Сотрудничал в журналах «Современник», «Русское богатство», «Заветы» и др. В 1915–1916 гг. заведовал статистическим бюро Всероссийского земского союза. В мае 1917 г. вошел в Совет Главного земельного комитета Министерства земледелия Временного правительства. В 1918–1920 гг. заведовал экономическим отделом Сибиротрофея. В 1921–1924 гг. зав. статистическим отделом Наркомзема РСФСР. Затем работал в Наркомфине, Наркомторге, ВСНХ, Госплане, вел научную и преподавательскую работу – 494

- Огарев Николай Платонович** (1813–1877), русский революционер, поэт, публицист. Друг и соратник А.И. Герцена. В 1831 г. один из организаторов революционного кружка в Московском университете. В 1834–1839 гг. в ссылке. С 1856 г. эмигрант, один из руководителей Вольной русской типографии в Лондоне, инициатор и соредактор «Колокола». Разрабатывал социально-экономическую программу крестьянской революции в духе «русского социализма». Участник подготовки и создания революционного общества «Земля и воля» – 13
- Олигер Николай Фридрихович (Федорович)** (1882–1919), прозаик, драматург. Член РСДРП с 1900 г. В 1901 г. арестован, отбывал наказание в омской тюрьме. Отойдя от революционной деятельности, осенью 1906 г. переехал в Петербург, посвятив себя литературе. В творчестве отразился личный революционный опыт – тяготы конспиративного существования, тюремные истории и т.д. Несмотря на слабое здоровье, в 1915 г. добровольно отправился на фронт уполномоченным 2-го Сибирского передового врачебно-питательного отряда. В 1918 г. начальник осведомительного отдела при штабе атамана Семенова. С конца 1918 г. в Чите, член краевого бюро партии кадетов – 144
- Олимпов (Фофанов) Константин Константинович** (1889–1940), поэт эго-футурист, выступал в печати с 1912 г. Октябрьскую революцию принял восторженно. Какое-то время служил в Красной армии. В 20-е гг. XX в. основал т.н. «Академию эго-поэзии». Впоследствии отошел от футуризма – 101
- Ольнем О.Н. (Цеховская Варвара Николаевна)** (1872–1941), прозаик, печаталась в журналах «Русское богатство», «Русская мысль», «Вестник Европы» и др. Творчество посвящено жизни дворянских семей и чиновничества. В 1918–1927 гг. служила в Наркомпродхлебoproдукте – 137
- Ольшевский Владимир Петрович**, писатель автор книги «Бюрократия» – 504
- Ортодокс (Аксельрод Любовь Исааковна)** (1866–?), в середине 80-х гг. XIX в. вступила в революционный кружок в Полтаве. С 1887 г. жила за границей, в Париже и Швейцарии. С начала 90-х гг. в с.-д. движении, после 1903 г. меньшевик. Автор ряда теоретических работ – 157, 158
- Осинский Н. (Оболенский Валериан Валерианович)** (1887–1938), член РСДРП с 1907 г. Во время Декабрьского вооруженного восстания 1905 г. в Москве репортер «Известий Московского Совета рабочих депутатов». В 1911 г. арестован, выслан в Тверь, откуда корреспондировал в газеты «Звезда», журнал «Просвещение» и др. В 1913 г. в Москве один из организаторов и редактор газеты «Наш путь». После Октября управляющий Госбанком РСФСР, председатель ВСНХ. В 1918 г. «левый коммунист». В 1918–1919 гг. сотрудник редакции «Правды», в отделе пропаганды ВЦИК. В 1920–1921 гг. участник группы «демократического централизма». Позднее – троцкист. В 1921–1923 гг. зам. наркома земледелия. В 1925 г. член президиума Госплана СССР. В 1926–1928 гг. управляющий ЦСУ СССР. В 1929 г. зам. председателя ВСНХ. Затем на руководящей административно-хозяйственной работе. Репрессирован – 283, 361
- Осипов**, уполномоченный ЦК РКП(б) по проведению мобилизации населения в Красную армию – 364, 660
- Осипов**, рабочий, участник восстания Сапожкова – 364
- Оствальд Вильгельм Фридрих** (1853–1932), немецкий естествоиспытатель и философ-идеалист, с 1882 г. профессор Рижского политехнического училища, с 1887 г. профессор Лейпцигского университета. Лауреат Нобелевской премии 1909 г. – 155
- Островская Надежда Ильинична** (1881–1933), член партии с 1903 г. Уполномоченная ЦК РКП(б) и ВЦИК по Орловской губ. – 297
- Павленков Флорентий Федорович** (1839–1900), книгоиздатель, революционер-демократ, издал 600 произведений Ф. Энгельса, В.Г. Белинского, А.И. Герцена и др. тиражом около 300 млн экз. Неоднократно арестовывался. 10 лет провел в тюрьмах и ссылках – 106

- Парамонов А.И.**, сопредседник Е.А. Преображенского по делу екатеринбургской организации РСДРП в конце 1911 – начале 1912 г. – 30, 43
- Пасманик Даниил Самойлович** (1869–?), публицист, сотрудничал в журнале «Вестник Европы» – 131
- Пастер Луи** (1822–1895), французский ученый, основоположник современной микробиологии и иммунологии. В 1888 г. создал и возглавил научно-исследовательский институт микробиологии (Пастеровский институт) – 10
- Пеликан Борис Александрович** (?–1931), в 1913 г. одесский городской голова, видный деятель «Союза русского народа» и «Союза Михаила Архангела». После 1917 г. эмигрировал. Жил и умер в Белграде – 166
- Пестковский Станислав Станиславович** (1882–1937), член РСДРП с 1902 г. Революционной деятельностью занимался в Польше и Литве. Неоднократно арестовывался, в 1907 г. сослан в Иркутскую губ. В 1914 г. из ссылки бежал в Лондон. После Февраля 1917 г. вернулся в Россию. В Октябре в Петрограде участвовал в захвате почты и телеграфа. В 1917–1919 гг. член коллегии Наркомна, зам. наркома; уполномоченный Совнаркома на Западном фронте по созданию Литовско-Белорусской республики. В 1919–1920 гг. председатель Киргизского ревкома. В 1920–1921 гг. начальник Политуправления Западного фронта. В 1924–1926 гг. полпред СССР в Мексике. С 1926 г. зам. председателя МОПР, затем в аппарате Коминтерна и на научной работе. Репрессирован – 43
- Петлюра Симон Васильевич** (1879–1926), украинский левый националист, лидер украинской с.-д. партии. Один из организаторов Центральной рады (1917). В ноябре 1918 г. член Директории, затем ее глава. В 1919 г. заключил военный союз с Польшей, в Советско-польскую войну 1920 г. воевал на стороне буржуазной Польши. В 1920 г. эмигрировал. Убит в Париже – 374
- Петр, Петруха**, см. Чугурин И.Д.
- Петр I Великий** (1672–1725), русский царь с 1682 г. (правил самостоятельно с 1689 г.), первый российский император с 1721 г. – 89
- Петр III Федорович** (1728–1762), российский император с 1761 г., немецкий принц Карл Петр Ульрих. Внук Петра I. В России с 1742 г. – 89
- Петров**, русский эмигрант, социалист. Был арестован в Англии вместе с Г.В. Чичериным – секретарем «делегатской комиссии» по делам возвращения политэмигрантов в Россию. (В январе 1918 г. их выслали на родину.) По поручению Британской социалистической партии выступил с приветствием от ее имени на 3-м Всероссийском съезде Советов – 228
- Петрункевич Иван Ильич** (1844–1928), помещик, земский деятель, кадет. В 1904 г. председатель «Союза освобождения». Участник земских съездов 1904–1905 гг. Один из основателей и лидеров партии кадетов, председатель ЦК. Член 1-й Государственной думы, издатель центрального органа кадетской партии газеты «Речь». После Октября в эмиграции – 140
- Писарев**, уполномоченный ЦК РКП(б) по проведению мобилизации в Красную армию – 660
- Писарев Дмитрий Иванович** (1840–1868), публицист, литературный критик, философ-материалист, утопический социалист, революционер-демократ. Главный сотрудник газеты «Русское слово» – 10, 12, 24, 308
- Пифагор Самосский** (6 в. до н.э.), древнегреческий мыслитель, основатель пифагоризма, математик – 155
- Платон** (428 (427) – 348 (347) до н.э.), древнегреческий философ-идеалист. Ученик Сократа – 108, 146, 155, 449
- Платонов Сергей Федорович** (1860–1933), историк. В 1918–1929 гг. председатель Археологической комиссии, Комиссия по изданию сочинений А.С. Пушкина. Академик АН СССР. В 1925–1929 гг. директор Пушкинского дома (Института русской литературы АН СССР) и библиотеки АН СССР. Монархист. Арестован, выслан в Самару – 123

- Платтен Фридрих (Фриц)** (1883–1942), швейцарский левый социал-демократ, один из организаторов КП Швейцарии. В апреле 1917 г. помог В.И. Ленину пересечь из Швейцарии в Россию. В январе 1918 г. при покушении в Петрограде на В.И. Ленина прикрывал его от пуль, ранен. В 1919 г. участвовал в создании III Интернационала, член бюро Коминтерна. В 1921–1923 гг. секретарь КП Швейцарии. С 1923 г. жил в СССР – 228
- Плеве Вячеслав Константинович** (1846–1904), с 1881 г. директор Департамента полиции. В 1884–1894 гг. сенатор и товарищ министра внутренних дел. С 1899 г. статс-секретарь Великого княжества Финляндского. С апреля 1902 г. министр внутренних дел и шеф жандармов. Широко применил полицейский террор, пытался взять под контроль рабочее движение («зубатовщина»). Убит эсером Е.С. Сазоновым – 167
- Плесков Артур Абрамович** (1883–1937), член ЦК меньшевиков. После Октябрьской революции на хозяйственной работе. Репрессирован – 489
- Плетнев Валерий Федорович (Потанин)** (1886–1942), с 1904 по 1914 г. меньшевик, в 1-ю мировую войну интернационалист. После тюремного заключения в 1915–1917 гг. в сибирской ссылке. В 1918–1919 гг. член президиума Московского губсовнархоза. В 1919–1920 гг. чрезвычайный уполномоченный по снабжению 1-й Туркестанской армии и председатель СНХ Туркеспублики. В 1921–1932 гг. председатель ЦК Пролеткульта, затем на руководящей работе в Центросоюзе, Союзкино. С 1936 г. занимался литературно-редакторской работой – 36
- Плеханов Георгий Валентинович (Жорж)** (1856–1918), первый пропагандист марксизма в России. В революционном движении с 1875 г. С 1877 г. в народнической организации «Земля и воля», с 1879 г., после ее раскола, во главе «Черного передела». С 1880 г. в эмиграции, в Швейцарии. В 1883 г. создал первую русскую марксистскую организацию – группу «Освобождение труда». В начале 1900-х гг. вместе с В.И. Лениным редактировал газету «Искра» и журнал «Заря». Участвовал в выработке проекта партийной программы. После II съезда РСДРП – меньшевик. В 1-ю мировую войну социал-шовинист. После Февраля 1917 г. вернулся в Россию, поддерживал Временное правительство. К Октябрьской революции отнесся отрицательно – 48, 54, 113, 140, 141, 173, 176–178, 180, 181, 418, 451, 487–489
- Победоносцев Константин Петрович** (1827–1907), юрист, убежденный монархист. В 1880–1905 гг. обер-прокурор Синода, имел исключительное влияние на императора Александра III – 133
- Подбельский Вадим Николаевич** (1887–1920), член РСДРП с 1905 г. Партийную работу вел в Тамбове, затем в Москве. Неоднократно арестовывался и ссылался. Был в эмиграции во Франции. После Февраля 1917 г. член МК РСДРП(б), работал в редакции газеты «Социал-демократ». Участник Октябрьского вооруженного восстания в Москве, член Московского ВРК. В октябре 1917 г. комиссар почт и телеграфов Москвы и Московской области. С мая 1918 г. нарком почт и телеграфов РСФСР – 660
- Подшеколин, делопроизводитель комитета болховской организации РКП(б)** – 326, 327
- Подъячев Семен Павлович** (1866–1934), русский писатель. Печататься начал в 1888 г. Основной мотив его творчества – трагизм судьбы миллионов крестьян, страдающих от безземелья, эксплуатации и произвола властей – 112
- Покровский Иван Петрович** (1872–?), социал-демократ. Врач по профессии. В 1902 г. был арестован и после двух лет заключения выслан в Восточную Сибирь. В Русско-японскую войну служил врачом на театре военных действий. Депутат 3-й Государственной думы от Кубанской и Терской областей и Черноморской губ. Присылал к большевистской части с.-д. фракции. В 1910 г. представителем с.-д. фракции от большевиков 3-й Государственной думы в редакции большевистской легальной газеты «Звезда» – 77
- Пономарев, председатель Орловского комитета РСДРП** – 20, 28
- Пономарева, помещица** – 171
- Попов, член президиума Вятского губернского съезда Советов** – 267

Потап, см. Иванов

Потапыч, см. Плетнев В.Ф.

Потресов Александр Николаевич (1869–1934), в 1896 г. член петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В 1898 г. сослан в Вятскую губ. Будучи в ссылке, сотрудничал в марксистских журналах «Новое слово» и «Начало». В 1900 г. эмигрировал за границу, принимал участие в создании газеты «Искра». С 1903 г. меньшевик. Во время 1-й мировой войны – социал-шовинист. В 1917 г. один из руководителей буржуазной газеты «День», боровшейся против большевиков. После Октября в эмиграции – 487

Правдин Александр Георгиевич (1879–1938), член РСДРП с 1899 г. Партийную работу вел в Одессе, Петербурге, Луганске и др. В 1912–1914 гг. сотрудничал в «Правде». В 1917 г. работал на Урале. После Октября зам. наркома внутренних дел. С 1923 г. член ЦКК, зам. наркома путей сообщения, председатель правления Северных железных дорог, начальник транспортной группы Наркомата РКИ. Репрессирован – 660

Предкальи (Приедкальи) Андрей Янович (1873–1923), латышский социал-демократ, по профессии врач. В 1907 г. член с.-д. фракции 3-й Государственной думы, примыкал к большевикам. Сотрудничал в большевистских газетах «Звезда» и «Правда». После Октября занимался научной работой в области медицины – 63

Преображенская Александра Алексеевна, сестра Е.А. Преображенского – 6

Преображенская (урожд. Левицкая) Варвара Алексеевна, мать Е.А. Преображенского – 6, 7, 11

Преображенская Людмила Алексеевна, сестра Е.А. Преображенского – 6

Преображенская Ольга Алексеевна, сестра Е.А. Преображенского – 6

Преображенский, комиссар Временного правительства – 206

Преображенский Алексей Александрович (отец Алексей), отец Е.А. Преображенского – 5–7, 10

Преображенский Виктор Алексеевич, брат Е.А. Преображенского – 6

Преображенский Леонид Евгеньевич, сын Е.А. Преображенского от первого брака – 6, 8, 10, 11

Преображенский Евгений Алексеевич (Л.-д. Леонид, Л., М. Леонов, М.Л., М. Л-в, Е. Идунанский) (1886–1937) – 3–12, 37, 38, 46, 49, 54, 57–61, 64, 67, 68, 70–72, 74, 76, 77, 79–82, 84, 86, 88, 91–93, 95, 96, 99–102, 104, 108, 109, 111, 114–118, 121–124, 127, 128, 130–132, 134, 136, 137, 141, 144, 145, 147, 150, 152, 153, 155, 157, 159, 161, 162, 165–168, 170, 172, 173, 176, 181, 202–204, 206, 209, 210, 212–214, 225–228, 230, 233, 234, 236, 241, 245, 247, 252, 253, 256, 259, 261–263, 267, 269, 271–274, 282, 285, 288, 292, 295–298, 300, 302, 303, 305, 307, 308, 310, 311, 314, 317, 319, 322, 324–330, 332, 334, 336–344, 347, 353, 354, 356, 357, 365, 366, 368, 370, 374, 376, 380, 396, 397, 415, 416, 598, 599, 645

Прокопович Сергей Николаевич (1871–1955), идеолог «экономизма», деятель «Союза освобождения». В 1917 г. министр Временного правительства. После Октября работал в Помголе, был связан с контрреволюционным подпольем. В 1922 г. выслан за границу – 58, 638

Прудон Пьер Жозеф (1809–1865), французский мелкобуржуазный социалист, теоретик анархизма – 408, 409

Пуанкаре Раймон (1860–1934), президент Франции в 1913–1920 гг., премьер-министр в 1912–1913, 1922–1924 и 1926–1929 гг. Один из организаторов антисоветской интервенции – 180

Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920), бессарабский помещик. Один из основателей черносотенного «Союза русского народа», после раскола которого возглавил «Союз Михаила Архангела». Депутат 2, 3 и 4-й Государственных дум. В 1-ю мировую войну начальник санитарного поезда. Один из участников убийства Распутина. После Февраля 1917 г. выступил против Временного правительства, за восстановление монархии. В ноябре 1917 г. арестован Петроградской ЧК, осужден, затем амнистирован. Умер от сыпного тифа – 66, 73, 77, 92, 93, 180, 509, 523

Пуров, уполномоченный ВЦИК и ответственный представитель ЦК РКП(б) по Орловской губ. – 305

- Путилов Алексей Иванович** (1866 – после 1926 г.), промышленник, финансист. Дворянин. С 1906 г. директор-распорядитель Русско-китайского, с 1910 г. – Русско-азиатского банков. Участник многих акционерных обществ. С декабря 1917 г. в эмиграции. В Гражданскую войну финансировал Белое движение – 466
- Пуше Феликс** (1800–1872), французский врач и натуралист – 10
- Пушкин Александр Сергеевич** (1799–1837), русский поэт – 21, 77–79, 104, 107
- Пьетри** – префект парижской полиции в 1912 г. – 112
- Радек (Собельсон) Карл Беригардович** (1885–1939), с начала 1900-х гг. участник с.-д. движения в Галиции, Польше и Германии. В 1-ю мировую войну интернационалист. В РСДРП(б) с 1917 г. После Октября работал в Наркоминдел, секретарь Исполкома Коминтерна, сотрудничал в газетах «Правда» и «Известия». В 1918 г. «левый коммунист», с 1923 г. троцкист. Репрессирован – 349–351
- Раковский Христиан Георгиевич** (1873–1941), с начала 90-х гг. XIX в. участвовал в с.-д. движении Болгарии, Румынии, Швейцарии, Франции. В 1-ю мировую войну центрист. Член РСДРП(б) с 1917 г. В 1918 г. председатель Совнаркома Украины, с 1923 г. на дипломатической работе в Англии и Франции. Троцкист. Репрессирован – 350
- Распутин (Новых) Григорий Ефимович** (1872–1916), из крестьян Тобольской губ. В качестве «провидца» и «исцелителя» приобрел неограниченное влияние на царицу. Убит в Петрограде группой монархистов – 139
- Ратнер Марк Борисович** (1871–1917), бундовец, публицист, присяжный поверенный. Сотрудник «Русского богатства» и др. Писал статьи по марксизму, аграрному вопросу и рабочему законодательству. Выступал с критикой «Капитала» К. Маркса. С 1903 г. один из главных публицистов социалистической еврейской рабочей партии. В 1-ю мировую войну социал-шовинист – 140, 159
- Рафес Моисей Григорьевич** (1883–1942), в революционном движении с 1899 г. В 1912–1919 гг. член ЦК Бунда. Революционную работу вел в Вильно, Гомеле, Киеве и др. После Февраля 1917 г. член исполкома Петросовета. Затем возглавлял левое крыло Бунда на Украине. С лета 1919 г. в РКП(б). Комиссар Красной армии, затем на руководящей советской работе в Москве. Впоследствии работал в области киноискусства – 354
- Рейнбог (Резвой) Анатолий Анатольевич** (1868–1918), генерал-майор. В 1906–1907 гг. московский градоначальник. Жестоко подавлял революционные выступления в Москве. За взятничество, вымогательство, присвоение казенных денег уволен с должности и отдан под суд. Приговор суда не был осуществлен. В 1-ю мировую войну командовал дивизией. В 1914 г. с разрешения Николая II переименовал фамилию на Резвой – 52
- Реклю Жан Элизе** (1830–1905), французский географ, социолог. Член I Интернационала, примыкал к бакунистам – 412
- Реннер Карл** (1870–1950), один из лидеров правого крыла австрийской с.-д. партии и II Интернационала, идеолог австромарксизма. Вместе с О. Бауэром автор программы культурно-национальной автономии. В 1918–1920 гг. федеральный канцлер Австрии – 487
- Реноль Пьер** (1871–1935), правый французский социалист. В 1915–1918 гг. директор газеты «Юманите» – 487
- Рескин Джон** (1819–1900), английский писатель, теоретик искусства. Протестуя против буржуазной реальности, призывал к возрождению средневековых форм организации художественного творчества и ремесел. Произведения о проблемах культуры отличаются изысканностью слога. Его именем назван был в Лондоне рабочий университет – 159
- Рессель**, один из руководителей с.-д. партии США – 487
- Рихтер Евгений** (1838–1906), один из лидеров немецкой либеральной «партии свободомыслящих», выступал за примирение классовых интересов пролетариата и буржуазии – 99
- Робеспьер Максимилиен** (1758–1794), деятель Великой французской революции, якобинец.

- В 1793 г. возглавил революционное правительство, в борьбе широко применял террор. Казнен термидорианцами – 228, 513
- Родзянко Михаил Владимирович** (1859–1924), один из лидеров октябристов, крупный помещик. В 1911–1917 гг. председатель 3-й и 4-й Государственных дум. В 1917 г. председатель Временного комитета Государственной думы. После Гражданской войны эмигрировал с частями Добровольческой армии – 9, 133
- Родичев Федор Измайлович** (1856–1933, по другим данным 1853–1932), тверской помещик и земский деятель, юрист, член ЦК партии кадетов. Депутат 1, 2, 3 и 4-й Государственных дум. Блестящий оратор. После Февраля 1917 г. комиссар Временного правительства по делам Финляндии. После Октября депутат Учредительного собрания, арестован в связи с убийством М.С. Урицкого. В сентябре 1918 г. выехал на Юг. Эмигрировал. С начала 1920 г. представитель Добровольческой армии в Польше – 106, 145
- Рожков Николай Александрович** (1868–1927), историк и публицист. В РСДРП с 1905 г., большевик. В 1905–1906 г. член московского, в 1906–1907 гг. – петербургского комитета большевиков, сотрудник ряда большевистских изданий. В апреле 1908 г. арестован, в 1910 г. выслан в Восточную Сибирь. В ссылке примкнул к меньшевикам-ликвидаторам, сотрудничал в их печати. После Февраля 1917 г. вошел в группу московских социал-демократов – объединенцев. Товарищ министра почт и телеграфов Временного правительства. С августа 1917 г. меньшевик, член ЦК. Октябрьскую революцию встретил враждебно. В начале 20-х гг. XX в. дважды арестовывался. В 1922 г. порвал с меньшевиками. Работал в вузах и научных учреждениях Ленинграда и Москвы. Автор свыше 300 работ по истории России – 45
- Розанов Владимир Николаевич** (1876–1939), дворянин. В революционном движении с 1890-х гг. После II съезда РСДРП присоединился к меньшевикам. Во время 1-й мировой войны сотрудничал в журнале «Современный мир» и др. С 1908 г. в эмиграции. После Февральской революции вернулся в Россию. Депутат Петросовета. В Октябре 1917 г. занял резко отрицательную позицию по отношению к политике большевиков. Принимал участие в контрреволюционных организациях. По процессу «Тактического центра» в июле 1919 г. осужден Петроградской ЧК. Приговорен Верховным Революционным трибуналом к расстрелу. В 1921 г. амнистирован. Отошел от политической деятельности, работал в медицинских учреждениях – 487
- Розенталь**, член президиума Уральского областного комитета РКП(б) – 273
- Рокфеллеры**, финансовая группа США. Сложилась в конце XIX в. Ее основатель – Дж. Д. Рокфеллер-старший (1839–1937) – 499, 514
- Романов**, ученик орловской семинарии – 26
- Романовы**, боярский род в России XIV–XVI вв., потомки Андрея Кобылы. До начала XVI в. именовались Кошкиными, до конца XVI в. – Захарьиными. С 1613 г. царская, а с 1721 г. императорская династия. Первый царь из рода Романовых – Михаил Федорович. Последний – император Николай II, свергнут Февральской революцией 1917 г. – 204
- Ромм Николай Николаевич** (1884–?), член РСДРП с 1904 г. Революционную деятельность начал в Саратове. Неоднократно арестовывался. В 1906 г. был призван на военную службу. В сентябре 1908 г. за агитацию среди солдат вновь арестован, приговорен к ссылке на поселение в Карапчанскую волость Иркутской губ. В Иркутске находился вплоть до 1917 г. 30, 44, 45
- Ропшин В. (Савинков Борис Викторович)** (1879–1925), один из лидеров партии эсеров, входил в руководство ее «боевой организации». Участник убийства В.К. Плеве в 1904 г., вел. кн. Сергея Александровича в 1905 г. и других террористических актов. В 1906 г. арестован, приговорен к казни, бежал; жил за границей. В 1-ю мировую войну доброволец во французской армии. После Февраля 1917 г.: комиссар при ставке Верховного главнокомандования, комиссар Юго-Западного фронта, товарищ военного министра Временного правительства, затем военный генерал-губернатор Петрограда. После Октября организатор ряда контрреволюционных мятежей в Ярославле, Рыбинске и Муроме. Позднее представитель

- Колчака в Париже. В 1924 г. нелегально приехал в СССР, был арестован. Приговорен к 10 годам тюремного заключения. Согласно официальному сообщению, покончил жизнь самоубийством. Автор романов (под псевдонимом В. Ропшин) «Конь бледный», «То, чего не было», автобиографических «Воспоминаний террориста» и др. – 112, 163–164, 254, 256
- Рорбах**, апологет германского империализма – 469
- Ротшильды**, финансовая группа в Западной Европе. Основатель банкирского дома – М.А. Ротшильд (XVIII в., Франция) – 514
- Рудзутак Ян Эрнестович** (1887–1938), член РСДРП с 1905 г. В 1906 г. член рижского комитета партии. В 1907 г. арестован, приговорен к 10 годам каторги. Освобожден Февральской революцией 1917 г. Инструктор Моссовета, член президиума и секретарь Московского совета Союза текстильщиков, член президиума Мосгорсовета профсоюзов, затем член президиума ВСНХ, председатель Центротекстиля. С 1920 г. член ЦК РКП(б), член президиума и генеральный секретарь ВЦСПС. В 1921–1924 гг. председатель Средне-Азиатского бюро РКП(б). В 1923–1924 гг. секретарь ЦК РКП(б), в 1924–1930 гг. нарком путей сообщения, с 1926 г. зам. председателя СНК и СТО СССР, с 1932 г. председатель ЦКК ВКП(б) и нарком РКИ СССР, в 1927–1932 гг. член Политбюро ЦК ВКП(б). Репрессирован – 349
- Руднев Вадим Викторович** (1879–1940), с начала 1905 г. один из руководителей партии эсеров. Неоднократно подвергался арестам и ссылкам. В Февральскую революцию 1917 г. возглавил Московский комитет партии эсеров. В начале июля 1917 г. избран московским городским головой. При получении известия о начавшемся большевистском перевороте в Петрограде обратился по телеграфу ко всем городским и земским самоуправлениям с призывом поддержать Учредительное собрание. Надеялся превратить Москву в центр борьбы с большевиками по всей России, а также сформировать новое Временное правительство. После разгона Учредительного собрания находился на нелегальном положении. С 1919 г. в эмиграции – 394
- Руژه де Лиль Клод Жозеф** (1760–1836), французский военный инженер, поэт и композитор. Автор гимнов, песен, романсов. Революционный гимн «Марсельеза» (1792) стал гимном Франции – 513
- Рукавишников Иван Сергеевич** (1877–1930), русский писатель. Первые его стихи были опубликованы в 1896 г., с 1901 г. выступал как прозаик. Герои его рассказов – люди, мечущиеся и не находящие примирения своим силам. Наибольшей известностью пользовался роман «Проклятый род», вышедший первым изданием в 1912 г. – 89
- Рыков Алексей Иванович** (1881–1938), член РСДРП с 1898 г. С 1905 г. член ЦК РСДРП, участник Декабрьского вооруженного восстания 1905 г. в Москве. С 1906 г. в подполье, тюрьмах, эмиграции. С мая 1917 г. член президиума Моссовета. В октябре 1917 г. комиссар внутренних дел и юстиции в первом советском правительстве. Зимой 1917–1918 гг. занимался снабжением Москвы хлебом. С апреля 1918 г. председатель ВСНХ. В 1922–1930 гг. член Политбюро ЦК ВКП(б). С 1921 г. зам. председателя СНК и СТО СССР и РСФСР. В 1924–1930 гг. председатель СНК СССР, одновременно до 1929 г. возглавлял правительство РСФСР. Один из лидеров «правого уклона». В 1931–1936 гг. нарком связи СССР. Репрессирован – 350
- Рябушинский Павел Павлович** (1871–1924), из семьи промышленников и банкиров. Совладелец (с братьями) Московского банка Рябушинских, газеты «Утро России», выражавшей интересы крупной буржуазии. Входил в ЦК партии «Союз 17 октября», с 1906 г. в партию мирного обновления, в 1916 г. в Московское отделение ЦК партии прогрессистов. Один из вдохновителей и организаторов корниловского выступления. После Октября эмигрировал во Францию – 135, 136, 158
- Рязанов (Гольдендах) Давид Борисович** (1870–1938), в с.-д. движении с 90-х гг. XIX в. В 1-ю мировую войну центрист, сотрудничал в меньшевистских газетах. С 1917 г. член РСДРП(б). После Октября работал в профсоюзах. В 1918 г. после заключения Брестского мира вышел

из партии в знак протеста. Во время профсоюзной дискуссии 1920–1921 гг. – во главе противников В.И. Ленина, отстранен от работы в профсоюзах. С мая 1918 по декабрь 1920 г. возглавлял Главархив. С 1921 г. директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Редактор первых изданий сочинений Г.В. Плеханова. Репрессирован – 660

С., см. Войтинский В.С.

С., см. Шварц И.И.

Савинов, личность не установлена – 34

Садко Мих. (Соколов Василий Николаевич) (1874–?), в 1893–1896 гг. народоволец. В 1897 г. вошел в Северный рабочий союз, организатор марксистских кружков. С 1900 по 1903 г. вел пропаганду в Пскове. Три раза был арестован. В 1905 г. один из издателей газеты «Вперед». Участник Декабрьского вооруженного восстания в Москве, секретарь РСДРП. В 1906 г. арестован, в 1909 г. приговорен к ссылке на поселение в Енисейскую губ. Одно время жил в Чите. Корреспондент изданий «Иркутское слово», «Голос Сибири», «Наше дело» и др. – 111

Сазонов Георгий Петрович (1857–?), в 1899–1902 гг. редактор либеральной газеты «Россия». После 17 октября 1905 г. член «Союза русского народа». Был связан с Г. Распутиным. Автор работ по крестьянским земельным вопросам – 73

Сазонов Сергей Дмитриевич (1861–1927), дипломат, сторонник укрепления Антанты. С 1904 г. занимал ряд дипломатических постов в Европе. В 1909 г. товарищ министра, в 1910–1916 гг. министр иностранных дел. С 1916 г. посол в Лондоне. После Февраля 1917 г. поддерживал Временное правительство. В 1918–1919 гг. член правительств А.В. Колчака, затем А.И. Деникина. Эмигрировал – 117

Сайд-Галиев Сахиб Гарей (1894–1938), член РСДРП(б) с 1917 г. В 1919 г. комиссар по делам национальностей Казанского Совета. В 1920–1924 гг. председатель Совнаркома Татарской, затем Крымской республик. В 1924–1926 гг. зав. финансовой и сельскохозяйственной инспекциями ЦКК – РКК. С 1931 г. член коллегии Наркомтруда СССР. С 1933 г. начальник политотдела саратовского отделения Рязано-Уральской железной дороги. Репрессирован – 341, 348

Салтыков-Щедрин (Салтыков) Михаил Евграфович (1826–1889), русский писатель-сатирик, один из редакторов журнала «Отечественные записки» – 16, 24

Самойлов Федор Никитич (1882–1952), член РСДРП с 1903 г. Депутат 4-й Государственной думы от Владимирской губ., член большевистской фракции. В 1919–1920 гг. уполномоченный ЦК РКП(б) и ВЦИК при Башкирском ВРК. Член Башкирского обкома РКП(б). Автор книги «Малая Башкирия в 1918–1920 гг.» – 343

Самойлова Р., см. Землячка Р.С.

Самсонов Михаил Борисович (1881–?), член РСДРП с 1901 г., вел революционную работу в Саратове, Одессе, Севастополе, Ялте, Екатеринославе. В 1908 г. арестован, осужден на поселение в Иркутскую губ. До 1917 г. жил в Иркутске, потом в Чите – 30, 43–45

Санин А.А. (1869–?), писатель, марксист 90-х гг. XIX в., участник подготовки к изданию «Самарского вестника» и сборника «Пролетарская борьба» – 89

Сапожков (?–1920), левый эсер, командир 2-й Туркестанской кавалерийской дивизии. В июле 1920 г. поднял антибольшевистский мятеж в Бузулукском уезде Самарской губ. 6 сентября 1920 г. убит в бою – 364

Сафаров (Володин) Георгий Иванович (1891–1942), член РСДРП с 1908 г., большевик. Партийную работу вел в Петербурге, Самаре, на Урале, в Туркестане и за границей. После Февраля 1917 г. вернулся в Россию, член Петроградского комитета партии. Сотрудничал в газете «Правда». После Октября на партийной и советской работе в Поволжье и на Урале. В 1918 г. при обсуждении Брестского мира – «левый коммунист». С 1921 г. член Туркбюро ЦК РКП(б). В 1921–1922 гг. член ИККИ, зав. Восточным отделом Коминтерна. Входил в «новую оппо-

зицию», затем в троцкистско-зиновьевский блок. В 1926 г. 1-й секретарь полпреда СССР в Китае. Репрессирован – 260, 263, 273, 274

Свердлов Яков Михайлович (Андрей, Михалыч) (1885–1919), член РСДРП с 1901 г. Революционную работу вел в Нижнем Новгороде, Костроме, Ярославле, Казани. В 1905 г. член Казанского комитета партии. Неоднократно арестовывался. С июля 1905 г. на Урале: в Перми, Екатеринбурге и др. городах. В феврале 1906 г. избран председателем Уральского обкома. В июне 1906 г. арестован в Перми, освобожден в 1909 г. В декабре арестован в Москве, сослан в 1910 г. в Сибирь, бежал. Перебрался в Петербург, вновь арестован, сослан в Нарымский край, в 1912 г. бежал в Петроград. В феврале 1913 г. выдан охранке депутатом-провокатором Р.В. Малиновским, осужден, выслан в Туруханский край. Освобожден после Февраля 1917 г. В апреле 1917 г. руководил 1-й Уральской (свободной) конференцией большевиков, воссозданием уральского обкома партии. Затем один из руководителей Октябрьской революции в Петрограде, член ВРК Петросовета, председатель большевистской фракции 2-го Всероссийского съезда Советов. С ноября 1917 г. председатель ВЦИК, с апреля 1918 г. председатель Комиссии по выработке Конституции РСФСР. Член и секретарь ЦК, с января член Оргбюро ЦК РКП(б) – 28, 31–37, 199–201

Свифт Г., с 1885 г. владелец крупнейшего в США треста мясохладобойной промышленности «Свифт энд К°», «Король мяса» – 499

Седой (Литвин Зиновий Яковлевич) (1879–1947), член РСДРП с 1897 г. Рабочий-металлист. Партийную работу вел в Петербурге, Нижнем Новгороде, Москве, Тифлисе. Один из руководителей Декабрьского вооруженного восстания в Москве, начальник штаба боевых дружин на Пресне. После подавления восстания уехал в Финляндию, затем в Швейцарию, Канаду, США, Францию. В 1917 г. вернулся в Россию, где был избран членом Киевского горсовета. В Гражданскую войну воевал с белогвардейцами под Царицыном. С 1919 г. в Центральном управлении военных сообщений, затем в НКПС. В 1921–1939 гг. на административной работе. С 1939 г. персональный пенсионер – 28

Семашко Николай Александрович (1874–1949), племянник Г.В. Плеханова, член РСДРП с 1893 г. Врач. Участник студенческого революционного движения в Москве. Партийную работу вел в Орловской и Самарской губ., Нижнем Новгороде. В 1906 г. эмигрировал в Швейцарию. В 1908–1910 гг. секретарь и казначей заграничного бюро ЦК РСДРП в Париже. В России с сентября 1917 г. В дни октябрьских боев организовывал медицинскую помощь в Москве. Затем комиссар Городской думы, заведующий медико-санитарным отделом Моссовета. С 1918 по 1930 г. первый народный комиссар здравоохранения. С 1930 г. на преподавательской и научной работе – 660

Семен, см. Шварц И.И.

Семенов Григорий Михайлович (1890–1946), казачий есаул Забайкальского казачьего войска. Участник 1-й мировой войны. С июля 1917 г. комиссар Временного правительства в Забайкальской области по формированию добровольческих частей. В ноябре – декабре 1917 г. поднял неудачный мятеж против советской власти, бежал в Маньчжурию. После мятежа чехословацкого корпуса утвердился в Забайкалье. Временным Сибирским правительством назначен командиром отдельного корпуса со штабом в Чите. А.В. Колчаком назначен командующим Читинским военным округом. В начале 1919 г. при поддержке японцев объявил себя атаманом Забайкальского казачьего войска. В сентябре 1921 г. эмигрировал. В 1945 г. захвачен советскими войсками в Маньчжурии и в 1946 г. казнен – 374

Сен-Симон Клод Анри, де (1760–1825), граф. Французский мыслитель, социалист-утопист – 153, 242

Серафимович (Попов) Александр Серафимович (1863–1949), писатель, член РСДРП(б) с 1918 г. После Октября вошел в редколлегия «Известий Московского Совета рабочих депутатов». В Гражданскую войну военный корреспондент «Правды» – 89, 111, 137, 138, 157

Сергеев Федор Андреевич, см. Артем

Серго (Орджоникидзе Григорий Константинович) (1886–1937), член РСДРП с 1903 г. Революционную работу вел в Западной Грузии, Абхазии, Баку. Неоднократно подвергался тюремному заключению и ссылке. После Февраля 1917 г. организатор революционной власти в Якутии. В июне 1917 г. член исполкома Петербургского комитета РСДРП(б). Участник Октябрьской революции в Петрограде. Затем чрезвычайный комиссар Украины, Юга России. В Гражданскую войну член Реввоенсовета 16-й и 14-й армий и Кавказского фронта. В 1921–1926 гг. председатель Кавказского бюро ЦК, затем секретарь Закавказского краевого комитета партии, одновременно член Реввоенсовета СССР. С 1926 г. председатель ЦКК ВКП(б) и нарком РКИ СССР. С 1930 г. председатель ВСНХ, а с 1932 г. нарком тяжелой промышленности СССР. Покончил жизнь самоубийством – 348

Серебряков Леонид Петрович (1888–1937), член РСДРП с 1905 г. Неоднократно арестовывался царской охранкой, в 1912 г. выслан в Нарым. После Февраля 1917 г. один из организаторов Костромского Совета, затем переехал в Москву. После Октября член президиума и секретарь обкома партии. В 1919–1920 гг. секретарь ЦК РКП(б), секретарь ВЦИК, затем член Реввоенсовета Южного фронта и начальник ПУРа. С конца 1921 г. комиссар Главного управления путей сообщения. С 1922 г. зам. наркома Главпути. С 1924 г. зам. председателя КВЖД. В 1928 г. уполномоченный НКПС в США. С 1923 г. активный участник троцкистской оппозиции. Репрессирован – 30

Сибирский Ф. (Лебедев Федор Николаевич) (1879–?), журналист. Народник. Сотрудничал в журнале «Голос Сибири», а также являлся корреспондентом газеты «Уральский рабочий» – 110, 119–121

Симаков, член комитета болховской организации РКП(б) Орловской губ. – 325, 326, 328

Скворцов-Степанов Иван Иванович (1870–1928), в революционном движении с 1892 г., член РСДРП с 1896 г. С конца 1904 г. большевик. Неоднократно арестовывался, в 1901–1904 гг. выслан в Восточную Сибирь. В 1905–1907 гг. вел работу в большевистской литературно-лекторской группе МК. В 1907 и 1911 г. кандидат в депутаты 3-й Государственной думы от большевиков. С Февраля 1917 г. член МК, редактор «Известий Московского совета рабочих и солдатских депутатов». В Октябрьские дни член Московского ВРК. Нарком финансов первого состава советского правительства. В 1919–1920 гг. в руководстве Центросоюза. В 1920 г. на политработе на советско-польском фронте. Затем – директор Института Ленина при ЦК РКП(б). Автор работ по истории революционного движения, политэкономии, атеизму и истории религии, переводчик и редактор трех томов «Капитала» К. Маркса и др. – 63, 601

Скляиский Эфраим Маркович (1892–1925), член РСДРП с 1913 г. Военный врач. После Февраля 1917 г. член корпусного, председатель армейского комитетов, член Двинского комитета РСДРП(б). Делегат, член президиума 2-го съезда Советов, член Петроградского ВРК. В Октябрьские дни командир сводного отряда, занявшего штаб Петроградского военного округа. От Петроградского ВРК был комиссаром Главного штаба, затем Ставки Верховного главнокомандующего в Могилеве. В 1918–1924 гг. член коллегии наркомвоенно и зам. председателя Реввоенсовета Республики – 305

Скобелев Матвей Иванович (1885–1938), в с.-д. движении с 1903 г., меньшевик. В 1906 г. эмигрировал, сотрудничал в меньшевистских изданиях, входил в редакцию «Правды» Троцкого. Депутат 4-й Государственной думы. В 1-ю мировую войну центрист. После Февраля 1917 г. зам. председателя Петросовета, зам. председателя ЦИК. С мая по август 1917 г. министр труда Временного правительства. После Октября отошел от меньшевиков, работал в кооперации, затем в Наркомвнешторге. С 1922 г. большевик. На хозяйственной работе. В 1936–1937 гг. работал во Всесоюзном радиокомитете. Репрессирован – 238

Скоропадский Павел Петрович (1873–1945), генерал-лейтенант, потомок гетмана И.И. Скоропадского. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. Флигель-адъютант Николая II. Сторонник объединения «русских земель», включая Польшу, в единое федеративное государство. В октябре 1917 г. избран атаманом украинского казачьего войска, возглавил войска Центральной рады. С санкции Вильгельма II в апреле 1918 г. избран гетманом, провоз-

- гласил Украинскую державу. Восстановил права помещиков, объявил создание Всероссийской федерации с целью возродить Великую Россию, но не удержался у власти. 14 декабря 1918 г. бежал из Киева в Берлин. В 1928 г. вел переговоры с представителями РОВС о сотрудничестве, но прекратил их после постановки в Берлине «Дней Турбиных» М.А. Булгакова, возмущенный своим изображением в пьесе. Сотрудничал с Гитлером – 252, 401, 481
- Скрыпник Николай Алексеевич** (1872–1933), социал-демократ с 1897 г. В 1903 г. вел партийную работу на Урале, большевик. За участие в революции 1905 г. заочно приговорен к смертной казни. В 1908–1909 гг. восстанавливал на Урале с.-д. организации, Уральское областное бюро РСДРП. 15 раз арестовывался, 7 раз был сослан. С 1917 г. член ЦК партии большевиков. Один из руководителей Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. С декабря 1917 г. на Украине: возглавлял ряд наркоматов, генеральный прокурор, зам. председателя Совнаркома УССР. В 1933 г. выступил в защиту умирающих от голода украинцев. Обвиненный Сталиным в национализме, покончил жизнь самоубийством – 212
- Слепцов**, член комитета болховской организации РКП(б) Орловской губ. – 325–328
- Случкая Вера**, член брянской социал-демократической организации – 19
- Смилга Ивар Тенисович** (1892–1937), член РСДРП с 1907 г. В 1914–1915 гг. член Петербургского комитета партии, большевик. После Февраля 1917 г. член Кронштадтского комитета РСДРП(б), председатель облисполкома армии, флота и рабочих Финляндии. После Октября уполномоченный СНК РСФСР в Финляндии. С лета 1918 г. на фронтах Гражданской войны, член РВС ряда фронтов. С апреля 1919 г. член Реввоенсовета Республики, начальник Политуправления РВСР. В профсоюзной дискуссии 1920–1921 гг. – сторонник Троцкого. С 1921 г. зам. председателя ВСНХ, зам. председателя Госплана СССР, ректор Института народного хозяйства им. Г. В. Плеханова. В 1935 г. арестован. Репрессирован – 350–352
- Смирнов Владимир Михайлович** (1887–1937), член РСДРП с 1907 г. После Февраля 1917 г. работал в Москве, член редколлегии большевистской газеты «Социал-демократ», журнала «Спартак». После Октября член президиума ВСНХ. В 1918 г. «левый коммунист». Один из лидеров «военной оппозиции» в 1919 г. В 1920–1921 гг. деятель группы «демократического централизма». В 1923 г. примкнул к троцкистской оппозиции. Репрессирован – 637
- Смирнов Е. (Гуревич Эммануил Львович)** (1866–?), в 1884 г. за участие в кружках самообразования арестован, сослан в Уфимскую губ. До 1890 г. народоволец. С 1901 г. социал-демократ, с 1903 г. меньшевик. В 1905 г. член редакции меньшевистской газеты «Начало». В 1910 г. ликвидатор. Работал в с.-д. фракции Государственной думы, в 1911 г. арестован, выслан из Петербурга. В 1-ю мировую войну оборонец. В 1917 г. редактор газеты «Власть народа». В 1930 г. работал в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса. Беспартийный – 98
- Смирнов Иван Никитич** (1881–1936), член РСДРП с 1899 г. Вел революционную работу в Москве, Вышнем Волочке. Неоднократно подвергался арестам, тюремному заключению, ссылке. С 1905 г. работал в Москве, Петербурге, Ростове-на-Дону, Харькове. В 1916 г. мобилизован в армию. После Февраля 1917 г. член исполкома Томского Совета. С августа 1918 г. по апрель 1919 г. член Реввоенсовета Восточного фронта. С апреля 1919 г. по май 1920 г. член РВС 5-й армии. С декабря 1918 г. по октябрь 1919 г. член и председатель Сибирского (Урало-Сибирского) бюро ЦК РКП(б). С ноября председатель Сибирского областного бюро РКП(б). С августа 1919 по август 1921 г. председатель Сибирского ревкома. Его называли «Сибирский Ленин». Организовывал и направлял революционное движение в тылу войск Колчака. С октября 1921 г. на партийной работе в Петрограде. В 1923–1927 гг. нарком почт и телеграфа. С 1923 г. активный участник троцкистской оппозиции. Репрессирован – 350
- Смольников**, член болховской организации РКП(б) Орловской губ. – 325, 326
- Соколов Александр Николаевич** (1889–?), беспартийный. Арестованный в 1907 г. за участие в демонстрации и забастовке, сидел в тюрьмах в Пошехони, Ярославле, Рыбинске, в 1909 г. осужден к ссылке на поселение в Иркутской губ. – 26

- Соколов Николай Дмитриевич** (1870–1928), социал-демократ, присяжный поверенный, адвокат. В 1909 г. кандидат от РСДРП на выборах в 3-ю Государственную думу. Сочувствовал большевикам. После Февраля 1917 г. член исполкома Петросовета, сторонник коалиции с буржуазией. После Октября юрисконсульт в советских учреждениях – 30, 63
- Соловьев Василий Иванович** (1890–1939), член РСДРП с 1912 г. Партийную работу вел в Петрограде и Москве. После Февраля 1917 г. член Московского окружкома, член большевистской фракции Городской думы. В Октябре 1917 г. член Боевого партийного центра. В 1918 г. управляющий делами ВСНХ, затем член Реввоенсовета Восточного фронта, член РВС 2-й армии. С января 1920 г. зам. начальника Политуправления Республики. Затем в аппарате ЦК РКП(б). В 1923–1926 гг. дипломат, работник Коминтерна. Потом зав. Госиздатом, директор Государственной книжной палаты – 213
- Сольц Арон Александрович** (1872–1945), член РСДРП с 1898 г., большевик. Участник трех революций. В 1917 г. член редакции газет «Социал-демократ» и «Правда». С 1921 г. член президиума ЦКК, затем член Верховного Суда РСФСР, СССР. Занимал ответственные посты в Прокуратуре СССР – 227
- Сорокин**, член пермского губисполкома – 262
- Сосновский Лев Семенович** (1886–1937), член РСДРП с 1904 г. Активный участник революционного движения в Екатеринбурге, Златоусте, Самаре, Одессе, Петербурге. Работал в с.-д. изданиях, в т.ч. в «Правде». В 1913 г. арестован, сослан в Челябинск. После Февраля 1917 г. член Уральского обкома РСДРП(б), с августа председатель Уральского обкома партии, Уральского обкома профсоюзов, с октября – Екатеринбургского Совета. Возглавлял редакцию газеты «Уральский рабочий». В ноябре 1917 г. депутат Всероссийского Учредительного собрания от Пермской губ. С декабря 1917 г. в Петрограде. С 1918 по 1924 г. член Президиума ВЦИК. В Гражданскую войну председатель Екатеринбургского губисполкома, Харьковского губкома РКП(б), Екатеринбургского ревкома; участвовал в создании Башкирской АССР. В 1921 г. зав. отделом ЦК РКП(б). В 1922 г. член советской делегации на Генуэзской конференции. В 1923 г. примкнул к троцкистской оппозиции. Репрессирован – 350
- Спиноза Бенедикт** (*Барух*) (1632–1677), нидерландский философ-материалист, атеист – 155
- Спирidonova Мария Александровна** (1884–1941), в партии эсеров с 1905 г. В 1906 г. за террористический акт по отношению к офицеру-карателю, подавлявшему крестьянские волнения в Тамбовской губ., жестоко избита, приговорена к смертной казни, замененной бессрочной каторгой в восточносибирских тюрьмах. После Февраля 1917 г. лидер левых эсеров, член ЦК. Председатель 2-го Всероссийского съезда Советов. Кандидат от большевиков и левых эсеров в председатели Учредительного собрания. Выступала против Брестского мира. Противник большевистской продовольственной политики. Арестована при выступлении левых эсеров в июле 1918 г., освобождена. Затем неоднократно подвергалась арестам и высылкам, последний раз в 1937 г. Приговорена к 25 годам тюремного заключения. Расстреляна в 1941 г. близ г. Орла – 255, 285
- Сталин** (*Джугашвили*) **Иосиф Виссарионович** (1878 (1879)–1953), в 1898 г. вступил в грузинскую с.-д. организацию. В 1902–1917 гг. шесть раз подвергался арестам и ссылкам, четыре раза бежал. После 1903 г. большевик. В 1906–1907 гг. участвовал в экспроприациях в Закавказье. В 1907 г. один из руководителей Бакинского комитета РСДРП. В 1917 г. член редколлегия газеты «Правда». Член Политбюро ЦК РСДРП(б), Военно-революционного центра. В 1917–1922 гг. нарком по делам национальностей, одновременно в 1919–1922 гг. нарком РКИ, с 1918 г. член Реввоенсовета Республики. С 1922 г. генеральный секретарь, секретарь ЦК. С 1941 г. председатель СНК (СМ) СССР. В годы Великой Отечественной войны председатель ГКО, нарком обороны, Верховный главнокомандующий. В 1946–1947 гг. министр Вооруженных сил СССР – 3–5, 210, 211, 213, 298, 348, 351, 354

- Станкевич Николай Владимирович** (1813–1840), общественный деятель, философ, поэт. В 1831 г. организовал литературно-философский кружок, в который входили К.С. Аксаков, В.П. Боткин, М.А. Бакунин, Т.Н. Грановский и др. С 1837 г. жил за границей – 105
- Стахович Александр Александрович** (1858–1915), помещик, коннозаводчик, кадет. В 1895–1904 гг. предводитель дворянства Елецкого уезда. Один из учредителей «Союза освобождения». Депутат 2-й Государственной думы от Орловской губ. – 308
- Стеклов (Осахмис) Юрий Михайлович** (1873–1941), в с.-д. движении с 1893 г., один из организаторов первых с.-д. кружков в Одессе. В 1894 г. арестован, сослан в Якутскую губ.; из ссылки бежал за границу. После 1903 г. примкнул к большевикам. После 1907 г. сотрудничал в центральном органе РСДРП газете «Социал-демократ», большевистских газетах «Звезда» и «Правда». Участвовал в работе с.-д. фракции 3-й и 4-й Государственных дум. После Февраля 1917 г. «революционный боец», член исполкома Петросовета, редактор «Известий Петроградского Совета», позднее вновь большевик. После Октября член ВЦИК и ЦИК. Редактор «Известий». В Гражданскую войну ездил с агитпоездом «Известия» по фронтам. С 1928 г. возглавлял Комитет по заведению учебными и научными учреждениями при ЦИК СССР. Автор трудов по истории революционного движения. Репрессирован – 90, 113
- Степанов**, см. Сковорцов-Степанов И.И.
- Степняк С. (Кравчинский Сергей Михайлович)** (1851–1895), писатель и публицист, революционный народник 70-х гг. В 1872 г. член кружка «чайковцев», участвовал в «хождении в народ», арестован. В 1873 г. эмигрировал. В 1875 г. принимал участие в национально-освободительном движении против турок в Боснии и Герцеговине. В 1878 г. вернулся в Россию, примкнул к народнической организации «Земля и воля». В 1878 г. совершил покушение на шефа жандармов Н.В. Мезенцова. Эмигрировал в Лондон. Автор повестей, романа «Андрей Кожухов» – 112
- Стефанович Яков Васильевич** (1854–1915), революционный народник, член кружка «чайковцев» в Киеве, участник «хождения в народ», один из организаторов «Чигиринского заговора», член «Земли и воли», «Черного передела», с 1881 г. в исполкоме «Народной воли». В 1883 г. приговорен к восьми годам каторги – 163
- Столыпин Александр Аркадьевич**, журналист, директор литературно-художественного общества, гласный Петербургской городской думы, председатель обществ «Славянская взаимность» и «Русское зерно». Член ЦК «Союза 17 октября». Брат П.А. Столыпина – 9
- Столыпин Петр Аркадьевич** (1862–1911), министр внутренних дел и председатель Совета министров с 1906 г. Усмиритель революции 1905–1907 гг., инициатор реформ, в т.ч. аграрной («стольпинской»). Смертельно ранен эсером Д.Г. Бодровым – 9, 75, 87, 92, 99, 118, 158, 353
- Струве Петр Бернгардович** (1870–1944), экономист, философ, историк, публицист. В 90-х гг. XIX в. «легальный марксист», с октября 1905 г. член ЦК кадетов, лидер правого крыла; редактор журнала «Русская мысль». С 1917 г. академик (по политэкономии и статистике; исключен из Академии наук в 1928 г.). В Гражданскую войну член «Особого совещания» при А.И. Деникине, начальник Управления внешних сношений в правительстве П.Н. Врангеля. Затем в эмиграции – 91, 92, 100
- Стуков**, зав. агитационно-пропагандистским отделом Уфимского губкома РКП(б) – 337
- Сухомлинов Владимир Александрович** (1848–1926), генерал-адъютант от кавалерии, генерал от кавалерии, член Госсовета. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С 1905 г. генерал-губернатор – киевский, волынский и подольский. С 1908 г. начальник Генштаба. В 1909–1915 гг. военный министр. В 1916 г. арестован за неподготовленность русской армии к I-й мировой войне, заключен в Петропавловскую крепость. В 1917 г. приговорен к пожизненному заключению. В 1918 г. амнистирован, освобожден по старости. Эмигрировал в Финляндию, а затем в Германию – 208

- Тагиев Зейнал Абдин** (1842–?), бакинский миллионер, нефтепромышленник. Сын бедных родителей, без образования, 30 лет проработал каменщиком. Занился коммерческими сделками в нефтепромышленности и др., разбогател: владелец ткацкой фабрики, 18 пароходов на Каспии, рыбных промыслов, мукомольной вальцово-мельницы, театра. Крупный домовладелец г. Баку, собственник владений в Бакинской, Елизаветпольской губ. С 1900 г. потомственный почетный гражданин. С 1905 г. коммерции советник и действительный статский советник – 102–104
- Тан Н.А.** (*Богораз Владимир Германович*) (1865–1936), писатель-публицист, этнограф и языковед. В начале 1880-х гг. народник, один из организаторов Южно-русской организации «Народной воли». В 1889–1898 гг. в сибирской ссылке. В 1905 г. участник создания Крестьянского союза. В 1906 г. один из организаторов партии «народных социалистов» (энесов, сотрудник газеты «Родная земля»). В 1-ю мировую войну оборонец. После Октября профессор ряда ленинградских вузов, один из зачинателей изучения народов Севера, директор Музея истории религии АН СССР. Автор романов и повестей – 144, 162–163
- Тафт Уильям Хауард** (1857–1930), 27-й президент США (1909–1913) от республиканской партии – 487
- Тверской П.А.** (*Деметьев Петр Алексеевич*) (1850–1919 (1923)), предприниматель, публицист. С 1878 г. под наблюдением Третьего отделения. В 1878 г. выехал в США. С начала 80-х гг. XIX в. сотрудник русских периодических изданий «Русское богатство», «Мир божий», «Русская мысль» и др. Выступал за возвращение на родину выехавших из России духовоборов. В 1897 г. финансировал журнал «Современнику» – 118
- Тесленко Николай Васильевич** (1870–?), присяжный поверенный, криминалист. Доверенное лицо Московского банка братьев Рябушинских. Член ЦК кадетов. Сторонник 1-й мировой войны до победного конца. В августе 1917 г. на совещании ЦК кадетов высказался за военную диктатуру. В октябре 1918 г. выехал на юг. Член денкинского Особого совещания. С 1920 г. в эмиграции – 63, 104
- Тизенгаузен Евгений Евгеньевич** (1860–?), барон, октябрист, директор Серпуховской мануфактурной фабрики. Депутат 3-й Государственной думы от Московской губ. Председатель комиссии по рабочему вопросу, отстаивал интересы промышленников – 72
- Тиняков Александр**, поэт из Орла – 14, 25
- Титов**, член комитета болховской организации РКП(б) Орловской губ. – 325, 328
- Тихомиров Виктор Александрович** (1889–1919), член РСДРП с 1905 г., большевик. Вел революционную работу в Казани, Петербурге, Москве. Подвергался арестам и ссылкам. В 1912 г. сотрудничал в газете «Правда». В 1913 г. сослан в Олонекскую губ. Затем эмигрировал в Польшу. Принимал участие в Февральской революции 1917 г. После свержения самодержавия работал в редакции газеты «Правда». В мае послан ЦК в Казань для восстановления губернской большевистской организации. С июля 1917 г. в Москве, член Военного бюро при МК РСДРП(б). В Октябре входил в оперативный штаб Московского ВРК, обеспечивал охрану Моссовета. Потом секретарь фракции большевиков в Моссовете, работал в штабе МВО; с марта 1918 г. член коллегии Наркомата внутренних дел – 227
- Тихомиров Лев Александрович** (1852–1923), революционный народник, публицист. Член кружка «чайковцев», «Земли и воли», исполкома «Народной воли». Позднее отошел от революционной деятельности. С 90-х гг. XIX в. монархист, теоретик самодержавия (Монархическая государственность. 1905) – 10
- Толмачев Иван Николаевич** (1863 – после 1929), генерал-лейтенант царской армии, деятель «Союза русского народа». В 1907–1911 гг. одесский градоначальник, жестоко подавлявший оппозицию. За административный произвол в 1911 г. отстранен от должности. После Октября 1917 г. в эмиграции – 166
- Толмачев Николай Гурьевич** (1895–1919), член РСДРП с 1913 г. В Феврале 1917 г. во главе отряда солдат освободил из Петропавловской крепости политзаключенных. В марте 1917 г.

член Петербургского комитета РСДРП(б). Затем командирован в Пермь: организатор рабочей милиции, красногвардейских отрядов, член бюро Военной организации при Пермском комитете РСДРП(б). Весной 1918 г. политкомиссар Уральского облсовета на дутовском фронте, затем комиссар 3-й армии Восточного фронта. Организатор первых военно-политических учебных заведений Красной армии. В мае 1919 г. особоуполномоченный РВС 7-й армии Петроградского фронта. Окруженный белогвардейцами, застрелился, чтобы не попасть в плен — 263, 273, 307, 308

Толстой Лев Николаевич (1828–1910), граф, русский писатель — 24, 89, 96, 97, 107, 141, 151, 164

Тома Альбер (1878–1932), французский политический деятель, правый социалист. С 1910 г. один из лидеров парламентской фракции соцпартии. В 1-ю мировую войну социал-шовинист, министр по делам вооружений. После Февраля 1917 г. приехал в Россию агитировать за продолжение войны. В 1919 г. один из организаторов II Интернационала. В 1919–1932 гг. возглавлял Международное бюро труда при Лиге наций — 487, 488

Тостовенко, представитель ЦК РКП(б) в Башкирии — 660

Трплов Дмитрий Федорович (1855–1906), дворянин, генерал-майор. В 1896–1905 гг. московский обер-полицеймейстер. С 11 января 1905 г. петербургский генерал-губернатор, затем товарищ министра внутренних дел, один из организаторов вооруженного подавления Революции 1905–1907 гг. В октябре 1905 г. уволен с этих должностей, назначен дворцовым комендантом — 71

Третьяков Павел Михайлович (1832–1898), предприниматель, меценат, коллекционер, благотворитель. Потомственный почетный гражданин, коммерции советник, почетный гражданин г. Москвы. Член московского отделения Совета торговли и мануфактур, выборный Московского биржевого общества. Действительный член Петербургской Академии художеств. Член Русского музыкального общества, член совета Московского художественного общества. Купленные им в 1854 г. несколько картин положили начало знаменитой коллекции. В 1892 г. передал свое собрание картин вместе с особняком в дар Москве — 533

Трещенков Николай Викторович (1875–1915), ротмистр Отдельного корпуса жандармов. С 1911 г. помощник начальника Иркутского губернского жандармского управления по Киренскому и Верхонскому уездам. В 1912 г. командирован Департаментом полиции на Ленские золотые прииски для прекращения забастовки. По его распоряжению были расстреляны рабочие. В результате расследования отстранен от должности, против него возбуждено уголовное дело, которое не было доведено до конца. В 1914 г. отправился на германский фронт, где, вероятно, и погиб — 29, 39

Троицкий Александр Георгиевич (1877–?), статистик. В 1905 г. член левых крыла эсеров-«максималистов». Участник Декабрьского вооруженного восстания 1905 г. в Москве, начальник эсеровской рабочей боевой дружины, действовавшей в районе Садового кольца. После Февраля 1917 г. вновь примкнул к «максималистам», затем вступил в партию эсеров. После Октября вступил в РКП(б). В 1921 г. из партии вышел, от политической деятельности отошел, работал статистиком в ряде советских учреждений — 206

Троцкий (Бронштейн) Лев (Лейба) Давыдович (1879–1940), из семьи крупного земельного арендатора. Член РСДРП с 1897 г. В 1905 г. руководитель Петросовета, арестован, сослан в Обдорск. По пути бежал, 10 лет жил в эмиграции. Занимал промежуточную позицию между большевиками и меньшевиками. После Февраля 1917 г. приехал в Россию, член исполкома Петросовета, с сентября его председатель. После VI съезда (август) большевик. Один из руководителей Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. С 1918 г. нарком по военным, а позднее — и морским делам, председатель Высшего военного совета, Реввоенсовета Республики (вплоть до 1925 г.). В Гражданскую войну неоднократно приезжал на Урал. В сентябре 1918 г. помог местным властям развернуть партизанское движение в Уфимской губ. В начале 1919 г. выправил положение на левом фланге Восточного фронта, сменил командование 3-й армии. С января 1920 г. председатель РВС (размещался в Екатеринбурге)

1-й Революционной армии труда, созданной на базе 3-й армии. Посетил ряд уральских городов. В 1923–1927 гг. лидер левой (троцкистской) оппозиции в ВКП(б). В 1925 г. смещен с постов наркомвоенмора, председателя РВС СССР. В ноябре 1927 г. исключен из партии, в 1928 г. выслан в Алма-Ату, в 1929 г. – за границу. Жил в Мексике. Создал IV Интернационал. Разоблачал сталинский режим, «предавший революцию». Убит агентом НКВД – 3, 228, 230, 231, 286, 288, 301, 342, 347, 348, 350–352, 369, 375

Трубина А.В., член РСДРП. Один из руководителей челябинской, затем екатеринбургской с.-д. организации. В конце 1911 – начале 1912 г. арестована. Отбывала ссылку в Томске. Жена И.И. Шварца – 30

Трусевич Максимилиан Иванович (1863–?), дворянин; с 1889 г. товарищ прокурора С.-Петербургского окружного суда. С 1906 г. директор Департамента полиции. С 1909 г. сенатор. С 1914 г. член Госсовета – 57

Туган-Барановский Михаил Иванович (1865–1919), русский экономист, историк, один из представителей «легального марксизма», впоследствии открытый защитник капитализма. В конце 1917 – январе 1918 г. министр финансов Центральной рады – 70

Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883), русский писатель – 302

Тьер Адольф (1797–1877), французский буржуазный политический деятель, историк, адвокат. После Июльской революции 1830 г. министр, премьер-министр. В 1834 г. организатор подавления республиканских восстаний в Лионе и Париже. В период Второй республики (1848–1851) один из руководителей монархической «партии порядка». В годы Второй империи (1851–1870) отошел от политики. После падения Наполеона III глава правого правительства, с исключительной жестокостью подавившего Парижскую коммуны – 398, 476

Ульянов, председатель Черниговской губернской ЧК – 296

Урусов Сергей Дмитриевич (1862–1937), князь, крупный помещик. В 1903–1904 гг. генерал-губернатор Бессарабии. В 1905 г. товарищ министра внутренних дел в кабинете Витте. В 1906 г. избран в 1-ю Государственную думу от Калужской губ. Член партии демократических реформ, стоявшей правее кадетов. С марта по июнь 1917 г. товарищ министра внутренних дел Временного правительства. После Октября лишен гражданских прав (восстановлен в гражданских правах в 1929 г.). В 1923 г. за работу в Особой комиссии при президиуме ВСНХ по исследованию Курской магнитной аномалии был награжден орденом Красного Знамени. Затем персональный пенсионер – 99

Успенский Глеб Иванович (1843–1902), писатель народнического направления – 113, 114

Успенский Миша, друг детства Е.А. Преображенского, сын сапожника – 9, 24

Устюнин И., старший надзиратель Николаевских рот – 36

Ф.Ф., см. В.И. Ленин

Федор Кузьмич, см. Александр I

Фейербах Людвиг (1804–1872), немецкий философ-материалист и атеист. Один из предшественников марксизма – 141, 146, 147, 155

Фейхтвангер Лион (1884–1958), немецкий писатель. Исторический роман «Безобразная герцогиня» был им написан в 1923 г. – 4

Феноменов Михаил, ученик орловской семинарии – 19, 26

Фет (Шенин) Афанасий Афанасьевич (1820–1892), поэт, сторонник «чистого искусства» – 108

Фигнер Вера Николаевна (1852–1942), член Исполкома революционной организации «Народная воля». За подготовку покушений на Александра II 20 лет провела в Шлиссельбургской крепости. В 1906–1915 гг. в эмиграции. Автор воспоминаний «Запечатленный друг». Умерла в Москве – 113, 114

- Фихте Иоганн Готлиб** (1762–1814), представитель немецкой идеалистической философии конца XVIII – начала XIX в. – 147, 155
- Фокин Игнатий Иванович** (1889–1919), член РСДРП с 1906 г. Вел партийную работу на заводах Брянского уезда, в Петербурге, Саратове. После Февраля 1917 г. один из организаторов Брянского и Бежецкого комитетов партии, с мая председатель Брянского комитета и член Московского областного бюро РСДРП(б). С октября 1917 г. председатель Брянского Совета и ВРК. После Октября 1917 г. председатель Брянского уисполкома – 19, 27
- Фома**, см. Лебедев
- Форд Генри** (1863–1947), американский промышленник, один из основателей автомобильной промышленности США – 487
- Франц Фердинанд** (1863–1914), австрийский эрцгерцог. Убит в Сараеве, что послужило поводом к началу 1-й мировой войны – 469
- Фредерикс Владимир Борисович** (1838–1927), граф, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, член Госсовета, в 1897–1917 гг. министр императорского Двора. Пользовался большим влиянием на царскую фамилию и ее окружение. 2 марта 1917 г. скрепил отречение Николая II от престола. После Октябрьской революции в эмиграции – 173
- Фрид Альфред** (1864–1921), австрийский журналист. Пацифист. Автор свыше 70 памфлетов и книг. Лауреат Нобелевской премии мира 1911 г. – 487
- Фридрих Вильгельм III** (1770–1840), прусский король с 1797 г. – 99
- Фроленко Михаил Федорович** (1848–1938), революционный народник. Член кружка «чайковцев». В 1874 г. отправился на Урал для создания боевого отряда из сибирских беглых. В 1875–1879 гг. организатор побегов народовольцев из тюрем. Член «Народной воли». Участник подготовки покушений на Александра II под Одессой. В 1881 г. приговорен к смертной казни по делу «20 народовольцев» – заменена бессрочной каторгой. Освобожден по амнистии в октябре 1905 г. До 1917 г. под надзором полиции. Член ВКП(б) с 1936 г. – 118
- Фролов**, бывший поручик, член военного штаба по руководству антибольшевистским Невьянским восстанием на Урале в июне 1918 г. Кадет – 251
- Фурье Шарль** (1772–1837), французский социалист-утопист – 107, 153, 242
- Харитонов Моисей Маркович** (1887–1948), член РСДРП с 1905 г. Вел революционную работу в Николаеве, Одессе. В 1912 г. эмигрировал в Швейцарию. После Февраля 1917 г. член Петроградского комитета РСДРП(б). После Октября находился на партийной, хозяйственной и военной работе в Петрограде, Киеве. С 1921 г. секретарь Пермского губкома РКП(б); с декабря 1923 по июль 1925 г. секретарь Уральского обкома РКП(б). Участник троцкистско-зиновьевского флота. В 1928 г. работал в аппарате ЦКК, Наркомвнешторге. Репрессирован – 274
- Хвостов Алексей Николаевич** (1872–1918), министр внутренних дел России (1915–1916). Председатель фракции правых 4-й Государственной думы. Расстрелян по постановлению органов советской власти – 487
- Хеймсон Леопольд**, современный американский историк, изучает российское революционное движение – 5
- Херд**, руководитель лондонского рабочего колледжа, профессор – 159
- Хилквист Морис** (1869–1933), американский правый социалист, адвокат. Уроженец г. Риги. В 1886 г. эмигрировал в США. В 1888 г. вступил в социалистическую рабочую партию. После ее раскола – один из основателей реформистской Социалистической партии США (1901). С 1904 г. член Международного социалистического бюро; участвовал в конгрессах II Интернационала. К Октябрьской революции отнесся враждебно. Автор трудов по истории социализма – 488
- Хионин**, фотограф, член военного штаба по руководству антибольшевистским Невьянским восстанием на Урале в июне 1918 г. – 251

Хорват Дмитрий Леонидович (1858–1937), генерал-лейтенант. В 1902–1918 гг. управляющий КВЖД, одновременно в 1917 г. комиссар Временного правительства на КВЖД. Летом 1918 г. объявил себя «временным верховным российским правителем». А.В. Колчаком назначен «верховным уполномоченным по Дальнему Востоку». С мая 1919 г. командующий войсками Примурского военного округа. Эмигрировал в Китай. Был советником мукденского правительства по делам КВЖД. С 1924 г. председатель Дальневосточного отделения РОВС – 374

Хохряков Павел Данилович (1893–1918), матрос, большевик. В 1917 г. агитатор на фрегате в Мурманске. Осенью 1917 г. прибыл в Екатеринбург для оказания помощи местным партийным организациям в создании вооруженных формирований. Возглавлял Центральный штаб Красной гвардии, Центральный штаб резерва РККА на Урале, был членом исполкома Екатеринбургского Совета, Уральского облсовета. В марте 1918 г. председатель Тобольского Совета, руководил доставкой из Тобольска в Екатеринбург царской семьи. В июне 1918 г. сформировал Особый экспедиционный отряд, создал и возглавил речную флотилию, руководил боевыми операциями на р. Иртыш – Тура. Погиб в бою – 308

Христич, поручик, погиб в Русско-японскую войну – 43

Черетели Ираклий Георгиевич (1881–1959), один из лидеров меньшевизма. В 1902 г. за участие в студенческом движении выслан в Восточную Сибирь. Депутат 2-й Государственной думы от Кутаисской губ. После 3-июньского переворота 1907 г. приговорен к каторге, с 1912 г. на поселении. После Февраля 1917 г. вернулся в Петроград, выступал за коалицию с буржуазией и продолжение войны с Германией. Министр почт и телеграфов Временного правительства, затем министр внутренних дел. Участник Государственного совещания в Москве в августе 1917 г. После Октября лидер антисоветского блока в Учредительном собрании, после его разгона – один из руководителей меньшевистского правительства Грузии. Эмигрировал во Францию, затем в США – 45, 206, 238, 302, 487

Цеткин Клара (1857–1933), деятель германского и международного коммунистического движения, одна из основателей КП Германии. Участница создания и деятель II Интернационала. Одна из организаторов «Союза Спартака». С 1920 г. депутат германского рейхстага – 81
Цез, помещик – 171

Чайковский Петр Ильич (1840–1893), русский композитор – 131

Чарушников Александр Петрович (1852–1913), участник народнического движения. В 1879–1881 гг. сослан в Вятку за хранение подпольной литературы. В 1898 г. создал в Москве издательство «С. Дороватовский и А. Чарушников», ставшее одним из центров распространения демократической и революционной книги. Со смертью А. Чарушникова издательство прекратило существование – 81, 123, 167

Черепанов Сергей Александрович (1881–1918), член РСДРП с 1903 г. Партийную работу вел в Уфе, Самаре, Екатеринбурге, Нижнем Тагиле и др. В 1911 г. привлечен к суду. После Февраля 1917 г. один из руководителей военной организации при Петроградском комитете большевиков. Организатор газеты «Солдатская правда». С июня 1917 г. член Всероссийского бюро военных организаций при ЦК РСДРП(б). После Октября председатель Томского губсовнархоза. Сражался с белочехами и белогвардейцами под Тюменью. Затем организатор подпольной работы в Тюмени. В августе 1918 г. расстрелян белогвардейцами – 43, 60, 61

Черепанова Мария А., секретарь екатеринбургской организации РСДРП. Жена С.А. Черепанова. Через нее шла корреспонденция с Урала, адресованная Н.К. Крупской и В.И. Ленину в Париж – 39, 43

Чернов Виктор Михайлович (1873–1952), один из основателей партии эсеров, ее теоретик. В революционном движении с конца 80-х гг. XIX в. В 1917 г. министр земледелия Временного правительства. В январе 1918 г. председатель Учредительного собрания. С 1920 г. в эмиграции – 164, 165, 231, 238, 252, 372, 487

- Чернышевский Николай Гаврилович** (1828–1889), революционный демократ, социалист-утопист, ученый, писатель, литературный критик; идейный вдохновитель революционно-демократического движения 1860-х гг. в России – 5, 9, 12, 105
- Чиликин Феофилакт Николаевич** (1876–?), депутат 3-й Государственной думы от Амурской области, сначала член с.-д. фракции (до 1909 г.), не подчинявшийся ее постановлениям, затем – беспартийный – 111
- Чичерин Георгий Васильевич** (1872–1936), из дворян. Член РСДРП с 1905 г., меньшевик, в 1-ю мировую войну интернационалист. С 1904 по 1917 г. в эмиграции, перешел на позиции большевизма, в 1918 г. вступил в РКП(б). В 1917 г. один из организаторов возвращения политэмигрантов в Россию. Член советских делегаций в Бресте, на Генуэзской (1922) и Лозаннской (1922–1923) конференциях. Нарком иностранных дел РСФСР, потом СССР в 1918–1930 гг. – 350, 354
- Членов Семен Борисович** (1890–1937), в 1905–1907 гг. один из лидеров революционной молодежи в Москве, эсер, в 1910-е гг. эмигрировал, участник международного студенческого движения. В Гражданскую войну вступил в РКП(б). В середине 20-х гг. работник Наркомвнешторга. В 1930 г. преподаватель Института красной профессуры и МПЭИ, затем в Наркомате внешней торговли, профессор международного права. Репрессирован – 360
- Чугурин Иван Дмитриевич** (*Петр, Петруха*) (1883–1947), член РСДРП с 1902 г. Участник революции 1905–1907 гг. в Сормове. В 1911 г. слушатель партийной школы в Лонжюмо (Франция). С 1916 г. член Петербургского комитета, с 1917 г. секретарь Выборгского райкома РСДРП(б). В Октябрьские дни 1917 г. член районного штаба по руководству восстанием. В 1918–1920 гг. на политработе в Красной армии, член президиума и ответственный секретарь ВЧК. С 1921 г. на хозяйственной работе: директор заводов «Красное Сормово» и «Двигатель революции» в Нижнем Новгороде, Северной судовой верфи в Ленинграде, председатель правления «Сибуголь» – 33, 42
- Шамигулов Гали К.** (1890–1959), член РСДРП с 1910 г., большевик. Участник Октябрьской революции в Оренбурге. Член Оренбургского ВРК, губернский комиссар по делам национальностей в 1918 г. В 1919–1920 гг. член Башкирского обкома РКП(б), председатель ЦИК и СНК Башкирии. Затем на партийной, советской и хозяйственной работе – 338, 341, 343
- Шамшин Василий Иванович** (1883–1918), член РСДРП с 1904 г., один из организаторов в 1905 г. обской группы РСДРП в Новониколаевске. Неоднократно арестовывался. В 1909 г. приговорен к ссылке на поселение в Каратчанскую волость Киренского уезда. В 1916 г. сослан в Якутск. После Февраля 1917 г. прибыл в Новониколаевск. После Октября губернский комиссар труда, член губисполкома Томского Совета. В июне 1918 г. расстрелян колчаковцами – 38, 42, 43
- Шамшин Иван Дмитриевич**, член РСДРП, отец Василия Ивановича Шамшина – 42
- Шамшин Иван Иванович**, член РСДРП, старший брат Василия Ивановича Шамшина. В 1919 г. расстрелян колчаковцами – 42
- Шамшина Евдокия Ивановна**, сестра Василия Ивановича Шамшина. В конце 1912 г. была арестована жандармами – 42
- Шваб**, владелец крупнейших в США заводов по производству стали – 499
- Шварц Исаак Израилевич** (*С., Семен*) (1879–1951), в с.-д. движении с 1899 г., большевик. Семь раз был арестован, сослан, бежал из ссылок. В 1905 г. выслан в Екатеринбург. В 1908–1910 гг. восстанавливал партийные организации на Урале. В 1911 г. вновь арестован, сослан на вечное поселение в Енисейскую губ., где оставался до Февраля 1917 г. После Октября на ответственной работе на Украине. В 1918 г. член ЦК РКП(б) Украины; в 1919–1920 гг. председатель ВУЧК, затем уполномоченный СТО в Одессе и Николаеве; восстанавливал Донбасс. С 1921 г. председатель ЦК Союза горнорабочих. С 1925 г. член президиума ВЦСПС. С 1930 г. председатель Союзугля, затем управляющий Союзсланца.

- С 1938 г. и до конца жизни возглавлял организованную им научно-исследовательскую лабораторию дисперсных лекарственных трав – 43, 60, 172, 173
- Шейдеман Филипп** (1865–1939), один из правых лидеров с.-д. партии Германии, член правления с 1911 г. В 1918–1919 гг. один из председателей Совета народных уполномоченных, стремившегося помешать развитию революции в стране. В 1919 г. глава правительства – 180, 451, 487–489, 521
- Шекспир Уильям** (1564–1616), английский драматург и поэт – 78, 97, 141, 172, 173
- Шеллинг Фридрих Вильгельм** (1775–1854), немецкий философ-идеалист, представитель классической немецкой философии – 155
- Шиллер Иоганн Фридрих** (1759–1805), немецкий поэт, драматург и теоретик искусства – 104, 513
- Шило Андрей Иванович** (1867–?), из крестьян-переселенцев. Член Крестьянского союза, отбывал тюремное заключение по делу о Крестьянском союзе. Депутат 3-й Государственной думы от Приморской области. Трудовик. За участие в аудиенции, данной императором 8 июня 1912 г. двумстам депутатам Государственной думы, 9 июня исключен из состава трудовой фракции – 111
- Шлосс**, автор статей либерального толка, публиковался в газете «Утро России» – 134–136
- Шмидт Валерьян**, член орловского комитета с.-д. партии, впоследствии меньшевик – 26
- Шмидт Людвиг Томашевич** (1875–?), поляк, революционную деятельность начал в г. Домброве. В 1897 г. вступил в ППС. Неоднократно арестовывался. В мае 1916 г. осужден к ссылке на поселение в Верхотурский уезд Иркутской губ. – 44
- Шмидт Отто Юльевич** (1891–1956), академик, математик, астроном и геофизик, исследователь Арктики, общественный деятель. Большевик с 1918 г. В 1918–1920 гг. член коллегии Наркомпрода, правления Центросоюза, коллегии Наркомпроса и Наркомфина. С 1921 по 1924 г. зав. Госиздатом. С 1932 по 1939 г. начальник Главсевморпути. Один из основателей и главный редактор издательства Большой Советской Энциклопедии – 560, 636
- Шопенгауэр Артур** (1788–1860), немецкий философ-иррационалист – 146, 147, 155, 487
- Шрейнер Олив** (1855–1920), писательница из ЮАР. Из семьи миссионера. Публицистические работы посвящены положению женщины, образованию, расовой проблеме и пр. – 81
- Штибер**, начальник прусской полиции при Бисмарке – 112, 113
- Шувалов Иван Иванович** (1727–1797), обер-камергер, генерал-лейтенант, генерал-адъютант, сенатор. Содействовал развитию отечественной науки и искусства при дворе императрицы Елизаветы Петровны. Поддерживал начинания М.В. Ломоносова, в том числе его план создания Московского университета – 79
- Шумяцкий Борис Захарович** (1886–1938), член РСДРП с 1903 г. Участник Красноярского вооруженного восстания в декабре 1905 г. В 1917 г. председатель Сибирского районного бюро ЦК РСДРП(б), уполномоченный ЦК в Сибири. Делегат VI съезда партии, член Всероссийского бюро военных организаций при ЦК РСДРП(б). В ноябре 1917 – марте 1918 г. председатель Центросибиря, одновременно с декабря председатель Восточно-Сибирского округа ВРК. Примыкал к «левым коммунистам». В Гражданскую войну один из руководителей партизанского движения в Западной Сибири. В 1919–1920 гг. зам. председателя Сибревкома. В 1920–1921 гг. председатель правительства Дальневосточной республики. В 1921–1922 гг. член РВС 5-й армии. С 1923 г. полпред в Иране. В 1926–1928 гг. ректор Коммунистического университета трудящихся Востока, затем член Средазбюро ЦК ВКП(б). С 1930 г. возглавлял кинопромышленность. Репрессирован – 212, 213, 656
- Эберт Фридрих** (1871–1925), правый лидер с.-д. партии Германии. В Ноябрьскую революцию 1918 г. занял пост рейхсканцлера, заключил тайное соглашение с генштабом о введении в Берлин войск для подавления революции. Президент Германии с 1919 г. – 487
- Эльцин Борис Михайлович** (1875–1937), член РСДРП с 1897 г. С 1910 г. вел партработу в Уфе, большевик. В 1917 г. гласный Уфимской городской думы, член Уфимского комитета РСДРП.

- Выступал за «условную поддержку» Временного правительства, создание «однородного социалистического правительства». Осенью 1917 г. кандидат от РСДРП(б) на выборах в Учредительное собрание по Уфимской губ. В мае – июне 1918 г. выступал за отход советских войск от Уфы, чтобы дать возможность чехословакам «мирно» пройти Сибирь. В 1918–1920 гг. председатель Уфимского губсовнаркома, председатель губкома и губисполкома. В январе 1919 г. уполномоченный СНК РСФСР в губернии. После 1920 г. на работе в Москве – в Главполитпросвете, Госплане СССР и др. Примкнул к троцкистской оппозиции. Репрессирован – 342
- Энгельс Фридрих** (1820–1895), один из основоположников научного коммунизма. Друг и соратник К. Маркса – 15, 26, 155, 242, 399, 476, 479, 482, 484, 491, 509, 535
- Эпикур** (341–270 гг. до н.э.), древнегреческий философ-материалист – 155
- Эрве Гюстав** (1871–1944), один из лидеров левого крыла Французской социалистической партии. В 1907 г. на Штутгартском конгрессе II Интернационала выступал против какой бы то ни было войны. В 1-ю мировую войну социал-шовинист. В 30-х гг. XX в. сторонник национал-социализма, выступал за сближение Франции с нацистской Германией – 483
- Юдаев**, член комитета болховской организации РКП(б) Орловской губ. – 325
- Юденич Николай Николаевич** (1862–1933), генерал от инфантерии. В 1915–1916 гг. командующий Кавказской армией, в 1917 г. главнокомандующий войсками Кавказского фронта. В 1919 г. главнокомандующий белогвардейской Северо-Западной армией. После провала похода на Петроград (октябрь – ноябрь 1919 г.) в эмиграции – 361, 374, 479, 487
- Юз**, личность не установлена – 39
- Юмагулов Харис Юмагулович** (1891–1937), прапорщик. Член РСДРП(б) с 1918 г. После Февраля 1917 г. член Военно-мусульманского комитета в Казани, член Казанского губернского комиссариата по мусульманским делам и Временного пролетарского революционного штаба. Представитель ВЦИК и Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока при Башревкоме. В 1922 г. исключен из партии за националистическую деятельность. Репрессирован – 336, 343
- Юровский А.**, автор статьи «Наше Приамурье» – 145
- Юрьев Аким Александрович** (1880–1957), член РСДРП с 1902 г. Работал в казанской и уфимской организациях РСДРП. Дважды арестовывался, в 1906 г. отбывал ссылку в Енисейской губ. С 1911 г., после возвращения из ссылки, работал в уфимской организации РСДРП. После Февраля 1917 г. член Уральского губкома РСДРП(б) и губисполкома. В 1918 г. член Уральского обкома РКП(б), комиссар труда Уфимской губ., председатель Уфимского губсовнархоза. С 1922 г. в Наркомате внешней торговли, затем в Наркомате иностранных дел СССР – 336
- Яковлев Иван Алексеевич**, отец Герцена А.И., помещик – 104
- Якубов Аршак Степанович** (1882–1923), член РСДРП с 1900 г. Партийную работу вел в Тифлисе, Баку, Грозном, Сызрани, Москве и в Сибири. В 1908 г. член Исполнительного бюро МК РСДРП. В начале 1909 г. 1-й секретарь МК РСДРП. В мае сослан в Сибирь на вечное поселение в Иркутскую губ. После Февраля 1917 г. работал в Иркутске: в Комитете общественной безопасности, Иркутском Совете, Городской думе. После Октября член коллегии Наркомпрода РСФСР. Член Реввоенсовета Республики и Малого Совнаркома, нарком РКИ Украины – 33
- Якубович Петр Филиппович** (1860–1911), известный поэт и писатель, народоволец. В 1887 г. по «Процессу 21-го» приговорен к смертной казни, замененной каторгой. Позднее член редакции ежемесячника «Русское богатство», автор ряда публицистических и литературно-критических статей (под псевдонимом Гриневич П.Ф.) – 113, 114

Якушкин Павел Иванович (1822–1872), русский писатель, фольклорист, этнограф. Собирал народные сказания, песни. В 60-е гг. XIX в. вел революционную пропаганду в деревне, подвергался арестам – 9

Янсон Яков Давыдович (1886–1938), член РСДРП с 1903 г. Вел партийную работу среди солдат Иркутского военного округа. С сентября 1917 г. член Иркутского комитета РСДРП(б). В Октябре председатель Иркутского ревкома, комиссар финансов и председатель исполкома Иркутского Совета, в 1918 г. комиссар Центросибири. В дальнейшем на ответственной партийной работе. Репрессирован – 44

Ярославский Емельян Михайлович (*Губельман Миней Израилевич*) (1878–1943), член РСДРП с 1898 г. Участник революции 1905–1907 гг., один из организаторов военных организаций РСДРП. В мае 1917 г. председатель Якутского Совета. С июля в Московской военной организации РСДРП(б). Редактор газеты «Деревенская правда». В Октябрьские дни 1917 г. член Московского боевого партийного центра, Московского ВРК, первый комиссар Кремля. Затем комиссар Московского военного округа. В 1918 г. примыкал к «левым коммунистам». В 1918–1919 гг. уполномоченный ЦК РКП(б) по проведению мобилизации в Красную армию в ряде губерний. Член Комиссии по борьбе с бандитизмом при Реввоенсовете Республики. В 1919–1920 гг. председатель Пермского губкома партии. С апреля 1920 г. член Сиббюро ЦК РКП(б). С 1922 г. на партийной, журналистской и научной работе. Академик АН СССР – 226, 660

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН** – Академия наук
ВОКС – Всесоюзное общество культурных связей с заграницей
волисполком – волостной исполнительный комитет
ВОХР – войска внутренней охраны Республики
ВРК – военно-революционный комитет
ВСНХ – Всероссийский совет народного хозяйства
ВЦИК – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
ГА ОО – Государственный архив Орловской области
ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации
г-да, г-н – господа, господаин
Глав[упр]кож – Главное управление кожевенной промышленностью
Главанил – Правление государственного объединения анилиноокрасочных предприятий
Главбум – Главное управление государственными предприятиями бумажной промышленности
Главгвоздь – Главное правление гвоздильно-проволочных и болтозаклепочных заводов
Главзолото – Главный комитет золотоплатиновой и серебряной промышленности
Главкоавиа – Главное правление объединенных авиапромышленных заводов
Главкондитер – Главное управление предприятиями кондитерской промышленности
Главконсерв[древ] – Главное правление государственных древопропиточных заводов
Главкость – Главное управление государственными костеобрабатывающими заводами
Главкрахмал – Главный комитет крахмально-паточной промышленности
Главмех – Главное управление предприятия меховой промышленности
Главмука – Главное управление мукомольно-крупяной промышленностью
Главнефть – Главный нефтяной комитет
Главрасмасло – Главное правление государственных масложировых заводов
Главрезина – Главное управление заводами резиновой промышленности
Главруда – Главный комитет руд и минералов
Главсахар – Главное управление сахарной промышленностью
Главсланец – Главный сланцевый комитет
Главсоль – Главный комитет соли и минеральных источников
Главспичка – Главный спичечный комитет
Главстекло – Главный комитет стеклофарфоровой промышленности
Главстрой – Главный комитет строительных материалов минерального происхождения
Главтабак – Главное управление государственными предприятиями табачной, махорочной и гильзовой промышленности
Главторф – Главный торфяной комитет
Главуголь – Главное управление угольной промышленностью
Главфармзав – Главное управление государственными химико-фармацевтическими заводами
Главэнерго – Главное управление энерготехнических служб и организаций
Гомза – Государственное объединение машиностроительных заводов
Госплан – Государственный плановый комитет
ГОЭЛРО – Государственная комиссия по электрификации России
губ. – губерния

губвоенком – губернский комиссар по военным делам
 губземотдел – губернский земельный отдел
 губком – губернский комитет
 губкомпарт – губернский партийный комитет
 д.и.н. – доктор исторических наук
 док. – документ
 др. – другой
 ж.-д. – железнодорожный
 и т.д. – и так далее
 и т.п. – и тому подобное
 ит. – итальянский
 к.-д. – конституционно-демократическая партия, кадет
 лат. – латинский
 МК – Московский комитет
 МСРД – Московский Совет рабочих депутатов
 напр. – например
 нарком – народный комиссар
 Наркомзем – Народный комиссариат земледелия
 Наркомпрод – Народный комиссариат продовольствия
 Наркомпрос – Народный комиссариат просвещения
 НКПС – Народный комиссариат путей сообщения
 п.ч. – потому что
 пр. – прочее
 РГАКФД – Российский государственный архив кинофотодокументов
 РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
 ревком – революционный комитет
 РКИ – рабоче-крестьянская инспекция
 РККА – Рабоче-Крестьянская Красная армия
 РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков)
 РСДРП(б) – Российская социал-демократическая партия (большевиков)
 РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
 с.-д. – социал-демократический
 с.-х. – сельскохозяйственный
 СССР – Союз Советских Социалистических Республик

ст. – станция
 СНК – Совет Народных Комиссаров
 СТО – Совет Труда и Оборона
 т. – том
 т., тов. – товарищ
 т.е. – то есть
 т.к. – так как
 у. – уезд
 укомпарт – уездный партийный комитет
 Химоснов – Главное правление государственных заводов основной химической промышленности
 ЦАОПИМ – Центральный архив общественно-политической истории Москвы
 Центролак – Главный комитет лакокрасочной промышленности
 Центромедь – Центральное правление государственных предприятий медьобрабатывающей промышленности
 Центромолоко – Главное управление молочно-хозяйственной промышленности
 Центроспирт – Центральное управление государственных винокуренными и спиртоочистительными заводами
 Центрохолодильник – Главное управление по холодильному делу
 Центроцемент – Центральное правление государственных предприятиями цементной промышленности России
 Центрочай – Центральный чайный комитет
 Центрошамот – Центральное правление государственных заводов огнеупорно-керамических изделий
 Центрошвей – Центральный комитет швейной промышленности
 Центрошифер – Управление государственных заводов огнестойких и кровельных материалов минерального происхождения и противопожарного оборудования
 Центрошестина – Главный комитет шестинной, щеточной и волосной промышленности
 ЦИАМ – Центральный исторический архив Москвы
 ЦСУ – Центральное статистическое управление
 ЦУНХУ – Центральное управление народно-хозяйственного учета

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ

Часть I. НАЧАЛО ПУТИ: 1886–1917 гг.

№ 1.	Из автобиографии (1886–1915 гг.). 1925 г.	24
№ 2.	Из воспоминаний о Я.М. Свердлове и революционной деятельности на Урале в 1906–1907 гг. 1926 г.	31
№ 3.	«...Страничка из революционных воспоминаний» (март 1908 г. – февраль 1917 г.). Январь 1934 г.	37
№ 4–5. Статьи, опубликованные в газете «Уральский рабочий» в октябре и декабре 1907 г.		
№ 4.	К современному моменту. 15 октября	46
№ 5.	Задача момента. 1 декабря	50
№ 6.	Статья «Грандиозная экспроприация», опубликованная в газете «Пролетарий». (29) 16 апреля 1908 г.	55
№ 7.	Донесение Пермского губернского жандармского управления директору Департамента полиции М.И. Трусевичу об обнаружении при обыске у Е.А. Преображенского написанной им рукописи «К деятелям думской фракции». 26 августа 1908 г.	57
№ 8.	Из донесения Пермского губернского жандармского управления директору Департамента полиции Н.П. Зуеву об установлении авторства писем Е.А. Преображенского, изъятых в Екатеринбургской почтово-телеграфной конторе, и об его аресте. 12 декабря 1911 г.	59
№ 9–73. Статьи, опубликованные в газете «Обская жизнь» в январе – августе 1912 г.		
№ 9.	К предстоящей избирательной кампании. 8 января	62
№ 10.	Парламентские выборы в Германии. 12 января	64
№ 11.	Печальное недоразумение. 12 января	66
№ 12.	Еще к вопросу о повышении цен на продукты. 13 января	67
№ 13.	Неурожай и русская промышленность. 15 января	69
№ 14.	Английские гости в России. 17 января	70
№ 15.	Прежде и теперь. 19 января	71
№ 16.	Новая газета. 20 января	73
№ 17.	Поизапрасну, Ваня, ходишь... 25 января	74
№ 18.	По проторенной дорожке. 26 января	76
№ 19.	Александр Сергеевич Пушкин. 29 января	77
№ 20.	Несравнимые. 8 февраля	79
№ 21.	О хлебных ценах. 9 февраля	80
№ 22.	Рецензия на книгу О. Шрейнер «Женщина и труд». 10 февраля	81

№ 23.	О хлебных ценах. 12 февраля.....	82
№ 24.	Экономические очерки. 14 февраля.....	84
№ 25.	Сибирское земство и сибирская печать. 19 февраля.....	86
№ 26.	Обзор журналов «Русское богатство» (январь) и «Современный мир» (февраль). 26 февраля.....	88
№ 27.	Бенефис ренегата. 26 февраля.....	91
№ 28.	Postscriptum. 29 февраля.....	92
№ 29.	Грандиозная забастовка. 6 марта.....	93
№ 30.	Рабочее движение за февраль. 9 марта.....	96
№ 31.	Обзор журналов «Русское богатство» (февраль), «Наша заря», № 1–2 и «Мир» (январь). 11 марта.....	96
№ 32.	Ответ г-ну Любошу. 14 марта.....	99
№ 33.	Еще о сибирском земств. 15 марта.....	100
№ 34.	Маленький фельетон: «Поэзия желтого дома». 16 марта.....	101
№ 35.	Цена кадетской совести. 18 марта.....	102
№ 36.	Памяти А.И. Герцена. 25 марта.....	104
№ 37.	На злобу дня. 6 апреля.....	108
№ 38.	Сибирская маниловщина. 8 апреля.....	110
№ 39.	Обзор журналов «Современный мир» и «Русское богатство» (март). 8 апреля.....	111
№ 40.	Рабочее движение за март. 12 апреля.....	115
№ 41.	Поучительный урок. 15 апреля.....	115
№ 42.	Маленький фельетон. 22 апреля.....	116
№ 43.	Обзор журнала «Вестник Европы» (апрель). 25 апреля.....	117
№ 44.	Неизлечимо больные. 29 апреля.....	118
№ 45.	Дуэль и депутатская неприкосновенность. 6 мая.....	121
№ 46.	Рабочее движение за апрель. 11 мая.....	122
№ 47.	Рецензия на книгу А. Быковой «Смутное время на Руси». 11 мая.....	123
№ 48.	Обзор журналов «Русское богатство» и «Современный мир» (апрель). 13 мая.....	124
№ 49.	Без меня меня женили. 18 мая.....	127
№ 50.	К съезду биржевых деятелей Сибири. 20 мая.....	128
№ 51.	Среди журналов. 23 мая.....	130
№ 52.	Виды на урожай и хлебные цены. 24 мая.....	131
№ 53.	По поводу конференции кадетской партии. 29 мая.....	132
№ 54.	Бедные промышленники! 6 июня.....	134
№ 55.	Рабочее движение за май. 9 июня.....	136
№ 56.	Обзор журналов «Русское богатство» и «Современный мир» (май). 10 июня.....	137
№ 57.	Право на самоубийство (I). 17 июня.....	141
№ 58.	Обзор журнала «Вестник Европы» (июнь). 19 июня.....	144
№ 59.	О лекции проф[ессора] Жакова (письмо в редакцию). 24 июня.....	145
№ 60.	Право на самоубийство (II). 24 июня.....	147
№ 61.	О лекциях проф[ессора] Жакова (письмо в редакцию). 29 июня.....	151
№ 62.	К событиям в Турции. 29 июня.....	152
№ 63.	О лекциях проф[ессора] Жакова. 1 июля.....	153
№ 64.	О лекциях проф[ессора] Жакова. 3 июля.....	155
№ 65.	Обзор журналов «Современный мир» и «Русское богатство» (июнь). 8 июля.....	157
№ 66.	Рабочее движение за июнь. 12 июля.....	160
№ 67.	«Демократы» из «Запросов жизни». 18 июля.....	161
№ 68.	Обзор журналов «Вестник Европы» (июль) и «Заветы» (июнь). 20 июля.....	162
№ 69.	Дальневосточный вопрос. 22 июля.....	165
№ 70.	Назревший вопрос. 27 июля.....	166

№ 71.	Рецензия на брошюру Я. Борова «За родные очаги (война 1812 года)». 28 июля	167
№ 72.	Право на самоубийство (III). 29 июля	168
№ 73.	Обзор журнала «Русское богатство» (июль). 5 августа	170
№ 74.	Донесение Енисейского губернского жандармского управления директору Департамента полиции Г.Г. Моллову о невозможности установить автора письма, адресованного ссыльнопоселенцу И.С. Шварцу. 11 сентября 1915 г.	172

*№ 75–76. Статьи, опубликованные в газете «Забайкальское обозрение»
за март 1916 г.*

№ 75.	Камо грядеши? 14 марта	174
№ 76.	Наши обороненцы. 21 марта	176

Часть II. В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: 1917–1920 гг.

№ 1.	Из автобиографии (февраль 1917–1920 гг.). 1925 г.	198
№ 2.	Из воспоминаний о Я.М. Свердлове за период с 1917 по 1919 г. 1926 г.	199

*№ 3–5. Статьи, опубликованные в газете «Забайкальский рабочий»
в марте – апреле 1917 г.*

№ 3.	О программе нашей партии. 22 марта	202
№ 4.	Двоевластие, двоедушие, малодушие (I). 31 марта	203
№ 5.	Двоевластие, двоедушие, малодушие (II). 9 апреля	205

*№ 6–7. Выступления на Первом Всероссийском съезде Советов рабочих
и солдатских депутатов. 6–22 июня 1917 г.*

№ 6.	Об отношении к Временному правительству. 6 июня	206
№ 7.	О борьбе с антисемитизмом. 22 июня	208

*№ 8–12. Выступления на VI съезде РСДРП(б). 28 июля (10 августа) –
3(16) августа 1917 г.*

№ 8.	Доклад о работе социал-демократической партии на Урале. 28 июля (10 августа)	209
№ 9.	Выступление по резолюции «О текущем моменте и войне». 30 июля (12 августа)	210
№ 10.	Выступление по резолюции «О текущем моменте и войне». 2(15) августа	212
№ 11.	Обсуждение вопроса о выборах в Учредительное собрание. 3 (16) августа	212
№ 12.	Выступление по резолюции «О политическом положении». 3 (16) августа	213
№ 13.	Брошюра «Что нужно уральским рабочим». Сентябрь – октябрь 1917 г.	214
№ 14.	Статья «Нельзя ждать», опубликованная в газете «Уральский рабочий». 15 ноября 1917 г.	225
№ 15.	Из протокола заседания Московской общегородской конференции РСДРП(б) по вопросу о войне и мире. 13 января 1918 г.	226
№ 16.	Статья «Учредительное собрание Советов», опубликованная в газете «Правда». 25 января 1918 г.	227

№ 17–23. Статьи, опубликованные в газете «Уральский рабочий» в марте – мае 1918 г.

№ 17.	Война или мир? (I). 3 марта (17 февраля)	229
№ 18.	Мир и война (II). 6 марта (21 февраля)	231
№ 19.	Мир или война (III). 7 марта (22 февраля)	233

№ 20.	Мир или война? (IV). 9 марта (24 февраля).....	235
№ 21.	Годовщина революции. 12 марта (27 февраля)	236
№ 22.	Мир подписан. 19 (6) марта	241
№ 23.	Великий апостол социализма (памяти Карла Маркса). 5 мая (22 апреля).....	242
№ 24.	Статья «Съезд необходим», опубликованная в журнале «Коммунист». Июнь 1918 г. ..	245

*№ 25–26. Статья «Уральская контрреволюция», опубликованная в газете «Правда».
29 (16)–30 (17) июня 1918 г.*

№ 25.	Уральская контрреволюция (I). 29 (16) июня	250
№ 26.	Уральская контрреволюция (II). 30 (17) июня	252

*№ 27–36. Статьи и доклад, опубликованные в газете «Уральский рабочий»
в августе – декабре 1918 г.*

№ 27.	Скучное занятие. 13 августа	254
№ 28.	Мировой большевизм. 11 октября	256
№ 29.	Никаких привилегий. 27 октября	257
№ 30.	К губернской конференции РКП. 15 ноября	258
№ 31.	Доклад на Пермской губернской конференции РКП. 21 ноября	259
№ 32.	Заключительное слово на Пермской конференции РКП. 23 ноября	261
№ 33.	Два съезда. 27 ноября	266
№ 34.	Из съездовских впечатлений (I). 30 ноября	268
№ 35.	Из съездовских впечатлений (II). 3 декабря	270
№ 36.	Союз угнетенных народов. 8 декабря	272

№ 37.	Письмо президиума уральского областного комитета коммун В.И. Ленину о критическом положении частей Красной армии на Восточном фронте и о возможности сдачи белогвардейцам Перми. Не позднее 24 декабря 1918 г.	273
-------	---	-----

*№ 38–42. Статьи, опубликованные в газете и еженедельнике «Правда»
в декабре 1918 – марте 1919 г.*

№ 38.	«Господа-ташкентцы». 26 декабря	280
№ 39.	О формах пролетарской диктатуры. 9 февраля	282
№ 40.	Еще о военных специалистах (из предсъездовской дискуссии). 16 февраля	286
№ 41.	О формах пролетарской диктатуры. 2 марта	289
№ 42.	О формах пролетарской диктатуры. Недостатки советской власти. 16 марта	292

*№ 43–44. Отчеты за 10–16 мая 1919 г. уполномоченного ВЦИК и ответственного
представителя ЦК РКП(б) по Орловской губернии Е.А. Преображенского
в ЦК РКП(б) об оказании помощи местной власти по мобилизации населения
на борьбу с Деникиным. 10–16 мая 1919 г.*

№ 43.	Краткий отчет за четыре дня уполномоченного ЦК Преображенского. 10–13 мая	296
№ 44.	Второй очередной доклад уполномоченного Преображенского. 13–16 мая	297

№ 45–46. Статьи, опубликованные в газете «Правда» в начале июня 1919 г.

№ 45.	Островки социализма (I). 1 июня	298
№ 46.	Островки социализма (II). 5 июня	301

№ 47.	Доклад уполномоченного ВЦИК и ответственного представителя ЦК РКП(б) по Орловской губернии Е.А. Преображенского о ходе проведения мобилизации населения губернии на борьбу с Деникиным. 6 июня 1919 г.	303
-------	---	-----

*№ 48–56. Статьи, опубликованные в газете «Правда»
в июне – августе 1919 г.*

№ 48.	Островки социализма (III). 19 июня.....	306
№ 49.	Некролог «Памяти т. Толмачева». 22 июня.....	307
№ 50.	Островки социализма (IV). 26 июня.....	308
№ 51.	Управление советскими именами. 29 июня.....	310
№ 52.	Кто дольше выдержит? 27 июля.....	312
№ 53.	Заметки о Красной армии (I). Борьба со стихией разложения. 29 июля.....	315
№ 54.	Заметки о Красной армии (II). Борьба со стихией разложения. 1 августа.....	318
№ 55.	Заметки о Красной армии (III). Цементирование армии. 14 августа.....	320
№ 56.	Заметки о Красной армии (IV). 24 августа.....	322
№ 57.	Протокол № 57 заседания комитета болховской организации РКП(б) Орловской губернии о проведении политики партии по отношению к середнякам и причинах распада комячеек в волостях. 30 августа 1919 г.	325
№ 58.	Протокол № 37 заседания членов общего собрания болховской организации РКП(б) Орловской губернии о задачах, стоящих перед коммунистами города и деревни. 30 августа 1919 г.	326
№ 59.	Протокол № 58 заседания комитета болховской организации РКП(б) Орловской губернии в связи с убийством коммуниста Макарина. 30 августа 1919 г.	328
№ 60.	Письмо Е. А. Преображенского В. И. Ленину с предложением изменить политику и тактику по отношению к донскому казачеству. Август 1919 г.	329

*№ 61–62. Статьи, опубликованные в газете «Правда»
в сентябре – октябре 1919 г.*

№ 61.	Уроки мамонтовщины. 18 сентября.....	330
№ 62.	Когда начнется революция в Европе. 12 октября.....	332
№ 63.	Резолюция 1-й Всебашкирской конференции РКП(б) о задачах, стоящих перед коммунистами Башкирии в период Гражданской войны. 8 ноября. 1919 г.	334
№ 64.	Выступление представителя ВЦИК Е. А. Преображенского на заседании ответственных партийных работников Уфимской губернской организации РКП(б) о провале путча, поднятого буржуазными националистами. 25 января 1920 г.	336
№ 65.	Выступления представителя ВЦИК Е. А. Преображенского на заседании пленума Уфимского губкома РКП(б) о работе губкома в условиях конфликта между центром и Башреспубликой. 11 февраля 1920 г.	336
№ 66.	Из выступления Е. А. Преображенского на 6-й Уфимской губернской конференции РКП(б) о хозяйственном строительстве и о Федеративной конституции. 3 марта 1920 г.	338
№ 67.	Выступление Е. А. Преображенского на заседании ответственных работников Уфимской губернии о положении в Башреспублике и стоящих перед коммунистами задачах в связи с восстанием, поднятым башкирскими националистами. 13 марта 1920 г.	340
№ 68–69. Обращения ЦК РКП(б) к партийным организациям и губкому Башкирии. Апрель 1920 г.		
№ 68.	К партийным организациям Башкирии – о широком вовлечении трудящихся масс республики в коммунистическую партию.....	344
№ 69.	К губкомам губерний Казанской, Симбирской, Самарской, Уфимской, Челябинской, Оренбургской – о недопустимости развертывания национальной вражды татарской и башкирской прессой.....	345

№ 70.	Статья «О мобилизации грубой рабочей силы», опубликованная в газете «Правда». 30 марта 1920 г.	346
№ 71.	Дневник Е.А. Преображенского с записями вопросов, обсуждаемых на заседаниях Политбюро и пленума ЦК РКП(б). 4 мая – 24 сентября 1920 г.	347
№ 72.	Письмо В.И. Ленину о речах К.Б. Радска по поводу войны с Польшей и об освещении ее в прессе. 6 мая 1920 г.	353
№ 73.	Отзыв секретаря ЦК РКП(б) Е.А. Преображенского на «Первоначальный набросок тезисов по национальному вопросу», подготовленный В.И. Лениным для доклада на Втором конгрессе Коминтерна. Не ранее 5 июня – не позднее 19 июля 1920 г.	354
№ 74.	Резолюция, принятая на заседании Политбюро ЦК РКП(б) по делу Оскара Блума. 29 июня 1920 г.	356

*№ 75–77. Статьи, опубликованные в газете «Правда»
в июле – августе 1920 г.*

№ 75.	Многообещающий опыт. 30 июля	357
№ 76.	Очередной «прожект» т. Ларина. 11 августа	358
№ 77.	О новой книжке Н.И. Бухарина. 15 августа	360

№ 78.	Доклад Е.А. Преображенского комиссии ЦК РКП(б) по вопросу ликвидации неравенства в рядах РКП(б). Не позднее 24 августа 1920 г.	364
№ 79.	Из проекта циркулярного письма ЦК РКП(б), подготовленного Е.А. Преображенским, по вопросу борьбы с бюрократизмом и материальным неравенством в партии. Не позднее 24 августа 1920 г.	366

*№ 80–83. Статьи, опубликованные в газете «Правда»
в сентябре – декабре 1920 г.*

№ 80.	Коммунист-средняк (I). 19 сентября	369
№ 81.	Коммунист-средняк (II). 21 сентября	370
№ 82.	Социальная база Октябрьской революции. 7 ноября	372
№ 83.	Соломненка утопающей белогвардейщины. 12 декабря	374

Часть III. АЗБУКА КОММУНИЗМА: 1917–1920 гг.

№ 1.	Брошюра Е.А. Преображенского «Крестьянская Россия и социализм (К пересмотру нашей аграрной программы)». 1918 г.	380
№ 2.	Из книги Е.А. Преображенского «Анархизм и коммунизм». 1918 г.	397
№ 3.	Книга Н.И. Бухарина и Е.А. Преображенского «Азбука коммунизма. Популярное объяснение программы Российской коммунистической партии большевиков». [1919 г.]	416
№ 4.	Книга Е.А. Преображенского «Бумажные деньги в эпоху пролетарской диктатуры» 1920 г.	599

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

3

Часть I

НАЧАЛО ПУТИ:

1886–1917 гг.

23

Часть II

В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ:

1917–1920 гг.

197

Часть III

АЗБУКА КОММУНИЗМА:

1917–1920 гг.

379

ПРИЛОЖЕНИЯ

649

Примечания

650

Именной комментарий

663

Список сокращений

719

Перечень документов

721

Научное издание

Е.А. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

Архивные документы и материалы:
1886–1920 гг

Составитель

М.М. Горинов

Именной комментарий

Н.А. Тесемникова

Редактор

Ю.Б. Живцов

Художественный редактор

Л.Ф. Егоренко

Компьютерный набор:

*Л.Б. Борисова, С.А. Воронина, Р.А. Григорьев,
Н.Н. Грунь, А.Н. Щиголева*

Компьютерная верстка:

Е.В. Горшкова, Л.А. Горшкова

Корректоры:

Е.И. Логачева, Г.С. Холодильна

Ответственный за выпуск

Е.М. Спозжников

Подписано в печать 28.12.05. Формат 70х100/16.
Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная. Печ. л. 45,5.
Тираж 500 экз. Заказ № 43

Издательство Главархива Москвы.
117393, Москва, Профсоюзная ул., 80.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО
«Московская типография № 6»
115083, Москва, Южнопортовая, 24